

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07855284 5

11930

МОСКВИТЯНИНЪ,

11930

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

НА 1851 ГОДЪ.

Часть VI.

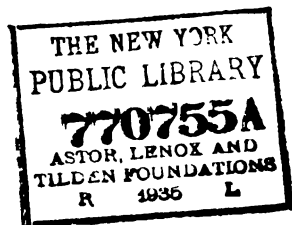

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ СТЕПАНОВОЙ И В. ГОТЬЕ.

1851.

12

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Октября 24
дня 1851 года.**

Ценсоръ *Д. Ржевскій.*

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 21.

Ноябрь.

Кн. 1.

БЕСѢДА ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКАГО СЛОВА

и

Арзамасъ,

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I^{го}

и МОЖ ВОСПОМИНАНІЯ.

Quondam meminisse juvabit.

Виргилій.

Не странусь участи пресловутыхъ говоруновъ Иліады, столь часто и неумолимо надоедавшихъ молодымъ сподвижникамъ своимъ, подъ стѣнами Трои — безконечною рвчью о быломъ, о примѣрахъ и урокахъ прошедшаго. Не надѣюсь и громкой похвалы, которою Омиръ почтилъ нѣкогда память словоохотнаго Нестора:

Τοῦ δ' ἄλλο' ὑλαῖσσε; ὑλυσσ' ὠν μέλιτο; ρεῖν ἄνδρ'!

Знаю, что эти страницы вызовутъ двусмысленную улыбку на ироническія уста юныхъ моихъ современниковъ. За то мало-ли, слава Богу, осталось въ живыхъ свидѣтелей и споручниковъ моихъ воспоминаній?

PERL, JAN 21 1935

Они-то по справедливости оценить правдивость мою, вѣрность впечатлѣній моихъ, и прочтутъ ихъ безъ скуки, съ радушнымъ участіемъ. Было время (сорокъ лѣтъ тому, и болѣе), было время, когда тихія занятія и мирная слава литератора казались мнѣ — отроку и юношѣ — завиднѣйшимъ удѣломъ въ мірѣ; вездѣ ловилъ я изищи е, оно очаровывало мое воображеніе, плѣняло всѣ помыслы души моей, и навело меня на спасительную истину. Съ тѣхъ поръ я разстался съ житейскою мечтою, взлѣтѣвшей молодость мою; полюбилъ спутника и пѣстуна болѣе строгаго. Но все-таки дорожу я памятью давно-минувшихъ дней, и нахожу невыразимое для себя наслажденіе въ безотвѣтной задушевной бесѣдѣ съ моими отстрадавшими современниками. Удастся-ли мнѣ передать сколько-нибудь мои мысли и впечатлѣнія о нихъ теперешнимъ читателямъ? Едва ли! Пусть однакожь будутъ они снисходительны къ скромному *дагерротипу*, на которомъ остались вѣрные слѣды солнечныхъ лучей, долго, долго посявъ ихъ мерцанія и заката.

Еще въ первые годы царствованія Александра Благословеннаго, самородный гений Державина догаралъ на небосклонѣ русской поэзіи, догаралъ, но не безъ яркихъ по временамъ проблесковъ его минувшей славы.

Старцу желалось окружить себя лучшими представителями изыскаго въ Россіи, сомкнуть свѣтлые ихъ ряды въ стройную дружину, и сосредоточеніемъ ихъ трудовъ оказать послѣднюю услугу русскому слову.

Державинъ постигалъ всю истину и силу достопамятныхъ словъ Ломоносова:

«Повелитель многихъ языковъ, языкъ россійскій, не только обширностью мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но и собственнымъ обиліемъ своимъ, великъ предъ всѣми въ Европѣ».

Вскорѣ около знаменитаго, вдохновеннаго старца, составилось общество подъ названіемъ: *Бесѣды А. Р. слова*. Въ уреченные дни поэты и прозаики, писатели заслуженные и новички, начали съѣзжаться въ домъ Гавріила Романовича, затѣйливый и своеобразный. Бесѣда имѣла свои частныя и публичныя засѣданія. Сии послѣднія бывали по вечерамъ и

отличались присутствіемъ многихъ постороннихъ слушателей, допускаемыхъ туда по билетамъ. Зала средней величины, обставленная жѣлтыми подъ мраморъ красивыми колоннами, казалась еще изящнѣе при блескѣ роскошнаго освѣщенія. Для слушателей вокругъ залы возвышались уступами ряды хорошо придуманныхъ сидалищъ. Посреди храмины музъ поставленъ былъ огромный продолговатый столъ, покрытый зеленымъ тонкимъ сукномъ. Около стола сидѣли члены бесѣды подѣ председательствомъ Державина, по мановенію котораго начиналось и перемежалось интересное чтеніе вслухъ, и часто образцовое. Здѣсь кромѣ Державина заставляли: А. Н. Оленингъ, А. С. Шишковъ, Озеровъ, Крыловъ, другъ его Гнѣдичъ, Жуковский, Муравьевъ-Апостолъ, Писаревъ, М. М. Сперанскій, Н. И. Соколовъ, и если не ошибаюсь, иногда Дмигріевъ и Карамзинъ. — Всѣхъ именъ не припомню; однакожъ и названныхъ здѣсь будетъ достаточно, чтобы современныхъ читателей нашихъ, такъ далеко опередившихъ время нашего разсказа и такъ богатыхъ гордымъ самосознаніемъ, убѣдить совершенно въ той истинѣ, что и намъ, тогдашнимъ гостямъ почетнаго сословія, было же чѣмъ погордиться и на что полюбоваться! Лирическая поэзія, драма, элегія, народная басня, языкознаніе, классическая литература и отечественная исторія, имѣли въ этомъ отборномъ кругѣ представителей достойныхъ себѣ. А кого, сверхъ чаянія, не убѣдитъ перечень именъ и личностей знаменитыхъ, тому скажемъ мы по просту: «чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ». Памятуй, что всѣ мы, не только по-тѣлу, но и по уму, имѣемъ прямыхъ *родоначальниковъ*, память ихъ и плодотворные примѣры, должны быть священны для насъ. Инако, пожалуй, легко попасть въ то жалкое и позорное *сиротство*, за которымъ вслѣдъ пойдутъ *безславіе* и *бездарность*.

Бесѣда Л. Р. С. составила не по одному только желанію Державина; она была выраженіемъ пламенной любви ко всему отечественному, родному—любви пробужденной роковыми событіями того времени. Россія, выдержавъ первое на нее нападеніе грознаго завоевателя на поляхъ Пултуска, Эйлау, Геймсберга и Фридланда, предчувствовала новую опа-

сности, новую славу, и готовилась къ отчаянной схваткѣ съ западною Европою. Земское всенародное ополченіе 1807 года можно назвать смотромъ нашихъ ратныхъ силъ, — въ бесѣдѣ, основанной Державинимъ, ополчались умственные силы образованнаго круга, затронутаго и взволнованнаго огромностію происшествій. Я никогда не забуду всеобщаго восторга, произведеннаго въ столицѣ представленіемъ Димитрія Донскаго, сперва въ эрмитажѣ, потомъ и на большомъ театрѣ.

Зрители ловили съ жадностію и заглашали рукоплесканіями и криками каждый звучный вдохновенный стихъ Озерова, въ которомъ заключался намекъ на оскорбленное достоинство Россіи, на подвиги храбрыхъ сыновъ ея. Въ особенности, когда генераль-адъютантъ Голеннищевъ-Кутузовъ, прилетѣвъ съ поля Эйлавы битвы, привезъ извѣстіе о страшномъ побоищѣ, на которомъ Русскіе грудью отразили превосходнаго числомъ непріятеля; когда сановитый вѣстникъ победы явился въ театральной ложѣ, во время самого представленія трагедіи, я былъ въ толпѣ зрителей; громогласное ура не умолкало почти ни на минуту; стѣны зданія, казалось, тряслись, вторя восклицаніямъ восторженныхъ слушателей. Какъ теперь помню, что Павелъ Васильевичъ Кутузовъ былъ предметомъ общаго вниманія, и что при каждомъ стихѣ, напоминавшемъ или неудачу подъ Аустерлицомъ, или кровавую славу Эйлавы боя, взоры устремлялись на мужественнаго витязя. Яковлевъ своею игрою превосходно олицетворялъ Донскаго; Семенова въ роли Ксеніи была очаровательна; Шущеринъ игралъ мастерски роль Нестора въ союзѣ русскихъ князей, старца Бѣлозерскаго; а Сахаровъ удачно передалъ разсказъ о Куликовской битвѣ.

При словахъ Димитрія:

Или къ пославшему и возвѣсти ему,
Что Богу русскій князь покоренъ одному.
Пусть цѣни тотъ влачить, кто ихъ сорвать не смѣетъ;
Въ могилѣ нѣтъ оковъ, — тамъ звукъ нашей пѣвноты.

Или въ другомъ мѣстѣ:

Умремъ какъ храбрѣе — и въ память нашимъ даль,
Чтобы надгробный дернъ надъ нами зелнѣлъ;
Чтобъ робкаго стопы къ нему не прикасались
И праху мысляю потомки поклонялись.

Далѣе:

Грядущи времена, сокрытыя отъ насъ,
Судьями нашихъ дѣлъ я призываю васъ;
Вы будете цвинтъ нашъ подвѣгъ знаменитой, и проч.

раздавалось перекатами могучее ура!

При описаніи битвы, на стихъ:

Россійскаго меча удары сильны, быстры — и проч.

слушатели остановили на нѣсколько минутъ весь ходъ живо-
трепещущаго представленія.

Кстати замѣтить, что Озеровъ былъ вѣрнымъ, мелодиче-
скимъ отголоскомъ своего времени. Въ Эдипъ онъ изобразилъ
первыя, мирныя годы царствованія Александра I-го; въ Ди-
митрію отразилось всенародное предчувствіе наступившихъ
бурныхъ лѣтъ борьбы всемірной. Но въ его Фингалъ и По-
ликсенъ высказалась гораздо рѣзче и печальнѣе личность
злуполучнаго поэта, обреченнаго страстію на всеожоженіе
генія!...

Таково было вліяніе событій на тогдашнее направленіе
отечественной словесности. Она по нравственной необходи-
мости болѣе нежели когда-нибудь сливалась съ нашими лѣ-
тописями, закалалась въ огнь испытаній, возмужала и
окрыпла.

Оттого-то и Бесѣда Л. Р. Слова въ составъ своею вмѣ-
щала столько людей государственныхъ по заслугамъ или по
предопредѣленію. Я былъ слишкомъ молодъ тогда, чтобы
имѣть доступъ въ заветное святилище изящнаго. Но мнѣ
смерть хотѣлось обратить на себя вниманіе отборнаго сосло-
вія писателей. Мои ребяческіе стихи не могли никакъ усто-
ять на судъ знатоковъ; оставалось одно средство: предста-
вить имъ образчикъ моихъ познаній классическихъ. Я ухва-
тился за разсказъ Оерамена въ Федръ Расина, переведенный
Державинимъ, и написалъ сравнительный разборъ трехъ раз-
сказовъ объ одномъ и томъ же мифѣ — Эврипида, Овидія и
франц. поэта, отправилъ трудъ свой къ секретарю Бесѣды
Писареву — и съ тѣхъ поръ мое бытіе стало извѣстнѣе на-
шему Парнасу на берегу Фонтанки. Гнѣдичъ встрѣтилъ меня
въ гостиныхъ и полюбилъ *pour l'amour du grec*. А. С.

Шишковъ радушно принялъ новый трудъ мой: *Опытъ о преподаваніи Россійскому юношеству Греческаго языка*, представилъ его на судъ собратій, и склонилъ ихъ прочесть отрывки изъ моего опыта, при первомъ публичномъ засѣданіи. Меня, разумѣется, пригласили на этотъ вечеръ, столько для меня памятный. Послѣ басень Крылова и другихъ изящныхъ произведеній, старецъ Шишковъ началъ читать вслухъ мои пламенные страницы — Гнѣдичъ хвалитъ — всѣ прочіе артисты почтили восемнадцатилѣтняго юношу своими ободряющими отзывами.

Какъ отрадно мечтать о славѣ на зарѣ жизни; но и того лучше разстаться дружески со всѣми земными мечтами передъ тихимъ ея закатомъ!

Съ Державинымъ я не былъ лично знакомъ, и бесѣдовалъ съ нимъ не иначе, какъ въ безсмертныхъ его твореніяхъ; въ нихъ замѣчалъ я слѣды не полного и не дозрѣвшаго образованія. Для изобилія мысли и чувствованій, въ самородномъ геніи Державина, русскій языкъ, еще не установившійся въ то время, не давалъ надлежащаго простора воображенію поэта, который не рѣдко обходился съ орудіемъ мысли, какъ обходится исполнить съ недорослемъ, т. е. жестко и невѣжливо. За то собравшаяся около великаго пѣвца Бесѣда Л. Р. Слова начала узаконять языкъ и готовить образцы для позднѣйшихъ писателей. Это была минута рѣшительнаго перелома въ пріемахъ и преданіяхъ искусства; но этотъ переломъ, какъ и всякій переворотъ въ нравственномъ мірѣ, не обошелся безъ пререканія и борьбы. Членъ Бесѣды Александръ Семеновичъ Шишковъ, морякъ по мундиру, литераторъ по призванію и страсти, первый выступилъ на поле жаркой полемики своею книгою: *о старомъ и новомъ слоgѣ*. Въ этомъ сочиненіи Шишковъ является попеременно, то суевѣрнымъ поклонникомъ старины, то умнымъ знатокомъ и цѣнителемъ несмѣтнаго богатства русской рѣчи. Его парадоксы рушились сами собою; однакожъ ему удалось поставить твердый оплотъ противъ легкомысленныхъ нововведеній испорченнаго вкуса и противъ рабскаго подражанія всему иноземному. Какъ теперь помню, что въ сочиненіи

Шишкова весьма многое восхищало меня и побуждало къ основательному изученію языка церковно-славянскаго. Шишковъ сдѣлался бы моимъ оракуломъ, если бъ въ прекрасной и полезной книгѣ его не смущали меня кой-какіе промахи. Напримѣръ, когда поборникъ стараго слога, обличая рабскіе переводы съ иностранныхъ языковъ и желая вразумить читателей своихъ примѣрами, говоритъ между прочимъ: каково было-бы перевести слово *préface* не предисловіемъ, а *предлишемъ*; или слово *trésor* буквальный переводомъ *презлитою*; тогда, увы! не возможно и ученику удержаться отъ смѣха. Наше общественное воспитаніе было таково, что иной умный писатель не могъ простираť [изысканій своихъ выше французскаго языка, т. е. до словъ *prélatio*, и *θησαυρός*, *thesaurus*. Со всѣмъ тѣмъ почтенный старецъ Шишковъ, въ области языка и словесности, оказалъ важную услугу своимъ сочиненіемъ. Съ тѣхъ поръ стали писать разборчивѣе и осторожнѣе, чуждаться галлицизмовъ, однимъ словомъ, лучше понимать и любить свое. А добросовѣстному защитнику русскаго слова суждено было въ послѣдствіи осуществить собственную теорію на поприщѣ государственной дѣятельности. Какъ государственный секретарь, онъ написалъ чистымъ языкомъ множество манифестовъ, въ которыхъ отразилось все изумительное величіе тогдашнихъ событій. И такимъ образомъ водимое любовью къ отечеству перо Шишкова врезало неизгладимыя черты на скрижаляхъ нашей современной исторіи.

Покромъ государственныхъ хартій, имъ написанныхъ, А. С. Шишковъ оставилъ по себѣ томъ записокъ, въ коихъ личность вѣрнаго слуги царскаго и патріота отпечатлѣлась простодушными разсказами о событіяхъ въ Дрисскомъ укрѣпленномъ лагерѣ и другихъ подробностяхъ службы его за границу. Въ 1814-мъ году, Шишковъ оставался на берегахъ Рейна въ Брухсалѣ и Баденѣ, при дворѣ Императрицы Елисаветы Алексѣевны. На конгрессъ Вѣнскомъ его не было. Наконецъ въ 1816-мъ году онъ въ послѣдній разъ писалъ во всеуслышаніе, и сдалъ должность Государственнаго Секретаря. Моя личная благодарность къ маститому и привѣтливому старцу, пережила длинный рядъ происшествій, увлекшихъ меня за

собою во Францію и Германію, на многіе конгрессы, ознаменовавшіе политическое возрожденіе Западной Европы. Въ 1823-мъ г. по званію члена Главнаго Правленія училищъ, я снова сблизился съ Шишковымъ, но увѣ! я засталъ уже въ немъ нравственную развалину.

Онъ видимо упадалъ духомъ и тѣломъ, тѣша себя подъ старость невинными причудами этимологическихъ открытій. Россійская Академія, корнесловъ и другія ученые затѣи, пріятнымъ образомъ наполнили многолѣтніе досуги думнаго старца. Известно, что онъ дожилъ до нынѣшняго, славнаго царствованія, и пожилъ еще подъ его державною сѣнію.

Обозрѣвая Бесѣду Л. Р. С. въ главныхъ ея членахъ, я умолчу о Карамзинѣ, чтобы не повтѣрить здѣсь моихъ прежнихъ воспоминаній о великомъ писателѣ и достополезномъ человѣкѣ, чья память мила и священна моему сердцу.

Во время составленія Бесѣды, слава Жуковского и Крылова еще была впереди; блескъ ея уподоблялся разсвѣту прекраснаго лѣтняго дня. Крыловъ, которому вмѣстѣ съ Пушкинымъ суждено было стяжать имя и завидный удакъ народнаго поэта, читалъ иногда басни свои въ засѣданіяхъ Бесѣды. Окутавъ бичъ умной сатиры пеленою дѣтскихъ, по видимому, разсказовъ, Крыловъ, *le bon homme*, какъ прозвали Французы своего Лафонтена, каралъ безпощадно всѣ слабости, причуды и пороки своего времени. Ему внимали съ безсознательнымъ и смѣшнымъ восторгомъ, всѣ мы, на счетъ кого издѣвался такъ ловко, такъ умно, великій критикъ нашего общественнаго быта. Его стихи стали переходить изъ устъ въ уста, наравнѣ съ пословицами и поговорками смѣливой старицы. Не смотря на мнимую мелочность басенъ Крылова, потомки наши безъ сомнѣнія отнесутъ и къ нему, неуклопому по наружности расказчику, дивные стихи Горация и Державина: *Exegi monumentum aere perennius*, и проч.

И памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ;
Ни вихрь его, ни громъ не словатъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушить!
Такъ, всѣхъ я не умру..... и проч.

Съ Крыловымъ сблизилъ и подружила Гнѣдича Императорская публичная Библіотека, въ зданіяхъ коей они помѣщались и служили вмѣстѣ. Гармонія между ними состояла изъ противоположностей самыхъ разкихъ; между ними не было ничего общаго, кромѣ добродушія и таланта. Крыловъ допрашивалъ животныхъ для обличенія и вразумленія людей; Гнѣдичъ погружался весь въ изученіе Иліады, чтобы усвоить русскому языку этотъ дивный памятникъ глубокой древности. Крыловъ большею частью предавался лѣности и нѣгъ иризаго воображенія; другъ его не жалѣлъ ни времени, ни трудовъ, для своей высокой цѣли. Ему, и въ послѣдствіи Жуковскому, Россія обязана чудными снимками съ Иліады и Одиссеи. Но для нашихъ знаменитыхъ друзей гостепріимный домъ Алексѣя Николаевича Оленина служилъ опорою и мѣстомъ соединенія, какъ онъ былъ нѣкогда и для злополучнаго Озерова. Спустя нѣсколько лѣтъ, Гнѣдичъ переехалъ въ Одессу для поправленія своего здоровья, подорваннаго огромнымъ переводомъ Иліады. Огдыхая въ нашемъ кругу, онъ любилъ рассказывать о связи и отношеніяхъ его къ Крылову. Нельзя забыть анекдота, сообщеннаго намъ тогда болынымъ поэтомъ. Живя съ Крыловымъ подъ одною кровлею, Гнѣдичъ весьма часто упрекалъ его въ лѣности и въ незнанія греческаго языка, какъ источника чистѣйшихъ умственныхъ наслажденій. Крыловъ на упреки друга обыкновенно отвѣчалъ равнодушнымъ молчаніемъ, какъ будто не принимая къ сердцу дружескихъ увѣщаній. Прошелъ цѣлый годъ, печальность подготовлена! однажды въ гостинной Алексѣя Николаевича, собесѣдники по внушенію Крылова навели разговоръ на Эллинскую словесность, Гнѣдичъ по обыкновенію попалъ на любимый предметъ, заговорилъ о греческой поэзіи съ жаромъ и одушевленіемъ знатока, и по старой привычкѣ громко жалѣлъ о томъ, что другъ его Крыловъ лишень удовольствія читать въ подлинникъ греческихъ писателей. Тутъ Крыловъ прехладнокровно взялъ со стола книгу твореній греческаго классика, и развернувъ ее на удачу, сталъ читать плавно, вслухъ, и переводить какъ нельзя лучше. Легко представить себѣ изумленіе Гнѣдича, веселый смѣхъ,

шутки и поздравленія присутствовавшихъ. Таковы были Крыловъ, и таковы прекрасные плоды сердечной пріязни между поклонниками изящнаго. При этомъ случаѣ я невольно вспомнилъ странное изреченіе знаменитаго Бюффона, который, разсуждая о гениѣ вообще, опредѣлялъ сущность его въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: *Le génie c'est la persévérance*. Крыловъ, какъ видно, обладалъ и тѣмъ и другимъ даромъ неба, и сочетаніе ихъ въ себѣ доказалъ на дѣлѣ. Но чтобы ближе подойти къ истинѣ, едва ли не слѣдуетъ нѣсколько измѣнить изреченіе Бюффона такъ: *Le génie sans la persévérance est stérile*, а по-русски: *гений безъ постоянства безплоденъ*. Истина столь же неопоримая, сколько и понятная здравому смыслу. Ибо кто изъ насъ не бывалъ поэтомъ во снѣ, героемъ у домашнего огонька и мудрецомъ въ отсутствіи вѣншиныхъ обилій? Такъ и гений: иначе творческій умъ въ человѣкѣ есть ничто, есть напрасный даръ, безъ силы силы, безъ рленія любви, неуклонно стремящихся къ задуманной цѣли.

Опасаясь измѣнить памяти моей, я не смѣю утверждать: принадлежалъ ли Сперанскій къ числу записныхъ членовъ Бесѣды. Несомнѣнно только то, что преобразователь дѣлюваго и государственнаго слога въ Россіи былъ могучимъ союзникомъ Бесѣды въ трудахъ ея.

Такимъ точно явился тогда на зарѣ жизни молодой инокъ Филаретъ, ширѣ Митрополитъ Московскій. Его письмо о причинахъ великихъ событій 1812-го г. обратило на юнаго мыслителя всеобщее вниманіе. Большинство свѣтскихъ читателей, удивляясь мѣткости и зрѣлости соображеній, недоумѣвало и какъ бы говорило: *откуда юному монаху премудрость сія*. Но Филаретъ въ то время, не смотря на молодость свою, уже стоялъ на духовной кафедрѣ, уже пѣтуилъ слушателей своимъ силою и глубиною слова; а съ духовной кафедры, какъ съ вершины горы, озаренный свѣтомъ истины, взоръ видѣтъ въ даль и обнимаетъ множество предметовъ. Вообще вліяніе тогдашнихъ событій на умы современниковъ обнаруживалось во всѣхъ созданіяхъ поэзіи и прозы; Озоровъ, Крыловъ, Гнѣдичъ, Жуковскій и Батюшковъ находили въ

душѣ своей созвучія новыя, и'облскали русскій стихъ самыми изящными формами. Здѣсь я строго отдѣляю свои политическія воспоминанія отъ литературныхъ. А потому неумѣстнымъ считаю распространяться о тѣсной и естественной связи между превратностями отечественной войны и лучшими произведеніями словесности, какъ проявленія затронутой народной жизни. Скажу только, что проза не отставала отъ поэзіи; онѣ обѣ вмѣстѣ возмужали среди опасностей и слезы отечества. Не удивительно, что на нихъ лежитъ особая печать вдохновенія и дѣятельности. Рядомъ съ лучшими поэтами, выше сего названными шли, тогда Сперанскій, Филаретъ, и Карамзинъ, по слѣдамъ коихъ въ послѣдствіи пошелъ Иннокентій; и всѣ они совокупными силами возвысили, образовали и узаконили русскую прозу. Умственный переворотъ совершился появленіемъ въ свѣтъ первыхъ восьми томовъ Исторіи Государства Россійскаго. Древняя Русь какъ-бы воскресла въ правдивомъ сказаніи Карамзина; она предстала намъ судьбою и зрительницею великихъ современныхъ подвиговъ. Нельзя не приписать дѣйствию небеснаго Промысла этого благотворнаго олицетворенія русской старины въ тѣ самые роковые дни, когда новая Россія начинала великое дѣло умиротворенія западной Европы.

Но всеиенская гроза начала утихать; время мало по малу уносило главныхъ дѣятелей словесности Екатерининскаго вѣка. Въ 1816-мъ и 1817-мъ годахъ, Исторія Карамзина, выходя изъ печати, занимала всѣхъ и каждого. Около кроткаго и привѣтливаго мудреца стало собираться юное поколѣніе литераторовъ. Составилось подъ названіемъ *Арзамаса* новое Общество писателей и любителей изящнаго, въ которомъ тотчасъ отразилась рѣзкая противоположность между XVIII и XIX столѣтіями. Важность бесѣды Л. Р. С., нѣсколько жеманная и натянутая, вдругъ замѣнена веселыми собраніями «Арзамаса», гдѣ господствовали непринужденность и разгулъ воображенія. Каждому члену усвоено шутиное прозвище; дневники или журналы засяданій писывались игривыми эксаметрами. Въ этихъ дружескихъ сѣздахъ расточалось много остроумія, сыпались шутки, высказывались не рѣдко мѣткія сужденія о современныхъ

произведеніяхъ словесности. Я говорю объ Арзамасѣ только по наслышкѣ и сношеніямъ моимъ съ С. С. Уваровымъ, Д. Н. Блудовымъ, В. А. Жуковскимъ, К. Н. Батюшковымъ, Д. П. Сиверинымъ и А. И. Тургеневымъ. Знаю однакожъ навѣрно, что въ пріятномъ кругу Арзамаса развязность и вспышки ума никогда не выходили изъ предѣловъ разборчиваго вкуса и приличія. Въ томъ ручалось благотворное вліяніе Карамзина, который въ теченіе своей жизни умѣлъ такъ удачно соединять пріятное съ полезнымъ, и примѣромъ своимъ умѣрять всѣ порывы личности самолюбивой. Въ 1818-мъ году, большая часть членовъ Арзамаса переехала въ Москву въ слѣдъ за царскимъ Дворомъ. Въ обновляемой древней столицѣ, каждая свѣжая развалина говорила уму и занимала каждое русское сердце. Тамъ у Дмитріева очень часто собирались Карамзинъ, Блудовъ, Кн. Вяземскій (*), Сиверинъ, Тургеневъ, и многіе другіе. Это время особенно памятно мнѣ, потому что Дмитріевъ и Карамзинъ благосклонно отозвались о первыхъ моихъ трудахъ; а Батюшковъ полюбилъ меня за статью мою: *мысли о любви къ отечеству*, помѣщенную въ журналѣ Н. Ч. Общества. Тогда-же изъ Царскосельскаго Лицея выступили на поприще общественной жизни: князь Горчаковъ, Дельвигъ, Ломоносовъ, и Пушкинъ. Юное поколѣніе уже тѣснило насъ и готовилось смѣнить собою прежнихъ тружениковъ русской словесности и самовидцевъ всемірной борьбы. Слава Жуковского росла вмѣстѣ съ славою Россіи; *Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ* искусною рукою переносилъ на русскую почву лучшіе цвѣты всѣхъ современныхъ литературъ. Въ Жуковскомъ, какъ и въ Карамзинѣ, я съ восхищеніемъ находилъ всѣ черты, составляющія идеалъ истиннаго поэта и великаго писателя. Оба они не только въ твореніяхъ своихъ, но и въ домашнемъ быту и въ обществѣ, остались вѣрными высокому призванію, которое состоитъ въ томъ, чтобы настроенность.

(*) Кн. П. А. Вяземскій, писатель по внутреннему призванію, а не по образу занятій. Каждое произведеніе его, въ прозѣ-ли оно или въ стихахъ, похоже на жемчужину безъ нитки, въ богатой оправѣ съ радужными отблесками нѣжнаго ума, вѣрнаго вкуса и чувства не поддальнаго. Очень жаль, что дескать эти жемчужины остаются какъ будто растерянными въ безчисленныхъ поврежденныхъ изданіяхъ.

свѣтлой души постоянно согласовалась съ направлениемъ творческаго ума въ области изящнаго. Однажды, зашедши къ Тургеневу, я засталъ у него молодого Пушкина, въ комъ Карамзинъ и Жуковский предугадывали и лелѣли развивающійся высокій даръ. Принесли къ Тургеневу новый портретъ Жуковского, и тутъ-же Пушкинъ, любясь имъ, написалъ слѣдующіе къ нему стихи, многіе уже извѣстные:

Его стиховъ изыскательная сладость
Пройдетъ въковъ завистливую даль;
И внемля имъ, вздохнуть о славы младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И разная задумается радость.

Тургеневъ былъ внѣ себя отъ радости и показывалъ мнѣ съ добродушною гордостью стихи, только что начертанные питомцемъ Лицея. Но еще рано высказывать мои воспоминанія о Пушкинѣ; онъ вмѣстѣ съ блестящимъ строемъ его послѣдователей только что вступалъ на поприще большаго свѣта, и сознанія творческаго ума его принадлежать другому порядку вещей, почерпнуты изъ инаго источника поэтическихъ впечатлѣній. Скажу еще нѣсколько словъ о Батюшковѣ, которому суждено было пережить самого себя, и доживать вѣкъ свой въ глубокомъ уединеніи на сѣверѣ. Я познакомился съ нимъ чрезъ посредство Д. П. Сѣверина, и, какъ сказано выше, по случаю статьи моей: *о любви къ отечеству*. Кроткая, мило-видная наружность Батюшкова согласовалась съ неподражаемымъ благозвучіемъ его стиховъ, съ пріятностью его плавной и умной прозы. Онъ былъ моложавъ, часто застѣнчивъ, сладкоречивъ; въ мягкомъ голосѣ, и въ живой, но кроткой бесѣдѣ его, слышался какъ-бы тихій отголосокъ внутренняго гнѣва. Однако подъ пріятною оболочкою таилась ретивая, пылая душа, сжигаемая честолюбіемъ. Еще будучи отрокомъ, Батюшковъ отличился и получилъ нѣсколько тяжелыхъ ранъ на полѣ чести (*). Поэзія, для которой онъ былъ рожденъ, успокоила на время порывъ души его и тревогу помысловъ честолюбивыхъ, но только на время ибо, не въ добрый часъ задумалось Батюшкову сдѣлаться дипломатомъ, и тогда-то встрѣ-

(*) Ночь Прейсшп-Гайму. Его вынесли полумертваго изъ груди убитыхъ и раненыхъ товарищей.

тились мы въ Петербургъ, передъ самымъ назначеніемъ и отъездомъ его въ Псаполь, въ качествѣ сверхъ-штатнаго секретаря при русскомъ посольствѣ. Тамъ у могилы Виргилія подъ яснымъ и прозрачнымъ небомъ южной Италиі, на перекоръ призванію своему, истинный поэтъ простился съ поэзіею на вѣки. Утомленный обрядовою частью службы и гнетущимъ механизмомъ канцелярскихъ занятій, съ коими соединялись личныя отношенія, не весьма пріятныя, Батюшковъ началъ унывать, дичиться и упадать духомъ. Послѣ многихъ безплодныхъ усилій и продолжительной душевной пытки, Батюшковъ, измученный, возненавидѣлъ людей, свое дарованіе; сжегъ, какъ увѣряютъ, переводъ Данте, имъ предпринятый, уѣхалъ обратно на родину, въ которой встрѣтили однакожъ одну лишь развѣнчанную тѣнь его. Батюшковъ живетъ доселѣ загадочною жизнію, такъ много нѣкогда общавшею. Но бессмертная душа поэта, словно одинокая звѣзда, заслоненная отъ нашего взора чернымъ облакомъ, невидима землѣ, но движется и сіяетъ для неба. (*)

Бытіе и дѣятельность Арзамаса были не долговѣчны. *Мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями*, сказала когда-то Карамзинъ, въ рѣчи, произнесенной имъ при вступленіи въ Россійскую Академію. Осмыслимъ примолвить дополняя высказанную истину неизбѣжнымъ ея выводомъ: *и такъ же скоро оплываемъ*. Впрочемъ Арзамасъ посвященъ былъ не столько

(*) Здѣсь мѣсто упомянуть объ А. Хр. Востоковѣ. Заслуги его, какъ грамматика и знатока русскихъ древностей, давно уже оцѣнены просвѣщенными любителями наукъ. Но теперь, можетъ быть, мало кому изъ насъ памятенъ *Лирическіе опыты* его молодости. Мы съ нимъ ровесники; я когда-то страстно любилъ, изучалъ и всреинамалъ его стихи задумчиво-прекрасные, въ которыхъ дышетъ истинный лиризмъ, и имѣлъ читателя классическое разнообразіе разнорѣчъ. Но лира Востокова занемала еще до наступленія великой эпохи 1812-го г., вызвавшей на поле сугубой славы Дениса Давыдова, Глинку и многихъ другихъ извѣстныхъ ратоборцевъ. О. Глинка и кн. Сергій Шихматовъ (въ монашествѣ Аннинскій), по слѣдамъ великаго Ломоносова создали у насъ поэзію собственно духовную. Первый изъ нихъ принадлежитъ еще и нынѣ отборному строю замѣнителей современниковъ; а послѣднему я давно уже посвятилъ нѣсколько страницъ, въ которыхъ высказались вполне благодарная любовь моя къ святому подвижнику и чувство благоговѣнія къ его священной памяти.

труду, сколько пріятному досугу и развлеченію. Многимъ изъ членовъ этого общества, занятымъ государственною службою въ высокихъ должностяхъ, некогда было платить дань изящной словесности. Въ такомъ именно положеніи находились тогда: С. С. Уваровъ, Д. П. Блудовъ, Д. В. Дашковъ, А. И. Тургеневъ и Д. П. Сьверинъ. Жуковскій, удостоившійся званія и должности наставника при Государь Наслѣдникъ престола, одинъ не переставалъ посвящать досуги свои изящнымъ произведеніямъ. Его переводы Шиллера, Гёте и простонародныхъ разсказовъ Аллеманскаго поэта на Швабскомъ нарѣчій, постоянно удивляли насъ печатью невиданнаго дотогѣ совершенства. *Дѣва Орзанская* ожила въ чудныхъ его стихахъ. Къ Жуковскому по преимуществу можно отнести слова Боалдъ: *Il ne traduit pas, il jointe avec son auteur*. Но въ твореніяхъ Жуковскаго много и своего собственнаго. *Пѣснь о станѣ русскихъ воиновъ, и посланіе къ Императору Александру 1-му* останутся на всегда живыми памятниками славныхъ дней съ 1812-го по 1816-й годъ, т. е. славы побѣдъ надъ Европою и ея умиротворенія.

Пушкина въ 1825-мъ г. за шалость его музы выслали изъ столицы въ Бессарабскую область подъ надзоръ тамошняго Намѣстника почтеннаго Генерала Инзова. Молодому баловню собственнаго таланта грозила тогда участь нѣсколько строже удаленія изъ столицы. Но Карамзинъ сталъ за него ходатаемъ и поручителемъ; и Пушкинъ, захавъ въ южную Россію, умерилъ порывы своего характера подъ кроткимъ и отечественнымъ вліяніемъ Инзова—старца по истинѣ богомудраго. Ему довелось тогда посѣтить живописныя горы и ущелія Кавказа, быть свидѣтелемъ необыкновеннаго движенія и прилива людей въ Бессарабіи, по случаю происшествій, совершавшихся въ Молдавіи и Валахіи. По сему не удивительно, что красоты природы и близкія явленія современности, какъ волшебный жезлъ прикоснулись къ воспріимчивому воображенію молодаго поэта, и вызвали изъ души его безсмертныя поэмы, каковы: *Кавказскій плытникъ* и лучшія пѣсни *Онгина*. Въ 1824-мъ и 1825 годахъ мнѣ довелось часто встрѣчаться съ Пушкинымъ въ Одессѣ. Неукротимый духъ его, въ ту эпоху

еще не дозрѣвшій, видимо чуждался меня, какъ чловѣка гордившагося оковами собственной мысли. Однако, не смотря на такое предубѣжденіе, я съ удовольствіемъ припоминаю, что однажды, за обѣдомъ у моей сестры, сидя другъ подле друга, я успѣлъ (впрочемъ безъ всякаго намѣренія) овладѣть полнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ Пушкина. Мы бесѣдовали о прошломъ и современномъ; говоря о Турціи, о восточныхъ христіанахъ, единовѣрныхъ намъ, я излагалъ передъ нимъ причины сохраненія ихъ народнаго духа и вѣры подъ властью Мусульманъ. Пушкинъ не зналъ, что на Востокъ церковные Пастыри исполняютъ должность судей и начальниковъ гражданскихъ, что вѣра и духъ народный безъ всякаго принужденія утвердили за ними эту вѣковую и спасительную власть, въ замѣнъ порабощенія иноплеменикамъ, и какъ-бы въ залогъ будущаго. Перейдя потомъ отъ сего поучительнаго явленія къ зиждительной силѣ и вліянію христіанской вѣры вообще, я сказалъ между прочимъ Пушкину: теперь, то и дѣло говорить о мечтательной политической свободѣ; а знаемъ ли, что въ Евангеліи, въ которомъ заключены всѣ высшія истины, мы обрѣтаемъ опредѣленіе истинной свободы. Господь сказалъ: *Познайте истину, и истина свободуетъ васъ свободными*. Заклочите-же изъ сего божественнаго изрѣченія, что гдѣ нѣтъ *внутренней* свободы, тамъ нѣтъ и *внѣшней*. Собесѣдникъ мой при этихъ словахъ изъяснилъ простодушное удивленіе и сердечное участіе. Кто знаетъ, не началъ-ли онъ съ тѣхъ поръ заглядывать почаще въ святое Евангеліе. Такъ невольное движеніе руки или нечаянное дуновеніе вѣтра иногда заносятъ очень далеко сѣмя, обреченное будущему плодотворенію! Въ послѣдствіи глубокій умъ Пушкина, какъ всякому извѣстно, остепенился, окрыгъ, возмужалъ и подарилъ словесность нашу драгоценными начатками на поприщѣ исторіи. *Борисъ Годуновъ*, *Капитанская дочка* и наконецъ исторія *Пугачевского бунта*, рѣзко обозначили переходъ этого рѣдкаго гѣнія изъ области мечтаній къ постиженію существенности, не менѣе изящному. И чего не обѣщало Россіи новое, высокое направленіе способностей Пушкина! Но одинъ мгновенный взрывъ страсти неукротимой погубилъ всѣ сіи надежды въ лучшемъ ихъ цвѣтѣ.

Насильственная смерть Пушкина заставляет меня невольнымъ образомъ вспомнить о Грибовдовѣ. Къ обоимъ можно отнести печальный выразительный стихъ:

Abstulit atra dies et funere mersit acerbo!.

Я зналъ Грибовдова при самомъ началѣ дѣятельности его на поприщѣ словесности и службы. Подобно Батюшкову, онъ домогался должности дипломатической; и съ этою цѣлю искалъ моего знакомства. Свѣтлый умъ, крутой нравъ и смѣтливая физіономія Грибовдова, понравились мнѣ. Пользуясь тогдашнимъ положеніемъ моимъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, я вступился, сколько могъ, за благороднаго искателя, и предложилъ ему на выборъ должности канцелярскаго чиновника въ Филадельфіи и Тегеранѣ. Грибовдовъ колебался; я указывать ему безпристрастно на относительную важность этихъ посольствъ, изысканную связію каждого изъ нихъ съ прямыми выгодами Россіи. Мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ предпочелъ Америку Персіи, потому только, что болѣе надѣялся на правила и образъ мыслей новаго начальника этой отдаленной миссіи, Барона Тейля, съ которымъ я подружился на зимнихъ бивакахъ 1812-го г., при Березинѣ. Однакожъ я познакомилъ Грибовдова лично не только съ нимъ, но и съ Ст. Сов. Мазаровичемъ; оба они находились въ столицѣ и собирались въ путь, каждый сообразно своему назначенію. Грибовдовъ самъ рѣшилъ участь свою и отправился въ Персію. По заключеніи Турхманчайскаго мирнаго договора, Грибовдовъ пріѣзжалъ на время въ столицу, но забылъ и даже не спрашивалъ обо мнѣ. Ему везло: осыпанный царскими милостями, онъ уѣхалъ обратно въ Тегеранъ—повѣреннымъ въ дѣлахъ, по видимому стремясь къ новымъ заслугамъ и почестямъ; а въ самомъ дѣлѣ ожидала поэта жестокая насильственная смерть! Никогда въ жизни не случилось со мною быть столь близкимъ очевидцемъ при выборѣ самымъ страдальцемъ собственного таинственного жребія.

Послѣ всего, что пересказалъ и обсудилъ я въ настоящихъ очеркахъ прошедшаго, читатели Москвитянина, надѣюсь, не скажутъ, что я не далъ простора моимъ литературнымъ воспоминаніямъ, и что, не заплативъ должной дани матери Музъ—Мнемозинѣ, безъ оглядки спышу къ предѣлу всѣхъ впе-

чатлѣній зсмныхъ. Пусть почтенные современники послѣдуютъ моему примѣру — и характеристика словесности времени Александра I-го будетъ готова. Мнѣ пора умолкнуть и заключить свой пестрый разсказъ, изъ уваженія къ совѣту Горация: *semper ad eventum festina*. И такъ я приступаю теперь къ прощальному взгляду на бывшее и къ окончательнымъ изъ него выводамъ.

Всматриваясь пристально въ главнѣйшія проявленія умственной нашей жизни съ 1805-го года до тридцатыхъ годовъ XIX вѣка, нельзя не замѣтить могучаго непреоборимаго вліянія вселенскихъ событій на русскую словесность. Отечественная война съ ея роковыми предзнаменованиями и послѣдствіями выдвинула умы изъ коленъ устарѣлыхъ формъ и условныхъ понятій, по которой до тѣхъ поръ лѣниво тянулась наша словесность.

Бесѣда Л. Р. С. возвѣстила и приготовила пробужденіе въ насъ живой мысли, устремленной къ созданіямъ изящнымъ. *Арзамасъ*, въ свою очередь, содѣйствовалъ дальнѣйшему развитію творчества *неподдѣльнаго* — потому что оно одушевлялось и дышало великими происшествіями. Таковъ общій удѣлъ, таково коренное свойство человеческого ума. Ему необходимы обильныя впечатлѣнія отъ, сильныя прикосновенія къ нему судебъ Всевышняго. Безъ нихъ, умъ нашъ уподобенъ *кремлю*, заброшенному гдѣ-то въ глуши, въ жилахъ котораго затаился небесный огонь никѣмъ не подозрѣваемый въ теченіе вѣковъ, доколѣ случайный ударъ не высѣчетъ изъ него свѣтозарной искры. Тоже бываетъ и въ нравственномъ порядкѣ вещей. Какъ скоро движеніе умовъ, произведенное 1812-мъ годомъ, начало утихать, — обнаружилась у насъ потребность впечатлѣній новыхъ. И онѣ нашлись для поэтовъ на высотахъ и за предѣлами Кавказа. Поколѣніе, шедшее по слѣдамъ Арзамаса — Пушкинъ, Лермонтовъ, Марлинскій и Тепляковъ, почерпнули свѣжее вдохновеніе изъ сего богатаго, нетронутаго источника. Не будь для насъ Кавказа, баснословной Колхиды и многострадаальной Грузіи, съ исполинскими памятниками тамошней природы и съ священными развалинами христіанскаго міра, — не будь этой

чуждой смѣси Востока и Запада, нѣги и воинственнаго духа въ строптивыхъ племенахъ горцевъ, — гдѣ бы нашимъ поэтамъ можно было найти новую обильную жатву для воображенія и таланта!

Конечно, дарованіе высокое никогда и нигдѣ не обнищаетъ; всюду съумѣетъ найти для себя пищу. Разительное доказательство сей утѣшительной истины мы находимъ въ произведеніяхъ глубокомысленнаго созерцателя внутренней и вѣншей человѣческой жизни, Н. В. Гоголя. Онъ пишетъ прямо съ натуры, какъ она проявляется въ русскомъ быту, не заимствуя предметовъ искусства издалека. Таково особенное призваніе современнаго намъ поэта-наблюдателя, чья слава возрасла и утвердилась во мнѣніи мыслящихъ людей именно съ тѣхъ поръ, какъ подверглась сильному пререканію.

По слѣдамъ лирическихъ пѣвцовъ и романтиковъ, въ закавказскую страну обратились и зоркіе наблюдатели. Почитатели древней святыни, любители изящныхъ искусствъ, этнографы и испытатели природы, наперерывъ занялись разработкою богатаго рудника, въ которомъ на каждомъ шагу столько-же познаній и наслажденій, сколько и опасностей. Между ними еще недавно А. Н. Муравьевъ обозрѣвалъ Грузію, Карталинію, часть Арменіи и Мингрелію, съ намѣреніемъ изучить чудный край сей по его христіанскимъ памятникамъ и летописямъ. Путешествію его мы обязаны превосходнымъ сочиненіемъ: *Грузія и Арменія*, величественною по истинѣ картиною закавказскихъ странъ, людей и воспоминаній. Нельзя было впрочемъ ожидать менѣе отъ автора столь многихъ твореній, обогатившихъ словесность нашу бібліотекою назидательныхъ и пріятныхъ книгъ. И подлинно, съ 1830-го г. донинѣ, А. Н. Муравьевъ, принадлежащій юному поколѣнію нашихъ писателей, умѣлъ осуществить и оправдать высокое свое призваніе; оно, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы сблизить и сроднить на Руси изящную словесность съ духовною. Благоговѣнный поклонникъ Св. мѣстъ, историкъ св. града Іерусалима, истолкователь священныхъ обрядовъ православія, зоркій наблюдатель современнаго Рима, поборникъ чистаго ученія Церкви, убежденный и убеждающій, трудился въ про-

долженіи 20-ти лѣтъ съ удивительнымъ единствомъ мысли, съ увлекательнымъ разнообразіемъ въ подробностяхъ. Его высокое дарованіе нисколько не измѣнилось, но постепенно возрастало и достигло совершенной зрѣлости въ последнемъ произведеніи благотворнаго пера,—я разумно: *Письма съ Востока*. Согласитесь, мои благосклонные читатели, что ничѣмъ и никѣмъ не могъ я лучше довести до настоящихъ дней длинную нить моихъ воспоминаній. Онѣ уже уносятся отъ меня въ туманную даль, словно вереница перелетныхъ птицъ, привлеченныхъ раннею весной, но которымъ страшна утрюмая осень. (*)

А. Стурдза

Изъ села Манамря.
28-го Сентября
1881 г.

(*) Говоря о писателяхъ новаго поколѣнія, я называю по имени только тѣхъ, кому посчастливилось заживо внести имена свои въ лѣтопись русскаго слова. Прочтѣ, подсудимыхъ потомства, скажу не обинуясь, какъ и самому себѣ: права и притязанія наши на безсмертіе сомнительны, доколѣ не упрочила ихъ по крайней мѣрѣ земская десятилѣтняя давность.

Н О М И К Ъ.

РАЗСКАЗЪ.

СОБРАНИЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

I.

Нижеслѣдующая сцена происходила въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ Ж. — Аполлосъ Михайлычъ Дилетаевъ, сидя въ своей прекрасной и даже богато-меблированной гостиной, говорилъ долго и говорилъ съ увлеченіемъ; убѣдительныя слова его были, по преимуществу, направлены на сидѣвшаго противъ — высокаго, худаго и косаго господина, который ему возражалъ. Прочіе слушатели были: молодая дѣвица, чрезвычайно мило причесанная, — она слушала очень внимательно; помѣщавшійся чевдалекъ отъ нея толстый и плешивый мужикъ, который тоже старался слушать, хоть и зевалъ по временамъ; наконецъ четвертый, — это былъ очень пріятный и очень искренній слушатель; съ самою одобрительною улыбкою онъ внималъ то Аполлосу Михайлычу, то косому господину, смотря по тому, кто изъ нихъ говорилъ. Были, впрочемъ, еще двое собесѣдниковъ, но они совершенно не прислушивались къ общему разговору, сидѣли вдали отъ прочихъ, и, должно быть, пересмѣивали ихъ. — Это были: молодая дама, стройная и нарядная, и молодой человекъ, тоже стройный и одѣтый съ большими претензіями на франтовство.

Толстый мужикъ былъ мѣстный судья — Осипъ Касьянычъ Ковычевскій, человекъ, говорить, необыкновенно практически-умный и великій мастеръ играть въ коммерческія игры; пріятный слушатель — Юлій Карловичъ Вейсборъ. — Онъ былъ очень любимъ всѣмъ обществомъ, но, къ несчастію, имѣлъ огромное семейство и при томъ больную жену, которая соб-

ственно родинами и истощена была; у нихъ живыхъ было семь сыновей и семь дочерей; но что болѣе всего жалко, такъ это то, что Юлій Карловичъ, по добротѣ своего характера, никогда и ничего не успѣлъ пріобрѣсть для своего семейства, и потому очень нуждался въ средствахъ. Нарядная дама пріѣхала въ городъ лечиться. Это была прелестная женщина, — немного, конечно, важничала, и все бредила столицею, въ которой была всего одинъ разъ, и то семи лѣтъ, но, вѣроятно, это происходило отъ того, что она имѣла значительное состояніе. Сидѣвшій рядомъ съ нею молодой человѣкъ приходился хозяину племянникомъ, и служилъ въ Петербургъ въ какомъ-то департаментѣ писцомъ, а теперь пріѣхалъ на три мѣсяца въ отпускъ. Онъ тоже очень восхищался столичною жизнью. Молодая дѣвица была его родная сестра; она воспитывалась и постоянно жила у Аполлоса Михайлыча. Что касается до сего послѣдняго, то всѣ его знакомые объ немъ говорили, что онъ былъ человѣкъ большаго ума, чрезвычайной начитанности, высшаго образованія и необыкновенно тонкаго обращенія. Имѣя значительное состояніе, онъ жилъ всегда въ обществѣ, но не сходилъ съ нимъ въ главныхъ интересахъ, то есть рѣшительно не игралъ въ карты, смѣялся надъ танцевальными вечерами, а занимался болѣе искусствами и сочинялъ комедіи. Ко всему этому я долженъ прибавить, что, не смотря на свой пятидесятилѣтній возрастъ, Дилетаевъ былъ еще очень любезенъ съ дамами, и имѣлъ кой-какіе виды на одну вдову, Матрону Матвѣевну Рыжову. Косой господинъ былъ тоже любитель театра, но только собственно трагедіи и драмы. Онъ слытъ въ обществѣ за чудака, но, впрочемъ, имѣлъ порядочное состояніе, держалъ музыку, и былъ холостякъ, — имя его Никонъ Семенычъ Рагузовъ.

Споръ между хозяиномъ и косымъ господиномъ зашелъ очень далеко: оба они начали даже кричать.

— Дикая и варварская мысль, произнесъ косой гость.

— Я съ вами уже болѣе не спорю. Вы неизлечимы, отвѣчалъ хозяинъ, а спрошу вашего мнѣнія, господа.

— Я совершенно съ вами согласенъ, отвѣчалъ пріятный слушатель.

— А вы? спросил Аполось Михайлычъ, обращаясь къ плешивому мужчине.

— Вы говорите на счетъ комедіи? спросилъ тотъ.

— Да, на счетъ комедіи. Я говорю, что это тоже высшій сортъ искусства.

— Ваша правда, дѣйствительно высшій сортъ.

Косой господинъ вскочилъ.

— Драму-то вы, милостивые государи, вскрикнулъ онъ, куда дѣваете? Какъ вы драму-то уничтожаете съ вашей комедіей?

— Опять вы не понимаете того, что вамъ говорятъ, возразилъ хозяинъ. Никто и не думаетъ уничтожать вашей драмы. Мы сами очень любимъ и уважаемъ драматическіе таланты, но въ тоже время понимаемъ и комедію, говоримъ, что и комедія есть тоже высокое искусство.

— Да — искусство, но только балаганное, замѣтилъ насмѣшливо косой господинъ.

Хозяинъ покатился со смѣху.

— Ну, Никонъ Семенычъ! сказалъ онъ, махнувъ рукою, вы говорите такія уморительныя вещи, что вамъ даже и возражать нечего, а надобно только смѣяться.

Никонъ Семенычъ поблѣднѣлъ.

— Смѣяться я самъ умѣю громче вашего, но не смѣюсь, хоть ваши мнѣнія и дерутъ мнѣ уши, возразилъ онъ.

— Мои мнѣнія не могутъ драть ни чьихъ ушей, перебилъ хозяинъ: я ихъ высказывалъ въ столицахъ, и высказывалъ людямъ, понимающимъ театръ. И наконецъ: я мои мнѣнія, Никонъ Семенычъ, печаталъ и даже совѣтовалъ бы вамъ ихъ прочесть — онъ во многомъ могутъ исправить ваши понятія.

— Я ужъ старъ учиться, особенно по вашимъ печатнымъ мнѣніямъ.

— Учиться никогда не поздно.... Вотъ это мнѣ въ васъ и неспріятно: вмѣсто того, чтобы хладнокровно разсуждать объ нашемъ дѣлѣ, вы припугиваете вашу личность и говорите потому дерзости! Я, конечно, вамъ извиняю, потому, что вы человекъ энергическій, съ пылкими страстями и воображеніемъ, однимъ словомъ — Богъ вамъ судья — вы трагикъ, но, во всякомъ случаѣ, не мѣшайте дѣла съ бездѣльемъ.

— Кто-жъ вамъ мѣшаетъ? что вы хотите этимъ сказать? перебить косою господинъ. Вамъ самимъ было угодно пригласить меня сегодня на вечеръ, и я, кажется, сейчасъ-же могу освободить васъ отъ моего присутствія.

— То-то вотъ и есть, что вы все сердитесь, а хорошенько не хотите выслушать, возразилъ Аполлосъ Михайлычъ. Дѣло наше очень просто и не головоломно: мы затѣваемъ благородный спектакль — во первыхъ, для собственнаго удовольствія, во вторыхъ, для удовольствія нашихъ знакомыхъ, и наконецъ, чтобы благороднымъ образомъ сблизить общество, и дать возможность нѣкоторымъ талантамъ показать себя; но мы прежде всего должны вспомнить, что у насъ очень бѣдны матеріальныя средства: у насъ нѣтъ залы, мало денегъ, очень не положъ оркестръ. Принявши все это въ расчетъ, мы и говоримъ, что должны играть какую-нибудь хорошую, но не многосложную комедію. — Справедливо ли я, господа, говорю? заключилъ хозяинъ, обращаясь къ слушателямъ.

Господа, за исключеніемъ косаго, кивнули, въ знакъ согласія, головою.

— Играйте бессмысленные водевили, кто вамъ мѣшаетъ! произнесъ Никонъ Семенычъ.

— Нѣтъ-съ, мы не водевили будемъ играть, но, какъ люди образованные, можемъ сыграть пьесы изъ хорошаго круга. Я предлагаю мою комедію, которую всѣ вы знаете, и которая нѣкоторымъ образомъ одобрена вами, а въ заключеніе спектакля, мы дадимъ нѣсколько явленій изъ *Женитьбы* Гоголя — пресмышней фарсъ, — я видѣлъ его въ Москвѣ и хохоталъ до упаду.

— Я не могу участвовать, сказалъ трагикъ.

— Отъ чего же не можете? Для васъ именновъ этомъ-то фарсѣ есть прекрасная роль, которую вы отлично сыграете. Это роль Кочкарева — этакого живаго, смышнаго чудака. Въ васъ самихъ много живости и развязности: говорите вы вообще громко и рѣзко.

— Благодарю васъ за опредѣленіе моего амплуа, перебилъ обиженно-насмѣшливымъ голосомъ трагикъ, но только я не принимаю на себя этой чести. Дураковъ я никогда не игралъ, и не понимаю ихъ, да и не знаю, стоить ли труда заниматься этими ролями.

— Я одного только не понимаю, началъ хозяинъ, — о чемъ вы беспокоитесь. Я прежде вамъ говорилъ, и теперь еще повторяю, что собственно для васъ мы согласны поставить сцену или двѣ изъ Гамлета, напримеръ — сцену его съ матерью: комната простая и не большая; стоитъ только къ нашей голубой декорации придѣлать занавѣсь, за которымъ долженъ будетъ кто-нибудь лежать Полоніемъ. Дарья Ивановна сыграетъ мать; вы — Гамлета — и прекрасно!

Что вы такое говорите, Аполлосъ Михайлычъ, я сыграю? спросила сидѣвшая вдали дама.

— Я говорю, что вы сыграете, въ сценѣ съ Никономъ Семенычемъ, Гертрудю, мать Гамлета.

— Помилуйте, я ничего не умѣю играть! Клянусь вамъ честію, я съ перваго же слова расхохочусь до истерики.

— Вы будете смѣяться, а этотъ господинъ плакать, — это будетъ удивительно эффектно, замѣтилъ шопотомъ, сидѣвшій около нея, молодой человекъ.

— Нѣтъ, вы ужь не извольте отказываться! Вы сыграете, и сыграете отлично, возразилъ хозяинъ. Ваша наружность, ваши манеры — все это какъ нельзя лучше идетъ къ этой роли.

Трагикъ, слушавшій эти переговоры съ нахмуреннымъ лицомъ, всталъ и взялся за шляпу.

— Куда же вы? спросилъ хозяинъ.

— Нужно съ домой, отвѣчалъ гость.

— Вы все сердитесь, но за что же? для васъ ужь есть пѣса, гдѣ вы можете себя показать.

— Я не хочу себя показывать въ какой-нибудь выдернутой сценѣ, въ которой я долженъ буду плакать, а на мои слезы станутъ отвѣчать смѣхомъ.

— Но согласитесь, любезный Никонъ Семенычъ, по-крайней мѣрѣ съ тѣмъ, что не можемъ-же мы поставить цѣлую драму.

— Я противъ этого и не спорю. Нельзя поставить драму, а я не могу играть, потому что мое амплуа чисто драматическое, и потому что я съ вами никогда не соглашусь, чтобы ваша комедія была высшій сортъ искусства.

— Объ этомъ я уже съ вами говорить не хочу. Въ этомъ отношеніи, какъ я и прежде сказалъ, вы неизлечимы, но бу-

деште разсуждать собственно о нашем предметъ. Цѣлой драмы мы не можемъ поставить, потому, что очень бѣдны наши матеріальныя средства, — сцены одной вы не хотите. Въ такомъ случаѣ составимте дивертисманъ, и вы прочтете что-нибудь въ дивертисманъ — драматическое, на примѣръ: *Братья разбойники*, или что-нибудь подобное.

— Кто же будетъ играть другихъ разбойниковъ? спросилъ трагикъ, которому видно понравилась эта мысль.

— Въ разбойникахъ мы не затруднимся. Разбойниками могутъ быть и Юлій Карловичъ, произнесъ хозяинъ, указывая на пріятнаго слушателя, и Осипъ Касьянычъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ толстому господину, и наконецъ вашъ покорный слуга и Мишель, заключилъ Аполлосъ¹ Михайлычъ, кивнукъ головой на племянника.

— Эта роль безъ словъ, mon oncle? спросилъ тотъ.

— Конечно безъ словъ, отвѣчалъ хозяинъ.

— Всякую безсловесную роль я принимаю на себя съ величайшимъ удовольствіемъ, и даже отлично сыграю, отнесся молодой человекъ къ молодой дамѣ, и захохоталъ.

— Вотъ вамъ и цѣлая коллекція разбойниковъ, продолжалъ съ удовольствіемъ хозяинъ. Въ задніе ряды мы даже можемъ поставить людей, чтобы толпа была помноголюднѣе.

— Дѣло не въ томъ, возразилъ Никонъ Семенычъ. Мнѣ кажется, что эффекту мало будетъ; не отъ чего ожидать этихъ прекрасныхъ драматическихъ всплшекъ.

— Что это вы говорите, воскликнулъ Аполлосъ Михайлычъ, какъ нѣтъ драматическихъ всплшекъ, когда вся пѣса есть превосходная драматическая всплшка. Съумѣйте только, потеннѣйшій, какъ говоритъ Фамусовъ, прочесть ее съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой...

— За этимъ дѣло не станетъ. Прочитать — мы прочитасмъ, отвѣчалъ Рагузовъ; но я боюсь еще, какъ публика пойметъ; кто у насъ будетъ публика?

— Публика пойметъ, отвѣчалъ хозяинъ, потому что публика въ этомъ дѣлѣ всегда и вездѣ самый справедливый судья. Эту мысль я высказалъ даже въ моей статьѣ о В.....мъ театрѣ. Сверхъ того у насъ будутъ люди и понимающіе нѣчто,

напримѣръ: Александръ Александрычъ съ семействомъ, Веснушкинъ, чудакъ Котасъ. Эти люди, Никонъ Семенычъ, видятъ далеко! Въ дивертисманъ вашемъ Дарья Ивановна пропоетъ своимъ небеснымъ голоскомъ свой *chef d'oeuvre* — ослѣдлаю коня; Фани протанцуетъ качучу.

— Я ее, *mon oncle*, совсемъ забыла, проговорила молодая дѣвушка.

— Ты не могла ее, моя милая, забыть, возразилъ Аполлосъ Михайлычъ, потому что ты только прошлаго года изучила ее въ Москвѣ; впрочемъ застенчивость, въ этомъ отношеніи, *mon ange*, даже смѣшна.

— Но, *mon oncle*, я не балетчица, а актриса.

— Все это я очень хорошо знаю, *cherie Fany*; но все-таки тебѣ стоитъ только вспомнить то соло, которое ты танцевала въ Москвѣ въ благородномъ балетѣ, то и этого уже будетъ весьма достаточно, а кромѣ того, ты не должна уже отказываться и потому, что это необходимо для полноты спектакля.

Трагикъ, все еще остававшійся въ дурномъ расположеніи духа, всталъ.

— Доброй ночи, сказалъ онъ.

Хозяинъ началъ-было его упрашивать досидѣть артистическій вечеръ, но гость уѣхалъ.

— Удивительно, какого несноснаго характера! сказалъ Аполлосъ Михайлычъ, пожавъ плечами, по уходѣ трагика. Не глупый бы человекъ, но съ самыми непріятными странностями — всегда и вездѣ хочетъ, чтобы дѣлалось по его; по способностямъ своимъ, — комическій актеръ, и даже актеръ не дурной, а воображаетъ себя трагикомъ, и трагикомъ въ родѣ Мочалова. Когда ему начнешь что-нибудь говорить или читать, онъ никогда и ничего не слушаетъ, а требуетъ только, чтобъ его чтеніемъ восхищались. Недѣли двѣ тому, кажется, назадъ, явился ко мнѣ съ своимъ Шекспиромъ — этакія маленькія синенькія книжки, и началъ читать — просто, сдѣлалъ попытку! Вообразите себѣ — слушать двѣнадцать часовъ прозу, произносимую самымъ непріятнымъ проносомъ и сопровождаемую самыми рѣзкими движеніями!

— Я говорила вамъ, mon oncle, чтобъ вы его не приглашали, замѣтила племянница.

— Нельзя, мой другъ! во-первыхъ, — его музыканты: не пригласи — осердится, и не дастъ оркестра, а безъ музыки, ты сама знаешь, спектакля не бываетъ; а во-вторыхъ, онъ и актеръ порядочный. Впрочемъ, господа, лучше потолкуемте объ дѣлѣ; позвольте мнѣ представить вамъ маленькій ярлычокъ. Проговоря эти слова, Аполлосъ Михайлычъ вынулъ изъ кармана небольшую бумагу и продолжалъ: въ пьесѣ моей роль виконта играю я; гризетку Фани, — она эту роль прекрасно изучила; нечего конфузиться!.. я въ этомъ дѣлѣ строгъ: дурно, такъ дурно, а хорошо, такъ хорошо; на роль маркизы я приглашу Матрену Матвѣевну — немного черезъ-чуръ полна, но это ничего: она довольно ловка! Потомъ-съ: нѣкоторыя сцены *Женитьбы*. Вотъ тутъ маленькая заковычка: дѣйствующихъ лицъ много — нынѣшніе писатели вообще любятъ толпу, которая только въ большихъ труппахъ возможна. Между нами сказать, я бы этой пьесы никогда не поставилъ: какой-то тривиальный фарсъ; — смѣшна, и больше ничего; но мнѣ хочется это сдѣлать для столицы, — въ Москвѣ она очень всѣхъ смѣшила; придется, можетъ быть, своимъ знакомымъ написать, что у насъ былъ спектакль, давали *Женитьбу*, тамъ этого и довольно: всѣ восхитятся! Въ этой шуткѣ я думаю раздать роли такимъ образомъ: невесту будетъ играть Фани, сваху — Матрена Матвѣевна, она будетъ чуднѣйшая сваха! — экзекутора сыграете вы, Осипъ Касьянычъ.

— Нѣтъ ужъ, Аполлосъ Михайлычъ, меня, сдѣлайте милость, освободите, я право никогда не игрывалъ на театрахъ, и вовсе никакого желанія не имѣю-съ, отвѣчалъ тотъ.

— Полноте пустяки говорить, мой почтеннѣйшій, возразилъ хозяинъ. — Роль маленькая: на какихъ-нибудь трехъ страницахъ. Моряка сыграетъ Юлій Карловичъ. — Эта роль очень добрая: лице надобно имѣть веселое, съ пріятной этакой улыбкою. — Она очень будетъ вамъ по характеру. Кочкарева сыграетъ нашъ великій трагикъ, а Мишель — Анучкина.

— А тутъ, mon oncle, надо будетъ говорить? спросилъ племянникъ.

— Разумѣется.

— Въ такомъ случаѣ слуга покорный — я рѣшительно отказываюсь отъ всѣхъ словесныхъ ролей, отвѣчалъ Мишель.

— Нѣтъ, ты не можешь отказаться, если я этого хочу.

— Помилуйте, mon oncle! Вы захотите, чтобы я на канатѣ плясалъ, возразилъ племянникъ, такъ и долженъ я лѣзть на канатъ, и сломать себѣ голову.

— И очень-бы хорошо сдѣлалъ, если-бы въ самомъ дѣлѣ сломалъ и досталъ-бы гдѣ-нибудь поисправнѣе.... Какъ ты можешь не хотѣть участвовать въ томъ дѣлѣ, въ которомъ участвуетъ все общество, въ которомъ наконецъ участвуютъ твоя сестра и дядя?

— Что жъ такое сестра и дядя? возразилъ Мишель.

— Какъ, что такое сестра и дядя?... Ахъ ты, безсмысленный повѣса! Для него ничего не значать сестра и дядя; да самъ ты что за великой человекъ? не потому ли развѣ, что въ департаментъ бумаги подшивать выучился, невѣжа глупый.

— Вы можете сердиться сколько вамъ угодно, а я не буду играть, сказалъ молодой человекъ, и ушелъ въ залу.

— Дѣло въ томъ, господа, началъ, поуспокоившись, хозяинъ: намъ не достаетъ актера на главную роль — на Подколесина: я вотъ третью ночь не сплю, и все думаю объ этомъ; намекнулъ было сначала на Харитонову, по наружности-бы очень шелъ: толстъ, неуклюжъ, лице этакое дряблѣе — очень былъ-бы хорошъ; нарочно даже въ деревню къ нему ѣздить, но неудача: третью недѣлю въ водяной умираетъ; хотѣлъ было напасть на учителя ариѳметики — тоже былъ-бы приличенъ, — смиренный, тихій, но отказывается — говорить, что ничего не можегъ сыграть, особенно въ дамскомъ обществѣ. Хотѣлъ было завербовать аптекаря, наружностію тоже подходитъ къ роли, и играть бы согласился съ удовольствіемъ, но, къ несчастію, по-русски ужасно дурно говорить, да и отъ природы картавъ.

— Я знаю одного актера, заговорилъ Юлій Карловичъ, только угодно ли будетъ вамъ его принять?

— Сдѣлайте милость!... почему же не принять, возразилъ Аподіонсъ Михайлычъ.

— Слабость имѣть большую: пьяница, говорятъ, и пьяница-то запойная.

— Что же онъ, по крайней мѣрѣ, за человекъ, спросить хозяинъ.

— Человекъ онъ не важный, здѣсь въ питейной конторѣ служить.

— Какимъ же образомъ вы узнали, что онъ хорошій актеръ?

— Нынче лѣтомъ у меня Саша изъ гимназіи прѣзжалъ, такъ сказывалъ, что онъ гдѣ-то на вечерѣ, подгулявши что-ли, читалъ имъ какое-то сочиненіе: такъ, говорятъ, уморилъ всѣхъ со смѣху. Саша даже мнѣ послѣ все его передразнивалъ.

— Нельзя-ли мнѣ какъ-нибудь показать его? я бы испытать его на Подколесинѣ.

— Въ этомъ-то и трудность, Аполлосъ Михайлычъ, онъ ведетъ очень странную жизнь: или сидитъ дома около жены, которой, говорятъ, ужасно боится, или безобразно пьянъ.

— Господи Боже мой, какое несчастье! по-крайней мѣрѣ можно ли его какимъ-нибудь образомъ вызвать изъ дому трезваго? не цѣлый же день онъ пьянъ.

— Вы напрасно, Юлій Карлычъ, вышпался въ разговоръ Осипъ Касьянычъ, даете Аполлосу Михайлычу такой совѣтъ. Вы, вѣроятно, говорите объ Рымовѣ? помилуйте, я его знаю: онъ человекъ совершенно потерянный—я полагаю, что это даже будетъ неприлично, и, вѣроятно, дамамъ непріятно.

— Какъ это сказать, Осипъ Касьянычъ, возразилъ хозяинъ, что будетъ неприлично и непріятно дамамъ? Въ искусствѣ не должно существовать личностей.

— Какъ вамъ угодно, Аполлосъ Михайлычъ, я сказалъ только мое мнѣніе.

— Очень вамъ благодаренъ; но мы теперь разсуждаемъ не о томъ, что это за человекъ, а какой онъ актеръ.

— Актеръ превосходный, мнѣ Сашиныка сказывалъ, подхватилъ Юлій Карловичъ.

— Много вашъ Сашиныка понимаетъ, перебилъ Осипъ Касьянычъ.

— Да я ничего и не говорю, и сказалъ только свое мнѣніе. Моего Сашиныку тутъ вамъ трогать нечего.

— Васъ никто съ вашимъ Сапшиной и не трогаетъ, а говорятъ о Рымовѣ, да объ дамахъ, которыя не захотятъ съ нимъ играть.

— Нѣтъ, Осипъ Касьянычъ! при всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, я долженъ сказать, что вы говорите не дѣло. Наши дамы выше этихъ мелочей, перебили хозяинъ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ судья, — ваше дѣло.

Въ залу, куда ушелъ молодой человѣкъ, вскорѣ за нимъ вышла и молодая дама.

— О чемъ вы мечтаете? спросила она, подходя къ нему.

— Я не мечтаю, но я взбѣшенъ на этого стараго хрыча.

— Не сердитесь на него, онъ васъ любитъ.

— *Sacre Dieu!* что мнѣ въ его любви?... помѣшался самъ на театрѣ, и хочетъ всѣхъ сдѣлать актерами. Очень весело учить какую-нибудь дрянъ наизусть, пачкать лицо, и тому подобныя дѣлать глупости.

— Что же такое? — ничего, за то все общество будетъ вмѣстѣ. На репетиціяхъ будетъ очень пріятно: мы съ вами будемъ сидѣть, разговаривать, смѣяться.

— Да, конечно, въ такомъ случаѣ это будетъ очень пріятно, но я думалъ, что вы не захотите играть.

— Нѣтъ, отъ чего же не играть? съѣзжаемъ же на вечера; роли, конечно, я не стану учить, а выйду, да постою.

— Вамъ можно это дѣлать, Дарья Ивановна; но меня онъ будетъ заставлять учить и ломаться.

— А вы не учите, выйдите, постоитъ, да и уйдете.

— Я съ нимъ сдѣлаю штуку. На репетиціяхъ буду, а какъ надобно будетъ играть, и притворюсь больнымъ. Ахъ, только, какъ я посмотрю, какая у васъ здѣсь, противъ Петербурга, ужасная жизнь: ни воксаловъ, ни собраний, ни гуляньевъ, а только затѣваютъ какіе-то дурацкіе театры.

— Что дѣлать! — провинція. Что, нынче больше танцуютъ въ Петербургѣ?

— Передъ моимъ отъездомъ вошла въ моду полька *tremblante*.

Послѣ этого разговора, дама скоро уѣхала, и молодой человѣкъ ушелъ къ себѣ въ комнату.

Два собесѣдника Аполлоса Михайлыча, судья и Юлій Кармовичъ, не смотря на происшедшую между ними маленькую размолвку, вмѣстѣ простились съ хозяиномъ, вмѣстѣ вышли и даже сѣли въ одинъ экипажъ.

— Ну! оттерпѣлся, произнесъ Осипъ Касьянычъ: дасть же Богъ этакимъ скотамъ состояніе, продолжалъ онъ; вмѣсто того, чтобы тышить общество приличнымъ образомъ, давать бы, при этакихъ средствахъ, обѣды, вечера картежные, такъ нѣтъ, точно бѣлены обѣдся, театръ играть вздумалъ: экихъ актеровъ нашелъ; а поди, откажись, такъ еще непріятность какую-нибудь сдѣлаешь. Вотъ сегодня надо было у Алмазова партію составить,—вотъ тебѣ и партія, просидѣлъ на дурацкомъ вечерѣ, да и только.... Обоихъ бы ихъ съ Рагузовыхъ на одну осину, проклятыхъ, повѣсить; тотъ хоть по-крайней мѣрѣ самъ благуешь, а этотъ еще другихъ ломаться заставляетъ на его потѣху. Удивительно, какое скотство!

— Ужъ не говорите лучше, Осипъ Касьянычъ, произнесъ Юлій Кармовичъ: вонъ у меня жена больна; письмо надобно было писать, а что дѣлать—просидѣлъ вечеръ.

— Ну ужъ и вы-то хороши съ вашимъ смѣшнымъ характеромъ: актера тамъ ему приискали—какого-то пьяницу. Я молилъ Бога, чтобы и ты-то разбѣжались, а вы еще новыхъ отыскиваете.

— Нельзя, почтеннѣйшій, ей Богу, нельзя! Войдите вы въ мое положеніе! на прошлой недѣлѣ занялъ у него триста рублей: вы сами вотъ говорите, что нельзя отказаться, потому что непріятности станетъ дѣлать.

Фани болѣе всѣхъ сочувствовала дядѣ; она, еще при гостяхъ, ушла въ наугольную комнату, и, при лунномъ свѣтѣ, начала повторять качучу, которую должна была танцовать въ дивертисманѣ.

Никонъ Семенычъ, пріѣхавши домой, тотчасъ же взялся за поэму Пушкина: *Братья разбойники*. Сначала онъ читалъ ее про себя; потомъ, одушевившись, принялся произносить вслухъ, и за тѣмъ, вскочивши, воскликнулъ:

«О юность, юность удалая!
Жить въ то время было намъ,
Когда, опасность презирая,
Мы все дѣлили пополамъ.»

Единственный зритель его декламации, огромная лягавая собака, смотревшая сначала на господина своего какими-то ласковыми глазами, на этомъ мѣстѣ, какъ будто бы вмѣсто аплодисмана, начала на него лаять, но трагикъ не обратилъ вниманія, продолжалъ, и докончилъ всю поэму вслухъ.

II.

КОМИКЪ И АНТРЕПРЕНЕРЪ.

Рымовъ, о комическомъ талантѣ котораго такъ выгодно отзывался Юлій Карловичъ, былъ такое незначительное въ городѣ лицо, что объ немъ никто и нигдѣ почти не говорилъ, а если кто и зналъ его, то съ весьма невыгодной стороны: его разумѣли запойнымъ пьяницею. Въ контору и обратно онъ ходилъ почти всегда въ сопровожденіи жены, которая, будто-бы, дома держала его на привязи; но если ужъ онъ являлся на улицѣ одинъ, то это прямо значило, что загулялъ, и въ это время былъ совершенно сумасшедшій: онъ всходилъ на городскій валъ, говорилъ что-то къ озеру, обращался къ заходящему солнцу и къ виднѣющимся вдали лугамъ, потомъ садился, плакалъ, заходилъ въ трактиръ и снова пилъ неимоверное количество всякой хмельной дряни; врывался иногда насильно въ домъ къ Нестору Егорычу, одному именитому и почтенному куницу, торгующему кожами, и начиналъ говорить ему, что онъ мошенникъ, подлецъ, и тому подобное. Его, разумеется, выгнали, и такимъ образомъ онъ шпаялся весь день, жалкій и безобразный, до тѣхъ поръ, покуда не ловила его Анна Сидоровна (его жена), и не уводила съ помощію добрыхъ людей домой;—что она потомъ предпринимала, неизвестно, но только Рымовъ исправлялся и начиналъ ходить опять въ контору.—Въ трезвомъ состояніи онъ былъ очень молчаливъ и отчасти суровъ; съ товарищами и подчиненными почти не говорилъ ни слова, и даже главному управляющему и самому откупщику отвѣчалъ только на вопросы.

На другой день послѣ собранія любителей, въ самомъ отдаленномъ концѣ города, въ маленькомъ флигелькѣ, во второй его комнатѣ на двухспальной кровати, лежалъ внизъ лицомъ мужчина, и

тутъ же сидѣла очень толстая женщина и гладила мужчину по спинѣ. Это была чета Рымовыхъ.

— Витя, а Витя! опять съ тобою, мамочка, тоска; развѣ не проходить отъ глаженья? у тебя прежде отъ этого проходило, говорила Анна Сидоровна.

— Прощо.... лучше.... поди, Анюта, проговорилъ Витя.

— А ты пойдешь со мной? спросила та.

— Нѣтъ, я полежу, усталъ что-то.

— Ну такъ и я здѣсь посижу.

— Нѣтъ, ступай! мнѣ жарко отъ тебя.

— Завтра я, мамочка, непременно схожу къ лекарю, и попрошу у него чего-нибудь для тебя. Какъ тебѣ не стыдно такъ запускать болѣзнь?

— Ну ладно, ступай!.... поди, пожалуйста, сдѣлай мнѣ къ обѣду окрошки.

— Да какъ же ты, мамочка, останешься одинъ? тебѣ будетъ скучно!

— Ничего.... я полежу.... поди, Анюта!

— Да Витя, мнѣ самой-то не хочется отъ тебя отойти.

— Послѣ насидишься — ступай, пожалуйста.

Анюта нехотя встала, чмокнула Витю въ затылокъ и вышла. Тотчасъ же по уходѣ ея Рымовъ всталъ, потянулся и съѣлъ. Наружность его въ самомъ дѣлѣ была комическая: на широкомъ, довольно, впрочемъ, выразительномъ и подвижномъ лицѣ, сидѣлъ какой-то кривой носъ; глаза слабыя, улыбка только на одной половинѣ, — устройство головы угловатое и развитое на верхней части затылка.

«Еще годъ такой жизни, и я совсѣмъ облагую: чортъ знаетъ что такое эти женщины! для мужчинъ хоть время, хоть возрастъ существуетъ, а для нихъ и того нѣтъ! Бабѣ давно за сорокъ, а она все нѣжничаетъ — да еще и ревнуетъ! не глядѣль бы ни на что, право. Что я теперь за человѣкъ? — Пьяница, и больше ничего: трезвый тоскую, а пьяный глупости творю; а было для меня и иное время!... былъ театръ.... подмостки.... декорации; я самъ все это уставлялъ.... Какъ теперь помню: начали играть; ну, тогда думали, что всѣхъ убьетъ Сергѣевъ — не вывезло ему, канальство. Я боялся, крышко боялся...

тутъ быть строгій судья, великій судья: Михайло Семенычъ... К ончился первый актъ, вдругъ онъ на сцену, у меня такъ и замерло сердце—и что же? геній-то этотъ подошелъ ко мнѣ, пожалъ мнѣ руку: благодарю васъ, говорить, вы растолковали мнѣ роль, которую я прежде не понималъ. А?... онъ не понималъ! чортъ бы дралъ эти дьявольскія воспоминанія; придетъ вотъ старуха, да разрвется, что ты думалъ не объ ней... нечего тутъ: думай-ко о своей старухѣ. Она одна тебя на свѣтѣ любитъ; что театръ?—глухости. Каково было у Григорьева въ трушѣ, да и публика-то хороша, нечего сказать: мерзавкѣ Завьяловой хлопаютъ, да цвѣты кидаютъ, а надъ тобой только смѣются, да еще говорятъ, что мало играешь! играй вотъ имъ въ каждомъ дурацкомъ водевилѣ, паясничай—такъ и хорошо. Что тамъ ни говори, а старуха лучше всѣхъ: влюблена даже въ мою физиономію—вотъ этого, признаюсь, я никакъ не понимаю. Ну да вправду и она некрасива лицомъ, а привыкъ, удивительно привыкъ!» Весь этотъ монологъ, конечно, Рымовъ передумалъ, но не говорилъ его, и только въ некоторыхъ мѣстахъ восклицалъ и разводилъ руками.

Возвратилась Аннота и съ самою пріятною улыбкой разостлала салфетку и поставила окрошку. Все это она исполняла проворно, потому что, несмотря на полноту, была очень поворотлива, и имѣла известную частоступчатую походку, съ небольшимъ развальцемъ, какъ обыкновенно ходятъ ожирѣвшіе сангвиники.

— Кушай, мамочка, я послѣ пообѣдаю, проговорила она.

Витя нехотя началъ болтать въ тарелкѣ ложкою. Анна Сидоровна встала около него; одною рукою она подперлась въ бокъ, а другою обняла шею мужа,—такимъ образомъ импровизированная живая картина была очень интересна. Представьте себѣ сидящаго Рымова, съ описанною мною физиономіею, и физиономію, имѣющую самое мрачное-выраженіе, въ засаленномъ и полуизорванномъ кашемировомъ халатѣ, и обнимающую его—полную даму, съ засученными рукавами. Въ положеніи Анноты было даже нѣсколько кокетства; по-крайней мѣрѣ, она какъ-то чрезвычайно странно свернула голову на бокъ, и очень нежно смотрѣла своими маленькими запѣвными глазами на мужа. Рымовъ съѣлъ нѣсколько ложекъ, потомъ взглянулъ въ висящее противъ него зеркало, улыбнулся, махнулъ рукою и всталъ.

— Что же ты, Витя, всталъ?

— Не хочу больше ничего.

— А чему ты, мамочка, смѣешься?

— Такъ, ничему.... Славная мы съ тобой фигуры, отвечалъ тотъ.

— Что же такое, мамочка! Ты хороше.... право хороше! Вонъ у тебя, душка, какой носикъ! Дай я тебѣ его поцѣлую... и Анюта поцѣловала носикъ. Рьмовъ сдѣлалъ гримасу.

— Странная ты баба, проговорилъ онъ, качая головою и ложась опять на постелью.

— Вотъ ужъ у тебя сейчасъ и странная: самъ странный!

— Страненъ я, только не въ томъ.

— А зачѣмъ же, когда я вѣдила въ Кузмищеву, ты такъ по мнѣ тосковалъ?

— Ты почему знаешь?

— Мнѣ одинъ человѣчикъ сказывалъ.

— Совралъ тебѣ человѣчикъ!

Анюта села опять на кровать, схватила Рьмова за подбородокъ и вдругъ поцѣловала его.

— Перестань, сумасшедшая, выдумала съ поцѣлуями.... проговорилъ тотъ съ досадою, вставая съ постели.

— Куда же ты, мамочка?

— Да такъ... все лижешься, молоденькая какая! нусти.... я ходить хочу.

— Рьмовъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Анна Сидоровна, сложивши руки, слѣдовала за нимъ глазами.

— Одного у насъ, Витя, съ тобою мѣтъ — право! какъ-бы это было, ты бы меньше скучалъ.

— Что такое?

— Дитей, мамочка! Хотъ-бы одного въ цѣлую жизнь Богъ далъ на радость!

Рьмовъ усмѣхнулся.

— Ты бы, мамочка, очень его любилъ.

Рьмовъ не отвечалъ.

— Вдругъ, Витя, у насъ родится что-нибудь?

— Перестань, пожалуйста, болтать — мелешь Богъ знаетъ что. Бабъ за сорокъ, а думаетъ еще родить.

— Гдѣ же, Витичка, за сорокъ?

— Сколько же?

— Тридцать два года всего, отвѣчала, потупившись, Анна Сидоровна.

— Ахъ ты сумасшедшая! сто лѣтъ замужемъ и все ей тридцать два.

— Какъ же сто? Всего пятнадцать.

— Ну, пятнадцать! Да за мужъ вышла двадцати пяти.

— Это кто вамъ сказалъ, что двадцати пяти! Всего семнадцати лѣтъ.

— Ну ладно: отвяжись!

— Ты все, мамочка, меня обижаешь; какъ надъ какой-нибудь душой все смеешься. Измѣнялъ нѣсколько разъ, такъ ужъ конечно жена не можетъ нравиться. Не скучайте, Викторъ Павлычъ! можетъ быть нынѣшнюю зиму Богъ и приберегъ меня, будете свободны — женитесь пожалуй! Возьмете молоденькую, а я буду лежать въ сырой землѣ.

При послѣднихъ словахъ, Анна Сидоровна заплакала.

— Тфу, ты, дурацкая баба, проговорилъ Рымовъ и плюнулъ.

— Плюйте, Викторъ Павлычъ! Богъ съ вами, плюйте! Я уже давно вами ослепанная живу.

— Да ты хоть кого выведешь изъ терпѣнья: или цѣлуется, какъ дѣвчонка какая, или капризится. Ревность съѣла, къ кому! матушка? и людей-то никого не вижу, — весь всегда передъ тобой;

— А прежде-то что ты дѣлалъ на этомъ мерзкомъ театрѣ? прежде-то, какъ измѣнялъ, — это забыть?

— Ну, да, какъ-же! очень вѣсьмъ нужно было меня. Тебѣ еще мало, что меня душить цѣлые дни тоска, — мало этого, что бываютъ минуты хоть рѣзаться, произнесъ Рымовъ, и бросился на кровать.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Мамочка! что это ты говоришь, начала Анна Сидоровна, вставая и подходя къ мужу. Зачѣмъ ты это говоришь: я думаю странно.

— Страшно? Нѣтъ, моя милая, не умереть, а жить, какъ я живу, страшно.

Анна Сидоровна опять съѣла на постель.

— Витичка! что это такое? я лучше сама за тебя умру! Комикъ отворотился къ стѣнѣ, и началъ чрезвычайно впечатлительнымъ голосомъ:—Умереть!.... уснуть!.... но можетъ станешь грезить въ томъ чудномъ снѣ, откуда нѣтъ возврата, нѣтъ прищепцевъ! — Анна Сидоровна сидѣла, подгорюнившись.

Послышался въ сѣняхъ сильный стукъ.

— Кто-то, должно быть, пріѣхалъ, вскрикнула Анна Сидоровна, вскочивши.

— О, чортъ бы дралъ! проговорилъ Рымовъ, и захлопнулъ дверь.

Въ первой комнатѣ кто-то кашлялъ.

— Поди, мамочка, какой-то мужчина, сказала Анна Сидоровна, заглянувши въ щелку.

Рымовъ съ досадою надѣлъ пальто и вышелъ. Передъ нимъ стоялъ Аполлосъ Михайлычъ.

Разговоръ нѣсколько минутъ не начинался.

Дилетаевъ былъ пораженъ наружнымъ видомъ комика, который дѣйствительно былъ очень разтрепанъ: стоявшіе торчками во всѣ стороны волосы, были покрыты пухомъ; изъ-подъ изношеннаго пальто, застегнутаго на двѣ только пуговицы, выбивалась грязная рубашка; галстука совсѣмъ не было; брюки вздернулись и тоже всѣ были перепачканы въ пуху.

— Честь имѣю кланяться, заговорилъ наконецъ Аполлосъ Михайлычъ; — не обезпокоилъ ли я васъ; вѣроятно, вы отдыхали послѣ обѣда?

— Да-съ, отвѣчалъ Рымовъ.

— Не знаю, нужно ли мнѣ рекомендоваться вамъ, но впрочемъ.... Аполлосъ Михайлычъ Дилетаевъ.

Хозяинъ поклонился, гость сѣлъ, и опершись на свою палку, началъ слѣдующимъ образомъ:

— Первоначально позвольте узнать ваше имя и отчество?

— Викторъ Павлычъ.

— Вчерашній день, Викторъ Павлычъ, я имѣлъ удовольствіе слышать объ васъ чрезвычайно лестные отзывы; но, предварительно, считаю нужнымъ сообщить вамъ нѣчто о самомъ себѣ; я немного поэтъ, поэтъ въ душѣ, поэтъ, такъ сказать, по призванію. Не служа уже лѣтъ пять, и живя въ

деревенской свободѣ,—я бесѣдную съ музами. Все это вамъ потому сообщую, что и вы, какъ я слышалъ, тоже поэтъ и поэтъ въ душѣ.

— Я ничего не пишу.

— Да.... но это все равно — вы актеръ!

Рымовъ покраснѣлъ.

— Я это хорошо знаю, и по этому рѣшился обратиться къ вамъ съ предложеніемъ: не угодно ли вамъ принять участіе въ благородномъ спектаклѣ, который будетъ у меня въ домѣ?

Рымовъ задрожалъ.

— Я давно уже отсталъ и отвыкъ, произнесъ онъ.

— Не беспокойтесь — я эти вещи очень хорошо понимаю — художникъ до самой смерти остается художникомъ.

— Я не знаю-съ, могу ли теперь за себя ручаться.

— Опять повторяю: не беспокойтесь! мы имѣемъ для васъ превосходную роль — это, знаете, эдакого, дикаго, застѣнчиваго мужчину въ пьесѣ «Женитьба», въ которой дано будетъ нѣсколько явленій; сколько я могу васъ понимать, то эта роль будетъ вамъ очень по характеру, и вы отлично ее выполните.

Рымовъ блѣднѣлъ и краснѣлъ, какъ будто-бы въ эту минуту рѣшалась участь его жизни. Онъ ничего не находилъ говорить, и только перебиралъ дрожащими руками петли своего пальто.

— Я очень люблю театръ, сказалъ наконецъ онъ.

— Это я вижу по вашему лицу, замѣтилъ Аполлосъ Михайлычъ; вы даже теперь изволнованы.

— Большой будетъ спектакль? спросилъ хозяинъ, утирая катившійся съ лица потъ.

— Спектакль будетъ довольно большой и прекрасно составленный: въ первую голову моя комедія: *Виконтъ и Гризетка, или исправленный повѣса*, необыкновенно живая пьеска, изъ французскихъ нравовъ. Въ ней всего три дѣйствующихъ лица:— молодой Виконтъ, котораго я буду самъ играть, и который есть чистый типъ шалуна Парижанина, и еще двѣ женщины — одна изъ нихъ гризетка, а другая Маркиза. Въ первомъ дѣйствіи, онъ влюбленъ въ гризетку, и ненавидитъ Маркизу, а во второмъ, влюбляется уже въ нее. Гризетка это узнаетъ,

застаетъ его у Маркизы, укоряетъ его; сама Маркиза надъ нимъ смѣется. Онъ сначала терлется, потомъ раскаявается и предлагаетъ гризеткѣ руку, а Маркиза объявляетъ, что это ея побочная дочь. Пьеса эта, я, не хвастаясь, могу сказать, неоцѣненная вещь для благородныхъ спектаклей, потому что актеры не могутъ имѣть тѣхъ манеръ, какія должны быть у Сень-Жерменскихъ баричей; потомъ, Женитьба, — объ этой комедіи, если хотите, я ничего не скажу особеннаго: написана она въ очень простонародномъ духѣ, я видѣлъ ее въ Москвѣ, и, конечно, какъ знатокъ и судья строгій въ этомъ дѣлѣ, нашелъ въ ней много недостатковъ, но при всемъ томъ хохоталъ до неувѣроятности. Мы ее дадимъ для райка; у меня хотъ и домашній спектакль, но публика будетъ всѣхъ сортовъ, потому что я это пріятное удовольствіе хочу раздѣлить со всемъ городомъ, для котораго оно можетъ служить эрою воспоминаній.

— Я знаю-съ эту пьесу.

— Знаете? и прекрасно!

— Это гениальная комедія.

— Ну ужъ и гениальная, — высоко взяли, Викторъ Павлычъ! Впрочемъ, сейчасъ видно артиста въ душѣ. Мнѣ очень пріятно это отъ васъ слышать, хотя я и не согласенъ съ вами: я классикъ, и гениальными твореніями называю только классическія пьесы.

— Она классическая.

— Ну чтожъ въ ней классическаго? Классическаго-то въ ней ничего нѣтъ. Во первыхъ, главнаго правила классицизма — единства содержанія, въ ней не существуетъ; а безъ этого, батюшка, всякая комедія, какъ тѣло безъ души. Сведено нѣскольکو смѣшныхъ, уродливыхъ лицъ, которыя говорятъ между собою, и, конечно, заставляютъ смѣяться, но и только; эта пьеса рѣшительно не для знатоковъ. Вы впрочемъ, пожалуйста, не принимайте этого никакъ на свой счетъ, потому, что, хотъ и будете играть въ этой комедіи, но и въ ней можете показать свой талантъ — золото видно и въ грязи.

— Я очень радъ играть въ этой пьесѣ.

— А я, болѣе вашего.

На этомъ мѣстѣ, вышла Анна Сидоровна. Она все подслушивала. Лице ея покрылось багровыми пятнами, кашемировый платокъ былъ надѣтъ какъ-то совсѣмъ ужъ на-косъ. Гости она присѣла, а на мужа взглянула: тотъ потупился.

— И такъ, проговорилъ Дилетаевъ, вставая, когда же мы увидимся? Не могу ли я васъ просить пожаловать ко мнѣ сегодня вечеромъ. У меня будетъ маленькое испытательное чтеніе: мы потолкуемъ, продекламируемъ наши пьесы и прочее. Вы не повѣрите, какъ хлопотливы эти театры! Его даже по одному этому можно назвать великимъ дѣломъ. Я про себя, напримѣръ, могу сказать, что съ молодыхъ лѣтъ былъ поклонникомъ Мельпомены — знатокъ и опытенъ въ этомъ; но признаюсь, иногда голова идетъ кругомъ, особенно, трудно ладить съ участвующими; всѣмъ хочется сдѣлать по своему, а сдѣлать-то никто ничего не умѣетъ. Есть у меня соседъ и пріятель, Никонъ Семеновъ Рагузовъ, страстный театралъ; но, къ несчастію, помышляющій на трагедіяхъ. Вчера даже сдѣлалъ мнѣ сцену: требуетъ все драмы; успокоили только тѣмъ, что ставимъ на сцену: *Братья разбойники*. Однако до свиданья, проговорилъ гость, раскланиваясь и пожимая у комика руку.

— Надѣюсь, сударыня, прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ, что и вы пожалуете посмотреть на нашъ спектакль и полюбоваться вашимъ супругомъ.

Анна Сидоровна ничего не отвѣчала; полная грудь ея колыбалась, или, лучше сказать, она вся была въ сильномъ волненіи.

Дилетаевъ захватилъ отъ Рымовыхъ къ Юлію Карловичу. Хозяинъ выбѣжалъ его встрѣчать на крыльцо, и, поддерживая гостя подъ руку, ввелъ на лѣстницу, и провелъ въ гостиную.

— Я отыскалъ вашего комика, началъ Дилетаевъ.

— Изволили отыскать? воскликнулъ хозяинъ. Простите меня великодушно, продолжалъ онъ умоляющимъ голосомъ: я сейчасъ было хотѣлъ, по вашему приказанію, ѣхать къ нему, да лекаря прождалъ. Клеопатра Григорьевна у меня очень нехороша.

— Ничего, я ужъ съѣздитъ. Какая однако странная семья: въ домъ грязь...сырость...бѣдность...жена какой-то совершенный

уродъ, да и самъ-то: настоящій ужъ комикъ.... —этакой уморительной физиономіи я и не видывалъ: оборванный, нечесанный, а неглупый человекъ и буфъ долженъ быть отличныйшій.

— Я докладывалъ вѣдь вамъ: необыкновенный, говорятъ, актеръ.

— Это видно даже по любви его къ искусству. Представьте себѣ, только что я намекнулъ о театрѣ, поблѣднѣлъ даже весь, какъ помотно, глаза разгорѣлись, и говорить ужъ ничего не можетъ.

— Скажите пожалуйста! Ну, да впрочемъ и честь для него велика — изъ какихъ-нибудь писарей быть приглашену въ благородное общество — и это не бездѣлица.

— Конечно. Пріѣзжайте обѣдать.

— Клеопатра Григорьевна очень больна.

— Ну, что же такое? Вы не поможете.

— Конечно, Аполлосъ Михайлычъ, — пріѣду-сь.

Отъ Вейсбора Дилетаевъ проѣхалъ къ Матренѣ Матвѣевнѣ, о которой я уже упоминалъ, и съ которой у него, говорятъ, что-то начиналось. По его назначенію, она должна была играть въ его комедіи Маркизу, а въ «Женитьбѣ» сваху.

При всѣхъ своихъ свиданіяхъ, Аполлосъ Михайлычъ съ Матреной Матвѣевной имѣли всегда очень одушевленную бесѣду, потому что оба они любили поговорить, и даже часто, не слушая другъ друга, торопились только высказать свои собственныя мысли.

Едва только гость появился въ залѣ, гдѣ сидѣла Матрена Матвѣевна, сейчасъ же оба вмѣстѣ заговорили.

— Вхожу въ храмъ волшебницы, съ преклонными коленами, съ мольбою и просьбою, произнесъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Это я знаю.... все знаю.... согласна и рада!... извиняюсь только, что вчера не могла пріѣхать, потому что была въ домашнемъ маскарадѣ.

— Вы еще похорошѣли, Матрена Матвѣевна.

— А вы еще болѣе стали лстецъ!

— Нѣтъ, какой я лстецъ — старикъ.... хилый.... слабый.... я могу только въ душѣ восхищаться юными розами и впитывать ихъ дыханіе.

— Не старикъ, а волокита, льстецъ и повѣса.

— Не вѣрю, не вѣрю обѣтамъ коварнымъ, а буду умо-
лять васъ принять на себя роли, которыя вы конечно превос-
ходно сыграете, потому что отлично играете стариками. Я ихъ
самъ для васъ перепишу.

— Давайте, я все выучу и сыграю. Когда вы состарѣетесь?

— Я ужъ и теперь старикъ!

Матрена Матвѣевна покатила со смѣху.

— Ха, ха, ха.... Онъ старикъ! Актеръ.... поэтъ.... онъ
старикъ! Совсѣмъ все устроили?

— Почти совсѣмъ.

— Дарья Ивановна была?

— Да, — вчера была.

— Она играетъ?

— Должна.

— Она влюблена въ вашего Мишеля.

— Она за мужемъ.

— Что жъ такое! Ахъ, какимъ постникомъ притворяется,
а сами что дѣлаете?

— Я, вдовой.

— Ну да, конечно, это оправданіе. Отъ чего Фаничку не
выдаете за мужъ?

— Жениховъ нѣтъ!

— Ну, что это вы говорите, — выдавайте!... Право, грѣшно
такъ дѣвушку держать.

— Я, съ своей стороны, согласенъ хоть сей-часъ; но ни-
кого въ виду нѣтъ.

— А Рагузовъ! она вамъ, право, связываетъ руки.

— Конечно, но онъ не сватается, да и чужды они какъ-
то очень другъ друга; можетъ быть теперь сблизятся. Онъ
будетъ читать «Братья разбойники,» — пресмѣшной человѣкъ....
О чемъ вы задумались?

— Такъ что-то грустно.... Что моя жизнь? хожу, ѣмъ,
сплю, и больше ничего.

— Отъ васъ зависитъ....

— Вдова улыбнулась.

— Отъ чего жъ отъ меня?...

— Вы не любите стариковъ.

— Напротивъ, я только и люблю мужчинъ пожилыхъ лѣтъ.

— Прїѣзжайте-ка къ намъ обѣдать.

— Обѣдать?... Хорошо.

Дилетаевъ началъ прощаться. Хозяйка подала ему свою бѣлую и полную ручку, которую тотъ поцѣловалъ, и, разшаркавшись, вышелъ молодцомъ. Отсюда онъ завернулъ къ Никону Семенычу, котораго засталъ въ довольно странномъ костюмѣ, а именно: въ пунцовыхъ шелковыхъ пальварахъ, въ полуразстегнутой сорочкѣ и въ какой-то греческой шапочкѣ. На талии былъ обернуть, нѣсколько разъ, ахонтоваго цвѣта широкой кушакъ, за которымъ былъ заткнутъ кинжалъ. При вхождѣ Аполлоса Михайлыча, онъ что-то декламировалъ.

— Разбойникъ! совершенный разбойникъ! проговорилъ тотъ.

— Я всю ночь все размышлялъ: надобно большое искусство, чтобы вышло что-нибудь эффектное, говорилъ хозяйнѣ, протягивая руку.

— А костюмъ-то развѣ не эффектенъ? Да вы, мой милый, поразите всѣхъ одною наружностью.

— Мнѣ хочется кое-что къ поэмѣ прибавить.

— Прибавляйте, пожалуй.

— Именно, прибавить въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится:

• Бывало, въ ночь глухую
• Заложилъ тройку удалую,
• Поѣмъ и свистѣмъ, и стрѣлой
• Летимъ надъ степной глубиной.

Я передѣлалъ такъ:

• Бывало, въ ночь глухую,
• Тяга въ груди отвагу злую,
• Летимъ на тройке вороныхъ,
• Потылимъ сердцу удалыхъ!
• Мы, прахъ въ нѣдра въ себя вдыхая,
• О прошломъ вовсе забывая,
• Поѣмъ, и свистѣмъ, и стрѣлой
• Летимъ надъ степной глубиной.

Это будетъ сильнѣе.

— Чудесно! право, чудесно!... Какого, батюшка, сей-часъ актера досталъ я, — чудо! прїѣзжайте обѣдать.

— Не знаю, по утру можно ли. Я думаю много переменить въ шѣсь.

— Ну, хоть вечеромъ.

— Вечеромъ буду.

Аполлосъ Михайлычъ завернулъ также и къ судья, и здѣсь было получилъ непріятное извѣстіе: Осипъ Касьянычъ рывительно отказывался играть, говоря, что онъ совершенно неспособенъ и даже въ театрѣ во всю свою жизнь только два раза былъ; но Дилетаевъ и слышать не хотѣлъ.

— Что вы тамъ, почтеннѣйшій Осипъ Касьянычъ, ни говорите, какъ вы ни отказываетесь, мы вамъ не повѣримъ; — вы будете играть и прекрасно сыграете, потому что вы человекъ умный. — Это знаютъ всѣ, и сегодняшній вечеръ пожалуйте ко мнѣ.

У судьи вытянулось лицо.

— Хотя на сегодняшній вечеръ увольте меня, Аполлосъ Михайлычъ, проговорилъ онъ: право, я даже всѣ мои обязанности нарушаю съ этимъ театромъ.

— Вы вашихъ обязанностей никогда не нарушали, — этого никто объ васъ не смѣетъ и подумать, рѣшилъ Дилетаевъ, и, снова попросивши хозяина не разстроивать отказомъ общее дѣло, уѣхалъ.

— Провалился бы ты съ своими вечерами! Совсѣмъ благоваль, дуракъ этакой, проговорилъ ему въ слѣдъ судья.

Дома Аполлосъ Михайлычъ имѣлъ еще непріятную сцену съ племянникомъ, который тоже отказывался играть, и на котораго онъ такъ разсердился, что назвалъ его безмозглымъ дуракомъ, и почти выпналъ изъ кабинета.

По отъѣздѣ Дилетаева, Рымовы нѣсколько времени не говорили между собою ни слова. Комикъ сѣлъ, и, схвативши себя за голову обѣими руками, задумался. Приглашеніе Аполлоса Михайлыча его очень взволновало; но еще болѣе оно, кажется, встревожило Анну Сидоровну. Она первоначально начала утирать глаза, на которыхъ уже показались слезы, и потомъ принялась потихоньку всхлипывать.

— Что это еще такое? сказалъ Рымовъ съ досадою.

— Такъ.... ничего.... отвѣчала Анна Сидоровна, опять.... произнесла она и начала всхлипывать громко.

— Что, опять?

— Опять.... отвѣчала она и заревѣла.

— Ахъ, ты дура.... дура! произнесъ, качая головою, Рымовъ, который, видно, догадывался, на что мѣтитъ жена.

Анна Сидоровна продолжала плакать.

— Разбойникъ.... душегубъ! говорила она, рыдая, — точно бѣсъ соблазнитель прѣхаль подмывать. Что бы ни дна, ни покрѣпки ему, окаянному — только бы имъ, проклятымъ, чело-вѣка погубить.

Рымовъ усмѣхнулся.

— Чѣмъ же онъ меня погубить?

— Всѣмъ онъ васъ, Викторъ Павлычъ, погубить, рѣши-тельно всѣмъ, на вѣкъ не человѣкомъ сдѣлаетъ, какимъ ужъ вы и были: припомните хорошенько, такъ, можетъ быть, и самимъ совѣстно будетъ! Что смѣтаетъ-то, какъ надъ душой! Вамъ весело, я это знаю, — цѣловаться, я думаю, будете по ва-шимъ закоулкамъ съ этими погаными актрисами. По три дня, безъ куска хлѣба сидѣла отъ вашего поведенія. Никогда пре-жде не думала получить этого. — Бабы деревенскія и тѣ эта-кихъ непріятностей не имѣютъ!

— Все промолоча? спросилъ Рымовъ.

— Нечего мнѣ молоть! Давно я такая.... давно ужъ вы въ эти дѣла-то вдалились, такъ ужъ мнѣ и Богъ велѣлъ разумъ-то разтерять.

— Именно, давно ужъ ты изъ ума выжила; прежде — про-ста была, а теперь ужъ ничего не понимаешь. Вразумишь ли тебя, что театръ мое призваніе, моя душа, моя жизнь! чув-ствуешь ли ты, понимаешь ли ты это, безумная женщина?

— У васъ все душа! Кто васъ ни позови, — вамъ всякой будетъ душа, только жена не нравится.

Рымовъ махнулъ рукою.

— Въ пять лѣтъ Богъ дастъ удовольствіе, такъ и то хочетъ отнять, началъ онъ.

Анна Сидоровна горько улыбнулась.

— Великое удовольствие: какъ надъ дуракомъ будутъ смѣяться! Видѣла я васъ, Викторъ Павлычъ, своими глазами видѣла — и на человека-то не были похожи; обманывать меня нечего, другого вамъ хочется.

— Чего же другого-то?

— Известно, чего всѣ мужчины хотятъ.

— Ну да, конечно: красавецъ какой, — такъ и кинутся всѣ!

— Кидались же вѣдь прежде.

— Ахъ, ты жалкое созданіе, въ тебѣ цѣлый дьяволъ ревности сидитъ, ты ничего не видишь, ничего не понимаешь. Это благородный спектакль, — вбей хоть ты это-то въ свою голову: тутъ благородныя дамы и дѣвицы. Неужели же они и повѣсятъ мнѣ на шею? Онѣ, я думаю, говорить-то не станутъ со мной.

— Не хитрите, сдѣлайте милость, не хитрите, Викторъ Павлычъ! Все я очень хорошо понимаю, и понимаю, почему это вамъ такъ хочется.

— Почему мнѣ хочется? Вотъ этого-то ты, я думаю, ужъ совсѣмъ не понимаешь. Мнѣ хочется потому, что хотѣлось этого Шекспиру и Шиллеру, — потому, что одинъ убѣжалъ изъ отцовскаго дома, а другой не умѣлъ лечить — вотъ почему мнѣ хочется!

— Что вы мнѣ пріятелей-то приводите въ примѣръ. Въ Москвѣ еще я это отъ васъ слыхала. — Такіе же пьяницы, какъ вы.

— Молчи, дура! не говори покрайней мѣрѣ объ этихъ людяхъ своимъ мерзкимъ языкомъ.

— Ругайтесь, ругайтесь! Прибейте еще: — убить, я думаю, рады меня.... Пьяница.... бездомовицкъ, — уморилъ бы съ голоду, кабы не мои же родные дали мѣсто.

Анна Сидоровна начала опять реветъ.

— Ну да, проговорилъ Рымовъ, я хочу играть, буду играть, хоть бы тебя на семь частей разорвало.

Послѣднія слова онъ произнесъ въ сильномъ ожесточеніи. Анна Сидоровна хотѣла было что-то возражать.

— Молчи! вскрикнулъ Рымовъ, ударивъ кулакомъ по столу.

III.

ВЕЧЕРЬ ИСПЫТАТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ.

Художественный вечеръ Аполлоса Михайлыча, назначенный собственно для испытанія талантовъ, начался часовъ въ семь. Всѣ уже были почти на лицо.—Хозяинъ приготовлялся начать чтеніе.

— Рымовъ! доложилъ слуга.

— А!... произнесъ хозяинъ,—проси.

— Я чрезвычайно боюсь, не пьянъ ли онъ? замѣтилъ Юлій Карловичъ судья.

— Не безъ того, я думаю; заварите ужъ вы кашу съ вашими актерами, проговорилъ тотъ, и взглянулъ въ уголь.

Къ удивленію многихъ, комикъ явился во фракъ, въ белой манишкѣ, съ причесанными волосами и совершенно ужъ не пьяный.

— Милости прошу! проговорилъ хозяинъ, вставая. Здѣсь вы видите все поклонниковъ Мелпомены, и потому знакомиться нечего; достаточно сказать этого слова—и стало быть всѣ мы братья. Господинъ Рымовъ!—прибавилъ Аполлосъ Михайлычъ прочимъ гостямъ, изъ коихъ нѣкоторые кивнули головою, а Юлій Карловичъ подалъ ему руку.

— Прошу присѣсть, продолжалъ Дилетаевъ, указывая на ближайшій стулъ. Между нами нѣтъ только нашего великаго трагика, Никона Семеныча. Онъ, вѣроятно, передѣлываетъ свою поэму; но мы все таки начнемъ маленькую репетицію по ролямъ, въ томъ порядкѣ, какъ будетъ у насъ спектакль. Сначала, моя комедія—«Исправленный Повѣса», потомъ вы прочтете намъ нѣсколько сценъ изъ «Женитьбы», и наконецъ Никонъ Семенычъ продекламируетъ своимъ громовымъ голосомъ: Братья разбойники; Фани протанцуетъ качучу, а Дарья Ивановна пропоетъ.

На такое распоряженіе хозяина никто не отвѣчалъ. Дарья Ивановна пересмѣхнулась съ Мишелемъ, судья сдѣлалъ гримасу, Юлій Карловичъ потупился, комикъ отошелъ и сѣлъ на дальнѣйшій стулъ. Аполлосъ Михайлычъ роздалъ по экземпляру своей комедіи Матренѣ Матвѣевнѣ и Фани.

— Пожалуйста, Матрена Матвеевна, не сбивайтесь въ репликахъ, то есть: это послѣднія слова каждаго лица, къ которымъ надобно очень прислушиваться. Это главное правило сценическаго искусства. «Театръ представляетъ богатый павильонъ на одной изъ Парижскихъ дачъ.» Вамъ начинать, Матрена Матвеевна!

Вдова начала: «Дѣйствіе первое. Явленіе первое.»

— Позвольте, почтеннѣйшая! за чѣмъ же ужъ это читать? перебилъ хозяинъ. Это всѣ знаютъ. Начинайте съ слова: *ахъ, да!*

— Сейчасъ, сейчасъ, отвчала Матрена Матвеевна, и снова начала.

- Ахъ, да! Всѣ говорятъ о васъ, Виконтъ,
- Что вы отъ свѣта стали отставать,
- И бродите день цѣлый подъ окномъ
- Какой-то Дульчинскіи....

— Вы читаете недурно; но надобно болѣе обращаться ко мнѣ, замѣтилъ хозяинъ, и началъ самымъ развязнымъ тономъ:

• Я брожу?

- Налгали вамъ, Маркиза, на меня;
- Я провожу весь день въ Пале-Рояль:
- Играю, зѣю, курю и пью вино,
- За тѣмъ, чтобъ, нагрѣвшись вдоволь,
- Исправиться на вашихъ балахъ вновь.

— Подхватывайте скорѣе, Матрена Матвеевна!

Вдова торопливо взглянула въ книгу и зачитала:

- Свѣжило вамъ,
- Сидѣтеся, Маркиза, ваша воля!
- Но еслибъ въ самомъ дѣлѣ....

— Attendez, Madame, вскрикнулъ Аполлосъ Михайлычъ, — вы читаете мой монологъ, какъ вы торопливы!

— Виновата! сказала Матрена Матвеевна, немного вспыхнувъ, и снова начала:

- Нѣтъ, нѣтъ, позвольте вамъ не вѣрить!
- Вы страстно влюблены въ какую-то
- Кухарочку, гризетку или прачку.
- Свѣжило, Виконтъ, мнѣ это.

«Сивѣнно вамъ?»

ПОДХВАТИЛЪ ХОЗЯИНЪ.

«Сивѣтеся, Маркиза, ваша воля!»

«Но еслибъ въ самомъ дѣлѣ я хотѣлъ»

«Кого-нибудь, когда-нибудь любить,

«Такъ не влюбился бы въ васъ свѣтскихъ дамъ,

«А сердце отдалъ бы простой крестьянникъ»

Матрена Матвѣевна подхватила:

«За тѣмъ, что обмануть несчастныхъ легче».

— Вы хорошо произносите, но немного скоро и однообразно: нѣтъ перелива въ голосоу.... замѣтилъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Я теперь еще не знаю наизусть, а я выучу.

— Увѣренъ, увѣренъ, моя почтеннѣйшая, что выучите и будете превосходны. Какъ вы, Викторъ Павлычъ, находите наше чтеніе и комедію,—а?

— Стихи произносить очень трудно,—отвѣчалъ тотъ.

— Совершенно согласенъ:—тутъ надобно, особенно въ комедіи, — высшее классическое искусство. Я думаю, вы могли замѣтить, что я въ своемъ чтеніи много заимствовалъ у Котенина, котораго нѣсколько разъ слыхалъ и прилѣжно изучалъ.

За тѣмъ снова началось чтеніе. Матрена Матвѣевна часто мѣшалась въ репликахъ, но за то самъ хозяинъ необыкновенно одушевлялся, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ Виконтъ высказываетъ Маркизъ, что онъ ее не любитъ, Аполлосъ Михайлычъ всталъ и декламировалъ на-изусть.

— Какъ отлично Аполлосъ Михайлычъ читаютъ! отнесся Юлій Карлычъ къ судьѣ. Тотъ только почесалъ затылокъ; комикъ сидѣлъ, насупившись; Мишель что-то шепталъ на ухо Дарьѣ Ивановнѣ, которая, чтобъ удержаться отъ смѣха, зажала ротъ платкомъ. Фани вся превратилась въ слухъ и зрѣніе, и, кажется, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала, когда очередь дойдетъ до нея; наконецъ, пришла эта очередь. По ходу пьесы она сидитъ одна, въ небольшой комнатѣ, шьетъ себѣ новое платье и говорить:

«Виконтъ! о, милый мой Виконтъ!»

«Я для тебя сплещу скорѣй надѣтъ»

«Тобою подаренный мнѣ парадъ!»

«Ты, можеть, будешь, другъ безпанный,

«Любить меня еще сильнѣе въ немъ».

Такъ читала дѣвушка, и читала съ большимъ чувствомъ. За тѣмъ является Виконтъ, сначала страстный, потомъ задумчивый; гризетка испугалась: она думаетъ, что онъ ее разлюбитъ; но онъ только вспомнилъ о Маркизѣ, вспомнилъ, какъ она смѣялась надъ его любовью, и еще болѣе возненавидѣлъ эту женщину. Онъ разсказать своей возлюбленной; но она ему не вѣритъ и начинаетъ его ревновать.

Вся эта сцена очень удалась, можетъ быть болѣе потому, что два дѣйствующія лица не сбивались въ репликахъ и читали все на память. Дилетаевъ вставалъ, ходилъ, садился около Фани и цѣловалъ ея руки; подъ конецъ явленія Юлій Карлычъ и Матрена Матвѣевна захлопали въ ладоши, и послѣдняя поклялась къ завтрашнему же дню такъ же твердо выучить роль, какъ Фани, и просила Аполлоса Михайлыча пріѣхать по утру поучить ее. Второе и послѣднее дѣйствіе было также прочитано съ большимъ одушевленіемъ со стороны Аполлоса Михайлыча и Фани, и съ большимъ стараніемъ Матреною Матвѣевою, которая была уже не такъ однообразна, но, по торопливости характера, все-таки ошибалась иногда въ репликахъ, и несовсѣмъ вѣрно выражала акцентомъ голоса мысль монолога, но Дилетаевъ слѣдилъ внимательно, и очень часто дѣлалъ вдовѣ дѣльные замѣчанія.

— Мы со сцены сходимъ, произнесъ онъ, теперь, Викторъ Павлычъ, ваша очередь—потыпьте вы насъ вашимъ чтеніемъ. — Мнѣ бы очень желалось, чтобы каждое дѣйствующее лицо читало за себя; но у меня книжка одна и роли еще не списаны. Прочтите ужъ вы одни то, что я отмѣтилъ для нашего представленія, да еще васъ попрошу пропускать тѣ мѣста, которыя зачеркнуты карандашемъ. Онъ могутъ произвести на нашихъ дамъ непріятное впечатлѣніе.

Комикъ, слушавшій чтеніе всей комедіи Дилетаева съ грустнымъ лицомъ, всталъ.

— Посмотрите, какъ у него руки дрожатъ, должно быть онъ пьянъ,—замѣтилъ Мишель.

— Какой онъ странный, непріятно даже видѣть: что онъ—даже что ли чей-нибудь? спросила его Дарья Ивановна.

— Должно быть побочный сынъ Мальпомены.

— Перестанете ли вы меня смешить! я право уду.

— Бога ради, не погубите меня.... Я не буду, честное слово, не буду — отвечал молодой человек, и закурил папирось.

Комикъ подошелъ къ столу и сѣлъ.

— Не любите ли вы пить воду съ сахаромъ при чтеніи? спросилъ хозяйнѣ.

— Нѣтъ-съ, ничего; я и такъ прочту, отвечалъ тотъ.

— Ему бы стаканъ водки, для смѣлости, закатить, проговорилъ тихонько судья Юлію Карловичу.

— Ай, сохрани Господи! онъ насъ всѣхъ приколотить, отвѣтилъ тотъ.

— И хорошо бы сдѣлать, чтобы глупостями-то не занимались.

Комикъ, наконецъ, началъ чтеніе, по назначенію Аполлоса Михайлыча, съ того явленія, гдѣ невеста разсуждаетъ съ теткою о женихахъ, и потомъ является сваха. Съ перваго почти его слова, Матрена Матвѣевна фыркнула, Аполлосъ Михайлычъ усмѣхнулся, Вейсборъ закачалъ головою, Фани съ удивленіемъ уставила на Рьмова свои глаза; даже Осипъ Касьянычъ заглянулъ ему въ лицо. Смѣхъ и любопытство замѣтно начали овладѣвать всѣми. Вдова, Юлій Карловичъ и Фани хохотали уже совершенно; Дилетаевъ слушалъ внимательно и по временамъ улыбался. Судья тоже улыбался, Мишель и Дарья Ивановна перестали говорить между собою. Чтеніе Рьмова было дѣйствительно чрезвычайно смѣшно и натурально: съ монологомъ каждаго дѣйствующаго лица, не только мѣнялся его голосъ, но какъ будто бы перекраивалось и самое лицо, видѣлись: и грубоватая фizioномія тетки, и сладкое выраженіе двадцати-пятилѣтней дѣвицы, и наконецъ звонко ораторствовала сваха. Съ появленіемъ жениховъ всѣ уже хохотали, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ Жевакинъ разсказываетъ, какъ солдаты говорили по-итальянски, Аполлосъ Михайлычъ остановилъ Рьмова.

— Нѣтъ, Викторъ Павлычъ, пощадите, вскрикнулъ онъ, отнимая у комика книгу. О, Господи, даже колика сдѣлалась.... Что, Матрена Матвѣевна! не прикажете ли истерическихъ капель?

— Я не знаю, что такое со мною, отвечала вдова, я просто сумаспешная.

— Какъ вы находите, Дарья Ивановна? отнесся хозяинъ къ молодой дамѣ.

— Très drôle, Аполлосъ Михайлычъ, отвечала та.

— Живокини не уступить—ужасный уродъ! шепнулъ ей на ухо Мишель.

Я, mon oncle, никогда такъ не смѣялась.... Отъ чего это? сказала Фани.

— Это, душа моя, значитъ высшее искусство смѣяться. О чемъ плачете, Юлій Карлычъ?

— Отъ смѣха, Аполлосъ Михайлычъ, ей Богу отъ смѣха.

— Вижу, что отъ смѣха, даже нашъ великій судья, и тотъ улыбается. Короче сказать: вы, Викторъ Павлычъ, великій актеръ!

Вся эти похвалы комикъ слушалъ, потупившись.

— Но вотъ вѣдь, господа, въ чемъ главное дѣло, началъ разсуждать Дмѣтаевъ, что смѣялись мы, это неудивительно: фарсъ всякой смышленъ; но главное — разнообразіе таланта Викторъ Павлыча. Онъ, напримеръ, можетъ сыграть все почти лица: и сваху, и невесту, и тетиньку — это удивительно!... Что бы вы, теперь, могли сдѣлать въ классической комедіи? продолжалъ онъ, обращаясь къ комику, — это выше словъ: конечно, тутъ бы смѣяться не стали; но за то, на изящный-то вкусъ какъ-бы подѣйствовало, особенно въ этихъ живыхъ пассивныхъ сценахъ, на которыя съ умысломъ авторъ рассчитываетъ.

— Что вы изволите, Аполлосъ Михайлычъ, разумѣть подъ классической комедіей? спросилъ скромно комикъ.

— Какъ, что такое я разумѣю подъ именемъ классической комедіи? возразилъ хозяинъ. Я разумѣю подъ этимъ именемъ все классическія комедіи, которыя написаны по правиламъ искусства.

— Всякая комедія, если она выражаетъ что-нибудь смѣшное, ярко и естественно, — классическая комедія, возразилъ скромно комикъ.

— Ахъ, нѣтъ: это совершенно ложная мысль! персбыль хозяинъ, — смѣшнаго много написано: смѣшенъ водевилъ, смѣшенъ фарсъ, но это не то.... классическая комедія пишется по строгимъ и особеннымъ правиламъ.

— Какія же особенныя правила, mon oncle? Теперь въ Петербургъ даются водевили, которые гораздо лучше всѣхъ вашихъ классическихъ комедій, выѣхался въ разговоръ Мишель.

— Ну, mon cher, ты еще не можешь судить объ этомъ; то, что я хочу сказать, ты не согласишься и поймешь.

— Да почему же вы одни только можете понимать? возразилъ племянникъ.

— Молчи, пожалуйста! Твое дѣло галстуки повязывать, да воротнички выставлять—и только. Я заговорилъ объ особыхъ правилахъ классическаго искусства — извѣстны-ли они вамъ, Викторъ Павлычъ?

— Когда-то училъ—съ, но теперь ужъ! согласишься забыть.

— Ну, поэтому я слегка ихъ припомню вамъ; я самъ тоже давно училъ, но какъ-то врезалось въ память. Первое правило: единство содержанія, второе, да.... второе, я полагаю, то, чтобы пьеса была написана стихами—это необходимо для классицизма, и наконецъ, третье, ужъ совершенно какъ-то не помню: кажется, чтобы все кончилось благополучно.... напримеръ: свадьбою или чѣмъ-нибудь другимъ; но я съ своей стороны кладу еще четвертое условіе для того, чтобы комедія действовала на вкусъ людей образованныхъ: надобно, чтобы она взята была изъ образованнаго класса, а то поинтеруйтесь, что такое нынче пишутъ? На сценѣ фигурируютъ пьяные мужики, холмы, лакеи, какіе-то уроды помѣщики. Такая сволочь, что не глядѣть бы, да и въ натурѣ ихъ согласишься нѣтъ. Возьмите вы комедіи Шаховскаго—букетъ изящнаго, ароматомъ пахнетъ.... Я очень бы желалъ, Викторъ Павлычъ, чтобы вы прочитали мою комедію; конечно, это не вашъ родъ, но все-таки полагаю, что вы бы произнесли ее вѣрно и съ артистическимъ одушевленіемъ.

Комикъ, прислушивавшійся сначала къ разсужденіямъ Аполлоса Михайлыча съ какою-то горькою улыбкою, подъ конецъ ничего ужъ не слыхалъ и все поглядывалъ на

закрытую книжку Женитьбы. Ему, кажется, очень хотелось еще почитать ее.

— Прочитайте-ка, Викторъ Павлычъ, мою комедію, повторить хозяинъ.

— Чего-съ? отозвался комикъ.

— Мою комедію продекламируйте.

Рымовъ немного смѣшался.

— Я не умѣю читать бѣлыхъ стиховъ, проговорилъ онъ.

— Жаль, очень жаль, началъ хозяинъ: неимовѣрно жаль, что вы не получили строгаго сценическаго воспитанія! Вы бы были великій художникъ—природа ваша безцѣнна; но въ настоящее время для васъ существуетъ только извѣстный родъ піесъ, комедій райка; конечно и въ нихъ много смѣшнаго, но ужъ чрезвычайно популярно. Высшій классъ тоже смѣется; но смѣяться вѣдь можно всему: мы смѣемся, наприимѣръ, когда пьяный мужикъ пляшетъ подъ балалайку, но все-таки въ этомъ нѣтъ истиннаго комизма. Такъ ли я, господа, говорю? отнесся Аполлосъ Михайлычъ къ мужчинамъ, — что вы, mes dames, скажете, прибавилъ онъ, обращаясь къ дамамъ. Викторъ Павлычъ, я замѣчаю, не совсѣмъ соглашается съ моими силлогизмами.

— Мы, дамы, должны соглашаться съ вами, вы профессоръ нашъ, мы всѣ считаемъ васъ нашимъ профессоромъ подхватила Матрена Матвѣевна.

Изъ мужчинъ судья только поднялъ брови, и молчалъ Мишель сдѣлалъ гримасу, и что-то шепнулъ на ухо Дарья Ивановнѣ, которая ударила его по руцѣ перчаткой и опять зажала ротъ платкомъ.

— Я согласенъ съ Матреной Матвѣевной, произнесъ Юлій Карловичъ. Вы очень много читали, Аполлосъ Михайлычъ, да и отъ природы имѣете большое соображеніе.

— И такимъ образомъ, стало быть, одинъ Викторъ Павлычъ не согласенъ.

— Я ничего, Аполлосъ Михайлычъ... началъ было Рымовъ.

— Ну, однако какъ тамъ въ сердцѣ, въ умѣ-то своемъ: не убеждены, что я правъ? перебилъ хозяинъ.

— Я ничего-съ, только на счет райка..... онъ иногда очень правильно судить.

— Вы думаете?...

— Да-съ, Мольеръ обыкновенно читалъ свои комедии ку-харкѣ, и, если она смѣялась, онъ былъ доволенъ.

Аполлосъ Михайлычъ покачалъ головою.

— Во первыхъ, это анекдотъ, а во вторыхъ, что такое Мольеръ?—Классикъ! классикъ! кричатъ Французы, нонитолько!.. Нѣмцы и Англичане не хотятъ и смотрѣть Мольера; я съ своей стороны, тоже не признаю его классикомъ.... А.... Никонъ Семенъчъ, великій трагикъ! Васъ только и не доставало—опоздали, mon cher! и лишили себя удовольствія прослушать большую часть нашего спектакля.

Но Никону Семенъчу было не до кого и не до чего; онъ прѣхалъ въ очень тревожномъ состояніи духа; волосы его были растрепаны, пальцы рукъ и даже лицо перепачканы въ чернилахъ.

— Я прѣхалъ читать, проговорилъ онъ, не кланаясь почти ни съ кѣмъ.

— Да, теперь очередь за вами, отвѣтилъ хозяинъ, подмигнувши судѣе и Юлію Карловичу, отъ чего послѣдній потупился.

— Я много передѣлалъ и прибавилъ, началъ Никонъ Семенъчъ, садясь. Могу? спросилъ онъ.

— Сдѣлайте милость, сказалъ хозяинъ.

Рагузовъ началъ: «театръ представляетъ равнину на Волжскомъ берегу. Разсыпана толпа разбойниковъ въ различныхъ костюмахъ; близъ одного, одѣтаго наряднѣе другихъ, сидитъ, опершись на его плечо, молодая женщина.»

— Позвольте, mon cher, я васъ перебыю: это, стало быть, совершенно новое лицо? возразилъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Новое,—оно необходимо, отвѣчалъ торопливо Рагузовъ, и продолжалъ уже на-изусть:

- Насъ было двое: братъ и я!
- Росли мы вѣсть, нашу младость
- Вскормила чуждая семья,

На томъ мѣстѣ, гдѣ говорится:

..... Рѣшился межъ собой:

«Мы жребій испытать иной, —

онъ остановился и сказалъ:—тутъ говорить его любовница; и продолжалъ:

ЕЛЕНА.

«Благословляю этотъ мигъ,

«Онъ отдалъ мнѣ, мой другъ, тебя!

«Ты не преступникъ, ты великъ.

«Ты мой на вѣкъ, а я твоя!...

— Позвольте, Никонъ Семенычъ, я васъ опять перебыю: кто же будетъ играть эту роль? Надобно прежде это рѣшить.

— Я не знаю-съ, это ваше дѣло.

— Но какъ же все мое дѣло, не могу же я придумать все, что придетъ вамъ въ голову. Дарья Ивановна! это ваша роль. Дарья Ивановна насмѣшливо покачала головой.

— Почему же вы думаете, что моя? неужели же вы находите, что я похожа на любовницу разбойника. Мнѣ это досадно!

Матрена Матвѣевна взглянула на Аполлоса Михайлыча многозначительно.

— Фаничка, эту роль ты должна играть, отнесся онъ къ племянницѣ. Но та, не смотря на любовь къ искусству, на этотъ разъ что-то сконфузилась.

— Я не сыграю, mon oncle, произнесла она.

— Не правда, ma bonne amie, не правда!... Матрена Матвѣевна, она вѣдь должна играть?

— Она, непременно она....она молоденькая, хорошенькая, а мы всѣ старухи, рѣшила вдова.

— Я, mon oncle, не умѣю играть драматическихъ ролей.

— Никонъ Семенычъ тебя научитъ, и я тебѣ слова дватри скажу.

— Я у васъ буду учиться, mon oncle, отвѣчала дѣвушка.

Рагузовъ началъ читать и прервалъ этотъ разговоръ. Наконецъ онъ кончилъ.

— Стало быть, поэма ваша, Никонъ Семенычъ, должна будетъ идти отдѣльно отъ дивертисмана?

— Непременно!

— Въ такомъ случаѣ, надобно ее назвать драматической фантазій, произнесъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Пожалуй, отвѣчалъ трагикъ, и всталъ.

— Ну-съ, отнесся Дилетаевъ къ Дарьѣ Ивановнѣ, теперь ваша очередь: во первыхъ—пропѣть, а во вторыхъ—сыграть качучу для Фани на фортепьянахъ.

— У меня гордо бодитъ, Аполлосъ Михайлычъ! возразилъ модная дама.

— Все равно-съ, болитъ-ли оно у васъ, или нѣтъ, мы этого не знаемъ; но просимъ, чтобы вы намъ пропѣли.

— Спойте, Дарья Ивановна, дайте отдохнуть душѣ, шепнулъ ей на ухо Мишель.

Дарья Ивановна встала и сѣла за фортепьяно; голосъ ея былъ чрезвычайно звученъ и довольно мягокъ: онъ поразилъ всѣхъ; одинъ только Рымовъ, кажется, остался недоволенъ полученнымъ впечатлѣнiемъ.

— Каково соловей-то напѣ заливается? отнесся къ немъ Юлій Карловичъ.

— Она не понимаетъ, что поетъ, отвѣчалъ тотъ и отошелъ.

Никонъ Семенычъ прослушалъ весь романсъ съ необыкновеннымъ восторгомъ.

— Madame, je vous supplie, faites moi l'honneur d'accepter un rôle dans ma pièce. Vous avez tant de sentiments ... J'arrangerai un petit air tout exprès pour votre voix.... отнесся онъ, отъ полноты чувствъ, къ Дарьѣ Ивановнѣ на французскомъ языкѣ.

— Je n'ai jamais parlé et chanté sur la scène, отвѣчала та небрежно и отвернувшись отъ трагика.

— Прелесть! чудо! говорилъ Аполлосъ Михайлычъ, качая головою.

— Попросите, пожалуйста, чтобы Дарья Ивановна играла въ моей пьесѣ, я напишу для нихъ романсъ. Это будетъ очень эффектно, обратился къ хозяину трагикъ.

— Врядъ ли станеть она играть! Дай Богъ, чтобы что-нибудь пропѣла, отвѣчалъ Дилетаевъ. Мишель! поди сюда, кликнулъ онъ племянника, будетъ ли у насъ Дарья Ивановна играть?

— Я почему знаю, спросите ее.

— Попроси ее, мой другъ, участвовать.

— Что-жъ мнѣ ее просить.... Я ничего у васъ не понимаю, проговорилъ Мишель, и отошедши отъ дяди, опять заговорилъ съ Дарьей Ивановной.

— Фаничка! началъ хозяинъ: что-же твоя качуча?

— Сей-часъ начну, топ опсе, отвѣтила дѣвушка и убѣжала въ свою комнату за кастаньетами.

Дарья Ивановна, по просьбѣ Аполлоса Михайлыча, заиграла качучу; Фани начала танцовать. Нельзя сказать, чтобы всѣ на ея были окончательно граціозны и отчетливы; но за то, во всѣхъ пассивныхъ скачкахъ, которыми исполнена качуча, она была чрезвычайно энергична. Аполлосъ Михайлычъ, Никонъ Семенычъ, Матрена Матвѣевна и Юлій Карловичъ хлюпали ей безпрестанно; оставались равнодушными зрителями, только комикъ, который сидѣлъ въ углу, и, казалось, ничего не видалъ, и судья, которому, должно быть, тоже не понравился испанскій танецъ.

— Этакое нахальство: для дѣвицы, кажется, и не прилично-бы было; простая мужичка не согласится этакъ ломаться! сказалъ онъ про себя.

Качучею заключился вечеръ испытательнаго чтенія.—Общество снова возвратилось въ гостинную; Аполлосъ Михайлычъ еще долго разсуждалъ о театральномъ искусствѣ, и у него опять начался жаркій споръ съ Рагузовымъ, который до того забылся, что даже собственную комедію Дилетаева называлъ пустяками. Аполлосъ Михайлычъ послѣ этого пересталъ съ нимъ говорить. Комикъ раньше всѣхъ простился съ хозяиномъ, который обѣщался на другой-же день прислать ему роль. Трагикъ уѣхалъ вскорѣ за нимъ; Дарью Ивановну поѣхалъ провожать Мишель. Фани принялась читать Женитьбу; Матрена Матвѣевна очень долго сидѣла съ хозяиномъ въ гостинной и о чемъ-то потихоньку разговаривала съ нимъ. Всѣ гости отправились, конечно, въ экипажахъ: одинъ только Рымовъ пошелъ пѣшкомъ, повѣся голову.

— Что это такое: гдѣ я былъ? точно сумасшедшій домъ разсуждалъ онъ самъ съ собою; что такое говорилъ этотъ

господинъ: классическая комедія, Мольтеръ не классикъ, единство содержанія, Женитьба — фарсъ, чортъ знаетъ, что такое? Столпотвореніе какое-то Вавилонское!... хорошъ же у нихъ будетъ спектакль.... и комедія хороша, нечего сказать. Въмѣсто стиховъ — рубленая солома, но главное: каковъ Виконтъ-то — волокита, — тѣфу ты проклятые! ничего подобнаго и не слыхивалъ! Видно, въ самомъ дѣлѣ, старуха моя права; все это глупости и глупости-то страшныя; или ужъ я очень одичалъ, такъ не понимаю ничего — чортъ знаетъ что такое!

Пришедши домой, онъ засталъ жену въ постель, съ повязанной головой. Рымовъ посмотрѣлъ на нее. Анна Сидоровна отвернулась.

— Аннушка! что съ тобою? спросилъ онъ, раздвываясь; но она не отвѣчала.

— За что ты сердилъ? что такое я сдѣлалъ? Больна что-ли ты?

— Да, отвѣчала она.

— Что такое у тебя болитъ?

— Да вамъ за чѣмъ: играйте тамъ, дайте хоть умереть спокойно.

— Опять старыя пѣсни!

— Лучше-бы къ какой-нибудь поганой актрисѣ вашей отправились ночевать. Зачѣмъ меня пришли мучить?

— Тѣфу ты, дура этакая! Лежи-же, валяйся; терпѣнья нѣтъ никакого!

— Чтожъ вы, подлецъ этакой, ругаетесь? ступайте вонъ! Квартира моя — разбойникъ! еще убьете ночью, пожалуй.

Рымовъ плюнулъ и ушелъ въ другую комнату, погасилъ свѣчку и легъ на голомъ диванѣ. Прошло часа два, но ни мужъ, ни жена не спали; покрайней мѣрѣ такъ можно было заключить изъ того, что одинъ кашлялъ, а другая потихоньку всхлипывала. Наконецъ, Анна Сидоровна встала и пошла къ дверямъ комнаты, гдѣ лежалъ мужъ.

— Витя! ты спишь? начала она ласковымъ голосомъ.

— Нѣтъ, а что?

— Поди ко мнѣ, мамочка, тебѣ тамъ жестко.

— Ругаться ставешь.

— Нѣтъ, мамочка, я виновата.

Рымовъ всталъ и перешелъ къ женѣ на кровать.

— Не играй, Витя! пожалуйста, не играй: погубишь ты себя и меня!

— Чѣмъ же я погублю тебя?

— Избалуеться, мамочка, опять избалуеться, еще пожалуйста влюбишься, — вы, вѣдь, при всѣхъ, безъ стыда, цѣлуетесь, это ужъ какое дѣло семейному человеку.

— Отвяжись, пожалуйста; я спать хочу.

— Спи, ангелъ мой, авось тебя Богъ образумитъ.

Анна Сидоровна поцѣловала и перекрестила мужа.

IV.

ПЕРВАЯ РЕПЕТИЦИЯ.

Дня черезъ два, Дилетаевъ разослалъ ко всѣмъ роли; но кромѣ того, онъ захватилъ къ каждому изъ дѣйствующихъ лицъ, и сдѣлалъ имъ, сообразуясь съ характеромъ, наставленія и убѣжденія.

Осипъ Касьянычъ, получивши роль, пришелъ въ совершенный азартъ: онъ бросилъ ее на полъ, и началъ топтать ногами, произведя при этомъ случаѣ такой шумъ, что проживавшая съ нимъ сестра подумала, Богъ знаетъ, что случилось, и въ большомъ испугѣ прибѣжала къ нему.

— Батюшки, Осипъ Касьянычъ! Что это такое съ вами? спросила она.

— Чортъ, дьяволъ, бѣсъ плешивой, кричалъ судья, толкая пинками роль, — ишть, какъ вздумалъ дурачить людей.

— Голубчикъ, братецъ, расскажите, что такое случилось?

— Вамъ еще что надобно отъ меня? Ступайте къ себѣ. Ну что вамъ надобно? Лучше-бы рожу умѣли, проговорилъ онъ, обращаясь къ сестрѣ, и совершенно разстроенный, ухалъ къ откупщику, гдѣ игралъ цѣлый день въ карты, и, сверхъ обыкновенія, проигралъ пять-сотъ рублей, бѣднѣя и теряясь каждый разъ, когда его спрашивали, какую онъ будетъ играть роль. Послѣ такого рода непріятностей, почтенный

суляю театр, конечно, забыть и думать, а пустился въ Закавказскій преферансъ, и выигралъ уйму денегъ, ограничась въ отношеніи своей роли только тѣмъ, что, когда, при его глазахъ, лакей, метя комнату, задѣлъ щеткой тетрадку и хотѣлъ было ее вынести вмѣстѣ съ прочею дрянью, онъ сказалъ: не тронь этого, пусть тутъ валяется; но тѣмъ и кончилось.

Гораздо добросовѣстнѣе исполнялъ порученіе Дилетаева Юлій Карловичъ. Не смотря на то, что женѣ его сдѣлалось въ тотъ день еще хуже, что около него шумѣли и кричали пѣлый пятокъ различнаго возраста дѣтей, онъ тотчасъ-же началъ учить роль; но, къ несчастію, память совсѣмъ отказывалась. Пробывши, безъ всякаго успѣха, часа три, Вейсборъ рѣшился ѣхать за совѣтомъ къ учителю исторіи въ увѣдномъ училищѣ, который, по общей молвѣ, отличался необыкновенною памятью, и который дѣйствительно далъ ему нѣсколько спасительныхъ совѣтовъ: онъ предложилъ заучивать вечеромъ, но не утромъ, потому, что по утрамъ разумъ скоро воспринимается, но скоро и утрачивается; въ мѣстахъ, которыя не запоминаются, совѣтовалъ замѣчать нѣкоторые сосѣдственные имъ, видимые признаки, такъ на примѣръ: пятнышко чернильное, черточку, а если ничего этакого не было, такъ можно и нарочно дѣлать, то есть: мазнуть по бумагѣ пальцемъ, капнуть саломъ и тому подобное, доказывая достоинство этого способа тѣмъ, что посредствомъ его онъ выучилъ со всею хронологіею исторію Карамзина, — по его словамъ, метода самаго Ландкастера, противъ изобрѣтенной имъ методы, никуда не годится. Способъ дѣйствительно, надо полагать, былъ хорошъ. Для черезъ два, послѣ тщательнаго упражненія, Юлій Карловичъ зналъ уже четыре явленія очень порядочно.

Не малаго Аполлосу Михайлычу стоило труда уговорить и Дарью Ивановну принять на себя роль тетki въ Женитьбѣ. Не смотря на то, что эта роль была очень маленькая, молодая дама рѣшительно отказывалась, говоря по прежнему, что она расхохочется на первомъ словѣ; но Аполлосъ Михайлычъ увѣрялъ, что если она только выйдетъ на сцену и постоитъ, такъ и то будетъ прелестно.

Трагика тоже было трудно уломать взять роль Кочкарева. Аполлосъ Михайлычъ употребилъ для этого лесть, говоря, что Никону Семенычу всякая роль по плечу, и что онъ изъ грязи сдѣлаетъ бриллиантъ,—тотъ, наконецъ, согласился; и пробывая роль, восклицалъ: «этакая гадость, сальность! Что-то такое мужицкое, бурлацкое», и снова началъ отказываться, но Дилетаевъ снова польстилъ, и трагикъ окончательно согласился, и очень скоро выучилъ роль, хотя и была она ему не по сердцу. Про *Братъевъ Разбойниковъ* и говорить нечего,—онъ эту поэму почти всю самъ пересоздалъ, и все это время походилъ совершенно на сумасшедшаго чело-вѣка: никого не принималъ, никуда не ѣздилъ, а все занимался по этому предмету, и въ концѣ недѣли уже прислалъ Фани роль Елены — любовницы, совсѣмъ отдѣланную и переписанную. Фаничка тоже дѣйствовала отъ души. Роль Гризетки она уже знала превосходно на-изусть. Роль Невѣсты выучила въ два дня, и наконецъ, хотя и не съ большимъ желаніемъ, принялась за роль Елены Качучу она уже танцевала очень мило.

Въ племянникъ своемъ Дилетаевъ встрѣтилъ опять большое затрудненіе: Мишель никакъ не хотѣлъ играть, и даже нагрубилъ ему въ такой мѣрѣ, что онъ принужденъ былъ выгнать его изъ дому, и рѣшился было написать записку къ аптекарю, и просить того, не смотря на картавый выговоръ и совершенное незнаніе Русскаго языка, — сыграть Анучкина; но впрочемъ молодой чело-вѣкъ, сходявши къ Дарьѣ Ивановнѣ, опомнился: взялъ роль, и началъ ее изучать вмѣстѣ съ нею. Не знаю, дѣйствительно-ли они учили свои роли, но только говорили безпрестанно. Докторъ, пользовавшій молодую даму, потомъ рассказывалъ объ ней, именно объ этомъ времени, какіе-то скандальные анекдоты, и даже позволилъ себѣ говорить, что, пріѣхавши однажды, онъ засталъ ее на поцѣлуѣ съ Мишелемъ; но этому впрочемъ не вѣрили, потому, что докторъ издавна отличался слетнями, и тѣмъ только составилъ себѣ практику и извѣстность.

Что касается до комика, то предчувствіе Анны Сидоровны, что театръ опять собьетъ его съ панталыку, отчасти на-

чало оправдываться. Въ тотъ-же день, онъ не пошелъ въ комнату, а ушелъ во вторую комнату, затворилъ дверь, заставилъ ее комодомъ и принялся что-то бормотать. Не осушая глазъ, бѣдная женщина готовила въ этотъ день кушанье; но есть ничего не могла. — Браниться и говорить мужу тоже не хотѣла: она по опыту знала, что отъ этого не будетъ никакой пользы. Вечеромъ, она отправилась ко всенощной, и со слезами молилась, да отвратится отъ Вити ея это дьявольское навожденіе, такъ какъ она полагала, что онъ непременно испорченъ актрисами, и что на него съ вѣтру напущена эта блажь.

Когда она пришла домой, Рымовъ вышелъ уже изъ своей засады. Ему, видно, стало жаль жены, и онъ хотѣлъ было разумить ее, но тщетно; она заткнула себѣ уши, и не хотѣла ничего слушать. Комикъ разсердился и по прежнему легъ на диванъ. На этотъ разъ, Анна Сидоровна не звала уже его къ себѣ, и такимъ образомъ, долженъ съ грустью я сказать, что послѣ пятилѣтней спокойной жизни, супруги снова провели всю ночь на одинокихъ ложахъ, какъ это и часто случалось, когда Викторъ Павлычъ былъ въ труппѣ. На другой день Рымовъ, впрочемъ пошелъ въ контуру. Анна Сидоровна рѣшилась безъ него употребить послѣднее средство: она подсматрѣла, куда мужъ спряталъ свою тетрадку, нашла ее, изорвала на мелкіе кусочки и сожгла. Пришедши домой, комикъ сейчасъ-же хватился своей роли, но не нашелъ, и, вѣроятно, догадался о постигшей ея участи; но это для него ничего не значило: онъ тотчасъ-же написалъ всю роль на память, и какъ-бы въ досаду, показалъ ее Аннѣ Сидоровнѣ; но та уже и отвѣчать ничего не могла, а только вздохнула, и чтобы отплатить неверному, ушла на цѣлый вечеръ къ одной сосѣдкѣ, и тамъ, насколько доставало у ней силы, играла равнодушно въ свои козыри; но возвратившись домой, опять впала въ тоску и легла. Не смотря на всѣ эти отчаянныя поступки жены, Рымовъ, кажется, рѣшился поставить на своемъ, и не обращалъ никакого вниманія на нее, что, конечно, еще болѣе убивало Анну Сидоровну.

Семнадцатаго Февраля была назначена, по распоряженію Аполлоса Михайлыча, первая репетиція. Дилетаевъ, какъ клас-

спикъ и человекъ опытный въ театральномъ дѣлѣ, настаивалъ, чтобы репетировали въ костюмахъ, и весьма сожалѣлъ, что сцена, по многимъ мѣстнымъ неудобствамъ, не была еще окончательно готова. Передъ началомъ репетиціи, Аполлосъ Михайлычъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, погруженный въ тихое раздумье. »Я и Фани будемъ отличны«, разсуждалъ онъ про себя, »Рагузовъ будетъ эффектенъ, Рымовъ одной своей фizioноміей насытитъ всѣхъ. Матрена Матвѣевна будетъ тверда въ своей роли, ну, а если прочіе сыграютъ и посредственно, то все-таки спектакль сойдетъ хорошо. Главное надобно, чтобы всѣ позаботились о костюмахъ, и твердо-бы знали свои роли, а тамъ ужъ, музыкой и освѣщеніемъ, можно будетъ пылъ въ глаза бросить».

Стулья въ залѣ, въ которомъ должна была происходить репетиція, еще съ утра были разставлены въ томъ порядкѣ, какъ слѣдуетъ, то есть: часть ихъ отдѣлена для зрителей, а два кресла были поставлены на мѣсто, назначенное для сцены; выходить должны были изъ кабинета и изъ корридора. Дѣйствующія лица собрались въ шесть часовъ; Аполлосъ Михайлычъ, Матрена Матвѣевна и Фаничка. пошли одѣваться. Зрителями первой пьесы были: Рымовъ, Рагузовъ, Дарья Ивановна съ Мише-лемъ и Юлій Карловичъ съ судьей: послѣдній былъ, замѣтно, въ состояніи полного ожесточенія и глядѣлъ совершеннымъ медвѣдемъ на всѣхъ и на все. Кромѣ этихъ зрителей не было никого смотря на убѣдительныя просьбы некоторыхъ чиновникова: и помѣщиковъ посмотреть репетицію, Аполлосъ Михайлычъ отказывалъ всѣмъ и каждому наотрѣзъ, имѣя въ виду, что отъ этого потеряетъ много эффекту самый спектакль. Черезъ часъ, изъ корридора вышла Матрена Матвѣевна въ напудренной прическѣ маркизы временъ Людовика XIV и въ бальномъ платьѣ; вскоре за ней явился и Виконтъ въ бархатномъ кафтанѣ, золотомъ камзолѣ, весь въ кружевахъ, въ парикѣ, съ маленькой шляпой, въ бѣлыхъ коротенькихъ и узенькихъ брюкахъ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ. Въ этомъ костюмѣ, Аполлосу Михайлычу никто бы не далъ пятидесяти лѣтъ; но сверхъ того, самыя манеры его какъ будто-бы измѣнились: онъ былъ живъ, рѣзовъ, вертлявъ и ловокъ — такъ, что своею особою невольно бросалъ весьма невыгодный оттѣнокъ

на Маркизу, которая, сравнительно съ нимъ, далеко не выражала ловкой Парижанки. Никонъ Семенычъ, какъ знатокъ театра, замѣтилъ это съ перваго раза. Репетиція началась и продолжалась въ полномъ порядкѣ, и только Матрена Матвѣевна, несмотря на твердое и прилежное изученіе роли, все еще сбивалась; въ этомъ виновать былъ отчасти суфлёръ, въ которые Аполлосъ Михайлычъ выбралъ своего управляющаго, чловѣка хорошо читающаго и очень аккуратнаго; но аккуратность-то эта именно и вредила тутъ. Матрена Матвѣевна, какъ мы уже знаемъ, говорила очень скоро и кой-что пропускала, а суфлёръ, никакъ не успѣвавшій за нею слѣдить, когда она останавливалась на концѣ фразы, не желая, по своей аккуратности, ничего пропускать, подсказывалъ ей проговоренный монологъ, отъ чего и выходила путаница, которая до того разсердила Аполлоса Михайлыча, что онъ назвалъ суфлёра дуракомъ. Впрочемъ, явленіе съ гризеткою выкупило все. Юлій Карловичъ пришелъ въ восторгъ: даже Рагузовъ похвалилъ; хлопали и Мишель съ Дарьей Ивановной; но они, я полагаю, дѣлали это съ насмѣшкою. *Исправленный повѣсть*, наконецъ, былъ прорепетированъ. Матрена Матвѣевна просила Аполлоса Михайлыча еще поучить ее; онъ, конечно, общался и тутъ же сдѣлалъ замѣчаніе на счетъ туалета, говоря, что, хотя балльное платье ея прелестно, но несогласно съ модою того времени, и общался привести ей риеунокъ, по которому она и должна будетъ шить себѣ платье, вполне приличное Маркизѣ.

За этой пѣсней слѣдовала Женильба; но она вовсе не такъ была удачна, какъ первая. Сцены тетки съ невѣстой и наконецъ со свахой были очень слабы. Дарья Ивановна, никакъ не хотѣвшая надѣть настоящаго костюма, только стояла на сценѣ, и когда суфлёръ обращался къ ней, говоря: «вамъ», она отвѣчала: «скажи за меня,—я еще не вѣстала». Фани была лучше всѣхъ, хотя, конечно, походила болѣе на барышню, нежели на купчиху; но по крайней мѣрѣ она знала свою роль. Матрена Матвѣевна, успѣвшая уже переодѣться, тоже знала свою роль, но и здѣсь у ней проявлялся прежній ея недостатокъ: она, то говорила очень твердо, то останавливалась, и, по неискусству суфлёра, не могла уже скоро поправиться. Сцена жениховъ рѣшительно

никуда не годилась; судья и Мишель были безъ костюмовъ. Первый, вставая, объявить, что онъ еще и не училъ своей роли, и потому сталъ, съ трудомъ разбирая, читать ее по тетрадкѣ такимъ тономъ, какимъ обыкновенно читаются дѣловыя бумаги. Мишель былъ несносенъ: онъ, подобно Дарьѣ Ивановичу, вздумалъ было заставлять сфелера читать за себя, но Аполлосъ Михайлычъ вышелъ изъ терпѣнія: крикнулъ на него и требовалъ, чтобы онъ непременно игралъ настоящимъ манеромъ. Мишель, надувшись, началъ читать; но безъ всякаго одушевленія. Юлій Карловичъ, несмотря на все свое усердіе, былъ тоже не совсѣмъ удовлетворителенъ, потому что онъ болѣе старался, нежели игралъ. Аполлосъ Михайлычъ качалъ головой, Рагузовъ тоже качалъ головой, но только съ насмѣшкою. Рымовъ блѣднѣлъ и краснѣлъ. Передъ тѣмъ явленіемъ, въ которомъ Подколесинъ долженъ былъ выйти съ Кочкаревымъ, комикъ подошелъ къ Дилетаеву.

— Піеса эта не можетъ идти, Аполлосъ Михайлычъ, сказалъ онъ печальнымъ голосомъ.

— Это отъ чего?

— Она очень сложна, вы лучше замѣните ее другою: мы только будемъ путать.

— Ахъ, мой почтенный, какъ вы мало это дѣло знаете! Отъ чего теперь путаютъ? Отъ того, что не знаютъ своихъ ролей, а когда выучать, то пойдетъ прекрасно.

— Нѣтъ, вообще ее играютъ невѣрно.

— Согласенъ: но что же такое? Да и кромѣ того: чегоже вы хотите отъ фарса; его только надобно твердо выучить, а тамъ и будетъ смѣшно. Выходите, мой милый, играйте, смѣните насъ, а о прочемъ не беспокойтесь, это мое дѣло привести все въ порядокъ. Конечно она не можетъ идти такъ, какъ идетъ моя комедія, но никто этого и не требуетъ: достаточно, если мы будемъ смѣяться. Выходите, почтеннѣйшій Никонъ Семенычъ, вамъ слѣдуетъ!

Никонъ Семенычъ не хотя всталъ и пошелъ вмѣстѣ съ комикомъ на сцену; но несмотря на то, что трагикъ былъ твердъ въ своей роли, что Рымовъ скроилъ пресмѣшную фізіономію, первое дѣйствіе окончилось очень слабо.

Комикъ не выдержалъ: махнулъ рукою, отошелъ и всталъ къ окну. Рагузовъ смѣлся. Мишель съ Дарьей Ивановой тоже смѣялись. Аполлосъ Михайлычъ былъ въ безпокойствѣ.

— Не конфузьтесь, господа, сдѣлайте милость, не конфузьтесь: въ такомъ дѣлѣ, по началу судить нельзя. Извольте начинать второе дѣйствіе. Фаничка! тебѣ, мой другъ, говорить онъ.

— Mon oncle, да что, я не знаю; у насъ что-то нехорошо идетъ, отвѣчала Фани.

— Ничего, моя милая, начинай!

— Что вамъ за охота, Аполлосъ Михайлычъ, заставлять насъ ломаться? замѣтилъ трагикъ.

— Не ломаться, Никонъ Семенычъ! поверьте, что не ломаться: выйдетъ недурно; для полноты спектакля эта пѣсса необходима: что не удастся въ ней, то наши съ вами вывезутъ. Начинай же, Фани!

Фаничка начала. Явился потомъ Кочкаревъ, и, сверхъ ожиданія, это явленіе сошло очень недурно; но при появленіи прочихъ жениховъ, опять пошла путаница, и они кое-какъ были прогнаны невестой. Съ уходомъ ихъ, пѣсса пошла даже отлично. Рымовъ въ сценѣ съ невестой превзошелъ всѣ ожиданія. Всѣ разразились смѣхомъ; даже Фаничка не удержалась и захохотала. Последующія явленія его съ Кочкаревымъ были хороши, а послѣдній монологъ, послѣ котораго онъ выскакивалъ въ окно, неподражаемъ. Аполлосъ Михайлычъ хлопалъ, какъ сумасшедшій, и говорилъ, что всѣ и все отлично. Но я долженъ сказать, что не все было отлично: трагикъ рѣдко попадалъ въ настоящій тонъ; Фаничка тоже; Аполлосъ Михайлычъ, впрочемъ, увѣрялъ, что это происходило отъ того, что она была слишкомъ молода для этой роли. Комикъ, съ нахмуреннымъ и сердитымъ лицомъ, сѣлъ на дальній стулъ и задумался.

— Вы извините меня, Аполлосъ Михайлычъ, сказалъ Юлій Карлычъ, подходя къ хозяину, что я не такъ твердо знаю. Право, я совершенно не имѣю памяти.

— Ничего, Юлій Карлычъ! Терпѣніе все преодолеваетъ; вы еще удовлетворитесь прочихъ.

Судья, подобно комику, усьлся въ углу и ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова. Трагикъ и Фаничка скрылись. По окончаніи Женитьбы, слѣдовала, какъ переименовать Рагузовъ, драматическая фантазія, *Братья разбойники*. Черезъ полчаса, изъ кабинета хозяина вышелъ Никонъ Семенычъ въ извѣстномъ уже намъ костюмѣ, т. е. въ красныхъ широкихъ шальварахъ, перетянутый шелковымъ, изумруднаго цвѣта, кушакомъ, въ какомъ-то легонькомъ казакинѣ, [въ ухарской шапочкѣ, съ усами, набѣленный и нарумяненный.

— Гдѣ же другіе разбойники? спросилъ онъ.

— Будутъ, будутъ, не беспокойтесь, отвѣчалъ хозяинъ, сегодня, конечно, не въ костюмахъ, но это ничего.

— Отъ чего же въ вашей пьесѣ всѣ были костюмированы? проговорилъ съ досадою Рагузовъ.

— Какъ же вы, Никонъ Семенычъ, сравниваете съ моей пьесой: тамъ только три лица, а у васъ десять; кромѣ того, моя комедія уже три года, какъ готова; а ваша только еще вчера сочинилась.

— Извините: она постарше вашей, о себѣ-то вы все придумали, а о другихъ только нѣтъ.

— Я думаю обо всѣхъ и обдумалъ уже все, костюмы ваши не сложны, они въ два дня поспѣютъ.

Явилась Фани въ костюмѣ любовницы разбойника, и можно сказать, что нарядъ ея былъ очень хорошъ. На головѣ ея была тоже какая то шапочка, станъ обхватывался коротенькимъ съ корсажемъ платьемъ, сшитымъ наподобіе швейцарскихъ.

— Этотъ костюмъ невѣренъ, *Mademoiselle*, сказалъ трагикъ, осматривая ее.

— Мнѣ дядинка его сочинилъ, отвѣчала Фани.

— Какъ вы, Никонъ Семеновичъ, говорите — невѣренъ, воскликнулъ Дилетаевъ, сами назвали поэму драматической фантазіей, а не довольны фантастическимъ костюмомъ. На васъ самихъ костюмъ очень необыкновенный.

— У меня то ужъ вовсе обыкновенный и самый національнѣйшій.

— Ну и прекрасно, будь по вашему; я уже себя далъ слово съ вами не спорить: Фани будетъ играть въ этомъ костюмѣ. Это рѣшено.—Трагикъ насмѣшливо улыбнулся.

— А гдѣ же разбойники? повторилъ онъ.

— Сей-часъ.... Юлій Карловичъ, Мишель, Осигъ Касьянычъ, пойдите въ разбойники, произнесъ хозяинъ, приподымаясь. Викторъ Павлычъ! потрудитесь и вы; мы васъ одѣнемъ старымъ подъячимъ, которые всегда присутствовали въ разбойничьихъ шайкахъ.

На этотъ призывъ хозяина поднялся только одинъ Юлій Карлычъ.

— Сдѣлайте милость, господа, повторилъ настоятельно хозяинъ, Мишель, ступай, кинь папиросу, точно не накуришься! Осигъ Касьянычъ, пожалуйста, полно вамъ тамъ сидѣть въ углу. Викторъ Павлычъ, пойдите, прибавилъ хозяинъ, беря комика за руку.

Гости не хотѣ выплы на сцену.

— Только-то? спросилъ Никонъ Семенычъ.

— Покуда только, а на представленіе я приготовлю лакеевъ. Размѣщайте картину сообразно вашему плану.

Трагикъ началъ: на аван-сцену онъ посадилъ самаго хозяина въ позѣ кровождажнаго эсаула. Судью, какъ онъ не отпѣкивался, Никонъ Семенычъ положилъ на землю планши и велѣлъ ему дремать; Мишель былъ тоже положенъ, но съ лицомъ, обращеннымъ къ самому трагику. Комикъ посаженъ былъ на корточкахъ: актерская натура его и тутъ не выдержала: онъ скорчилъ такую уморительную физиономію, что всѣ разбойники и дамы захохотали. Фани посажена была около самаго Никона Семеныча и должна была опираться на его плечо; она исполнила это съ большимъ надъ собою усиліемъ.

Твердо, съ одушевленіемъ и съ большою драматическою аффектаціей, началъ Никонъ Семенычъ свою роль, обращаясь попеременно, то къ тому, то къ другому разбойнику, которые слушали его; но онъ, по преимуществу, остался доволенъ самимъ хозяиномъ и комикомъ. Первый, дѣйствительно, дѣлалъ чрезвычайно звѣрскую физиономію, когда трагикъ рассказывалъ о убогомъ и о богатомъ жидѣ, которыхъ онъ рѣзалъ на

дорогъ; второй же выражалъ другого рода чувства: робость, подлость и вмѣстѣ съ тѣмъ тоже кровожадность, и былъ такъ смѣшонъ, что бывшія зрительницами, Матрена Матвѣевна и Дарья Ивановна, не смотря на сурьезное содержаніе пьесы, хохотали. Фани, въ роли любовницы, была хороша, только очень мало обращалась къ своему любовнику, впрочемъ произносила стихи съ чувствомъ. — Драматическая фантазія сошла очень удовлетворительно, такъ, что Аполлосъ Михайловичъ сказалъ:

— Я не ожидалъ, чтобы все это сошло такъ недурно. Вы очень хороши, Никонъ Семенычъ, въ драматической поэзіи.

За тѣмъ слѣдовала пѣсня «осыдаю комя» Дарьи Ивановны и качуча Фани. Хозяинъ настоялъ, чтобъ и они прорепетировали, и привелъ по этому случаю известную пословицу: *Repetitio mater studiorum*. Дарья Ивановна, acompанируя себя, пропѣла свой *chef-d'oeuvre* и привела снова въ восторгъ Никона Семеныча, который приблизился было къ ней съ похвалою, но въ тоже время подошелъ къ молодой дамѣ Мишель, и она, отвернувшись отъ трагика, заговорила съ тѣмъ. Фаничка подсыла къ комику.

— Какъ вы хорошо играете, сказала она, лучше всѣхъ насъ; вы поучите меня играть?

— Наша пѣса не пойдетъ, отвѣчалъ тотъ.

— Отъ чего же?

— Она очень дурно выполняется.

— Но вы хорошо играете.

— Я одинъ ничего не значу.

— Фаничка, тебѣ танцовать качучу; переодевшись, моя милая, въ другой костюмъ, произнесъ Аполлосъ Михайловичъ.

Фани убѣжала въ свою комнату, и когда явилась, то была уже одѣта совершенно по балетному: даже въ трико, которое нарочно купилъ для нея Аполлосъ Михайловичъ въ Москвѣ. Дарья Ивановна съѣла играть за фортепiano; впечатлѣніе, произведенное танцами Фани, было таково же, какъ и прежде. Трагикъ качалъ отъ удовольствія головою; Матрена Матвѣевна дѣлала ей ручкой, комикъ смотрѣлъ на дѣвушку гораздо внимательнѣе, чѣмъ въ первый разъ.

Актеры разошлись очень поздно, оставивши хозяина въ совершенномъ утомленіи. Пришедши въ свой кабинетъ, Аполлосъ Михайловичъ бросился въ свои покойныя кресла.

— Охъ, Творецъ небесный, какъ я усталъ!— вотъ пословица говорится: охота пуще неволи; ахъ, какъ все они мало искусство-то понимаютъ: просто, никто ничего не смыслить! произнесъ онъ самъ съ собою, и, будучи уже болѣе не въ состояніи ничего ни думать, ни дѣлать, раздѣлся и бросился въ постель.

V.

хлопоты антрепренера.

На другой день, Дилетаевъ лежалъ еще въ постель, когда подали ему письмо отъ Рымова, въ которомъ тотъ отказывался играть, и писалъ, что у него больна жена, и что комедія, въ которой онъ участвуетъ, такъ дурно идетъ, что се непременно слѣдуетъ исключить.

— Вотъ тебѣ на! проговорилъ Аполлосъ Михайловичъ совершенно пораженный. На кого была надежда, тотъ и лопнулъ. Завидно вотъ, почему моя пьеса идетъ лучше всего. — Какое это дьявольское артистическое самолюбіе! Съ простыми людьми, право, легче составлять спектакли; тѣ по крайней мѣрѣ не умничаютъ, а исполняютъ, что велать. Велика фигура—мѣщанинъ какой-то, и тотъ важничаетъ!

Но и простые люди вышли не лучше комика: судья тоже прислалъ записку, въ которой на прямой отказывался, и уведомлялъ, что онъ завтра-же отбываетъ въ отпускъ въ губернію.

Дилетаевъ не выдержалъ, и, разорвавши обѣ записки на мелкія куски, бросилъ ихъ на полъ.

— Вотъ вамъ люди! — продолжалъ онъ, обращаясь къ окну, изъ котораго виднѣлась городская площадь, усыпанная, по случаю базара, народомъ, — позови обѣдать, — такъ пышномъ прибудутъ! покровительство нужно, — на колѣни, подмечь, встанетъ, въ грязи въ ноги поклонится! а затѣй что-нибудь поблагороднѣе, такъ и жена больна. и въ отпускъ

надобно ъхать.... погодите, мои милые, дайте мне только дѣло это кончить: въ калитку мою вы не заглянете...

Размысливши хорошенько, Аполось Михайлычъ о судьѣ уже не жалѣть, потому что тотъ и по характеру быть большой певѣжа да и играть совершенно не умѣть; но комикъ Дилетасъ поклялся не выпускать изъ рукъ, вслѣдствіе чего тотчасъ-же спросилъ себѣ одѣваться, вѣльѣ закладывать лошадей, и проѣхалъ прямо къ Рымову. Здѣсь онъ увидѣлъ довольно странную сцену: на стулѣ, у окна, сидѣлъ со всѣмъ растрепанный комикъ, съ лицомъ мрачнымъ и немывымъ; тутъ же на маленькой скамейкѣ, прикинувши головой къ колѣнямъ мужа, сидѣла Анна Сидоровна, уставивши на него свои маленькіе глаза, исполненные нежности. Кромѣ того она цѣловала его руку. Читатель, вѣроятно, догадывается, что подобное семейное счастье возникло вслѣдствіе отказа Рымова участвовать въ спектакль.

— Виновать.... проговорилъ Аполось Михайлычъ, попятившись назадъ.

Комикъ вскочилъ и толкнулъ жену ногою; та вскрикнула и убѣжала.

— Сдѣлайте мнѣ, не беспокойтесь. Я прѣхалъ на два слова: побраню васъ и уйдѣ, проговорилъ гость, между тѣмъ, какъ сконфуженный хозяинъ рѣшительно не находилъ, какъ бы поправить свой туалетъ.

— Позвольте, произнесъ онъ, хватаясь за пальто и натягивая на себя.

— Опять повторяю, не беспокойтесь, проговорилъ гость, артистамъ, другъ съ другомъ, нечего церемониться. Во первыхъ, супруга ваша не больна; во вторыхъ, комедія идетъ безподобно; стало быть, всѣ препятствія разбиты мною въ прахъ, и слѣдовательно, вы не скроете и не закопаете вашего таланта, а блеснете имъ во всей красѣ.

— Нѣтъ-съ, я не могу играть, Аполось Михайлычъ, — возразилъ комикъ.

— Вы можете и вы будете играть.

— Помилуйте, сдѣлайте мнѣ, не беспокойтесь: мой

мужъ не такъ здоровъ, за чѣмъ-же ему себя изнурять, произнесла, выходя, Анна Сидоровна, въ сильномъ волненіи.

— Мужъ вашъ, сударыня, здоровъ, вы тоже; все обстоитъ благополучно, по этому они будутъ играть, а вы будете любоваться. Мнѣ очень совѣстно, что вы не пожаловали на нашу первую репетицію. Я, въ моихъ хлопотахъ, совершенно забылъ послать за вами экипажъ; но впередъ этого ужъ не будетъ.

— Благодарю васъ; я не охотница, произнесла она отрывисто. Вы кажется, Викторъ Павлычъ, сами говорили, что больны, и, кажется, не молоденькой ломаться. Что же это такое?, кто васъ не позоветъ, вы сейчасъ соглашаетесь, прибавила она, обращаясь къ мужу. Комикъ стоялъ нахмурившись; Дилетаевъ вышелъ изъ тергѣнья и пожалъ плечами.

— Я имѣю, сударыня, дѣло не съ вами, а съ вашимъ мужемъ, замѣтилъ онъ. Не угодно-ли вамъ, Викторъ Павлычъ, по крайней мѣрѣ, объяснить мнѣ, почему вы не желаете участвовать въ нашемъ спектаклѣ. Общество у меня собрано приличное, и васъ ни коимъ образомъ не можетъ компрометировать. Если вы недовольны пьесой, то и это опять несправедливо. Вы сами ее очень хвалили. Я, съ своей стороны, готовъ-бы даже быть уступить вамъ свою роль изъ моей комедіи, которая дѣйствительно идетъ очень хорошо. Но, сами согласитесь: я авторъ и писалъ ее нарочно для себя. Кроме того, Викторъ Павлычъ, я позволяю себѣ вамъ замѣтить, что у меня играютъ люди благородные, которые и не сродны къ этому дѣлу, и заняты другими обязанностями; но они, желая доставить мнѣ удовольствіе, играютъ. Я долженъ прямо вамъ сказать, что въ послѣдствіи времени, могъ-бы быть полезенъ для васъ.

— Намъ, бѣднымъ людямъ, не слѣдъ мѣшаться между благородными, возразила Анна Сидоровна. Но Аполлосъ Михайлычъ не обратилъ никакого вниманія на ея слова.

— Сдѣлайте милость, господинъ Рымовъ, рѣшите мое сомнѣніе, отнесся онъ къ комику.

— Я отказываюсь потому, что эта пьеса не можетъ идти, — отвѣчалъ тотъ.

— Отъ чего-же не можетъ?

— Отъ того, что никто не играетъ.

— Вовсе нѣтъ-съ, напротивъ: всѣ играютъ, а ролей только еще не знаютъ. Развѣ Фани не играетъ? Развѣ Никонъ Семеновъ не отчетливо хороше въ Кочкаревъ?

— Они знаютъ роли.

— И съ этимъ я не согласенъ. Они выполняютъ роли, а прочіе тоже выучать, — это ужъ мое дѣло!

— Прочіе даже и стоять на сценѣ не умѣютъ.

— Вы очень строго судите, милой мой, возразилъ Аполлосъ Михайлычъ. Не знаю, участвовали-ли вы когда-нибудь въ благородныхъ спектакляхъ, но только я скажу, что это совсемъ другое дѣло, чѣмъ публичный театръ. На насъ будутъ смотреть, какъ на любителей, которые, для собственнаго удовольствія, разучили нѣсколько сценъ — и только. Вы сказали, что Осипъ Касьянычъ, Юлій Карлычъ и Мишель, не умѣютъ стоять на сценѣ. Это совершенно справедливо, и поверьте: я, имѣя это въ виду, сегодня ночью придумалъ превосходный оборотъ. Мы выкинемъ изъ пьесы всѣ сцены, гдѣ участвуетъ экзекуторъ, морякъ, офицерикъ этотъ, и, наконецъ, сваха и тетка.

— Какъ-же вы это выкинете, спросилъ комикъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Такъ просто, какъ обыкновенно выкидываютъ.

— Тогда выйдетъ чушь, которой нельзя будетъ и понять, возразилъ комикъ.

— Изъ фарса, г. Рѣмовъ, что ни дѣлай, никогда чушь не выйдетъ, потому что онъ самъ по себѣ, чушь. Но эта пьеска переработается даже прекрасно, такъ что перецеголяеть, я думаю, подлинникъ, потому что будетъ имѣть единство.

— Нѣтъ-съ, этого нельзя.

— Нѣтъ-съ, можно! Извольте слушать: первое явленіе: вы со слугой. Слугу буду играть я самъ. Угодно вамъ? хотя это и не моя роль, и не моего вкуса, но для театра я готовъ пожертвовать всѣмъ. Свахи нѣтъ. Является Кочкаревъ и съ нимъ вся сцена. Потомъ, зачеркивается все, и начинается съ того мѣста, гдѣ невеста разсуждаетъ о женихахъ. Приходитъ Коч-

каревъ, советуешь ей брать Подколесна, и приводить его. а тутъ опять можетъ идти все съюпитъ. Такимъ образомъ, пьеса прекрасно начнется и отлично кончится.

Комикъ все еще недоумевалъ, но было замѣтно, что остроумная выдумка Аполлоса Михайлыча сильно его поколебала.

— Полноте, мой любезнѣйшій Викторъ Павлычъ, нечего тутъ думать и разсуждать. Поѣдьте сей-часъ-же ко мнѣ, и примемся за передѣлку комедіи. Нехуже-же, чортъ возьми, мы справимся съ этимъ дѣломъ Рагузова: онъ прибавляется, а мы будемъ убавлять. Я мастеръ на эти дѣла. Если-бы охота пришла, такъ-бы этакихъ фарсовъ по десятку въ ночь писалъ. Ну-съ — по рукамъ!... прибавить Дилетасевъ.

— Я такимъ образомъ согласенъ-съ, проговорить комикъ. Анна Сидоровна поблѣднѣла и задрожала. Она взглянула на мужа; но тотъ отвернулся.

— И такъ, произнесъ съ восторгомъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Сейчасъ буду готовъ, отвѣчалъ Рымовъ, и ушелъ въ сосѣднюю комнату. Анна Сидоровна кинулась было за нимъ, но дверь была заперта.

— Какъ я радъ, что уговорить вашего супруга, отнесся къ ней гость, но она ничего ему не отвѣтила, и тотчасъ же вышла изъ комнаты, прошла въ кухню, села на лавку, и горько заплакала.

Рымовъ уѣхалъ съ Дилетасевымъ.

«Ксентъба» въ одинъ день была перодѣлана, какъ нельзя удобнѣе для сцены. Въ далѣйшее за тѣмъ время, Аполлосъ Михайлычъ работалъ неутомимо. Онъ пригласилъ городскихъ жителей всѣхъ классовъ, и разослалъ нѣсколько приглашеній-билетовъ къ помѣщикамъ въ усадьбы. Репетиціи шли довольно ужъ твердо. Костюмы для разбойниковъ были приготовлены. Матрена Матвѣевна менѣе и менѣе оппбалась въ репликахъ. Рымовъ смѣшилъ всѣхъ до истерики; однимъ словомъ, все это было хорошо, и Дилетаса безпокоила одна только механическая часть. Представленіе должно было проійти на фабрикѣ у купца Яблочкина, производящаго по лотна, который, по просьбѣ Дилетаса и по старшему съ

нимъ знакомству, дать для театра огромную залу въ своемъ заведеніи; но все-таки, онъ былъ купецъ, и поэтому имѣлъ большіе предразсудки, такъ, напримеръ: залу дать, — даже фабричное производство на всю масленицу остановить, по требовалъ, чтобы ни одного гвоздя ни въ полъ, ни въ стѣны не было вколочено. Прошу, при такихъ условіяхъ, помѣстить всю театральную обстановку! Одна только гениальная изобрѣтательность и необыкновенное знаніе дѣла Аполлоса Михайлыча могли все это обдѣлать. Въ залѣ, предназначенной для публики, было поставлено нѣсколько рядовъ креселъ и сверхъ того, взадѣ, возвышался амфитеатромъ раскѣ для купцовъ и мещанъ. Сцена была возвышенная; подзоры, очень затѣйливо нарисованныя подъ пунцовыя бархатныя драпиріи, повѣсились. Декораціи, то есть: голубая комната, а на другой сторонѣ желтая, и лѣсъ, были привезены изъ усадьбы Дилетаева и поставлены. Наконецъ, опустился и передній занавѣсъ, — онъ былъ вновь изготовленъ. Антрепренеръ показалъ и здѣсь неподражаемую свою изобрѣтательность: у него были очень старинныя, но прелестныя французскіе обои, которые представляли маленькихъ, летящихъ амурчиковъ, и еще тоже старинный, но прекрасной работы, эстампъ, изображающій Талію. Эта-то талія и сотни три амурчиковъ были вырѣзаны изъ своихъ мѣстъ и наклеены на голубой коленкоръ. Талія конечно помѣстилась въ серединѣ и къ ней со всѣхъ сторонъ слетались амурчики; видъ былъ прелестный, особенно, при вечернемъ освѣщеніи. Аполлосъ Михайлычъ водилъ всѣхъ своихъ актеровъ полюбоваться своимъ изобрѣтеніемъ. Уборныя для мущинъ и дамъ были тоже приготовлены: кавалерамъ въ холодномъ чуланѣ, для согрѣванія котораго Дилетаевъ предполагалъ въ день представленія поставить три самовара; а для дамъ въ сосѣдней сторожкѣ, которую, по этому случаю, оклѣили обоями, а находящуюся въ ней русскую печь заставили ширмами.

Болѣе всего Аполлосъ Михайлычъ хлопоталъ съ оркестромъ. При первомъ испытаніи оказалось, что Никонъ Семенычъ ничего не занимался музыкой и неизвестно для чего содержалъ всю эту сволочь. Капельмейстеръ, державшій первую скрипку, былъ лѣнливѣйшее въ мірѣ животное: вмѣсто то-

го, чтобы упражнять оркестръ и совершенствоваться самому въ музыкѣ, онъ или спалъ, или удилъ рыбу, или наконецъ игралъ съ барской собакой на дворе; про прочую братію и говорить нечего: мальчишка волторнистъ былъ такой шалунъ, что его слѣдовало бы непримѣнно разъ по семи въ день свѣчь: въ волторну свою онъ насыпалъ песку, наливалъ щей, даже и засовывалъ въ широкое отверстіе ея, маленькихъ котятъ. Вторая скрипка только еще другой мѣсяцъ начала учиться. На флейтѣ игралъ старичишка—лухой, вялый; онъ обыкновенно отставалъ отъ прочихъ по крайней мѣрѣ на двѣ или на три связки, которыя и доигрывалъ послѣ; другіе и того были хуже: на виолончель бы игралъ порядочный музыкантъ, но былъ страшный пьяница и у него чрезвычайно дрожали руки; въ барабанъ колотилъ кто придетъся, въ слѣдствіе чего Аполлосъ Михайлычъ и принужденъ былъ барабанъ совсѣмъ выкинуть. Кадрили они играли еще сносно, конечно флейта дѣлала грубыя ошибки, а волторнистъ отпускалъ какую-нибудь шалость; но, по крайней мѣрѣ, самъ капельмейстеръ и крѣпко заговяющая виолончель дѣлали свое дѣло, однако при всемъ томъ—не кадрили же играть на спектаклѣ.

Дилетаевъ пришелъ въ ужасъ, когда разсмотрѣлъ ихъ репертуаръ: музыканты играли всего только двѣ французскія кадрили, мазурку Хлопицкаго, симфонію изъ «Калифа Багдадскаго» и какую-то старую увертюру изъ «Русалки» да нѣсколько Русскихъ пѣсень. — Что прикажете при такой бѣдности избрать на четыре антракта? А главное: подъ какую музыку будетъ танцовать Фани? Онъ далъ было имъ для разученія фортепьянныя ноты качучи, но капельмейстеръ рѣшительно отказался, говоря, что онъ не умѣетъ разкладывать, потому что не знаетъ генераль-баса. Дилетаевъ сказалъ въ глаза Никону Семемъчу, что ему приличнѣе держать лошадинъ заводъ, чѣмъ музыкантовъ; но тотъ этимъ [не обидѣлся, потому что въ это время былъ занятъ своимъ дѣломъ: онъ сочинялъ еще новый монологъ своей драматической фантазіи.

Покорившись необходимости, Дилетаевъ съ музыкой распорядился такимъ образомъ: передъ представленіемъ, для съезда

онъ назначилъ французскую кадрили, между первымъ и вторымъ актомъ — мазурку которую они лучше всего исполняли; передъ Женитьбой — «*Личинушку*» и «*не блы-то-ли сплѣски*»; передъ драматической фантазіей симфонію изъ «Калифа Багдадскаго», и наконецъ — передъ дивертисманомъ увертюру изъ «Русалки.» Фани свою качучу должна была танцовать подъ игру Дарьи Ивановны на фортепьяно.

Афишки написалъ самъ Аполлосъ Михайлычъ. — Онъ былъ таковъ:

«184 года:
Ж.....ъ,

Спектакль любителей, составленный Аполлосомъ Михайлычемъ Дилетаевымъ.

1.

ВИКОНТЪ И ГРИЗЕТКА

или

ИСПРАВЛЕННЫЙ ПОВѢСЬ,

Оригинальная комедія, сочиненія Аполлоса Дилетаева.

Дѣйствующія лица:

Маркиза Монтъ-Бланъ М. М. РЫЖОВА.
Виконтъ Де-Сусе А. М. ДИЛЕТАЕВЪ.
Роза-Гризетка Ф. П. ДИЛЕТАЕВА.

Дѣйствие происходитъ въ Парижѣ, въ царствование Людовика XIV-го, на дачѣ близъ онаго.

2.

Сцены изъ Женитьбы,

Комедія, соч. Гоголя, передѣланная и поставленная на сцену В. П. Рымовымъ.

Дѣйствующія лица:

Подполковникъ В. П. РЫМОВЪ.
Кочкарь, его другъ Н. С. РАГЪЗОВЪ.
Невѣста Ф. П. ДИЛЕТАЕВА.
Слуга, слуга Подполковника А. М. ДИЛЕТАЕВЪ.

Братья Разбойники.

Драматическая фантазія, передѣланная изъ поэмы Пупкина, того же наименованія, Н. С. Рагузовымъ, со вновь изобретенными костюмами и декораціями.

Дѣйствующихъ лица:

Атаманъ разбойникъ.	Н. С. Рагузовъ.
Елена, его любовница.	Ф. П. Дилетаева.
Разбойники	{ А. М. Дилетаевъ. М. П. Дилетаевъ. В. К. Вайсовъ. } = другіе.
Старинный подъячій	В. П. Рымовъ.

Въ заключеніе данъ будетъ:

ДИВЕРТИСМАНТЪ,

въ коемъ Ф. П. Дилетаева будетъ плясать качучу, въ національномъ костюмѣ; а Д. И. Здруева будетъ пѣть романсъ: «*Осѣдлаю коня!*»

Начало въ семь часовъ. Представленіе произойдетъ на фабричномъ заведеніи Г. Яблочкина. Билеты, безъ платы, могутъ получаться отъ самаго Г. Дилетаева. Дѣти никакимъ образомъ не могутъ быть приводимы. Входъ на сцену публикѣ запрещается.»

Захлопотавшись по театру, Аполлосъ Михайлычъ чрезвычайно много надѣлалъ ошибокъ въ приглашеніи гостей, и сбился въ раздачѣ билетовъ: людямъ почтеннымъ и уважаемымъ досталось въ заднихъ рядахъ, а на передніе насажалъ дрянъ, другимъ тоже очень значительнымъ семействамъ, вовсе не достало мѣста, и наконецъ хуже всего, по общему говору, было то, что онъ взади устроилъ раскъ для черни, которая, по всемъ соображеніямъ, должна была произвести непріятный для другаго общества воздухъ.

Рымовъ очень много помогаль Аполлосу Михайлычу, и училъ потихоньку Фани, которая, надобно сказать, оказала большіе успѣхи. Онъ сдѣлалъ изъ нея соевымъ купеческую невесту такъ, что на одной репетиціи Аполлосъ Михайлычъ удивился.

— Вотъ что значить, говорилъ онъ, классическое, сценическое воспитаніе, которое я далъ Фани: она сыграетъ всякую роль!

Такимъ образомъ, одушевился комикъ отъ двухъ причинъ: во первыхъ, Женитьба пошла очень твердо, а во вторыхъ, Анна Сидоровна отбыла изъ города. Какимъ образомъ это случилось, мы увидимъ дальше.

VI

РЫМОВЫ

И

ИХЪ ПРОШЕДШЕЕ.

Анна Сидоровна, которую мы оставили въ слезахъ, не смотря на страстную любовь къ мужу, пришла противъ него въ сильное ожесточеніе: она первоначально заперла ворота, вѣроятно съ цѣлю не пускать его домой, потомъ открыла комодъ, и выбросала весь гардеробъ супруга на дворъ. Вспомнивши, что у нея есть, подаренная Витею, чашка, она тотчасъ же разбила ее въ дребезги, и наконецъ, утомленная и истерзанная, съела. Въ воротахъ послышался стукъ. Анна Сидоровна все забыла. Ей представилось, что это стучится воротившійся мужъ, который, можетъ быть, рассорился съ злодѣемъ—Дилетаевымъ, отказался отъ проклятаго театра и возвращается къ ней. При всей своей полнотѣ, она, скачками, пробѣжала сѣни, дворъ, и отворила калитку. Передъ ней стоялъ лакей въ ливрѣ. Анна Сидоровна понялась.

— Чей ты, батюшка? проговорила она.

— Дилетаевскій. Здѣсь Викторъ Павлычъ живетъ? спросилъ тотъ.

— Никакого нѣтъ здѣсь, для васъ, Виктора Павлыча. Убирайтесь, откуда пришли.

— Имъ письмо барышня прислала, говорилъ лакей.

— Какая барышня?

— Наша барышня.

— Дай сюда, вскрикнула Анна Сидоровна, и, вырвавши проворно изъ рукъ лакея записку, захлопнула калитку; ничего не понимая, ничего не размышляя, она, тутъ же на улицѣ, начала читать письмо; это была записка отъ Фани, которая писала: «приходите, Викторъ Павлычъ, сегодня вечеромъ, къ намъ; но только потихоньку, чтобъ дядинька не видалъ; онъ не любитъ, чтобы меня другіе учили: вы всѣ роли прочитаете. Вы мнѣ очень понравились; какъ вы славно играете. Пройдите заднимъ крыльцомъ и спросите меня.»

Бѣдная женщина, прочитавши эти роковыя строки, сдѣлалась совершенно сумасшедшая. Бросилась было къ городничему съ намѣреніемъ пожаловаться на мужа, но тамъ ее дежурный солдатъ не пустилъ, потому что градоначальникъ въ то время спалъ, и сказалъ ей, чтобъ она пришла вечеромъ въ полицію. Возвратившись въ свою квартиру, она схватила мужнинъ фракъ, изрѣзала его вдоль и поперекъ, кинула сапоги его въ колодезь, и, написавши какую-то записку, положила ее на столъ, собрала потомъ нѣсколько своихъ платьевъ, перебила за тѣмъ всѣ горшки въ кухнѣ, и пошла, сначала по улицѣ, а потомъ и за городъ. Пройдя околѣ двухъ верстъ, она начала нанимать ѣхавшаго съ базара мужика, отвезти ее въ Кузмицево; сторговалась съ нимъ и поѣхала. Въ Кузмицевѣ проживали двѣ благородныя, старыя дѣвушки — помѣщицы, которыя принимали въ Анну Сидоровну большое участіе и просили ее прѣзжать къ нимъ погостить, всякой разъ, какъ закутить ея пьянчужка.

Рымовъ возвратился домой отъ Аполлоса Михайлыча часу въ пять. Увидѣвши разбросанное на дворѣ свое платье, онъ, кажется, не удивился, и вошелъ въ квартиру. Здѣсь, открылось еще болѣе: на полу валялась разбитая чашка, самоваръ былъ опрокинутъ, и наконецъ на стулѣ лежалъ изрѣзанный фракъ. Рымовъ поблѣднѣлъ. — Этакая дура, вскрикнулъ онъ, такой уродъ безобразный! продолжалъ комикъ, и, сжавши кулаки, пошелъ искать Анны Сидоровны; но, конечно, не нашелъ.

— Ну, скажите пожалуйста, продолжалъ онъ, съ горькою улыбкою, разсматривая свой фракъ, не совсемъ-ли это сумасшедшая женщина! Ну, голубушка, погоди! ты у меня мѣсяца

да просидишь на одномъ хлѣбѣ. Я фракъ себѣ сошилъ, а ты у меня поголодаешь... Проговоря эти слова, комикъ вздохнулъ и началъ подбирать разбросанныя вещи. Тутъ ему попалась на глаза записка Анны Сидоровны. Онъ ее прочиталъ, и усмѣхнулся.

Анна Сидоровна писала такъ: »безпремѣнно, вы не увидите меня, я уѣхала къ моимъ благотѣльницамъ. Оставайтесь съ вашими записочками. Дай Богъ вамъ нажать другую такую; но я скажу, ни одна не будетъ переносить столько отъ вашего пьянства и безобразія, подлый этакой человекъ.

Анна Рѣмова».

По самому почерку и подписи фамилии замѣтно было, что послѣднія слова были написаны въ сильномъ ожесточеннѣ.

Для разъясненія и отчасти оправданія страннаго предубѣжденія, которое имѣла Анна Сидоровна противъ театра, я намеренъ здѣсь сказать нѣсколько словъ о прошедшемъ Рымовыхъ: происхождение Виктора Павлыча было очень темное, и я знаю только то, что на семнадцатомъ году у него не было ни отца, ни матери, ни родныхъ, и онъ съ третьяго класса гимназій содержалъ себя самъ, учивши за столъ, квартиру и вицъ-мундиръ маленькаго, но богатаго гимназистика изъ перваго класса, у котораго и оставался менторомъ до самаго выпуска. Большимъ рвеніемъ къ наукамъ Рымовъ не отличался, но замѣчательнѣе было способностію передразнивать: онъ копировалъ неподражаемо, учителей, трактирныхъ половыхъ, купцовъ, помещиковъ на станціяхъ, — но кромѣ того представлялъ даже, какъ собаки лаютъ, жеребца на выводкѣ, громъ съ молніей, и все это весьма искусно, чему, можетъ быть, много способствовало его необыкновенно подвижное лицо. Въ мѣстный театръ онъ ходилъ всякой разъ, какъ заводился въ карманѣ трех-гривенный, и всѣ почти комедіи зналъ наизусть. Званіе домашняго учителя, по безпечности характера, ему очень нравилось, и потому, кончивши курсъ гимназій, онъ продолжалъ заниматься частными уроками, перебивалъ по-крайней мѣрѣ въ пятнадцати губерніяхъ, попалъ наконецъ въ Москву и поступилъ къ одной старухѣ, для образованія ея внука. У старухи кромѣ

того была еще воспитанница, дѣвица лѣтъ около двадцати пяти, румяная, полная и очень живая и веселая. Съ перваго же раза она начала съ молодымъ учителемъ заигрывать: то обольстъ его водой изъ окна, то пришьетъ къ простынѣ, когда онъ спитъ послѣ обѣда, раскидаетъ по полу всѣ его книги, запретъ его въ комнату и унесетъ съ собою ключъ. Рымову было тогда двадцать два года; онъ началъ шалунъ отвѣчать тѣмъ же: напугаетъ ночью въ коридорѣ, кинетъ ей нечаянно изъ саду въ окно мячъ, или забѣдетъ къ ней подъ кровать, когда она идетъ спать. Наконецъ, игрушки ихъ зашли очень далеко. Старуха узнала и обоихъ прогнала. Бѣдныя любовники посѣлились вмѣстѣ. Рымовъ первый опомнился въ своей необдуманности. Бѣдность была страшная; надежды впередъ никакой, — но этого еще мало: приглядѣвшись къ Аннунки, онъ сильно въ ней разочаровался; она была замѣтно простовата, совершенно необразованна, и наконецъ, связывала его, что называлось, и по рукамъ и по ногамъ. Но не то было съ Анной Сидоровной: страсть ея день ото дня разгоралась: прямо и вкось, слезами, просьбою и бранью, она требовала, чтобы онъ женился на ней. Рымовъ долго не сдавался, и между прочимъ, началъ попивать, ничего не дѣлалъ, а только кутить и буянить. — Все сносила Анна Сидоровна, и настояла наконецъ на своемъ, то есть, сдѣлалась его женою. Съ этихъ поръ, судьба Рымова и даже самъ онъ — измѣнились къ лучшему: онъ нашелъ по рекомендаціи своего стараго товарища, нѣсколько уроковъ, пересталъ пить, тосковать, и все пошло, какъ нельзя лучше. Маленькія, семейныя сцены выходили только изъ того, что Рымовъ, какъ самъ онъ выражался, ненавидѣлъ лизанья, а Анна Сидоровна была очень нѣжна и страстна. Въ это блаженное время, она съ каждымъ днемъ полнѣла и развилась до того значительнаго размѣра, въ которомъ мы ее встрѣтили. Однажды затѣялся въ одномъ домѣ, гдѣ Викторъ Павлычъ давалъ уроки, театр; его пригласили; сначала Анна Сидоровна — ничего: была даже рада, и очень смѣялась, когда ея Витя игралъ какого-то старика; одно только ей не понравилось, что онъ, по ходу пьесы, поцѣловался съ одной дамой, играющей его дѣмянницу. Но горько бѣдная женщина

посѣ оплакала эту дьявольскую затѣю. Съ другога-же почти дня Рымовъ закутилъ; начали ходить къ нему какіе-то приятели, пили, читали, одинъ изъ нихъ даже безпрестанно падалъ на полъ, и представлялъ какъ будто-бы умираетъ; не меньше другихъ ломался и самъ хозяинъ: мало того, что читалъ что-то наизусть, размахивалъ, какъ сумасшедшій, руками; во мяучилъ даже по кошачьи и визжалъ какъ свинья, когда ту ржутъ; на нее уже никакого не обращалъ вниманія, и только бранился, когда она начинала ему выговаривать; уроки все утратилъ. Явѣдась опять бѣдность. Все это Анна Сидоровна имѣла еще силы перенести, бранилась, конечно, иногда, и бранилась очень, но ей готовилось новое несчастье: Рымовъ подрядился въ театральную труппу. Анна Сидоровна сначала и понять не могла хорошенько, что это такое, но потомъ поняла, когда они переехали въ одинъ губернскій городъ, и поняла очень хорошо. Дня по два она сидѣла безъ обѣда, даже не зная, гдѣ мужъ обрѣтается; наконецъ до нея дошли слухи, что онъ завелъ любовь съ одной актрисой, и этого ужъ Анна Сидоровна не въ состояніи была перенести, и занемогла горячкой. Безразсудныя дѣянія Римова и его служба на провинціальномъ театрѣ продолжались только одну зиму. Въ великій постъ онъ опомнился и началъ сидѣть дома, хоть дома едва только былъ насущный хлѣбъ; оправившаяся Анюта взяла съ его клятву, чтобы онъ никогда и не думалъ играть въ театрѣ.

Рымовъ поклялся. Одинъ изъ родственниковъ ея прискалъ ему мѣсто въ питейной конторѣ. Вотъ какого рода несчастія заставили Анну Сидоровну такъ возненавидѣть театрѣ и развили въ ней до сумасшествія ревность. Не соображая того, что Виктору Павлычу уже сорокъ пятый годъ, она ревновала его къ встрѣшней и поперешней, и даже, для этой цѣли, не держала ни одной женщины въ домѣ и сама готовила кушанье.

VII.

СПЕКТАКЛЬ.

Вожделѣнный день представленія наступилъ. Аполлюсъ Михайлычъ, Рымовъ и Юлій Кармычъ, отправились въ театрѣ,

наса въ два по полудни, для должныхъ приготовленій. Декораціями и мебелью Дилетаевъ поручилъ распоряжаться Вейсборгу, давши ему, конечно, подробную записку, что и когда нужно. Еще прежде того, онъ настоялъ, чтобы Никонъ Семеновичъ сдѣлалъ своимъ музыкантамъ новыя синія куртки и хорошенько бы намылилъ голову капельмейстеру за лѣдность. Прочіе актеры съѣхались часу въ пятомъ, и приведены были лакеи, заcostюмированные въ разбойники. Въ чуданъ уборной, нагрѣваемой тремя самоварами, сдѣлалось чрезвычайно тѣсно, и потому Аполдось Михайлычъ распорядился, чтобы Юлій Карлычъ и Мишель въ разбойничьи костюмы одѣлись заранее; первый, конечно, безпрекословно повиновался, а второй, по обыкновенію, поспорилъ; но впрочемъ заcostюмировался и даже сдѣлалъ себѣ обожженною пробкою усы, которые къ нему, по словамъ Дарьи Ивановны, очень шли. Наконецъ все, болѣе или менѣе, было приведено въ окончательный порядокъ. Аполдось Михайлычъ причесался и напудрился. Матрена Матвѣевна тоже причесалась, напудрилась и одѣлась въ богатый, составленный по особому рисунку, костюмъ маркизы.— Фани давно уже была готова.

Роковыя семь часовъ приближались. Актеры начали испытывать волненіе, даже самъ Аполдось Михайлычъ былъ какъ-то встревоженъ. Матрена Матвѣевна очень боялась, съ Фани была лихорадка; комикъ сидѣлъ задумавшись, трагикъ ходилъ по сценѣ, мрачный; одинъ только Мишель любезничалъ съ Дарьей Ивановной.—Засвѣтили свѣчи и кенкеты. Публика, начала съѣзжаться, но, Боже мой! эта публика—неблагодарная публика особенно въ провинціяхъ: затѣваетъ—ли кто для публики балъ даже изъ послѣднихъ средствъ своихъ,—и всѣ у него, кажется, напились, наѣлись, натапцовались;—и вы думаете, что всѣ довольны? ничуть не бывало... непременно что-нибудь найдутъ: одни скажутъ—очень было жарко, а другіе—холодно; однимъ показалась сыра рыба, другіе не довольны, что вина мало, третьи скучали, что ихъ хозяинъ заставлялъ танцовать, четвертые жаловались на монотонность,—и очень немного осталось нынче на свѣтѣ такихъ простодушныхъ людей, которые были бы довольны предлагаемымъ имъ отъ своего брата удовольствіемъ;

но театр уже по преимуществу подпадаетъ, какъ говорятъ, критикѣ. Я не знаю, что въ этомъ случаѣ руководствуютъ люди—зависть-ли, желаніе-ли выказать себя, или просто наклонность къ юмору, но только смертные очень склонны пересмѣять самыя прекрасныя, самыя безкорыстныя затѣи другаго смертнаго, который и самъ, въ свою очередь, отличивается тѣмъ-же другимъ смертнымъ; и все эти смерные поступаютъ, надобно сказать, въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно не логически: сухо поклонится, на примѣръ, на балъ, какому-нибудь Алексѣю Ивановичу, нѣкій Дмитрій Николаичъ, котораго онъ безмѣрно уважаетъ, а онъ—Алексѣй Ивановичъ нападетъ на хозяина, и говоритъ, что у него былъ чортъ знаетъ кто, и чортъ знаетъ какъ все было принято.

Въ описываемомъ мною спектаклѣ, только первые два или три ряда креселъ прѣхали въ миротворномъ расположеніи духа, и то потому только, что они нѣкоторымъ образомъ были почтены хозяиномъ: но за то задніе ряды, съ перваго шагу, начали дѣлать насмѣшливыя замѣчанія. Одни говорили, что, вѣроятно, на сценѣ будутъ ткать; другіе, что Матрена Матвѣевна станетъ цѣловаться съ Аполлосомъ Михайлычемъ, и наконецъ, третьи, будто бы Фани протанцуетъ качучу, для легости, босикомъ.

Ракъ для купечества и мѣщанства былъ гораздо простодушнѣе: все почти его народонаселеніе съ величайшимъ любопытствомъ смотрѣло на колыхающійся занавѣсъ, исполненный амурчиками.

— Что это, Дмитрій Андреичъ, на ситцѣ-то за зверки? спросила одна купчиха у мужа.

— Это модный-съ рисунокъ. Особъ статей, должно быть, такая матерія вышла, отвѣчалъ тотъ.

— Приведи, сударь ты мой, меня Богъ нынѣшней зимой въ Москву видѣть настоящій театръ. Махина, я вамъ объясню, необразимая: вся наша площадь, съ позволенія сказать, устанется въ него. Одного ламповаго масла выводитъ на триста рублей въ день. А дрова-то есть: отпускается на нѣсколько тысячъ, говорилъ толстый кушакъ сидѣвшему съ нимъ рядомъ,

тоже купцу. Въ отрицательномъ состояніи духа были впрочемъ и въ райкѣ. Это пьяный столоначальникъ.

— Ничего.... ладно-съ.... видали-съ.... Скверно.... нехорошо, отставъ... молчать.... говорилъ онъ тихонько про себя.

Были также миротворныя лица и въ заднихъ рядахъ дворянскаго круга, а именно Прасковья Федуловна, ближайшая по деревнѣ сосѣдка Аполлоса Михайлыча. Она получила отъ него, по короткому знакомству, тоже билетъ на одну свою особу; но, не понявши хорошенько, или, надѣясь на расположение хозяина, прѣехала съ двумя дочерьми и тремя маленькими внучатами, и всѣхъ ихъ преспокойно разсадила около себя. Дочери, конечно, модничали, однако сидѣли смирно; но внучата тотчасъ же начали что-то болтать, указывать на все пальцами, и наконецъ одинъ изъ нихъ, самый младшій, заревѣлъ. Все это, можетъ быть, не было-бы и замѣчено, но дѣло въ томъ, что на занятія этою семьею кресла прѣехали лица, имѣющія на нихъ законные билеты. Произошелъ шумъ: Прасковья Федуловна никакъ не могли втолковать незаконность ея поступка. Обстоятельство это было доведено до Аполлоса Михайлыча, который совсѣмъ уже одѣлся въ костюмъ Виконта. Какъ ни непріятно было Дилетаеву выдти одѣтому на глаза публики, но дѣлать было нечего. Прикрывши себя совершенно стлуха плащомъ, онъ вышелъ и урезонилъ, наконецъ, свою сосѣдку, которая, впрочемъ, обидѣлась, и, оставивши одну изъ своихъ дочерей, сама уѣхала домой съ прочими домочадцами.

Музыка заиграла французскую кадрили, и проиграла ее хотя съ известными недостатками, но недурно. Ракъ захопалъ, вѣроятно потому, что всякаго рода музыкальные звуки, худы-ли они, или хороши, но на людей неизбалованныхъ, то есть, почти никогда не слыжавшихъ музыки, производятъ нѣкоторое раздраженіе въ нервахъ, а этого и довольно.

— «Уши хоть деруть, но хмельнаго въ ротъ не берутъ» пропѣлъ басомъ, довольно громко, столоначальникъ, и покачнулся. Занавѣсъ взвился. Первое впечатлѣніе было превосходно. Представьте себѣ голубую комнату, устланную коврами, украшенную драпировкою, прекрасною мебелью, съ

двумя серебряными канделябрами и съ попугаемъ въ клеткѣ. На одномъ изъ креселъ сидѣла Маркиза, въ своемъ пышномъ костюмѣ. Не вдалекѣ отъ нея, полуразвалился, помѣшался Виконтъ, въ бархатъ, въ золотъ и кружевахъ.

— Прелесть, безподобно — проговорили въ первыхъ рядахъ. — Важно наряжены! — послышалось въ амфитеатрѣ. Матрена Матвѣевна, впрочемъ, очень сконфузилась, хотя передъ представленіемъ, по совету Аполлоса Михайлыча, и вышла цѣлую рюмку мадеры.

— Ахъ, да, всѣ говорить объ васъ, Виконтъ... начала она, и смѣялась.

Аполлосъ Михайлычъ поблѣднѣлъ; но вдова поправилась, и, потушивши совершенно глаза, очень тихо dokonчила монологъ.

Отчетливо и бойко проговорилъ свои слова Виконтъ. Маркиза опять немного смѣялась, но проговорила. Такимъ образомъ все явленіе прошло не совсѣмъ живо и надобно сказать, что виной всему была одна Матрена Матвѣевна. Аполлосъ Михайлычъ употребилъ, съ своей стороны, все, и въ некоторыхъ мѣстахъ былъ необыкновенно эффектенъ. Для перемены декорации занавѣсъ былъ на нѣсколько времени отпущенъ, и, по поднятіи ея, на сценѣ сидѣла уже Фани, въ своей бѣдной комнаткѣ. Она тоже немного сконфузилась, но явился Виконтъ, и все пошло безподобно. По окончаніи перваго дѣйствія переднія ряды захопали. Къ нимъ подсталъ по своему раекъ, то есть захопалъ, закричалъ и застучалъ ногами; музыканты проиграли мазурку Хлопцаго, и проиграли бы ее довольно хорошо, еслибы повѣса волторнистъ не раскашлялся, и вмѣсто того, чтобы отвернуться, онъ кашлялъ въ волторну, отъ чего та, конечно, и издавала какіе-то странные звуки. Въ продолженіе антракта Аполлосъ Михайлычъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній Матренѣ Матвѣевнѣ, и та поклялась не конфузиться больше и не сбиваться. Второе дѣйствіе сошло тоже хорошо. Правда, что хлопали мало: въ райкѣ слышалось сморканье и кашлянье, и въ неприязненныхъ заднихъ рядахъ нѣкто сказалъ, что Аполлосъ Михайлычъ похожъ на ошипаннаго павлина, а Матрена Матвѣевна на толстую индюшку, и что вся комедія, какъ сонные

порошки, усыпляетъ. Подъ конецъ пьесы, когда Виконтъ упалъ на колѣни передъ гризеткою и началъ умолять ее о прощаніи, передніе ряды креселъ захлопали и къ нимъ опять подстали раекъ. По удивительнѣе всѣхъ штуку выкинулъ столоначальникъ, котораго жмѣлъ въ жару еще болѣе разобралъ. Онъ вскочилъ на лавку и закричалъ: Браво, г-нъ Виконтъ, браво! поди сюда, я тебѣ манжеты-то оборву. Сидѣвшій въ креслахъ городничій тотчасъ же велѣлъ его вывести. Занавѣсъ отпустился. Въ переднихъ рядахъ произошло маленькое волненіе, и одинъ изъ носителей отправился на сцену. Это былъ депутатъ, командированный просить у актеровъ позволенія ихъ вызвать. Аполлосъ Михайлычъ изъявилъ полное согласіе. По возвращеніи посланнаго, тотчасъ же раздался крикъ: «Дилетаева», а потомъ: «всѣхъ!»—«полошину!» прокричалъ кто-то басомъ. Аполлосъ Михайлычъ вывелъ за руку Матрену Матвѣевну и Фаничку, и раскланялся. — Это привѣтствіе публики значительно ободрило Дилетаева, который оставался не совсѣмъ доволенъ ходомъ своей комедіи. За тѣмъ слѣдовали, какъ мы знаемъ, сцены изъ Женитьбы. Музыка заиграла: «Не бѣлы то-ли снѣжки.» Явно, что эта пѣсня была по душѣ музыкантамъ, потому что они ее играли гораздо громче прочихъ пѣснь. Райку должно быть тоже она понравилась, и онъ единодушно захлопалъ, но въ заднихъ рядахъ зашипали, и сидѣвшій на самомъ послѣднемъ мѣстѣ, мужчина, обернувшись, сказалъ: музыкѣ не хлопають-сь.

Между тѣмъ, Дилетаевъ усталъ уже пересѣдаться изъ Виконта въ лакея. Онъ зачесалъ себѣ всѣ волосы напередъ, перемаралъ все лице въ сажѣ, заправилъ брюки въ сапоги, и ко всѣмъ обращался, говоря: «чово, тово, Ванюха», желая конечно, поддѣлаться къ тону простолюдиновъ. Дарья Ивановна сидѣла съ Мишелемъ за самой задней декораціей, въ темномъ углу. Трагикъ для Кочкарева давно уже былъ готовъ. Онъ придымалъ себѣ усы и завилъ въ мелкія кольца волосы, утверждая, что Кочкаревъ непременно долженъ быть кудрявый. Наконецъ, все было готово, занавѣсъ поднялся. Подколесинъ, какъ, можетъ быть, не безъизвѣстно читателю, лежигъ одинъ на диванѣ. Удивительное дѣло, что это за смѣшной актеръ былъ

Рымовъ. Едва только проговорить онъ начальныя слова: *вотъ какъ подумаешь этикъ самъ-то съ собою, такъ и увидишь, что дѣйствительно надобно жениться... а то живешь, жмешь, да такъи наконецъ скорность становится...* едва только произнесъ онъ эти слова, какъ все разразилось хохотомъ. Не то, чтобы эти самыя слова его были очень смѣшны, но онъ самъ-то весь, физиономія-то его, была очень уморительна. Появился лакей. Аполлосъ Михайлычъ видимо старался смѣшнить. Возшелъ онъ какимъ-то совсѣмъ дуракомъ, началъ почесываться, покачиваться; конечно, тоже засмѣялся, но и перестали, и всѣ больше глѣзли на Рымова. Многіе, въ переднемъ ряду, рѣшительно не въ состояніи были кидать его лица, хотя въ этомъ лицѣ не было ни одной гримасы; даже онъ не перемѣнялъ выраженія, а такъ лежалъ, какъ обыкновенно лежатъ лѣнныя люди, и отъ бездѣлья переговаривалъ съ лакеемъ, не посовѣтуешь-ли тотъ чего-нибудь ему на счетъ женитьбы. Вбѣжалъ Кочкаревъ; и онъ, тоже, подобно лакею, старался играть: горячился, бѣгалъ, тормозилъ Подколесина, но не былъ смѣшенъ. Смѣхъ, конечно, не прерывался, но я долженъ прямо сказать, что производилъ его одинъ только Рымовъ. Задніе ряды кресель хлопали ему на каждомъ словѣ. Сидѣвшій, въ числѣ ихъ, одинъ офицеръ отнесся къ своему сосѣду-помѣщику:—лучше бы этихъ старыхъ дураковъ совсѣмъ не пускали на сцену, а заставить бы играть одного этого хвата изъ питейной конторы.—Кто онъ, цѣловальникъ что-ли?

Да,—должно быть опытной *малыи* —настоящій актеръ, отвѣчалъ тотъ. Посмотрите, моя ссег, какое у него лицо смѣшное, а вѣдь нельзя сказать, чтобы фарсиль.

—Совершенно не фарсиль, произнесъ офицеръ.

Послѣ перемены декорации явилась невеста. Она была тоже очень хороша и премило выбирала жениховъ. Вбѣжалъ Кочкаревъ, и тутъ уже всѣ замѣтили, что Никонъ Семёнычъ чрезъ-чуръ утрируетъ, и надъ нимъ ужъ никто не смѣялся; но появился Подколесинъ, и опять всѣ захохотали. Въ сценѣ съ невестой онъ, если можно такъ выразиться, положилъ всѣхъ въ лоскъ; даже музыканты хохотали, и даже Дарья Ивановна и Мишель, выставившись изъ своего потѣшеннаго

уголка, смѣялись. Аполлосъ Михайлычъ, стоявшій за декорациею, безпрестанно хлопалъ комику. Затаивши въ себѣ всякое чувство самолюбія, онъ говорилъ, что эти сцены у нихъ идутъ лучше, чѣмъ въ Московскомъ театрѣ, и тотчасъ же проэктировалъ въ изобрѣтательной головѣ своей—почтить талантъ Рьмова; но какимъ образомъ—мы увидимъ впоследствии. Раздались крики: *Рьмовъ!!* Занавѣсъ, по приказанію Аполлоса Михайлыча, былъ поднятъ. Публика хлопала, но другихъ никого не вызывала.—Трагикъ былъ взбѣшенъ.

— Я вамъ говорилъ, что я не умѣю играть вашихъ дурацкихъ фарсовъ. Очень весело дурачиться, сказалъ онъ Аполлосу Михайлычу, проходя въ уборную.

— Фаничка съ какимъ-то благоговѣніемъ начала смотреть на Рьмова, Дилетаевъ, съ чувствомъ, сжалъ ему объ руки.

— У сердца моего, вы, батюшка, вотъ тутъ у сердца, говорилъ онъ, колотя себя рукою по груди. Мы оцѣнимъ вашъ талантъ, можете быть сего-дня же чѣмъ-нибудь его почтѣмъ.

Комикъ, по обыкновенію, конфузился и сѣлъ въ самый дальній уголъ. Аполлосъ Михайлычъ вышелъ къ публикѣ. Его, конечно, сейчасъ окружили, и начали привѣтствовать и хвалить.

— Каковъ комикъ? вотъ, что я хочу спросить васъ, господа! сказалъ онъ

— Отличнѣйшій, произнесъ блѣлокурый господинъ; онъ, надо полагать, изъ настоящихъ актеровъ.

— Что актеры!... всѣ актеры ему въ подметки не годятся, возразилъ Аполлосъ Михайлычъ. Я къ вамъ, господа, съ небольшимъ проэктомъ. Вы—наши ценители и судьи, и вы должны почтить талантъ. Неудобно ли будетъ вамъ, какъ дѣлается это въ Москвѣ, презентовать нашему Рьмову какой-нибудь подарокъ. Я самъ съ своей стороны сдѣлать бы это сейчасъ-же; но я одинъ — не публика.

— То есть какъ подарокъ? спросилъ одинъ помѣщикъ.

— А вотъ какъ-съ! Есть у меня цѣлковыхъ въ сорокъ накладнаго серебра ваза. Не угодно-ли вамъ будетъ сдѣлать подписку по бездѣлицѣ — по рублю или по полтиннику. Чего

не достанетъ, я беру на себя, и потомъ сегодня за ужиномъ, къ которому я имѣю честь васъ пригласить, поднесемте се нашему таланту — Рымову. Ему это будетъ очень лестно. Онъ человѣкъ весьма небогатый.

— Это очень возможно, проговорили многіе.

— Такъ не угодно ли вамъ взять вотъ эту бумажку и этотъ карандашикъ, и написать каждому, кто сколько жертвуетъ. Въ раекъ пускать нечего, а пусть подпишутся одни кресла. Если будетъ больше сорока рублей, это положимъ въ вазу, да и я еще прибавлю, и завтрашній-же день, даю вамъ честное слово написать объ этомъ въ Москву. Пусть тамошніе меценаты смакують да думаютъ, увидѣвши, что и среди насъ есть таланты, которые мы тоже уважаемъ.

Проговоря эти слова, Аполлосъ Михайлычъ передалъ бумажку съ карандашикомъ и скрылся. Онъ торопился одѣваться въ костюмъ разбойничьяго эскаула. Подписка тотчасъ-же началась. Съ удовольствіемъ, кажется, подписались не многіе. Иные смѣялись, другіе не понимали, въ чемъ тутъ дѣло, и спрашивали, что это такое значитъ, и наконецъ, третьи подписались такъ, не зная, что это такое и для чего; впрочемъ, къ концу заднихъ рядовъ подписка простиралась уже до ста цѣлковыхъ: одинъ откупщикъ подмахнулъ пятнадцать рублей серебромъ.

Между тѣмъ музыка начала играть симфонію изъ «Калифа Багдадскаго.» Печально завывалъ капельмейстеръ; вторила ему, хотя немного отставая, флейта, играла съ душою виолончель; но и только: — вторая скрипка, валторна и тамъ еще два какіе-то инструмента были ниже всякой посредственности, но впрочемъ проиграли. Никонъ Семенычъ былъ весьма недоволенъ: во первыхъ, онъ полагалъ, что разбойниковъ въ заднихъ рядахъ будетъ гораздо больше; во вторыхъ, они были одѣты вовсе не поразбойничьи, а въ какіе-то охотничьи казакіны. Мишель, тоже очень небрежно замаскированный, никакъ не хотѣлъ, по назначенію трагика, лежать, а говорилъ, что онъ будетъ стоять. Комикъ тоже долго отговаривался одѣваться стариннымъ модячимъ, но Аполлосъ Михайлычъ его уговорилъ. Больше-же всего взбѣсило трагика то, что

у льсной декорациі не было голубыхъ подзоровъ, а были тѣ же бѣлые. Какова-же будетъ картина Волжскаго берега — вмѣсто неба — съ потолкомъ, тогда какъ именно на эффектность картины онъ и рассчитывалъ. По случаю этихъ упущеній Никонъ Семеновичъ много наговорилъ колкостей Аполлосу Михайлычу, который ему ничего не отвѣтилъ, а только махнулъ рукой. Какъ-бы то ни было, только картина составила въ прежнемъ порядкѣ, съ тою только разницею, что вмѣсто судьи, въ позѣ спящаго разбойника положенъ былъ всеисполняющій Юлій Карлычъ. актеры набраны изъ людей Дмѣтѣева группою были поставлены взади сцены. Для большаго эффекта Рагузовъ потребовалъ, чтобы при поднятіи занавѣса, слышалась симфонія, и потому музыкантамъ снова повелѣно было играть. Въ половинѣ симфоніи, занавѣсъ поднялся. Картина была, кажется, довольно хороша: въ райкѣ носилась нѣсколько амфодисментовъ. Музыка проиграла. Никонъ Семеновичъ началъ; шло все очень твердо, такимъ образомъ и кончилось, по временамъ только смѣялись, но надъ Рымоновымъ-ли, который сидѣлъ молча и не шевелясь, или даже надъ самимъ трагикомъ, я не могу рѣшить. По закрытіи занавѣса нѣсколько чело-вѣкъ не громко захлопали — кто-то прокричалъ: *есть*, но скоро все смолкло. Аполлосъ Михайлычъ началъ спѣвать; онъ велѣлъ музыкантамъ скорѣе играть увертюру изъ Русалки; торопиль, чтобы вносили на сцену фортепьяны, и наконецъ упростиши Дарью Ивановну сѣсть за инструментъ, самъ поднималъ занавѣсъ. Выскочила Фани въ трико и воздушномъ костюмѣ. — Всѣ захлопали.

— Вѣжко барышня откальвается, произнесъ кто-то въ райкѣ.

Фани протанцовала, поклонившись всемъ съ улыбкою, какъ обыкновенно кланяются балетчицы, и убежала. — Съ Дарьею Ивановной, Аполлосу Михайлычу опять были хлопоты. Проиравши, она встала и ушла со сцены. Онъ едва умоллъ ее опять выдти и пропѣть свой романсъ. Модная дама нехотя вышла, сдѣлала гримасу и запѣла: раскѣ буквально разинулъ ротъ, кресла слушали внимательно. По окончаніи, всѣ захлопали. Дарья Ивановна съ прежнего миною встала. и,

не поклонившись публикѣ, ушла. Такимъ образомъ кончился спектакль, такъ давно задуманный и съ такимъ трудомъ составленный.

VIII.

УЖИНЪ АРТИСТОВЪ.

Всѣ кресла, приглашенные Аполлосомъ Михайлычемъ на ужинъ, отправились къ нему, — актеры должны были выйти къ прочему обществу изъ заднихъ комнатъ. Такимъ образомъ действующія лица и зрители соединились: публика приветствовала и хвалила то того, то другого изъ игравшихъ. Матрени Матвѣевнѣ одна пожилая дама сказала, что она вовсе не узнала ее въ старинной прическѣ, и очень мѣстно отозвалась о ея прекрасномъ платьѣ на фижмахъ. Офицеръ благодарилъ Дарью Ивановну за доставленное ему наслажденіе своимъ небеснымъ голосомъ, которымъ она съ такимъ чувствомъ пропѣла свою превосходную арію, и сравнилъ ее съ Асандри. — Трагика расхвалилъ за его декламацию чудака Козаевъ. Даже Юлію Карлычу кто-то сказалъ, что онъ очень натурально представлялъ спящаго разбойника. Съ комикомъ не многіе говорили, потому что его никто почти лично не зналъ; откупщикъ впрочемъ потрепалъ его по плечу, проговоря: вы не дурно комедіи разыгрываете, — право: и никакъ этого не предполагать! Передъ Фани всѣ разсыпались въ комплиментахъ. Аполдосъ Михайлычъ вызвалъ нѣкоторыхъ поважнѣе мужчинъ въ кабинетъ, и что-то долго съ ними совѣщался. Наконецъ они вышли; впереди ихъ шелъ лаксѣй съ подносомъ, на которомъ поставлена была накладнаго серебра ваза. Вся эта процессія прошла въ гостиную, въ которой вмѣстѣ съ прочими, сидѣлъ комикъ. Подносъ съ вазой поставленъ былъ на столъ.

— Согласно вашему желанію, господа, началъ хозяинъ торжественнымъ голосомъ, я вызываю нашего великаго комика.... Викторъ Павлычъ! не угодно-ли вамъ подойти сюда, ошесся онъ къ Ръшову.

Тотъ всталъ.

— Наша публика, продолжалъ Аполлосъ Михайлычъ, питая уваженіе къ вашему таланту, который всѣмъ намъ доставилъ столько удовольствія, желаетъ презентовать вамъ этотъ маленький подарочекъ. Ваши товарищи тоже желали имѣть участіе въ этомъ дѣлѣ. Примите, мой милѣйшій! тутъ есть мое, Фани, Никона Семеныча, Юлія Карловича. и, наконецъ, отъ всей почтенной публики. — Проговоря эти слова, Аполлосъ Михайлычъ опрокинулъ вазу, изъ которой посыпалось около сотни цѣлковыхъ; потомъ, опять поставивши ее на поднось, поднялъ все это, и своими руками подаль Рымову.

— Примите, мой безцѣнный, въ память нашего пріятнаго удовольствія, которое въ сердцахъ любителей останется навсегда запечатлѣннымъ, произнесъ Дилетаевъ и поцѣловалъ комика, который стоялъ какъ ошеломленный. Сначала онъ покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ; руки, ноги и даже губы его дрожали, по щекамъ текли слезы.

— Господа! помилуйте.... я не стою-съ.... можетъ быть, вы желаете мнѣ, какъ бѣдному чловѣку.... я и такъ благодаренъ.... къ чему это, бормоталъ онъ себѣ подъ носъ.

— Сдѣлайте милость, примите, проговорили многіе изъ мужчинъ.

— Пожалуйста.... мы всѣ желаемъ, сказали нѣкоторыя дамы.

— Вы всѣхъ насъ богатые, заговорилъ опять хозяинъ—у васъ на милліонъ таланту. Все наше—это лепта, которую мы хотимъ принести на олтарь искусства.

Рымовъ наконецъ взялъ, но рѣшительно не находилъ, что ему дѣлать съ подаркомъ.

— Позвольте, я вамъ помогу, подхватилъ хозяинъ, и, проворно уложивши въ вазу всѣ деньги, велѣлъ Юлію Кармычу отнести ее въ залу и поставить на накрытый для ужина столъ.

— Пусть она, произнесъ онъ, за нашимъ артистическимъ ужиномъ будетъ напоминать Виктору Павлычу наше уваженіе къ его таланту.

Руководствуясь правдивостію автора, я долженъ здѣсь сказать, что при всемъ видимомъ единодушіи, съ которымъ была

поднесена комикъ эта ваза, при всемъ томъ, что каждый изъ гостей пожертвовалъ по крайней мѣрѣ рубль серебромъ, а нѣкоторые даже до десяти и болѣе цѣлковыхъ, но при всемъ этомъ произнесено было много насмѣшливыхъ и колкихъ, по этому случаю, замѣчаній: «Онъ бы лучше его самого послать съ тарелочкой сбирать», говорилъ одинъ; «Дастъ же онъ завтра себя звать въ трактиръ на эти денежки», замѣтилъ другой. «Желательно знать, что будетъ онъ дѣлать съ этой вазой, спрашивалъ четвертый, должно быть эротично наставлять или пуншъ варить», отвѣчалъ онъ самъ себѣ. «Что это за глупыя выдумки — дарить вазу какому-то чудаку. Аполлосъ Михайлычъ совсѣмъ изъ ума выжилился, я какъ подписывался, такъ и не понялъ ничего», говорилъ одинъ очень хороший семьянинъ-помѣщикъ. Но нѣтъ, мнѣ грустно передавать то, что было еще произнесено, и скажу только, что болѣе всѣхъ восталъ Никонъ Семенычъ. Онъ увелъ даже хозяина въ кабинетъ и нѣмъ тамъ съ нимъ очень крупный разговоръ. Многіе гости слышали, какъ Рагузовъ восклицалъ: «какъ вы позволили назвать меня, я вашъ не мальчикъ и не лакей — вы прежде должны были объ этомъ мнѣ сказать». Слышавшіе все это гости догадались, что Никонъ Семенычъ не желалъ, по своему самолюбію, подносить вазы Рымову, и что Аполлосъ Михайлычъ наименовалъ его отъ себя, безъ спросу. Трагикъ и хозяинъ вышли изъ кабинета очень красны: первый былъ въ совершенномъ волненіи, и во всеуслышаніе сказать, что вазу онъ не подноситъ и никогда-бы не поднесъ, потому что Аполлосъ Михайлычъ скоро заставитъ кучерамъ своимъ дарить вазы. Эти слова трагикъ говорилъ такъ громко, что комикъ, хотя и сидѣлъ въ гостиной, но вѣроятно ихъ слышалъ, потому что, разговаривая въ это время съ Фани, которая услыхала уже около него, онъ вдругъ, при восклицаніи Рагузова, поблѣднѣлъ и остановился. Никонъ Семенычъ, разстроенный и возбужденный, сѣлъ къ столу и началъ играть ножемъ.

— Вѣроятно ему самому хотѣлось вазы, замѣтилъ одинъ господинъ.

— Должно быть! отвѣчалъ разговаривающій съ нимъ; горячій, rossoй залицъ, прибавилъ онъ.

Передъ ужиномъ, какъ водится, была подана водка. Давидъ поднесъ ее между прочимъ и къ Рымову. Комикъ смотрѣлъ нѣсколько времени на судокъ съ нерышительностью; наконецъ проворно налилъ себѣ самую большую рюмку и задумавъ выпить ее самъ за столъ. Рымовъ очутился противъ Никона Семеныча. Ужинъ до половины шелъ какъ слѣдуетъ, и былъ довольно молчаливъ. Хозяинъ первый заговорилъ во всеуслышаніе:

— Я думаю написать и напечатать о нашемъ спектаклѣ подробный критическій разборъ. Это необходимо: мнѣ, по преимуществу, хочется это сдѣлать для васъ, Викторъ Павлычъ. Я полагаю, что послѣ моей статьи, васъ непременно вызовутъ на столичную сцену; потому что я прямо напишу, что у насъ есть Европейскій талантъ, которому необходимо дѣть ходъ.

Но Викторъ Павлычъ на эти лестныя слова хозяина не обратилъ должнаго вниманія, а занятъ былъ въ это время довольно страннымъ дѣломъ: онъ безпрестанно пилъ мадеру и выпилъ уже цѣлую бутылку. Хозяинъ замѣтилъ, переглянулся съ Юліемъ Карлычемъ, который очень сконфузился.—Вдругъ мы услышимъ, продолжалъ Аполлосъ Михайлычъ, снова обращаясь къ комику, что нашъ господинъ Рымовъ дебютировалъ и что аплодисментамъ не было конца. Недурно бы было, а?

— На шутовскія роли и безъ того тамъ много; проговорить въ полголоса трагикъ.

— На какія шутовскія роли, заговорилъ вдругъ Рымовъ, обращаясь къ нему. Лице комика уже совершенно измѣнилось: онъ былъ красенъ и глаза его налились кровью.

— На ваши роли, отвѣчалъ Никонъ Семенычъ, не поднимая головы.

Комикъ посмотрѣлъ на него свирѣпо.

— Вы что-ли играете нешутовскія, произнесъ онъ, доставая себѣ новую бутылку мадеры.

— Пейте лучше мадеру, сказалъ насмѣшливо трагикъ.

— Конечно выпьюсь, отвѣтилъ комикъ, и, наливши себѣ стаканъ, вдругъ всталъ.—За здоровье нашего бездарнаго

трагика, произнесъ онъ, и залпомъ выпилъ. Апологосъ Михайлычъ поблагодарилъ, некоторые фыркнули. Трагикъ вско-
чилъ.

— Милостивый государь! проговорилъ онъ, сжимая сто-
ловый ножъ въ рукѣ. Комикъ откинулся на задокъ стула.

— Испугать меня хотите своимъ туннымъ ножомъ. Махай,
махай, великій Тальма, мечемъ кардоннымъ! продекламировалъ
Рымовъ и захохоталъ.

— Викторъ Павлычъ, сдѣлайте милость, что вы такое
позволяете себѣ говорить, заговорилъ наконецъ хозяинъ. Ни-
комъ Семенычъ, будьте хоть вы благоразумны, отнесся онъ
къ трагикъ. Пикомъ Семенычъ пришелъ нѣсколько въ себя
и смѣлъ. Но Викторъ Павлычъ не унимался. Онъ еще выпилъ
стаканъ и продолжалъ какъ бы самъ съ собою разсуждать:
актеры!... театр!... комедии пишутъ, драмы сочиняютъ, а
ни уха, ни рыла никто не разумѣетъ. Тутъ вотъ есть одна —
призванная, вонъ она, произнесъ онъ, указывая пальцемъ
на Фани. Хозяинъ только пожималъ плечами. Онъ рыпительно
растерялся. Трагикъ старался улыбнуться. Нѣкоторые изъ
востей, подобно хозяину, пожимали плечами, а другіе по-
тихоньку смѣялись. Мишель, въ досаду дядѣ, хохоталъ во все
горло. Юлій Карлычъ чуть не плакалъ.

— Господинъ Рымовъ, замолчите! выпался наконецъ
откупщикъ. Вы забываете, въ какомъ обществѣ сидите; здѣсь
не трактиръ.

— А вамъ что угодно? произнесъ Рымовъ совершенно уже
пьянымъ голосомъ. И вамъ можетъ быть угодно сочинять комедии,
драмы... пасторали... ничего, мой повелитель, я васъ ободряю,
ничего! Классицизмъ, чортъ возьми, единство содержанія, лю-
бовница въ драмѣ! валяйте! грамотъ только надобно знать по-
тверже, грамотъ-то, канальство, только подписывать фамилію
умѣемъ; трухъ, трухъ, и подписалъ, проговорилъ онъ, и провелъ
зигзагами рукою по тарелкѣ, вѣроятно, представляя, какъ откуп-
щикъ подписывается. Тотъ конечно выпшелъ изъ себя.

— Извольте идти сей-часъ же вонъ, сказалъ онъ. Аполо-
госъ Михайлычъ, извините меня: онъ мой подчиненный, а его
сей-часъ вѣрно вывести.

— Господа, помилуйте, сделайте милость, началъ Аполлосъ Михайлычъ плачевнымъ голосомъ. Господинъ Рымовъ, образумьтесь, почувствуйте хоть по крайней мѣрѣ благодарности къ обществу, которое васъ такъ почитало. Это ни на что не похоже. Юлій Карлычъ! уговорите его, вы ихъ намъ рекомендовали. — Но Юлій Карлычъ, обращаясь то къ тому, то къ другому, ничего уже не въ состояніи былъ говорить.

— Что? благодарность? за вазу что-ли? заболталъ опять комикъ. Охъ, вы богачи! что вы мнѣ милостыню что ли подали? Хвалить туда же. Меня Михайло Семенычъ хвалить, меня самъ геній хвалить, понимаете-ли вы это? али только умѣете дурачкія комедіи да драмы сочинять. — На этомъ мѣстѣ Дилетасевъ не выдержалъ. Онъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ откупщику, и, переговоривши съ нимъ нѣсколько словъ, ушелъ въ кабинетъ. Черезъ нѣсколько минутъ двое лакеевъ подошли къ Рымову и начали его брать подъ руки.

— Вамъ что надобно, скоты! проговорилъ онъ, совершенно уже пьяный; но лакеи проворно подняли его со стула. — Прочь! кричалъ онъ, толкаясь: актеры! писатели! всѣхъ я васъ синопасовъ презираю.... Прочь.... Но лакеи тащили, и даѣе за тѣмъ, словъ его уже не было болѣе слышно, потому что онъ былъ выведенъ на улицу. Такое непріятное и непредвидимое обстоятельство до того разстроило хозяина, что онъ болѣе получаса не въ состояніи былъ выдти изъ своего кабинета. На гостей оно подѣйствовало различно: одни смѣялись, другіе жалѣли Аполлоса Михайлыча, и наконецъ третьи обвиняли его самого, и даже оскорблялись, какъ онъ позволилъ себѣ пригласить подобнаго человека въ ихъ общество. Послѣдніе выговаривали даже Юлію Карлычу, который первый рекомендовалъ комика. Трагикъ смѣялся надъ хозяиномъ злобнымъ смѣхомъ. Ужинъ кончился кое-какъ. Аполлосъ Михайлычъ наконецъ вышелъ къ гостямъ, и началъ просить извиненія въ случившейся непріятности, которой конечно онъ никакъ не могъ ожидать, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ на обсужденіе общества вопросъ: что дѣлать съ вазой? по послѣднѣму своему поступку, Рымовъ, какъ человекъ, не только не стоилъ подобнаго вниманія, но даже долженъ былъ презрѣтъ, а

съ другой стороны, какъ актеръ, онъ заслужить ее, и она ему была уже подарена. Нѣкоторые говорили, чтобы пренебречь, и отдать ему вазу, которая была ужъ его собственность, другіе же отрицали, говоря, что этимъ унижится общество. Аполлосъ Михайлычъ обратился къ откупщику. Тотъ объявилъ, что ему все равно, но что онъ самъ накажетъ Рьмова тѣмъ, что выгонитъ его изъ службы. «Итакъ, господа, какъ человекъ, онъ будетъ наказанъ, а какъ актеръ пошлемъ ему вазу», рѣшилъ хозяинъ, и тотчасъ же велѣлъ нести вазу съ деньгами къ Рьмову. Трагикъ во всемъ этомъ не принималъ никакого участія, потому что все это было, какъ онъ выражался, гадко и глупо. Одна только Фани жалѣла Рьмова: она даже потихоньку вышла спросить къ лакеямъ, какъ они его довели. Тѣ объявили, что они довели его хорошо и сдали женѣ, которая его заперла въ чуланъ. Анна Сидоровна действительно была уже въ городѣ, и, мучимая ревностью, весь вечеръ стояла у театра, и потомъ у дома Аполлоса Михайлыча. Увидѣвши, что изъ воротъ вышелъ человекъ, который барахтался и ругался, она тотчасъ догадалась, кто это, и побѣжала въ слѣдъ за нимъ. Дома она действительно его заперла въ чуланъ. Это былъ единственный способъ выпрезывать Рьмова.

IX.

Не знаю, заинтересовалъ ли я читателя выведенными мною лицами на столько, чтобы онъ пожелалъ знать дальнѣйшую судьбу ихъ, но все-таки рѣшаюсь объяснить, что, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ описаннаго спектакля, Аполлосъ Михайлычъ женился на Матренѣ Матвѣевнѣ, и послѣ этого, какъ рассказываютъ, совершенно утратилъ любовь къ театру, потому что супруга его неожиданно обнаружила, подобно Аннѣ Сидоровнѣ, отвращеніе отъ этого благороднаго занятія, и даже будто бы въ настоящемъ театрѣ она участвовала изъ одного только кокетства, съ цѣлю завлечь старика, который, въ свою очередь, женившись, сдѣлался какъ-то задумчивый и урюмный; пересѣхалъ совсѣмъ въ деревню, началъ заниматься агрономією, и писалъ въ этомъ родѣ статьи. Матрена Матвѣевна

идальми образъ, осталась тою же, то есть бойкою, веселой дамою и большою говоруньею. По замечанію всѣхъ, она была очень нѣжна къ мужу, и даже ревнива, потому что протѣла всѣхъ молоденькихъ горничныхъ, и набрала вмѣсто нихъ старыхъ, безобразныхъ и совершенно непривычныхъ. На Фаничку женился Нидонъ Семенычъ, и это дѣло устроила Матрена Митѣевна, которая очень ловко умѣла влюбить Рагузова въ племянницу Фани и заставила ту согласиться. Фаничка, шнелдница за мужъ, тоже разлюбила театральное искусство: она даже всякой разъ блѣднѣла и краснѣла, когда мужъ ей начиналъ читать что-нибудь драматическое. Дарья Ивановна, послѣ спектакля, очень ужъ подружилась съ Мишелемъ, такъ что за него привзала мужъ и увезъ ее съ собою въ деревню. У Юлія Карловича, не смотря на слабое здоровье жены, родился еще сынъ, и онъ еще болѣе началъ нуждаться въ средствахъ. — Комикъ мой сошелъ съ ума и помѣшался на довольно странномъ пунктѣ: онъ все рисовалъ подаренную ему вазу и писалъ комедіи въ стихахъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами были Виконты и Маркизы. Откупщикъ помѣстилъ его на свой счетъ въ сумашедшій домъ, а Анну Сидоровну взялъ къ себѣ въ ключницы, которая очень похудѣла и была какъ растерянная.

А. Нисемсвій,

исследованиям охотничьих, воспевавших владычество
 в мифах.

П Е Р У Н Ъ.

Въ древнѣйшихъ преданіяхъ всѣхъ Индо-Европейскихъ и Семицкихъ народовъ божество Солнца и Свѣта занимало вообще первое мѣсто въ іерархіи космогоническихъ божествъ первобытнаго міа до тѣхъ поръ, какъ рожденное отъ него понятіе бога грома и молній низвергло царство солнца и овладѣло первенствомъ надъ всѣми прочими мифическими личностями древняго міра. Въ поэтической фантазіи Грека олицетворялся этотъ религіозный переворотъ въ борьбѣ Юпитера съ Титанами и окончательномъ низверженіи грознаго царства Хроноса. Эта борьба не отпечатлѣлась съ такою же ясностію въ преданіяхъ Сѣвера; но и тутъ встрѣчаемъ мы вездѣ въ символикѣ и корнесловіи вѣчное столкновеніе Солнца и Грома — Зевса и Ваала.

Объемъ этой статьи не дозволяетъ намъ вполнѣ объяснить всѣ особенности этихъ двухъ поклоненій — Свѣта и Грома въ религіозной символистикѣ язычника, почему и удовольствуемся указаніемъ здѣсь однихъ только главнѣйшихъ признаковъ ихъ существованія. Такъ отличительная черта поклоненій громовержцу — посвященіе ему дуба и горныхъ вершинъ (земная его обитель); когда напротивъ обоготвореніе быка, какъ эмблемы небесныхъ свѣтилъ — вѣрнѣйшій признакъ религіи Солнца и Свѣта вообще. Въ филологическомъ отношеніи древнѣйшее названіе Громовержца, происходя отъ бога Свѣта и Солнца, носитъ на себѣ одно понятіе верховнаго божества Свѣта и дня, и только между сѣверными народами получаетъ значеніе бога грома и горныхъ вершинъ. Отъ Санскритскаго корня *div, dev, djaus* (1), означающаго блескъ и сіяніе свѣта вообще, произошли Греческія и Латинскія формы: *Zeus, Zevus, Zeus Dios, Divos, dies, deus, divus* (русское диво, дивно?) *jov, juv, jovis, diovina, diena, iona, jovina*, и многа другія, породившія имена Зевса, Юпитера (*Dies pater, Juv pater*), Діаны и Юноны (2). Отсюда и Кентійскій богъ Ю или Дю, Юнъ, Янъ, Британскій Ну или Нув, такъ же какъ и Чудскій Юмалла или Юма (3); въ Скандинавіи

сохранился этот корень въ названіи зимняго праздника громовержца Juol-juelfest. Другимъ путемъ образовалось отъ корня div, dev, Zev, имя Германскаго Tio, Teut, Келтійскій Teutates извѣстнѣе съ суффикатомъ Ko — сокращеніе слова kot или gott подъ формою Tioisco или Tuisco, даваема свое имя всему Тевтонскому племени и всей Германской, земля teutsch или deutschland; отъ имени Tivisco произошли въ свою очередь, посредствомъ древняго выраженія Эдды tivar (герой) (4) имена Тира и Тора (5); имя же Тора наконецъ, въ синонимическомъ его названіи Фюргуна, т. е. горнаго, отъ Готескаго faierguni гора (6), породило имя соответствующаго Тору Литовскаго Піеркуна или Перконоса, отъ котораго произошли и Славянскія формы: Прамъ, Паромъ, Брно, Прно, Прове, Перенъ, Піорунъ и Перунъ (7).

Такимъ образомъ имя нашего Громовержца связано неразрывной филологической цѣпью съ понятіями свѣта и божественности всѣхъ древнихъ народовъ, но въ то же время носить въ себѣ и значеніе бога горныхъ вершинъ, происходя отъ Готескаго faierguni, которое въ средневѣковой географіи Германіи служило почти общимъ названіемъ важнѣйшихъ горныхъ цѣпей Шварцвальда и Эрцгебурга Fergunnaz, Virgunna, Virgunt (8).

Въ Эддѣ мать Тора, олицетворяющая собою понятіе земнаго материка, названа fiorguniar, отъ чего это имя переходить нерѣдко и на ея сына въ значеніи бога или старца горныхъ вершинъ. Въ Германіи существуетъ повѣріе, что Торъ живетъ на высокихъ горахъ (9). Гора святаго Бернарда называлась когда-то mons Jovis, Осетинцы обоготворяютъ громъ подъ именемъ Элмъ и называютъ его владѣтелемъ (10) горныхъ вершинъ, въ Сербіи встрѣчается гора Перуна Дубрава; въ Моравіи, близъ Брюна (Брно Перно), посвящалась высокая гора игрищамъ въ честь Перуна, отъ которыхъ и получила названіе Brielberg (11); наконецъ въ Литвѣ и Польшѣ обоготворялся Перунъ на холмахъ, гдѣ въ честь его горѣли непогасаемые костры изъ дубовыхъ вѣтвей, почему быть можетъ и у насъ на Руси кумиры Перуна встрѣчались на холмахъ, какъ видно изъ словъ Нестора.

Если вспомнить еще, что по-чешски *řípení* значитъ красный, багряный, и что, вѣроятно, красный цвѣтъ, какъ цвѣтъ огня и молнии (12), посвящался Перуну, то предположеніе г. Снесирева, что красныя и червоныя горы (13) относились къ обожествленію громовержца, получить тѣмъ болѣе вѣроятности, что оно отчасти подтверждается и мѣстностью красной горы въ Богеміи, близъ городка Берунскъ, получившаго очевидно свое названіе отъ Перуна.

У западныхъ Славянъ мы не встречаемъ Перуна въ значеніи бога грома, хотя и находимъ отголоски его имени въ Рюгенскихъ кумирахъ: Поревить и Поренуть, названныхъ Книтлинской Сагой Турупить и Пурупить, но не безъ вѣроятности принять можемъ Чернобога за божество, тождественное съ Перуномъ (14), тѣмъ болѣе, что Чернобогъ обожествлялся на высокихъ горахъ, и многія горы получили отъ него свое названіе. Вполнѣ же подтверждаетъ это предположеніе Британское преданіе о Чернобогѣ, переданное намъ Валтеръ-Скотомъ въ балладѣ о Гарольдѣ, гдѣ онъ является грознымъ и таинственнымъ духомъ горныхъ ущелій: *toi qui plane sur la tempeste, qui ebranle la coline et brise le chene....epargne moi Zernebock!* (15)

Съ именемъ Перуна или Перена связывается слово брегъ или берегъ (16), бригъ, берыгъ, брегъ, брдо и проч., носщее у южныхъ Славянъ въ Краинѣ, Босніи и Дубровникахъ значеніе холма или горы, точно такъ же, какъ и слово гора употребляется иногда въ значеніи берега (17): сюда примыкають Пьемское *berg*, Келгійское *brig*, Исландское *biarg* скала, и Готское *baigrz*. Въ Лужицкомъ нарѣчьи сохранилъ этотъ корень въ словѣ *wregume* значеніе злаго горнаго духа, подобно какъ и въ нашихъ русскихъ памятникахъ слово *берегини* или *перегини* означаетъ миѣическое божество неизвѣстнаго намъ значенія: «поревнуй Аполовину и Мокоши и Перегини и всякимъ богамъ мерзкимъ требамъ не приближайся». Въ другомъ мѣстѣ: «а переже того ядлаи требы ушпреть і берегинямъ.» И такъ повидимому миѣическое значеніе берега почти тождественно съ познатіемъ горы; почему и не лишено вѣроятности сближеніе г. Срезневскаго именъ берегиня и горы (звѣд. горынища)

съ ильменскимъ корнемъ альпъ, альфъ, ельфъ, ельбъ, и проч. и проч., отъ котораго произошли всѣ водяные и горные духи германскаго мѣста. Огненные змѣи (змюки) обитали въ горныхъ ущелияхъ: отъ got stesonoſi idſe se-trut rognibſan-lutſa. говоритъ Чешская пѣснь о судѣ Любуши, и въ русской пѣснѣ, находить Добрыня змѣя горючница въ *лещи* разѣ блѣлокамѣнѣхъ: по другому преданію поселился князятый змѣй въ царствованіе Владиміра въ заднепровскія горы въ глубокую пещеру; и въ германскихъ сказкахъ о сраженіяхъ рыцарей съ драконами, мѣсто битвы всегда ущелье или пещера. Вѣроятно также предположить, что змюки или огненные змѣи обитали на берегахъ рѣкъ и озеръ, и даже иногда быть можетъ являлись чисто водяными духами, если справедливо сказаніе, приведенное Юнгманомъ, что змюки могли оботрачиваться въ водяныхъ мокрыхъ (*смокишхъ*) птицъ (18), почему и получили это названіе, что отчасти подтверждается местными ильменскими преданіями о драконахъ, обитавшихъ у береговъ озеръ и рѣкъ и купающихся въ нихъ (19).

Огненный змѣй, — очевидная аллегорія *змѣи*бающей молнии; онъ прилетаетъ къ своимъ приверженцамъ и приносить имъ богатые подарки (20) (вѣроятно золото), въ особенности же прилетаетъ онъ охотно къ вѣдьмамъ, старымъ бабамъ и чародѣйкамъ (21), съ которыми имѣетъ какую-то таинственную связь, такъ напр. съ Маріной и съ Авдотьею Лиховидевою. (22).

Подобное же свидѣтельство о любви змѣи огненного встрѣчается и въ Сербской пѣснѣ:

Змѣѣ пралете о лѣро на дугио,
И под прилети пронео джевоику,
Под једнимъ лѣсу джевоику,
А па другимъ рухо джевоику (23)

Въ сказаніи нашего народа о рожденіи жикиморы (24) отъ любви нечистой силы съ красными дѣвками, разсказывается, что она иногда является и въ видѣ молодыхъ молодыхъ зазорливыхъ: «А и тѣ-то молодые молодцы, прикидываются по-человѣчю и по живинору. По поднебесью лстать

они молодые, молоды по-звѣнному, по избѣ-то ходятъ они, молодцы, по-человѣчно, по-поднебесью лстятъ, на красныхъ дѣвушекъ глядятъ; по избѣ-то ходятъ, красныхъ дѣвушекъ сушатъ. Полюбить ли красну дѣвицу душу, загоритъ онъ, окаянный, змѣемъ огненнымъ, освѣтитъ онъ, нечистый, дубравы дремучія (т. е. лѣса посвященные громовержцу); по-поднебесью летитъ онъ злодѣй шаромъ огненнымъ; по землѣ разсыпается горячимъ огнемъ, во теремъ красной дѣвицы становится молодымъ молодцомъ нескazanной красоты.

Сюда относится также и Чудское преданіе о Лаунаватарѣ; разрышавшейся отъ бремени только тогда, когда чтимый ими Пръене (ясный отголосокъ древняго Перуна) бросилъ ей изъ тучъ красную нитку на животъ (25). Нельзя намъ не припомнить здѣсь превращеніе (оборотъ?) Юпитера въ золотой дождь, тѣмъ болѣе, что крылатый змѣй или драконъ постоянный хранитель золота въ преданіяхъ европейскихъ народовъ: «Улю-таго змѣища гориньчища нашелъ онъ (Добрыня) много злата серебра» (26).

Всѣ эти преданія о любовныхъ полетахъ огненныхъ змѣевъ (пословъ или оборотовъ Перуна) наводятъ насъ на отысканіе женскаго начала, соответствующаго въ нашей Мифологій мужескому божеству Перуна.

Мы сказали уже выше, что имя Фаіргвиаръ относилось къ Тору и преимущественно къ его матери, богинѣ земли. Въ Германіи сохранилось много сказокъ о *матери Грома*, и сюда же отнести должно и преданіе о *чертовой бабушкѣ*. О матери Перуна приводитъ Гриммъ слѣдующій древній цитатъ изъ Лазича (27) «*Personate mater est fulminis atque tonitruum*». Далѣе читаемъ въ Русскихъ народныхъ праздникахъ г-на Сметирева (28): «мать перуновъ и молій именовалось *Personate*, раздѣлявшая съ Перуномъ владычество на земли и на небѣ. Въ Жмуди давалось сіе прозваніе Пресвятой Богородицѣ *Patena Maria personate* или *personija*. Въ Виленской губерніи 2 февраля празднуется Пресвятой Богородицѣ *Marij Громницѣ*, и въ время богослуженія народъ стонетъ въ церквахъ со свѣчами; «конъ называютъ *громницѣ*».

Въ сербскихъ пѣсняхъ (29) сохранили имена Или и Маріи не только общее значеніе грома и молній, но и родственную связь брата и сестры. «Свет Илија грома небеснога, А Марія мунью и стріелу». Въ другомъ мѣстѣ приписываются также выраженія и пророку Или: «Илије мунью и стріелу». Тутъ же читаемъ: «Иго ми пита громовник Илија, сестро наша блажена Марія, каква ти је годема невоља? Те ми рече сус од образа....Ал говори блажена Марія: А мой брате громовник Илија», и пр. и пр. Это сближеніе именъ Маріи и Или такъ важнѣе для насъ, что во всей Европѣ, по введеніи христіанства, преданія о Торѣ или Перунѣ перенесены были на святаго пророка Илию, носящаго въ нашемъ изродѣ древнее прозвище Громовника; въ день его праздника простолудинѣ ожидаетъ всегда большаго дождя, а малороссійская загадка о громѣ (30): «Видано не видано, яко не кидано, то святый кидавъ, щобъ було хорошо ему проихать» прямо пахнетъ на языческое представленіе Тора или Перуна, разбѣзжающаго по небу въ своей золотой колесницѣ.

Въ Сербскомъ языкѣ встрѣчается повидимому женская форма имени Перуна въ названіи цвѣтка ирисъ *Перуника*. Въ Германскихъ же преданіяхъ и дѣтскихъ сказкахъ живетъ до нынѣ нѣя чародѣйки или вѣдьмы *Percht*, *Perchta* (31) или *Berehta*, *Berla*, которая быть можетъ имѣетъ отчасти нѣкоторую филологическую связь съ Перуномъ, какъ и праздникъ ея совпадаетъ съ Скандинавскимъ Юльфесть и съ коладскими гульбищами нашихъ Русскихъ вѣдьмъ (32); обыкновенно величаютъ ее прозвищемъ *frau*, соответствующемъ нашей *бабѣ* (оба *Яга*, *frau Berla*, *frau Holda*, *frau Frigga Jgga*). По-Латышски *perht*, по Литовски *perči* означаетъ бить, колотить, бить вѣниками въ банѣ, париться, наше *пороть*, которое такъ же, какъ и *переть*, *пирать*, *занирять*, *припирать*, *отпирать* ипр. *напоръ*, *топоръ*, имѣютъ всеобщій своимъ корнемъ древне-славянскій глаголъ *прати*, *перу*: Соплекомъ съ него сорочку кроваву сущую и вѣща поподъи прати (33). Отъ этого глагола *прати*, *ferire*, производятъ многіе филологи и имя Перуна (34). Другіе сравниваютъ его съ Индѣйскимъ праздникомъ Перунъ Памголъ и съ прозвищемъ Индры (какъ

Jupiter pluvius) Паріаніась (35). Всѣ эти догадки постольку справедливы, поскольку всѣ эти слова *prati*, *ferire*, и Паріаніась имѣть могутъ общій этимонъ съ разными названіями горы и берега всѣхъ Индоевропейскихъ нарѣчій въ Санскритскомъ языкѣ, гдѣ слово *paravata* (гора) происходитъ отъ корня *paṭa*, *implere* (36). Но какъ филологическая важность этого вопроса выходитъ изъ области главнаго предмета нашей статьи, то мы предоставляемъ его рѣшеніе ученымъ болѣе насъ свѣдущимъ по части изученія древнихъ языковъ. Теперь же, прежде чѣмъ перейдемъ къ поклоненію Перуну въ древней Россіи, упомянемъ еще вкратцѣ слова и названія, упомянутыя, по нашему, свое происхожденіе въ языческомъ богословіи Перуна или Перкунуса.

Вепелинъ отыскиваетъ въ Аквилейской надписи:

Jovi Sancto
Brontonti
Aur poplius. —

имя нашего громовержца въ словѣ *brontonti* (37). У Словаковъ сохранилось имя парона въ значеніи брани: *ragom te tvestal zabil, wzal idr.* (38); въ Сербскомъ языкѣ сохранилось слово *перуника*, въ Хорватскомъ *переново цѣпъ нѣз* означаетъ попорникъ; у Поляковъ *шерунъ* употребляется въ смыслъ громоваго удара, а *переница* въ Истріи служить названіемъ грозовой страды; наконецъ Люненбургскіе Словяне называли четвергъ *перенданомъ* (39); у Литовцевъ и Латышей громъ до сихъ поръ называется *pergkon* или *perkuna*, и сохранился во многихъ производныхъ, какъ на прим. въ названіи полевой горчицы *perkunes*, по-французски *tortelle* (отъ *tora*?), по-немецки *donnerwebe*, *donnerbeisen* (40). Въ географическихъ названіяхъ сохранилось также много именъ, происходящихъ отъ того же корня, въ особенности въ Литвѣ и Пруссіи и въ окрѣстныхъ съ ними Славянскихъ земляхъ: у Померанцевъ, Поляковъ, Моравовъ; они встрѣчаются также и въ Венгріи, Сербіи, Валахіи и Далматин, но ужь гораздо рѣже, а въ Россіи почти и неизвестны.

Приступая теперь къ поклоненію Перуну собственно въ Россіи, мы должны строго различать преданія до-историческаго времени, существующія въ области народныхъ повѣрій, отъ фактовъ, относящихся къ Варяго-русскому періоду. Первые могли отчасти искони существовать въ древнѣйшей эпохѣ нашего міра, проходя отъ антропоморфическаго обоготворенія явленій грома и молніи, какъ встрѣча перваго грома и покрія о громовыхъ стрѣлахъ; а отчасти же могли быть они и осколками общевропейскаго міра о Зевсѣ, проникнувшими въ наши народныя преданія и сроднившимися съ ними далеко еще до появленія кумира Перуна, какъ преданіе о золотой молесницѣ громовержца, о красныхъ и червонныхъ горкахъ и о крылатыхъ огненныхъ змѣяхъ. Вторые же факты относятся прямо къ самому кумиру Перуна, неимѣвшего ничего общаго съ нашей народностію и не оставившаго никакихъ слѣдовъ своего существованія ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ русскихъ Словянъ. Сюда относятся не только всѣ свѣденія нашихъ летописцевъ объ обоготвореніи Перуна—въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, но и нѣкоторыя мѣстныя названія, принадлежащія также къ Варяжскому періоду, какъ *Перунъ* урочище въ Новгородской губерніи, *Перунова рѣка* въ Кіевѣ, и другія (41).

Слѣдуя этому раздѣленію въ оцнѣннѣ фактовъ и матеріаловъ, приведенныхъ нами въ началѣ этой статьи, мы убѣдимся, что не только имя и кумирслуженіе Перуна принадлежать къ эпохѣ Варяжскаго владычества, но что даже и главныя черты общаго міра о громовержцѣ почти совершенно чужды Россіи, гдѣ напротивъ развилось поклоненіе оплодотворяющей силы солнца, отразившейся въ высоко-религіозномъ значеніи рогатаго скота и домашнего очага, этихъ главнѣйшихъ признаковъ Ассиріосимовскаго поклоненія Молоху или Ваалу, перешедшаго въ нашу Сѣверь въ образъ скотьяго бога Волоса (42). Такое развитіе религіи солнца въ Россіи тѣмъ изумительнѣе для насъ, что у всѣхъ окружающихъ насъ народовъ, отъ Литовскаго Перкуна до Осетинскаго Элмелъ, и отъ Сибирскаго Торума до Эстляндскаго Туруннга, вездѣ господствовало преобладаніе противоположнаго начала. Центромъ поклоненія Громовержца, собственно подъ именемъ Перкуна или Пѣруна,

является земля Прусско-Литовского племени, откуда оно разпространилось и на все соседнія словянскія племена, и притом со временемъ до береговъ Дуная и Адриатическаго моря; къ чему немало способствовало, вѣроятно, древнѣйшее туземное обоготвореніе грома и молніи (какъ природныхъ стихій) подъ именами Громоуника и Громоуницы или Грумины (44). Обыкновенно привыкли почитать известное свидѣтельство Прокопія о вѣрованіяхъ Дунайскихъ Словянъ (45), за намѣкъ на древнее почитаніе между ними Перуна, хотя это свидѣтельство, не упоминая объ имени Словянского громовержца, нисколько не рѣшаетъ вопроса о времени появленія имени Перуна въ мифологіи югозападныхъ Словянъ.

Первое положительное свидѣтельство существованія кумира Перуна въ Кіевѣ встрѣчаемъ мы въ договорѣ Игоря съ Греками: «завтра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кдѣ стояше Перунъ, покладаша оружье свое». Но уже и при Олгѣ встрѣчаемъ мы имя Перуна въ договорѣ его съ Императорами Львомъ и Александромъ: «По русскому закону кляшася (Олегъ) оружіемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотымъ богомъ!» (46). По варианту Переяславской лѣтописи (47): «А Олегъ кляся по своему закону Перуномъ кумиромъ и Волосомъ скотьемъ богомъ!» Далѣе повторяются подобныя клятвы въ договорахъ Игоря и Святослава съ Греками: «да будетъ клять и огъ Бога и отъ Перуна!» и «да имѣетъ клятву отъ Бога, въ сего же вѣруемъ—въ Перуна, и въ Волоса, скотѣва бога!»

Въ этихъ послѣднихъ текстахъ относятся обыкновенно слово *Бога* къ Грекамъ или къ Христіанамъ, находившимся въ русскомъ войскѣ (48). Если справедлива эта догадка, то зачѣмъ и не допустить, что Перунъ въ этомъ случаѣ представляетъ Варяжскую, — Волось Словянскую часть дружины Святослава: «Каждое племя въ составъ княжеской дружины клялось по обычаю своей земли своимъ богомъ», справедливо замѣчаетъ г. Сабининъ (49), что ясно подтверждается словами лѣтописей, гдѣ Олегъ клялся по русскому закону, т. е. варяжскому, и гдѣ при словахъ оружіемъ и Перуномъ прибавляется мѣстоименіе *своимъ*, относящееся прямо къ Олегу, когда напротивъ Волось упо-

мануть, чуть ли не съ какими-то презрѣніемъ, только скотыиъ богомъ; еще яснѣе выступаетъ это различіе между Перуномъ и Волосомъ въ вариантѣ Переяславской лѣтописи, гдѣ первый названъ прямо кумиромъ, а Волосъ удерживаетъ свое обычное прозвище скотыаго боги. Въ текстѣ же о сооруженіи Владиміромъ новыхъ кумировъ на Кіевскомъ холмѣ, намѣкается самое подробное описаніе истукана Перуна: *Перуна древаши, а главу его сребрену, а усь злѣтъ*, на то, что онъ былъ имъ только возобновленъ или украшенъ, когда, напротивъ, другіе кумиры, не описанные Несторомъ, вѣроятно нововведеніе. Владиміра, и нововведеніе чужеземное, что ясно выражено лѣтописцемъ въ словахъ: «и осквернишася требами зѣмля Русская и холмъ отъ». Это предположеніе подтверждается еще свидѣтельствомъ Святаго Григорія. «Начаша требы класти роду и рожаницамъ преже Перуна бога ихъ (и иныхъ?), а переже того клали требу упиремъ і берсгнѣямъ». Такимъ образомъ Перунъ является въ Россіи орудіемъ чужеземнаго Варяжскаго владычества и религіознаго переворота, замѣнившаго первобытное поклоненіе стихіямъ и силамъ природы обоготвореніемъ грубыхъ истукановъ, и тихую религію семейнаго быта торжественностію общественнаго кумирслуженія. Въ этомъ лежала вѣроятно правительственная мѣра Варяжскихъ князей, желавшихъ укрѣпить свою политическую власть въ Россіи властію духовною, и окружить себя всею торжественностію внѣшняго богослуженія. Но для достиженія подобной цѣли они не могли не сдѣлать нѣкоторой уступки и народнымъ вѣрованіямъ, почему и воздвигли волею Варяжскаго Перуна истуканъ Словянскаго Волоса, что и видно изъ фактовъ, приведенныхъ нами въ предисловіи къ этимъ статьямъ (50).

Въ особенности проглядываетъ эта общая цѣль Варяжскихъ князей въ поступкахъ Владиміра: онъ украшаетъ серебромъ и золотомъ истуканъ Перуна, окружаетъ его новыми кумирами, занесенными имъ въ Кіевъ изъ разныхъ странъ, религій и народовъ, и приноситъ имъ кровавыя жертвы. Но не найдя и здѣсь достиженія своей цѣли, онъ начинаетъ замышлять о новой вѣрѣ и разсылаетъ пословъ повсюду отыс-

кивать и изучать религіи другихъ народовъ; самъ онъ вникаетъ въ законы и обряды Христіанъ, Евреевъ, Болгаръ и Магометанъ, и пораженный наконецъ торжественностію богослуженія Православной Греческой Церкви, и освященный Божіею благодатью, принимаетъ свѣтое крещеніе и открываетъ языческой Россіи божественный путь спасенія. Но давно уже передъ тѣмъ первые лучи православія проникли въ Россію, гдѣ народъ, оторванный отъ древнихъ своихъ взрваній и не сроднившись съ кровавымъ культусомъ грозныхъ кумировъ, увидѣлъ въ христіанствѣ спасительный исходъ изъ духовнаго боренія между забытой стариной и иноплеменнымъ нововеденіемъ, между Волосомъ и Перуномъ, Хроносомъ и Зевсомъ. И такъ суждено было непримиримымъ врагамъ еще разъ встрѣтиться лицомъ къ лицу на Кіевскомъ холмѣ, чтобы на вѣкъ погибнуть вмѣстѣ въ Днепровскихъ пучинахъ, передъ лучезарнымъ свѣтомъ Креста.

Д. Шеннингъ.

ПРИМѢАНІЯ.

1. Grimm Deut. Myth. стр. 175-177.
2. По тому же филологическому закону образовалось изъ Санскритскаго *div-an* и наше Русское *день* и Латинское *dies*, которое перешло черезъ Италіянскія формы *diurno-iorno*, *giorno* и въ Французское *jour*.
3. Слово Юмалла съ незначительными измѣненіями означаетъ до сихъ цоръ Бога въ парвчяхъ Эстляндіи, Кареліи, Лапландіи и Олонецка. Палласъ. Сравн. Словарь, Часть II стр. 1.
4. Grimm D. Myll. 176.
5. Торъ у Норманновъ носилъ имя Біорна, похожее на Перуна. (журналъ Народ. Просв. 1843 года, отдѣлъ 2, стр. 36, Статья Г. Сабинина).
6. Это выраженіе принадлежитъ исключительно Умалъ, собственно же въ Готескомъ языкѣ гора называется *bairga*, которое впрочемъ весьма близко отъ него, если взять въ соображеніе, что большею частію Готеское ϕ переходитъ постоянно въ п (б) От. Зап. 1851 г. N 7, отд. 3, стр. 15).
7. Шамкевича корнесловъ Русск. языка, часть 2, стр. 14.

8. Grimm D. Myth. 156. Вуслаевъ о вліаніи Христ. на Русскій языкъ, стр. 56.
9. Grimm Deuts. Sprache стр. 119.
10. (Grimm D. Mythol. 159) «Элизъ Элай Элдаеръ, геттено!»
11. Sredowsky hist Moraviae, стр. 35.
12. Впрочемъ молніе у Словянъ получаетъ также иногда и зиптеть синяго (Буслаевъ: вліян. Христ. Ст. 60.)
13. Снегиревъ: Русск. Народ. Праздники. ч. 1, стр. 154.
14. Мы уже выразили это предположеніе въ прежнемъ нашемъ сочиненіи: Мифы Словянскаго язычества, стр. 140.
15. Ния Чернобога встрѣчается въ сочиненіяхъ Веды и другихъ древнихъ Англійскихъ автописцевъ, смот. г. Хомякова письмо изъ Лондона (Москвит. 1848 г. Іюнь мѣсяць), приведенное же мѣсто изъ баллады В. Скота выписано по переводу Defausonprest.
16. Москвитянинъ 1851 г. № 5, статья Г. Срезневскаго.
17. Бѣлыя бреги въ Волинѣ въ смыслѣ бѣлыхъ горъ. (Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1848 г. Май, стр. 191). Корнеловъ стр. 48, и Черткова «Переселеніе Фракійскихъ племенъ» стр. 85.
18. Grimm D. Myth. стр. 654.
19. Panzer Beitrag zur Deut Mythologie, стр. 292, приводитъ нѣсколько мѣстныхъ повѣрій о водяныхъ драконахъ.
20. Касторскій: Начертаніе Слов. Мифологін, стр. 55-58.
21. Чулкова: Словарь Суевѣрій, стр. 166.
22. Древнія Русск. Стихотвор. стр. 217 и 223.
23. Вука Стефановича Сербскія пѣсни, ч. 1. стр. 163.
24. Сахарова Сказ. Русск. нар. часть 2, кн. 7, стр. 16.
25. Mone Symbolik des Nordens, ч. I, стр. 58.
26. Grimm D. Myth. стр. 652, и Буслаева: вліаніе Христ. стр. 57.
27. Grimm D. M. 157.
28. Снегирева Русск. Народн. Праздн. ст. 96.
29. Вука Сербскія пѣсни, ч. 1, стр. 156, ч. 2, стр. 1, 2 и 4.
30. Сементовскаго: Малоросс. и Галицкія загадки, ст. 8, N 34.
31. Grimm D. M. 250-260.
32. Сахарова: Сказ. Русск. Нар. ч. 2, книга 7, ст. 37, и 70.
33. Карамзинъ, Ист. Р. Госуд. ч. II, стр. 182.
34. Рейса Словарь, стр. 716; Добровскаго Instit: Ling: Slov: стр. 298, и Шимкевичъ—Корнесловъ ч. II, ст. 11.
35. Снегиревъ, Русск. Нар. Пр. стр. 59, ч. 1.
36. Буслаевъ, 56 (въ замѣчаніи).
37. Венедина: Болгаре, стр. 133 и 131.

38. *Handbuch Wissenschaft des Slav. Mythus*, стр. 259.
39. Снегиревъ Р. Н. Пр. ч. 1, стр. 133, и статья Срезневскаго въ *Москвитини*.
40. Grimm D. M. 1143 и 1163 стр.
41. Снегиревъ: Рус. Нар. Пр. стр. 14 ч. 1.
42. Вельтмана: о Господинъ Великомъ Новгородѣ.
43. Палласъ. Сравн. Словарь ч. 1, стр. 2, — содержитъ много названій Бога, имѣющихъ созвучіе съ Тороу между Сибирскими нарѣчіями.
44. Вендлина: Болгаре, стр. 145.
45. Prosperius De bello Gallico, ч. III. стр. 14.
46. Лаврентьевская Летопись, стр. 26. 13. 31.
47. Перелазова Суздальскаго Летописца, изд. въ 9 Н Временника 1851 г. стр. 9.
48. Шевырева: Повѣдка въ Кирило-Белозерскій монастырь, ч. II, стр. 33. Эти слова вполне подтверждаютъ предположенное нами уже въ прошломъ году раздѣленіе Словянскаго Мѣся (Мѣсяцъ Сл. Языч. стр. 6) на три эпохи.
49. Журн. Минист. Нар. Просв. на 1843 г. отдѣлъ II, стр. 26. Чертковъ: Война Святославова стр. 134.
50. Смотри Предисловіе къ этой статьѣ въ Майской книжкѣ *Москвитини* сего года.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

II.

Трѣтств, въ началѣ Сентября. Я открылъ свою лабораторію, и разставилъ свои инструменты и микроскопы въ *Lecanda grande*, недалеко отъ рыбнаго рынка, и подле той самой комнаты, въ которой за 83 года передъ симъ Винкельманъ долженъ былъ заплатить жизнью за свою непреодолимую любовь къ Итальянскому небу и Римскому искусству. Главнымъ предметомъ моихъ изслѣдованій, какъ я уже сказалъ въ предыдущемъ письмѣ, былъ гнѣсь.

Читатели нашего журнала, можетъ быть, имѣютъ анатомическое познаніе о тѣлопостроеніи этого животнаго, но имѣя обстоятельное Гумбольдтова описаніе лопатъ слек-

трического угря, который живёт въ водахъ южной Америки и показывался недавно живой въ Лондонѣ, былъ употребленъ для опытовъ великимъ физикомъ Фарадеемъ. Нашъ гнось (Torpedo) былъ уже извѣстенъ въ древности. Онъ открытъ прежде электрическаго угря Америки и электрическаго сома Египта, которые по своему остальному строенію принадлежать къ совершенно другимъ порядкамъ многообразнаго класса рыбъ; но онъ всё имѣютъ одинаковую гладкую кожу, похожую на лягушечью. Въ Средиземномъ и Адриатическомъ морѣ находятъ три вида гноса. Самый большой и рѣдкій изъ нихъ *Torpedo nobiliana* описанъ недавно принцемъ Канино, Люціаномъ Бонапарте. Второй родъ (*Torpedo maritima*) можно каждый день видѣть на здѣшнемъ рыбномъ рынкѣ, а третій (*Torpedo ocellata*) мнѣ часто попадался на западномъ берегу Италіи.

У этихъ рыбъ по обѣимъ сторонамъ тѣла, между головою и груднымъ перышкомъ, которое у нихъ душообразно, сростается съ головою, прямо подъ гладкою кожей, есть органъ въ полъ-локтя величины и полъ-дюйма толщины, состоящій изъ какой-то студенистой массы. Этотъ органъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ трубочекъ, изъ которыхъ каждая по своему строенію похожа на перпендикулярно поставленный цилиндръ, или, скорѣе, на вольтовъ столбъ, составленный изъ цинковыхъ и мѣдныхъ листовъ, какіе употреблялись прежде, пока еще не были изобрѣтены болѣе удобные снаряды. И дѣйствительно каждая изъ этихъ трубочекъ состоитъ изъ множества тонкихъ, лежащихъ другъ на другѣ листочковъ, которые раздѣляются между собою почти столько же тонкимъ слоемъ личной, очень водянистой жидкости, и соприкасаются только краями; эти органы суть самые нервичные изъ всѣхъ, какіе мы только знаемъ. Представьте себѣ, что изъ самаго задняго отдѣленія мозга выходятъ четыре относительно колоссальныя нервныя системы, которыя исключительно снабжаютъ эти электрическія машины, устроенныя такъ, что поверхность трубочекъ, обращенная къ спинѣ животнаго, всегда содержитъ въ себѣ положительное электричество, а обращенная къ животу — отрицательное. Если же однимъ пальцемъ дотронуться до верхней, а другимъ до нижней поверхности живот-

ного въ томъ мѣстѣ, гдѣ у него находится электрическій органъ, то почувствуешь ударъ, который, какъ бы отъ прикосновенія къ двумъ полюсамъ гальваническаго столба, производитъ сильное потрясеніе въ мускулахъ руки; сколько бы лицъ ни стало въ кружокъ, соединенные съ этимъ органомъ посредствомъ цѣпи, всѣ бы почувствовали удары, которые быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, какъ при магнитоэлектрической вращательной машинѣ. Въ другой разъ мы поговоримъ подробнѣе объ этихъ органахъ, въ отношеніи къ животному и простому электричеству. Здѣсь же мы хотимъ только основать на нихъ наши выводы касательно нервическихъ явленій, дѣятельности мозга и физиологической части психологіи.

Какая связь существуетъ между душою и тѣломъ? Не есть ли мозгъ исключительное мѣстопробываніе души, а въ такомъ случаѣ не есть ли каждое отдѣленіе мозга органъ особой душевной дѣятельности. Не имѣютъ ли воля, чувства, воображеніе, каждое свою особенную сферу? Гдѣ начинаются нервы и гдѣ они оканчиваются? можно ли анатомически указать связь между всѣми частями нервной системы, и показать пути, по которымъ отъ всѣхъ точекъ кожи, отъ нервовъ зрѣнія въ глаза, слуха—въ ухо, обонянія въ носовой слизистой кожѣ, отъ сосковъ языка, доходить до мозга впечатлѣнія? Въ какомъ отношеніи находятся чувственные органы, эти внѣшнія орудія души, къ находящимся въ мозгѣ внутреннимъ свѣдамъ, въ которыхъ чувственные впечатлѣнія превращаются въ умственные представленія. Какимъ образомъ мы можемъ по произволу вытягивать пальцы, выражать въ мимическихъ движеніяхъ лицевыхъ мускуловъ настроеніе нашего духа, и выполнять вообще тысячи разныхъ тѣлесныхъ движеній. Что дѣлается съ человѣкомъ во снѣ, и какъ возникаютъ сновидѣнія? Какія аномальныя явленія происходятъ въ нервной системѣ, когда человѣкъ лежитъ въ лихорадочномъ бреду, или когда въ пляскѣ святаго Вѣта, или какихъ-нибудь другихъ судорогахъ, руки и ноги начинаютъ у него двигаться сами по себѣ. Отчего въ параличахъ и другихъ болѣзняхъ уничтожается или движеніе, или ошущеніе, или то и другое вмѣстѣ; отчего при этомъ сознаніе либо вовсе не повреждается, либо совершенно уничтожается?

Физиологія, психологія и практическая медицина всегда старались дать ответы и объясненія на эти вопросы.

Удачно-ли и удовлетворительно, это мы увидимъ ниже, а теперь займемся рассмотримъ нѣкоторые основныя явленія. Для этого обратимъ вниманіе на гнуса, хотя никому покажется, можетъ быть, страннымъ, что мы вздумали искать разрывенія психологическихъ вопросовъ въ этой электрической рыбе.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

МАНА ЗАГЛЫХЪ ЛЮДЕЙ НА ЗАГЛЫХЪ.

(Виротно чертёвая).

Язъ Степанъ Аджоевъ. Въ прошломъ году жилъ за мною Степановъ бѣгой крестьянинъ Ивана да Михайла Давыдовыхъ Серпейской нхъ деревни Верхумичъ широкъ (?). И я Степанъ, не дожидаясь отъ нихъ Ивана да Михайла на себя о томъ нхъ бѣломъ крестьянинъ къ Великимъ Государемъ челобитія, учинилъ съ ними полюбовную зѣлку, поступилъ я Степанъ въ бѣгахъ Ивану да Михайлу почтовыхъ своихъ бѣлыхъ крестьянъ Максимку да Артюшку Дудныхъ, съ женами, и съ дѣти, и съ племянники, и со внучаты, и съ нхъ крестьянскими животы, Белевскаго уѣзду Благовѣщенскаго стану деревни Гвиной, вѣсто нхъ бѣгова вышесписаннаго крестьянина; а къ мѣмъ вышесписанные Степановы бѣглые крестьяне помереда сего опричь нхъ Ивана да Михайла никому не проданы, и не замѣнены, и ни въ какихъ крепостяхъ ни за кѣмъ не укрѣплены. —

НА ОБОРОТЪ НАДПИСАНО:

Тѣмъ мѣмъ бѣлыхъ вышесписанныхъ крестьянъ Максимку и Артюшку Дудныхъ, и женъ ихъ, и дѣтей, и внучей, сыскивать нхъ Ивану и Михайлу самимъ.

(Ночериз конде 17 столѣтія).

НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНІЙ

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА

НА КАВКАЗѢ.

I.

Прибытіе на Кавказъ переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній.

«На Кавказѣ много земли, но мало жителей», говорили въ прежнее время здѣшніе старики-старожилы; первые поселенцы изъ малоземельныхъ внутреннихъ губерній. И, дѣйствительно, кто хотѣлъ широкаго приволья въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, кто желалъ льготныхъ преимуществъ, установленныхъ для переселенцевъ, кто рѣшался «попытать счастья» на чужой, далекой сторонѣ, тотъ торопился сюда съ своимъ семействомъ, и, — какъ переселенцы были большею частію бѣдняки, обремененные недоимками, — нимало не думая ни о сегодня, ни о завтра, въ твердой увѣренности, что «Богъ дастъ день — дастъ и пищу» безпріютному скитальцу на чужбинѣ.

Долго обширные участки плодороднѣйшей земли, весьма удобные для основанія новыхъ селеній, оставались пустыми, незаселенными; это позволяло управлявшей тогда крестьянами Казенной Палатѣ отдавать «пустопорожнія» земли въ оброчное содержаніе частнымъ лицамъ — съ торговъ и большею частію на трехлѣтнее содержаніе. Извлекавшіяся чрезъ это выгоды были болѣе или менѣе значительны, судя по удобству оброчной земли. Конечно, въ тѣ минувшія времена повсемѣстнаго изобилія находившейся въ крестьянскомъ владѣніи казенной

земли, весьма немногіе изъ сихъ послѣднихъ имѣли надобность прибѣгать къ оброкосодержанію, но за то жители городовъ Георгіевска (губернскаго), Александрова (бывшій запштатный, потомъ станица), Моздока и даже Кизляра, гораздо позже—Пятигорска, нѣкоторыхъ казачьихъ станицъ линейнаго войска, и самыя немногочисленныя здѣшнія помѣщики откупали на извѣстный срокъ поземельныя участки и содержали ихъ, какъ полевые хозяева, по контрактнымъ обязательствамъ, частью для сѣнокошенія и скотоводства, а частью и для хлѣбопашества. Право на послѣднее предоставлялось весьма не многимъ, и то не иначе, какъ за возвышенную цѣну, о которой всегда упоминалось въ контрактахъ. Нарушители подобныхъ правъ подвергались установленнымъ пенямъ, но никогда не теряли вовсе правъ на новое заключеніе откупныхъ условій другихъ участковъ, еще не бывшихъ у нихъ въ содержаніи.

Оброкосодержательная система мало-по-малу становилась для крестьянъ, изъ дачъ которыхъ вырѣзывались подобныя участки земли почти всегда лучшей, опутительною, судя по количеству прибывавшаго населенія. Переворотъ поземельнаго изобилія совершался не вдругъ, но исподоволь, постепенно, пока наконецъ повсемѣстное въ губерніи 15-ти-десятинное надѣленіе не уравнило всѣхъ правъ поземельнаго владѣнія, судя по относительному количеству и качеству сполна заселенныхъ участковъ (*).

Правда и тогда, когда еще только-что оканчивалась без-

(*) Правительство, издавна замѣтивъ неправильное и самовольное поселеніе крестьянъ на Кавказѣ, кому же не имѣя положительныхъ свѣдѣній о количествѣ незаселенныхъ земель, учредило планшетную съемку подъ вѣдѣніемъ начальника межеванія. По окончаніи этого обширнаго дѣла, тотъ же начальникъ межеванія составилъ проекты объ укомплектованіи селеній по числу душъ добаменіемъ къ нимъ приселковъ, и объ учрежденіи «отселковъ» при отдѣльныхъ хуторахъ, съ назначеніемъ къ нимъ, въ извѣстной пропорціи, земли. Потомъ, когда всѣ эти предположенія были утверждены г. Намѣстникомъ Кавказскимъ, подъ вѣдѣніемъ начальника межеванія приведены и въ исполненіе на самомъ дѣлѣ, чѣмъ положительно опредѣлилось количество поземельнаго владѣнія всѣхъ казенныхъ селеній. А. А.

границность владѣнія крестьянъ поземельными угодьями, безграницность, которою пользовались они съ незапамятныхъ временъ первозаселенія невоздѣланныхъ степей Кавказскихъ, и теперь, когда уже столь отчетливо опредѣлена эта самая поземельная собственность, никто изъ передвигавшихся на югъ многочисленныхъ гостей, ни прежде, ни послѣ, ни на минуту не затруднился бы отдать преимущество радушно пріотившему его краю предъ оставленными имъ мѣстами родины и минувшаго довольства. Одно воспоминаніе о недостаткѣ земли во внутреннихъ губерніяхъ отечества и пережитыхъ лишеніяхъ, нераздѣльно слившееся въ памяти убогаго земледѣльца съ необходимостью передвиженія въ незнакомый край, и подкрѣпленное всеобщею надеждою на «авось», можетъ дѣйствовать на него весьма утѣшительно въ важномъ дѣлѣ сельскаго хозяйства, произвожденіе котораго въ обширныхъ размѣрахъ зависитъ здѣсь не отъ матеріальнаго недостатка въ удобной землѣ, но отъ средствъ капитальныхъ и доброй воли самого земледѣльца. Тамъ благодѣтельное плодородіе, хотя и съ избыткомъ вознаграждавшее иногда трудолюбиваго переселенца, при всей ограниченности круга его дѣйствій, часто смѣнялось раззорительными неурожаями, а слѣдовательно — голодомъ и лишеніями; здѣсь — весь успѣхъ производства почти всегда зависѣлъ въ прежнее время отъ главнаго условія — качества земли, обильной «цѣлинною», еще нетронутою плугомъ, и гораздо менѣе отъ второстепенныхъ причинъ, заключавшихся въ климатическихъ и проч. условіяхъ, свойственныхъ южному краю.

И вотъ, въ разныя времена прибывали на Кавказъ переселенцы, занимали обширныя степи, водворялись каждый по своему усмотрѣнію, по своимъ средствамъ, привычкамъ и наклонностямъ. Отсюда произошли тѣ многочисленные хутора, которые впоследствии обращены были въ отсѣлки, деревни и самыя селенія; другая же часть хуторовъ и донынѣ осталась въ своемъ первобытномъ, безпорядочномъ видѣ. По тѣмъ же самымъ причинамъ невозбраннаго основанія поселеній, возникли неправильно расположенныя постройки, кривыя улицы, рас-

тянутые кварталы всегда почти неизмѣнно — въ два ряда по направленію глубокихъ овраговъ, въ которыхъ находили годную для употребленія воду и затишье во время зимнихъ метелей и вѣтровъ. Недостатокъ въ строевыхъ матеріалахъ всегда, впрочемъ, затруднялъ переселенцевъ въ обзавоженіи помѣстительнымъ хозяйствомъ, и затруднялъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не появлялись земляные усадебные окопы, хотя и легко замѣнявшіе дерево и камень, но не доставившіе постройки камъ правильности и благообразія. Правда, первые переселенцы застали еще кое-какой лѣсъ; но скудные запасы его, неподдержанные разведеніемъ, все болѣе истреблялись, и потому подверглись конечному уничтоженію, съ весьма небольшимъ исключеніемъ тѣхъ селеній, въ которыхъ особенной ли бережливости жителей, или другимъ какимъ благотѣльнымъ мѣрамъ, обязаны своимъ сохраненіемъ еще и понынѣ изрѣдка растущіе лѣса.

По истощеніи древеснаго матеріала на крестьянскія постройки и отопленіе, естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ о средствѣ построенія — легкомъ, дешевомъ, подручномъ и для каждаго жителя доступномъ. Земля и солома тотчасъ доставили такой матеріалъ для «композиціоннаго» кирпича. Другіе обладали большими запасами камыша и пытались строить изъ него свои непрочные дома, обмазывая ихъ пеклейкою глиной; но это скоро было признано неудобнымъ, и потому оставлено совсѣмъ. Ломовый камень, наводимый нынѣ по-близости жилищъ, хотя и считался, по прочности своей, однимъ изъ лучшихъ матеріаловъ для построекъ; однако и нынѣ чаще всего употребляется только на городьбу, нежели на жилые дома.

Долго спустя послѣ того, когда разстроенное неурожаемъ прежнихъ лѣтъ и перемѣщеніемъ на Кавказъ, состояніе крестьянъ начинало по-немногу поправляться, новые обитатели стали пріобрѣтать покупкою въ сосѣдственныхъ станицахъ деревянные дома изъ прочнаго дубоваго лѣса и перевозить ихъ къ себѣ; иные пользовались позволеніемъ вырубать лѣсъ изъ казенныхъ и частныхъ дачъ за положенную плату. Та-

кихъ небольшихъ лѣсныхъ дачъ, уцѣлѣвшихъ отъ истребленія, было достаточно въ разныхъ мѣстахъ Ставропольской губерніи и въ особенности въ земляхъ линейныхъ казаковъ; по большая часть зажиточныхъ людей и въ прежнее время отправлялась на Донъ—въ Ростовъ, для закупи строенаго лѣса, или приобретаала его въ Георгіевскѣ, Александровѣ и Ставропольской станицѣ, въ базарное и ярмарочное время у заКубанскихъ Ногайцевъ.

Неурожаи и голодъ произвели самыя гибельныя послѣдствія, сильно отразившись и на нравственность переселенца. Недостатокъ средствъ въ содержаніи и приливъ огромной массы жителей, были причиною необычайнаго пониженія цѣнъ на пасмъ рабочаго человека, который, встрѣчая повсюду неудачи, старался, по свойственной русскому простому человеку наклонности, затопить ихъ въ единственномъ утѣшеніи—винъ; семейство же его, между тѣмъ, бѣдствовало и переносило голодъ....

Такъ какъ первый шагъ по дорогѣ зла уже невозвратно былъ сдѣланъ, то грубый человекъ быстро шелъ къ потерѣ нравственности. Отсюда родился лѣность и привычка къ бездѣлю, столь пагубныя для хозяйства простолюдина. Тогда какъ глава семейства предавался «искательству счастья» и бродячей жизни, семейство его, не связанное болѣе узами охладѣлаго обществія, скиталось въ свою очередь изъ одного мѣста въ другое, просило подаванія.... Такіе примѣры были столь многочисленны въ прежнее время, пока еще не совершенно устоялось броженіе переселенія и «облюбованія» мѣстъ, что въ Ставрополь можно было видѣть цѣлыя партіи, питавшіяся подоконною милостыней!... Но всего удивительнѣе то, что тогда никто изъ этихъ безпріютныхъ людей не принялъ бы предложенія наняться въ услуженіе, и были даже такіе нерѣдкіе случаи, что многіе отказывались отъ весьма хорошихъ мѣстъ, изъ единственной склонности къ бродяжничеству и независимой жизни.

Кавказъ издревле извѣстенъ какъ страна передвиженія многочисленныхъ народовъ. Историческая страница этого любопытнаго края наполнена многочисленными фактами процвѣ-

танія земледѣлія, садоводства и торговли. По самому естественному положенію своему, Кавказъ, заключенный между двухъ морей, казалось, предназначенъ быть цвѣтущею и многолюдною странюю. Современное передвиженіе поселенцевъ прибавило еще одинъ замѣчательный фактъ въ лѣтописи южнаго края....

II.

Водвореніе переселенцевъ на Кавказъ; ихъ постройки изъ земляно-соломеннаго кирпича; непрочность земляно-соломенныхъ построекъ. Опыты и неудачи въ начальномъ земледѣліи.

Наблюденія мои надъ помѣщеніемъ на Кавказъ переселенцевъ начались 1842 года. Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени я непрерывно слѣдилъ за новымъ бытомъ этихъ любопытныхъ «прихожанъ». Ставропольскій и Пятигорскій уѣзды были мѣстомъ моихъ постоянныхъ наблюденій, такъ какъ переселенцы и водворены только въ этихъ двухъ уѣздахъ; въ остальномъ же уѣздѣ Кизлярско-Моздокскомъ (составившемся, по упраздненіи города Моздока, изъ Кизлярскаго и Моздокскаго), частию по неимѣнію казенныхъ земель, а частию по безводію степей (напримѣръ Горько-Балковской), никто изъ переселенцевъ не былъ допущенъ къ поселенію.

Всѣ участки, предназначавшіеся для новыхъ поселеній, должны были имѣть и особый «отселокъ». Для основанія отселковъ избирались преимущественно такія мѣста, которыя соотвѣтствовали всѣмъ видамъ крестьянскаго хозяйства, и, если, случалось, по чему-либо не вполне удовлетворяли назначенію, то, по-крайней-мѣрѣ, были, сравнительно, изъ лучшихъ. Избраніе участковъ переселенцами предоставлялось на волю каждого. Обыкновенно цѣлая партія переселенцевъ, перемѣщаясь въ Ставропольскую губернію подъ предводительствомъ особыхъ «осадчихъ» или «хожаковъ» по дѣламъ, касавшимся до переселенія, получали отъ Палаты Государственныхъ Имуществъ установленное разрѣшеніе, и отправлялись

по разным частям Ставропольскаго и Пятигорскаго уѣздовъ. «Рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше»,—и потому подобныя осмотры продолжались иногда весьма немалое время, и производились всегда людьми «бывалыми», достойными общественнаго довѣрія; партіи же, между тѣмъ, разставляемы были въ старожилыхъ селеніяхъ на квартиры, а не рѣдко, въ ожиданіи своихъ неутомимыхъ хозяевъ, располагались сами таборомъ по близости жильевъ. Нерѣшительность, съ какою производилось поземельное избраніе, и медленность перехода осадчихъ отъ одного участка къ другому, само-собою, тянулись иногда въ теченіе всего льготнаго трехлѣтія.

При такомъ порядкѣ добровольнаго водворенія переселенцевъ, не лзя было и ожидать стройнаго успѣха въ столь великомъ дѣлѣ: повсюду происходили затрудненія въ отысканіи той или другой партіи, которыя очень часто дѣйствовали и въ разсыпную, не подчиняясь никакимъ правиламъ, установленнымъ для единообразнаго поселенія; повсюду встрѣчались толпами искатели поземельныхъ угодьевъ, повсюду происходили ссоры и самовольничество. Строгія мѣры и усиленная заботливость мѣстныхъ властей положили предѣлъ всѣмъ этимъ безпорядкамъ только тогда уже, когда всѣ отселки и приселки были сполна замѣщены переселенцами, или лучше, когда окончательно произведена была примѣрная наръзка и поземельное отграниченіе старожилыхъ крестьянскихъ дачъ отъ переселенскихъ участковъ, словомъ, когда совершилось 15-ти-десятинное надѣленіе на каждую ревизскую душу. Это, однако же, состоялось не ранѣе 1847 и 1848 годовъ.

Вотъ корень праздной жизни и нерадѣнія переселенцевъ на первомъ шагѣ ихъ къ хозяйничанью въ южномъ краѣ. Ошибочно было-бы полагать, что переселенцы вполнѣ понимали и цѣнили важность льготнаго времени и милосердную заботливость о нихъ правительства, выдававшего каждому семейству вспомоgetельную сумму (100 руб. асс.) на хозяйственное обзаведеніе. Не менѣе того, ошибочно было-бы предполагать, что переселенецъ, усердно, по видимому, занятый избраніемъ

мѣста для своего поселенія, слишкомъ заботился о близости окончанія льготнаго срока, когда должно было начаться отбываніе казенныхъ повинностей: пользуясь безвѣдною свободой, онъ до послѣдней возможности пребывалъ въ непоколебимой увѣренности, что «безъ хлѣба жизнь никогда не живетъ». Это отчасти и такъ—безспорно, если принять въ соображеніе, что всякій переселенецъ, имѣющій здоровыя рабочія руки, безъ особаго труда зарабатываетъ себѣ въ подобномъ краѣ, какъ Кавказъ, необходимое продовольствіе и отбывочную повинность за себя и свое семейство въ годовой пропорціи; однако, вникнувъ глубже въ то, съ какимъ великимъ трудомъ принимается первое хозяйство на новой почвѣ новоселья, нельзя безусловно не согласиться, что всякая минута медленности переселенца въ заботахъ о самомъ себѣ, клонить его къ необходимости еще долго, быть-можетъ, вести ту же самую горькую жизнь лишеній и бѣдности, отъ которой онъ бѣжалъ безъ оглядки изъ мѣстъ родины, незабвенной и всегда отрадной въ воспоминаніяхъ русскому чело-вѣку на чужбинѣ. *Трудолюбивый* переселенецъ употребилъ все, что могъ, дабы пріобрѣсти себѣ не годовыя только выгоды, но постоянное, прочное обзаведеніе; льготное время свое провелъ онъ съ пользою для себя и для другихъ; «на-градный» же капиталъ въ добрыхъ рукахъ всегда можетъ служить надеждною основою развитія крестьянскаго хозяйства. Жаль, что подобные примѣры болѣе или менѣе рѣдки, и тѣмъ они рѣже, чѣмъ чаще встрѣчаются переселенцы, зарывающіе въ землю свой талантъ....

Неуспѣхъ и разочарованіе повсюду преслѣдуютъ нерадѣтельность лѣниваго переселенца, повсюду застигаютъ его въ хозяйственныхъ предпріятіяхъ. На такихъ людей отрицательно дѣйствуютъ и самыя примѣры рачительности и довольства старожилъ. Лучшимъ доказательствомъ могутъ служить переселенскія постройки изъ земляно-соломеннаго кирпича, слѣп-ливаемые на-скорую руку. Почему бы, казалось, этимъ по-стройкамъ не быть прочными подобно тому, какъ прочны такія же постройки старожиловъ. Разсмотримъ этотъ предметъ.

«Композиційный» или земляно-соломенный кирпичъ приготовляется обыкновенно изъ двухъ, а иногда и трехъ частей земли, одной части не совсѣмъ мелко изрубленной соломы и умѣреннаго количества воды. Выше было объяснено, что большая часть отселковъ и старожилыхъ селеній построена въ балкахъ, обилующихъ солончаками. Вотъ главная причина непрочности земляно-соломенныхъ построекъ вообще и переселенскихъ въ особенности. Известно, что такія постройки, будучи сложены на солончакахъ, чрезвычайно быстро подвергаются разрушенію: губительное свойство солончака, расправляясь съ нижнихъ рядовъ и мало-по-малу съедаая, такъ сказать, эти ряды, подверженные почти всегдашней сырости, причиняетъ имъ столь сильную порчу, что они, постепенно осыпаясь, не выдерживаютъ и пятой доли своего вѣка. Между тѣмъ, тѣ же самыя постройки, при одинаковыхъ условіяхъ возведенія, на черноземномъ или песчаномъ грунтѣ, бываютъ несравненно долговѣ�е. Не менѣе того прочность кирпича зависитъ и отъ другихъ причинъ, какъ-то: выбора матеріала, приготовленія «мѣсива», утаптыванія глины въ формахъ, хорошей просушки и т. п. При этомъ должно замѣтить, что строители мало заботятся о выборѣ земли, и, по принятому обыкновенію, каждый вырываетъ предъ мѣстомъ заложенія постройки доотаточной глубины яму и мѣситъ въ ней вынутую и разрыхленную землю, что случается, по большей части, на улицѣ или на дворѣ, и очень рѣдко за селеніемъ—въ степи.

Такія ямы бываютъ иногда весьма глубоки: отъ 1 до 2 саж. ширины и отъ 1 до 1½ саж. глубины, и остаются иногда не засыпанными въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, угрожая ѣдящимъ и проходящимъ неминуемымъ паденіемъ, въ ночное время.

Мѣшаніе или топтаніе глины производится въ подобныхъ ямахъ всею семьей; на поверхности же земли — лошадьми и волами. Страннѣе и непонятнѣе всего совершенное равнодушіе волостныхъ и сельскихъ властей къ такому производству жителей кирпича, съ приготовленіемъ котораго сопряжено вырываніе глубокихъ ямъ, — безобразная и вредная порча улицъ, не рѣдко большихъ и многолюдныхъ. Нельзя при этомъ не

замѣтить, что неопытности въ здѣшнихъ селеніяхъ весьма способствуетъ вывозимый на улицы изъ обывательскихъ дворовъ и базовъ навозъ, сваливаемый иногда цѣлыми кучами и распространяющій вредныя испаренія повсюду. Весьма полезно было бы предпринять противъ всего этого должныя мѣры.

Изъ всего сказаннаго выше слѣдуетъ, что при соблюденіи переселенцами всѣхъ объясненныхъ выше условій въ приготовленіи землянаго кирпича и кладкѣ его въ стѣны, легко достигнуть желаемой прочности, какою отличаются вообще старожилыя селенія. Во многихъ мѣстахъ Ставропольскаго и Пятигорскаго уѣздовъ мнѣ часто случалось видѣть столь прочныя дома у старожилонъ, сложенные однако назадъ тому 50—60 лѣтъ изъ землянаго кирпича, что они и тогда еще превосходили во всѣхъ отношеніяхъ самыя лучшія дома переселенцевъ; правда, всѣ они были построены на песчаной или черноземной землѣ, и не изъ земли, какая попалась на-скоро, но изъ глинны, съ мелко-изрубленною соломой и даже не рѣдко съ льняною и пеньковою кострикой. Впрочемъ, солончаки не менѣе вредное вліяніе оказываютъ и на деревянныя постройки, въ особенности если они сложены изъ лѣса не столь прочнаго, какъ карагачъ, дубъ, груша, ясень, кленъ и друг.

Тѣмъ болѣе должно изыскивать въ подобныхъ случаяхъ средства къ предохраненію нижнихъ слоевъ кирпичей отъ преждевременнаго разрушенія. Для этого съ немалою пользою можно бы складывать невысокія фундаменты изъ дикаго камня, содержащагося въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ неистощимыхъ запасахъ, болѣею частію нетронутыхъ и по-нынѣ, при увеличеніи народонаселенія. Почти повсюду у старожилонъ сложены базы изъ такого камня, однако же въ рѣдкомъ хозяйствѣ можно отыскать кирпичныя дома на каменныхъ фундаментахъ. Казалось бы, дѣло весьма просто и ясно, а между тѣмъ, весь успѣхъ домостроительства зависитъ отъ недогадливости, въ сущности своей—весьма незначительной причины. Тогда всѣ старожилы легко достигли бы того, чѣмъ имѣютъ теперь весьма не многіе изъ нихъ. Этотъ отзывъ, впрочемъ,

нисколько не уменьшаетъ превосходства старожилыхъ построекъ предъ переселенскими, требующими весьма многихъ и многихъ улучшеній.

Въ заключеніе словъ своихъ о крестьянскихъ постройкахъ, я присовокуплю, что тѣснота, неопрятность, сырость и холодъ, встрѣчаемые почти въ каждой избѣ переселенца, сильно вредятъ его здоровью, еще не свыкнувшемуся съ непостояннымъ климатомъ и недостаткомъ прѣсной воды нашего юга; что же касается до непрочности этихъ жалкихъ землянокъ, то она ведетъ къ издержкѣ времени и денегъ на безпрестанныя поправки. Но несравненно достойнѣе сожалѣнія участь тѣхъ, которые и теперь еще живутъ цѣлыми семействами въ земляныхъ ямахъ, едва накрытыхъ тростникомъ!

Такъ мигуетъ переселенецъ въ затрудненіи, встрѣчаемый имъ при самомъ началѣ водворенія на Кавказѣ. Теперь перейдемъ къ его домашней жизни, къ средствамъ, которыми онъ поправляетъ свое состояніе, къ обращенію его съ плугомъ и благодатною «цѣлиною». Это очень любопытно.

Ни одно изъ неудобствъ, съ которыми бываетъ принужденъ бороться предприимчивый переселенецъ на первыхъ порахъ (говорю о людяхъ старательныхъ и трудолюбивыхъ), не поражаетъ его такъ глубоко, вѣрно и сильно, какъ пріобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій и проч. Это безспорно. Да и какое состояніе переселенца будетъ достаточно для пріобрѣтенія вдругъ 4—5 паръ рабочихъ быковъ, громоздкаго плуга и всхожаго сѣмени для посѣва? А это ему, какъ самостоятельному земледѣльцу, совершенно необходимо. И что же приметъ онъ при недостаткѣ состоянія, при недостаткѣ въ знакомыхъ, которые могли бы снабдить его живообразно всемъ ему нужнымъ? При такихъ непреодолимыхъ затрудненіяхъ, самый рѣшительный человѣкъ, какъ говорится, «опуститъ руки» или упадетъ духомъ на долгое время. Вотъ тому убѣдительный примѣръ.

Осенью 1844 года одинъ изъ умѣренно-состоятельныхъ пере-

селенцевъ Берестовскаго отсѣлка (*), успѣшно окончивъ свои домашнія постройкі, рѣшился взяться за земледѣльческое производство, по примѣру старожилѣвъ, и началъ тѣмъ, что купилъ «по случаю» новенькій плугъ,—дешево и хорошо. Первая удача заманчива. Переселенецъ захотѣлъ имѣть и воловъ, разсуждая, что плугъ безъ воловъ для паханья земли «не пригоденъ.» Наличныхъ денегъ оставалось всего-на-все 120 рублей. Нашлись тороватые люди и продали переселенцу за эти деньги трехъ добрыхъ воловъ; еще бы одного вола—и дѣло слажено въ конецъ.

Но гдѣ взять для этого денегъ? Переселенецъ былъ въ сильномъ раздумѣ. По пословицѣ: «бѣда бѣду родить,» и удачи слѣдуютъ одна за другою. Вскорѣ нашлись добрые, услужливые люди и охотно купили у переселенца двѣ его новыя шубы, разумеется, за выгодную для себя цѣну. Вотъ и деньги на покупку четвертаго вола. Когда дѣло было такъ-нѣтъ образомъ «справлено» совсѣмъ, переселенецъ отправился въ степь съ своимъ новымъ плугомъ и двумя парами быковъ. Каково же было потомъ горькое разочарованіе нашего усерднаго земледѣльца! Волы оказались непріученными и совершенно незнавшими командныхъ словъ: «цобъ» и «цобѣ»; плугъ не слушался непривычной руки «плугатаря»—и не оралъ, во только едва-едва бороздилъ упрямую «цѣлину»,—вообще вышло, что воловъ было слишкомъ мало для столь труднаго дѣла, а «погоньчи» и плугатарь никуда не годились. Переселенецъ возвратился въ уныніи домой, съ ропотомъ на себя, на свое скудное состояніе, на свою жалкую долю. Но русскій человѣкъ, доведенный до крайности первою неудачей, рѣшился на отчаянное, необдуманное средство. Въ отсѣлкѣ, какъ сказано выше, были добрые, услужливые люди. Вотъ и теперь они выручили нашего земледѣльца изъ бѣды. Не долго было искать такого человѣка, который, окончивъ свою «паровую» пахоту, рѣшился бы продать пару воловъ «подъ честное

(*) Берестовскій отсѣлокъ нынѣ называется селеніемъ Благодатнымъ и находится въ Петровской волости, Ставропольскаго уѣзда.

слово». «Уговоръ дороже денегъ», говоритъ пословица, а уговоръ заключался въ слѣдующемъ: пара воловъ, по меньшей мѣрѣ, стоила 80 руб. асс., — положили за нихъ 100 руб., съ непремѣннымъ обязательствомъ уплатить эти деньги сполна черезъ полгода — «изо-дня въ день». Въ случаѣ, если бы это первое условіе почему-либо не было въ точности выполнено, переселенецъ обязывался заплатить за свою неисправность небольшою надбавкой; но если бы онъ не заплатилъ того, что слѣдовало, даже и въ теченіе круглаго года, тогда онъ долженъ былъ безъ замедленія возвратитъ хозяину двухъ купленныхъ воловъ и отдать еще одного лучшаго изъ своихъ, да, кромѣ того, 25-ть мѣръ зерна. Условіе варварское, но — «заваривъ кашу, не жалуютъ масла». Переселенецъ согласился — и дѣло было слажено въ концѣ. Тогда ему тѣ же добрые люди растолковали, что де-скать «для залежи трехъ паръ — и за-глазѣ, но что для цѣлпы — нужна четвертая пара: тяжело, да ужъ такъ заведено я тоже всякій скажетъ.» Дѣйствительно, всѣ, кто былъ, при заключеніи условія, «на могарычѣ», подтвердили эти слова, а одинъ доброжелатель даже и отъ себя присовокупилъ, что у него «и пять паръ ходитъ подъ плугомъ, а худа не бываетъ, и что даже еще къ лучшему имѣть пять паръ, — все село знаетъ.» Новая бѣда! Сбилъ бѣдный крестьянинъ съ послѣдняго толка. Но что предпринять? не реветъ же въ голось, какъ малому ребенку: «согрѣшить, да и честныхъ людей насмѣшить».... А втянули въ бѣду горемычнаго челоуѣка все людскіе совѣты да свой недомѣкъ, видимо втянули, — и самъ понимаетъ, а воротиться нельзя: «назадъ воротиться — отъ честнаго слова отступиться». Будь — что будетъ!... И другаго продавца отыскали. Тотъ послѣдній приходился первому еще и не съ дальней родни, — говоритъ: «для хорошаго знатя (знакомства) на починѣ и я, пожалуй, дамъ свою пару за тотъ же причепъ (процентъ), только, право слово, не хочу мужика раззорять, не возьму его 25 мѣръ зерна — своего много, а одного быка возьму, коли деньги на срокъ не отдастъ, право слово, возьму — и воловъ дамъ, а зерна не хочу!» Эта неприхътная уступчивость охмѣ-

леппаго крестьянина заставила и пернаго продавца сдѣлать тоже. Тенерь нашъ переселенець радъ не радъ, что за пол-года онъ долженъ заплатить только 200 рублей ... «что же за важность?» — думаетъ онъ: «льготныхъ денегъ 100 руб. получу, хлеба сбуду въ продажу, а чего не дохватитъ, пожалуй, и быка одного за рѣга, да все же полоторыхъ паръ, что останутся, вдругъ нѣ-гдѣ взять!» Сладили и это дѣло; переселенець и «земли не слышитъ»....

На другой день приведены были волы прямо на дворъ. Два вола — и такъ и сякъ, а два плоховаты, да «въ работѣ привычны», говорятъ, «команду знаютъ, а что худоваты будто на видѣ, то это не бѣда: была бы голова — будутъ волосы: такъ вотъ и это дѣло — отсытыюгъ.» Опять урезонился переселенець и только махнулъ рукой да сказалъ: «спасибо!»

Привыкнувъ издавна пахать мягкую землю «въ Рассен» знакомою сохой, переселенець вообразилъ себѣ, что это столь же легко и на Кавказѣ, при обращеніи съ плугомъ и волами. На повѣрку вышло совсѣмъ другое. Вотъ онъ снова выѣхалъ съ своимъ совершенно исправнымъ плугомъ въ степь. Сначала дѣло не клеилось, какъ и прежде: то клинъ выскочитъ, то лемешъ отслабнетъ, то правило требуетъ ежеминутнаго поправленія; потомъ, мало по малу, дѣло пошло было и на ладъ. Черезъ полчаса тяжелой работы, плугатарь замѣтилъ, что у него плугъ беретъ не достаточно глубоко, — «подглубилъ» — и опять тоже. Такъ продолжалъ «подглублять» нѣсколько разъ — и все безуспѣшно; вотъ онъ и рѣшилъ, что нужно снять одно «колесня.» Это его удовлетворило: плугъ сталъ все глубже и глубже входить въ твердую цѣлину; волы, чувствуя немовѣрную тяжесть, начали то отставать одинъ отъ другаго, то рваться впередъ слишкомъ сильно, то метаться въ стороны, не слушая грозныхъ «цобъ» и «цобе.» При одномъ поворотѣ волы окончательно стали, выбившись изъ силъ. Отдохнули, но никакія усилія не могли потомъ сдвинуть ихъ съ мѣста. Переселенець, сначала хладнокровный, разсвирѣпѣлъ какъ тигръ и прибѣгнулъ не къ веревочному кнуту, но къ прочной хворостинѣ, — работа опять пошла впередъ съ ноги на ногу.

Вдругъ плугъ зашелъ столь глубоко въ землю, зацѣпившись за толстый корень солодовника, что — ни съ мѣста. Щедрые удары опять посыпались на бѣдныхъ животныхъ, метавшихся то влѣво, то вправо; плугъ трещалъ, угрожая разрушеніемъ; погонщики беспрестанно подвергались опасности быть раздавленными, — еще одно недружное усиліе — и плугъ, не выдержавъ силы напора, мгновенно былъ разломленъ на-двое. Началась безконечная починка, и потомъ, хотя плугъ приведенъ былъ кое-какъ въ исправленное состояніе, но уже не могъ имѣть прежней прочности. Тогда переселенецъ снова надѣлъ сѣятое «колесня» и изъ опасенія прежней неудачи и поломки принялся за работу такъ, какъ и началъ.

Недостаточно-глубокое паханіе земли на Кавказѣ вообще чрезвычайно ненадежно. Къ причинамъ, дѣлающимъ невѣрнымъ подобный трудъ, должно отнести слѣдующія: а) сильные восточные и западные вѣтры, господствующіе въ краѣ иногда въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, б) бездождіе и совершенную сушь во время посѣвовъ, — и с) безснѣжные морозы и гололедицу. Во-первыхъ: зерно, едва забороненное небольшимъ количествомъ земли, не орошенной дождемъ при сѣяніи, сухой, при наступающихъ тотчасъ послѣ того порывистыхъ и продолжительныхъ вѣтрахъ; совершенно «оголяется» и даже уносится вѣсть съ землею, не говоря уже о томъ, что не малое количество его похищается степною птицею; во-вторыхъ: самое всхожее зерно, спрятанное въ сухую землю, можетъ не приняться или не дасть отпрыска; — и въ третьихъ: зерно, застигнутое безснѣжными морозами и гололедицею, не только можетъ вымерзнуть тогда, когда оно кинуту въ сырую землю и пошло въ ростъ, но и тогда, если бы земля была суха и вспахана недостаточно-глубоко, какъ не рѣдко пахутъ переселенцы цѣлину. Мелкое паханіе неудобно даже и въ такомъ случаѣ, когда бы «зелени», благополучно перезимовавъ и не испытавъ сокрушительной силы зѣшнихъ вѣтровъ въ періодъ ранняго своего развитія, подверглись весеннимъ и лѣтнимъ «захватамъ», суши, или вѣтрамъ въ періодъ колосенія и поспѣванія хлѣбовъ. Сильный вѣтеръ легко можетъ повалить

и даже вырвать съ корнемъ слабо утвердившійся въ землѣ колосъ; засухи также имѣютъ сравнительно гораздо болѣе на него вліянія, потому-что только при утѣренно-глубокомъ паханіи, корень его можетъ пить столько питательной влажности, чтобы долѣе противиться вреднымъ послѣдствіямъ иногда весьма продолжительнаго бездождія, столь обыкновеннаго на югѣ.

Таковы неудобства мѣлкаго паханія «благодатной» цѣлны. Переселенецъ нашъ однако же ни мало не вникнулъ въ эти важныя условія, не разспросилъ о нихъ у старожиловъ. Теперь посмотримъ на послѣдствія этого упущенія.

Окончивъ свою пахоту пополамъ съ горемъ, оратаи принялся за посѣвъ въ едва увлажненную непродолжительнымъ дождемъ землю. Время было позднее, но онъ не слишкомъ торопился окончаніемъ своей «скородьбы» (*). Когда и это было приведено къ концу, земля уже высохла и сушь продолжалась нѣкоторое время, а потомъ выпалъ неглубокій снѣгъ и насталъ сильный морозъ. Недѣли двѣ спустя, снѣгъ стоялъ и пошелъ дождь при утѣренномъ стояніи погоды; потомъ вдругъ повторился прежній морозъ и произвелъ гололедицу. Только-что показавшіеся-было восходы «зеленей» на загонъ переселенца, еще не укрѣпившіеся въ ростъ, подверглись неминуемому «захвату», и преждевременно лишили его надежды на обильный урожай. У другихъ крестьянъ, успѣвшихъ въ свое время окончить посѣвъ въ глубоко-вспаханную землю и «подъ-дождь», «зелени» были сильны ростомъ, и если подвергались тому же захвату безснѣжной стужи и гололедицы, однако держались бодро до самаго снѣга, глубоко выпавшаго въ эту зиму.

(*) Не излишне упомянуть здѣсь о времени посѣва озимыхъ и — къ слову — яровыхъ хлѣбовъ. Посѣвъ озимыхъ начинается почти повсемѣстно — съ 1 Августа, и продолжается до послѣднихъ чиселъ Сентября. Просо сѣется въ началѣ Мая, ковыля — на Ѳоминной недѣлѣ, пшеница-ярушка (дзуручка) — озимая въ Сентябрь, а яровая — въ Апрель. Начало уборки всегда почти бываетъ въ одно и то же время — съ Петрова-дня, а окончаніе — около Покрова.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло хлѣбосѣянія въ теченіе зимы; морозъ, правда, держался почти постоянно, но были и оттепели, невредившія, впрочемъ, санному пути до наступленія весны, начавшейся—противъ обыкновенія — рано. Озимь, имѣвшая осенью достаточный ростъ, хотя во многихъ мѣстахъ и потерпѣли-было сильный вредъ, но, имѣя здоровый, сильный корень, легко поправились при благотворныхъ весеннихъ дождяхъ и теплой погодѣ; что же касается до прочихъ озимей, бывшихъ на мелко-вспаханныхъ загонахъ, то они до такой степени промерзли и съ самыми своими корнями, что большею частію погбли безвозвратно. Наступившее время уборки однимъ принесло небывалый урожай, обязанный въ настоящемъ случаѣ единственно причинѣ глубоко-сѣянія, а другимъ, не имѣвшимъ нужныхъ для того средствъ, по недостаточности или по неумѣнью, едва только нѣсколько колосьевъ!

Въ числѣ послѣднихъ, какъ можно было предвидѣть, находился и нашъ земледѣлецъ. Тогда только нашлись свѣтодатели и наставники, когда бѣдный мужикъ лишился послѣдней надежды. Хорошо еще, что продавцы воловъ, имѣя христіанскую совѣсть и видя его раззореніе, согласились принять ихъ отъ него обратно съ незначительнымъ вознагражденіемъ. Эта рѣшительная неудача заставляла однако же бѣдняка отказаться отъ новой попытки. Продавъ остальныхъ своихъ воловъ и плугъ за выгодную цѣну, онъ, не долго думая, съ досады нанялся въ работники къ богатому старожилу, тоже за выгодную плату. Теперь онъ сталъ самъ хозяиномъ и столь удачно и расчетливо устрояетъ прежде неудававшіяся ему дѣла, что уже считается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ по своей зажиточности жителей изъ переселенцевъ. Такова наука!

Вотъ примѣръ неудачнаго земледѣлія, впрочемъ, въ своемъ родѣ, единственный примѣръ. Переселенцы—малороссіяне гораздо удачнѣе обращаются съ плугомъ, будучи знакомы съ нимъ съ самаго дѣтства; но собственно-русскіе переселенцы едва только теперь начали перенимать у старожилловъ ихъ основательныя земледѣльческіе приемы, вытекающіе изъ долговѣстныхъ наблюденій и несомнѣнной опытности. Не лѣзя, впро-

чемъ, сказать, чтобы не было совсѣмъ такихъ людей, которые умѣли-бы усваивать себѣ все, что полезно и возможно, по пословицѣ: «въ семьѣ не безъ урода.»

III.

Сельское хозяйство вообще въ селеніяхъ старожиловъ-крестьянъ, на Кавказѣ:

Переселенцы, какъ объяснено выше, разновременно перемѣщались на Кавказъ. Многіе весьма ошибочно полагаютъ, судя по нынѣшней зажиточности старожиловъ, что они переселялись людьми «довольственными», — напротивъ, большая часть изъ нихъ были бѣдняки, не имѣвшіе пристанища; нынѣ же эти искатели «лучшаго», дѣйствительно, могутъ быть отнесены къ числу или первѣйшихъ сельскихъ богачей, или, по крайней мѣрѣ, замѣчательно зажиточныхъ хозяевъ. Наличное скотоводство, обширность домашняго хозяйства и значительность ежегодныхъ посявовъ, могутъ служить лучшимъ въ такихъ случаяхъ мѣриломъ.

Если допустить одно важное обстоятельство въ дѣлѣ быстрого поправленія старожилами своего состоянія по прибытіи на Кавказъ, именно обладаніе обширными, невоздѣланными землями, бывшими въ безотчетномъ пользованіи у нихъ, при всемъ томъ, что въ тогдашнее время въ приобрѣтеніи наемнаго рабочаго человѣка, даже за хорошую плату, чувствовался повсемѣстный недостатокъ,—то не лѣзя, при нынѣшней дешевизнѣ на тотъ же предметъ и дороговизнѣ на хлѣбъ (принимая въ соображеніе и самую 15-ти-десятинную пропорцію земли), не вспомнить и другое, что и въ наше время составить себѣ порядочное состояніе посредствомъ земледѣлія, также не совсѣмъ трудно, хотя, сравнительно, не по прежнему легко. Способы для этого весьма просты и извѣстны всякому. Безспорно, знаніе воздѣлываемой почвы, трудолюбіе, климатическія особенности края и проч.,—условія необходимыя; но за то для человѣка разсудительнаго и на первыхъ порахъ они не могутъ быть значительнымъ препятствіемъ въ успѣшномъ

веденіи хозяйства, не только остановить подобныя предпріятія, какъ было объяснено выше. Нынѣ также всякому крестьянину представляется не мало средствъ пустить въ оборотъ, для собственной пользы, трудолюбіе и смѣтливость, эти великіе дѣятели на поприщѣ благосостоянія, — и подобныя средства, въ нѣкоторыхъ исключеніяхъ, едва ли еще не значительнѣе тѣхъ, какими пользовались здѣшніе обитатели назадъ тому нѣсколько десятковъ лѣтъ. Съ увеличеніемъ народонаселенія въ Ставропольской губерніи, само-собою, увеличилось и число потребителей жизненныхъ припасовъ; а еще тѣмъ болѣе, что не всякій сельскій житель можетъ съ равнымъ успѣхомъ заниматься какою-либо извѣстною отраслью хозяйства и достигать относительныхъ успѣховъ; кому же, увеличеніе народонаселенія тогда-бы, конечно, могло приносить само-себѣ относительный вредъ, когда оно состояло бы изъ большаго числа не производителей, а потребителей, способныхъ болѣе только къ наемнымъ работамъ, нежели къ самостоятельному, независимому труду, какимъ можетъ располагать опытность и довольство.

Перечислимъ главнѣйшія занятія старожиловъ, по времени года. Весною и осенью они обыкновенно занимаются распахкою полей и посѣвомъ ярового и озимаго хлѣба, бакшей—тыквенныхъ, арбузныхъ, дынныхъ и проч; лѣтомъ—сѣнокошеніемъ, садоводствомъ (гдѣ есть), карауломъ бакшей, потомъ—жатвою и уборкою хлѣба, подъ осень—снятіемъ винограда и приготовленіемъ изъ него вина, извѣстнаго подъ названіемъ *михиря* (получаемаго въ большей части казенныхъ селеній на р. Кумѣ, въ Пятигорскомъ уѣздѣ), стрижкою овецъ (осенью же), молотью хлѣба; зима—почти вездѣ время отдыха для крестьянъ, а для женщинъ—особаго рода работы, какова: пряжа верблюжьей и овечьей шерсти, суровыхъ нитокъ, шитья овчинныхъ тулуповъ, полушубковъ и т. п., вязанья чулокъ и проч. Кромѣ того, зажиточные крестьяне, въ теченіе зимы, заботятся о продовольствіи скота и сбереженіи его при случающихся спѣльныхъ и продолжительныхъ морозахъ и мителяхъ.

Промыслы, преимущественно обращающіе на себя наше вниманіе въ настоящей статьѣ, должно раздѣлить на слѣдующіе: А) на хлѣбопашество, бакшевводство и огородничество; В) на садоводство и винодѣліе; С) на заработки и домашнія занятія, — и D) на скотоводство.

А.

Хлѣбопашество, бакшевводство и огородничество ().*

Первая изъ этихъ отраслей промышленности, говоря вообще, хотя находится и въ весьма цвѣтущемъ состояніи у Кавказскихъ старожилловъ, однако еще не доведена ими до той степени совершенства, въ отношеніи, собственно говоря, къ ея произвожденію, — и за тѣмъ — къ количеству высѣваемаго зерна. Почти у всѣхъ посредственно-состоятельныхъ крестьянъ заведено производить хлѣбные посѣвы, не обременяя себя «хлопотною уборкой», а такъ, чтобы только «концы съ концами сходились». И такова ошибочность этого правила, что причина развитія земледѣлія, скрывающаяся почти въ повсемѣстномъ предубѣжденіи противъ собственной же пользы, останавливаетъ многихъ и понынѣ отъ произвожденія земледѣльческихъ предпріятій въ обширныхъ размѣрахъ. Люди средняго состоянія имѣютъ въ виду только собственное продовольствіе въ теченіе круглаго года, засыпку нѣсколькихъ мѣръ зерна въ сельско-запасные магазны, да едва-едва три-четыре воза для продажи — и все, чего ожидаютъ обыкновенно отъ посѣвовъ. При такомъ ошибочномъ разсчетѣ, можно ли надѣяться, чтобы хлѣбъ, (разумѣя при этомъ наше обиліе въ землѣ и средніе урожаи) вошелъ когда-либо въ свои настоящія, необременительныя для потребителей цѣны, — развѣ только

(*) Въ предлагаемой статьѣ, какъ не имѣющей, такъ сказать, *спеціального* назначенія, я буду говорить только о хлѣбопашествѣ, бакшевствѣ, огородничествѣ, садоводствѣ и винодѣліи крестьянъ, сколько это возможно. Со временемъ, быть можетъ, я напишу и объ остальныхъ отрасляхъ сельской промышленности на Кавказѣ. А. А.

Нильскіе урожаи въ состояніи были-бы сдѣлать для Кавказа подобное чудо! Между тѣмъ какъ агрономія изъ всѣхъ силъ торопится о водвореніи довольства и благосостоянія, странно подумать, что нашъ патріархальный производитель идетъ на перекоръ самому себѣ въ успѣхахъ земледѣлія, и, дѣйствуя такъ, дѣйствуетъ во вредъ общественной пользѣ! Всякій крестьянинъ хорошо убѣжденъ въ томъ, что чѣмъ менѣе посѣетъ онъ зерна, тѣмъ менѣе и пожнетъ; однако намъ нерѣдко приходилось слышать подобные отвѣты: «хлѣбушко дороже будетъ, — круговая порука!» То-есть, что при дороговизнѣ на хлѣбъ, крестьянинъ, не смотря на свой незначительный посѣвъ, въ накладъ не останется, возвысивъ значительно цѣны, — потому что урожаи, при насильственныхъ только причинахъ, не ведутъ къ пониженію цѣнъ.... Вотъ варварскія понятія! Отсюда-то истекаетъ эта «круговая порука», или «тоже да на то и выходитъ», а лишній трудъ, сверхъ того, какъ думаетъ подобный крестьянинъ, у него сбережень.... Нужны время и особые обстоятельства для того, чтобы переназначить подобныя понятія о собственной пользѣ.

Лучшимъ доказательствомъ словъ нашихъ можетъ служить незабвенный 1833 годъ.... Запросъ на хлѣбъ сначала доходилъ только до того, что многіе изъ хлѣбныхъ капиталистовъ, видя выгодное возвышеніе цѣнъ, охотно сбывали свои лучшіе запасы; потомъ, когда эта требовательность не только не уменьшалась, а — напротивъ — увеличивалась все болѣе и болѣе, производители стали мало-по-малу пускать въ оборотъ залежалые закромы и скирды. Тогда началась не бывавшая жизнь.... Сначала, для продовольствія скотоводства, само-собою многочисленнаго, степнаго, употребляли сѣно, потомъ — солому, затѣмъ — объѣды, послѣ того — бурьяны и ковыль, и наконецъ полусгнившій навозъ заборовъ и крышъ! Человѣкъ въ свою пищу подмѣшивалъ солому, скотъ пережевывалъ камышъ и тысячами гибнулъ.... Скоро однако же и послѣдній источникъ продовольствія приходилъ къ концу.... Такимъ образомъ, богатые люди дѣлались еще богаче на счетъ лишній другого, а бѣдняки теряли свое послѣднее достояніе и терпѣли всѣ

последствіи голода и всеневныхъ лишеній.... По мы не имѣемъ надобности въ описаніи всѣхъ ужасовъ 1833 года; достаточно сказать, что если повсемѣстный неурожай былъ главнѣйшею причиною голода, то не послѣднею также причиною была и незапасливость большинства крестьянъ, имѣвшихъ къ тому всѣ возможные средства.

Производство хлѣбопашества на Кавказѣ, въ сравнительно болышемъ объемѣ, по нашему мнѣнію, не представляетъ никакихъ особенныхъ препятствій. Правда, могутъ возразить намъ тѣмъ,—какъ и случилось не однажды,—что «недостатокъ цѣлины всему дѣлу помѣха»; по это не болѣе какъ только отговорка, не имѣющая никакого основанія. По принятому обыкновенію, современному первымъ переселеніямъ крестьянъ, распаханіе цѣлины производится здѣсь весьма безпорядочно. Это можно уподобить обращенію сѣверныхъ крестьянъ съ лѣсомъ: понадобится-ли пруть для домашняго обихода, тамъ рубятъ цѣлое дерево, вздумаютъ ли драть лыко — таже порча; на Кавказѣ, крестьянинъ, принимаясь за пахоту, портитъ неподпаятую землю тамъ, гдѣ ему вздумается, оставляя огромные промежутки отъ одного загона до другаго, между тѣмъ, какъ эти самые промежутки, извѣстно всякому, неудобны ни для сѣнокоса, ни для пашни, и потому не приносятъ земледѣльцу никакой пользы (*). Другое дѣло, если бы пахари, не выбирая мѣстъ, лучшихъ въ общественной дачѣ, пахали землю по порядку, не оставляя между своими загонами значительныхъ «прологовъ»,—тогда составила бы поземельная экономія въ цѣлины, приходящей годъ-отъ-года все болѣе и болѣе къ истребленію....

Подобный порядокъ распаханія, по словамъ самихъ же жителей, обѣщаетъ въ скоромъ времени принести величайшій вредъ цѣлому краю. Всякому старожилу изъ долголѣтнихъ опы-

(*) Этотъ вредный порядокъ или—лучше сказать—безпорядокъ и небрежность въ распаханіи степей на Кавказѣ, необходимо бы сельскимъ и волостнымъ мѣстнымъ властямъ искоренить совершенно, во-избѣжаніе множества сопряженныхъ съ тѣмъ невыгодъ.... А. А.

товъ извѣстно, что бакчейныя произведенія, въ особенности арбузы, удачно растутъ только на цѣлинѣ; на подняпой же землѣ они не родятся совершенно, и если появляются иногда тощія всходы, то прежде нежели плодъ начнетъ «напваться», они подвергаются уже засыханію. Рѣдко случается, чтобы арбузы достигали, въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенной своей величины и годны были бы къ употребленію во время наступленія «посѣва»; напротивъ того, цѣлина никогда не вводитъ земледѣльца въ опасенія за результатъ бакчейныхъ урожаевъ. И при всемъ этомъ, жители не берегутъ своихъ цѣлинныхъ полей и даже до того иногда стараются одинъ предъ другимъ получить большій урожай, что подъ корнеплодные посѣвы (исключая овощей и т. п.) весьма часто распахиваютъ проселочныя дороги, имѣя въ виду, что убитая земля дорогъ и придорожій въ нѣсколько разъ плодороднѣе самой цѣлины, столь уважаемой всѣми. Въ такихъ обстоятельствахъ, обществу должно было бы предпринять рѣшительныя мѣры къ жеребейному дѣленію не однихъ только сѣнокосныхъ, но и для паханія назначенныхъ мѣстъ; иначе крестьяне мало-помалу въ конецъ истощатъ свою плодородную землю, — и должны будутъ по необходимости нанимать у сосѣдственныхъ жителей посаженные участки за значительную плату (*). Всего болѣе должно бы обратить вниманіе на то, чтобы цѣлина пахалась сряду, безъ всякаго выбора, и чтобы загонные промежутки едва были достаточны только для проѣзда повозки или плуга. Полезно было бы также загоны пропахивать одинъ около другаго не въ ширину, но соединять ихъ концами, значительно убавляя обычную длину для ширины, т. е. болѣе стараясь придавать имъ квадратную фигуру. Тогда промежутки не могли бы быть столь значительны, какъ теперь, когда длина загона не рѣдко относится къ ширинѣ — какъ 1

(*) Мѣстами и теперь уже встрѣчается въ томъ и обходимость. Приведемъ можно выставить селенія Константиновку, Петровское, Благодарное и др., нанимающія землю у сосѣдственныхъ Ногайцевъ и Калмыковъ отъ 1'/, до 2 руб. сер. десятины, подъ распаху. А. А.

къ-10 (*). Словомъ, какова бы ни была ширина загона, промежутки почти всегда бываютъ въ нѣсколько разъ шире, нежели должно. На такіе промежутки, если пашня находится близко отъ селенія, пускаютъ только скотъ, и вотъ вся польза, которую изъ того иногда извлекаютъ; что касается до собиранія травы, то никто изъ крестьянъ теперь еще не рѣшится отправиться на загонные промежутки для кошенія, потому что это находятъ для себя, по многимъ причинамъ, существенно-неудобнымъ. Нѣкоторые изъ бѣдняковъ начинаютъ однако же приниматься за распашку подобныхъ мѣстъ, — да, вѣдь, «шужда и камень долбить».... Чуть ли подобная необходимость не застигнетъ и всѣхъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Потребители, надо думать, повесутъ также немаловажное лишеніе, если сбудется общее предсказаніе крестьянъ, что со временемъ они должны будутъ уменьшить, а потомъ — и совсѣмъ прекратить арбузные посѣвы.... Иные и теперь уже, по непмѣнно цѣлины, получаютъ очень плохіе жатвенные прибитки и начинаютъ привыкать къ покупкѣ «кауновъ».... (**)

Столь вѣрно, кажется намъ, сдѣланное сравненіе о паханіи на Кавказѣ крестьянами цѣлины съ рубкою лѣса, производимою на сѣверѣ. И то и другое требуетъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ для предупрежденія злоупотребленія: лѣсъ, пожалуй, можно еще насадить, да и самая благотѣльная сѣверная природа трудолюбиво старается о восполненіи всѣхъ потерь, причиняемыхъ ей человекомъ; но поднятая на Кав-

(*) Почти вездѣ въ селеніяхъ длина загона равняется 140—160 трехъ-арш. саж. А. А.

(**) Кауны или арбузы, какъ потребность, а не лакомство, едва ли не необходимы для здѣшняго крестьянина, чѣмъ для жителя другой какой-либо мѣстности внутренней Россіи. При почти-повсемѣстномъ безводіи степей, они съ отличнымъ удобствомъ замѣняютъ гнилую и вонючую воду въ жаркое время — и, естественно, много пособляютъ, въ полевыхъ работахъ, сбереженію народнаго здоровья.... Къ слову сказать здѣсь объ огородничествѣ въ селеніяхъ казенныхъ крестьянъ Ставропольской губерніи, что оно находится у нихъ въ совершенно запущенномъ состояніи, еще болѣе — во многихъ селеніяхъ совсѣмъ не занимаются огородничествомъ; одно бакшведство — еще и такъ в сакъ, во

казъ цѣльна требуетъ весьма долгаго и долгаго отдохновенія, для того, чтобы сдѣлаться снова цѣльною....

И такъ, произвожденіе хлѣбопашества на Кавказѣ, сказали мы выше,—въ сравнительно большемъ объемѣ, не представляетъ никакихъ особенныхъ препятствій. Допустимъ, что при посредственномъ урожаѣ, будетъ высѣяно 50 мѣръ всхожаго зерна на цѣлинь—подъ озимь. Нашъ расчетъ, быть можетъ, покажется невѣроятнымъ; но онъ истекаетъ изъ дѣйствительныхъ примѣровъ, понятныхъ каждому земледѣльцу. Эти 50 мѣръ, на худой конецъ, если допустить урожай самъ-десять, даютъ върнаго урожая 500 мѣръ; но если высѣять 500 мѣръ, тогда, при томъ же расчетѣ, получается 5,000, не говоря уже о томъ, что самъ-20 даютъ 10,000 мѣръ зерна или 1,250 четвертей (*)! Хорошій урожай увеличиваетъ эти цифры если не въ два, то—по-крайней-мѣрѣ — въ полтора раза. И чего же лучше для крестьянина? Выводъ весьма простъ: стоитъ только уничтожить эти огромныя прогалины между загонами и распахать ихъ въ подобномъ объясненному выше порядкѣ,—тогда посѣвы могутъ быть на половину производимы на мѣстахъ, не приносящихъ нынѣ никакой пользы, кромѣ очевиднаго вреда, а другую половину—на залежи, при-

на бакинскъ сѣется не все, что нужно крестьянину обыкновенно въ домашнемъ быту для своего годоваго продовольствія. Короче сказать—почти только одинъ Ставрополь снабжаетъ всѣ селенія Ставропольскаго уѣзда своею капустой! Можно представить себѣ, какъ стѣснительно бываетъ жить въ селеніяхъ, гдѣ ничего нельзя купить для приправы пищи и гдѣ сами жители ведутъ жалкую, грязную жизнь, полную лишеній и незаботливости объ ея улучшеніи!... А. А.

(*) Въ подкрѣпленіе этого расчета, нахожу нужнымъ опереться на цифры ежегодныхъ урожаевъ. Для примѣра возьмемъ два селенія Ставропольскаго уѣзда, Птичье и Безопасное. За норму примемъ указную десятину, на которой посѣвъ производится въ слѣдующемъ видѣ:

Въ селеніи Птичьемъ высѣвается пшеницы 5 мѣръ,

отъ которыхъ получается около	86 мѣръ.
Пшеницы-кубанки — 5.	27 —
Ржи — 5	42 —
Овса — 12.	49 —

держиваясь известнаго уже жителямъ порядка плодоперечетной системы, какаѣ введена мѣстамп на Кавказѣ. Пожалуй, если смотрѣть на все съ невыгодной стороны, тотъ же самый расчетъ легко превратить въ ущербъ для земледѣльца. Вообразимъ себѣ только тѣ изъ многочисленныхъ невыгодъ, какія сопровождаютъ этотъ добросовѣстный трудъ, и будемъ колебаться между сомнѣніемъ и надеждою, — болѣе, будемъ даже убѣждаться, что «ужь лучше быть тому, какъ есть, безъ

Ячменя—10.	24 —
Проса— $4\frac{1}{2}$	40 —
Льна—10 и 12.	40 —
Конопли—6.	19 —
— Пеньки получается (принимая навѣсь) мятой до 45 пуд.	
Картофеля—15.	до 80 мѣръ.
Арбузнаго сѣмени— $\frac{1}{6}$	{ Отъ 2500 до 4000 шт.
Дыннаго — — — $\frac{1}{28}$	

Примѣнительно къ тому же урожаю, одна десятина производитъ приблизительно:

Житной соломы.	5 воз.	75 пуд.
Пшеничной-озимой.	5 —	60 —
Яровой-двуручной.	5 —	55 —
Овсяной.	4 —	48 —
Просяной.	3 —	39 —
Ячменной.	$3\frac{1}{2}$ —	35 —
Гречишной.	$2\frac{1}{2}$ —	25 —
Конопли молочной, но немятой.	5 —	64 —
Льна немятаго.	3 —	45 —

Самое большое количество засѣвается озимую пшеницею и овсомъ. Поднять (вспахать) одну сажень *цѣлины* и сто шестьдесятъ въ длину стоить 50 коп., а скородить 40 коп. асс.; слѣдов. десятина вспашки, съ скороженіемъ, обойдется въ 9 руб. асс. За вспашку мякоти двухъ-годовалой, за то же пространство, платится, съ скороженіемъ, 45 коп., а за десятину—6 руб. 75 коп. асс.

Въ селеніи *Безопасномъ*, отстоящемъ отъ Птичьаго въ 23 верстахъ къ сѣверо-востоку, за средній посѣвъ, въ отношеніи къ количественности, возьмемъ слѣдующіе посѣвы и урожаи прежнихъ лѣтъ, въ томъ

нововведеній, безъ загадываній—Богу на грѣхъ, а людямъ на смѣхъ», какъ однажды отвѣчалъ мнѣ закоренѣлый въ старинѣ и предрасудкахъ земледѣлецъ. Но это не такъ. Часты

самомъ видѣ, въ какомъ они были произведены и получены однимъ изъ зажиточныхъ крестьянъ, въ теченіе трехъ лѣтъ.

Посѣвъ:						Урожай:		
1843.		1844.		1845.		1843.	1844.	1845.
саж. мѣр.		саж. мѣр.		саж. мѣр.		Число мѣръ.		
						Пшеницы.	320	320 240
Пшеницы . . .	80 24	400 30	400 30	400 30	400 30	Ржи . .	320	320 400
Ржи	80 24	400 30	400 30	150 45	150 45	Овса . .	200	350 250
Овса	40 40	70 70	100 100	100 100	100 100	Ячменя на		
Ячменя на од-						1 дес.	—	120 —
ной десят. . .	— —	— 4	— —	— —	— —	Проса .	350	80 90
Проса	70 3	50 2 1/8	200 1	200 1	200 1	Льняного		
Льна (*)	5 1	30 6	60 12	60 12	60 12	сѣмянн.	6	20 64
Конопля (**) . .	40 2	40 2	10 2	10 2	10 2	Пеньки . .	30 п.	ве-3 1/2 п.
Арбуз. сѣмянъ .	— 1/8	— 1/8	— 1/8	— 1/8	— 1/8	Копоплян.	25 —	ро- д. 2 —
Дынныхъ	— 1/7	— 1/7	— 1/7	— 1/7	— 1/7	сѣм.	25 —	—
						Арб. . .	2500 ш.	3000 2000
						Дынь . .	600	450 200
						Хлѣба:		
						1221 м.	1210	1036
						30 п.	3 1/2 п.	
						Бахш. произв.		
						3400	3450	2200
Всего						235. 94 1/8.	360. 144 1/8.	460. 180 1/8.

Изъ итоговъ посѣва и урожая ясно видно, что изъ трехъ лѣтъ, 1843 годъ былъ самый лучший. Въ Ставрополѣ, въ осеннюю ярмарку, пудъ лучшей пшеничной муки продавался отъ 1 1/2 до 2 р. асс.

(*) Волокно льна ни на что не употребляется, по причинѣ ломкости; собирается только одно сѣмя. Приготавливаемое масло служитъ для освѣщенія и употребленія въ пищу.

(**) Конопля дѣлится на *плдская* (посконъ) и *замашки*. Первое выбирается раньше, и, не производя сѣмянн, годится лучше для пряжи, чѣмъ послѣднее, которое производитъ сѣмя и не такъ можетъ быть годно на пряжу.

(***) Половина арбузовъ погибла отъ гніенія, произведеннаго зловредною росой, передъ уборкою съ бахшей, оставшіеся неспорченными не только не могли быть сберегаемы впрокъ, но и на самое короткое время (См. 3. г. NN 25 и 26-й, 1846 г.). А. А.

ли случаи рѣшительныхъ неурожаевъ, когда посянное зерно, подобно 1833 году, не приноситъ ни малѣйшаго плода? когда оно, подобно 1848 году, многихъ едва вознаградило за трудъ, а многихъ оставило безъ насущнаго куска? Такіе случаи, случаи голомедицы, не своевременныхъ изморозей и бездождія, при всемъ непостоянствѣ южной «клематы», повторяются совсѣмъ не такъ часто, чтобы увеличенный размѣръ хлѣбопашества могъ кому-нибудь показаться неосуществимымъ, несбыточнымъ, или основаннымъ на рискѣ. Будь это при другихъ условіяхъ,—и тогда для многихъ—«рискъ» былъ бы *благо-родное дѣло*; между тѣмъ, къ этой крайности прибѣгать пока не нужно. Да чего же лучше? Прямѣромъ могутъ служить

Въ селеніи Безопасномъ нынѣ распашка цѣлины допускается подѣ постѣвъ бакшейныхъ произведеній. Здѣсь, на долю хлѣбопашца остается только — залежь, запольное поле да немного цѣлины. Приготовление земли подѣ *парь* (парь — земля вспаханная около Петрова дня, лѣтомъ, и около Семенова дня, — и Сентября 11-го осенью) происходитъ посредствомъ уважованія, во время пастбы атаръ овецъ на залежи, избираемой, сколь возможно, по близости къ селенію. Последній крестьянинъ знаетъ, что чѣмъ болѣе степь будетъ сбита, утоптана, уважована скотомъ, тѣмъ она лучше для *парины*, и на-оборотъ — чѣмъ менѣе, тѣмъ хуже. Между тѣмъ, искусственнаго уважованія полей у казенныхъ крестьянъ, на Кавказѣ, не введено въ обыкновеніе; многіе, по невѣжеству своему, утверждаютъ, что будто бы *повсюду неспособна* къ тому здѣшняя земля! Подѣ естественнымъ удобреніемъ я разумѣю то, что скотъ, во время пастбы на живинкахъ и прологахъ между ними, удобряетъ самъ-собою землю, предназначенную для пашни; навозъ же, собираемый съ базовъ и конюшенъ, употребляется на рѣзку *кизляковъ*. — На самыхъ отдаленныхъ отъ селенія степяхъ, обыкновенно называемыхъ, какъ упомянуто выше, *заполнымъ полямъ*, иногда, по необходимости, сѣется овесъ, ячмень и просо. Въ сравненіи урожай парины и запольнаго поля (куда очень рѣдко достигаютъ на пастбѣ скотъ) такое же точно отношеніе, какъ $2\frac{1}{4}$ и 1; короче — $112\frac{1}{2}$ саж. ширины и 160 длины запольнаго поля, при одинакихъ условіяхъ, едва производятъ то же, что 50 саж. парины, при той же длинѣ. Выходитъ, что одна десятина парины даетъ $2\frac{1}{4}$, а десятина запольнаго поля — 1 единицу урожая.

два лица: одно изъ помѣщичьяго, другое—изъ крестьянскаго сословія. Помѣщикъ Г. С. Калантаровъ (сел. Маслово-Куты или Привольное, въ Пятигорскомъ уѣздѣ, на р. Кумѣ), содержа обширные участки изъ «впустъ лежащихъ» степей, въ оброчномъ содержаніи, отъ казны, занимается, какъ извѣстно, производствомъ хлѣбопашества въ обширномъ видѣ (*). Не имѣя положительныхъ свѣдѣній о количествѣ выставляемаго у него зерна и собираемаго урожая, должно сказать здѣсь только то, что сбытъ въ продажу барскаго хлѣба изъ Маслово-Кута производится—въ последнее время—каждогодно на цѣлыя десятки тысячъ рублей! Кажется, ясно. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ (около осьми) мнѣ случилось быть по дѣламъ службы въ «отселкѣ» (нынѣ селеніе) Бурой-Балкѣ. Тамъ имѣетъ свое хозяйство извѣстный крестьянинъ-богачъ Дедешко (**), некогда отличившійся сооруженіемъ на собственный счетъ деревянной церкви,—примѣръ рѣдкій и едва ли не единственный—здѣсь, на сѣверномъ Кавказѣ (***)! Вотъ человекъ, который, съ двумя своими сыновьями, и тогда уже состоявшими въ семейномъ раздѣлѣ, имѣлъ сноповаго хлѣба въ скирдахъ едва ли не болѣе чѣмъ на 25 или 30,000 руб. серебромъ! Еще яснѣе. Но къ чему крупные примѣры? Много крестьянъ-земледѣльцевъ, которые производятъ хлѣбопашество въ размѣрахъ, объясненныхъ мною выше. Правда, профанизмъ могъ бы опровергнуть всѣ мои выводы, не смотря на то, что они построены на вѣрныхъ источникахъ знанія мѣстности и крестьянскаго быта; но, во избѣжаніе того, должно объясниться.

(*) Почтеннѣйшій Г. С., при всемъ обиліи собственной своей земли, столько бережливъ, что не трогаетъ ея до времени для своихъ *капитальныхъ* посѣвовъ. И прекрасно! Подобная бережливость дѣлаетъ честь обдуманности и предусмотрительности образованнаго и предприимчиваго помѣщика. Вотъ-такъ экономія! А. А.

(**) Нынѣ 3-й гильдія купецъ города Ейска. А. А.

(***) Объ этомъ замѣчательномъ человекѣ я писалъ уже однажды въ N 21 Московскихъ Вѣд. 1850 года, по поводу сооруженія имъ церкви на свой собственный счетъ. Впрочемъ, церковь эта вскорѣ сгорѣла ... Теперь уже другая.

А. А.

Производство хлѣбопашества въ обширныхъ размѣрахъ возможно только при соблюденіи слѣдующихъ условій:

1) При тщательномъ сбереженіи жителями цѣлны посредствомъ объясненныхъ выше способовъ паханія и поства.

2) При выгонѣ атаръ на залежи, для такъ называемаго *естественнаго* удобренія, и притомъ на такія залежи, когорымъ бы назначаемы были систематическіе періоды отдохновенія, — чего почти нигдѣ не соблюдается въ настоящее время.

3) При выборѣ самаго всхожаго зерна, отнюдь не лежалаго и подвергшагося порчѣ, — на что также мало обращается вниманія теперь, въ особенности переселенцами.

4) При неизмѣнномъ соблюденіи известнаго крестьянскихъ порядка плодотворнаго сѣянія, правда, далеко еще не доведеннаго до желаемой степени совершенства, но, по крайней-мѣрѣ, уже обещающаго несомнѣнную пользу, — и

5) При соблюденіи опытнаго знанія климатическихъ и почво-производительныхъ условій, чѣмъ въ-особенности отличаются старожилы отъ «новичковъ» — переселенцевъ.

Само собою, производствомъ хлѣбопашества въ усиленныхъ размѣрахъ могутъ и должны заниматься не *все* жители казенныхъ селеній Ставропольской губерніи, что совершенно не возможно. Достаточно было бы, если бы, на первый разъ, обратили все свое вниманіе на этотъ предметъ, въ видѣ опыта, одни только предприимчивые жители, имѣющіе существенную возможность принести выгоду какъ самимъ себѣ, такъ и многимъ изъ своихъ бѣдныхъ собратій. Между тѣмъ, это имѣло бы большое вліяніе на пониженіе мѣстныхъ хлѣбныхъ цѣнъ и, слѣдовательно, было бы полезно не однимъ только производителямъ, но обоюднo — и потребителямъ, терпящимъ иногда величайшее стѣсненіе отъ быстрого и всегда неожиданнаго возвышенія цѣнъ, подверженныхъ безпрестанному измѣненію.

Крестьянинъ, имѣющій нѣсколько плуговъ, съ привычными рабочими волами, безъ всякаго обремененія себя всегда можетъ пригласить бѣднаго переселенца для паханія, сѣянія, скородыбы, жатвы и уборки хлѣба, — и будетъ увѣренъ, что сошл.

желающих тотчас откликнутся на его призывъ. Плуги и волю ему ничего не стоить для работы, почти всегда оставаясь праздными, по окончаніи ежегодной распашки; что же касается до зерна, необходимаго на сѣяніе, онъ также имѣетъ его, оставляя безъ употребленія большую часть своихъ запасныхъ скирдовъ и закромовъ (*). По обыкновенію, введенному издавна, плата за земледѣльческія работы производится на Кавказѣ, по большей части, «натурою», т. е. тѣмъ же самымъ производительнымъ продуктомъ, но очень рѣдко деньгами; слѣдовательно, процессъ хлѣбопашества огражденъ для него со стороны денежныхъ расходовъ, чего въ особенности не жалуетъ крестьянинъ. Кроме того, онъ имѣетъ у себя, такъ-сказать, въ барышъ то время, которое долженъ бы съ своимъ семействомъ употребить для земледѣлія, и потому можетъ обратиться съ пользою къ другимъ отраслямъ хозяйства, находящимся у него въ слабѣ развитомъ или и совершенно-заброшенномъ состояніи, единственно по причинѣ упущенія удобнаго времени года.

Здѣсь, для уразумѣнія всей пользы обширнаго хлѣбосѣянія, дальнѣйшія объясненія и доказательства были бы совершенно излишни. Остается сказать, что зажиточный старожилъ, при употребленіи съ своей стороны весьма незначительныхъ средствъ всегда можетъ быть надежнымъ руководителемъ переселенца въ дѣлѣ мѣстнаго земледѣлія и всегда можетъ быть онъ возстановителемъ переселенскаго довольства, находящагося пока въ упадкѣ. При такихъ только добрыхъ дѣятеляхъ можно достигнуть благосостоянія—процвѣтанія земледѣлія, съ которымъ столь тѣсно связаны элементы народнаго довольства.

(*) Въ послѣднее время скирды и закромы въ особенности стали не безопасны отъ необыкновеннаго размноженія въ нихъ мышей, пожирающихъ необъятное количество хлѣба въ колосьяхъ, какъ открывается всегда при разборѣ сноповъ, чему я самъ былъ неоднократно очевидцемъ. Вотъ сущее нашествіе для хлѣбныхъ запасовъ! А. А.

Садоводство и винодѣліе.

Къ востоку отъ Ставрополя, разстояніемъ около 170 верстъ по прямому направленію, лежитъ казенное селеніе Прасковей. Рѣка Кума, одна изъ первоклассныхъ мѣстныхъ рѣкъ, протекая чрезъ него, дѣлится на многіе рукава или «ерикъ», во всякое время года въ избытокъ напалющіе всѣ виноградныя сады, освѣжающіе воздухъ, придающіе селенію очаровательный видъ, словомъ—дѣлающіе жизнь въ этомъ селеніи привлекательною въ лѣтнее время. Почти всѣ улицы снабжены подобными каналами, доставляющими многочисленныя хозяйственные удобства: обиліе въ водопояхъ для скота, чистую и здоровую воду для домашняго потребленія, и подручныя средства. По справедливости должно сказать, въ Ставропольской губерніи, не смотря на чрезвычайное разнообразіе мѣстныхъ ея удобствъ (конечно, кромѣ мѣсоводства), нѣтъ ни одного казеннаго селенія, которое могло бы сравниться въ выгодахъ обширнаго садоводства и винодѣлія съ селеніемъ Прасковей.

У всѣхъ почти жителей есть виноградныя сады, такъ-сказать, подъ самымъ бокомъ, большая часть передъ самыми окнами домовъ. Первоначальное основаніе разведенію виноградныхъ садовъ въ селеніи Прасковей положено временно обитавшею въ немъ сектою малаканъ. Послѣ назначенія ихъ къ выселенію отсюда, всѣ сады, дома съ хозяйственными постройками, движимое имущество и частію скотъ проданы ими православнымъ крестьянамъ, разширившимъ потомъ свое садоводство. Все, чего нельзя было взять въ путь, брошено трудолюбивыми винодѣлами по непмѣнно покупщикамъ. Еще и теперь встрѣчается множество безверныхъ, полубовалившихся землянокъ, размываемыхъ дождемъ и подвергающихся постепенному разрушенію. Цѣлые ряды оставленныхъ усадебъ находятся незанятыми, ожидая новыхъ владѣльцевъ изъ охотниковъ-переселенцевъ, которые уже начинаютъ занимать многія изъ расколыщическихъ жилищъ.

Садоводство — почти единственное занятіе Прасковейскихъ жителей, мало занимающихся хлѣбопашествомъ, сравнительно съ прочими селеніями обоихъ уѣздовъ. При всемъ томъ, они менѣе прилагаютъ стараній къ уходу за своимъ садоводствомъ, нежели владѣтели садовъ въ Кизлярско-Моздокскомъ уѣздѣ — Армяне и казаки. Подставка таркалинъ (жердей) цодъ отягченныя плодомъ винограды, сбереженіе лозъ на зиму, хотя и требуютъ большой рачительности, но совершается почти всегда работниками изъ переселенцевъ; самъ же хозяинъ [съ полною заботливостію занимается только наблюдениемъ за выдавливаніемъ винограда, снимкою и сортированіемъ *чапры*, а въ особенности пріятными хлопотами о выгодномъ сбытѣ въ продажу вина. Этимъ и оканчиваются кое-какъ всѣ заботы крестьянина о садоводствѣ. Топтаніе винограда продолжается, правда, не малое время и стоитъ не совсѣмъ ничтожныхъ издержекъ, какъ полагаютъ люди незнакомые съ дѣломъ; но за то выручка всегда съ лихвою вознаграждаетъ хозяйскіе хлопоты и плату рабочимъ. Впрочемъ, благодаря недостаточному состоянію и услужливости Прасковейскихъ и окрестныхъ переселенцевъ, нѣкогда нѣтъ недостатка въ исправныхъ работникахъ. Топтаніе обыкновенно производится ногами, и совершенно неосновательно было бы желать, при такомъ положеніи дѣла, чтобы въ приготовленіи вина, называемаго «чихиремъ» (потатарски — *чагиръ*), введено было какое-либо усовершенствованіе или упрощеніе въ обработкѣ: объ этомъ никто и не заботится. Обыкновенно устрояются большіе четвероугольные ящики (корыта) изъ досокъ, въ длину отъ 2¹/₂ до 3 саж., въ ширину до 2¹/₂, а въ вышину до 1 аршина. Для стока сусла или винограднаго сока въ особые резервуары, пробурываются на днѣ корыта отверстія, а отъ нихъ пропускаются деревянные желобки и крапы. Сливка производится ведрами въ приготовленные для того бочки, поставленные подъ навсомъ. Для свободнаго броженія, вставляются во втулочные отверстія бочекъ камышевыя дудорки, пропускающія воздухъ, и способствующія испаренію виннаго газа. Вино, добытое такимъ образомъ, есть лучшее изъ приготовляемаго крестьянами

въ Прасковѣ, и продается на мѣстѣ отъ 30 до 40 к. за ведро; въ Ставрополѣ, на осенней ярмаркѣ, оно стоитъ отъ 50 до 80 коп. сер. Вино самаго низкаго разбора получается отъ прессированія виноградныхъ выжимокъ, и продается по незначительной цѣнѣ, а большею частию употребляется или самими жителями, или бѣдными изъ переселенцевъ. Нѣкоторые даже разводятъ его водою, не говоря уже о томъ, что это производится и при самомъ прессированіи. Въ Прасковѣ нѣтъ старыхъ винъ. Одногодное вино едва дотягиваетъ до слѣдующаго года, когда получается новое. Красное вино, получаемое здѣсь, чрезвычайно скоро портится, принимаетъ вкусъ уксусообразный, — и потому никто, по своему невѣжеству, не заботится о его сбереженіи впрокъ. За недостаткомъ въ губерніи приготовленія хлѣбнаго уксуса, испортившійся чпхиръ замѣняетъ его съ большимъ удобствомъ.

У помѣщика Реброва, въ прежнее время приготовлялись вина несравненно лучшаго достоинства, а нынѣ выпускались въ продажу и въ разливочномъ состояніи, подъ названіемъ «Ребровскаго полушампанскаго»; однако съ нѣкотораго времени это послѣднее производство и выпускъ, какъ слышно, прекратились. Въ Ставрополѣ «Ребровскія» вина продавались отъ 1 до 1½ р. с. за бутылку. Знатоки столовыхъ напитковъ предпочитали эти вина многимъ даже извѣстнымъ европейскимъ напиткамъ. Изъ того, что сказано выше, еще нельзя сдѣлать заключенія, что у г. Реброва совершенно прекратилась выдѣлка вина, по крайней-мѣрѣ о немъ уже ничего не слыхано въ продажѣ. Къ сожалѣнію, въ бытность свою въ Ноябрь прошедшаго года въ этомъ мѣстѣ, я не имѣлъ возможности, по отсутствію помѣщика въ Кисловодскѣ, пріобрѣсти необходимыхъ мнѣ числительныхъ свѣдѣній по его замѣчательному хозяйству въ прекрасной деревнѣ Владимировкѣ, извѣстной въ особенности процвѣтаніемъ своего шелководства и луководства (*).

(*) Разведеніе въ деревняхъ Владимировкѣ — у г. Реброва, и Бургонь-Моджарѣ — у г. Скаржинскаго, такъ называемаго *рычатаго лука*, доведено до

Въ тоже время, въ бытность свою въ деревнѣ помѣщика Скаржинскаго, по сосѣдству съ г. Ребровымъ, мнѣ случилось пробовать доброту и здѣсь выдѣлываемыхъ винъ. Во многомъ должно отдать имъ преимущество предъ Прасковейскими, даже и такимъ, которыя приготавливаются обыкновеннымъ, простымъ способомъ. Тоже должно сказать и о винѣ г. помѣщика Калантарова, въ имѣніи котораго Привольномъ (Масловъ-Кутъ) мнѣ случалось бывать назадъ тому лѣтъ десять; однако же мнѣ въ послѣднее время ничего не извѣстно о томъ, выпускаются ли имъ, и въ какомъ именно количествѣ въ продажу вина собственнаго издѣлія. Достаточно сказать, что столовыя вина, получаемыя у него для собственнаго дома и няго потребленія—превосходны, если принять во вниманіе состояніе развитія мѣстнаго винодѣлія и садоводства (*). Но все это не касается до насъ въ статьѣ, имѣющей цѣлю только нѣсколько познакомить читателя съ современнымъ состояніемъ сельскаго хозяйства на Кавказѣ, съ которымъ обстоятельное знакомство—есть предметъ другихъ статей; на первый же разъ, къ слову, достаточно и нѣсколькихъ краткихъ свѣдѣній объ этомъ обширномъ предметѣ.

Кромѣ выдѣлки чихиря, крестьяне селенія Прасковей торгуютъ и виноградомъ, выгодно сбывая его торговцамъ, привѣзжающимъ изъ разныхъ мѣстъ губерніи, въ томъ числѣ и изъ Ставрополя, гдѣ, на-первыхъ порахъ привоза, фунтъ его стоить отъ 4 до 5 к. сер., а потомъ, нѣсколько спустя, отъ 2 до 3½ к., впрочемъ, цѣны на виноградъ, какъ и на самое вино, подвержены измѣненію и зависятъ отъ количества урожая. Не знаю, отчего Прасковейцы не приготавливаютъ «изюма», что было бы имъ весьма легко: Сбыть его могъ бы быть

самаго отличнаго состоянія! Кажется, только эти два имѣнія и снабжаютъ сказаннымъ продуктомъ всю губернію, да едва ли не вывозится онъ, кромѣ того, и въ другія мѣста. А. А.

(*) Въ прошломъ (1850) году, будучи въ селѣ Кусаковѣ (у полковн. Л. И. Кусакова), на р. Мокрой-Бульгѣ, въ Пятигор. уездѣ, я имѣлъ возможность еще болѣе въ томъ удостовѣриться, послѣ долговременнои изысканности своей въ селеніи Привольномъ. А. А.

также прибыленъ и вѣренъ, какъ сбыть вина и сыраго винограда. Это, кажется, происходитъ отъ нестарательности крестьянъ о собственныхъ выгодахъ, — не иначе. Не могу при этомъ случаѣ забыть одного приключенія своего во время поѣздки изъ селенія Прасковенъ въ Новоокровское (потомъ — станица), въ 1842 году. Благодаря услужливости зажиточнаго крестьянина, у котораго я квартировалъ, мнѣ пришлось взять съ собою около пуда свѣжаго винограда, только-что нарваннаго въ саду. На другой день я и забылъ о подаркѣ; между тѣмъ, отѣхавъ нѣсколько верстъ, я принужденъ былъ остановиться, по причинѣ ненастной погоды, въ небольшомъ селеніи, для ночлега. При переноскѣ вещей, корзина съ виноградомъ была поставлена, какъ и въ предыдущую ночь, на весьма жарко истопленную печь, совершенно случайно. И что же? Не замѣтивъ этого въ первые два дня, я чрезвычайно былъ удивленъ на-утро, заглянувъ въ корзину, и пайдя тамъ превосходно приготовившійся изюмъ! Изъ этого не должно еще дѣлать заключенія о томъ, чтобы мнѣ не были извѣстны различные способы приготовленія изюма (подобно одной дамѣ, спрашивавшей у меня: «гдѣ растетъ изюмное дерево?»), съ чѣмъ я давно уже знакомъ, — вѣтъ, но должно составить понятіе о томъ, какъ легко могли бы крестьяне пріобрѣтать посредствомъ этого простаго способа обдѣлки сыраго продукта значительную пользу. Подобный изюмъ, будучи даже и посредственнаго качества, могъ бы, продаваясь дешевле обыкновенно-существующихъ на него цѣнъ, находить себѣ огромный сбытъ для мѣстнаго потребленія.

Къ слову должно сказать и о виноградинствѣ Ставрополя. «Въ недавнее время (сказано въ газ. *Кавк.*, 1849., № 42), одинъ изъ Ставропольскихъ жителей, отличающійся особенною охотою къ хозяйственнымъ улучшеніямъ, любитель садоводства и пчеловодства, купецъ М. Н. Пл., разводившій и въ большомъ и маломъ количествѣ табакъ, марену, лайду, — рѣдкіе сорта хлѣба и т. п., сдѣлавъ весьма удачный опытъ разведенія и винограда въ большомъ количествѣ, выписавъ для этого разные сорта его изъ Кизляра, Дербента, Дона,

Крыма и другихъ мѣстъ, и даровыми раздачами лозъ, по распоряженію Князя Намѣстника (*); садъ его, не далеко отъ города, на южной сторонѣ, въ ложницѣ, хорошо защищенной отъ суровости вѣтровъ; ростъ винограда оказался отличный, обработка его отчасти по Кизлярскому способу; нынѣшній годъ урожай въ немъ винограда замѣчательнъ, и если онъ успѣшно дозрѣетъ, (что, кажется, совершенно оправдалось), безъ поврежденія ранними морозами, то задача о возможности разводить виноградъ и въ окрестностяхъ Ставрополя,—разрѣшилась удачно. Что разведеніе шелковицы весьма возможно, не смотря на изрядную суровость и продолжительность зѣшнихъ зимъ и открытую мѣстность,—можетъ служить доказательствомъ городской шелковичной садъ и частные опыты шелководства, производимые въ маломъ видѣ любителями этой отрасли хозяйства.» Остается только подтвердить справедливость какъ перваго, такъ и послѣдняго свѣдѣній, относительно удачнаго разведенія въ Ставрополѣ винограда и шелковицы. Должно однако объяснить, что «задача о возможности разводить виноградъ и въ окрестностяхъ Ставрополя», разрѣшена гораздо ранѣе купца И. Н. Пл., (**) какъ мнѣ извѣстно, чиновникомъ Ѳ. Я. Макаровскимъ, (о чемъ я и писалъ въ одной изъ столичныхъ газетъ, въ 1845 г.). Кроме того, въ саду г. Начальника губерніи и нѣкоторыхъ другихъ лицъ также есть

(*) Ни какъ мнѣ до сихъ поръ не удавалось быть въ Ставрополѣ во время раздачи лозъ и черенковъ плодовыхъ деревьевъ,—столько я былъ несчастливъ! Впрочемъ, въ нынѣшнемъ (1851) году мнѣ дано слово почтеннѣйшимъ И. Ѳ. Золотаремъ, г. Секретаремъ Кавказскаго Общ. Сел. Хозяйства. Между тѣмъ, весною, я случайно приобрѣлъ нѣсколько полузавядшихъ черенковъ отъ одного изъ своихъ знакомыхъ, В. Е. Макѣева, который мнѣ даже и *припустилъ* ихъ самъ; но только немногіе прижились изъ двадцати двухъ штукъ. Будемъ надеяться на Мартъ или Апрель, когда раздаются жителямъ крымскіе черенки плодовыхъ деревьевъ, присылаемые къ намъ по заботливому и милостивому распоряженію его сіятельства, князя Михаила Семеновича. А. А.

(**) Авторъ статьи говоритъ о почетномъ гражданинѣ Н. Н. Плотниковѣ, извѣстномъ своєю предприимчивостію, знаніемъ дѣла и рачительностію о пользѣ общей.... А. А.

по нѣскольку виноградныхъ кустовъ, если не приносящихъ значительнаго плода по своей малочисленности, за то, если не ошибаюсь, еще и ранѣе разрѣшившихъ трудную «задачу»; но садъ г. Макаровскаго разрѣшилъ ее въ болѣе замѣчательномъ объемѣ. Онъ находится на сѣверной сторонѣ Ставрополя, въ лощинѣ Чинскаго предмѣстія, и, также какъ садъ купца Пл., защищенъ мѣстностію отъ непогодъ. Вопреки свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ томъ же номерѣ газеты *Кавказъ*, что «садоводство въ окрестностяхъ Ставрополя, по причинѣ возвышенности мѣста и соответствующей ему холодности климата, не представляетъ надежнаго ручательства въ успѣхъ,»—должно замѣтить, что здѣшнее городское садоводство, при не повсемѣстной заботливости ухода, говоря объ исключительномъ большинствѣ, находится въ отличномъ состояніи процвѣтанія, и многимъ приноситъ въ урожайные годы превосходнѣйшія выгоды, а инымъ и служить единственнымъ источникомъ пропитанія.

Въ 1841, 1842, 1843 и 1849 годахъ я имѣлъ случай испытывать на мѣстѣ свѣжія Прасковейскія вина: достоинствомъ своимъ они уступаютъ Кизлярскимъ. Странно ли это? Нельзя думать, чтобы виноградъ здѣшній многимъ былъ хуже Кизлярскаго. Выходитъ, что и въ этомъ случаѣ, «дѣло мастера боится....»

Въ Прасковеѣ, также точно какъ и въ Кизлярѣ, всѣ виноградѣльцы—чрезвычайные питухи; хотя и говорятъ, что «Кизляръ—виноградное море (*),» но въ этомъ случаѣ и Прасковел

(*) Рассказываютъ объ Армянинѣ, который, послѣ доброй бѣсѣды за «краснымъ» въ 1831 году, проспалъ въ тротуарномъ каналѣ все время вторженія Чеченцевъ, и проснулся, когда они уже вышли изъ города! Когда, потомъ, стали ему рассказывать о нападеніи непріятеля, онъ изумился—и не хотѣлъ вѣрить.... А вотъ нѣсколько официальныхъ свѣдѣній, только что полученныхъ нами изъ Кизляра о тамошнемъ винодѣліи и винограденствѣ. «Въ предмѣстіи и вообще въ окрестностяхъ Кизляра (сказано въ годовомъ отч. К. Пол. Упр. за 1850 г.), такъ обширны сады, что и опредѣлить настоящее количество виноградныхъ кустовъ нѣтъ никакой возможности. По приблизительному соображенію количества полученнаго винограднаго вина, полагая по 10 кустовъ на

—последнее болото.... Мнѣ издалека писали однажды о томъ, что она «уже за-тысячу верстъ прославилась своимъ шумнымъ весельемъ....» И основательно: надобно лично видѣть, что творится въ Прасковеѣ тогда, какъ окончится уборка и давка винограда! Мужчины и женщины огромными, отдѣльными одна отъ другой толпами, начиная съ обѣда, непрерывно снуютъ изъ одной улицы въ другую, въ самомъ веселомъ и буйномъ расположеніи къ пѣснямъ и пляскѣ. Все народонаселеніе шумитъ, бѣснуется, кипитъ; вездѣ и по всюду только и видятся пестрыя толпы, по-очередно переходящія отъ одного къ другому изъ этихъ многочисленныхъ уличныхъ гостей и собесѣдниковъ, взаимно знакомыхъ между собою. Почти половина года ведется въ Прасковеѣ подобная жизнь, но въ особенности, когда получается свѣжее вино; едва только по немногу лѣтомъ начнутъ «угомоняться», когда напитокъ значительно уже окиснетъ и въ особенности ущебнетъ, какъ вотъ новый сборъ—и опять всѣ за прежнее веселье! Въ это смутное время бесполезно было бы скучать кому-нибудь въ Прасковеѣ: разгульное веселье не оставитъ мѣста ни одной слезѣ, ни одному горю.... Чтобы понять что-нибудь изъ сказаннаго мною, я думаю, достаточно и одного примѣра. Живя въ Прасковеѣ одновременно, я занималъ различныя, но всегда у весьма зажиточныхъ крестьянъ, квартиры. По-утру, бывало, хозяйка дома находить какой-нибудь уважительный предлогъ отправиться къ сосѣдкѣ, на прим. за огнемъ или и такъ — «на минуточку», — и что же?

ведра вина,—коего въ 1850 году вывезено въ разныя мѣста 469, 274 ведра и особо—виноградной водки 12,112 ведръ, полагая на выдѣлку одного ведра водки 10 ведръ вина,—всего 590,394 ведра употреблено въ Кизляръ до 50,000 ведръ (!!!) и осталось еще не вывезено 590,218 ведръ, а всего 1,160,612 ведръ,—следов., количество виноградныхъ кустовъ простирается до 11,606,190.. Вотъ сколь обширно Кизлярское садоводство, винодѣліе, вывозъ вина, остатокъ и потребление самими жителями небольшого города Кизляра, въ которомъ, по тому же отчету, числятся муж. и жен. пола—безъ родившихся и умершихъ—всего только 11,328 душъ! Вотъ вамъ какъ откровенно подтверждается вышеприведенный рассказъ о сонномъ Армянцѣ.... А количество винограднаго вина (до 50,000 в) выпитаго въ Кизлярѣ?... А. А.

Проходить часть, другой, третий, настаетъ обѣдъ, а хозяйки нѣтъ-какъ-нѣтъ.—и печь еще не топлена и обѣдъ не сваренъ. Хозяинъ также уходитъ со двора «за дѣломъ», взрослые дѣти—тоже. И вотъ развѣ передъ вечеромъ трудолюбивые члены внезапно скрывшейся семьи встрѣчаются другъ другу гдѣ-нибудь вразсыпную, но ужъ между многолюдными толпами друзей.... Все это ни для кого не удивительно, какъ словно такъ и быть должно. Стоило бы только кому-нибудь забрести въ первый попавшійся домъ—и мгновенно забыто все житейское, начаты угощенія, а тамъ пойдутъ—пѣсни и пляски; между тѣмъ, толпа прибываетъ и, порядочно накопившись и развеселившись, оставляетъ домъ, увлекаетъ съ собою гостепріимную семью—и отправляется на открытое веселье, по улицамъ! Легко вскружиться и самой привычной головѣ, отъ одного мѣсяца подобнаго житія (*).

Въ Прасковей,—говорю безъ всякаго преувеличенія и вымысла,—пьютъ вино всѣ, начиная отъ ребенка до старика—и веселятся на удалую! Тамъ и грязныя животныя бродятъ какъ шальныя, накушавшись вдоволь виноградной барды! Иногда человекъ и скотъ валяются рядомъ....

Въ заключеніе поговоримъ о *плодовыхъ садахъ*, взявъ нѣсколько свѣдѣній изъ прежнихъ нашихъ трудовъ по этому предмету (**).

(*) Рядомъ съ селеніемъ Прасковей есть другое кав. сел. Покойное, лежащее къ сѣверо-востоку отъ перваго, въ пяти или шести верстахъ, по лѣвую сторону р. Кумы. Въ с. Покойномъ виноградарство и винодѣліе также весьма замѣчательны, но производство какъ того, такъ и другаго тоже, что и въ Прасковей; только Покойное въ одномъ отношеніи менте замѣчательно, именно въ недостаткѣ разгуля и шуму. Здѣсь совсѣмъ, какъ говорится, другой свѣтъ, другіе люди! Говорить о виноградарствѣ прочихъ селеній было бы излишне, потому что достаточно сказать что-нибудь объ одномъ селеніи, въ особенности о такомъ, каково Прасковей, чтобы дать читателю вѣрное понятіе о виноградномъ садоводствѣ и о произведеніи *чилири* и въ прочихъ мѣстахъ: вездѣ—одно и то же, развѣ только съ самымъ незначительнымъ исключеніемъ, и то не въ способахъ приготоменія вина, а въ количествѣ его добыванія. А. А.

(**) (3 г., 1846).

Въ Ставрополѣ, извѣстномъ своимъ садоводствомъ, за долго до переименованія казачьей станицы въ уездный, а потомъ— въ областной и губернский городъ, стали появляться у линейныхъ казаковъ первые плодовые сады. Такъ точно въ селеніяхъ: Московскомъ (бывшая крѣпость), Пелагіадѣ и частию Донскомъ, есть и по нынѣ плодовые деревья, которыя свидѣтельствуютъ, что сохраненіемъ своимъ они обязаны бережливости и тщательному присмотру своихъ владѣльцевъ. Покоряясь необходимости терпѣть недостатокъ въ лѣсѣ на постройки, топливо и обнесеніе садовъ заборами для предохраненія деревъ отъ порчи скотомъ, крестьянинъ придумалъ для перваго земляной кирпичъ, для втораго—занявъ у кочевыхъ народовъ умѣнье готовить кизяки, а для третьяго—догадался устраивать дерновыя и земляныя насыпи и окопы, съ канавами по вѣншнимъ сторонамъ. Благомыслящій хозяинъ всегда найдетъ возможность чѣмъ-нибудь дешевымъ и удобнымъ замѣнить недостатки въ домашнемъ быту; одни только «бездомовые», приобретаая сады покупкою или другими способами, наносятъ садоводству болѣе вреда, нежели недостатокъ практическаго ухода за плодовыми деревьями. Во всякомъ дѣлѣ, касающемся до сельскаго хозяйства, нуженъ опытный, смѣливый глазъ, а въ садоводствѣ—и того болѣе. Не рѣдки примѣры, что крестьяне (даже иныя и изъ тѣхъ, которые съ давняго времени имѣютъ у себя сады) развѣсиваютъ, для просушки, бѣлье по деревьямъ, привязываютъ къ нимъ домашній скотъ или пускаютъ его по садамъ для пастбы, обламываютъ вѣтки при неосторожномъ собираніи плодовъ, словомъ, по незнанію обращенія въ садоводствѣ и по небрежности, переводятъ мало-по-малу лучшія изъ своихъ старинныхъ плодовыхъ деревьевъ. Само-собою разумѣется, что это чаще случается въ селеніяхъ; въ Ставрополѣ же прилагается за садами болѣе попеченія, и рачительность ухода понимается здѣшними садоводами, какъ главное условіе благосостоянія садоводства. Большая часть жителей какъ предмѣстій города, такъ и центра его, обладаютъ прекрасными садами, преимущественно состоящими изъ молодаго вишняка и яблони. Разсадка

этихъ породъ производится успешно отростками, которые во множествѣ можно пріобрѣтать отъ околѣнныхъ хуторянъ, владѣльцевъ обширныхъ садовъ, за самую умеренную плату. Сады, отличающіеся своею густотою деревьевъ и обліемъ «молодняка», само-по-себѣ требуютъ разчистки, во-избѣжаніе могущей образоваться непроходимой чащи, а потому представляють любителямъ садоводства всегда возможность обзаводиться, при усадьбахъ, плодовыми деревьями. По берегамъ р. Ташлы (Ча, Грачевка) много примѣчательныхъ садовъ, доставляющихъ на здѣшніе базары, въ изобиліи, плоды всѣхъ родовъ, свойственныхъ здѣшнему климату, обстоятельствамъ и почвѣ, при всемъ ея разнообразіи и многочисленныхъ неудобствахъ. Изъ садовыхъ и лѣсныхъ произведеній, служащихъ къ потребленію жителей, получаютъ груши, яблоки, черносливъ, лыча (бѣлая и красная), курегъ (персики), дули, поддुльки, (весьма похожія на груши), кизиль, тернъ, вишня, сливы, а изъ степныхъ—клубника и ежевика. Бергамотовыя и черешневые деревья, хотя и находятся мѣстами, однако не вездѣ. Здѣсь эти деревья встрѣчаются рѣдко.

При всемъ, можно сказать, цвѣтущемъ состояніи здѣшняго (Ставропольскаго) садоводства, у насъ нѣтъ высокыхъ сортовъ яблоковъ, подобныхъ при-Волжскимъ, извѣстнымъ, помнится, въ Вятской губерніи, у навѣзжающихъ туда, въ зимнее время, разносчиковъ изъ Казанскихъ Татаръ, подъ названіемъ «айисовыхъ.» Лѣсные яблоки и не совсѣмъ дозрѣвшія груши, кизиль, тернъ и лыча, употребляются здѣсь на мочку для зимы, какъ клоква и брусника, на сѣверъ. Квасъ, получаемый отъ того изъ первыхъ двухъ плодовъ, подается за столами во многихъ домахъ, особливо разлитый въ бутылки, въ которыя положено нѣсколько изюмнѣ и гвѣздики «для игры и шинучести.» Черносливъ, сливы, виноградъ (*), арбу-

(*) Вотъ способъ съ большимъ успѣхомъ сохранять для зимы виноградъ на довольно долгое время. Для этого, равно годны оба извѣстные сорта—бѣлый и черныи. Предварительно слѣдуетъ приготовить и всполоскать стеклянную банку, примѣрно, не менѣе полуведра, а за недостаткомъ банки, можно ограничиться и «полнымъ кувшиномъ.» Отобравъ лучшія, неповрежденные кисти винограда,

зы, но даже яблоки и лыча, посоленные во время и съ знаніем дѣла (что не всякому дается), служатъ при столахъ любителей, въ видѣ роскоши. Дули и поддульки отличаются одиѣ отъ другихъ величиною, имѣя нѣкоторое сходство во вкусѣ и наружныхъ формахъ. Эти два рода плодовъ относятся къ самымъ кратковременнымъ и неспособнымъ, по своей нѣжности (что особливо должно сказать о первыхъ) къ храненію впрокъ.

Въ Ставрополѣ рѣдкіе сушатъ садовые плоды для своего употребленія. Въ лѣтнее время мало-мальски достаточныя *чиловницы* и перемчивыя, «поль-образованныя» мѣщанки спѣшатъ запастись разными «вареньями», а онѣ, всѣмъ извѣстно, какую важную роль играютъ въ кругѣ женскихъ знакомствъ въ провинціальномъ захолустьѣ. Для вареньевъ и моченья избираются не совсѣмъ зрѣлые плоды, оттого, что—въ первомъ случаѣ—не такъ легко развариваются и не дѣлаются мягкими, а въ послѣднемъ—пробываютъ гораздо дольше, и не такъ скоро подвергаются порчѣ, приходя постепенно въ вялость и гніеніе, а не вдругъ, что всегда происходитъ при совершенной зрѣлости плода. Ничего положительнаго нельзя сказать о

должно обмыть ихъ въ свѣжей водѣ и—когда посуда достаточно просохнетъ—уложить въ порядкѣ одна на другую, немного невровель съ краями. На каждый пудъ винограда полагается $\frac{1}{2}$ ф. поваренной соли, распущенной въ небольшомъ количествѣ воды. Послѣ того, наливается на виноградъ столько холодной родниковой или рѣчной воды, сколько будетъ нужно, если оставить притомъ небольшой промежутокъ между поверхностію ея и крышкою посуды. Полезнымъ признано класть въ самое малое количество въ виноградъ, по-ровну, корицы и гвоздики. Вообще большія банки не такъ удобны какъ полу-ведерныя. Замѣчено, что чѣмъ рѣже будетъ откупориваться посуда, тѣмъ виноградъ сохраняется дольше. По этому, небольшія банки представляютъ болѣе удобствъ. Часто употребляютъ на пудъ винограда очень много соли, и, по незнанію, производятъ посылъ въ деревянныхъ сосновыхъ боченкахъ. Оттого, подобный виноградъ болѣе или менѣе лишается своего первобытнаго достоинства, и усваиваетъ себѣ запахъ дерева, подвергаясь преждевременной порчѣ. Въ Ставрополѣ нельзя купить зимою соленого винограда; обыкновенно солить его каждый для себя—и то не всѣ. Рѣдкіе пѣз низшихъ сословій жителей знакомы, въ зимнее время, съ этимъ *лакомствомъ*, которое доступно для нихъ только при дешезизнѣ—вскорѣ послѣ привоза ея торговцами. А. А.

цѣнахъ на садовые плоды, потому что онѣ бываютъ непостоянны, измѣнчивы, смотря по урожаю и времени года. Ставропольскіе хуторяне пріобрѣтаютъ отъ сбыта своихъ домашнихъ садовыхъ произведеній достаточныя выгоды, и почти никогда не испытываютъ неудачи или убытка въ продажѣ. Здѣшнія торговли чрезвычайно возвышаютъ цѣны скупаемыхъ ими оптомъ произведеній, и чрезъ то не мало способствуютъ дороговизнѣ на предметы потребленія. Иногда урожай плодовъ бываетъ очень посредственный; такъ что хозяева садовъ не получаютъ и на-половину того, что получается ими при благопріятныхъ урожаяхъ; садовые произведенія стоить тогда, при самой ихъ сборкѣ, гораздо дороже, нежели осенью, когда поступаютъ въ продажу *Крымскія и Тамбовскія* яблоки на здѣшнемъ рынкѣ или въ подвалахъ продавцовъ. Во многихъ обширныхъ садахъ, дающихъ иногда изумительные урожаи, происходитъ тогда неимоверная скудость въ урожай, въ такой же почти степени распространяющаяся и въ прочихъ мѣстахъ губерніи. Иногда весна, въ началѣ, весьма способствуетъ развитію плодовыхъ деревьевъ, и, судя по началу, обѣщаетъ удовлетворительный урожай; любители садоводства радостно посматриваютъ на свои деревья, испещренные разнообразными цвѣтками, и съ удовольствіемъ обоняютъ здоровый, свѣжій и пріятный ароматическій садовый запахъ, но къ изумленію всѣхъ—оказывается потѣмъ, что деревья, столько ихъ радовавшія, были покрыты—пустоцвѣтомъ!

Таковъ былъ, для губерніи, 1845 годъ.

Гибельныя послѣдствія бездождія оказываются не въ одномъ только хлѣбопашествѣ, но иногда въ сильной степени въ садоводствѣ и огородничествѣ (*). Можно представить себѣ,

(*) Нынешній 1851 годъ, урожайный на садовые плоды, отличается отъ предъидущихъ необычайно раннимъ наступленіемъ весны, бездождіемъ—и неурожаемъ, огородныхъ произведеній, которыя, какъ и все, начиная съ травы до хлѣбнаго колоса, подверглись какой-то особенной кратковременности. Все въ этомъ году поспѣло, и поспѣваетъ прежде обычнаго времени, и отходитъ столь же скоро. Вотъ къстаги выписка изъ Ставр. губ. Вѣдом. (N 27, 1851 г.) о видахъ урожая. Въ N 21 нашихъ Вѣдомостей, -- сказано въ этой статьѣ, -- помѣстимъ мы до

чего лишаются чрезъ неплодородіе наши домохозяева, а особливо люди, разсчитывающіе, по степени урожая, о своемъ благосостояніи до слѣдующаго года! Не рѣдко случается, что одни сады имѣютъ урожай посредственный, другіе—въ то же время—самый ничтожный, а пные—если не совсемъ высокій, то болѣе нежели хорошій,—и, что удивительнѣе, едва ли не при одинакихъ условіяхъ и уходѣ. Вотъ доказательство того, что неплодородіе имѣетъ не одинакое вліяніе на садоводство. Къ довершенію несчастія, среди налива плодовъ, появляется въ садахъ множество древесныхъ червей, опутывающихъ вѣтки густою тканью паутины. Эти насѣкомыя причиняютъ, своею прожорливостію, не мало вреда и урожаю. Живя однажды въ имѣніи помѣщницы Р....., я былъ очевидцемъ сбора плодовъ: нельзя представить себѣ, чтобы когда-либо получалось такъ мало «шпанской» вишни, курени и грушъ съ такого множества лучшихъ деревьевъ, какое я тутъ встрѣтилъ; что же относится до яблоковъ, то они совершенно тогда не уродились въ этомъ имѣніи. За то удивляться должно урожаю въ то же

вольно полныя о видахъ урожая свидѣнія; но какъ они ограничивались по 14 Мая, то мы изъявили надежду, что полившіе, послѣ сильной засухи, со второй половины Мая, дожди, могутъ поправить потерпѣвшіе поврежденіе хлѣба и травы. Полученныя послѣ того свидѣнія доказываютъ, что несмотря на все изобиліе позднихъ дождей, растительность отъ засухи во многихъ мѣстахъ пострадала значительно, и нынѣшній годъ долженъ уступить прошедшему въ изобиліи урожая. Изъ этого можно вывести заключеніе, что самое полезное вліяніе на растительность въ здѣшнемъ краѣ могутъ имѣть дожди въ Апрѣлѣ и въ первыхъ числахъ Мая, потому что здѣсь весна наступаетъ довольно рано, послѣ зимы, рѣдко изобильной снѣгомъ, отъ чего останавливаемая имъ важность въ землѣ скоро иссушается весенними вѣтрами. Впрочемъ и то надобно принять въ соображеніе, что жары, бывшіе въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ климатѣ Ставропольской губерніи вовсе необыкновенные, почему вліяніе бездождя было сильнѣе, нежели можно бы ожидать при болѣе умеренной температурѣ.» При всемъ томъ, урожай садовыхъ плодовъ въ нынѣшнемъ году необычайно замѣчателенъ, хотя также все скороспело и кратковременно; изъ предметовъ бахшводства арбузы, мѣстами, напоминаютъ самые урожайные годы, какъ напр. въ селеніи Птичьемъ (въ 1845 году), въ которомъ жители имѣютъ отъ нихъ здѣсь несказанную пользу!

время тутовника—здѣсь же, да чернослива (*) въ двухъ, изъ числа известныхъ мнѣ, Ставропольскихъ садахъ. По свидѣтельству самихъ хозяевъ этихъ садовъ, въ лучшіе урожайные годы на всѣ произведенія, черносливыя деревья или приносили посредственные плоды, или въ достаточномъ количествѣ, но водянистые, пухлые и чрезмѣрно мягкіе (**).

Всякому известно, что посадка плодовыхъ отпрысковъ производится, на Кавказѣ, осенью, или при наступленіи самой ранней теплої весенней погоды. У меня ежегодно производится разсадка молодыхъ деревьевъ, но всегда безуспѣшно. Кажется, что и наблюденіе за ними производится рачительно и поливка бываетъ достаточна, а молодые деревья мои вянуть и истребляются ежегодно; остается еще нѣсколько толстыхъ кустовъ яблонь, вишни и сливъ, которые ни на вершокъ не подвинувшись въ ростъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, тоже приходятъ къ безпрестанному уменьшенію, не смотря ни на прививку черенковъ, ни на садовыя предосторожности и уходъ (***). За то какіе-нибудь подсолнечники, да «Кавказская рѣпа» и «Турецкое просо» растутъ у меня чудо какъ хорошо!...

Привозныя яблоки продаются въ Ставрополь отъ 10 до 17—25 и 30 коп. за десятокъ; фунтъ—отъ 10 до 15 коп. сер. Крупныя породы такихъ яблокъ отличаются отъ здѣшнихъ

(*) Чернослива, какъ я сказалъ, обывателями города употребляется исключительно на соленіе и мало на мочку. Приготовленіемъ его, посредствомъ извѣстнаго способа, въ сухомъ видѣ, для продажи, никто не занимается, хотя это несравненно было бы прибыльнѣе всякихъ другихъ способовъ его сбыта.

(**) Эти сады находятся на влажномъ мѣстѣ, совершенно затопляющемся въ сырое лѣто. А. А.

(***) Грунтъ земли въ собственномъ саду моемъ, кажется, всему главному причиной: по преимуществу—онъ солончаковаго свойства. Въ предшедшій (1850) году мнѣ было выслано отъ извѣстнаго нашего агронома и писателя о сельскомъ хозяйствѣ, барона Г. К. фонъ-Фелькергама, изъ Курляндіи, и отъ Чл. Импер. Вол. Эк. Общ. и Корол. Бавар. Об. Сел. Хоз. и Сад., И. А. Юренскаго, изъ Пермскаго, множество сортовъ сѣмянъ (въ сложности—около 150) цвѣточныхъ, огородныхъ, древесныхъ и проч. растений, которыя, будучи посажены мною въ вытѣшненъ (1851) году, даже и не взошли! Въ этомъ я, конечно, виню вытѣшнія засушки и свою солончаковую землю, да по толстые разѣзды и

еще и тѣмъ, что сохраняютъ пріятный вкусъ и разсыпчатость свою до самаго поздняго времени въ подвалахъ армянскихъ торговцевъ; тогда какъ наши подобнаго вкуса яблоки-скоро-спѣлки оканчиваются вскорѣ послѣ Спасова дня, когда производится освященіе ихъ. Непостижимо, почему не привозятся въ Ставрополь, для продаж, предприимчивыми торговцами гранаты и другія произведенія юга (выключая лимоновъ и апельсиновъ (*)), привозимыхъ сюда всегда почти въ одно время), которыхъ такъ много бываетъ въ столицѣ Закавказья — Тифлисѣ. Гранаты, этотъ прелестный сочный плодъ, на мѣстѣ стоить если не дешевле, то по-крайней мѣрѣ не дороже иныхъ плодовъ, привозимыхъ къ намъ во множествѣ.

Для сбереженія свѣжести и предохраненія яблоковъ мѣстнаго производства отъ порчи, иные мочатъ ихъ въ поспль (**); но это не вѣсѣмъ одинаково удается. Кромѣ напитка, получаемого отъ яблоковъ, вымоченныхъ въ родниковой водѣ. Дознавно опытомъ, что, при доставаніи изъ посуды яблоковъ прямо—руками, а не посредствомъ уполовника или т. п., они подвергаются преждевременной порчѣ, которая, незнающихъ ея настоящей причины, поставлеть иногда въ недоумѣніе.

отлущки изъ своего дома При личномъ наблюденіи за уходомъ этого, быть можетъ, и не случилось бы; впрочемъ, на недостатокъ въ уходѣ за поствомъ ст-товать нельзя. Той же участи, какая постигла объясненныя сѣмена, подверглись и всѣ сѣмена бѣлой и черной шелковницы или *тутовника*, группы, яблоня и аканціи, высаженныя мнѣ года полтора тому назадъ, почтеннѣйшимъ садоводомъ Ставропольскимъ, П. Н. Не—ровымъ, котораго только одни дальніе ростутъ у меня хорошо, да и тѣ начинаютъ перерождаться, а отъ нынѣшней засухи вянуть. За коллекцію сѣмянъ ромашки, бузины и т. п. простыхъ растеній, высаженныхъ мнѣ г. Не—ровымъ, вѣроятно, по ошибкѣ— вмѣсто сѣмянъ болѣе замѣчательныхъ растеній—привошу при этомъ удобномъ случаѣ простое русское—спасибо!... А. А.

(*) Апельсины и лимоны нынѣ тоже сошли очень скоро, появившись весьма не из-долго.

(**) *Посплю* называется жидкая, заваренная кипяткомъ, болтушка изъ ржаной муки, которою наполняются кадки съ яблоками. Многимъ, безъ привычки, не понравится, быть можетъ, яблоки, плавающія въ этомъ ржаномъ киселѣ,—и они вполнѣ будутъ правы.. Этотъ способъ—употреблять болтушку для яблоковъ—кажется, изобрѣтеніе простолюдемъ.... А. А.

Въ отвращеніе этого всего, должно наблюдать за несправною прислугой, которая, второяхъ, часто не соблюдаетъ условій опрятности въ домашнемъ хозяйствѣ (*).

Очень рѣдкіе изъ жителей селеній Ставропольскаго уѣзда имѣютъ плодовые сады; изъ нихъ примѣчательны: Пелагіада, Московское, Донское, Петровское, Донская-Балка и еще одно или два менѣе значительныхъ въ этомъ отношеніи (**); изъ казачьихъ станицъ мало такихъ, которыя не занимались бы садоводствомъ, особливо разумѣя станицы, расположенныя по Тереку, въ Кизлярско-Моздокскомъ уѣздѣ. Тамъ станицы даже соперничаютъ въ винограденствѣ и винодѣліи съ жителями самаго Кизляра и его окрестностей, особливо находящіяся къ нему ближе прочихъ. Это — по преимуществу — должно сказать о казакахъ Гребенскаго и Кизлярскаго полковъ.

Любопытно было бы имѣть на этотъ разъ положительныя и вѣрныя данныя какъ о числѣ виноградныхъ садовъ въ селеніяхъ помѣщичьихъ и казенныхъ, городахъ и казачьихъ станицахъ Ставропольской губерніи, такъ и о количествѣ ежегодно получаемого въ нихъ, потребляемого и сбываемого въ продажу вина. Тогда можно было бы безошибочно судить о томъ, въ какой степени процвѣтанія находится одна изъ важныхъ отраслей промышленности на Кавказѣ — винограденство и винодѣліе. Въ подобномъ случаѣ цифры всегда говорятъ краснорѣчивѣе словъ....

Агаангелъ Архиповъ.

1846.

Ставрополь-Кавказскій.

(26 Іюля, 1851 г.)

(*) Забавенъ обычай, существующій въ низшемъ классѣ жителей Ставрополя. Онъ заключается въ томъ, что всѣ женщины, достигшія когда-либо своихъ ребятъ, считаютъ за великій грѣхъ *вкушать* яблоки до Спасова дня. Странно, разумѣется, что этотъ патриархальный обычай исключительно относится къ одному только этому древесному плоду, тогда какъ, не распространяясь на другіе, допускаетъ употребленіе ихъ во всякое время, когда возможно. Не изъ преданія-ли о яблокѣ Евы позаимствованъ этотъ обычай? Кажется, что-то на то и походить.... А. А.

(**) Въ нѣкоторыхъ, какъ напр. въ Ладовской и Бурой-Балкахъ, (нынѣ с. Нальское), садоводство едва-едва начинается еще только возникать, и, быть можетъ, на долгое время останется въ томъ видѣ, какъ оно есть. А. А.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Авуль - Касемъ Фердауси Тусскій, творецъ книги Царей, известной подъ названіемъ *Шахъ-Намэ*. Соч. *Ст. Назаріянца*. Книжка вторая. Москва, въ Унпверситетской типографіи. 1851. 94 стр. въ 8 д.

Этотъ трудъ составляетъ окончаніе начатаго въ Казани изслѣдованія г-на Назаріянца о Персидской поэзіи, преимущественно же о твореніи Фердауси. Ученый авторъ ограничивается литературною оцѣнкою «Книги Царей», не вдаваясь въ критическій разборъ эпическихъ преданій древней Персіи, въ которыхъ, можетъ быть, нашлось бы что-нибудь интересное для нашей старины: по обширности и важности этого предмета и мы уклонимся въ настоящемъ случаѣ отъ всякихъ вопросовъ объ историческихъ сказаніяхъ «Книги Царей», но не считаемъ неумѣстнымъ коснуться языческихъ воспоминаній древней Аріи (Ирана), въ которыхъ встрѣчаются идеи, общія съ мифами славянскими.

Въ древней религіи Персовъ солнце «Хоръ» или подъ полною формою «Хоршидъ» (корень санскритское *sur*, блистать, зендское *hug*, Греческое *Κήσος*; въ Библии *Kisch* (*Kdsch*), — Киръ, Персидскій государь) служить однимъ изъ главныхъ предметовъ поклоненія: по ученію Зороастра, Хоръ принадлежитъ къ числу Амшаспандовъ (семи главныхъ небесныхъ духовъ, изъ коихъ старше всѣхъ Ормуздъ, творецъ остальныхъ). — сотворено, но вѣчно; имѣетъ четырехъ коней, именуется очами Ормузда; питаетъ и свѣтитъ; безъ него природа была бы мертва. Хоръ есть источникъ мира и жизни. Таковы свойства арійскаго Хора (*Kleuker, Zend Avesta, III, 342—343*) или Хоршида, по филологическому образованію, какъ нельзя ближе, родственнаго славянскому Хорсу, который, вѣроятно, и по значенію своему представлялъ сначала арійскаго Хоршида и уже въ послѣдствіи подвергся измѣненіямъ. Поклоненіе солнцу существовало съ древнихъ временъ не только у Персовъ

и Медовъ, но и у Скинѣвъ и Фракіянъ (Kleuker, Anhang zum Zend-avesta, XX, В. II, Т. III, 109), и до нынѣ Гебры читаютъ свои молитвы при солнечномъ восходѣ, оборотясь лицомъ къ дневному свѣтлу, чему я самъ былъ свидѣтелемъ въ Тегеранѣ и Ширазѣ. — У Фердауси, какъ у ревностнаго мусульманина, или по крайней мѣрѣ старавшагося казаться такимъ, о поклоненіи солнцу умалчивается, и вообще изъ языческой религіи своихъ предковъ онъ упоминаетъ весьма коротко поклоненіе огню (Mohl, Livre des Rois, I, 36—39), которому приданъ эпитетъ «доброцвѣтнаго».

Въ Зендавестѣ встрѣчается баснословная птица Симургъ (Kleuker, Zend-avesta, II, 275), если только не должно принимать этого мѣста за позднѣйшую вставку; въ эпическихъ преданіяхъ Персіи эта птица играетъ благотѣльную и сверхъ-естественную роль, не смотря на свою плотоядную натуру: такимъ образомъ Симургъ воспитываетъ въ гвѣздѣ своемъ на горѣ Альборзъ богатыря Залю, отца знаменитаго Рустема, отстоявшихъ Иранъ отъ нашествія Туранцевъ. При разставаніи, на случай несчастья, Симургъ даетъ Залю одно изъ своихъ перьевъ, и довольно бросить это перо въ огонь, чтобы могущественная птица явилась въ видѣ чернаго облака для спасенія бѣдствующаго: дѣйствительно, по этому волшебному зову Симургъ является и спасаетъ жизнь перваго героя Иранскаго Рустема (Mohl, Livre des Rois, I. 219, 221, 227, 351). — Въ числѣ славянскихъ божествъ упоминается загадочный Симарьгла (иногда Семаргль), котораго значеніе и родословіе до сихъ поръ не опредѣлены (Москвитинъ, 1851 года. Часть III, отд. I. 115—118): по филологическому сходству иранскій Симургъ и славянскій Симарьгла довольно родственны. Что же касается до характера обоихъ мифовъ, можетъ быть совершенно различнаго, то не лзя не замѣтить, что и Хорсъ славянскій уже отличается отъ Персидскаго Ххоршида (ibid. 105—110).

Въ мифологіи Персидской играютъ довольно важную роль Дивы: въ Словѣ о полку Игоревѣ мы также находимъ упоминаніе о дивахъ («Дивъ кличетъ врѣху древа»; «уже врѣжеса дивъ на землю»; Русскія достопамят. III, 36, 132). По ученію Зороастра Дивы суть злые духи, созданіе злаго начала Агримана, принимающіе образъ зѣтиный, волчій или человѣческій: вмѣстѣ съ тѣмъ они и чародѣи (Kleuker, Zend-avesta, III, 280). Въ поэмѣ Фердауси читатель также весьма не рѣдко встрѣчается съ Дивами. По описанію Персидскаго барда у Агримана былъ сынъ, подобный лютому волку, черныи Дивъ съ когтями и съ чудовищной головой, покрытый шкурой, предводитель цѣлой арміи Дивовъ,

умерщвленный Гушенгомъ, внукомъ первого на землѣ Государя Каю-Морса (Mahl, *livre des Rois*, I, 31—35). Въ послѣдующихъ разсказахъ Фердауси замѣчательнѣе другихъ Дивъ Акванъ, противникъ Персидскаго героя Рустема, являющійся ему въ пусынгъ подъ образомъ онагра. Этотъ Акванъ поднимаетъ соннаго Рустема подъ небеса и потомъ низвергаетъ въ море, но борьба оканчивается побѣдою Рустема, который разбиваетъ палицей черепъ Диву и отсѣкаетъ ему голову. Фердауси при этомъ прибавляетъ: «Ты признавай Дивомъ всякаго дурнаго чловѣка» (Mahl, *Livres des Rois*, III, 277—285). Характеръ Персидскихъ Дивовъ болѣе соответствуетъ Диву Слова о полку Игоревѣ, нежели свойство водяной птицы Удода (у южныхъ Славянъ Дипъ), не сажавшейся на деревья: Иранская фантазія, представляющая Дива злымъ духовъ неопредѣленной формы, по видимому, служить основаніемъ русскаго вымысла.

Въ окончаніи труда своего о Персидской литературѣ г-нъ Назарьянцъ разсказываетъ содержаніе Шахъ-Намэ, приводитъ сужденія о Фердауси какъ западныхъ писателей, такъ и восточныхъ, сообщаетъ въ подлинникъ и въ переводѣ отрывки изъ Шахъ-Намэ, и наконецъ говоритъ о позднѣйшихъ Персидскихъ поэтахъ. Это короткое изложеніе содержанія книги г-на Назарьянца показываетъ, какъ она интересна для русскихъ читателей, весьма мало знакомыхъ съ богатою Персидскою литературою. Хотя авторъ, какъ оріенталистъ, преимущественно посвятившій себѣ Армянскому языку и литературѣ, въ обзорѣ Персидской поэзіи ограничивается пока трудами Европейскихъ ученыхъ, не прибѣгая часто къ изслѣдованію оригиналовъ, но тѣмъ не менѣе сочиненіе его составляетъ пріятный подарокъ для нашей скудной оріентальной литературы, и мы не можемъ не благодарить г-на Назарьянца за его безкорыстное приношеніе наукъ, чуждое спекулятивныхъ расчетовъ.

Такъ какъ сочиненіе г-на Назарьянца предназначено преимущественно для Русской публики, то, при чтеніи его, мы обращали прилежное вниманіе не на слогъ автора, вообще красивый, но мы желали бы болѣе правильности въ языкѣ, если только замѣченныя нами ошибки не принадлежать къ числу опечатокъ. Такимъ образомъ мы считаемъ долгомъ указать на слѣдующія неправильныя выраженія: сбальзамировавъ вм. набальзамировавъ (стр. 43), нашей перлы вм. нашего перла (стр. 35 и 62), строить любовную связь вм. заводить (стр. 57), сочиняетъ стихи на Лейлу вм. стихи въ честь Лейлы (стр. 53); запѣваемъ вм. поются (стр. 74), небеснымъ вратомъ вм. небесными

вратами (стр. 76), первая изъ этихъ поэмъ извѣстно им. первая изъ этихъ поэмъ извѣстна (стр. 86), врѣзали себѣ въ пальцы им. изрѣзали себѣ пальцы (стр. 88). Къ числу неловкихъ опечатокъ, имѣющихъ вліяніе на смыслъ, относятся слѣдующія:

Стран.	Строк.		
83	1	Поэтический им.	мистическій.
85	16	Народа	— юности.
—	17	Востока	— народа.
86	8	Письма	— писана.

Издана книга красиво и на хорошей бумагѣ.

Поэма Фердауси уже давно обращала на себя вниманіе ориенталистовъ: многочисленные отрывки изъ нея были въ разное время представлены на разныхъ европейскихъ языкахъ; наконецъ изданіе полного текста съ французскимъ переводомъ въ прозѣ начато въ 1838 году въ Парижѣ. До нынѣ вышло три тома, что не составляетъ и четверти *Шахъ-Намэ*. Одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ книги Царей подарилъ намъ въ русскомъ переводѣ нашъ славный поэтъ В. А. Жуковский, впрочемъ, этотъ переводъ, хотя и представляющій вѣрную идею о подлинникѣ Персидскомъ, можетъ быть, даже лучше, чѣмъ буквальныя переводы, въ сущности есть только подраженіе, потому что и нѣмецкій текстъ Рюккерта, съ котораго переводилъ В. А. Жуковский, не имѣетъ тѣхъ условій, которыхъ обыкновенно требуютъ отъ переводовъ: это скорѣе превосходное подраженіе, чѣмъ послѣдовательный и точный переводъ изъ Книги Царей. Въ переложеніи В. А. Жуковского духъ подлинника сохраненъ, но размѣръ и рифмованье перваго стиха со вторымъ, проведенныя черезъ всю поэму Фердауси, не могли быть соблюдены по причинѣ большой трудности и несоответственности съ требованіями русской версификаціи. Не смотря на это, мы отваживаемся привести здѣсь не большой опытъ перевода съ Персидскаго подлинника, сдѣланный нами еще во время давно прошедшихъ занятій Персидскимъ языкомъ и литературой: можетъ быть, тѣ, которые читали печальную повѣсть о ратоборствѣ Рустема съ сыномъ своимъ, получатъ болѣе справедливое понятіе о формѣ разсказа у Фердауси. Переводъ нашъ сдѣланъ почти буквально: первый стихъ, какъ сказано, въ подлинникѣ римуется со вторымъ, третій съ четвертымъ, и т. д.

Шествіе Искендера къ Дара.

Лишь услышавъ Дара, что изъ Рума не къ миру
Явилось войско и въ край тотъ пришло;
Какъ не стало отъ войска дороги зѣмру,

Иранскаго, что изъ Истахра пошло;
 Своей цѣлью Иранское войско имѣло
 Врага будто вѣтръ изъ отчизны прогнать,
 Когда войско къ Евфрату рѣкѣ подоспѣло,
 Не лѣзя было множество силъ сосчитать;
 И по берегу вдоль все оно роставалось:
 Отъ блеска кирасъ никто водѣ ни видалъ.
 Лишь Искендеръ узналъ, что то войско явилось,
 На встрѣчу ему быстро дѣлаться сталъ;
 Два фарсавга осталось всего межъ войсками:
 Шпіоновъ Искендеръ тогда всѣхъ созвалъ.
 И отсюда къ нему устремились толпами,
 И рѣчи Дара онъ отъ нихъ услышалъ;
 И отъ словъ тѣхъ Искендеръ какъ левъ разъярился
 «Намъ нѣтъ теперь лучшаго средства», сказалъ,
 «Какъ одно, чтобъ посломъ предъ Дара я явился,
 «И все бы развѣдалъ, все тамъ разузналъ.»
 И потребовалъ поясъ себѣ онъ безцѣнный,
 Съ Кей-Хосровымъ платьемъ блестящимъ своимъ,
 И нагрудникъ ему принесли драгоценный,
 И мечъ съ украшеньемъ его золотымъ.
 Изъ всѣхъ ратныхъ людей только десять избрали,
 Извѣстныхъ проворствомъ, искусствомъ въ рѣчахъ:
 Нензмѣнною славой отвагой блистали
 Безстрашные всадники всѣ тѣ въ бояхъ.
 Предъ великимъ Дара какъ Искендеръ явился.
 Съ коня слѣзъ, колѣна Царю преклонилъ;
 Повелитель Дара, какъ послу, поклонился
 Ему, и въ советъ своею посадилъ.
 Всѣ вельможи стояли въ блестящемъ собраньи,
 Хвалу воздавали Царю своему,
 Попеченьямъ о благѣ, о мирѣ старанью,
 Величью, могуществу, знанью, уму.
 Но Искендеръ всталъ съ мѣста, не ждавши веселья,
 Желанья свои началъ онъ излагать:
 Не хотѣлъ Повелителю Царства хваленья
 «Да царствуешь вѣчно ты Царь!»—онъ воздать.
 «Августѣйшій Монархъ! въ цѣломъ мѣрѣ владѣть
 «Имѣющій!» речъ такъ Искендеръ повелъ,
 «Воевать у меня нѣтъ съ Царемъ и желанья,
 «Иранъ еще меньше зорить бы хотѣлъ;
 «Что вселенная очень мала, это знаю,

«Но хочу по вселенной постранствовать я:
 «Справедливого, добраго только желаю.
 «Нѣтъ вѣрно въ Иранѣ главнѣе тебя:
 «Если ты мнѣ земли здѣсь давать запрещаешь,
 «То воздухъ не долженъ ты мнѣ запрешть;
 «На меня такъ упорно зачѣмъ наступаешь?—
 «Не мира ты хочешь со мной—воевать!»

Этотъ эпизодъ у Фердоуси не принадлежитъ къ числу нужныхъ.

И. Березинъ.

Къ прекрасному труду г. Назарианца мы возвратимся еще. Ред.

Краткій историческій очеркъ древней Греческой литературы, сост.: *А. Делленомъ*. Кіевъ. Въ Унив. Тип. 1851. Стр. VI. 95.

«Предлагаемое мною сочиненіе писано не для ученыхъ филологовъ, но вообще для образованныхъ читателей. Въ немъ я старался точно и опредѣленно очертить характеръ каждаго періода Греческой литературы, показывая вмѣстѣ, какое вліяніе, вся жизнь древнихъ Грековъ, общественная и частная, имѣла на постепенное образованіе и перемѣны Греческаго языка, на состояніе и направленіе ихъ словесности и наукъ. Изъ этого сочиненія читатели увидятъ, надѣюсь, какъ тѣсно Греческая литература въ своемъ естественномъ ходѣ и превосходномъ развитіи была соединена—съ одной стороны съ характеромъ и обычаями древнихъ Грековъ, съ другой—съ ихъ политической исторіею, т. е. они ознакомятся съ *внутреннею* стороною Греческой литературы.»

Такъ начинается г. Делленъ свое предисловіе. Потомъ онъ говоритъ еще, что цѣлью его было «убѣдить читателей въ превосходствѣ Греческой литературы, возбудить въ нихъ охоту къ ея изученію,» и т. д.

Читатель не опытный, не знакомый съ свойствами предисловій, прочитавъ выписанныя нами строки, имѣетъ основаніе обрадоваться. Вотъ, подумаетъ онъ, превосходная книга; прочту ее, — такъ познакомясь съ характеромъ каждаго періода богатой Греческой литературы, процвѣтавшей болѣе 2000 лѣтъ (г. Делленъ доводитъ исторію Греческой литературы до конца XIV столѣтія по Р. Х.); узнаю, какое вліяніе вся жизнь древнихъ Грековъ, общественная и частная, имѣла на постепенное образованіе и перемѣны Греческаго языка (даже языка!), на состояніе и направленіе ихъ словесности и науки; узнаю связь Греческой литературы съ характеромъ и обычаями древнихъ Грековъ, съ политической исторіею ихъ; словомъ—ознакомясь съ внутренней сто-

роною Греческой литературы; еще заохочусь къ изученію ея! и все это сдѣлать будетъ не трудно. Авторъ назначаетъ книгу свою не для ученыхъ филологовъ, но вообще для образованныхъ людей: значить, она доступна и занимательна; во всей книгѣ 95 страницъ крупной печати; да это, при посредственной даже памяти, въ недѣлю можно выучить наизусть, отъ доски до доски!

Но увы! Ничего этого нѣтъ въ книгѣ г. Деллена. Она имѣетъ свои достоинства, но такіа, о которыхъ въ предисловіи ничего не сказано: это хорошій конспектъ Греческой литературы. Еще лучше бы былъ онъ, если бы авторъ составилъ его въ видѣ таблицъ: было бы нагляднѣе! Внутренней же исторіи, скажемъ прямо, въ «Краткомъ Очеркѣ» и помину нѣтъ. Вотъ, напримѣръ, что сказано у Деллена о самомъ цвѣтущемъ времени Греческой литературы, объ аттической литературѣ въ V и IV стол. до Р. X. (стр. 67):

«Въ эпической и лирической поэзіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ «маловажныхъ дионрамбическихъ поэтовъ, Атики никогда не искали «славы; но драматическая поэзія вполне принадлежитъ имъ. Въ этомъ «родѣ поэзіи въ первомъ столѣтіи этого періода между многими трагиками отличались Пратинъ изъ Фліуса, который впрочемъ болѣе прославился сатирическими драмами, Эсхиль Аѳинянинъ, Іонъ Хиосскій, «Ахей Эретрійскій, Софокль, сынъ Софила, Аѳинянинъ, и Еврипидъ, «сынъ Мнесарха, Аѳинянинъ.»

Вотъ все, что сказано въ книгѣ г. Деллена о трагикахъ, объ Эсхиль, Софокль, Еврипидъ! Потомъ *исчисляются* имена поэтовъ древней комедіи; имена историковъ, философовъ, ораторовъ, — и все это на *двухъ* страницахъ (68 и 69!)

И обо всѣхъ періодахъ Греческой литературы говорится у г. Деллена съ такою же краткостію. Гдѣ же тутъ «внутренняя сторона» Греческой литературы?... Съ нею скорѣе познакомишься даже по исторіи г. Лоренца, хотя въ ней говорится объ этомъ предметѣ мимоходомъ. Да и какъ искать какой-бы то ни было характеристики Греческой литературы въ книгѣ, въ которой на 95 страницахъ исчисляются разные (*) писатели ея, (и притомъ дважды: въ текстѣ по-Русски, внизу по-Гречески) отъ *миоическихъ* Олена, Лина, Орфея, Мусея до.... Θεοδора

(*) Не говорю: *есть*, потому что нѣкоторыхъ изъ замѣчательныхъ даже именъ я не нашелъ. Такъ на 68 стр. упомянуты между трагиками Іонъ, Ахей, а Агаѳона нѣтъ.

Газы, Іоанна Дуки, Ковстантина Ласкара, и прочих, жившихъ уже въ *пятнадцатомъ* вѣкѣ по Р. Х.? Виновать! исчисленіе это начинается только съ 49 стр.; слѣдовательно занимаетъ около *сорока шести* страницъ. На этихъ 46 страницахъ помѣщено много даже и такихъ писателей, отъ которыхъ или ничего не дошло, или дошли только отрывки. На первыхъ же 45 стр. говорится о Пеласагахъ, о племенахъ Греческихъ, о діалектахъ и т. п.

Что же значать, спросите вы, выписанныя мною слова предисловія? Ни какъ не рѣшусь обвинять г. Деллена въ недобросовѣстности. Это разногласіе между предисловіемъ и книгою произошло, по моему мнѣнію, отъ причинъ вовсе другихъ, но, признаюсь, откровенно, для меня до сихъ поръ не совсѣмъ понятныхъ.... Объ этомъ нужно поговорить когда-нибудь въ другое время. Теперь укажу только на фактъ: въ такое противорѣчіе между книгою и предисловіемъ Нѣмцы, даже самые добросовѣстные Нѣмцы, часто впадаютъ. Въ предисловіяхъ ихъ я такъ часто разочаровывался, что теперь даже рѣдко и читаю ихъ.

Мнѣ непріятно было указывать на такое разительное противорѣчіе между книгою г. Деллена и предисловіемъ его къ ней. Но я долженъ былъ указать на него по обязанности рецензента. Опять повторяю, въ этомъ противорѣчій нѣтъ ни тѣни недобросовѣстности: это только странная привычка. Какъ конспектъ, «Краткій очеркъ» можетъ быть очень полезенъ для учащихся. Большинству же читающей публики едва ли понравится, едва ли принесетъ пользу книга г. Деллена: изложеніе до крайности сухо и кратко. Издана она тщательно и красиво.

Такъ какъ «Краткій очеркъ» состоитъ почти только изъ исчисленія именъ Греческихъ писателей, то при разсмотрѣніи ея, меня особенно интересовало, какъ пишетъ г. Делленъ по-Русски Греческія имена. Этотъ предметъ въ недавнее только время сталъ обращать на себя вниманіе пишущихъ у насъ о древней Греціи. Потому, полагаю уместнымъ при отзывѣ о книгѣ г. Деллена сообщить нѣкоторыя замѣтки, сдѣланныя мною уже давно, о писаніи Греческихъ именъ по-Русски. На этотъ предметъ нужно обратить серьезное вниманіе (дѣло важное, чѣмъ кажется), нужно общими силами постановить какія-нибудь общія правила; и именно теперь, пока классическая филологія только что прививается у насъ. Послѣ будетъ поздно: уже и теперь какъ-то не ловко отставать отъ нѣкоторыхъ явныхъ несообразностей въ этомъ дѣлѣ; а послѣ будетъ еще труднѣе.

До сихъ поръ Греческія имена и слова пишутся у насъ крайне раз-

вообразно; твердыхъ правилъ нѣтъ никакихъ; произношеніямъ слѣдуютъ различнымъ, то Рейхлинову, то Еразмову, то Саксовскому (*ай* вмѣсто *ей*); словамъ, имѣющимъ по-Гречески одинакое окончаніе, даютъ по-Русски окончанія разныя и т. п. Отъ того часто и знакомое слово не узнаешь безъ справокъ съ лексикономъ и классиками. Эта пестрота непріятно дѣйствуетъ при чтеніи. Такъ и въ книгѣ г. Деллепа вы встрѣтите: *Калхасъ*, *Тиресіасъ* и *Тиссій*, *Горгій*; *Гексаметръ* и *Гезіодъ*, *Лидій* и *Исократъ* и т. д. Впрочемъ г. Деллепъ все-таки далеко тщательнѣе и въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ многіе другіе.

Причина этой неурядицы, очевидно, заключается въ томъ, что мы, занимаясь классической древностію, пользуемся то нѣмецкими, то французскими, то англійскими книгами; а такъ русскаго языка, которымъ отличались древніе наши переводчики Священныхъ книгъ, потеряли. Между окончаніями же нѣмецкими, (вообще между окончаніями западно-европейскихъ языковъ) и греческими нѣтъ ничего общаго; да и органичности въ нихъ или вовсе нѣтъ, или весьма мало; потому Нѣмцы, Французы, прочіе западные Европейцы переносятъ цѣликомъ именительные падежи греческихъ словъ, и оставляютъ ихъ безъ склоненій. Наши же окончанія несравненно органичнѣе и удивительно какъ соответствуютъ греческимъ; даже болѣе, чѣмъ латинскія. На это у насъ до сихъ поръ мало обращаютъ вниманія. Пренебрегать органичностью русскаго окончанія, по моему мнѣнію, значило бы отказаться отъ одного изъ сокровищъ богатаго и свѣжаго русскаго языка.

Слѣдующія замѣтки о соответствіи греческихъ и русскихъ окончаній составлены мною преимущественно на соображеніи древняго употребленія. Я сказалъ уже, (впрочемъ на это обратилъ уже вниманіе, и по тому же случаю, г. Куторга,) что способъ передавать греческія имена по-Русски древнихъ переводчиковъ Священныхъ книгъ изумляетъ насъ вѣрностію такта. И вообще, чѣмъ раньше вошло въ нашъ языкъ какое-нибудь греческое слово, тѣмъ разумнѣе его писаніе по-Русски. Подобныя слова могутъ вполне служить для насъ нормою.

Относительно произношенія слѣдуетъ по моему мнѣнію, взять среднюю между Рейхлиновыхъ и Еразмовымъ; точнѣе—держаться латинскаго употребленія. Именно: *θ* писать чрезъ *θ*, *ζ* чрезъ *з*, *σ*—*с*, *υ*—*и* и *ε* (въ доегласныхъ,) *η*—*е*; доегласныя—по Рейхлиновски; сильное предыханіе выражать чрезъ *г*. Относительно удареній нужно не столько держаться греческаго ударенія, сколько совѣтываться съ Русскимъ *утомъ*.

Самая сбивчивая до сихъ поръ вещь—передача греческихъ окончаній.

Вообще, мнѣ кажется для образованія Русскаго именит. пад. ед. числа нужно брать *основу*, (но никакъ не греческій именительный падежъ, какъ у насъ многіе до сихъ поръ дѣлаютъ, слѣдуя Нѣмцамъ) и прибавлять къ ней такія русскія окончанія: 1) *ъ* и *й* для именъ мужскаго и (иногда) средняго рода, 2) *а* и *я* для именъ женскаго рода. Потому имена перваго (греческаго) сложенія примутъ по-русски окончанія *а* и *я*; втораго—*ъ* и *й*; третьяго—всѣ эти кончанія, смотря по роду. Прибавлю еще нѣсколько подробностей:

1) Именамъ 1-го скл. на *ας*, *ης*, то есть мужскимъ, по примѣру церковнаго употребленія и по аналогіи латинскихъ именъ: Сулла, Цинна, Катилина, Югурта, слѣдовало бы давать окончанія *а* и *я*. Такъ и дѣлаетъ г. Куторга. И въ самомъ дѣлѣ: если мы говоримъ и пишемъ Сулла, Цинна, и пр.; потомъ: Никита, Тома, Исаія, Іеремія; даже Свидя, Дука, Зовара (имена греческихъ писателей:) то почему же не писать: Архита, Скопа, Пифагора, Павсанія? Если ужъ мы слишкомъ привыкли къ Пифагору, Павсанію, то все-таки можно давать окончанія *а* и *я* хоть тѣмъ словамъ, къ которымъ мы еще не прислушались. Еще памятна мнѣ чрезвычайно горячая выходка одного журнала (лѣтъ пять тому назадъ) по случаю этого и другихъ нововведеній, (точнѣе, поновленій, возобновленій стараго) г. Куторги; выходка, доказавшая только, что рецензентъ вовсе не знаетъ греческаго языка: онъ, въ просторѣ души, воображалъ, что г. Куторга хочетъ *всплзъ* греческимъ именамъ дать окончанія *а* и *я* (Алексія вм. Алексѣй, Василія вм. Василій и т. д....) Впрочемъ русскій человекъ смѣлъ: онъ рѣдко откажется судить и рядить о томъ, чего не знаетъ.

2) Именамъ средняго рода 2-го скл. давать по-русски окончанія *ъ* и *й*: гимнасій, Регій, проскеній, сколій, столій (по примѣру: елей).

3) Для именъ 3-го скл. мужскаго рода брать основу и прибавлять *ъ*: Кекронъ, Корахъ, Скилакъ, Гиппонахъ, Кебетъ, Кратетъ, Фліунтъ, Алексидъ, Теогвидъ, Лахетъ, Эвполидъ, Оамиридъ, и т. д.

3) Для именъ 3-го скл. женскаго рода брать основу и прибавлять окончаніе *а* или *я*: Димитра, сѣинга (сѣинксъ), Ирида, Лаида, (по примѣру: фалавга, лампада, икона). Словомъ, сложеннымъ съ *πόλις*, давать окончанія или *λις* (по примѣру: митрополія) или *ας* (по примѣру: Неаполь): Скитополь, или Скитополія.

ως муж.—*ой*: герой

ως, *ω* жен.—*оя* Летоя, Алфитоя. (Сафо трогать нельзя уже: это имя получило у насъ давно гражданство, хорошо всѣмъ извѣстно).

Ευς—*ей* (по примѣру: Орфей, Персей, грамотѣй).

иς (ιος въ род.)—йй: Сіеннесій.

4) Односложныя слова можно допустить: да они иногда и допускаются; такъ и въ книгѣ г. Деллена находимъ: Линъ, Евклъ, Крекъс, Лазъ (Ласъ). Тѣмъ непонятнѣе, почему иные то допускають ихъ, то избѣгаютъ.

5) Наконецъ букву э, по моему мнѣнію, или вовсе не слѣдуетъ употреблять,—во всѣхъ словахъ и во всѣхъ слогахъ, и въ началѣ слова, и въ срединѣ, и въ концѣ. Дѣло ясное: наше е мягче французскаго, нѣмецкаго, латинскаго, греческаго, вообще иностраннаго е. По тому напишите ли вы Эсхиль, или Есхиль, Эгипетъ, или Египетъ, русскій человѣкъ произнесетъ е все-таки по своему. Къ чему же употреблять букву э? Еще непонятнѣе, по чему въ началѣ однихъ словъ пишутъ э, въ началѣ другихъ е. Я думалъ сперва, что греческое е долгое выражаютъ русскимъ э. И то не вездѣ соблюдается: такъ у г. Деллена: Эретрійскій, тогда какъ по-гречески э краткое. Да и зачѣмъ намъ выражать долготу или краткость греческаго слова? И почему относительно е выражать, относительно другихъ главныхъ не выражать? И относительно самого е: почему долготу его обозначать *только въ началѣ* словъ? По моему мнѣнію, и проще, и разумнѣе употреблять одно е.

Знающій читатель замѣтитъ, что въ замѣткахъ моихъ нѣтъ ни полноты, ни системы. Я и не хотѣлъ ни того, ни другаго: хотѣлъ только вызывать другихъ на соображенія объ этомъ предметѣ. Опять повторяю, намъ нужно положить коонецъ существующей по сіе время неурядицѣ въ писаніи греческихъ (и вообще иностранныхъ), нужно уяснить и постановить общія правила для этого дѣла. О.

ОВЪ ИДЕАЛЬНОЙ ОСНОВѢ, СВОЙСТВАХЪ И ВИДАХЪ ИЗЯЩЕСТВА. Рѣчь, читанная Проф. К. Зеленецкимъ, въ торжественномъ собраніи Одесскаго Ришельевскаго лицея. Одесса, 1851 г.

Не въ малое затрудненіе поставлены бы мы были, если бы требовалось сказать положительное наше мнѣніе о томъ, хороша ли эта книжка или нѣтъ? Прочтите ее отъ начала до конца. Вы встрѣтите мысли, правда не новыя, но, по большей части, довольно справедливыя. Вы узнаете напр. отсюда, что эстетика происходитъ отъ греческаго слова *αἰσθητικὴ*, и что духъ нашъ простъ, не сложенъ, и единиченъ: далѣе васъ убѣдятъ вновь, что «подобно истинѣ и дѣяніямъ блага,

искусство служить само себя цѣлью», а изящное произведение заключаетъ въ себя «два начала, или, выражаясь вѣрнѣе, двѣ стороны. Это *идея*, помысль, и ея *форма*, образъ.» О стилѣ можно узнать даже и нѣчто новое, а именно, слѣдующее: «изъ разнообразныхъ формъ стиля можно замѣтить два, наиболѣе общія. Это *суровость*, когда художникъ созерцаетъ и воспроизводитъ жизнь съ ея темныхъ сторонъ; какъ-то Клитемнестра Эсхила и Леди Макбетъ Шекспира, и свѣтовидность, когда жизнь эта является въ образахъ свѣтлыхъ, постоянно отображающихъ чистую лазурь неба и благодати, какъ у Рафаеля, Гвидо Рени и Шекспира.» Но мы бы отняли много времени у нашихъ читателей, если бы захотѣли выписать всѣ справедливыя или оригинально выраженные мысли, которыхъ очень много въ рѣчи г. Зеленецкаго; она почти вся состоитъ изъ мыслей того или другого рода.

Принимая въ соображеніе такое количество справедливаго, конечно было бы очень странно сказать положительно, что разбираемая нами книжка не имѣетъ достоинствъ. Не лзя назвать дурною такой книжки, гдѣ встрѣчаются мысли читанныя вами прежде въ другихъ хорошихъ сочиненіяхъ, трактующихъ однородный предметъ, особенно, когда эти мысли не схвачены кое-какъ, безъ совершеннаго знанія дѣла, но размышлены и связаны между собою съ извѣстною ловкостью. Но поверните дѣло съ другой стороны, попробуйте спросить себя, съ какою цѣлью появилась на свѣтъ эта книжка, какое новое, живое слово сказала она намъ, и, перебирая въ умѣ все вычитанное вами изъ рѣчи г. Зеленецкаго, вы едва ли найдете что-нибудь отвѣчающее на этотъ вопросъ. И еще болѣе поставлены вы будете въ недоумѣніе, когда припомните громкое обѣщаніе автора «изложить въ видѣ опыта жизненную связь всѣхъ проявленій изящнаго съ разными условіями, сторонами и направленіями нашей духовной дѣятельности.... прослѣдить, *путемъ собственныхъ выводовъ*, и съ возможною послѣдовательностью за происхожденіемъ изящества въ организмъ нашей мысли и за всѣми развѣтвленіями и видами, которые принимаетъ оно, вступая въ область искусства.» Странно и досадно станеть вамъ, когда подумаете, какіе важные вопросы разрѣшались въ томъ, что вы читали, какія глубокія идеи развертывались передъ вами, а вы не сумѣли даже ихъ замѣтить. Въ досадѣ на себя принимаетесь вы за вторичное чтеніе рѣчи, и опять начинается какая-то странная фантазмагорія. Слышите вы разныя весьма справедливыя мысли, встрѣчаете разсужденія о вопросахъ чрезвычайной важности; но кончили книгу, и куда дѣвалось все это? Ничего крѣпкаго, прочнаго, ничего такого, чтобы зашевелилось въ душѣ вашей, чтобы навело васъ

на другіе вопросы, на размышленіе, — нѣтъ, какъ нѣтъ. Тогда наконецъ вы уже перестаете обвинять себя и обращаете вашу досаду на самую книжку. Васъ интересуетъ вопросъ, въ чемъ состоитъ это хитрое искусство говорить громкія и кажется дѣльныя вещи, и не сказать почти ничего такого, что бы запало въ душу? И узнаете вы, что это искусство состоитъ въ умѣнїи передавать результаты, добытые чужою мыслию, результаты, которые только усвоены, но не пережиты самимъ авторомъ, не повѣрены имъ съ жизнью и опытомъ. Отъ того и недостатокъ того живаго колорита, который сообщается всему оригинально, самобытно изобрѣтенному, или по крайней мѣрѣ прочувствованному и повѣренному въ такой степени, чтобы оно казалось собственнымъ, личнымъ дѣломъ автора. Конечно и не легкое дѣло прослѣдить всѣ выводы эстетики тѣми самыми естественными путями, которыми добываются вообще самостоятельныя мысли, и много соблазна въ существующей теперь возможности рѣшать самыя высшія вопросы искусства по готовымъ даннымъ: но счастливъ тотъ, кто не поддался этому соблазну, а рѣшился лучше изслѣдовать самъ, какую-нибудь, хотя бы и ограниченную сторону въ избранной имъ сферѣ, но за то имѣть въ этомъ случаѣ непосредственныя сношенія съ самимъ дѣломъ и во всякомъ случаѣ добыть нѣчто живое и плодотворное для науки.

И не лѣзя пожаловаться, чтобы современная дѣйствительность, хоть бы наша изящная литература напр., не представляла интереснаго предмета для подобныхъ изслѣдованій; не лѣзя сказать также, чтобы эта молодая еще, но уже своеобразная и стремящаяся къ самостоятельности литература, не стоила попытки подвести подъ законы тѣ особенныя процессы творчества, которые въ ней выразились: и такія попытки имѣли бы живой, современный интересъ и могли бы съ пользою дѣйствовать обратно на самое творчество. Но уклоняются еще у насъ съ какимъ-то упорствомъ отъ подобныхъ, кажущихся мелкими, изслѣдованій, и какъ будто искусственно держатся въ эстетикѣ на тѣхъ недосягаемыхъ высотахъ самаго послѣдняго отвлеченія, откуда въ самомъ дѣлѣ представляется ничтожною и мелкою вся художественная дѣятельность современнаго человѣчества. Прошу покорно, напр., повѣрить, что прочтенный вами прекрасный романъ или повѣсть принадлежать въ самомъ дѣлѣ къ художественнымъ произведеніямъ, послѣ того, какъ раскрытъ какой-нибудь эстетическій трактатъ, вы читаете въ немъ такъ описанный процессъ творчества:

«Въ созданіи идеала участвуютъ три силы духа. Это наблюдательный умъ, изящное чувство, называемое такъ для отличія отъ чувства

нравственнаго и физическаго, и наконецъ фантазія. Всѣ они въ сущности суть тотъ же духъ, только наблюдательностью ума онъ усматриваетъ міръ явленій, ихъ высшее, сокровенно истинное знаменованіе. Силою изяшнаго чувства онъ устремляется въ самаго себя и созерцаетъ близость своего лица съ этимъ знаменованіемъ. Это созерцаніе проливаетъ особенную сладость въ бытіе его. Это трепетная радость наслажденій сердечныхъ. Наконецъ, силою фантазіи онъ выноситъ изъ глубины своей это созерцаніе, и, облекая его въ пересозданныя формы дѣйствительности, сознаетъ уже его въ опредѣленномъ образѣ. Такимъ образомъ происходитъ идеаль.»

Или, напр., такое описаніе внутренняго, духовно-художественнаго процесса:

«Художникъ углубляется въ самого себя. Въ себѣ самомъ уже, въ своей умственной сферѣ, обрѣтаетъ онъ первообразъ той идеи, которую созерцалъ во внѣшнемъ мірѣ. Постигая этотъ первообразъ, онъ ищетъ для него формъ, ибо формы дѣйствительности, хотя намекнули ему о немъ, но сказали слишкомъ мало, и потомъ остались какъ бы равнодушными къ нему и безгласными. Между тѣмъ выразить этотъ первообразъ художнику необходимо. Иначе мысль, зародившаяся въ немъ, будетъ тревожить его, какъ нѣчто такое, что возникло въ немъ, но не отдѣлилось отъ безразличнаго содержанія его жизни, не признано имъ. Это болѣзненное состояніе души художника продолжается до самой минуты созданія. Оно подобно болѣзненному состоянію матери, предощущающей рожденіе младенца. Душа художника должна родить нѣчто, ибо это нѣчто уже зародилось въ ней. Это моментъ самоуглубленія. Здѣсь-то загараются восторгъ и одушевленіе. Художникъ съ трепетомъ въ груди и пламенемъ въ сердцѣ, горитъ нетерпѣніемъ и хватается перо или кисть.»

Не объясняя ничего для тѣхъ, кто не знаетъ дѣла изъ лучшихъ источниковъ, подобныя описанія творчества, имѣющія претензію представлять нѣчто какъ бы въ самомъ дѣлѣ подмѣченное и съ точностью изображенное, кажутся намъ положительно вредными. Иной, повѣривъ имъ на слово, подумаетъ пожалуй, что въ самомъ дѣлѣ безъ всѣхъ этихъ операций невозможно создать ничего положительно хорошаго, и станетъ съ презрѣніемъ смотрѣть на произведенія, нравящіяся его непосредственному чувству, но по всей вѣроятности не прошедшія черезъ всѣ изображенные выше моменты. Ни съ чѣмъ неужно обходиться такъ осторожно, какъ съ тѣми въ высшей степени отвлеченными идеями, которыя имѣютъ неотъемлемое и важное достоинство на своемъ

мѣстѣ, и для человѣка, желающаго проникнуть въ самыя глубокія тайны искусства, но которыя отрывочно и безъ строгой системы высказанныя только озадачиваютъ и запутываютъ. Принимая въ соображеніе этотъ очень важный недостатокъ рѣчи г. Зеленецкаго, а также туманность изложенія, и наклонность его къ составленію громкихъ фразъ, напоминающихъ искусство витійства, мы не можемъ не сказать, что считаемъ ее явленіемъ, имѣющимъ весьма мало цѣнности.

Не представляя самобытнаго изслѣдованія, вносящаго новую мысль въ науку, она не представляетъ также и достоинствъ критической оцѣнки предшествовавшихъ мнѣній о томъ же предметѣ, ни наконецъ до послѣдней простоты и ясности доведеннаго изложенія, хотя бы и другими выработаннымъ, но установившагося въ наукѣ мнѣніи. Но всего менѣе нашли мы въ книжкѣ г. Зеленецкаго тѣхъ собственныхъ выводовъ, о которыхъ упоминается во введеніи.

Птичья или вѣгская охота и искусственныя охоты, съ присовокупленіемъ охотъ посредствомъ облавъ, съ загонщиками, и охоты съ филиномъ на хищныхъ птицъ. Съ картинками. Сост. *А. Вѣнецславскимъ*. Спб. 1851. Стр. III и 166 въ 16 д. л.

Въ незапамятныя времена, когда человѣкъ плохо зналъ цивилизацію, охота доставляла ему одно изъ главнѣйшихъ средствъ къ существованію; во охотился онъ просто, безъ всякой системы. Потомъ, съ успѣхами гражданственности, съ увеличеніемъ средствъ жизни, когда не было уже никакой необходимости бродить по лѣсамъ изъ-за куска пищи, человѣкъ началъ охотиться болѣе для забавы, нежели для необходимости, развлекая этимъ свой праздный досугъ; въ это время составились подробныя правила для охоты; изъ промысла она возвысилась на степень искусства, сдѣлалась необходимою принадлежностію извѣстнаго класса, вошла въ курсъ воспитанія юношества, и охотничьи подвиги сравнивались иногда съ военными.... Въ наше время, у человѣка появилось столько развлеченій, дѣловыхъ и недѣловыхъ, что охотѣ пришлось занять между ними самое скромное мѣстечко. Да и охотиться стало почти негдѣ: лѣса перевелись, а тѣ, что еще уцѣлѣли, требуются для паровыхъ машинъ; и звѣря, и дичи стало меньше.... Охота измѣлчала, о прежнихъ великолѣпныхъ охотничьихъ поѣздахъ и слуху нѣтъ: пять своръ собакъ и арсеналъ, состоящій

изъ полудюжины оружій, включая сюда патронташъ и болотные сапоги, считаются уже роскошью, — а между тѣмъ наше время все-таки не перестаетъ охотиться и даже издаетъ руководства по части охоты. Эта литература «спорта» считается и на Русскомъ языкѣ нѣсколько хорошихъ сочиненій, между которыми труды г. Вѣнцеславскаго пользуются особенною извѣстностію. Новое его сочиненіе заключаетъ въ себѣ довольно подробное изложеніе такъ называемой егерской охоты. Здѣсь описаны и принадлежности этой охоты (собаки, ружья), и цѣль ея (птицы въ охотничьемъ отношеніи), и самые способы производства охоты: на дичь лѣсную, болотную, береговую и полевою; потомъ представлена охота съ чучелами на утокъ и тетеревей, за утками на стойкахъ, на фазановъ, и проч. Все это изложено ясно и обстоятельно, такъ что, теперь, по милости книги г. Вѣнцеславскаго, дичи грозитъ систематическая война и вѣрная смерть отъ руки тѣхъ, кто прочтетъ эту книгу. — Кромѣ егерской охоты, авторъ говоритъ еще: о ружейной охотѣ съ гончими, о лазѣ звѣрей, о стрѣляніи по лисицамъ, волкамъ, медвѣдямъ, вепрямъ, дикимъ козамъ, оленямъ и лосямъ, объ охотѣ за зайцами по порошѣ и въ засѣдку, о ловлѣ звѣрей капканами, объ облавахъ, объ охотѣ съ филиномъ на хищныхъ птицъ, посѣщающихъ птичьи дворы, и наконецъ объ искусственныхъ охотахъ. И это все очень хорошо. Только картинки, приложенныя къ книгѣ, могли бы быть гораздо лучше.

ТАБЛИЦЫ ДЛЯ ВЫЧИСЛЕНІЯ ПРОЦЕНТОВЪ на денежные капиталы, изданныя С. Усовымъ. Изд. 2-е. Спб. 1851. Стр. 132 въ 12 д. л.

Для того, кому тепло на свѣтѣ жить, кому судьба положила на зубокъ или дала въ послѣдствіи не одно желаніе счастья, — для того таблицы эти могутъ быть довольно полезны, потому что, посредствомъ ихъ, не прибѣгая къ сложнымъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ, можно скоро вычислить какіе угодно проценты на какой угодно капиталъ и за какое хотите время, начиная отъ одного дня до 50 лѣтъ. Кромѣ того, здѣсь же находятся таблицы для вычисленія процентовъ по билетамъ Государственнаго Казначейства (серіямъ), и таблицы займовъ для вычисленія платежа процентовъ и капитала по займамъ въ кредитныхъ установленіяхъ. Въ заключеніе прибавлены относящіеся къ этимъ предметамъ уаконенія.

Сокращенныя либретто оперъ (,) исполняемыхъ на нашей Итальянской сценѣ. Спб. 1851 г.

Книжка эта не подлежитъ разбору, и относится къ литературѣ точно также, какъ программы балетовъ, которыя продаются на театральномъ подъездѣ. Интересно бы было прослѣдить судьбу этой книжки въ Москвѣ. У насъ есть кругъ читателей, которые цѣнятъ книги по мѣрѣ непонятности содержанія и неудобопроизносимости именъ дѣйствующихъ лицъ. Составлявшій эту книгу для посѣтителей Итальянскаго театра можетъ быть и не подозревалъ о существованіи такого рода читателей, которые, съ своей стороны, прочтутъ ее съ большимъ чувствомъ, точно также не подозревая, что авторъ доставилъ имъ это удовольствіе ненарочно, и что книга эта вовсе не для чтенія.

Библиотека для Чтенія. Августъ и Сентябрь.

Въ 8-мъ номерѣ «Библиотеки для Чтенія» помѣщена драма Шекспира «Цимбелинъ» въ переводѣ г. Данилевскаго. Гервинусъ замѣчаетъ, что въ содержаніи «Цимбелина» заключаются собственно три отдѣльныя цѣлыя происшествія, или части. Къ первой части онъ относитъ войну изъ-за платежа дани между Британіей и Римомъ: эту сторону своей драмы Шекспиръ заимствовалъ изъ хроники Холиншеда. — Цимбелинъ, по словамъ Холиншеда, царствовалъ въ Британіи во времена Августа-Цезаря и имѣлъ дѣйствительно двухъ сыновей, Гвидерія и Арвирага. — Ко второй части, ко второму происшествію драмы, Гервинусъ относитъ судьбу сыновей Цимбелина. Источниковъ этого факта никто не знаетъ: онъ, по всей вѣроятности, созданъ фантазіею великаго поэта. — У Шекспира выведено замѣчательное лице Белларія, вельможи и полководца, впавшаго невиннымъ образомъ въ опалу и изгнаннаго изъ Британіи. Белларій похищаетъ двухъ сыновей Цимбелина, воспитываетъ ихъ въ лѣсу, и вмѣстѣ съ ними оказываетъ королю великія услуги во время битвы его съ Римлянами. — Къ третьему и интереснѣйшему происшествію драмы Гервинусъ относитъ романъ Постума и королевской дочери Имоджены. — Это замѣчаніе Гервинуса мы почерпнули изъ примѣчаній, сопровождающихъ переводъ г. Данилевскаго. — Г. Данилевскій приводитъ между прочимъ мнѣнія о переведенной имъ драмѣ двухъ знаменитыхъ критиковъ, Газлитта и Гервинуса. —

примѣчаніяхъ очевидная: у насъ существуетъ крайній недостатокъ въ истинномъ повиманіи Шекспира, въ критической оцѣнкѣ его произведеній. — Весьма многіе, чтобъ не сказать, большая часть нашихъ поклонниковъ Шекспира признають его великимъ художникомъ на вѣру, отъ стыда прослыть невѣждами и. т. д. — Поэтому всякое дѣльное замѣчаніе о Шекспирѣ, всякое изслѣдованіе, раскрывающее нашей публикѣ тайны его творчества, заслуживаетъ полной благодарности, тѣмъ болѣе, что понятія объ искусствѣ у насъ очень запутаны, и отъ того требованія отъ изящныхъ произведеній стали чрезвычайно произвольны и несогласны. — Посмотрите, какъ свободно говоритъ объ искусствѣ Новый поэтъ; вѣдь, это ужасъ! Мы думаемъ, что ближайшее знакомство съ Шекспиромъ подѣйствовало бы значительно на вкусъ нашей публики и положило бы конецъ циническимъ выходкамъ противъ самыхъ существенныхъ условий искусства, которыя, при настоящихъ литературныхъ понятіяхъ, проходятъ едва не безнаказанно, и, рѣдко кого оскорбляютъ. — Переводъ г. Данилевскаго имѣетъ достоинства, есть въ немъ мѣста довольно хорошія. — Мы признаемъ талантъ въ г. Данилевскомъ, и надѣемся, что наша литература будетъ имѣть въ немъ полезнаго дѣятеля; но со всѣмъ тѣмъ не можемъ не замѣтить ему, что онъ взялся рано за такое серьезное дѣло; что для того, чтобъ переводить Шекспира, надобно лучше выдѣлать стихъ, надобно вообще дойти до болѣе власти надъ языкомъ. — Мы нисколько не сомнѣваемся, что, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, при дальнѣйшемъ сближеніи съ русскимъ словомъ, г. Данилевскій самъ будетъ доволенъ своимъ переводомъ и пожалѣетъ, о своей поспѣшности. — Переводъ Шекспира — дѣло первой важности, имъ можно приобрести себѣ вѣчное имя въ исторіи отечественной литературы; и потому мы отъ души совѣтовали бы г. Данилевскому развить на чемъ либо другомъ свои средства, чтобы потомъ съ честію употребить ихъ для передачи русскому народу твореній величайшаго въ мірѣ драматурга.

Въ Сентябской книжкѣ, въ отдѣлѣ Русской Словесности, помѣщено шесть писемъ Лондонскаго корреспондента «Библіотеки для Чтенія», г. Оомы Шау, о всемірной выставкѣ. Въ этихъ письмахъ г. Оома Шау, передаетъ русской публикѣ, т. е. читателямъ «Библіотеки», только нѣкоторыя изъ впечатлѣній, произведенныхъ на его умъ выставкой, говоря, что для подробнаго описанія «этого дивнаго зрѣлища надлежало бы имѣть сто языковъ желѣзныхъ, которыхъ желалъ Гомеръ и легкія изъ мѣди несокрушимой.» Хотя г. корреспондентъ всею сослался на Гомера, никогда не желавшаго ста желѣзныхъ и

вообще никакихъ металлическихъ языковъ, хотя языкъ его писемъ довольно дурень, но всемірная выставка принадлежитъ къ числу такихъ событій, о которыхъ всякое извѣстіе принимаешь съ участіемъ.

«Вѣтка Фуксинъ», повѣсть г-жи Анны Гернеръ. Она начинается разговоромъ двухъ молодыхъ кузинъ, открывающимъ читателю взглядъ этихъ молодыхъ дѣвушекъ на вещи:

— Да, Ольга, я хочу повелѣвать — и не любить.

— А я, Вѣра, готова повиноваться, лишь бы любить и быть любимой.

— Конечно, чтобъ сдѣлаться рабой своего мужа?

— Зачѣмъ рабой? почему не другомъ! Отъ покорности до рабства еще далеко.

— Повѣрь — одинъ шагъ; ты думаешь престранно, будто родилась въ давно-минувшемъ вѣкѣ теремовъ и затворничества, когда дѣвушки не умѣли и не смѣли разсуждать. Нѣтъ! я *достойная дочь девятнадцатаго столѣтія*, и, пожалуй, не откажусь выйти за мужъ, если открою въ своемъ суженомъ способность повиноваться женѣ.

— Эта способность унижаетъ достоинство мужчины, Вѣра. Онъ долженъ быть главой семейства, съ твердой душой и волей, и только такого мужа можно любить съ уваженіемъ.

— Я и не намѣрена ни любить, ни уважать и т. д.

Въ такомъ направленіи продолжается между двумя кузинами разговоръ, въ которомъ обрисованы подробно и ясно ихъ противоположныя стремленія и цѣли. — Убѣжденія Вѣры, яко бы *достойной дочери девятнадцатаго столѣтія*, ведутъ ее къ несчастію въ жизни, а понятія Ольги, покорной и понимающей обязанности женщины, пристраиваютъ ее за хорошаго человека, котораго она любитъ, и съ которымъ счастлива. — Г-жа Анна Гернеръ имѣла, какъ видитъ читатель, свою цѣлю сказать что-то противъ современныхъ жевшигъ, представляя ихъ въ образѣ своей Вѣры; но что же вышло? За ошибки современности должно браться, зная ее основательно, въ такомъ только случаѣ можно быть ей полезнымъ, руководить ее, уяснить ей неясныя для нея вопросы; а съ такой простодушной и вѣсѣмъ извѣстной моралью нячего не сдѣлаешь, при всей благонамѣренности.

Объ Пенденнискъ, какъ замѣчательнѣйшемъ произведеніи современной

Европейской литературы, мы надѣемся сказать свое слово, въ свое время; теперь замѣтимъ только, что переводъ г. Грека не хорошъ, вопреки благосклонному отзыву того журнала, гдѣ романъ Теккерея переводится очень хорошо.

Въ отдѣлѣ «Наукъ и Художествъ» тѣнется рядъ статей подъ заглавіемъ «Художественная выставка рѣдкихъ вещей». «Итальянскіе поэты прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія» — статья, слишкомъ-молодо написанная; въ ней говорится нѣчто о девяти итальянскихъ поэтахъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія, но говорится, что попало: обозначается годъ рожденія поэта, нѣсколько словъ объ его жизни, потомъ какая-нибудь цитата, тѣмъ и дѣло кончается. — Читатель не найдетъ здѣсь сколько-нибудь удовлетворительнаго изображенія Итальянской литературы этого времени, ни опредѣленія того значенія, которое имѣли въ ней подлежащія разсмотрѣнію поэты.

Въ отдѣлѣ «Критики» разобрана въ осьмомъ номерѣ «Учебная русская грамматика Николая Греча (для учащихся) и Руководство къ преподаванію по «учебной грамматикѣ» Николая Греча (для учащихся). Уморительнѣйшая изъ статей, которая когда-либо случилось читать человеку. Начинается она слѣдующими разительными словами: «Послѣ Карамзина никто, конечно, изъ нашихъ литераторовъ не оказалъ столько «услугъ русскому языку, какъ Н. И. Гречъ.»

Далѣе: «Карамзинъ вдругъ заговорилъ совершенно новымъ, стройнымъ, легкимъ и могущественнымъ языкомъ, и современники пришли въ восторгъ отъ его рѣчи; Гречъ первый *вызвался* выучить всѣхъ «говорить и писать по-карамзински. Онъ первый успѣлъ подмѣтить «почти незамѣтныя особенности этой рѣчи, и первый успѣлъ изложить «правила карамзинскаго языка съ неимоверною простотою. Этимъ Гречъ «доставилъ каждому изъ насъ возможность основательно и безъ особеннаго труда нѣучиться своему языку и выражаться имъ (?) легко, правильно (будто правильно ?) и толково.»

Далѣе: «Въ теченіи цѣлой четверти столѣтія (съ 1826 по 1851 г.). «Гречъ *одинъ* подвизался у насъ на невоздѣланномъ полѣ русской «Филологіи.»

Про теорію словесности, составленную г. Гречемъ, рецензентъ говорить такъ:

«Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія ни Франція, ни Англія, «ни сама даже Германія не могли (слѣды вліянія г. Греча) похва-

«литься курсомъ словесности полнѣе курса словесности Греча.» Испанія съ Португаліей тоже не могли. Но милѣе всего отзывъ рецензента объ «Опытѣ Исторіи русской литературы» г. Греча. «До Греча, говоритъ онъ, у насъ не было и помину кобъ исторіи русской литературы, которая считалась дѣломъ свѣше, не человѣческимъ...,» Далѣе: «Особенная же его заслуга состоятъ въ томъ, что онъ, по какому-то необъяснимому чутью, умѣлъ отыскивать ни кому не извѣстные тогда «матеріалы; умѣлъ съ *нибуrowsкою* (это называется: во всю) догадливостію оцѣнить «нашихъ древнихъ писателей и т. д. «Этотъ трудъ Греча явился въ 1820 году, и въ свое время явленіе его было *необычайно, не объяснимо.*

Однимъ словомъ, такой рецензіи намъ отъ роду не приходилось читать. Рецензентъ, должно быть, очень веселый человѣкъ и въ обществѣ любить пошутить. Но каково же г. Гречу? такое положеніе, въ которое добрый, но не ловкій рецензентъ его поставилъ, вызываетъ крайнее наше участіе. — «La patience — c'est le génie!» говоритъ рецензентъ, явно относя это къ предмету своей страсти; какъ же это покажется людямъ, свободнымъ отъ страсти къ г. Гречу. — Изъ-за г. Греча ужасно досталось журналамъ, которые охладили публику къ «заслуженному ветерану — наставнику» порицаніемъ его неумѣстнаго пуризма и вообще безстрастной оцѣнкой его дѣятельности. — «Нѣкоторые журналы, говоритъ рецензентъ, начали свои подвиги съ Греча и кончили Карамзинымъ. И все, что такъ дорого русскому сердцу, все, чѣмъ такъ «гордились наши отцы, чему такъ удивлялись самые иностранцы и т. д. «— все это осмѣяно и обезображено съ самыми низкими цѣлями.... «И на мѣсто Ломоносовыхъ, Карамзиныхъ, Жуковскихъ, Гречевъ «выступали какія-то блѣдныя тѣни.» Правда, наша литература обезславилась выходками, неуважительными къ нашимъ литературнымъ преданіямъ, но все это, мы бы желали думать, шло не изъ низкихъ, т. е., промышленныхъ цѣлей, но больше по неопытности. За чѣмъ же однако рецензентъ рядомъ съ Ломоносовымъ, Карамзинымъ и Жуковскимъ ставить своего идола? Шутка шуткой, а это, просто, литературное кощунство, и такихъ выходокъ мы, помнится, не встрѣчали ни въ одной изъ самыхъ рѣшительныхъ рецензій. — Г. Гречъ имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства въ нашей литературѣ; Критика, нынѣ слишкомъ пристрастная противъ него, оцѣнить ихъ со временемъ, но никто не ругался надъ нимъ, съ такою силою, какъ нынѣшній Рецензентъ Библиотеки для Чтенія.

Въ заключеніе рецензентъ говорить: «Васъ, вѣрно, удивляетъ, отчего я такъ *безпристрастно* (браво!) говорю о трудахъ Греча и защищаю его отъ нападокъ..... Гречъ не сдѣлалъ мнѣ ничего дурнаго — отчего же не высказать своего личнаго убѣжденія о заслугахъ, оказанныхъ имъ нашему языку?»

А если бы г. Гречъ сдѣлалъ вамъ что-нибудь дурное, г. рецензентъ?

Печатать позволяется. Москва, Ноября 4 дня, 1851 года.

Цензоръ Д. Рожевскій.

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 22.

Ноябрь.

Кн. 2.

Н О В Ы Я ГРЕЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. О. ЩЕРБИНЫ.

(1850—1851.)

I.

СИМПОСІОНЪ.

На пурпурныхъ мы ложахъ сидѣли,
Разсыпали гетеры вамъ ласки,
Іонійскія пѣсни мы пѣли
И Милетскія слушали сказки.
Ужъ не-разъ разносился въ амфорахъ
Оживляющій сердце напитокъ,
И въ немолчныхъ лился разговорахъ
Откровеній весѣлыхъ избытокъ;
И блистали свѣтильники пира,
И туманъ благовоній носился....
Издали намъ слышалась лира,
И серебряный голосъ разлился.

Колыхаяся въ лёгкихъ движеняхъ,
 Въ полубѣгѣ или въ полупляскѣ,
 Выступали подъ тактъ пѣснопѣнья
 Плясуны, скоморохи и маски.
 Съ ними мальчикъ явился прекрасный,
 Будто Эросъ—питерскій малютка:
 Онъ то пѣлъ, то плясалъ онъ такъ страстно,
 То шутилъ граціозною шуткой....

— Что ты спряталъ на грудь подъ гиматій?...
 Что такъ выпукла грудь молодая!...

.

Или спряталъ ты кисть винограда?...
 Такихъ формъ—призываю Зевеса!—
 Никогда не видала Эллада,
 Не писала рука Апеллеса!
 Всё такъ стройно: и плечи.... и руки,
 Что желаютъ глаза осязанья!...
 Мнѣ съ тобою и Тантала муки,
 И боговъ золотыя желанья!

— «О, невѣрный, холодный, жестокий!
 Разлюбилъ ты свою Автоною....
 Цѣлый годъ я жила одинокой:
 Цѣлый вѣкъ не видалась съ тобою.
 Я къ толпѣ скомороховъ пристала,
 Не боялась глухой этой ночи....
 Наконецъ-то тебя увидала!—
 Не насмотрятся жадныя очи,
 Не налюбится сердце съ тобою!
 Я не мальчикъ.... Сними мой гиматій:
 Посмотри на свою Автоною....
 Я хочу поцѣлуевъ, объятій!...»

.

1850.

II.

СКУЛЬПТОРУ.

Н. А. Р.....ву.

Какъ у себя я въ твоей мастерской, о, ваятель-художникъ!
 Какъ-то привольно душѣ межъ боговъ и героевъ;
 Молодъ я сердцемъ тогда, говорю откровенныя рѣчи,
 Къ дѣтству людей возвращаюсь, сближаюсь съ природой.

Какъ ты искусно поставилъ свою Афродиту и Вакха
 Въ зелени тѣмной плюща между гроздь и сезама: —
 Кажется, будто Киприда ко мнѣ простираетъ объятья,
 Въ полномъ блистаньи своей красоты всепобѣдной;
 Хочетъ сойти съ пьедестала и Вакхъ-Діонисъ вѣчноюный,
 Дружески руку пожать мнѣ, привѣтствуя юность,
 Что низошла на меня въ созерданьи твоихъ изваяній....

Сколько спокойствія въ этихъ сіяющихъ лицахъ,
 Сколько довольства и жизни, себя навсегда уяснившей!...

Добрый художникъ! я знаю, что близко ты къ музамъ:
 Имъ помолись за меня, — да пошлютъ мнѣ покой и довольство
 Въ душу больную, въ изрытое ранами сердце,
 Да утолю я навѣки немолчно-зовущую жажду
 Къ истинамъ міра, да вижу я всё безъ страданій,
 Мудро на лонѣ покоясь ми чѣмъ несмущаемой мысли.

1851.

III.

ДВА ТИТАНА.

(ОКЕАНЪ И ПРОМЕТЕЙ.)

Разлился ты безконечно,
 Полногрудый Океанъ,
 Злое думающій вѣчно,
 Вѣчно ропчущій Титанъ!

Власть твоя сильна отъ вѣка,
И идѣтъ изъ рода въ родъ:
Но предъ мыслью челоуѣка
Поблѣднѣтъ и падѣтъ....

Необузданная сила!...
Не склонюсь я передъ ней:
Пусть гордится, какъ могила,
Что такъ много поглотила
Мощно-мыслившихъ людей!

Есть другой титанъ могучій,
Твой соперникъ, Океанъ!
Раненъ молніей гремучей,
На скалѣ, покрытой тучей,
Зевсомъ скованный Титанъ.
У него живой любовью
Сердце страстное полно:
Истекающее кровью,
Крѣпко мысляю оно....
И не можетъ Дій суровый
Навсегда, на-вѣкъ замкнуть
Въ некрушимыя оковы
Адамантовую грудь!

Онъ, всемірной власти полнѣй,
По валамъ твоимъ пройде́тъ,
И рукой своей объ волны,
Твой трезубецъ разобѣ́тъ.

1851.

IV.

НАСЛАЖДЕНІЕ ГРЕКА.

Ложе изъ лилій и розъ приготовилъ тебѣ я,
Розы и лиліи эти покрывъ живописно
Тканью пурпурной, обшитой кругомъ бахромою....
Бросься на мягкое свѣжедушистое ложе,
Бросься, какъ рѣзвый ребѣнокъ, и дѣтскія рѣчи
Смѣхомъ обычнымъ своимъ прерывай граціозно.

Жарко тебѣ.... Я достану воды изъ цистерны,
 И оболью тебя влагою Зевса прохладной....
 Стану смотрѣть ненаглядно, какъ струйки и капли
 Будутъ по тѣлу скользить, обвивая любовно
 Станъ твой и плечи и груди,
 Только условье одно предлагаю за это: —

Вдругъ вавилонскихъ одеждъ, персепольскихъ сандалій,
 Тирскихъ запастій—всѣхъ этихъ прикрасъ безобразныхъ
 Не надѣвай ты, пока не изсохнетъ на тѣлѣ
 Капля за каплей, которыя выпьетъ самъ воздухъ....
 Да и къ-чему-жъ измочить дорогія одежды!...
 Другъ мой! Хочу посмотрѣть я глазами поэта,
 Какъ отдѣляется выпукло тѣло отъ ложа,
 Какъ этотъ пурпуръ волнистый отдѣлится ярко
 Отъ близны легкомыслии скульптурнаго тѣла....

Душно тебѣ,—и я вижу, что хочешь облиться
 Свѣжей водою: но только условіе наше
 Твѣрдо держи.... а не то—изорву я одежды,
 И, по' колючимъ кустамъ разметавши запастыя,
 Брошу сандали въ ручей.... Но не вѣрь мнѣ:—шучу я....

Въ это мгновеніе смертный, тебя созерцая,
 Какъ олимпійцы блаженные станутъ блаженнымъ....

О, хорошо намъ!... Не правда-ли?—Яворъ столѣтній
 Сѣнью прохладной раскинулся густо надъ нампъ,
 Такъ-что едва пробивается солнце сквозь зелень;
 Мягкое ложе; на нёмъ возлечь аонянка,
 Бѣлые члены раскинуть изящно, привольно,
 Какъ ей удобнѣй и какъ ей внушаетъ природа.
 Возлѣ насъ портикъ, а въ портикъ видимъ картину
 Славнаго мастера Аттики нашей прекрасной.
 Солнце её освѣщаетъ такъ ясно, что видно
 Даже отсюда всю строгость рисунка, замѣтны
 Мелочи всѣ и подробности всѣ обстановки.
 Статуи грацій и музъ у колоннъ размѣстились,
 И улыбаются нашему счастью оттуда...

Небо Эллады, какъ-будто-бы тая надъ нами,
 Смотрить сквозь воздухъ пахучій на пастъ издалёка.
 Это Эгейское море, слегка подымался,
 Тихо поётъ про себя безконечную пѣсню....
 Видится, плаваетъ островъ зелёный на морѣ,
 Будто зелёный корабль, и, намъ кажется, хочетъ
 Къ гавани нашей пристать, и принести намъ въ подарокъ
 Сладкія фиги свои и миндаль съ виноградомъ....

Вотъ, посмотри-ко на сѣверъ: — лиловыя горы,
 Бѣловершинныя скалы и мраморъ утѣсовъ....

Что-же забылъ про тебя я, о, богъ вѣчноюпый,
 Вакхъ-Діонисъ!.... Привесу поскорѣ амфору
 Съ чистымъ Оазосскимъ виномъ, и съ подругой немного
 Выпьемъ мы, чтобъ поддержались подольше весѣлость,
 Жизнь въ умѣ да и въ тѣлѣ пріятная свѣжесть....

Нимфа, богиня, подруга, малютка, Никдѣ!
 Чтобы дополнить еще наслажденіе наше
 Жизнью, искусствомъ и всей красотой созданья:
 Буду играть я на флейтѣ лидійскія пѣсни,
 Буду читать я творенья Хіосскаго старца....
 Но персдъ тѣмъ воздадимъ мы богамъ благодарность
 За два равно намъ любезные, сладкіе дара:
 Первый нашъ гимнъ мы споёмъ жизнедавцу-Зевесу,
 Гимнъ-же второй Прометею за пламя искусства.

1851.

V.

И Д И Л Л И Я.

О, не тровь её, Аркасъ, молю я:
 То въ распуколкахъ розовый кустъ....
 Не спали-же огнёмъ подалуя
 Этой утренней свѣжести усть!

Ея природа и мать и игрушка,
 Для неё чуть блеснула весна: —

Пусть-же бьгаеть въ-волю рѣзвушка,
Пусть, болтая, хохочеть она.

Еще ягода эта не спѣла, —
Въ ней и соковъ пурпуровыхъ нѣтъ....

.....
.....

Она съ братомъ-малюткой играетъ,
У нея столько дѣтскихъ затѣй,
Что не видитъ она и не знаетъ
Ни желаній твоихъ, ни страстей.

Передъ вею дрожишь ты и млѣешь,
И, краснѣя, смущаешься ты....
Что-же дѣтски любить не умѣешь
Это дѣтство ея красоты!
Жди.... Настанетъ пора золотая,
И созрѣетъ желаемый плодъ:
Своей тяжестью вѣтку склоняя,
Онъ въ корзину Кириды падѣтъ.

1851.

VI.

ХВЛДОНИЗМА.

Всё, сокрытое въ нѣдрахъ творенья,
Всё душъ отвѣчаетъ на зовъ;
Изъ земли возникаютъ растенья,
Пробуждается въ сердцѣ любовь....

∴

И въ груди такъ легко и отрадно!...
Безконечно хотѣлъ-бы я жить,
И, весной упиваяся жадно,
Я хотѣлъ-бы лишь пѣть да любить!

∴

И на лонѣ жены русокудрой,
Полногрудной коринеской жены

Наслаждаться бесѣдою мудрой,
Увѣнчавшись цвѣтами весны,

∴

На нѣе, какъ на образъ, природы
Горячо и разумно взирать: —
Съ нею воздухъ, свѣтила и воды
Будутъ мыслью и страстью дышать.....

∴

Иль подъ говоръ ея тихострунный
Всѣ дремать, не смыкая очей,
Иль заснуть, и косою златорунной
Свои вѣки закрыть отъ лучей.

1850.

VII.

КОСМОС.

Вѣрю, я безсмертенъ !
Въ атомахъ вселенной
Я ужъ зарождался,
Съ вѣчной жизнью Зевса,
Въ мысли Зевса жилъ я.....
Жизненная влага
И пылинки персти
Первыхъ дней созданья
Слиты въ атомъ тѣль.....
И ужель не буду
Въ мірѣ вѣчно жить я,
Съ этимъ вѣчнымъ міромъ —
Образомъ всевѣчной,
Некрушимой мысли?
Развѣ заронился
Втунѣ хоть единый
Солнца лучъ на землю? —
Или не возникъ онъ,
Въ ней преображенный
Цвѣтомъ ароматнымъ

Въ изумрудныхъ листьяхъ ?
 Иль, въ дыханьи зноя,
 Съ чашечки распвѣта
 Не упалъ на землю
 Радужною пылью,
 И съ землёй не слился
 Въ вѣчныхъ превращеньяхъ?...

VIII.

ПРЕДЪ СТАТУЕЙ АФРОДИТЫ.

Эти груди, плечи, руки
 Если можешь ты облечь
 Въ ярко-видимые звуки,
 Въ осязаемую рѣчь,
 Если созданное стройно
 Проксителевымъ рѣзцомъ
 Передашь, его достойно,
 Твердо-мраморнымъ стихомъ,
 Просвѣтлённый наслажденьемъ,
 Камень дышущій лица,
 Грудь страстное волненье —
 Изваяніе рѣзца
 Передашь инымъ явленьемъ —
 Слова мощнаго огнёмъ,
 Породнивъ своимъ созданьемъ,
 Всѣ сольёшь искусства въ нѣмъ:
 Я тогда въ тебѣ поэта
 Не задумаюсь признать....
 Силы духа, бога свѣта (*)
 На челѣ твоёмъ печать....
 Жизни каждое явленье
 Возведёшь до красоты,
 И величію творенья
 Дашь ты образъ простоты.

1851.

(*) Аполлона.

ЗАГОРѢВШАЯ ДѢВУШКА.

(Идиллія.)

Элевзинской нивы жницы!
 Какъ сіяютъ предо мной
 Въ золотыхъ волнахъ пшеницы
 Ваши бронзовыя лица
 Загорѣвшею красой!

Вотъ, съ корзиной винограда,
 Отъ подругъ вдали, одна,
 Этихъ волнъ земныхъ наяда,
 Дикой гордости полна....
 И опущены рѣсницы
 На загаръ ея ланить,
 Закрывая блескъ денницы
 Черныхъ глазъ стыдливой жницы
 И хариты изъ харить....

Солнце! вѣтеръ! вы счастливы:
 Слѣдъ вашъ видѣнъ на поляхъ,
 Слѣдъ любви на злакахъ нивы
 И у дѣвы горделивой
 На щекахъ и на плечахъ.
 Ваши страстныя желанья
 На лицъ у красоты
 Пыломъ жаркаго лобзанья —
 Смуглымъ цвѣтомъ разлиты:
 А мечты мои и грѣзы
 И безсонницы вочей,
 И признанія, и слѣзы
 Безъ слѣда прошли у ней!...

Но, исполненный прохлады,
 Вѣтеръ всѣхъ счастливыхъ насъ,
 Что за тунику наяды,
 Испивая всѣ отрады,
 Онъ пропархивалъ не-разъ: —
 Я-жъ цѣной моею печали

Не осмѣлился-бъ просить
И ремни ея сандалій
Раболюпно отрѣшнить.

: 851.

Х.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГІЯ.

Жарко-блестящее солнце, помеди!... Зачѣмъ оставляешь
Эти счастливыя страны, всё ниже и ниже
По небу нашему ходишь: не такъ, какъ бывало весною:
Прямо надъ нами горѣло, и долгое утро
Съ долгимъ сіяющимъ днёмъ выводило съ собою изъ моря.
Иль тебѣ милы песчанья степи Ливійцевъ!...
Будто-бы лучше ихъ мѣдное небо, чѣмъ небо Элады,
Гдѣ твои сѣстры-красавицы вѣчно сіяютъ:
Кассіопея алмазная и Андромеда золотая....
На небосводѣ ливійскомъ Центавръ или Гидра
Могутъ-ли встрѣтить тебя, какъ царя подобаетъ — съ любовью!
Не покидай насъ, отрадно свѣтающее солнце!
Вотъ ужъ и падаютъ желтые листья съ печальныхъ растений,
И виноградъ уже блѣкнетъ, и сокъ свой теряетъ,
Сыростью въ воздухѣ пахнетъ и изморозь утромъ на дѣрнѣ;
Вѣтеръ порывистый съ воемъ тоскливымъ и свистомъ
Прахъ подымаетъ клубами, иль съ юга намъ дождь нагоняетъ,
Иль того хуже, что пасмурно-сѣрымъ и мурымъ
Дѣлаетъ наше веселое небо.... О, доброе солнце!
Ты хоть для милой моей погостило-бъ подольше: —
Скоро полюбятъ дожди, а тамъ придутъ за ними морозы, —
Будетъ бѣдняжка, она въ епанчу шерстяную
Прятать лицо свое блое, носикъ изящно-скульптурный,
Иль одѣвать непрозрачною грубою тканью
Полноликійный, но злбкій, трепещущій въ холодѣ локоть....
И не увижу я долго встѣхъ прелестей этихъ;
Негдѣ, притомъ, и видаться намъ будетъ въ такое ненастье....
Не покидай насъ отрадно-свѣтиющее солнце!
Съ нами останься, пока я въ любви ей откроюсь:
Лѣтомъ еще и въ любви не успѣлъ я открыться....

1851.

П Р И Р О Д А.

Привѣтъ мой, весна!... Я съ тобою
 Опять какъ дитя заживу
 Всей жизни моей полнотою,
 Увижу я сны на-яву....

Согрѣется воздухъ, и воды
 Съ холмовъ бѣлоснѣжныхъ польются,
 И тайныя струны природы
 На струнахъ души отзовутся:

Тогда я познаю глубоко,
 Что плоть я отъ плоти ея,
 Что я не живу одиноко,
 И вся она лоно мое....

Мнѣ будутъ сestroю и братомъ
 И роза и вѣтеръ, и море:
 Одна напоить ароматомъ,
 Другіе умчать мое горе.

Сродство и единство созданья
 И мудрость его простоты
 Внесу я въ свой умъ и познання,
 Въ искусство—его красоты....

Предъ блещущимъ ликомъ природы
 Всѣ мрачное духа—далѣко:
 Всѣ ясно какъ тихія воды,
 Кристальныя воды потока;—

И ложны предъ нею страданья,
 Болѣзень путь жизни людей....
 Разсѣйся-жъ, о, мракъ отрицанья,
 Въ душѣ обновлённой моей!

М О Я Б О Г И Н Я .

(эпиграф.)

Члены елеемъ натри мнѣ, понѣжь благородное тѣло
 Прикосновеніемъ мягкой руки, омоченной обильно
 Въ свѣтлоянтарные соки аттической нашей оливы.
 Лоснится эта рука подѣ елейною влагой какъ мраморъ,
 Свѣжепрохладной волной разливаясь по мышцамъ и бѣдрамъ,
 Иль будто лебедь касается бѣлой ласкающей грудью....

Медленно кончивъ свои умашенья, ты вкусныя блюда
 Въ зелени сочной поставь, обложи ихъ цвѣтами,
 Въ сребренный кубокъ налей искромѣтную кровь винограда:
 Звонкій тотъ кубокъ украсень любимымъ моимъ барельефомъ,
 Гдѣ Діонисъ — какъ душа вѣчноюнаго міра — представленъ....

Будемъ гармоніей духа и тѣла съ тобой наслаждаться!...
 Вѣрь мнѣ, одна безъ различія жизнь и людей и природы:
 Всюду единая царствуетъ мысль, и душа обитаетъ
 Въ глыбахъ камней бездыханныхъ и въ радужныхъ листьяхъ растеній...
 Нѣтъ для меня, Левкопоя, и тѣла безъ вѣчнаго духа,
 Нѣтъ для меня, Левконой, и духа безъ стройнаго тѣла!

Умственнымъ взоромъ гляжу я на образъ жены полногрудой,
 Въ выпуклыхъ линіяхъ формъ, изваянныхъ богиней-Природой,
 Душу и тѣлую жизнь, и поэму созданья читаю....
 Не упрекай-же меня, что я къ тѣбѣ и праху привязанъ,
 Не упрекай за стихи, гдѣ думы свои изливаю....

Иль ты не знаешь, что я поклоняюсь новой богинѣ,
 Къ музамъ причисливъ её, и назвавши её Софросиною:
 Эту богиню я къ жизни и къ пѣснямъ своимъ призываю....
 Пусть, какъ сатиръ ослабляясь, невѣжда смѣется надъ нею:
 Смѣхъ его — лучшій ему приговоръ....

Но слыши, о, подруга!

Сытныя свѣда принесть и весельемъ кипащія вина,
 И ароматы, и мудраго мужа Платона творенья.

Николай Щербина.

25 Октября. 1851 года.
 Москва.

ЧАСЫ УЕДИНЕНІЯ.

*Quand on est seul, on est plus que jamais avec
ceux qu'on aime.*

(PENSÉE DE SAADI, POÈTE PERSAN.)

О! какъ люблю я быть одною!
О! какъ одной дышать легко,
Когда и сердцемъ и душою
Я уношуся высоко!
Когда вокругъ меня все дремлетъ,
Живу и мыслю только я,
И слухъ обрадованный внемлетъ
Успокоенье бытія!...

Заботы жизни мелочныя,
Нелѣпыхъ празднословій шумъ
И разговоры заказные,—
Все, въ чемъ вольнолюбивый умъ
Находитъ скуку и терзанье,
Все стихло, смолкло.... я одна,
Безпечно сладкому мечтанью
И созерцанью предана.

Надъ изголовьемъ безмятежнымъ
Младенцевъ спящихъ помолясь,
Улыбкой ихъ въ восторгъ вѣжномъ
Налюбовавшись, насладясь,
Я запираюсь. Томной лѣни
Поля безмолвной ночи тѣнь;
Прошелъ день суетныхъ волненій,
И настаетъ духовный день.

Съ небесъ, осыпанныхъ звѣздами,
 Мнѣ лучъ поэзіи блеснулъ,
 И убаюканный мечтами,
 Въ ихъ нѣгѣ умъ мой отдохнулъ;
 И вдохновеніе свѣтлымъ токомъ
 Струится на главу мою;
 Въ благоговѣніи глубокомъ
 Я пью живящую струю.

Воспоминаній говорящихъ,
 Видѣній райскихъ, райскихъ сновъ,
 И жаркихъ думъ, и грезъ блестящихъ
 Уединенный полонъ кровъ.
 Невольно въ сердцѣ умиленномъ
 Поется пѣснь и гимнъ звучить....
 И мнится, эхомъ отдаленнымъ
 Природы вѣчный гимнъ гремитъ.

Мечтанья, вызванныя силой,
 Мелькають тихо предо мной
 Всѣ тѣ, что дороги и милы,
 Всѣ тѣ, кого люблю душой.
 Я слышу памятныхъ рѣчи....
 Я узнаю ихъ голоса....
 Какъ будто вымоленной встрѣчи
 День ускорили небеса!...

Такъ незамѣтно пролетаютъ
 Часы досуга и мечты;
 Давно за-полночь! исчезаютъ
 Ужъ звѣзды съ горней высоты.
 Средь тишины уединеньемъ
 Душа моя освѣтлена,
 И забываетъ съ восхищеньемъ
 Весь міръ существенный она.

Село Вороново,
 Июль 1840.

Гр. Е. Ростопчина.

И В А Ш К О.

(Глинчанская сказка.)

Жилъ былъ себѣ когда-то дѣдъ и баба.
У нихъ была всего одна порада.
Прижили старцы въ старости своей
Сынка Ивана, чиномъ не султана,
А ремесломъ на свѣтѣ рыбака.
Прижили сына, справили ему
Весло и челявъ, и стали каждымъ утромъ
Его пускать на озеро за рыбой,
За рыбою въ Курбатовскую дебрь...

Вотъ, отплыветъ отъ берега Ивашко,
Закинетъ удочку, молчить и ждать,
Молчить и ждать, покамѣстъ рыбка клюнетъ,
А въ озерѣ подъ нимъ, перевернувшись,
Другой челнокъ, качаяся, плыветъ,
На немъ, что пѣна, бѣлая рубашка
И травяной съ цвѣточками кушакъ;
И темныя черешни, и чинары,
И островокъ, обрамленный сиренью,
Съ высокою, раскидистою грушей,
И, въ камышахъ, косые берега—
Все опрокинулось въ струи живыя,
И зыблется глядящій въ волны мѣръ,
Какъ полотно разостланной картины....

Благоухаетъ пасмурная глушь!
Какъ въ воздухѣ, на днѣ прозрачной влаги,
И ласточки и жаворонки рѣютъ;
Какъ въ воздухѣ, отъ берега на берегъ,

Летить по дну тяжелая ворона
 И мѣрно машетъ пепельнымъ крыломъ....
 А по волнамъ, по камышамъ и скаламъ
 Младенцы некрещенные (1), покинувъ
 Свои могилки въ вѣнчикахъ гробовъ,
 Подъ блондами пушистой паутины,
 Въ ячейкахъ травъ и въ клѣточкахъ коры,
 На лепесткахъ горошка и клубники,
 На усикахъ душистой павилики
 И въ капелькахъ сверкающей росы—
 Кошшатся, по воздуху летаютъ
 И синимъ клубомъ катятся по пнямъ....
 Одинъ запрегъ въ орѣшекъ гусеницу,
 Надѣлъ на кудри крохотный тюльпанъ,
 И, завернувшись въ листикъ гіацинта,
 Черезъ бревно косматое ползетъ
 И погоняетъ лошадь паутиной....
 Другой на грибъ гылой и скользкій влѣзъ,
 Дудить въ лопушникъ, свернутый трубою,
 И машетъ блокурою головкой,
 И раздуваетъ розовыя щечки,
 И плющутъ вокругъ него жучки, сверчки,
 И муравьи, и листья, и былинки....
 А третій сѣлъ на озеро, въ стрекоду,
 Воткнулъ въ него серебряную травку,
 Продѣлъ въ конецъ ея кисейный парусъ
 Изъ крылышка огромной стрекозы,
 Пустилъ корабль по вѣтру и плыветъ,
 Въ зеленомъ панцырѣ юньской мушки,
 И манитъ ручкой крохотныхъ друзей....
 А тѣ, какъ пчелы шумныя, какъ осы,
 Развѣсились по нитямъ павилики,
 Разсѣли по листьямъ липъ и вязовъ,
 И весело лепечутъ и стрекочутъ,
 И, по вѣтвямъ карабкаясь, хохочутъ,—
 И говорятъ вокругъ Ивашки лѣсъ,
 И льется зной съ таинственныхъ небесъ....

Разъ, — чуть ли не подъ Спаса это было, —
 На озеро пришла къ Ивашкѣ мать
 И такъ запѣла жалобно и тихо:

«Мой сыночку, мой Ивашечко,
 «Оберни на берегъ челнѣ!
 «Рыбка, сердце, зорька, пташечка,
 «Выплывай изъ синихъ волнѣ!
 «Я съ слободушки пришла,
 «Тебѣ ѣсть принесла.»

Услышавъ голосъ матери Ивашко,
 И такъ въ отвѣтъ на ласковую рѣчь
 Запѣлъ, весломъ узорчатымъ махая:

«Плыви, плыви, челночокъ,
 «Выплывай на бережокъ....
 «Плыви, матушка пришла,
 «Мнѣ обѣдать принесла.»

Покинулъ челнѣ Ивашко, съѣлъ на берегѣ,
 Съѣлъ пирожокъ, съ душистою сытой,
 Запилъ его студеною водой,
 И вновь поплылъ на озеро за рыбой.
 А той порой въ кустахъ сидѣла вѣдьма,
 Змѣей Явдохой людоедку звали, —
 Подслушавши старушкины слова
 И на другое жъ утро, притаившись
 Въ травѣ, запѣла жалобно и тихо:

«Мой сыночку, мой Ивашечко,
 «Оберни на берегъ челнѣ....
 «Рыбка, сердце, зорька, пташечка,
 «Выплывай изъ синихъ волнѣ!
 «Я съ слободушки пришла,
 «Тебѣ ѣсть принесла.»

Ивашко ни гу-гу. Узналъ онъ хитрость,
 И закричалъ: а что, змѣя Явдоха,
 Не изъ Вралѣвки ты, что близъ села

Пидбрѣхачей (?)?... И такъ запѣлъ, махая
Надъ озеромъ узорчатымъ весломъ:

«Дальше, дальше, челночокъ,
«Не плыви на бережокъ....
«То не матушка поетъ,
«То змѣя меня зоветъ.»

Взбѣсилася и расходилась вѣдьма,
И къ кузнецу въ слободку прибѣжала.
«Кузнецъ, кузнецъ; скорѣ скуй мнѣ голосъ,
«Да скуй мнѣ голосъ нѣжный, не простой,
«Такой, какой у матери Ивашки!...»
Раздулъ кузнецъ огонь, досталъ клещи,
Вложилъ ихъ въ печь и до-бѣла нагрѣлъ,
И ухватилъ клещами горло вѣдьмы;
На наковальню горло уложилъ,
И сталъ ковать его желѣзной доубней (?),
И началъ такъ причитывать надъ нимъ:

«Куйся, куйся, голосокъ,
«Тонокъ стань, какъ волосокъ,
«Нѣженъ стань ты, голосокъ,
«Какъ звонокъ, какъ вѣтерокъ....»

Вернулась вѣдьма въ лѣсъ, запѣла сладко,
Запѣла нѣжно, жалобно и тихо,
Въ глухой оврагъ Ивашку зманила,
Его въ мѣшокъ съ грибами уложила
И принесла домой, и такъ своей
Горбатой дочкѣ строго заказала:
«Смотри, Алѣнка, протопи мнѣ печь,
«Да протопи пожарче, баловница!
«Умой, напой и накорми Ивашку,
«Одѣнь его въ пунцовую рубашку,
«Подпояши, и въ печку посади,
«И па обѣдъ его зажарь съ капустой,
«Съ опѣнками, и съ перцемъ, и съ лучкомъ —
«А я пойду, провѣдаю, здоровъ ли
«Нашъ куманѣкъ, вербовскій сатана.»

Сходила за водой Алёнка, руки
 Румяныя по локти засучила,
 Подпоясала плаху ручникомъ, ⁽⁴⁾
 Надѣла бѣлый, чистенькій очипокъ, ⁽⁵⁾
 Засуетилась около макитры, ⁽⁶⁾
 Засуетилась около ножей,
 И около горшковъ и макогона, ⁽⁷⁾
 Нагрѣла печь, на припечекъ, къ плитѣ,
 Наставила широкую лопату
 И говоритъ: «Ну, доню, полѣзай, ⁽⁸⁾
 «Да погляди, какъ вытоплена печка!.. »

Хитрецъ молчать, прикинулся, какъ будто
 Ехидныхъ словъ совсѣмъ не понимаетъ
 И голову одну просунулъ въ печь.
 «Не такъ, Ивашко!» Онъ просунулъ руку.
 «Не такъ!» Онъ ногу въ печку протянулъ.
 «Не такъ!» Онъ въ печь другую ногу вдвинулъ....
 «Не такъ, не такъ!»—«Такъ какъ же? Я не знаю!
 «Ты покажи сама мнѣ напередъ,
 «А за тобой ужъ я не ошибуся....»
 Алёнка съ сердцемъ прыгнула въ огонь,
 А молодецъ приперъ ее заслонкой
 И выбѣжалъ невидимо изъ хаты
 И на осину темную залѣзъ.

Вотъ, погода, наѣвшися Алёнкой,
 Приходить вѣдьма, дочь свою браня,
 За то, что та стола ей не накрыла,
 И начинается на холмѣ высокомъ,
 Надъ рѣчкою, какъ слѣдуетъ панамъ
 И всѣмъ ученымъ, важнымъ господамъ,
 Насытившись, барахтаться по травкѣ
 И охать, и зѣвать, на солнцѣ грѣясь,
 И припѣвать, кувыркаясь съ холма:
 «Покачуся, повалюсь,
 «Закусивъ мясомъ Ивашки!»

Ивашко слышитъ рѣчи людоедки
 И такъ за ней съ осины говоритъ:

«Покатися, повались,
«Закусиwъ мясцомъ Алёнки!»

Что-бъ это было? Разсуждаетъ вѣдьма
И говорить, кувыркаясь съ холма:

«Покачусь, поважусь,
«Закусиwъ мясцомъ Ивашки!»

А хлопецъ вслѣдъ за нею повторяетъ,
Раздвинувши серебряные листья:

«Покатися, повались,
«Закусиwъ мясцомъ Алёнки!»

А, это ты! Завыла злая вѣдьма,
Уставя взоръ змѣиный на Ивашку,
И бросилась къ нему, и ухватила
Когтистыми руками толстый пень,
И стала рвать съ него кору и вѣтви,
И стала пень, какъ трость, перегрызать.

Грызеть она, грызеть, а хлопецъ видитъ
Въ поднёбесьи гусей, дрожить отъ страха
И къ нимъ сквозь вѣтви темныя поетъ
И странниковъ воздушныхъ онъ зоветъ:

«Гуси, гуси, лебедята,
«Дайте мнѣ свои крылатя!
«Мчите вы меня скорѣй
«Прямо къ матушкѣ моей!
«Тамъ мы будемъ въ волѣ жить,
«Сытно ѣсть и сытно пить.»

Но стрѣя лебедушки и гуси
Надъ головой Ивашки пролетаютъ
И говорятъ съ лазурной высоты:
«Пускай тебя возьмутъ другіе гуси!»

Заплакалъ хлопецъ, горестно заплакалъ,
Готовясь пасть съ потточеннаго пня,
Но вѣдьма зубъ о пень переломила
И къ кузнецу въ слободку побѣжала.
«Кузнецъ, кузнецъ, скорѣе скуй мнѣ зубъ,

«Да скуй его изъ чистаго желѣза!»
 Береть опять кузнецъ свои клещи,
 Кладеть ихъ въ печь и жарко раскаляетъ,
 И, щеки вѣдмы ухвативъ клещами,
 Вережками прикручиваетъ ихъ
 Къ желѣзному столбу и тяжелой довбней
 Куетъ желѣзный зубъ и снова въ лѣсъ
 Ликующую вѣдму отпускаетъ.
 Бѣжитъ опять къ Ивашкѣ людоедка.
 А хлопецъ той порою перелѣтъ
 На новую осину, злая вѣдма
 Впивается всей силой въ новый пенъ,
 И крѣпкій пенъ качается и гнется,
 И подъ клыкомъ желѣзнымъ тяжело стонеть.

Опять надъ хлопцемъ пролетаютъ гуси,
 И снова хлопецъ жалобно поетъ
 И странниковъ воздушныхъ овъ зоветъ:

«Гуси, гуси, лебедята,
 «Дайте мнѣ свои крылатя!...
 «Мчите вы меня скорѣй
 «Прямо къ матушкѣ моей!...
 «Тамъ мы будемъ въ волю жить,
 «Сытно ѣсть и сытно пить!»

Но сѣрыя лебедушки и гуси
 Летятъ надъ головою горемыки
 И говорятъ съ лазурной высоты:
 «Пускай тебя возьмутъ другіе гуси!»
 — Прощай же, степь раздольная, прощайте,
 Курганы, лѣсъ и казаки-орлы!
 Прощай и ты, моя родная хатка,
 Прощай и ты, мой ненаглядный челнъ!...
 Такъ зарыдалъ Ивашко, колыхаясь
 На деревѣ и съ деревомъ къ землѣ,
 Какъ лавъ, стрѣлой пронзенная, склоняясь.
 И, словно волкъ, передъ Ивашкой вѣдма
 Отъ радости оскалила клыки,
 На головѣ сталъ дыбомъ рыжій волосъ,
 Багровой кровью налились глаза,

И, заплетя лягушечіи лапы
 Вокругъ вѣтвей подточеннаго пня,
 Она всей силой потянула пень
 И обломила хрупкую осину....
 Но не упалъ Ивашко горемычный!
 Послѣдній гусь, забитый, старый гусь,
 Запачкавнй, сухой и косолапый,
 Послѣдній гусь изъ всей гусиной стаи
 Услышалъ пѣсню хлопца въ небесахъ,
 Услышалъ пѣсню, сжалился надъ нимъ,
 И подхватилъ его къ себѣ на крылья
 И поднялся съ Ивашкой къ облакамъ!...

Какъ легкій вихорь, по странамъ воздушнымъ,
 Надъ пышными разливами степей,
 Минуя цѣпи облачныхъ кургановъ,
 Стрѣлой летитъ Ивашко въ небесахъ
 И Божій міръ подъ нимъ горитъ и блещетъ —
 Зелеными полотнами луговъ,
 И алыми, какъ плахты червоокихъ
 Казачекъ, огородами тюльпановъ,
 Піоновъ, мака, крокоса и розъ,
 И бѣлыми стадами селъ казачьихъ,
 И скирдами пшеницы молодой,
 Какъ кучами разбросанныхъ червопцевъ,
 И яхонтомъ синѣющихъ озеръ,
 И лентою серебрянаго Дона,
 Бѣгущаго по персямъ золотой
 Украины, какъ по груди невѣсты
 Развитая, душистая коса
 Бѣжитъ, цалуя наливныя перси
 И, словно змѣй, по нимъ перегибаясь
 И, словно шелкъ, по нимъ переплетаясь....
 А той порой, какъ по степямъ лазурнымъ
 Летитъ стрѣлой Ивашко.... на землѣ
 Отъ ярости грызетъ каменья вѣдьма.

Вотъ началъ хлопецъ тихо исчезать
 Въ липовыхъ тучкахъ, вотъ онъ сталъ меньше
 Касаточки, вотъ сталъ онъ съ комара,

Вотъ онъ исчезъ совсѣмъ, и зарычала,
Какъ ярый звѣрь, озлобленная вѣдьма
И обратилась въ чернаго орла ...

Но чуть она за мальчикомъ въ погону
Метнулася, раскинувъ гордо крылья
И лапами взрывая грудь земли,
Косматыя, губительныя лапы,
Вонзившись въ землю, обратились въ стволъ,
Изъ-подъ когтей посыпались корни
И, какъ кроты, ползли подъ землей....
Въ раскидистыя вѣтви обратились
Два черныя, два грозныя крыла....
Зазелѣла дикая осина,
Затрепетала листвою печальной—
И, вмѣсто крови пламенной, орлиной,
Въ груди ея застылъ древесный сокъ,
И, вмѣсто клюва гордаго, и вмѣсто,
Какъ молнія, живыхъ и быстрыхъ глазъ,
По согнутой осинѣ протянулася
Убогая и тощая кора—
И такъ осталась бѣдная осина
На вѣчныя вѣка стоять недвижно,
Глядѣть на ширь таинственныхъ степей,
Глядѣть на даль блистательнаго неба,
И горевать безсонно, молчаливо,
И въ тишинѣ пустынной трепетать....
А вслѣдъ за тѣмъ и хата людодѣлки,
Саран, дворъ, загоны и гумно,
Что только было на землѣ, и овцы,
И лошади, и птицы и воны—
Все въ мрачное болото обратилось,
Въ подземныя пространства погрузилось ,
И въ наши дни, по утру на зарѣ,
Въ спокойную и ясную погоду,
Когда къ травѣ приляжешь ухомъ, слышно,
Какъ подъ землей звучитъ пастушій рогъ,
Кудахчуть куры, каркаютъ грачи,
Кричатъ перепела, скворцы и утки,
И на току звучитъ тяжелый цѣпъ....

Настала ночь. Ивашко опустился
 Въ свои мѣста, въ родимое село,
 И съ гусемъ съѣзъ на крышъ бѣдной хатки.
 Вотъ слышитъ онъ, внизу подъ нимъ, въ свѣтлицѣ,
 Вечеряютъ его отецъ и мать,
 И старая Оксана съ мужемъ дѣлить
 Пшеничные съ сытою пирожки:
 «Вотъ это вамъ, Демко, а это мнѣ!»
 — А мнѣ? Пищитъ изъ-за трубы Ивашко.
 «Что-бъ это было?» Думаетъ Оксана,
 И крестится, и снова говорить,
 Дѣля съ супругомъ шулики и путрю, ⁽⁹⁾
 И жирное молодозиво ⁽¹⁰⁾ и медъ.
 «Вотъ это вамъ, Демко, а это мнѣ!»
 — А мнѣ? Пищитъ опять лукавый хлопецъ.
 И поднявшись изъ-за вечера, старцы
 И плакали, и горестно вздыхали,
 Увидѣвши невиданное диво —
 И сняли съ крыши гуся и Ивашку,
 И сталъ Ивашко съ гусемъ знатно жить,
 И, припѣвая, сытно ѣсть и пить,
 Такъ сытно ѣсть и пить, какъ пѣтъ и ѣтъ —
 Далеко не ходить бы за примѣромъ —
 Хотъ бы и нашъ глинянскій винокуръ....

Что за вино у казака Вакулы!
 Какія звѣзды сыплются и ходятъ
 Въ его душистой, огненной струѣ!
 Какія слявы въ садикъ; надъ рѣчкой,
 Сверкаютъ на согнувшихся вѣтвяхъ!
 Какой горохъ, какіе баклажаны,
 Какой табакъ въ ливадѣ у него!...

А что за дочка Ивгѣ у Вакулы
 На волюшкѣ, какъ плоточка въ рѣкѣ,
 Шануется и пышно расцвѣтаетъ...
 Ахъ! доня, доня, зорочка моя!
 Какая ты смѣшная, живая,
 И смуглая, какъ мушка, и большая,
 Какъ пышный стволъ пшеницы пришибской!

Какая у тебя на плечах свитка,
 Вся бѣлая, какъ лебединый пухъ,
 И съ черными сердечками! Какая
 Узорчатая плахта у тебя
 Алѣветъ на крутыхъ и полныхъ бедрахъ!
 А сколько лентъ и золотыхъ дукатовъ
 Въ хвостъ твоей сверкающей косы
 Красуется, моя перепелица!
 Какъ нынѣ, сердце, вижу я тебя,
 Какъ нынѣ, слышу я твой звонкій голосъ,
 Твои рассказы о степяхъ, о вѣдьмахъ,
 И о могучихъ, грозныхъ казакахъ!
 Услышь тебя, мертвецъ — и тотъ невольно
 Передъ тобой вздохнетъ и долго-долго,
 Потупивъ очи въ землю, будетъ думать....
 А о живыхъ ужъ мнѣ и говорить
 Не хочется: тѣ прямо, словно дѣти,
 Бывало плачутъ, слушая тебя,
 Да головой качаютъ горемычной,
 Или смѣются до того, бывало,
 Что, ухватясь за жирные бока,
 Повалятся снопами изъ-за лавокъ —
 И ярко печь пылаетъ и трещить,
 И быстро ночь суровая летить.

Г. Данилевскій.

С. Петербургъ, 15 Сентября.

Украинскія слова, встрѣчающіяся въ этой сказкѣ:

1) *Некрещенные младенцы* — духи дѣтей, умершихъ до крещенія, по мнѣнію Малороссовъ, встаютъ на зарѣ изъ могилкохъ и играютъ по лѣсамъ и степямъ до полудня. Въ самый жаръ они начинаютъ снова засыпать, вмѣстѣ съ деревьями на травѣ.

2) *Пидбрехачъ* — потекающей лгуну, лгунъ.

3) *Довбля* — огромный молотъ.

4) *Плахта* — родъ передника, *ручникъ* — полотенцо.

5) *Очипокъ* — холстинной чепецъ.

6) *Макитра* — родъ лохани.

7) *Макогокъ* — пестъ, которымъ растираютъ овощи и макъ.

8) *Доню* — дочка, звательный падежъ.

9) *Шулики* — сладкія лепешки въ маковомъ сокѣ, *пупрля* — пшенная каша въ маслѣ.

10) *Молозиво* — родъ молочнаго кушанья.

ИЗЪ ГЁТЕ.

I. ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЯ ОХОТНИКА.

Я крадусь полемъ, тихъ и дикъ;
Взведенъ курокъ ружья.
Опять твой свѣтлый, милый ликъ
Мечтами вижу я.

Тиха, спокойна, въ этотъ мигъ,
Гуляешь ты въ лугахъ.
Мой промелькнувшій, блѣдный ликъ
Не всталъ въ твоихъ мечтахъ?

Тоска и зло сдавили грудь....
Я исходилъ весь свѣтъ:
Къ востоку путь, на западъ путь,
Къ тебѣ дороги нѣтъ!

Но о тебѣ и мысль одна
Мнѣ лучъ во мглѣ ночной:
Покоемъ вновь душа полна....
Не знаю, что со мной!

II. НОВАЯ ЛЮБОВЬ И НОВАЯ ЖИЗНЬ.

Сердце, сердце, что съ тобою?
Что смутило глубь твою?
Жизнью ты живешь иную....
Я тебя не узнаю!
Мимо все, что ты любило,
Мимо, что тебя томило—
И забота, и покой....
Что же случилось съ тобой?

Или этотъ образъ милый
 Оковалъ мечты твои?
 Иль въ тебѣ не стало силы
 Презрѣть этотъ взоръ любви?—
 Захочу ли ободриться,
 Отвернуться, удалиться,—
 Мнѣ и шагу не шагнуть....
 Снова къ ней ведетъ мой путь.

* *

Нить волшебную напрасно
 Я стараюсь оборвать....
 Противъ воли все къ прекрасной
 Возвращаюсь опять
 И, вступая въ кругъ суровый,
 Покоряюсь жизни новой.
 Какъ я слабъ и молодъ вновь!...
 Отпусти меня, любовь!

М. Михайловъ.

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ.

Мы встрѣчались часто, говорили
 Много всякой безотрадной глупости;
 А о томъ, какъ сердце наше ныло,
 Какъ рвалось, какъ бѣшено любило,
 Никогда слова не проронили.

* *

Мы прощались тихо безъ рыданій,
 Безъ излишнихъ, вѣжныхъ изліаній;
 При пожатіи не дрожали руки....
 А межъ тѣмъ душа рвалась отъ муки,
 Сердце замирало отъ страданій.

М. Михайловъ.

В И Т Ъ,

Балдеркъ Васантасена, преслѣдуя ее ночью по улицѣ.

(Съ Санскритскаго изъ драмы «Глиняная повозочка» — Соч. Судрака.)

Погоди, Васантасена!
 Легкій станъ мнѣ дай обнять,
 И роскошныя колѣна'....
 Погоди-же!... Но изъ плѣна,
 Какъ волны игривой плѣна,
 Выскользаешь ты опять!

• •

Ты бѣжишь.... ты убѣжала....
 Чуть касаясь до земли....
 Ты, какъ молнія, проблестала,
 И какъ молнія пропала....
 Только шелестъ покрывала
 Чуть я слышу издали!

• •

Только прыгаютъ и бьются
 Кольца звонкія серегъ,
 По щекамъ какъ змѣи вьются,
 Только слышно, какъ трясутся,
 Какъ пронзительно смѣются
 Колокольчики у ногъ....

• •

Точно Субгадра отъ Рами,
 Такъ отъ насъ она бѣжитъ....
 Только поясъ передъ нами
 Драгоценными камнями,
 Будто яркими огнями
 И блистаетъ, и горитъ!

• •

Но опять я догоняю....
 Я дотронулся слегка
 До нея.... коснулся краю
 Покрывалъ ея — и таю....
 Я услышалъ, я глотаю
 Ароматъ ея вѣнка....

Н. Бергъ.

С О В Ѣ Т Ъ.

Не разсуждай, не хлопочи!
 Безумство ищетъ, глупость судить.
 Дневныя раны сномъ лечи,
 А завтра быть чему, то будетъ.
 Живя, умѣй все пережить,
 Несчастья, радость и тревогу.
 Чего желать, о чемъ тужить?
 День пережить и — слава Богу!

Ө. Т.

Д Ъ В И Ц А. (*)

У Видіи, нашихъ потоковъ парицы,
 Дно чисто, а волны румянѣй девицы.
 У юной Литвинки, парицы межъ паней,
 Еще чище сердце, ланиты румянѣй.

..

Видіа, по млымъ ковѣнскимъ полянамъ
 Струится въ нарциссахъ, бѣжитъ по тюльпанамъ.
 Въ ногахъ у Литвинки весь цвѣтъ молодежи,
 Красивѣй тюльпановъ, нарциссовъ пригоже.

..

(*) Видіа — рѣка въ Ковенской Губерніи, впадаетъ въ Неманъ.

Вилі пелюбы цвѣточки долины:

Не ихъ она, Нѣмана ищетъ родлова.

Литвинкѣ нелюбы и скучны Литвины:

Не ихъ она, молодца любить чужова.

..

Поднявши Вилію къ себѣ на рамена,

Несется съ ней Нѣманъ на дикомъ просторѣ,

И держитъ подругу у влажнаго лона,

И гибнетъ съ ней вмѣстѣ въ невѣдомомъ морѣ.

..

Какъ Нѣманъ Вилію, тебя, о Литвинка,

Похитилъ пришлецъ изъ роднова селенья,

И ты, моя бѣдная, ты, сиротинка,

Погибнешь тоскливо въ пучинѣ забвенья.

..

Ни рѣку, ни сердце, никто не догонитъ —

Вилія струится, а дѣвица любить:

Вилія въ возлюбленномъ Нѣманѣ тонетъ,

А дѣвица въ кельѣ дни юные губитъ....

Л. Мей.

(Съ польск.)

С Е Р Е Н А Д А.

Ты все, что сердцу мило,

Съ чѣмъ я жила умомъ,

Ты мнѣ любовь и сила....

Спи безмятежнымъ сномъ.

Ты мнѣ любовь и сила,

И свѣтъ въ пути моемъ,

Все что мнѣ жизнь сулила....

Спи безмятежнымъ сномъ.

Все, что мнѣ жизнь сулила
 Напрасно съ каждымъ днемъ,
 Весь бредъ младаго пыла....
 Спи безмятежнымъ сномъ.

Весь бредъ младаго пыла
 О счасти земномъ
 Судьба осуществила....
 Спи безмятежнымъ сномъ.

Судьба осуществила
 Все въ образъ одномъ,
 Одно горить свѣтило....
 Спи безмятежнымъ сномъ.

Одно горить свѣтило
 Мнѣ радостнымъ лучемъ,
 Какъ буря бѣ ни грозила....
 Спи безмятежнымъ сномъ.

Какъ буря бѣ ни грозила,
 Хотя бѣ сквозь вѣтръ и громъ
 Неслось мое вѣтрило....
 Спи безмятежнымъ сномъ. —

Каролина Павлова.

Октябрь, 1851.

ДВА БРАТА.

(Разсказъ изъ послѣдней Сербо-Мадярской войны) (*).

I.

Два брата.

Въ одномъ городѣ, въ Банатѣ, жилъ Осмо Новаковичъ, почтенный и богатый гражданинъ. Въ началѣ роковаго 1848 года, умерла у него жена Марѳа, съ которою онъ прожилъ сгласно и благополучно 30 лѣтъ. Изъ многихъ дѣтей, рожденныхъ ею, остались у него въ живыхъ только 2 сына—Сава и Арсеній. Старшему въ это время было 28 лѣтъ; онъ слу-

(*) Въ Пештѣ выходитъ журналъ, подъ названіемъ «Сербскій Альманахъ». Въ нынѣшнемъ году тамъ явилась повѣсть, или маленскій разсказъ,—изъ послѣдней Сербо-Мадярской войны — «Два брата». Мы рѣшили перевести этотъ разсказъ для любителей, какъ можно ближе. Перецего-лявъ многихъ, если не всѣхъ, въ своихъ пѣсняхъ, Сербы далеко отстали въ другихъ произведеніяхъ литературы. Этому причиною ихъ языкъ, который до нашихъ дней ограничивался міромъ пѣсни. Очень недавно Сербы стали писать на немъ повѣсти и другія статьи. У нихъ еще нѣтъ этихъ, такъ сказать, *Европейскихъ* словъ для выраженія неуловимыхъ и отвлеченныхъ понятій и отношеній, знакомыхъ образованнымъ народамъ. Даже въ самой формѣ они еще крѣпко держатся за пѣсню. У нихъ герой и другія лица все еще плачутъ, когда на дѣлѣ они много-много если печалятся, или только беспокоятся. Огорченный, или разгнѣванный—вызгнѣвается какъ лютая звѣрь—цичи као змија лута—и бросается на врага какъ тигръ, или рысь. Военные люди не умѣютъ разговаривать ни о чемъ другдѣ, какъ только о войнѣ; всѣ дѣйствующіе говорятъ или *сердито* или *спокойно* и т. п. Все это мы старались по возможности сохранить въ передачѣ по-русски этого разсказа, который впрочемъ не лишень интереса и исторической занимательности. *Перев.*

жилъ капитаномъ въ одномъ Венгерскомъ полку. Арсенію былъ 25-й годъ; — этотъ, окончивъ курсъ юридическихъ наукъ, занимался дѣлами у одного адвоката въ Пештѣ.

Смерть матери соединила дѣтей дома. Отецъ ихъ уже былъ старъ и слабъ, и потому сыновья спѣшили его утѣшить въ общей ихъ печали, которая сильно потрясла его дряхлую природу.

Два брата — были точъ въ точъ, по Сербской пословицѣ, два яблока на одной вѣткѣ (две ябуке на іедной грани). Если бы не годъ — трудно было бы отличить одного отъ другаго: такъ они были схожи.

Но столько же, сколько были сходны лицомъ, они различествовали характерами. Старшій — былъ суровъ и честолюбивъ, и не щадилъ никого и ничего, если шло дѣло о пріобрѣтеніи почестей. Арсеній же былъ тихъ и кротокъ, и всегда довольствовался настоящимъ.

Сава былъ рожденъ солдатомъ. Не смотря на то, что онъ много любилъ себя, онъ не боялся опасности, и всегда готовъ былъ въ огонь и въ воду — лишь бы послужить тѣмъ своему честолюбію. Онъ умѣлъ найдтиса во всякомъ затруднительномъ положеніи, и духъ его не смущался ничѣмъ. Отецъ не жалѣлъ ничего на воспитаніе сына. Никто въ цѣломъ полку такъ не боролся и не ѣздилъ верхомъ, какъ Сава Новаковичъ. Въ дружеской бесѣдѣ ему также не было равнаго. Кто знакомъ съ человѣческой природой, тотъ, взглянувъ на этого офицера поближе, могъ сказать съ увѣренностью, что изъ него можетъ выйти славный полководецъ и даже великій человекъ, если только послужитъ ему счастье.

Что до Арсенія — всякій удивлялся, какимъ образомъ онъ пошелъ въ адвокаты. Онъ былъ до такой степени смирень и тихъ, и склоненъ къ уединенной жизни, что ему больше приличествовать монастырь, нежели бури и тревоги адвокатской жизни. Въ слѣдствіе этого произошло, что онъ, убѣгая иногда отъ своихъ юридическихъ пресій, занимался философіею и литературою. Когда онъ бродилъ среди шуму по городскимъ улицамъ, — его мысли, конечно, не стремились къ

разрѣшенію какого-либо юридическаго вопроса, а рѣшали въ иномъ, въ поэтическомъ мірѣ. Онъ вовсе былъ не адвокатъ, и если пошелъ въ это званіе, то единственно покорясь воли отца. Но онъ былъ одинъ изъ такихъ талантовъ, которымъ вездѣ дорога; и потому его учитель былъ имъ совершенно доволенъ, видя, что въ его воспитанникѣ больше животворныхъ силъ, нежели нужно обыкновенному адвокату.

Благодаря этимъ животворнымъ силамъ своей природы, Арсеній, въ часы поэтическихъ вдохновеній, написалъ много прекрасныхъ стиховъ, которымъ молодые его друзья удивлялись, а старые радовались. Отецъ его, простой и практический человѣкъ, зналъ хорошо, что въ жизни выгоднѣе заниматься жизнію, а не мечтами и вдохновеніями, и косо смотрѣлъ на поэтическія наклонности сына; и это было причиною, почему сей послѣдній не печаталъ своихъ произведеній.

Оба брата жили чрезвычайно согласно. Младшій никогда не прекословилъ старшему, напротивъ старшій, зная тихій и миролюбивый характеръ брата, постоянно имѣлъ надъ нимъ власть. Энергія духа Сава сильно дѣйствовала на Арсенія. Онъ удивлялся его необыкновеннымъ способностямъ, и даже гордился имъ, видя, что его всѣ хвалятъ и уважаютъ. Такъ было до тѣхъ поръ, пока Арсеній былъ еще очень молодъ, но становясь старше, и разсматривая внимательнѣе характеръ брата, онъ началъ удаляться отъ него болѣе и болѣе. Это происходило какъ бы само-собою, и онъ самъ того не чувствовалъ. Онъ сталъ даже уклоняться разговоровъ объ немъ. Наконецъ, войдя въ зрѣлыя лѣта, онъ понялъ причину, удалявшую его отъ брата. — Это было неукротимое его честолюбіе, которому Сава готовъ былъ жертвовать всѣмъ на свѣтъ. Судьба и природа влекла братьевъ по совершенно различнымъ путямъ: старшій старался отдѣлать себя отъ всего міра и блистать такою звѣздою, около которой вращались бы всѣ другія; а младшій любилъ крѣпко держаться того круга, гдѣ ему суждено было дѣйствовать, и воображалъ себя не иначе, какъ малой точкой между планетами, вращающимися вокругъ одного большаго ихъ свѣтила.

Смерть матери возмутила мирную душу Арсенія. По про-

шествиі нѣсколькихъ дней, онъ написалъ грустную элегію, въ которой измилъ всѣ свои чувства. Какимъ-то случаемъ эта элегія попала въ руки отцу. Въ первый разъ въ жизни старикъ почувствовалъ силу поэзіи. Печаль, которою было проникнуто стихотвореніе, дала новую пищу его скорби; слезы брызнули у него изъ глазъ, и сердце готово было разорваться. Онъ выпустилъ изъ рукъ листокъ, который столько его опечалилъ. Но и грусть имѣетъ свою отраду, и мы нерѣдко возвращаемся къ другу, сочувствующему нашей скорби. Такъ и старикъ поплакалъ, поплакалъ, но поднялъ снова листокъ бумаги, и снова сталъ его читать. И тутъ какое-то особенное чувство пролилось въ его душу. Печаль его притупила свое жало и вмѣсто ея сердце его почувствовало нѣчто отрадное и благотворное. Прочтя элегію, онъ поднялъ очи вверхъ; на рѣсницахъ его еще не обсохла слеза, на челѣ еще не изгладилась слѣды печальной думы, но взоръ уже сіялъ какимъ-то неизрѣченнымъ блаженствомъ, а мысли неслись въ его счастливое былое, и казалось ему, что онъ видѣлъ какой-то прекрасный сонъ, исполненный непонятныхъ, роскошныхъ видѣній. Всѣ его чувства слились въ одно сладостно горькое море, которое наполнило ему грудь, свѣтъ около него принялъ какую то прозрачно-темную ясность, какая бываетъ только въ часъ занимающейся зари или въ вечернія сумерки. Онъ долго не могъ двинуться съ мѣста. Наконецъ всталъ, и, взявши въ руки элегію, вышелъ на дворъ, передъ домъ, гдѣ сидѣли оба его сына, и разговаривали между собою. Съ листомъ бумаги въ рукѣ, отецъ подошелъ къ младшему, поцѣловалъ его въ лобъ, и сказалъ нѣжнымъ голосомъ: «спасибо тебѣ!» — потомъ обратился къ старшему, и подаль ему листокъ.

Тотъ прочиталъ, потомъ изорвалъ элегію въ куски, и смявши, положилъ въ карманъ.

«Что ты это сдѣлалъ? спросилъ отецъ.

— Мы пришли сюда, чтобы васъ утѣшать, а не печалить отвѣчалъ Сава: если же вы станете читать эти стихи, то будете только больше и больше грустить. Вотъ почему я ихъ изорвалъ и спряталъ, чтобы они никогда не попадались вамъ на глаза.

«Простите, батюшка!» сказалъ Арсеній: я не знаю, какъ вамъ попались эти стихи. Я скрывалъ ихъ отъ васъ, и писалъ ихъ тихонько, а писалъ потому, что чувствовалъ какое-то непонятное побужденіе; я не могъ одолѣть этого чувства; мнѣ все какъ будто слышалось: пиши, пиши!...

— Дай мнѣ стихи! сказалъ отецъ старшему сыну.

«Имъ у меня гораздо лучше!» отвѣчалъ сынъ.

— Дай, коли я тебя приказываю! закричалъ отецъ сердито.

«Чтобы они васъ печалили!»

— Оставь меня мнѣ! сказалъ отецъ, — а самъ дѣлай какъ хочешь! ты никогда не сочувствовалъ мнѣ въ моихъ печалихъ. А теперь, скажу я тебѣ, — ты меня очень огорчилъ, изорвавши этотъ листокъ. Если бы ты чтить сколько-нибудь память твоей матери, ты не разорвалъ бы дерзкою рукою этихъ стиховъ, гдѣ излились истинно сыновнія, святыя чувства!... Дай мнѣ сюда эти клочки, и не надрывай мнѣ сердца, говоря, что ты пришелъ сюда меня утѣшать! Дай!

«Коли такъ, — вотъ они, эти святыя останки!» отвѣчалъ сынъ иронически, подавая отцу измятые лоскутки бумаги: тотъ, кто сильнымъ своихъ духомъ вдохнулъ въ нихъ жизнь — можетъ и поднять мертвецовъ изъ гроба! моя нечистая рука да не прикоснется къ этой святынѣ! А не то — или ея святость разрушится, или моя рука отсохнетъ!»

Потомъ, перебивъ голосъ, онъ продолжалъ, смѣясь: «Что до меня, я не жалую всѣхъ господъ сочинителей, исключая изъ этого числа только моего брата: никто больше ихъ не говоритъ и никто меньше ихъ не дѣлаетъ. Имъ что до этого міра: имъ подавай седьмое небо; а какъ что-нибудь случится съ ними на этой землѣ, они поднимутъ такой шумъ, накричатъ больше, нежели сто другихъ, обыкновенныхъ! Коли умретъ кто-нибудь у этихъ господъ — они давай бранить землю, что не умѣла оцѣнить ихъ любимца! Называютъ небо настоящимъ отечествомъ человека, а какъ вздумаетъ кто-нибудь изъ милыхъ имъ отправиться въ это настоящее отечество — въ небо: у, какъ они взбунтуются противъ неба! Зачѣмъ дескать позавидовало такому прекрасному цвѣтку земли, и отняло его немилосердною рукою! Когда

умираетъ у нихъ кто-нибудь изъ друзей отъ голода — они подчуютъ его стихотворной амброзіей, чѣмъ бы взять плугъ да работать, и прокормить и себя и своего друга! Въ безопасной прокладѣ липы или дуба разыграется молодое сердце — и мечтами они готовы летѣть на мѣсто побоища, гдѣ слышенъ свистъ пуль и звонъ штыковъ — но только мечтами, а самихъ ихъ никогда не увидишь на полѣ славы и безсмертія! Самый смѣлый изъ нихъ, спрятавшись за пушку, наводитъ на битву подозрную трубку, чтобъ потомъ описать сраженіе! Ихъ все приводитъ въ восторгъ, у нихъ вездѣ вдохновеніе. Но ничто не можетъ ихъ одушевить до такой степени, чтобы они рѣшились поставить на карту свое я. Кто не преданъ своей мысли до такой степени, что готовъ всегда пожертвовать за нее жизнью — тому я не повѣрю, хоть онъ говори какъ хочешь сладко, красно и высокопарно, что онъ и то и это; что его чувства не подложны; что его мысли — чисты; что все то истина, что онъ выдаетъ за истину.... кабы все это было такъ, — онъ бы долженъ былъ первый итти на бой, первый долженъ бы подтвердить смертію своею то, что проповѣдовалъ при жизни.... И потому-то я скажу вамъ опять, что, исключая моего брата, — не люблю никого изъ этихъ господъ поэтовъ!»

— Что ты ихъ не любишь, это вовсе не удивительно, сказалъ отецъ: я и самъ до этого времени не очень ихъ уважалъ. Но нынѣшній день научилъ меня разсуждать иначе. Вижу, что я не цѣнилъ ихъ потому, что не понималъ. Увѣренъ, что и ты не цѣнишь ихъ потому, что не умѣешь. Кому холодно, тотъ скорее кинется на шубу, чѣмъ на бѣлый хлѣбъ; а кто голоденъ, — тому милѣе кусокъ чернаго хлѣба, нежели кафтанъ, подбитый соболями! — Конечно, что тому въ стихахъ, кто привязался душой къ земной корысти, и хочетъ получить власть, добиться почести! что ему въ томъ, — что не принесетъ ни одного лишняго зерна въ его житницу, ни одной петлицы на воротникъ, — ни одной души во владѣніе! А у кого зазвучитъ въ душѣ нѣкая чудная струна, тому не нужно ни имѣнія, ни власти, ни почестей, а дай ему только то, что откликается душѣ его! Я могу служить этому примѣромъ. Послушай дальше. У кого всѣ

милые сердцу живы на землѣ, тотъ, повѣрь, не станетъ искать неба, и не придетъ оно ему въ голову! А какъ схоронишь друга своего въ землю, такъ и станешь отыскивать мѣсто, гдѣ же онъ, тотъ, кого уже нѣтъ на землѣ? Такъ-то и мнѣ эта пѣснь, которую ты изорвалъ дерзкою рукою, — открыла завѣсу, и я увидѣлъ прекрасный, безпредѣльный міръ; о которомъ досель и не помышлялъ; міръ, пространство и краше того, въ которомъ я прожилъ слишкомъ 60 лѣтъ!

«Да будетъ!»—отвѣчалъ Сава насмѣшливымъ тономъ: только я вамъ вотъ что скажу: этотъ безпредѣльный и прекрасный міръ есть ничто иное, какъ обманъ,—какъ одна пустая мечта!»

— Пусть такъ!—замѣтилъ отецъ,—самъ не понимая того, что съ нимъ дѣлалось: пусть такъ! Но что будетъ, если ты возьмешь имѣніе, власть и почести, и все, что ты не считаешь мечтою—возьмешь и отдѣлишь отъ міра и отъ себя—что они будутъ значить сами-по-себѣ? На что имѣніе тому, кому ужъ ничего не нужно? На что власть тому, кого она обременяетъ? Что почести тому, кто лежитъ умирая? Чувство даетъ всему цѣну. Такъ и то чувство, которое я ношу въ груди, и потребность, которой хочу удовлетворить, дѣлаетъ, что міръ, воображаемый мной, не кажется мнѣ мечтою. А почему твое чувство и твоя потребность сильнѣе и значительнѣе, нежели мои? почему ты думаешь, что твой міръ не сонъ, а мой сонъ? Все, что отворишь мнѣ на это, докажетъ только то, что твое чувство имѣетъ силу для тебя, а мое для меня: больше мнѣ и не нужно! Ты будь доволенъ своимъ, а я буду доволенъ своимъ. Я не стану мѣшаться въ твои интересы, ты не касайся моихъ!»

— Не знаю, что вамъ отвѣчать на это! замѣтилъ сынъ.

«Ну такъ я отвѣчу за тебя, — сказалъ быстро отецъ, не давая ему продолжать. Многие чувствуютъ въ душѣ нечто такое, что проситъ пѣсни. Такихъ гораздо больше, нежели такихъ, которымъ не надо вовсе пѣсень. Но въ самомъ дѣлѣ едвали есть въ мірѣ одинъ, кому хоть разъ въ жизни не захотѣлосьбы услышать эти улаждающіе звуки. Такимъ, какъ ты, стремящійся вѣчно за властью и за почестями, такимъ необходимы пѣвцы!... Или не знаешь, что честолюбивѣйшій изъ людей,

Александръ Македонскій, жалеть, что въ его время не было для него такого пѣвца, какимъ былъ Гомеръ для Ахиллеса? Такъ вотъ и ты, нечувствующій нынѣ силы и сладости пѣснопѣнія, когда-нибудь поймешь его очарованіе и будешь наказанъ за свою дерзость. Дай Богъ, чтобы ты узналъ силу брата больше, нежели я самъ!»

Сказавши это, старикъ задумался. Какая-то печаль внезапно охватила его сердце, и слезы показались у него на глазахъ.

Во все это время младшій братъ стоялъ не говоря ни слова. Глубоко запали ему въ сердце рѣчи отца. Высоко подымалась его грудь. Это было мгновеніе, когда богиня пѣсень посвятила его въ пѣвцы. Онъ почувствовалъ, что вся природа преобразилась передъ нимъ; рѣчи брата жужжали ему въ уши какъ поруганіе, котораго онъ не долженъ простить; и потому, подойдя къ нему ближе, онъ сказалъ: «И такъ ты говоришь, что у пѣвца не можетъ быть ни одной мысли, которой онъ готовъ пожертвовать своею жизнью?»

Сава поглядѣлъ на брата, и удивился переменѣ, которая съ нимъ произошла, и потому сказалъ довольно кротко: — по крайней мѣрѣ до сихъ поръ ни одинъ еще не пожертвовалъ!

«Послушай-же! отвѣчалъ Арсеній: то, что я темно предчувствовалъ до сего времени, освѣтило меня теперь свѣтомъ полдневнаго солнца: я пѣвецъ! И въ эту необыкновенную для меня минуту скажу тебѣ, что если я когда-нибудь не буду готовъ принести мою жизнь и все мнѣ милое въ жертву мысли, которая меня одушевляетъ, наплюй мнѣ въ глаза и назови меня трусомъ и негодяемъ!»

— Ну, полно вамъ! сказалъ отецъ: пора ужъ и спать! пойдите! а ты, Арсеній, собери эти лоскутки и перепиши мнѣ пѣсню сейчасъ же! — и они разошлись въ разные стороны.

На другой день по утру братья сидѣли въ своей комнатѣ и ждали, что отецъ придетъ къ нимъ, звать ихъ завтракать. Отецъ обыкновенно вставалъ раньше всѣхъ и будилъ сыновей, но почему-то на тотъ разъ запоздалъ.

«Пойдемъ, поглядимъ, что дѣлаетъ отецъ, что его до сихъ поръ нѣтъ!» сказалъ Арсеній.

— Спать, верно — зачѣмъ намъ его будить! Можетъ быть опять всю ночь проплакалъ, такъ на зарѣ и задремалъ. Пусть поспитъ! Мы можемъ подождать!

«Онъ никогда такъ долго не спалъ!» замѣтилъ Арсеній.

— Такъ-же точно, какъ и не плакалъ никогда, а теперь всякую ночь плачетъ!—отвѣчалъ старшій братъ.

Прошло еще нѣсколько времени, старикъ не приходилъ.

— «Что съ нимъ? сказалъ опять Арсеній. Надо посмотреть, что онъ тамъ дѣлаетъ. Не дурно-ли ему?»

— Кабы дурно, кликнулъ бы насъ!—сказалъ Сава.

«Я пойду, посмотрю!»

— Ступай, коли хочешь! Мнѣ нѣтъ никакой охоты его будить!

Арсеній всталъ и пошелъ къ отцу. Не прошло минуты, какъ онъ воротился назадъ, взялъ молча брата за руку, и повелъ его за собою въ комнаты отца.

Старикъ лежалъ въ своей постели. Въ рукѣ у него былъ листъ бумаги, съ пѣсней сына. Лице его было ясно; уста улыбались; глаза были открыты, но въ нихъ уже не играла жизнь.

«Что это?»—воскликнулъ Сава и схватилъ отца за руку: она была холодна какъ ледъ, и уже окоченѣла. «Умеръ! воскликнулъ онъ снова и взглянулъ на брата.

— Скончался!—сказалъ этотъ, и ставши на колѣни подлѣ постели, поцѣловалъ руку отца, и оросилъ ее слезами, которыми потоками брызнули у него изъ глазъ.

Старшій нагнулся надъ тѣломъ, взялъ другую руку отца и поднесъ ее къ губамъ.

Долго стояли братья надъ тѣломъ, не говоря ни слова: какъ вдругъ старшій, увидѣвъ листъ въ рукѣ отца, сказалъ съ укоромъ брату:

«Твоя пѣсня! Потомъ, помолчавъ немного, продолжалъ: «не говорилъ ли я, какъ только увидѣлъ эту проклятую пѣсню, что она принесетъ намъ много печали: у меня было какое-то темное предчувствіе, что нашъ отецъ умретъ отъ нея! Вотъ тебѣ и стихотворство твое — и могущество его! Черезъ него, волей или неволей, ты сталъ отцеубійцей!»

Младшій дрожалъ какъ лоза на вѣтру, пока братъ говорилъ ему эти рѣчи. Потомъ вскочилъ на ноги, и устремилъ глаза на мертвый ликъ отца. Всякая черта на его собственномъ лицѣ была проникнута отчаяніемъ, когда онъ оборачивалъ голову, чтобы разглядѣть покойнаго; но чѣмъ больше вглядывался, тѣмъ больше и больше разъяснялся мракъ его лица, и наконецъ ледъ его сердца растаялъ и слезы полились изъ глазъ. «Подойди, посмотри на это блаженствомъ озаренное лицо—скажешь онъ оквозъ слезы брату; и потомъ повтори мнѣ, если можешь, тѣ страшныя рѣчи, что сказалъ сейчасъ!»

— Когда бы мертвое лицо могло нахмуриться на своего убійцу, отвѣчалъ сердито старшій братъ: тогда бы только это ясное чело, и эти смѣющіяся уста, могли тебя оправдывать!

Потомъ замолчалъ, и, насупивши брови, взглянулъ на брата. Взглядъ его проникъ въ сердце Арсенія, какъ молніиная стрѣла. Долго такъ глядѣлъ онъ на брата; потомъ, вливая въ каждое слово ядъ, сказалъ:

«Ясное чело, смѣющіяся уста и блаженство озаряетъ лицо несчастной этой жертвы, которую убійца своею болтовней спровадилъ на тотъ свѣтъ!»

Сказавши это, Сава взглянулъ еще разъ презрительно на брата и вышелъ.

Несчастный Арсеній не могъ отвести глазъ отъ брата, пока онъ съ нимъ говорилъ. Каждое слово наносило новую рану его трепещущему сердцу. Когда братъ кончилъ, онъ остался какъ пораженный громомъ. Но послѣдній взглядъ Савы, выражавшій полное презрѣніе, повернулъ въ немъ все сердце. Онъ взвизгнулъ, какъ змѣя, и бросился какъ рысь за братомъ, чтобы его задушить, но въ эту минуту вдругъ пошевелилась рука покойника, которую Арсеній держалъ въ своихъ рукахъ. Онъ подумалъ, не оживаетъ ли отецъ — и остался.

Но напрасна была радость, на одинъ мигъ уладившая его сердце. Рука двинулась потому, что была поднята Арсеніемъ. Но падая, она выпустила листъ, который въ ней держался. Несчастный сынъ посмотрѣлъ еще на отца—и не замѣтилъ ни одного знака жизни на его лицѣ. Все кончено! Душа отца не возвратится больше въ свою старую обитель.

Все, что почувствовалъ въ эти минуты Арсеній, такъ потрясло его, что ему сдѣлалось дурно. Онъ опустился на грудь покойнаго—и въ такомъ положеніи, полуживаго и полумертваго, нащелъ его братъ, вошедшій снова въ горницу.

Въ немъ пробудилось братское чувство, когда онъ взглянулъ на младшаго брата, лежавшаго на груди отца. Онъ привелъ его въ себя, взялъ за руку и сказалъ:

« Я несправедливъ, былъ къ тебѣ, братъ: прости меня! Потеря такого отца, я думаю, можетъ оправдать меня въ моей запальчивости передъ всякимъ, а тѣмъ больше предъ тобою: ибо ты самъ понимаешь, что мы потеряли! Какимъ образомъ нашъ отецъ оставилъ этотъ свѣтъ, это известно одному Богу. Я буду, вмѣстѣ съ тобою, утѣшаться мыслію, что твоя пѣсня еще уладила ему переходъ изъ этой жизни въ жизнь другую.»

Арсеній взглянулъ на брата, потомъ на отца, и молча подалъ брату руку.

Братья скоронили покойнаго, и, послѣ восьми дней, старшій отправился въ полкъ, а младшій въ Пенгъ. Во всѣ эти восемь дней они не сказали другъ другу восьми словъ. Разставанье было безъ непріязни, но и безъ печали.

II.

Два Сербя.

Если когда-нибудь Сербъ узналъ и полюбилъ свой народъ, такъ это въ Мартѣ 1848 года.

Маляры хотѣли ободѣлать всѣ племена, населявшіе Венгрію, и привлечь ихъ обманомъ на свою сторону. Баронъ Нярій, присланный Депутатомъ (отъ Университета Сербской скупщины у Текеліино Заведеніе), между

прочимъ сказалъ: «казалось прежде, что въ одномъ государствѣ не можетъ находиться нѣсколько ввроисповѣданій—и отъ того пролито много святой крови. Но наши дни свидѣлствуютъ, что эта кровь пролита напрасну,—пролита для того, чтобы теперь пролилось столько-же слезъ, сколько было пролито крови. Казалось, что въ одной державѣ не ужиться многимъ народамъ, въ слѣдствіе чего у насъ, въ милой нашей Хунніи, потрачено много чернилъ, въ жестокихъ преніяхъ, и умы такъ озлобились, что народы только и ждутъ случая, какъ бы, слѣпотствуя, пролить побольше крови. Счастіе отечества,—вотъ мысль, которая связываетъ насъ во едино, которая заставляетъ насъ думать, что эта общая всѣмъ намъ держава—намъ родная, и всякій готовъ ей служить всеми силами, и жертвовать всѣмъ добрымъ и даже своею жизнію. Такъ въ нашей великой Хунніи, дабудетъ Сербъ Сербомъ, Мадяръ Мадяромъ, Романъ Романомъ, Нѣмецъ Нѣмцемъ, Хорватъ Хорватомъ, и Словакъ Словакомъ, но пусть всѣ единодушно живутъ и умираютъ ради общей матери Хунніи! Примите, братья Сербы, искренній привѣтъ отъ вашихъ братьевъ Мадяръ!»

Но скоро обстоятельства измѣнились. Мадяры больше и больше отступали отъ идеи терпимости, которую такъ краснорѣчиво проповѣдывалъ Нярій, и стали притѣснять Сербовъ.

Опасность возпламенила истинно вѣрныхъ сыновъ отечества.

Какъ вся молодежь того времени, Арсеній любилъ свой народъ съ энтузіазмомъ. Но эта любовь досель была тиха и кротка, и изливалась только въ одушевленныхъ пѣсняхъ. Бѣда, висѣвшая надъ головою каждого, — указала молодымъ людямъ иной путь, иное поприще.

Въ этомъ случаѣ нельзя не сознаться, что много пользы Австрійскому Правительству принесено Сербскими

учеными людьми. Покойный Лазарь Марковичъ, воспитанникъ Текеліева Заведенія, юноша съ большими талантами, известный публикѣ по многимъ прекраснымъ стихотвореніямъ, собралъ первую народную дружину въ Пештѣ, въ которой заключалось больше ста Сербскихъ общинъ, со всѣхъ странъ Австріи. Друзья Лазаря помогали ему въ этомъ предпріятіи.

Судьба этого молодаго Серба достойна сожалѣнія. Онъ такъ любилъ своихъ единоплеменниковъ, что готовъ былъ всякую минуту пожертвовать за нихъ жизнью. И онъ дѣйствительно принесъ эту жертву. Случай, какъ это произошло, можетъ опечалить всякаго. Опасность, грозившая Лазарю въ Пештѣ отъ разъяренной малярской молодежи, заставила его удалиться оттуда въ Панчево, мѣсто его рожденія. Здѣсь онъ былъ посаженъ въ тюрьму, въ слѣдствіе подозрѣнія, и боялся, чтобы его не послали въ Темишваръ, гдѣ тогда господствовалъ духъ, непріязненный Сербамъ, и гдѣ его, жаркаго защитника Сербскихъ правъ, ждала долговременная и тяжелая темница. Но онъ освободился и отъ этой опасности, и отира- вился въ Карловецъ. За нѣсколько дней передъ битвой подъ Эчкой, Патріархъ поѣхалъ на пароходѣ изъ Карловца въ Перлесскій лагерь, дабы тамъ держать совѣтъ. На пароходѣ было много оружія и вооруженныхъ людей. Лазарь былъ тутъ же. Вместе съ нимъ отправился одинъ изъ его друзей, который, по обыкновенію того времени, носилъ при себѣ пару заряженныхъ пистолетовъ. Однажды онъ стоялъ на палубѣ, разговаривая съ Лазаремъ, какъ вдругъ, по несчастію, одинъ пистолетъ выстрѣлилъ, и ранилъ Лазаря въ пахъ. Раненаго оставили въ постель и препоручили докторамъ. Но для него уже не существовало лекарствъ: черезъ восемь дней скончался этотъ юный герой, къ великой скорби всѣхъ, кто зналъ его коротко, и кто ожидалъ отъ необыкновенныхъ его дарованій необыкновенныхъ плодовъ. Молодецъ онъ былъ на землѣ! Вѣчная ему память!

Другъ Лазаря пошелъ въ Шайкашскій баталіонъ, и вдохнулъ въ сердца храбрыхъ юношей огонь любви и преданности къ своей отчизнѣ.

Всѣ сіи юноши пылали истиннымъ пламенемъ любви къ

Сербскому народу и къ Дому Габсбургско-Лотарингскому, который принялъ ихъ подъ свой благотворный покровъ. Они угадывали политику дерзкихъ Мадяръ, похитившихъ корону королевства, и потому стремились уничтожить Мадярское правление и утвердить новое, общее всѣмъ, въ Вѣнѣ, подъ защитою Цесарскаго престола. Такимъ образомъ думали и Сербскій народъ приобщить къ другимъ народамъ имперіи, и склонить его подъ благодѣтельные Австрійскіе законы, избавивъ Австрію отъ грозящаго ей распаденія, и тѣмъ заплативъ ей за любовь, съ какою она освободила ихъ отъ Турецкаго ига.

Между этими молодыми людьми находился и Арсеній. Печаль о потерѣ отца и матери лежала камнемъ на его сердцѣ, и не давала ему свободно, какъ другіе, дѣйствовать на новомъ поприщѣ. А рѣчи брата, сказанныя надъ тѣломъ покойнаго ихъ отца, жгли его огнемъ — и духъ его не могъ летѣть сѣмь къ той жизни, которая требовала полныхъ силъ и полнаго одушевленія. Но чѣмъ меньше онъ чувствовалъ себя способнымъ къ какому-либо дѣлу, тѣмъ больше и сильнѣе огорчался. Многіе отъ его друзей, дотошъ вялые и лѣнныя дѣти, стали теперь, въ нѣсколько дней, бодрыми и крѣпкими мужами, готовыми на всякое отважное предпріятіе. А онъ оставался все тотъ же, мрачный и неподвижный. Бывали дни, когда онъ не говорилъ ни слова. Толпы народа шумными потоками двигались кругомъ, но онъ не видалъ ни одного лица. Во время уединенныхъ своихъ прогулокъ, онъ могъ иногда стоять по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, утупившись въ землю или поднявши глаза къ небу. Иной разъ оставался недвижимъ, нагнувшись впередъ, какъ будто бы за кѣмъ гнался или отъ кого бѣжалъ.

Вѣсть о майской дружинѣ, о подвигахъ его товарищей, и о новомъ, только что провозглашенномъ воеводствѣ (войводовини) достигла и до него. Онъ сначала обрадовался, какъ ребенокъ, а потомъ опечалился, и негодовалъ на себя, и даже сказалъ: «мой братъ правъ: тѣ, у кого слишкомъ много чувства, тѣ, кто живетъ въ мірѣ мечтаній, созданы для того только, чтобы гнить. Дѣйствовать для пользы общей они не могутъ, какъ не можетъ воскъ дать искру огня!»

Генераль Грабовскій двинулся на Карловець — и Сербы сразились съ Мадярами. Всякій видѣлъ, что мира между этими народами не будетъ, и что скоро кровь рѣкою потечетъ по плодосноснымъ полямъ Бачки и Баната. Мадярское правительство рѣшило потушить оружіемъ возмущеніе Сербовъ, — такъ называли ихъ сопротивленіе — и войска тянулись со всѣхъ сторонъ на югъ.

Въ Пештѣ также собралась дружина и дожидалась, чтобы кто-нибудь повелъ ее противъ «южныхъ разбойниковъ» — такъ называли Мадяры Сербовъ, готовыхъ положить свой животъ за святое дѣло, — за свою народность и цѣлость всей монархіи. Арсеній зналъ про эту дружину, которая бродила по площадямъ, и своими громкими кликами наполняла городъ. Онъ зналъ, зачѣмъ она собралась. Но не зналъ ничего о вождѣ, готовомъ принять надъ нею начальство, вождѣ, котораго всѣ прославляли и ожидали съ нетерпѣніемъ. Какъ вдругъ, однажды — лежалъ Арсеній, ночью, у себя въ комнатѣ, и предавался своимъ обычнымъ размышленіямъ. Было около двѣнадцати часовъ ночи. Вдругъ кто-то стукнулъ въ дверь.

«Кто тамъ?» спросилъ Арсеній, удивляясь такому позднему приходу.

— Отвори, это я! — сказалъ знакомый голосъ, и Арсеній узналъ брата.

Онъ всталъ и отворилъ дверь. Сава былъ въ дорожномъ платьѣ. Войдя, онъ протянулъ брату руку, которую тотъ, послѣ небольшого колебанія, пожалъ.

Сколько было грусти въ лицѣ младшаго брата, столько же сіяю удовольствія на лицѣ старшаго. Въ глазахъ, во всякомъ движеніи замѣтно было, что онъ чѣмъ-то чрезвычайно обрадованъ. Эта-то радость помѣшала ему замѣтить холодный пріемъ брата, и когда тотъ его обнялъ, онъ сказалъ весело:

«Я сейчасъ съ дороги. Еще никто не знаетъ, что я здѣсь. Неизвѣстно, увижу-ли я тебя завтра или послѣ завтра — и потому пришелъ теперь. Надѣюсь, что ты извинишь, если я пришелъ не во время!»

— Мнѣ не время только тогда, когда я — не дома! отвѣчалъ младшій братъ.

Борьба мыслей и чувствъ, происходившая въ душѣ его, отражалась и на его лицѣ, и слышалась въ голосѣ. Старшій братъ замѣтилъ это и спросилъ:

— Что съ тобою? Ты какъ будто огорченъ чѣмъ-нибудь.

Арсеній не отвѣчалъ ничего.

— Да ты не боленъ ли? спросилъ тотъ опять.

Арсеній молчалъ.

Старшій увидѣлъ, что братъ его о чемъ-то задумался; и немного погодя, онъ опять обратился къ Арсенію:

— Теперь только я замѣтилъ, что ты меня принимаешь холодно. Кажется, ты все еще на меня сердитъ за тѣ слова, которыя, помнишь, я сказалъ?

— Нѣтъ, братъ! я былъ бы очень глупъ, если бы за это сердился, отвѣчалъ Арсеній. — Слова брата коснулись той струны, которая была ему ближе другихъ, и это развязало ему языкъ:—Въ первое время, твои рѣчи точно могли бы меня огорчать — продолжалъ онъ,—но въ послѣдствіи я имѣлъ время объ этомъ размыслить. То, что ты сказалъ тогда, — сказать, удручаемый тою же самою печалью, которую чувствовалъ и я, и при томъ ты вовсе не думалъ, что говоришь. Можетъ быть, мнѣ надо бы тебя скорѣе благодарить, нежели разсердиться на тебя. Если когда оказывается, сколько милъ и дорогъ отецъ дѣтямъ — такъ это особенно при кончинѣ. И чѣмъ больше сынъ почитаетъ отца, тѣмъ большаго самъ заслуживаетъ почтенія отъ другихъ. А что до смысла твоихъ словъ, я не могу на него негодовать: я знаю очень хорошо, что моя пѣсня никакимъ образомъ не могла имѣть того дѣйствія, какое ты ей приписалъ. Что я за Орфей! — Другія твои слова на меня больше подѣйствовали!

— Я не помню, чтобы огорчилъ тебя чѣмъ-нибудь другимъ! замѣтилъ Сава.

— Не только не огорчилъ, но я тебя даже благодарю: ты мнѣ сказалъ правду!

— Какую правду?

— Обь этомъ послѣ.... оставимъ этотъ разговоръ!—сказалъ Арсеній.

— Еслибъ ты не намѣкнулъ мнѣ обь этомъ, я бы и не подумалъ спрашивать! сказалъ старшій: право, не знаю, что такое я могъ тебѣ сказать, что ты такъ долго помнишь!

Арсеній помолчалъ, и потомъ сказалъ: — А почему, ты думаешь, я не говорю тебѣ обь этомъ? чтобы пощадить самого себя?... Нѣтъ, я не хочу, чтобы и другой кто щадилъ меня, тѣмъ болѣе самъ я!

Онъ проговорилъ это, какъ бы самъ про себя, и потомъ обратился къ брату, сказалъ:

— Ты помнишь, въ тотъ день, когда ты изорвалъ мою пѣсню, ты сказалъ, что всѣ поэты — трусы, и что ни у кого изъ нихъ не достанетъ духу — погибнуть за мысль, которая ихъ одушевляетъ!

Сава засмѣялся и сказалъ:

— Да я это говорилъ просто на вѣтеръ!—

— Ты могъ говорить, какъ тебѣ угодно, но.... ты сказалъ правду!—замѣтилъ Арсеній утвердительно.

— Почему же правду?—спросилъ Сава.

— Довольно обь этомъ! — сказалъ Арсеній и замолчалъ.

Сава тоже молчалъ, и думалъ, что Арсеній начнетъ опять; но не дождавшись, сказалъ:

— Такъ ты на меня не сердишься?

— Нѣтъ! — отвѣчалъ тотъ.

— Вотъ это дѣло!... Признаюсь, я все думалъ, что ты сердишься, и потому больше и поспѣшилъ къ тебѣ, чтобы переговорить и помириться. Кто знаетъ.... можетъ быть, мы и не увидимся!... Я иду въ бой!

— Въ Италию?—спросилъ быстро Арсеній.

Сава, помолчавъ немного, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я принимаю команду надъ тою дружиной, которая собрана въ Пештѣ, чтобы идти на Сентомашъ.

— Ты на Сентомашъ?—спросилъ съ удивленіемъ Арсеній.

— А что?

— Развѣ нѣтъ у Мадяровъ никого кромѣ тебя въ начальники?

— Они выбрали меня, и я считаю это за особую почестъ!

— А знаешь ли ты, кто охраняетъ Сентомашъ?

— Знаю!

— Видно не знаешь, а то не принялъ бы ты этой команды Въ Сентомашъ, противъ котораго ты поведешь войско — заперлись Сербь!

— Бунтовщики, а не Сербь, и я иду не противъ Сербовъ, а противъ бунтовщиковъ!

— Такъ ты считаешь Сербовъ бунтовщиками?

— Это не я ихъ такъ называю, а тотъ, кто имѣетъ на то право.

— Мадярскіе министры?

— Нѣтъ, нашъ Царь!

— Не правда! Царь не называлъ Сербовъ бунтовщиками!

— А ты читалъ Царскій манифестъ къ пограничникамъ?

— Тамъ нѣтъ слова «бунтовщики!»

— Слова нѣтъ, да смыслъ есть!

— Не можетъ быть, чтобы Царь осуждалъ движеніе, которое клонится ко благу всей монархіи!

— По онъ сказалъ пограничникамъ, чтобы они положили оружіе и воротились въ дома!

— Что же ты подъ этимъ разумьешь?

— То, что имъ надо разойтись по домамъ, а если не разойдутся, такъ ихъ разгонять оружіемъ!

— Нѣтъ, а я въ этомъ приказаніи вижу, что Царь нашъ, котораго по справедливости называютъ «добрымъ», желаетъ, чтобы въ его государствѣ не звучало безъ причины оружіе. И за этимъ приказалъ пограничникамъ положить оружіе и разойтись. По тому же самому не можетъ ему нравиться, что и Мадяры поднимаютъ оружіе и начинаютъ междоусобную войну. Но все-таки Царь не сказалъ, чтобы Сербь не имѣли права брать оружіе для защиты своей земли и самихъ себя, — напротивъ сказалъ, что ихъ справедливыя требованія будутъ исполнены.

— Не наше дѣло объ этомъ разсуждать!... Пусть король и его министры рѣшаютъ, что дать и чего не дать, какъ рѣшали и въ Пештъ!

Арсеній подошелъ къ брату и взялъ его за руку:

— Послушайся меня! Ты больше Сербъ, нежели воинъ. Вспомни, какое носишь имя! Святой угодникъ Сава любилъ свой народъ: иди его путемъ! Ты еще молодъ; тебѣ еще будетъ время и послѣ этой несчастной войны прославиться и добиться почестей!

«Нѣтъ, тогда ужъ будетъ поздно! Заяцъ уйдетъ! Вотъ теперь я майоръ — а мѣсяца черезъ три ты увидишь меня полковникомъ! А не пройдетъ года — какъ будетъ у тебя братъ генераломъ Австрійской арміи! Коли я теперь измѣню службѣ, ужъ она никогда меня не пригласитъ — да и не можетъ, и не должна! Что я буду? — отставной капитанъ! Нечего сказать, важный чинъ! Я бы убилъ себя, если бы пришлось до этого дожить!

— А нашъ народъ?

«Нашему народу не миновать этой участи, служи я, или не служи! Если я не поведу противъ него дружину, поведетъ другой. Сверхъ того, я не вижу, чтобы народъ нашъ могъ отъ этого много пострадать. Въ первой же или во второй стычкѣ, онъ хватится за умъ, потерявши нѣсколько сотъ человѣкъ, смирится и будетъ счастливъ, даже счастливѣе, нежели былъ — потому что въ Мартъ приобрѣтено для него то, чего прежде не было вовсе. А можетъ быть онъ усмирится еще и прежде, безъ всякой битвы, какъ увидить, что противъ него собирается такая великая сила!»

— А тебѣ ничего, если станутъ проклинать твое имя! —

«Здравомыслящій человѣкъ не боится несправедливаго проклятiя. То, что съ ними будетъ, будетъ не отъ меня, а отъ войны, которой они сами желаютъ! За что жъ имъ меня проклинать?»

— Думаешь, что и сами Маляры будутъ, уважать человѣка, который пойдетъ противу своихъ?

«Не только будутъ, но и теперь уважаютъ: потому что вы-брали меня. Выйди на улицу, и услышишь, поминаютъ ли чѣ-нибудь имя съ такою честью, какъ мое!»

★

— Теперь тебя чествать, потому что ты имъ нуженъ!

«Пусть такъ.... а послѣ будутъ чествовать за то, что послужимъ вѣрой и правдой!»

— Знаю, знаю, чего ты хочешь! Слава—вотъ твой идолъ! Но знаю и то, что если ты пойдешь противъ Сербовъ и осквернишь свою руку въ ихъ крови, съ этой минуты мы уже не братья! Имъ, которое ты опозоришь этимъ несправедливымъ дѣломъ — не можетъ быть вмѣстѣ и моимъ!

«Да ты возьми другое!»

Арсеній взглянулъ на брата—и слезы показались у него на глазахъ.

— Заклинаю тебя именемъ нашего покойнаго отца, который тебя воспиталъ, и именемъ покойной матери, которая тебя родила, не дѣлай того, отъ чего проснутся ихъ кости въ гробу, отъ чего души ихъ въ раю восплачутъ—выйди въ отставку! Тебѣ есть чѣмъ содержать себя. Я готовъ тебѣ отдать и свою половину, только не ходи противъ своихъ!

Старшій братъ молчалъ.

Арсеній подумалъ, что братъ колеблется. Онъ упалъ передъ нимъ на колѣни, сложилъ руки и сказалъ:

— Никогда и ни передъ кѣмъ я не становился на колѣни, и ни передъ кѣмъ больше не стану—только тебя одного умоляю на колѣняхъ!

Старшій братъ все таки молчалъ.

— Убей меня! продолжалъ Арсеній, воспаляясь — я прощу тебя за это, и буду любить тебя всю вѣчность, какъ брата, не ходи только недругомъ противъ братьевъ твоихъ!

Сава отвѣчалъ:

— Ты говоришь мнѣ какъ малый ребенокъ!

Арсеній, ждавшій его словъ, какъ нѣкоего спасенія, былъ пораженъ точно громомъ. Долго они молчали оба, какъ вдругъ младшій заговорилъ опять:

— Почитай меня, чѣмъ хочешь, только исполни то, о чемъ тебѣ молю!

«Я далъ слово!»

— Возьми его назадъ!

«Этого нельзя сдѣлать!»

— «И ты спокойно можешь глядеть, какъ я умоляю тебя на коленяхъ, и все таки не хочешь исполнить моей просьбы!.. стало быть этого мало тебѣ, что я стою на коленяхъ?»

«Твоя воля: самъ сталъ, самъ можешь и встать!... Что для тебя кажется легкимъ и малымъ, то для меня много.... я не могу отказаться отъ моего слова!» Онъ взялъ шапку и хотѣлъ выйти.

— Неужели мы такъ разстанемся?—вскричалъ младшій братъ съ отчаяніемъ.

«Не проси, чего нельзя!»

— И ты остаешься при своемъ намѣреніи?

«Не вижу причины, почему бы не остаться!»

— О, мой батюшка! О, моя матушка! воскликнулъ Арсеній, поднимая глаза къ небу: вы видите: я сдѣлалъ все, что могъ!

Съ этимъ словомъ онъ всталъ и обратился къ брату, сказавъ ему съ горькимъ упрекомъ:— ступай теперь, куда хочешь! Ступай, омой свои руки въ братской крови! Жги села, и города родныхъ и друзей! Рѣжь и коли дѣтей братниныхъ и дядинныхъ! Разрушь церковь, въ которой крестился и причащался! Это тебѣ ничего не значить! Ты будешь за то генераломъ и славнымъ человекомъ! Вотъ твой идолъ,—ради сего и самая память отца—тебѣ ничего! Этому идолу принесешь ты въ жертву роднаго брата, и еще будешь смѣяться! Ступай и дѣлай то, что тебѣ любо! Но знай, что первая пуля, пущенная съ твоей стороны, убьетъ у тебя брата! Сабля твоя, когда ты только подынешь ее на народъ свой — пресѣчетъ связь, соединяющую насъ! Тогда—нѣтъ у меня брата, и не знай меня! ступай, Богъ съ тобой, ступай, пока у меня еще не совсѣмъ померкло передъ глазами!

— «Виджу и самъ, что у тебя здѣсь (показывая на лобъ) не совсѣмъ здорово! — сказалъ старшій братъ. — Жалю тебя! Все, что могу тебѣ присоветовать, пошли за лекаремъ! Надѣюсь, что ты оправивишься, какъ встрѣтимся въ другой разъ. Прощай!... Но послушай, ты спысливай за лекаремъ!»

Сказавши это, Сава вышелъ. Арсеній закрылъ лицо руками, упалъ на постель, и долго было слышно, какъ онъ стоялъ и вздыхалъ, — какъ будто у него разрывалось сердце.

ДВА ВРАГА.

На другой день, въ десятомъ часу, около Сервитскаго монастыря, собралось множество народа. На монастырскомъ дворѣ строилась помянутая дружина, чтобы итти на битву. Отрядъ Турскаго полка приводилъ въ порядокъ разроставшіяся болѣе и болѣе кучки охотниковъ. Со всѣхъ сторонъ летѣло громкое Ейен!

Вышелъ командиръ. Ейен! (ура!) крикнули ему солдаты, и казалось, стѣны монастыря задрожали. Ейен! откликнулся народъ—такъ что было слышно на Дунавъ.

«Молодецъ!» послышалось въ толпѣ.

— Молодецъ!—отвѣчала другой голосъ.

«Онъ дастъ себя знать Рацамъ!» (*) замѣтилъ третій.

Тутъ командиръ началъ говорить солдатамъ рѣчь, въ которой просилъ ихъ быть вѣрными отчизнѣ, говорилъ, чтобы имѣли въ виду побѣду и славу; что трудъ военный есть трудъ легкой, а смерть на войнѣ сладка; чтобы брали примѣръ съ него, а онъ всю свою жизнь готовъ посвятить славѣ Мадарскаго имени!

Всѣ были довольны рѣчью начальника. Со всѣхъ сторонъ неслись къ нему похвалы и одобренія.

Но вотъ загрѣмѣли барабаны — и дружина двинулась. Господская улица была полна народу. Изъ всякаго окна глядѣло по нѣскольку прекрасныхъ лицъ. Молодой вождь скакалъ на лихомъ жеребцѣ, и кланялся на право и на лѣво. Бѣлые платки колыхались и вѣяли въ окнахъ, а изъ иныхъ сыпались цвѣты. Трудно описать восторгъ юноши. Въ его пламенной головѣ рисовалась картина, какъ онъ—уже побѣдитель и генералъ—поведетъ солдатъ обратно въ городъ.

Между толпами народа былъ и Арсеній. Онъ видѣлъ всеобщее одушевленіе, и слышалъ рѣчи, которыя братъ его говорилъ къ войску.

Воротясь домой, онъ былъ уже совсѣмъ другой чело-
вѣкъ. Всеобщее одушевленіе подѣйствовало и на него; а рѣчи брата указали ему путь, по которому онъ долженъ былъ идти.

(*) Т. е. Сербанъ. Ругательное имя Сербовъ въ Венгерскомъ народѣ.

На другой день, на пароходъ, который отправлялся въ Пожунъ, находился и Арсеній Новаковичъ. Изъ Пожуна онъ отправился въ Вьну, а оттуда за Аграмъ, въ Карловецъ.

Между тѣмъ, наканунѣ Св. Стефана, произошла битва при Сентомашѣ. Какъ она произошла, это всѣмъ извѣстно. 12 часовъ гремѣли пушки. Въ этой битвѣ самъ Богъ хранилъ Сербовъ. Въ восемь часовъ вечера подошелъ къ Сентомашу капитанъ Бигга, съ четырьмя отрядами втораго варадинскаго батальона. У осажденныхъ всего навсѣ было 1800 ружей и 1200 Сентомашскихъ гражданъ и Мохолацевъ съ вилами и косами. Непріятели были въ строю, какъ послѣ узнали изъ перехваченныхъ писемъ, отъ 25 до 30 тысячъ человекъ, и слишкомъ 40 пушекъ. Маляры ударили на Сентомашъ, въ полной надеждѣ взять его первымъ приступомъ. Въ Пештъ были отправлены плошки, чтобы торжествовать иллиминаціей побѣду. Въ Варадинъ были назначены балы. А изъ Вуковара отправились иныя въ Румъ, чтобы тамъ праздновать Стефана. Непріятель нападалъ жестоко. Батальонъ Александровскаго пѣхотнаго полка ходилъ три раза на приступъ, но всякой разъ былъ отбиваемъ съ урономъ. Одинъ отчаянный Маляръ вскочилъ на насыпь, и ухватился рукою за нашу пушку, но въ то же мгновеніе ханджаръ упалъ ему на руку, а штыкъ опрокинулъ его внизъ. На отсѣченной рукѣ нашъ драгоцѣнный перстень. Наконецъ пошла на приступъ, и та дружина, которою командовалъ Сава Новаковичъ. Она глядѣла уже совсѣмъ не такъ, какъ въ Пештъ, за нѣсколько времени передъ симъ. Одно только лицо не измѣнило выраженія—это было лицо самого вождя. Онъ точно также увѣщавалъ солдатъ; напоминалъ имъ, что они должны воротиться въ Пештъ побѣдителями, и наконецъ далъ знакъ идти на приступъ.

Въ этотъ мигъ засвистали ядра между ихъ рядами — и нѣсколько солдатъ повалилось. *Jaj istenem!* закричали они такъ громко, что наши могли слышать, — и всѣ побѣжали въ разныя стороны, кидая оружіе и сумки съ патронами, а иныя даже одежду и обувь. — Въ обозъ у нихъ были телеги, для перевоза мертвыхъ и раненыхъ: — бѣжавшіе Маляры бросились на эти телеги — и скорѣе въ Пештъ! Командиръ остался

на мѣстѣ, какъ окаменѣлый. Вокругъ его сыпались ядра и гранаты. Лице его горѣло отъ стыда за своихъ; изъ глазъ бѣжали слезы отъ ярости и досады. Тутъ подошло къ нему нѣсколько офицеровъ; они стали уговаривать его воротиться назадъ.

«Нѣтъ, пустите! я хочу погибнуть!»

— Изъ-за этихъ трусовъ, которые васъ такъ позорно оставили!

«Я не могу пережить этого срама!» отвѣчалъ онъ, и вынулъ саблю, чтобы разкроить себѣ черепъ.

Офицеры выхватили у него изъ рукъ саблю, и отвели его въ безопасное мѣсто.

Въ это время былъ раненъ полковникъ Баконій, командовавшій Александровскимъ полкомъ. Сава сталъ просить позволенія занять его мѣсто. Это было ему дозволено — и Александровцы пошли съ новымъ командиромъ на приступъ. Приступъ былъ самый отчаянный. Дѣло доходило до рукопашнаго боя. Какъ слѣпые, лѣзли непріатели на окопы. Наши принимали ихъ на вилы, подкашивали косами, и сыпали имъ въ глаза песокъ. Оставивши 40 тѣлъ подъ завалами, предводитель Пештскихъ охотниковъ, самъ раненый въ руку, отступилъ отъ Сентомаша.

Александровскій батальонъ былъ въ этотъ день совсѣмъ уничтоженъ.

Генералы были довольны храбростью Новаковича, и облобызились съ нимъ по-дружески, говоря:

— Вы отвѣтили нынче за всѣхъ своихъ, которые убѣжали въ Пешть!—Вы смыли позоръ ихъ своею кровью!

Ужасная потеря принудила непріателя прекратить сраженіе. Въ безпорядкѣ онъ отступилъ къ Варадину. Если бы у нашихъ была конница, то они могли бы его преслѣдовать и уничтожить совсѣмъ. Недостатокъ въ лошадяхъ на сторонѣ нашихъ спасъ Мадяръ въ настоящую минуту, какъ спасалъ много разъ послѣ.

У насъ убито всего только 7 человекъ. Письма непріателя, захваченныя во время бою, свидѣтельствовали, что Мадяры потеряли 800 убитыми и ранеными.

Этот славный бой оживил сердца наших надеждою. Въ этомъ одушевленіи нашелъ ихъ Арсеній Новаковичъ, прибывшій въ лагерь.

Въ Сентябрской битвѣ при Сентомашѣ отличился особенно одинъ молодой человекъ, въ рядахъ храбраго Михаила. Его отважная и правильно веденная атака доставила намъ побѣду. Этотъ молодой человекъ былъ Арсеній.

Братъ его за отличіе въ первой битвѣ былъ произведенъ въ полковники. Вскорѣ потомъ онъ перешелъ въ армию Перцеля, уже въ чинѣ генерала.

Какъ Перцель неистово мстилъ храброму щайкашскому батальону, по взятіи Сентомаша — это извѣстно всѣмъ. Народъ проклиналъ въ особенности Мадярскаго генерала Саву Новаковича, который отличался отъ всѣхъ своимъ зверствомъ и безчеловѣчьемъ.

Когда полковникъ Императорской службы Пуфферъ вступилъ въ монастырь Ковиль, въ его рядахъ находился Арсеній Новаковичъ. Онъ увидѣлъ слѣды грабежа и жестокости непріятеля въ святой обители. Монастырь былъ сожженъ. Гроба раскрыты и мертвецы выброшены вонъ; иконы изрублены и осквернены. Колодцы наполнены мертвыми тѣлами. Подъ столѣтнія деревья подложенъ огонь.

Возмутилась душа Арсенія отъ этого зрѣлища. «И это все совершилось передъ глазами моего брата, и можетъ быть — по его приказанію!» сказалъ онъ, стараясь подавить въ себѣ грустное и тяжелое чувство.

Съ этой минуты опять старое облако печали покрыло его лицо. Три дни онъ никуда не показывался. Въ его душѣ происходила ужасная борьба. На четвертый день онъ пришелъ къ полковнику и объявилъ ему, что намѣренъ идти въ Варадінъ.

— Чтожъ, развѣ вамъ надобно жить? спросилъ удивленный полковникъ.

— Нѣтъ.... но я васъ прошу! — Позвольте! — отвѣчалъ Арсеній спокойно.

— Что вы тамъ будете дѣлать? спросилъ снова начальникъ.

— Ничего такого, что бы повредило нашему оружію!

— Я въ этомъ увѣренъ, но увѣренъ также и въ томъ, что тамъ... не безопасно!—отвѣчалъ полковникъ.

— Такъ ... но я отдалъ всего себя нашей жизни, которая исполнена опасности!

— Тѣмъ не менѣе вы должны беречь себя!

— Полковникъ! Я васъ умоляю! Позвольте мнѣ отправиться въ Варадинъ! Если когда-нибудь я стоилъ награды, то пусть мнѣ будетъ наградой — ваше позволеніе!

— Вы заслужили другую награду, и скоро ее получите.

— Но я васъ прошу — отпустить меня въ Варадинъ — и только!

Полковникъ, видя упорство молодаго человека — уступилъ его просьбѣ — и Арсеній отправился. Къ вечеру того же дня онъ достигъ первыхъ непріятельскихъ укрѣпленій, подъ Новымъ Садомъ.

По требованію его, солдаты отвели его въ Варадинъ къ Перцелю.

У Перцеля Арсеній нашелъ своего брата.

Послѣдній не могъ не удивиться его прибытію.

«Какъ ты здѣсь?»—спросилъ онъ его быстро.

— Изъ Мошоринскаго лагеря! — отвѣчалъ Арсеній.

«Кто это?» — спросилъ Перцель у генерала Новаковича, увидѣвъ, что онъ говоритъ съ пришедшимъ.

— Это мой братъ!—отвѣчалъ генераль.

Перцель подошелъ, и взглянулъ на Арсенія, потомъ, обратясь снова къ генералу, сказалъ: «Кажется не надобно спрашивать, кто онъ тебѣ! Я отъ роду не видалъ, чтобы братъ такъ походилъ на брата! Одѣнься онъ въ твое платье и всякій голову дастъ на отсѣченье, что это ты! И онъ также воинъ?»

— Не по хлѣбу, а по дѣлу, генераль! — отвѣчалъ Арсеній.

«Бывали вы въ сраженіи?»

— Только 12 разъ!—

«И по своему обычаю — всегда впереди всѣхъ?»

— Какъ случится!

«Понимаю! — впереди всѣхъ, когда нападаютъ, и сзади всѣхъ, когда отступаютъ! Это само собою разумѣется! Брату нашего храбраго генерала иначе и нельзя!... Не были ли мы гдѣ-нибудь вѣсть?»

— Много разъ!

«Гдѣ напиримъ?»

— Подъ Меленацемъ!

«На какомъ крылѣ были вы?»

— На правомъ!

«Что побѣжало отъ нашихъ?»

— Нѣтъ, — что заставило вашихъ попытаться!

«А славная, мастерская была атака!»

— Вамъ лучше знать объ этомъ!

«Чудная атака, какую когда-либо я видѣлъ! Мы думали, что побѣда наша — какъ вдругъ выросъ передъ нами цѣлый баталіонъ отчаянныхъ храбрецовъ! Не прошло двухъ минутъ, смотрю — наши бѣгутъ — разсыпались, какъ мякина отъ вѣтру! Чей это былъ баталіонъ?»

— Басарабичевъ изъ Кикинды (*).

«Кто батальонный командиръ?»

— Маіоръ Стефановичъ, изъ генераль-штаба Кничанива, и потомъ Басарабичъ!

«И вы были тамъ?»

— Я велъ первую дивизию!

«Браво!... Но скажите мнѣ, отъ чего ваши не воспользовались побѣдой? Вы могли бы насъ перебить всѣхъ до одного!»

— Мы знаемъ это очень хорошо! Но.... таково было распоряженіе главныхъ начальниковъ! Въ то время, какъ мы рѣзались съ вами, нашъ арріергардъ отступалъ къ Сакулу, а вслѣдъ за тѣмъ и мы получили приказаніе ретироваться!

«Я очень радъ, что могу привѣтствовать такого храбраго врага!... Но скажите, чему я обязанъ, что вы сдѣлали мнѣ честь, посѣтили меня въ моемъ лагерѣ?»

— Позвольте мнѣ прежде переговорить съ моимъ братомъ, — а потомъ узнаете, за чѣмъ я пришелъ!

(*) Кикинда — городъ въ Банатѣ.

Перцель взглянул на генерала Новаковича. Эгого, самъ не зная отъ чего, глядѣлъ на брата съ какой-то неприязнью, когда онъ разговаривалъ съ Перцелемъ. Тутъ, взявши въ руки шапку, онъ сказалъ: пойдѣмъ ко мнѣ!

— Всего — нѣсколько минутъ, генераль! сказалъ Арсеній Перцелю — и я къ вашимъ услугамъ. Вы услышите отъ меня удивительныя вещи!

Когда братья пришли въ комнату Сава, младшій осмотрѣлся и увидѣлъ на столѣ два пистолета. Потомъ онъ обратился къ брату. Лице его было мрачно.

— Ты не послушался меня, ты пошелъ къ нимъ, Сава!

— Ты опять за старую пѣсню! Если такъ, то... лучше бы не пѣть вовсе!

— Нѣтъ, я съ новой пѣсню, Сава! Только не знаю, которая зазвучитъ тебѣ пріятнѣе въ уши!

— Говори, что такое?

— Ты обмылъ свои руки въ братской крови?

Сава молчалъ.

— Ты истребилъ Шайкашскій баталіонъ?

Сава молчалъ.

— Ты обратилъ въ пепелъ монастырь Ковиль?

Сава молчалъ.

— Ты выбросилъ изъ гроба кости безсмертнаго нашего Раича?

Сава все таки молчалъ.

— Ты нашимъ святымъ угодникамъ повыкололъ глаза?

Сава все молчалъ.

— Кого прокликаетъ наша народъ, и вставая и ложась Тебя!

Не я все это сдѣлалъ — отвѣчалъ наконецъ генераль: это сдѣлали разъяренные солдаты!

— Хорошъ-же ты генераль, коли не можешь удержать солдатъ отъ грабежа! Слава, которую добываетъ войско — падаетъ и на генерала... такъ и позоръ войска падаетъ на начальника!

Послѣ этого они оба долго молчали.

Арсеній началъ первый: — Ты захотѣлъ сдѣлаться генераломъ, и вотъ ты генералъ!... Но ты ошибаешься, если думаешь, что воротишься въ Пешть, увѣнчанный славою... ты долженъ умереть!

«Что ты, съ ума сошелъ?» сказалъ генералъ, взглянувъ на страшное лицо Арсенія.

— Ты долженъ умереть, говорю я тебѣ! — повторилъ тотъ грозно: умереть отъ моей руки, и сію-же минуту!

Сава положилъ руку на саблю.

Но Арсеній, замѣтивъ его движеніе, бросился какъ молнія къ столу, и схватилъ оба пистолета.

— Молись Богу! Ты ляжешь очистительной жертвой за твои грѣхи — молись!

Арсеній навелъ пистолеть.

Въ это мгновеніе смѣлость духа старшаго брата явилась во всемъ своемъ блескѣ. Онъ раскрылъ передъ братомъ грудь и сказалъ: стрѣлай! убей брата, какъ убилъ отца!

Арсеній на это отвѣчалъ:

— Я былъ тогда безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ судьбы, а теперь я съ полнымъ сознаніемъ заступаю ей мѣсто!

Раздался выстрѣлъ — и Сава повалился какъ спопъ.

Арсеній подошелъ къ брату и, плача, поцѣловалъ его въ лобъ.

— Теперь я пойду къ Перцелю: пусть судить меня, какъ знаетъ! но — одно слово! Ты сказалъ, что пѣвецъ не можетъ умереть за свою любимую мысль. Ты не угадалъ! Видишь — я жертвую собою!

На выстрѣлъ сбѣжались офицеры со всѣхъ сторонъ. Пришелъ и самъ Перцель. Онъ бросился помогать умирающему товарищу, но — все было напрасно. Еще разъ онъ открылъ глаза; хотѣлъ что-то сказать, но уста двигались, не произнося ничего. Онъ вздохнулъ еще разъ — и испустилъ духъ.

«Что тут такое случилось? — спросил Перцель окружающих.

— Больше ничего, какъ.... я его убилъ! — сказалъ Арсеній спокойно, какъ ни въ чемъ не бывалъ.

«За что ты его убилъ?

— За то, что онъ проливалъ кровь своихъ, жегъ ихъ жилища, разрушалъ храмы, осквернялъ святыхъ!

«Я думаю, тебѣ будетъ весело отправиться вслѣдъ за нимъ?

— Коли дашь подорожную, отъ чего-же.... въ компаніи веселѣе путешествовать!

«Такъ отправьте же его! — сказалъ Перцель, и Арсенія вывели. Не прошло 10 минутъ, какъ явился офицеръ, и донесъ Перцелю, что его приказаніе исполнено.

«Какъ онъ умеръ? — спросилъ Перцель.

— Какъ будто бы и не думалъ умирать! — отвѣчалъ офицеръ.

«Вотъ народъ! Немуद्रено, если эта горсть людей такъ долго намъ сопротивляется! Если у нихъ много такихъ молодцевъ, какъ этотъ, — мы никогда ничего не сдѣлаемъ!»

ГОСПОДИНЪ ГУСОН.

Отрывокъ изъ неизданнаго романа Жоржа Занда.

.....

— Вы смѣтаетесь надъ этимъ?—сказалъ въ свою очередь мосѣ Гинъ, лицо котораго сдѣлалось очень серьезнымъ;—и вы смѣтаетесь тѣмъ болѣе, что я не смѣюсь. Друзья мои! было время, когда я также ничему не вѣрилъ; но приключеніе, случившееся со мною въ молодости, произвело на меня такое впечатлѣніе, что съ тѣхъ поръ я не люблю, когда шутятъ надъ подобными происшествіями.

.....

Наконецъ, послѣ долгихъ просьбъ, онъ началъ свой рассказъ такъ:

Это было въ 1730 году; мнѣ было тогда двадцать лѣтъ, и я былъ довольно красивый молодой человекъ, хотя теперь этого подумать и нельзя. У меня еще не было этой плыши, этого толстаго носа, маленькихъ красныхъ глазъ и поблекшихъ щекъ; цвѣтъ лица былъ у меня свѣжій, глаза живые, носъ еще не успѣлъ познакомиться съ табакомъ, ростъ былъ стройный, хотя и не большой, ноги чудесныя, какъ это можно видѣть еще и теперь. Однимъ словомъ, я былъ прекрасный маленькій кавалеръ, не лишенный ловкости и ни мало не робкій; я уже умѣлъ перенимать отъ лицъ, съ которыми встрѣчался, всѣ ихъ манеры, какъ хорошія, такъ и дурныя; я сочинялъ мадригалы хорошенькимъ дамамъ, клялся съ старыми служаками, философствовалъ съ учеными, разсуждалъ съ лицами духовнаго званія, болталъ вздоръ съ маркизами. Словомъ, я всѣмъ нравился и вездѣ имѣлъ успѣхъ, и благодаря моему званію актера и литератора, былъ принимаемъ съ удовольствіемъ, вездѣ, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ обществѣ. Я отправлялся въ почтовой коляскѣ изъ Ліона въ Дижонъ, чтобы догнать труппу провинціальныхъ актеровъ, къ которой я принадлежалъ. Это было въ срединѣ осени, погода была туманная и довольно свѣжая.

Около десяти лѣтъ долженъ былъ я ѣхать вмѣстѣ съ какимъ-то барономъ де-Герне, который пріѣхалъ по дѣламъ въ окрестности Ліона, и теперь отправлялся ночевать въ свой замокъ, лежавшій въ одной небольшой долинѣ Бургони, во ста шагахъ отъ большой дороги. Онъ очень много болталъ, былъ до чрезвычайности любопытенъ и страстно любилъ стихи и романы. Я очаровалъ его своимъ разговоромъ, и онъ не хотѣлъ со мною разставаться, какъ скоро узналъ, что я актеръ и писатель. Это былъ одинъ изъ тѣхъ *dilettanti*, у которыхъ въ карманѣ всегда есть маленькій драматическій фарсъ, и которые надѣются, что вы найдете ихъ фарсъ превосходнымъ, примете его въ подарокъ, и тѣмъ доставите имъ удовольствіе видѣть его поставленнымъ на сценѣ ближайшаго города. Въ этомъ пунктѣ я ему не поддавался, но тѣмъ не менѣе принялъ предложеніе провести ночь въ его домѣ. Коляска должна была остановиться, и въ небольшомъ разстояніи отъ замка, а внѣшность моего барона общалась мнѣ лучший ночлегъ и лучший ужинъ, нежели гостинница, въ которой я былъ бы принужденъ провести двѣнадцать или пятнадцать часовъ, прежде нежели могъ бы отправиться далѣе.

И такъ, мы остановили коляску передъ входомъ въ аллею, примыкавшую къ большой дорогѣ. Два лакея, въ коротенькихъ ливреяхъ, ожидали насъ для того, чтобы понести трость и портфель барона. Они взяли мой чемоданъ, и мы направили шаги къ замку де-Герне, который при закатѣ солнца показался мнѣ очень красивымъ.

— *Parbleu!*—сказалъ баронъ дорогою, —баронесса очень удивится, увидя со мной незнакомаго.

— И можетъ быть, болѣе разсердится, нежели удивится, — прибавилъ я, —когда баронъ ей скажетъ, что этотъ незнакомый—комедіантъ.

— Нѣтъ, —возразилъ онъ, —жена моя не имѣетъ предрассудковъ. Вы увидите, что она очень умная женщина! Она настоящая Парижанка, и даже слишкомъ, терпѣть не можетъ деревни, она тутъ всего только три дня, а уже утвержда-

что я хочу ее похоронить здѣсь. По этому ей будетъ очень пріятно ужинать съ такимъ любезнымъ кавалеромъ, какъ вы; а если бы вы не такъ устали, и могли бы потомъ продекламировать ей нѣсколько тирадъ или прочесть мою маленькую пьесу, которой она никогда внимательно не слушала, то вы ее прочтете, какъ ангель, въ этомъ я увѣренъ....

Я увидалъ, что мнѣ надо будетъ заплатить за ночлегъ, и добровольно покорился своей участи, обѣщая барону прочесть и продекламировать все, что ему будетъ угодно.

—Вы прелюбезный человекъ, — вскричалъ онъ, — и я такъ вами доволенъ, что намѣреваюсь заставить васъ прозвѣвать завтра почту, и пробывать у меня въ замкѣ сорокъ часовъ.

— Конечно, — сказалъ я, — предложеніе было бы очень соблазнительно, если бы....

— Безъ условій, — возразилъ онъ. — Вы увидите, любезный другъ мой, что это жилище пріятное, и такъ хорошо убранное, какъ будто оно всегда было обитаемо. А вотъ уже три года, какъ я здѣсь не бывалъ даже мимоходомъ; я женатъ уже три года, а баронесса не хотѣла даже пріѣхать поглядѣть, голубятникъ-ли это или замокъ. И сколькихъ трудовъ стоило мнѣ уговорить ее пріѣхать на мѣсяцъ, потому что мнѣ, по крайней мѣрѣ, пужень мѣсяцъ, для пріема новаго управляющаго и для передачи ему моихъ дѣлъ. А вы понимаете, мой любезный... Какъ васъ зовутъ?

— Росидоръ, баронъ, — отвѣчалъ я. (Въ то время я такъ назывался).

— Да, да, Росидоръ, — возразилъ онъ; — вы мнѣ уже это говорили, извините меня. И такъ, вы понимаете, любезный мой Росидоръ, что я не могъ оставить въ Парижѣ на цѣлый мѣсяцъ такую молоденькую жену, которая при томъ, только что лишилась своей душеньки теткѣ.

— Баронъ не захочетъ заставить меня думать, — возразилъ я съ улыбкою, — что онъ имѣетъ готическое несчастье; быть ревнивымъ.

— Не ревнивымъ, а осторожнымъ. Надо всегда быть осторожнымъ. Одни только фаты всегда покойны.

Вы видите, что баронъ говорилъ иногда умно, но онъ не всегда такъ дѣйствовалъ, какъ вы скоро это увидите; такъ вѣрно то, что дѣлать и говорить не одно и тоже.

— До сихъ поръ, — сказалъ Фіорвиль, — исторія пріятна, но я не вижу въ ней и тѣни привидѣнія.

— Потерпите, — сказалъ мосѣ Гинь. — Слушайте меня со вниманіемъ, хотя сначала вамъ покажется, что разсказъ мой уже слишкомъ обилень подробностями.

Баронъ опередилъ меня на нѣсколько шаговъ, чтобы извѣстить обо мнѣ свою жену. Узнавши, что съ нею будетъ ужинать *мужчина*, она кликнула свою горничную, чтобы немножко пріодѣться: но потомъ, узнавши, что незнакомецъ актеръ, она ее отпустила, думая, что актеръ столько же мужчина, сколько и мужъ. Но когда я съ нимъ представился, то моя фигура и молодость заставили ее подумать, что я, можетъ быть, дѣйствительно нѣчто въ родѣ мужчины, и она вышла изъ залы за минуту до ужина. Когда она возвратилась, я очень хорошо замѣтилъ, что пудры и лентъ на ней было побольше прежняго.

Баронесса де-Герне была скорѣе пріятна, нежели хороша, скорѣе кокетка, нежели умна; но въ двадцать лѣтъ на это не слишкомъ смотреть. Я нашелъ ее очаровательною и не замедлилъ дать ей это понять. Она съ своей стороны дала понять мнѣ, что не оскорбляется моимъ сужденіемъ, но что будетъ видѣть во мнѣ только актера, по крайнѣй мѣрѣ до конца ужина.

Между ею и мужемъ произошла маленькая семейная ссора, которой бы они не позволили себѣ въ присутствіи незнакомца высшаго сословія, и которая, не смотря на мостичеславіе, доказала мнѣ, что на меня смотреть какъ на лицо незначительное. Я рѣшился, по крайнѣй мѣрѣ, въ глазахъ баронессы, придать себѣ нѣсколько болѣе важности. Я былъ еще довольно простъ, и думалъ, что интрига съ знатною дамою можетъ измѣнить положеніе вопроса. Впрочемъ, я не находилъ большаго интереса въ предметъ ихъ спора.

Однако же я долженъ обратить на него ваше вниманіе: онъ составляетъ завязку моей исторіи.

— Вы, какъ кажется, импровизируете романъ, — сказалъ Флоримонъ, зѣвая безъ малѣйшей учтивости.

— Вы увидите, — возразилъ мосьё Гинь, — какъ онъ будетъ прозаиченъ для того, чтобы произвести эффектъ. Ссора барона и баронессы продолжалась съ четверть часа; она касалась двухъ управляющихъ, изъ которыхъ — одинъ умеръ передъ пріѣздомъ баронессы, а другой, назначенный на его мѣсто, не торопился пріѣзжать. Такъ какъ баронессъ было скучно въ деревнѣ, и она желала, чтобы баронъ одинокъ справилъ тамъ свои дѣла, и принялъ новаго управляющаго, то она находила, что мосьё Руссе глупо сдѣлалъ, что умеръ въ то самое время, когда весь большой свѣтъ возвращается въ Парижъ, и когда никто не живетъ въ деревнѣ. Она находила, что мосьё Бюссонъ также глупъ, что заставляетъ себя ждать; и давала понимать, что не умнѣе ихъ обоихъ и баронъ де-Герне, поторопившійся и поторопившій ея навстрѣчу управляющему котораго обязанность — ждать, а не быть ожидаемымъ.

— Во первыхъ, моя милая баронесса, — говорилъ баронъ, — этотъ бѣдный Руссе умеръ какъ нельзя позднѣе: ему было восемьдесятъ два года, и онъ сохранялъ удивительный порядокъ въ дѣлахъ и въ домѣ, въ продолженіи тридцати или сорока лѣтъ, какъ управлялъ имуществами моего семейства. Это былъ человекъ дорогой, о которомъ я долженъ жалеть. Вы видите, въ какомъ прекрасномъ видѣ и порядкѣ оставилъ онъ это жилище.

— Это мнѣ все равно, — сказала баронесса, — я его не знала, и потому не могу раздѣлять вашихъ сожалѣній. При томъ, вы все преувеличиваете, баронъ. Моя горничная, которая разговаривала съ здѣшними лакеями, говорила мнѣ, что этотъ старикъ былъ жаденъ какъ гарпагонъ, и что онъ уже давно сошелъ съ ума.

— Конечно, способности его съ лѣтами ослабѣвали. Но этого не видать изъ управленія его моими дѣлами; что же

касается до его экономіи, то, такъ какъ она послужила къ моей пользѣ, то я и не могу жаловаться на нее.

— Ну, хорошо, — сказала баронесса, — я вамъ прощаю вашего Руссе, потому что онъ уже умеръ; но я не прощу вамъ вашего Бюиссона. Его я знаю столько же, сколько и Руссе, и на него я болѣе сердита; онъ до того дерзокъ, что до сихъ поръ еще не пріѣхалъ. Одни только вы, баронъ, можете нанимать такихъ людей, которые показываютъ видъ, что вступаютъ къ вамъ въ услуженіе только по вашимъ усиленнымъ просьбамъ. Какой-то москѣ Бюиссонъ держитъ васъ здѣсь на привязи, и не даетъ вамъ ничего начать и кончить. Нѣтъ, мой другъ, я вамъ объявляю, что если вашъ москѣ Бюиссонъ завтра не пріѣдетъ, то я уѣду, и предоставлю вамъ на волю слѣдовать за мною или остаться здѣсь.

— Будьте потерпѣливѣе, мой милый другъ; вы меня съ ума сведете, — вскричалъ баронъ. — Москѣ Бюиссонъ пріѣдетъ завтра утромъ, а можетъ быть и нынче вечеромъ. Я еще сегодня утромъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ мнѣ это пишетъ. Да чего вы хотите! управляющій не лакей, и пока онъ еще не вступилъ въ должность, я не могу давать ему приказанія.

— Надо было бы написать ему, чтобы онъ поторопился, если не хочетъ лишиться мѣста.

— Ну, ужъ этого я бы не сдѣлалъ: онъ отрекомендованъ мнѣ съ очень хорошей стороны, онъ въ своемъ родѣ столько же для меня дорогъ, сколько и бѣдный Руссе.

— Да, если онъ не такой же дуракъ, — сказала баронесса съ досадою; — мнѣ кажется, что вы поклялись брать управляющихъ изъ домовъ умалишенныхъ.

Баронъ не могъ удержаться, чтобы не пожать отъ нетерпѣнія плечами, и вставая изъ-за стола, сказалъ лакею:

— Лапьеръ, прикажи дворнику не спать до полуночи. Москѣ Бюиссонъ, мой новый управляющій, можетъ пріѣхать поздно вечеромъ.

— Слушаю, баронъ, — отвѣчалъ Лапьеръ; — я позабочусь объ этомъ самъ. Комната покойнаго Руссе совершенно готова для принятія москѣ Бюиссона.

Послѣ этого мы перешли въ гостиную, и совершенно забыли о господахъ Бюиссонъ и Руссе. Баронесса благо-разсудилось обо мнѣ вспомнить, и меня попросили продекла-мировать стихи. Я предложилъ прочесть пьесу барона; но баронесса сказала, что она ее уже слышала разъ шесть, что она ее знаетъ наизусть, и что предпочитаетъ Корнеля и Расина. Но я упорствовалъ вмѣстѣ съ барономъ, желая отомстить ей за ея важничанье передо мною. Наконецъ, было условлено, что я прочту лучше отрывки изъ пьесы ба-рона. О, какіе это были дивные отрывки. Послѣ этого я могъ выбирать, что мнѣ было угодно.

Я замѣтилъ, что баронъ усталъ до чрезвычайности, и что только одно авторское самолюбіе не позволяло ему уснуть во время чтенія его пьесы. Я усыпилъ его оконча-тельно монотоннымъ чтеніемъ тяжлыхъ тирадъ изъ на-шихъ старинныхъ писателей. Я съ напыщенностью читалъ ему отрывки изъ Продона, Мере и Кампистрона, и наконецъ, онъ захрапѣлъ вслухъ.

Баронесса звала; она находила меня холоднымъ; моя декламация и выборъ стиховъ заставили ее подумать, что я плохой актеръ и человѣкъ безъ вкусу. Ей вздумалось након-ецъ подшучивать надъ сонливостью мужа. Онъ на это раз-сердился, и ушелъ въ свою спальню, оставивши меня съ нею и съ ея компаньонкою, шившею на другомъ концѣ гостиной, и не замедлившею исчезнуть, либо потому, что была также усыплена моимъ голосомъ, либо потому, что съ одной сто-роны получила приказаніе не отлучаться отъ баронессы, а съ другой, не оставаться вмѣстѣ съ нею, какъ скоро баронъ куда-нибудь отправится. Такимъ образомъ, я очутился на-единѣ съ маленькою баронессою, которая, новидимому, согла-силась остаться вмѣстѣ со мною только за немнѣніемъ луч-шаго препровожденія времени или изъ любопытства. Я тот-часъ же нагнувшись въ лицѣ, положеніи и голосѣ. Изъ пло-хаго провинціальнаго комедіанта я дѣлаюсь актеромъ, ка-кимъ вы меня знаете, и какимъ я былъ уже тогда. Я бро-саю роли Агамемнона и Августа, и овладаваю ролями юно-сти и страсти, я дѣлаюсь Сидомъ у ногъ Химены, Титомъ,

вдыхающимъ по Вереникъ; потомъ, я узнаю, что баронесса хорошо знаетъ итальянскій языкъ, и по ея просьбѣ импровизирую сцену à l'italienne. Уже моя молодая кастелянша, пришла въ волненіе, увидя меня въ совершенно новомъ свѣтѣ. Ея голубые глаза, казалось, пролили нѣсколько слезинокъ, и грудь ея тяжело подымалась; я замѣтилъ, что глаза ея сверкали, а руки пылали, ибо однимъ удачнымъ жестомъ мнѣ удалось коснуться ея руки. На вопросъ, отчего въ сценахъ à l'italienne у насъ такъ легко вяжется разговоръ, что кажется публикѣ заученнымъ наизусть,—я имѣлъ ловкость отвѣчать, что это гораздо болѣе зависитъ отъ отвѣчающихъ намъ актеровъ, нежели отъ содержанія пьесы, и что иногда играющее съ нами лицо взглядами сообщаетъ намъ свое вдохновеніе, и дѣлаетъ насъ краснорѣчивыми. Такъ, напримѣръ, говорилъ я въ любовной сценѣ можетъ случиться, что естественно выразимъ чувство, внушаемое играющею актрисою. Это бываетъ, и я увѣренъ, что я былъ бы высокъ въ нѣкоторыхъ роляхъ, если бы передъ моими глазами находился такой же совершенный предметъ, о какомъ я мечтаю во время обдумыванія моей роли.

Баронесса задумалась.

— Мнѣ бы очень желательно было,—сказала она,—видѣть и слышать васъ въ одну изъ этихъ минутъ вдохновенія.

— Это отъ васъ зависитъ,—отвѣчалъ я.

— Какъ такъ? спросила она тономъ утонченной наивности.

— Извольте только допустить слѣдующее сценическое предположеніе. Я, напримѣръ, Ливваль или Валерій, я люблю Селіанту или Хлою. Я жалуясь въ монологъ на ея суровость. Одолжите меня своимъ вниманіемъ, я сей-часъ начну. Сначала я, можетъ быть, буду нѣсколько холоденъ; но вы встаньте сзади меня, какъ будто хотите узнать тайну моей страсти. Я увижу васъ въ зеркалѣ, и вы будете поощрять меня вашими взорами. Однако же роль моя не позволяеть мнѣ этого замѣчать, и я буду имѣть такъ мало надежды, что выну шпагу, чтобы вонзить ее себѣ въ грудь. Вы меня останавливаете, говоря: я люблю тебя....

— Въ самомъ дѣлѣ мнѣ надо вамъ это сказать?

— Да, баронесса, это не долго затвердить; и надо, чтобы вы это сказали съ душою, такъ чтобы произвели во мнѣ нѣкотораго рода иллюзію. Тогда я брошусь къ вамъ въ ноги, и начну выражать свою признательность. Я увѣренъ, что и найду тогда самыя страстныя выраженія, и игра моя такъ приблизится къ истинѣ, что вы сами обманетесь.

— Хорошо, сказала баронесса, мнѣ очень любопытно это видѣть, и я попробую принять участіе въ этомъ разговорѣ. И такъ, начинайте; я становлюсь сзади васъ и смотрю на васъ.

— Да не такъ, баронесса! надо играть немного, надо придать пантомимѣ нѣкоторую нѣжность!

— Да вы начните сперва говорить. Я не могу знать, любите ли вы меня, если вы мнѣ этого не сказали.

— О, Аминта! вскричалъ я. (Я слышалъ, что баронъ ее такъ называлъ).

Послѣ этого, я въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ говорилъ разный вздоръ, потомъ показавъ видъ, что хочу заколоться; но моя принцесса остановила меня, вскричавши: я люблю тебя,—съ гораздо большимъ жаромъ, нежели какъ я надѣялся. Я, однакоже, жаловался на сухость ея выраженія, и заставилъ ее повторить нѣсколько разъ, настаивая въ особенности на томъ, чтобы она брала меня за руки, для воспрепятствованія совершить самоубійство. Былъ ли это инстинктъ актрисы, или истинное волненіе, но она такъ хорошо выполнила свою роль, что воображеніе мое воспламенилось. Я всталъ передъ нею на колѣни, и, страстно цѣлуя у ней руки, такъ превосходно сталъ говорить, что она, казалось, забыла, что это игра; я только того и желалъ, и уже обожрился было до такой степени, что хотѣлъ ей говорить лично отъ себя, какъ вдругъ замѣтилъ, что жаръ нашей декламации и пантомимы нѣмалъ намъ видѣть, что мы не одни. Я сдѣлалъ быстрое движеніе, чтобы придать себѣ обыкновенный видъ; а баронесса, обернувшись назадъ, чтобы увидать причину моего изумленія, вскрикнула отъ испуга. Но мы просто пришли въ оцѣпенѣніе, когда увидали, что это былъ ни баронъ, ни дуенья, ни даже никто изъ

домашнихъ, но человекъ, столько же незнакомый баронессѣ, сколько и мнѣ самому.

Это былъ маденькій, очень желтый и худощавый старичекъ, одѣтый въ довольно чистый, хотя и нѣсколько изношенный оживковаго цвѣта камзолъ съ не большимъ галуномъ изъ потускнѣвшаго серебра; тканые чулки, старый парикъ, очки и огромная трость изъ чернаго дерева, набалдашникъ которой изображалъ головку негра, украшенную сердоликовою чалмою, составляли прочія принадлежности его костюма. Въ ногахъ его, — ибо онъ уже успѣлъ присѣсть къ камину, — валялась отвратительная черная собака. Онъ, казалось, такъ былъ занятъ согрѣваніемъ своихъ членовъ, что не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на странную сцену, которая разыгрывалась въ его глазахъ.

Баронесса опомнилась прежде меня, и обратившись къ нему съ видомъ, выражавшимъ смущеніе и гордость, спросила, кто онъ такой, и что ему нужно.

Но онъ, будучи действительно глухъ, или притворяясь глухимъ, казалось, вовсе не слышалъ ея вопроса, и сталъ говорить, какъ будто бы продолжалъ уже начатый разговоръ.

— Да, да, — говорилъ онъ тихимъ, сухимъ и отрывистымъ голосомъ, — сегодня ночью холодно, очень холодно, очень холодно. (Часы показывали полночь). Быть морозу, да и теперь уже морозить; земля жестка, какъ чортъ знаетъ что, а луна очень свѣтла, очень свѣтла, совершенно свѣтла.

— Что такое? — сказала баронесса, съ удивленіемъ обращаясь ко мнѣ. — Это глухой, безумный? Какъ онъ сюда вошелъ?

Я былъ въ такомъ же удивленіи, какъ и она, и въ свою очередь спросилъ маленькаго старичка; но онъ мнѣ также не далъ никакого отвѣта.

— Дѣла барона? — продолжалъ онъ, — они въ порядкѣ, въ порядкѣ, въ хорошемъ порядкѣ. Баронъ будетъ доволенъ своимъ управляющимъ. Его будетъ беспокоить только процессъ съ пріоромъ Святой Марѣи, но это ничего, ничего, рѣшительно ничего.

— А, теперь я поняла, — сказала баронесса, — это новый управляющий, это М. Бюиссонъ. Наконецъ-то пріѣхалъ, слава Богу! но онъ глухъ, какъ чурбанъ, не правда-ли?

— Милостивый государь, — сказалъ я, возвысивъ голосъ, — развѣ вы не слышите, что баронесса спрашиваетъ васъ о вашемъ путешествіи?

Но старикъ ничего на это не отвѣтилъ. Онъ ласкалъ свою гадкую собаку.

— Вотъ отвратительное животное, — сказала баронесса. — Ужасно пріятно быть въ подобномъ обществѣ! Скажите пожалуйста, гдѣ это баронъ находитъ такихъ управляющихъ! Я когда-то говорила, что онъ нарочно выбираетъ мевыносимыхъ!

— Дѣло въ томъ, — отвѣчалъ я, — что этотъ-то очень огрѣшенъ. Я не понимаю, какъ баронъ будетъ толковать съ нимъ о своихъ дѣлахъ; онъ и пушки не услышитъ.

— Притомъ же, ему покрайней мѣрѣ сто лѣтъ, — сказала баронесса. — Конечно, баронъ находитъ, что прежній былъ очень молодъ. Видите, какія идеи приходятъ въ голову моему мужу! Попробуемъ по крайней мѣрѣ отослать его въ спальню. Мосѣ, мосѣ Бюиссонъ! Господинъ управляющій!

Баронесса кричала во все горло; но увидавши, что старичекъ вовсе этого не замѣчаетъ, она вздумала найти это забавнымъ, и залилась безумнымъ смѣхомъ. Я старался подражать ея примѣру, но не отъ чистаго сердца. Этотъ проклятый старикъ помѣшалъ мнѣ въ ту самую минуту, когда дѣла мои шли какъ нельзя лучше; онъ и не думалъ о томъ, что беспокоитъ насъ своимъ присутствіемъ; онъ не трогался съ кресла и съ какою-то яростью грѣлъ свои сухія ноги; а его отвратительная собака, которой я тщетно старался наступить на хвостъ, съ грознымъ видомъ оскаливала на меня зубы.

— Этотъ процессъ, — продолжалъ управляющій, — запутанъ, запутанъ, очень запутанъ; одинъ я его понимаю. Желалъ бы я знать, кто другой можетъ его кончить; пріоръ утверждаетъ, что....

Тутъ онъ началъ говорить съ поразительною быстрою и весьма страннымъ одушевленіемъ. Не ждите, чтобы я повторилъ вамъ его слова; одинъ только чортъ, или старый прокуроръ, посѣдѣвшій въ кляузничествѣ, могъ бы понять его. Для меня же, а въ особенности для баронессы, онъ говорилъ по-Еврейски. Притомъ, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, во мнѣ и въ ней, какъ она мнѣ послѣ сказала, происходило очень странное явленіе. Слова его поражали наши уши, но не оставляли въ нихъ никакого воспоминанія. Мы бы не могли повторить ни одной изъ сказанныхъ имъ фразъ, и всѣ онъ не имѣли въ нашихъ глазахъ ни малѣйшаго смысла. Намъ казалось, что онъ самъ какъ будто бы не слышалъ и не понималъ себя; онъ говорилъ какъ бы въ пустотѣ, и, то безъ всякаго толку переходилъ отъ предмета къ другому, то до пресыщенія повторялъ одно и тоже. Но мы действительно ничего не понимали. Звукъ его голоса щекоталъ наши уши, но не наполнялъ ихъ. Казалось, что комната сдѣлалась глухою, какъ ящикъ. Лицо и наружность его постепенно измѣнялись, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ. Съ каждою минутою онъ какъ будто бы старѣлъ все болѣе и болѣе. Не знаю, какой видъ имѣетъ человѣкъ въ двѣсти лѣтъ, а знаю только, что онъ сперва казался намъ столѣтнимъ, а потомъ лѣта его какъ будто бы удвоились и даже утроились. Кожа его прилипала къ костямъ; глаза, за минуту передъ тѣмъ сверкавшіе яростію шакала, сдѣлались сперва впалыми, потомъ стеклянными, потомъ тусклыми и неподвижными, и наконецъ совершенно потухли въ своихъ орбитахъ. Голосъ его также мало по малу ослабѣвалъ, а черты лица сжимались. Платье, какъ будто мокрое, плотно прилегло къ его плечамъ; бѣлье, которое показалось намъ сперва бѣлымъ, приняло земляной цвѣтъ и стало издавать изъ себя какой-то гнилой запахъ; собака его встала и начала выть, отвѣчая бушевавшему на дворѣ вѣтру. А между тѣмъ свѣчки, горѣвшія въ канделябрахъ, мало по малу сгорѣли совсѣмъ; но мы не обращали на это вниманія до тѣхъ поръ, пока не потухла послѣдняя. Тогда баронесса вскрикнула и зазвонила. На

звонко́къ никто не явился; но мнѣ удалось найти въ другихъ канделябрахъ целую свѣчку и зажечь ее. Тогда мы снова очутились одни. Маленькій старичекъ вышелъ такъ же тихо, какъ и вошелъ.

— Слава Богу! — вскричала баронесса; — не знаю, что такое, но со мною чуть было не случился нервическій припадокъ. До сихъ поръ меня еще ничто такъ не раздражало, какъ это маленькое привидѣніе; это непременно привидѣніе, не правда ли? И такую мумію мужъ мой беретъ въ управляющіе. Хорошъ управляющій — глухой, столѣтній, да въ добавокъ еще безумный старикъ, — онъ дѣйствительно безумный, не правда ли? что онъ намъ говорилъ такое? Я ничего не поняла, ничего не слыхала... онъ просто дичь поролъ. Сперва это меня разсмѣшило, но потомъ мнѣ стало скучно, и я вышла изъ терпѣнія, и наконецъ даже испугалась; но испугалась до такой степени, что пришла въ совершенное изнеможеніе, и что мнѣ захотѣлось зѣвать, кашлять, плакать и кричать — мнѣ даже кажется, что я подъ конецъ вскрикнула. Я ужасно боюсь безумныхъ и идіотовъ! Итъ, я не хочу, чтобы этотъ человѣкъ оставался здѣсь даже двадцать-четыре часа, а то пожалуй, я и сама сойду съ ума.

— Баронъ былъ обманутъ, отвѣчалъ я, относительно лѣтъ и способностей этого человѣка. Конечно старикъ этотъ находится въ состояніи дѣтства.

— А онъ будетъ утверждать, что нѣтъ. Вы увидите, что онъ найдетъ его молодымъ и пріятнымъ... Но надо, чтобы онъ его согналъ, а не то я уйду... Ахъ, Боже мой! вскричала она, знаете-ли вы, который часъ?

Я взглянулъ на висѣвшіе въ гостинной часы. Они показывали три часа утра. Я не могъ повѣрить своимъ глазамъ, посмотрѣлъ на свои часы, но они показывали то же самое.

— Какъ, этотъ человѣкъ говорилъ въ продолженіи трехъ часовъ? Онъ въ горячкѣ, это очевидно...

Послѣ этого настало минутное молчаніе. Мы оба не могли объяснить себѣ, какимъ образомъ въ продолженіи цѣлыхъ трехъ часовъ мы принуждены были слушать эту не-

еносную болтовню, не будучи въ состояніи избавиться отъ нея, и не замѣчая, какъ прошло время, не смотря на всю скуку и нетерпѣніе, которыя она въ насъ возбудила. Но вдругъ баронесса на меня разсердилась.

— Я не понимаю, сказала она, какъ это вы его не прервали и не сумѣли найти средства избавить и меня и себя отъ такого мученія. Вамъ бы слѣдовало объ этомъ подумать.

— Мнѣ кажется, баронесса, что я не могу у васъ приказывать; вы меня на это не уполномочили.

— Мнѣ просто кажется, что я спала; да и вывѣротно.

— Клянусь вамъ, что я не спала, вскричалъ я, потому что я ужасно страдалъ.

— Я также страдала, возразила она; я испугалась, меня точно параличемъ разбило. Я уже вамъ говорила, что я боюсь безумныхъ и идіотовъ. Но вы, слѣдовательно, также испугались!

— Не думаю, баронесса, отвѣчалъ я, но я впалъ въ какое-то оцѣпенѣніе, въ какое-то пренесносное состояніе.

Я пытался объяснить ей, что непріятное появленіе старика среди сцены, которую я разыгрывалъ съ такимъ жаромъ и искренностью, сдѣлало меня больнымъ.

— Ба, такъ вы также испугались! сказала баронесса тономъ смертельнаго презрѣнія. Да, мы прекрасно провели ночь! у меня будетъ завтра мигрень. Да сдѣлайте же одоженіе, поглядите, нѣтъ-ли кого въ буфетъ или кухню; какъ сильно я ни звоню, но все никто не приходитъ. Это очень странно. Вѣрно моя горничная и все мои люди въ летаргіи.

Легко было такъ говорить. Въ гостинной была только одна свѣчка. Приличія не позволяли мнѣ ее унести съ собою, и я не зналъ, гдѣ отыскать другой. Ни голова, ни сердце мое не чувствовали болѣе расположенія къ любви. Баронесса мнѣ казалась жесткою, повелительною и глупою. Въ этой большой гостинной было холодно и темно. Я почувствовалъ усталость отъ путешествія и крайнее отвращеніе къ моему вочлегу. Я вышелъ изъ гостинной, сталъ ошупью пробираться по коридорамъ, и, непрерывно спотыкаясь, стучался

въ попадавшіяся двери. Если я разбужу барона, думать я, то онъ найдетъ очень страннымъ, что я и жена его не успѣли еще лечь спать въ три часа утра. Впрочемъ, что мнѣ за дѣло; пусть они объяснятся.

Наконецъ я толкаю послѣднюю дверь и вхожу въ большую кухню, которую слабо освѣщала старая лампа. Здѣсь я снова вижу маленькаго старичка, сидящаго на соломенномъ стулѣ подлѣ почти потушаго огня. Собака его оскаливается на меня зубы. Какъ онъ, бѣдняжка, плохъ расположился! мнѣ жаль его! Я разбужу его, онъ спитъ, кажется. Но онъ мнѣ сказалъ «холодно, холодно, очень холодно». Онъ никакъ не могъ разслыхать меня, а я не могъ найти ни одной души, съ которою можно было бы заговорить. Я зажигаю свѣчку и бѣгаю по всему дому. Нигдѣ не нахожу ни лакеевъ, ни субретокъ: никто не обиталъ въ этой части дома. Рискуя прослыть глупымъ, возвращаюсь я въ гостиную, спросить баронессу, въ какой части дома можно отрыть ея слугъ. Нетерпѣливая баронесса отправилась въ свою спальню, унеся съ собою свѣчку, а несчастный огарокъ, найденный мною въ кухнѣ, сталъ потухать въ моихъ рукахъ. Гдѣ найду я свою комнату въ этомъ лабиринтѣ коридоровъ и лѣстницъ, по которымъ, въ добавокъ, я еще долженъ пробираться ощупью? Нѣтъ ничего глупѣе человѣка, пропустившаго время, въ которое онъ могъ приличнымъ образомъ лечь спать. Наконецъ я отказываюсь отъ своихъ поисковъ. Чортъ возми баронессу, думаю я, пусть она ложится спать безъ помощи своихъ слуганокъ. Пусть мерзнуть въ кухнѣ старый управляющій и его собака! мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Я самъ обойдусь безъ комнаты и кровати, и безъ лакея, но мерзнуть не стану. Разсуждая такимъ образомъ, я кладу въ каминъ три огромныя брезна, придвигаю къ огню большую софу, укутываюсь въ скатерть, покрывавшую столъ, и засыпаю глубокимъ сномъ.

Лакеи вставали здѣсь довольно поздно. Пора было прѣхать управляющему, ибо въ замкѣ де-Герне все было въ величайшемъ безпорядкѣ. Когда разсвѣло, я имѣлъ достаточно времени отыскать свою комнату, которую я узналъ по

моему чемодану, поставленному у дверей, разубрать кровать, какъ будто бы я въ ней лежалъ, и одѣться прежде, нежели кто могъ замѣтить странный бивакъ, устроенный мною въ гостинной. Когда звонокъ призвалъ меня къ завтраку, я засталъ барона и баронессу въ открытой ссорѣ. Баронъ радовался прибытію мусья Бюиссона и посылалъ за нимъ лакеевъ, чтобы представить его баронессѣ. Баронесса была въ ярости и говорила, что вышлетъ его вонъ изъ комнаты.

— Что за нелѣпости, моя милая, — сказалъ наконецъ баронъ, выведенный изъ терпѣнія. — М. Бюиссону сто лѣтъ, М. Бюиссонъ безумный, идиотъ, глухой! съ чего вы это взяли? вѣдь вы его никогда не видали?

— Я его видѣла, милостивый государь, и видѣла съ полуночи до трехъ часовъ утра, не будучи въ состояніи избавиться отъ него.

— Вы во снѣ его видѣли? Всего только два часа, какъ онъ пріѣхалъ.

— Нѣтъ, онъ пріѣхалъ въ полночь; спросите у Лапьера, онъ первый вѣроятно встрѣтилъ его у рышетки; но, сказать мимоходомъ, не потрудился мнѣ доложить о немъ:

— Да говорятъ вамъ, что онъ пріѣхалъ въ девять часовъ утра, и что я ѣздилъ къ нему на встрѣчу, больше нежели, на мило отсюда!

— Вы бредите.

— Нѣтъ, это вы.

— Да гдѣ же Лапьеръ? пусть онъ объяснится. А вы что не говорите, М. Росидоръ?

Я сталъ въ тупикъ, ибо я смутно припоминалъ событія ночи. Я не могъ и не смѣлъ ничего ни вспомнить, ни объяснить. Дверь отворяется, и входитъ М. Бюиссонъ. Это былъ мужчина сорока лѣтъ, толстый, румяный, одѣтый въ сѣ въ черномъ, съ бодрымъ взглядомъ и съ открытымъ лицомъ. Баронъ представляетъ его своей женѣ М. Бюиссонъ столько же глухъ, сколько и я, или вы. Онъ говоритъ хорошо, отвѣчаетъ кстати, о процессахъ не толкуетъ и увѣряетъ баронессу, что онъ ночевалъ въ С-тъ-Менснѣ, — сѣлъ на лошаадь въ пять часовъ утра и пріѣхалъ сюда въ девять. Объясненія были бесполезны. Этого управляющаго нельзя было смѣшивать съ тѣмъ, который посѣтилъ насъ ночью. Баронесса спрашиваетъ Лапьера; Лапьеръ не видалъ никого. Онъ тщетно ждалъ М. Бюиссона до полуночи, послѣ чего пошелъ спать. Никто изъ лакеевъ не видалъ, чтобы кто-

нибудя ночью вошелъ въ домъ. Всѣ спали глубокимъ сномъ. Горничная дожидалась баронессы въ ея комнатѣ, гдѣ эта послѣдняя должна была найти ее, пришедши туда въ три часа утра.

— Въ три часа утра! — вскричалъ баронъ, бросая на меня свирѣпый взглядъ! Вотъ странная фантазія, ложиться спать въ такое время! А управляющій, бывшій у васъ въ гостяхъ, вѣроятно не былъ такъ старъ, какъ вы объясняете!

— Баронесса приходитъ въ ужасное бѣшенство.

— Да говорите же, милостивый государь, — вскричала мнѣ баронесса, — здѣсь думаютъ, что я рассказываю бредни, а вы не можете сказать ни слова.

Наконецъ идеи мои разъяснились, и я, обратившись къ барону, сказалъ ему:

— Клянусь вамъ честью, душою и всѣмъ, что есть въ мірѣ святаго, что въ полночь, въ ту самую минуту, какъ я хотѣлъ распрощаться съ баронессою, вошелъ въ гостиную маленькій старичекъ, которому казалось по крайней мѣрѣ восемьдесятъ лѣтъ; въ продолженіи цѣлыхъ трехъ часовъ молюсь онъ намъ разнымъ вздоръ, и никакъ не могъ разслышать насъ: такъ онъ былъ глухъ или безумецъ.

Тонъ искренности, которымъ я говорилъ, поколебалъ барона.

— Каковъ онъ собою? — спросилъ онъ.

— Онъ худощавъ и еще меньше меня Носъ у него острый, подъ однимъ глазомъ довольно большая бородавка, губы тонкія, глаза мутныя и впалыя, голосъ сухой и глухой.

— А какъ онъ былъ одѣтъ?

— Платье, жилетъ и панталоны были на немъ зелено-оливковаго цвѣта, чулки бѣлые по поламъ съ синимъ; въ рукахъ у него была трость изъ чернаго дерева, съ набалдашникомъ, представлявшимъ голову негра, украшенную сердоликомъ, и съ нимъ былъ отвратительный черный пудель.

— Все это совершенно такъ, — сказала баронесса, — только М Росидоръ забылъ, что платье его было обшито серебрянымъ галуномъ, и что онъ былъ въ черепаховыхъ очкахъ. Сверхъ того у него привычка три раза повторять одно и тоже слово: «Холодно, холодно, очень холодно. Это дѣло запутанное, запутанное, очень запутанное.»

При этихъ словахъ, Ланьеръ уронилъ тарелку, которая у него была въ рукахъ, и поблѣднѣлъ какъ мертвецъ. Баронъ также нѣсколько поблѣднѣлъ и сказалъ: «это очень странно! мнѣ говорили, но я не вѣрилъ».

— Я говорилъ вамъ, баронъ, — сказалъ Лапьеръ, дрожа всѣмъ тѣломъ, — что въ день вашего пріѣзда, я его видѣлъ нечернымъ, какъ теперь вижу васъ, одѣтымъ совершенно такъ, какъ изображено на портретѣ.

— Принесите мнѣ портретъ Руссе, — сказалъ баронъ съ весьма замѣтнымъ волненіемъ.

— Онъ не хорошъ, — сказалъ баронъ, когда принесенъ былъ портретъ; — онъ снятъ какимъ-то бродячимъ артистомъ, за два мѣсяца до смерти бѣднаго Руссе; но удивительно какъ похожъ.

Баронесса взглянула на портретъ, громко вскрикнула и упала въ обморокъ.

Что касается до меня, то я далеко не такъ испугался; но, увидя въ портретѣ несомнѣнное сходство съ ночнымъ посѣтителемъ, я почувствовалъ, какъ холодный потъ выступилъ у меня на тѣлѣ.

Баронессѣ не замедлили подать надлежащую помощь.

— Объясните мнѣ эту ужасную шутку, милостивый государь, — сказала она мужу, какъ скоро пришла въ себя. Такъ М. Руссе не умеръ?

— Нѣтъ, — сказалъ Лапьеръ, онъ бѣдный умеръ и похороненъ за восемь дней, до вашего пріѣзда. Я самъ закрылъ ему глаза, и если вы, сударыня, хотите видѣть его собаку, его бѣднаго чернаго пуделя, который каждую ночь ходитъ царапать его могилу ...

— Никогда, никогда! — вскричала баронесса. — Скорѣе привези мнѣ почтовыхъ лошадей; я не останусь здѣсь ночевать.

Дѣйствительно ли она испугалась, или просто рада была предлогу уѣхать, но она такъ упорно настаивала, что уже черезъ два часа отправилась вмѣстѣ съ барономъ. Не знаю, были ли они съ этихъ поръ въ ссорѣ. Я не имѣлъ никакого желанія еще разъ провести здѣсь ночь, чтобы слышать, какъ безумное привидѣніе будетъ толковать о процессахъ. Баронесса распрощалась со мною очень холодно; баронъ пытался быть любезнымъ и далъ мнѣ лошадей до ближайшаго города; но я нисколько не разделялъ выраженныхъ имъ сожалѣній, что онъ не можетъ удержать меня въ замкѣ де-Герне.

О Б Л А К А,

КОМЕДИЯ АРИСТОФАНА,

И

НА ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

In solchen Zeiten bleibt kein nennenswerthes
Name rein, keine That ohne Missdeutung und
Anfeindung, kein Recht ohne ungerechte Ver-
tretung, kein Unrecht ohne Vorschub oder Bil-
ligung. .

Droys. Einleit. z. d. Ritt. 285 стр.

Глубокое уваженіе всѣхъ временъ къ Сократу и невольный восторгъ каждаго предъ одною изъ лучшихъ комедій Аристофана «Облака»—представляютъ намъ примѣръ едва ли не самаго большаго противорѣчія въ общественномъ мнѣніи. Мы привыкли считать Сократа образомъ мудрости и добродѣтели, и при всемъ томъ могли читать съ особеннымъ удовольствіемъ самую злую сатиру на него, какая когда-либо существовала. Сократъ, сынъ Софрониска, и Сократъ Аристофановъ, повидимому, не имѣютъ ничего общаго между собою. Однако уваженіе къ Сократу получило перевѣсъ, и долгое время лежалъ на Аристофанѣ упрекъ въ злонамѣренности и безнравственности. Только въ последнее время начинаетъ встрѣчаться въ наукѣ мнѣніе, совершенно противоположное прежнему убѣжденію: съ появленіемъ исторической критики въ первый разъ усомнились въ справедливости того безусловнаго презрѣнія, которымъ преслѣдовали Аристофана, и вмѣстѣ съ тѣмъ нашли возможность оцѣнить Сократа, нисколько не унижая притомъ его противника. Но прежде не

жели мы перейдемъ къ разсмотрѣнію цѣлаго ряда попытокъ новѣйшихъ ученыхъ привести въ ясность этотъ запутанный вопросъ, скажемъ нѣсколько словъ о самой избранной нами комедіи, и въ особенности о ея содержаніи.

Комедія «Облака» была дана на большихъ діонисіевскихъ играхъ, ол. 89,1, т. е. 424 г. до Р. Х., и слѣдовательно почти за 2,300 лѣтъ отъ нашего времени. Въмѣстѣ съ нею были поставлены на сцену «Чарка» комика Кратина и «Коннѣ» комика Амипсіи. Съ перваго раза можетъ показаться страннымъ, что подобная комедія, какъ «Облака», должна была уступить своимъ соперницамъ: ⁽¹⁾ Кратинъ получилъ первую премію, а Амипсія вторую. Ученые объясняли это явленіе весьма различно. Такъ ⁽²⁾ Дройзенъ говоритъ, что мы теперь не имѣемъ перваго изданія комедіи, которое не было одобрено публикою, а второе изданіе, которое существуетъ и теперь, было исправлено Аристофаномъ. Очевидно, Дройзенъ ищетъ причину паденія комедіи перваго изданія въ ея литературныхъ недостаткахъ, которыхъ уже нѣтъ въ исправленномъ второмъ изданіи. Но такому мнѣнію можно противопоставить собственныя слова Аристофана, которыми онъ дополнилъ свою комедію при вторичномъ ея представленіи, когда, обратясь къ судьямъ, назначеннымъ для оцѣнки его произведенія, онъ сказалъ:» ⁽³⁾ я, считая васъ (судьи) достойными зрителями, и эту комедію самымъ лучшимъ изъ всѣхъ моихъ произведеній, предлагаю вамъ ее *первымъ* на разсмотрѣніе; она мнѣ стоила большаго труда, но прежде я долженъ былъ уйти ни съ чѣмъ, униженный людьми ничтожными, безъ всякой съ моей стороны вины». Изъ этихъ словъ мы видимъ, что при второмъ представленіи судьи были не тѣ, которыми оцѣнивалась комедія при первомъ своемъ представленіи; иначе Аристофанъ не назвалъ бы ихъ *первыми*, потому что, какъ зрители, они конечно присутствовали и при первомъ представленіи. И такъ, судьба комедіи непосредственно зависѣла отъ личности судей, а мы увидимъ въ по-

(1) Ср. схол. къ «Всадн.» ст. 400. (2) Des Aristophan Werke. Ч. III, стр. 18.

(3) Обл. стр. 521 и слѣд.

сѣдствіи, что при тогдашнемъ революціонномъ положеніи Аѳинъ каждая вещь, каждое явленіе оцѣнивалось съ точки зрѣнія партій.—Притомъ едва ли справедливо и то мнѣніе Дройзена, что мы (*) имѣемъ теперь одно второе изданіе «Облаковъ», а не первое (*). Въ одномъ изъ хоровъ комедіи Аристофанъ поноситъ Клеона, который въ то время былъ стратигомъ, и советуетъ Аѳинянамъ для своего спасенія удалить Клеона; слѣдов. Клеонъ еще жилъ, когда эти строки были писаны Аристофаномъ. Между тѣмъ въ отдельномъ (°) паравасѣ Аристофанъ гордится тѣмъ, что онъ преслѣдовалъ жестоко могущественнаго Клеона, но никогда не позволялъ себѣ бить его лежакаго.» Известно, Клеонъ только съ смертію потерялъ свое могущество, и слѣдовательно изъ словъ параваса можно заключить, что онъ былъ писанъ уже по смерти Клеона. Этотъ паравасъ не имѣетъ рѣшительно никакой связи съ тѣмъ изданіемъ, которое сохранилось до насъ, потому и должно думать, что потеряно скорѣе второе, чѣмъ первое изданіе, заставшее Клеона еще въ живыхъ. Приведенный нами выше отрывокъ о Клеонѣ, какъ писанный, очевидно, при его жизни, также говоритъ въ пользу нашего мнѣнія: Клеонъ былъ убитъ въ амфипольской битвѣ 422 г., а первое представленіе «Облаковъ» относится къ 424 г.; слѣдов. оно было дано за 2 года до смерти Клеона, когда паравасъ не могъ еще говорить о Клеонѣ какъ о падшемъ.

Названіе нашей комедіи, какъ и большой части другихъ комедій Аристофана, заимствуется отъ хора, выведеннаго на сцену. Критики полагаютъ, что Аристофанъ имѣлъ въ виду уже самымъ названіемъ нашей комедіи осмѣять Сократа и его ученіе. Облака являются въ комедіи по克罗-

(*) Подробныя изслѣдованія этого вопроса см. въ разсужденіи Эссера: *De prima et altera Nub. Arist. editione*. Bonn. 1821.

(°) Обл. 881—891.

(°) Обл. 843. *Паравасомъ* называлась та часть древней комедіи, которую говорилъ предъ публикою главный между хористами, по окончаніи какого-нибудь акта; въ паравасѣ обыкновенно высказывалась какая-нибудь мысль о современномъ, интересномъ для зрителей, предметѣ. Въ переводѣ *παράβασις* отступленіе.

вѣтелями Сократа и своею природою какъ-бы назначены были напоминать зрителямъ туманность и неясность его ученія. Они, (?) по словамъ Аристофана, обожаются людьми пустыми, которые у нихъ научаются искусству словопренія, болтовни и всѣмъ оборотамъ софистики. Такъ обыкновенно объясняли намѣреніе Аристофана составить хоръ своей комедіи изъ облаковъ. Но финалъ комедіи и собственное объясненіе Аристофана, которое не обращало на себя должнаго вниманія ученыхъ, заставляютъ насъ иначе объяснять значеніе введенныхъ Аристофаномъ на сцену облаковъ. Въ критическую минуту для Сократа «Облака» не только не помогли ему, но и осмѣяли тѣхъ, которые вдалились въ обманъ, признавъ ученіе Сократа истиннымъ, и прямо (?) сказали имъ: «мы поступаемъ такъ съ каждымъ, кто имѣетъ склонность къ обману, и свержаемъ его въ пасть, чтобы онъ позналъ, какъ должно бояться боговъ». Здѣсь хоръ самъ ясно высказываетъ свое назначеніе, и не оставляетъ мѣста никакимъ ученымъ догадкамъ. Изъ этихъ словъ хора понятно, что Аристофанъ имѣлъ въ виду совсѣмъ другую сторону природы облаковъ; въ самомъ дѣлѣ, облака легко могутъ задернуть все небо и искутить невѣжду, давъ ему поводъ думать, что выше ихъ ничего не существуетъ; потомъ эти же облака разлежятся, и тогда снова является омраченное ими на время небо—истина. Вотъ какую роль должны были занимать облака, по мысли Аристофана; ихъ въ этомъ случаѣ всего лучше можно сравнить съ вѣдьмами Макбета. Впрочемъ и Дройзенъ (?) уже замѣтилъ всю несообразность финала «Облаковъ» съ тѣмъ назначеніемъ, которое думали давать имъ ученые, а въ томъ числѣ и самъ Дройзенъ; но онъ скорѣе рѣшился обвинить Аристофана въ незнаніи настоящаго характера комедіи и приписать все это ошибкѣ нашего комика, нежели отказаться отъ принятаго однажды убѣжденія. Мы имѣемъ еще и другое мѣсто, которое оправдываетъ нашъ взглядъ на значеніе облаковъ. На сценѣ облака были выведены въ

(?) Обл. 331.

(?) Обл. 1488.

(?) Д. Arist. W стр. 16.

видъ ⁽¹⁰⁾ женщинъ; это обстоятельство показалось весьма страннымъ одному изъ вновь прибывшихъ къ Сократу учениковъ. Онъ рѣшился обратиться къ самому наставнику и просить его, объяснить причину такого страннаго вида облаковъ. Сократъ отвѣчалъ ему на то съ своей стороны вопросомъ:

— Не случалось ли тебѣ, смотря на облака, замѣчать въ нихъ сходство съ кентавромъ, леопардомъ, волкомъ, или быкомъ?

— Да, отвѣчалъ ученикъ.

— Это происходитъ отъ того, продолжалъ Сократъ, что облака своимъ видомъ всегда осмѣиваютъ порочныхъ людей. Такъ, когда они увидятъ сына Ксенофанта съ вѣсломочесными волосами (вѣроятно онъ былъ однимъ изъ тогдашнихъ военныхъ львовъ), то принимаютъ видъ кентавровъ; если они увидятъ тамію (госуд. казначей) Симона, то облака, сообразуясь съ его поступками, обращаются въ волковъ; а теперь, заключаетъ Сократъ, они увидѣли въ публикѣ Клизена, (также вѣроятно одинъ изъ военныхъ волокитъ), и потому: понятно, отъ чего они приняли видъ женщинъ!

Изъ этой шутки Аристофана видно, въ чемъ состоялъ настоящій характеръ и значеніе облаковъ. Тоже самое осмѣиваніе и преслѣдованіе людей порочныхъ, какъ мы это видѣли и въ финалѣ комедіи.

Если бы кто, прочтя комедію «Облака», захотѣлъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что составляетъ существенное ея содержаніе, то онъ нашелся бы въ большомъ затрудненіи. Даже сами ученые до сихъ поръ несогласны между собою при разрѣшеніи этого вопроса. Мы постараемся сначала представить только одинъ ходъ комедіи съ внешней ея стороны, чтобы потомъ отсюда развить и самую внутреннюю ея сторону, ея содержаніе.

Аристофанъ ⁽¹¹⁾ выводитъ на сцену одного Афинянина, человека весьма добродушнаго, безъ всякихъ претензій на образованіе и свѣтскость, который провелъ всю свою моло-

⁽¹⁰⁾ Обл. 541.

⁽¹¹⁾ Обл. 41—53.

дость въ сельскихъ занятіяхъ, не заботился о костюмѣ, безпечно спать, и думать быть самымъ счастливымъ человекомъ, потому что имѣлъ у себя вдоволь и маслин⁽¹²⁾, и овецъ, и пчелъ. Однимъ словомъ, Стрепсиадъ (такъ звали этого Аенинина) былъ типомъ аенинскаго провинціала. Но вдругъ судьба его переѣнилась самымъ несчастнымъ образомъ: онъ женился, или, какъ выразился самъ Стрепсиадъ, его женили на дѣвушкѣ богатой и знатной по своему происхожденію, но привыкшей уже съ молодости къ жизни веселой и расточительной. ⁽¹³⁾ Къ довершенію бѣдствій Стрепсиада, сынъ его Фидиппидъ пошелъ совершенно по матери. Главною его страстью сдѣлались лошади. Между тѣмъ покупка заводскихъ лошадей, колесницъ, разорила въ конецъ отца, а Фидиппидъ препокойно продолжалъ себя кататься съ тщательно завитыми волосами по городу, или пробовать своихъ рысачковъ на бѣгахъ. Долги были неизбежны, и Стрепсиадъ давно уже не зналъ того безмятежнаго спокойствія, которымъ онъ когда-то наслаждался. Сцена представляетъ разсвѣтъ. ⁽¹⁴⁾ Стрепсиадъ, послѣ безсонной ночи, чтобы укоротить время, беретъ расходную книгу и пересматриваетъ свои долги, между тѣмъ въ той же комнатѣ безпечно спитъ его сынъ Фидиппидъ, и къ ужасу отца даже и во снѣ бредитъ лошадьми и конскими скачками. ⁽¹⁵⁾ Вдругъ у Стрепсиада блеснула въ головѣ счастливая мысль: онъ нашелъ одно очень простое и легкое средство избавиться отъ долговъ, разумеется, не уплачивая ихъ на самомъ дѣлѣ. Прямо противъ оконъ Стрепсиада находился маленькій домикъ, гдѣ жили великіе мудрецы, которые не только умѣли увѣрить каждаго, что небо окружаетъ насъ, людей, со всѣхъ сторонъ, какъ печь, но даже могли за деньги выучить такъ говорить красно, что будь дѣло правое или не правое, а будетъ всегда выиграно. Эти мудрецы ходили всегда босыми ногами и имѣли блѣдные лица; главою ихъ былъ Сократъ. Имѣя такое понятіе о ихъ искусствѣ относительно тяжёбныхъ дѣлъ, Стре-

(12) Обл. 60—74. (13) Обл. 1—40. (14) Обл. 73—132.

псиадъ думалъ примѣнить это искусство къ своему положенію и изучить краснорѣчіе до того, чтобы увѣрить всѣхъ кредиторовъ, что онъ у нихъ никогда и не бралъ займы. Не надѣясь однако на свои устарѣлыя способности, Стрепсиадъ предпочитаетъ уговорить сына идти въ ученіе къ Сократу. Но Фидиппидъ, опасаясь похудѣть отъ ученыхъ занятій и упасть чрезъ то во мнѣніи молодежи, на отрѣзъ отказалъ отцу. Бѣдному Стрепсиаду не оставалось ничего дѣлать, какъ отправиться самому къ Сократу. ⁽¹⁵⁾ Къ несчастію въ это время Сократъ бесѣдовалъ съ своими учениками о самыхъ важныхъ предметахъ, такъ что стукъ Стрепсиада нарушилъ тишину, и былъ причиною небольшой ссоры ученика съ Стрепсиадомъ въ самыхъ дверяхъ. Но когда ученикъ узналъ о намѣреніи старика учиться, то онъ не только впустилъ его въ домъ, но даже и посвятилъ въ нѣкоторыя тайны, изложивъ предметъ одного изъ послѣднихъ диспутовъ Сократа и Харефонта. Поводъ къ диспуту былъ слѣдующій. Незадолго до прихода Стрепсиада, блоха, укусивъ Харефонта въ бровь, соскочила съ нее на лобъ къ самому Сократу. По поводу столь важнаго происшествія родился вопросъ: «сколько ступней блохи заключается въ линіи, умственно проведенной между бровью ученика и лбомъ Сократа?» Ловкость, съ которою была разрѣшена эта задача, еще болѣе убѣдила Стрепсиада въ его увѣренности научиться у Сократа легкому избавленію отъ своихъ долговъ. Послѣ скорого осмотра различныхъ инструментовъ и аппаратовъ, ученикъ вводитъ Стрепсиада въ самую внутреннюю часть школы, гдѣ ему представился и самъ Сократъ, который висѣлъ въ корзинкѣ, для того, чтобы, по его словамъ, тѣмъ легче отдѣлаться отъ всего земнаго и вознестись къ небесному. Стрепсиадъ вкратцѣ изложилъ мудрецу цель своего прибытія, и клялся богами наградить щедро его за уроки. Но къ величайшему удивленію, новичекъ услышалъ отъ Сократа, что тѣхъ боговъ, которыми онъ сей-часъ клялся, вовсе не существуетъ, а существуютъ только одни облака, которымъ и должно поклоняться, какъ истиннымъ богамъ.

(15) Обл. 155-567.

Наконецъ Сократъ объявилъ, что даже и Олимпійскій Зевсъ не существуетъ.

— Но откуда дождь? — возражаетъ Стрепсиадъ Сократу ⁽¹⁶⁾.

— Если бы дождь былъ отъ Зевса, — отвѣтилъ Сократъ, — то отъ чего тебѣ не случилось видѣть дожда безъ облаковъ? Очевидно, что и дождь не отъ Зевса, а отъ облаковъ!

Еще забавнѣе объясняетъ Сократъ явленіе грома и молніи, которыя ручались, по мнѣнію Стрепсиада, самымъ лучшимъ образомъ за существованіе Зевса. Это объясненіе Сократа совершенно популярно и основывается на сравненіи состоянія атмосферы предъ грозою съ состояніемъ плотно наившагося желудка похлебкою на праздникъ Панаѳинэйскомъ. Одно явленіе молніи долго еще поддерживало Стрепсиада въ его вѣрѣ въ существованіе Зевса, который явно мещетъ свои перуны на порочныхъ. Но когда Сократъ ему напомнилъ, что въ такомъ случаѣ никакъ не остались бы въ живыхъ ни Симонъ, ни Клеонимъ, ни Θεορ, ⁽¹⁷⁾ (перваго обвиняли въ похищеніи государственныхъ денегъ, во время отправленія имъ должности тамъ; ⁽¹⁸⁾ второй былъ извѣстенъ трусостью, ⁽¹⁹⁾ а третій выставлялся лъстецомъ народнымъ), то Стрепсиадъ болѣе не сомнѣвался въ истинности ученія Сократа ⁽²⁰⁾. Появленіе на сценѣ самихъ Облаковъ довершило преобразование Стрепсиада, и онъ даже почувствовалъ самъ охоту къ спорамъ и пустословію, такъ что, когда Сократъ предложилъ ему для опыта вопросъ: «какъ бы онъ ноступилъ, еслибы кто-нибудь сталъ его бить?» то новичекъ уже безъ запинки отвѣчалъ: «я дамъ себя побить, а потомъ позову свидѣтеля, да и стану забяку въ судъ». Сократъ, обрадованный первыми успѣхами своего ученика, тотчасъ по удаленіи облаковъ началъ систематическое его образованіе. Эта сцена Сократовой лекціи такъ замѣчательна и по остроумію Аристофана, и по подробному, хотя и каррикатурному, изображенію

⁽¹⁶⁾ Обл. 387—411.

⁽¹⁷⁾ Обл. 381 и слѣд.

⁽¹⁸⁾ Обл. 385 и слѣд.

⁽¹⁹⁾ Осм, 44.

⁽²⁰⁾ Обл. 412. — 817.

методы Сократа, что мы постараемся привести ее въ переводѣ, возможно близкомъ къ подлиннику (*).

СОКРАТЪ.

— Ну, скажи мнѣ, Стрепсиадъ, что ты желаешь прежде всего узнать изъ того, чему тебя никогда не учили? Хочешь ли начать съ мѣры, или съ рима, или прямо съ стихосложенія?

СТРЕПСИАДЪ.

— Что касается до меня, то конечно съ мѣры! потому что лабазникъ недавно еще меня обмѣрялъ на двѣ мѣры.

СОКРАТЪ.

— Я не о томъ тебя спрашиваю! скажи, какую мѣру ты предпочитаешь, тройную или четверную? (Сократъ имѣетъ въ виду мѣру въ стихахъ).

СТРЕПСИАДЪ.

— Для меня нѣтъ лучше въ поэмѣ! (А Стрепсиадъ опять думаетъ, что дѣло идетъ о мукѣ).

СОКРАТЪ.

— Ну, такъ ты говоришь, пріятель!

СТРЕПСИАДЪ.

— Ну, а поспорь со мной, что поэмѣ не четверная мѣра.

СОКРАТЪ.

— Поди ты! какой деревенщина и неужда! Быть можетъ, ты хотѣлъ бы учиться прямо риму?

СТРЕПСИАДЪ.

— Да къ чему мнѣ послужить риму, у лабазника?

СОКРАТЪ. *(не дослушавъ послѣднихъ словъ).*

— Во первыхъ, ты будешь лавокъ въ обществѣ; во вторыхъ, узнаешь, какой римъ военный, и какъ считать римъ по пальцамъ....

СТРЕПСИАДЪ. *(помнитъ только последнее слово).*

— По пальцамъ?... клянусь, я это знаю.

(*) Обл. 636—637.

СОКРАТЬ.

— Ну?

СТРЕПСІАДЪ (*перебирая пальцы на рукахъ*).

— Да какъ же иначе, какъ не такъ?... Это я зналъ еще ребенкомъ.

СОКРАТЬ.

— Глупъ ты и тупъ.

СТРЕПСІАДЪ.

— Несчастный! да я этому учиться не хочу.

СОКРАТЬ.

— Такъ чему же ты хочешь учиться?

СТРЕПСІАДЪ.

— Той-то, той, неправой-то наукъ.

Намъ извѣстна уже цѣль Стрепсиада; по его убѣжденію, Сократъ могъ его выучить говорить такъ красно, что ему ничего бы не стоило въ судѣ отдѣлаться отъ кредиторовъ. Но Сократъ имѣлъ обыкновеніе постепенно приуготовлять своихъ учениковъ къ уразумѣнію какой-нибудь истины, и развивать имъ свое ученіе путемъ методическимъ; вотъ потому Аристофанъ и въ комедіи заставляетъ Сократа сначала предлагать ученику различные вопросы, чтобы разрѣшеніемъ ихъ умъ его дѣлался гибче.

(29) СОКРАТЬ.

— Но сперва намъ нужно вотъ чему поучиться: какія изъ четвероногихъ на самомъ дѣлѣ мужескаго рода?

СТРЕПСІАДЪ.

— Ну, если я не сошелъ съ ума, такъ конечно это-то знаю: баранъ, козелъ, быкъ, петухъ, собака....

СОКРАТЬ.

— Вотъ видишь, что ты сказалъ!... Въдь мы называемъ собакой не только самца, но и самку.

СТРЕПСІАДЪ.

— Такъ какъ же?

(29) Обл. 688—689.

СОКРАТЬ.

— Какъ же?... и то собака, и это собака.

СТРЕПСИАДЪ.

— Клянусь Посидономъ, ты правъ! Но какъ же должно ихъ называть?

СОКРАТЬ.

— Одного кобелемъ, а другую сукой.

СТРЕПСИАДЪ.

— Сукой! точно такъ; слава Эеиру! да ужъ за этотъ одинъ урокъ я насыплю тебѣ полный квашникъ муки.

СОКРАТЬ.

— Ну, вотъ снова! ⁽²³⁾ квашню ты называешь мужескимъ родомъ, между тѣмъ какъ она женскаго.

СТРЕПСИАДЪ.

— Какимъ же образомъ я считаю квашню мужскаго рода?

СОКРАТЬ.

— Ты назвалъ квашню *квашникъ*, точно также, какъ и Клеонимъ.

СТРЕПСИАДЪ.

— Какимъ образомъ, объясни!

СОКРАТЬ.

— У тебя одинаково оканчиваются и ⁽²⁴⁾ *квашникъ* и *Клеонимъ*.

СТРЕПСИАДЪ.

— Но, любезный, у Клеонима и не было квашника: онъ мѣсилъ тѣсто въ круглой кадкѣ. Наконецъ, какъ же нужно квашникъ-то назвать?

(²³) Аристотель съ наитрениемъ заставляетъ Сократа спорить о пустякахъ; дѣло состоитъ въ томъ, что Сократу хотѣлось услышать отъ Стрепсиада слово «квашня», а онъ, чтобы завязать споръ, сталъ утверждать Стрепсиада, что онъ поставилъ «квашникъ» въ мужскомъ родѣ, между тѣмъ какъ онъ женскаго.

(²⁴) Именемъ Клеонима Сократъ объясняетъ свой вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ сближеніе имени Клеонима съ «квашникомъ» осмѣиваетъ самое лице, которое было извѣстно въ Афинахъ своею трусостью. Поэтому-то Стрепсиадъ, возражалъ Сократу, говорить, что Клеонимъ мѣсилъ тѣсто не въ квашникѣ, а въ круглой кадкѣ, разунѣвъ подъ этимъ втрое-кратно щитъ, который былъ брошенъ Клеонимомъ въ сраженіи. См. Обл., 385 и слѣд.

СОКРАТЬ..

— Какъ?... Квашна!... точно такъ, какъ ты говоришь:
Сострата.

(Въ этомъ объясненіи, вѣроятно, скрывается новая на-
смѣшка надъ какою-нибудь Аѳинянкой, известной по своей
неуклюжести и толстотѣ).

СТРЕПСІАДЪ.

— Квашна?... въ женскомъ родѣ?

СОКРАТЬ.

— Да.

СТРЕПСІАДЪ.

— И такъ нужно говорить: *Квашна* — *Клеонима*.

Очевидно, несчастный и тупоумный Стрепсиадъ ничего не
понялъ изъ всѣхъ толкованій Сократа. Имя Клеонима было при-
ведено только для объясненія того, почему «квашникъ» мужескаго
рода; а Стрепсиадъ, замѣнивъ по словамъ Сократа «квашникъ»,
словомъ женскаго рода «квашна», обратилъ также и имя Кле-
онима въ женскій родъ, придавъ ему женское окончаніе. Но
къ счастью, вѣроятно Сократъ не разслушалъ словъ Стрепсиа-
да и продолжалъ свои уроки.

СОКРАТЬ. ⁽²⁶⁾

Еще тебѣ нужно научиться собственнымъ именамъ, чтобы
знать, которыя изъ нихъ мужескаго рода, а которыя женскаго.

СТРЕПСІАДЪ.

— Да я и такъ женскія имена знаю.

СОКРАТЬ.

— Скажи.

СТРЕПСІАДЪ.

— Лисилла, Филиппа, Клитагора, Димитрія....

СОКРАТЬ.

— А какія мужескаго рода?

СТРЕПСІАДЪ.

— Тимоклъ... Филексентъ, Мелисіа, Амимія...

СОКРАТЬ.

— Глупъ ты! послѣднія два имени не мужескаго рода.

СТРЕПСИАДЪ.

— По вашему это не мужескія?

СОКРАТЪ.

— Никогда! ну, какъ ты позовешь Аминію встрѣтившись съ нимъ?

СТРЕПСИАДЪ.

— Какъ? да такъ: Аминія, послушай, послушай!

(Выходитъ на сцену женщина).

СОКРАТЪ.

— Видишь! крича Аминію, ты вызываешь женщину.

Разумѣется, Стрепсиадъ былъ въ этомъ спорѣ опять совершенно правъ, потому что греческія имена Μελισσας, Ἀδμυαs и другія подобныя имъ по окончанію, дѣйствительно были мужескаго рода; но, сообразно съ цѣлью Аристофана и его комедій, Сократъ долженъ былъ оспаривать все, опровергать самую истину и доказать свое какимъ бы то ни было образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Сократъ поставилъ Стрепсиада въ такое положеніе, что онъ долженъ былъ непременно употребить звательный падежъ, и сказать: Ἀδμυαs, что и нужно было Сократу, потому что въ греческомъ языкѣ звательный падежъ мужескаго рода подобныхъ именъ ничѣмъ не отличается отъ звательнаго падежа женскаго рода (*).

(*) Эта шутка Аристофана хорошо подтверждаетъ нашу древнюю библейскую метаморфозу греческихъ собственныхъ именъ въ русскую форму. До прошедшаго столѣтія мы знакомы были съ греческимъ міромъ болѣе непосредственно и самостоятельно, чѣмъ въ послѣдствіи, когда даже и въ наученіи Греціи стали доводить результаты знаній западныхъ ученыхъ. Отсутствие самостоятельности, какъ слѣдствіе такого подражанія, отразилось между прочимъ и на собственныхъ греческихъ именахъ: библейская единообразная форма была забыта, и до настоящаго времени форма собственныхъ греческихъ именъ въ нашемъ языкѣ представляла совершенный хаосъ. Первый изъ нашихъ ученыхъ историковъ, М. С. Куторга, положивъ основаніе самостоятельности и критическимъ знаніямъ греческою исторіею, обратилъ вниманіе и на форму ея собственныхъ именъ. Въ его сочиненіяхъ и въ сочиненіяхъ его учениковъ встрѣчается первая попытка возвратиться къ нашей древней, національной, библейской методѣ обращенія собственныхъ греческихъ именъ въ русскую форму. Такъ г. Вадровъ въ своемъ разсужденіи: *Жизнь Авинискаго Олигарха, Кримін*, стр. 8, выставилъ даже одно правило: «греческія собственные имена на αs преводилъ съ русскими окончаніемъ а и я, какъ принято переводчиками духовныхъ книгъ, напр. Никита, Фома, Іеремія, Исаія, Ілия и др. и слѣд. Критія, а не Критій. Шутка Аристофана показываетъ, что и въ греческомъ языкѣ собственныя имена на αs имѣли женскій характеръ, на чѣмъ основывается и вся острота Сократа.

Послѣ этого перваго курса слѣдовалъ второй, гдѣ Стрепсиаду предоставлялось разсуждать, хоть все еще подъ руководствомъ Сократа, но уже самостоятельно. Теперь все дѣло состояло въ томъ, чтобы уметь сосредоточиваться въ себѣ, не смотря на всѣ возможныя развлеченія

Для этой цѣли (27), у Сократа была устроена особенная аудиторія съ искусственными развлеченіями. Эта аудиторія состояла въ постели, наполненной клопами, которые, разумѣется, затрудняли до извѣстной степени процессъ созерцанія и сосредоточенія въ самомъ себѣ. Но въ томъ-то и состояло, по представленію Аристофана, все величіе мудреца, чтобы презирать все внѣшнее и не обращать на него никакого вниманія. Дѣйствительно метода Сократа оправдалась на дѣлѣ, и Стрепсиадъ послѣ долгихъ и мучительныхъ размышленій напелъ на первый разъ средство, если не совсѣмъ избавиться отъ долговъ, то по крайней мѣрѣ не платить съ нихъ процентовъ. У Грековъ платились проценты ежемѣсячно (*κατάμηνον*); и потому Стрепсиаду пришло на мысль купить себѣ колдунью изъ Фессаліи и при ея помощи, ночью украсть съ неба мѣсяцъ и запереть его въ круглую кадку. Тогда, разумѣется, кредиторы не будутъ знать ничего о перемѣнахъ мѣсяцевъ, и потому не будутъ требовать и ежемѣсячныхъ процентовъ. Сократъ былъ обрадованъ тому, что наконецъ его ученикъ сталъ размышлять, и тотчасъ по своей методѣ для дальнѣйшаго его развитія сталъ дѣлать ему новые вопросы, желая навести его чрезъ то и на главную мысль—объ уничтоженіи долговъ. Но результаты были не совсѣмъ удачны. Сначала дѣло шло хорошо, но потомъ, какъ и прежде всегда случалось, окончилось глупостью Стрепсиада и досадою его наставника? (28)

— Какъ бы ты отдѣлался отъ обвинителя въ судѣ, спрашиваетъ Сократъ у Стрепсиада, еслибъ ты зналъ, что по недостатку свидѣтеля тебѣ должно проиграть свою тяжбу?

— Нѣтъ ничего легче и проще, — отвѣчаетъ ему Стрепсиадъ.

(27) Обл. 694—774. (28) Обл. 778—803.

— Изволь! Когда передъ моимъ дѣломъ будетъ оканчиваться какое-нибудь другое, то, прежде нежели меня позовутъ, я убѣгу да и повышусь.

Конечно Стрепсиадъ былъ правъ, что это самое легкое средство избавиться отъ послѣдствій суда за неправое дѣло, но Сократъ принялъ такой отвѣтъ за неумѣстную шутку.

— Ну, объясни.

Стрепсиадъ долженъ былъ оставить школу и по совету Облаковъ прислать сюда учиться своего сына. Этимъ оканчивается первая часть комедіи ⁽²⁹⁾.

По возвращеніи домой Стрепсиадъ прежде всего поспѣшилъ передать сыну хотя часть того, чему его научили у Сократа. Разумѣется сынъ на первый разъ счелъ своего отца сумасшедшимъ, и тѣмъ болѣе его жалѣлъ, что онъ въ этой школѣ на науку промоталъ, или, какъ выражался самъ Стрепсиадъ, продумалъ (*καταλεφρόντιχα*) все свое платье. При всемъ томъ Фидиппидъ долженъ былъ наконецъ согласиться съ отцемъ, и отправился въ школу Сократа. Здѣсь, согласно съ требованіями отца научить сына правой и неправой наукъ, Фидиппида предоставили двумъ наставникамъ: Правдѣ (*Δίκη*) и Неправдѣ (*Ἄδικος*), которая называла себя также Разумомъ (*Λόγος*). Положено было въ присутствіи Стрепсиада позволить имъ вступить между собою въ споръ съ тѣмъ, чтобы побѣдительно предоставить воспитаніе сына. О значеніи этихъ двухъ новыхъ и отвлеченныхъ лицъ мы скажемъ послѣ, когда обратимся къ отысканію главной, основной идеи всей комедіи.

Неправда ⁽³⁰⁾ начинаеть съ того, что отвергаетъ вообще существованіе всякой истины, а когда правда для защиты истины сослалась на тѣхъ, которые должны были бы заключать въ себя ручательство всякой истины—на боговъ,—то неправда отвергла и ихъ существованіе, и даже осмѣяла при этомъ случаѣ и самую міеологию ⁽³¹⁾.

— Можетъ ли существовать правда, говорила она, когда Зевсъ, заключивъ въ оковы своего отца, не погибъ отъ такого злоудянія.

⁽²⁹⁾ Обл. 814—886. ⁽³⁰⁾ Обл. 889—1104. ⁽³¹⁾ Обл. 904 и слѣд.

Опрокинутая на этомъ пунктѣ, Правда для защищенія себя употребила другую мѣру. Она начала обманывать тѣхъ юношамъ, которые послѣдуютъ за нею, всю прелесть безмятежной жизни, которая для нихъ будетъ проходить въ однихъ прогулкахъ по садамъ, съ челою, увѣнчаннымъ бѣлыми кампанами; надъ вами, говорила Правда, будутъ шумѣть священныя оливы, серебряный тополь; вокругъ васъ повсюду царствуетъ весна. Главнымъ условіемъ къ пріобрѣтенію всего этого Правда поставляла скромную, утѣренную и целомудренную жизнь (*σωφροσύνη*). Конечно Неправда немного стоило бы однимъ указаніемъ на прозу жизни убедить въ несбыточности такой утопіи, но планъ комедіи, какъ мы увидимъ то послѣ, требовалъ иного оборота. Хотя Неправда и одерживаетъ верхъ надъ Правдою, но Аристофанъ влагаетъ ей въ уста такіе соблазнительные доводы, что успѣхи ея на сценѣ должны были находиться въ совершенно обратномъ отношеніи къ ея же успѣхамъ въ партерѣ. Неправда нападаетъ на то, что было выставлено Правдою, какъ главное условіе достиженія земнаго счастья ⁽²⁸⁾.

— Видѣла ли ты, говорить она Правдѣ, чтобы кто-нибудь получилъ выгоду отъ своей скромности (*σωφροσύνη*)? Скажи и опровергни меня примѣрами.

— Да еще и многими, отвѣчаетъ Правда; Пилей получилъ отъ боговъ за свою скромность мечъ....

— Мечъ?... нечего сказать, славный подарокъ получилъ бѣдняжка; да нашъ Иперволь (извѣстный въ то время димагогъ и владѣлецъ ламповыхъ фабрикъ) однимъ обманомъ при продажѣ лампъ получилъ болѣе таланта, а не мечъ.

— И на Ѳетидѣ женился Пилей, прибавила Правда, также въ награду за скромность.

— На Ѳетидѣ?... которая потомъ оставила его за эту скромность. Пустая ты болтуня, Правда, съ упрекомъ продолжала такъ ея соперница. Посмотри, юноша, сколькихъ ты долженъ лишиться удовольствій, оставаясь скромнымъ: веселаго общества молодыхъ людей, женщинъ, вкуснаго стола, вина, смѣха; а лишившись всего этого, стоитъ ли тебѣ и жить!

(28) Обл. 1061 и слѣд.

Ну пусть так! Положимъ, ты противъ воли уступилъ естественнымъ склонностямъ: согрѣшилъ, влюбился, обольститъ, и вдругъ попался! Ну и погибъ съ твоею Правдой! ты не умѣешь отговориться. А повинуюсь мнѣ, смѣло предавайся чувственнымъ влеченіямъ: скажи, веселись, не знай ничего запрещеннаго. Если тебя мужъ поймалъ у жены, доказывай ему смѣло, что ты правъ; сошлись на Зевса, который самъ увлекался любовью и женщинами, и прибавь, что тебѣ, какъ смертному, и не прилично становиться выше боговъ.

Такими-то и подобными доводами Неправда наконецъ совершенно одержала верхъ, и ей было поручено воспитаніе Фидиппида ⁽³³⁾. Спустя нѣсколько времени, отецъ взялъ его изъ школы, и при его помощи успѣлъ совершенно отдѣлаться отъ своихъ долговъ. Но здѣсь-то и начинается нравственная сторона комедіи. Въ чемъ именно состояло ея нравовѣніе, это мы увидимъ въ послѣдствіи. Теперь скажемъ только то, что ⁽³⁴⁾ Фидиппидъ, освободивъ своего отца отъ долговъ силою изученнаго имъ искусства, вздумалъ этимъ же самымъ искусствомъ пріобрѣсть и себѣ независимость отъ отца. Хотя Стрепсиадъ былъ по опыту извѣстенъ начала новаго ученія, но онъ признавалъ его силу только тамъ, гдѣ оно доставляло ему личную выгоду. Потому, когда Фидиппидъ, на основаніи того же ученія, думалъ быть независимымъ, Стрепсиадъ вооружился противъ него. Съ другой стороны требованія отца казались сыну неосновательными, и скоро ничтожное обстоятельство послужило поводомъ къ окончательному ихъ разрыву. Стрепсиадъ хотѣлъ заставить сына, по старинному обычаю, взять лиру, пропѣть за столомъ Симониду пѣсню: «*Вотъ обстриженный барашекъ*». Сынъ отказался, говоря, что это только въ старину такъ водилось, и что онъ вовсе не сверчокъ, чтобы ему начать вдругъ пѣть за столомъ. Разгнѣванный отецъ едва удержался, чтобы тутъ же не побить сына за вольнодумство. Но когда Фидиппидъ сталъ хвалить Еврипида, противъ мнѣнія отца, поддерживавшаго Эсхила, и вздумалъ такимъ образомъ имѣть собственное мнѣніе; тогда дѣло у нихъ дошло до драки. Отецъ, убѣжавъ изъ дому, проситъ помощи

(33) Обл. 1151—1150. (34) Обл. 1522 до конца.

у хора, чтобы онъ его разсудилъ съ сыномъ. Здѣсь Аристофанъ, не довольствуясь тѣмъ, что онъ показалъ уже, до какого безумія доводитъ воспитаніе Сократа, желаетъ убѣдить зрителей, что это воспитаніе кромѣ того даетъ и средства совершенно оправдаться въ такомъ безуміи. Эта сцена спора отца съ сыномъ, какъ и само собою разумѣется, должна быть исполнена софизмовъ ⁽³⁶⁾.

— Вотъ что я спрошу тебя прежде всего, сказалъ сынъ отцу: бивалъ ли ты меня, когда я былъ еще ребенкомъ?

— Я? конечно! отвѣчаетъ отецъ, но всегда съ добрымъ намѣреніемъ и заботясь о тебѣ.

— Скажи же мнѣ,—прерываетъ сынъ: по твоему, можно бить, желая добра; я желаю тебѣ добра, слѣд. я могу тебя бить. Но ты скажешь, что только отцу можно бить дѣтей, а не наоборотъ.

— Конечно.

— Но старики снова становятся дѣтьми, слѣдовательно ихъ также нужно бить, какъ и дѣтей; да притомъ старикамъ и ошибаться непростительнѣе.

— Однако, гдѣ есть такой законъ, который бы позволялъ дѣтямъ бить отца?

— Да первый, кто закономъ запретилъ это, былъ такой же человекъ, какъ и я, говорилъ сынъ, то почему и мнѣ нельзя предложить новаго закона, который бы разрѣшать все подобное. Посмотри на пѣтуховъ и другихъ животныхъ, какъ они также бьютъ своихъ отцовъ, а между ними и нами только и разницы, что они не пишутъ законовъ, какъ мы.

— Хорошо, говоритъ отецъ, но если ты хочешь подражать во всемъ пѣтухамъ, то отъ чего же ты не роешься въ навозъ и не спишь на жердочкѣ.

Этотъ доводъ Стрепсиада приостановилъ на время сына, и отецъ, воспользовавшись его замѣшательствомъ, попышалъ предложить миръ, по которому старику Стрепсиаду предоставлено бить своего сына Фидиппида, а Фидиппиду въ вознагражденіе за то позволялось бить своего сына, когда онъ у него родится.

— А если у меня никто не родится, возразить Фидиппидъ, такъ твои-то побои, батюшка, придутся мнѣ даромъ, а ты надо мной посмѣешься, да такъ и умрешь?

Такое замѣчаніе показалось справедливымъ и самому Стрепсиаду, и онъ, видя себя побѣжденнымъ, съ упрекомъ обратился къ Облакамъ ⁽³⁶⁾:

— Все это я перенесъ чрезъ васъ, довѣривъ вамъ свои дѣла!

— Ты самъ виною всего этого, отвѣчали ему Облака: ибо рѣшился на низкіе поступки.

Стрепсиадъ призналъ справедливость Облаковъ, и думалъ отмстить за все Сократу и Хэрефонту. Онъ хотѣлъ ихъ сначала позвать въ судъ, но по совѣту Ерма (Меркурія) счелъ лучшимъ сожечь школу и съ нимъ всѣхъ философовъ. Съ факеломъ въ рукѣ Стрепсиадъ забрался на крышу съ цѣлю, какъ онъ выразился, осмѣивая Сократа, довести до утонченности стропилы дома. Сократъ задохся отъ дыму, а Хэрефонтъ и прочіе его ученики сгорѣли.

Этою катастрофою кончается и самая комедія.

Если мы до сихъ поръ старались только изложить какъ можно подробнѣе весь ходъ комедіи, то это единственно съ тою цѣлю, чтобы тѣмъ яснѣе представить разрѣшеніе заданнаго нами еще прежде вопроса: что составляетъ главную идею, для которой Аристофанъ предпринялъ написать свои «Облака»? При внимательномъ разсматриваніи завязки и развязки комедіи нельзя будетъ не усомниться въ господствовавшемъ до сихъ поръ мнѣніи, что Сократъ и его ученіе составляли главный и исключительный предметъ «Облаковъ».

Въ началъ комедіи мы видимъ картину афинскаго семейства, объединѣннаго отъ жизни роскошной, какъ слѣдствіе испорченности нравовъ. Конечно, Аристофанъ выбралъ для комедіи одну только сторону, совершенно ⁽³⁷⁾ частную, гдѣ проявилась эта испорченность нравовъ, но тѣмъ не менѣе легко понять, что авторъ въ одномъ недѣлимомъ хотѣлъ представить самое современное общество, которое утопало въ увеселеніяхъ, нисколько не заботясь о своемъ будущемъ. Послѣ этого конечно для автора могъ родиться во-

⁽³⁶⁾ Обл. 1452 и слѣд.

⁽³⁷⁾ Впрочемъ должно замѣтить, что и этотъ частный случай—разореніе въ слѣдствіе страсти къ лошади — былъ избранъ Аристофаномъ не случайно: этотъ частный случай имѣлъ въ то время довольно общій характеръ. Въ другихъ мѣстахъ Аристофанъ прямо говоритъ, что страсть къ лошади была при немъ господствующею въ Афинахъ и губила себою всѣхъ молодыхъ людей. Всадн. 386 и слѣд. Срав. Птицы, 1125 и 1413.

просто: какими средствами могло бы выйти это семейство, — а поднимь разумьлось цѣлое современное общество, — изъ своего несчастнаго положенія? Дѣйствительно, вся комедія служить на это ответомъ, а потому мы и полагаемъ, что вопросъ, выставленный нами, и составлятъ главную идею «Облаковъ». Эта комедія показываетъ намъ, что въ то время въ Аѣинахъ было два мнѣнія, два нравственныхъ начала, которыми руководились какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни ⁽²⁸⁾. Эти два начала, какъ мы уже видѣли, были олицетворены Аристофаномъ въ двухъ роляхъ: Правды и Неправды. Правда думала, что только одно обращеніе Аѣинянъ къ древнему образу жизни, патриархальному, беззаботному, можетъ ихъ еще спасти; но очевидно, что такое мнѣніе было чистѣйшею утопіею. Что касается до Неправды, то она представляла другую крайность, и такъ же мало думала о будущемъ, какъ много была привязана Правда къ прошедшему. Въ главѣ партіи Неправды стоялъ Сократъ и его школа, которая, какъ мы видѣли въ самой комедіи, уничтожала все прошедшее. Теперь спрашивается: что хотѣлъ сказать Аристофанъ, выведя на сцену эти два современныхъ ему начала? другими словами: хотѣлъ ли онъ выставить которое-нибудь изъ этихъ двухъ началъ, какъ образецъ? еще короче: котораго начала изъ этихъ двухъ держался самъ Аристофанъ? Какъ извѣстно, общій приговоръ состоитъ въ томъ, что Аристофанъ былъ заклятымъ врагомъ Сократа, и потому осмѣяніе Неправды должно было составлять главную цѣль его комедіи. Въ самомъ дѣлѣ при первомъ прочтеніи комедіи первое впечатлѣніе будетъ совершенно согласно съ этимъ мнѣніемъ. Но читайте внимательно финалъ комедіи, и вы убѣдитесь совершенно въ противномъ. Здѣсь есть одно мѣсто, которое прекрасно объясняетъ главную идею всей комедіи, и слѣд. идею личную Аристофана, которая и составляла цѣль его труда, и кромѣ того бросаетъ новый свѣтъ на отношеніе Аристофана къ Сократу.

Облака, составлявшія хоръ комедіи, какъ мы уже это видѣли, были посланниками боговъ, и ихъ назначеніе состояло въ томъ, чтобы путемъ заблужденій и опыта навести Стреп-

(28) Обл. 330 и слѣд.

облака на истинный путь. Обыкновенно такое назначеніе Облаковъ было опускаемо изъ виду, и вы найдете во всѣхъ сочиненіяхъ извѣстное толкованіе значенія этого страннаго хора. Именно, Облака считаются иронією на туманность ученія Сократа. Мы выше уже показали одно мѣсто Аристофана, гдѣ хоръ самъ говоритъ о своемъ назначеніи. Къ этому въ подтвержденіе мы можемъ присоединить извѣстную пѣснь Облаковъ еще почти въ началѣ комедіи ⁽³⁹⁾:

Дзвы дождя! низойдѣтъ мы на землю Паллады,
Доблестный край, любимый Кекропу.
Тайинства здѣсь совершаются въ храмѣ мистерій,
И приношенія небеснымъ богамъ;
Высятся храмы, кумиры; моленія несутся
Визвъ съ увѣчанной жертвой, и кругамъ.
Бодь трагедіи стоять; а съ весной
Врошя праздникъ: и стройные хоры поютъ,
И раздаются трубные звуки.

Нужно знать, что эта пѣснь была пѣта Облаками за сценой, и потому здѣсь они являются въ настоящемъ своемъ характерѣ: восхваляютъ землю Паллады, т. е. г. Аѳины, за ея уваженіе къ богамъ, за великолѣпіе храмовъ и обиліе жертвъ. Въ другомъ мѣстѣ, ⁽⁴⁰⁾, когда Облака были одни на сценѣ во время антракта, они еще разъ являются въ своемъ истинномъ видѣ: они взываютъ къ Зевсу, Посидону и Аполлону. — Г. Г. Бодѣ въ своей превосходной исторіи греческой литературы, хотя и замѣчаетъ, что Облака, по представленію Аристофана, были совершенно отличны отъ того, за что ихъ выдавалъ Сократъ; но онъ этимъ хочетъ сказать совершенно другое, нежели мы. По его мнѣнію, различіе между Облаками Аристофана и Сократа состояло въ томъ, что Сократъ ихъ считалъ богами, а Аристофанъ напрогивъ. Но при такомъ различіи мнѣніе Г. Бодѣ несправедливо, ибо оно опирается на томъ положеніи, ⁽⁴¹⁾ что «Облака сами не дѣлають никакихъ пригизаній на божескія почести, и что въ комедіи нѣтъ даже и малѣйшаго слѣда

⁽³⁹⁾. Обл. 299—315. ⁽⁴⁰⁾ Обл. 383—374.

⁽⁴¹⁾. Geschichte des hellenischen Dichtkunst v. G. H. Bode. III т. II ч. 327 стр. Лейпц. 1840. Dass die Wolken selbst auf die höchsten göttlichen Ehren Ansprüche machten, davon ist auch nicht die entfernteste Spur in der Komödie.

«подобныхъ притязаній». Но это утверждение совершенно несправедливо: вотъ одно изъ замѣчательныхъ мѣстъ хора Облаковъ⁽⁴²⁾. Мы, говорятъ Облака Аѳинянамъ, оскорбленныя вами, вамъ же и приносимъ жалобу: мы преимущественно предъ всеми богами приносимъ пользу государству, а вы только намъ однимъ не дѣлаете ни жертвоприношеній, ни возліяній. Все это, взятое вмѣстѣ, убѣждаетъ насъ совершенно въ томъ, что Облака, по мысли Аристофана, были младшими божествами, которыхъ послалъ Зевсъ для образумленія Стрепсиада и ему подобныхъ. Потому-то отъ Облаковъ мы и должны ожидать окончательнаго приговора, который составляетъ задачу комедіи; такъ какъ этотъ приговоръ долженъ быть истиннымъ, какъ приговоръ небесныхъ посланниковъ, то конечно онъ долженъ быть вмѣстѣ и мнѣніемъ Аристофана, его главною идеею. И такъ будемъ внимательно слѣдить за Облаками и ихъ дѣйствіемъ въ самомъ концѣ комедіи.

Стрепсиадъ, придя въ отчаяніе отъ поведенія сына, обратился съ упрекомъ къ тѣмъ, которыя были, по его мнѣнію, главными виновниками его несчастій: — къ Облакамъ⁽⁴³⁾.

— Все это я перенесъ, говорилъ онъ имъ, чрезъ васъ, о Облака, повѣривъ дѣла свои вамъ!

Какой должны были дать ему отвѣтъ Облака, если бъ главная цѣль комедіи состояла въ осмѣяніи ученія Сократа? Конечно, они должны были сложить вину на Сократа, и осмѣять еще болѣе старика, какъ это они дѣлали и прежде. Но здѣсь-то мы и увидимъ, что Аристофанъ имѣлъ совершенно другія цѣли, нежели какъ это обыкновенно полагалось. Вотъ какой дали отвѣтъ Облака, или, что тоже, самъ Аристофанъ⁽⁴⁴⁾:

Αὐτὸς μὲν οὖν σάκκῳ σὺ τούτων ἄλιος,
στρέψας σεαυτὸν εἰς ποτῖνὰ πρᾶγματ' αἰ. е.

— Считаю самъ себя виною всего этого, ибо ты покусился на низкія дѣла!

Этотъ отвѣтъ Облаковъ, при внимательномъ его разсмотрѣніи, рѣшаетъ судьбу цѣлой комедіи. Здѣсь можно считать ее оконченною. Облака не обвиняютъ ни Сократа, ни его ученіе.

(42) Обл. 878 и слѣд. (43) Обл. 1482. (44) Обл. 1484 и слѣд.

они говорить, что виновенъ вамъ Стрепсиадъ, т. е. виновно само общество. Почему? потому что оно вздумало достигать низкихъ цѣлей; а при этомъ каковъ бы ни былъ образъ жизни, каковы бы ни были правила, конецъ всегда одинъ и тотъ же— рано или поздно придется заплатить вѣчнымъ несчастіемъ за временную выгоду, которой старались достигнуть низкими мѣрами.

Если бы мы захотѣли остаться при старомъ мнѣніи о сущности комедіи, то отвѣтъ Облаковъ остался бы для насъ совершенно непонятнымъ; даже мы должны были бы обвинить Аристофана въ отсутствіи логики. Если Стрепсиадъ въ концѣ комедіи сожигаетъ домъ Сократа, то въ этой сценѣ виденъ болѣе результатъ его отчаянія и личной ненависти къ Сократу, а изъ словъ, сказанныхъ Облаками, эта сцена не можетъ быть объясняема. Неизвѣстный авторъ VI Аргумента къ «Облакамъ», который имѣлъ въ своихъ рукахъ оба изданія этой комедіи, говоритъ, что при второмъ изданіи сцена сожженія Сократова дома была замѣнена ⁽⁴⁹⁾. Изъ этихъ словъ видно, что эта сцена и не имѣла существеннаго отношенія къ цѣлости комедіи.

Конечно, мы съ другой стороны вовсе не думаемъ утверждать противнаго, что Аристофанъ имѣлъ цѣлью защищать Сократа словами Облаковъ: въ комедіи Сократъ и его ученіе осмѣяны дѣйствительно самымъ жестокимъ образомъ. Это безспорно. Но нельзя не согласиться, что едва ли не столько же осмѣяны въ комедіи и противники Сократа: утопія Правды такъ же мало составляла мнѣніе Аристофана, какъ и крайность ея соперницы, Неправды. Въ «Облакахъ» Аристофанъ выставилъ обѣ существовавшія тогда партіи въ Аѳинахъ, *какъ онѣ сами представляли другъ друга*; на сценѣ онѣ преслѣдуютъ себя взаимно насмѣшками какъ нельзя лучше, а Аристофанъ чрезъ то достигаетъ своей цѣли: уничтоживъ ту и другую партію собственными ихъ силами, онъ выставляетъ надъ ними свое нравственное убѣжденіе, которое и было цѣлью комедіи. Въ пользу

(49) ἡ παράβασις τοῦ χοροῦ ἡμεῖται καὶ ὅπου εἰ δίκαιοι λόγοι; πρὸς τὸν ἄδικον λαλεῖ, καὶ τελευτᾶον ὅπου καίεται ἡ διατριβὴ Σωκράτους. Argum. VI ad Nub.

нашего мнѣнія говорятъ и многія извѣстія древнихъ объ отношеніяхъ Аристофана и Сократа, и въ особенности важны извѣстія Платона. Такъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, которое признается самымъ полнымъ и лучшимъ ⁽⁴⁶⁾, Платонъ представляетъ намъ свидѣтельство, изъ котораго мы заключаемъ о хорошихъ отношеніяхъ Аристофана къ Сократу. Въ 417 г., слѣд. только 5 лѣтъ спустя послѣ повторенія «Облаковъ», одинъ трагикъ Агафонъ получилъ премію, и по этому случаю далъ пиръ, и пригласилъ на него всѣхъ своихъ друзей, въ томъ числѣ Аристофана и Сократа. Если бы личность Аристофана принимала участіе въ тѣхъ насмѣшкахъ надъ Сократомъ, которыми наполнены «Облака», то едва ли бы они могли теперь встрѣтиться за однимъ столомъ. По этому мало. Алкивиадъ, который былъ также приглашенъ къ Агафону, во время пира обратился къ своему наставнику Сократу, съ рвучью, въ которой онъ, шутя, цитуетъ одно мѣсто изъ «Облаковъ» ⁽⁴⁷⁾. Послѣ стола всѣ гости уснули, только самъ хозяинъ Агафонъ, Сократъ и Аристофанъ, не спали всю ночь и бесѣдовали до утра, и Сократъ убѣдилъ ихъ обоихъ, что искусство трагика и комика въ сущности одно и тоже. Можно ли теперь предполагать возможнымъ такую дружескую бесѣду Аристофана съ Сократомъ, еслибы въ «Облакахъ» выразилась такъ неприязненно личность комика противъ него.

Впрочемъ такая нейтральность Аристофана встрѣчается и въ другихъ его комедіяхъ, при другихъ направленіяхъ. Такъ въ «Всадникахъ», осмѣивая Клеона и съ нимъ димократію, Аристофанъ не щадитъ Димосеена и Никію, представителей аристократіи ⁽⁴⁸⁾. Плутархъ въ своемъ «Сравненіи Аристофана и Менандра» прямо утверждаетъ, согласно съ нами, что «обыкновенно комики пишутъ или для димократовъ и охлократовъ, или для аристократовъ,—но Аристофанъ и аристократамъ не «угождалъ и димократами не былъ терпимъ».

Изъ всего нами сказаннаго о главной идее «Облаковъ» и объ отношеніи къ инымъ личности самаго комика, слѣдуетъ,

⁽⁴⁶⁾ Пиръ, 36, 6 и 39 2. 3. ⁽⁴⁷⁾ Обл. 562.

⁽⁴⁸⁾ Ἀριστοφάνης μὲν οὐδ' οὐτε τοῖς πολλοῖς ἀρεστοῖς, οὐτε τοῖς φροῦδοῖς ἀνεχτοῖς. 851. А.

что тотъ главный вопросъ, для котораго мы предприняли весь этотъ трудъ, объ отысканіи причинъ различія нашихъ убѣжденій о Сократѣ съ представленіемъ этого лица по Аристофановой комедіи, — этотъ вопросъ долженъ быть разсматриваемъ совершенно съ другой стороны, нежели какъ это обыкновенно дѣлалось до сихъ поръ. Всѣ смотрѣли на этотъ вопросъ такъ, какъ будто бы дѣло состояло въ томъ, чтобы объяснить причины, по которымъ именно Аристофанъ выставилъ Сократа въ такомъ невыгодномъ и превратномъ видѣ; потому всѣ разсужденія по нашему предмету заботятся о томъ, чтобы написать апологію Аристофана. Мы увидимъ, что всѣ ученые, соглашаясь въ томъ, что «Облака» есть ни что иное, какъ пасквиль на Сократа, стараются оправдать Аристофана различными гипотезами, и особенно духомъ времени, хорошими и добрыми цѣлями комика. Но развѣ есть какое-нибудь зло, которое можно оправдать его добрымъ назначеніемъ? Но нашему мнѣнію Аристофанъ въ своихъ пасмышкахъ надъ Сократомъ выскризалъ мнѣніе его притимениковъ, которыхъ онъ такъ же мало цѣдилъ. Послѣ этого напрасно будетъ спрашивать, отъ чего Аристофанъ представилъ Сократа въ превратномъ видѣ; Аристофанъ нисколько не искажалъ его, а только представилъ такъ, какъ онъ казался значительной части общества въ Аѳинахъ. Потому тотъ вышеприведенный главный вопросъ съ нашей точки зрѣнія долженъ быть выраженъ теперь такъ: откуда происходитъ различіе между нашими убѣжденіями о Сократѣ и тѣми убѣжденіями о немъ, которыя мы находимъ у большей части его современниковъ?

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

III.

Байрейтъ. Вы получите это письмо по истеченіи четырнадцати-дневнаго промежутка и по окончаніи моихъ изслѣдованій въ Триестѣ, подавшихъ первый поводъ къ нашей перепискѣ. Я пробылъ пять дней въ Вѣнѣ, три въ Берлинѣ, нѣскольکو часовъ — въ Адельсбергѣ, Грецѣ, Бреславлѣ и Лейпцигѣ, а все остальное время провелъ въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ; но все это существенно не мѣшало моимъ наблюденіямъ. Только для этого письма я могъ улучшить время не прежде, какъ возвратился въ свой родной городъ, въ которомъ такъ долго жилъ Жанъ-Поль, и котораго очаровательныя окрестности такъ часто привлекали сюда обоихъ Гумбольдтовъ. Бесѣда съ собратами въ наукѣ, съ которыми я встрѣчался во время этого путешествія, и тихое размышленіе въ углу вагона, между тѣмъ какъ проливной дождь безпощадно стучалъ въ плотно-затворенныя окна, разъяснили мнѣ многіе факты, кои хорошенько обдумать мнѣ не позволяли мои непосредственныя наблюденія на берегу моря. Даже въ антрактахъ блистательнаго представленія «Гугенотовъ» въ Берлинской оперѣ не переставалъ я думать о гниусѣ. Для естествоиспытателя драгоцѣнно то время, когда все, что вокругъ него происходитъ, приводитъ только въ движеніе рядъ мыслей, порожденныхъ въ немъ новымъ взглядомъ на божественныя тайны созданья. Чувствуешь какое-то поэтическое наслажденіе, когда откроешь новые факты, изъ которыхъ можешь объяснить многіе другіе. Въ статьяхъ, предназначенныхъ для ученыхъ, необходимость научной формы и по возможности объективнаго изображенія, исключаетъ всякое воспоминаніе объ этихъ впечатлѣніяхъ, вездѣ сопровождающихъ естествоиспытателя въ его генетическихъ изысканіяхъ. Но для чего мнѣ уничтожать ихъ въ письмахъ, которыя, какъ и дневники, представляютъ самое чистое и субъективное выраженіе нашей индивидуальной натуры? Всякая вѣтъ науки принимаетъ въ теченіе времени колоритъ субъективности, и наше знаніе всегда есть результатъ соприкосновенія объективныхъ фактовъ съ познающею дѣятельностью субъективнаго духа.

Но обратимся къ нашему предмету. Я ищу въ гнѣсѣ пункта, который бы освѣщаль мои странствования по лабиринту мозга, и который могъ бы содѣйствовать разрѣшенію одной изъ самыхъ темныхъ и интересныхъ задачъ нашего существованія—задачи связи души съ тѣломъ.

Анатомія и физика нервовъ обращали на себя въ последнее время вниманіе многихъ наблюдателей и экспериментаторовъ. Уже въ теченіе двухъ лѣтъ я почти непрерывно занимаюсь анатомическимъ изслѣдованіемъ мозга, и стараюсь объяснить себѣ филологическими опытами отношеніе къ нервамъ мускульныхъ аппаратовъ и сердца. Подтвержденія, измѣненія и возраженія, возбужденныя моими трудами, и побудили меня отправиться въ Триестъ—возобновить мои изслѣдованія надъ гнѣсомъ, прерванныя пять лѣтъ тому назадъ въ Пизѣ.

Всякій, знакомый съ состояніемъ нашей науки, согласится, что наши знанія о строеніи мозга весьма недостаточны, и что вслѣдствіе этого и остаются безплодными всѣ наши попытки подвинуться впередъ въ физиологіи мозга. Если читатель позволитъ употребить пошлое, но всѣмъ понятное сравненіе, то я скажу, что мозгъ для насъ все то же, что введенныя часы для дикаря или совершеннаго невѣжды въ механику, который по стрѣлкѣ легко узнаетъ ихъ ходъ, но рѣшительно не постигаетъ ихъ внутренняго устройства.

А между тѣмъ ученые не разъ пытались разгадать дивный механизмъ мозга и становой жилы. Одна изъ извѣстнѣйшихъ попытокъ въ этомъ родѣ принадлежитъ Галлю и его школѣ. Но мнѣніе френологовъ, что будто бы мозгъ есть совокупность разныхъ отдѣленій (скопленій нервной матеріи), изъ которыхъ каждое служитъ мѣстопробываніемъ особенной, часто вымышленной психической дѣятельности, не можетъ выдержать строгой и научной критики. Ниже будетъ показано, что, хотя въ основѣ этой теоріи и лежитъ частица истины, но что она, какъ и физиономика Лафатера, не можетъ имѣть никакого притязанія на точность, составляющую существенныя условія всякой науки.

Въ электр. гнѣсѣ находятся двѣ легко находимыя и отдѣльныя частицы мозга, вся дѣятельность которыхъ состоитъ въ томъ,

чтобъ приводить въ дѣйствіе вышеописанныя электрическія органы, и управлять ими. Эти частицы, называемыя электрическими долями, состоятъ изъ маленькихъ шариковъ, едва замѣтныхъ для простаго глаза, но очень хорошо различаемыхъ съ помощью микроскопа. Изъ этихъ шариковъ, называемыхъ гангліейными клеточками (Sanglienzen), расходится во все стороны, въ видѣ лучей, около двѣнадцати иногда болѣе, чаще менѣе тонкихъ нитей. Нѣкоторыя изъ этихъ нитей непосредственно переходятъ въ нервы электрическаго органа, а другія служатъ соединеніемъ для отдѣльныхъ клеточекъ или шариковъ.

Ниже будетъ показано, что эти точныя наблюденія, сдѣланныя мною въ Тріестѣ, могутъ дать новое и прочное основаніе анатоміи центральныхъ частей нервной системы. Эти наблюденія представляютъ такую совершенную аналогію съ нѣкоторыми явленіями, подъѣченными мною въ человеческомъ мозгѣ, что изъ нихъ смѣло можно вывести важнѣйшія заключенія касательно механики нервныхъ отправленій. Пойду далѣе, и скажу, что онѣ могутъ послужить прочнымъ основаніемъ не только для нервной физики, но и для физиологической части психологіи.

Спинной, продолговатый мозгъ, многія части черепнаго мозга человека и животныхъ состоятъ изъ массъ, заключающихъ островоподобныя скопленія лучистыхъ гангліейныхъ клеточекъ, принимающихъ и испускающихъ изъ себя нервныя нити, и соединяющихся между собою другими нитями. Эти островки гангліейныхъ клеточекъ обладаютъ различными способностями. Одни изъ нихъ образуютъ центральные органы извѣстныхъ группъ мускуловъ, относящіеся къ мускуламъ тѣла точно также, какъ въ гниоѣ электрическія доли относятся къ электрическимъ органамъ. Другія, приходя въ молекулярное колебаніе, производятъ слуховыя явленія, а третьи порождаютъ въ массѣ ощущеніе свѣта. По этому не должно быть странно, ежели мы говоримъ объ электрическихъ, двигательныхъ, слуховыхъ и зрительныхъ глазныхъ клеточкахъ. И осмѣлось даже говорить о «психическихъ клеточкахъ», порождающихъ въ нашей душѣ эти пестрые образы, которые мы видимъ во снѣ или можемъ вызывать воображеніемъ.

И такъ, изъ нашихъ новыхъ наблюденій несомнѣнно слѣдуетъ, что въ головномъ и спинномъ мозгѣ находятся отдѣльныя, но соединенныя между собою группы маленькихъ тѣлъ или такъ называемыхъ лучистыхъ клеточекъ, которыми

образуютъ особыя, замкнутыя системы аппаратовъ силъ, служащихъ для достиженія различныхъ цѣлей животной экономіи, проводятъ въ нашу душу вышнія впечатлѣнія, получаютъ отъ нея приказанія, которыя, подобно электрическимъ телеграфамъ, они вмигъ исполняютъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно элементамъ гальванической батареи, развиваютъ сами въ себѣ силы, иногда полезныя для души, а иногда и нѣтъ; наконецъ въ конвульсіяхъ и судорогахъ онѣ разстраиваютъ наши мускулы, а во снѣ, лихорадкѣ или безуміи наполняютъ нашу душу, безъ всякаго вышшняго повода, ощущеніями, которыя мы принимаемъ за жужжанье и смѣхъ или звонъ, за свѣтящіяся пункты массы и пестрыя кривляющіяся фигуры.

Чтобы продолжать, — мы должны глубже проникнуть въ нашу науку. Поэтому, я попытаюсь общедоступнымъ языкомъ изложить главнѣйшія части нервной физиологіи. Я знаю, что такое изложеніе можетъ встрѣтить два главныя препятствія, которыя необходимо преодолѣть. Съ одной стороны, трудно избѣжать пошлости, съ другой еще труднѣе совершенно ясно изложить трудное содержаніе, когда въ читателѣ не съвѣшь предполагать много предварительныхъ познаній. Но и полуудачная попытка приносить пользу. Этимъ мы приучимъ себя къ возможно-ясному движенію мысли и чистому выраженію содержанія. Вѣдь говоритъ же намъ учитель: кто хочетъ писать яснымъ слогомъ, — у того должно быть, ясно въ душѣ; кто же, хочетъ писать высокимъ слогомъ — у того долженъ быть высочій характеръ.

Притомъ же мысль — изложить трудное содержаніе въ легко понятной формѣ, всегда заманчива, точно такъ же, какъ заманчиво выбирать въ предметы изслѣдованія самыя темныя проблемы.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Сколько шло провизіи въ мѣсяцъ на одного ратнаго человѣка подъ Москвой въ 1612 году въ лагеряхъ князей Димитрія Трубецкаго и Димитрія Пожарскаго.

Въ двухъ наказныхъ памятяхъ Есаулу Поликарпову и Атаману Андрею Шилову о сборѣ съ Каширской волости въ Переяславскомъ уездѣ кормовъ для ратныхъ людей 10 Декабря 1612 года сказано:

«Собрать на мѣсяцъ козакомъ одному человѣку по осминѣ муки, по осминѣ сухарей, по полуполти мяса (свинаго), почти пуда соли, да на десять человѣкъ по четверти крупъ, по четверти толокна, да на лошади по чети овса, по возу сѣна».

Принявши при расчисленіи всего этого, осмину муки и осмину сухарей за восемь пудъ, а полполти свинаго мяса за 3 пуда, четь пуда соли за 10 фунтовъ, и почти по пуду крупъ и толокна, и взявши въ соображеніе, сколько должно прибавиться муки и крупы при печеньѣ и вареньѣ, выйдетъ, что на человѣка выходило въ сутки почти по 30 фунтовъ всей провизіи. Пропорція огромная въ сравненіи съ нынѣшней, которая круглымъ числомъ едва ли простирается до пяти фунтовъ: тогда какъ пропорція лошадиного корма—четь овса и возъ сѣна (должно быть пудъ въ 30-ть, по тому соображенію, сколько по старымъ грамотамъ съ известнаго пространства земли выкашивалось возовъ сѣна, и сколько возовъ съ того же пространства выкашивается въ настоящее время), почти не разнится отъ нынѣшней, особенно, если сравнивать степныхъ лошадей, каковыя вѣроятно и были у тогдашнихъ козаковъ подъ Москвою (*). Б.

(*) Недолжно забывать, что такая мѣсячная заплата или дополняла денежное жалованье, и не вся употреблялась въ пищу. М. П.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**ПАМЯТНИКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СНОШЕНІЙ ДРЕВНЕЙ
РОССІИ СЪ ДЕРЖАВАМИ ИНОСТРАННЫМИ**, по Высочайшему
повелѣнію изданныя II-мъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В.
Канцеляріи. С. Петербургъ. 1851 года.

Мы нѣсколько запоздали съ своимъ отчетомъ о семъ замѣчатель-
нѣйшемъ изданіи; въ Москвитинѣ была уже помѣщена о немъ пре-
красная статья г. Лешкова, но изданіе сіе принадлежитъ къ такому
роду памятниковъ, которыхъ интересъ можно видѣть съ разныхъ
сторонъ, а посему поговорить и въ другой разъ будетъ не лиш-
нимъ. Издаваемая нынѣ книга представляетъ только I-й томъ огромнѣй-
шаго предпріятія, которое должно объять собою всѣ памятники дре-
внихъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными державами.
Въ настоящей книгѣ изданы только сношенія Московскаго двора съ
Римскою Имперіею, съ 1488 по 1594 годъ. Чтобы по возможности
показать достоинства сей книги, мы въ краткомъ изложеніи предста-
вимъ ее содержаніе, и укажемъ на нѣкоторыя черты, выражающія
главный характеръ древнихъ сношеній Москвы съ Римскою Имперіею;
отчетъ о книгѣ, представленный въ такой формѣ, по нашему мнѣнію,
для cadaго будетъ лучшимъ указателемъ ея достоинствъ.

Учѣтывшія до насъ дипломатическія сношенія съ Римскою Импе-
ріею начинаютъ пріѣздомъ въ Москву Цесарскаго посла Николая
Поппеля, въ 1488 году. Поппель, представлявшійся къ Вел. Кн. Ивану
Васильевичу (въ присутствіи бояръ: Князя Ивана Юрьевича, Князя
Данилы Васильевича и Якова Захарьича), говорилъ, что побывавши
въ Москвѣ два года тому назадъ, онъ первый открылъ Россію за-
падной Европѣ, и что до него Римскій Императоръ и всѣ Князья
Германскіе, на слово вѣря Полякамъ, считали Москву Польскою про-
винціею, и что открытіе это очень удивляло Императора и Князей.

И, какъ видно изъ словъ Поппеля, Императоръ Фридрихъ III, опасался вполне вѣрить его рѣчамъ, и отправляя посольство, не велѣлъ разглашать о немъ, такъ что Поппель и слугамъ своимъ говорилъ, что ѣдетъ черезъ Татарскую степь на поклоненіе Гробу Господню. И даже пріѣхавши въ Москву, просилъ, чтобы Великій Князь принялъ его и выслушалъ посольство наединѣ, а не передъ боярами. Впрочемъ и со стороны Московскаго двора, первоначально высказалось также недовѣріе къ послу; ибо государь и бояре подозрѣвали въ немъ лазутчика Польскаго. Но не смотря на видимое недовѣріе, Императоръ Фридрихъ спѣшилъ вступить въ тѣсныя связи съ Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ; и для сего послу было наказано, чтобы онъ тайно предложилъ Московскому Государю выдать свою дочь за племянника Императорскаго. Кромѣ того Императоръ думалъ поставить Вел. Князя въ нѣкоторую зависимость отъ себя; ибо посолъ по наказу, данному отъ своего двора, предлагалъ Московскому Государю просить королевскаго титула у Римскаго Императора, и даже представлялъ, что таковой титулъ будетъ имѣть важное вліяніе на Поляковъ, что тогда вся Русская земля, находящаяся въ зависимости отъ Короля Польши, подчинится Москвѣ; но такое хитрое предложеніе вовсе не имѣло успѣха: Великій Князь очень хорошо понималъ свое положеніе и могущество, и считая себя вполне равнымъ Римскому Императору, вовсе не думалъ изъ одного титула ставить себя въ нѣкоторое подчиненіе, и своимъ отвѣтомъ съ перваго раза уничтожилъ всякую надежду Имперскаго двора въ этомъ дѣлѣ. Онъ, чрезъ дѣяка Курицына, сказалъ Поппелю: «А что еси намъ говорилъ, о королевствѣ, если намъ любо отъ Цесаря хотѣти Кралемъ поставлену быти на своей землѣ; и мы Божіею милостию Государя на своей землѣ изначала отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтемъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есмя нынѣ Государя на своей землѣ, а поставленіе, какъ есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ».

Сознаніе своего достоинства Иванъ Васильевичъ еще болѣе высказалъ черезъ своего посла, Грека Юрія Траханіота, отправленнаго къ Императору Фридриху. Отпустивши Поппеля, Великій Князь прежде всего постарался разузнать отношенія Императора къ Германскимъ Князьямъ и значеніе самихъ Князей; потомъ снарядивши свое посольство, далъ такой наказъ Юрію Траханіоту: Ежели спросятъ, желаетъ ли Великій Князь выдать свою дочь за Императорскаго пле-

мянника, за Маркграфа Албрехта Баденскаго; то отвѣчать: «за того Маркграбія Государю нашему дати не пригоже; занеже Государь нашъ многымъ землямъ Государь есь великій, и гдѣ будетъ по пригожу, и Государь нашъ съ Божіею волею хочеть то дѣло дѣлати. А учнуть ему говорити: чего дѣла не пригоже Государю вашему дати за Маркграбія, да учнуть его ставити велика, и Юрью того Маркграбія оттоваривати, да и то ему говорити: въ всѣхъ земляхъ то вѣдомо, а надѣмся, что и вамъ вѣдомо, что Государь нашъ—великій Государь, уроженный изначала отъ своихъ прародителей; а и напередъ того отъ давнихъ лѣтъ прародители его по изначальству были въ пріятельствѣ и любви съ передними Римскими Цари, которые Римъ отдали Папѣ, а сами царствовали въ Византіи, да и отецъ его Государь нашъ, и до конца былъ съ ними въ братствѣ и пріятельствѣ и въ любви, и до своего зятя до Ивана Палеолога Римскаго Царя; ино такому великому Князю какъ давати своя дочи за того Маркграбія? А учнуть съ Юріемъ говорити о Цесаревѣ сынѣ о Максиміанѣ, чтобы великому Князю дати за него своя дочи, и Юрью того не оттоваривати, а молвити такъ: похочеть Цесарь то дѣло дѣлати съ нашимъ Государемъ, и онъ бы послалъ къ нашему Государю своего человѣка».

Впрочемъ Государь Московскій, не позволяя Нѣмцамъ и думать о какомъ-либо превосходствѣ надъ собою, въ тоже время не отвергалъ союза съ Императоромъ, и говорилъ черезъ своего посла Фридриху: «Мы съ Божіею волею хотимъ быть съ-твоею свѣтлостію въ любви и пріятельствѣ, и люди бы наши для пріятельства нашего и любви межъ насъ ѣздили и здоровье наше видѣли». Одна изъ главныхъ цѣлей посольства Траханіотова, кажется, состояла въ приглашеніи на Русь разныхъ ремесленниковъ; ибо между наказами посольства Траханіоту также была дана память, добывать великому Князю мастеровъ: «рудника, который руду знаетъ золотую и серебряную, да другаго мастера, который умѣетъ отъ земли раздѣлити золото и серебро, и иныхъ». Замѣчательно, что въ грамотахъ, по случаю Траханіотова посольства отправленныхъ въ Любекъ и Колывань, Иванъ Васильевичъ писалъ уже себя Царемъ всея Русіи.

На возвратномъ пути въ Москву, Траханіотъ привезъ съ собою Максимілианова посла Юрія Делатора, который отъ имени Максимілиана искалъ союза и помощи у Государя Московскаго, противъ Польковъ, препятствовавшихъ ему въ искательствѣ Венгерской короны, и вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ о сватовствѣ, чтобы выдать велико-кня-

жескую дочь за Максимиліана. Иванъ Васильевичъ и на то и на другое предложеніе далъ свое согласіе, и общалъ по сему случаю отправить своихъ пословъ къ Максимиліану; но относительно дочери замѣтилъ въ числѣ первыхъ условій, чтобы она, вышедши за Максимиліана, не перемѣняла Греческаго закона, и имѣла бы при себѣ Греческую церковь и священниковъ.

Къ новому посольству въ Германію опять былъ назначенъ Траханіотъ, и къ нему приданъ Василій Кулешинъ, которые въ 1490 году и отправились изъ Москвы вмѣстѣ съ Юріемъ Делаторомъ. Съ ними послами были отправлены грамоты къ Максимиліану о союзѣ, въ которыхъ Государь Московскій мѣтитъ преимущественно на союзъ противъ Польши; ибо въ отношеніи къ другимъ непріятелямъ Максимиліановымъ говорить довольно неопредѣленно и необязательно: «гдѣ будетъ тебѣ надобѣ наша помощь на твоихъ недруговъ, и намъ тебѣ помогати, гдѣ будетъ намъ мочно » То же самое возлагалось и на Максимиліана; но въ отношеніи къ Польшѣ, грамота прямо говоритъ: «А почнешь, брате, ты доставати своего отчѣства Угорскаго королевства себѣ, а Казимеръ Король Польской и дѣти его учнутъ себѣ доставати, и тебѣ намъ вѣсть послати; и намъ тебѣ на Казимера на Короля и на дѣти его помогати въ правду безъ хитрости. Также и мы, ожъ дастъ Богъ, какъ учнемъ доставати своего отчѣства, Великаго Княжества Кіевскаго, что за собою держитъ Казимеръ, Король Польскій и его дѣти, нашего государства Рускихъ земель, и намъ тебѣ вѣсть послати; и тебѣ намъ на Казимера Короля и на его дѣти помогати въ правду безъ хитрости». Кромѣ того тою же грамотою Государь Московскій обязывалъ себя и Максимиліана къ взаимной свободной торговлѣ обоихъ государствъ; грамота говоритъ: «А твоимъ посломъ и гостемъ по нашимъ землямъ путь чистъ безъ всякихъ зацѣпокъ, а нашимъ посломъ и гостемъ по твоимъ землямъ путь чистъ безъ всякихъ зацѣпокъ ». Для большаго укрѣпленія союза, Государь Московскій требовалъ, чтобы Максимиліанъ цѣловалъ крестъ на договорной грамотѣ въ присутствіи Московскихъ пословъ, обѣщаясь и самъ тоже сдѣлать въ Москвѣ передъ послами Максимиліановыми. Что и было исполнено Максимиліаномъ, передъ Московскими послами въ Нюрембергѣ, и потомъ Московскимъ Государемъ, передъ Максимиліановымъ посломъ въ Москвѣ.

Въ этотъ пріѣздъ, Максимиліановъ посолъ называлъ уже Московскаго Государя единымъ Царемъ всея Русіи, и просилъ, чтобы онъ принялъ подъ свое покровительство Магистровъ, Прусскаго и Ливон-

скаго, а также напоминалъ, чтобы онъ согласно съ договорною грамотою началъ дѣйствовать противъ Казимира и его дѣтей, ибо у Максимилиана началась съ ними война за королевство Угорское. На сіе послѣднее Великій Князь отвѣчалъ, что уже пришли совѣтъ другія вѣсти, что Максимилианъ помирился съ Чешскимъ королемъ Владиславомъ и уступилъ ему Угорскую землю, а потому мы и приостановились воевать съ Казимиромъ; но ежели Максимилианъ хочетъ доставать Угорскаго королевства, то оставилъ бы всѣ другія дѣла, и принялся за это дѣло накрѣпко; а тогда и мы будемъ помогать ему согласно съ договорной грамотой, т. е. другими словами: Государь Московскій ясно высказалъ, что онъ не хочетъ зависть отъ Нѣмецкой политики, т. е. проливать Русскую кровь, только для выгоды Максимилиановыхъ; но не отказывается дѣйствовать за одно съ Максимилианомъ, ежели тотъ безъ взаимнаго согласія союзниковъ не будетъ мириться съ Казимиромъ и его дѣтьми. А относительно Пруссіи и Ливоніи былъ данъ отвѣтъ, что Государь готовъ принять ихъ въ свое покровительство, но только тогда, когда они пришлютъ своихъ людей и представятъ условія согласныя съ выгодами двора Московскаго.

Вмѣстѣ съ Максимилиановымъ посломъ былъ отправленъ отъ Великаго Князя къ Максимилиану Юрій Траханіотъ по тому же дѣлу о союзѣ противъ Казимира и его дѣтей; но статейнаго Траханіотова списка до насъ не дошло; и потому неизвѣстны послѣдствія сего посольства. Бывшіе же, послѣ Юрія Делатора, въ Москвѣ Максимилиановы гонцы, пріѣзжали для разныхъ незначительныхъ дѣлъ и для ходатайства о Ливонскихъ плѣнникахъ и о возвращеніи товаровъ, отнятыхъ въ Новгородѣ у Ганзейскихъ купцовъ; но ходатайства сіи были безуспѣшны. Такъ продолжалось до 1508 года, когда преемникъ Ивана Васильевича, Великій Князь Василій Ивановичъ, отправилъ къ Максимилиану свою грамоту, въ которой, напоминая о договорѣ Максимилиана съ отцемъ его противъ Казимира и его дѣтей, предлагалъ начать войну съ Польшею, съ тѣмъ чтобы согласно договору Максимилиану искать Венгріи, а Василю Кіева и другихъ Русскихъ земель, завистѣвшихъ тогда отъ Польши; но отвѣта на сію грамоту въ сохранившихся дипломатическихъ памятникахъ мы не имѣемъ, и былъ ли таковой, мы не знаемъ.

Наконецъ въ 1517 году, пріѣхалъ въ Москву Максимилиановъ посолъ Сигизмундъ Герберштейнъ, но уже съ другими видами и съ другою политикою: онъ старается всѣми силами, чтобы Государь Мо-

сковскій заключилъ миръ съ Польскимъ королемъ Сигизмундомъ, и представляеть новый союзъ противъ Турокъ; говорить, что съ Цесаремъ Максимилианомъ многіе Государи Христіанскіе уже заключили союзъ на невѣрныхъ, что въ немъ участвуютъ, кромѣ Папы со всею Италіею, еще 26 Королей, и даже Французскій Король и Венеціане заключили съ Максимилианомъ миръ; что пора уже прекратить всѣ брани и ссоры между Европейскими Государами; ибо Турки, покоривъ Дамаскъ, Іерусалимъ и другія государства, теперь сдѣлались очень грозны и опасны для Европы. Но всѣ сіи убѣжденія не имѣли успѣха при Московскомъ дворѣ, и Сигизмундъ Герберштейнъ, проживъ въ Москвѣ съ 18 Апрѣля 1517 года до 22 Ноября 1518 года, возвратился къ Максимилиану, не убѣдивъ Государи Московскаго заключить миръ съ Сигизмундомъ. Взаимныя требованія Польскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ Москву, и Московскихъ бояръ такъ были несогласны, что всѣ убѣжденія и старанія Герберштейновы оставались недѣйствительными; притомъ же бояре Московскіе скоро поняли, что Цесаревъ посолъ держится Польской стороны къ невыгодѣ Московскому Государю, а посему сдѣлались еще упорнѣе, и нерѣдко приводили Герберштейна въ затруднительное положеніе. Такъ по случаю спора о городахъ, Московскій Государь предъ отпускомъ Герберштейна велѣлъ сказать ему: «А что Жигимонтовы королевѣ послы говорили, что будто Жигимонтъ король нашіе отчины за собою не держитъ, а будто бы еще мы за собою держимъ города, и коли братъ нашъ Максимилианъ, избранный Цесарь Римскій и навышшій-Король, присылалъ къ намъ своего посла Юрѣя Сницпамера, чтобы намъ съ нимъ быти въ любви и въ завѣщаньи, и на Жигимонта бы намъ Короля быти съ нимъ за одинъ и доставати намъ своей отчины Русскихъ городовъ Кіева, Полтеска, Витебска и иныхъ городовъ Русскіе земли, а брату нашему доставати Прусскихъ городовъ; да и въ докончальныхъ грамотахъ межъ насъ съ братомъ съ нашимъ написано, что намъ быти съ нимъ въ любви и въ завѣщаньи и на своего недруга на Жигимонта Короля быти съ нимъ за одинъ и доставати тѣхъ городовъ, и своей отчины за одинъ; и братъ нашъ и отъ насъ не слышавъ, вѣдая то гораздо, что Жигимонтъ Король нашу отчину держитъ за собою неправдою, и онъ о томъ къ намъ приказалъ. И ты, Жигимонтъ, положи на своемъ разумѣ, гораздо ли то Жигимонтовы королевѣ послы говорятъ, что будто мы за собою его города держимъ, а онъ будто за собою нашіе отчины не держитъ?» Или, когда Герберштейнъ, убѣждая уступить Полякамъ Смоленскъ, представалъ въ притѣръ Ма-

Максиміліана уступившаго Верону Венеціанамъ, и В. К. Ивана Васильевича, будто бы отдавшаго Казанскую землю невѣрнымъ; то, по приказу Государеву, бояре отвѣчали: «А что еси говорилъ, что братъ нашъ Максиміліанъ Верону городъ Венеціаномъ отдалъ, ино то братъ нашъ вѣдаетъ, которымъ обычаемъ Венеціаномъ Верону отдалъ, а мы того въ обычаѣ не имѣемъ и не имѣти хотимъ, чтобы намъ своя отчина отдавати. А что еси писалъ о Казани, что будто отецъ нашъ Великій Государь Иванъ, отдалъ невѣрнымъ землю Казанскую; ино Жигимонтъ то говоришь не гораздо, вѣдая, что отецъ нашъ Великій Государь землю Казанскую отдалъ невѣрнымъ, ино то дѣлается такъ: еще было отъ прародителей нашихъ, и при предкѣхъ нашихъ, и при отцѣ нашемъ, и нынѣ при насъ, въ нашихъ государствахъ по тѣмъ мѣстамъ живутъ цари и царевичи нашимъ жалованьемъ, да и инымъ многими царемъ и царевичамъ, которые намъ служатъ, даемъ въ своихъ государствахъ мѣста, свое жалованье».

Когда Герберштейнъ возвращался къ Максиміліану, то съ нимъ туда же былъ отправленъ Московскій посолъ, дьякъ Владимиръ Племянниковъ, которому въ наказѣ сказано объяснить Максиміліану, что Государь Московскій желаетъ быть въ мирѣ съ Сигизмундомъ Королемъ Польскимъ, но что послы Польскіе, пріѣзжавшіе въ Москву, представили требованія и условія, на которыхъ миръ состояться не можетъ; а также напомнить Максиміліану, чтобы онъ, согласнопрежнему союзному договору, стоялъ противъ Польскаго Короля за одно съ Московскимъ Государемъ, или убѣдилъ Сигизмунда къ заключенію приличнаго мира. Но посламъ строго запрещено было принимать какія-либо условія; по наказу они должны были требовать, чтобы для условій Польскія послы ѣхали въ Москву.

Максиміліанъ по отпускѣ Племянникова отправилъ съ нимъ въ Москву своихъ пословъ, Франциска де Колла и Антонія Комита, которые подобно Герберштейну настаивали на заключеніе мира съ Польшею, старались застрашать Великаго Князя непрестанно возрастающимъ могуществомъ Турокъ, въ подробности исчисляли Турецкія владѣнія, и говорили, что Султанъ Селымъ-Шахъ, побѣдивъ Софія государя Персидскаго и двухъ Египетскихъ Султановъ, дѣлаетъ новый наборъ войскамъ морскимъ и сухопутнымъ и готовится напасть на христіанскія державы Европы, и что одна какая-либо поверхность его надъ Европейцами откроетъ ему дорогу и въ Россію; предлагали заключить миръ на старыхъ условіяхъ, т. е. чтобы враждующія стороны возвращали другъ другу захваченные въ послѣднюю войну города; но

Великій Князь и бояре не думали склоняться ни на убѣжденія, ни на хитрыя угрозы, и наотрѣзъ сказали, что послѣднихъ завоеваній не возвращать, ибо они искони составляютъ вотчину Государей Московскихъ. Послѣ чего послы стали хлопотать о заключеніи съ Польшею перемирія, но и здѣсь не имѣли надежащаго успѣха; и только могли выпросить основныя условія, на которыхъ бы Государь Московскій согласился заключить миръ; каковыя условія и отправили къ Максиміліану, а самъ остался въ Москвѣ.

Между тѣмъ 24 Сентября 1519 года, прибылъ новый посланникъ отъ Максиміліана, Янъ Криштопъ, который вмѣстѣ съ прежними послами снова убѣждалъ къ заключенію мира съ Польшею, объясняя, что Персидскій Государь Софій началъ воевать съ Султаномъ, и что теперь самое благопріятное время вооружиться общими силами противъ Турокъ. А также представилъ отъ Максиміліана грамоту, которою сей послѣдній предупреждалъ Великаго Князя не принимать къ себѣ какого-то монаха, который развѣзжаетъ по Европейскимъ дворамъ и старается всѣхъ Государей перессорить съ Германскимъ Императоромъ. Убѣжденія о заключеніи мира опять остались тщетными; а о монахѣ, ежели онъ явится въ Москву, Великій Князь обѣщаль уведомить Максиміліана.

Потомъ пріѣхалъ гонецъ изъ Литвы отъ тамошняго Максиміліанова посла съ отпискою, въ которой сей послѣдній извѣщаль, что Сигизмундъ Король Польскій не соглашается заключить перемирія на условіяхъ присланныхъ изъ Москвы, изъ коихъ главное состояло въ томъ, чтобы размѣняться плѣнниками; послы Максиміліановы стали убѣждать Московскій дворъ, чтобы Государь отложилъ это условіе, и заключилъ на пять лѣтъ перемиріе безъ размѣна плѣнныхъ, представляя за основаніе то, что и прочіе Государи Европейскіе заключили пятилѣтнее перемиріе, также безъ размѣна плѣнниковъ; но убѣжденія опять остались тщетными; Великій Князь обѣщаль отправить своего посла къ Максиміліану, а его пословъ отпустилъ назадъ. Сямъ оканчиваются сохранившіеся до насъ памятники дипломатическихъ сношеній съ Имперіей, бывшихъ при В. К. Васильѣ Ивановичѣ.

Сношенія, бывшія при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, въ сохранившихся памятникахъ начинаются посольствомъ Яна Кобенцеля и Даніела Привнца, которые пріѣзжали въ Москву въ 1576 году. Предметомъ этого посольства были: ходатайство объ избраніи въ Польскіе короли Императорскаго сына Эрнеста, а также союзъ большей части Европейскихъ Государей для изгнанія Турокъ изъ Европы. Относительно

сего послѣдняго Императоръ предлагалъ содѣйствіе и помощь всѣхъ Государей Европейскихъ, и обѣщалъ Русскому Царю уступить всю Греческую Имперію, такъ чтобы Государь Московскій былъ признанъ за восточнаго Императора отъ Римскаго Кесаря, также отъ Папы и отъ всего христіанства; а между тѣмъ просилъ, чтобы со стороны Царя была прекращена война въ Ливоніи, которая есть область Германской имперіи. На сіи искательства Царь и бояре Московскіе, не увлекаясь отдаленными обѣщаніями относительно восточной имперіи, прежде всего отвѣчали предложеніемъ отдѣлить Литву отъ Польши, такъ чтобы Литовскія владѣнія присоединились къ Московскому государству, а на Польскихъ былъ бы королемъ Императорскій сынъ Эрнестъ, впрочемъ изъявляли готовность помогать Эрнесту при избраніи его въ короли на Польскія и Литовскія владѣнія, ежели Литовцы не согласятся отдѣлиться отъ Поляковъ. Но относительно Ливоніи Царь прямо и рѣшительно отвѣчалъ: «а Ливонская земля изначѣла была наша вотчина и нашимъ прародителемъ Ливонскіе Нѣмцы дань давали, да забывъ правды отъ насъ отступили и дани давати не почели, и многіе грубости и вины и несправленіе при нашемъ государствѣ передъ нами показали, и надъ нашими людьми многіе насильства и грабежи и обиды чинилъ; и надъ Ливонскою землею потому отъ насъ и сталося за нихъ неправды; и Ливонской землѣ и Курской всей быти къ нашему государству, да Ливонской землѣ быти за нами, что есмь взяли и учинили при себѣ голдовника своего Короля Арцымагнуса на своей отчинѣ на Лифлянской землѣ, и правду свою къ намъ король Арцымагнусъ учинилъ, цѣловалъ намъ крестъ, какъ ему въ нашемъ жалованъ были у насъ на Лифлянской землѣ; а которымъ городамъ большимъ быти за нами, которые себѣ возьмемъ, и тѣмъ городамъ быти за нами; да на томъ и крестнымъ цѣлованіемъ затвержсно, и намъ и потому черезъ правду никому иному Лифлянскіе земли поступатись не возможно. А братъ бы нашъ дражайшій Максимилианъ Цесарь, для нашея къ себѣ любви и братства и соединенія, въ Ливонскую землю не вступался, тѣмъ бы намъ любовь свою показалъ. А что намъ съ Свѣйскимъ недружба о городѣ о Колывани, и намъ бы людей своихъ отъ рубежа Ливонского отвести, а съ королевствомъ Польскимъ и Литовскимъ и съ Ливонскою землею въ добромъ сусѣдствѣ и въ покоѣ жити, и мы Ливонской земли, своей отчины, съ Божіею помощію доставаемъ и впередъ хотимъ искати; которые вступилися въ Ливонскую землю не по правдѣ, король Датской и Свѣйской поимали многіе города въ Ливонской землѣ, какъ мы

Ливонскую землю опустошили и разорили за ихъ неправды и за непослушаніе; а покаѣста мы своей вотчины не искали и на Ливонскую землю гнѣву своего не положили, и въ Ливонскую землю никто не ступался. И братъ бы нашъ дражайшій въ Ливонскую землю не вступался, и съ нами которое дѣло большое починается, что всему христіанству къ прибытку и къ оборонѣ, не рушилъ, а намъ бы тѣмъ свою любительную братскую пріятельную любовь показалъ.» Съ таковыми же отвѣтами были отправлены отъ царя къ Максимилиану послы князь Захарій Сугорскій и дьякъ Андрей Арцыбышевъ, которымъ именно было наказано: 1-е, общать ходатайство объ избраніи Эрнеста на Польскій престолъ, и ежели Литовцы не захотятъ отдѣлиться отъ Поляковъ, то и на Литовскій; 2-е, относительно Ливонскихъ дѣлъ прямо говорить: «Государю Царю и Великому Князю ни-за-что такъ не стояти, какъ ему Государю стояти за свою отчину за Лифляндскую землю, потому что Лифляндская земля искони вѣчная вотчина Государева, холопи и даньщики Лифляндскіе Нѣмцы Государевы отъ сего Государевыхъ прародителей.... И Максимилианъ бы Цесарь о Лифляндской землѣ припоминати не велѣлъ.» 3-е, относительно союза съ Европейскими Государями послы Московскіе должны были говорить, что Царь съ почестями приметъ въ Москвѣ пословъ и отъ Папы Римскаго, и отъ Короля Испанскаго и отъ другихъ Государей Европейскихъ, и учиня съ ними договоръ, какой будетъ приличенъ, отпустить безъ всякаго задержанія; и 4-е, посланъ было наказано въ разговоръ съ Императорскими совѣтниками молвить: «что Датской нынѣ боленъ, и къ Датскимъ бы людямъ Цесарь послалъ грамоту свою, чтобъ Арцымагнуса взяли на Датское королевство: и то объѣма Государемъ будетъ къ прибытку, что изъ ихъ рукъ на томъ государствѣ на Датскомъ Король Арцымагнусъ утвердится.»

Но пока длилось время въ посольствахъ, Поляки и Литовцы избрали себѣ королемъ Стефана Баторія, о чемъ услышавши, Царь Иванъ Васильевичъ немедленно послалъ гонца съ грамотою къ Максимилиану. А между тѣмъ Ноября въ 10 день 1577 г. пришла грамота отъ Максимилиана, которою онъ ходатайствовалъ о прекращеніи войны въ Ливоніи на то время, пока придутъ въ Москву полномочные послы императорскіе. На сію грамоту Царь Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ грамотою же, въ которой писалъ, что Императоръ хлопочетъ о ничтожномъ дѣлѣ, и опускаетъ изъ рукъ большое дѣло, и что, оставя Ливонію, скорѣе бы отправлялъ пословъ въ Москву для заключенія

союза; ибо въ Польскіе и Литовскіе Государи избранъ Стефанъ Баторій, и прислалъ уже своихъ пословъ въ Москву.

Но Максимиліанова посольства въ Москвѣ не дождались, ибо самъ Максимиліанъ вскорѣ умеръ; и Царь Иванъ Васильевичъ въ Сентябрѣ 1578 года отправилъ своего посланника Ждана Квашнина, къ Максимиліанову преемнику Рудольфу. Квашнину данъ былъ наказъ и грамота къ Рудольфу о возобновленіи прерванныхъ сношеній, и даже опасныя грамоты для Рудольфовыхъ пословъ, ежели таковыя будутъ отправлены въ Москву; Квашнинъ долженъ былъ говорить Императору, что Государь Московскій теперь находится въ Новгородѣ, чтобы скорѣе вступить въ переговоры съ Императорскими послами. Императоръ Рудольфъ въ своей отвѣтной грамотѣ къ Царю Ивану Васильевичу извинялся въ прекращеніи сношеній разными внутренними дѣлами по случаю вступленія на престолъ, и обещалъ прислать своихъ пословъ въ срединѣ лѣта; а между тѣмъ просилъ, чтобы царь въ знакъ искренняго союзничества вывелъ свои войска изъ Лифляндскихъ городовъ, и прекратилъ войну до посольскаго пріѣзда. Но обещанные послы не пріѣзжали, и въ 1580 году Царь Иванъ Васильевичъ отправилъ къ Рудольфу гонца Аванася Резанова съ грамотою, въ которой спрашивалъ, желаетъ ли Императоръ продолжать сношенія, начатыя при его отцѣ. А потомъ, по случаю нападенія Стефана Баторія на Великія Луки, Царь отправилъ гонца Истому Шевригина, и въ грамотѣ посланной съ нимъ, писалъ о несправедливомъ нападеніи Баторія, и просилъ, чтобы Императоръ на основаніи прежнихъ договоровъ вступился въ это дѣло, отписалъ къ Баторію, чтобы онъ «такихъ дѣлъ впредь не дѣлалъ, и на хрестіянское кровопролитіе не стоялъ, и съ бесерменскими Государи не складывался на хрестіянство.» А въ другой грамотѣ, посланной также съ Шевригинымъ, Иванъ Васильевичъ жаловался, что Императоръ не дозволяетъ Нѣмецкимъ купцамъ ѣздить въ Россію и привозить нужные товары, и даже принуждаетъ Датскаго короля не пропускать кораблей черезъ Зундъ. Всѣ сія посольства, впрочемъ, не имѣли никакого успѣха; Рудольфъ, кажется, вовсе не думалъ о союзѣ, писалъ только о прекращеніи войны въ Ливоніи, называя ее областію Германской имперіи, въ неприсылкѣ своихъ пословъ извинялся смертію или болѣзнію назначенныхъ въ посольство лицъ, а также и тѣмъ, что за несѣздомъ Германскихъ князей онъ не успѣлъ еще переговорить съ ними объ этомъ дѣлѣ; а о непроездѣ купцовъ писалъ, что не пропускаютъ только тѣхъ, которые провозятъ оружіе и разные военные припасы, о войнѣ же Баторіевой не упоминалъ ни въ одной грамотѣ, какъ будто

бы объ ней вовсе ничего не знаетъ, и отдѣлывался одними учтивостями; посланниковъ же и гонцовъ принималъ ласково и честилъ ихъ объѣдами.

Въ 1582 году Царь Иванъ Васильевичъ отправилъ новаго посланника къ Императору Рудольфу и къ Папѣ, вмѣстѣ съ Папскимъ посломъ Поссевиномъ, Якова Молвянинова. И въ грамотѣ своей къ Рудольфу, во 1-хъ, писалъ о заключеніи мирнаго постановленія съ Стефаномъ Баторіемъ, во 2-хъ, напоминалъ о заключеніи общаго Европейскаго союза противъ Мусульманскихъ Государей, и въ 3-хъ, просилъ о свободномъ пропускѣ Нѣмецкихъ купцовъ въ Россію съ разными военными припасами. Молвяниновъ возвратился въ Москву въ 1583 году и привезъ отъ Рудольфа двѣ грамоты, изъ которыхъ первую Рудольфъ отвѣчалъ, что онъ желаетъ добраго согласія съ Россією, и съ курфистами и князьями Германскими имѣлъ уже переговоры относительно дѣлъ въ Ливоніи, но ни слова не упомянулъ о союзѣ противъ мусульманъ, и даже о свободной торговлѣ обѣщалъ только переговорить съ князьями на сѣздѣ; а второю грамотою просилъ объ отпускѣ изъ Россіи одного Нѣмецкаго дворянина Николая Биберца. Симв кончились сношенія съ Рудольфомъ при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ.

При Царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ сношенія съ Рудольфомъ начались посольствомъ Лукьяна Новосильцова въ 1585 году, съ которыми Царь Ѳеодоръ Ивановичъ извѣщалъ только Рудольфа грамотою о своемъ возшествіи на престолъ и напоминалъ о продолженіи прежнихъ дружественныхъ сношеній, и о свободной торговлѣ. Рудольфъ въ отвѣтной грамотѣ своей только благодарилъ за извѣщеніе и желаніе быть въ дружбѣ, и ходатайствовалъ объ отпускѣ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ плѣнниковъ. Но посланникъ Новосильцовъ, возвратившись въ Москву, доносилъ Государю, что самые близкіе Рудольфовы люди неоднократно говорили ему Новосильцову, что по истеченіи трехъ лѣтъ перемирія, Рудольфъ вмѣстѣ съ царемъ Московскимъ вооружится на Стефана Баторія, и согнавъ его съ престола, раздѣлять Польскія владѣнія между Россією и Германскою имперією. А въ 1587 году прибылъ въ Москву и цесарскій посланникъ Генрихъ Гойгель, съ грамотами отъ Рудольфова брата Максимилиана къ Государю, къ конюшему Борису Ѳеодоровичу Годунову и къ дьякамъ Андрею и Василью Щелкаловымъ. Въ грамотѣ къ Государю Максимилианъ писалъ, что онъ, слѣдуя своимъ предкамъ, хочетъ быть съ нимъ въ дружбѣ и любви даже до смерти, что готовъ исполнять всѣ его желанія, только бы

узналъ объ нихъ. Это первая половина грамоты, во второй же онъ извѣщаетъ о смерти Стефана Баторія, и проситъ ходатайства и содѣйствія при выборѣ его въ Короли Польскіе. Царь Ѳеодоръ Ивановичъ на сію грамоту также отвѣчалъ грамотою, въ которой изъяслялъ готовность помогать Максимилиану при выборѣ его въ Короли Польскіе, и обѣщалъ немедленно отправить въ Польшу своихъ пословъ, объясняя, что ему одинаково пріятно, его ли самого, или Максимилиана выбрать на престолъ Польскій; но въ тоже время напоминалъ и объ общемъ Европейскомъ союзѣ противъ Турокъ и вообще всѣхъ мусульманъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Императоръ Рудольфъ, Эрцгерцогъ Максимилианъ Австрійскій и Король Испанскій Филиппъ участвовали въ союзѣ противъ Турокъ въ Европѣ; а самъ съ своей стороны выставлялъ своихъ союзниковъ въ Азіи Шаха Персидскаго и Хана Бухарскаго, и также Русскихъ данниковъ: Юргенскаго Царя, Царевича Хивинскаго, князя Шепкальскаго, землю Иверскую, Царя Александра Грузинскаго, Тюменское государство, Опоцкую землю, Горскихъ и Черкасскихъ князей и Ногайскую орду. Вообще здѣсь Царь Ѳеодоръ Ивановичъ представляется возбудителемъ Европейскаго союза противъ Турокъ, такъ какъ прежде Германскій Императоръ былъ таковымъ для составленія Россіею Азіатскаго союза противъ Турокъ же.

Но не довольствуясь грамотою, посланною съ Гойгелемъ, царь Ѳеодоръ Ивановичъ въ 1588 году отправилъ къ Императору Рудольфу и Эрцгерцогу Максимилиану гонцомъ Аѳанасья Резанова, и въ грамотахъ, посланныхъ съ Резановымъ, 1-е, писалъ, что съ Московской стороны уже отправлены послы въ Польшу на королевскую элекцію съ наказомъ, чтобы они старались объ избраніи на Польскій престолъ или Московскаго Государя или Эрцгерцога Австрійскаго, и отклонили избраніе Шведскаго королевича или иного какого Поморскаго князя, такъ чтобы мимо Москвы или Австріи Польскій престолъ никому не доставался. И 2-е, опять напоминалъ о союзѣ противъ Турокъ, представляя, что нынѣшнею зимою пріѣзжалъ въ Москву посланникъ Персидскаго Шаха, съ просьбою о томъ же союзѣ; здѣсь Царь, кромѣ Филиппа Испанскаго, желалъ еще, чтобы въ союзѣ участвовалъ и король Французскій. Но Резановъ, не перѣзжая еще Русской границы, прислалъ извѣстіе, что канцлеръ Замоискій съ немногими панями выбралъ въ Короли Шведскаго королевича, и что Максимилианъ Австрійскій стоитъ въ Польшѣ съ ратью. А посему къ Императору былъ отправленъ новый гонецъ цесарской Нѣмчины Лукашъ съ

грамотою, въ которой Царь Федоръ Ивановичъ, 1-е, писалъ къ Рудольфу, что, не смотря на избраніе въ Польскіе Короли Королевича Шведскаго, онъ не отступаетъ отъ намѣренія поддерживать иска-тельство Максимилиана, и ежели Максимилиану нужны деньги на наемъ войска противъ Поляковъ и Литовцевъ, то готовъ выслать сколько угодно, только бы Польскій престолъ достать Максимилиану; и 2-е, опять напоминалъ о Европейскомъ союзѣ противъ Турокъ, и настаивалъ о скорѣйшей присылкѣ въ Москву полномочныхъ пословъ для заключенія сего союза, которымъ бы также данъ былъ наказъ и о союзѣ съ Персидскимъ Шахомъ, и о свободной торговлѣ для Нѣмецкихъ и Русскихъ купцовъ. Таковая же грамота и съ тѣмъ же гонцомъ была отправлена и къ Максимилиану Австрійскому. Въ одно время съ гонцомъ Лукашемъ Нѣмчиномъ былъ отправленъ тайно другою дорогою Московскій торговой человекъ Тимоха Выходцовъ, которому велѣно ѣхать изъ Пскова на Ригу и другія мѣста, которыя удобнѣе; съ нимъ также была послана грамота къ Рудольфу, точно такого же содержания, какъ и съ Лукашемъ; и таковая же грамота въ Іюль того же года была отправлена съ Любскимъ торговымъ нѣмчиномъ Захаріемъ Мегеромъ.

Въ отвѣтъ на грамоты Царя Федора Ивановича Императоръ Рудольфъ прислалъ своего посла Николая Воркача, который и прибылъ въ Москву въ Мартъ мѣсяцъ 1589 года, а съ нимъ вмѣстѣ пріѣхали прежній государевъ гонецъ Нѣмчинъ Лукашъ и отъ Любскихъ бургомистровъ Нѣмчинъ Кашпиръ Кровъ. Первый изъ пріѣхавшихъ былъ допущенъ въ посольскую палату Нѣмчинъ Лукашъ, который представилъ двѣ грамоты: одну къ Государю отъ Максимилианова совѣтника Сертейна, и другую къ боярину Борису Федоровичу Годунову отъ самаго Максимилиана. Сертейнъ писалъ Государю, что съ Максимилианомъ учинилось въ Польшѣ несчастіе, что, разбитый, онъ попался въ плѣнъ къ Замойскому, и что теперь собираются Цесарь, Король Испанскій и разныя Итальянскіе и Нѣмецкіе князья общими силами выручать Максимилиана войною или миромъ; и чтобы Государь Московскій съ своей стороны старался поддерживать Литовскихъ градодержцевъ, которые еще не присягали Шведскому королевичу, и чтобы поддерживалъ нерасположеніе къ нему въ Лифлядіи. А Максимилианъ писалъ къ Борису Федоровичу Годунову изъ своего плѣна въ Польшѣ, и просилъ, чтобы онъ не забывалъ его въ безвременъ, и промышлялъ о союзѣ Царя съ Императоромъ. Посолъ Воркачъ по императорскому наказу благодарилъ Царя за искреннее участіе въ избраніи Максимилиана, и за желаніе

помогать въ этомъ дѣлѣ; а также объяснялъ, что Императоръ по нѣкоторымъ причинамъ теперь не можетъ прислать своихъ пословъ, но что поручилъ ему Воркачу узнать о всякихъ тайныхъ дѣлахъ Царя и открыть о всемъ Австрійскому Императору, а потомъ уже Императоръ, получивши подлинный отвѣтъ, съ совѣта Короля Испанскаго пошлетъ своихъ великихъ пословъ въ Москву. О соединеніи же противъ Турокъ Воркачь говорилъ, что Императоръ желаетъ содержать сіе дѣло до нѣкотораго времени втайнѣ, дабы объ этомъ не узнали Турки, и особенно опасается открывать объ этомъ Королю Французскому, Королевъ Англійской и другимъ, которые ищутъ себѣ помочи и обороны у Турокъ; чтобы они не помѣшали общему соединенію Короля Испанскаго, Папы, Австрійскаго дома и разныхъ Нѣмецкихъ и Итальянскихъ Князей, которымъ Императоръ предложить о семъ на имѣющемъ быть въ Іюнь мѣсяцѣ имперскомъ сеймѣ, гдѣ также объявить и о союзничествѣ Шаха Персидскаго и другихъ Азіатскихъ государей. Но изъявляя готовность къ союзу противъ Турокъ, Императоръ видимо не спѣшилъ въ этомъ дѣлѣ, и даже откладывалъ его, и соображалъ съ дѣлами, какихъ ждалъ отъ Польши, гдѣ одна партія манила еще обѣщаніемъ избрать Максиміана на престолъ. Посолъ во время аудіенціи просилъ у Царя полнаго извѣщенія: «какъ ваше Царское Величество укрѣпился съ Персидскимъ Шахомъ, и которымъ обычаемъ, и съ которой стороны, и которою силою на Турскаго начати войну, сколько у котораго силы, кто въ той думѣ есть, и которые еще иные Азіатскіе Государя въ той думѣ и въ соединеніи быти хотятъ, и какимъ обычаемъ и помочь чинити, чѣмъ бы такого вобщего христіанскаго недруга утомить и искоренить, и мыслете-ль вы, Вельможнѣйшій Государь, Царь и Великій Князь, Крымскаго въ тожъ соединеніе къ себѣ призвать.» И во-исполненіе этой просьбы Царь Ѳеодоръ Ивановичъ цесарскому послу Николаю Воркачу на отпускъ чрезъ дьяка Елизарія Вылузгина велѣлъ дать отвѣтъ, что «съ Кизылбашскимъ Шахомъ рати живеть до двусотъ тысячъ; а съ нимъ въ соединеніи будутъ Бухарской Царь, рати его до ста тысячъ; Юргенской Царь, рати его до пятидесять тысячъ; Изюрскаго царевичъ, рати его до 30 тысячъ; да которые учинились подѣ Государя нашего его Царскою рукою, а съ Персидскимъ Шахомъ будутъ стоять за одинъ же: Грузинской Александръ Царь, рати его до 50 тысячъ; Шевкальской князь, рати его до 30 тысячъ; Черкасскіе князи, и князь Тюменской, и князь Окудой, у тѣхъ у всѣхъ ратныхъ людей до 70 тысячъ; Ногаи Заволжскіе, Урусь князь и съ мурзы, тѣ издавна Государю нашему служатъ, рати ихъ до 50 тысячъ. Другіе Ногаи Казьева улуса Якши-

сать князь и мурзы, которые вновь учинились подъ Государя нашего царскою рукою, а рати ихъ до 50 тысячъ. И тѣ всѣ государства, по Государя нашего Царскаго Величества велѣнію, будутъ стоять съ Шахомъ Кизыльбашскимъ противъ Турского. А Крымской Казы-Гирей Царь присылалъ ко Государю нашему гонцовъ своихъ и не одиножды о томъ, чтобъ ему быти со Государемъ нашимъ въ дружбѣ, и Государь нашъ того на немъ провѣдати послалъ посланниковъ своихъ; а племянникъ его родной Муратъ Кирей царевичъ нынѣ у Государя нашего, а съ нимъ многіе Крымскіе князи и мурзы лучшіе люди; да только Крымской Царь посаженикъ Турского, и тому нынче какъ можно вѣрити?—а того Государь нашъ смотрити впередъ надъ нимъ хочетъ.» Послѣ чего цесарскій посолъ Николай Воркачъ отпушенъ съ Москвы на Вологду и на Колмогоры, до морскаго приставища, гдѣ и былъ посаженъ на корабль и отправленъ моремъ въ Германію съ грамотами отъ Царя, и отъ боярина Бориса Ѳедоровича Годунова къ Императору и брату его Максимилиану.

На другой годъ въ Іюнь мѣсяцѣ Максимилианъ, цесарскій братъ, прислалъ двѣ грамоты, одну къ Царю Ѳедору Ивановичу а другую къ боярину Борису Ѳедоровичу Годунову. Въ грамотѣ къ Царю онъ писалъ, что, хотя по нуждѣ онъ Максимилианъ, желая скорѣе освободиться отъ Польскаго плѣна, и отказался отъ королевства Польскаго, но какъ канцлеръ Янъ Замойскій многого не исполнилъ по договору, и при томъ между Поляками есть еще довольно сильная партія, желающая его Максимилиана видѣть на Польскомъ престолѣ; то онъ будетъ продолжать свои искательства и жестоко отомстить Замойскому. Но такъ какъ для сего великаго дѣла потребно войска до полутора ста тысячъ, на подъемъ котораго должно имѣть большіе деньги; то посему и просить, чтобы Царь наскоро далъ отвѣтъ, сколько изволить къ тому воинскому дѣлу на подмогу дать. А Годунова Максимилианъ благодарилъ за принимаемое участіе въ его дѣлѣ, и просилъ, чтобы и впредь ходатайствовалъ у Государя о томъ же. Какой отвѣтъ былъ данъ Царемъ на эту грамоту, по сохранившимся памятникамъ мы не знаемъ. Но на другой годъ, т. е. въ 1591 году, въ Іюнь мѣсяцѣ пришли въ Москву грамоты отъ прежняго цесарскаго посла Николая Воркача къ самому Царю и къ боярину Годунову, въ которыхъ Николай Воркачъ въ одной рекомендовалъ для царской службы Итальянскаго графа Іеронима Пикота, а въ другой писалъ, что выдаетъ свою дочь замужъ, и по обычаю своей земли просить Царя почтить новобрачныхъ жалованьемъ. Таковаго же содержанія были отъ Воркача грамоты и Годунову, на которыя Году-

новъ съ укоризною писалъ къ нему; «пишешь ко мнѣ о такомъ не великомъ дѣлѣ, а о большомъ дѣлѣ, которое началось между нашими Государями, нынѣ ко мнѣ ты въ своей грамотѣ ничего не писалъ.... А нынѣ Государя нашего слухъ дошелъ, что Государь вашъ Рудольфъ Цесарь съ Турскимъ Салтаномъ ссылается о перемирьѣ, а съ Литовскимъ ссылается о докончанъи и сватовствѣ; и азъ тому весьма подивился, что такое великое дѣло, что годно всему христьянству, зачавъ да покинуть.»

Наконецъ въ 1594 году снова прибылъ въ Москву прежній императорскій посолъ Николай Варкачъ, который представлялъ на посольствѣ, что для болѣе надежнаго союза противъ Турокъ нужно Государю Московскому сперва заключить вѣчный миръ съ Сигизмундомъ Королемъ Польскимъ и Шведскимъ, и что Цесарь принимаетъ сіе замѣренье на себя, и желаетъ, чтобы Царь извѣстилъ его, на какихъ условіяхъ можно быть сему миру. И въ то же время посолъ говорилъ боярамъ, что Цесарь взялъ съ Турецкимъ Султаномъ перемирие на три года, только для того, чтобы Европейскіе Государи въ это перемирное время успѣли соединиться; а по истеченіи трехъ лѣтъ онъ немедленно объявитъ войну Султану и уже готовить корабли для перевоза войскъ, и просить, чтобы Царь извѣстилъ, какимъ обычаемъ хочетъ участвовать въ общемъ союзѣ и промыслить противъ левѣрныхъ. А въ официалномъ разговорѣ съ бояриномъ Борисомъ Фёдоровичемъ Годуновымъ посолъ говорилъ, что Цесарь во всемъ полагаетъ надежду на Царское Величество, что онъ по братскому обычаю подастъ руку и помощь противъ Турокъ, а что Цесарю никакъ нельзя не воевать съ Султаномъ, ибо сей противъ клятвы воюетъ Угорское королевство; и что Цесарь проситъ Государя, чтобы онъ отводилъ Крымскихъ Татаръ, и препятствовалъ имъ воевать за одно съ Турками въ Угорской землѣ, а также наводилъ бы Персидскаго Шаха на то, чтобы онъ николи съ Турскимъ не помирился. Кромѣ того посолъ объявилъ Годунову, что низовые казаки, (въроатно Днѣпровскіе), присылали къ Цесарю съ просьбою о дозволѣніи вступить въ Угорскую землю и воевать противъ Турокъ; и при семъ Цесарскимъ именемъ просилъ извѣстить: «стѣ казаки Государю Царю вѣроу и правдоу служатъ ли, и въ его Государевъ землѣ по границамъ смирно ли пребываютъ.» И наконецъ тайно говорилъ, чтобы Государь помогъ Максимилиану завять Польскій престолъ, въ случаѣ, ежели Сигизмундъ останется въ Шведскомъ королевствѣ и не воротится въ Польшу. И болѣе по Государеву указу отвѣчали послу: 4-о, что Царь готовъ стоять за одно съ Цесаремъ противъ Турецкаго Сул-

тана; но желаетъ знать, «какимъ обычаемъ Цесарь противъ Турскаго хочетъ стоять, и кто съ нимъ въ соединенье на Турскаго будетъ за одинъ? Папа Римской и Король Испанской, и Король Датской, и Князь Венеційской и иные Поморскіе Государи съ Цесаремъ всѣ ли въ соединеньи будутъ стоять на Турскаго за одинъ, и ссылка о томъ межъ нихъ бывала ли, и какимъ обычаемъ имъ Цесарю спомогати? и съ Литовскимъ Королемъ о томъ соединеньи и стояньи ссылка бывала ли, и что въ Литовскомъ государствѣ о соединеньи съ Цесаремъ умышленье? 2-е, Государь по прошенью Цесаря немедленно отправить своихъ пословъ въ Крымъ и къ Персидскому Шаху, и надѣется, что Крымцы по его требованію не будутъ воевать Угорской земли; а Шахъ, желая во всемъ быть въ Царской волѣ, будетъ стоять противъ Турскаго вмѣстѣ съ Индѣйскимъ Царемъ и съ иными восточными Государями. 3-е, Государь для Цесарева прошенья готовъ мириться съ Шведскимъ Королемъ, но чтобы Сигизмундъ возвратилъ Ругодивъ, и иные города, и Корѣлу, что поималъ отецъ его Яганъ король. И 4-е, относительно возведенія Максимиліана на Польскій престолъ Царь душевно радъ помогать ему всякими обычаями, и къ панамъ радамъ Польскимъ и Литовскимъ будетъ приказывать, чтобы они избрали Максимиліана. Получивши таковыя отвѣты, посолъ Николай Варкачъ еще говорилъ, что Цесарь Рудольфъ, въ случаѣ войны съ Турками, «проситъ Царя помочь ему своею казною, соболями и куницами, и иною рухледью, для наема ратныхъ людей противъ Турскаго, покаместа всѣ хрестіанскіе Государи соединатся.» На что также отъ Государя Московскаго была объявлена готовность помогать своею казною. Наконецъ посолъ представилъ, что въ случаѣ удаленія Сигизмунда изъ Польши въ Швецію, ежели Поляки по проискамъ Замойскаго выберутъ на Польскій престолъ Баторіева брата мимо Максимиліана, то Императоръ Рудольфъ нападетъ съ моря на Ливонію и займетъ Ригу и другіе Ливонскіе города и приведетъ ихъ подъ свою руку, о чемъ уже ссылаются съ нимъ изъ Риги и изъ иныхъ Ливонскихъ городовъ; но Цесарь желаетъ знать, угодно ли это будетъ царю Московскому. На это бояре по Государеву указу отвѣчали также согласіемъ, но съ тѣмъ, чтобы Цесарь уступилъ тогда Царю Юрьевъ Ливонскій и Ругодивъ съ пригородами; а Юрьева и Ругодива съ пригороды Государь не уступить никому. Послѣ чего Императорскій посолъ былъ отпущенъ изъ Москвы и съ нимъ отправлены были грамоты къ Цесарю и брату его Максимиліану какъ отъ Царя, такъ и отъ боярина Бориса Федоровича Годунова; въ грамотахъ Государь и Годуновъ подтверждали всѣ отвѣты, данныя боярами послу Николаю Варкачу.

Черезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда Цесарскаго посла прѣѣхалъ въ Москву гонецъ Цесаревъ Михайло Шель съ грамотами къ самому Государю, къ боярину Борису Годунову и послу Николаю Варкачу. Въ грамотахъ къ Государю Цесарь писалъ, что перемиріе съ Турками уже разорвано, и чтобы Государь вѣрилъ тому, что будетъ говорить посолъ. А къ Варкачу писано, что Турки уже начали войну и взяли крѣпости: Сисей, Веспринъ и Полоту, а посему бы Варкачъ просилъ Государя о скорѣйшей помощи деньгами, и о ходатайствѣ у Персидскаго Шаха, чтобы наводить его на войну съ Турками. По симъ грамотамъ бояре по указу Государеву отвѣчали гонцу, что подлинный и подробный отвѣтъ о всѣхъ дѣлахъ уже отправленъ къ Цесарю съ его посломъ Николаемъ Варкачемъ; что же касается до вспоможенія Цесарю казною, то «Рудольфъ Цесарь былъ бы на то надеженъ; а къ которому сроку то вспоможеніе надобеть, и которою дорогою, и къ которому мѣсту прислать; и Рудольфъ бы Цесарь о томъ именно отписалъ къ Государю, и людей своихъ для тое казны прислалъ, кому взять, а Государь и своего человека съ тою казною пришлетъ.» Потомъ гонецъ Шель былъ отпущенъ изъ Москвы, и съ нимъ отправлены грамоты къ Цесарю Рудольфу отъ Царя Ѳедора Ивановича и отъ боярина Бориса Ѳедоровича Годунова; въ грамотахъ ихъ подтверждалось тоже, что уже писано въ грамотахъ отправленныхъ съ посломъ Николаемъ Варкачемъ. Только Годуновъ въ своей грамотѣ присовокупилъ, что по отъѣздѣ Цесарскаго посла прѣѣзжалъ въ Москву Шахъ-Аббасовъ посланникъ Хоза Искендеръ съ просьбою отъ своего Государя, чтобы Царь велѣлъ лать ему изъ своей отчины изъ Астрахани и изъ Терскихъ городовъ и изъ Кабардинскіе земли людей своихъ съ вогненнымъ боемъ противъ Турецкаго Султана, и что, Царь по ходатайству его Годунова, велѣлъ послать требуемую помощь къ Шаху Аббасу.

Симъ оканчиваются изданныя нынѣ сношенія Московскаго двора съ Австрійскимъ. Изъ нихъ мы видимъ, что предметомъ ихъ были союзы то противъ Польши, то противъ Турціи, что Государи Московскіе, начиная съ Великаго Князя Василья Ивановича, постоянно стремились къ симъ двумъ цѣлямъ; Императоры же Нѣмецкіе измѣняли свою политику, и смотря по обстоятельствамъ, или искали союза и общали участіе большей части Европы, или уклонялись отъ союза, медлили, тратили время въ нересылкахъ, и ежели не видали предъ собой опасности со стороны Турокъ или Польши, требовали вывода Русскихъ войскъ изъ Ливоніи, называя ее Имперскою землею; отъ чего всѣ сношенія обонхъ дворовъ постоянно не достигали главной цѣли, и для

Россіи окончивались ничѣмъ. Но для Русской исторіи сношеній сін, кромѣ главнаго своего содержанія, изложеннаго нами выше, представляютъ много очень замѣчательныхъ данныхъ для объясненія тогдашней внутренней исторіи Московскаго Государства, и особенно относящихся до исторіи двора и его устройства, и рѣзко характеризующихъ его основныя правила, приемы и формы въ сношеніяхъ съ иностранными дворами.

Такъ мы здѣсь видимъ, что Московскій дворъ въ сношеніяхъ своихъ съ другими дворами постоянно наблюдалъ осторожность, и старался приобретать сколько можно болѣе свѣдѣній о состояніи и отношеніяхъ того государства, съ которымъ имѣетъ дѣло. Напримѣръ, послѣ перваго же посольскаго пріѣзда Поппелева, бояре Московскіе записали для памяти: «Выбираютъ на цесарство на Римское Цесаря три свѣтскихъ, и три духовныхъ; свѣтскіе: Фалскравъ князь Филипскій, княженіе его на Ренъ на рѣкѣ; да Саксонскій князь; да Маркрабій Поморскій, живетъ блиско Любка. А духовные: Бискупъ Менць на Ренъ; да Бискупъ Трирьскій, да Бискупъ Колонскій. А прѣвое учинять его Королемъ Римскимъ, да потомъ Цесаремъ. А выбираютъ на цесарство изъ Нѣмецкихъ Государей, кого хотятъ; а будетъ споръ межъ тѣми, которыхъ выбираютъ, и они позовутся на Чешскаго Короля, кого захочетъ Чешскій Король, той будетъ Цесарь. А о которомъ Марирабій говоритъ Николай, ипо его земля блиско Рены рѣки, городъ Падмъ; а Поморскаго Маркрабія, что Цесаря выбираютъ, ниже мѣстомъ, а Королева зятя Маркрабія выше; а тотъ Королевъ зятя Маркрабій живетъ блиско Норъберга; а другая Королева дочь за Баварскимъ княземъ за большимъ; а за меньшимъ за Баварскимъ княземъ за Олбрехтомъ за Мниховскимъ Цесарева дочи Фредрикова».

Или въ 1495 году Юрію Траханіоту и Михаилу Кляпнику, отправленнымъ послами къ Максиміану, было наказано пытати, какъ будетъ пригоже: «чего дѣля Максиміанъ помирился съ Владиславомъ Чешскимъ, Бртанскаго ли дѣла дѣля или инаго для дѣла; и прочно ли будетъ помирился, или перемирье взялъ, и хочетъ ли свое дѣло дѣлать доставати Угорскаго королевства, и каково его дѣло съ Фрявцовскимъ Королемъ о Бртанскомъ дѣлѣ, и каковы будутъ ему съ кѣмъ нынѣ дѣла, о всемъ о томъ имъ отвѣдывати. А вотчина его Австрское княженъ, тѣ города, что за Угорскимъ были, всѣ ли нынѣ за нимъ, или не всѣ; и мочно ли ему доставати Угорскаго королевства, хотятъ ли его панове Угорскіе на Угорское королевство; панове Угорскіе есть ли у него, и съ вотчинами ли своими у него панове; или безъ вотчинъ, и которые

панове на имя, а города на Угорской землѣ есть ли за нимъ, и которые города на имя; чаяти ли его на Угорскомъ королевствѣ, каково его дѣло, о всемъ о томъ пытати. А которые панове Угорскіе будутъ у Короля съ вотчинами, и которые безъ вотчинъ, и которые города на Угорской землѣ за Королемъ, ино имена панскіе да и городовъ выписати на списокъ.»

Или въ 1576 году князю Захарю Сугорскому, отправленному послѣмъ къ Цесарю, была дана память провѣдывать: «какова Цесарева область воинскими людьми издволена и казною, и много ли съ Цесаремъ воинскихъ людей живеть въ походѣ? и съ Папою съ Римскимъ, и съ Венецѣяны, и съ Королемъ Испанскимъ, и съ Англійскою Королевою, и съ Чешскимъ и съ Шкотцкимъ Королемъ, и со всѣми своими сусѣды въ докончанъ ли? И будетъ въ докончанъ, и съ которымъ Государемъ въ докончанъ? и Турскому съ Цесаремъ ссылки бывали ли?—и будетъ бывали, и о каковъ дѣлѣ Турскому съ Цесаремъ ссылки бывали? и Угорскій Король сынъ Цесаревъ пытъ Турскому данъ дастъ ли?—и будетъ даетъ,—и что даетъ? и впередъ Цесарю и сусѣдомъ его, сложася съ нимъ, стоять ли на Турскаго и чаятъ ли его на Турскаго походу и сколь борзо? Да что про тѣ про всѣ дѣла провѣдаетъ, и князю Захарію и Андрею тѣ дѣла всѣ записать и привести къ Государю.»

Или иногда послы сами собирали свѣдѣнія о состояніи разныхъ государствъ и представляли ихъ своему двору. Такъ Жданъ Квѣшинъ, посланный къ Цесарю въ 1578 году, слѣдующимъ образомъ доносилъ Царю Ивану Васильевичу о состояніи дѣлъ въ Европѣ: «Въ Вѣднѣ съ Цесаремъ два брата его Эрнестъ да Максимилианъ, а меньшіе братья Албертусъ и Венцеслаусъ у Испанейскаго Короля и Филиппуса въ наукѣ. А Матіасъ, братъ Цесаревъ, сѣлъ на государство въ Нидерландъ; а присылали къ нему изъ той земли звати на государство тайно, и онъ поѣхалъ тайно на шти конѣхъ, и тѣхъ-деи земель люди приняли его честно и вѣрилися ему всѣ; а поѣхалъ изъ Вѣдни Октября въ 2 день въ ночи, а въ ту землю пріѣхалъ того жъ мѣсяца въ 29 день, въ городъ въ Андорпъ; а земель за нимъ въ его государствѣ: Брабанская, Вландерская, Голландская, Селанская; въ Брабанской землѣ большой городъ Андорпъ, да Бриссель, да Левинъ, Мехленъ да Лира и иные города, да Владимерской (sic) земли большой городъ Ентъ и иные города. И нынѣ де и Испанской Король собирается на Матіаса, хочетъ съ нимъ о той землѣ битися; а съ Матіасомъ сталъ противъ Испан-

ского Короля Вилимъ Принцъ Граненской, хочеть съ нимъ стояти за одинъ. А съ цесаремъ Ишпанской Король въ миру, и посолъ Ишпанского у Цесаря есть; а въ обычаѣ у нихъ ведется: Ишпанскій посолъ у Цесаря живеть шесть лѣтъ, на семомъ перемѣняются. А у Папы отъ Ишпанскаго живеть посланникъ. А Французской Король Ендрикъ съ Цесаремъ въ миру, а бьется съ своими людьми о вѣрѣ: онъ держитъ Латинскую вѣру; а люди его держатъ Лютторскую вѣру; а у Цесаря бываетъ посланникъ, а у Папы бываетъ отъ него посолъ. Да Генваря въ 13 день, пригналъ посланникъ къ Цесарю въ Вѣдву отъ Португальскаго Еммануила короля. А съ Турскимъ Цесарь въ перемирьѣ, а посолъ Турского у Цесаря былъ, да умеръ въ Прагѣ, а Цесаревъ посолъ и топерво у Турского Царя у Мурата; а въ обычаѣ у нихъ, живутъ по пяти лѣтъ, да перемѣняются; а Турской посолъ бываетъ у Цесаря по своей волѣ. А Волоскою землею да Мутьянской владѣетъ Турской Царь; въ Волоской землѣ воевода Костянтинъ Волошанинъ, не велика роду. А съ Папою Цесарь въ единствѣ; имя Папъ Григорій. Брунсвитцкой Арцыѣхъ Ирикъ, Юлюсовъ племянникъ, нанялся у Ишпанского противъ Матіаса. А къ Датскому королю Жданъ пріѣхалъ въ Копногавъ Апрѣля въ 7 день; а Король въ тѣ поры былъ въ своемъ городѣ Кроноборхѣ, а пріѣхалъ Король въ Копногавъ Апрѣля въ 7 день, а у себя Король велѣлъ быти Апрѣля въ 10 день, въ четвергъ. И какъ Жданъ посланье отъ государя изговорилъ, и королевъ отвѣтъ: «на томъ деи великому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи челомъ бью, что хочеть про мое здоровье слышати; а изъ деи молю Бога о томъ, чтобъ Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, пріятель здоровъ былъ и многолѣтень на своихъ государствахъ и съ своими дѣтьми и съ Царевичемъ Иваномъ и съ Царевичемъ Оедоромъ; а тебѣ деи его цареву посланнику, дорога чиста и кормъ готовъ; а отпушу деи тебя часа того, да и своихъ пословъ отпушу къ своему пріятелю къ Царю и Великому Князю всеа Русіи, съ тобою жъ вмѣстѣ, чтобъ тебѣ на морѣ безстрашно проѣхати къ своему Государю». И Король меня Датской отпускаетъ къ Государю съ своими послами. Послы отъ него къ Государю идутъ, большей Петъ Гиленстеръ да Яковъ Улоъ. Да сказывалъ Ждану Датского короля воевода Юрью Францбекъ, да толмачъ королевскій Индрикъ Еловьевъ, что Свитского короля братъ Арцыкардусъ топерво въ Датского Короля землѣ въ Голстинской, а ждетъ его Датской Король къ себѣ. А бьетъ челомъ Арцыкардусъ Датскому королю, чтобъ онъ помогъ ему на брата его, на Свитского Короля на Яна и со государства его согнати, а на его мѣсто сѣсти бы ему Арцыкардусу;

а и самъ людей на Свѣйскаго Короля, на брата своего, прибираеть, и Датской ему Король въ томъ имается, хочеть ему пособляти. А какъ Датской дождется къ себѣ Арцыкарлуса, и королю Датскому Карлуса отъ себя не отпустити до тѣхъ мѣстъ, доколева его послы отъ Государя сходятъ. А одволично его хочеть посадити изъ своей руки на Свѣйскаго короля мѣсто, чтобъ онъ ему голодовалъ; а и земля деи вся Свѣйская хочеть на Королевство Арцыкарлуса. Да и полоняникъ государевъ у Датцкаго Оока Шафровъ живетъ въ полону, и Ждану тожъ сказывалъ. Да толмачъ же ему сказывалъ, что прислалъ къ Датцкому королю Литовской Король Батуръ посланника своего съ пенями и съ грозами, что онъ стоялъ противъ Короля и пособлялъ Гданску своими людьми; да и о томъ ему говорилъ, чтобъ онъ съ нимъ помирился и стоялъ на Московскаго Государя съ нимъ за одинъ; и Король деи ему отказалъ: изъ деи тебя не знаю, кто ты ».

А еще подробнѣе доносилъ Государю о Европейскихъ дѣлахъ Аонасей Резановъ, посланный къ Императору въ 1580 году. Въ его статейномъ спискѣ сказано: «И провѣдывалъ Оонасей, въ каковъ мѣрѣ Король Польскій съ Цесаремъ?—И пріѣзжалъ отъ Короля гонецъ къ Цесарю папъ Клибанъ Подойскій, а писалъ Король къ Цесарю, чтобъ отдалъ городъ Зекмаръ, въ Угрѣхъ: то деи вотчина отца моего, чтобъ тотъ городъ отдалъ Королю, да и сослатися бѣ большими послы и утвердити мирное постановленіе. И Цесарь его отпустилъ ни съ чѣмъ изъ Праги Сентября въ 3 день; а Цесарь къ Королю пословъ своихъ и посланниковъ не посылавалъ. А Цесарева область воинскими людьми и казною сильна: будетъ пособять Кухверсты и семьдесятъ городовъ, и Цесарь Турскому и Литовскому силенъ. А при нынѣшнемъ Цесарѣ воинскими людьми собранье не бывало, и быти было Цесарю на съѣздѣ въ Нереберхъ Ноября въ 24 день, на большомъ съѣмѣ о большихъ всѣхъ дѣлахъ, и всѣмъ Кухверстомъ и Графомъ; и съѣздъ нестался, за то что явилось повѣтрее во многихъ мѣстѣхъ, и разболѣлся Кухверстъ Сапкой. А сказываютъ деи, нынѣча будетъ у Цесаря съѣздъ на Иванъ день Рождества Предтечева, о всѣхъ дѣлахъ и о всей землѣ въ томъ же Неренберхѣ. А Францовской Король казною и людьми силенъ, а рознь у него была въ землѣ за то, что онъ взялъ оманомъ городъ свой Мандень, а въ томъ городѣ была казна изъ Неделрянтъ отъ Шпанскаго Короля, а нынѣча у Францовскаго Короля розни въ землѣ нѣтъ. А у Цесаря Францовскіе послы есть; а Цесарь пословъ своихъ часто посылаетъ къ Францускому Королю о совѣтѣ и о любви. А къ Папѣ Цесарь пословъ своихъ часто жъ посы-

лѣтъ, папины послы у Цесаря бывають; а съ Папою Цесарь и съ Венецѣвы въ миру. А съ Шпанскимъ Королемъ Цесарь въ миру, и послы Шпанскіе у Цесаря, а Цесаревы у Шпанского Короля, о совѣтъ и любви. Да отъ Шпанского короля приговилъ гонецъ къ Цесарю Сентября въ 28 день съ тѣмъ, что взялъ Шпанской Король Португальское королевство и сталъ Государемъ въ Португальскомъ королевствѣ, и Цесарю въ томъ великая радость. А говорятъ, что Цесарь женится у Испантійского Короля, а понять дочь его. А съ Англіѣйскою Королевою у Цесаря послы бывали. И Шкотского Короля послы бывали у Рудельфа Цесаря. А Цесаревы послы у Турского Царя живутъ безъ съѣзду. Да пригонилъ къ Цесарю гонецъ изъ Вѣднѣ Октября въ 40 день съ тѣмъ, что пришелъ въ Вѣдну Турецкого царя посолъ, а сказываютъ ихъ пятнадцать человекъ; а цесарь Торскому Царю посылаетъ поминки для Угорскіе земли. А на половинѣ Угорской и на Чешскомъ королевствѣ, на чемъ былъ Король Рудельфъ, не посаженъ братъ цесаревъ ни одинъ Король, а вѣдаютъ къ цесаревъ области съ одного; а два брата цесаревы Эрнестъ да Максимилианъ живутъ въ Вѣднѣ Арцкнязатами Раковскими; а которые были цесаревы два брата Албертъ да Венцеславъ у Испантійского Короля, и одного цесарева брата Венцеслава въ животъ не стало тому годъ, а Албертъ живетъ у Испантійского Короля; а цесаревъ братъ Матиашъ живетъ въ городѣ Андерти въ Педерлянской землѣ. А Семигравскіе земли люди ходятъ къ Королю къ Полскому найматься, и платятъ имъ наемъ Король Полской, а выходъ даютъ съ Семигравскіе земли Турскому Царю. А которые были Штмпы Ливонскіе земли Датского Короля, и Король имъ позволилъ ити служити къ Полскому Королю. Въ лѣтъ 7088-мъ мѣсяца Іюня въ 9 день, пошолъ изъ Разборха Францбекъ къ Польскому Королю найматься; а съ нимъ пошло конныхъ пятьдесятъ человекъ да пѣшихъ сто человекъ. Да какъ Оеонасей ѣхалъ отъ Цесаря, и Оеонасей пѣхалъ въ городъ въ Любли Авиду Бульмана Литовского купца Данченива, а опъ на Короля на Полского деньги займуетъ. Да Любской палатникъ Томасъ Фрейсъ сказывалъ мнѣ, холопу твоему, что деи у насъ Цесаревъ заказъ, что намъ не велѣлъ Цесарь Королю Полскому въ займы денегъ давати. Да прѣзжалъ отъ Короля отъ Полского мѣсяца Августа въ 29 день, въ Роску и въ Любку королевской купецъ Кузма Мамоничъ къ Росскимъ и къ Любскимъ буймистромъ и ратманомъ на Короля деньги займовати; и буймистры и ратманы не дали въ займы. Да прѣзжалъ въ Любку отъ Полского Короля государевъ измѣшникъ князь Иванъ Тувъ въ мѣсяцъ въ Іюль въ 25 числѣ денегъ заимовати и говорити

Любскимъ буймистромъ и ратманомъ и палатникомъ, чтобы посылали людей своихъ къ Королю наймоваться; и буймистры и ратманы людей своихъ не посылали наймоваться, и съ торгомъ людей своихъ не посылали за Королемъ, и денегъ Королю не давали въ займы. И лѣта 7080 мѣсяца Нолбря въ 6 день пріѣхалъ изъ Колывани Любской Нѣмчинъ Тиманъ Бекъ, а сказалъ твоему государеву толмачю, что ден пошли изъ Колывани всѣ Нѣмцы въ Выборъ, а итти имъ на твою государеву украину въ Новгородскіе мѣста, а сказываютъ, всѣхъ ихъ въ собранъхъ будетъ и съ Латыши тысячи съ три или съ четыре, да въ Выборъ три корабли Свицкогo воеводы Делигарда накладеи товару соли да сеадей, а итти имъ на весну рано къ Ругодиу, а на нихъ будутъ нѣмецкіе купцы. Мѣсяца Генваря въ 23 день, пріѣзжалъ въ Любку къ буймистромъ и къ ратманомъ изъ Даяска ратманъ Борхромъ Ефаадинъ Королю Полскому денегъ займовати; и Любскіе буймистры и ратманы денегъ Королю въ займы не дали; да тотъ же ратманъ Борхромъ Ефаадинъ ѣздиъ къ Олшинскому Князю на Полского Короля денегъ займовати, и Олшинскій Князь ему денегъ не далъ въ займы, а встрѣтилъ его твой государевъ толмачъ въ Олшинской землѣ; а онъ ѣдетъ отъ Лелзборха въ Авборхъ Полскому Королю денегъ займовати, а во Авборхъ ему денегъ не дали въ займы. Мѣсяца Апрѣля въ 11 день, пріѣхалъ въ городъ въ Любку Юрьи Франзбъ къ отъ Датцкогo Короля, а наймовати ему люди въ Любкахъ и въ Поморскихъ городѣхъ къ Полскому Королю тысяча конныхъ человекъ, а двѣ тысячи пѣшихъ; и въ Любкахъ ему людей при мнѣ не дали наняти Апрѣля по 19 число. Да сказывалъ Оеовасью Еремѣй Каргушъ, да Любской Нѣмчинъ Апца, что дей Юрья Франзбека изъ Лю(б)ки выслали и людей ему на Короля на Полского не дали наняти. Пріѣхалъ Ованасей подъ Островъ подъ Готлянтъ Маія въ 19 день, и сказывалъ толмачю Индрику Гриму Датцкогo Короля, прикащикъ Юрьи Прусь, что Юрьи Франзбекъ нанялъ людей четыреста человекъ пѣшихъ, а тѣ люди ѣхали отъ Юрьи Франзбека въ Ригу изъ поморскихъ городовъ, а давалъ тѣмъ людямъ задатка по ефимку и по два; а давалъ тѣмъ людямъ наемъ въ Ригѣ; а Юрью ден ѣхати изъ Поморскихъ городовъ въ Розборкъ, а изъ Розборка ѣхати въ Ригу тотъ часъ. И мѣсяца Марта 3 день посылаъ изъ холопъ твой твоего государева толмача Индрика Грима къ Датцкому Королю съ цесаревыми грамотами, чтобъ меня велѣлъ Король отправадити на украину Государя нашего, или бѣ велѣлъ меня пропуститъ своимъ людямъ на море; и Датцкой Король у толмача Цесаревы грамоты взялъ, а ему ничего не отказалъ, толко дали тол-

мачу память, что цесаревы грамоты дошли до Короля. А Индрикъ прѣхалъ отъ Короля Марга въ 14 день, а грамоты проѣзжіе Король не далъ. И послѣ того, мѣсяца Апрѣля въ 9-ый день, писалъ къ Оѳонасію грамоту Христофоръ Валкинторпъ, Капнагаевской воевода: велѣлъ деи мнѣ Король къ тебѣ Оѳонасію писати, чтобы ты вхалъ въ Капнагаевъ, и велѣлъ тебя Король отправадити на Украину Государя нашего и пристава прислалъ для береженья; и какъ деи поѣдешь королевскою землею, и Король велѣлъ подводы дати по своей землѣ до Капнагаева. И поѣхалъ азъ Оѳонасей изъ Любки въ Капнагаевъ Апрѣля въ 19 день, и стоялъ на пристинѣ за вѣтромъ Апрѣля по 25 число. И поѣхалъ съ Трумента въ Капнагаевъ, Апрѣля въ 25 день, а толмача Индрика Грима съ грамотою съ проѣзжею да людей отпустилъ моремъ Апрѣля въ 29 день. И на морѣ деи изымалъ толмача и людей Кептейнъ Александръ Деренъ по Христофоровой грамотѣ Валкинторпа, а привелъ толмача Индрика и людей въ Капнагаевъ, и отдали ихъ мнѣ, Оѳонасію, Апрѣля въ 30 день. И прѣхалъ азъ, Оѳонасей, въ Капнагаевъ; и посылалъ азъ, Оѳонасей, Христофору Валкинторпу толмаче Индрика, и велѣлъ ему говорити, чтобъ ранѣ Король велѣлъ отправадити на Украину Государя нашего. И Христофоръ отказалъ: азъ деи пошлю къ Королю, куды тебѣ велитъ отпустить на Украину Государя вашего. Да сказывалъ Оѳонасію Каптейнъ Деренъ, что деи велѣлъ Король съ моря галей и корабли свести, а велѣлъ имъ ити на Студеное море для разбойниковъ; да поволитъ деи Король ити въ Ругодивъ своимъ купцомъ торговати, да и поморскимъ городомъ, чтобъ вхати торговати въ Ругодивъ и въ Перновъ со всякимъ товаромъ торговати на Украину Государя нашего. Да сказывалъ Оѳонасію Датцкого Короля толмачъ Индрикъ въ Капнагагъ: какъ деи отъ Государя вашего пригонитъ Королевскій гонецъ Петръ Андреевъ ко Государю нашему Королю, и Король деи хочетъ ко Государю вашему пословъ своихъ послати съ Бурма съ острова воеводу, да Фитенскіе земли да Ютландской земли воевода, какъ ихъ зовутъ того, не сказалъ».

Но Московскій дворъ, стараясь развѣдывать о дѣлахъ другихъ государствъ, съ которыми вступалъ въ сношенія, въ то же время всячески скрывалъ свои дѣла, и состояніе своего государства; напримѣръ, какъ видно изъ изданныхъ нимъ сношеній, чужестранныхъ посланниковъ отъ самой границы до Москвы и въ Москвѣ постоянно окружали Царскіе пристава, которые не допускали къ нимъ постороннихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые имѣли на сіе особое дозволеніе отъ правительства; а допуславшіеся къ чужестраннымъ посламъ всегда получали подробные

наказы, что говорить и какъ говорить. Такъ въ 1576 году во время прїѣзда Цесаревыхъ пословъ Яна Кобенцеля и Даниеля Принца, написана была память Михайлу Долматовичу Карпову съ товарищи: «беречи того на крѣпко, чтобы къ посломъ на дворъ опричь приставовъ, дѣти боярскіе и боярскіе люди не ходили никто никакимъ дѣломъ, и не говорилъ бы съ ними никто ничего сторонней никакихъ человекъ. А которые дѣти боярскіе и сторожи у пословъ учнутъ дневати и ночевати, и князю Дмитрію и князю Михайлу съ товарищи тѣмъ всѣмъ приказывати и надъ ними беречи накрѣпко, чтобы съ пословыми людьми не говорили никто ничего, а и тѣхъ дѣтей боярскихъ девицковыхъ людей на дворы на пословы не пускали; да и торговые-бъ и всякіе люди къ пословымъ дворомъ не приходилъ никто ни о чемъ: того имъ беречи на крѣпко. А которые рѣчи съ Михайломъ и съ товарищи Цесаревы послы, или дворяне, или пословы люди поговаряютъ, и Михайлу съ товарищи сказать Царю и Великому Князю. А какъ послы поѣдутъ на дворъ, и по улицамъ бы съ пословыми людьми не говорилъ однолично никто ничего, отъ того имъ ѣдучи улицами беречь на крѣпко.... А нѣчто спросятъ послы про Крымскаго, какъ нынѣ Царь и Великій Князь съ Крымскимъ царемъ? и Михайлу съ товарищи молвити, что Царь и Великій Князь съ Крымскимъ Царемъ нынѣ въ ссылкѣ: Царя и В. К. гонецъ нынѣ у Царя въ Крыму, а царевы гонцы у Государя на Москвѣ. А нѣчто спросятъ про Казань, и имъ молвити: про Казань, что и спрашиваете? въ Казанѣ Государь поставилъ церкви и учинилъ архіепископа, да и по Казанскимъ уѣздамъ Государь церкви и многіе города поставилъ, и многіе Русскіе люди живутъ по городамъ и по селомъ; а куды Государь велитъ Казанскимъ людемъ на свое дѣло итти, и Казанскихъ людей на Государеву службу ходитъ, сколько коли велитъ: а всѣхъ людей Казанскіе земли въ сборъ живутъ до ста тысячъ.»

Даже во время проѣзда пословъ отъ границы до Москвы къ воеводамъ по городамъ посылались указы, чтобы по улицамъ и площадямъ вездѣ было людно, и чтобы люди были одѣты прилично. Такъ, во время проѣзда черезъ Смоленскъ Герберштейнова племянника Яна въ 1517 году, Оршинскому воеводѣ князю Борису Горбатову былъ данъ наказъ, въ которомъ между прочимъ сказано: «И какъ тотъ Максиміановъ человекъ въ городъ въѣдетъ, а ты бѣ съѣлъ въ своей избѣ на своемъ мѣстѣ, а у тебя бы были наши воеводы всѣ, да и дѣти боярскіе, добрые, и князи и бояре Смоленскіе, которымъ пригоже, а иные бѣ дѣти боярскіе были у тебя въ сѣнахъ, а иные во дворѣ,

да и на площади бы дѣти боярскіе были, и въ городѣ по улицамъ, чтобъ людей много видѣти было.»

Или, когда въ 1492 году пріѣзжалъ въ Москву Михаилъ Свупсъ съ грамотами отъ Максиміана и Сигизмунда Австрійскаго, въ конхъ писано о допущеніи его путешествовать по Россіи, чтобы узнать земли и Государства, и достовѣрно обычаи увѣдать и разныхъ людей языки, и особенно научиться Русскому языку, то Великій Князь Иванъ Васильевичъ хотя и принялъ его честно и милостиво, но путешествовать по Русской землѣ не дозволилъ, и отпустилъ его на Нѣмецкую землю тѣмъ же путемъ, которымъ онъ и пришелъ. И свое такое распоряженіе въ грамотахъ къ Максиміану и Сигизмунду объяснялъ дальностію и неудобствомъ пути, а также опасностію, «чтобы надъ нимъ которая притча не сталася».

Или, отпуская своихъ пословъ и посланниковъ, Московскій дворъ постоянно имъ наказывалъ, чтобы они старались поддерживать достоинство и честь двора во всѣхъ сношеніяхъ. Такъ посылаемые съ ними грамоты царскія они всегда должны были лично представлять тому Государю, къ которому они посланы, и представляться къ Государямъ только тогда, когда на представленіи у нихъ нѣтъ пословъ, изъ иныхъ государствъ, а равно и къ столу пріѣзжать только тогда, когда за столомъ не будетъ иныхъ посланниковъ, или когда ихъ посадятъ выше иныхъ посланниковъ. Напримѣръ въ наказѣ Истомъ Шевригипу, посыланному къ Рудольфу Императору въ 1580 году, сказано: «А нѣчто къ Цесарю пустити его не похотятъ, а учнутъ Истомъ говорити, чтобъ шолъ къ Цесаревымъ совѣтникамъ съ грамотою и Истомъ къ совѣтникомъ одолично не ходити, и грамоты и поминковъ не давати мимо Цесаря никому никоторыми обычаи. А нѣчто Цесарь позоветъ къ себѣ Истому всти, и Истомъ къ Цесарю за столъ ийти; а того Истомъ провѣдывати, не будетъ ли у Цесаря Турскаго, или Литовскаго, или иного котораго Государя пословъ и посланниковъ и гонцовъ; и будетъ у Цесаря иныхъ Государей посланники или гонцы будутъ, и Истомъ за столъ одолично венти, а о томъ: ему говорити посадить меня Цесарь выше иныхъ Государей посланниковъ, и изъ за столъ иду, а не посадитъ меня выше иныхъ посланниковъ, и мнѣ за столъ не ийти. И учнутъ Истомъ говорити, что ему сидѣти выше иныхъ Государей посланниковъ, и Истомъ за столъ сидѣти; а нѣчто Истому посадить ниже иныхъ посланниковъ, и Истомъ за столъ сидѣти, а вѣзти къ себѣ на подворье. А будетъ Турецкій посланникъ, или Литовской, или Францовской, и ему съ ними вмѣстѣ

никакъ не ходити; а хоти будетъ и введутъ его, а будутъ посланники Турскаго, или Литовскаго, или Францовскаго тутъ и иные которые, посланники, и ему ѣхать на подворье.»

Въ сношеніяхъ Австрійскаго двора съ Московскимъ въ царствованіе Царя Ѳедора Ивановича особенно замѣчательна никогда небывавшая новостъ, — это грамоты Императора Рудольфа и Эрцгерцога Максимилиана къ боярину и конюшему Борису Ѳедоровичу Годунову и къ дьякамъ Андрею и Василью Щелкаловымъ. Эта новостъ съ одной стороны указываетъ на искательство Австрійскаго двора въ Годуновъ и Щелкаловыхъ, а съ другой на высокое значеніе Годунова при Московскомъ дворѣ; ибо съ Годуновымъ переписка была ведена постоянно, къ Щелкаловымъ же присланы были особыя грамоты только однажды въ 1587 году, вѣроятно по слухамъ, что они также сильны при дворѣ, какъ и Годуновъ; но когда слухи сіи по ближайшему знакомству не оправдались, то къ Щелкаловымъ Максимилианъ болѣе уже не посылалъ грамотъ. Первая грамота къ Годунову была писана въ 1587 году отъ Максимилиана; вторая также отъ Максимилиана въ 1589 году, въ которой Максимилианъ называлъ Годунова «навышшимъ тайнымъ думнымъ всея Рускіе земли, навышшимъ Маршалоу, Свѣтѣйшимъ своимъ опричевнымъ любительнымъ Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ.» Третья грамота была прислана отъ самого Императора Рудольфа, въ которой онъ называлъ Годунова царскимъ тайнымъ думцемъ и большимъ бояриномъ, благороднымъ и своимъ оприченно любительнымъ, Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ. Да и сверхъ грамотъ Императоръ Рудольфъ наказывалъ своему послу Николаю Варкачу послѣ представленія къ Государю Царю Ѳедору Ивановичу, бытъ съ особою рѣчью на представленіи у Бориса Ѳедоровича Годунова; и Годуновъ съ дозволенія Государева принималъ Императорскаго посла на своемъ дворѣ. Вотъ подлинное официальное описаніе сего любопытнаго пріема почти одинаковаго съ царскимъ пріемомъ: «А сшелъ съ коня посолъ въ воротѣхъ, въѣхавъ въ ворота, а люди были многіе Бориса Ѳедоровича отъ воротъ по двору по всему, и по крыльцу и по сѣнамъ и въ передней избѣ, а въ комнатѣ у Бориса Ѳедоровича отборные немногіе люди въ нарядѣ, въ платьѣ въ золотномъ и въ челяхъ золотыхъ. А пришедъ къ Борису Ѳедоровичу въ комнату, правилъ посолъ Николай отъ Цесаря поклонъ; а Лукашъ Павлусовъ правилъ поклонъ отъ Максимилиана, Арццкнязя Аустрійскаго. И Борисъ Ѳедоровичъ, вставъ, спрашивалъ про Цесаря и про брата его Максимилиана здоровье; да звалъ Цесарева посла Николая и Нѣм-

чина Лукаша къ рукѣ сиди. И Цесаревъ посолъ Николай Варкачъ, бывъ у руки, говорилъ рѣчь толмачемъ.... А изговора рѣчь, Цесаревъ посолъ подавъ своимъ рѣчемъ письмо по-Польски. И конюшей и бояринъ, Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, выслушавъ рѣчи и принявъ письмо, говорилъ:» грамоты Цесарскаго Величества и брата его Максимилиана Арцы-князя Аустрѣйскаго до меня донесены, и рѣчь твою всѣ по достатку выслушалъ есми.... А говоря рѣчь, бояринъ и конюшей, Борисъ Ѳеодоровичъ, велѣлъ Цесареву послу стѣсти противъ себя на скамейкѣ, и подавалъ Борисъ Ѳеодоровичъ Цесареву послу вина и меду красные и бѣлые въ кубкахъ и въ ковшахъ, да и Лукашу подавалъ вина и меду. И отпустилъ посла на подворье, а за ними посылалъ въ стола мѣсто кормъ съ своими людьми.»

Въ слѣдъ за посольскимъ приѣмомъ послѣдовалъ Царскій указъ: «что къ Цесарю Римскому и къ брату его, Максимилиану Арцы-князю Аустрѣйскому, отъ конюшего и боярина, отъ Бориса Ѳеодоровича Годунова, грамоты писати пригоже нынѣ, и впередъ то его Царскому имени къ чести и къ прибавленью, что его Государевъ конюшей и бояринъ ближней, Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, ссылатись учнетъ съ Великими Государи; да и къ инымъ ко всѣмъ Государемъ, которые учнутъ къ Борису Ѳеодоровичу грамоту писать, къ Испанскому Королю, и ко Францовскому Королю, и къ Англійской Елисаветѣ Королевнѣ, и къ Восточнымъ Государемъ къ Кизыль-Башскому, и къ Бухарскому, и къ Крымскому Казы-Герѣю Царю, приговорилъ Государь съ бояры противъ нихъ грамотъ, отъ конюшего и боярина Бориса Ѳеодоровича Годунова, писати грамоты; въ Посольскомъ Приказѣ со всѣми съ тѣми Великими Государи конюшего и боярина Бориса Ѳеодоровича Годунова ссылки и въ книги писати съ Государевыми грамотами.»

Въ слѣдствіе такового указа Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, при отъѣздѣ посла Николая Варкача, отправилъ свои отвѣтныя грамоты къ Императору Рудольфу и къ Эрцгерцогу Максимилиану, и при новомъ пріѣздѣ тогоже посла въ 1594 году снова получилъ грамоты отъ Императора и Эрцгерцога, и по прежнему принималъ Императорскаго посла у себя на дворѣ. Всѣ сіи ссылки Бориса Ѳеодоровича Годунова съ Государами весьма важны, какъ показывающія на высокое значеніе его при Царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ. Въ настоящей книгѣ дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными державами есть много и другихъ очень замѣчательныхъ мѣстъ, объясняющихъ устройство Московскаго двора того времени; но мѣста сіи представляютъ болѣе интереса при

чтеніи пѣлой книги, а посему мы прекращаемъ выписки, предоставляя читателямъ ближе познакомиться съ самою книгою.

Говоря о содержаніи настоящей книги, нельзя не упомянуть и о самомъ изданіи, которое съ одной стороны отличается наружнымъ изяществомъ и удобствомъ для чтенія, а съ другой снабжено предисловіемъ, примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ, необходимыми при подобныхъ книгахъ. Въ предисловіи редація помѣстила все, что только нужно какъ для показанія значенія издаваемыхъ памятниковъ, такъ и для болѣе яснаго и правильнаго пониманія ихъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ памятники нуждаются въ указаніяхъ на характеръ и обычаи того времени, къ которому они относятся, а также на тогдашнее устройство и административный порядокъ въ государствѣ. Такъ въ предисловіи указано на источникъ, откуда почерпнуты настоящіе памятники, на ихъ достовѣрность и официальность; а также объясненъ прежній порядокъ составленія сихъ памятниковъ, и вкратцѣ изложена исторія образованія и устройства Посольскаго приказа, отмѣчены отношенія его къ другимъ приказамъ въ посольскихъ дѣлахъ, изчислены мѣста, лица и должности, бывшія въ вѣдѣніи Посольскаго приказа, и рассмотрѣны и описаны формы и обряды, наблюдавшіеся при приѣмѣ и отпускѣ пословъ и при самомъ производствѣ посольскихъ негоціацій.

И. Бѣляевъ.

ЗАУСТЪ. Полная Нѣмецкая Трагедія Гёте, вольно переданная по русски (!!) *А. Овчинниковымъ*. Рига. Печатано въ типографіи Мюллера. 1851-г. in-8. стр. XIV и 340.

Прочитавъ на выдержку какую-нибудь изъ страницъ этой книги, читатели, вѣроятно, воскликнуть съ Гамлетомъ:

«О, чудное чудо! о, дивное диво!»

Я говорю: *какую-нибудь изъ страницъ*, потому, что ни у одного слабого смертнаго, одареннаго между прочими недостатками (или, коли хотите, достоинствами) и терпѣніемъ, которое кому-то угодно было причислить, не знаю ужъ по какой этикѣ, къ добродѣтелямъ ословъ, — не достанетъ этого терпѣнія.

Еслибы въ Англіи, гдѣ такъ много самыхъ странныхъ обществъ, существовало общество терпѣнія: то оно назначило-бы большую премію за прочтеніе разбираемой книги... Сколько-бы джентльменовъ держало пари, разсчитывая на читательское терпѣніе какого-нибудь «легматическаго джонъ-буля».

Я, въ качествѣ рецензента, то-же восклицаю, перелистывая страницы этого, такъ называемаго «Фауста»:

«О, чудное чудо! о, дивное диво!»...

Но г. Овчинниковъ, какъ нѣжный родитель своего милаго чада—Фауста, принимая, по свойственному любви родительской пристрастію, въ лестную для своего дѣтища сторону, восклицаніе рецензента, отвѣтить ему тоже съ Гамлетомъ:

«Есть многое, о, критикъ мой, въ природѣ,

Что и не снилось вашимъ мудрецамъ!».

И дѣйствительно! Вѣдь не снилось же нашимъ мудрецамъ, что существуетъ новая планета Нептунъ, открытая такъ недавно Леверрье; вѣдь не снилось же нашимъ мудрецамъ, что въ Калифорніи найдутся неистощимые золотые рудники, почти баснословные рудники, баснословіе самаго юпитеровскаго золотого дождя... Но что Юпитеръ, что открытіе Леверрье предъ открытіемъ, даже можетъ быть изобрѣтеніемъ г. Овчинникова въ 1851 году, которое со дня обнародованія его, исторія русской литературы вносить въ свои скрижали!

Вы не повѣрите... открыто,—чтобы вы думали?... Открыть, изобрѣтенъ *новый русскій языкъ*, или просто, какой-то новый языкъ у насъ на Русн. Положимъ, для Цезаря могла быть terra incognita: но какъ у насъ, между насъ, предъ нами, возлѣ насъ, могъ существовать невѣдомой lingua incognita, явившійся въ безсмертномъ твореніи г. Овчинникова!—Всѣ филологи, лексикографы, буквоѣды будутъ озадачены, и каждая страница этого великаго произведенія родитъ тысячи диссертаций, комментаріевъ, изслѣдованій, фоліантовъ. Не успѣетъ рецензентъ выписать на страницы свои нѣсколько изъ тысячъ словъ и выраженій, открытыхъ или изобрѣтенныхъ г. Овчинниковымъ, какъ всѣ филологи отъ Мыса Доброй Надежды до Нордъ-Капа приступать къ нему съ неотвязчивою просьбою немедленно издать словарь своего языка, его ретику, піитику, исторію и даже логику, по которой строились дивныя, непостижимымъ обыкновенному уму, фразы г. Овчинникова.

Спѣшу познакомить нашихъ читателей съ этимъ новымъ языкомъ, съ этими дивными словами.

Перелистываю страницы книги, и беру первое попавшееся слово, первый попавшійся стихъ, предъ которымъ всѣ *Золотые Стихи* самого Пинегора покажутся просто оловянными стихами.

«Ночь сошла, рѣдветъ *мерокъ*».

Вотъ вамъ, ужъ и есть слово для вашего лексикона... Не *мракъ* ли это значить на нашемъ языкѣ? — Миѣ, кстати, вспомнились одни стихи:

« И журавль, влетя во *грахъ*,
Скачетъ черезъ ногу »

Слово *грахъ* по нашему — я думаю — *горохъ*, слѣдовательно *морохъ* г. Овчинникова долженъ быть... но это завело-бы меня въ трущобу безконечныхъ филологическихъ изслѣдованій, и потому предоставляю объяснить этотъ *морохъ* самому творцу его, г. Овчинникову, въ будущемъ своемъ словарѣ.... читаю далѣе:

« Что могутъ намъ.... турусы тамъ....
Всѣ-то *взмазля*.... одна *зепздля*....
Ужъ такъ не разъ поддѣли насъ....
Не будетъ впутъ.... добудеть ртуть (?) ».

Это Ропоть говоритъ Цезарю, на что Мефистофель не преминулъ замѣтить съ своею обычною ироніею:

« На вотъ! остолбенѣлые стоятъ ».

Это замѣчаніе Мефистофеля къ намъ, критикамъ, или на предыдущіе слова Ропота:

Р о п о т ь.

« Дѣв *шельмы* вишь.... стакнулись въ разъ....
Дуракъ да *шинь*.... и здѣсь при насъ....
Погудки слышь.... на старый плясъ....
Въ ушко *глупышъ*.... а *пишъ* въ разсказъ ».

За этимъ предъ читателемъ фантастически проносятся разныя чудныя сцены и лица въ такъ называемомъ «Маскарадѣ»: *Садовницы*, *Эомерный Впнокъ*, *Мать* и *Дочь*, красны дѣвицы, столпяющіяся возлѣ *Матери* и *Дочери*, и тараторяція между собою, *дроворубы* безалаберные, пьяный, довольно нагрузившійся, *Граціи*, и между всѣми прочими, въ томъ числѣ и *Граціями*, является *Уродко-Зоилъ* съ подобною рѣчью:

« Хо! хо! я впору прискакалъ;
Я всѣхъ васъ худо *распекалъ*....
Но вижу цѣль иначе.... тамъ
Мадамъ Викторія—задамъ!
Еще *драгаетъ* (стр. 35).

Но и проч. и проч.

Какъ лестно слышать такіе вещи нашей братии *зомламъ-критикамъ*.

Какая элегантная бесѣда въ этомъ самомъ древняго міра, гдѣ собрались лучшіе сливки, *beau monde*, Рима и Греціи... но пока наше дѣло слова, исканіе новыхъ словъ, новаго языка.

• Хоть соплюсь да не воронка,
И шинкарь не гонитъ въ шастъ;
Лихъ обзарь—дечёнка дастъ ». (стр. 28.).

Это, впрочемъ, говорить *Пьяный*.... Что-то скажутъ трезвые?—
а *Ропотъ* кажется нехмѣлѣтъ:—послушаемъ его.

• Ну-же тамъ пошли плясать....
Нѣтъ, хочу отсель удрать....
Чуешь, какъ шыпрелятъ *этихъ*
Всюду нечистъ некощныхъ....
.....
Мнѣ ужъ думалось щелмакъ ».

Далѣе говорить *Глашатай*, который, по выраженію Крылова, *хотя и дерётъ*, (впрочемъ это прямая обязанность глашатая) за то какъ кажется, хмѣльного въ ротъ не беретъ:

• Домъкаю всѣхъ по чуху (?!),
Чтобъ намъ не было *поруху*....
Но боюсь черезъ окошки
Тя *волхистая* влетѣла »....

И въ этомъ галантерейномъ обществѣ осмѣлились тоже заговорить
какіе-то:

Б а б ъ и - З в ѣ и.

• Фырлетъ знать-то прокурать;
А трутень *фобанитъ* съ запать,
Самъ испитой.... *живѣя* ни-ни!
И тихъ—нишкини, хотя щипни »! (стр. 42).

Опять приходится рецензенту воскликнуть въ Шекспировымъ Ричардомъ: «смысла, смысла!... пол-Фауста за смыслъ»!... Клянусь Стиксомъ, клятвой, предъ которой трепетали даже сами Олимпійцы, что это напечатано на 42 страницъ.

Потомъ запищалъ какой-то:

И с п и т о й.

• Глядь—только разорвется кубышка
На сласть, на *хателъ*! Она и кусъ
Послаще встѣ, *чмѣится* малагой
Въ охотку съ закедычнымъ холостягой ».

На это ему отвѣчаетъ:

Б а в а - Я г а .

« Сколдырничай съ ехидной ты ерыжной!
Вѣдь въ дрызгахъ очевидно что облыжмо....
Вишь выкатилъ науськивать мужьевъ!

Б а б е н к и в з к у ч и ъ .

« Экъ пугало!... да тресни въ образину!...
Чего пришелъ онъ разгильдай наланный?»

За тѣмъ Бабѣнки *налегаютъ на Испитова* и начинаютъ *бесѣдовать*, *Плутусъ*, какъ извѣстно богъ богатства, и *Скупердѣй*, но

« Тамъ у нихъ такая говорня ».

Предупреждаетъ меня г. Овчинниковъ, что я считаю необходимымъ оставить ихъ въ покоѣ, равно какъ и бесѣды другихъ героевъ трагедіи, какъ-то: господъ и госпожъ *Фофановъ*, *Лышаковъ*, *Горынлѣтъ*, *Толкотню*, *Голосню* и даже *Нимфъ*, которыя такъ граціозно выражаются:

« Онъ звысь и внизъ, кажись, глядитъ;
Очами зрѣть, — ночами бдѣть ».

Далѣе эти же Нимфы говорятъ насчетъ Пана:

« Онъ зычнымъ гласомъ воскричить,
Что грянетъ *трясомъ* по горамъ,
Отпрянетъ *пласомъ* по морямъ;
Что богатырь въ бою трухнѣтъ,
И въ полъ ратникъ *встрепенѣтъ* ».

Немудрено, читатель, что мы ничего не понимаемъ: вѣдь это говорятъ нимфы, а нимфы, какъ извѣстно, женщины, Елена тоже женщина, следовательно прямой шиллогизмъ вывелъ

М е ф и с т о ф е л ь .

« Да ужъ кого Елена *ощелмачить*, —
Не бось часомъ не соберешь разсудка.....

Чу! Слышу поётъ

Х о р ъ П а с ѣ к о м ы х ъ .

« О, старче, здорово!
Отецъ! это ты? —
Мы рвемъ п *еслово*
Поемъ *таранты*

Что въ губѣ да въ зубъ—
 Жевни, проглоти;
 Что выпарилъ въ шубъ—
 На ногѣхъ сказни ».

Этотъ трагическій *Хоръ Насъкомыхъ*, не знаю почему, напомнилъ мнѣ у Гоголя будочника и какого-то невѣдомаго звѣря.... впрочемъ мое дѣло не инсектологія, а филологія. —Перелистывая книгу г. Овчинникова все далѣе и далѣе, я нашелъ въ ней между множествомъ подобныхъ, слѣдующія слова: *старая щалберъ, взбутуситься, глупендлй, прокукситься, дошлякъ, очухать, станъ дивоцветный, уккурнуть, подсластуля, подсвистуля, хрустьё, поллюдь, неубоимка, сотворимка, неглядимка, благоштучный, злобразъ, зломордка, каплюга, облыжнорылый, жарынь, перетуръ, пострукъ, комыгъ, подвохъ, очертовщиниться, новоземъ птичотъ, звѣздня, замазня, пирня, любня и проч.*, но болѣе всего навело меня на размышленіе слово *дъваха*.

По смыслу предыдущихъ стиховъ можно было предположить, что оно значить дѣвица. Это, вѣроятно, какое-нибудь особенное свойство, особенное значеніе дѣвицы, которое стало-бы на пѣле томы физиологамъ и филологамъ. Можно думать, что въ Аркадіи существовали эти *дъвахи*, потому что въ Аркадіи, гдѣ происходитъ сцена, говорить одно изъ дѣйствующихъ лицъ, рекомендуя себя такъ:

« Пусть я гадкая мерзавка, я-жъ знанюха красоты ».

Это лицо говорить:

« Не знаю, долго-ли-то спать *дъвахи* »?

Черезъ нѣсколько страницъ ниже къ тѣмъ-же *дъвахамъ* обращается съ другой ужъ кличкою

Х О Р О В Е Д А .

« Скорѣй, *дъвоюшки*, прославимъ день »!

Черезъ нѣсколько страницъ выше опять говорить та-же

Х О Р О В Е Д А .

« Мелютъ зря, болтаютъ сглуна — настоящія *дъвахи* »!

Не объяснить-ли намъ этого дѣла, не помочь-ли нашему изслѣдованію объ *аркадскихъ дъвахъ* *Хоръ*, который, какъ видно, состоитъ изъ мужчинъ, а свидѣтельство мужчинъ, по древнему праву, предпочиталось свидѣтельству женщинъ, ergo женщины причислялись къ дѣтямъ.

Х о р ъ.

«Найдётся иной, дока встрѣтить

Её, да себя и подканфетить».

Тутъ филогическій мракъ начинается будто нѣсколько рѣдѣть: — впрочемъ, дѣло опять запутывается. Хоръ въ одномъ мѣстѣ называетъ *двѣахъ* простячками, въ другомъ же говорить о нихъ иначе:

Х о р ъ.

«Злородичка! добрячкой въ юномъ

Люду мѣкаетъ себя въ кляпцы?

Зловолчій порокъ подъ руномъ

Смиреньенькой будто овцы.....

Впрочемъ можетъ статься, въ этой цитатѣ *«звукѣ оплетаютъ насъ хуже змѣйства»*, по выраженію г. Овчинникова.

Утопающій хотя-бы онъ былъ самъ филологъ хватается за соломенку... Не помогутъ-ли намъ въ нашихъ изысканіяхъ хоть

И в и к о в ы - Ж у р а в л и.

«Крикъ, вопли жалобъ зычныхъ,

Взмахи крылій птицъ обычныхъ».....

Нѣтъ, нѣтъ! не то.... ухватимся-ко за *Главнаго Карлу*.

Г л а в н ы й К а р л о.

«Вы одинъ махомъ

Бейте по птахамъ—

Намъ же добро;

Пухъ по подпахамъ

Краснымъ двѣахамъ.

Къ шляпѣ перо».

Но я запутался въ собственныхъ сѣтяхъ, я очутился въ какомъ-то безконечномъ лабиринтѣ: — о, будьте моей Аріадной г. Овчинниковъ!... Признаюсь вамъ, что я еще юный, не опытный, но пылкій и предприимчивый Тезей въ филологіи, а у васъ есть ключъ отъ этого лабиринта; вы можете бросить мнѣ аріаднину нить вашихъ стиховъ, или *храна*:

Г р и ф ѣ х р а н и т ь.

«Не грачь, а Грифъ! у насъ такому слову

Хричи не рады; потрудись изречь

Основу «Грифъ» въривъ по корнеслову:

Графья, гребуля, грубый, грабля, гречь—

Ужъ словотолку ты не поперечь»....

Не знаю, так ли думаетъ, какъ г. Овчинниковъ, объ этомъ предметъ известный знатокъ русскаго слова Н. И. Гречъ, но убѣждаюсь, что г. Овчинниковъ ужъ въ первомъ своемъ дебютѣ кажетъ собою будущаго великаго мастера не только въ искусствѣ, но и въ наукѣ филологическихъ изслѣдованій.

Я же смиреннѣй критикъ, или *уродно-зоилъ*, на языкѣ г. Овчинникова, не привыкшій рыться въ глубинахъ и омутахъ словопроизводствъ, я, какъ неопитъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ, принявшись за него, какъ обыкновенно всякій новичокъ, сгоряча, съ перваго раза ощущаю крайнее изнеможеніе въ своемъ умственномъ и физическомъ организмѣ, и меня, усталаго, клонитъ ко сну, и я чувствую себя, подобно Турку, хватившему черезъ край опиума....

Перо выпало изъ рукъ, свѣча догорѣла, «Фаустъ» г. Овчинникова выпалъ изъ рукъ, свалившись подъ кушетку.... Морфей обильно сыплетъ маками на мои вѣки....

Не знаю, какъ я очутился на крыльяхъ Морфея, и попесъ онъ меня прямо въ Ригу, въ ту Ригу, гдѣ напечатанъ «Фаустъ» г. Овчинникова....

«И спитъ мнѣ сіяющій огнями

Роскошный ширъ въ остзейской сторонѣ....»

Вы, можетъ быть, подумаете, что тамъ

«Межъ юныхъ женъ, увѣчанныхъ цѣтми,

Шелъ разговоръ веселый....»

Какъ бы не такъ! — Всѣ занимались литературною новостью Риги — переводомъ «Фауста Гёте» г. Овчинниковымъ.

Этотъ Фаустъ рѣшился, кажется, вездѣ меня преслѣдовать; оставляя на меня какое-то тяжкое, болѣзненное, наркотическое впечатлѣніе. Онъ чуть-было не сдѣлалъ изъ меня буквоѣда.... да и вообще всѣ наши Фаусты и Мефистофели до крайности смѣшны и назойливы.

Скучно мнѣ на этомъ веселомъ балѣ: не вижу ни одного знакомаго лица. Иду далѣе, прохожу длинную анфиладу комнатъ, минуя карточные столы: звуки музыки становятся слабѣе и слабѣе, значитъ я далеко отъ залы. — Вхожу въ довольно темную комнату: облака сигарнаго дыма обнимаютъ меня; за столомъ сидятъ нѣсколько почтенныхъ филистеровъ съ сигарами въ зубахъ, съ кружками пива въ рукахъ. Сигары ихъ по временамъ вспыхивали, какъ звѣздочки сквозь паръ облаковъ: такъ было накурено въ комнатѣ.... Все въ ней начинается въ какую-то Гофмановскую фантасмагорію....

Сажусь въ уголъ, и самъ тоже закуриваю сигару.

— Вы, Адамъ Адамычъ, известный знатокъ русскаго языка: вамъ-бы открыть публичныя лекціи Русской Словесности: она очень интересуетъ нашу публику.

— Я! отвѣчалъ флегматическій и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокомысленный Адамъ Адамычъ.

Подлѣ меня кто-то сардонически засмѣялся. Вглядываюсь: — это Мефистофель.

— Тыфу ты — пропасть! подумалъ я, отъ него нигдѣ не скроешь: онъ и за кружкою пива и въ Аркадіи, онъ и въ сигарномъ дымѣ, и на берегахъ Пеней....

— Кто этотъ Адамъ Адамычъ? спросилъ я сквозь зубы у Мефистофеля, за неимѣніемъ подлѣ себя никого другаго изъ моихъ знакомыхъ.

— Адамъ Адамычъ, отвѣчалъ тотъ.

— Да кто онъ: — рангъ его, ремесло?

— Изучившій русскій языкъ по «Нѣмецко-Россійскимъ разговорамъ Іоанна Филиппа Вегелина», и важно привѣтствующій изъ нихъ всѣхъ и каждого: «Смѣю васъ спросить, куда вы идете, господинъ мой?»

Мефистофель замолчалъ. Разговоръ филистеровъ становился жарче; мнѣ слышались безпрестанно слова: Менцель и Гёте, 1-я и 2-я часть Фауста, Мармьё, Блазъ, Губеръ, Вронченко и герръ Овчинниковъ.

— Правда, сказалъ Адамъ Адамычъ, что 1-я часть Фауста несравненно выше 2-й, ибо 2-я часть Фауста не иное есть что, какъ аллегорія, а аллегорія въ искусствѣ, сами знаете что такое....

— Аллегорію Гёте г. Овчинниковъ воспроизвелъ въ *ахинею*: такъ, вѣроятно, нужно было по его художественнымъ соображеніямъ, замѣтилъ мнѣ Мефистофель.

— А каковъ-то переводъ, Адамъ Адамычъ?

— И моего есть капля меду въ этомъ переводѣ: большую часть выраженій у меня заимствовалъ нашъ переводчикъ: Любилъ, звѣздня, взмазня, дѣваха и проч., потому-то я и не хочу быть судьей въ этомъ дѣлѣ.

— Хлестаковщина! сказалъ мнѣ Мефистофель шопотомъ. Адамъ Адамычъ любить прихвастнуть. Дѣло было не такъ:

Все это мистиѣкація. Г. Овчинниковъ изъ скромности называлъ *своего* Фауста Фаустомъ Гёте: здѣсь былъ литературный расчетъ. Авторъ выжидаетъ, что скажетъ критика и публика: и та и другая, разумѣется, будетъ въ восторгѣ отъ его творенія, и тогда онъ не замедлитъ объявить творцомъ этой трагедіи.... Помилуйте, что есть общаго между Фаустомъ Гёте и Фаустомъ г. Овчинникова.... У Гёте аллегорія,

у г. Овчинникова ахнелъ. Печатавъ вторымъ изданіемъ свою книгу,—а этого можно надѣяться—г. Овчинниковъ, вѣроятно, перемѣнитъ и самое заглавіе ея. Первая часть этой трагедіи назадъ тому 8 лѣтъ была напечатана въ Петербургѣ и съ успѣхомъ идетъ на театрѣ: она называется:

«Булочная или Петербургскій Нѣмецъ,»

Г. Овчинниковъ написалъ къ ней 2-ю часть, назвавъ ее покуда Фаустомъ. Потомъ, при 2-мъ изданіи, онъ перемѣнитъ это названіе на болѣе приличное ей, именно на

«Рижскій Фаустъ....»

Это, вѣдь, фантазмагорія....

Было ужъ далеко за полночь.... Поздно. Пора домой! Быстро схвативъ шляпу, будто въ какомъ-то чаду, я выбѣжалъ на улицу.

— Извозчикъ!...

Вотъ ужъ и скачу себѣ на лихомъ извозникѣ, только фонари, кажется мнѣ, бѣгутъ отъ меня, мелькая, какъ искорки.

Вдругъ вышла луна изъ-за облака. Всматриваюсь.... о, боги, я ѣду не на извозникѣ, а лечу на грифѣ....

Я пришелъ въ ужась.

Вглядываюсь пристальнѣе,—и что же?—Впередъ меня, надо мной и за мной то же летятъ герои трагедіи г. Овчинникова: Цезарь на Фофанѣ, Валесъ на Карликѣ, Блѣобрысевская на Анаксагорѣ, Черномазенькая на Хапъ-Загрѣбѣ, Галатея на Себѣ-на-Умѣ, Плутусъ на Скупердяѣ....

— На Фарсальское поле вези меня! кричалъ одинъ изъ героевъ.

— На Дѣвичье поле! сказалъ я своему грифу.

— На берега Пеня! кричалъ кто-то своему возницѣ.

— А меня, пожалуйста, ссади вотъ у Москворецкой Набережной, сказалъ я грифу.

— Въ Аркадію! гаркнулъ какой-то герой позади меня.

— Хоть на Живодѣрку доставь меня, любезный грифъ.

Тутъ ко мнѣ присоединились, и летѣли рядомъ со мной: Бабли Завки, Толкотня и Голосня, Крикъ и Всполохъ, и нѣкоторые другіе герои г. Овчинникова.

Въ глазахъ у меня зарыбило, въ ушахъ зажуужало, полетъ усилился, воздухъ засвисталъ.... Я совершенно потерялся. Вдругъ свѣтъ бросился мнѣ въ глаза. Я пришелъ въ себя, и вижу себя у подъезда какого-то большого театра. Беру въ кассѣ билетъ и сажусь въ

креслы. Надо же какъ-нибудь поразсѣяться, и отдохнуть отъ болѣзненно-тяжелыхъ ощущеній и впечатлѣній моего путешествія.

Занавѣсь поднялся: — играютъ водевиль: *«Булочная, или Петербургскій Нѣмецъ.»*

— Это — 1-я часть извѣстнаго вамъ «Фауста»,» сказалъ мнѣ сосѣдь мой.

Я взглянулъ на него, и узналъ въ немъ Мефистофеля.

Холодный потъ выступилъ у меня на лицѣ.

Все перемѣшалось въ моемъ умѣ и воображеніи, перемѣшались всѣ впечатлѣнія: Гёте слился съ г. Овчинниковымъ, 1-я часть Фауста со 2-ю, «Булочная» съ «Рижскимъ Фаустомъ.»

А на сценѣ водевиль продолжается такъ:

Т а л е с ъ.

«Старикъ упоренъ, правда такова

Его, хрыча, крутая голова...

Причудливъ, человеку горе съ нимъ,

Хандрить закоренѣлый нелюдимъ;

Но узнаешь, что сбудется впередъ:

За то отъ всякаго ему почесть, —

И чествуетъ его и старъ и малъ;

Инымъ онъ даже дѣломъ помогать.

К л е й с т е р ъ.

Могу сказать, я точно мейстеръ,

А не простой мастеровой,

Каковъ Иванъ Ивановичъ Клейстеръ,

Нигдѣ не слыщется другой.

Васильской Островъ очень знаетъ

Меня по честности своей,

Самъ Частный Приставъ забираетъ

Здѣсь булки, хлѣбъ и сухарей.

Въ субботу встрѣтившись со мною,

Онъ этакъ сдѣлавши, сказалъ:

(прикладывая руку ко лбу.)

Гуть-моргенъ! и меня рукою

Онъ по плечу потрепетать.

Ф о р к л а д а *(объясняетъ.)*

Вотъ-тъ разъ мои голубы,

Только азъ да буки съ губы,

Вѣди съ глазъ, глаголь про любви,

Но на зубы вѣсти есть...

Слышите! заываютъ трубы,
Долетаетъ ропотъ грубый —
Отгадаи-ль, что за вѣсть

.....

Не у мѣста зорить въ оба!
Ты прелеста—ты же злоба
Помнишь кару Денѳоба?
Тебя злоба ждетъ и месть.

М а ш е н ь к а.

Какъ! не ужели?...

К л е й с т е р ь (Форкиадъ.)

Нѣтъ, вы меня помиловайте, я скоро зачну замѣшиваться, моя голова совсѣмъ сдѣлалась пустяки....

Ф а у с т ь.

Ты, гадкая вѣщуя, вѣчно гадишь
Отрадѣйшія вѣсти.... ты злорадна
Худому только и худымъ извѣтамъ.
Но въ этотъ разъ тебѣ не удалось....
Рыгав своимъ ты подыхомъ на воздухъ,
Чтобъ разошлось!...

К л е й с т е р ь.

Фи, какъ это совсѣмъ не корѣшо.... Какъ все это мнѣ досаду дѣлаетъ! не могу ни за что приниматься.... совсѣмъ куражъ потериваю!»

Раздался громкій вызовъ актеровъ и неистовые аплодисманы, похожіе на бой тысячи барабановъ....

Я проснулся съ сильной мигренью

Скрѣпя сердце, по своей журнальной обязанности, я долженъ былъ приняться оканчивать начатую рецензію.

Развертываю «предисловіе», читаю и не начитаюсь имъ; такъ оно любопытно, забавно, курьёзно, что хотѣлось бы его выписать все, но мигрень моя и предѣлы рецензіи не позволили мнѣ....

Ну хоть выпишу нѣсколько строкъ:

«Отступленія именно вотъ какія: «Дѣйствіе въ Спартѣ» прекрасное по-иѣмецки въ греческихъ *триметрахъ* (?!), но по разительному разглагольствію, едва ли соответствующее цѣлому, я передалъ *Пушкинскимъ ямбомъ*, примѣнивши его такимъ способомъ къ предшествующему и послѣдующему ходу пьесы, и *избѣжавъ тѣмъ высокопарной растянутости мысли* (?!)».

Странно! Ямбы у всѣхъ поэтовъ имѣютъ, въ тоническомъ отношеніи, одинакое свойство....

*Гдѣ же бы это были у г. Овчинникова Пушкинскіе ямбы?

Ф О Р М А Д А .

«Эй, Катышки-зломордки!

Къ намъ, къ намъ катитесь! расходитесь—есть
Вреда намъ здѣсь не вѣсть, да будьте вертки!
Сперѣ поставъ для главъ сыскавъ принести;
Тамъ ставъ треногій златорогій, въ ноги
Ему примкнуть въ упоръ приборъ—топоръ;
Тогда нужда-вода;—намъ крови многій
Смыть съ рукъ и съ ногъ припекъ; коверъ на соръ
Не мечь, какъ есть—нанести доброприлично
Для мертви-жертвы личной бездбычной
Язычной крали!» и т. п.

Не это ли Пушкинскіе ямбы, г. Овчинниковъ?

« — *За Гёте страшно мнѣ!*» Воскликнулъ я, прочитавъ эти Пушкинскіе ямбы и Гётевскаго Фауста въ переводѣ г. Овчинникова.

.....

Не читайте жъ, мои добрые читатели, «Фауста» г. Овчинникова, не читайте! Я имѣлъ столько самоотверженія, что прочиталъ его за васъ,

..... Чтобъ вамъ, читатели, сказать:
Его не надобно читать.»

— 2. —

Для чего жинился человекъ! Романъ. Соч. И. Крылова. 2 Ч. М. 1851. Стр. 126 и 158 въ 16 л.

Въ городѣ, отъ Никольской улицы до Ильинки, по всей Ножевой линіи тянутся такъ называемые *шкафчики* — лавки въ миниатюрѣ, съ разнообразнымъ галантерейнымъ товаромъ, который самъ за себя говоритъ: дешево и сердито. Лѣтъ 25 тому, въ одномъ изъ этихъ «шкафчиковъ» торговалъ Григорій Ивановичъ, «низенькій, плотненькій человекъ»; лѣтомъ онъ всегда ходилъ въ оливковомъ нѣсколько длинномъ сюртукѣ, по буднямъ довольно старомъ, и всегда сюртукъ у него былъ застегнутъ почти на всѣ пуговицы». Изъ этого послѣдняго обстоятельства можно заключить, что Григорій Ивановичъ былъ человекъ аккуратный, «солидный», какъ говорится, и это действительно было такъ. Доживъ до 35 лѣтъ, онъ не зналъ никакой страсти: не придерживался рюмочки, не любилъ ни трактировъ, ни картъ, даже оставался равнодушенъ къ хорошенькимъ личикамъ, потому что, не смотря на свой зрѣлый возрастъ, былъ еще не женатъ и не имѣлъ никакого «предмета» въ обожаніи. Но можно ли прожить человеку безъ страстей, можно ли вмѣсто сердца носить кусокъ льда, и горячую кровь замѣнить какою-нибудь дистиллированной жидкостью? Нельзя, рѣшительно нельзя, — и у безстрастнаго ко всему Григорія Ивановича была одна страсть — не просто какая-нибудь страстишка, развѣянная на мелочь, а страсть настоящая, грандіозная, кипучая, исполненная невыразимыхъ восторговъ и наслажденій, горя глубокаго и тоски безвыходной, у него была страсть... къ *соловьямъ*. Да, не удивляйтесь, къ соловьямъ—ни болѣе, ни менѣе. Не любилъ онъ ходить по трактирамъ: но если, бывало, услышитъ, что вотъ въ такомъ-то поэтѣ отличный соловей, то мигомъ сѣсть туда и готовъ просидѣть день. Не водилось у него большихъ денегъ—три тысячи рублей отцовскаго наслѣдства всѣ находились въ оборотѣ его мелочной торговли, — но за хорошаго соловья онъ не жалѣлъ ничего, и около десятка пернатыхъ пѣвцовъ всегда можно было найти у Григорія Ивановича: дневные висѣли въ Ножевой линіи, около его шкафчика, а ночные на квартирѣ,—и такимъ образомъ онъ почти ни на минуту не оставался безъ пѣсенъ своихъ любимцевъ; за то и частка ихъ кѣтокъ составляла важный предметъ его постоянныхъ заботъ.

Но вѣдь страсть къ соловьямъ невинная, безвредная, идиллическая, и разумѣется, что она не мѣшала слыть Григорію Ивановичу человекомъ хорошимъ, съ примѣрною нравственностію. А хорошихъ людей,

известно, не на каждомъ шагѣ встрѣтишь, и съ хорошимъ человѣкомъ никто не прочь познакомиться или породниться. На послѣднее особенно рассчитывали сосѣдки Григорія Ивановича, и болѣе всѣхъ одна вдова, у которой была дочь невеста. Дѣвушка была не дурна собою и не безприданница — двѣ тысячи рублей назначалось за нею; но сердце Григорія Ивановича было нечувствительно ко всему, кромѣ любезныхъ соловьевъ.... Разъ приходитъ къ нему въ городъ сосѣдка съ дочерью — будто бы купить крючковъ и ленточекъ, а на самомъ дѣлѣ, съ цѣлю заманить его къ себѣ въ гости, сблизиться покороче. Григорій Ивановичъ исправно продаетъ товаръ, а на хорошенькую покупательницу и не взглянуть. «Чтобы вамъ какъ-нибудь зайти къ намъ — напиться чаю, привѣтливо говоритъ мать. — «Некогда-съ», отвѣчаетъ онъ. — «Да по праздникамъ-то: вѣдь не все же вы торгуете?» — «По праздникамъ-съ я хожу въ Останкино соловьевъ слушать-съ», говоритъ Григорій Ивановичъ, и затѣмъ распространяется въ похвалахъ Останкинскимъ соловьямъ, а на хорошенькую покупательницу, не смотря на маленькое кокетство съ ея стороны, все-таки не обращаетъ вниманія. Сосѣдки ушли, мать оглянулась посмотреть, не провожаетъ ли глазами Григорій Ивановичъ ея дочку: куда-онъ запялся жаркимъ разговоромъ съ подошедшимъ лакеемъ, тоже соловьинымъ охотникомъ.

Спустя немного времени, къ Григорію Ивановичу прибѣгаетъ паренѣ съ Курскаго подворья, съ извѣстіемъ, что привезли новыхъ соловьевъ, извѣстіемъ, котораго нашъ охотникъ тревожно ждалъ цѣлые мѣсяцы, и заранѣе подкупилъ дворника, чтобы ему первому сообщена была дорогая вѣсть. Никто изъ охотниковъ не видалъ еще, не покупалъ соловьевъ изъ вновь привезенной партіи, и Григорій Ивановичъ могъ выбрать самыхъ лучшихъ. Онъ такъ и сдѣлалъ: стремглавъ бросился на подворье, купилъ пару отличнѣйшихъ соловьевъ, отдавъ за нихъ всѣ бывшія при немъ деньги — 75 руб., и, не слыша подъ собою земли, съ восторгомъ воротился въ городъ. По всѣмъ примѣтамъ, соловьи должны быть первостатейные; но чтобы вполне рѣшить этотъ вопросъ, надобно послушать, каково они поютъ, а поютъ они днемъ, денные же соловьи у Григорія Ивановича, какъ уже сказано, висѣли въ городѣ. Какъ же тутъ быть? На зарѣ раздастся первая пѣсня новокупленныхъ, а хозяина ихъ, у котораго сердце готово выскочить отъ радости, не будетъ здѣсь въ это время!... Полный ожиданій, Григорій Ивановичъ хотѣлъ-было вочевать въ городъ, чтобы первому насладиться пѣніемъ соловьевъ; но убѣжденія радскаго сто-

рожа, что такой оказіи никогда еще не бывало, и что радскія собаки могут закусать страстнаго охотника, поколебали рѣшимость Григорія Ивановича, и онъ согласился провести критическую почъ дома, съ тѣмъ однакожъ, чтобы сторожъ, знавшій толкъ въ соловьяхъ, непременно прослушалъ на зарѣ ихъ первую пѣсню.

Раннимъ утромъ поспѣшили Григорій Ивановичъ въ городъ. Дорого ему попалась знакомая торговка, она же и сваха, и завела-было рѣчь о хорошенькой сосѣдкѣ; но Григорій Ивановичъ и слушать ее почти не сталъ. По извѣстію сторожа, соловьи въ самомъ дѣлѣ оказались отличные, пѣли на зарѣ удивительно, и счастливый обладатель ихъ вскорѣ убѣдился самъ въ справедливости этого показанія. Полное блаженство для Григорія Ивановича: ни у кого нѣтъ такихъ соловьевъ, ни одинъ изъ извѣстныхъ ему не выдѣлываетъ такихъ трелей, не заливается такимъ звонкимъ колокольчикомъ, какъ его соловьи.... Двѣ недѣли Григорій Ивановичъ былъ счастливъ вполнѣ.

«Вдругъ, послѣ вечерней, подошелъ къ его шкафику, можно сказать, самъ дьяволъ (!!) въ образѣ промотавшагося челоѣка, съ краснобронзовой, опухшей рожей, съ черпой подстриженной бородкой и съ площаднымъ взглядомъ. Это былъ сводчикъ, знавшій толкъ въ соловьяхъ, маклеровавшій ими и еще другими предметами, и сносившій въ трактиры и питейные дома все деньги, получаемыя имъ за маклерство». Прозваніе этому искусителю было Волчокъ. Григорій Ивановичъ началъ говорить ему о своихъ Курскихъ соловьяхъ. «Что твои соловьи!» отвѣчалъ Волчокъ, и сталъ рассказывать про новаго соловья, который только-что появился въ Москвѣ. «Гдѣ же?» робко спросилъ Григорій Ивановичъ. «Близъ Грузинъ, въ трактирѣ у Мосея. Съ недѣлю привезъ этого соловья изъ Курска какой-то управляющій, да и повѣсилъ на продажу къ стародавнему дружину своему Мосею. Шутъ возьми! Жалко, не долго нависитъ въ трактирѣ такая штука-канція, какъ разъ подѣпятъ, не пожалѣютъ чистагану. Ужъ есть не одинъ купчина, съ перваго слова полторы тысячи рублей вынимаютъ, да велѣно просить двѣ съ половиной. А по секрету, по-пріятельски, шепнулъ мнѣ Мосей: управителю крайняя нуждація въ деньгахъ, и велѣлъ онъ, пострѣлъ, коли больше дзвать не стануть, отдать и за двѣ. Просто, братъ родимый, Григорій Ивановичъ, пять тысячъ стоитъ соловей. Шестой десятокъ живу я, старый хрычина, а сродясь не слыхивалъ такого соловьицу, а я ли ужъ на своемъ вѣку соловьевъ не переслушалъ — да все то дрянъ, дрянца передъ этой восхитительной штукой. Просто тебѣ доложить, да и продолжить, дружину заклады-

ный, такъ этотъ соловьиный поетъ, что и сказать-разсказать не въ могути! А громко-то какъ! Инда на другомъ концѣ улицы все пролито».

Могъ ли утерпѣть Григорій Ивановичъ, чтобы не послушать такой рѣдкости! Давъ Волчку четвертакъ на чай, онъ тотчасъ же отправился съ нимъ въ Грузины.

«Трактиръ, къ которому, по указанію Волчка, подлетѣлъ на извозчикѣ нашъ Григорій Ивановичъ, принадлежалъ къ числу самыхъ худшихъ *уличныхъ* (?) трактировъ, въ отношеніи кушанья и чаю, но онъ, въ то время, славился по всей Москвѣ своимъ билліардомъ, а главное, непобѣдимымъ игрокомъ маркеломъ, дѣлавшимъ всю партію, не выпуская кія изъ рукъ, и еще чуднымъ торбанистомъ. Главная же нажива этого трактира состояла въ томъ, что онъ служилъ любимымъ мѣстомъ гулякъ, для которыхъ и находились въ немъ особенныя каморки во второмъ этажѣ. Въ немъ было гораздо грязнѣе и душнѣе, чѣмъ въ другихъ *уличныхъ* трактирахъ. — Кожаные диваны вокругъ стѣнъ и старые тяжелые, кожаные стулья около длинныхъ столовъ, покрытыхъ пожелтѣвшими скатертями, были стары да и перестары; а висѣвшая посреди главной залы, почернѣвшая отъ табачнаго дыма, бронзодеревянная люстра утратила уже почти всѣ граненыя стеклушки. — По старой загрязненной лѣстницѣ Григорій Ивановичъ вошелъ, вслѣдъ за Волчкомъ, въ первую комнату. Тутъ за каткомъ буфета, установленнаго фарфоровою посудой, хрусталемъ и графинами съ водками всѣхъ сортовъ, стоялъ въ черномъ сюртукѣ, подпоясанномъ бѣлымъ фартукомъ, плотный, средняго роста русакъ, съ подстриженою краснорыжею бородкою и плутовскимъ лицомъ. Это былъ хозяинъ трактира, столь извѣстный Московскимъ гулякамъ, Мосей. Волчокъ раскланялся съ нимъ, какъ съ стариннымъ пріателемъ, который чрезъ него, Волчка, получалъ и получаетъ, хотя съ грѣхомъ пополамъ, хорошую прибыль отъ гулякъ. Волчокъ спросилъ у него о знаменитомъ соловѣѣ, и къ неопisanному восторгу Григорья Ивановича, Мосей объявилъ, что соловей еще не проданъ, но прибавилъ, что навѣрное днями продается, потому что много есть купцовъ. Послѣ этого Волчекъ отрекомендовалъ Мосею Григорья Ивановича, какъ страстнаго соловьиного охотника, выпилъ съ шуточками задаромъ рюмку балзаму, и закусивъ кусочкомъ ветчины, повелъ Григорья Ивановича къ диковинному соловью»...

Скоро настала желанная пора—время пѣть соловью (онъ былъ почвой), и когда «любимецъ и пѣвецъ Авроры»

....Лягать свое искусство стать,
Защелкать, заснистать....

Григорій Ивановичь обомлѣлъ отъ восторга. Такого соловья онъ, точно, не слыхивалъ съ роду; Волчокъ не солгалъ. — Прослушавъ соловья до глубокой полночи, Григорій Ивановичь дома не могъ сомкнуть глазъ, мучимый мыслию, какъ бы приобрести диковиннаго пѣвца. Для этого непременно надобно двѣ тысячи рублей, а гдѣ ихъ взять? Если распродать весь товаръ, то, по скорости, едва ли выручишь такую сумму. Двѣ тысячи рублей.... только двѣ тысячи — и счастье на цѣлую жизнь! И крѣпко Григорій Ивановичь пожалѣлъ, зачѣмъ онъ не богатъ.... Вдругъ счастливая мысль освѣтила его опечаленную голову. Двѣ тысячи: да именно столько и даютъ за невестою, за хорошенькою сосѣдкою. Стало быть, стоитъ только жениться, и тогда соловей нашъ. Ухватившись за эту спасительную мысль, Григорій Ивановичь не раздумывалъ ни минуты, и тѣмъ же утромъ побѣжалъ къ свахѣ, она же и торговка, той самой, чьи брачныя предложенія онъ, нѣсколько дней тому, отвергъ рѣшительно. «Жить не могу безъ нея, влюбленъ безъ ума», говорилъ онъ свахѣ, упрасывая устроить свадьбу съ сосѣдкою, какъ можно скорѣе, и общая ей богатые подарки за хлопоты. Мать и невеста, разумеется, съ радостію приняли предложеніе желаннаго жениха, а онъ, съ своей стороны, поспѣшилъ дать задатокъ за драгоценнаго соловья, съ обязательствомъ принять его отъ Мосея не позже какъ черезъ недѣлю. Снова сдѣлался счастливъ Григорій Ивановичь, воображая себя обладателемъ «единственной въ мірѣ птицы», и разсчитывая, что за «подсадку» къ такому соловью молодыхъ, еще не наторѣвшихъ въ пѣши, онъ будетъ брать по 50 рублей.... Вотъ, остается до свадьбы только четыре дня, мечты близки къ осуществленію, Мосей напоминаетъ о скоромъ срокѣ.... Невѣста сдѣлалась больна. Григорій Ивановичь въ отчаяніи: что, если она захвораетъ не на шутку, срочное время пройдетъ, и Мосей продастъ соловья другому охотнику! Однако, невеста скоро выздоровѣла, и въ дѣвичникъ, въ роковой день, когда, по условію, непременно слѣдовало принять соловья, Григорій Ивановичь получилъ двѣ тысячи рублей; о прочемъ приданомъ своей суженой онъ не заботился, и какъ только стало можно оставить дѣвичникъ, бросился въ Грузины, къ Мосею. Отданы деньги за соловья, съ прибавкою за клетку, «вспрыснута» шипучимъ драгоценная покупка, напоспѣ допелъ Волчокъ, — и Григорій Ивановичь ставится законнымъ и полнымъ хозяиномъ несдыханнаго соловья. А дома у него, на новой

квартирь, нанятой по случаю женитьбы, уже приготовлено мѣсто для дорогаго гостя: еще наканунѣ дѣвчаника онъ купилъ винтовой крючекъ и велѣлъ плотнику ввернуть его въ потолокъ. «Что, крѣпко ли ввернулъ-съ»? заботливо спросилъ онъ, когда плотникъ окончилъ свою работу. — «Да такъ крѣпко, что хоть самъ вѣшайся», отвѣчалъ тотъ. Григорій Ивановичъ исполнилъ совѣтъ этотъ въ половину — повисъ обѣими руками на крючекъ, и крючекъ выдержалъ. Значить, двухъ-тысячный соловей могъ висѣть въ клеткѣ безопасно....

Свадьба. Пируютъ гости у новобрачнаго, веселѣ и самъ Григорій Ивановичъ, съ минуты на минуту ожидая, какъ запоетъ его двухъ-тысячное сокровище. Но для полноты удовольствія ему очень хочется, чтобы и гости послушали, вмѣстѣ съ нимъ, рѣдкостнаго соловья. «Умрете, не услышите, говоритъ онъ, ума рахнетеся, ахти мнѣ скажете, обѣими руками за голову ухватитесь.... Какъ онъ начнетъ-съ выдѣлывать, будь я распроклятъ-съ, словно молоточкомъ-съ, такъ чисто-съ, такъ ровно-съ: тюфи, тюфи, чѣкъ, чѣкъ, тры-ы-ы».... И засвистѣвшій новобрачный подъ конецъ затрещалъ на всѣ комнаты. Гости смѣются, принимаютъ за шутку эту выходку, такъ же, какъ и серьезное замѣчаніе Григорія Ивановича, что соловей не въ примѣръ лучше всякой жены,—пьютъ за здоровье соловья, и наконецъ расходятся.

Григорій Ивановичъ остается одинъ — съ молодой женою и съ любезнымъ соловьемъ, на которомъ сосредоточены всѣ его думы и заботы. «Скоро долженъ запѣть, сейчасъ запоетъ», думаетъ онъ, подщеливается и подсвистываетъ, водить ножомъ по блюдечку, чтобы «раздразнить» соловья: нѣтъ, соловей продолжаетъ молчать. «Вѣрно еще не оглядѣлся на новомъ мѣстѣ», заключаетъ свои ожиданія Григорій Ивановичъ, и, не совсѣмъ спокойный, отправляется спать.

Между тѣмъ, сваха, принимавшая дѣтальное участіе во всѣхъ хлопотахъ по свадебному пиру, устроила себѣ постель у дверей спальни новобрачныхъ; но едва улеглась, какъ вдругъ свиснулъ соловей. «Быстрѣй молніи отворилась дверь изъ спальни, и новобрачный въ костюмѣ, въ которомъ остаются на сонъ грядущій, выглянулъ въ дверь и поспѣшно спросилъ радостнымъ голосомъ сваху: «Степанида Кузминична, кажется, свиснулъ-съ»? — «Свиснулъ, свиснулъ, ложитесь спать, ужъ время», проговорила сваха, завертываясь съ головою въ одеяло, бывшее у Григорія Ивановича холостаго. — «Слава Богу-съ, вѣрно ужъ запоетъ нынѣшнюю ночь-съ», отвѣчалъ новобрачный, уда-

длась въ спальню и не притворяя за собою двери. Сваха, видя это, встала и затворила дверь въ спальню.... Не спала, а такъ лежала сваха, и не прошло четверти часа, соловей сдѣлалъ тихое, небольшое, мгновенное колѣнцо. Снова быстро отворилась дверь, и опять, по прежнему, новобрачный, просунувъ голову въ дверь, спросилъ еще болѣе радостнымъ голосомъ: «Степанида Кузминична, кажется-съ, колѣнцо сдѣлалъ-съ?» — «Сдѣлалъ, сдѣлалъ, да ложись спи, полно съ соловьемъ возиться», сердито проговорила сваха. Григорій Ивановичъ снова ушелъ въ спальню и опять нарочно не затворилъ дверь. Дѣлать нечего, сваха снова встала и стала затворять дверь. — «Не затворяйте-съ, Степанида Кузминична-съ, я буду слушать-съ», закричалъ умоляющимъ голосомъ герой нашъ. — «Какъ же, на-тебѣ, не затворю», проговорила сердито сваха, — и затворивъ дверь, снова легла на свою постилку, ворча и проклиная соловья. Но не прошло спокойно и пяти минутъ, какъ вдругъ соловей запѣлъ, запѣлъ чудно, но сваха не чувствовала прелести этого пѣнія, потому что быстрый прежняго растворилась изъ спальни дверь и предсталъ среди комнаты новобрачный; тихо, восторженно смѣясь, онъ чуть-чуть похлопывалъ въ ладоши, и поворачиваясь, босикомъ, съ ноги на ногу, радостно шепталъ свахѣ: «Запѣлъ-съ, запѣлъ, Степанида Кузминична-съ!»

Насилу прогнала его сваха на прежнее мѣсто, и, полная негодованія на эти неприличные, по ея мнѣнію, поступки, рѣшилась, во что бы то ни стало, заставить соловья молчать. Схвативъ свою кацавейку, она принялась махать ею надъ бѣднымъ пѣвцомъ, и тотъ, перепуганный, дѣйствительно долженъ былъ замолчать. Прошло нѣсколько минутъ, онъ снова подалъ-было голосъ, но сваха тотчасъ же обратилась къ своему оружію, и такъ неловко махнула кацавейкою, что зацѣпила за кѣтку и выломала изъ нея два прута. Сгоряча она и не замѣтила своей продѣлки, и такъ какъ соловей замолкъ совершенно, то она и улеглась, вполне довольная, что исполнила свою обязанность — дать покой новобрачнымъ....

Какое славное утро! Какъ довольна сваха, ожидающая обѣщанныхъ за сватовство подарковъ! Какъ весело смотритъ Григорій Ивановичъ, наряженный въ красивый халатъ!... Вотъ онъ заботливо подставляетъ стулъ къ кѣткѣ, чтобы полюбоваться своимъ сокровищемъ, влѣзаетъ, смотреть — кѣтка пуста.... пуста, нѣтъ никакого сомнѣнія! Гдѣ же соловей? Нѣтъ его ни въ кѣткѣ, ни въ комнатѣ, нѣтъ нигдѣ.... Григорій Ивановичъ потерялъ голову, поблѣднѣлъ, затрясся.... Влигъ

подозрѣніи его обратились на сваху: она, разбойница, мудрила вчера надъ соловьемъ. Разсвирѣпѣвъ отъ гнѣва и отчаянія, онъ грозно бросился на бѣдную Степаниду Кузминичну. «Гдѣ мой соловей? Куда ты его дѣвала?» допрашиваетъ онъ ее, какъ инквизиторъ осужденную жертву. Сваха божится и клянется, на чемъ свѣтъ стоитъ, что и знать не знаетъ, куда дѣвался соловей; молодая жена горько плачетъ и упрасиваетъ разъяреннаго мужа успокоиться: Григорій Ивановичъ не слышитъ ничего, и все сильнѣе да сильнѣе наступаетъ на сваху. Не добившись ничего отъ виновницы своего несчастья, онъ заперъ ее въ чуланъ, а самъ побѣжалъ въ полицію, грозя сослать сваху въ Сибирь. На порогъ его встрѣтили-было съ поздравленіями рядскіе сторожа, принесшіе пару гусей, перевязанныхъ розовыми лентами, и Волчокъ, ожидавшій богатой попойки; но новобрачный, не слушая ни поздравленій, ни разспросовъ, растолкавъ толпу и бѣгомъ бросился въ Часть.... Здѣсь, конечно, ему не могли оказать никакой помощи: «не такая вещь соловей, чтобы разыскивать его.» Лишь писарь посоветовалъ неутѣшному герою купить въ Охотномъ ряду какую-нибудь птицу на счастье: славныя попадаютъ. Григорій Ивановичъ не могъ уже чувствовать оскорбительности такихъ совѣтовъ для себя, какъ для охотника: онъ терялся болѣе и болѣе. На дорогъ домой ему встрѣтилась новая надежда въ видѣ повара, любителя соловьевъ, который, сочувствуя горю Григорія Ивановича, взялся допросить сваху; но исполнилъ это такъ неудачно, что она успѣла выскочить изъ чулана, куда засадилъ ее новобрачный....

Но куда же въ самомъ дѣлѣ дѣвался соловей, какимъ образомъ онъ вылетѣлъ? Очень просто. Помните, какъ сваха выдернула кацавейкою два прута изъ кѣтки? Ну, а вечеромъ, во время свадебнаго, пира, въ окнѣ была открыта форточка, для освѣженія воздуха,—въ нее-то и выпорхнулъ двухъ-тысячный соловей....

Какъ бы то ни было, но эта пропажа погубила Григорія Ивановича безвозвратно. Жена была ему въ тягость, торговля шла изъ рукъ.... Лѣтъ черезъ десять, мы видимъ его уже не въ Ножевой линіи, толкующаго у своего шкафчика о новыхъ соловьяхъ, или продающаго шпильки, не въ оливковомъ сюртукѣ, не съ благообразнымъ лицомъ: Григорій Ивановичъ только и знаетъ, что слоняется по трактирамъ и подобнымъ заведеніямъ, да поетъ соловьемъ для всякаго, кто поднесетъ рюмку водки. Домой онъ не кажетъ глазъ иногда по недѣлѣ. Жена, вмѣстѣ съ своею матерью, трудами рукъ кормятъ его самого и двухъ

малютокъ.... Кружился, кружился несчастный Григорій Иванович, и наконецъ, «отдалъ послѣдній долгъ природѣ.»

Мы подробно рассказали содержаніе романа г. Крылова, потому что, какъ попытка представить тишь изъ немногимъ извѣстной области Русскаго «спорта,» онъ заслуживаетъ вниманія и имѣетъ свои достоинства; но какъ романъ, онъ не столько, удовлетворяетъ требованіямъ критики — Изъ Волчка, едва обрисованнаго у автора, также могло бы выйти типическое лицо. Намъ кажется, что авторъ безобидно бы для своего произведенія могъ назвать его рассказомъ или очеркомъ, и тогда читатель не въ правѣ бы отъ него требовать того, что требуется отъ романа. Если же смотрѣть на сочиненіе г. Крылова, какъ на рассказъ, то и при этомъ придется сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Рассказывая большею частію довольно просто, авторъ не грочъ и отъ натянутыхъ выраженій. Сюда же отнесемъ такія мѣста, какъ напр. сравненіе Григорія Ивановича съ Наполеономъ, или разговоръ двухъ купцовъ въ трактирѣ, которые объясняются между собою нелѣпо-искусственнымъ языкомъ. Мѣстами повредило автору и желаніе быть моральнымъ, высказать кое-какія сентенціи, которыя какъ-то дико пестрѣютъ среди рассказа о соловьиномъ охотникѣ. Замѣчательны эпиграфы, избранныя имъ къ своей книгѣ: къ 1-й части: «Чрезмѣрная страсть и къ предметамъ безвреднымъ не то же ли безуміе?», а ко 2-й: «Безъ душевной добродѣтели человекъ и самаго прекраснаго поведенія можетъ сдѣлаться безпутнымъ.» Эпиграфы эти собственнаго сочиненія автора, и повторены имъ въ видѣ сентенцій на страницахъ книги. Изъ этой же любви къ морали, авторъ представилъ жену Григорія Ивановича какимъ-то идеаломъ добродѣтели, отъ чего заключеніе романа рѣзко противорѣчитъ всему рассказу; подобные идеалы, и при такихъ обстоятельствахъ, встрѣчаются въ жизни еще рѣже, чѣмъ такіе страстные охотники, какъ Григорій Ивановичъ....

Пожелаемъ, чтобы авторъ принялъ къ свѣдѣнію эти замѣчанія, и въ слѣдующемъ своемъ произведеніи, которое, въ уровень къ первому, онъ можетъ озаглавить такъ: «Для чего живутъ люди?» или представилъ намъ болѣе возможности отдать справедливость извѣстной степени его дарованія. К.

СТИХОТВОРЕНІЯ И КУПАВТЫ, изъ ненапечатанныхъ во-
девилей. Сочиненіе *Альфреда-Фонъ-Юнка*. Кіевъ. Въ типо-
графіи Губернскаго Правленія. 1851.

Новость, новость, читатели! стихотворенія Альфреда Фонъ-Юнка!
Оставьте же литературу, давно сиротѣвшую безъ поэтовъ, давно заня-
тую только прозой, и обратите вниманіе на «Стихотворенія» г. Фонъ-
Юнка.

«Свободныя минуты,» говоритъ въ предисловіи авторъ, «я посвя-
щалъ литературнымъ занятіямъ и на досугъ времени, набрасывалъ
на бумагу легкіе не-большіе стихотворенія, *которыя въ настоящее*
время рѣшился передать безпристрастному суду критики и читателямъ».
(*Мы сохраняемъ въ точности орфографію и синтаксисъ подлин-
ника*). Будутъ-ли они правиться, найдутъ-ли ихъ хорошими и достой-
ными печати, — этого я не знаю, но отъ-души, желалъ-бы, чтобы
тотъ, который удѣлитъ свободный часъ бесѣдовать съ этой
двигой, нашелъ хотя не большое развлеченіе въ минуту посвященную
для прочета моихъ трудовъ» (стр. 4.).

Г. Юнкъ слишкомъ скромнѣе; мы увѣрены, что страстные люби-
тели стиховъ, любители, которые, за недостаткомъ или скудостью
новыхъ стихотвореній, принялись было изучать старыя на конфетахъ,
папиросахъ, эпиграфахъ и тому подобныхъ различныхъ надписяхъ, най-
дутъ *большое развлеченіе при прочетѣ* стихотвореній Г. Юнка.
Этого мало; они сошьютъ новыя тетради, куда впишутъ ихъ всѣ безъ
исключенія. Вотъ, на примѣръ:

П о ц л у й.

(съ Польскаго).

« Какой душка мотылекъ ,
Что порхаетъ между розъ ,
Ты поймай его, дружокъ ,
Вотъ летить.... садится ужъ.... »

— Что-жъ въ награду?... ужъ напрасно
Долженъ бѣгать по буграмъ?...

— Что-же хочешь ты такое?...

« Поцлуй! » — Дамъ, дамъ, дамъ !

Одея спрыгнулъ въ то-жъ мгновеніе,

Соня смотритъ. За нимъ вслѣдъ

Онъ летитъ, какъ будто геній,

Онъ хватается свой предметъ....

— Но!... возьми его шалуя, '
 Что за тѣни, что за цвѣтъ....
 Общала поцѣлуя,
 А его, все нѣтъ, — какъ нѣтъ!...
 — Поцѣлуя общала?...
 Я для шутки, такъ сказала....
 Чтобъ поймалъ мнѣ не шутя — '
 Сони нѣтъ — она ушла!
 « Эхъ! шутить я не умѣю,
 Да и въ шуткахъ что за прокъ! »
 Побѣжалъ въ погонь за нею....
 Вотъ догналъ и въ губки цмокъ!... (стр. 11.).

Прекрасно, неподобно! Неужели вы, читатель, не чувствуете при чтеніи этихъ стиховъ удовольствія, не видите въ нихъ признака истинной поэзии? Удивляемся!... Что касается до насъ, то мы восхищаемся ими до самозабвенія. Пораженные богатствомъ рѣмъ, благозвучіемъ стиховъ, правильностію грамматическихъ формъ, мы не осмѣлились даже подчеркнуть въ нихъ замѣчательныхъ особенностей, потому что всѣ безъ исключенія стихи г. Юнка чрезвычайно замѣчательны.... Но, можетъ быть, вамъ понравятся слѣдующія, подъ заглавіемъ «Красотка.» Замѣтимъ мимоходомъ, что другіе поэты назвали бы ихъ «Красавица,» но то поэты обыкновенные; г. же Юнкъ, какъ поэтъ, соединившій въ себѣ всѣхъ предшественниковъ и послѣдователей, имѣетъ свою самобытность, ему одному свойственную и ему одному неоспоримо принадлежащую. Просимъ выслушать.

К Р А С О Т К А.

Легка, какъ Діана, красотка стояла
 У зеркала въ спальнѣ своей;
 Волнистыя косы она заплетала
 Съ головою полной волшебныхъ идей.

И русыя кудри на выпуклы перси
 Струєю небрежной неслись....
 И птичекъ весенній, звонкія пѣсни
 Съ шелестомъ кудрей слились!...

Невиннымъ румянцемъ щеки пылали,
 Грудь въ корсетъ у ней трепетали,
 Слезой перловой глаза налились,
 И мысли о другѣ у ней родились.

*Къ сердцу рученку она приложила,
 Съ шопотомъ имя его повторила....
 И спрную кляту въ любви дала,
 Что мыслью и сердцемъ ему предана.—(стр. 13.).*

Сколько въ этихъ стихахъ чувствъ, мыслей! Неужели и эти для васъ, читатель, изъ рукъ вонъ дурны? Ну, по крайней мѣрѣ, полюбуйтесь мелкими стихотвореніями, на примѣръ:

Э П И Г Р А М М А.

— Здорово другъ! да что съ тобой,
 Ты ужъ не тотъ, совсѣмъ другой;
 Ты похудѣлъ, въ лицѣ перемѣнился —
 Скажи, что сдѣлалось съ тобой?!...
 « Вло...бл...ся!... » (стр. 18.).

Какъ остро, ѣдко! Вѣдь одарить же Богъ людей такимъ талантомъ! А талантъ г. Юнка рѣшительно на каждой страницѣ, въ каждомъ стихѣ ярко, очень ярко сверкаетъ. На примѣръ, романсъ:

Б а б о ч к а.

Я люблю рѣзвиться,
 Бѣгать и играть,
 Тамъ повеселится —
 Бабочку поймать!
 Бабочка моя,
 Я люблю тебя!...

Какъ ты не металась,
 Не ушла меня,
 Какъ ты забавлялась,
 Душечка моя!
 Бабочка моя,
 Я люблю тебя!...

Сколько я порхала
 Душка за тобой...
 Наковецъ поймала,
 Назову своей!
 Бабочка моя,
 Я люблю тебя!...

Сколько я трудилась,
 Чтобъ тебя поймать

Сколько ты кружилась
Начавши летать ?

Бабочка моя ,
Я люблю тебя !

Ты на розу села
Я къ тебѣ *крадусь*,
Вдругъ ты улетѣла....
За тобой гонюсь !

Бабочка моя ,
Я люблю тебя !

Какъ-же ты трудилась
Скрыться отъ меня ;
Какъ ты утомилась
Душечка моя !

Бабочка моя ,
Я люблю тебя !...

Чудо ! твои крылья
Золотомъ горять....
Посмотри Эмеля
Можно срисовать !

Бабочка моя ,
Я люблю тебя ! (стр. 29.).

Неужели и послѣ этихъ стиховъ наши меломаны будутъ жаловаться, что имъ нечего пѣть, нечего переключивать на музыку? Какихъ же лучше имъ стиховъ? Какая въ нихъ мелодія, какая вѣрность въ самомъ даже размѣрѣ!... И чего, чего вѣтъ въ «Стихотвореніяхъ» г. Юнна! Вотъ куплеты изъ ненапечатанныхъ оригинальныхъ водевилей:

П р и д а н о е.

(Изъ драмы-водевиля: «Басни И. А. Крылова»).

Онъ былъ ласковъ со мной
И любилъ всей душой:
Анну Линдорфъ, сиротку безъ крова;
Хотя дѣлалъ упрекъ,
Но то былъ мнѣ урокъ,
Въ немъ ужъ не было гнѣвнаго слова.
Отчего? спросать вѣдь,
Въ немъ желанья одинъ
Чтобъ упрочить несчастную дѣву;
Онъ меня уважалъ
И какъ дочь почиталъ,

Не видала я злости и гнѣву!...

Ужъ на смертномъ одрѣ,

Такъ сказалъ дядя мнѣ:

« Вотъ басни Ивана Крылова.

« Онъ вѣдь Русской пѣвецъ

« И пусть будетъ отецъ

« Сиротки несчастной, безъ крова!... »

(*Стаиваются на колѣни*).

Безцѣнный этотъ талисманъ,

Отрадой первой для меня!

Онъ мнѣ покойнымъ дядей данъ,

Чтобъ жизнь счастливою была.

Къ Творцу съ молитвой возношуся,

Чтобъ Онъ помиловалъ меня....

Къ Тебѣ, о счастіи молюся

Сиротка молить у Тебя!... (стр. 39).

Каковы куплеты? Сколько въ нихъ ѣдкости, какая вѣрность характеровъ!... Возьмемъ хотя еще

М о р я к ъ.

(Изъ комедіи-водевиля: « Недоумѣніе Моряка »).

Честь имѣю къ вамъ пребыть,

Съ моимъ глубокимъ уваженьемъ,

И любовь всю изъяснить,

Съ невыразимымъ умиленьемъ! —

Нѣтъ нужды въ томъ, что я морякъ,

Но сердце жаркое у насъ....

И только тронуся на шагъ,

То тотъ-часъ атакую васъ....

У моряка, вѣдь сердце странно,

Дороже нѣтъ его у насъ... ..

А для любви, ужъ такъ пространно,

Что акуратно какъ компасъ!...

Ужъ какъ любовь не будетъ зорка,

Но мимо сердца не пройдетъ....

Ея магнитная игла,

На Нордъ той страсти попадетъ. —

При много видѣлъ я чудесъ

На берегахъ и кораблѣ,

Подъ сводомъ даже и небесъ... ..

Что вижу здѣсь, — того ни гдѣ!...

Признаться видѣлъ я любовь,
 На берегахъ Гвиней даже....
 Туда бы радъ летѣть я вновь,
 Если-бъ десяткомъ бытъ моложе....

Въ любовной нынѣшней тирадѣ,
 Я нахожу ничтожный прокъ....
 Мнѣ все не въ ладъ, — я къ ретирадѣ —
Куришь сигару и пьешь грокъ!... (стр. 46).

Чудо, неподобно, неподражаемо!!... Наконецъ «Куплеты изъ переводныхъ водевилей:»

Р о м а н ы.

Романы всѣхъ съ ума свели,
 Къ чему они? — Совсѣмъ не надо!
 Мужей ругаютъ, *Дегриньи*...
 А женъ дразнятъ, *Иродіада!*...
 Кто богатъ, всѣ величаютъ:
 Какимъ-то *Графомъ Монте-Кристь*,
 А хитрецовъ всѣхъ называютъ:
 Безъ-человѣчный *езуитъ!*...
 Всѣ *Агасферы* да *Потосы*
 И *Фарингеа* вверхъ пошли
 А то, не знаютъ, что *Атосы*,
 Съ кармановъ деньги унесли!...
Дюма, и *Сю* нашли методу,
 Какъ деньги пріобрѣсть легко,
 «*Три мушкетера*» пошли въ моду
 Тутъ принялись: за «*Монсоро*»,
 За «*Сына Тайны*» и «*Марго!*...» (стр. 63.).

Вы, читатель, можете быть, подумаете, что мы выбрали изъ «Стихотвореній» г. Юнка только самое худшее... виноваты! наилучшее? Смѣемъ увѣрить, нѣтъ. Въ нихъ все въ такомъ же родѣ, все образецъ, начиная отъ предисловія и до виньетки послѣдняго листка, и выбора тутъ быть не можетъ. Мы не осмѣлились бы даже говорить о книгѣ г. Юнка и тѣмъ занимать лишнюю страницу въ журналѣ, если бы не предвидѣлась опасность.... опять виноваты! отрадная надежда читать въ печати «оригинальныя и переводныя водевили» г. Юнка, которыхъ превосходныя куплеты отчасти уже напечатаны въ настоящее время. Мы хотѣли бы высказать при этомъ наше мнѣніе о писателѣ вообще, и о поэтѣ въ особенности, и слѣдовательно, кто можетъ и долженъ

писать и печататься; но это было бы очень смѣшно, потому что совершенно неприложимо къ стихамъ г. Юнка, произведенія его слишкомъ ясно и рѣзко говорятъ за талантъ своего автора. Мы отъ глубины души жалѣемъ, что вынуждены были, чтобъ предостеречь читателей и особенно любителей стиховъ отъ увлеченія новостію книги г. Юнка, употребить золотое время на прочтеніе ея и занять мѣсто въ журналѣ выписками изъ нея. Удивляемся, что въ Кіевѣ не нашлось никого изъ знакомыхъ г. Юнка, кто бы могъ его предостеречь отъ смѣлости печатать свои стихотворенія и притомъ еще назначать за нихъ цѣну рубль серебра, а если кто совѣтовалъ ему печататься, то это самая злая насмѣшка, какую только выдумывалъ когда-либо человѣкъ надъ своимъ ближнимъ. *Н. Р.-Р.*

Современникъ. № X. Октябрь.

Мертвое озеро, къ немалому удивленію читателей, а можетъ быть и къ таковому же своимъ авторовъ, заключилось наконецъ пятнадцатою частію и эпилогомъ. Благополучно ли приведено оно къ окончанію — это другой вопросъ; дѣло въ томъ, что оно приведено. Простимся же и мы съ нимъ, но на прощанье перескажемъ подробно похождения Ани, на которыхъ остановились при разборѣ предшествовавшаго № журнала.

Вы помните, вѣроятно, что Аня (она же и Любская) принуждена была бѣжать изъ того города, въ которомъ была она актрисой на провинціальномъ театрѣ, отъ преслѣдованій Федора Андрейча, мелодраматически-эффектно закончившаго своимъ появленіемъ одну изъ прежнихъ частей романа. Послѣ этого, мы потеряли Любскую совсѣмъ изъ виду, какъ потеряли изъ виду множество другихъ лицъ — и встрѣтились съ нею только въ тринадцатой части. Любская, какъ мы видѣли, значительно измѣнилась — и прежняя, довольно граціозная, хотя нѣсколько своевольная Аня, обратилась въ наглую актрису, по желанію авторовъ. Разскажемъ, слѣдуя имъ, какъ это произошло.

Любская уѣхала изъ города N совершенно одна, и на дорогѣ подверглась различнымъ непріятностямъ, особенно отъ нѣкотораго краснощекаго господина, по имени Флегонта Савича, пока ее не привялъ подъ свое покровительство другой господинъ, по имени Маркъ Семенычъ. Отношенія къ ней Марка Семеныча съ перваго же раза обозначились очень нѣжно. Онъ ухаживалъ за ней въ продолженіи всей дороги, и разъ даже, выпивши лишній стаканъ вина, предложилъ ей свою друж-

бу. Кромѣ дружбы и изліяній, довольно тягостныхъ для Любской, онъ предложилъ ей быть гувернанткою его дѣтей. Маркъ Семенычъ хотя и не совсѣмъ удался авторамъ романа, но задуманъ ими довольно хорошо. Онъ несчастенъ въ своей семейной жизни, но скрываетъ свое несчастіе, — наклоненъ къ слезливости и хандритъ почти постоянно, но самъ стыдится своей слабости. Упрашивая Любскую занять мѣсто въ его домѣ, и слушая возраженіе ея, что она можетъ учить только русскому языку, онъ отвѣчаетъ ей: «Это самый важный предметъ! Я «былъ молодъ и не вникалъ сначала въ важность воспитанія; но какъ же «я потомъ ужаснулся, замѣтивъ, что мои дѣти выходятъ не русскіе, «а иностранцы всѣхъ націй. Дочери лучше говорятъ по-англійски, чѣмъ «по-русски, одинъ сынъ — по-нѣмецки, а старшій — чистѣйшій французъ. «Не правда ли, это непростительно? И я краснѣю за свою небреж- «ность.» Кромѣ впрочемъ благороднаго желанія исправить воспитаніе своихъ дѣтей — еще другое обстоятельство побуждаетъ Марка Семеныча такъ усердно звать къ себѣ Любскую. Выпивши лишній стаканъ вина, онъ проговорился, что лице ея напоминаетъ ему лице другой женщины, къ которой нѣкогда чувствовалъ онъ самую чистую и нѣжную дружбу. Любская женскимъ чутьемъ видитъ въ этомъ нѣчто еще болѣе важное съ его стороны, видитъ нѣчто похожее на любовь къ ней, понимаетъ по крайней мѣрѣ свое надъ нимъ влияніе. Послѣ многихъ отговорокъ, она наконецъ рѣшается, по пріѣздѣ въ Москву, вступить въ его домъ, въ качествѣ гувернантки. Тайна семейной жизни Марка Семеныча ясна для нея еще прежде, чѣмъ она переступила порогъ его дома. Убѣждая се согласиться на его предложенія, онъ говоритъ ей:

«— Если у васъ въ Петербургѣ нѣтъ никого близкихъ, къ чему бѣ-
«жать отсюда? тѣмъ болѣе, что здѣсь у васъ есть человекъ предан-
«ный вамъ и принимающій живое участіе въ вашемъ положеніи. Развѣ
«вы не можете испытать себя на этомъ поприщѣ — и потомъ уже
«искать другаго? Къ тому жъ я переговорилъ съ своей женой: она
«очень довольна и ждетъ васъ къ себѣ.

«— Какъ, вы уже сказали обо мнѣ?

«— Я все говорю своей женѣ: мы очень откровенны.

«— Вы ей рассказали о нашей встрѣчѣ? поспѣшно спросила путеше-
«ственница.

«— Нѣтъ.... я этого не говорилъ.... потому что я не зналъ, по-
«кажется ли это вамъ. Я не люблю ничѣмъ стѣснять другихъ. Нѣтъ!

«я сказалъ моеѣ женѣ, что желаю имѣть дѣтей русскихъ, и потому авозьму имъ русскую наставницу.

«Путешественница *насмѣшливо* слушала Марка Семеныча. — Онъ «продолжалъ:

«— Вы видите, что я все уже обработалъ. Отъ васъ теперь зависитъ «успокоить меня увѣренностью, что у моихъ дѣтей будетъ такая на- «ставница. Докажите, что у васъ есть ко мнѣ маленькая довѣренность. «Вы свободны всегда оставить нашъ домъ, если обязанность эта вамъ «покажется тяжела. Согласитесь?

«— Я готова.... но на одномъ условіи.

«— Все, что вамъ угодно.

«— *Чтобъ кромѣ дѣтей на меня не была возложена обязанность «забавлять....*

«— Болтать по-русски съ дѣтьми, гулять съ ними, перебилъ Маркъ Семенычъ. — вотъ и все! Жалованье, можетъ быть, покажется вамъ «ничтожно....

«— И должность моя у васъ въ домѣ. ..

«— Вы убиваете меня! Я долженъ наконецъ высказать то, *что я отъ «всѣхъ скрываю.* Слушайте! *Вы заставляете меня прикасаться «къ моей страшной ранѣ,* въ волненіи сказалъ Маркъ Семенычъ....

«— Замолчите: я не хочу, я.... пугливо воскликнула путешественница.

«— Теперь поздно! слушайте: я люблю мою жену, она женщина добрая, «благородная, но.... воспитаніе или, можетъ быть, характеръ, — по она «мало занимается съ дѣтьми. Впрочемъ, ей и некогда — она живетъ «въ свѣтъ.»

Маркъ Семенычъ, — какъ можно заключить изъ этого разговора и изъ самыхъ вѣншихъ отношеній его къ женѣ, человекъ чрезвычайно добрый, но безъ малѣйшей сколько-нибудь крѣпкой закваски въ характеръ. Судьба подобныхъ людей способна всегда возбуждать глубокое состраданіе: самая ложь, въ состояніи которой они находятся, ложь передъ другими и ложь передъ самимъ собою — можетъ, при болѣе внимательномъ взглядѣ, послужить для повѣствователя основою весьма трагическою. Требованія подобныхъ людей отъ самихъ себя, отъ другихъ и отъ жизни, состоятъ въ вѣчномъ разладѣ съ ихъ слабостью и со всѣмъ ихъ окружающимъ. Въ страданіяхъ пріобрѣтаютъ они только пассивное, отрицательное мужество, мужество переносить зло, таить горе внутри себя, не высказывать его, — хотя надобно правду сказать, что и послѣднее не совсѣмъ имъ удастся при всѣмъ добромъ желаніи. Нѣсколько аффектаціи входитъ въ ихъ чувства, совершенно разобщен-

мыл съ дѣйствительностью, и своей затѣнчивости способны они придавать мистическое величіе. Въкъ такихъ людей обыкновенно завдаются (говоря по народному) женщиной, которая чѣмъ-нибудь ихъ сильнѣе, т. е. проще ихъ смотреть на жизнь, ловчѣе умѣетъ справляться съ дѣйствительностью, и особенно ловко пользуется ихъ слабыми сторонами.

Таковъ и Маркъ Семеновъ, но такъ былъ онъ только задуманъ авторами «Мертваго озера»,—чтобы ярко и рельефно выставить этотъ, весьма часто попадающійся въ нашемъ обществѣ типъ; надобно было остановиться на немъ, вглядѣться въ него съ любовью, изслѣдовать его, такъ сказать, специально, а время ли вглядываться гг. Некрасову и Станицкому, когда они спѣшаютъ свести концы съ концами? Все, хорошо и вѣрно подмѣченное въ характерѣ Марка Семеновъ, подмѣчено, мы убѣждены въ томъ, случайно; серьезнаго значенія это лице не имѣло для нихъ, точно такъ же, какъ безчисленное множество другихъ, выведенныхъ ими на сцену и безобразно-испорченныхъ.

Точно такъ же одинъ только намекъ на личность встрѣчаемъ мы въ изображеніи жены Марка Семеновъ. Всѣ внѣшнія стороны ея характера удались имъ очень хорошо,—нравственный процессъ натуры совершенно пренебреженъ.

«Черезъ нѣсколько минутъ (по пріѣздѣ Любской въ домъ) въ комнату вошла высокая женщина, лѣтъ тридцати, очень стройная, не смотря на круглость плечъ. Черты ея лица были строгой правильности. Цвѣтъ его былъ близкимъ необыкновенной, тонкость кожи поразительная. Глаза у ней были сѣрые, очень строгіе и быстрые, опущенные густыми темнокрасноватыми рѣсницами, такъ что издали они казались черными. Но ни красноватость ея волосъ, ни блѣдность веснушки не испортили ея красоты, а напротивъ дѣлали ее очень оригинальною. Одетъ она была по утреннему—вся въ бѣломъ: дорогой кружевной вуаль накинуть былъ на ея голову: передніе волосы были въ пашпильоткахъ. Она быстро окинула съ ногъ до головы путешественницу, или, лучше сказать, новую гувернантку, которая поклонилась ей съ болѣе высокимъ достоинствомъ и подала письмо.

«—Садитесь, сказала хозяйка дома и стала читать письмо. Окончивъ чтеніе, она смѣло взглянула въ глаза своей гувернантки и сказала: «очень рада, М-ле Аннетъ, что буду имѣть васъ въ домъ. Объ васъ такъ много пишетъ М-ле Андерсонъ....

«И она опять окинула съ ногъ до головы М-ле Аннетъ, которая довольно смѣло вынесла этотъ обзоръ.

«—Хотите видѣть своихъ будущихъ ученицъ и учениковъ? спросила хозяйка дома послѣ нѣкотораго молчанія.

«— Очень рада.

«Хозяйка позвонила: вошелъ лакей, и ему вѣжливо было привести дѣтей. Дѣти вошли черезъ террасу, въ сопровожденіи жесткой, сухой, вертлявой француженки, съ талією въ рюмочку. Ея впалыя, толстыя щеки прикрывались взбитыми большими пуклями, какъ бы изъ тафты.

«Дѣти, сдѣлавъ реверансъ и расшаркиваясь, поцѣловали руку у «своей матери, которая гладила кого по щеку, кого по плечу.

«Француженка, сдѣлавъ хозяйкѣ дома почтительный реверансъ, спросила, какъ ея здоровье, и устремила съ жадностію свои черные глаза на М-ле Аннетъ.

«— Дѣти, вотъ вамъ папа взялъ еще гувернантку: познакомтссь съ ней, проведите ее въ садъ, сказала хозяйка дома.

«Дѣти отрекомендовались новой своей гувернанткѣ и повели ее въ садъ. Уходя, М-ле Аннетъ слышала слѣдующій разговоръ между хозяйкой дома и француженкой, происходившій въ полголоса, на французскомъ языкѣ.

«— Какой гордый взглядъ, какія манеры! какъ *будто она вовсе не гувернантка!* сказала хозяйка дома.

«— Вашъ мужъ вѣрно недоволенъ нами?

«— Нисколько! онъ *странный*: боится, что дѣти забудутъ говорить по-русски.

«— *Ди же что имъ русскій языкъ? они будутъ жить въ порядочномъ кругу?* возразила француженка.

«— Это его упрямство одно.»

Въ самой этой небольшой сценѣ, выписанной нами, видна ловкость авторовъ, искусство схватывать внѣшнія стороны явленій. Есть черты, подмѣченныя съ чрезвычайною паблюдательностію, есть намеки на возможность драматизма въ трочутыхъ отношеніяхъ, — но выпущено какъ бы съ умысломъ все то, чѣмъ обусловлены подобныя черты, что можетъ сдѣлать вразумительными эти намеки. Ясно, [что такихъ великосвѣтскихъ барынь, которыхъ манеры и рѣчь схвачены довольно вѣрно, встрѣтится довольно много, но какъ образуются въ нихъ неестественныя поватія, этого нисколько не видать въ изображеніи.

Надинъ — такъ зовутъ жену Марка Семеныча — съ перваго же раза почувствовала неприязнь къ новой гувернанткѣ, нѣчто похожее даже на чувство зависти, — но она слишкомъ горда и искусственно холодна, чтобы сознаться, самой себѣ даже, въ такомъ чувствѣ. «Скажи пожалуйста,

что за лицо твоя новая гувернантка? спрашивает она мужа, какъ будто отъ нечего дѣлать, самымъ равнодушнымъ образомъ.» «А, что не правда ли, что она похожа на Вѣру?... отвѣчаетъ мужъ. «Не замѣтила», — возражаетъ она съ той же ледяной холодностью. «Она *какая-то странная*. Ея манеры, голосъ, взглядъ.... *какъ будто она что-нибудь важное!*» Надинь, при всей своей видимой апатической добротѣ, способна вездѣ и во всемъ видѣть только черныя стороны, особенно въ томъ, что по чему-либо ей ненавистно.... «Интересно знать, *какъ жила она, въ какомъ домѣ.... я увѣрена, что не на правахъ гувернантки*» — замѣчаетъ она, какъ бы разсуждая сама съ собой о новой «гувернанткѣ. Много личнаго раздраженія входитъ въ это замѣчаніе, но много и праздномыслія, а еще больше желаніе потерзать мужа, ибо Надинь, изучившая глубоко всѣ пружины характера своего благовернаго, видитъ очень хорошо, что къ гувернанткѣ у него есть нѣкоторое сентиментальное расположеніе. И замѣчательно, какъ подчиненъ вліянію своей жены Маркъ Семенычъ. «Если ты недовольна — говоритъ онъ въ отвѣтъ, искоса взглянувши на Надинь, безпечно качающуюся на креслѣ, — ей можно отказать.» Чѣмъ обусловлено подобное подчиненіе? Если сказать, что безхарактерностью вообще, то этого, какъ мы думаемъ, слишкомъ мало. Безхарактерность, въ подобныхъ случаяхъ только почва, да и едва ли можетъ существовать абсолютная безхарактерность. Не боится же Маркъ Семенычъ своей дражайшей половины! Къ чести его мы думаемъ, что въ натурѣ его такая уступчивость происходитъ изъ другихъ источниковъ. Въ натурахъ мягкихъ и впечатлительныхъ — есть особаго рода деликатность, часто весьма ложно ими понимаемая, переходящая изъ великодушной снисходительности въ уступчивую слабость. Кромѣ того, совершенно неспособные къ постоянной борьбѣ съ противорѣчіями, эти натуры кончаютъ тѣмъ, что съ болью въ сердцѣ подчиняются всему, что по слабости своей считаютъ непреодолимымъ. Человѣкъ, дошедшій до такого состоянія, обыкновенно говоритъ себѣ такъ: «Я правъ, но стоитъ ли бороться, когда нѣтъ надежды на побѣду, — я правъ и останусь правъ, потому что страдаю мучительно.» — Странное и, какъ хотите, трагическое положеніе, которое достойно было бы анализа болѣе подробнаго.

Прибавьте къ этому, что Маркъ Семенычъ не только въ мелочахъ оскорбленъ постоянно, — онъ уязвленъ жестоко въ болѣе важномъ. Связь Надинь съ блестящимъ, смѣлымъ до наглости Тавровскимъ, не подлежитъ сомнѣнію ни для кого, ни даже для него самого. Эту связь онъ такъ же принялъ какъ фактъ неопровержимый, но не примирился съ нимъ,

не переварилъ его, ибо подобныя натуры ничего не перевариваютъ, и безсильныя на то, чтобы бороться, хранятъ въ себѣ какъ святыню способность страдать.

Тавровский для Надьи то же, что Надя для мужа, то есть, такъ же ловко умѣетъ пользоваться своимъ на нее вліяніемъ, и злоупотребляетъ имъ еще безчеловѣчнѣе, еще расчетливѣе, еще холоднѣе. Съ перваго же раза, онъ обратилъ вниманіе на гувернантку и счелъ за особенное удовольствіе бѣсить Надю.

«Тавровский, играя съ дѣтьми, не сводилъ глазъ съ новой гувернантки и шепнулъ Эженю:

«— Ты, я думаю, очень радъ, что у васъ такая хорошенькая гувернантка?»

«— Еще бы! у ней отличныя руки и уши. Я попробую снять съ нея портретъ, важно отвѣчалъ Эжень.

«— И подари мнѣ.

«— Графъ, кричала изъ гостиной Надежда Александровна.

«Тавровский нехотя вошелъ въ гостиную и сѣлъ въ кресла, возлѣ кушетки, на которой полулежала хозяйка дома. Она спросила язвительно:

«— Вы, кажется, тоже были поражены ея надменностью?»

«— Она очень хороша собой.

«— Какъ это скучно! Я вовсе не объ этомъ хочу говорить, не безъ досады перебила его Надежда Александровна.

«— Извините!

«Съ минутой длилось молчаніе. Надежда Александровна сказала:

«— Ахъ, какъ шумятъ дѣти!

«— Я скажу, чтобъ они шли играть дальше.

«— Не беспокойтесь.... М-ше Анэтъ!

«М-ше Анэтъ явилась въ дверяхъ.

«— Потрудитесь увести дѣтей въ садъ, сказала Надежда Александровна.

«М-ше Анэтъ молча пошла.

«— Знаете ли, она умѣетъ съ у тра, а я еще голоса ея не слыхала: она кажется боится говорить. Впрочемъ, у ней, можетъ быть, «дурные зубы.»

«— Посмотрите, какія отличныя! вотъ она улыбнулась! воскликнулъ «Тавровский.»

«— Странно! Я замѣтила, что женщины съ дурными зубами всѣ очень серьезны.»

«—Вездѣ есть исключенія. Вы такъ проникательны, что вѣрно замѣтили, какая у ней маленькая пожка.

«Надежда Александровна вспыхнула, и невольно ея ноги быстро «спрятались подъ платье.»

Въ этомъ небольшомъ разговорѣ довольно ясно видны отношенія Тавровскаго къ Надьѣ. Тавровскій постоянно бѣситъ ее своимъ равнодушіемъ,—постоянно держать ее въ лихорадочномъ, тревожномъ состояніи. Избалованный счастіемъ въ женщинахъ, неспособный остановиться долго ни на одной изъ нихъ—онъ, разумѣется, весьма мало обращаетъ вниманія на муки своей прежней жертвы, и всѣ успія своего ума, своей расчетливости устремляетъ на новое завоеваніе. Ангусты сначала пугало всякое сближеніе съ Тавровскимъ, и въ тоже время она не могла не согласиться, что вниманіе его льстило ей. Она замѣтила, что на нее всѣ стали обращать особенное вниманіе, когда она являлась въ гостиную съ дѣтьми,—да она и сама чувствовала, что взглядъ и улыбка ея, даже каждое движеніе приняло какое-то особенно спокойное и гордое выраженіе. Нѣсколько сценъ, сдѣланныхъ ей Надеждой Александровной, а всего больше нескромность одного господина, который узналъ въ ней актрису Любскую—все это привело дѣло къ окончанію скорѣе даже, чѣмъ надѣялся Тавровскій. Анета уѣхала съ нимъ въ его деревню. Разумѣется, что, обѣщавшись изъ ней жепиться, онъ ее обманулъ—и вотъ почему, въ тринадцатой части встрѣтили мы уже въ ней не прежнюю граціозную Аню, но прежнюю Любскую, въ характерѣ которой было много хорошихъ сторонъ,—а наглую бабу. Не думаемъ, чтобы авторы были правы въ такомъ выводѣ. До всего можетъ пасть человѣкъ; но надобно, чтобы основа къ паденію лежала въ самомъ характерѣ.—Прежняя Аня и прежняя Любская не имѣютъ уже ровно ничего общаго съ являющейся въ тринадцатой, пятнадцатой части и въ эпилогѣ, съ этимъ въ полномъ смыслѣ чудовищемъ, производящимъ мелодраматическое мнѣніе надъ Федоромъ Андреевичемъ,—съ отвратительной Мегерой, являющейся изъ Любъ—и наконецъ съ Любскою эпилога. Надобно вамъ сказать, что Любской удалось разстрѣпать свадьбу Тавровскаго съ цыганкой Любой, что Люба послѣ мерзости, сдѣланной съ нею Тавровскимъ, утопилась въ Мертвомъ озерѣ. Къ Любской же впоследствии, когда она устарила даже для театра, явился ея прежній обожатель Петруша, совершенно уже позабытый и авторами и читателями романа. А къ концу!—воскликнули вѣроятно первые, какъ Паладины въ средніе вѣка, не зная какъ покончить съ Любской,—и на выручку явилась позабытый Пет-

руина — покатымъ залвкой съ георгиевскимъ престомъ, и Любская, сыгравши съ нимъ чувствительную сцену, вышла за него замужъ.

«Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они обивчались. Любская съ гордостью «окидывала своихъ прежнихъ *собратоковъ* (?) и собратовъ, торжественно «шествуя подъ руку съ своимъ мужемъ. Она очень любила являться «непрестѣнно съ нимъ въ публику, сдѣлалась очень скупа въ домашней «жизни и заперала все отъ мужа на ключъ; хотя у ней самой частенько «являлись дорогіе наряды, но она увѣрала Петрушу, что онъ стоитъ «только четверть настоящей цѣны. Петруша не могъ не разочароваться «нѣсколько въ Аню, но поэтизировалъ даже экономическія наклонности «своей супруги, направленные къ тому, чтобы держать подъ ключемъ «водку, къ которой Петруша, впрочемъ, вовсе не былъ пристрастенъ; «онъ только любилъ выпить передъ завтракомъ и обѣдомъ, а пуще «всего любилъ поподчивать гостей.

«Любская все и всѣхъ бранила и явно обижалась, когда при ней «хваляли красоту той или другой женщины.

«—Толи я была въ ея лѣта! завистливо говорила она.»

«Или, услышавъ похвалу игрѣ какой-нибудь актрисы, она кричала:

«— Это просто дрянъ! вы бы посмотрѣли, какова я была въ «этой роли!»

И такимъ образомъ наконецъ *Петруша и Аня наслаждались «счастьемъ послѣ столькихъ препятствій и переворотовъ въ «ихъ жизни....*

Безсмысленъ подобный конецъ, а не безотраденъ, какимъ можетъ быть представляли его себя авторы романа—и не горькая трагическая иронія слышна въ послѣднихъ заключительныхъ строкахъ, подчеркнутыхъ нами, а пошлая издѣвка надъ своимъ собственнымъ трудомъ, надъ недодуманными и недосозданными ими лицами. Не торжества добродѣтели, конечно, какъ *conditio sine qua non*, желаемъ мы, а торжества правды человѣческой природы, любви къ человѣку, уваженія къ человѣку. Пусть безотраденъ будетъ исходъ характера, но пусть же обусловлена будетъ такая безотрадность предшествовавшими данными.... Торжество же добродѣтели Ивана Софронича съ дочерью и зятемъ, и юнаго нѣмца съ его *предметомъ*, столько же пошло, если еще не болѣе. Всего лучше удалось авторамъ кончить съ Зиной. Конецъ же Тавровскаго такъ отвратителенъ, что предполагаетъ сильное участіе моральнаго цинизма въ его изобрѣтеніи.

«Однажды, когда онъ (удалившійся послѣ многихъ подвиговъ и паденій въ деревню) сидѣлъ на крыльцѣ съ пріятелемъ, случайно заѣхавшимъ къ нему въ деревню, пріятель спросилъ его»

— «Скажи пожалуй-ста, кто же счастливая женщина, которая пользуется теперь твоимъ расположеніемъ?»

«— Вотъ она! отвѣчалъ Тавровскій, указывая на сгорбленную старуху въ котахъ и повойникѣ, которая въ то время переходила черезъ дворъ.»

«И онъ не лгалъ.»

Мертвое озеро—мы слѣдили постоянно, замѣчали всѣ мѣста, которыя говорили сколько-нибудь въ пользу даровитости и наблюдательности его авторовъ, и потому съ полною справедливостію можемъ вывести общія заключенія. А эти заключенія не весьма утѣшительны.

1) Взглядъ авторовъ на жизнь отзывается или легкостью, или цинизмомъ, или празднымъ резонерствомъ.

2) Цѣлое не существовало въ головахъ авторовъ, когда они принимались писать романъ. Доказательство самое прямое, самое неопровержимое—то, что самое «Мертвое озеро», по имени котораго романъ названъ, припутано ни къ селу, ни къ городу, и играетъ въ романъ роль весьма неважную.

3) Къ лицамъ, выведеннымъ на сцену, авторы не имѣютъ ни малѣйшей художественной любви. Изъ этихъ лицъ окончена только Зина и хорошо изображены приживалки. Все остальное или недодумано, или начатое хорошо—испорчено, или выведено, какъ пружины плохо вяжущагося дѣйствія.

4) Манера изложенія, слогъ и проч. отзываюся величайшею небрежностью или утрировкой, что замѣчали мы весьма часто.

Естественно возникаетъ вопросъ для чего и для кого написано Мертвое озеро?

Покончивши съ этимъ безобразнымъ хламомъ, мы хотѣли бы отдохнуть вмѣстѣ съ читателями на добросовѣстномъ произведеніи мастера: на «Богатомъ женихѣ» г. Писемскаго, но должны ждать окончанія этой повѣсти.... Переходимъ поэтому къ Шекспировскому «Сну въ Иванову ночь», переведенному Н. М. Сатинымъ. Напередъ скажемъ вѣскольکو словъ о стихотвореніяхъ, помѣщенныхъ въ Октябрьской книжкѣ Современника.

Мы не остановились бы на них конечно, если бы стихотворения не были весьма рѣдкимъ явленіемъ въ журналѣ, который, какъ извѣстно, объявляетъ себя весьма разочарованнымъ на счетъ стихотвореній. Значитъ, встрѣчая въ Современникѣ стихи, мы въ правѣ ожидать, что они—*«изъ ряду вонъ»* что *разочарованная* редакция представляетъ намъ что-либо ужъ слишкомъ замѣчательное, подѣйствовавшее даже на ея нѣсколько притупленыя чувства.

Заглавіе однако изъ двухъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ Современникѣ, весьма замѣчательно. Стихотвореніе называется: «Пророкъ». Въ русской литературѣ, какъ извѣстно вѣроятно и редакціи Современника, есть два стихотворенія съ такимъ заглавіемъ: одно—произведеніе великаго генія:

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынь мрачной я вначился...

Другое—произведеніе первостепеннаго же, хотя раню похищеннаго смертью, великаго дарованія:

Съ тѣхъ поръ, какъ вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣденье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока,—

и оба равны по своему достоинству, хотя различны по содержанію и по тону: одно запечатлѣно печатью торжественнаго величія, другое дышетъ истинно пророческимъ негодованіемъ. Есть еще наипсѣ стихотвореніе Языкова, которое также обращается къ поэту-пророку, вдохновенное, полное силы и мощи, внимая звукамъ котораго,

Рабъ свои забудетъ муки
И царь Саулъ заслушается ихъ...

Жалокъ и блѣденъ «пророкъ» г. П. К., напечатанный въ Современникѣ, послѣ этихъ произведеній. Вѣло, хотя въ сносныхъ стихахъ, тянется сначала разсказъ о томъ, какъ ликовали сыны Израиля предъ собиравшеюся грозою, какъ проходилъ когда то чрезъ шумный градъ какой-то странникъ бѣдный нишій,

Прося у окоя *днѣвой* пищи,
Онъ говорилъ, что онъ пророкъ,
Что къ нимъ онъ посланъ для спасенья,
Отъ Бога зрящаго порокъ.
И ихъ развратъ и преступленья.

Повѣствуется потомъ, какъ бросали каменя вслѣдъ пророку, потомъ забыли о пророкѣ.

Но скоро часъ суда насталъ,
И града шумнаго не стало.

Все это, какъ видите, имѣетъ видъ риторической хрип, и сухость замысла (концепции) не выкупаются даже энергическимъ стихомъ.

А вотъ вамъ начало другаго стихотворенія: «Нищая».

Гудитъ мятель. На паперти собора
Слѣпая жарко молится въ слезахъ.
Нѣтъ на устахъ ни жалобъ, ни укора:
Она предъ Богомъ кается въ грѣхахъ.
Зимой и лѣтомъ, въ ведро и въ некастье
Она здѣсь молитъ хлѣба у людей...
О братья, окажите ей участие
И Христа-ради дайте милостиню ей.

Кто узнаетъ въ этой рапсодіи, написанной вѣдлыми обиходными стихами, одно изъ лучшихъ произведеній великаго французскаго пѣсennика, qui croit faire des chansons et fait des poèmes?...

Редакція Современника или считаетъ подобные стихи за образцовые, или отказалась уже отъ своего разочарованія на счетъ стихотвореній вообще и плохихъ стихотвореній въ особенности!

Обратимся къ Шекспировой комедіи, переведенной г. Сатинымъ.

Г. Сатинъ не въ первый разъ переводитъ Шекспира. Назадъ тѣмъ нѣсколько лѣтъ, издана имъ отдѣльною книжкою: «Буря», и до сихъ поръ его переводъ «Буря» въ русской литературѣ — одинъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ совершенно удаченъ, но во всякомъ случаѣ, изъ переводовъ Шекспира, послѣ перевода Гамлета и Макбета г. Вронченки, Ромео и Юліи г. Каткова, и Макбета г. Кронеберга, этотъ переводъ — лучшій. Недостатки его заключаются въ нѣкоторой слабости и вялости, достоинства — въ легкости и ясности.

Переводъ «Сна въ лѣтнюю ночь» или въ «Иванову ночь», какъ называлъ его г. Сатинъ, или «въ Ивановскую ночь», какъ называлъ другой переводчикъ г. Росковшенко, имѣетъ такъ же свои достоинства и свои недостатки. Говорить о тѣхъ и другихъ довольно подробно авторъ этой статьи считаетъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что самъ занять переводомъ того же произведенія Шекспира. Это обстоятельство не помѣшаетъ ему впрочемъ нисколько быть безпристрастнымъ. Прежде всего, нельзя не замѣтить, что переводъ г. Сатина — подвигъ добросовѣстный, совершенный не нѣскоро, не ради желанія прослыть, приобрѣсти весьма дешевый въ русской литературѣ титулъ переводчика Шекспира, а съ полною любовью къ дѣлу и съ настоящимъ его

знаніємъ. Кромѣ того, г. Сатинъ человекъ съ повѣстическимъ тактомъ, и это видно на каждомъ шагѣ: этотъ тактъ запрещаетъ ему писать рубленой прозой, которой переводится у насъ обыкновенно Шекспиръ, или quasi—стихами, безъ цезуры и мѣры, какими передается онъ въ передѣлкахъ. Запрещаетъ ему этотъ тактъ впадать такъ же и въ вѣнецкую манеру: вѣнецкіе переводчики вообще заботятся о томъ, чтобы стихъ въ стихъ и рима въ риму передавать англійскій подлинникъ, за исключеніемъ, конечно, перевода Шлегеля и Тика, по истиннѣ классическаго, вопреки увѣренію одного рецензента Отеч. Записокъ, что въ немъ нельзя узнать Шекспира... Но г. Сатинъ впалъ нѣсколько въ другой, французскій недостатокъ; его повсюду руководить, какъ видно, желаніе уяснить подлинникъ, и для уясненія онъ прибѣгаетъ часто къ тому, чтобы разводить, такъ сказать, водою энергическую сжатость подлинника. Вотъ главный, существенный порокъ перевода: кромѣ того, переводя римованные стихи подлинника почти вездѣ бѣлыми, переводчикъ лишилъ «Сонъ»—его чисто лирическаго характера.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ частностямъ. Г. Сатинъ назвалъ драмою «*Midsummer-Nights Dream*». Едва ли это названіе справедливо. «Сонъ въ лѣтнюю ночь» въ полномъ смыслѣ комедія, какъ понималъ комедію Шекспиръ, царство свободного до произвольности, даже до фантастичности разгула юмора. Г. Сатину извѣстно, конечно, что міросозерцаніе Шекспира-комика, единое по сущности съ міросозерцаніемъ Шекспира-трагика, совершенно различно по формѣ, и только произвольностью юмора объясняется вся постройка этой фантастической комедіи. Примѣчаніе, сдѣланное имъ по поводу титула Герцога, даннаго Тезею въ пьесѣ, заставило насъ впрочемъ нѣсколько усомниться въ томъ, что г. Сатинъ одинаково съ нами смотритъ на «Сонъ въ лѣтнюю ночь»: онъ какъ будто старается оправдывать употребленіе этого титула, — когда тутъ ровно нечего оправдывать. Тезей «Сна» не Греческій Тезей, а просто паладинъ среднихъ вѣковъ, или пожалуй и Тезей, да такой, какой являлся къ средневѣковымъ легендахъ. Кромѣ того, г. Сатинъ не обратилъ надлежащаго вниманія на словечко: *Fancy*, играющее такую важную роль въ отношеніяхъ любовниковъ сна, когда юморъ комедіи весь основанъ на этомъ словѣ, или, точнѣе сказать, на этомъ понятіи. Любовь Герміи и Елены, Лизандра и Димитрія, не любви въ собственномъ смыслѣ слова, въ опредѣленности понятія,—это первый позывъ, первая греза любви, любовь, такъ сказать, безпредметная, фантастическая, однимъ словомъ, *Fancy*.

Въ переводѣ г. Сатина мы читаемъ:

Какъ тихо исчезаетъ старый мѣсяцъ!
 Онъ медлитъ совершить мои желанья,
Какъ медлитъ матица или вдова
Наслѣдника несовершеннолѣтка
Провозгласить оконченнымъ, дабы
Не потерять наслѣдника доходовъ.

Въ подлинникъ:

Like to a step dame, or a dowager
 Long withering ont a young man's revenue.

У Шлегеля:

Gleich einer Witwe, deren dürres Alter
 Von ihres Stiefsohns henten lange zehrt.

Здѣсь явно г. Сатинъ ради уясненія смысла развелъ водою подлинникъ; — вышелъ не переводъ, а толкованіе, совершенно справедливое, но сухое, какаго не попадалось намъ ни въ одномъ французскомъ переводѣ, ни у Б. Лароша, ни у Франсиска Мишеля. Даже Летурнеръ переводитъ довольно близко, — безъ *юридическаго* толкованія: «Comme une marâtre, ou une douairière éternelle, qui va consumant le revenu du jeune héritier».

Тезей, обращаясь къ Филострату, говоритъ у г. Сатина:

Ступай и пригласи
 Всѣхъ юношей аѳонскихъ забавляться,
 Въ нихъ духъ живой веселья пробуди,
 Для похоронъ пусть грусть они оставятъ.

Въ подлинникъ, и Духъ веселья, Nimble Spirit, — и Печаль Melancholy, олицетворены, и смыслъ выходитъ: «Буди въ нихъ Духа веселья, и гони Печаль на похороны. У Шлегеля, Раппа и даже у Летурнера сохранено олицетвореніе».

Гермія говоритъ у г. Сатина:

И можетъ быть, я скромность оскорблю,
 Что чувствую высказывая здѣсь.

Въ подлинникъ:

Nor how it may concern my modesty
 In such a presence here to plead my thoughts.

т. е., перевода свободно, «не знаю, какъ я съ скромностью моей согласна, что въ присутствіи такомъ (такихъ особъ) излагаю я свои мысли».

Тезей же говоритъ:

Но роза на землѣ
Счастлива, когда она *цвѣтетъ*,
И не таитъ свое благоуханье.

Въ подлинникѣ:

But artlier happy is a rose *distilld*
Than that...

Изъ одного слова *distilld* г. Сатинъ сдѣлалъ полтора стиха, и притомъ мысль, которой въ подлинникѣ нѣтъ.

Гермія говорить:

Страданія нельзя намъ избѣжать:
Оно принадлежитъ любви какъ вздохъ,
Мечты и сны, желанія и слезы,
Всегдашніе спутники *влюбленныхъ*.

Въ подлинникѣ не спутники *влюбленныхъ* и не *всегдашніе*, а роог Fancу's Followers, *бѣдные* спутники *мечты*; здѣсь важенъ и эпитетъ *бѣдные*, прибавляющій весьма тонкій и нѣжный отбѣнокъ, и въ особенности слово Fancу.

Вообще въ переводѣ сцены Лизандра съ Герміей, недостаетъ наивности, а въ переводѣ слѣдующей сцѣны между Лизандромъ, Герміей и Еленой, лиризма подлинника. У г. Сатина напримѣръ Елена говоритъ:

О еслибъ *хмуренье* твое могло
Такую жъ силу дать моей улыбкѣ.

Подлинникъ гласитъ просто (въ свободномъ переводѣ): Хоть бы мнѣ такъ улыбаться, какъ вы хмуритесь. Гермія говоритъ:

Теперь мой рай, увы! преобразился
Въ жестокой адъ могуществомъ любви.

Въ подлинникѣ:

O then, what graces in my love do dwell
That he hath turnd a heaven unt hell.

Смыслъ конечно тотъ, но обороту рѣчи придано переводчикомъ нѣчто прозаическое.

Прощаясь съ Лизандромъ, Гермія у г. Сатина говоритъ:

До завтрашней полночи мы должны
Лишить себя отраднаго свиданья,
Которое какъ пища для *влюбленныхъ*.

Опять толкованіе и разъясненіе, а не смѣлый, хотя и страшный оборотъ подлинника «Наши очи должны томиться голодомъ»...

Первая сцена мастеровыхъ передана очень хорошо, хотя желательно было бы побольше просторѣчія. Подъ просторѣчїемъ не разумѣемъ мы, конечно, собственно русскихъ, народныхъ оборотовъ, еще менѣе рѣчи мѣстной, какую ввелъ, напримѣръ, въ своемъ переводѣ Морицъ Раппъ, но особенную свободу, отсутствіе всякаго оборота книжнаго.

Во второмъ актѣ очень хорошо переведена рѣчь Фей. Выписываемъ это мѣсто какъ образецъ изяшнаго и поэтическаго перевода:

Надъ горами, надъ долами
Сквозь лѣсную глубину,
Надъ оградой, надъ стѣнами
Сквозь огонь и сквозъ волну
Мнѣ повсюду путь нетрудный,
Я пошусь быстрѣй луны,
Я служу царицѣ чудной
Въ часъ полуденной тишины,
Я волшебные кружечки
Полываю для нея...
Видишь буквы на лужечкѣ—
То питомцы ея,
Видишь пятны расписныя
На одеждахъ ихъ златыхъ,
То рубины дорогіе,
Даръ волшебницъ молодыхъ...
Въ нихъ тайны благоуханья,
Въ нихъ вся роскошь ихъ краси.
Я несусь для собиранья
Капель утренней росы.
Я повѣсить въ середникъ
Каждой буквы хочу
По жемчужной росникъ.
*Ну прощай, духъ, я лечу;
Скоро праздникъ здѣсь начнется
Для царицы молодой,
И съ царицей принесется
Легкихъ эльфовъ цѣлый рой.*

Послѣдніе стихи, впрочемъ, — распложеніе и разъясненіе оригинала, а не передача его. Въ стихѣ (довольно неблагозвучномъ),

Ну, прощай, духъ, я лечу:

пропущенъ характеристическій эпитетъ духа, *thou lov of spirits*.

Въ разговорѣ Песка съ Феею не отгнѣнется нисколько характеръ

первого, и здѣсь опять переводчикъ отступилъ напрасно отъ римованнаго подлинника.

Сцена Оберона и Титанія переведена очень хорошо, но воспоминанію Титанія о ея подругѣ дѣтства не придано того меланхолически наивнаго колорита, которымъ дышетъ оно въ подлинникѣ.

Недостаточно грандіозно вышло мѣсто о весталкѣ, царствующей на западномъ престолѣ; въ разсказѣ Оберона Пеку. Рѣчи Димитрія у г. Сатина значительно менѣе грубы, нежели въ подлинникѣ, а языкъ Елены, отъ вставки разныхъ ненужныхъ словъ, въ родѣ *не полагай, — повѣрь*, и т. д. получилъ колоритъ какого-то резонерства, а не фигуристичности страсти.

Оберонъ говоритъ:

А пестрый змѣй снимаетъ съ себя шкуру,
Которая довольно широка,
Чтобы въ нее совсѣмъ закутать змея.

Смыслъ опять сохраненъ, но расплосженіемъ убита поэзія. Очень хорошо вылилась пѣсня Фей, но за то, до безконечности чистая, нѣжная, цѣломудренная сцена между Лизандромъ и Гермією потеряла всю въ переводѣ.

Останавливаемся впрочемъ на этихъ замѣчаніяхъ, и отдадимъ хвалу, почти безусловную, переводу пятого акта, хотя не можемъ удержаться отъ сравненій и не сказать, что народніи на страсть Пирима и Тизбы, несравненно удачнѣе переданы г. Вельтманомъ въ его либретто для оперы, сдѣланномъ изъ Шекспировой комедіи.

Во всякомъ случаѣ, трудъ г. Сатина далеко оставляетъ за собою прежній переводъ, тяжелый и грубый, и можетъ быть названъ явленіемъ весьма пріятнымъ.

Встрѣчая всегда съ величайшею симпатією «Провинціальныя письма» остроумнаго г-на А—ва, мы обрадовались появленію въ Современникѣ IX-го провинціального письма, и къ величайшему сожалѣнію ошиблись на этотъ разъ въ своихъ ожиданіяхъ. Не думайте впрочемъ, чтобы г. А—въ явился и въ этомъ весьма неудачномъ письмѣ менѣе остроумнымъ наблюдателемъ и разсказчикомъ; но, кажется намъ, остроуміе потрачено имъ совершенно напрасно—на содержаніе весьма скудное. Вѣроятно чувствуя это, г. П. А—въ оговаривается напередъ: «Не могу удержаться—говоритъ онъ—отъ желанія разсказать вамъ объ «одной изъ самыхъ неудачныхъ моихъ попытокъ въ провинціальныхъ «ислѣдованіяхъ. Я думаю, всякому извѣстно, что иногда весьма простая мысль, ясная и положительная, принимается вами къ свѣ-

«дѣлю безпрекословно, но хранится въ памяти вашей, какъ непужная или чужая вещь. Только случайный мало ожидаемый *опытъ* превращаетъ ее въ настоящую собственность вашу,—и тогда наступаетъ «довольно забавное зрѣлище. Послѣ многихъ злоключеній, досадныхъ «препятствій, неловкихъ походовъ, человѣкъ выводитъ изъ нихъ, «какъ послѣдній результатъ, ту же самую мысль, какую онъ зналъ «прежде и которая была извѣстна міру сему за-долго до рожденія того «человѣка. Не обидно ли это?» Явленіе, подмѣченное г. А—мъ, дѣйствительно встрѣчается весьма часто; но признаемся, что *обиднаго* въ немъ мы ничего не видимъ. Самыя простыя истины получаютъ для насъ наглядность только тогда, когда принимаютъ тѣло, и еще Лессингъ говорилъ, что въ дѣлѣ истины важна не сама сухая схема истины, а тотъ путь, которымъ дошелъ до нея человѣкъ. Съ другой стороны, является дѣйствительно что-то комическое, когда человѣкъ *преимущественно и специально* заботится объ открытіи истинъ новыхъ и въ результатъ получаетъ старыя, общеизвѣстныя. Хотѣлъ ли г. А—въ посмѣяться надъ этою, точно комическою стороною исканія истины—или надъ тѣмъ общимъ явленіемъ, о которомъ мы упомянули, осталось какъ-то перъшеннымъ въ письмѣ, и содержаніе его много пострадало отъ такой неопредѣленности и неясности.

«Къ числу такихъ обидныхъ случаевъ—продолжаетъ г. А—въ—принадлежитъ и тотъ, который теперь предлагается любопытству вашему: «скажите, напримѣръ, что можетъ быть яснѣе и убѣдительнѣе слѣдующей мысли: для успѣха всякаго дѣла потребно предварительное обсужденіе предмета, а за тѣмъ трудъ и терпѣніе? Вѣроятно нѣтъ «существа въ мірѣ, которое не знало бы этого правила наизусть: да «также вѣроятно и нѣтъ существа въ мірѣ, которое не *почувствовало* «бы впервые всю его справедливость уже послѣ предварительной «обдуманности и оскорбительной неудачи».

А едва ли неудача, или обидный случай, рассказываемый авторомъ, не обязанъ своимъ происхожденіемъ другой причинѣ, тому, что г. А—въ приступилъ къ дѣйствительности съ заранѣе приготовленною мыслию. Слѣды этой причины остались, кажется намъ, въ его письмѣ, въ умствованіяхъ по поводу сельской промышленной общины. Изволите видѣть, авторъ дошелъ логическимъ путемъ до необходимости, тоже логической, существованія въ сельской общинѣ русской элемента кредита въ лицѣ сельскаго банкира, и къ открытію этого элемента приступилъ съ заграничными о немъ понятіями. Способный, какъ истинно умный человѣкъ, такъ же зло подсмѣиваться надъ своими собственными

промахами, какъ и надъ чужими, авторъ, изложивши свой взглядъ на элементъ кредита, говорить, что когда его свѣденія были уже приведены совсѣмъ въ порядокъ, онъ «замѣтилъ, къ *немалому своему изумленію*, что собственно еще не видалъ ни одной избы въ про-
«цессѣ ея дѣятельности и ни одного сельскаго банкира живьемъ за «своими операціями»».

Авторъ не видалъ, какъ признается самъ—и не *увидалъ*. Все письмо его—разсказъ о неудачной попыткѣ изслѣдовать дѣятельность при-камскаго татарина Караша Абдуловича Бахтывева. Какъ ни приступался онъ къ этому послѣднему, ничего не могъ допытаться, можетъ быть именно потому, что, какъ самъ онъ весьма вѣрно замѣтилъ прежде, что «личность человѣческая, пугливая по самой природѣ своей, «подпускаетъ къ себѣ не такъ легко, какъ свѣденіе. Свѣдѣніе падаетъ «въ руку всякому, кто только протянулъ руку, не разбирая, крѣпка или «слаба рука; но подстеречь знакомую черту въ самомъ ходѣ жизни, и «подмѣтить, какъ она тамъ ложится — для этого нужны талантъ, умъ «и настоящій, истинный трудъ.»

И таланта и ума, какъ мы увѣрены, слишкомъ достаточно въ авторѣ провинціальныхъ писемъ—для того, чтобы онъ могъ пускаться прямо на всякія сближенія съ живою жизнью, — и въ *обидномъ* случаѣ, имъ разсказываемомъ, виновата по преимуществу заранее заданная тема.

Между тѣмъ, всякій другой менѣе добросовѣстный изслѣдователь, — не понявши Караша Абдуловича Бахтывева, рѣшилъ бы вѣроятно, что тутъ и понимать нечего, что сельскій банкиръ—совершенно не существуетъ, какъ не существовало въ древней Руси торговли по одной статьѣ. Г. А — въ такого заключенія не выводитъ, а напротивъ, какъ человекъ дѣйствительно мыслящій, всю вину сваливаетъ на себя, и вслѣдствіе этого, читатель, не удовлетворенный послѣднимъ провинціальнымъ письмомъ, остается все таки благодаренъ автору за правду, имъ высказанную.

Вообщѣ же, какъ произведеніе беллетристическое, письмо г. А—ва, хотя и далеко не изъ лучшихъ или даже хорошихъ его провинціальныхъ писемъ,—читается съ интересомъ, благодаря искусству автора разсуждать остроумно и разсказывать занимательно самыя обыкновенныя подробности.

Мы закончимъ нашу статью нѣсколькими замѣчаніями касательно новыѣ выходокъ г. Нового поэта. Надобно сказать, что г. Новый поэтъ явился какъ-то черезъ-чуръ кроткимъ въ своихъ послѣднихъ замѣткѣхъ—и кромѣ того, довольно забывчивымъ. Въ статьѣ нашей объ

Июльской книжкѣ Современника — мы пунктъ за пунктомъ опровергали различ. для обвиненія, введенныя на, вѣсть журналъ г. Новымъ поэтомъ. Основная тема нашихъ опроверженій была: *не, можетъ, быть,* чтобы г. Новый поэтъ серьезно вѣрилъ самъ во всѣ вводимыя имъ на, насъ обвиненія. Г. Новый поэтъ, случайно или намѣренно, этого мы не рѣшаемъ изъ утиливости, не отвѣчаетъ на многіе изъ пунктовъ, какъ будто забывая о ихъ печатномъ существованіи. Три только пункта удостоились его вниманія и даже отвѣта.

«*Не можетъ быть*, сказали мы, чтобы г. Новый поэтъ дѣйствительно подозрѣвалъ насъ въ провозглашеніи *высокихъ и новыхъ истинъ*.... *Не можетъ быть*, чтобы г. Новый поэтъ былъ искрененъ въ своей ироніи надъ *художественностью*.... Не можетъ быть, чтобы онъ серьезно смѣлся надъ искренностью, которой требуемъ мы отъ художественныхъ произведеній:»

Вотъ что говорить Новый поэтъ, сдѣлавши эту выписку изъ нашей статьи:

«Новый поэтъ имѣетъ честь отвѣчать на это, что надъ словомъ *художественность* и надъ прилагательнымъ *художественный* произведенія онъ никогда не думалъ шутить, потому что онъ *очень хорошо понимаетъ значеніе этихъ словъ*: шутить жъ онъ надъ ложнымъ примѣненіемъ этого слова и прилагательнаго, которыя безпрестанно употребляются нашими журналами совершенно не впопадъ и не «кстати.»

Г. Новый поэтъ можетъ, сколько угодно ему, быть увѣренъ, что очень хорошо понимаетъ значеніе художественности, но мы, признаемся откровенно, въ правѣ сомнѣваться въ этомъ.

Прежде всего, г. Новый поэтъ дѣлитъ литературныя произведенія на первостепенныя и беллетристическія. «Первыя, говоритъ онъ, — какъ явленія рѣдкія, *есть роскошь*; вторыя — *«насущенный хлѣбъ читающей публики.»* Въ отношеніи къ первымъ, г. Новый поэтъ позволяетъ слово художественность, въ отношеніи ко вторымъ не позволяетъ. Что же, спрашивается, понимаетъ г. Новый поэтъ подъ словомъ *художественность*? — и что такое за таланты или литературныя произведенія, которые общей для области искусства мѣркѣ художественности не подлежатъ? Серьезно толковать послѣ этого о художественности съ г. Новымъ поэтомъ не приходится. Еще менѣе слѣдуетъ отвѣчать

на вопросы: находимъ ли мы искренность въ Шеннировомъ Гамлетѣ, въ сочиненіяхъ Вальтера Скотта, Пушкина и т. д. — Мы полагаемъ, что подобные вопросы сдѣланы имъ для того, чтобы ~~содѣлать~~ ^{содѣлать} много-родныхъ подписчиковъ журнала, но отвѣсась ^{нѣсколько} ни въ нашему журналу, ни къ намъ. Г.

Библиографическая записка.

Объ альбомѣ Олеаріуса. Въ первой апрѣльской книжкѣ «Москвитинна», въ первый извѣстили нашу публику о существованіи альбома Олеаріуса. Я вспомнилъ при этомъ, что уже прежде читалъ объ этомъ альбомѣ, въ отчетахъ «Германскаго Восточнаго Общества.» Въ надеждѣ отыскать подробныя свѣдѣнія объ этой достопримѣчательности, столько же интересной для насъ, какъ и для соотечественниковъ Олеаріа, — я отыскалъ статейку, но — увы! — она еще короче вашей. Вотъ слово въ слово, что въ ней сказано (Протоколъ засѣданія Общества, октября 1845 г.; Jahresbericht der deutsch. morgenländ. Gesell. 1845, с. 70.).

«Профессоръ Гасслеръ (Hassler) показалъ собранію Альбомъ знаменитаго нѣмецкаго путешественника Адама Олеаріуса, доставшійся ему «по счастливому случаю (durch einen günstigen Zufall), и привелъ изъ Альбома нѣсколько образчиковъ. Многія высокія лица, знаменитые и «заслуженные современники путешественника, — въ томъ числѣ Персі-^{яне}, Арабы, Турки, Татары и другіе азіатцы (въ число «Asiaten» Нѣ-^{мецкіе} ученые включили и Москвитянъ!) — выписали на память Оле-^{арію} изреченія и стихи, и сдѣлали его Альбомъ истинною полиглот-^{тѣю} дружбы. Это одинъ изъ благороднѣйшихъ литературныхъ памят-^{никовъ}, можно даже сказать, историческій клейводъ Нѣмецкаго на-^{рода}, который слѣдовало бы пріобрѣсти для одной изъ большихъ «публичныхъ библиотекъ нашего отечества. И профессоръ Гасслеръ «навѣрное не уступитъ этой книги иностраннымъ любителямъ рѣдко-^{стей}, и обезпечитъ дальнѣйшую судьбу ея.»

Какимъ образомъ изъ рукъ Гасслера альбомъ достался Саратов-^{скому} доктору, неизвѣстно. Знаемъ только, что Гасслеръ, не смотря на просьбы членовъ Нѣмецкаго, Восточнаго Общества, сообщить для помѣщенія въ журналъ этого Общества отрывки изъ Альбома, и на

данныя имъ общанія, никакого извѣстія объ этой рукописи не хотѣлъ написать, — рассчитывая, вѣроятно, этотъ « историческій клейнодь нѣмецкаго народа » сбыть по выгодѣ тѣмъ « иностраннымъ любителямъ рѣдкостей, » противъ которыхъ такъ вооружились безкорыстные сочлены его, напоминая ему официально о « полиглоттѣ дружбы.»

У насъ теперь не мало собирателей рѣдкостей и древностей, и весьма желательно, чтобы кто-нибудь изъ нихъ приобрѣлъ альбомъ путешественника, описавшаго такъ занимательно бытъ Руси времямъ Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича. Если же, въ самомъ дѣлѣ, обладатели Альбома рѣшились не отдавать его въ чужія руки; то все-таки слѣдуетъ воспользоваться вторичнымъ пребываніемъ этой рукописи въ Россіи и снять съ него точный списокъ для одного изъ русскихъ музеевъ....

Печатать позволяется. Москва, Ноября 15 дня, 1851 года.

Цензоръ *Д. Ржевскій.*

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЪЕ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 23.

Декабрь.

Кн. 1.

СЧАСТЛИВАЯ ЖЕНЩИНА.

СОВРЕМЕННАЯ БЮГРАФИЯ.

I.

НА КАНУНЪ НОВАГО ГОДА.

31 Декабря 18... года, 11 часовъ вечера.

Еще часть, еще круговращеніе быстрой стрѣлки по подвижному циферблату, на которомъ она суетится и мятется, какъ безпокойное сердце въ стѣснительномъ кругу обыденной, недвижной, заранее размѣренной жизни, — еще урочной бой двѣнадцати ударовъ, и годъ будетъ конченъ, и наступитъ новый.... *Новый годъ!* таинственное, заманчивое слово, — какъ оно возбуждаетъ воображеніе, какъ оно тревожитъ любопытство, какъ оно вмѣстѣ и многообѣтно и богато угрозами!... *Новый годъ!* — Вездѣ теперь ждутъ его съ какими-то невольнымъ, неразумнымъ нетерпѣніемъ, вездѣ приготовились его встрѣчать; всякій, по своему состоянію и

своимъ средствамъ, хочетъ провести какъ можно лучше первыя минуты этого часа, начинающаго цѣнь многихъ другихъ часовъ, которые, по всеобщему суевѣрію всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ, какъ будто зависятъ отъ него, какъ будто существуютъ въ немъ, зародышемъ сокровенной будущности. Вездѣ, отъ дворца до хаты, отъ мраморныхъ палатъ до узкой землянки, гдѣ только живутъ люди, и бьются сердца, все охвачено тревожнымъ ожиданіемъ и безвыходными догадками.... Какъ будто въ одну ночь, вмѣстѣ связывающую и разъединяющую два года, истекшій и начинающійся, какъ будто въ эту урочную ночь, судьба разыгрываетъ огромную томболу, приглашая на нее всѣхъ смертныхъ, и вынимая имъ жребіи — кому выигрышъ и счастье, кому черный билетъ — и смерть, и ч. страданія. — Сколько теперь радости, поздравленій, увеселеній въ иныхъ домахъ и сердцахъ, сколько горя въ другихъ! Всѣ тѣ, чьи желанія и потребности удовлетворены, чья жизнь не выходила изъ обыкновенной колеи, всѣ тѣ, кто никого и ничего не потеряли, кто видятъ близь себя всѣхъ своихъ, всѣ тѣ, кто надѣются, кто наслаждаются — они сегодня вдвое веселѣй, вдвое спокойнѣе, чѣмъ въ прочіе дни. — Но за то — всѣ тѣ, кто лишались кого или чего-нибудь дорогаго, — кто скорбятъ, кто поминаютъ, нуждаются, боятся, — имъ во сто разъ больнѣе и грустнѣе, чѣмъ въ обыкновенную пору. — А между тѣмъ, время, равнодушное время, свершаетъ свое шествіе, судьба идетъ себѣ своей чередой, и ничѣмъ они не возмущаются, ни радостными криками, ни плачемъ скорби, — и никому, ни ликующимъ, ни горюющимъ, не скажутъ они заветной тайны будущаго, ими приготовляемаго! Сколько людей теперь беззаботно встрѣчаютъ этотъ новый наступающій годъ, которымъ не дастся его докончить на землѣ, которые въ теченіи его улягутся въ безмолвныхъ гробахъ. Сколько еще такихъ, которымъ суждено хуже: похоронить своихъ близкихъ и своихъ милыхъ. — и эти тоже ничего не подозреваютъ!... Но есть, говорятъ, предчувствія? Да — предчувствія у слабо-нервныхъ женщинъ, у нѣкоторыхъ болѣзненныхъ организаций, — да кто же ихъ слушается! Кто имъ вѣрить!

Исключенія, только, а вообще предчувствій нѣтъ, или чело-
вѣкъ не умѣетъ ихъ понимать!

Зачѣмъ предчувствія, когда дѣйствительность и существен-
ность такъ насъ опутали, что мы все хотимъ объяснить и
истолковать, и все стараемся привести въ факты?

Вотъ и я сама — я вѣрила прежде предчувствіямъ, но я
старалась заглушить ихъ въ себѣ, я ихъ боюсь: такъ какъ въ
жизни гораздо больше горя, чѣмъ радости, и дурнаго, чѣмъ
хорошаго, то лучше и безопаснѣе ничего не предугадывать
и не предвидѣть—итъ опасенія предугадать что-нибудь мучи-
тельное и страшное!

Но мнѣ грустно.... Никогда не могла я равнодушно и
безпечно проживать это обновленіе года; оно всегда меня
разстроивало на особенный ладъ, наводило на меня тревожныя
мысли и мрачныя мечтанія. Отъ того-то не люблю я встрѣчать
одна эту минуту новаго года:—я бы хотѣла, или такъ уснуть,
чтобы не чувствовать ея пришествія, или такъ забыться въ
какомъ-нибудь шумномъ увлеченіи говоромъ и волненіи свѣта,
чтобы мнѣ отнюдь не возможно было заниматься собою, пре-
даваться своимъ размышленіямъ. Отъ того-то я всегда стара-
лась проводить въ многочисленномъ обществѣ вечеръ 31 де-
кабря.... Мнѣ этотъ вечеръ и страшенъ и любимъ. Онъ мучитъ
меня, какъ угроза, и волнуешь, какъ обѣщанье.

И сегодня я хотѣла проводить его не такъ, не здѣсь,
въ своей уединенной комнатѣ....—но!...

Сегодня.... болѣе, чѣмъ когда-нибудь, мнѣ слѣдовало, мнѣ
хотѣлось радоваться и веселиться.... но!... А если бъ мнѣ не по-
мѣшали, я бы, мы бы, поѣхали прежде ко всенощной помолиться,
потомъ, по островамъ, развозить обновки и гостинцы моимъ бѣд-
нымъ, и наконецъ, возвратившись, мы бы нашли здѣсь ужинъ,
веселый, изрядный, оживленный удовольствіемъ добраго дѣла, — и
намъ бы было здѣсь такъ хорошо, такъ уютно!.. Но!... опять
это вѣчное, скучное *Но*, которое, какъ камень преткновенія, мѣша-
етъ мнѣ на каждомъ шагу, и въ каждомъ моемъ предприниманіи!...

Что-то дѣлается *тѣмъ, у нѣтъ?*.. Какъ проходить ихъ
чуждое, семейное собраніе, для котораго они разстроили все

моя планы? Чѣмъ и какъ отличаются они отъ обыкновенныхъ дней этотъ день исключительный, который они посвятили безвозвратно для меня, ... и не для меня одной?...

А нынче въ первый разъ следовало бы намъ вмѣстѣ встрѣтить новый годъ, и проводить минувшій, который былъ для насъ такъ многозначителенъ и такъ замѣчателенъ! — И я и онъ, мы оба того желали, надѣялись, мы готовили себѣ такое тихое, блаженное *удединье вдвоемъ*.... Все рушилось *передъ приличьемъ свѣта* и требованіями *семейныхъ отношеній*! Боже мой! для того, кто знаетъ, что подъ ними кроется, — какая ничтожность ими выражается, какія глупыя, напыщенные фразы.... Какое громкое заглавіе для такихъ условныхъ, пустыхъ обычаевъ, а между тѣмъ, какъ все это сильно, чтобы вредить и разбѣднить!

У *нихъ* такъ заведено, — они привыкли собирать въ этотъ день всѣхъ своихъ родственниковъ, до седьмого колѣна, у *нихъ* играютъ въ карты на пяти столахъ — болтаютъ въ трехъ комнатахъ — впрочемъ, какъ и въ обыкновенные дни! — Они между собою не скажутъ и слова, не обмѣняются и взглядомъ — а все нужно и требуется, чтобы всѣ были на лицѣ.... чтобы всѣ зѣвали и скучали, *выпить*, не смѣя отлучиться, или опоздать.

Какой эгоизмъ!... Какое домашнее тиранство подъ видомъ семейнаго согласія! А это называется *любить своихъ и дорожить ихъ присутствіемъ*!...

Мнѣ кажется, еслибъ я была матерью или сестрою, въ такомъ случаѣ, я бы хотѣла, чтобы ко мнѣ пришли, чтобы меня отыскали, но не стала бы *требовать*, не стала бы *выскидывать*! — Мнѣ кажется, что, еслибъ у меня былъ сынъ, или братъ, — я желала бы единственно знать и видѣть его счастливымъ, желала бы его счастье больше своего собственнаго, и, понимая права любви, не противопоставляла бы ей безпрестанно родство и дружбу неутомимыми ея соперниками. — Я умѣла бы мирить всѣ эти чувства, совмѣстныя по самому различію своему, — а не выводила бы ихъ ежедневно на безвыходно-мучительную борьбу, гдѣ, если нѣтъ побѣжденнаго, то всѣ ранены и страдаютъ....

По каждый думаетъ и чувствуетъ по своему!—Людей не выучишь снисхожденью, и не отъучишь ихъ отъ взыскательности. Приходится вспомнить, что говаривала мнѣ въ мою дѣтскую пору одна умная женщина: «Иной любить, какъ другой не любить!»—Вотъ и все тугъ!

А что, если это все съ ихъ стороны даже не эгоизмъ, и не излишняя требовательность преувеличеннаго до тиранства чувства семейной привязанности? Если это просто шарлатанство, желанье показать свѣту какое-то рѣдкое согласіе, какую-то примерную, единодушную родственность и семейность? Если сегодняшнее собраніе не что иное, какъ заранее приготовленная картина, гдѣ каждый изучаетъ свою родимую роль, долженъ быть на своемъ положенномъ мѣстѣ, какъ необходимое лице въ какой-нибудь китайской церемоніи? Эта мысль, это сомнѣніе ужъ не разъ приходили мнѣ въ голову.... боюсь на нихъ остановиться, спышу отвергнуть ихъ, какъ невозможность, какъ призракъ моего разстроеннаго воображенія. Мнѣ больно теперь, находясь въ ежедневномъ, непріязненномъ столкновеніи съ этимъ семействомъ, дурно ко мнѣ расположеннымъ,—но мнѣ стало бы вдвое тяжелѣе, еслибъ я была увѣрена въ ихъ неискренности между собою, и должна бъ была видѣть его обманутаго и ослѣпленнаго тщетою и ложью такихъ отношеній! Нѣтъ, лучше удалить отъ себя это подозрѣніе! Отъ него и страшно и грустно и тяжело....

Однако, я странно встрѣчаю этотъ годъ, который издали обещалъ мнѣ такъ много: я разстроена и грустна,—ужъ не предчувствіе ли это? А я только что отвергаю предчувствіе. Нѣтъ — хочу развеселиться, хочу заставить просвѣтлѣть свои мысли!

Вотъ полночь—бьетъ первый ударъ,—прощай, минувшій годъ, благодарю! Здравствуй, наступившій! Какъ тебя принимать какъ друга или не-друга? Ахъ! сердце опять забилося тревожно,—пойду, помолюсь!...

II.

КТО БЫЛА ОНА?

Женщина, писавшая эти строки, была въ самомъ дѣлѣ, какъ она то сама чувствовала, въ раздражительномъ, странномъ состояніи, но это состояніе души ея происходило отъ не менѣе страннаго положенія ея въ свѣтѣ, отъ обстоятельствъ, не совсѣмъ отъ нея зависѣвшихъ. Марина Ненская, которую всѣмъ называли *счастливейшей женщиной*, въ самомъ дѣлѣ была, или казалась, одною изъ любимицъ счастья и судьбы, изъ балованныхъ избранницъ рока и случая, захотѣвшихъ показать въ ней созданье, вполне одаренное для благополучія и для наслажденія, для обладанія всѣмъ тѣмъ, что только принято за благо въ жизни. Во первыхъ, она была богата, — для иныхъ въ этомъ словѣ все заключалось; потомъ — она была, по рожденію и по замужеству, изъ такихъ семействъ, которыя отъ цѣлаго міра въ правѣ ожидать почета себѣ и уваженія громкости и блеска ради ихъ знатнаго имени. Она была хороша, умна, добра, а ктому, свободна, хотя замужемъ, потому-что совершенное несогласіе возрастовъ, характеровъ, склонностей и привычекъ, скоро, не разторгло, а ослабило союзъ, заключенный съ обѣихъ сторонъ не по желанію, а по терпимости двухъ соединенныхъ. Безъ ссоръ и неудовольствій, безъ жалобъ и огласки, недопускаемыхъ между людьми известнаго свѣта и воспитанія, прилично, и съ достоинствомъ, сохраняя всѣ формы взаимнаго уваженія, Марина Ненская и мужъ ея разбѣхались, чтобъ жить, каждый по свосму, напрасно попытавшись связать свои разно-направленные жизни. Мужъ, человекъ положительный, успѣвъ насытиться всѣми преимуществами и удовольствіями, доставляемыми ему положеньемъ и богатствомъ, достигнувшій той печальной поры, гдѣ, бывши многократно обманутъ *и сердцемъ и разсудкомъ*, но могъ онъ даже прибавить къ свосму утѣщенію, что никогда еще

Обмануть не былъ онъ желудкомъ (*).

(*) Поемъ Пяры, Баратынскаго.

пришужденный, по разстроенному здоровью, отказаться даже от своего прославленного роскошного стола и всеми завидуемого повара, мужъ продалъ свой домъ въ столицѣ, и отправился въ дальнія помѣстья, искать выздоровленія въ лучшемъ климатѣ и болѣе умѣренной жизни; принялся заниматься улучшеніемъ въ своихъ владѣніяхъ, устройствомъ заводовъ, и разработкою золотыхъ приисковъ; — однимъ словомъ, онъ вздумалъ *хозяйничать* на большую руку, когда хозяину ничего новаго не оставалось предпринимать или желать на другихъ стезяхъ, на другихъ поприщахъ жизни, ему вполне известной и надоевшей. Марина, напротивъ, только начинала жить, и молодыя силы ея находили во всемъ ее окружающемъ цѣль и предметъ. Такъ какъ у нихъ не было дѣтей, и она не только не чувствовала себя нужною равнодушному и полу-окаменѣвшему мужу, но напротивъ была бы ему въ тягость въ его новомъ быту, то общимъ согласіемъ положено было ей остаться въ Петербургѣ, съ условіемъ, что года черезъ два или полтора, она навѣститъ отъѣзжавшаго, или онъ самъ пріѣдетъ съ нею повидаться. Это было тѣмъ приличнѣе, что отецъ Марины занималъ важную должность на службѣ, — и дочь, хотя не возвращаясь въ родительскій домъ, оставалась порученною покровительству и присмотру отца.

Сначала Марина, какъ всѣ женщины очень молодыя, вертѣлась и забавлялась въ вихрь всѣхъ разсыянностей и всѣхъ удовольствій самаго шумнаго свѣта. — Потомъ, пустота этой жизни безъ цѣли и безъ причины, — вѣчно праздничной и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно-будничной, въ ея тревожномъ однообразіи и однообразномъ тревоженіи, — все это ее утомило, и она стала себя спрашивать, для того ли она на свѣтъ, — и за тѣмъ ли родилась, чтобъ получать и отдавать визиты, примѣрять и изнашивать прежде всѣхъ новомодные наряды, и хоронить блестящіе балы, встрѣчаясь лицомъ къ лицу съ блѣдной сѣверной зарею, когда она уѣзжала полу сонная и усталая изъ душныхъ залъ, а та, вставая лѣниво и какъ-будто неохотно изъ-подъ мягкаго одѣяла сизо-розовыхъ облаковъ, показывалась ей предвѣстницей новаго дня, ничѣмъ не

отличеннаго отъ вчерашняго, ничѣмъ не разнаго со вѣснъ предъидущими....

Годъ-другой прошли еще, покуда Марина не умѣла, или не хотѣла разрешить себѣ этихъ вопросовъ. Иногда не ясныя еще, но ужъ волнующія мысли, чувства, побужденія, проявлялись въ этой молодой пробуждавшейся душѣ, и смущали ее своими намеками....и съ нею повторялась эта вѣчная драма женщины, скучающей и пытливой, сманиваемой въ мѣръ познанья всѣмъ ее окружающимъ, а еще болѣе вѣснъ въ ней самой трепещущимъ. — Но Марина была выпрошена въ такой сферѣ, гдѣ приличіе, гордость и чувство собственного достоинства, замѣняютъ иногда болѣе строгія правила добродѣтели, возвышаемой до степени долга. — Въ мирномъ и великодушномъ домѣ своихъ родителей, Марина съ малолѣтства слышала укоры слабостямъ и похвалы непорочности. — Благодѣтельное впечатлѣніе отъ такихъ уроковъ сохранилось. Еще болѣе *Нельзя, не прилично*, были для нея геркулесовыми столбами свѣтской жизни, свѣтскихъ приличій, запредѣлами коихъ начинался неизвѣстный, но презираемый, мѣръ всего непопозволеннаго и всего достойнаго порицанья. — Кто не выросъ въ оберегательныхъ путахъ подобныхъ мнѣній, тотъ не можетъ себѣ вообразить всей власти, всего вліянія ихъ на юные умы и на тоскующія подѣ часть сердца, въ нихъ закованныя. *Нельзя, не прилично*, стало быть не должно и смѣяться женщинамъ, дорожащей своимъ спокойствіемъ и уваженіемъ того круга, гдѣ ей суждено вращаться и жить отъ колыбели до гроба.

Ученіе, доведенное до крайности, ученіе, изъ за-котораго высокія правила Религій и нравственности, существенныя достоинства ума и сердца, обязанности священныя женщины, назначенной для домашняго круга, остаются часто въ сторонѣ, безъ должнаго вниманія! Какъ Китайцы пеленаютъ пальчики ногъ у дѣвочекъ, а Черкесы зашивають грудь малолѣтнихъ дочерей своихъ въ жесткую и узкую *кошубу*, (кожа, которая никогда не снимается, не перешивается, и не приспособляется къ росту дѣвушекъ, давить имъ грудь, и мѣшаетъ развернуться. и лишь въ день брака распарывается кинжаломъ мужа), такъ просвѣщенные народы употребляютъ мало по малу состав-

данный кодексъ разнѣхъ свѣтскихъ понятій. и условій, который яредодается преимущественно женщинамъ высшаго круга, и, если онъ принять и соблюденъ въ точности, приготовляемыхъ какъ нельзя лучше къ искусственной, легкой, условной жизни, имъ предназначенной. — И почему бы не такъ? вѣдь растутъ же цвѣты въ оранжереяхъ, и живутъ птицы въ клеткахъ!... Конечно, никогда бѣдное, тонщее растение, выращенное въ теплицахъ и парникахъ, не получить той мощной красоты, той дикой роскошной свѣжести, того сильнаго аромата, которыя принадлежать исключительно твореньямъ Создателя и природы, разцвѣтающимъ свободно и произвольно на родной почвѣ, подъ небомъ и воздухомъ, имъ свойственнымъ; конечно, никогда блѣдная канарейка или слѣпой соловей, вскармливаемая въ клеткахъ для удовольствія хозяевъ, не запоетъ такъ весело и громко, не полетитъ такъ живо и стремительно, какъ вольныя птички Божіи въ лѣсахъ.... но и ты и другія украшаютъ жилища наши: одни услаждаютъ нашъ взоръ своими яркими красками, и ласкаютъ обоняніе наше своимъ душистымъ дыханьемъ, — другія тышатъ нашъ слухъ своимъ чириканьемъ, забавляютъ прихоть нашу — чего же больше?... А что они достигли, или нѣтъ, своего полнаго развитія, проявленія всѣхъ своихъ силъ и свойствъ, данныхъ имъ матерью природою и неисчислимою щедростію Творца, — что свѣту за дѣло? не все ли ему равно?... И если, вмѣсто женщины, твари разумной, одаренной безсмертной, всеобъемлющей душой, любящимъ сердцемъ и свѣтлымъ умомъ, — изъ тепличекъ подобнаго воспитанія, выходитъ часто безмозглая кукла, способная только наряжаться и *отмалчиваться* на всѣ вопросы жизни, — что же за бѣда? Вѣдь иногда кукла безвреднѣе, и особенно сподручнѣе женщины: кукла не имѣетъ ни личнаго мнѣнія, ни слишкомъ большихъ требованій; кукла вездѣ помѣстится, не стѣсняя никого, а женщина, пожалуй, могла бы.... Да что тутъ долго сравнивать! Многіе поймутъ и оцѣнятъ всѣ отрицательныя достоинства и преимущества куклы передъ женщиной! Отъ того-то куклы такъ все и удается въ свѣтъ и на свѣтъ!...

Марина была не кукла, — и потому ей не все удавалось....

Лишившись матери на осьмнадцатомъ году своей, она осталась скорый заботой, чѣмъ отрадой, на рукахъ отца, обремененнаго и безъ того службой и дѣлами, и была поручена дома надзору гувернантки, — вѣ дома, и при рѣдкихъ дѣвическихъ выездахъ, покровительству двухъ тетокъ, изъ которыхъ одна была двоюродная, стало быть, мало въ ней принимала участія, а другая, сама еще хорошенькая и довольно молодая, занималась гораздо болѣе собою, нежели племянницею. — Утромъ отецъ приходилъ пить чай къ дочери, ласкалъ ее много, разспрашивалъ о вчерашнихъ выездахъ и занятіяхъ, о томъ, что могло ей быть нужно или пріятно, исполнялъ ея требованія и даже прихоти, — крестилъ, цѣловалъ, (онъ былъ очень нѣжный отецъ), и утѣшалъ на весь день. Обдѣывалъ онъ съ нею вообще всегда, когда былъ дома и не имѣлъ гостей; но правда, что разъ пять въ недѣлю онъ или былъ отозванъ, или самъ долженъ былъ принимать друзей и сослуживцевъ своихъ, а потому, нельзя же было ему и не побывать въ клубъ, или въ ресторанахъ, прославленныхъ гастрономическимъ искусствомъ. — И такъ, Марина знала, что у нея отецъ, который ее любитъ, такъ какъ каждый изъ насъ знаетъ, или могъ бы знать, что у него есть своя звезда-хранительница и сопутственица, данная рокомъ, — но не видала этого отца, какъ многочисленнѣйшіе изъ насъ не видятъ и не могутъ видѣть въ глаза своей звезды. — Марина имѣла полный досугъ, была предоставлена самой себѣ въ эти самые опасные и самые знаменательные года жизни, гдѣ человекъ знакомится прежде съ самимъ собою, потомъ со всѣмъ, что можетъ привлекать его вниманье, и порождать его участие. Гувернантка, женщина добрая, тихая, накапливающая послѣдній десятокъ заработаннаго ею количества тысячъ русскихъ рублей, чтобъ размѣнять ихъ на французскіе сантимы и удалиться съ ними на покой въ свой родимый городокъ на берегахъ Луары, — гувернантка очень заботилась объ своей питомицѣ, — то есть спрашивала, хорошо ли она спала, одѣлась ли довольно тепло въ ненастную погоду, — и только! Да больше отъ нея, правда, и не требовалось! Марина вѣдь кончила свое воспитанье съ учителями, и ей оставалось только ожидать услов-

наго возраста и окончанія годичнаго троура, чтобъ лавиться формально въ свѣтъ. — Наставница пила и перешивала свои чепцы, считала и пересчитывала свои будущіе доходы, по вечерамъ вязала чулки или дѣлала *филе*, — но все это, въ одной комнатѣ съ Мариною, и не спуская глазъ съ нея. — А Марина думала и мечтала!...

Лермонтовъ, мой милый Лермонтовъ, братски мной любимый, разсказать намъ своими звучными, музыкальными стихами, какъ демонъ воспитывалъ княжну въ старинномъ домѣ и пустомъ залѣ ея знатныхъ предковъ. Смерть, пресѣкавшая за-одно скитальческую, неудовлетворенную, тревожную жизнь нашего друга-товарища, и его обаятельную, прелестную *сказку для дѣтей*, лучшее его произведеніе въ артистическомъ отношеніи, эскизъ художника, обвѣщавшій мастерскую картину, смерть не дала ему докончить разсказъ, и показать намъ *мораль*, то-есть, выводъ и заключеніе такого воспитанія. Но, по тому обстоятельству, что его демонъ выбралъ *зеркало* въ подмогу и способъ своего преподаванія, можно заключить, что онъ былъ духъ суетности и тщеславія, питатель женскихъ прихотей и женскаго самолюбія, — и что княжна его должна была выйдти изъ его школы отличной кокеткой, посвященной во всѣ таинства науки свѣта и общежитія. — Есть и другіе демоны, которымъ обстоятельства часто дозволяютъ вѣдѣваться въ дѣла, худо веденныя человекомъ, и воспитывать дѣтей, брошенныхъ имъ на произволъ. Напримѣръ, демонъ *любознанія*, или еще другой, лукавый, сладкогласный, медоточивый демонъ *несбыточныя надежды и тревожныхъ ожиданій*, который лучше и вѣрнѣе всѣхъ прочихъ знаетъ дорогу къ дѣвичьему уху и дѣвичьему сердцу, который вкрадчивѣе другихъ, и вѣдѣе всѣхъ другихъ опаснѣе, потому что онъ обращается не къ дурнымъ, а къ лучшимъ потребностямъ и качествамъ юныхъ организаций, имъ приготовляемыхъ къ горю и страданью. Этотъ демонъ не съ зеркаломъ и не съ наущеніями лести и кокетства приступаетъ къ своимъ слушательницамъ, — нѣтъ! онъ говоритъ имъ о лучшихъ порывахъ и чистѣйшихъ чувствахъ сердца; онъ открываетъ имъ, что есть, что должно

быть въ жизни высокое, полное, страстное счастье, совершенство и исполненіе всего, что можно желать въ мірѣ; — онъ показываетъ имъ книги, гдѣ находится быль всѣхъ любившихъ и всѣхъ страдавшихъ на землѣ, — и говорить имъ: «что? что есть жизнь!» Книги, — да, да, книги! Отъ нихъ зависить часто, или почти всегда, не только судьба женщины, но и внутреннее ихъ направленіе, характеръ ихъ, образъ мыслей, все, что довершаетъ, или даже составляетъ женщину. — Есть у многихъ народовъ одна и таже пословица: «скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишься, я скажу тебѣ, кто ты?» — а мы говоримъ: «скажи мнѣ, что ты читаешь, назови свою любимую книгу, — и мы тебѣ скажемъ, что ты за человекъ, и каковы твой умъ, твое сердце, твои наклонности.» — (Моя же любимая книга — Байронъ, какъ выраженіе самое полное, самое вѣрное и самое блестящее притомъ, всего того, что можетъ передумать, перечувствовать, перетерпѣть чадомъ века сего, — созданье многосложное и многознающее, живущее въ борьбѣ и разладѣ съ жизнью, одаренное свыше Богомъ, и не понятое, а потому гонимое людьми, желающее многого, и получающее слишкомъ мало... требующее отъ людей правды и чувства, и принужденное сталкиваться ежедневно, и на каждомъ шагу, съ ложью, съ неправдою, съ насмѣшкою и глупостью, созданье, переполненное ненужныхъ силъ и лишнихъ потребностей, влекомое въ лучший, высшій міръ болезненнымъ порывомъ души своей, — и останавливаемое на землѣ пыломъ земныхъ страстей и тяжестью неудовлетвореннаго сердца. Но не все ли равно, зачѣмъ я люблю Байрона, и вообще, люблю ли я что-нибудь на свѣтѣ?... Возвращаемся къ нашему разсказу!...)

Да, по книгамъ можно и должно судить о читателѣ. — И потому мнѣ всегда дико, жалко и больно, когда я вижу молодыхъ женщинъ нашего времени, читающихъ усердно и жадно... *Поль-де-Кока*!... И только одного *Поль-де-Кока*, или пожалуй еще разгульно-бойкіе вымыслы *Евгенія Сю*, *Сулье*, молодого *Дюма*, всей этой школы гулякъ-весельчаковъ, — да *Дикенса*, этого представителя *реализма*, то-есть, осуществленія въ ли-

цахъ всѣхъ пошлостей и ничтожностей людинаго человѣка; Дикенса, талантливаго и добросовѣстнаго, пожалуй, но заблуждающагося коновода цѣлыхъ сотенъ бездарныхъ производителей такъ называемой новѣйшей *мичиганской* литературы (*); литературы, имѣющей цѣлю не возвышать мысль, и не воспламенять душу къ служенію высокаго и прекраснаго, а единственно выводить подъ самыми яркими красками все обыденное, всякому понятное и знакомое. По несчастію, это поклоненіе уродству моральному и физическому, это прославленіе всего худшаго и противнаго, это противуэстетическое направленіе, достигло теперь величайшаго развитія, и, какъ зараза, овладѣло вкусомъ новаго поколѣнія. Но каково же слышать похвалы ему межъ женщинами, прежде стражами божественнаго огня поэзіи и красоты! Это производитъ на меня такое же впечатлѣніе, какъ видъ молодой прелестной дѣвушки, срисовывающей, потупя глазки, съ примѣрною рачительностью и тщательностью, Поль-Потерову корову, или пишущей портретъ съ натуры съ индейки или какого-нибудь еще низшаго животнаго, нужнаго и ползнаго обитателя скотныхъ дворовъ, но неприличнаго и страннаго гостя для гостинной или уборной.... Вообще *положительность и натуральность* мнѣ кажутся не принадлежностью женщины, и я съ уваженіемъ вспоминаю о матеряхъ и теткахъ нашего столь положительнаго и столь натурального поколѣнія, которыя, въ свои молодые годы, срисовывали эскизы и этюды по Рафаэлю, и читали Шатобріана, Шиллера, Жанъ-Поля, пожалуй и *M-me Cottin*, и *M-me de Genlis*, и Миссъ-Джеанъ Портеръ, отъ которыхъ не приходилось краснѣть ни щечкамъ, ни затемнигся ихъ воображенію. Да, тогда выучивали наизусть Расина, Жуковского, Millevoye, Батюшкова. Тогда пѣли чувствительные романсы; тогда, какъ величайшее отступленіе отъ принятыхъ правилъ, какъ грѣхъ противъ нравственности, почиталось прочесть *новую Элоизу*, и дѣвушки не смѣли въ томъ признаться ни подружкамъ своимъ, ни женихамъ. — Я помню время, когда мнѣ было лѣтъ семь, и тетки мои и взрослые кузины тайкомъ

(*) Редакція считаетъ своимъ долгомъ вступить за Дикенса.

переписывали и декламировали *Горе отъ ума*, почитаемое чуть ли не *безнравственностью* за первую сцену, гдѣ Софья Павловна и Молчалинъ ночью разыгрываютъ серенады на фортепьянахъ и флейтъ: — съ тѣхъ поръ, насъ къ многому приучили, и мы обстрелены какъ усахи!.. Тогдашнія женщины не нынѣшнимъ чета! Онѣ мечтали, онѣ плакали, онѣ переносились юнымъ и страстнымъ воображеніемъ на мѣсто юныхъ и страстныхъ героинь тѣхъ *устарѣвшихъ* книгъ; — это все можетъ быть очель *слышно и слишкомъ сентиментальна*, но теперьшнему, — но за то, вскожите, что *мы* *молодые* мечтательницы дали намъ Татьяну, восхитительную Татьяну Пушкина, милый, благородный, прелестный типъ дѣвушки тогдашняго времени, — а нынѣшнее, а любительницы Поль-де-Кока и Евгеніа Сю, а *брыжжи* наши, которыя съ шестнадцати лѣтъ понимаютъ Беранже, выученнаго наизусть тайкомъ отъ маменекъ и наставницъ, у которыхъ онѣ ихъ крадутъ, — что онѣ дадутъ поэзіи?... что онѣ обьщаютъ жизни!... Жалкихъ *списковъ съ плохихъ оригиналовъ*, какъ говорилъ Грибоедовъ, во время котораго, впрочемъ, знали только *грязетокъ*, а не новѣйшій типъ отчаянныхъ и забубенныхъ *femmes-vivants*!... *Мечтательницы*, отживъ свою молодость, оставались, и остаются еще теперь, образованны, женственны, готовы понимать все высокое и любить все прекрасное; — онѣ воспитываютъ своихъ дочерей въ строгомъ соблюденіи собственного достоинства, и внутреннего и наружнаго; онѣ проповѣдуютъ имъ, иногда неловко, о всегда съ хорошею цѣлію, о *приличіи* и о *добродѣтели*, нагло осмѣянныхъ модною безнравственностью, и хоть словами отстаиваютъ чувство и назначенье женщины. А приверженцы *естественности* и *правды*, открытыхъ мѣщанскою литературою, начитавшись и посмотрѣвшись вдоволь забавныхъ біографій *грязетокъ*, *лоретокъ*, *львицъ*, и тому подобныхъ разныхъ породій на женскій полъ, — онѣ слишкомъ часто принимаютъ мнѣнія и правила своихъ героинь, онѣ привыкаютъ смотрѣть на жизнь съ ихъ веселой и разгульной точки зрѣнія, — изъ шутки и шалости сначала, потомъ, по привычкѣ и склонности, подражаютъ ихъ обычаю, выучиваются курить, тянуть шампанское

не хуже удалыхъ гусаровъ, прославленныхъ бойкимъ стихомъ Давыдова, — и стараются осуществить на дѣлѣ, и перенести изъ книгъ въ дѣйствительность, сцены и бытъ, знакомые имъ по моднымъ *romans de mœurs*. — Не лучше ли плакать надъ смертію Аталы и надъ судьбой Теклы Валленштейнъ, чѣмъ гоняться за похождениями, наружностью и нравами *Von Pompon*, и *Zizine*?... *Rose* и *Grangette*? (Здѣсь не упоминается о новѣйшихъ романахъ русской литературы, потому что, хотя они и водятся, какъ говорятъ, въ какихъ-то журналахъ, но дамы и дѣвушки высшаго сословія ихъ не читаютъ, и они представляются горничнымъ, для которыхъ вѣроятно и написаны!).

Но, если спросятъ насъ, по чести и совѣсти, — что безопаснѣе и безвреднѣе для дѣвушки: разгульная ли безнравственность Поль-де-Кока, или глубоко-страстные страницы романистовъ и поэтовъ серьезной школы, — мы задумаемся, — и на вопросъ ответимъ лишь другимъ вопросомъ: «въ какомъ отношеніи предполагаются вредъ и опасность, — въ униженіи ли и разрушеніи высокой женской души и благороднаго женскаго характера, или, напротивъ, въ пагубномъ вліяніи на участь женщины въ свѣтѣ, черезъ излишнее развитіе всѣхъ ея способностей и требовательностей, долженствующихъ остаться въ жизни безъ примѣненія и безъ исхода?...» — Смотря на ответу, и мы объяснимъ нашу мысль. Если рѣчь идетъ не о достоинствѣ и возвышенности чувствъ, а только о спокойствіи и счастіи женщинъ, — то, въ такомъ случаѣ, другое дѣло! — Тогда, пусть онѣ читаютъ и пожираютъ книги, гдѣ жизнь описывается въ тѣсной рамѣ и подъ тусклыми красками сухой дѣйствительности, или представляется рѣзвой пирушкой, сопутствуемой вѣчнымъ смѣхомъ и звономъ чаши, подъ звукъ веселыхъ, удалыхъ припѣвовъ.... *Прошлое* спасетъ ихъ отъ *восторженности*; *тривиальность* предохранитъ ихъ отъ *мечтанья*. Онѣ будутъ не столь совершенны, — но болѣе приспособятся ко всему житейскому; станутъ смотреть на жизнь съ смѣшной, водевильной ея стороны, — и минуютъ драму глубокой страсти и мучительной борьбы. — *Шалить* будутъ онѣ, — не *любить*!... Шалости прощаются свѣтомъ, да и скрываются легко! Отъ нихъ не увядаетъ красота, не блѣд-

любят розовыя щечки; ихъ можно приткнуть подъ такимъ обаятельнымъ лицемъриемъ!... — Быть можетъ, потому теперь и стараются всѣ, или почти всѣ женщины, избѣгать любовныхъ романовъ и страстныхъ драмъ, какъ въ жизни, такъ и въ чтеніи, и напротивъ, такъ охотно разыгрываютъ соблазнительные, но забавные водевили?...

Марина, — это легко угадывается, — Марина не могла попасть въ число читательницъ, образуемыхъ по образу и подобию любимыхъ типовъ новѣйшихъ *положительныхъ* романистовъ. Мать ея, женщина, слабая и вѣчно больная, но благовоспитанная и набожная, не могла сама заниматься ею, но тщательно и любовно присматривала за ея учителями и гувернантками, и выбирала ихъ сама со всевозможной осторожностью. — Марина была ея единственное дитя, и, не вставая съ дивана, куда приковала ее болѣзнь, мать слѣдовала за нею мыслію и надзоромъ, и охраняла ея дѣтство и первые года девическаго возраста, такъ что ни одно знакомство съ подругами, ни одинъ урокъ, ни одна книга, не доходили до дочери безъ ея вѣдома, позволенія и разбора. Мать Марины не допускала до нея ничего такого, что могло бы возмутить разцвѣтаніе этой розы, блестящей и бѣлоснѣжной. — Впечатлѣнія и мысли доходили до дѣвочки провѣявшаго и прочищеннаго материнскою заботливостію. Эта больная мать была сама изъ числа тѣхъ *мечтательницъ*, о которыхъ мы говорили, и она воспитывала себя идеальную дѣвушку, украшенную всеми изысканными и немного изысканными совершенствами романтическихъ героинь, расхваленныхъ и воспѣтыхъ въ ея собственную молодость. — Когда она умерла, Марина продолжала идти по ея слѣдамъ и внушеніямъ, и хотя она осталась, какъ мы видѣли, почти полною хозяйкою себя самой и отцовскаго дома, но направленіе уже было принято, вкусъ развитъ, душа окрѣпла, если такъ можно выразиться, и дѣвушка сдержала все то, что обещалось дѣвочкой. — Это самое уединеніе Марины, эта умственная заброшенность, въ которой ее оставляли, способствовали къ ея полному, своеусловному, ни отъ кого и ни отъ чего не зависящему развитію.

Марина, ожидая возраста, назначеннаго для ея выхода въ свѣтъ, росла и крапала мысленно, и приучалась сознать себя и свои чувства. Когда гувернантка ея говорила отцу, что она легла въ 11 часовъ, и спокойно почивала до 9-ти, Марина улыбалась, потому что подъ кисейною занавѣскою ея кровати всегда ожидала ее какая-нибудь любимая книга, которую она иногда до зари не выпускала изъ рукъ, откуда все въ комнатѣ и домѣ на ея половинѣ спало невозмутимымъ сномъ. Марина жила въ мірѣ, открытомъ ей материнскимъ мановеньемъ. Книжки замѣняли ей воспитателей, она окружила себя гениями и мыслителями всѣхъ вѣковъ и народовъ: Гёте, Шмиллеръ, Жанъ-Поль, Шекспиръ, Данте, Байронъ, Мольеръ, и сладкострунные поэты, теперь такъ пренебрегаемые у насъ, Шенье, Жуковский, Пушкинъ, Муръ, Гюго, и романисты, знатоки человеческого сердца — Бальзакъ, Жоржъ-Зандъ, Бовверъ, Нодье, — и все, что только могло возвысить душу, развить воображеніе, тронуть сердце взрывающей затворницы, — все это любила, знала, почивала она. Конечно, чрезъ это переселеніе въ міръ идеальный и письменный она удалялась понятіями и чувствами отъ дѣйствительности, предавалась мечтательности и восторженности: но это самое придавало особенную прелесть ея словамъ, ея обращенію; она говорила, какъ другіе шипуютъ, и въ ней не было ничего суетнаго и пошлаго, чѣмъ вортятся двушки, слишкомъ рано посвященныя въ свѣтскую жизнь и ея развлеченія. — Когда Маринѣ минуло 18 лѣтъ, и ее стали, изрѣдка и по немногу, показывать свѣту на родственничьихъ обѣдахъ, или вечеринкахъ за кресто, у короткихъ знакомыхъ, она всюду производила такое впечатлѣніе своимъ появленіемъ и своею красотою, что ровесницы и подруги ея стали на нее поглядывать не совсемъ благосклонно, и не охотно принимали ее въ свой кружокъ въ углу гостиныхъ, откуда они обыкновенно наблюдаютъ за женщинами, и пробуютъ кокетничать съ мущинами. — Даже сама тетка ея, госпожа Горская, эта дама еще молодая, которая, достигши пятидесяти лѣтъ, (вообще всегда очень неизвѣстными), сохраняла еще привычки и пригазанія первой молодости, даже Горская не любила вывозить ее и являться рядомъ съ нею. Марина слишкомъ

затмѣвала другихъ женщинъ!—Отъ того случилось, что, когда Маринѣ захочется въ театръ, Горской вдругъ сдѣлается такъ какъ не возможно ее везти, или, когда Марина явится куда-нибудь въ гости слишкомъ цѣлущая и блистательная, у Горской разболится голова, и онѣ должны увѣзжать домой. — Другая тетка, двоюродная, очень умная и добрая, мать семейства, хозяйка открытаго и гостепріимнаго дома, не всегда была свободна къ услугамъ Марины, которую она искренно любила и высоко цѣнила. Марина очень хорошо понимала и тонкости Горской и невыгодность своей зависимости отъ чужихъ капризовъ, или чужихъ досуговъ. — Отъ того-то и отдали ее замужъ очень рано. — Когда богатый, знатный, но 45-ти-лѣтній Ненскій сталъ свататься за Марину, чрезъ Горскую, и отецъ, обрадованный такимъ выгоднымъ и по всему блестящимъ женихомъ, призвалъ Марину въ кабинетъ свой, чтобъ сообщить ей его предложеніе, разумеется, Марина тотчасъ отказала, и отецъ, страстно ее любившій, нимало не вздумалъ ее принуждать. Но тутъ вся родня пришла въ движеніе и стала хлопотать въ пользу жениха. Горская взялась адвокатствовать. Она хвалила и высчитывала Маринѣ всѣ выгоды, всѣ преимущества такого брака. У Ненскаго и теперь одинъ изъ лучшихъ домовъ Петербурга, какъ по роскоши отдѣлки, такъ по блеску приѣма, — что же будетъ, когда онъ женится, и захочетъ ввести въ лучшее общество свою молодую и прекрасную жену? Ненскій занятъ, дѣла и служба поглощаютъ его совершенно, — Марина будетъ тѣмъ свободнѣе! — Ненскій: самолюбивъ, и любитъ, чтобъ все ему принадлежало: блистало и удивляло: Марина, любящая по догадкамъ себѣскія удовольствія, будетъ ими наслаждаться вполнѣ, — и такъ далѣе! Но Марину вся эта логика не трогала, и даже не смущала. Не ее можно было соблазнить такою мишурою! Марина не чувствовала въ себѣ ни сребролюбія, ни честолюбія, ни суетности — Марина иначе понимала жизнь, хотѣла, и твердо хотѣла прямого счастья, — а Марина знала, что оно дается только бракомъ по любви. Марина хотѣла любить своего мужа, и для того надобно было, чтобъ женихъ могъ ей нравиться.

Тогда принялась за дѣло другая тетка.—«Другъ мой,—говорила она Маринѣ,—не потому только, что Ненскій богатъ и выгодна партія, какъ у насъ выражаются,—а потому, что онъ прекрасный человекъ, благородный, честный, и всѣмъ давно извѣстенъ съ хорошей стороны, совѣтую я тебѣ за него выйти. Онъ не молодъ—вотъ все, что противъ него можно сказать.—Посмотри около насъ: мы знаемъ много молоденькихъ парочекъ, сочetaвшихся по любви,—а много ли изъ нихъ счастливы?... Иныхъ женъ, избравшихъ себѣ мужей почти ровесниковъ, и совершившихъ въ полномъ угарѣ блаженства и необдуманности важный шагъ въ жизни женской,—не запираютъ ли по ревности, и не тиранятъ ли по капризу, по глупости, по дикости своей, ихъ молодые мужья, образованные, но не воспитанные, по теперешнему обычаю.... Другихъ, и притомъ хорошихъ, умныхъ, любящихъ, не бросаютъ ли послѣ медовыхъ мѣсяцевъ супружества, чтобъ вернуться къ разгульной и безсмысленной жизни товарищей, чтобъ предаваться картамъ, даже чтобъ водочиться за французскими актрисами, или наѣздницами цирка.... И чего ожидать отъ мужчинъ, не вышколенныхъ еще опытомъ, и не обуздываемыхъ ни уваженіемъ къ семейству, ни религіей, ни строгими правилами, ни разсудкомъ?... Поищи, сосчитай,—назови мнѣ счастливое супружество!... Молодость вообще страшная эгоистка: она хочетъ жить, быть, наслаждаться; все, что она любитъ, скорѣе ей средство, чѣмъ цѣль,—и она во всемъ даже любимомъ ищетъ своего удовлетворенія, а не исполненія обязанностей, и не привязанностей, которымъ бы пожертвовала вполне собою и своими страстями,—или просто своими прихотями. Молодой человекъ ищетъ себѣ въ женѣ не столько подругу, сколько игрушку, не столько даетъ ей свою любовь, сколько требуетъ отъ нея ея любви и своего счастья. Онъ знаетъ, что нравится, что можетъ и долженъ нравиться; онъ въ бракъ вступаетъ побѣдителемъ,—и какъ побѣдитель, повелѣваетъ, а не подчиняется!—Мужчина зрѣлыхъ лѣтъ, напротивъ, не можетъ питать самоуверенности и самодовольствія,—онъ ужъ пересталъ нравиться, и слава Богу для женщины или дѣвушки имъ избранной! И если онъ, какъ Ненскій человекъ, умный и достойный, съ нимъ болѣе данныхъ для счастья супру-

жеской жизни. — Ненский будетъ тебя любить и баловать...
Право, право, эта участь стоитъ, чтобъ о ней подумать!...

Еще говорили Марина: «Ты сирота. Мудрено дѣвушка
одинокой поддержать въ свѣтской жизни, сдобровать въ
строгомъ, взыскательномъ, насмѣшливомъ обществѣ. — Малей-
шая вѣтренность, малѣйшая необдуманность, могутъ выставить
ее на жертву нападеніямъ и злѣвѣчію, и то, что ничего бы не зна-
чило при покровительствѣ и защитѣ матери, становится предосу-
дительною дѣвушкѣ, не имѣющей такой опоры. — Ты лучше,
пригоже, умнее многихъ другихъ: этого ужъ довольно, чтобъ
тебя завидовали, чтобъ матери и дочери вооружились противъ
тебя, и преслѣдовали тебя по-женски, — то-есть, безпоощадно! —
Горская первая тебя выдастъ: ты ей мнѣша; при тебѣ она
не такъ молода, какъ бы хотѣла, не такъ хороша, какъ бы
могла еще казаться, — она не можетъ тебѣ этого простить, —
и выѣзжая съ нею, ты для нея обуза. Выйдя за Ненскаго, ты
переимѣнишь вдругъ свое положеніе на самое блестящее,
самое спокойное, самое упроченное... Ты будешь *счастливою*
женщиною!» —

Но и эти доводы не убѣждали Марину! Еслибъ ей было
семнадцать лѣтъ по разсудку и мыслямъ, какъ по лѣтамъ
календаря, — еслибъ она, какъ многія другія ея сверст-
ницы, была ребенкомъ, доверчивымъ и легковѣрнымъ, пу-
стымъ и суетнымъ, — ее бы легко уговорили, и блестящій
домъ, кареты, брилліанты, кружева, а еще болѣе, незави-
симость, свобода, возможность выѣзжать одной, однимъ
словомъ, все, что обыкновенно у насъ обидается и суется
подъ заманчивою фирмою чепчика, этой принадлежности за-
мужнихъ женщинъ, — все это вознаградило бы въ ея глазахъ
старость 45-ти-лѣтняго жениха, — и она согласилась-бы, какъ
соглашаются слишкомъ многія! — Но Марина была дѣвушка
умная, разсудительная, съ благородными мыслями, чувствами
и принципами, что называютъ у насъ, *серьёзная*. И такъ, она
жизнь понимала и принимала *серьёзно*, — и потому, всѣ перспек-
тивы брака, куда ее заманивали, не казались ей такими, на-
кими казались онѣ ея воображенію, какими преслѣ ее сердце....
Если бъ она даже была избалованное дитя, полное настоящи-

вости и упрямства, то жизнь ея, въ этотъ рѣшительный мигъ, приняла бы другой оборотъ: она бы раздѣлалась, разшумѣлась, быть можетъ, даже бы занемогла дня на два, — и жениху было бы отказано на отрывъ. — Но Марина мѣла много преимуществъ передъ своими сверстницами, — и этими-то самыми преимуществами воспользовались противъ нея.

Нападенія принимали другой видъ, подчинились другой тактикѣ. — По наущеніямъ Горской и согласно съ ея соображеніями, Ненскій сталъ часто посещать домъ отца Марины, и являлся вездѣ, гдѣ только могъ ее встрѣтить. — Онъ оказывалъ ей особенное вниманіе, явное предпочтеніе; вышиваясь во вся разговоры, ее зиниваніе, изобличая умъ, чувства, благородную готовность ко всему хорошему, часто говорилъ о пустотѣ и неполнотѣ жизни одинокаго человека, о трудности найти женщину, вполне достойную такого имени, о счастьи посвятить себя единственно избранной того достойной. — Бракъ почиталъ союзомъ священнымъ двухъ душъ, сближеннымъ родствомъ понятій и сочувствій. — Однимъ словомъ, Марину атаковали всѣмъ тѣмъ, что было въ умѣ и сердцѣ ея высокаго, пріятнаго и глубокаго. — Самолюбію ея кадилось не такъ, какъ обыкновенно заведено: ей не льстили прямо и въ лицо, ей не говорили о ея красотѣ и милости, — но ей показывали, что ее ставятъ выше всѣхъ, и понимаютъ, какъ она хочетъ быть почитаемою. — Къ ея нѣжнѣ, къ ея муску, къ малѣйшему ея слову или движенію оказывалось утонченное вниманіе и уваженіе. — Какъ было ей противустать... Марина болѣе и болѣе принимала къ Ненскому, пріивала его почитаніе, — и сказавши себѣ: «яамъ, что этому человеку нѣтъ десяти лѣтъ меньше!» — черезъ три недѣли она согласилась быть его женою!...

III.

ЗАМУЖЕСТВО СЧАСТЛИВОЙ ЖЕНЩИНЫ.

А Ненскій, стало быть, въ своемъ дѣлѣ очень любилъ Марину, что онъ не могъ жить безъ нея!...

— Ой нѣтъ!... Ненскій ничего не любилъ на свѣтѣ, кроме дѣлъ своихъ, денегъ, оборотовъ, значенія въ обществѣ, да хорошаго новара....

Или онъ очень былъ влюбленъ въ нее?...

— Нисколько!... Въ его года, люди положительные не влюбляются. Для нихъ самое прелестное личико не болѣе картинки, самая милая дѣвушка не иное что, какъ ребенокъ, чье вниманье пріобрѣтается болѣе или менѣе долгимъ угожденіемъ и ухаживаніемъ, смотря по его характеру. — Женщина для нихъ дама, которую они цѣнятъ смотря вотому, какое положеніе она занимаетъ въ свѣтѣ, и съ кѣмъ въ родствѣ или сношеніи. Нарядное платье, модная шляпа, приличный тонъ, необходимая свѣтскость и благовоспитанность, вотъ все, чего они требуютъ отъ женщины вообще, — и отъ своей жены особенно. — Болѣе имъ и не нужно! — Дѣло въ томъ, что Ненскій вдругъ рѣшился жениться, то есть, что ему надобно маяться по холостому, и на холостой ногѣ, и онъ, подумавши, заключилъ, что слѣдуетъ обзавестись женою, хозяйкою дома, и потому надо ее выбрать какъ можно лучше, въ знатной семьѣ, хорошенькую, образованную, блистательную, чтобъ она достойно носила его имя, и поддерживала въ обществѣ его вѣсъ и значительность.

Ненскій до сорока пяти лѣтъ, и до втораго своего парика, прекрасно прожилъ безъ жены, вовсе не замѣчая, чтобы ему чего-нибудь въ жизни доставало, и не поддавался никогда на всѣ убѣжденія, намѣки и разсужденія о необходимости и пристойности брака, которыми его обильно угощали маменьки и тетеньки во всѣхъ домахъ, куда онъ ѣзжалъ, и гдѣ были зрѣлыя невѣсты. — Ненскій умѣлъ пользоваться и свободой своей, и своимъ состояніемъ; Ненскій посвѣщалъ общество французскихъ актрисъ, не пропускалъ ни одного маскарада, давалъ у себя обѣды и балы для молодыхъ людей и дѣлъ не совершилъ отборнаго, хотя очень веселаго общества, короче, наслаждался по своему. — Но, не задолго предъ его знакомствомъ съ Мариной, ему измѣнила одна танцовщица, обобрала его какая-то Андалузянка съ береговъ Гвадалквивира, — и всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ, соображалась съ новыми морщинами, которыя неучитивое зеркало ему неумолимо изобличило, вселили въ умъ Ненскаго позднее отвращанье къ холостой жизни, и мало по малу, навели его на мысль искать преобразованья и совершеннаго

мерерождения въ женитьбѣ. — Онъ свелъ счеты за нѣсколько лѣтъ, и нашелъ, что никакая жена, какъ бы дорого не обошлось ея водвореніе въ домъ и барское содержаніе, не будетъ ему стоить тѣхъ денегъ, которыя выманивались у него жадными предметами его бѣглыхъ и осѣдлыхъ предпочтеній. — Къ тому жъ, жена, законная жена, это почетнѣе, важнѣе, — да жена и не убудетъ съ какими-нибудь парикмахеромъ, проживать въ Парижѣ полновѣсные червонцы, добытые у Русскаго богача.

Онъ хотѣлъ *кончить*, какъ говорится, — потому и вознамѣрился выбрать подругу между тѣхъ, которыя желаютъ *жить*... Оно всегда или почти всегда такъ бываетъ!

Разумѣется, Ненскій сталъ мысленно выбирать и перебирать самыхъ видныхъ, самыхъ модныхъ двѣушекъ лучшаго круга, заранѣе увѣренный, что ему не откажутъ. — Марина бросилась ему въ глаза какъ блестящій метеоръ. Не только замѣчательная красота ея, но молва о ея разумѣ, разсудительности, прекрасномъ воспитаніи, имя и санъ ея отца, все это льстило самолюбиво и честолюбиво Ненскаго, все это обещало ему не причудливую пустую бабенку, а *даму солидную*, хозяйку, какую онъ именно желалъ для своего дома, и вотъ почему онъ такъ рьятельно и такъ упрямо положилъ себѣ задачею получить ея согласіе. — Преслѣдуя ее, и стараясь ей нравиться, онъ не притворялся и не игралъ комедіи: нѣтъ, онъ только приводилъ въ дѣйствіе всѣ свои лучшія способности, выказывалъ себя въ лучшемъ видѣ, съ лицевой стороны, чтобъ достигъ желанной цѣли. — Это вѣдь нельзя почитать обманомъ; это значить только, по словицъ, *товаръ лицомъ продавать*, и являться неопытной двѣушкѣ въ *праздничной формѣ*. Вольно же двѣушкѣ не знать, что эта *праздничная форма* характеровъ и людей не общепотребительна *потомъ*, въ домашнемъ, обиходномъ житіи, и что она, подобно парадному мундиру, надѣваемому только *при случаѣ* и въ *оказіи*, — дома обыкновенно складывается съ плечей, и бережется тщательно, впредь до востребованія!...

Покуда Ненскій не былъ женихомъ Марины, онъ бросилъ всѣ занятія свои, запустилъ всѣ дѣла, подчиняя во всемъ свою жизнь жизни двѣушки, и стараясь своимъ присутствіемъ вѣчно доказывать ей свою привязанность. — Марину удивляло и тро-

гаю такое поведение со стороны человека степенного; оно доказывало ей, как дорого онъ ее цѣнитъ, и это ее убѣждало прини-
мать исканье Ненскаго. Сдѣлавшись жениховъ, онъ пре-
доставлялъ всѣ желанья, всѣ прихоти своей невесты, въ глазахъ
ея старался угадывать ея мысль, и букетъ изъ дорожныхъ,
тройическихъ цвѣтовъ, который каждое утро подавался ей отъ
его имени, не былъ искусстве подобранъ и изысканье составлялъ,
чѣмъ весь планъ обхожденья *степеннаго* человека съ благо-
дарной ему Мариной. После брака, заставъ блестяще и бо-
гатые праздники, открывъ свой домъ, и поставивъ его на луч-
шей ногѣ, Ненскій назначилъ Маринѣ по три тысячи въ мѣсяцъ
на ея булавки,—предоставилъ ей полную свободу и весь домъ
къ ея распоряженію.—Потомъ же, самъ онъ, по немногу, воз-
вратился къ своимъ бумагамъ, счетамъ, деламъ и служебнымъ
отношеніямъ, и видѣлся съ женою только мелькомъ, чтобы
оговориться съ нею о приѣмѣ гостей, или о времени ея выѣздовъ
въ свѣтъ, куда онъ любилъ ее сопровождать, наслаждался и
торжествуя при видѣ впечатлѣнья, всюду ею производимаго.

«Прекрасный мужъ, почтенный человекъ, крѣпкій Нен-
скій!» кричали единогласно и Горская, и отецъ Маринины, и старая
гувернантка ея, и даже сама двоюродная тетка, эта женщина
умная и добрая, любимая Мариною.—Да, всѣ они были вос-
хищены обхожденіемъ Ненскаго съ его молодого женою, и всѣ
поздравляли другъ друга съ такими желаннымъ и вполне благо-
получнымъ пристроеніемъ дѣвушки, или дорогой. «Счастливая
женщина!»—такъ стали называть Марину сперва въ семействѣ,
а потомъ въ свѣтѣ.—«Счастливая женщина!» раздавалось въ
ушахъ ея,—и когда всѣ вокругъ нея такъ были увѣрены въ
ея счастье, надо же было и ей сначала поверить, что въ са-
момъ дѣлѣ она счастлива!

И пѣнять ли имъ за то?...Проклянуть ли свѣтъ и людей
за ихъ ошибку, за ихъ ложныя понятія?...Нѣтъ,—они грѣшатъ
иногда по неведению, но забвению, и принимаютъ все крѣпко,
вѣрными, цѣнятъ и судятъ по наружности, по раскату, по
принятому мѣралу богатства и вѣсу золота; они счастливые
называютъ *блѣзосостояние*, и отсутствіе зла почитаютъ бла-
гомъ.—Они забыли, что сами были негодны,—забыли прежнія

сами воззрѣвъ на жизнь, и пренимъ съ ней недочеты, — они проповѣдуютъ жизнь и приняты, — и безъ худаго намерѣнья посылають жертву на казнь, душа вѣсти ее на торжество. — «Счастливая женщина» — это по свѣтски значитъ женщина, у которой богатый домъ и петербургскій экипажъ, лаковый обѣдъ и модное платье, — женщина, которая пользуется всѣми выдумками роскоши, всѣми капризами столь мужьями въ свѣтской жизни, — женщина, которую никто не огорчаетъ, не беспокоитъ и не стыдится. — Чего жъ ей болѣе.... Мужъ, доставившій всѣ эти удобства, не есть ли радкій, привычный мужъ?... И какъ не пожелать такого своей дочери, своей сестры?... И если твое сердце, бедная девушка, не принимаетъ ихъ ученыхъ, не разделяетъ ихъ положительности, если ты чувствуешь въ себѣ призваніе любить, жажду много, не столь вѣжливого счастья, потребность близости съ существомъ тебя милымъ и дорогимъ, то тебя скажутъ, что это пустые бредни молодости и неопытности, обманъ твоей восторженности и твоихъ мечтаний, — тебя же обманутъ, и тебя же осмѣютъ!.. Не спорь, — не говори по вдохновенію души твоей, или по внушенію молодого сердца, — ты не убедишь и не переубедишь никого!.. Вырви душе его изъ груди твоей, это безпокойное сердце, неумолимое пренебреженіе свѣта, — ваги совершенно многодумную голову, — и ступай по следамъ, проложеннымъ и протоптанымъ издѣлами твоими несчастными предшественниками... Поворачивайся!... Отдай свою свободу и свою судьбу въ руки незнакомаго человека, простись на вѣки съ любимыми своими надеждами и ожиданиями, — откажись даже отъ возможности ихъ исполненія, — отдай свои права на неожиданное, на неизвѣстное, на случай; — отучись говорить и думать: «быть можетъ» — разбей его и брось, этотъ пераобразъ, составленный пылкими мечтами въ глубинахъ дѣтскаго воображенія, и заветно хранимый тобою, какъ залогъ неминуемой вѣчной и счастливой любви. Не жди его, не жди, этого незнакомаго, но уже любимого.... Вѣдь они сказали, что все это пустое, несбыточное, невозможное! — Они старшие, умные, опытные тебя; они хотятъ тебя добра... Поди, бедная девушка, — неси себя на жертву ихъ премудрости, но только не оглядывайся назадъ, — потому что голова твоя за-

кружится и сердце дрогнетъ, когда ты измѣришь все разстояние, отдѣляющее тебя отъ всего того, что ты желала и ждала!...

Но, такъ ли легко ей все это выполнить, какъ имъ проговорить?...

Спросите Марину!!!!

Она вошла въ мужниинъ домъ безъ заблужденій, несо-
вѣстныхъ съ его годами и наружностью, но съ твердою, бла-
городною самоувѣренностію, — съ намѣреніемъ вѣрно и свято
исполнять свои обязанности, — уже не мечтая о любви, —
слишкомъ невозможной, но готовая подарить мужу прямую
и высокую дружбу, дѣлить съ нимъ добро и зло, радость
и горе, принимать участіе во всемъ его занимающемъ, и удѣ-
лять ему, сколько можно, изъ богатаго родника своего собствен-
наго внутренняго міра.... Она готовилась быть ему подругою,
понимая подъ этимъ словомъ полное, сознательное, неизмѣнное
сотоварищество двухъ существъ, свободно избравшихъ одинъ
другаго, для перехода чрезъ неизвѣстную и подъ часъ труд-
ную дорогу жизни. — Посмотримъ, сбылись ли ея ожиданья?...

Когда Марина должна была признаться себѣ самой,
что супружество было для нея только продолженіемъ дѣ-
вческаго уединенія, что ничего общаго не было, и не
могло быть, межъ ею и мужемъ, — что она не только
не нужна ему, — но что по образу жизни и понятіямъ
своимъ, онъ стѣсняется часто ея присутствіемъ, — удивленіе и
недоумѣнье овладѣли ею. — За чѣмъ же онъ женился, — спра-
шивала она себя, — и не могла пріискать удовлетворительнаго
отвѣта! Сначала она полагала, что онъ, судя по лѣтамъ, —
считалъ ее полу-ребенкомъ, и потому не искалъ съ ней обща
мыслей и раздѣла умственной жизни. — Она старалась всячески
доказывать ему, что она не столь ребячлива, какъ онъ можетъ
предполагать, и готова быть участницею въ его занятіяхъ. —
Но скоро она поняла, что ему вовсе ненужно ея участіе, и
что дѣла его такого рода, а мысли такого устройства, что
ихъ и дѣлить и сообщать не приходилось. Тогда Маринѣ по-
казалось, что ему должно быть скучно, потому, что собствен-
ной его жизни недостаточно, чтобъ его занять, — и она захо-
тѣла привлечь его въ свою сферу, сдѣлать его сообщникомъ

съ многостороннихъ и разнохарактерныхъ занятій. — Но и это не удалось! — Предлагала ли она ему послушать музыку или чтеніе? — онъ всегда отговаривался недосугомъ. — Хотѣла ли она срободить ему что-нибудь новое, только что ево прочитанное въ журналахъ или книгахъ посерьёзнее? — онъ или не понималъ, или не хотѣлъ понимать. — Заводила ли разговоръ, гдѣ столкновеніе или различіе мнѣній могло служить поводомъ къ разному остроумныхъ или веселыхъ замѣчаній? — онъ выслушивать, одобрялъ все ею сказанное, и, не отвѣчая, уходилъ. — Журналы и книги получалъ и выписывалъ онъ, также, какъ и всѣ лучшія изъ выходящихъ въ Европѣ гравюръ и литографій, лишь для показа, чтобъ ихъ всѣ могли видѣть въ его кабинетѣ, потому что такъ принято въ богатыхъ домахъ, — но никогда самъ въ нихъ не заглядывалъ. Музыку почиталъ онъ необходимымъ для оживленія послѣ-обѣденныхъ умирающихъ бесѣдъ. Онъ гордился талантами жены, и потому, когда были гости, и когда было при комъ блеснуть ея игрою, онъ самъ открывалъ фортепьяно, и неотступно просилъ ее утѣшить его слухъ какими-нибудь мнимо-любимыми нѣтъ пьесами. Но когда они оставались вдвоемъ, — онъ столь же мало интересовался игрою Марины, какъ и ея разговоромъ. — Она спрашивала себя, куда же дѣвались его общительности, его разговорчивости, его вниманіе, которымъ такъ искусно облекался онъ при ней предъ ихъ помолвою... Все это исчезло, какъ декорация послѣ спектакля, какъ праздничное убранство послѣ праздника... Способность понимать, способность мыслить въ немъ оставались, — только, онъ ихъ не употреблялъ: — къ чему?...

О мужья!... Не всѣ ли вы такіе?... Лучшіе изъ васъ не слѣдуютъ ли этой системѣ не церемониться и не жеманиться, какъ скоро обрядъ вѣнчанья утвердитъ васъ владѣтелями нарки и безвозвратно тѣхъ самыхъ дѣвушекъ, которыми вы расточаете такъ много исканій и угожденій прежде брака?... Это равнодушное безучастье, эта убійственная лѣнь, не составляютъ ли весь занасъ вашихъ домашнихъ отношеній, когда вы съ женою съ глазу наглазъ?... Не всѣ ли, или не почти ли всѣ отталкиваютъ такими приемами эти неопытныя и взыскательныя страца молодыхъ женъ, которыя напрашиваются на при-

возможность, и такъ легко были бы удовлетворены, если бы мы хотѣли, если бы мы ухитрились дѣлать ласковыя и добрыя дѣла?... И когда наша угрюмая полезительность, когда наше обидное нерадіе, удалить отъ насъ разговорчивыхъ подружекъ, — когда надъ кровомъ нашихъ начинается эта томительная неровная борьба, эти безплодные полезности, которые такъ часто разрушаютъ навсегда согласіе, спокойствіе, даже самую счастливость брака, — когда приходится и отворачивать сидѣла беззастѣнчивыми отражками у нашихъ изгоевъ, когда кто-то провъ Евы заговорить въ груди ея правнучку, и онъ изъ тѣноты и пустоты этой домашней отравленной жизни, рвется и прятается, какъ тоскующія души, на просторъ другого, болѣе или срочнаго существованія, — тогда... скажите сами, скажите, кто виноватъ? ..

Марина скоро увидѣла ясно, каковы есть, будутъ и должны быть ея отношенія къ мужу. Твердая и разительная столько же, сколько и правая, — она окинула мысленнымъ взоромъ себя, его, свое положеніе, — и прозрѣла!... И такъ, совершенно степенными движеніями героически заглушила въ себѣ романтическія мечты, и между тѣмъ любовію, свойственную ея молодости, — напрасно она приняла жизнь такую, какою та предстала ей объ руку съ строгими долгами, напрасно въ супружествѣ согласилась искать не историческаго счастья, а тихаго мира и дружбы, основанной на всеобщей преданности: — и эти скройныя ожиданія не обману! Мужъ, который годился ей въ отца, обманулъ ее, если не такъ, то почти столь же горько, какъ могъ бы обмануть молодой человекъ, избранный по страсти, слѣпо и безумно. Что-то вошло въ пропію и напичку надъ самой собой утѣшило душу Марину. — Холодное отращиваніе собирало вѣтвистыя ладони въ этой душѣ, глубокой и таинственной. — Скука, апатія, сидѣть, зажимая въ ней притупленную силу, прежняго волю. — Марина Пенская стала выжириваться въ мужа ужъ не какъ въ друга, чтобъ научить его на любовь и радость, а какъ въ немолчаливаго, непріятнаго товарища, дѣлающаго ей судьбой въ сопутникъ дѣлающаго пустотности. — Она не осторожилась, — изобличать все болѣе и болѣе сухость и пустоту своей фигуры. — Судь Маринина опредѣляла споре его настоящую силу, — и по вѣрѣ того, какъ тамъ бы находили у него спо-

дешево болше и болше морщины, прежде скрытыя святить поминались, исхотѣли ихъ видѣть, — разсудить ея знача.ль его недостатки, подстергала его немощи и душевную нищету. Но онъ впрочемъ былъ не дурной человекъ, — не хвостъ, — мѣт! онъ просто былъ человекъ очень обыкновенный...

А Марина все продолжала слыть несчастливою женщиной!...

Да и жаловаться она не могла: ее не обижали, не оскорбляли, не унижали. — Но продолжала сама себя, вѣтъ и вѣтъ...

Въ первое время такого грустнаго замужества, она скупалась, ужасно скупалась. — Марина находилась въ положеніи богатаго купца, который бы ощущалъ и нагружалъ всякими драгоценными товарами корабль свой, чтобы идти торговать въ далекій край, и вдругъ, застигнутый бурзою, долженъ бы былъ пойти спасенію у морякъ показавшейся земли, назвавшейся несчастною и полною жизни, онъ приоталъ, — бросилъ якорь и сналъ на руса, но вдругъ, выходятъ, что онъ попалъ на необитаемый островъ, — гдѣ все мертво, глухо и темно. Корабль палъ и померзъ, зацѣлъ товары на гонимъ, — но откуда и кому объять ихъ, и купецъ видитъ, что богатство его ему не нужно...

Но купецъ немного починилъ свой корабль, снова распустилъ моторную лодку на руса, — снова пустился по своему, и шель на отысканіе другого края, болше удобнаго и безопаснаго, а Марина!...

Марина хотѣла было помириться съ дикими островами, куда судьба завела ее; Марина, сивши по совершенно женскому движению, кружаской чопинъ, зѣлому обману, ее постигнутого такъ незаслуженно, — Марина принялась снова за дѣвическую жизнь свою, за книги, карандаши и фортельяно... Но эти ея друзья и наперсники оказались теперь недостаточными, чтобы занять ея праздность, и развѣять ея скуку. — Да книги же какъ будто были виноваты передъ нею, или она передъ ними жила въ нѣтъ представлялась не такою, какою она се имала, или можетъ быть она не такъ се искала, какъ онъ советовали. Марина чувствовала себя съ ними въ разладѣ. То, что прежде въ нихъ такъ сладостно имала и находило ее, — распадае е... Там

любви, теперь ее оердили и досаждали ей. Она заперла книги в паисандровый шкаф своего, роскошно-убранного кабинета, — и забросила куда-то ключ от него.

Марина начала вывзжать и принимать гостей с утра до вечера, или, правильнее сказать, до другого утра: такти поглотить и завлечь ее вихрь светских удовольствий. Съ такими натурами нтъ штры и расчета нтъ чмъ; онъ всегда у крайностей; посредственность, ть чмъ бы то ни было, нтъ несвойственна и ненавистна. Онъ хоттъ ~~исполнить, только исполнить~~ требовать се, ищутъ ~~вездь~~, гдѣ она явится нтъ въ блескъ и разгар своемъ; готовы взобраться на облака, или соскочить въ бездну, если нтъ общаются, что тамъ идетъ чмъ ~~жизни~~. Онъ могутъ, какъ Виллисы, умирать отъ истощенія въ безумной плескѣ, — или, какъ Магдалина, идти жить въ пустыню, питаясь кореньями, и упиваясь слезами. — Невозможно имъ только спокойствіе, безжизненное, бездѣйственное спокойствіе, доля уставшихъ, отрада истомленныхъ. — Противно имъ все вошное, обыкновенное. Ощущенія, чувства, страсть, — вотъ ихъ стихія, вотъ назначеніе ихъ, и условіе ихъ бытія. — Подите, закройте ихъ въ какомъ-нибудь безвыходномъ кругу, безжизненной тиши... и посмотрите, какъ онъ урвутся и освободятся. Онъ саламандры, — имъ нужно пламя... имъ жить въ огнѣ...

Но вихрь свѣта и шумъ его издали только кажутся личною сферою для такихъ организаций. Не дѣлать ихъ находить онъ въ ней, а духоту многолюдныхъ сборищъ; не сіять имъ нужное, а минутный блескъ бальныхъ залъ.

Праздникъ остается, и кажется такимъ лишь для взора, поверхностно скользящаго по наружности его, не углубляющагося въ его значеніе, не ищущаго ничего подъ его блестящею обстановкою. — Марина танцевала и наряжалась, не пропускала ни одного бала, не покидала ни одного котильона, она, вертелась до упаду, веселилась до упоенія, — но возвращалась домой усталая, не уточенная!... Забавы тѣшили ее, — но радость отъ нея бѣжала, какъ полуденная тѣнь отъ безумнаго ребенка за нею гоняющагося. —

Съ перваго появленія въ Петербургскихъ гостиницахъ, Ма-

ринъ не мудро было стать на самомъ завидномъ мѣстѣ. Мода усыновила ее между своими балованными любимцами....

Еслибъ Марина была тщеславна, — тщеславіе-ея было вполне удовлетворено. — Но успѣхи въ свѣтъ составляютъ цѣль только для тѣхъ куколъ и мраморныхъ статуэтокъ, о которыхъ мы говорили въ предыдущей главѣ: для подлинной, настоящей женщины они только *средство*, средство выказать себя на выгоднѣйшемъ подножіи, чтобы произвести лучшее впечатлѣніе....

На кого?..

Этотъ вопросъ не сдѣлаютъ женщины, похожія на ту, о которой мы говоримъ: для другихъ, пусть онъ "останется" нерѣшеннымъ; — вѣдь имъ объяснять его?..

Но Марина, пылкая, страстная, блестящая Марина, была вѣсть съ тѣмъ чиста и непорочна, какъ голубь; запретная мысль, грѣшное искушеніе, не могли придти ей въ голову. Понявъ свою супружескую долю какъ отсутствіе любви, — Марина не думала, не хотѣла, не могла искать замѣны позволенному счастью. Строгія правила нравственности вѣзались глубоко въ ея душу, воспитанной въ подчиненіи имъ. Къ тому же она была набожна и благочестива. — Не съ сухостью методическихъ протестантокъ, не съ утонченнымъ ригоризмомъ католическихъ, рассказывающихъ Іезуиту не только все смущавшее ихъ души, а даже ссоры, мелочи и дразни своего хозяйства, — но съ простотою, смиреніемъ и не вопрошающей вѣрой дочерей православія, Марина молилась, какъ молилась ея покойная мать, какъ та приносила къ подножію крота утреннія думы и вечернія воспоминанія свои. — Это спасительное обыкновеніе освящало и сердце и мысли ея, и хранило въ ней дѣтскую непорочность. — Она была добродѣтельна по увлеченію, и нравственна по убѣжденію. — И потому, Марина берегла себя, и остерегалась всякой страсти, какъ другія остерегаются только огласки. — Вступая на поприще свѣтскихъ успѣховъ, Марина сказала себѣ, что *ничего болѣе* не будетъ тамъ искать, — и дѣйствительно ничего не искала!

Какъ, — скажутъ намъ, такъ она не была кокетка?..

Напротивъ! — слѣдуетъ только разобрать и опредѣ-

литъ, въ чемъ именно состоитъ кокетство, — и какія женщины бываютъ кокетки.

Знать иную себя, и красоту своей, если вы въ самомъ дѣлѣ хороши, — понимать въ себя власть ума и могущество примащивости, если вы ихъ имѣете, — желать, чтобъ и другіе, чтобъ всѣ даже поняли и оцѣнили въ васъ эти лучшіе дары, какими судьба можетъ награждать женщину, — вотъ кокетство не только позволительное, — даже должное, — и оно такъ врожденно, такъ свойственно женщинамъ, что лучшія изъ нихъ имъ руководятся до самой старости, жадая признанія вообще, всѣмъ и каждому, производить всюду и всегда благопріятное впечатлѣніе. — Умная и милая, даже просто милая женщина, кокетствуетъ съ горничной своей, съ парикмахеромъ, съ докторомъ, — съ мужемъ, съ дѣтми, даже съ собаченкой своей или канарейкой. — Правильно и быть любимой, для условія женскаго бытія; и если найдутся ниня, которыя отъ нихъ отказываются, — то это какія-то ненормальныя существа, умищенные уроды, исключенія. — Но хотѣть примащивать и заманивать въ свои сѣти тѣхъ, кто по какому-нибудь расчѣту намъ забавенъ, или нуженъ, но уловить обманца, но казаться любящимъ, чтобъ быть любимой, и скупать сердца, развѣсивъ свое собственное на плечу ниня, — это намрасно называется кокетствомъ: — это наклонность къ хитрости и искательству, — потребность лжи, обмана, часто желаніе отнять у соперницы на красоту или другому какому преимуществу, того, кого полагаютъ себѣ милою или дорогую: это все хотѣ и часто превращается въ женщиныхъ, и внушаетъ имъ много уловокъ и прѣделокъ, — это всѣ не женскія свойства, и скорѣе означаютъ въ нихъ какія-то зачаточныя, какія земанки, или какую-то прощрапленность, которыя въ мужчинѣ назвали бы себя имой искотъ, и пріисли бы его къ молодничеству, и дали бы честолюбію и дѣловитости. — Женщины, слѣдующія такой тактикѣ, по потребности или заиспичности или самолюбивы, или такъ несчастливо созданы, что имъ надо обманывать, притворяться, и дѣлаться. Морочить стала ихъ искусствомъ, ихъ мастерствомъ: — они себя задаетъ урокомъ уснать такимъ срѣс-

твомъ, — и утѣшивши, — сами себя поютъ похвальные гимны въ глубинѣ того, что замѣняетъ имъ душу.

Марина была кокетлива себя невѣдомо какъ и почему, — по вину, и безсознательно. — *Правиться* было ей такъ же средно и необходимо, какъ розъ разцвѣтать въ лѣтнюю пору, или жемчужинъ вымывать въ урочное время изъ глубины морской. — Она любила ласковый говоръ похвалы и удивленія, которыми встрѣчали ея пріѣздъ въ свѣтъ; она наслаждалась пріѣтными взглядами толпы, когда, блистательна и свѣжа, она облакачивалась на окраину ложи своей въ театрѣ, или каталась по Невскому и на островахъ въ богатой каретѣ. Больше она не требовала и не ожидала.

Конечно, многіе старались ей поправиться, и влюбить въ себя эту женщину, съ которой протанцовать одну мазурку было уже отличіемъ и честью, по положенію, сдѣланному ей свѣтомъ межъ его богинь. — Но всѣ эти попытки оставались безъ успѣха. — Марина принимала всѣхъ равно, никто ей не нравился, никого она не предпочитала; и ей не стоило усилія ея равнодушіе ко всѣмъ. — Какъ только ухаживанье и угодничанье поклонника осмѣливалось перешагнуть за предѣлы самыхъ пустыхъ свѣтскихъ отношеній, — Марина откровенно и рывительно останавливала вознамерившагося идти далѣе, — и, смотря по характеру его, или по мѣрѣ ума, онъ оставался ея преданнымъ доброжелателемъ, или дѣлался ея врагомъ.

Года съ два прожила, или лучше сказать, проплесала Марина такимъ образомъ, — и эта вѣчная суетливая пустота стала ей надоедать. — Балы ее утомляли; рауты и театры усыпляли; дома ей становилось все скучнѣе и постылье.... Марина иногда пролеживала на диванѣ цѣлые вечера, когда ее тщетно ждали въ гостиной, или отказывалась отъ самыхъ заманчивыхъ приглашеній. — Глаза ея бродили по потолку, а мысли терялись гдѣ-то,.... въ загадочномъ и таинственномъ мірѣ женскихъ грезъ... Она серьезно начала спрашивать себя, что съ нею дѣлается, что ей недостаетъ?.. Иногда ей приходило желаніе путешествовать... ѣхать далеко, на долго.... не за тѣмъ, чтобъ

видѣть что-нибудь новое, или посѣтить какой-нибудь край, предметъ для нея особеннаго любопытства, но затѣмъ, просто, чтобъ избавиться своей настоящей жизни, и всего того знакомаго, избитаго, обыкновеннаго, что ее окружало. — *Укрыться, — урвать,...* вотъ чего ей хотѣлось, такъ неопредѣленно, а между тѣмъ, такъ сильно и такъ настойчиво. — Ничто ее не вселило, ничто не занимало, ничего она не хотѣла. Она думала, что она больна, — и не умѣла назвать себя своей болѣзни.

А въ свѣтѣ всё говорили, что она *счастливая, стоить* счастливая женщина!...

IV.

УСОВИЩА ВЪ ЖЕНСКОМЪ СЕРДЦѢ.

Мнѣ помнится, что, когда мнѣ было лѣтъ 14, одинъ изъ друзей моихъ, незабвенный, почтенный Александръ Ивановичъ Тургеневъ, написалъ въ моемъ детскомъ альбомикѣ: *Es gibt im Menschenleben ewige Minuten* (Бываютъ въ человеческой жизни вѣчныя минуты), и сказалъ мнѣ, что эта мысль извлечена изъ твореній знаменитаго Бонстетена.

Мнѣ тогда не извѣстно было, кто былъ Бонстетень, — афоризма же его никакъ не удавалось понять.

Что такое *вѣчныя минуты*!...

Съ тѣхъ поръ, жизнь сама взялась мнѣ это истолковать!... *Вѣчныя минуты*!... Жаль того, кто прожилъ не испытавши ихъ!... Быть можетъ, еще болѣе надо жалеть о тѣхъ, кто испыталъ, — и долженъ о нихъ вѣчно вспоминать, какъ о невозвратномъ!...

Одна изъ такихъ *вѣчныхъ минутъ* настала для Марины Ненской. Разъ, на шумномъ раутѣ, гдѣ она почти звала по своему обыкновенію, ей представили прїѣзжаго, только что возвратившагося изъ-за границы. Это былъ Борисъ Ухманскій. Они разговорились, понравились другъ другу, оба нашли удовольствіе въ своей бесѣдѣ, — и такъ его увлеклись, что незаметно оставались вместе болѣе полутора часа.

Это не водится и не дѣлается, какъ извѣстно. Свѣтское приличіе и законъ общежитія требуютъ, чтобъ въ большихъ собраньяхъ никто не занимался исключительно тѣми людьми и разговорами, которые ему нравятся, и его занимаютъ. Въ свѣтъ, каждый, а еще болѣе каждая принадлежитъ всѣмъ. Монополіи возбуждаются, какъ исключенія обидныя для большинства. Всего менѣе надо говорить съ тѣмъ, съ кѣмъ всего болѣе хочется говорить — Ужъ это такъ принято! А за пренебреженіе своихъ законовъ, свѣтъ умѣетъ мстить, и наказывать по своему, огненно и метко!

Рауль собирался, оживлялся, кипѣлъ говоромъ, потомъ пустѣлъ, и расходился отъ 11-ти часовъ до половины перваго, пока Мариша Ненская и Борисъ Ухманскій сидѣли на *vis-à-vis* передъ каминомъ, и ничего не замѣчая изъ всего происходящаго вокругъ, продолжали говорить живо и одушевленно.

Объ чемъ же они говорили?...

«О томъ, о семъ, а больше ни объ чемъ!»

какъ обыкновенно случается при первой встрѣчѣ, когда умы, предчувствуя согласіе или споръ, хотятъ уловить характеръ одинъ другаго, перебиваютъ отъ предмета къ предмету, все обнимаютъ поверхностно, и все бросаютъ на лету, дѣйствуя оглядкою и осязью, чтобъ лучше понять средства и силы одинъ другаго.

Видали ли вы, какъ дерутся на рапирахъ два противника въ первой своей схваткѣ?

Таковъ точно первый разговоръ между умными людьми. — У раборцевъ желѣзо обдумываетъ каждое движеніе, каждый ударъ, глазъ силится угадать мысль противника въ его зорѣ; рука примѣряется къ напору, къ меткости чужой руки; каждый шагъ, каждый взмахъ оружія рассчитанъ, чтобъ испытать чужую силу, не выдавая своей собственной, и волненіе боя одушевляетъ все болѣе и болѣе двухъ фехтующихъ, такъ что скоро всѣ силы, всѣ способности обоихъ разгораются въ этой схваткѣ, какъ будто въ настоящемъ бою. — Тоже и въ

бесѣдъ. — Вмѣсто желѣза, языкъ ловить последнее слово, чтобъ отвѣчать ему возраженьемъ; глаза такъ же преслѣдуютъ, угадываютъ, ловятъ мысль въ другихъ глазахъ; шутка, остроумство, разсужденіе, отрицанье, опроверженіе, все это быстро обмѣнивается, перекидывая разговоръ какъ мячъ, какъ волашь, летающій съ ракетки на другую; то онъ ловится искусно и удачно, то роняется не менѣе искусно, чтобъ удобнѣе было его перенести на другое поле, возобновить въ другомъ видѣ. — Разумѣется, надо, чтобъ оба говорящіе были если не равныхъ силъ, то равно наметаны въ прекрасной наукѣ свѣтскихъ разговоровъ и умной болтовни, ежедневно болѣе и болѣе вытѣсняемыхъ изъ обычая и моды, — у Европейцевъ, грустными обстоятельствами ихъ политическаго положенія, и оттуда проистекающихъ фальшивыхъ отношеній членовъ общества между собою, — у насъ — картами и умственнымъ лѣньемъ, этою разрушительницею всякой общительности и всякихъ бесѣдъ, выходящихъ изъ круга вѣчныхъ *вопросовъ о здравіи и толковъ о погодѣ*.

И Борисъ, и Марина, оба были умны, образованы, веселы, — а въ этотъ вечеръ ихъ обоихъ оживляло удовольствіе отъ находки достойнаго собесѣдника. Какъ мы сказали, они долго продолжали то спорить, то соглашаться, и наконецъ, когда гостинная совсѣмъ опустѣла, когда безпрестанно отодвигаемыя кресла уѣзжающихъ образовали Сагару около нихъ, — Марина удивленная взглянула на часы, и еще болѣе удивилась, узнавши, что уже такъ поздно, и что они почти одни пережили весь раутъ и гостей его составлявшихъ.

Марина кивнула головкой своему новому знакомцу, подошла къ столу, гдѣ хозяйка допивала чашку чая, какъ бы въ знакъ окончанья своего угощательнаго подвига, — и вышла въ переднюю, гдѣ ей подали шубу изъ чернобурыхъ лисицъ, крытую темновишневымъ бархатомъ.

Пока она ждала своей кареты, и разсѣянно отвѣчала нѣкоторымъ запоздавшимъ, которыхъ застала на мраморной лѣстницѣ, — блуждающіе взоры ея нечаянно устремились къ гостинной, откуда она вышла.

И тамъ, на порогъ, задумчиво прислонясь къ раззолоченной двери, стоялъ онъ.... пристально и упорно глядя ей въ слѣдъ, провожая ее всѣмъ вниманьемъ и всѣмъ участьемъ своимъ.... Она вадрогнула.—Невъдомое ей дотошъ чувство боли, удовольствія и робости, закралось въ ея всегда слишкомъ спокойное сердце.—Ей стало вдругъ чего-то такъ страшно, и вмѣстѣ такъ весело, такъ легко. — Она слѣзла скорѣй, чѣмъ сбѣжала съ лѣстницы, какъ птичка, ослѣпленная слишкомъ долгимъ смотрѣньемъ на солнце въ поднебесье, слетаетъ на землю, и ищетъ тѣни чтобъ отдохнуть.—Закричали карету Ненской,—Марина поспѣшила въ нее сѣсть, закрыла глаза, и прислонила голову къ оранжевому штофу подушекъ. Она думала, — она вспоминала.... неясно, но сладко было ея думанье....

А всё ей и въ мракъ слабоосвѣщенной кареты и сквозь закрытыя рѣсницы, снился и мерещился этотъ взглядъ, этотъ длинный, пронизательный, призывный, присвояющій взглядъ, который такъ смутилъ ее.... А все ей представлялся стройный, ловкій мужчина, опирающійся о дверь, и смотрѣвшій на нее такъ странно, такъ нѣжно, вмѣстѣ такъ робко и такъ смѣло!...

Вѣчная минута наступила для Марины, — и не обманула своимъ появленіемъ смущенной женщины! — Скоро она поняла значеніе этой минуты, этой встрѣчи, этого взгляда, озарившихъ какъ молнія сизооблачный горизонтъ ея безцвѣтной жизни.

Борисъ Ухманскій долженъ былъ поправиться Маринѣ. Онъ отвѣчалъ всѣмъ ея понятіямъ о мужчинѣ въ полномъ смыслѣ слова.—Онъ нисколько не походилъ на толпу, ее окружавшую дотошъ, на всѣхъ тѣхъ, кого она обыкновенно встрѣчала въ обществѣ подъ названіемъ умныхъ, милыхъ, опасныхъ молодыхъ людей, и съ которыми ей всегда бывало такъ скучно. Естественность, простота, спокойное самосознаніе замѣняли въ немъ обыкновенную суетность, изысканность и тщеславіе его ровесниковъ. Онъ ничего не искалъ, ничѣмъ не притворялся, не придавалъ себѣ тѣхъ модою прославленныхъ пороковъ,

которые почитаются заслугами и преимуществами. Онъ не старался создать себѣ характера и личности въ подражанье какому-нибудь типу, присвоенному обществомъ; ни наружность его, ни умственная сторона, не гонялись за образцами, узаконенными Парижскими картинками модъ или новѣйшими произведеніями французской или англійской литературы. Онъ не былъ ни разочарованъ, ни гуляка, ни отживавшій пресмыщенный, въ двадцать пять лѣтъ уничтожившій запасъ чело-вѣчества на всю жизнь, и самъ себя приговорившій на прозябанье безъ ощущений и безъ удовольствій. — Онъ былъ и оставался самимъ собою, то-есть, Борисомъ Ухманскимъ, ни на кого не походящимъ и никого не напоминающимъ.

Мы сказали, чѣмъ и какимъ *не* былъ онъ; такихъ отрицательныхъ свѣдѣній о немъ мало; слѣдуетъ объяснить, *кто* и *каковъ* онъ былъ!

Кстати, о наружности его прежде! — Напрасно уроды обоого пола и философы, (что часто выходитъ одно и тоже), хотятъ положить и утвердить, что красота ничего не значить, и что *не-стоитъ труда* о ней думать! — Нѣтъ, неправда! Тысячу разъ неправда! Богъ, Который лучше нашего знаетъ, что хорошо, создалъ и образовалъ ее, эту чудную, мощную, все-властную красоту, и даруя ей нѣчто понятное не только разумной твари, чело-вѣку, но и даже самимъ безсловеснымъ, тѣмъ самымъ утвердилъ царство ея во всей вселенной. Стоитъ ей только показаться, чтобъ все земнородное чувствовало ея обаянье, и поклонялось ея могуществу. — *Красота!* вотъ онъ, настоящій, всесильный талисманъ, — о которомъ волшебныя сказки говорятъ намъ какъ о вещественномъ залогѣ благополучія и удачи, укрывая истину подъ прозрачною аллегоріею, и подразумевая подъ какимъ-нибудь перстнемъ или жезломъ неотразимое, могущее, чудное вліяніе, данное инымъ созданіямъ, какъ ключъ отъ сердецъ и помысловъ ихъ со-братій, — *красота*, прямой талисманъ, помогающій счастливымъ приманивать и привораживать къ нимъ прочихъ членовъ чело-вѣчества!

Красота, даръ неба, отличавшій равно ангеловъ и первыхъ праотцевъ нашихъ, въ щедрый день міро-зданія!..

Красота, печать избранья на чель любимыхъ тварей Господа Бога! Какъ много о ней пѣлось, говорилось и рассказывалось на свѣтѣ! Какъ страстно прославляютъ и отличаютъ ее, какъ преслѣдуютъ и ненавидятъ иногда!... Какъ много за нея, и для нея, дѣлалось и совершалось!... Какъ возстали и умирали, — какъ гибли и торжествовали для нея тысячи тысячъ! Какъ прекрасна и высока ея доля на землѣ, если она достойно чувствуетъ и признаетъ свое благотворное призваніе!... Какъ много добра можетъ она вымолить, приказать, устроить и исполнить!..

Конечно, иногда чрезъ нее погибаютъ, но это потому, что люди ею одаренные, либо не умѣютъ ею воспользоваться, либо употребляютъ ее во зло: но, не съ каждымъ ли талисманомъ сопряжено такое условіе, долженствующее вмѣсто пользы и выгоды, извлечь изъ него зло и вредъ, если чары его не будутъ выполнены и соблюдены какъ слѣдуетъ?

Красота, — это шестое чувство, дополняющее въ его обладатель способность наслаждаться смѣлѣе прочими, — и, наоборотъ, рождающее въ зрителяхъ какъ бы новое свойство новаго наслажденія. — Если *наша* красота даетъ намъ неисчислимыя преимущества, то красота *чужая* приноситъ намъ тоже удовольствіе ею восхищаться, и тышитъ наши взоры, гдѣ бы она ни проявлялась.

Но, скажутъ намъ, красота, — вещь условная; понятія о ней различны и многосложны, какъ самыя лица, нравы и вкусы безчисленныхъ племенъ, разсѣянныхъ по земному шару.

Нѣтъ, отвѣтимъ мы, — красота *едина*, хотя разнообразна, — какъ всякое качество, проявляющееся въ различныхъ видахъ и мѣрахъ, но проистекающее отъ одного начала; — какъ *храбрость*, какъ *умъ*, которые обозначаются въ людяхъ болѣе или менѣе сильно, смотря по условіямъ ихъ существованія, вѣка, времени, положенія, гражданской степени, и развитія, красота можетъ измѣнять нѣкоторые свои отбѣнки, — быть болѣе или менѣе *совершенна*, на все-таки она *красота*, — и *безобразіе* не побѣдитъ ее никогда!

Но, скажутъ еще, она *относительна и условна*, — красота

у образованныхъ народовъ не то, что у дикихъ, у негровъ, у калмыковъ!

Всёконечно! — но потому-то они и дикие, и негры, и калмыки, что ихъ красота похожа на наше безобразіе, что ихъ умъ былъ бы у насъ глупостью, что ихъ храбрость становится для насъ звѣрствомъ и кровожадностью.

Но и у насъ—понятія о красотѣ измѣнчивы и прихотливы, какъ бываетъ она сама подѣ-часть. Напримѣръ, то, что вообще толпа называетъ прекрасною женщиною, бываетъ часто прославленіемъ формы, до-вѣльзя украшенной близкой, румянцемъ, свѣжестью,—и только! Но строгій взглядъ артиста, но воображеніе мыслителя требуютъ болѣе: первый хочетъ видѣть правильныя, благородныя, стройныя черты и очертанія; второй требуетъ выраженія, жизни, мысли, пламени, — однимъ словомъ, сквозь оболочку красоты хочетъ любоваться душою, ея дополненіемъ!—Даже, въ требованьяхъ и понятіяхъ своихъ, живописецъ не совсѣмъ согласенъ съ ваятелемъ.—Вотъ почему сказано выше, что красота вмѣстѣ едина и многообразна.

Спросите у женщинъ, что думаютъ онѣ о красотѣ мужчинъ?—Нравятся ли имъ такъ называемыя молодцы и красавцы?...и по отвѣту ихъ судите о аѣхъ женщинахъ!

Жалко тѣхъ изъ нихъ, которымъ могутъ нравиться молодцы, — то-есть, мужчины высокіе, блондуры, румяныя, съ правильными чертами и самодовольными лицами!—Вообще, намъ, и многимъ кромѣ насъ, всегда казалось, что выраженія *«quel bel homme»* и «какой красивый!» обиднѣе пощечины для человека, и клеймятъ его хуже насмѣшки, —даже иногда совсѣмъ его уничтожаютъ.

Мужчина можетъ быть:

Статный.

Ловкій.

Величественный.

Но мужчина-красавецъ, мужчина-моложецъ, — воля ваша! они смѣшны до крайности! — Если намъ случается такихъ встрѣтить, то намъ всегда хочется послать ихъ, по.

прямому или назначенно, стать.... заманчивою вывѣскою за стеклами парикмахерской лавки, гдѣ они всегда благоденствуютъ и преуспѣваютъ гораздо болѣе, чѣмъ въ гостиницахъ.

Когда мужчина очень уменъ, или замѣчательнъ по какому-нибудь другому достоинству, то, будъ онъ глупо-хорошъ, все таки объ немъ ужъ не говорятъ единственно, какъ о *молодицѣ* и *красавицѣ*: это качество, между прочими, ему позволено изъ спискожденья, но ужъ не составляетъ его исключительнаго отличья. — Убійственный титулъ *красавца* и *молодца* всегда дается тѣмъ только, за которыми нѣтъ ровно никакихъ другихъ отличій или заслугъ.

По французски, *comme il est beau*, и *comme il est bien*, прѣставляютъ два совершенно различные смысла. Попробуйте сказать: *comme il est beau!* и вамъ представится нѣчто похожее на первопопавшуюся картинку моднаго журнала, — нѣчто бѣлое какъ молоко, и румяное какъ Крымское яблоко, завитое, папوماженное, затянутое въ узкій фракъ, закованное какъ колюшникъ въ слишкомъ высокій и еще болѣе жесткій галстукъ; — если съ усами, то съ усами подстриженными и нафабрешными, какъ у восковыхъ болвановъ въ парикмахерскихъ магазинахъ; если съ бакенбардами, то онъ тщательно приглаженъ, разгладенъ и отгладенъ съ математическою точностью; — однимъ словомъ, нѣчто приторное до отвращенья и пошлое до пренебреженья.

Но скажите, напротивъ: *comme il est bien!* и невольно воображеніе ваше разыграется, сообразно вашему вкусу и личному мнѣнію, и вамъ причудится выразительное лице, глаза съ умными или страстными взорами, — черты если не совсѣмъ правильныя, то всегда благородныя и мужественныя, — однимъ словомъ, лице, принадлежащее *единственно* и *вполнѣ* своему обладателю, а не вошедшее въ форму общую многимъ, какъ слѣпокъ для кукольныхъ головъ. — И потому воображеніе ваше дорисуетъ ли, или нѣтъ, портретъ, имъ вызванный на заданную тему, — придастъ ли еще другіе оттѣнки, вами признаваемые нужными къ дополненію симпа-

тического лица,—ужъ это совершенно въ вашей волѣ: нѣтъ нужно было только объяснить чувствуемую и признаваемую нами разницу между истинною красою, позволительною мужчинамъ, и тѣмъ, что артисты называютъ: *le fini comte de la beauté*.

Все это нужно намъ было, чтобъ опредѣлить, какимъ лицомъ и какою наружностью судьба наградила Бориса Ухманскаго. Конечно, проходилъ мимо него, либо завидя его издали въ креслахъ театра, или провѣщающаго въ саняхъ или дрожкахъ, никакая купчиха, или старушка до-романтическихъ вѣковъ не вскрикнула бы отъ удивленія, и не обратилась бы еще разъ на него поглядѣть — Но за то, ни одна молодая женщина или дѣвушка, ни одинъ человѣкъ наблюдательный и просвѣщенный, не встрѣчали его въ обществѣ, не остановивши на немъ испытующаго и запит ресованнаго взора. Но за то, разъ видѣвши его, нельзя было его позабыть.—У Бориса было такъ много неуловимаго, неопредѣленнаго своеобразія въ наружности и пріемахъ, такъ много чувства и мысли въ выраженіи физіономіи, иногда такъ много огня, а иногда такъ много тихой грусти и тайныхъ думъ во взорахъ, голова его, какъ утомленная бесполезнымъ чаяніемъ или длиннымъ размышленіемъ, такъ безпечно и милостиво склонялась немного на лѣвую сторону, что нельзя было съ перваго появленія не признать въ немъ одного изъ тѣхъ существъ, которыя созданы чтобъ привлекать сочувствіе; — и природа такъ рѣшительно назначила его типомъ для романистовъ, что невольно должно было предполагать въ немъ героя многихъ сердечныхъ романовъ...

Голосъ Бориса былъ ужъ полною музыкою, даже для тѣхъ, которые и не понимали бы словъ, имъ говоримыхъ.

Довольно о внѣшней сторонѣ его,—посмотримъ нравственную. По рѣдкому исключенію среди теперѣшнихъ общепринятыхъ условій воспитанія молодыхъ людей, Борисъ выросъ на рукахъ наставника, какихъ мало. Вейссе, курляндецъ по происхожденію, космополитъ по воспитанію, нѣмецъ по учености и душѣ, но притомъ, какимъ-то страннымъ исключеніемъ, Парижанинъ по уму,—Вейссе былъ единственнымъ пре-

подавателемъ, хранителемъ, другомъ и сотоварищемъ поиграть Борису, котораго слабое здоровье не позволило опредѣлить ни въ военныя заведенія, ни въ университеты. Борисъ былъ единственный сынъ богатыхъ людей, у которыхъ кромѣ него было четыре дочери. Слѣдственно, все надежды, все заботы семейства были на немъ сосредоточены. — Гордость родныхъ, и желаніе ихъ видѣть сына блестящимъ и отличеннымъ ученикомъ или студентомъ среди товарищей какого-нибудь общественнаго курса, должны были уступить осторожности. Они оставили Бориса дома, и лѣтъ до осьмнадцати заботились гораздо болѣе о подкрѣпленіи его здоровья и физическихъ силъ, чѣмъ о развитіи памяти и познаніяхъ въ ущербъ всему прочему. Но Борисъ учился, потому что на то была его собственная охота; развивался, потому что добрый и кроткій Вейссе, полюбившій его какъ роднаго сына, незамѣтно, но постоянно перливалъ въ его юный, воспріимчивый умъ всю ученость, всю ясность и полноту своего собственного ума; — а главное, Борисъ, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемый и не подстрекаемый, вырабатывался самъ собою изъ себя самаго, какъ живая бабочка изъ мертвой куклы, какъ могучее дерево изъ молодаго отпрыска, — какъ все прекрасное и сильное, въ нѣдрахъ природы, напутствуемое благоприятными попеченіями, ему сродными и полезными.

Когда Борису минуло осьмнадцать лѣтъ, отецъ и мать пригласили первыхъ профессоровъ столицы заниматься съ нимъ дѣльно и послѣдовательно. Въ одинъ годъ такого занятія онъ успѣлъ болѣе, чѣмъ сверстники его, переходившіе изъ лекціи на гулянье, и съ бальнаго инума на студенческую скамью. — Борисъ выдержалъ съ честью все экзамены кандидатовъ.

Его послали путешествовать. Разумѣется, Вейссе поѣхалъ съ нимъ, и дружескія отношенія двухъ товарищесопутниковъ замѣнили межъ ними прежнія отношенія ученика къ наставнику, и на оборотъ. Почтеніе Бориса къ Вейссе нисколько не мѣшало довѣрію, и не стѣсняя свободы своего прежняго питомца, Немецъ продолжалъ какъ нянька охранять его здоровье и покой. — Провздивши два года по Европѣ, Борису захотѣлось узнать и Россію, нашу молодую

мать, которая так проста и однообразна, но за то, так сильна и свѣжа въ своемъ единствѣ. — Потомъ, повинаясь желанію родителей, онъ вступилъ въ службу, но въ дипломатическую, и отправленный курьеромъ къ одному изъ покровенныхъ нашихъ при Германскихъ княжествахъ, остался тамъ на вѣсколько лѣтъ.

Вотъ прѣстая повѣсть Бориса, до минуты встрѣчи его съ Мариною. Чтобъ ее докончить, слѣдовало бы сказать, любилъ ли онъ, — сколько разъ, — когда и гдѣ, — кого и какъ, — и долго ли, или нѣтъ, — все то, что составляетъ біографію сердца молодого человека, дожившаго до двадцати пяти лѣтъ. Но этого-то именно мы не можемъ обстоятельно разсказать, — но той причинѣ, что Борисъ, много требуя и много ожидая отъ любви, не находилъ ее до тѣхъ поръ. И если онъ и шалилъ случайно при бѣглыхъ встрѣчахъ, легко попадающихся каждому молодому, пригожему и богатому человеку, особенно путешественнику, если онъ гонялся за удамой гризеткой *Латинскаго квартала* въ Парижѣ, и отчаянно вальсировалъ съ нею на загородныхъ балахъ въ саду Большой-хижины и Мабилъ, или шармировалъ (*сентиментализмъ*) съ блонкурою и голубокою Нѣмочкою у береговъ Рейна, романсовалъ съ путешествующими Варшавлянками, и позволялъ себѣ иногда *far amore* съ пламенными Трансевверниками въ Римѣ, и смуглыми Неаполитанками, пляшущими тарантеллу и сантареллу въ Сорренто, — то это были только мгновенныя вспышки молодой крови, скоро забываемыя развлеченья праздной фантазіи, — которыя занимали Бориса только день, много два, и не оставляли никакого слѣда въ его воображеніи. Ни дуня, ни сердце, ни даже чувство его при томъ не были затронуты. Не много имъ нужно было; не того ждали и звали чистыя и высокія мечты Русскаго пришельца; онъ уважалъ, — и мимошествовавшихъ легко сивились и замѣнялись передъ нимъ, — а сердце его оставалось пусто и сыро, — и онъ чувствовалъ, что счастье и любовь еще впереди!...

Дѣв недѣли не прошли съ памятнаго обонія раута, какъ Борисъ и Марина оба знали, оба чувствовали, что они

любят другъ друга. Непреодолимое сочувствіе влѣкло ихъ одного къ другому. Всѣ вкусы, всѣ мнѣнія были у нихъ соотвѣтственны; даже всѣ желанія, всѣ тайны движенія ихъ сердець согласовались безъ ихъ вѣдома, и прежде всякихъ объясненій, они понимали одинъ другаго. Поиславши, можетъ быть, во всей вселенной, нельзя бы было найти двоихъ — мушину и женщину — болѣе подѣ пару, болѣе достойныхъ одинъ другаго. — Кромѣ его, — кто былъ бы довольно замѣчательнъ между молодежью, чтобъ оставаться на себѣ вниманіе женщины столь умной, столь развитой, столь взыскательной?... Кромѣ ея, — какая другая могла осуществить кочующему мечтателю такое соединеніе всѣхъ его идеаловъ, и вѣчно безсмѣнныхъ и легко смѣняемыхъ, — могла бы удовлетворить всѣмъ ожиданіямъ его фантазій, его глазъ, его сердца?... Ни одна изъ красавицъ, прежде встрѣчавшихъ Урманскимъ на яву, или на помостѣ въ созданьяхъ великихъ художниковъ, не могла спорить съ стройною, пламенною, чудноокою Мариною, которая, горда и воздушна какъ молодая пальма, возвышалась блестящимъ и пышнымъ цвѣтомъ Юга между сѣверныхъ первенствующихъ и столь разнообразныхъ красотъ. Ни одинъ изъ муштинъ, выдаваемыхъ Мариною, не могъ ей такъ понравиться, какъ задумчивый, немного блѣдный Борисъ, чье привлекательное и аристократическое лицо напоминало ей портреты Байрона въ его первую еще цѣломудренную молодость. Такъ-то и въ умственномъ отношеніи. Одна Марина могла понимать вполне глубокую душу и смѣлый умъ Бориса; она одна могла говорить съ нимъ и о современности, его занимавшей, и объ искусствахъ, ему дорогихъ; ей одной были доступны всѣ стороны многогранной мысли его, все обнимающей и все вопрошающей. — Словомъ — они такъ или одинъ къ другому, такъ казались каждый на своемъ мѣстѣ, когда находились вмѣстѣ, что свѣтъ самъ словно понималъ ихъ необходимое сближеніе, и одобрялъ его, стараясь свести ихъ въ разговоръ или танцахъ, гдѣ каждый изъ двухъ долженъ былъ выставить другаго во всемъ его блескѣ.

Всѣ поклонники Марины Невской удалились отъ нея,

уступая приближенію новаго состязателя, всѣмъ имъ страшнаго.

Всѣ дамы, сколько-нибудь претендующія на исключительное вниманіе Бориса, перестали его атаковать, чувствуя неровность боя съ такою соперницей, какова была Марина.

Да не дивятся читатели такому снисхожденію, которое покажется имъ внѣ общаго порядка вещей и узаконенныхъ привычекъ свѣта! — Пусть, напротивъ, подумаютъ они, и вспомнятъ, что въ обществѣ *сначала* всегда такъ поступаютъ. Когда обоюдное влеченіе обнаружится гдѣ-нибудь между лицами различнаго пола, свидѣтели всегда какъ будто обрадованы такимъ событіемъ, дающимъ пищу разговорамъ и зрѣлище праздному любопытству — *Прежде* какъ будто всѣ помогаютъ и покровительствуютъ двумъ *занятымъ*, — но за то *потомъ*, — но когда свѣту покажется, что эти двое довольно искренно и глубоко любятъ другъ друга, чтобы пренебрегать всѣми прочими, — тогда поднимается отовсюду грозная буря преслѣдованій, насмѣшекъ, клеветаній, — и нападеній; тогда общество начинаетъ торжественно вопіять о *возмущенномъ приличіи*, объ *оскверненіи нравственности*; тогда, все, что гадко, глупо, отвратительно, возстаетъ противъ того, что молодо, счастливо, любимо и прекрасно, — и анагема раздается единогласно изъ тысячи устъ, проклинающихъ тѣхъ, кому внутренно они завидуютъ! — Да, почти всегда и почти вездѣ свѣтъ и общество, а иногда и самые близкіе родственники, участвуютъ въ искушеніи молодой женщины, — и право, если мы сказали *почти*, — то это слово здѣсь совершенно лишнее, и поставлено только въ избѣжаніе могущихъ возникнуть споровъ между нами и читателемъ!

Но когда все и всѣ казались въ заговоръ противъ дѣвственной души Марины и цѣломудренной ея строгости, — она сама, она, — эта молодая и беззащитная, — она вступилась за себя, и умѣла себя отстоять.

Право — такіе подвиги и такіа намѣренія нерѣдки между женщинами, хотя никто никогда ихъ не ставитъ имъ въ счетъ. — Когда женщина падаетъ, то обвинители находятся

ей легко,—но кто знаетъ, сколько усилій истощено ею прежде паденія, чтобъ удержаться на узкой стезѣ добродѣтели и долга, какъ отчаянно она цѣплялась за всѣ подпоры на краю пропасти, по которой скользили слабыя ноги ея,—кто знаетъ, какъ долго, какъ мучительно, какъ упорно она боролась,—какъ просила помощи у Бога и людей, и какъ дорого достается ей это счастье, за которое ее караютъ и казнятъ!...

Случается иногда и то, что тотъ самый, который бы долженъ былъ дать ей руку помощи, поддержать и защитить ея женскую слабость, — онъ же и сталкиваетъ ее въ бездну. Сколько мужей, какъ бы нарочно ускорять критическій переворотъ въ жизни женъ, кто ревностью и подозрѣніями, кто собственною своею невѣрностію, — иные, — и эти всѣхъ виновите, потому что не сердце, а порокъ причина ихъ вины, — иные грубымъ, жестокимъ обращеніемъ, припадками бѣшенства и злобы, или какими-нибудь слабостями и наклонностями, возмущающими въ женщинѣ все, что природа дала ей пѣжныхъ и возвышенныхъ чувствъ!...

Марина, только что она замѣтила, что Ухманскій ей слишкомъ нравится, и можетъ быть опасенъ тому невозмутимому спокойствію, которому она добровольно обрѣкла себя въ первые, безрадостные дни своего замужства, — Марина вознамѣрилась удалить этого демона-соблазнителя своей души.—Съ твердостью женщины, искренной со всѣми а еще болѣе съ самой собою, она стала отстранять отъ себя Бориса.—Благодаря ея гостепріимнымъ привычкамъ, домъ ея былъ открытъ почти каждое утро всѣмъ ея короткимъ знакомымъ, а вечерніе пріемы приманивали къ ней все, что было помоложе и поодушевленнѣе между дамами и мужчинами высшаго круга. Какъ другіе, какъ всѣ прочіе, Борисъ имѣлъ доступъ къ ней, но въ эти часы веселаго сборища и общихъ бесѣдъ, онъ не могъ приблизиться къ ней, не могъ заниматься ею исключительно, и потому она продолжала принимать его по прежнему.—За то,—едва лишь гости разѣзжались, и Борисъ пробовалъ оставаться долѣе другихъ, она умѣла его выпроваживать подъ какимъ-нибудь

предлогомъ: Если онъ прѣзжалъ, когда никого не было, — швейцаръ Пенской отказывалъ, говоря, что барыни *въ домѣ*. — Въ обществѣ, Марина такъ окружала себя остроумными старичками и иностранными дипломатами, что къ ней и съ поклономъ мудрено было пробраться. (Никто такъ не привязчивъ, и не любитъ монополизировать исключительное вниманіе, слухъ, взоръ, утъ и бесѣду милѣйшихъ женщинъ, какъ *старика*, которыми никто не интересуется, — и *иностранцы*, которыми многие и много чуждо въ нашемъ обществѣ). — На балахъ, Марина перестала танцовать съ мазурки съ Борисомъ, который заранее приглашалъ ее на всю зиму, подъ удачно придуманнымъ предлогомъ, что онъ подѣлаетъ ей, и имъ ловко вмѣстѣ облетать пространныя залы. — Когда Борисъ, удивленный ея переменною въ обхожденіи съ нимъ, сталъ упрекать ее въ *капризахъ* и неровности духа, она просто и прямо объявила ему, что ей не нравятся общія замѣчанія на ихъ частые и длинныя разговоры вдвоемъ, и что она хочетъ избѣгать всего подобнаго. Сначала онъ сталъ убивать ее презрѣть глупые и пошлые толки, безпрестанно возникавшіе и такъ же легко и скоро умолкавшіе въ праздномъ и насмѣшливомъ обществѣ; но когда онъ увидѣлъ, что она настаиваетъ на принятомъ намѣреніи, — то изъ удивленнаго перешелъ въ оскорбленнаго, и осыпалъ ее жалобами и укоризнами. Онъ представлялъ ей, что она едва ли въ правѣ жертвовать имъ и его самолюбіемъ, его спокойствіемъ. пустъ и болтовней постороннихъ и равнодушныхъ. — Дѣло завязывалось; оба были въ переходномъ состояніи отъ первоначальнаго сочувствія и благорасположенія къ страсти полной и сильной. — Самое волненіе обоихъ просвѣтило и вразумило неопытную женщину. — Она стала избѣгать Ухманскаго. — Онъ досадовалъ, сердился, иногда грустилъ: она оставалась непреклонна.

Чѣмъ взволнованнѣе и безпокойнѣе становилась Марина, тѣмъ замѣтнѣе избѣгала она Ухманскаго, тѣмъ суше и холоднѣе съ нимъ обращалась. — Разумѣется, она *перехитрила* и *пересолила* свой отпоръ, и свое старанье казаться равнодушною, именно, по тому, что разыгрывала роль трудную и са-

мой себя ненавистную. — Если бы она точно была не расположена внимать исканіямъ Бориса, или простѣе, была бы къ нему совершенно равнодушна, то самое обыкновенное приличіе заставило бы ее казаться съ нимъ не только учтивою, но даже ласковою, и она бы не стала его такъ тщательно избѣгать; не отталкивая и не принимая его, она бы умѣла не выходить съ нимъ изъ границъ свѣтской общежительности и общихъ мѣстъ. — Но гдѣ страстной и пылкой молодой женщиной, невѣждѣ въ дѣлахъ сердца и тайнахъ любви, — гдѣ ей сохранять присутствіе духа и наружное равновѣсіе въ обращеніи съ тѣмъ, кого она втайнѣ предпочитаетъ? Гдѣ ей разсчитывать вѣрно и тонко политику своихъ минимыхъ пренебреженій, когда весь умъ ея ужъ занятъ внутреннею, ежеминутною борьбою противъ сердца, противъ увлеченія, противъ молодости, въ ней громко вопиющей, противъ страстного любопытства, подстрекающаго ее сблизиться съ существомъ, пробудившимъ въ ней все, что до него въ ней такъ долго, но за то, такъ чутко и такъ трепетно дремало?... Марина, желая показать себя равнодушною, была чуть ли не враждебна съ Ухманскимъ, и надобно было имѣть всю неопытность его, чтобы не проникнуть ея неловкой хитрости и ея не искуснаго притворства.

Но Борисъ былъ новичекъ, если не въ любви (той, которая обыкновенно разумѣется подъ этимъ именемъ, — и которую приличнѣе назвать любовнымъ похожденіемъ), то, по крайней мѣрѣ, въ предисловіяхъ, ведущихъ къ прочтенію этой чудной книги любви истинной и высокой, которая открывается столь не многими избраннымъ въ жизни. — Для него женское сердце было глубокою тайною; еще менѣе понималъ онъ борьбу женской гордости съ страстью, почитаемую за прещенною ... Онъ не подозрѣвалъ искренности Марины, — и тѣмъ сильнѣе подозрѣвалъ ее въ сухости и холодности.

И вотъ завязалась межъ этими двумя неопытностями борьба изъ смерти и жизни, гдѣ слѣдовало пасть отрицательной силѣ одной изъ нихъ, или всей силѣ убѣжденія и стра-

сти другой. Отношенія обоихъ противниковъ измѣнились; — вместо симпатіи, они изобличали одинъ къ другому 'неудовольствие и придирчивость, вхожіе на ненависть, которыми они часто не только постороннихъ зрителей, но и самихъ себя обманывали. Не разъ послѣ встрѣчи, прошедшей безъ зника участія или даже вниманія съ обѣихъ сторонъ, послѣ свиданія, давно и страстно ожидаемаго, горячо желаннаго, и проведеннаго въ ссорахъ и взаимныхъ нападкахъ, они разставались недругами, и каждый изъ нихъ, оставшись наединѣ, и стараясь успокоить свое волненіе, спрашивалъ себя, действительно ли онъ любитъ, — и что это за любовь, которая такъ похожа на вражду?..

Марина, какъ женщина, скорѣе догадалась, — и поняла свои собственныя чувства. — Но твердость ея не поколебалась въ намѣреніи защищать и отстаивать свое сердце до послѣдней крайности. — Амазонки мужественно отрубали себѣ грудь, рвали свое тѣло, и добровольно проливали свою кровь, чтобы сдѣлать себя способные носить и употреблять бранное оружіе воиновъ. Марина, безстрашнѣе и геройственнѣе ихъ, — рвала свое сердце, и проливала его горчайшія слезы, чтобы быть и оставаться непобѣдимою.

Какъ больно было ей за то! — Съ какимъ растерзаннымъ сердцемъ, съ какою безотрадною, язвительною тоскою, возвращалась она въ свою богатую и безмолвную спальню, послѣ бала, проведеннаго въ ссорѣ, или вечера, употребленнаго на безвыходные споры! Какъ горько плакала, и какъ тепло молилась она, приготовляясь склонить блѣдную и уставшую головку на безсонную подушку подъ штофными и кружевными занавѣсками! — Какія томительныя ночи проводила она, облокотясь на разломоченный столъ, и до зари перебирая въ разстроенномъ умѣ все, что было говорено и не говорено между ею и имъ! Какъ сердито сдвигались ея черныя брови, когда она припоминала свою какую-нибудь неловкость, невольное замѣшательство или никакъ не подмѣченный трепетъ, которые могли бы открыть глаза ему, и разстроить всѣ ея хитросплетенныя холодности!

Но въ тѣ дни, когда эти хитрости ей вполне удавались, когда ничто не измѣняло ей, и она твердо выполняла свою роль, — и оставляла его недовольнымъ и отверженнымъ, — въ тѣ дни ей было еще больнее. — Едва за порогомъ своего за-
вѣтнаго покоя, она, вѣстѣ съ пышнымъ платьемъ и удуш-
ливою шнуровкой, снимала съ себя угнетающую маску вѣч-
наго притворства, она становилась опять самой собою, то есть,
слабой, любящей женщиной, — и обильныя слезы сменяли за-
ученныя улыбки, которыми она предъ сѣбою и предъ нимъ
покрывала свои внутреннія страданья.

Борись не понималъ ея... Онъ былъ обманутъ ея стра-
стѣй, онъ верилъ не только, что она равнодушна, но что
она чувствуетъ къ нему реальный антипатію.

Зная хорошо Пенскаго, онъ не могъ предполагать, чтобы
Марина любила такого мужа: ему пришло въ голову, что она
уже любить кого-нибудь другаго, — и онъ сталъ наблюдать.

Марина воспользовалась этимъ новымъ случаемъ, чтобы
попеременно оказывать явное предпочтеніе то тому, то дру-
тому изъ ея прежнихъ, теперь удаленныхъ ею угодниковъ.
Борись попеременно подозревалъ въ счастья то того, то дру-
гаго, досадовалъ, бѣсилъ, и наконецъ, бросивъ совсѣмъ уха-
живать за недосыгаемою красавицею, сталъ расточать свое
вниманье другимъ, болѣе доступнымъ.

Марина видѣла, — и ревновала! Ревновала страстно, отча-
нно, мучительно; — но не сдавалась, и не измѣнила своей тайны.
Только она худѣла и блѣднѣла со дня на день, — и тонкія,
прямые черты ея лица стали было обозначаться, мѣжъ
тѣмъ какъ и безъ того огромныя, продолговатыя глаза ея;
казалось, вырастали, и становились еще огромнѣе сквозь покровъ
обыкновенной имъ теперь мрачности и тоски. — Изнурительная
лихорадка, — неизбежное слѣдствіе внутренней борьбы, продол-
жительной бессонницы и непрерывнаго волненія, овладѣла ею,
и принесла съ собою кашель — этотъ злобный признакъ для
двадцати-трехъ-лѣтнихъ женщинъ нашего неумолимаго климата.

Отецъ, тетки, даже дѣлами заваленный мужъ, замѣтили
нездоровье и перемену Марины; доктора были призваны и

посланы къ ней со всѣхъ сторонъ. Стали поговаривать о необходимости поѣздки на воды, за границу, и зимы, проведенной въ Италіи.

Марина не соглашалась.—Ея сопротивленіе удивляло все общество. *Счастливая женщина*, которой предлагали избрать только край, гдѣ бы ей угодно было лечиться, предоставляя ей полную свободу и значительный окладъ, долженствующіе упрочить ей самое блистательное, барское существованье въ любой столицѣ Европы, — *счастливая* эта женщина была загадкою всѣмъ своимъ пріятельницамъ. Иныя пожимали плечами, говоря, что она просто *блажитъ*, другія полагали, что чахотка лишаетъ ее способности наслаждаться чѣмъ бы то ни было, и даже желать чего-нибудь.

(До слѣдующей книги).

ОБЛАКА.

КОМЕДИЯ АРИСТОФАНА

И ЕЯ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ.

Статья 2-я

Мы сказали еще въ самомъ началѣ, что объ отношеніи Сократа къ Аристофану и въ особенности къ комедіи его «Облака», было два мнѣнія: противъ Аристофана и въ пользу его. Одни видѣли въ этой комедіи одну злонамеренность комика, обвиняли его въ безнравственной клеветѣ и тѣмъ болѣе возставали противъ него, что по извѣстію одного позднѣйшаго собирателя анекдотовъ, ⁽⁴⁹⁾ Эліана, Аристофанъ былъ подкупленъ Анитомъ и Мелитомъ, которые въ послѣдствіи явились доносчиками на Сократа и были виновниками его смерти. Мимоходомъ замѣтимъ, что это извѣстіе Эліана нисколько не можетъ служить свидѣтельствомъ противъ Аристофана. ⁽⁵⁰⁾ Въ одномъ изъ «разговоровъ» Платона, который былъ писанъ гораздо позже «Облаковъ», Мелитъ упоминается молодымъ человѣкомъ, слѣдовательно, въ годъ представленія комедіи, его, можетъ быть, еще и не было на свѣтѣ, или по крайней мѣрѣ онъ тогда былъ еще ребенкомъ. Притомъ, самъ Аристофанъ ⁽⁵¹⁾ въ позднѣйшихъ своихъ комедіяхъ отзывается объ этомъ Мелитѣ, какъ о человѣкѣ самомъ распутномъ, и какъ о плохомъ и ничтожномъ трагикѣ. Въ настоящее время это мнѣніе противъ Аристофана совсѣмъ забыто, и критическія занятія древнею исторіею вызвали новое убѣжденіе, которое объявило себя въ пользу Аристофана. По тѣмъ путямъ, которые были избраны учеными для подтвержденія своего новаго убѣжденія, самыя мнѣнія защитниковъ Аристофана представляются намъ въ двухъ видахъ: одни

⁽⁴⁹⁾ Различн. рассказы, II, 13.

⁽⁵⁰⁾ Εὐθύφρων.

⁽⁵¹⁾ «Лагушки», 1502. Фрагм. 176 изъ «Земледельцевъ» (Γεωργοί); ср. 182 изъ «Болтуна» (Γηρυταῖος), и ср. 376 изъ «Аистовъ» (Πελαργοί).

утверждаютъ, что Сократъ, введенный на сцену Аристофаномъ, вовсе не тотъ мудрецъ, который пользуется всеобщимъ уваженіемъ а отвлеченное олицетвореніе софистическаго начала. Конечно, если бы все это можно было доказать, то Аристофана не нужно было бы и оправдывать въ несправедливости противъ Сократа: онъ вовсе на него и не нападалъ. Но это мнѣніе было опровергнуто самыми ясными доводами, изъ которыхъ видно, что на сцену былъ выведенъ самъ Сократъ, со всеми своими атрибутами, однимъ словомъ, какъ лице живое, историческое. Это обстоятельство заставило ученыхъ предпринять снова работу оправданія Аристофана даже и при томъ предположеніи, что Сократъ былъ выведенъ на сцену лично. По исходному началу, на которомъ опирались все эти доказательства, приводимыя въ оправданіе Аристофана, они представляютъ намъ два главныхъ отдѣла: субъективныя доказательства, основывающіяся на указаніи внѣшнихъ, случайныхъ, личныхъ отношеній Аристофана, почему мы ихъ и называемъ субъективными, т. е. личными; — и объективныя, которыя разсматриваютъ внутреннюю жизнь комика, какъ необходимый результатъ господствовавшихъ современныхъ ему идей, положеніе общества, его образованія и т. д., и выводятъ отсюда и самое оправданіе Аристофану, какъ человеку, находившемуся подъ необходимостью поступать такъ, а не иначе.

И такъ повторимъ для ясности вкратцѣ исторію проясненія учеными истиннаго значенія «Облаковъ»:

Въ недавнее время образовалось два различныхъ мнѣнія относительно этой комедіи:

1. Одно безусловно обвиняетъ Аристофана и считаетъ его человекомъ, достойнымъ презрѣнія.

2. Другое мнѣніе принимаетъ Аристофана подъ свою защиту. Это последнее по различію своихъ основаній распадается на двѣ части:

а) одни утверждаютъ, что Аристофанъ выводитъ на сцену не историческаго Сократа, а произвольное олицетвореніе софистики только съ его именемъ;

б) другіе напротивъ того, и весьма основательно, принимали Аристофанова Сократа за историческое лице, но для

оправданиа Аристофана и при такомъ положеніи они употребляли двоякаго рода путь:

- α) субъективный и
- β) объективный.

Ониосительно перваго мнѣнія, которое безусловно обвиняетъ Аристофана въ клеветѣ на Сократа, мы уже замѣтили выше, что оно опирается на пустомъ анекдотѣ, вымышленномъ въ послѣдствіи и нынѣ совершенно опровергнутомъ. Притомъ, это мнѣніе есть результатъ давно отжившихъ взглядовъ на исторію, когда могли однимъ и тѣмъ же языкомъ возвышать до небесъ Сократа и унижать другихъ, которую имели одинаковое съ нимъ историческое значеніе: до такой степени мало еще понимали историческую логику. Поэтому-то въ настоящее время мы не найдемъ нигдѣ даже и опроверженія этому мнѣнію: его вѣлпость говоритъ сама за себя. Мы съ своей стороны также оставимъ его безъ вниманія, и только покажемъ, какъ оно невярно и въ историческомъ отношеніи ⁽⁵²⁾. Платонъ, ученикъ Сократа, искренне любилъ и уважалъ Аристофана, чего никогда нельзя было ожидать, еслибъ нашъ комикъ былъ личнымъ врагомъ Сократу и къ тому безнравственнымъ человекомъ, котораго можно было подкупить. ⁽⁵³⁾ Когда тираннъ Діонисій извѣщалъ Платону желаніе изучить политическое и гражданское устройство Афинянъ, то философъ отправилъ ему сочиненіе Аристофана и притомъ именно «Облака». ⁽⁵⁴⁾ Дружба Платона съ Аристофаномъ простиралась до того, что Платонъ по смерти комика написалъ ему самую лестную надгробную надпись:

Αἱ Χάρει; τέμενος; τι λαβεῖν, ὅπερ οὐχὶ πρᾶτται,
Ζητοῦσαι, ψυχὴν εὖρον Ἀριστοφάνους, — т. е.

Храна Хариты искали себѣ поселиться на вѣки—
И поселились онѣ въ душѣ Аристофана.

Платонъ умеръ, ⁽⁵⁵⁾ держа въ рукахъ сочиненія Аристофана. Если присоединить къ всему нами сказанному выше-приведенное мѣсто изъ Платонова «Пира», гдѣ мы видимъ.

⁽⁵²⁾ См. подробныя разысканія объ этомъ предметѣ въ сочиненіи Цаммермана: *De Aristophanis et Platonis amicitia aut similitate*. Marb. 1834. in-8°. ⁽⁵³⁾ *Anonym. Vita* p. 344, 18. ⁽⁵⁴⁾ *Olympiodor. Vita Plat.* § 8. (p. 383). ⁽⁵⁵⁾ Тж.

такія дружескія отношенія даже самого Сократа къ Аристофану, то этого будетъ уже совершенно довольно, чтобы видѣть всю неосновательность стараго взгляда на взаимныя отношенія Сократа къ Аристофану.

Второе мнѣніе относительно этого же самаго вопроса, какъ результатъ критическихъ и научныхъ занятій исторіею, представляетъ гораздо больше занимательности, и потому мы на время остановимся на немъ для того, чтобы его разобрать и обсудить по всѣмъ тѣмъ видоизмѣненіямъ, которыя онъ прошелъ въ своемъ развитіи, и которыя были уже нами указаны выше.

Намъ извѣстно, что защитники Аристофана употребляли двоякаго рода мѣры для достиженія своей цѣли: одни считали комическаго Сократа только поэтическимъ вымысломъ, олицетвореніемъ софистическаго начала, другіе принимали Сократа за историческое лице. Конечно, первый путь былъ очень легокъ и простъ: здѣсь вопросъ о противорѣчій между историческимъ Сократомъ и комическимъ совершенно уничтожался самъ собою; но за то этотъ путь въ той же степени былъ и ошибоченъ, такъ что въ настоящее время нельзя указать ни на одного первостепеннаго ученаго, который держался бы этого пути. Замѣчательно однако, что еще не такъ давно это мнѣніе было принято и у насъ. Такъ въ магистерскомъ разсужденіи Г. Ведрова мы находимъ слѣдующее мѣсто: ⁽⁶⁶⁾ «здѣсь (въ к. «Облака») подъ именемъ школы Сократа, нужно разумѣть школы другихъ философовъ, потому что ученіе этой школы, описанное Аристофаномъ, не было ученіемъ Сократа, а софистовъ; притомъ Сократъ не бралъ деньги за свои уроки». Все это мнѣніе основывается у его защитниковъ только на двухъ мѣстахъ комедіи, которыя вкратцѣ, какъ мы сейчасъ видѣли, высказаны и г. Ведровымъ. Впервые же, въ одной ⁽⁶⁷⁾ сценѣ комедіи Стrepсіадъ, указывая сыну на школу Сократа, говоритъ, что тамъ за деньги выучать выиграть правое и неправое дѣло. Извѣстно, что Сократъ не только никогда не бралъ денегъ за уроки, но и презиралъ тѣхъ софистовъ,

⁽⁶⁶⁾ В. Ведрова: Жизнь афинскаго олигарха Критія. С. П.-бургъ. 1848. стр. 20.
⁽⁶⁷⁾ Обл. 86.

которые искали вознагражденія за свои труды, дѣлая имъ весьма невыгодное сравненіе съ женщинами извѣстнаго рода ⁽⁵⁸⁾. Отсюда и заключили, что Аристофановъ Сократъ не можетъ быть историческимъ лицомъ. Рётчеръ весьма остроумно объясняетъ эту, по видимому, историческую ошибку Аристофана. ⁽⁵⁹⁾ Онъ говоритъ, что Аристофанъ въ другихъ мѣстахъ своей комедіи ясно обозначилъ личность Сократа, и потому послѣ того могъ смѣло переносить на него и другія черты, принадлежавшія другимъ софистамъ, чтобы тѣмъ поставить мудреца въ уровень съ софистами, и такимъ образомъ повредить ему въ общественномъ мнѣніи. Мы съ нашей точки зрѣнія не можемъ согласиться съ Рётчеромъ въ самомъ послѣднемъ его выводѣ: Аристофанъ уравнивалъ подобными историческими ошибками Сократа съ софистами вовсе не для того, чтобы унизить чрезъ то Сократа, потому что и вообще комедія, какъ мы уже видѣли, была писана не для такой цѣли, но чтобы представить Сократа совершенно по мнѣнію его общественныхъ противниковъ со всеми ихъ клеветами и выдумками. Въ доказательство своего мнѣнія Рётчеръ приводитъ самъ другой примѣръ подобной, если еще не болѣе грубой, исторической ошибки. ⁽⁶⁰⁾ Комикъ называетъ Сократа *ὁ Μῆλιος*, милійскимъ; между тѣмъ Сократъ выросъ на глазахъ Аѳинлянъ, и всѣ знали, что онъ гражданинъ аѳинскій, а вовсе не уроженецъ о. Мила (самый южный изъ кикладскихъ, дорическаго поселенія). Здѣсь Аристофанъ поступаетъ совершенно подобнымъ образомъ, какъ и прежде, когда онъ заставлялъ Стрепсиада говорить на сценѣ о платѣ Сократу за уроки. Въ древности былъ извѣстенъ Диагора милійскій, прозванный за свое ученіе безбожникомъ, *ἄθεος*; теперь Аристофанъ, желая выразить ту же мысль враговъ Сократа о самомъ Сократѣ, придаетъ ему только имя родины Диагоры, и въ Аѳинахъ всякой понималъ значеніе подобнаго эпитета, какъ милійскій. Конечно Рётчеръ сообразно съ своимъ взглядомъ на цѣль «Облаковъ» долженъ и здѣсь видѣть желаніе Аристофана унижить подобнымъ эпитетомъ Сократа въ общественномъ

⁽⁵⁸⁾ *πόρνοις ἀποχαλοῦσιν*. Ксеноф. «Воспомин.» 6, 3 и 45. Срап. Плут. пр. софист. стр. 225; Евомидий, стр. 304. ⁽⁵⁹⁾ Н. Th. Röscher: Aristophanes und sein Zeitalter. стр. 282. ⁽⁶⁰⁾ Обл. 850.

мнѣніи, но мы имѣемъ самыя ясныя доказательства противъ такихъ выводовъ Рётчера и въ пользу высказаннаго нами убѣжденія, если не о склонности Аристофана къ учению Сократа, то во всякомъ случаѣ о его нейтральности. ⁽⁶¹⁾ Діагора милійскій, ⁽⁶²⁾ по взятіи Аѳинянами о. Мила въ 416 г., поселился въ Аѳинахъ, но своимъ антирелигіознымъ ученіемъ довель аѳинское правительство до того, что оно осудило его на смертную казнь. Но Діагора нашелъ средство убѣжать, и тогда Аѳиняне отщипли его голову въ 1 талантъ. ⁽⁶³⁾ Аристофанъ торжественно и публично осмѣиваетъ самихъ Аѳинянъ за такое преслѣдованіе Діагоры. Могъ ли послѣ этого Аристофанъ употребить эпитетъ «милійскій» въ оскорбленіе Сократу? Читайте всю комедію «Птицы», и вамъ придетъ на мысль, что скорѣе въ глазахъ Аристофана «милійскій» было титуломъ почетнымъ, чѣмъ позорнымъ прозваніемъ.

Къ изъясненію Рётчеромъ извѣстія Аристофана о платѣ Сократу за уроки мы можемъ присоединить еще одно замѣчаніе. Аристофанъ въ своей комедіи вовсе и не утверждаетъ положительно, чтобы Сократъ бралъ деньги за уроки, а только представляетъ это какъ догадку самого Стрепсиада, и притомъ, какъ видно изъ послѣдующаго, не совсѣмъ основательную. Когда Филиппидъ спросилъ у отца: кто же эти мудрецы, которые берутъ деньги за свою науку? то Стрепсиадъ отвѣчаетъ ему: ⁽⁶⁴⁾ «я именъ ихъ точно не знаю». Можно ли предположить, чтобы кто-нибудь, не зная даже имени другаго, сталъ утверждать о немъ съ достовѣрностью или другія подробности? Такимъ образомъ Аристофанъ говорить о платѣ Сократу, какъ только о какомъ-то слухѣ, и потому на этомъ мѣстѣ никакъ нельзя основывать мнѣнія, будто Сократъ Аристофановъ не сынъ Софрониска.

Относительно другаго основанія этого же мнѣнія замѣтимъ вообще, что оно въ сущности не отличается отъ перваго. Говорятъ, что въ ученіи Сократа по словамъ Аристофана находится много заимствованнаго у Анаксагоры изъ его

⁽⁶¹⁾ Обл. 830. ⁽⁶²⁾ Diog. син. XIII, 6. ⁽⁶³⁾ Фукид. V, 118.

⁽⁶⁴⁾ Плини, 1071 и слѣд. Аристофанъ упрямаетъ Аѳинянъ за то, что они осуждаютъ и преслѣдуютъ Діагору, какъ какого-нибудь тирана.

⁽⁶⁵⁾ Обл. 100.

уменія о физическомъ мірѣ, за которое онъ былъ обвиняемъ въ безбожій (*ἀσεβεία*). Нѣтъ ничего естественнѣе такого явленія: Сократъ былъ последователемъ Анаксагоры, и потому въ отношеніи религіозномъ ихъ мнѣнія были одинаковы. Мы нашли одно ⁽⁴⁵⁾ свидѣтельство древнихъ, изъ котораго видно, что и сами современники Сократа хорошо понимали комедію, и одинъ изъ друзей Сократа потому спросилъ его: не оскорбляется ли онъ насмѣшками надъ Анаксагоромъ? Этотъ вопросъ показываетъ, что осмѣяніе Анаксагоры было равносильно осмѣянію Сократа.

Но что болѣе всего опровергаетъ мнѣніе объ аристофановомъ Сократѣ, какъ о фикціи комика, то это многія мѣста самой комедіи и другія положительныя свидѣтельства древнихъ о томъ, что на сцену былъ выведенъ самъ Сократъ, какъ лице историческое и известное всѣмъ тогда въ Афинахъ. Такъ въ одной известной уже намъ ⁽⁴⁶⁾ сценѣ между Стрепсиадомъ и ученикомъ Сократа, ученикъ, разсерженный грубымъ стукомъ старика, закричалъ на него: «Боже, что ты за неучъ! чего ты стучишься въ дверь? ты помышалъ намъ *разродиться* мысляю, которую мы атчали». Мать Сократа, Фэнарета, была повивальной бабкой, и Сократъ часто говорилъ шутя, что онъ при образованіи юношей употребляетъ въ дѣло ремесло матери, облегчая имъ, какъ повивальная бабка, рожденіе и развитіе мысли. Въ самомъ дѣлѣ, мы заметили ту же самую методу и въ обученіи Стрепсиада, что служить новымъ подтвержденіемъ того, что въ комедіи явился историческій Сократъ, а не отвѣщенное выраженіе софистическаго начала. Другія описанія привычекъ Сократа въ комедіи взяты прямо изъ его домашняго быта: такъ ⁽⁴⁷⁾ онъ на сценѣ является босымъ. Мы нашли даже одно извѣстіе, гдѣ Сократъ самъ признаетъ и подтверждаетъ, что онъ былъ выведенъ на сцену, а не кто-нибудь другой только съ его именемъ. Такъ, по свидѣтельству ⁽⁴⁸⁾ Ксенофонта, на одной бесѣдѣ Сократъ, припоминая остроты Аристофана на его счетъ, шутя обращается къ одному изъ своихъ собесѣдниковъ съ

⁽⁴⁵⁾ Плутархъ: О воспит. дѣт. V, 14. ⁽⁴⁶⁾ Обл. 157.

⁽⁴⁷⁾ Обл. 103, 380. Срав. Ксеноф. Воспомин. I, 6, 2. ⁽⁴⁸⁾ Пиръ, VI, 8.

вопросамъ: «скажи, на сколько блохиныхъ ступней ты отстоишь отъ меня? вѣдь въ этомъ, по ихъ словамъ, состоятъ мои геометрическія занятія?» При такихъ достоверныхъ свидетельствахъ можно принять еще въ разсмотрѣніе и извѣстіе, сохранившіеся у Эліана. ⁽⁶⁹⁾ Сократъ ходилъ въ театръ весьма рѣдко, и то, когда шла какая-нибудь трагедія Еврипида. Узнавъ, что Аристофанъ выводитъ его самого на сцену, Сократъ взялъ мѣсто въ театрѣ, и при томъ такое, откуда могли бы его всѣ видѣть. Когда началось представленіе, Сократъ всталъ съ своего мѣста, и стоялъ въ продолженіи всего представленія съ тѣмъ, чтобы зрители могли, по его словамъ, удобнѣе дѣлать сравненіе оригинала и снимка.

Нужно ли послѣ всего этого приводить еще новыя доказательства тому, что комедія «Облака» имѣетъ дѣло не съ вымышленнымъ Сократомъ, а съ дѣйствительнымъ, историческимъ лицомъ? Всѣ приведенныя нами свидетельства ставятъ это выше всякаго сомнѣнія, а потому защита Аристофана въ разобранномъ нами мнѣніи основывается на предположеніи, исторически не вѣрномъ, и разрушается сама собою.

Когда была замѣчена неосновательность мнѣнія, отвергавшаго личность Сократа въ «Облакахъ», то ученые рѣшились достигнуть той же самой цѣли, т. е. оправдать Аристофана, даже и при томъ предположеніи, что на сцену былъ выведенъ дѣйствительно Сократъ, какъ лице историческое. Мы уже замѣтили выше, что одни изъ этихъ ученыхъ достигли своей цѣли субъективнымъ путемъ; но когда замѣтили его недостаточность и отчасти неосновательность, то другіе ученые рѣшились пріискать оправданія Аристофану на основаніи объективныхъ началъ. Разсмотримъ по порядку тѣхъ и другихъ.

Первый ученый въ историческомъ порядкѣ, который предпринялъ трудъ оправдать Аристофана, не уничтожая вмѣстѣ съ тѣмъ личности Сократа въ «Облакахъ», былъ ⁽⁷⁰⁾ Германнъ. За нимъ слѣдуетъ цѣлый рядъ ученыхъ, которые стремились къ той же цѣли, тѣмъ же путемъ, хотя и дру-

⁽⁶⁹⁾ Эліана: Различн. разск., II, 45. ⁽⁷⁰⁾ Praef. ad Nubes, 1789. p. XXXII—LIV.

гими средствами. Изъ нихъ первое мѣсто по достоинству принадлежитъ ⁽⁷¹⁾ Велькеру и Сюверну. При всей услугѣ, которую оказали труды этихъ ученыхъ, способствуя постепенно проясненію нашего вопроса объ отношеніи Сократа историческаго къ комическому, они имѣютъ одинъ общій имъ всѣмъ недостатокъ: ихъ основанія, которыя они полагаютъ для оправданія Аристофана, были только субъективны, т. е. они выставляли различныя *внѣшнія* и *случайныя* обстоятельства, которыя будто бы побудили Аристофана представить Сократа въ искаженномъ видѣ. ⁽⁷²⁾ Рётчеръ въ немногихъ словахъ охарактеризовалъ труды всѣхъ этихъ ученыхъ, и совершенно справедливо: «всѣ эти ученые, говоритъ онъ, имѣя въ виду оправдать Аристофана, должны были наконецъ увидѣть, что результатъ ихъ трудовъ прямо противоположенъ тому, что имъ требовалось доказать». Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы увидимъ немедленно, общій результатъ у всѣхъ ученыхъ до Сюверна включительно, состоитъ въ томъ, что они приписываютъ ту или другую постороннюю причину дурныхъ отношеній Сократа къ Аристофану, и полагаютъ, что теперь Аристофанъ остается правымъ. Но собственно говоря, они, снимая съ Аристофана одну вину, налагаютъ на него другую. Развѣ можно оправдать чей-нибудь дурной поступокъ противъ другаго лица тѣмъ, что онъ имѣлъ уже прежде причины быть непріязненнымъ ему? Такое оправданіе будетъ скорѣе походить на объясненіе причинъ вины, но не на уничтоженіе ея.

Этотъ недостатокъ и ошибочность всѣхъ этихъ субъективныхъ доводовъ не могла не сдѣлаться очевидною, и первый Рётчеръ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: *Aristophanes und sein Zeitalter*. Berl. 1827, опровергнувъ ихъ, рѣшился приискать объективныя основанія для оправданія Аристофана, т. е. такія, которыя вытекали бы изъ внутренней жизни комика, раскрыли бы его сердце, и здѣсь показали, что онъ и не могъ поступить иначе, какъ поступилъ на самомъ дѣлѣ. Представимъ сначала краткій обзоръ въ историческомъ порядкѣ мнѣній тѣхъ

⁽⁷¹⁾ Welcker: *Komödien von Aristophanes*. Giessen. 1810. Т. I, стр. 191—228. Sävern: *Ueber Aristophanes Wolken*. Berlin. 1826.

⁽⁷²⁾ Aristophan. u. s. Zeitalt. Berl. 1827. стр. 272.

данных, которые защищают Аристофана на субъективных основаниях, и притом так, как их разбирает самъ ⁽⁷⁵⁾ Ретчеръ.

Германъ полагаетъ, что только съ нынѣшней точки зрѣнія на комедію «Облака» она можетъ казаться намъ насмѣшкою на Сократа и притомъ неприличнымъ и злонамѣреннымъ, и что если мы теперь обвиняемъ Аристофана въ его покушеніяхъ очернить Сократа, то мы въ этомъ случаѣ судимъ о древней комедіи по своимъ понятіямъ, и забываемъ, что все подобныя насмѣшки были совершенно въ ея духъ. Но ⁽⁷⁶⁾ Вольфъ весьма ясно доказалъ ошибочность такого мнѣнія Германна. Онъ объяснилъ, что «Облака» вовсе не были шуткою со стороны Аристофана, какъ этимъ думалъ его извинить Германъ, и что Аристофанъ, какъ видно и изъ его ⁽⁷⁶⁾ словъ, имѣлъ важныя цѣли, и потому употребилъ все свое искусство и стараніе для составленія этой комедіи. По мнѣнію Вольфа, Аристофанъ представилъ Сократа действительно тѣмъ, чѣмъ онъ тогда былъ, и вовсе не клеветалъ на него. Для насъ теперь, объясняетъ Вольфъ, конечно «Облака» должны казаться клеветою на Сократа, потому что мы сравниваемъ Сократа въ послѣдніе годы его жизни съ тѣю ролью, которую онъ играетъ въ «Облакахъ»; тутъ, разумеется, нѣтъ никакого сходства, и Аристофанъ каждому покажется клеветникомъ. Но если мы примемъ въ соображеніе, такъ продолжаетъ Вольфъ, что комедія была дана за 25 лѣтъ до смерти Сократа, и что тогда Сократъ еще не могъ дойти до тѣхъ результатовъ, которые его возвысили въ послѣдствіи, и даже, не проявивъ себя своихъ идей, действительно могъ увлекаться современной ему натуральной философіей, проповѣдывавшей низверженіе старой религіи и уничтоженіе прежняго порядка вещей, то мы не найдемъ тогда никакой клеветы у Аристофана, и его комедія «Облака» будетъ вѣрнымъ снимкомъ Сократа, но подобно только помнить—современнаго ей. При всемъ остроуміи догадки Вольфа, она заключаетъ въ себѣ одну важную историческую

⁽⁷⁵⁾ Тамъ стр. 294, 319.

⁽⁷⁶⁾ Вольфъ. Предисловіе къ переводу «Облаковъ». Берли. 1851. ⁽⁷⁶⁾ Я эту комедію («Облака») я считаю за единственную изъ комедій Аристофана, которая имѣетъ стоить большого труда. Обл. 342.

ошибку. Въ позднѣйшей комедіи Аристофана, въ ⁽⁷⁶⁾ «Лягушкахъ», которая была дана за 6 лѣтъ до смерти Сократа (въ 405 году), упоминается еще разъ Сократъ совершенно въ томъ же самомъ характерѣ, который онъ имѣетъ и въ «Облакахъ»; а безъ сомнѣнія въ то время Сократъ успѣлъ достигнуть той высоты, на которой мы привыкли его до сихъ поръ видѣть.

Менѣе заслуживаетъ уваженія мнѣніе ⁽⁷⁷⁾ Рейсига, который оправдываетъ всѣ несправедливыя выходки Аристофана тѣмъ, что Сократъ былъ въ дружбѣ съ Еврипидомъ, а Еврипидъ былъ врагъ Аристофану. Такъ что по мнѣнію Рейсига Аристофанъ осмѣиваетъ въ «Облакахъ» собственно Еврипида, только подъ маскою Сократа. Рѣтчеръ справедливо замѣчаетъ, что Аристофанъ не нуждался въ подобной маскѣ, ибо онъ въ другихъ своихъ комедіяхъ, какъ-то въ «Ахарнахъ», «Бесмофоріацусахъ», «Лягушкахъ», вездѣ осмѣиваетъ прямо Еврипида и обращается лично къ нему. Притомъ, еслибы мнѣніе Рейсига было и справедливо, то что отъ этого выиграетъ Аристофанъ? Развѣ можно будетъ его оправдать въ несправедливостяхъ противъ Сократа тѣмъ, что онъ ненавидѣлъ Еврипида, а потому могъ нападать и на Сократа? Частная, личная месть не извиняетъ проступковъ, изъ нее вытекающихъ ⁽⁷⁸⁾.

А. В. Шлегель полагаетъ, что Аристофанъ имѣлъ добрую цѣль въ своей комедіи, желая показать гражданамъ, что склонность къ философствованію уменьшаетъ уваженіе къ тѣлеснымъ упражненіямъ, которыя такъ нужны гражданину во время войны для защиты отечества, и дѣлаетъ кромѣ того гражданское право шаткимъ и сомнительнымъ, подвергая его обсужденіямъ. Не говоря о томъ, что такое мнѣніе противорѣчитъ самой комедіи, гдѣ Сократъ представляется требующимъ тѣлеснаго развитія для полного образованія, что мы выигрываемъ такимъ объясненіемъ для оправданія Аристофана въ клеветѣ на Сократа? Развѣ хорошія цѣли, которыя Аристофанъ могъ имѣть при составленіи своей комедіи, могутъ извинять и объяснять намъ, не унижая самаго комика, его насмѣшки надъ

⁽⁷⁶⁾ Лягушк. 1491—1498. ⁽⁷⁷⁾ Reisig: Praefat. ad Aristoph. Nubes. p. VIII—XXX.

⁽⁷⁸⁾ A. w. Schlegel: Ueber dramatische Kunst Ч. I. стр. 306.

Сократомъ и представленіе этого мудреца въ самомъ превратномъ и каррикатурномъ видѣ.

Объ англійскомъ ученомъ ⁽⁷⁹⁾ Митчелѣ должно сказать то же самое, что и о Шлегелѣ, потому что онъ для оправданія Аристофана употребляетъ тѣ же самые приемы, хотя и избираетъ другую сторону комедіи, именно воспитаніе. По его мнѣнію, Аристофанъ желалъ показать Аѳинянамъ, какой вредъ можетъ принести государству вновь вводимое воспитаніе юношества. Но какъ такую цѣлью можно извинить Аристофана въ ложномъ представленіи Сократа, мы этого опять не видимъ.

Болѣе приближаются къ объективнымъ оправданіямъ Аристофана тѣ мнѣнія, которыя были выставлены Велькеромъ и Сюверномъ, почему мы и ставимъ ихъ на первое мѣсто между всеми субъективными мнѣніями. Велькеръ полагаетъ, что «Облака» выражаютъ современную имъ въ обществѣ борьбу простой вѣры съ совершеннымъ его преобразованиемъ. Сювернъ объясняетъ все тѣмъ, что Аристофанъ нападаетъ не на личность Сократа, но только на тотъ принципъ, котораго онъ былъ представителемъ; хотя при этомъ не должно думать, чтобы Сювернъ считалъ Сократа отвлеченнымъ выраженіемъ принципа. Итъ! онъ убежденъ, что на сценѣ былъ историческій Сократъ, но Аристофанъ нападалъ на него, какъ на частнаго человека, и въ этомъ смыслѣ у него употреблено слово «личность». Даже Сювернъ былъ первымъ ученымъ, который дѣйствительность историческаго Сократа на сценѣ поставилъ своими разысканіями внѣ всякаго сомнѣнія.

При всемъ томъ заслуга этихъ двухъ ученыхъ и ограничилась только тѣмъ, что они первые сдѣлали намекъ на необходимость объективныхъ основаній, и можетъ быть тѣмъ вызвали мнѣнія такихъ ученыхъ, какъ Ретчеръ. Велькеръ, объяснивъ, что «Облака» были выраженіемъ борьбы простой вѣры съ реформативными идеями, не показалъ въ то же время, въ какомъ отношеніи стояли Сократъ и Аристофанъ къ этимъ двумъ противоположностямъ, и потому мы видимъ у него, что наша комедія является чѣмъ-то случайнымъ, не имѣющимъ общечеловѣческаго интереса и внутренней необходимости, которая одна

⁽⁷⁹⁾ The comedies of Arist. Vol. I. Lond. 1820.

могла бы оправдать Аристофана и вмѣстѣ съ тѣмъ не унижить Сократа. Потому и неудивительно, если Велькеръ въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія опять утверждаетъ, что Аристофанъ нападалъ не вообще на Сократа, но только на его бесполезную ученость и на другія смѣшныя его стороны. Такое заключеніе опять показываетъ, что Велькеръ остался субъективнымъ, такъ что и его мнѣніе должно быть подведено подъ категорію мнѣній его предшественниковъ. Мнѣніе Сюверна заключаетъ въ себѣ тотъ же недостатокъ. Такъ какъ по его мнѣнію, Аристофанъ имѣлъ въ виду не личность Сократа, но его принципъ, то въ комедіи тѣмъ не менѣе должно являться различіе между историческимъ Сократомъ и комическимъ; Сократъ превращается въ Лже-Сократа. Объяснить же это различіе, не роняя Аристофана, нельзя и по основаніямъ Сюверна. Такимъ образомъ вся заслуга Сюверна состоитъ въ томъ, что онъ ясно высказалъ мысль о Сократѣ, какъ о представителѣ цѣлой школы, цѣлой партіи; слѣдовательно въ нападеніи Аристофана исчезаетъ теперь всякая личность и эгоизмъ, ибо комикъ въ Сократѣ видитъ не своего врага, но врага цѣлаго общества. Но слѣдуетъ ли отсюда, что Аристофанъ могъ исказить Сократа въ своей комедіи? Если комикъ вооружился противъ Сократа, какъ общественнаго врага, но только по личной враждѣ многое преувеличилъ, то онъ опять долженъ намъ явиться неблагонамѣреннымъ, и потому-то и самъ Сювернъ нашелъ себя принужденнымъ высказать въ результатъ своихъ изслѣдованій слѣдующее положеніе, которое противорѣчитъ его собственнымъ цѣлямъ: «въ «Облакахъ» нужно разсматривать изображеніе главы цѣлой школы (Сократа), какъ карикатуру, въ которой мы хотя видимъ много чертъ, заимствованныхъ отъ историческаго Сократа, но представленныхъ въ направленіи совершенно ему чуждомъ.»

И такъ, какъ бы ни были остроумны субъективные основанія къ оправданію Аристофана, результатъ ихъ неизмѣнно одинъ и тотъ же: они только указываютъ на причины его виновности, и тѣмъ, быть можетъ, иногда ее уменьшаютъ, но ни въ какомъ случаѣ не уничтожаютъ, ибо таковъ всегда законъ правденности, что, говоря о другомъ ложь съ со-

знаніемъ или съ намысленіемъ, никакъ нельзя не быть виновнымъ.

Рётчеръ первый указалъ недостаточность субъективныхъ началъ и ихъ противорѣчіе съ собственною цѣлью, и поставилъ себя новую задачу, начала которой мы замѣтили еще у Велькера и Сюверна, оправдать Аристофана на основаніи объективныхъ причинъ. Для этой цѣли ему нужно было показать современное комедіи положеніе общества во всѣхъ его отношеніяхъ, что и составило содержаніе первой половины его замѣчательнаго труда *Aristophanes und sein Zeitalter*. Главный результатъ изысканій Рётчера состоитъ въ томъ, что въ Аѣнахъ въ I-мъ столѣтіи явились ⁽⁸⁰⁾ двѣ противоположности (*die Gegensätze*), которыя проникли все моменты жизни Аѣнянъ, и потому должны были необходимо отразиться и въ комедіи. Эта необходимость и избавляетъ Аристофана отъ всякаго упрека за нападенія на Сократа. Какъ ни важно сочиненіе Рётчера въ другихъ отношеніяхъ, въ особенности же со стороны его превосходнаго описанія аѣнскаго общества въ V-мъ столѣтіи, и притомъ какъ въ отношеніи политическомъ, такъ и въ отношеніи искусствъ, литературы, а именно лирики, трагедіи и комедіи; но въ частности, въ отношеніи къ нашему вопросу о причинахъ различія между комическимъ и историческимъ Сократомъ, мы можемъ примѣнить къ сочиненію Рётчера его же собственныя слова, которыя онъ высказалъ противъ субъективныхъ защитниковъ Аристофана. Только одно различіе будетъ между этими послѣдними и Рётчеромъ: у нихъ результатъ изслѣдованій противорѣчитъ ихъ собственной цѣли, именно, они ставятъ задачей оправдать Аристофана, а кончаютъ свой трудъ объясненіемъ причинъ его вражды къ Сократу и притомъ причинъ субъективныхъ, слѣд. не уничтожающихъ вину; — у Рётчера задается одна задача, а въ результатъ оказывается рѣшеніе другой, которая вовсе и не

(80). Въ чемъ именно состояли эти противоположности, любопытные могутъ прочесть въ книгѣ самаго Рётчера въ его *«Besonderer Theil»* отъ 88 стр. и т. д. Здѣсь скажемъ вкратцѣ, что, по мнѣнію автора, теперь въ Аѣнахъ явилась индивидуальность въ оппозиціи съ древнею общностью, которая ее до сихъ поръ поглощала; личное мнѣніе вступило въ борьбу съ общественнымъ, что и было источникомъ многихъ злоупотребленій, имѣющихъ одинъ общій характеръ произвола (*die Willkühr*).

задавалась. Рѣчь, какъ и весь его предшественникъ, хотѣлъ объяснить причины различія историческаго Сократа и комическаго, и доказать, что Аристофанъ, сдѣлавъ это различіе, вовсе не клеветалъ тѣмъ самымъ на Сократа; а въ результатъ объясняется, что Аристофанъ имѣлъ объективныя причины вооружаться противъ Сократа, между тѣмъ какъ мы ожидали отвѣта на то, какія причины и какія права имѣлъ Аристофанъ представлять Сократа въ искаженномъ видѣ.

На этотъ вопросъ не даютъ намъ отвѣта ни тѣ, которые думали достигнуть своей цѣли субъективными основоположеніями, ни даже тѣ, которые выставили объективныя причины; а камень преткновенія для тѣхъ и другихъ составляло слѣдующее: уваженіе къ Сократу не допускало полного равенства между его историческимъ и комическимъ лицомъ, а для оправданія Аристофана это равенство было необходимымъ условіемъ къ оправданію. Требованія эти противоположны одно другому, и потому удовлетвореніе послѣднему всегда становилось въ противорѣчій съ первымъ и чрезъ то съ самимъ собою.

Быть можетъ, многимъ покажется страннымъ, что мы въ историческомъ обзорѣ развитія мѣтій объ «Облакахъ» до сихъ поръ совсѣмъ не упоминали о такомъ ученомъ авторитетѣ, каковъ ⁽⁸¹⁾ Дройзенъ. Причина тому была слѣдующая. Дройзенъ первый успѣлъ избѣгнуть того вопроса, который былъ виною неуспѣха какъ субъективныхъ, такъ и объективныхъ защитниковъ Аристофана, и еслибъ онъ при томъ объяснилъ причины, по которымъ онъ позволилъ себѣ такое отступленіе, то должно бы было счесть его сочиненіе за самое лучшее, и не только болѣе всѣхъ приближающееся къ истинному рѣшенію нашего вопроса, но даже и окончательно его разрѣшившее. Дройзенъ начинаетъ свое разсужденіе такъ: ⁽⁸²⁾ «обыкновенно любятъ видѣть въ Аристофанѣ не только поэта, но еще болѣе патріота, человека съ истинными политическими убѣжденіями, защитника всего справедливаго и прекраснаго,

⁽⁸¹⁾. Des Aristophanes Werke. Berlin. 1838. III часть. Введеніе къ «Облакамъ».

⁽⁸²⁾. Man liebt es, in Aristophanes nicht bloß den Dichter, sondern fast noch mehr den Patrioten, den Mann der richtigsten politischen Einsicht, den Vertheidiger alles Rechten und Schönen, den unversöhnlichen Feind des Schlechten und des Entartung zu sehen. Тж. стр. 5.

«непримиримаго врага всякаго зла и всякой порчи». Такое мнѣніе, при всей его справедливости для насъ, требуетъ большихъ объясненій и подтвержденій, въ особенности же при тѣхъ двухъ главныхъ мнѣніяхъ объ Аристофанѣ, которыя существовали до сихъ поръ въ наукѣ. Мы знаемъ, одни считали Аристофана презрѣннымъ челоѡкомъ, и мнѣніе Дройзена, не подтвержденное никакими доводами, для нихъ покажется произвольнымъ, личнымъ убѣжденіемъ; — другіе думали, что Аристофана должно еще оправдать, и для нихъ вышеприведенныя нами слова Дройзена будутъ, при всей ихъ справедливости, требовать доказательствъ. Какъ бы то ни было, но Дройзенъ успѣлъ въ самомъ началѣ своего сочиненія устранить всю трудность вопроса, который постоянно занималъ ученыхъ, и предложилъ себѣ совсѣмъ другую задачу: отчего Аристофанъ, другъ всего истиннаго, справедливаго и прекраснаго, могъ напасть на Сократа, въ которомъ все это заключалось и притомъ въ высшей степени? И такъ, здѣсь дѣло идетъ не о защищеніи Аристофана: Аристофанъ напередъ признанъ челоѡкомъ, не нуждающимся ни въ какомъ защищеніи; — но о томъ, чтобы объяснить появленіе комедіи, которая съ перваго раза непременно покажется несовмѣстною съ нравственнымъ и высокимъ характеромъ комика. При разрѣшеніи этого вопроса Дройзенъ остался вѣрнымъ прежнимъ своимъ убѣжденіямъ, и какъ въ «Всадникахъ» онъ защищалъ Клеона и противъ Аристофана и противъ общественнаго мнѣнія, такъ и теперь онъ принялъ подъ свою защиту Сократа, и объяснялъ причины, по которымъ Аристофанъ могъ восружаться противъ Сократа, не теряя притомъ ничего изъ всѣхъ исчисленныхъ Дройзеномъ достоинствъ. Аристофанъ, по своей точкѣ зрѣнія, которая была прикована къ «золотой старинѣ», не могъ иначе и глѣдѣть на Сократа, отъявленнаго врага всѣхъ подобныхъ мечтаній. Хотя Дройзенъ и самъ сознается, что онъ принялъ Сократа подъ свою защиту для того, чтобы остаться послѣдовательнымъ (*consequenter Weise*, стр. 12), ибо онъ также защищалъ и Клеона, но при всемъ томъ, по нашему мнѣнію, его сочиненіе должно поставить на первое мѣсто, единственно уже за то, что у него мы въ первый разъ находимъ мысль о томъ, что Аристофанъ вовсе и не нуждается

въ защищеніи, а скорѣе такое защищеніе нужно Сократу.

Это послѣднее положеніе Дройзена мы раздѣляли бы съ нимъ вполне, еслибъ только онъ объявилъ себя въ пользу Сократа не противъ Аристофана, а противъ той партіи въ самыхъ Аѣинахъ, мнѣніе которой только повторяется Аристофаномъ. Приведенныя нами выше слова хора, оканчивающія комедію «Облака», убѣждаютъ насъ въ томъ, что комикъ не дѣлалъ цѣлью своихъ нападеній ни Сократа, ни его школу. По словамъ хора, причина несчастій аѣинскаго общества заключалась въ немъ самомъ, въ расточительной и чувственной жизни гражданъ, которая вводила ихъ въ крайнюю бѣдность, и заставляла тѣмъ искать достиженія непослужительныхъ цѣлей. Что касается до Сократа, то Аристофанъ вывелъ его на сцену вмѣстѣ съ противоположною ему крайностью, и вывелъ, разумѣется, такъ, какъ они представляли другъ друга. Теперь понятна будетъ причина, почему въ комическомъ Сократѣ заключаются нѣкоторыя черты, которыхъ не было въ историческомъ: Аристофанъ представлялъ Сократа такимъ, какимъ онъ казался своимъ врагамъ, со всеми слухами, которые они могли распускать о немъ, не отличая его отъ другихъ софистовъ. Иначе возможно ли было бы Аристофану утверждать, напримѣръ, о платѣ, которую будто бы бралъ Сократъ за уроки; подобная ложь могла бы скорѣе повредить ему самому, чѣмъ Сократу. Можетъ быть, нѣкоторые будутъ считать возраженіемъ нашему положенію о нейтральности Аристофана то мнѣніе, будто бы его комедія была даже дурно принята, потому что Аристофанъ осмѣялъ Сократа, который уже пользовался уваженіемъ въ обществѣ. Но въ свою защиту противъ этого мнѣнія мы можемъ сказать то, что вмѣстѣ съ Аристофановыми «Облаками» шла, какъ мы уже знаемъ, еще и другая комедія Амипсія ⁽⁸²⁾ «Коннѣ», гдѣ также осмѣивается Сократъ, а между тѣмъ Амипсія получилъ вторую награду ⁽⁸³⁾. Коннѣ былъ учителемъ Сократа въ музыкѣ, и о немъ упоминаетъ также ⁽⁸⁴⁾ Аристофанъ, какъ о пѣвцѣ «съ высохшимъ вѣнкомъ на головѣ и съ пересохшимъ горломъ». Самая комедія до насъ

⁽⁸²⁾ F. U. Fritsche: Quaestiones Aristophan. стр. 246. ⁽⁸³⁾ Hematerhuys ad Polluc. II, 4388. ⁽⁸⁴⁾ Весел. 854.

не дошла въ цѣлости, и мы имеемъ отъ нея одинъ фрагментъ и въ ⁽⁸⁶⁾ одномъ-то изъ такихъ фрагментовъ Аминсія пред- ставляетъ Сократа совершенно такимъ же, какимъ мы его видѣли въ «Облакахъ». После этого можно легко судить, въ какой степени справедливо извѣстіе одного извѣстнаго ⁽⁸⁷⁾ аргументатора къ «Облакамъ» о томъ, что Алкиады, ученикъ Сократа, и сто сверстники заставляли еякую судей не одоб- рять Аристофановой комедіи. При томъ этотъ разсказъ про- тиворѣчитъ и собственнымъ словамъ Аристофана, который въ извѣстномъ намъ паравасъ упрекаетъ судей не въ трусости, а просто въ неумѣствѣ и въ неумѣніи оцѣнивать хорошія произведенія. Но нейтральность Аристофана, которую мы ста- рались вывести изъ самой его комедіи, лучше всего объясня- етъ намъ причину дурнаго приѣма «Облаковъ». Осмѣявъ обв- противоположныя крайности и не держась ни той, ни дру- гой, Аристофанъ, конечно, не могъ ожидать себѣ одобренія ни отъ кого изъ зрителей, или, по крайней мѣрѣ, отъ весьма не многихъ. Подтвержденіе тому мы находимъ ⁽⁸⁸⁾ у Фукидда, который раздѣляетъ современное ему общество въ Аѣнахъ на три партіи: 1, партію старины, 2, новизны, и 3, среднюю между первыми двумя (*τὰ μέσα τὰ πολυτῶν*), и о послѣдней изъ нихъ, нейтральной, говорить слѣдующее: ⁽⁸⁹⁾ «нейтраль- ные изъ гражданъ погубляются обѣими сторонами; итъ за- то, что они не содѣйствуютъ имъ, или по зависти, что они «одержать верхъ». Подобная участь, вѣроятно, постигла и Ари- стофана, какъ комика нейтральнаго.

Мы указали выше на хорошія отношенія Аристофана къ Сократу и въ особенности къ его ученику Платону; все это еще болѣе утверждаетъ насъ въ томъ мнѣніи, что Аристо- фанъ былъ только вѣрнымъ изобразителемъ современнаго ему понятія о Сократѣ. Потому, хотя мы и соглашаемся съ Дрой- зеномъ въ томъ, что болѣе всего нужна защита Сократу, но только не отъ Аристофана, а отъ возмущенія на него современ- никовъ; такъ что вопросъ Дройзена для насъ приметъ слѣ- дующую форму: почему современники Сократа имѣли такое

⁽⁸⁶⁾ Диог. Лаерт. II, 28. ⁽⁸⁷⁾ Argum. II. ⁽⁸⁸⁾ III, 82. ⁽⁸⁹⁾ Фук. III, 82. 3.

превратное понятіе о мужѣ, признанномъ въ послѣдствіи геніальнымъ и въ высшей степени нравственнымъ человекомъ?

Лучшій отвѣтъ на предложенный нами вопросъ должно искать въ политическомъ положеніи современнаго комедіи аѳинскаго общества, и въ этомъ случаѣ «Облака» являются намъ во всей важности ихъ историческаго значенія. Здѣсь мы увидимъ живой, одушевленный образъ тогдашняго общественнаго и государственнаго быта Аѳинъ со всеми его частностями и съ указаніемъ тайныхъ пружинъ дѣйствій, которыми ускользали иногда и отъ самого историка. Каждому извѣстно, что конецъ пятого столѣтія, къ которому принадлежитъ и наша комедія, былъ для Греціи временемъ революціоннымъ. Въ отношеніи политическомъ мы замѣчаемъ паденіе древнихъ формъ государственнаго устройства, аристократическаго и демократическаго, чему много способствовали двѣ предшествовавшія войны: Персидская и Пелопоннсская. Сколько разъ во время ихъ Аѳины были спасаемы тѣми, которые до сихъ поръ не имѣли никакого участія въ государственномъ управленіи, которые едва даже считались людьми. Эти заслуги должны были дать имъ значеніе въ обществѣ и въ государствѣ. Слѣды такого политическаго переворота отразились и въ нашей комедіи. Стрепсиадъ со вздохомъ воспоминаетъ о старомъ, блаженномъ времени, и говоритъ ⁽⁹⁰⁾:

— Будь ты проклята, война (Пелопоннсская), по многимъ причинамъ, да и потому, что теперь нельзя побить и слугъ своихъ.

Тоже самое въ другой сценѣ: ⁽⁹¹⁾

— У насъ нѣтъ больше масла въ лампѣ, — докладываетъ слуга Стрепсиаду.

— Какъ! — кричалъ Стрепсиадъ, зачѣмъ же ты засвѣтилъ толстую свѣтильню? Поди сюда! вотъ я тебя отколочу!

— Скажи пожалуйста, за что? — возражаетъ ему слуга.

Такимъ образомъ исторія и время стали убѣждать Аѳинянъ въ шаткости ихъ прежняго государственнаго устройства. Въ самомъ дѣлѣ, то, что до персидскихъ войнъ было доста-

(90) Обл. 6. и слѣд. (91) Обл. 86 и слѣд.

точной связью и опорой общества, теперь вдруг стало дѣлаться не вполне удовлетворительнымъ; что прежде было законно и справедливо, то превратилось въ тиранию, сдѣлалось величайшею несправедливостью. Прежнее аристократическое и демократическое устройство, такъ правильно развившееся изъ историческаго образованія первыхъ греческихъ государствъ, и совершенно удовлетворявшее ихъ первымъ потребностямъ, теперь, когда примѣры и опытъ убѣдили въ необходимости и важности сословія, не имѣвшаго до сихъ поръ никакого политическаго значенія,—теперь такое государственное устройство сдѣлалось для новаго сословія стѣснительнымъ и несправедливымъ.

Съ паденіемъ древняго политическаго общества должно было пасть все то, что оно произвело на пути своего развитія, какъ образованіе, такъ и нравственность, религія. Что же изъ этого произошло? Конечно, всѣ граждане должны были раздѣлиться на двѣ партіи: одни видѣли свою, выгоду въ удержаніи древняго устройства, другіе, напротивъ, сообразно съ своими видами, вооружались противъ старины, и стремились къ утвержденію новаго порядка. При взаимной противоположности этихъ двухъ сторонъ борьба между ними была неизбежна. Все, что казалось однимъ истиннымъ, добрымъ и прекраснымъ, все это въ глазахъ противниковъ было ложью, возмущеніемъ, мятежемъ. Никто не описалъ такъ прекрасно этотъ переворотъ въ Греціи, не только политическій, но и нравственный, какъ Фукидидъ въ своей исторіи Пелопоннесской войны. ⁽²⁹⁾ «Въ то время, говоритъ онъ, всѣ государства колебались отъ внутреннихъ возмущеній, если же гдѣ-нибудь эти возмущенія появлялись позже, то здѣсь они превосходили даже и тѣ, о которыхъ прежде туда приносились только слухи, какъ безпрестанною страстью къ перемѣнамъ, такъ и чрезвычайною хитростью въ погубленіи непріятеля и неслыханными злодѣяніями. Даже употребительное значеніе словъ было изменяемо каждымъ по произволу. Ибо безразсудная храбрость теперь называлась мужественною привязанностью къ друзьямъ, а разсудительная храбрость счита-

(29) Фукидидъ. III, 82, 5-8.

«лась благовидною трусостью; въ умѣренности видѣли предлогъ слабости, въ обдуманности — лѣнь. Безсмысленная «отвага приписывалась доблести; медленность же съ неоднократно обдумываніемъ принималась за благовидный предлогъ къ уклоненію отъ дѣла. Кто былъ дерзокъ, тотъ снискивалъ довѣріе, а кто ему противорѣчалъ, вѣрность того подвергалась сомнѣнію. Кто строилъ другому козни, и они ему удавались, то его прославляли умнымъ человекомъ; кто предусматривалъ такія козни, тотъ считался еще хитрее; кто же въ нихъ не хотѣлъ нуждаться, тотъ объявлялся нарушителемъ дружбы и трусомъ. Главнымъ образомъ, кто превосходилъ другаго несправедливостью, и кто побуждалъ къ тому и другаго, тотъ превозносился похвалами. Даже «друзья предпочитались родственникамъ».

При такомъ переворотѣ должны были явиться люди двоякаго рода, сообразно съ помннутымъ нами выше дѣленіемъ самаго общества на двѣ партіи. Одни обратились къ старинѣ, думая въ ней найти спасеніе обществу отъ угрожающей ему гибели; вздыхали о блаженномъ времени своихъ предковъ, какъ о потерянномъ раѣ, и доказывали вредъ образованія. Легко было замѣтить всю несообразность и неудобноисполняемость подобной утопіи, и потому другіе безъ труда осмѣяли ихъ, и тѣмъ, подкопавъ старину, приготовили третьимъ возможность позаботиться объ устройствѣ общества на основаніи новыхъ началъ, сообразныхъ съ современностью. Въ лицѣ семейства Стрепсиада Аристофанъ представилъ свое общество, утопающее въ роскоши и ищущее средствъ выйти изъ своего бѣдственнаго положенія. Правда и неправда предлагаютъ свои услуги. Правда рисуетъ утопію; неправда все опровергаетъ, во всемъ сомнѣвается и все представляетъ въ смѣшномъ видѣ. Приверженцами послѣдняго направленія въ тогдашнемъ обществѣ были софисты, которыхъ и должно считать главною виною всего переворота Греціи въ V-мъ столѣтіи. Обыкновенно софисты пользовались дурною славой, и долгое время не умѣли оцѣнить ихъ истинное значеніе въ исторіи Греціи.

(*) Гёренъ съ одной стороны весьма справедливо сравниваетъ

(**) Ideen d. d. Polit. d. Verkehr u. a. w. v. III.

софистовъ по ихъ историческому значенію съ схоластиками среднихъ вѣковъ. Утонченныя изслѣдованія тѣхъ и другихъ, повидимому, пустыя словопренія, логомахи, имѣли большую важность для всего будущаго, нежели какъ это можетъ показаться съ перваго раза. Софисты были необходимымъ явленіемъ для того положенія общества, въ которомъ представляеть намъ его Фукидидъ, когда, по словамъ историка, все сдѣлалось двусмысленнымъ, когда въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ одни называли истиннымъ, добрымъ и прекраснымъ то, что другимъ казалось ложью, очевидною неправдой и безнравственностью. Очевидно, новое поколѣніе, которое стояло на рубежѣ этого переворота, не могло не спросить: «что же такое истина?» — «что можно назвать добрымъ?» А сколько разъ такіе отвлеченные вопросы влекли за собою преобразование. Въ V-мъ столѣтіи эти же самыя вопросы заданы были софистами. Современному имъ приверженцу старины они должны были казаться людьми, которые спорятъ о пустомъ, *de lana carptina*. Этотъ-то смыслъ и имѣютъ насмѣшки надъ ученіемъ Сократа и его диспутами, которыя мы читали въ комедіи. Противникамъ Сократа казалось, что выгода и польза всякъ изысканій софистовъ будетъ равняться результатамъ разрыпцаннаго ими вопроса о скачкѣ блохи, или о томъ, какою частью тела поетъ комаръ, и т. п. Съ другой стороны, если задачи софистовъ не казались старинѣ пустыми, то во всякомъ случаѣ онѣ были для нея лишними. Къ чему, говорила она, рѣшать тѣ или другіе вопросы, когда общество успѣло уже прожить такъ много и своею жизнью разрыпцало ихъ давно? — Но какъ оно рѣшило? будетъ ли это рѣшеніе годно при дальнѣйшихъ успѣхахъ человѣческой мысли? Это такіе вопросы, на которые дальнѣйшая исторія Греціи отвѣтила отрицательно. Но въ то время, какъ изслѣдованіе различныхъ отвлеченныхъ вопросовъ однимъ казалось пустою и лишнею игрою празднаго ума, другіе хорошо понимали всю важность ея результатовъ, и они стали въ оппозицію новому ученію. Потому-то одни въ Афинахъ осмѣивали софистовъ, другіе возстали противъ нихъ съ обвиненіями, какъ противъ возмутителей общественнаго спокойствія, людей опасныхъ, для

которыхъ нѣтъ ничего ни святаго, ни заветнаго. А что, спросите вы, разумѣли приверженцы старины подъ общественнымъ спокойствіемъ, что считалось у нихъ святымъ, когда они упрекали софистовъ въ нарушеніи всего этого? Для ихъ старина была все, новаго они совсѣмъ не понимали, и потому очевидно на ихъ языкѣ «не вѣрить ни во что» значило: «не вѣрить въ старое». Справедливо, что греческіе софисты утверждали: нѣтъ ничего истиннаго; но если принять въ соображеніе, что они это говорили, отвергая старину, то развѣ они не были правы? Не создавъ ничего новаго и понимая неосновательность стараго, они были справедливы даже и въ отношеніи къ самимъ себѣ: не вѣря въ старое, не имѣя новаго, они сказали правду и для себя, что нѣтъ ничего истиннаго.

Но при одномъ отрицаніи человѣкъ не можетъ оставаться долго, и потому за софистами-отрицателями явился новый разрядъ софистовъ, которыхъ можно назвать положительными. Главою этихъ послѣднихъ былъ Сократъ, самый опаснѣйшій изъ софистовъ для приверженцевъ старины. Онъ являлъ общій корень съ софистами-отрицателями, но отличался отъ нихъ тѣмъ, что сталъ положительно заботиться объ устройствѣ государства и общества по новымъ идеямъ, сообразнымъ съ требованіемъ времени. Это послѣднее обстоятельство дѣлало Сократа еще болѣе ненавистнымъ для приверженцевъ старины, чѣмъ для нихъ были остальные софисты. Софисты, ниспровергая все и не создавая ничего, сами вооружали другихъ противъ себя, между тѣмъ какъ Сократъ своими положительнымъ направленіемъ привлекалъ къ себѣ очень многихъ, и сдѣлался такимъ образомъ настоящимъ реформаторомъ язычества. Хотя Сократъ обратился болѣе къ умственной и нравственной сторонѣ общества, но онъ такъ связанъ былъ въ Греціи съ ея политическимъ устройствомъ, что и оно не могло не почувствовать на себя вліянія новаго ученія. Но чѣмъ же это ученіе должно было казаться приверженцамъ старины? Очевидно, въ отношеніи политическомъ оно было бунтотъ, мыслемъ, въ отношеніи нравственномъ—развращеніемъ нравовъ и безбожіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, при новомъ понятіи гражданина, которое появилось въ слѣдствіе ученія

софистовъ и Сократа, старья формы государственнаго устройства — демократическая и аристократическая — оказались негодными, ибо при нихъ гражданами въ государствѣ могли быть нѣкоторые; потому съ этого времени начинается въ Греціи стремленіе въ монархической власти, которая была также отличною отъ древней монархической власти въ Греціи, какъ монархія Ромула отъ монархіи Октавія Августа. Это стремленіе къ монархіи сдѣлалось также замѣтнымъ со времени софистовъ, и Сократа упрекали современники не рѣдко въ привязанности къ Спартянцамъ, что ^(*) въ то время считалось за одно и тоже съ привязанностью къ монархіи. Теперь понятно, почему приверженцы аристократіи и демократіи должны были смотреть на ученіе Сократа, какъ на мятежъ противъ существующихъ постановленій.

Умственное и нравственное преобразование Сократа для приверженцевъ старины должно было имѣть тотъ же самый характеръ, какъ и политическое. Въ самомъ дѣлѣ, вдругъ говорятъ Греку, что нѣтъ Зевса, Аполлона, Аѳины, Афродиты, и другихъ подобныхъ имъ божествъ. Между тѣмъ онъ былъ воспитанъ и вскормленъ съ мыслію о ихъ святости и могуществѣ. Религіозное чувство, прирожденное каждому человеку, въ Грекѣ было такъ тѣсно связано съ поклоненіемъ Зевсу и ему подчиненнымъ божествамъ, что отнять у него ихъ значило не только оскорбить религіозное чувство, но и вовсе его уничтожить. Нѣтъ Зевса — и нѣтъ религіознаго чувства. Дѣйствительно, люди слабые по уму и характеру, но однако привсемъ томъ понимавшіе пустоту и ничтожность прежняго религіознаго ученія, дѣлались потому часто безнравственными и доставляли тѣмъ приверженцамъ старины еще болѣе опоры

(*) Доказательствомъ тому, что привязанность къ Спарте въ то время стала и привязанностью къ монархіи, служатъ слѣдующія слова хора изъ «Осы»: «о ненавистникъ демократіи, ревнитель монархіи и другъ Врасиды», ст. 474 и слѣд. Знаменитый Спартавскій полководецъ Врасида во время Пелопоннесской войны ясно высказалъ мысль объ уничтоженіи демократіи и аристократіи; освобождая города аѳинской игемоніи, онъ обещалъ имъ дать новую форму государственнаго устройства, по которой «ни аристократы не будутъ угнетать демократовъ, ни демократы — аристократовъ». Фукид. IV 88, 4.

противъ реформаторовъ. Они указывали на эти аномалии, какъ на неизбежное слѣдствіе новаго ученія и какъ на примѣры того, къ чему можетъ привести привязанность къ нему.

И такъ, теперь мы можемъ сказать, что если Аристофанъ представилъ Сократа въ своей комедіи «Облака» мятежникомъ и безбожникомъ, то онъ былъ совершенно правъ, потому что Сократъ дѣйствительно казался такимъ большіи части своихъ гражданъ. Съ другой стороны, и эти послѣдніе будутъ правы, если мы будемъ ихъ судить съ ихъ собственной точки зрѣнія. Считая только одну древнюю демократію и аристократію законнымъ государственнымъ устройствомъ, приверженцы старины не могли иначе смотрѣть на Сократа и на его новое политическое направленіе, какъ на возмущеніе общественнаго спокойствія. Образованіе наукъ въ слѣдствіе изысканій софистовъ было въ ихъ глазахъ причиною всего переворота, а потому они осудили и науки, какъ средство къ развращенію нравовъ юношества и къ вооруженію его противъ древней демократіи и аристократіи. Наконецъ, услышавъ отверженіе Зевса и другихъ младшихъ боговъ, приверженцы старины не могли не видѣть въ Сократѣ богоотступника и безбожника, а ⁽⁹⁴⁾ νοῦς, разумъ, на который указывала натуральная школа, какъ на верховное божество, для нихъ былъ такимъ же софизмомъ, какъ и все прочее, чему учили софисты.

Но мы уже не стоимъ и не можемъ стоять на точкѣ зрѣнія противниковъ Сократа, и потому, нисколько не противорѣчая имъ, можемъ по прежнему считать Сократа гениальнымъ и высоко нравственнымъ человекомъ. Собственно говоря, представленіе Сократа и его ученія, какъ мы то находимъ въ «Облакахъ», есть въ свою очередь такой же софизмъ со стороны приверженцевъ старины, и сами они были такими же софистами, какъ и Сократъ, съ тѣмъ различіемъ, что ученіе Сократа было только въ ихъ глазахъ софизмомъ, а ихъ мнѣніе о Сократѣ осталось софизмомъ и для всего послѣдующаго времени.

М. Стасюлевичъ.

27 Сентября 1881.

С.-Петербургъ.

(94) Анаксагора первый возсталъ противъ многобожія язычниковъ въ Греціи (Euseb. praepar. evang. XIV, 16), и утверждалъ, что всѣмъ управляетъ Разумъ, νοῦς. Ср. Плут. Ник. 25. Перик. 8. Сивил. п. с. Ἀναξαγόρας.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

IV.

Байрейтъ. Въ последнемъ письмѣ я говорилъ о трудностяхъ популярнаго изложенья ученыхъ предметовъ. Эти трудности еще болѣе увеличиваются отъ притязаній читающей публики, которымъ въполнѣ не въ состояніи удовлетворить никакой писатель. Многіе изъ непосвященныхъ въ науку думаютъ, что такія книги, какъ Космосъ Гумбольта или химическія письма Либиха, читаются какъ романъ, и что содержаніемъ ихъ можно овладѣть рѣшительно безъ всякаго напряженія. Но они не рѣдко обманываются въ своихъ предположеніяхъ: тогда они бросаютъ книгу и сваливаютъ всю вину на автора. А между тѣмъ ученый, взявшій на себя трудъ изложить въ легкой и пріятной формѣ научную матерію, необходимо долженъ предполагать въ читателѣ извѣстное напряженіе.

Послѣ этого предварительнаго замѣчанія я снова обращаюсь къ своему предмету, и поведу, шагъ за шагомъ, читателя генетическимъ путемъ, которымъ прошла, при развитіи своемъ, сама наука, по нервамъ, въ лабиринтинское зданіе спиннаго и головнаго мозга, и выведу обратно назадъ.

Желающій знать, въ какомъ состояніи находилась фізіологія мозга и нервной системы вообще въ концѣ прошлаго столѣтія, пусть обратится къ знаменитому сочиненію фонъ-Земмеринга: «Объ органѣ души», вышедшему въ 1796 году и посвященному Канту. Не бесполезно также прочесть сужденія, высказанныя по поводу этой книги современными философами, анатомиками и врачами. По мнѣнію Земмеринга общее чувствительное остается цѣлымъ. Если же перерѣзать передніе корешки, то чувствительность не уничтожится, но произвольное движеніе сдѣлается невозможнымъ, а мышцы совершенно парализуются. Если же перерѣзать оба корешка, то уничтожится какъ ощущеніе, такъ и произвольное движеніе.

Это есть самое простое изъясненіе закона Белля, которому подчинены все позвоночныя животныя, какъ-то рыбы, земноводныя, птицы и млекопитающія. Сотни патологическихъ наблюдений доказали приложимость его и къ человеку. Опыты, объясняющіе этотъ законъ, легче всего производить надъ лягушками, какъ показалъ Іоаннъ Миллеръ, и какъ это теперь дѣлается вездѣ при изложеніи лекцій опытной физиологіи. Такъ, ежели перерѣзать на правой сторонѣ у лягушки задніе корешки спинныхъ нервовъ, идущихъ къ задней ногѣ, а на левой сторонѣ передніе, то представится слѣдующее чрезвычайно замѣчательное явленіе: лягушка будетъ прыгать правою ногою, не чувствуя ея ни щипанья, ни другихъ сильнѣйшихъ раздраженій, и волоча лѣвую ногу, чувствительную ко всему, даже самымъ легкимъ впечатлѣніямъ, потому что при прикосновеніи къ сей послѣдней, лѣвой, она начинаетъ прыгать правою ногою. *Sensorium commune* находится въ стѣнкахъ мозговыхъ полостей, наз. желудочками, въ которыхъ должны оканчиваться нервы, и въ жидкости, наполняющей эти желудочки. Неудовлетворительность аргумента цѣи этого впрочемъ знаменитаго анатома своего времени и неопредѣленность его выводовъ не можетъ не удивить читателя, даже и мало знакомаго съ философіею и физиологіею. Ему покажется непонятнымъ, какъ умнѣйшіе и основательнѣйшіе ученые того времени могли придавать столько значенія этому произведенію. Должно сознаться, что въ сравненіи съ этимъ сочиненіемъ труды Галля имѣютъ гораздо болѣе прочное основаніе.

Не Германія обязана нервная физиологія замѣчательными успѣхами, сдѣланными ею въ послѣднія десятилѣтія. Одинъ англійскій врачъ, по имени Чарльзъ Белль, сдѣлалъ открытіе, которое, можетъ быть, не совсемъ справедливо, принимаютъ за величайшее послѣ Гарвеева открытія обращенія крови. Онъ открылъ именно, что въ нашей нервной системѣ есть нервныя пучки, изъ которыхъ одни суть органы ощущенія, а другіе органы движенія. На основаніи анатомическихъ фактовъ и патологическихъ опытовъ онъ доказалъ, что задніе корешки, выходящіе изъ спиннаго мозга, суть ис-

ключительно чувствительные (*sensibel*), а нервные двигательные (*motorish—отъ motus*). Это открытіе, известное подъ именемъ закона Белля, сдѣлано было въ 1811 году; но отчасти вследствие военныхъ событій того времени, оно сдѣлалось известнымъ на материкѣ не ранѣе, какъ черезъ десять лѣтъ. Мажанди во Франціи и Иоганнъ Мюллеръ въ Германіи не замедлили тогда повѣрить его на опытахъ. Этотъ послѣдній физиологъ за двадцать лѣтъ тому назадъ произвелъ на животныхъ опыты, такъ убѣдительно говорящіе въ пользу этого открытія, что съ этихъ поръ законъ Белля можно принимать за непреложный.

Какъ при всякомъ великомъ открытіи, такъ и при этомъ старались отыскать зачатки его въ древнѣйшихъ временахъ. Эти зачатки найдены были въ сочиненіяхъ Боергава, даже Галена. Нѣкоторые даже утверждали, что именно Галенъ, знаменитѣйшій врачъ своего времени, жившій въ Римѣ во второмъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія, уже зналъ раздѣленіе нервовъ на чувствительные и двигательные. И дѣйствительно у Галена встрѣчаемъ замѣчательное мѣсто, свидѣтельствующее объ изумительной проицательности этого великаго практика въ діагностикѣ болѣзней. Такъ какъ я пишу эти письма на память, и не имѣю подъ рукою литературныхъ матеріаловъ, то я не могу съ надлежащею точностью ни указать мѣста, и ни рассказать случай, при которомъ Галенъ выразилъ свое мнѣніе объ этомъ различіи нервовъ. Дѣло, какъ кажется, было такъ: у какого-то Павзанія оказались на пальцахъ признаки паралича. Для излеченія его Римскіе врачи безъ успѣха прибѣгали къ различнымъ мѣстнымъ средствамъ. Наконецъ призванъ былъ Галенъ. Нашедши, что онѣмвнѣе поразило только чувство, а не движеніе, онъ сказалъ, что это произошло отъ расстройства началъ нервовъ въ спинномъ мозгѣ, потому что нервы чувства и движенія, раздѣляющіеся въ рукѣ, происходятъ изъ разныхъ мѣстъ его; и поэтому для излеченія больного необходимо дѣйствовать на его спинной мозгъ. И дѣйствительно, къ величайшему изумленію Римскихъ врачей, больной выздоровѣлъ отъ леченія, основаннаго на сказанномъ понятіи о происхожденіи болѣзни.

Не говоря о практической важности Беллева закона, въ которой нельзя не убѣдиться изъ примѣра Галена, этотъ законъ уже потому имѣетъ для насъ теоретическую важность, что онъ даетъ намъ средства различать нервныя явленія, и изучать дѣятельность ощущенія и движенія въ отдѣльных нервныхъ группахъ. Для физиологій, какъ и для химіи, необходимо разложеніе тѣлъ; ибо изученіе природы вездѣ требуетъ анализа. Впрочемъ естествоиспытатель не останавливается на разбросанныхъ членахъ (*membra disiecta*); онъ снова соединяетъ ихъ и обращается къ общимъ соображеніямъ.

Изъ становой жилы спиннаго мозга человека, выходитъ симметрически до тридцати (точнѣе до 31—32) паръ нервовъ въ правую и столько же въ лѣвую сторону. Эти пары выходятъ изъ позвоночнаго столба въ извѣстныхъ разстояніяхъ, всегда между двумя позвонками, начиная отъ перваго шейнаго позвонка до хвостца, и развѣтвляются въ кожу и мышцы шеи, туловища и конечностей. Эти нервы имѣютъ различный діаметръ въ поперечникѣ, вообще около тонкаго пера, и состоятъ изъ тончайшихъ нитей, называемыхъ первоначальными нервными волокнами, которыя посредствомъ клетчатой плевы и тонкихъ сосудовъ соединяются въ круглые пучки, одѣтые оболочкой. Такіе пучки можно сравнить съ шнурками; ежели ихъ раскрутить и распутать, то получимъ такъ наз. элементарныя нервныя волокна (*nerven-primitivfasern*). Эти первоначальныя волокна имѣютъ въ діаметръ около $\frac{1}{100}$ линіи или $\frac{1}{600}$ дюйма, нѣкоторые изъ нихъ тоньше, а другіе толще; число ихъ въ различныхъ нервахъ различно. Мы не много удалились отъ истины, если примемъ, что каждый изъ шестидесяти спинныхъ нервовъ содержитъ въ себѣ отъ 5 до 10 тысячъ первоначальныхъ волоконъ, и потому, считая всѣ эти волокна на обѣихъ сторонахъ, изъ спиннаго мозга выходятъ ихъ съ $\frac{1}{2}$ милліона. И такъ каждый изъ этихъ спинныхъ нервовъ образуетъ стволъ, находящійся въ каналѣ между двумя позвонками. Каждый стволъ, выходя изъ канала, дѣлится на два почти равные пучка, одинъ передній, а другой задній; въ четвероногихъ животныхъ, — одинъ верхній, другой нижній. Передній пучокъ выходитъ изъ пе-

ресней, задній изъ задней поверхности становой жилы. Эти пучки называются корешками спинныхъ нервовъ. Если перерѣзать задніе корешки, то отъ того мѣста кожи, въ которому идутъ соответствующіе перерѣзаннымъ корешкамъ нервы, до спиннаго и головнаго мозга уже не будетъ доходить ощущеніе. Чувствительность въ сказанной части совершенно исчезаетъ, но не движеніе. По причинѣ этихъ раздѣленныхъ отправленій задніе корешки спинныхъ нервовъ названы чувствительными, а передніе двигательными. А такъ какъ эти корешки состоятъ изъ первоначальныхъ волоконъ, то послѣднія также раздѣляются на чувствительныя и двигательныя. Но когда эти корешки соединяются въ нервный стволъ, то эти оба рода волоконъ перемѣшиваются между собою; по этому вѣтви этихъ нервовъ, раздѣляющіяся въ кожѣ и мышцахъ, наз. смѣшанными нервами, т. е. содержатъ въ себѣ и чувствительныя и двигательныя волокна.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Отрывки изъ писемъ Пушкина къ П. В. Нащокину.

1.... Вотъ я въ П.-б., гдѣ я былъ принужденъ перемѣнить мною нанятый домъ. Пиши мнѣ: *На Галерной, въ домъ Брискорнъ*.... Все это очень измѣнить мой образъ жизни, и обо всемъ надобно подумать... Что-то Москва.... Жду Вяземс.... Не знаю, не затѣю ли что-нибудь литературнаго — журнала, альбома или тому подобнаго. — Кстати, я издаю *Сѣверные Цвѣты* для.... заставъ ихъ разбирать; — доброе дѣло сдѣлаемъ. Повѣсти мои напечатаны; на дняхъ получишь. 1831. 24 (мѣсяцъ неизв.)

2.... До сихъ поръ я не получалъ еще черновой довѣренности, а самъ сочинить ее не съумѣю. Перешли поскорѣ....

3. Очень, очень благодарю тебя за письмо отъ 9 Іюня. Не знаю, отвѣчалъ ли я тебѣ на оное; на всякой случай, перечитавъ его, пишу отвѣтъ. Съ подрадчикомъ я расплатился; онъ сказывалъ мнѣ, что ты обѣщалъ ему отъ меня прибавку; на сіе жду твоего приказанія, а самъ отъ себя ни гроша не прибавлю. Я не очень понимаю, какое условіе могъ ты заключить съ Р.: страховать жизнь еще на Руси въ обыкновеніе не введено, по войдетъ же когда-нибудь; покамѣстъ мы не застрахованы, а застращены: здѣсь холера, т. е. въ П-б. Жду дороговизны, и скупость, насльдственная и благопріобретенная, во мнѣ тревожится....

4.... Теперъ, кажется, все уладить и буду жить потихоньку безъ.... экипажа, и слѣдственно безъ большихъ расходовъ и безъ сплетень.... Прощай. Пиши и не слишкомъ скучай по мнѣ. Кто-то говаривалъ: если я теряю друга, то ѣду въ клубъ и беру събѣ другаго.... 1-го Іюня.

Я сей-часъ увидѣть въ *Лит. Газ.* разборъ Вельтмана, очень неблагоклонный и несправедливый;—чтобъ не подумалъ онъ, что я тутъ какъ-нибудь выѣхался. Дѣло въ томъ, что и я виноватъ: поѣхалъ исполнить обѣщанное,—не написалъ самъ разбора; но и некогда было.

5.... Мы здѣсь живемъ тихо и весело, будто въ глуши деревенской, насилу до насъ и вѣсти доходятъ, да и тѣ не радостныя. О смерти Д. горевать, кажется, нечего!... Холера, говорятъ, все не унимается. Правда ли, что въ Твери карантинъ? Экой годъ! Прощай, душа моя. 11-го Іюня Цирское село.

6. Я уже писалъ тебѣ, что въ П-б. холера, и какъ она здѣсь новая гостья, то гораздо болѣе въ чести, нежели у васъ равнодушныхъ Москвичей.... Тяжелыя времена! Тѣло Цесаревича везутъ; также и Дибичево; Паскевичъ пріѣхалъ въ армію 30-го. О военныхъ движеніяхъ не имѣемъ еще никакого извѣстія. Вотъ тебѣ общественныя новости; теперъ, поговоримъ о своемъ горѣ.... Холера прижала насъ, и въ Ц. Сель оказалась дороговизна. Я здѣсь безъ экипажа и безъ пирожнаго, а деньги все таки уходятъ.... 26 Іюня.

7. Бѣдная моя крестница! Впередъ не буду крестить у тебя, лобезный П В.: у меня не легка рука. Воля твоя будетъ

выполнена въ точности, если вздумаешь ты отправиться вслѣдъ за Ю., но это дѣло несбыточное; по крайней мѣрѣ я никакъ не могу вообразить тебя покойникомъ. Я все къ тебѣ собираюсь, да боюсь карантинныхъ. Нынѣ никакъ нельзя, пу-скался въ дорогу, быть утѣреннымъ во времени провоза. Вѣсто трехъ-дневной ѣзды того и гляди, что высидишь три недѣли въ карантинѣ; шутка! Ты нишешъ мнѣ о какомъ-то критическомъ разговорѣ, котораго я еще не читалъ. Если бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы, что все, что называютъ у насъ критикой, одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны я отступился; возражать серьезно не возможно; а плясать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому жъ ни критика, ни.... не достойны дѣльныхъ возраженій. Нынче осенью займусь литературой, а зимою зарююсь въ архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ Царемъ.... Ты знаешь, что Вислу мы перешли, не видя непріятеля. Съ часу на часъ ожидаемъ важныхъ извѣстій и изъ Польши и изъ Парижа; дѣло, кажется, обойдется безъ Европейской войны. Дай-то Богъ. 21 го Іюля 1831.

8.... Дома у меня произошла перемѣна управленія — Бюджетъ Алекс. Григорьевича оказался ошибоченъ, я потребовалъ счетовъ; засѣданіе было столь же бурное, какъ и то, въ комъ уничтоженъ былъ Иванъ Григорьевичъ; въ слѣдствіе сего Алекс. Григорьевичъ сдалъ управленіе Василю (за комъ блохи другого рода). Въ тотъ же день поваръ явился ко мнѣ съ требованіемъ отставки; сего управляющаго хотѣтъ отдать въ солдаты, и онъ ѣдетъ хлопотать о томъ въ Москву; вѣроятно явится и къ тебѣ. Отсутствіе его мнѣ будетъ ошутительно; но можетъ быть все къ лучшему. Забылъ я тебѣ сказать, что Ал. Гр. при отставкѣ получилъ отъ меня въ родѣ аттестата плюху, за что онъ было вздумалъ произвести возмущеніе и явился ко мнѣ съ военною силою, т. е. съ кварталнымъ; но это обратилось ему же во вредъ; ибо лавочники, провоздавъ обо всемъ, засадили было его въ тюрьму, отъ коей по своему великодушію избавилъ я его. Мои дѣла идутъ помаленьку; печатаю incognito мои повѣсти; первый экземпляръ перешлю тебѣ. 3-го Сентября.

9.... Что жъ не присылаешь ты Есауловскаго романа, исправленнаго во второмъ изданіи? Мы бы его въ моду пустили между фрейлинами. Все здѣсь обстоитъ благополучно....3 Августа.

10.... Сдѣлай одолженіе, перешли мнѣ мой отскупскій билетъ, который оставилъ я въ секретной твоей комодѣ; тамъ же выронилъ я серебряную копеечку. Если и ее найдешь, и ее пришли. — Ты ихъ счастію не вруешь, а я вѣрю. 8 Янв. 1832.

11.... Сіе да будетъ моимъ оправданіемъ въ неаккуратности. Пріѣхавъ сюда, нашелъ я большіе безпорядки въ домѣ, принужденъ былъ выгонять людей, перемѣнять поваровъ, наконецъ нанимать новую квартиру, и слѣдственно употреблять суммы, которыя въ другомъ случаѣ оставались бы неприкосновенными. Надѣюсь, что теперь получишь ты, любезный Павелъ Вонновичъ, нужныя бумаги для перезалога, и что получишь ломбардные деньги безпрепятственно; въ такомъ случаѣ, извинивъ меня (какъ можешь) передъ N N, отдай ему его тысячу, а другую возьми себѣ, ибо вѣроятно тебѣ она нужна будетъ, остальной же долгъ получишь въ Январѣ, какъ я ужъ распорядился, — продавъ Смирдину второе изданіе Онѣгина. Поговоримъ одѣль: честь имѣю тебѣ объявить, что первый томъ Островскаго конченъ, и на дняхъ присланъ будетъ въ Москву на твое разсмотрѣніе и подъ кригикъ Г. Кор. Я написалъ его въ двѣ недѣли, но остановился по причинѣ жестокаго ревматизма, отъ котораго протрадалъ другія двѣ недѣли, такъ что не брался за перо, и не могъ связать думъ мысли въ головѣ. Что твои меморіи? Надѣюсь, что ты ихъ не бросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ пріятно, да и тебѣ легче: незамѣтнымъ образомъ выростетъ томъ, а тамъ, поглядишь, и другой. Мой журналъ остановился по тому, что долго не приходило разрѣшенія. Нынешній годъ онъ издаваться не будетъ. Я и радъ. Къ будущему успѣю осмотрѣться и приготовиться; покажеться буду жаться по немногу. Мою статую (*) еще я не продалъ, но продамъ во что бы ни стало. Къ лѣту будутъ у меня хлопоты. — Скажи Баратынскому, что Смирдинъ въ Москвѣ, и что я го-

(*) Мѣднаго всадника. Пр. Ред.

ворить съ нимъ о изданіи *полныхъ стихотвореній Е.г. Баратынскаго*. Я говорилъ о 8 и о 10 тысячахъ, а Смирдинъ боялся, что Баратынскій не согласится, следовательно Бар. можетъ съ нимъ сдѣлаться. Пускай онъ попробуетъ. Что Вельтманъ? каковы его обстоятельства и что его опера? Прощай, кланяюсь твоимъ и цѣлую Павла. 1832. 2 Окт. П-б.

12.... Жизнь моя въ П-б. ни то, ни сѣ. Заботы о жизни мѣшаютъ мнѣ скучать. Но нѣтъ у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кручусь въ свѣтъ.... все это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія....

Вотъ какъ располагаю я моимъ будущимъ. Лето.... съѣзжу въ Пижмъ, да можетъ быть въ Астрахань. Мимолетомъ увидимся и наговоримся досыта. Путешествіе нужно мнѣ нравственно и физически.... 23 Фев. 1833.

13. Что, П. В., каковы домашнія обстоятельства? Рѣшено ли? Мочи нѣтъ хочется узнать развязку; я твой романъ оставилъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ. Не смѣю надѣяться, а можно надѣяться. *Vous êtes éminemment un homme de passion* — и въ страстномъ состояніи духа ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ и не осмѣлился бы подумать въ трезвомъ видѣ... какъ нѣкогда переплылъ ты рѣку, не умѣя плавать. Нынѣшнее дѣло на то же похоже. Сыми рубашку, перекрестись и бухъ съ берега, а мы, князь Ѳ. и я, будемъ слѣдовать за тобою въ лодкѣ, и какъ-нибудь выкарабкаемся на противную сторону. Теперь скажу тебѣ о своемъ путешествіи. Я совершилъ его благополучно.... При выѣздѣ моемъ изъ Москвы, Гаврила мой такъ былъ пьянъ и такъ меня взбѣсилъ, что я велѣлъ ему слѣзть съ козелъ, и оставилъ его на большой дорогѣ въ слезахъ и въ истерикѣ; но это все на меня не подѣйствовало; — я подумалъ о тебѣ. — Велика своему Гаврилѣ.... слѣзть съ козелъ — полно ему воевать. Дома нашелъ я все въ порядкѣ.... Денежныя мои обстоятельства безъ меня запутались, но я нѣгдумаю распутать. 24 Января 1834.

14. Мой любезный П. В. я не писалъ къ тебѣ потому, что въ ссорѣ... Услышавъ я, что ты собирався ко мнѣ въ деревню. Радуюсь, что не собирався, потому что тамъ меня бы не застагъ.

Болезнь матери моей заставила меня воротиться въ городъ. — Денежныя мои обстоятельства плохи. Я принужденъ былъ приняться за журналъ. Не вѣдаю, какъ еще пойдетъ. Смирдинъ уже предлагаетъ мнѣ 15,000, чтобъ я отъ своего предприятия отступился, и сталъ бы снова сотрудникомъ его Библиотеки. Но хотя это было бы и выгодно, не могу на то согласиться.... Желать бы я взглянуть на твою семейную жизнь, и ею порадоваться: вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ вліяніе на рѣшительный переворотъ твоей жизни. Мое семейство умножается, растетъ, шумитъ около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку въ свѣтъ скучно: ему досадно видѣть новыя молодя поколѣнія, одинъ отецъ семейства смотритъ безъ злести на молодость его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ, что мы хорошо сдѣлали, что женились...

15. Любезный П. В., я пріѣхалъ къ себѣ на дачу 23-го въ полночь. Дай Богъ не сглазить, все идетъ хорошо. Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Я оставилъ у себя два порожнихъ экземпляра Современника. Одинъ отдай кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Б. (тихонько отъ Наблюдателей, NB.), (*) и вели сказать ему, что очень жалую, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться. *Во вторыхъ*, я забылъ взять съ собою твои записки; перешли ихъ, сдѣлай милость, поскорѣе.

Путешествіе мое было благополучно, хотя три раза чинилъ я коляску, но слава Богу — на мѣстѣ, т. е. на станціи, и не долѣе 2-хъ часовъ en tout.

Второй № Современника очень хорошъ, и ты скажешь мнѣ за него спасибо. Я самъ начинаю его любить, и вѣроятно займусь имъ дѣлательно. 27 Маѣ 1836.

Вотъ тебѣ анекдотъ о моемъ Сашкѣ. Ему запрещаютъ (не знаю зачѣмъ) просить, чего ему хочется. На дняхъ говоритъ онъ своей теткѣ: Азя! дай мнѣ чаю: я просить не буду.

16. Посылаю тебѣ, любезный П. В., 1,500 р., остальные 500 должны были къ тебѣ явиться, но вчера ихъ у меня перехватилъ займообразно молодой человекъ, находящійся въ подмазкѣ. Соболезнуя положенію, въ которомъ и намъ съ тобою случалось обрѣтаться, вѣроятно ты извинишь меня

(*) Наблюдатель — Московскій журналъ того времени. *Пр Ред.*

великодушно. Однако, пожалуйста, пришли мнѣ полный счетъ моего долга.

Ты видѣлъ вѣроятно Пугачева, и надѣюсь, что его не купилъ. Я храню для тебя особый экземпляръ. Каково время! Пугачевъ сдѣлался добрымъ исправнымъ плательщикомъ оброка, Емелька Пугачевъ оброчный мой мужикъ!...

20 Янв. 1838 г. П. Б.

17. Ты не можешь вообразить, милый другъ, какъ обрадовался я твоему письму. Во первыхъ получаю отъ тебя тетрадку: доказательство, что у тебя и лишнее время, и лишняя бумага, и спокойствіе, и охота со мною болтать... Говорятъ, что несчастіе хороша школа; можетъ быть. Но счастье есть лучший университетъ. Оно довершаетъ воспитаніе души, способной къ добруму и прекрасному, какова твоя, мой другъ, какова и моя, какъ тебѣ извѣстно....

N. N. умиралъ съ голоду и сходилъ съ ума. S. S. и я — мы помогали ему деньгами скупно, увѣщаніями щедро. Теперь думаю отправить его въ полкъ капельмейстеромъ. Онъ художникъ въ душѣ и въ привычкахъ, т. е. безпечень, нерыштителенъ, лѣнивъ, гордъ и легкомысленъ, предпочитаетъ всему независимость. По еѣдъ и нищій независимѣе поденщика. Я ему ставлю въ примѣръ Нѣмецкихъ гениевъ, пресодолѣвшихъ столько горъ, дабы добиться славы и куска хлѣба... Я желалъ бы и успокоить старость отца, и устроить дѣла. Z. въ своемъ родѣ такой же художникъ, какъ и N., съ той разницею, что за собою никакого художества не знаетъ.

Съ любопытствомъ взглянулъ бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь. Я зналъ тебя всегда подъ бурею и въ качкѣ. Какое дѣйствіе имѣетъ на тебя спокойствіе? Видалъ ли ты лошадей, выгруженныхъ на П.Б. биржѣ? Онѣ шатаются и не могутъ ходить. Не то ли и съ тобою?..

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

О мѣстоположеніи древняго Новгорода. Историческое изслѣдованіе *Ив. Красова*. Съ планомъ и указателемъ. Новгородъ. Въ тип. Губ. Правленія. 1851 г. 174 стр.

Давно ли, кажется, считалось несомнѣнной истиной, что вся Русская литература сосредоточивается только въ столицахъ, и преимущественно въ Петербургѣ? Давно ли Библиографическія Хроники, литературныя лѣтописи считали своею обязанностию давать отчетъ публикѣ только о книгахъ, вышедшихъ изъ-подъ станковъ столичныхъ типографій? Исключеніе дѣлалось иногда для Одессы, и изрѣдка для Казани, Кіева и другихъ городовъ, гдѣ есть Университеты; при чемъ рецензіи запаздывали весьма часто годами, какъ будто сообщенія столицъ съ провинціями были весьма затруднительны и даже едва возможны. Впрочемъ, мы не намѣрены входить въ разсмотрѣніе причинъ такого страннаго разъединенія Русской литературы, скажемъ только, что провинціальная литература въ послѣднія десять лѣтъ существовала, и заслуживала вниманія ревнителей просвѣщенія, какъ счастливое предзнаменованіе той обширной письменности, которая должна развиться со временемъ въ Россіи вмѣстѣ съ успѣхами просвѣщенія. Такъ передъ нами лежитъ теперь книга, напечатанная въ Новгородѣ, которой участь, вѣроятно, будетъ подобна участи многихъ другихъ книгъ, вышедшихъ изъ-подъ станковъ губернскихъ типографій, т. е. останется въ неизвѣстности для публики, между тѣмъ какъ мы убѣждены, что она стоить любознательнаго вниманія просвѣщенныхъ читателей.

Вопросъ о мѣстоположеніи древняго Новгорода былъ разсматриваемъ въ двухъ сочиненіяхъ, именно въ Историческихъ изслѣдованіяхъ о древностяхъ Новгорода, Н. Н. Муравьева (Спб. 1828 г.), и въ Историческихъ разговорахъ о древностяхъ Великаго Новгорода (Москва. 1808 г.). Ни то, ни другое изъ поименованныхъ сочиненій не можетъ вполне удовлетворить желающаго короче познакомиться съ мѣстностию

древняго Новгорода: первое по своей отрывочности и краткости, второе по недостатку доказательствъ и совершенному произволу въ объясненіяхъ, часто на перекоръ указаніямъ лѣтописей (*). Между тѣмъ Новгородскія лѣтописи почти исключительно наполнены описаніями происшествій мѣстности, т. е. разсказами о пожарахъ, объ основаніи церквей, монастырей и пр.; стало быть, желающему съ успѣхомъ пользоваться Новгородскими лѣтописями необходимо знать мѣстность древняго Новгорода. Но для этого недостаточно ознакомиться съ нынѣшнимъ Новгородомъ; правда, что и нынѣшній сохранилъ еще много слѣдовъ своего прежняго бытія, тѣмъ не менѣе, однакожъ, справедливо, что весьма многое въ немъ уже исчезло, измѣнилось такъ, что и подобія не имѣетъ древнему. Къ тому же о пространствѣ древняго Новгорода въ устахъ народа ходитъ столько разнорѣчащихъ мнѣній, что согласить ихъ нѣтъ никакой возможности; еще многіе и понынѣ вѣрятъ, въ простотѣ сердца, что въ чертѣ прежняго города находились монастыри Юрьевъ и Хутынский, т. е. будто Новгородъ въ цвѣтущую эпоху своего существованія простирался болѣе, чѣмъ на 15 верстъ въ одинъ конецъ: иначе де за тѣмъ же бы ему и именоваться Великій Новгородъ! Въ такомъ положеніи находился вопросъ о мѣстоположеніи древняго Новгорода, какъ г. Красовъ, внимательно изучивъ труды своихъ предшественниковъ по этому предмету, рѣшился съ-изнова разработать эту задачу, руководствуясь изданіями Археографической Коммиссіи и наличными памятниками древности, уцѣлѣвшими отъ ударовъ всеокрушающаго времени. По недостатку положительныхъ данныхъ, авторъ не могъ избрать предметомъ своихъ изслѣдованій мѣстности Новгорода въ древнѣйшую эпоху его существованія, а ограничился первой половиной XVII-го вѣка, потому что для этого времени существуетъ документъ: Нарядная опись, которую авторъ и положилъ въ основаніе своихъ розысканій. Впрочемъ, авторъ не уклонился отъ разсмотрѣнія и древнѣйшей мѣстности, если находилъ на нее указаніе въ лѣтописяхъ. Жаль только, что г. Красовъ совершенно упустилъ изъ виду филологію, которая при свидѣтельствѣ народныхъ преданій и письменныхъ памятниковъ могла бы служить ему надежной руководительницей въ его изслѣдованіяхъ. Такъ, руководствуясь только старинными названіями концевъ и улицъ, можно объ основаніи Новгорода сдѣлать слѣдующее предположеніе. Славяне, при движеніи своемъ на сѣверъ Европы, первоначально поселились по ту сторону озера Ильменя, вытѣснивъ оттуда

(*) А Исторія Карамзина? Ред.

старожиловъ Финновъ. Безъ сомнѣнія, не всѣ Финны удалились далѣе на сѣверъ: часть ихъ, смѣшавшись съ Славянами, должна была подчиниться вліянію послѣднихъ, и, потерявъ свою народность, принять нравы, обычаи и религію побѣдителей; при всемъ томъ Финны оставили слѣды своего пребыванія въ землѣ Славянской: это можно видѣть изъ названій старинныхъ мѣстностей, издавна считающихся колыбелью Славянъ, напр. Ильмень (бурное озеро), р. и оз. Тулебя, Ретло, Омстоля, Онваръ, Моски, Воицы, Рапля, Чудово и мн. др., уже по самому звуку свидѣтельствующія, что они не Славянскаго происхожденія. Утвердившись въ тѣхъ мѣстахъ, Славянская Русь основала городъ Русу; слѣдуетъ замѣтить, что корень *Рус* встрѣчается въ названіяхъ многихъ селъ и деревень по озеру Ильменю; такъ есть деревни: Русская, Русина, Русова, р. Порусье и мн. др. Впослѣдствіи часть Славянъ, можетъ быть по причинѣ какихъ-либо непріязненныхъ столкновеній между собою или по другимъ обстоятельствамъ, выселилась изъ тѣхъ мѣстъ, и сѣла по сѣ стороны Ильменя, къ востоку Волхова, и основала *новый* городъ. Весьма естественно, что новый городъ (Новгородъ), пользуясь выгоднѣйшимъ мѣстоположеніемъ при судоходной рѣкѣ, вскорѣ взялъ перевѣсъ надъ Русой, старымъ пепелищемъ Славянъ. Но этотъ Славянской Новгородъ былъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ находится нынѣшній, а былъ расположенъ вокругъ Городища, какъ центра, т. е. ближе къ истоку Волхова, версты на двѣ отъ нынѣшняго. Вблизи Городища находится все, что могло быть дорого сердцу Славянина: недалеко было могилище Волосово; насупротивъ его, на лѣвомъ берегу Волхова, гдѣ также было населеніе, стоялъ Перунъ; здѣсь же, по близости Городища, существуетъ и до сихъ поръ высокая насыпь, которую народное преданіе называетъ могилею Гостомысла. Не смотря на сомнѣніе историковъ, считающихъ Гостомысла за мифъ, простой народъ въ Новгородѣ и до сихъ поръ сохраняетъ объ немъ память, и, указывая на его могилу, говоритъ: здѣсь наши пращцы положили по горсточкѣ земли. Опытный глазъ любопытнаго путешественника и по сіе время отыщетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Городища едва примѣтные слѣды укрѣпленія, т. е. остатки вала и рва;—значитъ, Городище было некогда крѣпостцей, но только устроенной не по системѣ укрѣпленій Нормановъ, а по системѣ Славянъ, выбиравшихъ для этой цѣли мѣстность, болѣею частію, возвышенную, самой природой укрѣпленную. Когда же Варяги подъ прѣводительствомъ Рюрика завладѣли Новгородомъ и сдѣлали его своею столицею, то физіономія этого города должна была измѣниться и принять тотъ видъ, который со-

хранился у него надолго, слѣды котораго и теперь еще можно видѣть. Тогда-то, вѣроятно, и образовались концы. Рюрикъ утвердился не на Городищѣ, въ сердцѣ Славянъ, гдѣ онъ могъ считать себя не безопаснымъ, а нѣсколько далѣе по теченію Волхова, на лѣвомъ берегу его, окруживъ себя дружиною и союзниками; Рюрикъ перенесъ, такъ сказать, Новгородъ на то мѣсто, гдѣ онъ и нынѣ находится. Этому не противорѣчитъ и лѣтопись: *и пришедъ (Рюрикъ) къ Ильмерю и сруби городъ надъ Волховомъ*, и т. д. Подтверженіемъ этого мнѣнія служатъ, кромѣ характера постройки Дѣтница и Городища, и названія концовъ, бывшихъ въ древнемъ Новгородѣ. Концовъ было пять: три изъ нихъ: Людинъ, Загородскій и Неревскій находились на лѣвомъ берегу Волхова; два: Славянской и Плотинскій—на правомъ. Дѣтинецъ или Кремль, былъ въ центрѣ ихъ, на лѣвомъ берегу Волхова; тутъ-то, въ Кремль, окопавшись валомъ и обнеся зубчатымъ частоколомъ или тыномъ, засѣлъ Рюрикъ съ своими приближенными (ярами, кемпе и пр.); простые же варяжскіе воины, или людины (Gulnit, Gasindi) сѣли на югозападной сторонѣ Дѣтница, въ Людинъ концѣ. На западъ и сѣверъ отъ Дѣтница, въ концахъ Загородскомъ и Неревскомъ, расположились союзники Нормановъ — Финскія племена; доказательствомъ тому служатъ названія улицъ Загородскаго конца, образовавшагося уже впоследствии, не раньше XIII вѣка—Чудинцева (Чудь) и Прусская (Прусы); въ Неревскомъ концѣ поселилось Финское племя Нерова. Противоположный берегъ Волхова, т. е. нынѣшняя Торговая Сторона, былъ заселенъ Славянами. Такимъ образомъ Рюрикъ, окруженный своими единосемцами и союзниками, могъ утвердиться въ сердцѣ Славянской земли, въ Новгородѣ, и спокойно властвовать, не слишкомъ опасаясь враждебныхъ умысловъ покоренныхъ. Стало быть, съ нѣкоторою вѣроятностію полагать можно, что концы имѣли первоначально политическій характеръ; впоследствии, само собою разумѣется, все это перемѣнилось, время изгладило всѣ неровности и наложило печать однородности на все населеніе Новгорода, и концы его имѣли, можетъ быть, только полицейское значеніе, подобное нынѣшнимъ городovýmъ кварталамъ или частямъ. Такимъ устройствомъ города отчасти объясняется и постоянная, исконная вражда Софійской стороны съ Торговою, вражда, которая могла имѣть разумное основаніе только въ первое время гражданскаго бытія Новгорода, когда онъ состоялъ изъ разнородныхъ элементовъ. Можетъ быть, въ опроверженіе нашего предположенія касательно образованія Новгорода намъ замѣтятъ, что Варецкая или Варяжская улица находилась на Торговой сторонѣ, т. е.

тамъ, гдѣ, по нашему мнѣнію, было сплошное населеніе Славянъ; — на это можно отвѣчать тѣмъ, что Варяжская улица образовалась впоследствии, когда Новгородъ составлялъ уже однородное цѣлое и вошелъ въ торговые сношенія съ соседними государствами, и потому полагать можно, что на Варяжской улицѣ были складочные магазины и имѣли свое мѣстопробываніе Варяжскіе купцы. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что тутъ же на Варяжской улицѣ находились дворы Нѣмецкій и Плещовскій. Изъ 1-й Новгород. Лѣт. подъ годомъ 6725 видно, что здѣсь была и церковь Варяжская: «а въ Варязской божниці изгорѣ товаръ весь Варязской, безъ числа». Жаль, что ни одинъ изъ памятниковъ письменности, сохранившихся до насъ, не говоритъ о древнѣйшихъ названіяхъ улицъ и мѣстностей; мы думаемъ, что при помощи этихъ данныхъ можно бы нѣсколько разъяснить устройство и быть древнѣйшихъ городовъ на Руси. Съ принятіемъ и распространеніемъ христіанства улицы въ этихъ городахъ стали именоваться уже по тѣмъ церквамъ и монастырямъ, которые на нихъ находились. Названія слѣдующихъ улицъ въ Новгородѣ ясно указываютъ на ихъ древность: Блудова, Розважа, Буяна, Варецкая (Варяжская), Дослана (Даньславля), Добрынина, Иворова, Кончанская, Лубяница, Легоща (Люгоща, Людгоща), Нутная, Прусская, Радетина, Хревкова, Холопья, Чудинцева, Чудская, Янева (Янова), Куники.

Обращаемся къ разсматриваемому сочиненію. Авторъ отвергаетъ мнѣніе Карамзина и г. Погодина, утверждавшихъ, что въ Новгородѣ уже во времена Ярослава I-го было 5 концовъ; онъ признаетъ существованіе только четырехъ даже до XIII вѣка. Доказательства, приводимыя авторомъ въ защиту своего мнѣнія, весьма убѣдительны, и показываютъ, что онъ основательно ознакомился съ источниками. Результаты, до которыхъ дошелъ авторъ послѣ тщательнаго разсмотрѣнія всѣхъ письменныхъ памятниковъ, главнѣйше заключаются въ слѣдующемъ: 1) древнѣйшими концами въ Новгородѣ были: Людинъ, Неревскій, Славянский и Плотницкій, а Загородскій образовался впоследствии; Людинъ и Гончарскій суть разныя наименованія одного и того же конца, древнѣйшее же его названіе есть Людинъ. 2) Составленіе Устава о мостѣхъ авторъ относитъ къ концу XII вѣка, именно ко времени княженія въ Новгородѣ Ярослава Владиміровича (1187—1196), а не Ярослава I, сына Владиміра Святаго. 3) Древній Новгородъ занималъ то же пространство, какое занимаетъ и нынѣшній, слѣд. предположеніе, будто прежде онъ простирался отъ Хутыискаго до Юрьева монастыря, не заслуживаетъ никакого вниманія. Наконецъ 4) авторъ, при разсмотрѣ-

и положенія улицъ нашелъ нѣкоторыя погрѣшности въ изданіи Новгородскихъ лѣтописей, погрѣшности, которыя могли быть сдѣланы переписчиками, а не лѣтописцемъ. Это послѣднее обстоятельство, по нашему мнѣнію, весьма важно. Мы не намѣрены выставять здѣсь исправленныхъ г. Красовымъ мѣстъ лѣтописей; но увѣрены, что при будущихъ изданіяхъ лѣтописей и эти замѣчанія примутся издателями во вниманіе, какъ ни мелочны они кажутся. Безъ сомнѣнія, всякій сознастъ, что малѣйшая неправильность въ чтеніи подлинника, невѣрная разстановка знаковъ препинанія, иногда измѣненіе даже одной буквы, могутъ повести изыскателя къ ошибочнымъ выводамъ, сбить съ толку самое усидчивое вниманіе. Вообще въ авторѣ разсматриваемаго сочиненія видно много трудолюбія, знанія фактовъ, умѣнья съ ними обращаться, замѣтна большая осторожность въ выводахъ, что въ наше время весьма много значитъ.

Сказавъ о сочиненіи г. Красова безпристрастное наше мнѣніе, теперь должны мы исполнить и непріятную обязанность рецензента — указать на слабыя его стороны; намъ весьма пріятно при этомъ случаѣ замѣтить, что ошибокъ мы встрѣтили въ немъ не много. Жаль, что авторъ не приложилъ къ своему изслѣдованію плана древняго Новгорода, который бы легко ему было составить, такъ какъ имъ разсмотрѣно положеніе и направленіе каждой улицы; это было бы не мало-важною услугою для науки, потому что мы крайне бѣдны картографическими памятниками древности. Если ужъ не возможно было составить плана Новгорода въ отдаленную эпоху его существованія, то не составило бы, по нашему мнѣнію, большихъ усилій для автора начертить планъ Новгорода первой половины XVII вѣка, времени составленія Нарядной Описи, которую авторъ избралъ точкой опоры въ своихъ изслѣдованіяхъ. Можно бъ было приложить къ книгѣ и планъ Новгорода, находящійся подъ образомъ Знаменія Божіей Матери, тѣмъ болѣе это было бы желательно, что печатнаго его оттиска, кажется, не существуетъ (*). Конечно, авторъ можетъ сказать, что это не входило въ программу его изслѣдованій, — онъ можетъ прибавить къ тому же: *feci, quid potui: faciant meliora potentes*, и мы должны будемъ согласиться, что онъ совершенно правъ, поблагодарить его и за то, что имъ уже

(*) Онъ приложилъ къ письму г. Вельмана «о Господинѣ Новгородѣ великомъ.» Ред.

сдѣлаю для топографіи древняго Новгорода. Изъ мелкихъ погрѣшностей книги укажемъ на слѣдующія: авторъ, упоминая о церкви Св. Пантелеѣмона, говоритъ, что положеніе ея опредѣлено на плазѣ, между тѣмъ на плазѣ нынѣшняго Новгорода, приложеніемъ къ книгѣ, ея нѣтъ; дѣло въ томъ, что незнающій хорошо мѣстности нынѣшняго города, никакъ не догадается, что церкви Св. Пантелеѣмона и Николы Качанова одно и тоже, только первое ея названіе правильное, потому что она выстроена во имя этого Святого и вмѣщаетъ въ себя мощи второго, Новгородскаго Чудотворца. Церковь Великомученика Георгія означена на плазѣ не совсѣмъ вѣрно: ее слѣдуетъ перенести на противоположную сторону четырехугольника, т. е. на Знаменскую улицу. О церквахъ Бориса и Глѣба на Гзени (въ Кожевникахъ) и Богоотца Іоакима и Анны не упоминается вовсе въ сочиненіи, между тѣмъ какъ о построеніи первой можно видѣть изъ всѣхъ Новгородскихъ лѣтописей подъ годомъ 6932-мъ; вторая же и до сихъ поръ стоитъ, правда, въ жалкомъ видѣ, близъ церкви Св. Лазаря. Разсматривая положеніе Кирилловскаго монастыря, г. Красовъ говоритъ, что онъ находится на островѣ, образуемомъ рѣками Маламъ Волховцемъ и Жилотугомъ, — слѣдовало бы прибавить: и Лешоной. Въ Указателѣ упомянуты только три церкви недавно упраздненныя, — должно къ нимъ причислить еще: 1) Инагія, 2) Евангелиста Луки, 3) Апостола Андрея Первозваннаго, 4) Воскресенія Христова, и 5) Монастырь Евфиміинъ. О существованіи этихъ церквей помнятъ весьма многіе мѣстные старожилы; стало бытъ, положеніе ихъ опредѣлить было весьма легко и по указаніямъ старожиловъ и по сохранившимся еще остаткамъ, т. е. буграмъ и площадкамъ; между тѣмъ авторъ, опредѣляя ихъ мѣстоположеніе, говоритъ нерѣшительно: можетъ бытъ, вѣроятно, я думаю, и т. п.; отъ Евфиміина монастыря уцѣлѣли даже кельи. Монастырское подворье, послужившее автору доказательствомъ, что Буяна улица выходила на берегъ Волхова, существуетъ и до сихъ поръ на томъ же мѣстѣ; тутъ же находится и часовня, изъ чего предположить можно, что вблизи или на ея же мѣстѣ находилась церковь Божіей Матери Одигитріи, положеніе которой авторъ опредѣлить отказывается по неимѣнію доказательствъ. Вотъ все, что мы замѣтили въ изслѣдованіи г. Красова ошибочнаго послѣ внимательнаго ознакомленія съ его трудомъ. Можетъ бытъ, съ открытіемъ и обнаруженіемъ древлепамятниковъ и сыщется что-нибудь такое, что было не извѣстно г. Красову и потребуетъ дополненія, — по крайней мѣрѣ, онъ положилъ прочное основаніе топографіи древняго Новгорода; руководствуясь его книгою, какъ Аріадниною нитью, уже

малая будетъ заблудиться въ лабиринтъ улицъ такого обширнаго и неправильнаго города, каковъ былъ Господинъ Великій Новгородъ.

Чтобъ познакомить нашихъ читателей со способомъ выраженія автора, беремъ наудачу какой-нибудь отрывокъ: «Въ Славянскомъ концѣ прежде всего обращаетъ на себя наше вниманіе мѣсто, известное подъ названіемъ Ярославова Дворища или Княжаго двора, который первоначально находился около нынѣ существующей церкви Св. Николая Чудотворца. Тамъ, какъ говоритъ преданіе, жилъ Князь Ярославъ Владимировичъ. Въ послѣдствіи времени названіе Княжаго двора даваемо было всему пространству отъ церкви Успенія Богородицы, граничащему съ Гостинымъ дворомъ, Волховомъ и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ нынѣ Большая Михайловская улица. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что церкви, находящіяся или находившіяся здѣсь, помѣщаются лѣтописью на Ярославовъ дворъ, такъ напр. слѣдующія церкви: Св. Чудотворца Николая, Св. Прокопія, Св. Отецъ, Св. Жена Муромосица, Монастырь Св. Арсенія. Кромѣ того въ Росписи 1615 г. упоминается еще на Ярославовомъ дворѣ церковь Св. Параскевы Пятницы, которая находится и въ настоящее время возлѣ церкви Св. Николая Чудотворца. Въ лѣтописи эта церковь означаетъ иногда на Дворищѣ, иногда въ торгу. Всѣ упомянутыя теперь церкви, кромѣ Св. Отецъ и Арсеніева монастыря существуютъ въ настоящее время, и потому не считаю нужнымъ говорить объ ихъ положеніи. Мѣсто церкви Св. Отецъ съ точностію неизвѣстно; можно только предполагать, что она была недалеко отъ Прокопьевской, потому что въ Росписи 1615 года она упомянута тотчасъ послѣ этой послѣдней; Арсеніевъ же монастырь находился на берегу Волхова, недалеко отъ нынѣшней Новой Никольской улицы, что доказываетъ существующая въ настоящее время часовня Св. Арсенія.

«Выше сказано, что по преданію В. К. Ярославъ I жилъ на томъ мѣстѣ, которое теперь рассматриваю, именно близъ рѣки Волхова, гдѣ нынѣ церковь каменная Николая Чудотворца. Въ настоящее время находится вблизи церкви Св. Николая Чудотворца каменная башня, которую обыкновенно называютъ *башнею Ярослава*. Нѣтъ сомнѣнія, что она не есть остатокъ дворца Ярославова, потому что на Дворищѣ о существованіи дворца говорится только со временъ Царя Іоанна IV. Такъ называемая башня Ярославова не есть ли древняя гридница, построенная въ 1472 году?

Лѣтописи говорятъ, что на Ярославовомъ дворѣ собиралось Новгородское вѣче. Съ точностію не могу опредѣлить, на которомъ именно

мѣстѣ собиралось оно. Если принять, что вышняя каменная башня, превращенная въ дѣтскій пріютъ, есть именно остатки древней, упомянутой мною, гридницы, то можно думать, что собраніе Новгородцевъ было около этой башни. Каменная гридница была безъ сомнѣнія строеніе общественное, а не частное, потому что частный каменный домъ обратилъ бы на себя вниманіе лѣтописца, который бы вѣроятно сказалъ, что эта гридница принадлежитъ такому-то лицу. Построеніе же общественного зданія на такомъ мѣстѣ, гдѣ собиралось вѣче, намекаетъ на связь этого зданія съ народнымъ собраніемъ. Вѣче, какъ мы знаемъ, издавало свои грамоты вѣчевыя, имѣло своихъ дьяковъ; слѣдовательно, я считаю необходимымъ допустить, что было зданіе, гдѣ писались эти грамоты, гдѣ могла быть канцелярія вѣчевыхъ дьяковъ».

Купріяновъ.

Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи. Соч. Константина Троцины. Спб. 387 стр. (16).

По предмету Исторіи Русскаго судоустройства мы имѣемъ уже два прекрасныхъ сочиненія гг. Неволіна и Кавелина; первый изложилъ Исторію Управленія въ Россіи до Петра Великаго, сочиненіе г. Кавелина заключаетъ въ себѣ Исторію судоустройства отъ изданія Уложенія до учрежденія о губерніяхъ. Г. Троцина написалъ книгу о русскомъ судоустройствѣ съ древнѣйшихъ временъ до его опредѣленія настояще-дѣйствующими законами; слѣд. авторъ не ограничился уже известнымъ въ нашей ученой литературѣ, а могъ прибавить новый вкладъ въ нее. Вопросъ въ томъ, какъ онъ рѣшилъ свою задачу?

«Въ развитіи со стороны формы заключается вся исторія нашихъ судебныхъ учреждений—говоритъ г. Троцина на 1-й страницѣ своего сочиненія;—они существуютъ и развиваются вслѣдствіе необходимости отвѣчать внутренней жизни народа въ томъ ея видѣ, въ какомъ она представляется, и *только развѣ съ начала новой исторіи судоустройство получаетъ болѣе государственный видъ.*» — Оставляя въ сторонѣ темноту и запутанность выписанной нами фразы, нельзя не сознаться, что она ровно ничего не выражаетъ: форма устройства суда, какъ и всѣхъ учреждений, всегда отвѣчаетъ внутренней жизни народа, его государственному быту, и противоположеніе, дѣлаемое авторомъ, рѣшительно непонятно. Почему, принимая государственный

видъ, судоустройство перестаетъ отвѣчать внутренней жизни народа? Кажется, г. Тропина вездѣ искалъ учрежденій чисто-государственныхъ въ настоящемъ смыслѣ слова, а потому обо всѣхъ предшествовавшихъ формахъ суда говорить, что они «не заключаютъ силы въ самихъ себѣ» (стр. 3). И съ этою мыслью никакъ нельзя согласиться: судъ отца семейства, судъ старѣйшихъ и проч. въ первоначальномъ быту Россіи имѣли всегда силу, точно такъ же, какъ напр. у Римлянъ домашніе суды. Впрочемъ объ этихъ первичныхъ формахъ нечего бы и говорить, когда г. Тропина самъ уже въ Русской Правдѣ находитъ «лица, облеченныя характеромъ судебнымъ въ смыслѣ государственномъ». Признаемся, изъ всѣхъ этихъ противорѣчій трудно понять что-нибудь: на одной страницѣ авторъ говоритъ, что только въ новой исторіи судоустройство получаетъ государственный характеръ, на другой же въ самомъ началѣ бытія Руси видитъ лица съ властью судебною въ смыслѣ государственномъ. Одно изъ двухъ: или новая исторія должна начинаться съ призваніемъ Варяговъ, или судъ личный не относится къ судоустройству; въ последнемъ случаѣ половина книги г. Тропина написана даромъ.

Въ 2-хъ, мы не думаемъ, чтобы судебныя учрежденія въ Россіи развивались только со стороны формы. Напротивъ, форма условливалась самымъ предметомъ вѣдомства. Мы знаемъ напр., что только со временъ Императрицы Екатерины II судебное управленіе сосредоточивается въ отдѣльныхъ мѣстахъ; а до того времени и губернаторъ былъ судьей, и межевщики разбирали права на владѣніе землями; при такомъ смѣшеніи предметовъ вѣдомства, могла ли существовать коллегіальность во всѣхъ судахъ? Въ Приказахъ мы видимъ личную подвѣдомственность, т. е. ямщики, стрѣльцы, пушкаріи во всѣхъ дѣлахъ, а не въ однихъ судебныхъ подлежахъ вѣдомству своего Приказа; слѣд. судъ находился въ завѣдываніи административныхъ мѣстъ, составъ которыхъ былъ всегда личный. На это внутреннее содержаніе г. Тропина не обратилъ никакого вниманія; поэтому, — что очень странно видѣть въ исторіи судоустройства — учрежденіе о губерніяхъ 1775 года, событіе весьма знаменательное, у автора мало оцѣнено и не составило особой эпохи въ исторіи судоустройства.

Обращая вниманіе на одну форму, г. Тропина раздѣлил исторію судоустройства на 3 части: въ первой изложены учрежденія въ формахъ личныхъ — до царя Іоанна IV, во 2-й учрежденія съ характеромъ переходнымъ къ формамъ коллегіальнымъ — до Петра Великаго, и въ 3-й учрежденія въ формахъ коллегіальныхъ. Что касается до первыхъ

двух частей, то авторъ изложилъ ихъ по известнымъ уже сочиненіямъ; замѣтимъ только, что г. Тропина, какъ и г. Неволлинъ, ограничилъ все областное управленіе въ Московскій періодъ одними Приказами. По статью г. Неволлина мы имѣемъ не исполнѣ: въ журналѣ, гдѣ она напечатана, сдѣлана оговорка, что продолженіе статьи не помѣщается потому, что въ томъ же изданіи была помѣщена статья г. Гагемейстера; г. Тропина не имѣетъ этого оправданія. Кромѣ того г. Тропина отказывается Приказамъ въ устройствѣ совѣщательномъ (стр. 124). Если такъ; то почему же Приказы составляютъ переходную форму отъ личныхъ къ коллегіальнымъ. Впрочемъ, какъ мы сказали уже, основывать всю исторію судоустройства на развитіи формъ невозможно: всѣ три формы существовали въ одно время, преобладаніе той или другой можетъ уясниться не иначе, какъ вѣдомствомъ cadaго мѣста.

Что касается до третьяго раздѣла книги г. Тропина, то не лѣзя не благодарить автора за собраніе всѣхъ извѣстій о судебныхъ учрежденіяхъ. Единственный источникъ для этого — Полное Собраніе Законовъ, и, сколько мы понимаемъ, авторъ воспользовался имъ прекрасно. Жаль только, что изложеніе слишкомъ дробно и расположено по царствованіямъ; — это бесполезно увеличиваетъ число главъ, изъ которыхъ одна (V—ая) состоитъ ровно изъ 9 строчекъ: лучше бы было, если бы авторъ совокупилъ всѣ историческія извѣстія по учрежденіямъ; тогда бы мы ясно видѣли, какъ образовалось судебное вѣдомство Государственнаго Совѣта и другихъ мѣстъ, по существу своему несудебныхъ. Какъ бы то ни было, указанія собраны, и много облегченъ трудъ cadaго, кто захотѣлъ бы узнать законы о судоустройствѣ въ известное время; до сихъ поръ мы имѣли слишкомъ краткое указаніе на это во Вѣтшней Исторіи Русск. Зак. г. Рождественскаго.

Вообще вся вторая половина сочиненія г. Тропина можетъ, если не прямо служить учебникомъ, то по крайней мѣрѣ облегчить его составленіе. Въ изложеніи авторъ держался простой и вѣрной передачи всѣхъ указовъ въ хронологическомъ порядкѣ; при томъ объемѣ, который имѣетъ его сочиненіе, иначе и быть не могло. Но и здѣсь автора ввела въ ошибку странная мысль — обращать вниманіе только на известные учрежденія, которыя онъ считаетъ «заслуживающими названіе присутственныхъ мѣстъ»; въ силу такой произвольной опѣнки, въ составъ сочиненія не вошло все миролюбивое разбирательство, и въ исторіи судебныхъ учреждений мы не находимъ ни третейскаго, ни

словеснаго суда; наконецъ, посвящая нѣсколько страницъ тѣмъ, г. Тропина ни слова не говоритъ о Государственномъ Советѣ.

Вотъ что мы могли замѣтить объ общемъ изложеніи книгъ; теперь укажемъ на нѣкоторыя частныя невѣрности.

Что касается до характера тѣхъ лицъ, которые имѣли право суда въ первоначальномъ быту Россіи, то здѣсь полный просторъ всякаго рода догадкамъ; всѣ данныя того времени пока или недостаточны или очень легко гнутся подъ всякое мнѣніе. Если вспомнимъ, сколько различныхъ взглядовъ относительно этой эпохи смѣнилось съ того времени, какъ начали заниматься русскою исторіею, сколько оснований филологическихъ и аналогическихъ уступили мѣсто одно другому, то не можетъ не сознаться, что вопросъ во многихъ случаяхъ нисколько не сдѣлался яснѣе. Сличите напр. мнѣнія о значеніи тѣуовъ, огнищанъ и пр., высказанныя Каченовскимъ, Розеншампофомъ, Сабининымъ, гг. Строевымъ, Погодинымъ, (*) Кавелинымъ, Калачовымъ, Соловьевымъ, Бѣлаевымъ, Тюринимъ и другими изслѣдователями, — сколько противурѣчій, а между тѣмъ каждое имѣетъ свое основаніе, свое правдоподобіе. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы всѣ усилія нашихъ изслѣдователей были безплодны; мы хотимъ только сказать, что нужно много трудовъ, чтобы въ настоящее время можно было сказать что-нибудь новое по поводу этихъ вопросовъ. Особенно странно голо-словное рѣшеніе ихъ въ такой книгѣ, какъ сочиненіе г. Тропина; авторъ не сдѣлалъ свода всѣхъ мнѣній, существующихъ у насъ относительно тѣуовъ, и принимая одно, не опровергъ другихъ. Вотъ какъ г. Тропина опредѣляетъ значеніе тѣуовъ, огнищанъ, боярскихъ и сельскихъ: первый, по его мнѣнію, былъ непосредственнымъ исполнителемъ распоряженій князя. Боярскій тѣуъ былъ липо, совершенно зависящее отъ бояръ (?), а сельскій — лицо, отправлявшее въ селахъ судъ, вѣроятно, въ дѣлахъ не столь значительныхъ (стр. 14, 15, 16).

Вотъ еще нѣсколько недосмотровъ:

На стр. 96 авторъ смѣшалъ Разрядъ съ Разряднымъ Приказомъ, и утверждаетъ, что послѣдній составлялъ одно изъ главнѣйшихъ отдѣленій Царской Думы.

На стр. 72 сказано, что каждая область имѣла свой Приказъ; ясно, что не вся.

На стр. 273 губерскія учрежденія названы *ми-стными*; последнее слово имѣетъ другое значеніе, въ противоположность повсемѣстному.

(*) Я не говорилъ о тѣуѣ вообще, а говорилъ о тѣуѣ по летописямъ 1054—1240: вотъ чего не хотѣли понять мои рецензенты. М. И.

На стр. 384 въ исчисленіи предметовъ вѣдомства Совѣстнаго Суда пропущены всѣ дѣла, которыми по обоюдному согласію тяжущихся могутъ подлежать его разсмотрѣнію. Вообще настоящее вѣдомство судебныхъ мѣстъ изложено кратко и неудовлетворительно.

И такъ, многое въ книгѣ г. Тропина оставлено безъ вниманія, многое изложено несовершенно. Но не смотря на всѣ эти недостатки, она составляетъ приобритеніе въ нашей литературѣ, какъ собраніе свѣдѣній о движеніи нашего судоустройства; больше отъ нея нечего требовать. Должно сознаться, что достоинство каждой книги не всегда составляютъ новые взгляды, которые часто оказываются несостоятельными. Вѣрный сводъ историческихъ извѣстій имѣетъ часто большую цѣну, чѣмъ самыя смѣлыя гипотезы; новизна не всегда есть признакъ достоинства. И еслибъ г. Тропина въ предисловіи сказалъ, чего можно требовать отъ его сочиненія, то всякій остался бы имъ болѣе удовлетворенъ, не обманываясь ожиданіями. К.

MEDITATIONES DE JURE CRIMINALI, respectu juris internationalis, institutae Auctore Theodoro Witte. Doprati Livonorum, 1851, (Разсужденія объ уголовномъ правѣ, по отношенію къ Народному Праву). 88 стр. (8).

Г. Витте уже извѣстенъ въ нашей литературѣ двумя своими сочиненіями по русскому праву, о которыхъ, кромѣ «Архива», издаваемого г. Калачовымъ, нигдѣ не было сказано ни слова. Настоящій трудъ того же автора есть диссертация на степень доктора правъ, и имѣетъ предметомъ своимъ уголовные законы, по скольку они относятся къ преступленіямъ, совершеннымъ иностранцами или противъ иностранной державы. Нужно отдать справедливость автору за его правильный и вѣрный взглядъ; жаль только, что онъ пользовался болѣею частію сочиненіями криминалистовъ и мало обратилъ вниманія на писателей по Народному Праву; кромѣ того авторъ принялъ въ образецъ одинъ Баварскій уголовный кодексъ; наконецъ упустилъ изъ виду отношенія иностранцевъ во время войны.

Собственно изслѣдованіе начинается съ 41-й страницы; здѣсь сначала изложены общія основанія, почему право государства на наказаніе лежитъ въ его автократіи, а потомъ разсмотрѣны преступленія, по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) преступленія туземцевъ противъ своего отечества (совершенныя за границею), противъ государства, въ которомъ они имѣютъ временное пребываніе (*commorati sunt*), и противъ третьяго

государства; 2) преступленія иностранцевъ въ тѣхъ же отношеніяхъ. Мы выставимъ здѣсь только общіе выводы г. Витте: каждый гражданинъ и въ иностранной землѣ подчиняется законамъ своего отечества, если оскорбитъ его; если иностранецъ въ государствѣ, въ которомъ временно пребываетъ, совершитъ преступленіе противъ подданныхъ этого государства или какого-нибудь третьяго, то онъ подлежитъ уголовному праву того государства, въ которомъ совершено преступленіе; однимъ словомъ, кромѣ перваго случая, авторъ принимаетъ за правило, что право тѣсно связано съ землею (*jura territorio affixa sunt*), слѣд. подсудность опредѣляется мѣстомъ совершенія преступленій.

Передавая эти общіе выводы, мы не думаемъ вступать съ авторомъ въ споръ о нѣкоторыхъ неточностяхъ, потому что это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Скажемъ вообще, что, какъ сводъ мнѣній нѣмецкихъ ученыхъ, книга г. Витте заслуживаетъ полного вниманія. (Замѣтимъ мимоходомъ, что авторъ пользовался первымъ изданіемъ сочиненія Уитона (Wheaton), тогда какъ мы имѣемъ второе, гораздо полнѣйшее). Но нѣмецкіе же ученые, въ особенности Миллеръ-Тохмусъ и Фаллати, повели г. Витте къ смѣшенію Народнаго Права съ Государственнымъ; по слѣдамъ ихъ г. Витте очень учено говоритъ о Народномъ Правѣ не только у Китайцевъ и Индѣйцевъ, но даже у дикихъ и полудикихъ народовъ, хотя впрочемъ всѣ эти историческія свѣдѣнія нисколько не вяжутся съ существомъ дѣла, потому что Баварскіе законы не имѣютъ ничего общаго съ Китайскими.

Вся первая часть книги, названная *Introductio historica*, есть ничто иное, какъ сокращеніе «Исторіи Народнаго Права въ древности» Миллеръ-Тохмуса; и могла бы быть исключена безъ вреда сочиненію. Какое отношеніе къ Народному Праву имѣетъ Китайское правило нравственности *quidquid tibi fieri polis, ne fac alii*, и проч.?

Въ концѣ книги присоединены положенія, доказательство и развитіе которыхъ не вошло въ составъ сочиненія. Переведемъ нѣкоторыя изъ этихъ *sententiae controversae*. 1) Преступленіе, совершенное въ открытомъ морѣ, подлежитъ суду того государства, подъ флагомъ котораго находится корабль; 2) Право Народное не признаетъ экстерриториальности посольской свиты; 3) иностранецъ подлежитъ обычному праву государства, въ которомъ пребываетъ; 4) правило Монтескье: «гражданинъ до тѣхъ поръ подчиняется законамъ государства, пока въ немъ находится» должно быть отвергнуто; 5) главное основаніе частнаго права въ древней Руси были нравы и обычаи, и пр.

Къ сожалѣннѣю книга г. Витте написана латынью, а извѣстно, какъ тяжело читается новая латынь; здѣсь не мѣсто представлять тому доказательства. Намъ только замѣтимъ, что книга г. Витте составляетъ у насъ почти единственное сочиненіе по предмету Народнаго Права. Изъ журнала Мин. Нар. Пр. мы знаемъ, что г. Благовѣщенскій въ концѣ прошлаго года защищалъ диссертацию о дѣйствіи государственныхъ и гражданскихъ законовъ въ международномъ правѣ, но эта диссертация не выходила въ свѣтъ. К.

Хронологическій Сводъ достопримѣчательныхъ на земномъ шарѣ событій отъ Рождества Христова до нашихъ временъ. Составленъ *Андреемъ Бѣльченковымъ*. Часть I. Одесса, въ гор. тип. 1851.

Всѣмъ извѣстна важность словарей, указателей и справочныхъ книгъ всякаго рода; всѣмъ также извѣстно, что необходимое условіе при составленіи ихъ—знаніе дѣла, вѣрно обдуманнѣйшій планъ, система и опредѣлительность въ расположеніи и изложеніи.

Отсутствіе этого условія въ книгѣ г. Андрея Бѣльченкова бросается въ глаза даже при бѣгломъ разсмотрѣніи «Хронологическаго Свода».

Хронологія требуетъ, чтобы факты располагались въ ней въ порядкѣ, который называется *хронологическимъ*, т. е. чтобы за первымъ годомъ слѣдовалъ второй, за вторымъ третій и т. д.; если составитель можетъ притомъ обозначить и числа мѣсяцевъ, то при обозначеніи годовъ онъ ихъ располагаетъ въ томъ же порядкѣ, какъ и годы. Кромѣ того въ хронологіяхъ факты обыкновенно дѣлятся на нѣсколько группъ, по значенію своему: событія историческія, восшествія на престолъ Членовъ царственныхъ династій, дни рожденія и смерти знаменитыхъ людей, географическія открытія, открытія въ области наукъ и искусствъ и проч. Г. Бѣльченковъ разгруппировалъ факты по мѣсяцамъ, на двѣнадцать рубрикъ: *январь, февраль, мартъ* и проч., и къ каждому числу каждаго мѣсяца подвелъ по нѣскольку фактовъ, такъ что на каждой страницѣ встрѣчаются вслѣдъ за фактами первыхъ вѣковъ нашей эры факты самаго близкаго къ намъ времени, на томъ единственно основаніи, что они припали въ одинаковое число мѣсяца. Группировка фактовъ по мѣсяцамъ—чисто внѣшняя, она нисколько не облегчаетъ справокъ, а только затрудняетъ ихъ.

Кто заглядываетъ въ хронологію, то конечно не для того, чтобы узнать, какія достопримѣчательныя событія случились, напр., въ мартъ или въ май въ разные эпохи нашей эры, а захочетъ, напр., прослѣдить въ порядкѣ важнѣйшихъ географическихъ открытій или свѣрить годы восшествія на престолъ Государей *такого-то* государства, и тому подобное. Положимъ, что читатель хочетъ справиться по «Своду» г. Бѣльченкова объ эпохахъ важнѣйшихъ географическихъ открытій. Какъ ему найти отвѣтъ на свой вопросъ? Рубрики *январь*, *февраль* и проч. не говорятъ ничего опредѣленнаго. Составитель книги отошлетъ его, безъ сомнѣнія, къ алфавитному указателю, помѣщенному въ началѣ и «служащему (какъ говорить предисловіе) ключемъ къ разнымъ видамъ употребленія Хронологическаго Свода». Читатель смотритъ въ этотъ ключъ и видитъ: *Абд-эль-Кадеръ*, *Абдулъ-Меджитъ*, *Абдулъ-Гаметь*, *Абидосская Невѣста*, *Августинъ*, *Августъ*, прочитываетъ весь алфавитъ, и ни подъ какой буквой не находитъ словъ: *географическія открытія*. Такимъ образомъ и съ помощью ключа читатель не нашелъ на свой вопросъ никакого отвѣта. Значитъ, чтобы воспользоваться алфавитнымъ указателемъ, онъ долженъ уже знать имена искомыхъ земель, или имена тѣхъ, кто открылъ ихъ, слѣдственно справка оказывается невозможною. Если же читатель знаетъ эти имена, то онъ узнаетъ также, что книга, взявшаяся учить его, многого не знаетъ, какъ мы увидимъ дальше. Но предположимъ, наконецъ, что всѣ эти имена есть въ алфавитномъ указателѣ, — тогда, сообразите, сколько времени нужно употребить для рѣшенія предложеннаго вопроса: сперва надо найти въ алфавитѣ имя, потомъ отыскать указанное число мѣсяца, и подъ этимъ числомъ читать по порядку всякаго рода факты, пока наконецъ дойдешь до искомаго; потомъ для другаго имени повторить ту же длинную процедуру; для третьяго — тоже; а въѣдъ всѣхъ именъ для искомаго отвѣта нужно прослѣдить не меньше полсотни, — подумайте, сколько часовъ придется рыться для одной справки. Гораздо удобнѣе развернуть какой-нибудь полный курсъ Географіи: дѣло обойдется несравненно скорѣе. А между тѣмъ тѣ же справки, съ помощью дѣльнаго хронологическаго руководства, покапчиваются въ минуту: читатель смотритъ въ алфавитное оглавленіе, находитъ рубрику: *географическія открытія*, *Государи такіе-то* и проч., раскрываетъ указанную страницу, и передъ нимъ всѣ нужные ему факты въ хронологическомъ порядкѣ. Употребивъ дѣленіе фактовъ по мѣсяцамъ, г. Бѣльченковъ могъ употребить также и другое, близкое къ нему дѣленіе, по рубрикамъ: *поне-*

дѣльникъ, вторникъ, среда и проч., и къ каждому дню недѣли притягивать числа, мѣсяцы и годы. Дѣло вышло бы тогда еще замысловатѣе (*).

Въ «Сводѣ» г. Бѣльченкова собрано множество мелочныхъ фактовъ, нисколько не заслуживающихъ имени «достопримѣчательныхъ на земномъ шарѣ событій», и пропущено множество дѣйствительно достопримѣчательныхъ и важныхъ. Вы встрѣчаете, напримѣръ, слѣдующее: «18 января 1840 ощущенъ въ Лиссабонѣ подземный ударъ, продолжавшійся отъ 2 до 5 секундъ; 23 марта 1522 епископомъ въ Рязань назначенъ Іона; 2 Мая 1840 происходила сшибка между Арабами и Французами въ окрестностяхъ Орана; 22 іюня 1840 сильный градъ произвелъ много поврежденій по близости Франкфурта на Майнѣ»; на каждой страницѣ находите дни рожденія и смерти людей ничѣмъ не замѣчательныхъ. И при обиліи подобнаго рода фактовъ, вы не находите, напримѣръ, когда открыта Америка и пятая часть свѣта, когда открытъ путь въ Индію и планета Нептунъ, не встрѣчаете имени Колумба, Діаза, Васко де-Гамы, Магеллана, Кука, Джонъ-Девиса, Гудсона, Бугенвиля, Биллинсгаузена, Лаперуза, Крузенштерна, Дюмонъ д'Юрвиля, Галилея, Леверье, Жюльетто, Шварца, Фауста, Шеффера, Уата, Фультона, Вильгельма-Теля, Франклина, Вашингтона, Гальвани, Вольты, Парацельса, Спэннозы, Нибура, Шиллера, Пушкина, Бетговена, Гайдна и множество имъ подобныхъ. Я привожу событія и имена первыя, какія попались подъ идею; но если вы захотите прослѣдить рядъ-другой однородныхъ фактовъ, вы тогда увидите всю неудовлетворительность «Хронологическаго Свода». Мнѣ вздумалось отыскать эпохи основанія важнѣйшихъ европейскихъ университетовъ: я перерылъ всю книгу и не встрѣтилъ даже слова *университетъ*...

Г. Бѣльченковъ назвалъ свою книгу *хронологическимъ сводомъ событій*; этимъ, безъ сомнѣнія, онъ хотѣлъ отличить ее отъ *хронологическихъ указателей*. Хронологическимъ указателемъ мы называемъ

(*) Требования нашего Одесскаго Корреспондента о хронологическихъ справочныхъ книгахъ совершенно справедливы, но книга г. Бѣльченкова назначена, кажется, отвѣчать на хронологическіе вопросы совершенно съ другой стороны: ученому вечному справляться въ книгахъ этого рода, а представлять себѣ деревенскаго помѣщика, для котораго календарь и какая-нибудь газета—единственная библіотека для чтенія! для него новый сводъ — настоящій подарокъ. Онъ будетъ спрашивать съ нимъ всякій день, и узнаетъ множество новаго и любопытнаго для себя. Слѣдующія обвиненія Рецензента справедливы, и при второмъ изданіи авторъ вѣрно воспользуется ими. *Ред.*

такое руководство, гдѣ факты только *исчисляются* съ указаніемъ ихъ эпохи. Подъ Хронологическимъ Сводомъ событій должно разумѣть такое руководство, гдѣ не только указываются эпохи событій, но и самыя событія *излагаются* въ объемѣ, соответствующемъ общему объему руководства и большой или меньшей важности событій. Само собою разумѣется, что изложеніе это всегда бываетъ кратко, сравнительно съ историческимъ повѣствованіемъ и ограничивается общими главными чертами событія, придерживаясь сжатости въ слогѣ. Въ «Сводѣ» г. Бѣльчкова возлѣ каждой цифры мы находимъ то строчку, то двѣ-три строки, то десятковъ, то цѣлую ихъ страницу, но въ его способѣ изложенія нѣтъ также никакой системы: многія важныя событія обозначены одной строчкой; многія неважныя разсказаны многословно. Такъ напримѣръ подѣ 5-мъ числомъ мая мы читаемъ: «1789, въ царствованіе Луговика XVI, возгорѣлась во Франціи революція», и только (о революціи Французской 1830 нѣтъ ни слова); и при обозначеніи дня кончины Франциска I (19 марта 1547) полстраницы занято анекдотомъ, бывшимъ причиною моды на длинныя бороды. Многіе факты изложены отрывочно и темно, напримѣръ: «6 мая 1796 заключенъ миръ между Франціею и Сардиніею» (какой и гдѣ? какую войну кончилъ онъ? кто и что выигралъ отъ того?); «9 апрѣля 1792 Франція объявила войну Австріи» (какую? за что?); «23 іюня, 1648 народъ жаловался царю Алексѣю Михайловичу на Плещеева» (кто такой Плещеевъ? и за что жаловался на него народъ?). Подобныя замѣтки безъ объясненій на вопросы, которые мы поставили въ скобкахъ, ни къ чему не служатъ.

Есть въ «Хронологическомъ Сводѣ» и такого рода событія: «24 апрѣля, 1094, на престолѣ *Всероссійскій* вступилъ Святополкъ II». — Въ XI-мъ вѣкѣ великокняжескій престолъ именовался *всероссійскимъ*; Іоаннъ Калита и Симеонъ Гордый, въ XIV вѣкѣ, первые начали именоваться Великими князьями *Всѣя Руси* — «12 іюня 1440 Гутенбергъ изобрѣлъ книгопечатаніе». — Изобрѣтеніе книгопечатанія *подвижными* буквами относится къ 1436 году, а *подвижными* *литыми* буквами къ 1452 (*) и приписывается Фаусту, Гутенбергу и Шёфферу; о мѣстѣ этого изобрѣтенія спорятъ нѣсколько городовъ Германіи. Что жъ до числа мѣсяца, то смѣло можно сказать, что 12-го іюня книгопечатаніе изобрѣтено г. Бѣльчковымъ, но никакъ не Гутенбергомъ.

(*) Гравированіе на деревѣ изобрѣтено 1430.

О цѣли своей книги г. Бѣльченковъ выражается такъ: «Цѣль, къ которой рѣшился я издать свой трудъ 1) что событія, возбуждающія живой интересъ ученаго, — становятся занимательными для прочихъ только тогда—если, бывъ разоблачены изъ схоластической формы, представятъ онѣ (они) читателю въ *фазахъ общежитія* и 2) что мы давно нуждаемся въ настольной справочной книгѣ». Оставляя въ сторонѣ неправильную постройку этого періода, спрашиваемъ: что разумѣлъ г. Бѣльченковъ подъ изображеніемъ событій въ *фазахъ общежитія*? Если онъ разумѣлъ *популярное изложеніе*, то неужели распредѣлить факты по числамъ мѣсяцевъ значитъ изложить ихъ популярно? Да и къ чему эта вычурность выражений, дѣлающая для насъ столь же темнымъ намѣреніе автора, сколь темна его фраза. Далѣе г. Бѣльченковъ говоритъ: «Въ началѣ книги своей ~~справки~~ я необходимымъ приложить алфавитный указатель, служащій ключемъ къ разнымъ видамъ употребленія ея». Какія это *разные виды употребленія*? объ этомъ ничего не сказано. Мы отыскивали только одинъ видъ, претрудный и презапутанный, о которомъ говорили въ началѣ статьи. К. К.

Обзоръ дѣйствій Намѣстника Кавказскаго, для развитія сельскаго хозяйства съ 1845 по 1850 годъ. Сост., по порученію Кавказскаго Общества Сельск. Хоз., дѣйств. членъ Х. И. Колодѣевъ. Тифлисъ, 1851. Стр. 102 въ 8 д. л.

Воображеніе древнихъ не даромъ искало золотаго руна въ странахъ Кавказскихъ: дары туземной природы растутъ не по днямъ, а по часамъ; разнообразныя почва и климатъ усвоютъ себѣ произведенія другихъ странъ; гражданственность, со всѣми своими изобрѣтеніями, быстрыми шагами спѣшитъ на помощь труду туземцевъ, — и, можетъ быть, не далеко то время, когда мысль одного ученаго, что Кавказъ имѣетъ средства дать Россіи возможность почти совершенно обходиться безъ иностранныхъ произведеній, по крайней мѣрѣ сырыхъ, — мысль эта не будетъ казаться несбыточною. Одно изъ блистательнѣйшихъ доказательствъ, что эта мысль не просто мечта — у насъ предъ глазами. Мы говоримъ о любопытной книгѣ г. Колодѣева. Что сдѣлано Княземъ М. С. Воронцовымъ для развитія сельскаго хозяйства, въ продолженіе пяти лѣтъ, — это можно видѣть изъ краткаго обзора ея.

По земледѣлію. За Кавказомъ, гдѣ почва и климатъ до безконечности разнообразны, и гдѣ число разводимыхъ хлѣбныхъ и фабричныхъ растений,

довольно велико, земледѣльскія орудія не могутъ быть повсемѣстно одни и тѣ же. Туземныя пахатныя орудія далеко не выполняютъ своего назначенія. Имеретинская соха походить на крюкъ, употреблявшійся Римлянами еще при Нумъ Помпиліи; Грузинскій плугъ немного лучше ея. Для улучшенія этой важной части, по распоряженію Намѣстника, было выписано нѣсколько плуговъ новѣйшаго устройства, также и земледѣльскихъ машинъ. Для распространенія въ краѣ лучшихъ хлѣбныхъ растеній, разосланы были ко многимъ хозяевамъ сѣмена разныхъ сортовъ пшеницы и ячменя; изъ нихъ наиболѣе распространилась арнаутка. Опыты съ китайскимъ суходольнымъ рисомъ удались не одинаково въ разныхъ мѣстностяхъ. Вообще же на успѣхъ хлѣбопашества могутъ имѣть вліяніе Русскія поселенія, подворенныя въ Закавказскомъ краѣ, съ 1845 по 1850 г., въ 15 деревняхъ. -- *Садоводство* въ краѣ можетъ быть одною изъ выгодѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства, особенно на южной сторонѣ Кавказскаго хребта, и преимущественно въ земляхъ, прилегающихъ къ берегамъ Чернаго и Каспійскаго морей, какъ наиболѣе выгодныхъ для сбыта цѣнныхъ произведеній садоводства въ сыромъ ихъ видѣ; но и внутреннія земли Закавказья, безъ сомнѣнія, принесутъ значительный доходъ хозяевамъ садовъ, если распространится въ краѣ сушеніе плодовъ. На развитіе садоводства обращено особенное вниманіе Князя Воронцова. До него, хотя и существовали въ краѣ кое-гдѣ казенныя сады, но они были почти всѣ запущены, бѣдны растеніями; сады же частныхъ лицъ, воздѣлываемые по Азіатскимъ способамъ, немногіе могли похвалиться своими произведеніями. Чтобы положить надежное основаніе садоводству, сдѣлано распоряженіе объ устройствѣ казенныхъ розсадниковъ въ разныхъ мѣстахъ края; главная цѣль этихъ заведеній — снабжать мѣстныхъ жителей безденежно, или по самой дешевой цѣнѣ, разными полезными, растеніями, и цѣль эта, достигнутая вполнѣ, принесла уже много пользы, особенно огромнымъ количествомъ розданныхъ прививковъ фруктовыхъ деревьевъ и виноградныхъ лозъ. Садовыхъ розсадниковъ вновь заведенныхъ въ краѣ 20. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣлаются опыты надъ акклиматизированіемъ растеній другихъ странъ: такъ, въ крѣпости Поти роскошно произрастаютъ апельсиныя и лимонныя деревья; въ Озургетахъ разводится *Mugica serifera*, кустарникъ, приносящій ягоды, покрытыя слоемъ воска, — и можно надѣяться, что со временемъ жители Имеретіи и Грузіи заведутъ у себя миріку, и, по примѣру Американцевъ, будутъ получать доходъ отъ сбыта растительнаго воска; въ Озургетахъ же разводится другое весьма полезное растеніе — Новозеландскій ленъ,

который из листьев своих дает волокно чрезвычайно крепкое и шелковистое, превосходящее волокна всех прядильных растений. Другое, столь же полезное прядильное растение — Китайская крапива, разводится в Тифлисе; в Ленкорани предполагается устроить плантацию сахарного тростника; кроме того, во всех садах, особенно в Тифлиском, успешно принимаются многие южные растения, служащие украшением местной флоры. — Вместе с садоводством значительно продвинулось вперед и местное *огородничество*, благодаря распространению по краю лучших огородных семян. — *Шелководство* в Закавказском крае составляет одну из важнейших отраслей народной промышленности. Оно более развито в уездах, населенных мусульманами (Нухинском, Джаро-Белокавказском военном округе, Шувинском, Шемахинском, Кубинском и др.); в последние же шесть лет оно начало распространяться и в других местностях: между жителями Имеретии, Мингрелии и на Кавказской линии, в казачьих полках. Один из главных недостатков Закавказского шелководства заключается в дурной размотке шелка и чрезмерной длине мотков. Для отвращения этого, шелководы ознакомлены с шелкомотальными машинами Графа и Робине; положено принимать, на казенный счет, в Царь-Абадскую практическую школу несколько учеников из туземцев, и выдавать денежные премии тем из шелководов, кто разматывает наиболее шелка по Европейскому способу; разосланы в разные места лички лучших пород шелковичных червей и семена тутового дерева, и проч. (*) — Теплый климат и медоносная флора Кавказских долин и гор чрезвычайно благоприятствуют *пчеловодству*, которое во многих местах края, подобно шелководству, может быть народной промышленностью. Для распространения этой немаловажной отрасли сельского хозяйства выпущено несколько пчеловодов, из школы покойного Прокоповича. — По части *скотоводства*. С прибытием в край Наместник заметил, что

(*) Об обширных надеждах, открывшихся в последнее время Кавказскому шелководству, мы уже говорили в 14 N Москвитянина. В одном из последних N N газеты «Кавказ» напечатано объявление от Кавказского Общества Сел. Хоз., которым оно извещает местных шелководов, что, желая содействовать развитию этой отрасли промышленности, оно будет приобретать шелк, разматанный по Европейскому способу в количестве от 5 ф. до 1 пуда.

здѣшніе мулы или ослы, составляющіе первую потребность въ горахъ, при перевозкѣ тяжестей, малаго роста, безсильны и не способны къ тяжелымъ работамъ; желая улучшить породу вьючаго скота, Князь Михаилъ Семеновичъ выписалъ изъ Мальты нѣсколько паръ ословъ; но, по климатическимъ причинамъ, эти распоряженія не привели доселѣ желаннаго успѣха. Для распространенія въ краѣ тонкоруннаго овцеводства и улучшенія туземной породы овецъ, выписаны изъ Новороссійскаго края племенные бараны и матки, изъ которыхъ устроена близъ Тифлиса овчарня; изъ стада ея раздавались частнымъ лицамъ бараны испанскіе и ангорскіе. — Съ скотоводствомъ тѣсно связано *лугководство*; посему и эта отрасль сельскаго хозяйства не оставлена безъ вниманія, и, между прочимъ, ко многимъ лицамъ, изъявившимъ желаніе завести у себя искусственные луга, разосланы были сѣмена люцерны. — Въ послѣднее время, *лѣсоводство* въ Кавказскомъ краѣ также начало принимать благоустроенный видъ. Обращено вниманіе на сохраненіе лѣсовъ, правильную ихъ вырубку, разведеніе лѣсныхъ расеній, и проч. Вырубка зельквы или планеры запрещена; дерево это, призрастающее въ Кутаисской губерніи, преимущественно въ Имеретіи, отличается красотой, крѣпко какъ кость, почти не гниетъ, такъ что дома туземцевъ, выстроенные изъ досокъ планеры, простоявъ болѣе 40 лѣтъ, кажутся почти новыми; сѣмена этого драгоценнаго дерева рассылаются въ разныя мѣста края, и если оно будетъ разведено на берегахъ Чернаго и Каспійскаго морей, то со временемъ послужитъ превосходнымъ кораблестроительнымъ матеріаломъ. Изъ хвойныхъ породъ, обращено вниманіе на Кавказскую ель и на Пидундскую или Абхазскую сосну; сѣмена послѣдняго дерева способны произрастать на всякой почвѣ, не требуя большаго попеченія, подобно другимъ хвойнымъ породамъ. — Въ числѣ *фабричныхъ растений*, воздѣлываемыхъ въ краѣ, табакъ могъ бы составить одну изъ главнѣйшихъ отраслей сельской промышленности, особенно за Кавказомъ, въ земляхъ ближайшихъ къ Черному и Каспійскому морямъ, гдѣ почва и климатъ представляютъ для этого возможные удобства. Между тѣмъ производимый здѣсь табакъ далеко не достигаетъ необходимыхъ достоинствъ, именно по неудовлетворительному способу обработки, такъ что, напримѣръ, въ Мингреліи табакъ продается по 2 р. с. за пудъ, а эта цѣнность составляетъ только десятый процентъ цѣнности Американскаго табаку. Разсылка лучшихъ сѣмянъ, ознакомленіе туземцевъ съ принятыми за границею способами обработки табаку и другія мѣры дадутъ право надѣяться, что и табаководство достигнетъ въ непродол-

жительномъ времени удовлетворительной степени, чему въ послѣдніе три года было уже нѣсколько доказательствъ. — Изъ длинныхъ растений, воздѣлываемыхъ за Кавказомъ, первое мѣсто занимаетъ *хлопчатникъ*; но доселѣ онъ доставляетъ не болѣе 120 т. пудовъ хлопчатой бумаги, которая груба и коротковолокниста. По распоряженію Князя Намѣстника, выписаны были сѣмена длиноволокнистаго хлопчатника изъ Египта, Америки и Сициліи, и разосланы по краю. Опыты надъ разведеніемъ этого хлопчатника очень удались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и полученная отъ выписныхъ сѣмянъ бумага нисколько не уступаетъ привозимой въ Россію изъ-за границы. Кроме того, приняты и другія не менѣе успѣшныя мѣры для поощренія этой важной промышленности. — Разведеніе *марены*, сперва довольно ограниченное, по мѣстности, въ послѣднія пять лѣтъ распространилось до того, что вывозъ корней ея въ Россію простирается отъ 120—140 т. пудовъ ежегодно. Дербентская марена содержитъ въ себѣ гораздо болѣе красильнаго вещества, чѣмъ Голландская и Французская; поэтому, фабриканты предпочитаютъ ее, хотя цѣна ея почти вдвое выше противъ заграничной. — Воздѣлываніемъ *шафрана* занимаются преимущественно въ Бакинскомъ и Дербентскомъ уѣздахъ; но здѣшній шафранъ много уступаетъ въ достоинствѣ Европейскому: причиною тому небрежное приготовленіе его. Благодаря попечительности правительства, этотъ недостатокъ вѣроятно уничтожится со временемъ. — Добываніе другаго красильнаго вещества — *индиго*, ограничивалось въ Закавказскомъ краѣ только опытами надъ посѣвомъ красильной гречи (*Polygonum tinctorium*). Добытая однимъ Елисаветпольскимъ жителемъ краска изъ этой гречи имѣла всѣ качества настоящей кубовой краски, и была вполне одобрена Московскими фабрикантами, которымъ образцы ея были сообщены Барономъ А. К. Мейендорфомъ (*). Князь Воронцовъ обратилъ полное свое вниманіе на эту новую отрасль мѣстной промышленности, обещающую важныя выгоды тѣмъ изъ хозяевъ, которые займутся ею. — Подобные же опыты сдѣланы были надъ разведеніемъ *ворсильныхъ шишекъ* и *оливковыхъ деревьевъ*; послѣднія издавна существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ края, не принося жителямъ ни какого дохода.

(*) Этотъ известный знатокъ нашей промышленности полагаетъ, что отъ разведенія красильной гречи и табаку Закавказье могло бы получать до *трехъ* милл. р. сер., которые въ настоящее время мы платимъ иностранцамъ за эти произведенія.

Но многія изъ этихъ надеждъ могутъ осуществиться въ Закавказьѣ только при одномъ условіи: когда въ край будетъ значительно распространено искусственное орошеніе, необходимое почти для третьей части пространства, занимаемаго Закавказьемъ. Въ древности прорыты были здѣсь обширные водопроводы, но время и неустройство страны уничтожили большую часть изъ нихъ. Вступивъ въ управленіе краемъ, Намѣстникъ Кавказскій поручилъ особой комиссіи заняться этою важною частью, и въ короткое время были устроены нѣсколько новыхъ водопроводовъ и исправлены нѣкоторые изъ старыхъ. Эти работы служатъ только началомъ еще обширѣйшихъ, цѣль которыхъ — обратить огромныя пространства пустой земли въ плодородныя поля, приучить кочующихъ жителей къ осѣлости, и переселять изнутри Россіи крестьянъ на мѣста, обещающія сдѣлаться изъ безплодныхъ пустынь тучными пажитями, сторицею вознаграждающими трудъ земледѣльца.

Къ числу ископаемыхъ богатствъ края, въ управленіе Князя Воронцова, прибавились каменный уголь и торфъ, добываніе которыхъ имѣетъ связь съ благосостояніемъ сельскаго хозяйства, сберегая лѣса. До 1845 г. туземцы почти не занимались разработкою каменнаго угля, а существованію торфа и не подозревали. Съ начатіемъ развѣдываній, открыты были богатѣйшія копи каменнаго угля. Михайловскій рудникъ (въ Имеретіи) далъ въ 1849 г. до 36 т. пудовъ; Хумаринскія копи (на правомъ берегу Кубани) доставляютъ ежегодно до 100 т. пудовъ; не менѣе богатые пріиски найдены близъ Аталыха и Дербента, въ Дагестанѣ и Осетіи. Первый торфъ открытъ былъ въ 1846 г. Профессоромъ Абихомъ на Турчадагѣ; потомъ послѣдовали открытія этого матеріала въ Гудомакарскомъ и Дарьялскомъ ущельяхъ, а въ Эриванской губ. въ 1849 г. Подполковникъ Колодѣвъ, осматривая край въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, нашелъ, въ 8 верстахъ отъ Ставрополя, въ озерѣ Кравцовъ, торфъ превосходнаго качества, разработка котораго, по вѣрному исчисленію, должна принести до полу-милліона руб. сер. чистой прибыли....

Послѣднія главы замѣчательнаго труда г. Колодѣва посвящены слѣд. предметамъ: матеріалы для изслѣдованія климата; пути сообщенія; школа Кавказскихъ межевщиковъ и успѣхи межеванія въ Закавказскомъ край съ 1846 — 50 г.; выставка естественныхъ и промышленныхъ произведеній въ Тифлисѣ, и Кавказское Общество Сельскаго Хозяйства.

Всѣ Петербургъ въ карманѣ. Справочная книга для столичныхъ жителей и прїѣзжихъ. Съ планами С. Петербурга и четырехъ театровъ. Сост. *А. Гречемъ*. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1851. Стр. 630 въ 18 д. л.

Книга кстати,—такъ кстати, что ей можно извинить и пуфическое заглавіе, и кое-какіе недосмотры, болѣе или менѣе неизбежныя съ изданіями подобнаго рода. Въ Москвѣ такъ же кстати изданъ «Указатель» древней столицы, составленный по другому плану,—и, на первый разъ можно бытъ довольнымъ обоими *guide des voyageurs*. Мы слышали, что здѣсь же скоро должевъ выйти въ свѣтъ подробный планъ Москвы, съ раздѣленіемъ по частямъ, на которомъ легко будетъ отыскать не только каждую мѣстность, но и какой угодно домъ. Петербургъ уже имѣетъ подобное изданіе (Атласъ г. Цылова): следовательно главные пути къ ближайшему знакомству съ обѣими столицами находятся почти налице.

Краткая древняя географія, съ алфавитомъ предметовъ, въ ней показанныхъ и опредѣленіемъ ихъ положенія. Соч. *А. Мещерскаго*. М. 1851. Стр. 156 въ 12 д. л.

Въ половинѣ прошедшаго столѣтія издана была древняя Географія Стафенгагена. Лѣтъ 30 тому назадъ, перевелъ руководство Нича г. Погодинъ, бывши еще студентомъ. Не такъ давно издалъ г. Брутъ свой атласъ. Вотъ и всѣ почти наши пособія. Скажемъ спасибо и за новую лепту.

Егерскія записки, или начертаніе, какъ находить дичь, въ какихъ мѣстахъ и въ какое время года, и различные способы стрѣлять птицъ и звѣрей, и проч. (еще 14 строкъ заглавія). *Пафтайндеръ*. 2 ч. М. 1851. Стр. 137 и 133 въ 12 д. л.

Недавно мы имѣли случай говорить о «Егерской охотѣ» г. Въяцславскаго. Книга г. Пафтайндера имѣетъ предъ нею право давности, потому что вышла прежде, но не имѣетъ права первенства, не можетъ даже соперничать съ нею, потому что составлена несравненно хуже. Авторъ видно рассчитывалъ на затѣйливое заглавіе. Онъ называетъ

себя «одержимымъ охотоманіей;» но вѣдь охота пуше певоя, и одной охоты мало, для того чтобъ сдѣлать что-вибудъ хорошее. Въ предлагаемыя имъ «новоткрытыя медицинскія средства» для леченія собакъ плохо вѣрится; словарь охотничьихъ словъ могъ бы быть гораздо полнѣе, — по крайней мѣрѣ судя по собранію у г. Венцеславскаго; а изданію и картинкамъ не мѣшало бы быть поопрятнѣе.

Руководство къ таможеннымъ деламъ Одесскаго порто-франко. Составилъ, на основаніи существующихъ узаконеній, *Н. В. Уманскій*. Одесса, 1851.

Книга эта имѣетъ исключительно мѣстный и притомъ спеціальный интересъ, и вѣроятно должна принести пользу какъ служащимъ при таможенныхъ Одесскаго порто-франко, такъ вообще мѣстному торгующему сословію. Прискиваніе нужныхъ для справокъ предметовъ облегчается алфавитнымъ указателемъ, а для дѣлопроизводства приложены формы бумагъ.

Описаніе военныхъ дѣйствій Россійскихъ войскъ противъ Венгерскихъ мятежниковъ въ 1849 году. Спб. 1851. Стр. 414, 65 и X, въ 8 д. л.

Въ началѣ прошлаго года, военная литература наша уже получила одно замѣчательное описаніе Венгерской войны, переведенное съ Нѣмецкаго; теперь она обогащается новымъ источникомъ для исторіи этого важнаго похода, источникомъ, составленнымъ по официальнымъ даннымъ, и, слѣдовательно, несомнѣнно достовѣрнымъ. Венгерскій походъ, заключившійся безусловнымъ сложеніемъ оружія непріятельскою арміею передъ Русскими войсками, продолжался отъ времени перехода чрезъ Карпаты до сдачи арміи Георги, — *восемь недѣль*, и войска наши, перешедшія чрезъ границу 23 Апрѣля, спустя 5 мѣсяцевъ (25 Сентября), за исключеніемъ временно-оставленныхъ въ Венгріи, уже снова вступили въ предѣлы Имперіи. Общее число войскъ нашихъ, назначенныхъ для дѣйствія въ Венгрію и Трансильванію, составляло слишкомъ 490 т. человекъ. Потеря наша во время Венгерскаго похода простиралась до $13\frac{1}{2}$ т. чел. (въ томъ числѣ, умерло отъ холеры и другихъ болѣзней болѣе 11 т.). Послѣдствія же этой знаменитой кампаніи, увѣнчавшей новою славой побѣдоносное Русское воинство, памятны каждому изъ насъ, и заняли высокое мѣсто въ современной исторіи....

Прописки. Сборникъ статей по классической древности (*), изд. П. Леонтьевымъ. Книга I. Москва. 1851. Въ 8-ку.

Извѣстно, что въ Греціи подъ именемъ Прописей означали главный входъ въ храмы и акрополи; эти священныя преддверія были богато украшены колоннами и портиками, и служили отчасти для того, чтобы достойнымъ образомъ настроить мысли входящаго въ храмъ. По этому Гёте называлъ Прописями сборникъ статей, знакомившихъ читателя съ тѣмъ духомъ, которымъ должно папиться, чтобы понять древнюю жизнь во всей ея полнотѣ. Изданіе Гёте было чисто теоретическое; новыя Прописи будутъ имѣть направленіе историческое. Цель изданія высказана самимъ авторомъ: прописи хотятъ не исправлять господствующія понятія и создавать новыя, а знакомить съ событіями, данными исторіею, и съ воззрѣніями, уже выработанными наукою. Прописи должны вводить въ многозначительную и вѣчно привлекательную область классическаго міра по легкому и широкому пути, не требующему ни большаго запаса предварительнаго труда, ни особенныхъ усилій при шествіи, но въ тоже время по пути прямому, ведущему прямо къ цѣли. Безсрочное изданіе это будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ будутъ помѣщаться статьи о жизни Грековъ и Римлянъ во всѣхъ ея проявленіяхъ; во второмъ будутъ помѣщаться жизнеписанія новыхъ ученыхъ, занимавшихся изученіемъ древности, и разборы новыхъ сочиненій.

Большую часть перваго выпуска занимаютъ статьи, касающіяся до древняго ваянія. Прекрасныя статьи эти были причиною разныхъ недоумѣній, которыя явились даже печатно въ одномъ изъ разборовъ этого сборника. Точное изученіе ваянія невозможно дѣйствительно безъ нагляднаго изученія памятниковъ, сохранившихся въ большомъ количествѣ, но разсѣянныхъ въ разныхъ музеяхъ европейскихъ государствъ. Наше отечество не богато произведеніями древняго искусства, да и эти немногія разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ, и не всѣ доступны большинству публики. Гипсовые слѣпки, даже самыя лучшіе, хотя и могутъ дать понятіе объ общемъ характерѣ произведенія, но имъ недостаетъ той полупрозрачности, которая свойственна одному мрамору; особенности отдѣлки, свойства мрамора, по которымъ иногда можно приблизительно опредѣлить время памятника, всѣ эти свойства нельзя замѣнить копіями.

(*) Мы медлили обзорѣмъ этого примѣчательнаго, полезнаго сборника, ожидая второй его части, въ коей кончатся нѣкоторыя статьи, начатыя въ первой, но годъ на исходѣ, и мы рѣшились исполнить свой долгъ предъ читателями. Ред.

Не станемъ говорить о гравюрахъ, не дающихъ понятія о фигурѣ, и могущихъ хорошо представить одинъ очеркъ ея. Наконецъ мы сами нѣкоторымъ образомъ отделились отъ ваянія и вѣшними обстоятельствами: климатъ нашъ рѣдко производитъ эту прекрасную мускулатуру, эту подвижность всякой черты лица, качества, необходимыя для рѣзца. Мы согласны, что препятствій много; и главное существуетъ еще въ насъ самихъ; мы не привыкли смотрѣть на произведенія ваянія какъ на стройное цѣлое, тѣсно связанное съ цѣлымъ содержаніемъ древней жизни, потому что у насъ оно сдѣлалось дѣломъ страсти и прихоти немногихъ: можно еще прибавить, что болѣе не эстетическія, нежели эстетическія описанія твореній художества, бывшія долгое время въ модѣ, скорѣе повредили, нежели принесли пользу; не всякому дано такое полное пониманіе древности, какимъ отличался Гёте въ свое время; личное образованіе, веселая или грустная настроенность души могутъ заставить зрителя смотрѣть съ совершенно разныхъ сторонъ на одинъ и тотъ же предметъ. Но пора уже перестать намъ повторять безотчетныя, истертыя, часто непонятныя намъ самимъ фразы о художественности, общей вѣсѣ членамъ древняго общества; перестанемъ понимать подъ филологію науку мертвую, занимающуюся мертвыми же буквами, оставимъ представленіе, что ваяніе, міеологія, исторія, совершенно отдѣльныя науки, доступныя только немногимъ избраннымъ.

Греческое ваяніе обязано своимъ существованіемъ и содержаніемъ міеологіи; недавно только начали отчасти освобождаться отъ ложнаго воззрѣнія, и вѣрить, что преданія и міеы язычества имѣютъ болѣе глубокое значеніе, что они не составляютъ одного набора нелѣпостей и басень, тѣшившихъ неразумное дѣтство народовъ; въ нихъ, напротивъ того, язычество сохраняло исторію своего развитія отъ перваго начала религіознаго сознанія до той поры, когда Олимпъ населенъ блестящимъ сонмомъ боговъ и богинь; за этимъ движеніемъ слѣдило ваяніе, и превзошло можетъ быть язычника въ пониманіи религіи: Въ немъ божества явились въ совершеннѣйшей, оконченной формѣ, между тѣмъ какъ поэзія своею свободою и фантазіею дала имъ только неполное и случайное содержаніе. Не изучая ваянія въ его историческомъ значеніи, когда намъ недоступно его теоретическое изученіе, мы никогда не поймемъ исторію развитія древнихъ; для насъ останется темною вся духовная сторона его жизни, которою онъ, не знакомый съ высшимъ идеаломъ, старался удовлетворять требованіямъ духа своего. Упрекъ, сдѣланный ученому издателю, очевидно не заслуженъ, и напротивъ того, мы ему обя-

заны искреннею благодарностію, не только за то, что намъ представлено, но и за то, что намъ объщаетъ онъ въ слѣдующихъ книгахъ его изданія.

Разсмотримъ помѣщенные статьи:

О Гіератикъ въ древнемъ Греческомъ искусствѣ. (Г. Благовѣщенскаго.)

Изученіе древней греческой гіератики есть предметъ совершенно новый въ современной наукѣ, хотя и давно начались изслѣдованія объ этомъ періодѣ древняго искусства; рѣшеніе этого вопроса было невозможно до тѣхъ поръ, пока новѣйшія открытія памятниковъ въ Греціи и Италіи не дали возможности заниматься имъ, основываясь на большемъ числѣ данныхъ. Винкельманнъ, положившій начало эстетическому изученію классической красоты, коснулся и этого предмета; но не обладая такимъ множествомъ данныхъ, которыя собраны отчасти послѣ него, онъ могъ ошибаться во многомъ, что теперь дополнено и исправлено новѣйшими изслѣдованіями филологин. Къ числу этихъ вопросовъ принадлежитъ и тотъ, съ которымъ знакомить насъ г. Благовѣщенскій.

Винкельманнъ совершенно отвергаетъ присутствіе художественной дѣятельности въ Греціи до пятого столѣтія до Р. Х.; онъ полагаетъ, что весь долгій промежутокъ отъ образованія еллинскихъ государствъ до начала Персидскихъ войнъ былъ посвященъ одной технической сторонѣ искусства, что Греки только привыкали къ обработкѣ различныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ они потомъ стали выдѣлывать свои произведенія. Мнѣніе это было обще принятое до сихъ поръ, и даже теперь нѣкоторые изъ изслѣдователей древняго искусства придерживаются его, хотя оно и не выдержитъ строгой критики; такимъ образомъ одно обстоятельство можетъ уже поколебать его, именно внезапное проявленіе гениевъ художниковъ вскорѣ послѣ Персидскихъ войнъ. Трудность рѣшить вопросъ о древнемъ греческомъ ваяніи происходитъ преимущественно отъ недостатка свѣдѣній; древніе Греки довольствовались тѣмъ, что у нихъ есть художественныя произведенія, не обращая еще вниманія на теорію и на исторію искусства. Изъ древнихъ писателей одинъ Павзаній можетъ сколько нибудь служить руководствомъ, потому что въ своемъ описаніи Греціи онъ часто упоминаетъ о замѣчательныхъ произведеніяхъ древняго и новаго Еллинскаго искусства.

Ваяніе, какъ у другихъ народовъ, такъ и у Грековъ, получило начало свое отъ богопоклоненія: первый образъ божествъ, о которомъ упоминаетъ Павзаній, видѣвшій ихъ въ нѣкоторыхъ древнихъ храмахъ, были грубые, неотесанные камни; потомъ стали представлять боговъ

обелисками, столбами, составившими переходную форму къ Гермамъ, которымъ поклонялись преимущественно въ Аѳинахъ: позднѣе эти гермы стали обозначаться фалломъ и были извѣстны до позднѣйшаго времени язычества подъ именемъ Пріаповъ хранителей садовъ, огородовъ и полей. Но въ первое время этотъ символъ служилъ можетъ быть только для обозначенія полового различія представленныхъ божествъ. Со временемъ изъ этихъ-то Гермъ произошла и полная статуя, конечно далекая отъ той легкости и стройности, которую дали въ послѣдствіи изваянію человѣческаго тѣла; неподвижностію своею напоминали онѣ египетскіе памятники; руки были плотно сложены къ тѣлу, ноги сжаты, глаза неправильны; (г. Благовѣщенскій переводитъ извѣстное мѣсто у Павзанія: «*ὁμοιομηκέτα*» съ закрытыми глазами, что неправильно, какъ намъ кажется). Что вѣднѣе явилось довольно рано у Грековъ, на это мы находимъ два доказательства у Павзанія: при этомъ писателѣ существовали двѣ статуи, изъ которыхъ одна была воздвигнута Кекропомъ въ Аѳинахъ; о другой, находившейся въ Коринѣ (въ Мессеніи), говорили, что она посвящена Аргонавтами; и такъ эти два памятника приписывались еще до героическому времени. Если даже эти два извѣстія будутъ приняты нами только какъ преданія, тѣмъ не менѣе они свидѣтельствуютъ о глубокой древности упомянутыхъ памятниковъ. Съ героическимъ временемъ являются уже большіе слѣды искусства, изъ которыхъ мы можемъ заключить, что техническія трудности производства уже были побѣждены. Съ одной стороны время, описанное Гомеромъ, отличается богатствомъ и роскошью въ томъ видѣ, въ которомъ они встрѣчаются и у другихъ полуобразованныхъ народовъ, поражаая массою дорогихъ металловъ: мы находимъ кованыя двери изъ золота, серебряныя приголки, мѣдныя пороги; но съ другой стороны являются уже начатки болѣе утонченной роскоши: поэтъ подробно описываетъ искусно украшенное оружіе, дорогія чаши съ ручками изъ разныхъ металловъ, лари, украшенные рѣзною работою. Но нигдѣ пѣвецъ, столь подробный во всемъ прочемъ, не упоминаетъ о художникахъ, производившихъ эти вещи; часть ихъ вѣроятно доходила въ Грецію посредствомъ торговли съ Финикійцами и другими прибрежными жителями средиземнаго моря. Греческое искусство имѣетъ у Гомера только двухъ представителей, Гефѣста и Дедала. Гефѣстъ — божество, представляющее начало обработыванія металловъ въ Греціи; другое имя гораздо замѣчательнѣе для насъ, потому что служить собирательнымъ именемъ для цѣлаго ряда художниковъ, работавшихъ въ одномъ и томъ же родѣ до лучшаго времени греческаго ваянія; назва-

ніе Дедаловъ перешло даже ко всѣмъ произведеніямъ этого періода. Павзаній очень хорошо зналъ типъ этихъ произведеній, онъ могъ отличать древнѣйшія изваянія архаистической школы отъ позднѣйшихъ, и по этому нельзя отвергать, чтобы эта школа не имѣла свой особенный характеръ, отличный отъ позднѣйшаго.

На этихъ немногихъ данныхъ основанъ весь споръ о древнѣйшемъ еллинскомъ ваяніи. Изъ нихъ слѣдуетъ во-первыхъ, что начала ваянія, произведенія котораго извѣстны Гомеру подъ названіемъ Дедалическихъ, относятся къ глубокой древности; во-вторыхъ, если слѣдовать обыкновенному лѣточисленію, по которому жизнь Дедала полагается въ одиннадцатомъ вѣкѣ до Р. Х., то греческое ваяніе въ продолженіи десяти столѣтій слѣдовало однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ правиламъ и не сдѣлало никакихъ успѣховъ.

Но какая причина могла причинить такую долговременную неподвижность живыхъ Грековъ, въ особенностяхъ, когда они имѣли уже Гомера, изъ сочиненій котораго всѣ художники лучшаго времени почерпали темы для своихъ произведеній; когда уже процвѣтали палестры, а слѣдовательно было мѣсто, гдѣ художникъ могъ изучить прекрасно развитыя формы юношей и мужчинъ? Оттѣридь Мюллеръ полагалъ сперва, что этотъ застой происходилъ отъ вліянія Гомера, который имѣлъ слишкомъ много отвлеченности, но мало рельефности въ своихъ описаніяхъ; но въ другихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ онъ самъ соглашается съ мнѣніемъ, что пластика, лирика и драма произошли отъ вѣса. Нельзя тоже согласиться съ нимъ, что это происходило отъ неизящнаго пониманія народной красоты; неподвижность лица въ скульптурныхъ работахъ сохранилась еще тогда, когда были сдѣланы значительные успѣхи въ изваяніи тѣла. Нельзя тоже въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова допустить существованіе школъ, поддерживавшихъ этотъ архаистическій стиль, хотя Павзаній, не приводя впрочемъ причинъ такого дѣленія, различаетъ, въ древнихъ произведеніяхъ три стили: египетскій, аттический и эгинскій. Извѣстны намъ еще два противоположныя сужденія объ этихъ древнихъ произведеніяхъ. Павзаній говоритъ, что въ этихъ древнихъ памятникахъ заключается что-то божественное и достойное уваженія; но до него Платонъ уже приводитъ мнѣніе, раздѣляемое съ нимъ вѣроятно многими современниками, что если бы Дедалъ явился снова, и сталъ бы производить такія же творенія, какія извѣстны подъ его именемъ, то былъ бы осмѣянъ. По этому можемъ мы заключить, что если Павзаній выражаетъ противоположную мысль, то она вѣрно вызвана древностію ихъ, и пріобрѣтеннымъ, въ

слѣдствіе этого самаго обстоятельства, уваженіемъ, но не художественною отдѣлкою ихъ.

Главная ошибка изслѣдователей Еллинскихъ древностей состоитъ въ томъ, что они всѣми силами и способами стараются доказать совершенную самостоятельность греческаго развитія и независимость его отъ всякаго чужаго вліянія. Но такая мысль исторически не вѣрна: ни одинъ народъ, предоставленный собственнымъ силамъ, не дошелъ до полной, оконченной сознательности. Слѣдствіемъ этого односторонняго воззрѣнія на греческое развитіе были многія ошибки. Такъ забыли о мифологической, но тѣмъ не менѣе основанной на историческихъ быліяхъ, связи съ Египтянами, Финикійцами, о чемъ уже упоминаетъ Гомеръ; извѣстно, что въ Греціи повторялись, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, преданія Малой Азіи, Ассирій; но въ особенности сохранилось много предзвій о колонизаціи Греціи изъ Египта; переселенцы приносили съ собою не однѣ религіозныя понятія, но и кумиры свои; и то и другое должно было легко привиться къ народу, не имѣвшему еще твердыхъ, вкоренившихся понятій о вѣрѣ своей, но переходящему еще черезъ различные фазы религіознаго сознанія. Кромѣ того архаистическая форма божествъ должна была преимущественно поддерживаться жрецами противъ всякихъ нововведеній; антропоморфизмъ сближалъ, низводилъ божество къ человѣку, и этимъ ослаблялъ его значеніе, унижалъ постепенно древнюю вѣру и уничтожалъ язычество самымъ язычествомъ. Кромѣ того въ самой Греціи безпрестанно рождались новыя мѣны, новыя вѣровапія, не считая тѣхъ, которыя переходили изъ сосѣднихъ странъ; одно преданіе противорѣчило другому, одно вѣрованіе было господствующимъ здѣсь, въ другомъ мѣстѣ не признавалось; по этому жрецы ясно сознавали необходимость внѣшнихъ связей для этой подвижной вѣры, и въ этомъ вѣроятно находится первая и главная причина стойкости и однообразности, которая долго сохранялась въ извѣстіяхъ греческихъ божествъ.

Сильное вліяніе Египта на греческое ваяніе можно доказать изъ многихъ примѣровъ, приводимыхъ древними; мы сказали, что главною чертою этого вліянія является неподвижность и мертвенность статуй; извѣстно, что и Египетское искусство не остановилось въ одномъ и томъ же положеніи, но что въ его произведеніяхъ ясно обозначаются три различныя ступени искусства, какъ замѣчалъ Винкельманъ. По этому, если мы сказали, что еллинское искусство было остановлено Дедамидами, то это относится только къ одной сторонѣ ваянія, и конечно главной: именно они не дали развиваться стремленію къ легкости

и изящности. Въ то же самое время Дедалиды не удовольствовались однимъ принятіемъ искусства отъ Египтянъ; они дали статуямъ больше свободы въ осанкѣ, и естественности въ движеніи. Преимущество же ихъ вниманіе было обращено на побѣжденіе техническихъ трудностей; не ограничиваясь деревомъ, они принялись за обработываніе каменевъ и металловъ, научились употреблять разнородные металлы въ одномъ и томъ же произведеніи; какъ современники цѣнили эти нововведенія, можно заключить изъ того, что намъ извѣстно слишкомъ мало именъ художниковъ, выдѣлявавшихъ статуи боговъ, въ сравненіи съ именами тѣхъ, которые первые начали пользоваться нововведеніями, или были виновниками ихъ. Что художественная связь съ Египтомъ продолжалась довольно долго, можно заключить изъ разсказа о пугешествіи Теодора и Телекла съ острова Самоса въ эту страну; откуда возвратясь они привѣзли Египетское искусство къ статуѣ Аполлона Пиеійскаго; въ 54 олимпіадѣ жители города Пигалія воздвигнули статую Аррахіону, бывшему побѣдителемъ въ Олимпійскихъ играхъ; статуя эта была описана Павзаніемъ, который говоритъ о ней, что она исполнена въ старомъ стилѣ, съ едва раздвинутыми ногами, и руками, опущенными по бедрамъ; между тѣмъ этотъ памятникъ былъ воздвигнутъ только за сто лѣтъ до Фидія. Главный ударъ былъ нанесенъ гіератическому стилю Олимпійскими играми, когда ваяніе должно было передать въ камнѣ и металлѣ черты тѣхъ, которые три раза остались побѣдителями въ играхъ: точное подражаніе природѣ сдѣлалось главнымъ условіемъ, потому что гелленодики строго наблюдали за сходствомъ статуй. Храмовое искусство впрочемъ не скоро еще приблизилось къ новому стилю; это доказывается между прочимъ извѣстными эгинскими статуями; съ одной стороны онѣ достойны удивленія по тому совершенству, съ которымъ побѣждены техническія трудности, и по точности, съ которою исполнены всѣ мускулы и постороннія подробности; но съ другой стороны поражаетъ мертвенность лицъ, на которыхъ не обозначены ни характеръ, ни полъ представляемой особы; мы не смѣемъ объяснять этого неумѣиемъ или небрежностію художника, вида, съ какимъ искусствомъ онъ преодолевалъ гораздо большія трудности; мы скорѣе должны допустить, что онъ былъ связанъ условными законами гіератики, которымъ онъ долженъ былъ слѣдовать даже тогда, когда нововведенія были допущены въ другихъ частяхъ изваянія. Главный характеръ этого времени есть строгое подражаніе природѣ, за нимъ слѣдуетъ тотъ періодъ, когда художники стремились въразъи мысль изящнаго

и граціознаго, и который прославился именами Праксителя, Скопаса, Поликлета.

Мы должны благодарить г. Благовѣщенскаго за собраніе главныхъ показаній для рѣшенія вопроса о древнемъ греческомъ ваяніи, и мы должны желать, чтобы, при бѣдности нашей литературы въ этомъ родѣ сочиненій, являлось побольше статей, знакомящихъ и дилетанта и молодого человѣка, готовящагося къ подробному изученію классическаго времени, съ отдѣльными частями древней жизни.

Дополненіемъ и продолженіемъ этой статьи служить статья самого издателя: «о различіи стилей въ греческомъ ваяніи.»

Подъ именемъ стиля въ ваяніи должно понимать ту свободную печать отдѣльнаго лица, которая сообщается произведенію характеромъ, настроенностью души, и наконецъ внѣшнею отдѣлкою. По этому стиль въ художествѣ существуетъ только тамъ, гдѣ художникъ довольно самостоятеленъ, чтобы не отречься отъ своей индивидуальности въ твореніи, и гдѣ онъ имѣетъ довольно независимости, чтобы не слѣдовать предписаннымъ, условнымъ правиламъ. Тамъ, гдѣ не существуетъ этихъ условий, гдѣ художество стѣснено въ формы принятаго, гдѣ предписаны законы, какъ творить, тамъ не могутъ существовать художники, бывають только ремесленники. По этому и въ древнемъ греческомъ ваяніи нельзя собственно признавать присутствіе стиля, но какъ бы въ вознагражденіе за это, и послѣдующее время не можетъ похвалиться однимъ стилемъ, въ строгомъ смыслѣ слова, а предъявляетъ неумовное разнообразіе его, однимъ словомъ, начатки множества стилей. Впрочемъ въ Греціи развились свободно всѣ виды поэзіи, лирика, драма; началось уже стремленіе къ высшей наукѣ знанія, а ваяніе не подвигалось впередъ, остановленное вѣроятно вліяніемъ жрецовъ. Интересны вопросы, собственная ли выгода заставляла ихъ дѣйствовать такимъ образомъ, или имѣли они въ виду больше общую, понятую всеми причину.

Вникая въ характеръ ваянія въ древнѣйшее время, мы видимъ преобладаніе массы надъ духомъ, однообразіе и безхарактерность въ изображеніяхъ разныхъ обществъ; ихъ спокойствіе есть только отсутствіе дѣйствія, ихъ движенія преувеличены, угловаты. Но эти наружные недостатки передають ясную картину того времени, въ которое полагались этимъ обществамъ. Извѣстно, что язычество въ Греціи перешло черезъ нѣсколько разныхъ фазовъ, пока наконецъ не достигло художественнаго развитія, предшествовавшаго совершенному упадку его. Униженіе божества къ одному художественному идеалу, должно было

съ другой стороны уничтожить уваженіе къ божеству; и искусство одержало верхъ надъ нѣ религіею. Язычникъ не понималъ еще, что самая вѣтра усовершенствуется только постепеннымъ развитіемъ самопознанія въ продолженіи цѣлой жизни; язычество, остановившись по видимому на одной точкѣ, должно было защитить своихъ приверженцевъ, и оградило ихъ съ этою цѣлью мертвыми формулами и давно устарѣвшими обрядами; отъ этого даже масса народа, забывши первоначальное значеніе божества, замѣнила религію художественностію, и рѣшила отнѣмъ отреченіемъ погибель древняго міра. Древніе сами сознавали опасность этого явленія; не одни жрецы заступались за религію; но этотъ классъ терпѣлъ отъ того свое значеніе, и по тому онъ горячо стоялъ за неприкосновенность припавшихъ вѣтшностей. Какое упорство, какая сильная борьба происходила въ это переходное время, можно видѣть изъ многихъ мифовъ, передающихъ намъ исторію тогдашняго сознанія; замѣчательнѣйшій изъ нихъ, содержащійся въ прекрасномъ Гомерическомъ гимнѣ о Перифонѣ, переданъ и объясненъ г. Леонтьевымъ. И наше время обратилось къ художеству, но нѣтъ болѣе въ немъ условій, могущихъ вызвать на борьбу. «Мы его не боимся,» говоритъ г. Леонтьевъ, «потому что наши идеалы не ему обязаны своимъ происхожденіемъ и не перестаютъ быть дѣйствительностію, оттого что имъ изображаются; они не становятся чрезъ то вымысломъ, и не улетучиваются въ фантастическую образъ. Мы твердо знаемъ, что наши идеалы дѣйствительны, мы въ состояніи считать ихъ заодно созданія нашей фантазіи, могущія быть нашею же фантазіею видоизмѣняемыми въ своей сущности.»

Два отличительные признака бросаются преимущественно въ глаза въ древнихъ памятникахъ архаики; во-первыхъ, преобладаніе массы надъ формою. Это явленіе намъ понятно: оно происходитъ отъ недостатка идеала; греческій художникъ находилъ еще единство въ разныхъ видахъ и именахъ божества; и не имѣя еще понятія о собственной индивидуальности, онъ не находилъ нужнымъ давать различную наружность разнымъ божествамъ. Другое отличительное свойство есть недостатокъ человѣчности въ изваяніяхъ, и въ то же время, точное изображеніе чловѣка въ его наружности, въ его животномъ сложеніи. Эта переходная степень въ греческомъ ваяніи вѣроятно получила свое начало въ Египтѣ, но Египтяне остановились на ней, и даже употребили во зло, соединяя чловѣческой образъ съ животнымъ; для Грековъ она повела только къ точнѣйшему изображенію физической наружности. Новѣйшія изслѣдованія доказываютъ, что не одинъ Египетъ

скія изваянія нашли подражателей въ Греціи: теперь оказывается безсомнѣннымъ, что и далекая Ассирія и Персія оказали свое вліяніе на эту страну; но всѣ эти разнородныя и чужеземныя примѣсы переработывались въ сознаніи Грека до тѣхъ поръ, пока въ нихъ не оставалось ничего чужаго, противнаго Еллинской народности. Даже въ самой Греціи племенные условія должны были оказать свое вліяніе на характеръ ваянія. Іоніецъ имѣлъ другой характеръ, нежели Доріецъ, и эти противоположности вѣроятно условили и различіе стили. Кромѣ Египетской школы, Павзаній упоминаетъ еще о двухъ, о древне-Эгипетской и древне-Аттической. Недавнія открытія въ Ликии и на островѣ Эгину подтверждаютъ это показаніе писателя. Аттика была населена Іонійцами, племенемъ изнѣженнымъ; характеръ его ваянія долженъ былъ имѣть этотъ же характеръ; Дорійцы жили въ Эгину послѣ переселенія своего племени; ихъ ваяніе носило на себѣ отпечатокъ суровости, мужественности, напряженной силы. Мало по малу жители Аттики отстали отъ іонической изнѣженности, и склонились нѣсколько къ доризму; этотъ переходъ отразился и въ стремленіи новой школы, соединившей и умѣрившей свою женственность и дорическую мужественность, и вотъ наступило время Фидіа. Тогда началось дробленіе стили не только по личности художника, но и по матеріалу произведенія; тогда произведенія ваянія стали служить отраженіемъ духа извѣстнаго времени и племени. До этого времени греческое искусство развивалось совершенно правильно вмѣстѣ съ народною жизнію; но ставши въ уровень они разошлись; когда внутренняя жизнь нашла новый исходъ, искусство не могло слѣдовать за нимъ въ своемъ правильномъ развитіи, и это послужило первымъ поводомъ къ его паденію. Еще долго, до самаго Адріана, держалось искусство, не имѣя послѣдовательности стили, но отличаясь смѣшеніемъ ихъ и множествомъ дробленія. По этимъ даннымъ изслѣдователи различаютъ три главные вида ваянія: *строгое*, въ которомъ художникъ представляетъ величіе, существующее для себя, но не для наблюдателя, и которое еще лишено граціи; *изящное*, соединяющее величіе съ живостью, и *пріятное*, въ которомъ самостоятельность художника исчезаетъ и теряется въ постороннихъ принадлежностяхъ и изящной отдѣлкѣ. Эти отбѣвки повторились и въ новомъ искусствѣ, съ тою разницею, что здѣсь не существовало строгаго стили, и что такъ же какъ въ язычествѣ, наступило наконецъ время изученія, время школъ, въ которое начали стили повторяться, но не создаваться. Въ исторіи стилией это время потеряно, оно всегда предшествуетъ упадку искусства.

Статьи г. Леонтьева вообще отличаются богатством данных и строгою научною формою; единственный недостатокъ состоитъ въ томъ, что его слогу еще не довольно ровень, мѣстами даже тяжелъ; тѣмъ не менѣе статьи его читаются съ большимъ удовольствіемъ, которымъ мы вѣроятно обязаны строгой систематикѣ, невидимою нитью приводящей самые разнородные факты къ одному знаменателю. Въ особенности интересны паралели, которыми г. Леонтьевъ старается показать отличие новой жизни отъ древней, хорошо понимаемой только не многими, совершенно неизвѣстной большинству публики, забывшей старое слово: пойми древнее, поймешь новое.

Третья статья также посвящена ваянію: «Эгипскіе мраморы Мюнхенской глипготеки.» До насъ дошли три группы, украшавшія фронтоны древнихъ храмовъ, — это такъ называемые Эгипскіе и Паренонскіе мраморы и группы Ніобы. Эти три остатка древняго искусства тѣмъ важнѣе для насъ, что они представляютъ намъ ваяніе трехъ слѣдующихъ одна за другою эпохъ древняго міра: искусство до Фидіа, при Фидіѣ и при Скопасѣ. Эгипскіе мраморы, древнѣйшіе изъ нихъ, были открыты въ 1811 году обществомъ, изслѣдовавшимъ древности Греціи; статуи этой группы были изломаны и повреждены долгимъ лежаніемъ въ землѣ, но когда они привезены въ Римъ, красота ихъ такъ поразила Торвальдсена, что онъ въ первый и послѣдній разъ занялся реставраціею ихъ; у нѣсколькихъ статуй недоставало членовъ, ваятель поддѣлался съ такимъ искусствомъ подъ оригиналъ, что нельзя различить древняго отъ новаго. Счастливый случай доставилъ ихъ бывшему королю Баварскому, и съ тѣхъ поръ они служатъ главнымъ украшеніемъ Мюнхенской глипготеки. Послѣ этого они были часто описываемы Вагнеромъ, Шеллингомъ, который преимущественно указалъ на ихъ значеніе въ исторіи искусства, и многими другими. Различная вышина статуй дала возможность Вагнеру, опредѣлить съ точностію то мѣсто, которое они занимали въ группѣ. Храмъ, которому они служили украшеніемъ, имѣлъ два фронтона, восточный и западный; отъ перваго осталось только пять статуй, не дающихъ полнаго понятія о группѣ; отъ второй сохранилось десять, а недостающую одиннадцатую легко можно дополнить мысленно. Середину занимаетъ Афина, защищая очевидно одну воюющую партію отъ другой. Мы не ставимъ слѣдовать за описаніемъ каждой фигуры, а указываемъ на статью, которая описываетъ ихъ чрезвычайно подробно. Что касается до времени, къ которому должно отнести эти изваянія, то мы находимъ указаніе въ самой группѣ, въ фигурѣ Азіатскаго воина въ Персидской одеждѣ, стрѣляю-

изъ лука. Можно предположить по этому, что изваяніа сдѣланы не много послѣ Персидскихъ войнъ, или какъ Шорнъ предполагаетъ, не задолго до Фидіа. Содержаніе группы заимствовано у Гомера; она представляетъ происходящую за трупъ Патрокла борьбу, гдѣ участвовалъ Эантъ, сынъ Теламона, котораго родъ происходилъ изъ Эгипта; известно, какъ дорожили греческія племена своими героями, прославленными у Гомера, такъ что хотя Эантъ и былъ Саламинецъ, но тѣмъ не менѣе они приписывали его себѣ. Художникъ могъ бы вѣроятно найти въ Эгиптской исторіи болѣе близкіе предметы; но съ одной стороны Греки считали употребленіе современныхъ лицъ и событій за преступленіе, вызывающее месть боговъ; и по этому можетъ быть Эгиптяне не выбрали предмета изъ недавно-совершившейся борьбы Европейскаго образованія съ Азією, въ которой они принимали дѣятельное участіе, имѣи сильный флотъ; но у нихъ былъ вѣсь, собранный только недавно, и напоминающій такую же побѣду Европы надъ Азією. По этому понятенъ выборъ предмета, соединявшаго память о двухъ торжествахъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ преданію давало дѣятельное участіе богинѣ, которой посвящали храмъ. Въ техническомъ отношеніи эти статуи очень замѣчательны; онѣ изваяны изъ бѣлаго Паросскаго мрамора, но пострадали нѣсколько отъ долгаго лежанія въ землѣ, и равно отдѣлавы и съ передней и задней стороны; въ особенноти удивительно то искусство, которое художникъ употребилъ на ихъ постановку, не смотря на сильное движеніе большей части изъ нихъ, на тяжелые щиты, которые они держатъ въ рукахъ, они стоятъ свободно безъ всякой поддержки; кромѣ того найдены были на нихъ слѣды красокъ, которыя должны были усиливать впечатлѣніе, производимое ими передъ бѣлою же стѣпою; такъ на шлемахъ были видны слѣды голубой краски, между тѣмъ какъ гребень былъ краснаго цвѣта; на щитахъ была на наружной сторонѣ голубая кайма, внутренняя была окрашена темнокраснымъ цвѣтомъ: можно предположить, что одежда и вооруженія были желтыя; кромѣ того замѣтили при раскапываніи слѣды красной каймы на одеждѣ Аяяны; такъ что оставались бѣлыми только незакрытыя части тѣла. Такое употребленіе трехъ сильныхъ цвѣтовъ будетъ противно нашимъ чувствамъ; но въ этомъ можно извинить Грека. Яркость цвѣтовъ условивалась сильнымъ свѣтомъ южнаго неба и тѣмъ обстоятельствомъ, что, находясь передъ бѣлою же стѣпою, и къ тому въ значительной вышинѣ, надо было дать этимъ способомъ болѣе рельефности бѣлизнѣ фигуръ. Кромѣ этихъ красокъ были употреблены еще другія украшенія; такимъ образомъ на главныхъ статуяхъ тщательно выдѣланные волосы

были еще покрыты париками изъ витой мѣди; даже губы, а можетъ быть и глаза, были окрашены. Наше время не прибѣгаетъ къ этимъ средствамъ, не закрываетъ искусственнымъ украшеніемъ полу-прозрачнаго мрамора; въ этомъ отношеніи Греки умѣли лучше насъ пользоваться вѣяніемъ. — Но если мы стараемся изучать холодный камень для того, чтобы оживить снова исчезнувшую мысль художника, чтобы отыскать въ немъ отраженіе цѣлаго поколѣнія, и возсоздать по примѣру древнихъ свое новое вѣяніе, то мы должны сознаться, что наше искусство въ этой своей отрасли не можетъ никогда достигнуть древнихъ.

Мы не станемъ входить во всѣ подробности этой статьи, о которой слышали совершенно противорѣчащія мнѣнія; одни находятъ ее слишкомъ ученою, а другіе слишкомъ поверхностною. Та и другая сторона не подумала о трудностяхъ, которыя нужно преодолѣть, чтобы представить обзоръ общепонятный, не предполагающій ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало предварительныхъ знаній. Г. Леонтьевъ обобщаетъ описаніе двухъ остальныхъ группъ.

О роли параситовъ въ древней комедіи г. Шестакова.

Имя парасита первоначально не было безславно. Нѣкогда такъ назывались люди, находившіеся при храмахъ и раздѣлявшіе съ жрецами трапезу. Съ теченіемъ времени значеніе парасита измѣнилось: такъ стали называть уже лъстцовъ (*χόλακας*). «Подражая Геркулесу (говоритъ Діодоръ Синопскій), «для котораго выбирались параситами «12 гражданъ, нѣкоторые изъ достаточныхъ, взявши на себя пропитаніе параситовъ, приглашали къ себѣ людей, не веселыхъ и остроумныхъ, но умѣющихъ лстать и все хвалить, такъ что если случится, что кто-нибудь, наѣвшись рѣдки или гнилаго сомъ, рыгнетъ, они ужъ и говорятъ, что онъ завтракалъ розами и фіалками. «Черезъ этихъ-то людей, нагло пользующихся правомъ лстать, «и стала вещь почтенная и прекрасная» (Пропилен стр. 180). Такимъ образомъ уже Араръ, сынъ Аристофана, употребилъ слово параситъ въ значеніи лъстеца; съ подобнымъ же значеніемъ употребляется у Платона слово *παράσιτος*. Имя парасита потеряло прежній смыслъ и было перенесено на людей, которые лстятъ и угодливость дѣлали промысломъ. Лѣнливый и безправственный бѣднякъ, богачъ, потерявшій свое состояніе и принужденный добывать средства жизни работою рукъ своихъ, дѣлался параситомъ. Страсть къ сытному столу, бѣдность, лѣзость или, лучше сказать, униженіе до рѣшительнаго забвенія человеческого достоинства—все это соединялось въ парасита. Аристофанъ заставляетъ (у Аеенея) говорить пара-

сита, что, как лягушка рождена — пить воду, и червь — точить овощи, так и паразитъ рожденъ, чтобъ ничего не вѣсть и вѣчно терпѣть голодъ; точно также Плавтовъ Геласимъ называетъ голодъ своей матерью. Паразитъ отдавалъ себя въ полное распоряженіе кормильца; для него онъ былъ готовъ на все: не на однѣ хитрости, подличая, онъ пускался даже на преступленія. Его такъ сказать официальною обязанностью было — нагло лѣстить кормильцу, превозносить каждый его поступокъ, увеселять его шутками, пѣніемъ непристойныхъ пѣсень. Параситы выносили всякаго рода униженія, позволяя себѣ бить объ голову горшки, добровольно подвергался ударамъ, отсюда и названіе такихъ параситовъ: *plugipatidae*. И за все это паразитъ получалъ только приглашеніе къ столу, и не ~~возлежалъ~~ съ прочими, а сидѣлъ на дрянной скамейкѣ. И можно ли перечислить всѣ тѣ оскорбленія, которымъ подвергался паразитъ? «Если ты (говоритъ Ювеналь, обращаясь къ параситу) до сихъ поръ еще не красишь за свое ремесло, «если въ тебѣ живетъ то же убѣжденіе, что величайшее благо есть «жить на чужой счетъ (*aliena quadra* — собственно, чужимъ столомъ), «если ты можешь переносить то, чего не перенесъ бы ни Сарментъ «при несправедливыхъ (*) столахъ Цезаря, ни дешевый Галба: то я «остерегусь повѣрить тебѣ, хотя бы ты клялся». Лучше просить милостыню, заключаетъ Ювеналь, чѣмъ промышлять ремесломъ парасита. Вотъ негодованіе сатирика на тѣхъ, которые безчестно обходятся съ параситами, и на параситовъ, которые допускаютъ такое обхожденіе. А между тѣмъ число параситовъ увеличивалось; они начинали гордиться своимъ промысломъ, они возводили свое происхожденіе къ древнѣйшимъ временамъ, называя Патрокла параситомъ Ахилла. Такимъ типомъ не могла не воспользоваться комедія. Эвхармъ первый вывелъ парасита въ комедіи «Надежда или богатство»; примѣру его не замедлили послѣдовать и другіе. Г. Шестаковъ взялъ на себя разсмотрѣть роль параситовъ въ древней комедіи.

Авторъ не соглашается съ мнѣніемъ Мейера, что «Плавтъ принялъ «лице парасита изъ греческаго и латинскаго преданія, и въ тоже время «взялъ его живьемъ изъ Римскаго общества» (стр. 185). Но г. Шестаковъ не опровергъ никакими фактами мысль Мейера, и, какъ намъ

(*) «Ширм, на которыхъ съ застольниками несправедливо, дурно обращаются, или не ко всѣмъ обращаются съ одинакимъ почтеніемъ, или гдѣ застольники не одинаковаго достоинства, или, (что всего вѣроятнѣе), гдѣ хозяину надо вѣсть одни кушанья, а гостямъ другіе» (замѣчаніе Руперти).

кажется, потому что не замѣтилъ, на чемъ она основана. Здѣсь мы позволимъ себѣ войти въ нѣкоторыя подробности. Книга Мейера (*Etudes sur le théâtre latin*, Paris 1847) раздѣлена на четыре части: въ первой авторъ говоритъ объ Ателланахъ, во второй о роли параситовъ въ римской комедіи, въ третьей о роли женщинъ, въ четвертой о роли рабовъ. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ между прочимъ говоритъ, что Ателланы были по преимуществу *pièces de caractère*, что эти характеры, эти дѣйствующія лица ихъ, были взяты изъ народной жизни (стр. 22). Почти вслѣдъ за тѣмъ Мейеръ разсматриваетъ лица дѣйствующія въ Ателланахъ, или маскн характеровъ, и между ними называетъ и *Виссо* (стр. 27). Ясно, что типъ *Виссо*, дѣйствующаго лица Ателланъ, взятъ былъ изъ народной жизни, что параситъ, котораго Мейеръ видитъ и въ *Виссо*, (справедливо или нѣтъ, это другой вопросъ), также долженъ быть, по мнѣнію Мейера, взятъ живьемъ изъ Римскаго общества. Мнѣніе Мейера о сходствѣ парасита съ *Виссо* г. Шестаковъ отвергнулъ, слѣд. вмѣстѣ съ тѣмъ отвергнулъ и второе предположеніе его, непосредственно вытекающее изъ перваго; между тѣмъ въ статьѣ г. Шестакова мы читаемъ: «*Едва ли можно согласиться съ Мейеромъ и въ томъ, что Плавтъ... взялъ лицо парасита живьемъ изъ римскаго общества*». Разумѣется нельзя, если вы признаете, что параситъ не имѣетъ отношенія къ *Виссо*. Далѣе г. Шестаковъ говоритъ: «Мейеръ хочетъ найти парасита уже въ «древнѣйшихъ латинскихъ фарсахъ, въ Ателланахъ, отправляясь отъ того положенія, что страсть къ обжорству была общая Римлянамъ съ Греками. Онъ видитъ парасита и въ *Виссо*, который представляется человекомъ болтливымъ съ большимъ ртомъ, съ толстыми губами, и въ *Dosennus*, шарлатанъ, колдунъ, предсказатель. — Къ сожалѣнію мы имѣемъ такъ (?) мало данныхъ для опредѣленія болѣе точнаго этихъ лицъ древняго латинскаго фарса; но во всякомъ случаѣ трудно, кажется, провести параллель между рѣзко-обозначеннымъ характеромъ парасита средней и новой комедіи греческой и неясными образами двухъ названныхъ выше лицъ Ателланъ» (*ibid*). Но Мейеръ основываетъ свое мнѣніе о тождествѣ *Виссо* и парасита не на томъ только, что страсть къ обжорству была общая Римлянамъ съ Греками, а на древней глоссемъ *βουχλονες, παρὰβίτοι* (стр. 73 и 27). Въ *Dosennus* еще легче можно увидать парасита, если смотрѣть на него съ нашей точки зрѣнія. «Есть, говоритъ Мейеръ, въ Латинскомъ «фарсѣ и другое лицо, котораго привычки представляютъ также нѣкоторую аналогію съ привычками первоначальнаго парасита,

«потому что и оно жило, подобно последнему, на чужой счетъ (de «pourriture donnée»)». Это *Dosennus*, гадатель, шарлатанъ. И эта аналогія въ самомъ дѣлѣ существуетъ. *Dosennus* звѣздочетъ, гадатель; его мнимыми предсказаніями пользуется народъ, онъ получаетъ деньги, содержится иногда на общественный счетъ: не тоже ли былъ первоначальный паразитъ. Здѣсь, заключаетъ Мейеръ, народъ былъ патрономъ, а *Dosennus* паразитомъ. Этого заключенія не опровергнулъ г. Шестаковъ, потому что не отвергъ ни одного изъ доводовъ Мейера.

Авторъ дѣлитъ паразитовъ латинской комедіи на три класса; къ первому относятся паразиты—лестцы, ко второму шуты, къ третьему *fac-lotum*, люди готовые на всякую услугу. Чтобы дать понятіе о каждомъ изъ этихъ разрядовъ, г. Шестаковъ переводитъ тѣ мѣста комедій Плавта и Теренція, въ которыхъ выведены представители этихъ трехъ классовъ. Переводы этихъ мѣстъ вѣрны; языкъ бойкій и живой, прочесть не вездѣ, напр. при передачѣ 4-го явленія 3-го дѣйствія *Эвмуха* авторъ переводитъ *rex* словомъ *начальникъ* (*Трасонъ*: Вотъ хоть и начальникъ напримѣръ всегда меня чрезвычайно благодаритъ за все, что я ни дѣлалъ, — а другихъ не такъ). По мнѣнію комментаторовъ здѣсь подъ *rex* разумѣется царь Персидскій; Трасонъ придаетъ себѣ этими словами еще болѣе важности. У г. Шестакова переводъ вышелъ блѣденъ. Въ переводѣ той же сценѣ одно мѣсто у автора нѣсколько темновато. Вотъ оно:

Паразитъ-Гнаеонъ говоритъ Трасону (своему патрону): Стало начальникъ тебя въ глазахъ.... (и не доканчиваетъ) *Тр*: Именю. *Гнае*. Неситъ. Здѣсь въ переводѣ трудно понять въ чемъ дѣло. Гнаеонъ хочетъ угодить Трасону, онъ знаетъ, что его страсть—хвастаться своими подвигами, и потому хочетъ натолкнуть его на разговоръ подобнаго рода. Стало бытъ, спрашиваетъ онъ, царь тебя просто на рукахъ....—То есть? ты хочешь сказать (*scilicet*) *неситъ*, возражаетъ Трасонъ, но Гнаеонъ не даетъ ему договорить послѣдняго слова, и самъ продолжаетъ вопросъ. Слѣд. послѣ *неситъ* долженъ стоять вопросительный знакъ. Впрочемъ такихъ нелсныхъ мѣстъ въ переводѣ г. Шестакова очень мало; онъ вообще гладокъ и близокъ къ подлиннику, такъ что эту часть статьи, гдѣ авторъ выводитъ представителей трехъ классовъ паразитовъ, мы считаемъ лучшею.

Мы обратимся наконецъ съ двумя послѣдними замѣчаніями къ ученому автору. Онъ говоритъ: «Плавтъ зналъ натуру простаго чловека. Этого мало: онъ ей сочувствовалъ, и потому-то тѣ лица, «которыхъ назначеніе было смѣшить и веселить народъ, отличались

«у него отъ друтихъ наружность и нарядомъ, принаровленными къ
 «этой цѣли. Маска парасита была черная съ нахмуренными бровями,
 «съ носомъ нѣсколько загнутымъ» (стр. 213—214). Изъ ссылки
 автора видно, что это мѣсто взято у Мейера, который, приводя это
 извѣстiе, ссылается на Поллукса. Мы не имѣемъ подъ руками Онома-
 стикона, и потому не могли повѣрить на дѣлѣ извѣстiя, приводимаго
 Мейеромъ. Но, судя по выпискѣ изъ Поллукса и объясненiю Гризара
 (*De Doriensium comoedia quaestiones scripsit... C. I. Gysar Vol. I.*
 p. 261) мы думаемъ, что Мейеръ превратно передалъ смыслъ мѣста
 этого. По Гризару параситы являлись на сценѣ въ *черной одеждѣ*,
 а не маскѣ только. Что маска парасита была съ загнутымъ носомъ, это
 ни къ чему не ведетъ. Напротивъ параситъ самъ являлся согнувшись,
 сгорбившись, чтобъ этимъ выказать жалкое свое положенiе. Повторяемъ:
 мы не дѣлаемъ рѣшительнаго и прямаго возраженiя г. Шестакову,
 и просимъ считать это замѣчанiе не болѣе, какъ недоумѣнiемъ.

Разсмотрѣвши типъ парасита въ древней комедiи, авторъ пока-
 зываетъ, какое измѣненiе произвело въ немъ новое общество, и
 говоритъ, что комедiя IV-го вѣка, въ которой выведенъ параситъ,
 «оканчивается чѣмъ-то въ родѣ эдикта въ пользу параситовъ, по
 «которому опредѣляются имъ вознагражденiя и за разорванную одежду
 «и за синякъ, и за шишку, и за сломанную кость.... Замѣчательнъ
 «этотъ эдиктъ, какъ первый голосъ противъ грубаго варварства,
 «противъ униженiя въ лицѣ парасита человѣческаго достоинства». И
 ниже: «Этого высокаго негодованiя за челоуѣчество не могло еще быть
 «въ томъ обществѣ, въ которомъ жилъ Теренцiй». Мы привели выше
 слова Ювенала, гдѣ негодованiе за оскорбленiе челоуѣческаго достоин-
 ства высказывается такъ ясно. Мы можемъ указать еще на Сенеку,
 для котораго челоуѣкъ былъ священною вещью (*homo res sacra*): «Взойди
 «до нашего перваго происхожденiя: мы всѣ сыны Божiи». И мало ли сколь-
 коразъ раздавался въ древнемъ мiрѣ обличительный голосъ лучшихъ
 людей того времени, которые жаловались на униженiе челоуѣческаго
 достоинства. Протестъ противъ этого найдете и у сатириковъ и у
 философовъ. Этимъ мы заключимъ наши замѣчанiя о статьѣ г. Ше-
 стакова, которую во всякомъ случаѣ считаемъ дѣльною и полезною.

(До слѣд. книги).

S.

Отвѣтъ современнику, по поводу его рецензіи на первый выпускъ «Обозрѣнія Исторіи Древняго міра» (*).

Въ Сентлѣбурской книжкѣ Современника за нынѣшній годъ помѣщена рецензія безъименнаго автора на первый выпускъ издаваемого мною Обозрѣнія Исторіи Древняго міра. Такъ какъ рецензію эту писалъ челоѣкъ, по видимому, знакомый съ новѣйшими иностранными сочиненіями по части Исторіи, и читавшій въ подлинникъ даже Греческихъ писателей, то мы и не можемъ оставить безъ отвѣта сдѣланныхъ имъ замѣчаній, изъ которыхъ одни ничѣмъ не подкрѣплены, другіе состоятъ изъ возраженій, вовсе не идущихъ къ дѣлу, а третьи произошли отъ того, что г. рецензентъ не понималъ меня.

Нелогичность начала рецензіи всякому бросится въ глаза. Критикъ мой не отказываетъ мнѣ ни въ знаніи, ни въ талантѣ; говоритъ, что книга моя прекрасный трудъ для студентовъ; а между тѣмъ, по его словамъ, она представляетъ мало интереса для прочихъ любителей Исторіи; ибо все, чтò въ ней находится, извѣстно изъ другихъ сочиненій несравненно обширнѣе, а кое-что и основательнѣе. Очевидно, что первая часть отзыва о достоинствѣ моего труда нисколько не вяжется съ послѣднею. Если рецензентъ находитъ книгу мою бесполезною для дилеттантовъ и жрецовъ Исторіи, то онъ напрасно называетъ ее хорошимъ руководствомъ для студентовъ, тѣмъ болѣе, что Уставъ Россійскихъ Университетовъ вмѣняетъ Профессорамъ въ обязанность слѣдить за современнымъ состояніемъ ихъ науки, а положенія мои, по словамъ рецензента, не рѣдко находятся въ противорѣчій съ новѣйшими изслѣдованіями и взглядами.

Но оставимъ приступъ, который, какъ изволите видѣть, весьма нелогиченъ, и обратимся къ замѣчаніямъ. Прежде всего рецензентъ бросаетъ стрѣлы критики въ мою вступительную лекцію (о способѣ обработыванія Исторіи), гдѣ, по поводу вопроса объ исторической достоверности, я представляю краткій очеркъ судьбы дѣеписанія, начиная съ Геродота до новѣйшихъ временъ. Очеркъ этотъ, по словамъ его, состоитъ изъ общихъ мѣстъ, ничего не говорящихъ и не доказывающихъ. На это обвиненіе я могу представить въ свое оправданіе (**), во

(*) Москвитинишъ не успѣлъ еще подать своего голоса объ этой примѣчательной книгѣ: читатели познакомятся всего лучше съ нею изъ этой антикритики. *Ред.*

(**) Пусть объясненіе мое послужитъ отвѣтомъ и г. Ешевскому, который впрочемъ встрѣтилъ книгу мою съ сочувствіемъ. См. рецензію его въ Москов. Вѣдомостяхъ N 125.

1-хъ, что я не имѣлъ намѣренія писать Исторію Исторіи, а потому едва-ли справедливо требовать отъ меня обстоятельной характеристики каждого знаменитаго писателя или даже каждой исторической школы; а во 2-хъ, черты, приводимыя мною, вовсе не такъ безцвѣтны и неопредѣленны, какъ утверждаетъ рецензентъ. На прим. мысль, внушившая Гердеру его *Ideen zur Philosophie der Geschichte*, обозначена у меня собственными словами автора. О Вико я сказалъ, что онъ первый открылъ и фактически доказалъ существованіе законовъ въ жизни народовъ, хотя и упустилъ изъ виду связь соединяющую отдѣльныя цивилизаціи, которыхъ совокупность выражаетъ идею человечества. Выставляя заслугу Гегеля, я повторилъ то, что говоритъ о немъ знаменитый ученикъ его и издатель г. Гансъ (*), но въ то же время указываю и на сочиненіе Шубарта, гдѣ читатель можетъ найти подробную и довольно дѣльную критику на трудъ славнаго Берлинскаго философа. Наконецъ мѣсто, приведенное мною изъ Цышковскаго, есть одно изъ самыхъ характеристическихъ, существенно отличающихъ этого писателя отъ прочихъ философъ-историковъ, и вызвало съ моей стороны нѣсколько замѣчаній, которыя, разумѣется, сдѣланы мною по крайнему моему разумѣнію, и о вѣрности которыхъ я предоставляю судить читателямъ.

Послѣ всего сказаннаго, смѣю надѣяться, что не только студенты, но и прочіе любители Исторіи прочтутъ вступительную лекцію мою не безъ нѣкоторой пользы.

«Тоже самое утверждаетъ, продолжаетъ рецензентъ, и относительно остальныхъ частей его книги (то есть, что она хороша только для моихъ слушателей). Въ доказательство такого мнѣнія, говоритъ онъ, довольно сказать, что это краткій конспектъ фактовъ и взглядовъ, разработанныхъ несравненно обширнѣе и основательнѣе въ лучшихъ иностранныхъ сочиненіяхъ, писанныхъ на языкахъ Нѣмецкомъ, Французскомъ и Англійскомъ, не говоря уже о догматической, чисто конспективной манерѣ изложенія, говорящей, такъ сказать, болѣе намеками, нежели обстоятельнымъ изложеніемъ дѣла». Въ слѣдъ за такимъ приговоромъ надлежало бы ожидать доказательствъ, т. е. примѣровъ и фактовъ; но критикъ мой, къ удивленію, ничѣмъ не подкрѣпляетъ своего мнѣнія. А посему, желая вывести читателей изъ заблужденія, я считаю нужнымъ привести на выдержку

(*) Hegels Werke 9-e Band, Vorrede, XVI—XV.

нѣсколько мѣстъ изъ моей книги и изъ сочиненій тѣхъ лучшихъ иностранныхъ писателей, о которыхъ говорятъ рецензенты.

Возьмемъ на пр. Канту, по видимому, высоко цѣнимаго моимъ критикомъ и дѣйствительно писателя не безъ достоинствъ, хотя его *Histoire Universelle* и не можетъ быть названа въ строгомъ смыслѣ ученымъ трудомъ.

Вотъ очеркъ Ассирійской Исторіи по Канту, начиная съ того времени, когда Ассиріяне вступили въ сношеніе съ Евреями, до разрушенія ихъ царства Мидянами:

«Тиглатъ-Пилезеръ въ 726 г. покоряетъ царство Дамасское; Салманазаръ разрушаетъ царство Самарійское и переселяетъ обитателей «его въ самую средину Азіи; около 707 года Сенахерибъ воюетъ съ «Иудеями; его армія истреблена и нѣсколько спустя онъ самъ умерщвляетъ своими сыновьями. Последний царь, о которомъ упоминается, «есть Ассарадонъ или Сарданпалъ.

«Имя этого государя, обратившееся въ поговорку, означаетъ чело-
«вѣка, преданнаго всякаго рода порокамъ; его нечестивая роскошь за-
«ключена въ такой эпиграфъ: прохожій, выслушай совѣтъ Сарданпала,
«основателя градовъ: ѣшь, пей, наслаждайся; все остальное — пустыя.»

«Въ эту эпоху Арбакъ, сатрапъ Мидіи, и Белезисъ, сатрапъ Вавилоніи, возмущились противъ него; осажденный ими въ своей столицѣ «и не желая подвергнуться горькой долѣ побѣжденнаго, онъ бросился «со всеми своими богатствами и женами своего гарема въ пламя.» (Tom. I, p. 199).

Теперь приведу изъ моей книги факты, относящіеся къ этому же періоду Ассирійской Исторіи:

«Последники Фула: Теглафелассаръ (покореніе Дамасскаго царства, вторженіе въ землю Израилѣянъ и отведеніе части ихъ въ плѣнъ); Салманассаръ (взятіе Самаріи и разрушеніе Израильскаго царства, безуспѣшная осада Тира) и Сенахерибъ (неудачный походъ въ Египетъ и противъ Іерусалима; отпаденіе Вавилона, послѣ 11-ти лѣтъ независимости, снова покореннаго Ассиріянами; побѣда въ Киликіи надъ греческими пиратами или колонистами и основаніе Тарса). Последний, послѣ 18-ти-лѣтняго правленія, умерщвленъ былъ (около 690 г.) двумя сыновьями, но Ассаргадонъ, правитель Вавилона, выступилъ противъ зловѣщихъ братьевъ-отцеубійцъ и самъ завладѣлъ престоломъ. При двухъ преемникахъ его Ассирійское царство пришло въ упадокъ и окончательно рушилось около 610 года, послѣ взятія Ниневіи Мидійскимъ царемъ Киаксаромъ и его союзникомъ Набополассаромъ.

Примѣч. Обыкновенно называютъ Сарданапаломъ послѣдняго Ассирійскаго царя, при которомъ послѣдовало взятіе Ниневіи, и который, по словамъ Ктезія, не смотря на свою изпѣченную жизнь, оказалъ мужественное сопротивленіе Вавилонянамъ и Мидянамъ, возбуждавшимся подъ предводительствомъ Белезиса и Арбака, и, доведенный до крайности неприятелями, сжегъ себя на костре со всѣми своими сокровищами. Событіе это Веллей Патеркулъ (1, 6), Юстинъ (1, 3) и Евсевій (Chr. Arm. II, год. 167) относятъ ко временамъ Ликурга, т. е. IX столѣтію до Р. X. Но во 1-хъ, извѣстно, что и послѣ этого времени существовала Ниневія, о которой упоминаютъ Берозъ, Греческіе писатели и въ особенности Еврейскіе; во 2-хъ, по свидѣтельству Геродота (1, 102), Ассиріане и по отпаденіи Мидіи были могущественнымъ народомъ. Чтобы согласить противорѣчія въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ, новѣйшіе ученые избрали слѣдующій путь. Одни изъ нихъ принимаютъ двукратное взятіе Ниневіи и двухъ Сарданапаловъ и даже болѣе (Фреретъ въ Mem. de l'Academie des Inscr. V, p. 376 насчитываетъ трехъ Сарданапаловъ, а Манчестеръ — четырехъ). Но такое повтореніе одного и того же событія, при совершенно сходныхъ обстоятельствахъ, и логически невозможно и противорѣчитъ свидѣтельству Библии, Бероза, Геродота и Ктезія, которые говорятъ только объ одномъ разрушеніи Ниневіи. Другіе ученые, отдѣляя упадокъ Ассирійскаго царства отъ совершеннаго его уничтоженія, относятъ это послѣднее къ царствованію Сарданапала, который, по словамъ ихъ, жилъ не въ IX, но въ началѣ VII столѣтія до Р. X. Въ подтвержденіе своего мнѣнія они ссылаются на слѣдующее мѣсто Бероза, цитуемое Полигисторомъ, сдѣлавъ въ немъ поправку сообразную своимъ цѣлямъ: Sinecherim 18 an., filius ejus 8; postea Sammuges an. 21, et frater ejus a. 21, ac deinde Nabupalsar a. 10, et post eum Nebucodrossorus an. 43; и вскорѣ за тѣмъ: post Sammugem Sardanapallus Chaldaeus regnavit a. 21. Нѣ....misit ut Amuheam Astyagis filiam Nabucodrossoro filio suo uxorem daret. Измѣнивъ это мѣсто такъ: post Sammugem et Sardanapalum Chaldaeus regnavit, получаютъ желаемого Сарданапала, который такимъ образомъ оказывается современникомъ Мидійскаго Кіаксара. Но не говоря уже о натяжкѣ въ исправленіи приведеннаго текста, послѣднимъ Ассирійскимъ царемъ (8-мъ послѣ Сениахерима), сжегшимъ себя во дворцѣ, по случаю возстанія Вавилонянъ и Мидянъ, былъ не Сарданапалъ, но Саракъ; во 2-хъ, Полигисторъ (у Сикелла р. 210) положительно называетъ Сарданапаломъ Набополассара, полководца Сарака; въ 3-хъ, Ниневія продолжала

существовать и послѣ смерти Сардапала, и церковные хронографы (Eus. Chr. Argm. 4, 83, и Synс. Chron. p. 204) преемникомъ его Ниномъ II начинаютъ рядъ Ново-Ассирійскихъ царей; и въ 4-хъ, изъ сравненія текста Бероза съ Птоломеевымъ Канономъ оказывается, что государь, котораго Халдейскій писатель называетъ братомъ Саммуга, назначая ему 24 годъ царствованія, есть одно лицо съ Каниладаиомъ Птолемея N 15 (Конколеросомъ Евсевія и Синкелла). Вотъ какія затрудненія представляются наблюдателю, буде онъ желаетъ испремѣнно видѣть настоящую исторію въ дошедшихъ до насъ преданіяхъ о древнихъ Ассирійскихъ царяхъ и царицахъ. Но эти препятствія устраняются, если мы, слѣдуя примѣру Аристотеля (Polit. V, 40), признаемъ Сардапала мнимическимъ лицомъ, по мнѣнію Отфрида Миллера (Sandan und Sardapal, въ Rhein. Mus. 1829) и Моверса (Phönic. p. 458), тождественнымъ съ Санданомъ, Ассирійскимъ Геркулесомъ (богомъ солнца и огня), котораго имя съ присоединеніемъ эпитета Апаль (великій), въ качествѣ почетнаго титула, носимо было Ассирійскими царями (между прочимъ Сеннахеримомъ, которому принадлежитъ памятникъ Сардапала, открытый Греками при Тарсѣ, во время Александра Македонскаго); отъ того и не удивительно, что въ Исторіи встрѣчается нѣсколько Сардапаловъ. «Можетъ быть, какъ замѣчаетъ Профессоръ Блумъ (см. статью о Семирамидѣ въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1834 годъ, часть 2, стр. 189), въ сказаніи о Сардапалѣ заключается напоминаніе о томъ, какимъ образомъ народы, исповѣдывавшіе религію Ормузда, и стоявшіе, въ нравственномъ отношеніи, на гораздо высшей степени, взирали на роскошную жизнь Ассирійянъ, да и извѣстныя стихи на этого развратнаго человѣка (Diod. 41, 23 и Athen. VIII, 44, p. 238, XII, 39, p. 468) болѣе похожи на насмѣшку иноземцевъ надъ Ассирійскою неводержимостію, нежели на первобытно-Ассирійскую надпись на могильномъ столбѣ царя» (см. стр. 84—85).

Изъ сличенія извѣстій Канту съ моимъ изложеніемъ оказывается, что они представляютъ значительные пропуски. Такъ на пр. Канту ничего не говоритъ о вторженіи Теглафелассара въ землю Израильтянъ. Въ исторіи Салманассара, имъ пропущена война съ Финикією и безуспѣшная осада Тира, описанная Іосифомъ Флавіемъ (*) Обращаясь къ царствованію Сеннахерима онъ, вмѣсто приводимыхъ мною пяти фактовъ, сообщаетъ только одинъ: походъ этого царя въ Іудею, на-

(*) Іуд. Древн. Кн. IX, гл. 14.

конецъ относительно Сарданапала, повторять извѣстный разсказъ Ктезія безъ всякой критики, не говоря уже о неточности въ способѣ выраженія (на пр. *il se jeta dans les flammes*, т. е. бросился въ огонь) вмѣсто того чтобы сказать: снегъ себя на костръ), между тѣмъ какъ въ моей книгѣ представленъ по сему предмету довольно подробный критическій обзоръ мнѣній какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ ученыхъ. Не желая утомлять читателей, предоставляю имъ самимъ продолжать сравненіе касательно исторіи другихъ народовъ Востока, изъ котораго они ясно увидятъ, что мною не пропущено ни одно замѣчательное политическое событіе, не забыта ни одна значительная личность. Послѣ такой повѣрки пусть читатели разсудятъ сами, заслуживаю ли я упрека или благодарности за то, что старался соблюсти экономію въ словахъ, и, избѣгая многорѣчія, помѣстилъ на небольшомъ числѣ страницъ фактовъ гораздо болѣе, нежели сколько находится ихъ въ иныхъ довольно толстыхъ сочиненіяхъ, — безъ всякаго ущерба для ясности изложенія.

Остальныя за тѣмъ замѣчанія относятся къ небольшой статьѣ, предпосланной мною обзорѣ исторіи восточныхъ народовъ подъ заглавіемъ: Характеристика Древней Исторіи. По поводу изложенной мною мысли, что въ Индіи духъ человѣческій находится въ совершенной гармоніи съ вѣншимъ міромъ, г. рецензентъ вооружается противъ меня всѣмъ запасомъ своей учености; но всѣ нападки его, скажемъ откровенно, произошли отъ того, что онъ не понималъ, или не хотѣлъ понять моей мысли. Я вовсе не думалъ называть цивилизованныхъ Индусовъ или лучше последователей Браманизма невинными дѣтьми природы и ставить ихъ на одну линію съ жителями Ново-Голандіи и дикарями Америки; но вотъ въ чемъ заключается сущность сказаннаго мною объ отличительныхъ свойствахъ Индійскаго духа. Извѣстно, что въ жизни всѣхъ древнихъ народовъ на первомъ планѣ стоитъ природа, въ противоположность новымъ Европейскимъ обществамъ, которыя, можно сказать, совершенно вышли изъ повиновенія природѣ, замѣнивъ опредѣленія естественныя, необходимыя, опредѣленіями свободными. Индѣецъ въ этомъ отношеніи представляетъ сходство съ прочими своими собратьями, представителями до-христіанскаго историческаго міра, но въ то же время и существенно отличается отъ нихъ: ибо, между тѣмъ какъ у другихъ древнихъ народовъ высказалось болѣе или менѣе сильное стремленіе выйти изъ фаталистическаго круга, указаннаго естественною необходимостію, Индусъ безроветно и даже охотно покоряется тому порядку вещей, въ кото-

ромъ онъ родился, потому что порядокъ этотъ имѣетъ твердую опору въ законахъ вѣшняго міра, а особенность индѣйскаго духа заключается въ вѣжной любви его къ природѣ и глубокой преданности ея материнской власти. Такъ верховное божество индѣйской мифологіи есть ничто иное, какъ олицетвореніе физическаго единства вселенной, а три лица тримурти суть представители трехъ силъ природы: творящей, сохраняющей и разрушающей. Безмѣрное различіе въ правахъ индѣйскихъ кастъ и ихъ неравенство предъ лицомъ закона не напоминаетъ ли намъ живо явленій, представляемыхъ царствомъ животныхъ, гдѣ сильнѣйшія и лукавѣйшія породы торжествуютъ надъ слабѣйшими и безнаказанно обижаютъ ихъ. Безъ сомнѣнія всякому извѣстно, что касты произошли въ слѣдствіе завоеванія, изъ племеннаго различія побѣдителей и побѣжденныхъ, а потомъ обращены въ законъ своекорыстною политикою жрецовъ, освятившихъ религіею выгодный для себя порядокъ вещей, о чемъ говорю и я (на стр. 44). Но только въ одной Индіи, благодаря особенности индѣйскаго характера, касты стоятъ непоколебимо въ теченіе тысячелѣтій; между тѣмъ какъ у другихъ древнихъ государствъ, онѣ или совершенно рухнули или по крайней мѣрѣ не были соблюдаемы во всей строгости, напр. въ Египтѣ (*), гдѣ многочисленныя уклоненія отъ законнаго порядка, какъ извѣстно, дали Амперу поводъ (**) отрицать, хотя и несправедливо, существованіе кастъ въ этой странѣ, и гдѣ въ самомъ дѣлѣ одни сословія нерѣдко посягали на права другихъ, какъ можно видѣть изъ разсказа Геродота о царяхъ Хеопсѣ и Хефренѣ, притѣснителяхъ жрецовъ, и объ узурпаторствѣ Сеса, присвоившаго себѣ царское достоинство, не задолго до соединенія Египта въ одну державу Псамметихомъ.

Слѣдовательно мысль выводить изъ общаго характера Индусовъ частныя явленія ихъ жизни, (напр. любовь къ животнымъ и строгое

(*) «Существованіе различныхъ кастъ, какъ столькохъ же родовъ, говоритъ извѣстный нашъ юристъ, г. Невоминъ, служить основаніемъ быта Египтянъ, равно какъ и Индѣйцевъ: но между различными кастами въ Египтѣ не видно такого отчужденія, какое примѣчается въ Индіи; въ Египтѣ возможенъ переходъ изъ одной касты въ другую, по крайней мѣрѣ изъ касты воиновъ въ касту жрецовъ» (см. Энциклопедію законодвнія томъ II, стр. 129). Слѣдовательно, хотя въ основаніи Египетскаго государства, также какъ и Индѣйскаго, лежалъ принципъ жреческій, но въ Египтѣ онъ значительно видоизмѣнился, что ускользнуло отъ вниманія моего рецензента.

(**) См. *Revue des deux Mondes* за 1848 г. томъ 23, стр. 838—848.

соблюденіе кастъ), не совсѣмъ недостойна вниманія мыслящаго чело-
вѣка; между тѣмъ какъ, благодаря извращенію ея въ рецензіи Сове-
ременника, она можетъ показаться весьма странною и даже нелѣпою; но
это уже не моя вина.

Обращаясь къ Египту, мой критикъ не соглашается признать жителей
этой страны народомъ угрюмымъ и мрачнымъ, и хочетъ сдѣлать, во
что бы то ни стало, ихъ веселыми. Для подтвержденія своего мнѣнія
онъ прежде всего ссылается на Лѣбея и Клемма, писателей новѣй-
шаго времени, которыхъ голосъ въ настоящемъ случаѣ не имѣетъ
рѣшительнаго вѣса, тѣмъ болѣе, что они въ приведенныхъ рецензен-
томъ мѣстахъ выражаются слишкомъ общими и неопредѣленными чер-
тами (*), и притомъ говорятъ не столько о веселости Египтянъ,
сколько объ ихъ комфортѣ и любви къ порядку, что не одно и тоже:
Голландцы очень любятъ комфортъ и опрятность, а между тѣмъ ни-
кому не приходило въ голову называть ихъ народомъ веселымъ.

То же надобно сказать и о прочихъ доказательствахъ рецензента,
изъ которыхъ нѣкоторые не только не поддерживаютъ его мнѣнія, но
даже опровергаютъ оное; таково напр. извѣстіе Геродота о томъ,
что Египтяне лучше желали быть чистыми, нежели щеголеватыми, и
что они для предупрежденія болѣзней, въ теченіе опредѣленнаго вре-
мени принимали очистительныя средства. Кто не видитъ, что такая
педаантская заботливостъ о сохраненіи здоровья, какъ нельзя болѣе гар-
монизируетъ съ характеромъ серьезнаго чело-вѣка и вовсе не пристала
страстному любителю удовольствій, который не станетъ, безъ особен-
ной надобности, осуждать себя на діету и лекарства. Слѣдовательно
полемика моего противника не измѣнила ни одной іоты въ пред-
ставленной мною характеристикѣ Египетской цивилизаціи; между тѣмъ
какъ я могу указать ему множество классическихъ свидѣтельствъ,
прямо и положительно говорящихъ противъ него. Чтобы не употре-
бить во зло вниманія читателей, ограничусь нѣсколькими фактами. Такъ
напр. изъ Геродота (**) мы знаемъ, что у Египтянъ самою обыкновен-
ною и древнѣйшею застольною пѣснью былъ печальный манеръ, и
что они имѣли обыкновеніе, во время пиршествъ, ставить предъ со-
бесѣдниками гробъ съ муміей умершаго, о чемъ упоминаетъ и Плу-
тархъ; по словамъ Діодора (***) Египтяне называли гробницы свои

(*) Народныя празднества, пѣніе и музыка могутъ имѣть не только веселый,
но и мрачный характеръ, съ каки-мъ они действительно являются въ Египтѣ.

(**) Герод. II, 79. (***) Діод. I, 93.

вѣчными жилищами, а дома гостиницами, и не допускали музыки въ кругъ воспитанія (не только порядочнаго, какъ говоритъ рецензентъ, но и всякаго), ибо они считали ее вредною для нравственности (*). скажите, ради Бога, неужели и здѣсь вы видите веселость?

Что касается до мнѣнія рецензента, что въ Египетской миеологiи нѣтъ никакой борьбы духа съ природою, то оно столько же справедливо, какъ и желаніе его сдѣлать Египтянъ веселыми. Избѣгая длинныхъ разсужденій, считаю достаточнымъ сослаться въ этомъ отношеніи на превосходную статью о Египетской религiи, помѣщенную въ Энциклопедiи Классической Древности Паули (см. томъ I стр. 101—125). Ученый авторъ ея, послѣ приведенія множества фактовъ и тщательной повѣрки источниковъ, представляетъ слѣдующую характеристику Египетской религiи: *Der menschliche Geist, auf der Stufe, auf welcher er uns in dieser Religion entgegentritt, hat sich von seiner Befangenheit in der todten Natur emancipirt und ist zum Begriff des Lebens hin durchgedrungen. Aber das Leben ist noch das empfindende, nicht das sich selber wissende, der Geist. Die ägyptische Religion steht so auf dem Uebergange von der natürlichen Religion zu geistiger Religion* (т. е. духъ человѣческій на той ступени развитія, на какой онъ является въ этой религiи, возвысился надъ мертвою природою и дошелъ до понятія жизни. Но жизнь эта все еще чувствена, безъ самопознанія, отличающаго духъ. Такимъ образомъ Египетская религiи образуетъ переходъ отъ религiи природы къ религiи духа).

Слѣдовательно, Египетскій принципъ, которому впрочемъ я не думалъ давать преимущества предъ Индѣйскимъ, вовсе не такъ низокъ, какъ утверждаетъ рецензентъ (**).

Послѣднее замѣчаніе относится къ характеристикѣ Персидской цивилизаціи. Противникъ мой никакъ не хочетъ признать дуализма отличительнымъ характеромъ религiи Маговъ. Но это фактъ столь общепозвѣстный, что мы считаемъ излишнимъ останавливаться на немъ, и вмѣсто всѣхъ доказательствъ, укажемъ, пожалуй, хоть на Канту, какъ писателя, котораго высоко цѣнитъ рецензентъ, и которому, быть можетъ, онъ повѣритъ. Вотъ собственныя слова Канта: *«le dualisme (у т. е. въ ученіи Зороастра), prévaut sur le panthéisme; l'idée de l'émanation le cède à celle de la création; le fini et l'infini, le réel et*

(*) Діод. I, 81.

(**) Считаю нужнымъ замѣтить рецензенту, что удаленъ отъ природы не значитъ еще быть нравственнымъ.

l'idéal, y sont plus distincts; et le monde, au lieu d'être une génération divine opérée par l'amour, est, pour les mages, un antagonisme, un mélange de contraires en lutte. Comme l'homme est partie agissante dans ces combats, il ne lui est pas possible de tomber dans la torpeur insouciance des Indiens: il est même excité à l'activité morale» (*).

Такимъ образомъ мы перебрали всѣ замѣчанія рецензента. Изъ числа ихъ одно произошло отъ того, что критикъ мой не понималъ меня; другое состоитъ изъ возраженій, вовсе не идущихъ къ дѣлу, а остальные ничѣмъ не подкрѣплены, и находятся въ противорѣчій съ фактами.

Теперь, когда всѣ справки наведены, предоставляю самимъ читателямъ сдѣлать заключеніе о достоинствѣ рецензій Современника на мою книгу.

Александръ Рославскій.

5-го Ноября 1851 года.

Харьковъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ. Октябрь и Ноябрь. N 10 и 11.

Въ этихъ двухъ книжкахъ помѣщены продолженіе и окончаніе романа г. Вонлярларскаго *Силуэтъ*. Въ прошлый разъ, по поводу первой части этого романа, мы сказали нѣсколько словъ объ общемъ его характерѣ. Мы замѣтили тогда, что по роду таланта г. Вонлярларскаго *записки*, т. е. замѣтки о видѣнномъ и замѣченномъ, писанныя отъ своего лица и сопровождаемыя личными сужденіями и ощущеніями автора—вышли бы, по нашему мнѣнію, удачнѣе, нежели попытка написать романъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ какимъ запасомъ приступилъ авторъ къ своему «Силуэту»? Едва ли кто-либо откажетъ ему въ знаніи жизни, свѣта, даже, можетъ быть, практическомъ пониманіи людей; нельзя также не признать въ его романѣ ума, способности замѣтить иногда довольно мелкія и вѣрныя черты въ изображаемой имъ дѣйствительности; наконецъ нельзя не обратить вниманіи на легкость и живость его изложенія. Все это достоинства, которыя конечно встрѣчаются не во всякомъ, и которыхъ достаточно на составленіе живыхъ, умныхъ и интересныхъ замѣтокъ о жизни современнаго общества, но которыхъ все-таки мало для того, чтобы написать удачный романъ.

Стоитъ только подумать надъ тѣмъ, при какихъ условіяхъ и какиихъ образомъ можетъ нормально зародиться и окончиться въ мысли современный романъ, для того чтобы согласиться въ справедливости нами сказаннаго. Всякій человекъ въ наше время наблюдаетъ болѣе или

(*) См. *Histoire Universelle* том. II, pag. 43.

менше жизнь и людей, во всякомъ остаются и сохраняются памятью многообразныя впечатлѣнія, выносимыя изъ жизни. Но по большой части случается, что весь подобный запасъ наблюдательности, который конечно составляетъ одно изъ главныхъ, необходимыхъ условій для художественной дѣятельности, или остается въ душѣ безразличнымъ, годнымъ для всякаго приложенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ ни къ чему особенно не назначеннымъ; или искажается и терлеть свою свѣжесть и вѣрность подъ вліяніемъ тѣхъ особыхъ угловъ зрѣнія, подъ которыми встѣмъ намъ, не одареннымъ особымъ талантомъ, приходится, благодаря различнымъ теоріямъ, убѣжденіямъ, и т. д., смотрѣть на представляющуюся намъ дѣйствительность. При значительной степени умственныхъ способностей, при энергій, сообщаемой извѣстными убѣжденіями, во второмъ случаѣ романъ или повѣсть еще имѣютъ нѣкоторое значеніе. Если они и не даютъ того, чего мы были бы въ правѣ ожидать отъ романа, то по крайней мѣрѣ служатъ проводниками идей часто полезныхъ для общества, если и не прямымъ внушеніемъ, то по крайней мѣрѣ наведеніемъ его на размышленіе о такихъ житейскихъ вопросахъ, которые не встѣмъ приходятъ въ голову.

Но къ чему послужить тотъ безразличный запасъ наблюденій, о которомъ мы сказали выше, если ничто другое не вызываетъ на художественную дѣятельность? Какъ уложится онъ въ голову для того, чтобы сформировать романъ или другое извѣстно литературное произведеніе? Случайно, калейдоскопно, будетъ всякое его сочетаніе, и не вынесется изъ этого сочетанія никакой животворной идеи. Возмется случайное, не озаренное свѣтомъ событіе, запутается по возможности для придавія ему бѣльшаго интереса, и потратится весь романъ только для развязки запутаннаго положенія. Кое-гдѣ вся эта дѣльная исторія расцвѣтится живыми, величественными свѣжаго колорита описаніями и картинами, проглянуть кое-гдѣ увлекательныя человѣческія движенія, пострадаемъ или порадуемся мы за героевъ, потому что узнаемъ мы повсюду себя, и сочувствуемъ всему нашему, человѣческому, въ какихъ бы смутныхъ чертахъ ни было оно представлено, и этимъ кончится дѣло.

Таково будетъ отношеніе къ роману у людей равнодушныхъ къ дѣлу, не одаренныхъ особымъ эстетическимъ чутьемъ, не уточнившихъ своего вкуса. Совсѣмъ другое дѣло при этихъ условіяхъ. Оскорбительно для вкуса покажется безцвѣтность лицъ, незамѣчаемая тѣмъ, кто останавливается на отдѣльныхъ движеніяхъ, не имѣя силъ или навыка слагать ихъ въ одно цѣлое, и наслаждаться ими только по мѣрѣ ихъ годности къ этому сліянію въ цѣльный образъ; скучною покажется запутанность и

длиннота романа, который вышел бы эффектище въ краткомъ изложеніи дѣла; придетъ въ голову мысль о совершенной ненужности узнать въ подробностяхъ такое событіе, которое не имѣетъ даже достоинствъ истиннаго происшествія. Останутся стало быть для наслажденія людямъ съ развитымъ эстетическимъ чувствомъ только вѣрныя и живыя картины и описанія, остроумныя замѣтки автора, кое какія явленія общественной жизни, для вѣрной передачи которыхъ нуженъ извѣстный опытъ и нѣкоторыя другія вещи, которыя все нисколько не требуютъ быть изложенными въ формѣ романа или другаго художественнаго произведенія.

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ частнымъ замѣткамъ о романѣ г. Вонлярлярскаго. Главный и наилучше отдѣленный характеръ въ «Силуэтѣ» есть характеръ Ольги; но разбирая однако причины нѣкоторой выпуклости его въ сравненіи съ другими лицами, и принимая въ соображеніе, что эту рельефность пріобрѣтаетъ ея изображеніе только съ тѣхъ поръ, какъ она дѣлается книжницею, мы должны признаться, что видимъ въ ней скорѣе удачный типъ благородной свѣтской женщины, нежели оригинальный характеръ. Въ pendant къ Ольгѣ выведено другое лице, Томскій, на которое авторъ впрочемъ не могъ потратить столько же красокъ и внѣшней обстановки, и которое потому страдаетъ общими мѣстами и безцвѣтностью. Тоже должно сказать и объ остальныхъ лицахъ, исключая молодого Брамберга и внуки Шуминой, которыхъ хотя и нельзя назвать вполне удавшимися, но которые для вводныхъ лицъ обрисованы очень недурно и смѣлымъ штрихомъ. Вообще видно, что у г. Вонлярлярскаго много живыхъ представленій по части свѣтскихъ лицъ. Но мы чрезвычайно недовольны характеромъ Роберта Рольери, — уже потому во-первыхъ, что въ немъ выведенъ тотъ законченный и беспощадный злодѣй, какіе ужасали бывало нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ, и какихъ, слава Богу, нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ. Конечно этотъ злодѣй не тотъ, какіе дѣйствовали въ старинныхъ романахъ, не признавая ни Божескаго, ни человѣческаго суда, посмѣиваясь надъ всеми священными вѣрованіями, и находя особенное удовольствіе разлучать благородныя и любящія сердца. Новый злодѣй болѣе мелкаго разбора, онъ, если хотите болѣе современенъ, болѣе похожъ вообще на чело-вѣка; но уже одна мысль тронуть это, къ счастью почти совсѣмъ оставленное, лице, и дать ему такую значительную роль въ романѣ, принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ весьма неудачнымъ.

Лучшими мѣстами въ романѣ г. Вонлярлярскаго считаемъ, мы изображеніе великосвѣтскихъ сплетенъ, описаніе бала у Ольги, нѣкоторыя

картины московской жизни, как напр. гулянье въ Марининъ роштъ, написанныя не безъ знанія дѣла и не безъ остроумія. Но, повторяемъ опять, весь этотъ запасъ былъ бы приличнѣе и болѣе на своемъ мѣстѣ, въ какой-либо другой формѣ изложенія, а не въ романѣ. Да проститъ намъ г. Вояжарскій нашъ нѣсколько строгій судъ, и пусть наше искренно высказанное мнѣніе наведетъ его на размышленіе о родѣ литературной дѣятельности приличной его таланту. Самое важное умѣть употребить свои силы и средства на то именно, къ чему они призваны.

Другихъ русскихъ произведеній въ отдѣлѣ изящной литературы разбираемыхъ нами двухъ книжекъ Отечественныхъ Записокъ нѣтъ, а потому мы переходимъ ко 2-му отдѣлу — статей ученаго содержанія.

Гюлистанъ, сочиненіе персидскаго поэта Сади, статья *А. Паскова-Шарапова*. Въ началѣ статьи своей авторъ говоритъ слѣдующее:

« До сихъ поръ на страницахъ нашихъ періодическихъ изданій встрѣчался одинъ весьма важный пробѣлъ: именно въ нихъ нѣтъ статей о литературѣ Востока, который такъ близокъ къ намъ, какъ по своему положенію, такъ и по торговымъ отношеніямъ. Изученіе Востока сдѣлалось у насъ достояніемъ молодыхъ людей, посещающихъ университеты и институты восточныхъ языковъ. Путешествія на Востокъ нашихъ оріенталистовъ повторяются довольно часто и успѣли принести богатые плоды. Описанія путешествій, помѣщаемыя ими въ журналахъ, могутъ ознакомить читающую публику съ Востокомъ въ его историческомъ, статистическомъ и географическомъ отношеніяхъ; но литература Востока до сихъ поръ еще не многимъ знакома; о ней никто не говорилъ ни слова въ нашихъ журналахъ. Этотъ-то недостатокъ рѣшился я восполнить, представивъ на судъ публики первый трудъ — нѣсколько словъ о Гюлистанѣ, твореніи знаменитаго правоучительнаго поэта Персовъ *Саади* ».

Все сказанное о недостаткѣ въ нашей литературѣ сочиненій, знакомящихъ съ литературою Востока, справедливо, и попытка г. *Паскова-Шарапова* восполнить этотъ недостатокъ не можетъ быть принята иначе, какъ съ одобреніемъ. Но въ какой степени удовлетворительна эта первая попытка, вопросъ другого рода. Напечатанная теперь статья о Гюлистанѣ составлена по нашему мнѣнію очень небрежно, наскоро, безсистематично, и едва ли способна дать надлежащее знакомство съ Саади читателю незнающему прежде съ этимъ дѣломъ. Довольно замѣтить, что вся она состоитъ изъ выдержекъ, очень мало повѣстныхъ безъ предварительнаго толкованія о характерѣ Персидской поэзіи и о

духъ и значеніи ихъ правоучительнаго поэта Саади; а это толкованіе состоитъ изъ трехъ страничекъ, на которыхъ говорится кое что о характерѣ Персовъ, о связи Персидской поэзіи съ Арабской, о ревности Арабстанъ при распространеніи ихъ новаго ученія и о другихъ вещахъ, какія случайно попадались подъ перо автору. Надѣмся, что слѣдующія статьи г. Паскова-Шарапова будутъ составлены съ большимъ стараніемъ, полнотою и отдѣлкою, тогда, можетъ быть, они и дѣйствительно восполнятъ тотъ недостатокъ въ нашей литературѣ, о которомъ говорить авторъ въ началѣ своей статьи, и для котораго съ такимъ успѣхомъ началъ трудиться ученый г. Назаріанцъ.

Обзоръ событій Русской исторіи при внукахъ Ярослава 4-го (1093—1125.). С. М. Соловьева.

Не считая себя довольно знакомымъ съ дѣломъ, для того чтобы рѣшиться судить о научномъ достоинствѣ статьи г. Соловьева, мы было думали сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній о литературномъ ея достоинствѣ, но сообщенное намъ однимъ изъ сотрудниковъ Москвитянина мнѣніе объ этой статьѣ представляетъ, какъ намъ кажется, нѣсколько болѣе опредѣленную ея характеристику. Поэтому мы и приводимъ это мнѣніе вмѣсто своего.

«Статья г. Соловьева есть ничто иное, какъ изложеніе событій Русской исторіи, отъ смерти Всеволода Ярославича до смерти Мономаха, въ томъ трубомъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ онъ сообщаются лѣтописью; если бы въ ней не было нѣкоторыхъ мимоходомъ сказанныхъ замѣчаній автора и не приводились бы изрѣдка показанія Татищева, ес можно бы было назвать простымъ переводомъ лѣтописи. — Притомъ нельзя не замѣтить, что въ переложеніи г. Соловьева нѣтъ слѣда той изобразительности, каторой отличается лѣтописное сказаніе о происшествіяхъ этого времени; такъ на пр. дѣло объ ослѣпленіи Василька, такъ драматически рассказанное лѣтописцемъ, у г. Соловьева передано вло, небрежно. — Считаемо долгомъ обратить вниманіе автора на два недосмотра, вкравшіеся въ его статью: 1) Въ разсказѣ объ убіеніи Итларя г. Соловьевъ говоритъ, что Славата подучилъ Ратибора и его родню (чадь, чядь) и т. д. — Въ прим. 14 онъ прибавляетъ: «я принимаю здѣсь чтеніе чадь (') въ смыслѣ родни, а не дружины: ибо

(*) Замѣчательно, что въ Отеч. Записк. слово чадь или чядь является одинъ разъ въ формѣ чидь (ст. 9 пр. 14), а другой разъ въ формѣ чюдь (ст. 8 пр. 10). — Мы сперва подумали, что это казія-нибудь разпорѣчія, намъ неизвѣстныя, а потомъ вспомнили, что От. Зап. знаютъ лучше по-Англійски, нежели по-Русски.

«увидимъ послѣ, что главнымъ дѣйствующимъ будетъ сынъ Ратибора; «притомъ что за дружина у Ратибора?» А между тѣмъ на 97 стр. 4-го тома Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей читаемъ: начаша думати дружина Ратибора. «Стало быть нельзя спросить: «что за дружина у Ратибора»? (*) 2) На ст. 35 г. Соловьевъ говоритъ: «Въ Страстной понедѣльникъ собралось опять множество «Половцевъ; выступили, какъ боровы, по выраженію лѣтописца и т. д.,» — г. Соловьевъ принялъ лѣтописное *борове* за множественное отъ *боровъ*, а это есть множественное отъ *боръ*. Доказательства: 1) На 92 стр. 4-го Тома П. С. Р. А. читаемъ: «Въ се же лѣто ведро «баше, ако изгараше земля, и мнози *борове* (явно, отъ *боръ*) «вазгарахуса сами и болота.» 2) *Боровъ* множественное *борови*, отнюдь не *борове*.»

Космосъ, опытъ физическаго міроописанія, соч. Александра Гумбольдта, часть 3-я, статья первая, *Н. И. Кайданова*. Въ этой статьѣ представляется подробный разборъ первыхъ главъ новаго сочиненія Гумбольдта. Мы не будемъ съ своей стороны представлять разбора этой статьи, который конечно состоялъ бы изъ извлеченій, потому что каждый журналъ обязанъ, по нашему мнѣнію, самъ познакомить публику съ такимъ замѣчательнымъ явленіемъ, каковъ *Космосъ*. Поэтому ограничимся только изъявленіемъ благодарности Отечественнымъ запискамъ, за поспѣшность, съ которою они постарались предупредить публику статью о третьей части Гумбольдтова творенія, прежде появленія въ свѣтъ ея русскаго перевода.

Сочиненія Кострова и Аблесимова (полное собраніе сочиненій Русскихъ авторовъ). Изданіе А. Смирдина. Сочиненія Кострова. Статья *А. Галахова*. Статья эта есть плодъ добросовѣстнаго и трудолюбиваго изученія не только всѣхъ произведеній Кострова, напечатанныхъ въ существующихъ полныхъ собраніяхъ его сочиненій, но и извѣстныхъ критику изъ другихъ источниковъ.

Кромѣ того авторъ статьи разсматриваетъ литературную дѣятельность Кострова не отдѣльно, но въ связи съ той эпохой, къ которой принадлежалъ онъ, въ связи съ существовавшими въ его время теоріями поэзіи и современными ему литературными дѣятелями. Все это трудолюбивое предварительное приготовленіе дало г. Галахову возможность произнести вѣрный и безпристрастный судъ о Костровѣ, выраженный

(*) Еслибы авторъ зналъ, кромѣ Ратиборовой чады, Борисову чады, Мирошкину чады, Старую чады, Клягинину чады, то, разумется, не задумалъ бы перевести ее родню. М. П.

имъ въ 9-ти положеніяхъ , заключающихъ статью. Не выписываемъ этихъ положеній въ полной увѣренности, что любители Русской литературы прочтутъ сами всю статью.

Предполагая конечно, и не безъ основанія, что статья его будетъ служить полезнымъ матеріаломъ для дальнѣйшихъ изслѣдователей исторіи Русской литературы, критикъ очень опасается допустить малѣйшую неточность въ сообщаемыхъ имъ свѣденіяхъ, и потому, стараясь опредѣлить даже время рожденія и главнѣйшихъ эпохъ жизни Кострова, онъ и здѣсь перебираетъ и подвергаетъ критикѣ всѣ источники. Все это конечно не можетъ заслужить съ нашей стороны ничего кромѣ одобренія, но намъ кажется, что осторожность его въ этомъ отношеніи доходитъ уже до мелочности; такъ напр. имѣя вѣрное и не противорѣчащее другимъ даннымъ извѣстіе митрополита Евгения, что Костровъ поступилъ въ университетъ въ 1777 году, г. Галаховъ боится ошибиться и тутъ, и прибавляетъ : «еще вѣрнѣе будетъ заключить это поступленіе (въ университетъ) между 1776 и 1778, въ который Костровъ получилъ степень бакалавра».

Отдавая должную справедливость дѣльной статьѣ г. Галахова, мы не можемъ однако умолчать объ одномъ обстоятельстве , которое, по крайней мѣрѣ намъ, кажется нѣсколько страннымъ. Въ началѣ статьи своей авторъ говоритъ ; что «литературная критика обязана всегда относить произведенія къ тому времени, въ которое они явились», «пусть, говоритъ онъ, надъ повѣтомъ произнесетъ свой приговоръ теорія поэзіи, ему современная». Далѣе, признавъ, что критика должна быть *историческою*, авторъ такъ объясняетъ это слово. Здѣсь «разумѣется не только то, что критика обязана указать выраженіе общественной жизни въ сочиненіяхъ, но и то, что литературныя достоинства и недостатки сочиненій должны быть оцѣняемы на основаніи той теоріи, которая господствовала въ то время и которая въ историческомъ движеніи теоріи искусства составляла одинъ изъ ея моментовъ ». Въ концѣ же статьи встрѣчаемъ между прочими слѣдующія положенія, выражающія окончательный судъ критика надъ Костровымъ: 1). «Торжественныя оды Кострова принадлежать ко второй степени одъ искусственной или лжеклассической. 3). Существенныя ихъ отличія общность и отвлеченность, то есть отчужденіе отъ дѣйствительности. Последняя какъ бы не существуетъ для Кострова, а если и является иногда въ его одахъ, то всегда выраженная въ лжеклассическихъ, условныхъ формахъ или 7). Всего приличнѣе назвать стихъ Кострова ораторскимъ. Въ немъ нѣтъ поэтическаго цвѣта и силы, но есть своего рода искус-

ственность, которая тоже требует известного таланта, и, главное, известной опытности». Не ужели это оценка, произнесенная современной Кострову теорией? В таком случае эта теория несколько не отличается от теории поэзии нам современной, ибо едвали, судя Кострова по нынешним понятиям, можно сказать о нем чтонибудь другое.

Да не сочтеть г. Галаховъ нашего замѣчанія за пустую придирку: нѣтъ, намъ кажется, что есть какой-то недосмотръ въ томъ, что сказано имъ объ исторической критикѣ, какъ единственно законной.

Еще одно замѣчаніе. Статья г-на Галахова заключается слѣдующимъ четверостишіемъ къ портрету Кострова, выражающимъ, по словамъ автора, мнѣніе о Костровѣ почти цѣлаго полѣтика.

Когда полѣтика нашъ красуется Парясъ
Твоею Иліадою,
Кого же образъ твой, такъ досель отъ насъ,
Не подарить отрадой.

Изъ этого четверостишія очевидно, что Костровъ цѣнился преимущественно за свой переводъ Иліады, авторъ же критической статьи упоминаетъ объ немъ только вскользь, безъ всякаго критическаго изслѣдованія; отчего это? Разборъ перевода Иліады могъ бы составить самую любопытную часть статьи г. Галахова.

Въ 40-й книжкѣ Отечественныхъ Записокъ мы съ удовольствіемъ встрѣтили продолженіе интересныхъ статей подъ заглавіемъ: *Обзоръ открытій и изслѣдованій по естественнымъ наукамъ, сдѣланныхъ въ 1850 году*. Въ напечатанной теперь статьѣ говорится: о теплородѣ и электричествѣ.

Въ Сѣмѣ разбираемыхъ нами двухъ книжекъ укажемъ на статью *М. Я. Кипр*. Лондонская Всемирная выставка (Дневникъ Русскаго путешественника) статья третья, и «Очерки Вѣны» статья первая. Оз. послѣдняя особенно очень интересна. Въ *Заграничныхъ Новостяхъ* показались намъ любопытными: Вѣсти о Германской литературѣ (письмо къ редактору Отечест. Запис.) *А. Р.* Изъ нея узнаемъ мы, что Нѣмцы начинаютъ наконецъ обращать серьезное вниманіе на нашу литературу, о которой имѣли до сихъ поръ чрезвычайно смутное понятіе. Такъ еще недавно одинъ критикъ представилъ въ Берлинскомъ журналѣ очеркъ литературной дѣятельности г. Фурмана, и, пораженный плодотворностью и многосторонностью его таланта, добродушный нѣмецъ дошелъ до такого заключенія: «легко можно себя представить, какое оромное вліяніе этотъ человекъ долженъ былъ имѣть на русскую литературу.» Предпріятіе г. Вольфсона знакомить Нѣмецкую публику

въ переводахъ съ Русскою литературою должно имѣть немалое вліяніе на распространеніе въ Германіи истинныхъ объ ней понятій. Въ трехъ изданныхъ до сихъ поръ томахъ г. Вольфзонъ перевелъ: «Джелладина» и «Утбаллу» соч. Елены Гавъ, «Капитанскую дочку» Пушкина и нѣкоторыя изъ повѣстей Н. Ф. Павлова. Въ критическихъ статьяхъ, предпосланныхъ переводамъ, г-нъ Вольфзонъ, разсматривая каждаго писателя, представляетъ ихъ характеристики.

Въ безчисленныхъ рецензіяхъ, говоритъ авторъ письма, единогласно выразилось изумленіе Нѣмцевъ и сознаніе, что плохія понятія имѣли они о насъ. Вотъ что говоритъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ Германскихъ публицистовъ: «мы Нѣмцы, нужно признаться, имѣемъ весьма недостаточныя понятія о русскихъ писателяхъ. Въ хаосѣ представленій, соединенныхъ у насъ съ словами: русской романъ, русская повѣсть, мелькають имена Булгарина, Марлинскаго, Полеваго, или выдается въ бѣдшемъ блескѣ имя Гоголя, этого *Гомера Украины*. Полныя ожиданія и любопытства, приступили мы слѣдовательно, къ этому собранію. Кто это? съ кѣмъ мы тутъ встрѣтимся? Увидимъ ли старыхъ знакомыхъ подъ новымъ видомъ, или незнакомыхъ намъ лица? прежде чѣмъ мы прочли предлагаемыя намъ г. Вольфзономъ повѣсти, мы хотѣли съ нимъ поспорить: не лучше ли было бы, думали мы, еслибъ г. Вольфзонъ подарилъ насъ чѣмъ нибудь непосредственно-взятымъ изъ народной жизни, подернутымъ наивнымъ міросозерцаніемъ и проникнутымъ народнымъ духомъ? Нѣмецкое имя одного изъ выбранныхъ имъ авторовъ внушило намъ опасенія, что мы здѣсь встрѣтимся не съ Россією, не съ русскимъ обществомъ, не съ русскимъ народомъ. Но съ радостью признаемся, что мы ошиблись. Въ этихъ повѣстяхъ какъ нельзя яснѣе проявляется жизнь этого громаднаго организма, Россіи, какъ она выражается въ различныхъ слояхъ общества. Цѣлый міръ, полный жизни, лежитъ передъ нами, міръ, населенный людьми мыслящими и чувствующими.»

«Г. Вольфзонъ имѣлъ случай читать нѣкоторыя переведенныя изъ повѣстей въ обществѣ литераторовъ и литературно-образованныхъ дамъ. Впечатлѣніе было невѣроятное, особенный эффектъ произвелъ «Милліонъ» г. Павлова. Но интереснѣе всего слѣдующій случай. Нѣсколько времени послѣ появленія переводовъ г. Вольфзона, онъ получилъ отъ незнакомаго ему лигерактора М. Гейдриха, съ большимъ успѣхомъ поставившаго недавно на Дрезденскомъ театрѣ драму: «Грахи,» письмо, въ которомъ тотъ въ восторженныхъ выраженіяхъ благодарить его за высокое наслажденіе, доставленное ему переводомъ

русскихъ повѣстей. Въ особенности понравился ему «Милліонъ.» «Сознаюсь, говорить онъ:» — рѣдко художественное произведеніе дѣйствовало на меня такъ сильно.» «Милліонъ» до того занимаетъ меня, что я рѣшился драматизировать его, включивъ цѣликомъ въ драму всю высокую послѣднюю спену. Какъ мало мы до сихъ поръ знали русскую литературу!...» г. Гейдрихъ сдержалъ слово, и написалъ драму, которая, вѣроятно, скоро будетъ поставлена на Дрезденскомъ театрѣ.»

Мы съ особеннымъ удовольствіемъ выпиываемъ это сужденіе иностранца о произведеніяхъ русской литературы, свидѣтельствующее о томъ, какое почетное мѣсто занимають они вомнѣніи даже тѣхъ, у кого нѣтъ кажется недостатка въ своихъ замѣчательныхъ произведеніяхъ для сравненія.

Въ Октябрьской книжкѣ Отечественныхъ записокъ окончень переводъ Диккенсова романа «Давидъ Копперфильдъ». Мы надѣемся со временемъ представить подробный разборъ этого замѣчательнаго произведенія, и потому не будемъ говорить о немъ теперь. Что касается до переводчика этого романа, г. Введенскаго, то признавъ его переводъ за лучший Русскій переводъ, мы отдадимъ ему только справедливость, а посоветовавъ ему поспѣшить печатаніемъ своего перевода отдѣльною книжкой, мы выразимъ безъ сомнѣнія желаніе очень многихъ.

Для полноты обзора намъ слѣдуетъ теперь говорить о «журнальныхъ замѣткахъ» — особомъ отдѣлѣ Отечественныхъ Записокъ, въ которыхъ помѣщаются обыкновенно различныя непріязненныя выходки, преимущественно противъ нашего журнала. Обмолвка, опечатка, неловкая фраза, все даетъ здѣсь поводъ Отечественнымъ Запискамъ блеснуть своимъ остроуміемъ на счетъ Москвитянина. Мы оцѣнивали въ свое время, по мѣрѣ появленія ихъ, достоинство и правду подобныхъ выходокъ; тоже сдѣлаемъ и теперь, такъ какъ мы взяли на себя представлять публикѣ характеристику Отечественныхъ Записокъ, а «журнальныя замѣтки» въ нихъ составляютъ одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ.

До чего дошли въ этомъ дѣлѣ Отечественныя Записки, читатель увидить тотчасъ. Въ N N. 19 и 20-мъ Москвитянина помѣщена была статья г. Эраста Благовирова, въ которой онъ, жалуясь на нѣкоторыя дурныя стороны нашей литературы, возстае между прочимъ на Новаго поэта, за то что онъ, въ видахъ занимательности для своихъ читателей и разнообразія фельетона, началъ писать пародіи на произведенія лучшихъ нашихъ поэтовъ. Для поученія публики на счетъ достоинства этихъ пародій, г. Эрастъ Благовировъ показываетъ въ своей статьѣ, что: во-первыхъ нехорошо тѣшить публику, пародируи

безъ всякой надобности высокія произведенія поэзіи, во-вторыхъ не такъ трудно, какъ воображаютъ нѣкоторые. Въ доказательство послѣдняго положенія онъ приводитъ нѣсколько своихъ пародій, безъ сомнѣнія не стоившихъ ему большаго труда.

Отечественнымъ Запискамъ нужно было, во что бы то ни стало, представить новую статью г. Эраста Благоднравова въ такомъ видѣ, въ какомъ бы она по крайней мѣрѣ для читателей выписывающихъ Отечествен. Записки, и не выписывающихъ Мосовитининъ, показалась пустою и жалкою. Съ этою цѣлю, они не пренебрегли даже однимъ не совсѣмъ позволительнымъ средствомъ, — онъ рѣшились исказить дѣло. Принявши такое намѣреніе, онъ составили слѣдующую журнальную замѣтку о отатѣ г. Эраста Благоднравова. Послѣ нѣсколькихъ прелюдій въ влегическомъ тонѣ, Отеч. З. продолжаютъ такъ:

.... «На такія печальныя размышленія навели насъ *стихотворенія* Эраста Благоднравова, помѣщенныя въ «Мелочахъ», на заднемъ планѣ 19 и 20 нумеровъ Мосовитинина. — Это — чисто субъективный трудъ, лирическія изліянія души, выказывающія ея постоянныя свойства и случайныя расположенія. — Такъ-какъ лиризмъ воспроизводитъ задушевные стремленія автора, то въ означенныхъ стихотвореніяхъ видимъ всю жизнь вымышленнаго Эраста Благоднравова, героя «Сна по случаю одной комедіи», написаннаго въ подражаніе «Запискамъ сумасшедшаго», Гоголя. Но — снова спрашиваемъ — какое дѣло публикѣ до всего этого? что ей за дѣло, что г. Эрастъ Благоднравовъ, негодуя на свою фамилію, «*постоянно хмѣленъ, а во хмѣлю постоянно непокоенъ*» (стр. 279)? Какая нужда ей, что онъ «на другой день послѣ хмѣля страдаетъ тошнотой, болью въ желудкѣ и трясеньемъ въ рукахъ и ногахъ», (стр. 280), что онъ съ товарищи «*предпочитаетъ благороднымъ напиткамъ полынную*» (стр. 289), что у него нѣтъ *пятиалтыннаго для расчета съ извозчикомъ*?... Какой наконецъ интересъ для публики въ томъ, что онъ же, г. Благоднравовъ, «*дрожитъ отъ волненія увидя, въ журналъ свою статью*?...» Печальная участь людей, для которыхъ страницы журналовъ — идеалъ стремленій, довольно известна. Тотъ напр., послалъ въ такой-то журналъ свои творенія, которыя даже не возвращены автору; этотъ, напримѣръ, убоявся бездны премудрости и возвратився вспять, мараетъ бумагу, необходимую для укомплектованія толщины журнала. Все это мелочи, способныя занимать только литературный муравейникъ. Публикѣ-то какое до нихъ дѣло?»

Какое благородное негодованіе, какая даже грусть объ упадкѣ литературы разлита въ этихъ словахъ, долженъ по расчетамъ От. Зап. по-

думать иногородный подписчик, выписывающий *Отечественныя Записки*, и не выписывающий *Москвитянина*. Какой долженъ быть пустой журналъ этотъ *Москвитянинъ*, когда помѣщаетъ подобныя статьи!... Но что же долженъ подумать этотъ иногородной подписчикъ, если, случайно увидѣвъ книжку *Москвитянина*, о которой идетъ рѣчь, онъ вдругъ увидитъ, что все, что ни сказано въ приведенной нами замѣткѣ—выдумка, что благородный и меланхолическій тонъ ея—маска, надѣтая съ цѣлью, что г. Эрастъ Благоднравовъ помѣстилъ не *стихи*, а *статью съ стихотвореніями*, что совершенно измѣняетъ вопросъ; что всѣхъ, выписанныхъ *Отечественными Записками*, мѣстъ вѣтъ въ такомъ видѣ въ статьѣ г. Эраста Благоднравова; что, выставленныя въ замѣткѣ, номера страницъ поставлены только для приличія, ибо на выписанныхъ страницахъ можно найти только нѣкоторыя слова или фразы, подобныя приведеннымъ quasi выпискамъ, имѣющія впрочемъ совсѣмъ другой смыслъ и значеніе. Что долженъ подумать иногородный подписчикъ, о составитель этой «замѣтки», который не знаетъ даже, что, если вообще авторъ пишетъ иногда отъ своего собственнаго лица, употребляя мѣстоимѣніе я, то это еще не значитъ, чтобы онъ передавалъ въ нихъ свою жизнь; не можетъ понять даже, отчего чувствуетъ волненіе человекъ, видящій въ первый разъ свое имя въ печати; что онъ долженъ подумать наконецъ объ *Отечественныхъ Запискахъ*, которыя не останавливаются даже и предъ такими средствами для представленія въ превратномъ видѣ дѣятельности другихъ журналовъ и для поддержанія своихъ подписчиковъ въ томъ убѣжденіи, что все вздоръ, что напечатано не у нихъ?

ПАНТЮНЪ И РИСПЕРТУАЖЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. Сентябрь. **Книжка девятая.**

Комедія Э. Ожье, «Искательница приключеній» (l'Aventurière). Извѣстность имени г. Ожье въ современной французской драматургіи обязываетъ насъ говорить о его комедіи подробнѣе, нежели заслуживаетъ она по своему достоинству. Разбирая въ одномъ изъ предшествующихъ номеровъ, его одноактную пьеску: «Любовь и дружба» (*La Cigue*), переведенную довольно звучными стихами г. В. Зотовымъ, мы отчасти высказали свой взглядъ на французскія комедіи вообще, и на г. Э. Ожье въ особенности. Чтеніе «Искательницы приключеній» — окончательно убѣдило насъ, что г. Ожье принадлежитъ къ числу довольно ловкихъ и умныхъ драматическихъ фабрикантовъ, которыхъ произве-

денія имѣють успѣхъ, благодаря рутиннымъ эффектамъ, и всего болѣе, благодаря жалкому состоянію драматургін.

Нѣсколько разъ мы указывали на странный въ высшей степени фактъ, что французская нація, наиболѣе другихъ способная къ различнымъ переворотамъ, до сихъ поръ еще въ эстетическихъ своихъ воззрѣніяхъ строго держится преданій и рутины. Французская комедія доселѣ еще не можетъ выйти изъ заколдованнаго круга, начертаннаго гениальнымъ Мольеромъ, и только попытки А. де Мюссе, состоящія въ разладѣ съ современнымъ состояніемъ сцены, представляютъ собою нѣчто новое. Еще страннѣе то, что Мольеровская форма приросла къ французской комедіи какъ кора, и всякая другая долго удержаться не можетъ. Такъ не удержалась и не привилась къ почвѣ, такъ называемая, историческая комедія Непомюсена Лемерсье и его школы, такъ надобла общественная комедія Скриба и безчисленнаго множества его послѣдователей. Точно такъ же какъ послѣ романтическихъ драмъ съ матере-убійствами, палачами и кровосмѣшеніями, нація обратилась къ старымъ пьесамъ Корнеля и Расина, чѣмъ и объясняется успѣхъ Лукреціи Повсара, представлявшей ловкую поддѣлку подъ классическій стиль, — такъ же точно, пресытись комедіями и водвиліями даровитаго Скриба и его бездарныхъ послѣдователей, французская сцена опять принялась за Мольера и за поддѣлки подъ Мольера. Къ числу такихъ поддѣлокъ и при томъ очень ловкихъ, принадлежатъ комедіи г. Э. Ожье. Въ нихъ встрѣтите вы тѣже условныя фигуры, вмѣсто живыхъ лицъ, и даже ту самую мораль, разумѣется съ нѣкоторыми измѣненіями, обусловленными духомъ времени. Такова и комедія — «Искательница приключеній.» Съ самаго же начала, читая разговоръ двухъ старичковъ: Мюкарада, имѣющаго глупость влюбиться въ шестьдесятъ лѣтъ, и Пикандера его брата, отговаривающаго его отъ намѣренія жениться, вы готовы вскричать какъ Фамусовъ:

Ба! знакомы все лица!,
вы вспоминаете *L'Ecole des maris* и *le Mariage forcé*, — какъ, читая любовныя объясненія Горация и Челіи, припоминаете рѣчи Мольеровскихъ любовниковъ и любовницъ. Да и сама Донья Клоринда, искательница приключеній, лице вовсе не новое и обрисованное общими чертами Мольеровскихъ кокетокъ. Только раскаяніе ея въ концѣ пьесы — нѣкоторымъ образомъ уступка современнымъ требованіямъ. Взглядъ Мольера на женщинъ отличается, какъ извѣстно, необыкновеннымъ практическимъ цинизмомъ; такого взгляда г. Ожье конечно раздѣлять съ нимъ не можетъ. За то во всемъ другомъ онъ самый вѣрный его по-

следователь. Событія въ комедіи г. Ожье, такъ же случайны, и такъ же мало вытекаютъ изъ характеровъ действующихъ лицъ, какъ въ большей части комедій Мольера. Вездѣ—страсти такъ сказать отвлечены отъ личностей, и все вниманіе автора обращено на правильность ихъ діалектическаго развитія. Вотъ все, что можно сказать общаго о комедіи г. Ожье, потому что подробнаго разбора она не заслуживаетъ. Конечно «Искательница приключеній» — подлѣ какого-нибудь «Прерваннаго ужина», которымъ угощаетъ журналъ публику въ отдѣлѣ клоуна — произведеніе гениальное, но сама по себѣ отличается крайнею пустотою.

За сямъ — въ Пантеонѣ заключаются:

1) *Льсной скиталецъ*, романъ Габріэля Ферри, часть третья. Романъ этотъ помѣщается въ видѣ балласта, для наполненія книжки, и принадлежитъ къ роду чтенія безполезнаго и безотраднаго.

2) Въ *исторіи искусства* — помѣщенъ рассказъ: Тартиніева трель, имѣющій претензію «Expliquer l'artiste par l'individu moral et l'individu par l'artiste» т. е. ни болѣе ни менѣе, какъ претензію на историческую критику. Между тѣмъ сущность рассказа такъ ничтожна, что по истинѣ удивляешься искусству распложенія.

3) Въ отдѣлѣ *Мемуаровъ* — окончена, какъ кажется, сказка жизни Андерсена — одна изъ самыхъ скучныхъ и утомительныхъ автобіографій.

Отдѣлъ *Смѣси* наполненъ по обыкновенію статьями, весьма мало имѣющими общаго съ драматургіей и театромъ, какъ то статьи о *Лондонской выставкѣ* — о *воздушномъ путешествіи* и т. д.

Балагуръ упражняется въ анекдотахъ и остротахъ въ родѣ слѣдующихъ:

«У знаменитаго Орловскаго былъ слуга, который любилъ выпить. Разъ утромъ, слуга входитъ къ Орловскому шатаясь. Художникъ разсердился не на шутку. Какъ, бездѣльникъ, — вскричалъ онъ: — еще утро, а ты успѣлъ ужъ напиться? Напрасно браните сударь, — *промычалъ тычуга*, — я сегодня еще капли въ ротъ не бралъ: это со вчерашняго.»

Г.

Печатать дозволяется. Москва, Декабря 4 дня, 1854 года.

Цензоръ Д. Ржевскій.

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1831.

24.

Декабрь.

Кн. 2.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ.

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА I.

— Ахъ, какъ ты, Клавдія, красива!... Когда вчера на праздникъ ты съ другими дѣвицами подошла къ Венерѣ, чтобъ надѣть вѣнокъ на голову богини и разсыпать цвѣты у ея подножія, — мнѣ казалось, что этому вѣнку приличнѣе украшать твою голову, и эти цвѣты надобно было разсыпать предъ тобою....

— Вотъ видишь, Липиній, одинъ только разъ побывалъ въ Римѣ, а уже ты прекрасно научился насмѣхаться надъ Помпейскими дѣвицами, — отвѣчала, покраснѣвши, Клавдія, и продолжала обѣими руками, бѣлыми какъ мраморъ, и обнаженными за локоть, держать большую глиняную амфору подъ струей фонтана.

Это было на большой Помпейской площади (Forum magnum), возлѣ публичнаго фонтана. — Когда амфора была наполнена водою, Клавдія хотѣла поднять ее себѣ на голову и идти домой; но Липиній не допустилъ ее до этого, и взялъ амфору въ свои руки.

— Позволь мнѣ хоть этимъ помочь тебѣ — сказалъ онъ, — когда

ты не хочешь никакихъ другихъ доказательствъ моей любви. — Клавдія хотѣла было противиться услужливости Лицинія, но не могла отнять у него сосуда съ водою, и должна была молча сдѣлать за нимъ.

— Напрасно ты преслѣдуешь меня твоею услужливостью и любовью — сказала она, идучи рядомъ съ Лициніемъ: — я не гетера, ты не Патріцій, и намъ съ тобою вовсе не прилично такое обращеніе.

— *O carissima mea!* — отвѣчалъ Лициній, — такъ ты меня еще не знаешь! Не только патриціемъ, — не хочу безъ тебя и консуломъ и императоромъ быть! а съ тобою я былъ бы счастливѣе всѣхъ тѣхъ блаженныхъ, что въ Елисейскихъ поляхъ пьютъ нектаръ и амбросію и не знаютъ никакого горя.

Клавдія ничего не отвѣчала, но шла, опустивши внизъ глаза, и краснѣя отъ каждаго слова пылаго юноши. — Это было вечеромъ, послѣ знойнаго дня. Вся площадь была устлана народомъ, который, просидѣвши въ домахъ жаркіе часы дня, высыпалъ вечеромъ на площадь насладиться прохладою. — Не успѣлъ еще Лициній съ Клавдіей далеко отойти отъ фонтана, какъ пришли за водою другія дѣвушки. Шалуны, увидѣвши, какъ Лициній прислуживалъ Клавдію, начали пересмѣхаться между собою и злословить.

— Посмотри, посмотри, — сказала одна дѣвушка, указывая на Клавдію, — вотъ и весталка наша заслушалась Лицинія! э! да онъ у нея на послугахъ, и амфору ея несетъ, подобно доброму послу....

Слова эти, сопровождаемыя звонкимъ смѣхомъ дѣвушекъ, слышала Клавдія. Она хотѣла бы отнять амфору у Лицинія; хотѣла бы его самого оттолкнуть отъ себя, хотѣла бы побранить его за его ласки.... Но не могши ничего этого сдѣлать, ограничилась только тѣмъ, что начала по-тихоньку плакать. Слезы, одна за другою, капали по ея горячимъ щекамъ; она шла за Лициніемъ, какъ жертва на закланіе....

Лициній, увидѣвши слезы Клавдіи, едва не выпустилъ изъ рукъ амфору, — остановился, потомъ, не переводя духу, ускорилъ свои шаги, и, повернувши съ площади въ одну изъ боковыхъ улицъ,

быстро дошелъ до маленькаго домика, въ которомъ жила Клавдія съ своею матерью, и поставилъ амфору съ водою на большомъ камнѣ возлѣ дверей.

Клавдія, взявши амфору, хотѣла было скрыться скорѣе за дверь; но Лициній схватилъ ее за пылающую и дрожащую руку, и, устремивши на нее свои большіе черные глаза, сказалъ:

«Не сердись на меня, Клавдія; ежели ты меня любишь, я завтра же приду къ твоей матери просить тебя въ замужство; скажи, позволяешь ли?...»

Клавдія молчала.

— Позволяешь ли? — повторилъ Лициній.

— Приходи, — сказала Клавдія, и, вырвавши свою руку у Лицинія, скрылась за дверь.

Лициній долго стоялъ около двери, за которую скрылась Клавдія. Лицо его пылало и улыбалось; счастье кипѣло во всей его физиономіи. — Наконецъ онъ отошелъ отъ домика Клавдіи, повернулъ на площадь, и затерялся въ толпѣ.

Кто жъ этотъ Лициній?

Кто эта Клавдія?

Отецъ Лицинія былъ отпущенникомъ Плинія Старшаго, естествоиспытателя и адмирала Римскаго, и получивши отпускъ, поселился въ Помпей, — женился тамъ, — скоро потомъ овдовѣлъ, и всю свою любовь обратилъ на единственнаго своего сына. Когда Лицинію было пятнадцать лѣтъ, отецъ послалъ его въ Помпейскую школу ритора Прокла для обученія свободнымъ наукамъ. Ему хотѣлось, чтобъ сынъ его былъ со временемъ ораторомъ или поэтомъ, и чтобъ своими талантами и краснорѣчіемъ проложилъ себѣ дорогу въ свѣтъ. Но самыя лучшія надежды рѣдко сбываются. На другой годъ отецъ Лицинія умеръ, оставивши сироту почти безъ всякихъ средствъ существованія, кромѣ винограднаго сада на предмѣстьи Augustum Felix, съ небольшимъ домикомъ. Патронъ попойника, Плиній, сжалился надъ сиротою, и взялъ его къ себѣ.

До двадцатилѣтняго возраста Лициній не имѣлъ у Плинія никакого опредѣленнаго занятія, но дѣлалъ все, что ему ни поручали: смотрѣлъ за рабами, имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи бы-

ліотеку своего патрона, былъ при немъ чтецомъ, и завѣдывалъ его одеждами. Когда ему исполнилось двадцать лѣтъ, Плиній сдѣлалъ его своимъ домоправителемъ, — и Лициній совершенно оправдывалъ такое назначеніе. Юноша кроткій, добрый, цвѣтущій здоровьемъ, онъ былъ неутомимъ въ своей должности, справедливъ и усерденъ безпредѣльно. Но, угодить на всѣхъ трудно. Обширная дворня Плинія досадовала на молодого домоправителя за его безкорыстіе и усердіе къ пользамъ господина: начались интриги, въ которыхъ играли главную роль молодая рабыня и конкубины. Мало по малу начали опозоривать усердіе Лицинія въ глазахъ его патрона, и наконецъ довели дѣло до того, что Плиній, обманутый наушниками, хотя не обвинялъ своего домоправителя ни въ чемъ, но для прекращенія междоусобныхъ несогласій въ своемъ домѣ, принужденъ былъ отказать ему въ его мѣствѣ. Давши Лицинію приличное награжденіе, онъ отпустилъ его.

Лицинію было уже двадцать четыре года. Мужественное лицо его отгнѣялось молодымъ, мягкимъ пуломъ бороды и усовъ. Орлиный носъ и черные глаза свидѣтельствовали о его греческомъ происхожденіи. Бывши домоправителемъ богатаго вельможи, онъ привыкъ приказывать и повелѣвать; эта привычка осталась въ немъ, и выказывалась въ гордой поступи и въ важномъ повелительномъ взглядѣ. Но сквозь эту величавость проглядывала особенная какая-то кротость и женственность, заставлявшая невольнымъ образомъ любить Лицинія. Въ самомъ голосѣ его было какое-то чудное раздвоеніе: казалось, будто это говоритъ женщина, которая нарочно поддѣлывается подъ звуки мужескаго голоса. И весь Лициній былъ похожъ на прекрасную женщину, обросшую усами и бородою.

Лициній прикупилъ кусокъ поля къ своему саду, поправилъ свой домикъ, и уже началъ заводить хозяйство, — какъ одинъ разъ случилось ему быть на собираніи винограда у своего богатаго сосѣда. Тамъ онъ увидѣлъ Клавдію, которая съ прочими дѣвушками участвовала въ этой работѣ, или въ этомъ праздникѣ — назовите, какъ угодно, — потому что собираніе винограда, сопровождаемое музыкою, играми, пѣснями и пляскою, болѣе походило на праздникъ, нежели на работу. Лициній увидѣлъ Клавдію,

и полюбить ее, какъ только можно полюбить въ двадцать четыре года, подъ жаркимъ небомъ.

Клавдіи было восемнадцать лѣтъ. Отецъ ея былъ отставнымъ воиномъ преторіанской стражи, и вмѣсто пенсіи за службу, получилъ около Помпеи, при общемъ раздѣлѣ, участокъ полей. Онъ поселился въ Помпей, и не болѣе пяти лѣтъ наслаждался отдыхомъ отъ службы. Послѣ его смерти, вдова его съ дочерью осталась жить въ маленькомъ домикѣ недалеко отъ главной городской площади; поля свои отдавала обрабатывать откупщикамъ, въ родѣ нынѣшнихъ арендаторовъ, а сама съ дочерью занималась пряжею волны, и этою работою снискивала себѣ пропитаніе. Она не знала большой нужды, но и богата не была. Старуха благочестивая, по тому понятію, какое было у язычниковъ о благочестіи, она воспитала Клавдію въ простотѣ и чистотѣ нравовъ, приучила ее къ рукодѣлю, и все сокращеніе своихъ нравственныхъ наставленій заключала въ томъ, чтобъ дочь ея никогда не была праздною, потому что древніе весьма справедливо почитали праздность матерью всѣхъ пороковъ. Клавдія была усердною помощницею своей матери: она и прала, и за водою ходила, и приготовляла кушанье, и смотрѣла за чистотою домика. Постоянная работа, отъ утра до вечера, не препятствовала Клавдіи быть прекрасною дѣвицею. Каптановыя волосы, заплетенныя въ четыре длинныя косы, украшали ея голову, и съ головы, какъ змѣи, падали на ея плечи. Атласныя брови, и длинныя темныя рѣсницы отгѣняли ея лицо, бѣлое какъ мраморъ, облитый багрянцомъ розы. Никто не видалъ, чтобъ Клавдія громко смѣялась; но улыбка постоянно украшала ея пурпурныя губы, и кроткая, спокойная веселость разлита была по всему ея лицу. Ясный взглядъ ея не общалъ никакихъ порывовъ и восторговъ, но свидѣтельствовалъ о тихомъ счастіи добродѣтели.

До знакомства съ Лициніемъ, она не знала другой любви, кромѣ любви къ своей матери. Но когда юноша началъ преслѣдовать ее своею любовью, и она невольно начала заглядываться на мужественнаго, красиваго и кроткаго Лицинія,—въ сердцѣ ея проснулось новое какое-то чувство, вмѣстѣ сладкое и горькое. Разсѣянность и задумчивость была первымъ плодомъ этого новаго

чувства. Уже Клавдія не улыбалась по прежнему, но часто сидѣла за прялкою, опустивши руки и очи, вздыхала, путала и рвала нитки. Въ другой разъ, вмѣсто того чтобъ идти за водою къ фонтану, она ставила пустую амфору на своемъ мѣстѣ возлѣ прялки. Кушанье, которымъ прежде она всегда угождала матери, теперь было или не доварено, или пересолено.

— Что съ тобою дѣлается, дитя мое?—спрашивала ее мать,

— Ничего, матушка, я такъ....

— Что же такъ?

— Ничего, ничего....—голосъ Клавдіи дрожалъ, она опускала глаза, и слезинки, одна за другою, пробивались сквозь прекрасныя рѣсницы.

Мать Клавдіи помнила свою молодость, свое дѣвичество, и легко разгадала странную перемѣну въ своей дочери; только не знала, кого она полюбила, какъ давно полюбила, и какъ далеко зашла ее любовь. Умная старуха начала наблюдать за Клавдіей, и одинъ разъ ночью подслушала, что она во снѣ произносила имя Лицинія. Но, Лициніевъ было много въ Помпѣй: который же это Лициній?... Старуха не знала, на комъ остановиться изъ извѣстныхъ ей молодыхъ людей этого имени.

Дѣла были въ такомъ положеніи, когда Клавдія сказала наконецъ Лицинію: «приходи.»

ГЛАВА II.

На другой день послѣ этого слова, еще солнце не совсѣмъ взошло,—едва только первые лучи его показались изъ-за Везувія на роскошномъ горизонтѣ Помпѣй, и озолотили сводъ неба,—уже Лициній сидѣлъ на камнѣ возлѣ дверей Клавдіи. Женщины и дѣвицы Помпейскія выгоняли въ это время коровъ на городскую площадь, откуда стадо отправлялось на пашу въ поле, въ сопровожденіи пастуховъ. Многія хозяйки и дочери ихъ знали Лицинія, и удивлялись, зачѣмъ онъ сторожилъ возлѣ дверей Клавдіина дома; другія, подоглядывте, подозрѣвали настоящую причину ожиданія его, и шутили надъ нимъ.

— Что это, domine Licini, ты вѣрно договорилъ себѣ квар-

тиру у дверей Клавдія? вѣрно и ночевалъ на этомъ мягкомъ ложѣ?—спрашивали его нѣкоторыя женщины.

— *Saluten plurimam! salutem maximam!*—отвѣчалъ Лициній, закраснѣвъ отъ стыда, и потомъ, для избѣжанія подобныхъ насмѣшливыхъ вопросовъ, всталъ съ камня и началъ ходить взадъ и впередъ по переулку, въ которомъ жила Клавдія.

— Вѣрно ты, *carissime*, потерялъ что-нибудь въ нашей улицѣ?—спрашивали его другія женщины, видя, что онъ нѣсколько разъ ходитъ все по одному направленію возлѣ любезнаго ему дома.

Наконецъ полное солнце показало[●] изъ-за Везувія, и облило яркимъ свѣтомъ весь городъ. Все проснулось, зашевелилось, зашумѣло. — Дверь въ домъ Клавдія отворилась; и Лициній робкою, постыбю, оглядываясь вокругъ себя, переступилъ за порогъ этой двери.—Клавдія и мать ея уже не спали. Старуха прибирала въ комнатѣ; а Клавдія, стоя на коленяхъ предъ мраморнымъ истуканомъ Зевса, стоявшимъ въ переднемъ углу комнаты, молилась. Оглянувшись назадъ и увидѣвши взволнованнаго Лицинія, она испугалась, покраснѣла, и не знала, чтò ей дѣлать—продолжать ли молитву, или бѣжать....

Лициній поклонился матери, и не говоря ни слова, сталъ на колѣни около Клавдіи, только тихонько сказалъ ей: «будемъ вмѣстѣ молиться....»

Мать съ изумленіемъ смотрѣла на гостя, и такъ была озадачена неожиданнымъ его появленіемъ и его дѣйствіями, что не нашла ничего сказать ему, но по какому-то тайному побужденію сердца и сама опустилась на колѣни около молящихся дѣтей... Всѣ трое молились, хотя и не знали, о чемъ они молятся. Старуха шептала что-то губами; Клавдія молилась молчаливыми слезами; а Лициній, судя по его глазамъ, устремленнымъ на небо, молился сердцемъ.... Наконецъ всѣ встали, и Лициній первый прервалъ молчаніе.

— Матушка, — сказалъ онъ, обратившись къ матери Клавдіи, — у меня нѣтъ ни отца, ни матери, а у тебя нѣтъ сына: будь моею матерью, — пусть я буду твоимъ сыномъ! Клавдія позволила мнѣ просить у тебя этой милости.

— Что ты скажешь на это, Клавдія?—спросила мать послѣ нѣкотораго молчанія. Ежели ты позволила ему, то и отвѣчай же за меня.

Клавдія молчала; лицо ея горѣло, и теплыя слезы такъ сами и напрашивались на рѣсницы ...

— Отвѣчай же, дитя мое, продолжала мать; скажи, любишь ли ты Лицинія? хочешь ли быть его женою?

Клавдія бросилась къ матери, повисла на ея шеѣ, и сквозь слезы сказала шепотомъ: «люблю, матушка!»

— Ну, дѣти, ежели вы прежде меня рѣшили уже это дѣло, то мнѣ не остается ничего больше, какъ соединить ваши руки. — Съ этими словами старуха соединила руки жениха и невесты и произвела надъ ними материнское благословеніе.

Лициній, внѣ себя отъ радости, цѣловалъ руки то матери, то Клавдіи,—хотѣлъ-было поцѣловать невесту въ губы, но мать не позволила. —Еще все ваше впереди передъ вами,—сказала она,—еще вдоволь нацѣлуетесь, какъ будете мужемъ и женою; а теперь лучше поговоримъ о томъ, какъ намъ устроить свадьбу, и какъ жить послѣ свадьбы.

Лициній объявилъ, что ему въ непродолжительномъ времени надобно было въ другой разъ ѣхать въ Римъ, чтобы окончить заведенное тамъ дѣло о вписаніи его въ число *Римскихъ гражданъ*.—Этою честью и милостью онъ былъ обязанъ предстательству патрона своего Плинія.

— Теперь не столько для себя хочу я этой чести, сказать Лициній, сколько для любезной моей Клавдіи; пусть достойная и прекрасная моя супруга будетъ *civis Romana*!

По общему согласію рѣшено было заключить бракъ по возвращеніи Лицинія изъ Рима. Городской домикъ, принадлежавшій матери Клавдіи, хотѣли продать, и расположиться всѣмъ жить въ виноградномъ саду Лицинія на предмѣстьи.

Быстро пролетѣли для Лицинія и Клавдіи три недѣли послѣ этого счастливаго дня. Надобно было жениху ѣхать въ Римъ. Откладываяши день отъ дня свой отъѣздъ, наконецъ Лициній рѣшился ѣхать,—простился съ Клавдіей и съ матерью, и не огля-

дываясь назадъ, быстро умчался верхомъ на конѣ, вмѣстѣ съ другими всадниками, ѣхавшими въ столицу міра.

Клавдія долго смотрѣла вслѣдъ за уѣхавшимъ. Уже и пыль отъ конскихъ копытъ давно осѣла, — уже и потѣздъ давно скрылся за поворотомъ изъ улицы на площадь, — а печальная невѣста стояла на порогѣ своего дома и глядѣла во всю длину улицы. Не скоро возвратилась она въ комнату, и съ заплаканными глазами сѣла за прядку....

ГЛАВА III.

Все это происходило въ первый годъ царствованія Римскаго Императора Тита, въ 79-мъ году послѣ Рождества Христова.

Первое гоненіе на Христіанъ въ Римской Имперіи, то есть въ тогдашней вселенной, было при безумномъ Неронѣ, а второе при Домиціанѣ. Между Нерономъ и Домиціаномъ, въ продолженіе тринадцати лѣтъ, не было всеобщаго гоненія по всей Имперіи; но частныя преслѣдованія, истязанія и казни не переставали. Изычество не могло ужиться съ новою вѣрою. Жрецы воспламеняли противъ нея ярость правителей; а неимовѣрное пространство Имперіи и всеобщее развращеніе нравовъ благопріятствовали злоупотребленію власти со стороны намѣстниковъ и правителей областей, со стороны проконсуловъ и преторовъ.

Изычество видимо приближалось къ своему концу, и въ предчувствіи своей гибели свирѣствовало противъ истинной вѣры, которая небеснымъ свѣтомъ озарила бездну человѣческой души и жизни. Борьба была не на животъ, но на смерть, и потоки христіанской крови дивнымъ образомъ оплодотворяли человѣчество. Вмѣсто одного распятаго, утопленнаго, или растерзаннаго мученика, являлось десять новыхъ исповѣдниковъ, которые едва только принимали святое крещеніе, уже съ радостью шли на муки и смерть за Господа Іисуса; а многіе изъ нихъ и крестились даже не водою, но собственною кровію....

Когда язычники предавались ночному покою послѣ ристаній и зрѣлищъ, увеселявшихъ ихъ впродолженіе дня, смиренные Христіане на площадяхъ и циркахъ безмолвно собирали святые кости и растерзанную плоть своихъ мучениковъ, относили ихъ въ ка-

такомъ, въ глубокія дебри и пустыни, и предавали ихъ землѣ, воспѣвая священныя гимны; потомъ на могилахъ мучениковъ совершали божественную литургію, оканчивающуюся свѣтѣйшимъ Таинствомъ Евхаристіи. Сегодняшніе погребатели мучениковъ — на завтра сами удостоивались мученическаго вѣнца и погребенія. Никто изъ нихъ не ропталъ, не бѣгалъ, не скрывался, и не тайлъ своей святой вѣры.

Языческая философія обезумѣла предъ этимъ чуднымъ явленіемъ въ мірѣ. Всѣ школы, доселѣ враждовавшія между собою, теперь принуждены были согласиться въ томъ одномъ, что въ кажущемся для нихъ юродствѣ Креста есть какая-то непонятная, сверхъестественная сила. А даръ изцѣленій, даръ чудесъ, неизъяснимыхъ никакимъ разумомъ, и даръ убѣжденія, которому никто не могъ противиться, и которымъ обладали многіе Апостольскіе мужи того времени, — всѣ эти благодатныя дары сильнѣе всякихъ словопрѣній и доказательствъ свидѣтельствовали, что новая вѣра есть дѣло Божіе, а не человѣческое. Язычество праздновало канунъ своей смерти кровавыми играми. Каждый день зрѣлища! каждый день борьба людей съ дикими звѣрами! — Даже кроткія и цѣломудренныя жены и дѣвицы находило удовольствіе присутствовать на этихъ кровавыхъ зрѣлищахъ, на которыхъ нагота человѣческаго тѣла являлась обрѣзъ рукою съ ужасами смерти...

Черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ Лицинія, герольды возвѣстили по городу Помпеѣ, что завтра имѣетъ быть истязаніе Христіанъ, отвергшихся отеческихъ боговъ. Весь городъ всколыхался при этой вѣсти; всѣ съ нетерпѣніемъ ждали завтрашняго дня. Дѣло шло о мести за поруганную религію, — и мать Клавдіи почла необходимою присутствовать вмѣстѣ съ своею дочерью на этомъ зрѣлищѣ.

Поутру рано уже весь амфитеатръ былъ полонъ народа, тѣснились одинъ на другомъ, и всякъ старался захватить самое открытое мѣсто.

При звукѣ трубъ и литавръ явился наконецъ Преторъ и сѣлъ на уготованномъ для него возвышенномъ мѣстѣ, трибуналѣ, которое со всѣхъ сторонъ было окружено желѣзными перилами; съ

обѣихъ сторонѣ около него помѣстились два ликтора и два нотаріа, или секретари, для записыванія слѣдственнаго дѣла надъ Христіанами.

По данному знаку, воины привели окованныхъ Христіанъ. Это были: одинъ старикъ лѣтъ шестидесяти, два юноши, и три дѣвицы.

Послѣ первыхъ судебныхъ вопросовъ объ имени, происхожденіи и званіи подсудимыхъ, Преторъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «слухъ дошелъ до насъ, будто вы не хотите приносить жертвы ни отцу всѣхъ боговъ, великому Зевсу, ни солнцееобразному Аполлону, ни великой Артемидѣ; а потому мы желаемъ удостовѣриться, справедливы ли эти навѣты, возводимые на васъ, и приглашаемъ васъ принести всенародно жертву великимъ нашимъ богамъ».

Старикъ отвѣчалъ прежде всѣхъ: «мы приносимъ безкровную жертву Единому въ трехъ лицахъ покланяемому Богу, Который создалъ вселенную, и подаетъ всѣмъ намъ жизнь и спасеніе; а которыхъ ты, Преторъ, называешь богами, тѣ суть дерево, мѣталь и камень,—сами бездушны они, и не могутъ слышать нашихъ моленій».

— Перестань злословить,—сказалъ Преторъ,—и принеси жертву богамъ, чтобъ эти юноши и дѣвы, смотря на твою старость, послѣдовали твоему примѣру. Ты знаешь, какія страшныя муки ожидаютъ всякаго, отвергающагося нашихъ боговъ.

— Напрасно ты пугаешь меня этими муками,—отвѣчалъ старецъ;—мы, христіане, видимъ несравненно дальше, нежели вы. Страданія нынѣшней жизни не достойны той славы и награды, которую нашъ Богъ Іисусъ Христосъ уготовалъ любящимъ Его. Почто медлить? мы не поклонимся вашимъ ложнымъ богамъ, не принесемъ имъ жертвы, и отречаемся отъ нихъ!

Преторъ обратился послѣ того къ двумъ юношамъ, которые, съ цѣпами на рукахъ и ногахъ, стояли рядомъ съ старикомъ. «Вѣроятно, этотъ безумный старикъ—сказалъ Преторъ—своимъ заблужденіемъ совратилъ и васъ съ истиннаго пути: не слушайте его, дѣти! Ему уже не долго жить,—пусть себѣ безумствуетъ. А вы еще молоды, и можете наслаждаться всѣми радостями жизни: принесите жертву богамъ!».

— Мы не за тѣмъ сюда пришли, — отвѣчалъ старшій юноша, — чтобъ приносить жертву вашимъ идоламъ. Нашъ Богъ — Христосъ, и смерть за Христа будетъ для насъ великимъ счастьемъ и пріобрѣтеніемъ.

— Ежели бъ ты, Преторъ, могъ познать истиннаго Бога, за котораго мы готовы пострадать — продолжалъ младшій юноша, — то ты оплевалъ бы этихъ безстыдныхъ боговъ, которымъ теперь поклоняешься. Всѣ ваши боги были такіе же человѣки, какъ и вы — блудники, пьяницы, разбойники, воры. Слухъ о великихъ злодѣяніяхъ ихъ переходилъ отъ поколѣнія въ поколѣніе между отдаленными нашими предками; наконецъ глупой народъ, потерявши познаніе истиннаго Бога, началъ въ безуміи своемъ почитать богами этихъ знаменитыхъ грѣшниковъ, и надѣлалъ имъ истукановъ, которымъ и вы поклоняетесь. Ты, Преторъ, самъ знаешь, что нѣтъ между людьми такого порока, который бы не имѣлъ покровителемъ какого-нибудь бога: воры почитаютъ своимъ богомъ-покровителемъ Меркурія; любодѣйцы приносятъ свои жертвы Венерѣ; а самый главный вашъ богъ Юпитеръ былъ такой пройдоха, что ежелибъ теперь явился онъ на землѣ, вы сами заперли бы его въ тюрьму.

Преторъ разсвирѣблѣвъ, заскрежеталъ зубами и приказалъ воинамъ бить юношу по устамъ. Отъ сильныхъ и частыхъ ударовъ все лицо юноши было окровавлено; но онъ, возведши свои глаза на небо, съ радостью говорилъ: «благодарю Тебя, Господи Боже, что ты удостоилъ меня этого перваго истязанія за Твое имя! Укрѣпи насъ, Господи, и на большія муки».

— Вашихъ злословій не переслушаешь, сказалъ Преторъ, — увидимъ, какъ-то вы послѣ заговорите. — Съ этимъ словомъ онъ далъ рукою знакъ, и воины немедленно принесли большую связку сухихъ воловьихъ жилъ.

Старика и обоихъ юношей раздѣли и повергли на землю; потомъ начали бить ихъ воловьими жилами. Около cadaго мученика было по четыре спекулятора, которые не переставали наносить имъ удары. Тѣло страдальцевъ сперва побагровѣло, потомъ посинѣло, наконецъ кожа треснула, и полилась кровь. Уже земля подъ ними была мокра отъ крови; но ни одинъ изъ нихъ не только

не кричалъ— даже и малѣйшимъ стономъ не обнаружилъ своей боли.

— Довольно!— сказалъ Преторъ.— Вы видѣли, что я не люблю путей съ хулителями нашихъ великихъ боговъ; покайтесь, образумьтесь, принесите жертву безсмертному Зевсу, и вы не только будете свободны, но еще получите приличное вознагражденіе изъ Цесарева казнохранилища.

— Благодаримъ тебя,— сказалъ окровавленный старикъ,— не за твои обѣщанія, но за эти драгоцѣнныя раны, которыми ты украсилъ наши тѣла. Смотри: текущая наша кровь красивѣе для насъ, нежели багряница царская; мученіе наше сладостнѣе для насъ, нежели всѣ радости жизни. Не хотимъ отъ тебя никакихъ сокровищъ, но радуемся и хвалимся страданіями нашими. О дѣти мои! продолжалъ старецъ, обратившись къ сострадавшимъ юношамъ, мужайтесь и да крѣпится ваше сердце! Презримъ все, да Христа пріобретаемъ!— Юноши молча сидѣли на мѣстѣ своего мученія, и мысленно молились подвигоположнику Господу Иисусу, да укрѣпитъ ихъ на дальнѣйшія муки.

Преторъ повелѣлъ поливать раны мучениковъ крѣпкимъ уксусомъ и натирать солью. Боль ужаснѣйшая!. Но страдальцы какъ будто ничего не слышали, и не произнесли никакой жалобы.

— Въ послѣдній разъ приглашаю васъ образумиться и принести жертвы богамъ,— сказалъ мучитель.— Еще вы можете выздороветь; раны ваши мы залечимъ, и вы еще будете жить: пожрите богамъ!

— Мы уже принесли себя въ жертву Господу и Богу нашему Иисусу Христу,—отвѣчали мученики;—почто медлишь, оканчивай твое дѣло; мы пьемъ на твоихъ мерзкихъ боговъ.

Послѣ этого мучитель приказалъ выпустить на арену трехъ голодныхъ львовъ, которые были заперты въ желѣзной клѣткѣ; эта клѣтка на колесахъ была заблаговременно подвезена къ амфитеатру. Народъ убѣжалъ съ арены по ступенямъ на высокія подмостки амфитеатра, за перилы. Сперва раздраживали львовъ сквозь рѣшетку клѣтки, потомъ отперли дверь клѣтки, и львы одинъ за другимъ, въ одинъ прыжокъ очутились на аренѣ. Запахъ крови указалъ имъ жертву. Три мученика, нагіе, окровавленные, въ цѣпяхъ, стояли на коѣнахъ въ лужѣ собственной крови, среди

арены, и молились. Львы, добѣжавши до мучениковъ, хотѣли-было броситься на нихъ и растерзать ихъ; но вдругъ, какъ будто по тайному какому-то повелѣнію, остановились, опустили свои гривы, потушили глаза, приползли на лапахъ къ мученикамъ, и начали лизать руки ихъ и ноги. Въ глазахъ дикихъ звѣрей засвѣтилось какое-то какъ будто разумное чувство... они легли у ногъ мучениковъ, и ласкались къ нимъ.

— Терзайте насъ!—сказалъ старецъ лвамъ;—но звѣри не слушали его, и продолжали цѣловать его руки.

При этомъ необыкновенномъ зрѣлищѣ ропотъ удивленія пробѣжалъ по толпѣ народа. Одинъ изъ зрителей, желая ближе видѣть страшную сцену—львовъ, лобызавшихъ раны мучениковъ, поскользнулся на подмосткахъ и упалъ чрезъ перилы на ар ну. Львы, оставя мучениковъ, тотчасъ подбѣжали къ упавшему, и въ одну минуту растерзали его на части. Народъ закричалъ отъ ужаса. «Великъ Богъ христіанскій! великъ Богъ христіанскій!» раздавался крикъ со всѣхъ сторонъ. Толпа устремилась къ Претору, который, желая прекратить такое волненіе, немедленно приказалъ загнать львовъ въ клетку, а тремъ мученикамъ отрубить головы.

Святые страдальцы съ радостью преклонили подъ мечъ свои выи; а истязаніе трехъ дѣвъ-Христіянокъ было отложено до завтрашняго дня.

Преторъ ушелъ изъ амфитеатра,—и народъ мало по малу разошелся.

ГЛАВА IV.

На другой день опять народъ собрался на амфитеатръ; опять были приведены туда три сестры—Христіянки. Старшей дѣвицъ было лѣтъ двадцать, меньшей—не болѣе пятнадцати. Родители ихъ были богатые и извѣстные въ Помпей люди, и по смерти своей оставили имъ богатое наслѣдство. Но дѣвицы, имѣвши случай познакомиться съ христіанскимъ священникомъ, пренебрегли богатство міра сего, крестились, продали свое имѣніе, вырученныя деньги раздали нищимъ, а сами поселились жить за городомъ около катакомбъ, въ ущельи горъ, въ небольшой хижинѣ. Въ

катакомбахъ ночью собирались гонимые Христіане и служили божественную литургію; а потому три сестры обрекли себя жить при этомъ подземномъ храмѣ. Онѣ участвовали въ погребеніи мучениковъ, продолжали раздавать милостыню, и остальное время проводили въ молитвахъ и постѣ.

Строгое воздержаніе не только не изнурило ихъ, но еще возвысило природную ихъ красоту. Есть особенная, дивная красота святости, которая блистала на лицахъ святыхъ сестеръ и приобрѣтала имъ всеобщую любовь и почтеніе.—Преторъ давно уже знаетъ, что онѣ Христіанки, но по волѣ Божіей доселѣ не подвергелъ ихъ истязанію. Наконецъ—Богу угодно было, чтобъ очередь мученичества дошла и до благочестивыхъ дѣвицъ.—Клавдія знала этихъ сестеръ, и принимала въ нихъ живѣйшее участіе.

Когда привели ихъ предъ лице Претора,—благодать Божія, сіявшая на ихъ лицахъ, невольнымъ образомъ расположила въ ихъ пользу всю толпу народа. Многіе зрители громко хвалили ихъ красоту; самъ Преторъ долго смотрѣлъ на нихъ молча, и любовался ими. Наконецъ онъ сказалъ имъ: «прекрасныя дѣвицы! великіе наши боги съ младенчества вашего возлюбили васъ, одаривши васъ такою красотою, которую трудно встрѣтить и въ царскихъ палатахъ. Грѣхъ вамъ будетъ, ежели вы за этотъ даръ не будете благодарны безсмертнымъ богамъ и не принесете имъ жертвы. Пожрите великой богинѣ Артемидѣ. Я о вашемъ повиновеніи донесу Цесарю, и онъ выдастъ васъ за мужъ за первѣйшихъ вельможъ Римской Имперіи».

Старшая сестра отвѣчала:

— Не ваши ложные боги, но единый истинный Богъ, сотворившій небо и землю, создалъ и насъ по образу и подобію Своему, и украсилъ насъ этою красотою, которую ты хвалишь. Другихъ боговъ мы не знаемъ!—Мы себя увѣстили уже святою Вѣрою Господу и Богу нашему Иисусу Христу. Онъ — наша честь и слава и богатство, и никто не разлучить насъ отъ Него.

Средняя сестра продолжала вслѣдъ за старшою.

— Какая польза человѣку, если бы онъ обладалъ хоть цѣлымъ свѣтомъ, да души свою погубилъ бы? Нѣтъ, напрасно ты, Пре-

торъ, думаешь, что мы, узнавши истинную Вѣру и отвергшись вашихъ ложныхъ боговъ, прельстимся твоими похвалами и обща-ніями, и забудемъ нашего Господа Христа.

— Вы слишкомъ много говорите, — прервалъ ихъ Преторъ, — потому что сами еще не испытали мукъ. Вспомните вчерашнихъ преступниковъ, которые здѣсь въ нашемъ присутствіи были казнены. Образумьтесь же, и не подвергайте себя истязанію.

— Мы вчера здѣсь видѣли — отвѣчала младшая сестра, — что лютые звѣри теперь сдѣлались человеколюбивѣе и умнѣе васъ несчастныхъ идолопоклонниковъ, львы не смѣли тронуть святыхъ мучениковъ, а ты приказалъ обезглавить ихъ! — Мы видѣли еще и то, чего ваши очи не могли видѣть: души мучениковъ, отрѣшившись отъ тѣлъ, были сопровождаемы ангелами Божиими въ райское жилище на небо, къ Господу Царю и Богу нашему Иисусу Христу.

— Дѣти, дѣти! — сказалъ Преторъ, — послушайте меня, какъ отца своего. Истинно по-отечески совѣтую вамъ: принесите жертву богамъ. Вы дѣвицы хорошаго рода, — ну, посудите сами, неужели вы допустите себя до того, чтобъ васъ здѣсь всенародно раздѣли, били, ранили, и чтобъ ваша красота погибла преждевременно.

— Напрасно ты пугаешь насъ, — отвѣчала старшая сестра; — ни ласки твоей, ни угрозы не трогаютъ насъ. Кто не пострадаетъ для Христа, тотъ не будетъ участвовать и въ славѣ Его. Мы не боимся временныхъ мукъ, потому что получимъ за нихъ вѣчное блаженство. До сихъ поръ мы, родныя сестры, никогда не разлучались: удостой же насъ и умереть вмѣстѣ. — Потомъ, возведши глаза къ небу, она произнесла: Господи Боже Иисусе Христе! мы не отвергаемся Тебя предъ людьми; ахъ, не отвергни и Ты насъ предъ Отцемъ небеснымъ! благослови и укрѣпи насъ на предстоящій намъ подвигъ!

Преторъ приказалъ отвести въ сторону двухъ меньшихъ сестеръ, и началъ говорить съ одною старшею:

— Послушай, дѣвица, сказалъ онъ, — ты старшая сестра, и могла бы служить для меньшихъ примѣромъ благоразумія и повиновенія; а ты губишь ихъ твоимъ упрямствомъ. Въ послѣдній разъ — не приказываю, но прошу тебя: отвергнись Христа и принеси жертву богамъ, — ну, когда не хочешь всѣмъ, то хотя одной Артемидѣ.

— Перестань напрасно и просить и стращать меня, — отвѣчала дѣвица такъ громко, чтобъ и меныія сестры могли слышать ее: — ни я, ни мои сестры не отвергнемся Господа Бога нашего, а вашихъ ложныхъ и бездушныхъ боговъ отрицаемся, отрицаемся, отрицаемся!

Преторъ потерялъ терпѣніе, и приказалъ мучить ее. — Когда святую дѣву обнажили и начали бить желѣзными прутьями, Клавдія вздрогнула и начала плакать; — сперва плакала она тихо, потомъ навзрыдь. Мать тихонько уговаривала ее не плакать: «перестань, дитя мое, а то—чего добраго—и тебя почтутъ за Христіянку». Но Клавдія не могла удержаться отъ слезъ во все продолженіе мученія. Одинъ изъ спекуляторовъ за каждымъ ударомъ желѣзныхъ прутьевъ приговаривалъ: «поклонись богамъ и принеси имъ жертву». — Дѣва молчала; кровь струилась по всему ея тѣлу. Растерзавши плоть мученицы, стали бить по обнаженнымъ костямъ; суставы хрустѣли и ломались, а убійцы не переставали бить. Наконецъ мученица приподняла голову къ небу, и произнесла: «Господи Іисусе Христе! пріими къ себѣ душу мою». Съ этими словами, голова ея опустилась; она закрыла глаза, и испустила духъ. Безумные мучители не переставали бить и мертвое тѣло, поканаконецъ Преторъ махнулъ рукою и приказалъ перестать.

Подвели младшихъ сестеръ къ окровавленному бездыханному тѣлу старшей сестры.

— Смотрите, — сказалъ Преторъ, — вотъ то же и вамъ будетъ, ежели вы будете упрямиться и не принесете жертвы богамъ.

Дѣвицы, преклонившись къ святымъ мощамъ своей сестры, съ радостными лицами лобызали раны ея, и говорили: «благословенна ты, сестра и мати наша, что удостоилась вѣнчаться мученическимъ вѣнцомъ и вѣнiti въ чертогъ Господа нашего! Помолись и за насъ, чтобъ мы удостоились этого блаженства. — Зачѣмъ вы медлите, мучители? Зачѣмъ лишаете насъ участія въ подвигѣ нашей старшей сестры?

Не только Клавдія, но многіе и другіе зрители не могли удержаться отъ слезъ, видя, какъ дѣвицы цѣловали и ублажали свою мертвую сестру. Многіе изъ толпы кричали къ дѣвицамъ со всѣхъ

сторонѣ амфитеатра: «поберегите себя, добрыя дѣвцы! исполните волю Претора, чтобъ не погибнуть вамъ лютою смертію».

Преторъ пробовалъ еще разъ уговаривать ихъ то ласками, то угрозами; но онѣ единогласно продолжали отвергаться и доловъ, и рѣшительно объявили, что никакія обѣщанія и ласки, никакія мученія и казни не отвратятъ ихъ отъ единой истинной Вѣры во Единого Истиннаго Бога.

Тогда Преторъ повелѣлъ обнажить ихъ и строгать тѣло ихъ желѣзными ногтями. Съ каждымъ движеніемъ острыхъ ногтей отторгались куски дѣвическаго тѣла, и кровь лилась ручьями.

Святые мученицы молчали; только по тихому движенію ихъ устъ, и по глазамъ, возведеннымъ на небо, можно было видѣть, что онѣ молятся.

Когда все тѣло было сострогано, — оставались только окровавленные жилы и кости, — Преторъ приказалъ бить мученицъ по головамъ желѣзными наковнями; и подъ этими ударами святые дѣвы предали свой духъ Богу.

Народъ молча разошелся съ площади. А Клавдія, и пришедши домой, не переставала плакать въ продолженіе оставшаго дня.

ГЛАВА V.

— Не спится мнѣ, матушка! вотъ уже первые нѣтухи пропѣли, а я не могу сомкнуть глазъ, — сказала Клавдія, лежа на своей постели, между тѣмъ какъ мать ея проснулася послѣ перваго сна, и стала кашлять.

Полная луна блестѣла на небѣ, и сквозь небольшое круглое окно подъ самымъ потолкомъ освѣщала маленькую опочивальню Клавдіи и ея матери.

— Отъ того и не спится тебѣ, — отвѣчала мать, — что ты все думаешь о своемъ женихѣ. Не безпокойся; боги возвратятъ его цѣлаго и здороваго.

— Ахъ, нѣтъ; я совсѣмъ не объ Лиціи думаю.

— О чемъ же ты думаешь?

— Мнѣ все представляются эти несчастные христіане, которыхъ мучили на амфитеатрѣ; вотъ такъ и вижу, какъ рубятъ имъ го-

ловы, какъ быють ихъ воловыми жилами и желѣзными врутьями, и строгаютъ ихъ тѣю.... Страшно!...

— Какъ заслужили, такъ и получили, отвѣчала мать. Перестань объ этомъ думать. За пренебреженіе безсмертныхъ боговъ чѣмъ же другимъ и казнить, какъ не смертію?

— Пускай бы казнили ихъ смертію, но—за чѣмъ же мучить ихъ?... Я думаю, смерть не такъ горька, какъ эти ужасныя муки.... Неужели не больно имъ, что они и не кричали?..

— У нихъ есть, говорятъ, какое-то волшебство противъ всякой болѣзни и страданій; какъ хочешь бей ихъ, а имъ не больно.

— Неужели и голодные львы были околдованы, что не смѣли тронуть христіанъ, а какъ упалъ одинъ не-христіанинъ, такъ они тотчасъ и растерзали его?...

— Разумѣется, такъ. Да этого еще мало: они не боятся ни огня, ни меча, ни ядовитыхъ змѣй; они имѣютъ такую силу, что, ежели наприимѣръ кто-нибудь изъ нихъ положить свою руку на больного человѣка да помолится, такъ больной сейчасъ выздоравливаетъ, какъ бы ни сильна была болѣзнь.

— Откуда же у нихъ такая сила?—спросила Клавдія.

— А кто ихъ знаетъ?—И мнѣ жалко христіанъ; они всѣ добрые и кроткіе люди; только напрасно отвергаются отеческихъ боговъ.

За этия слова ми слѣдовало нѣсколько минутъ молчанія. Клавдія продолжала думать, а мать начинала уже дремать. — Вдругъ Клавдія опять начала прерванный разговоръ:

— А что было бѣ, матушка, вотъ еслибъ Христіане были сильнѣе насъ, да вздумали принуждать насъ къ своей религіи, много ли нашлось бы такихъ между нашими, что пошли бы на муки и смерть за чужихъ боговъ?...

— Ты сама не знаешь, о чемъ спрашиваешь, — отвѣчала съ неудовольствіемъ мать, — выкинь эти мысли изъ головы, да вотъ лучше засни; уже скоро утро.

Уставши отъ своихъ мыслей и представленій, наконецъ предъ разсвѣтомъ Клавдія заснула.

На другой день передъ вечеромъ Клавдія по обычаю пошла за водою къ фонтану. — Принесши домой воду, она сказала матери, что около фонтана сидитъ какой-то пришелецъ—старикъ. Этого

странникъ просилъ у нея воды; а какъ она напоила его, то онъ просилъ, не можетъ ли она дать ему и кусокъ хлѣба.—Я—говорить—сегодня цѣлой день шелъ, и еще ничего не ѣлъ.

—Понесу я ему, матушка, кусочекъ хлѣба,—сказала Клавдія.

—Зачѣмъ же кусокъ хлѣба?—отвѣчала мать;—ты лучше поди проси старика, чтобъ пришелъ къ намъ раздѣлить съ нами вечерю. Бѣги, приведи его.

Клавдія тотчасъ пошла на площадь къ фонтану, и чрезъ нѣсколько минутъ возвратилась съ гостемъ. Это былъ высокій, бодрый старикъ, въ одеждѣ хотя бѣдной, но опрятной и чистой. На ногахъ у него были деревянные сандалии, прикрышенные ремнями къ ногамъ. У него не было ни котомки, ни узелка, только палка въ рукахъ. Лицо его было строгое, но умное и доброе.

Старикъ, вошедши въ комнату, перекрестился и сказалъ: миръ дому сему!

—Здравствуй, добрый человекъ,—отвѣчала мать,—возляжь у насъ, и отдохни. Клавдія! подавай кушать.

Клавдія немедленно принесла бѣлаго хлѣба, кусокъ холоднаго жаркаго, свѣжихъ огурцовъ и кислаго молока.

Гость, перекрестившись, принялся за хлѣбъ и огурцы. Мать Клавдіи предлагала ему мясо и молоко; но онъ отказался.

—Сегодня пятница—сказалъ онъ,—и мнѣ бы слѣдовало ничего не ѣсть; но утрудившись отъ пути, я благодаренъ вамъ за хлѣбъ и огурцы, а мяса и молока не надобно.

—Почему же ты пятницу такъ почитаешь?—спросила старуха—развѣ не равны всѣ дни?

—И весьма не равны. Въ пятницу былъ распятъ на крестѣ нашъ Господь Иисусъ Христосъ. Воспоминая страсти Христовы, можно ли думать о насыщеніи своей плоти?

—Такъ ты, старикъ, христіанинъ?

—Благодарю Бога, что онъ удостоилъ меня этого высокаго званія,—отвѣтилъ гость,—и вамъ желаю этой милости Божіей.

Клавдія прильнула своимъ вниманіемъ къ словамъ старика, и устремила на него свои ясныя очи. Мать ея испугалась словъ его; но предложивши сама ему угощеніе, не рѣшалась просить, чтобъ онъ удалился.

Старикъ пересталъ ѣсть, и продолжалъ свой разговоръ: «вотъ у васъ такъ много боговъ, сказалъ онъ, что вы и счетъ имъ потеряли. Посудите же сами: похоже ли это на истину, чтобъ ваши боги создали этотъ міръ и чтобъ они управляли міромъ?... Ежели они создали міръ; то вѣроятно одинъ изъ нихъ создалъ одну часть міра, а другой—другую? Какимъ же образомъ вышло такъ, что всѣ части міра — одна другой соотвѣтствуютъ, какъ будто онѣ вышли изъ рукъ одного Создателя?... И кто соединилъ всѣ эти части въ одно прекрасное цѣлое?... Если боговъ много; то и управленіе міромъ, вѣроятно, они раздѣлили между собою?—Но намъ извѣстно, что, гдѣ много правителей, тамъ непременно будетъ разногласіе и противорѣчіе. А на небѣ и на землѣ доселѣ нѣтъ никакого разногласія и противорѣчія: все идетъ по твердымъ и прочнымъ законамъ; никогда еще не случилось, чтобъ солнце опоздало взойти на востокъ, или зашло не въ свое время на западѣ. Еслибы много было боговъ-правителей міра; то одному богу такъ бы хотѣлось, а другому иначе, и непременно вышелъ бы безпорядокъ. Но мы въ правленіи міра не видимъ такого безпорядка, слѣдовательно....

—Слѣдовательно ты, отецъ, думаешь, что одинъ только Богъ?—подхватила Клавдія.

— Ты, дѣвица, сказала такую великую и святую истину, которой не понимаютъ многіе ваши философы и поэты. Одинъ только Богъ, Творецъ міра, создавшій и насъ по образу Своему и по подобію Своему! Онъ же Единъ и управляетъ созданнымъ отъ Него міромъ!—Можете ли вы вашими глазами смотрѣть прямо на солнце? Попробуйте—такъ непременно ослѣпнете. Если же и на свѣтило, созданное Богомъ, мы не можемъ прямо смотрѣть, то тѣмъ болѣе мы не можемъ умомъ нашимъ понять Бога. Богъ въ существѣ Своемъ непостижимъ. Онъ Единъ, но въ Трехъ Лицахъ. Онъ такъ себя обнаружилъ при твореніи человѣка, и такимъ же Онъ явилъ себя въ своемъ Словѣ, которое записано въ священныя книги. А чтобы люди несомнѣнно вѣрили сему Откровенію, Богъ подкрѣпилъ оное великимъ множествомъ чудесъ, которыхъ естественными силами человѣкъ ни сдѣлать, ни изъяснить не можетъ, но которыя самъ же человѣкъ, при своей вѣрѣ

можетъ дѣлать страшнымъ и всесильнымъ именемъ Тріединнаго Бога, Отца и Сына и Святаго Духа.

— Ты говоришь такія страшныя вещи, — сказала мать Клавдія, — что за эти разговоры у насъ на амфитеатрѣ мучать и убиваютъ людей.

— Не бойтесь убивающихъ тѣло, но не могущихъ убить душу, — отвѣчалъ старецъ, — надобно бояться того, чтобъ душа ваша не погибла на вѣки. — Человѣкъ состоитъ не изъ одного тѣла, но вмѣстѣ и изъ безсмертной души. Человѣкъ собственно есть разумная и безсмертная душа, живущая въ смертномъ тѣлѣ. Деревянные, каменные и серебряные ваши боги не могли создать такого человѣка.

— Откуда же міръ взялся? И кто создалъ человѣка? — спросила Клавдія.

— Если вы хотите слушать, я все вамъ расскажу.

— Когда началъ, такъ говори уже, — отвѣтила мать Клавдія, и — пошла, заперла дверь, какъ наружную, такъ и внутреннюю.

Старецъ возвелъ глаза свои на небо, и произнесъ: Господи! отверзи мои уста, и да возвѣстятъ онѣ хвалу Твою!

Потомъ онъ перекрестился, и началъ рассказывать своимъ слушательницамъ о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи первыхъ человѣковъ, объ изгнаніи ихъ изъ рая, объ обѣщанномъ Спасителѣ, о жизни первыхъ патріарховъ, о развращеніи людей, о всемірномъ потопѣ, о возобновленіи рода человѣческаго чрезъ семейство Ноя, объ Авраамѣ и другихъ праотцахъ, о началѣ идолопоклонства, о пророкахъ, которые предсказывали пришествіе Искупителя, о необходимости Искупителя и о всеобщемъ ожиданіи Его.

Рассказывая исторію Ветхаго Завета, старикъ преимущественно останавливался надъ тѣми событіями, о которыхъ память, хотя въ испорченномъ видѣ, осталась даже у язычниковъ; онъ объяснялъ также, что Искупителя ожидали не въ одной части свѣта и не одинъ народъ, но въ цѣломъ мірѣ всѣ народы.

Уже давно была ночь; а Клавдія и мать ея съ живѣйшимъ любопытствомъ слушали старца.

Начавши разсказывать исторію Новаго Завѣта, онъ еще болѣе воодушевился.—Великая благочестія тайна, сказалъ онъ: Богъ явился во плоти!—Люди собственными усиліями и средствами не могли возвратить себѣ потеряннаго блаженства: для этого самъ Единородный Сынъ Божій принялъ на себя естество человѣческое, и въ Своемъ лицѣ сочеталъ его съ естествомъ Божескимъ, дабы чрезъ то и насъ содѣлать причастниками божества. Другаго средства не было спастись человѣчеству!—Даже между язычниками былъ одинъ философъ, Платонъ, который засвидѣтельствовалъ, что нѣтъ другаго средства исправить развращенное человѣчество, какъ самому Богу явиться между людьми въ образѣ человѣка.

Обѣ слушательницы слѣдили за каждымъ словомъ старца, и не прерывали его. Но когда онъ началъ разсказывать о страданіяхъ, крестной смерти, погребеніи и трехдневномъ воскресеніи Спасителя, онъ прервалъ разсказъ его своими рыданіями... Невидимая, но тайнодѣйствующая благодать Божія коснулась сердецъ ихъ. Онѣ дослушали исторію Вѣры не переставая плакать, — и когда старецъ заключилъ свою проповѣдь молитвою, мать Клавдіи и Клавдія припали со слезами къ его ногамъ, и говорили: «что намъ дѣлать? спаси насъ, научи насъ, святой отецъ!»

— Вы сами знаете, что вамъ должно дѣлать, — отвѣчалъ старикъ, — ежели вѣруете во Іисуса Христа, вамъ надобно креститься.

— Вѣруемъ! вѣруемъ! удостой насъ святаго крещенія!

— Я не посланъ сюда крестить, — отвѣчалъ старикъ; — Римская Церковь послала меня къ вашимъ Помпейскимъ христіянамъ, чтобъ вручить имъ писмо и преподать имъ слово утѣшенія въ ихъ скорбяхъ. У васъ тутъ долженъ быть христіанскій пресвитеръ; ежели знаете, гдѣ онъ живетъ, проведите меня къ нему; я вручу ему посланіе Римской Церкви, а онъ наставитъ васъ больше, нежели я недостойный, и крестить васъ.

— Мы слышали, — отвѣчала мать, — что наши христіане собираются ночью въ катакомбахъ за городомъ; вѣроятно тамъ и пресвитеръ. Теперь ночь, — ежели ты, отецъ, не усталъ, то пойдемъ съ нами въ катакомбы.

— Пойдемъ, пойдемъ! — отвѣчалъ старецъ, — благословенъ грядый во имя Господне.

Мать и Клавдія наскоро одѣлись, вышли изъ дому съ гостемъ своимъ, и заперли за собою дверь. Была прекрасная, свѣтлая лунная ночь. Помпея давно уже спала.

ГЛАВА VI.

Они вышли за городъ, не встрѣтившись ни съ кѣмъ, и прошедши предмѣстье города, застроенное вилами, повернули къ предгорію Везувія. Между этими отраслями Везувія была глубокая долина, или ущелье, которое далеко простиралось въ самыхъ прихотливыхъ зигзагахъ: надобно было поворачивать то вправо, то влѣво, — и въ одномъ изъ такихъ поворотовъ было отверстіе, ведущее въ катакомбы. Не смотря на сіяніе луны, мать Клавдіи не могла бы скоро сыскать это отверстіе, если бы въ тишинѣ ночнаго воздуха не слышно было изъ катакомбъ тихое пѣніе, и если бы изъ отверстія пещеръ не выглядывалъ отдаленный свѣтъ. «Вѣрно, они здѣсь», — сказала мать Клавдіи, — и они всѣ повернули по тому направленію, откуда выходилъ свѣтъ и слышно было пѣніе.

Когда они вошли въ катакомбы, слухъ ихъ былъ пораженъ пѣніемъ слѣдующихъ словъ: «упокой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ.» — Катакомбы состояли изъ множества боковыхъ пещеръ, окружавшихъ одну большую пещеру, бывшую по срединѣ. Посолъ Римской Церкви, Клавдія, и мать ея, остановились на порогѣ этой средней пещеры. Она была полна молящагося народа, и освѣщена многими свѣчами. Посреди пещеры лежало шесть мертвыхъ тѣлъ; каждое тѣло было обернуто чистымъ полотномъ: это были тѣла трехъ мучениковъ и трехъ мученицъ, пострадавшихъ въ два предшествовавшія дня. Пресвитеръ въ облаченіи своего сана, съ курящеюся кадильницею въ рукахъ, стоялъ предъ святыми мертвецами, и отпѣвалъ ихъ. Когда погребальный канонъ былъ уже къ концу, пресвитеръ призывалъ вѣрующихъ отдать мученикамъ послѣднее цѣлованіе, и по его призыву каждый христіанинъ, бывшій во храмѣ, подходилъ къ святымъ мощамъ, преклонялся предъ ними, и лобызалъ ихъ, про-

износя громко слѣдующія слова: «святые мученики! молитесь Бога о насъ грѣшныхъ.» Послѣ всѣхъ подошли къ чествованію мощей посолъ Римской Церкви, мать Клавдіи, и Клавдія.

Когда кончилось послѣднее цѣлованіе, братія подняли святыхъ мощи, и въ предшествіи пресвитера отнесли ихъ въ одну изъ боковыхъ отдаленныхъ пещеръ, гдѣ и предали ихъ землѣ.

По возвращеніи пресвитера въ храмъ, Римскій посолъ подошелъ къ нему, принявъ отъ него благословеніе, и вручилъ ему посланіе своей Церкви. Пресвитеръ, ставши на амвонѣ, всенародно прочиталъ посланіе, въ которомъ Римскіе христіане утѣшали Помпейскихъ христіанъ въ ихъ скорбяхъ и гоненіяхъ за имя Господне. Посланіе было исполнено любви и благодати. Всѣ слушали его съ благоговѣйнымъ молчаніемъ; потомъ пресвитеръ обратился съ вопросомъ къ послу о томъ, въ какомъ состояніи находятся вѣрующіе въ Римѣ. Посолъ подробно разсказалъ о состояніи Римской Церкви; а въ заключеніе всего представилъ пресвитеру мать Клавдіи и дочь ея, и объявилъ, какъ онъ познакомился съ ними, и какъ онѣ изъявили желаніе креститься.

Пресвитеръ обратился къ обѣимъ женщинамъ, и началъ испытывать ихъ о побужденіяхъ, по которымъ онѣ ищутъ крещенія.

«Отрицаетесь ли вы идоловъ?»—спросилъ онъ ихъ.

— Отрицаемся,—отвѣчали мать Клавдіи, и Клавдія.

«Что побуждаетъ васъ отрицаться идоловъ? Не надѣетесь ли вы для себя какой-либо выгоды отъ присоединенія къ намъ — христіанамъ?»

— Мы отрицаемся идоловъ потому,—отвѣчала мать,—что вовсе не почитаемъ ихъ богами, но бездушными истуканами; а вѣруемъ Единому истинному Богу, сотворшему небо и землю, во Святой Троицѣ покланяемому.

—Выгодъ же мы земныхъ никакихъ не ожидаемъ,—прибавила Клавдія;—мы только ищемъ спасенія душъ нашихъ.

Послѣ многихъ другихъ подобныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, пресвитеръ огласилъ мать и Клавдію, и приказалъ діакониссамъ приготовить въ одной боковой пещерѣ купель для крещенія; а самъ съ прочими вѣрующими началъ служить полунощницу и заутреню. Мать Клавдіи, и Клавдія, во все продолженіе утренняго

служенія стояли на колынахъ, съ жадностью вслушивались въ каждое чтеніе и пѣніе, и не переставали плакать отъ умиленія.

Когда окончилась заутреня, пресвитеръ съ діаконалисами отвелъ обѣихъ *оглашенныхъ* въ боковую пещеру, и тамъ крестилъ ихъ.

Словамъ не можно изъяснить ту духовную радость, которая сіяла на лицахъ новопросвѣщенной матери и дочери, когда послѣ крещенія ввели ихъ, со свѣчами и пѣніемъ, во храмъ.—Тотчасъ началась божественная литургія, въ продолженіе которой обѣ новокрещенныя, въ бѣлыхъ одеждахъ и со свѣчами въ рукахъ, стояли около самаго алтаря. Онѣ, можно сказать, пожирали слухомъ и зрѣніемъ все дивное богослуженіе. Когда же пресвитеръ, приступая къ освященію Страшныхъ Даровъ, повторилъ слова Спасителя: сіе есть тѣло Мое.... сіа есть кровь Моя.... обѣ новыя Христіянки не устояли на ногахъ, пали на землю, и залились слезами.

Послѣ приобщенія Святыхъ Таинъ, всѣ бывшіе во храмъ Христіане поздравляли мать Клавдіи и дочь, а пресвитеръ сказалъ имъ наставительное слово, и повелѣлъ, чтобъ онѣ приходили въ катакомбы на каждое богослуженіе.

Уже разсвѣтало, когда вѣрующіе начали расходиться изъ катакомбъ. Мать Клавдіи и Клавдія, сопровождаемыя другими Христіянами, возвратились въ городъ.

Пришедши домой, старуха тотчасъ велѣла Клавдіи принять изъ почетнаго угла истуканъ Зевса, и вмѣсто него прикрѣпила на стѣнѣ кипарисный небольшой крестъ, подаренный ей пресвитеромъ; а Клавдія возлѣ креста утвердила небольшой образъ Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ. Этотъ образъ подарила ей діаконалисса.

ГЛАВА VII.

Кротко и мирно текли послѣ сего дни для Клавдіи и ея матери, въ молитвѣ, въ постѣ, трудахъ, въ благодушіи и постоянной духовной радости. Преображенныя сердца ихъ, кромѣ духовнаго утѣшенія, имѣли благотворное дѣйствіе и на самыя тѣла ихъ: мать Клавдіи, страдавшая прежде разными недугами

старости, теперь сдѣлалась совершенно здоровою; а Клавдія стала еще красивѣе. Онѣ не пропускали ни одного богослуженія въ катакомбахъ.

Клавдія призналась матери, что она въ молитвахъ своихъ поминаетъ и Лицінія, и проситъ Бога, чтобъ обратилъ его изъ тѣмъ язычества на свѣтлой путь истиннаго богопознанія. Мать похвалила за это Клавдію.

— Ну, а что ты будешь дѣлать, ежели Лиціній не захочетъ быть Христіаниномъ?—сказала она однажды Клавдіи;—пойдешь ли ты за него замужъ?

— Нѣтъ, матушка, я до тѣхъ поръ не буду его женою, пока онъ не крестится. Я надѣюсь, что Богъ услышитъ мою молитву, и обратитъ его.

— Дай Богъ!—отвѣчала мать.

Уже прошло два дѣсяца съ отъѣзда Лицінія; пора бы ему уже и возвратиться, но его не было.

Посолъ Римской Церкви, приносящій посланіе къ Помпейскимъ Христіанамъ, послѣ отдохновенія въ Помпей, хотѣлъ идти обратно въ Римъ, и наканунѣ своего выхода пришелъ къ матери Клавдіи проститься.—Мать Клавдіи призналась ему на прощаньи, что она, еще до обращенія своего, сговорила дочь свою за язычника, и рассказала, что женихъ теперь въ Римѣ.

— Вотъ ежели бъ далъ Богъ тебѣ, святой отецъ, встрѣтиться на дорогѣ съ нашимъ Лицініемъ,—продолжала она,—да ежели бъ Богъ чрезъ тебя и его обратилъ къ себѣ, какъ намъ обѣихъ.

— Молитесь Богу,—отвѣчалъ старикъ,—а Онъ милосердный Отецъ нашъ лучше насъ знаетъ, кто чего достоинъ, и когда кого призвать къ себѣ.

Клавдія молча слушала этотъ разговоръ, и опустила внизъ свои глаза.

— Хорошъ сосудъ серебрянной, — продолжалъ старикъ,—но еще лучше сосудъ позлащенный. Богъ самъ учредилъ и благословилъ таинство брака. Союзъ брачный есть высокое изображеніе духовнаго союза Христа съ Церковію. Но—вы слышали въ храмѣ чтеніе изъ посланія Святаго Апостола Павла: онъ со-вѣтуетъ и поощряетъ хранить себя отъ тѣлесныхъ узъ. Семей-

ный человекъ печется о своемъ семействѣ, мужъ о женѣ, жена о томъ, чтобъ угодить мужу; а человекъ, не принимавшій брачныхъ узъ, печется только о томъ, какъ угодить Господу. Св. Апостолъ не предлагаетъ этого, какъ всеобщій законъ, но преподаетъ въ видѣ совѣта. Посудите же сами: какъ не послушать такого совѣта, ежели только чувствуешь въ себѣ малѣйшую къ тому способность, и ежели надѣешься на подкрѣпленіе благодати Божіей?

— Такъ ты, отецъ, совѣтуешь моей дочери пребывать въ дѣвствѣ, и не выходить за-мужъ?—спросила мать.

— Я самъ ничего не совѣтую,—отвѣчалъ старикъ, — а только рассказываю дѣло, какъ оно есть.—Предоставь, мать, это дѣло Господу. Если Ему угодно будетъ соединить твою дочь съ Лициніемъ,—да будетъ благословенно имя Господне, и да благословить Онъ твоихъ чадъ!—Если же Ему угодно, чтобъ дочь твоя пребывала въ дѣвической чистотѣ,—еще болѣе благословимъ за это Господа!

Клавдія на прощаньи поцѣловала руку старца, и просила его молитвъ для матери своей, для себя, и для Лицинія.

—Богъ мира и любви да будетъ съ вами!—сказалъ старецъ,—поминайте и вы меня въ вашихъ молитвахъ.

Мысль объ обѣтѣ дѣвства заронила въ душу Клавдіи, какъ маленькое сѣмя, разогрѣлась въ душѣ, развилась, и пустила отъ себя корень.—При Помпейской Церкви было нѣсколько дѣвъ, произнесшихъ обѣты дѣвства. Клавдія постаралась сблизиться съ ними, присматривалась къ образу ихъ жизни, къ ихъ занятіямъ, къ душевному состоянію ихъ, и наконецъ убѣдилась, что семейные хлопоты и житейская молва стоятъ далеко ниже, нежели молитвенное уединеніе и дѣвическая чистота. — Долго боролась она съ любовью къ Лицинію. Образъ прекраснаго юноши, его пламенная любовь, его взглядъ, исполненный нѣжности, преданности и счастья, долго не давали ей покою.... Наконецъ, послѣ долгой борьбы, она рѣшилась не произносить обѣтовъ дѣвства до пріѣзда Лицинія, и по пріѣздѣ его заботиться не о своихъ обѣтахъ, но сперва объ обращеніи Лицинія въ христіанскую вѣру.—Мать совершенно одобрила ея намѣреніе.

Скоро прїѣхалъ и Лициній.

Не заѣзжая къ себѣ домой, онъ прїѣхалъ прямо въ городъ къ дому Клавдіи, привязалъ коня у дверей, и вбѣжалъ въ комнату съ радостнымъ крикомъ: «Salve, carissima mater! Salve, carissima sponsa»!... Сперва бросился онъ къ матери, которая обняла его съ истиннымъ материнскимъ чувствомъ, перекрестила его, и поцѣловала. Потомъ хотѣлъ-было обнять Клавдію; но она, взявши его за обѣ руки, и глядя ему въ очи съ неизъяснимою любовью, не допустила обнять себя, только глазами своими высказывала ему всю свою душу, всю свою любовь....

— Чтѣ это значить, Клавдія? ты и обнять меня не хочешь послѣ долгой разлуки? спросилъ Лициній съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Я жъ обнимаю тебя,—отвѣчала Клавдія, держа его за руки и пожимая ихъ.—Здоровъ ли ты? какъ ты ѣздилъ? успѣлъ ли ты въ твоёмъ дѣлѣ?

Лициній пожималъ глазами Клавдію; она казалась ему еще прекраснѣе, нежели была прежде. Холодность ея прїѣта онъ приписывалъ дѣвической стыдливости и присутствію матери, а потому—изумленіе его скоро разсѣялось, и онъ съ прежнею шумною радостью началъ рассказывать о своемъ путешествіи, о Римѣ, и о томъ, какихъ трудовъ стоило ему получить наконецъ имя и права *Римскаго гражданина*.

И такъ—сказалъ Лициній, смотря на Клавдію — мы теперь граждане Римскіе! Что же ты, любезнѣйшая гражданка, не поздравляешь ни меня, ни себя съ этою честью?

— Gratulor, gratulor tibi.... отвѣчала Клавдія съ кроткою улыбкою, и между тѣмъ глазами спрашивала мать: не сказать ли Лицинію о томъ, что и онъ долженъ поздравить ихъ съ перемѣною духовнаго ихъ существованія....

Мать какъ будто не замѣчала этого вопроса дочернихъ глазъ, и въ свою очередь сказала: «вѣрно, нашъ Лициній ничего еще сегодня не ѣлъ; приготовь, Клавдія, чтѣ Богъ послалъ». — Клавдія бросилась-было за приготовленіемъ кушанья; но Лициній удержалъ ее.

— Я сытъ; мнѣ ничего ненадобно, — сказалъ онъ, — позвольте только смотрѣть на васъ и говорить съ вами. Незнаю, если на свѣтѣ другой человѣкъ такой счастливый, какъ я теперь? И за что безсмертные боги такъ любить меня!... Когда же, матушка, прикажешь быть нашей свадьбѣ? ахъ, не откладывайте — пожалуйста!

Мать старалась успокоить Лицинія, и совѣтовала ему отдохнуть сперва послѣ дороги, а потомъ уже — сказала — будемъ думать и о свадьбѣ. — Осмотрись сперва, мой сынъ, отдохни, приготовь твой домикъ, а потомъ — что Богъ дастъ.

Конь Лицинія, стоя привязанный у дверей дома, давно уже билъ копытами объ камень и ржалъ; солнце уже склонялось къ западу. — Пробывши у Клавдіи болѣе двухъ часовъ, Лициній поѣхалъ наконецъ къ себѣ на предмѣстье. Онъ ѣхалъ медленно, въ великой задумчивости: обращеніе Клавдіи казалось ему страшнымъ и непонятнымъ.... всё таже, прежняя любовь въ ея глазахъ; но она какъ будто боялась малѣйшаго прикосновенія Лицинія.... Слова матери казались ему слишкомъ неопредѣлительны; да и на стѣнѣ у нихъ — что это такое? для чего этотъ крестъ у нихъ на стѣнѣ? думалъ Лициній; какіе это знаки мать дѣлала надъ моею головой, прежде нежели поцѣловала меня?... Грустно и задумчиво вошелъ Лициній въ свой домъ....

ГЛАВА VIII.

Того же самаго дня, едва только смерклось, Клавдія съ матерью тихонько вышли изъ дома, и пошли за городъ въ катакомбы на всенощное бдѣніе и литургію.

Не вдалекѣ отъ катакомбъ, въ сторонѣ отъ большой Римской дороги, былъ садъ и поле Лицинія, и изъ чащи виноградника выглядывалъ его домикъ. — Не успѣли еще онѣ повернуть въ ущелье, какъ на встрѣчу имъ попался Лициній. Онъ задумчиво и тихо возвращался съ поля на предмѣстье.

— Вы ли это? .. Клавдія! матушка! куда вы такъ воздно! — спрашивалъ Лициній, смотря на нихъ съ удивленіемъ.

— Это мы, — отвѣчала мать, — идемъ въ катакомбы молиться Богу. Видно, самъ Богъ послалъ тебя намъ на встрѣчу, чтобы

мы скорѣе объявили тебѣ о нашемъ блаженствѣ: во время твоего отсутствія мы узнали наконецъ истинную религію, отверглись этихъ бездушныхъ истукановъ, которыхъ слѣпый народъ почитаетъ богами, и вѣруемъ единому истинному Богу Иисусу Христу.

— Матушка! что это вы дѣлаете?... сказалъ Лициній, сплеснувши руками;—какъ это вы осмѣлились?... И ты, Клавдія?...

— И я благодарю Бога,—отвѣчала Клавдія,—что Онъ призвалъ меня къ себѣ. Поклоненіе идоламъ есть величайшее заблужденіе, отъ которато да избавитъ Богъ и тебя, мой добрый Лициній!

Лициній скрестилъ руки, и нѣсколько минутъ стоялъ молча противъ Клавдіи. Потомъ вздохнулъ тяжело, и ударивши себя въ грудь, сказалъ сквозь слезы: «не даромъ не хотѣлось мнѣ вхатъ въ Римъ! Ахъ, зачѣмъ я туда ѣздилъ?... На что мнѣ права Раяскаго гражданина?... Матушка! Клавдія! оставьте ваше заблужденіе! заклиная васъ всѣми безсмертными богами—оставьте!

— Сынъ мой!—отвѣчала мать Клавдіи—здесь не мѣсто и не время разговаривать намъ о нашемъ великомъ и святомъ дѣлѣ. Вотъ лучше проводи насъ въ катакомбы, и побудь въ христіанскомъ храмѣ при нашемъ богослуженіи, пока тебѣ, какъ невѣрному, не позволено будетъ стоять тамъ....

Лициній, молча, съ угрюмымъ лицомъ и съ ядовитою усмѣшкою на устахъ, пошелъ за ними.

Клавдія и ея мать вошли въ подземный храмъ и заняли свое мѣсто между вѣрующими; а Лициній остановился на порогѣ храма, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на великое множество молящихся. Онъ никакъ не воображалъ, чтобъ въ Помпей такъ много было Христіанъ, между которыми онъ видѣлъ самыхъ почетныхъ жителей города, много благородныхъ мужей, женъ и дѣвицъ.

Только что началось всенощное бдѣніе. — Пресвитеръ стоялъ посреди храма, и молился о Цезарѣ, о его воинствѣ, о начальствѣ города, о мирѣ всего міра, о всѣхъ вѣрующихъ, о больныхъ, объ умершихъ, о плавающихъ и путешествующихъ, о всякой душѣ христіанской, находящейся въ озлобленіи и требу-

ющей милости Божіей; а присутствовавшіе Христіане вслѣдъ за священникомъ повторяли: Господи, помилуй! Господи, помилуй!—Потомъ слѣдовало благословеніе хлѣбовъ, пшеницы, вина и елея, и вслѣдъ за тѣмъ началась утрени.

Лициній вслушивался въ каждое слово псалмовъ Давида и воспѣваемыхъ Христіанами пѣснопѣній. Благодатное смиреніе чувствованій и глубочайшая преданность Богу, звучащая въ каждомъ словѣ Псалтыри, были совершенно новы для Лицинія; любопытство его часъ отъ часу болѣе возгаралось, — и въ сердцѣ его, безъ его вѣдома, родилось какое-то чувство удовольствія. Онъ и не примѣтилъ, какъ окончилась утрени.—Христіане сѣли отдохнуть, въ ожиданіи литургіи.—Тогда Клавдія подошла къ Лицинію и объяснила ему что послѣ утрени будетъ еще у нихъ литургія, на которой онъ можетъ, ежели захочетъ, оставаться до тѣхъ поръ, пока діаконы не произнесутъ три раза слѣдующихъ словъ: *«оглашенные, изыдите!»*—Когда ты, Лициній, услышишь эти слова, сказала она, то выйди изъ нашего храма; тебѣ не можно тогда здѣсь оставаться.

На литургіи, послѣ чтенія Апостольскихъ посланій и Евангелія, пресвитеръ предложилъ свое слово въ назиданіе оглашеннымъ, которыхъ на тотъ разъ случилось въ храмѣ около десяти человѣкъ. Для нихъ изъясняемы были догматы вѣры языкомъ простымъ, яснымъ, раствореннымъ благодатью убѣжденія. Эта проповѣдь чрезвычайно понравилась Лицинію; онъ многого не понималъ, но чувство досказывало ему то, чего не понималъ разумъ.

Когда было возвѣщено повелѣніе оглашеннымъ удалиться изъ храма, Лициній вышелъ, и сѣлъ около входа въ катакомбы, чтобъ дожидаться Клавдіи и матери.

Литургія кончилась предъ самымъ разсвѣтомъ. — Лициній проводилъ Клавдію и мать въ городъ до самаго ихъ дома.

— Для чего вы меня выгнали изъ вашего храма?—спрашивалъ онъ дорогою, —и что такое значитъ—оглашенный?

—Тебя не выгнали, —отвѣчала мать Клавдіи, —но предложили тебѣ удалиться, потому что ты, будучи не крещенъ, недо-

стоять присутствовать при нашемъ жертвоприношеніи. Послѣ выхода твоего изъ храма, началась у насъ литургія вѣрныхъ, на которой могутъ присутствовать только вѣрующіе; а ты вѣдь не вѣруешь....

— Ты даже и не оглашенный,—продолжала Клавдія;—оглашенными у насъ называются тѣ, которые изъявили желаніе креститься, но еще не приготовлены къ тому, какъ должно. Вотъ ты слышалъ, какъ нашъ пресвитеръ готовилъ ихъ сегодня своими наставленіями.

— Кто же такой я? — спросилъ Лициній.

— Ты?... ты.... просто идолопоклонникъ.... Да просвѣтитъ тебя и спасетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ!—сказала мать, и послѣ этого они разстались. — Лициній пошелъ къ себѣ на предмѣстье.

ГЛАВА IX.

Два дня Лициній не приходилъ къ Клавдіи; наконецъ на третій день предъ вечеромъ пришелъ. Лицо его было разстроенное; волосы нечесанные, щеки блѣдныя; глаза впали, и блестѣли какимъ-то лихорадочнымъ блескомъ.—Молча поклонился онъ матери, и сѣлъ противъ Клавдіи, которая была занята пряжею.

Долго молчалъ онъ, долго смотрѣлъ на Клавдію; наконецъ началъ говорить:

— Клавдія! Клавдія! я хочу сказать тебѣ что-то....

— Говори, мой добрый Лициній, — отвѣчала дѣвушка, стотря на него съ участіемъ сострадающаго Ангела.

— Твой Богъ—мой Богъ! — сказалъ Лициній, ударивши себя въ грудь.—Не можетъ быть, чтобъ ты ошибалась въ религіи! Не можетъ быть, чтобъ эта чудная красота твоя дана была тебѣ для погибели твоей и того, кто тебя любитъ!—Вотъ уже третій день я не ѣмъ и не сплю; я молился нашимъ богамъ, чтобъ они или тебя обратили на прежнюю религію, или у меня отняли любовь къ тебѣ. Боги не слушаютъ меня,—значить, что они не могутъ это сдѣлать. Я отвергаюсь нашихъ боговъ! Веди меня къ хри-

етіянскому священнику: пусть и меня сдѣлають такимъ христіяниномъ, какъ ты!

— Слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ! — сказали въ одинъ голосъ мать и Клавдія. — Благодарю Бога, Лициній, — продолжала мать, — за твое желаніе просвѣтитися истинною Вѣрою. Прежде всего — не пугайся этого желанія, и успокойся. Ты еще не знаешь христіянской вѣры; а какъ сподобить тебя Богъ узнать, то... трудно тебѣ рассказать, какое спокойствіе, какая радость будетъ наполнять твою душу. Радуйся, Лициній, что ты уже на дорогѣ къ этому блаженству. — Скоро будетъ ночь; мы съ тобой пойдемъ въ катакомбы, и ты самъ познакомишься тамъ съ нашимъ пресвитеромъ, самъ скажешь ему о твоёмъ желаніи. А теперь, будь благодаренъ, подкрѣпи себя пищею.

Клавдія не дождалась приказанія матери, тотчасъ встала — пошла въ чуланъ, и принесла оттуда хлѣба, сыру, масла, винограду и яблокъ. — Покушай, Лициній, — говорила она, разставляя на столѣ кушанье, — покушай, мой добрый Лициній!

— Я тебѣ во всемъ повинуюсь, — отвѣчалъ юноша, — вотъ смотри, даже буду ѣсть по твоему желанію, хотя мнѣ вовсе не хочется никакой пищи.

Клавдія и мать продолжали упрашивать его; онъ ѣлъ и мало по малу началъ успокоиваться; блѣдныя щеки опять покрылись румянцемъ; въ глазахъ пересталъ горѣть лихорадочный жаръ.

Клавдія смотрѣла на Лицинія съ неизъяснимою нѣжностью и любовью; но эта любовь не была уже похожа на страсть влюбленной невесты, а скорѣе на любовь сестры и на нѣжность матери къ своему дитяти. Лициній не могъ совершенно понять этого преображенного чувства Клавдіи, — чувствовалъ только, что она любитъ, — замѣчалъ, что любитъ она какъ-то не по прежнему, но все-таки любитъ!

Когда наступила ночь, всѣ трое пошли въ катакомбы.

По окончаніи утрени, во время краткаго отдыха предъ литургіей, Лициній подошелъ къ пресвитеру, поклонился, и просилъ выслушать его.

— Говори, сынъ мой, что тебѣ нужно, — сказалъ пресвитеръ.

Лициній откровенно рассказалъ ему о своей любви къ Клавдіей,

о томъ, что Клавдія въ его отсутствіе крестилась, и о томъ, что теперь и онъ самъ хочетъ присоединиться къ христіанамъ, и просить крещенія.

— Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ не отвергаетъ никого, приходящаго къ Нему,—отвѣчалъ пресвитеръ,—но, сынъ мой, я не могу тотчасъ крестить тебя. Побужденія твои принять нашу Святую Вѣру не совсѣмъ чисты. Если бы твоя невѣста не приняла святаго крещенія, ты, можетъ быть, и не захотѣлъ бы быть христіаниномъ. Будь покоренъ, сынъ мой, моему распоряженію: я могу принять тебя въ число оглашенныхъ, чтобы ты укрѣпился въ твоёмъ желаніи и чтобы лучше приготовился къ тому великому Таинству, котораго просишь.

— Дѣлай со мной, отецъ, что тебѣ угодно,—отвѣчалъ Лициній сквозь слезы,—я не принадлежу самому себѣ.

Пресвитеръ подозвалъ діакона, и поручилъ ему Лицинія для наставленія и приготовленія ко Святому Крещенію.

Діаконъ началъ приготовленіе съ того, что запретилъ Лицинію видѣться съ Клавдіей до самаго крещенія его, и началъ преподавать ему ученіе вѣры, ея исторію, догматы, и правила жизни.

— Ты самъ, возлюбленный, видишь,—говорилъ ему діаконъ,—что ты приготовляешься къ возрожденію, къ совершенному обновленію всего твоего существа, и къ соединенію съ Богомъ; такъ теперь не слѣдуетъ тебѣ помышлять ни объ какихъ житейскихъ связяхъ и удовольствіяхъ. Перестань думать о невѣстѣ, но думай только о томъ, къ чему ты приготовляешься.

Лициній безпрекословно повиновался своему наставнику,—даже въ храмѣ избѣгалъ встрѣчаться съ глазами Клавдіи, и въ продолженіе двухъ недѣль сталъ совсѣмъ другимъ человекомъ.

Видя его покорность и успѣхи въ изученіи вѣры, пресвитеръ объявилъ ему, что онъ скоро удостоитъ его Святаго Крещенія.

Когда оставалось до крещенія Лицинія только пять дней,—Клавдія, по окончаніи литургіи, осталась въ храмѣ, чтобы наединѣ поговорить съ пресвитеромъ.

— Святой отецъ!—сказала она,—позволь мнѣ исповѣдать тебѣ мою душу.

— Говори, дитя мое, въ чемъ ты нуждаешься.

Клавдія подробно розказала, какъ она полюбила Лицінія еще до обращенія своего въ христіанскую віру; какъ крестилась въ отсутствіе его; и какъ нынѣ, не смотря на свою любовь къ нему, она хотѣла бы посвятить Богу всю свою жизнь и произнести обѣты дѣвства.

— Развѣ ты перестала любить своего жениха?—спросилъ пресвитеръ.

— Нѣтъ; я грѣшная люблю его попрежнему; но Бога хочу любить больше всякой твари... Боюсь, чтобъ мнѣ не любить Лицінія болѣе Бога и болѣе спасенія души моей!... Ты, отецъ, читалъ намъ въ Евангеліи, что кто любитъ отца или мать, или кого-либо изъ людей болѣе, нежели Господа, тотъ недостойнъ называться христіаниномъ.

— Но ты вѣдь обѣщала Лицінію быть его женою? Слѣдовательно ты не должна нарушать свое слово; это была бы несправедливость, и тогда твои обѣты были бы неприятны Богу. Не чисто, дочь моя, не чисто; а Богъ нечистыхъ жертвъ не принимаетъ.

— Чтожъ мнѣ дѣлать, святой отецъ?

— Быть благочестивою женою того, кому ты обѣщала твою руку.

— Ахъ, отецъ мой! я, при всей моей любви къ Лицінію, не хочу выходить за-мужъ! Я хочу провести мою жизнь въ дѣвствѣ, буду для Бога терпѣть всѣ искушенія, хотѣла бы жить при храмѣ Божіемъ, и помышлять только о молитвѣ, а не о мужѣ...

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ пресвитеръ,—надобно, чтобъ твой женихъ самъ разрѣшилъ тебя отъ даннаго тобою слова; а иначе—я именемъ Божіимъ не приму твоихъ обѣтовъ.

— Объ этомъ-то я и пришла просить тебя, святой отецъ! — сказала Клавдія: я сама не могу говорить объ этомъ съ Лицініемъ; скажи ты ему.

— Послушай, дочь моя, — отвѣчалъ пресвитеръ, — и замѣть хорошо: я также не могу требовать отъ Лицінія, чтобъ онъ возвратилъ тебѣ твое слово,—это было бы несправедливо; я только по твоей просьбѣ, скажу ему, что ты желаешь произнести обѣтъ дѣвической чистоты, и просишь на это его согласія. Если онъ не согласится,—повторяю тебѣ: ты должна быть его женою.

Съ этими словами пресвитерь отпустилъ Клавдію.

Это было въ августѣ мѣсяцѣ 79-го года послѣ Рождества Христова. Послѣ жаркихъ каникулярныхъ дней, въ Помпѣхъ было нѣсколько легкихъ землетрясеній; Везувій дымился болѣе прежняго. Съ половины августа землетрясенія сдѣлались чаще и сильнѣе; не проходилъ ни одинъ почти день, чтобъ земля не колебалась; и около Везувія были слышны сильныя подземныя взрывы, подобные отдаленному грому. Къ чему человѣкъ не привыкаетъ?... За 16 лѣтъ предъ симъ, въ 63-мъ году послѣ Р. Х., было ужасное землетрясеніе, отъ котораго Помпейцы сильно пострадали; но всѣ эти опустошительныя явленія природы съ теченіемъ времени сдѣлались такъ обыкновенны для жителей Кампаніи, что они перестали уже бояться ихъ, и жили не думая о будущемъ.

На другой день послѣ объясненія съ Клавдіей, пресвитерь, по окончаніи литургіи, приказалъ ей и Лицинію остаться въ храмѣ. Остались еще служители церковныя, и мать Клавдіи. Сквозь отверстіе храма, чрезъ нѣсколько дверей переднихъ пещеръ, виднѣлось на небѣ свѣжее, только-что разсвѣтавшее утро. Пресвитерь подозвалъ къ себѣ Лицинію, и сказалъ ему:

— Благодареніе Богу, вотъ чрезъ четыре дня ты наконецъ удостоишься Святаго Крещенія; но прежде, нежели приступишь къ этому таинству, я, по просьбѣ твоей невѣсты, долженъ объявить тебѣ нѣчто. Приготовь твое сердце къ тому, что буду говорить. Ты видишь, что при нашемъ храмѣ есть нѣсколько вдовицъ и дѣвъ, которыя отказались отъ всѣхъ семейныхъ радостей, чтобъ удобнѣе служить Богу; онѣ дали обѣтъ Богу не вступать въ супружество и служить всю свою жизнь церкви. И твоя невѣста Клавдія хотѣла бы посвятить себя такимъ образомъ Богу. Но какъ она прежде дала тебѣ слово быть твоею женою; то нынѣ поручила мнѣ спросить тебя: не возвратишь ли ты ей даннаго ею слова?...

Лициній сперва не понималъ, о чемъ спрашивалъ его пресвитерь; потомъ, когда повалъ, то нѣсколько минутъ стоялъ, какъ пораженный громомъ, и молчалъ...

— Отвѣтай, сынъ мой, — сказалъ пресвитерь: — разрѣшаешь ли ты Клавдію отъ обѣщанія быть твоею женою?... Безъ твоего разрѣшенія, я не приму ея обѣтовъ.

— Что ты, Клавдія, дѣлаешь со мною? — застоналъ Лициній, облившись слезами, и впростерши къ ней свои руки. Еще ли я тебя не повинуюсь?... Еще ли я не люблю тебя?... Какой ты еще жертвы отъ меня требуешь?... Не бывши еще твоимъ мужемъ, уже я наскучилъ тебѣ?... Куда жъ теперь пойду я несчастный?... Что мнѣ теперь дѣлать?...

Пресвитеръ указалъ Клавдію на отчаяннаго Лицинія, и сказалъ: « видишь, дочь моя, видно твоя жертва не угодна Богу. Примиритесь, дѣти; послѣ крещенія Лицинія я немедленно соединю васъ брачными узами. » Но Клавдія ничего не отвѣчала, — стояла въ благоговѣйномъ молчаніи, устремивши очи свои на образъ Спасителя, и слезы струились по ея щекамъ....

Когда всѣ вышли изъ храма, — никто не примѣтилъ, куда дѣвался Лициній. Два слѣдующіе дня за тѣмъ онъ не приходилъ въ катакомбѣ на богослуженіе. Вечеромъ другаго дня діаконъ — наставникъ его, заходилъ къ нему, но не могъ достучаться. Лициній два дня просидѣлъ, запершись въ своемъ домикѣ.

На третій день, — на канунъ того дня, въ который назначено было крещеніе Лицинія, — онъ раньше всѣхъ пришелъ въ катакомбѣ, и едва только увидѣлъ пришедшаго пресвитера, тотчасъ обратился къ нему:

— Святой отецъ! — сказалъ Лициній, — помолись Богу о мнѣ грѣшномъ. Я не смѣю осуживать у Бога христіанскую душу. Ежели Клавдія желаетъ посвятить себя Богу, и ежели ты благословляешь ея намѣреніе... да будетъ воля Господня! — Помолись о мнѣ, святой отецъ, — говорилъ Лициній, глотая свои слезы.

— Господь Богъ да приметъ и отъ тебя, сынъ мой, сію великую жертву, которую ты Ему приносишь! — отвѣчалъ пресвитеръ. — Вѣрь мнѣ: Отецъ небесный не оставитъ тебя безъ воздаянія. Да благословитъ тебя Богъ!

Вскорѣ за тѣмъ вошла въ храмъ и Клавдія съ матерью. Пресвитеръ объявилъ ей, что Лициній возвращаетъ ей слово ея, и что ежели она желаетъ, то сегодня же послѣ утрени можетъ произнести свои обѣты и получить постриженіе.

Настоящихъ, организованныхъ монастырей, ни мужскихъ ни женскихъ, тогда еще не было, и благочестивые люди, которые

давали монашескіе обѣты, не отличались тогда особенною одеждою отъ прочихъ вѣрующихъ, но жили большею частью при церквахъ, имѣли смотрѣніе за больными, хоронили умершихъ, и занимались другими дѣлами христіанскаго милосердія.

Послѣ утрени вдовицы и дѣвственницы, при заушномъ протяжномъ пѣніи, подвели Клавдію къ алтарю для постриженія... Лициній убѣжалъ изъ храма.

Послѣ обряда постриженія Клавдіи, слѣдовала литургія, на которой новая постриженница сподобилась приобщиться Святыхъ Таинъ.

Когда, по окончаніи литургіи, Клавдія въ сопровожденіи вдовъ и дѣвицъ вышла изъ храма, Лициній стоялъ на дворѣ у входа въ катакомбы, въ числѣ другихъ оглашенныхъ. Увидѣвши Клавдію, онъ, уже безъ слезъ, поклонился ей въ ноги, и сказалъ: «помолись о мнѣ Богу, мать моя Клавдія!»

— Молюсь, и молиась, и буду молиться, — отвѣчала Клавдія, и взаимно поклонилась Лицинію въ ноги...

ГЛАВА X.

Наступило 24-е число августа—день, назначенный для крещенія Лицивія. Ночью предъ этимъ днемъ было въ Помпѣи сильное землетрясеніе. Всѣ городскія зданія колебались вмѣстѣ съ землею, и казалось—должны были рушиться; но къ разсвѣту землетрясеніе перестало. Жители Помпеи не спали цѣлую ночь; нѣкоторые изъ нихъ ушли на пристань и переселились на стоявшіе въ пристани корабли; другіе выбрались съ пожитками своими на предмѣстье, даже въ поле. Но изъ двадцатитысячнаго населенія Помпеи большая половина жителей оставались въ городѣ, и отъ страха не знали — о чемъ болѣе должно было думать, о сохраненіи ли жизни своей, или о сохраненіи своихъ сокровищъ, — метались, какъ угорѣлые, кричали, плакали, бѣгали, толпились.... Вотъ уже разсвѣло. Вся атмосфера была пропитана тяжелымъ сѣрнымъ запахомъ; испаренія желтаго цвѣта, напоенныя сѣрою, подобно густому туману, облегли утреннее солнце, — и оно восходило на горизонтъ Помпеи тускло, совсѣмъ безъ лучей, въ такомъ утомленномъ видѣ, въ какомъ бываетъ оно на западѣ при своемъ закатѣ.

Не успѣло еще солнце подняться высоко на небосклонѣ, вдругъ изъ жерла Везувія повалилъ столбомъ густой чернѣйшій дымъ, смѣшанный съ вулканическимъ пепломъ. Столбъ дыма росъ все выше и выше, наконецъ принявъ форму колоссальнаго вѣтвистаго дерева, котораго широкая и густая вершина закрыла собою солнце: трудно назвать — день ли это былъ, или преждевременные сумерки.... Мрачная туча дыма и пепла наконецъ обхватила все небо, и собственною своею тяжестью опускалась все ниже и ниже къ землѣ, — вотъ-вотъ, казалось, какъ крышка, накроетъ всю землю. Въ Помпѣяхъ сдѣлалось темно, какъ будто ночью въ темномъ погребѣ. Вѣтру не было ни малѣйшаго; воздухъ былъ наполненъ зловоніемъ и гарью.. Вдругъ грянули разомъ два грома—громъ на мрачныхъ небесахъ, и громъ подъ Везувіемъ отъ подземнаго взрыва горючихъ веществъ! По высотѣ мрачнаго неба засверкали молніи; Везувій треснулъ во многихъ мѣстахъ, и изъ его разсѣлинъ потекла лава тускло-огненнаго цвѣта. Жители Помпеи совершенно обезумѣли: нѣкоторые прятались въ погребяхъ и подвалахъ, другіе бѣжали и кричали. Бѣжали по направленію къ городскимъ воротамъ, гдѣ отъ столпившагося народа въ темнотѣ была ужаснѣйшая давка. Многіе родители потеряли своихъ дѣтей; дѣти плакали и кричали; лошади ржали и бѣсились, ослѣпленные то густымъ мракомъ, то яркою молніею; шумъ, воли и смятеніе выше всякаго описанія... А громъ гремитъ — ударъ за ударомъ, и—то цѣлое небо зажжется на минуту яркимъ кровавымъ блескомъ, то опять все покроется гробовымъ мракомъ...

Около перваго часа по полудни, мрачная туча, нависшая надъ Помпеей, разрѣшилась горячимъ вулканическимъ пепломъ. Пепелъ, подобно снѣгу, падалъ и въ короткое время покрылъ толстымъ слоемъ все зданія города, все улицы, все предмѣстье, и все поля. Послышался новый подземный громъ, и земля страшно заколыхалась! Зданія городскія съ шумомъ и трескомъ рухнули; колонны портиковъ валялись; статуи падали. Часть жителей, успѣвшихъ прорваться за ворота на предмѣстье, по колѣна въ горячемъ пеплѣ, устремились бѣжать, шатались и падали, къ пристани. За тьмою отъ нависшихъ облаковъ и отъ падающаго пепла совсѣмъ не видно было дороги: только вспыхивающая по временамъ молнія, при рас-

катахъ грома, указывала невѣрный путь. Когда при этомъ непостоянномъ свѣтѣ толпа народа добивалась до пристани, — здѣсь, при свѣтѣ молніи, открылся новый ужасъ: море отхлынуло отъ берега почти на двѣ версты! На обнаженномъ днѣ прежней пристани метались морскія рыбы; а отхлынувшее вдалѣ море кипѣло, какъ вода въ котлѣ, и стеноло...

Лициній былъ все это время на предмѣстьѣ около своего дома. Когда ужасы природы часъ отъ часу увеличивались, онъ доплелся кое-какъ въ потѣмахъ до катакомбъ, надѣясь найди тамъ пресвитера и христіанъ на молитвѣ; но тамъ никого не было. Вышедши изъ катакомбъ, онъ рѣшился пробраться въ городъ, чтобы сыскать пресвитера, и шель въ потемкахъ, протянувши свои руки впереди себя, чтобы на что-нибудь не наткнуться. Подходя къ воротамъ города, онъ, при кратковременномъ блескѣ молніи, успѣлъ увидѣть около воротъ толпу испуганнаго народа, кричащаго и плачущаго. При новомъ блескѣ молніи онъ замѣтилъ, въ сторонѣ отъ толпы, пресвитера съ крестомъ въ рукахъ, стоящаго среди молящихся христіанъ; между молящимися стояла и Клавдія около своей матери, съ поднятыми къ небу руками. Лициній пошелъ, шатаясь и падая въ темнотѣ, по этому направленію.

Везувій, вмѣсто лавы, началъ метать изъ себя раскаленные камни, которыми, какъ ядрами, осыпало всю окрестность. Осыпаемые искрами, какъ звѣзднымъ дождемъ, люди падали, кричали и гибли. Началось новое трясеніе земли, страшнѣе всѣхъ прежнихъ. Самая гора, казалось, разшаталась; отъ Везувія оборвался цѣлый кряжъ и покатился на Помпею въ облакахъ пыли и брызгахъ лавы. Вслѣдъ за этимъ, скоро огонь на вулканѣ погасъ, но вмѣсто огня изъ всѣхъ отверстій и разсѣлинъ Везувія забилъ фонтанами кипяткомъ горячей воды. Въ ту же минуту ударилъ сильный громъ, и полился ливень, смѣшанный съ кипяткомъ и пепломъ Везувія. Лилось изъ неба надъ Помпеей что-то черное, густое, какая-то горячая гуща, которая въ короткое время заливала улицы, людей и дома.

Въ это время Лициній успѣлъ, изнеможенный, добраться до пресвитера, и упавши предъ нимъ, завопилъ: «крести меня, святой отецъ! не дай умереть безъ крещенія!» Пресвитеръ успѣлъ возло-

жить свою руку на голову Лицинія, и обдаваемый горячим дождемъ, подъ шумомъ и трескомъ разрушительныхъ стихій, произнесъ: *Крещается рабъ Божій Лициній во имя Отца и Сына и Святаго Духа, ам....*

Слово аминь пресвитеръ договорилъ уже въ другомъ, невидимомъ мѣрѣ. На половинѣ этого слова нахлынула горячая жидкая масса, покрыла и пресвитера и Лицинія, и всю толпу народа, и весь полуразрушенный городъ.... Гдѣ за нѣсколько минутъ была Помпея, тамъ былъ теперь какой-то хаосъ: подъ мрачнымъ небомъ, при раскатахъ грома и блескѣ молніи, кипѣла, хлопотала и бугрилась горячая жидкость зелено-коричневаго цвѣта. .

Изверженіе Везувія, хотя въ меньшей мѣрѣ, продолжалось еще два дня. На третій день все успокоилось; взошло поутру солнце, и на мѣстѣ бывшего богатаго города освѣтило страшную пустыню, засыпанную камнями, и покрытую холмами, которые образовались изъ застывшей лавы....

И. К.

ПРИЗНАНІЕ ТИТУЛА ЦАРЕЙ РУССКИХЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ,

въ концѣ XVII-го вѣка.

« Не только намъ вѣсть, но и на свѣтъ зрѣть не можемъ, Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, въ самомъ великомъ Его государскомъ дѣлѣ видя страшное нарушение, что межъ такими Великими Государями не къ любви склоняется, а къ разорванію вѣчному; а намъ нестерпимое о томъ смертное уязвленіе: какъ можемъ мы то слушать и живы быть, что Великаго и Пресвѣтлаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, чести его Государской не желаютъ хранить и Его Государскую братскую дружбу и любовь Королевское Величество въ презрѣньи чинить: такія великія и высокія титулы Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, въ его королевской грамотѣ прописаны; а тое грамоту свою Королевское Величество, отдалъ намъ изъ своихъ королевскихъ рукъ» ⁽¹⁾.

Такъ говорилъ стольникъ и намѣстникъ Боровскій, Петръ Ивановичъ Потемкинъ въ 1667 году Французскому маршалу де Бельфону; и, не смотря на всѣ представленія Французскаго правительства, Русскій посланникъ до тѣхъ поръ не принималъ королевской грамоты къ Царю Алексѣю Михайловичу, пока въ ней царскій титулъ не былъ написанъ сполна, «какъ Царь самъ себя описуетъ». Эти слова и эта пастойчивость объясняются уже въ то время вполне-образовавшимся взглядомъ

(1) Стат. спис. Потемк., Др. Рос. Вѣд. Томъ IV, стр. 532.

Россіи на титулъ Царя, какъ на выраженіе достоинства государства. Признанія этого достоинства Царь требуетъ отъ другихъ государей, какъ отъ своихъ «братьевъ любительныхъ»; безъ того Россія не ведетъ никакихъ переговоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одного трактата Россіи во второй половинѣ XVII-го вѣка, въ которомъ на первомъ планѣ не стояло бы опредѣленіе титула царскаго; Русскіе жалуются на Поляковъ и упрекаютъ ихъ за то, что они такое важное дѣло, какъ титулъ, считаютъ «малымъ дѣломъ» ⁽²⁾; неточность, измѣненія даже въ одной буквѣ титула влекли за собою неудовольствія, порѣшить которыя предоставлялось войнѣ или долгимъ переговорамъ.

Дѣйствительно, Россія, начавши новый періодъ бытія: своего со вступленія на престолъ Дома Романовыхъ, должна была начать свои внѣшнія сношенія съ признанія Царскаго титула: въ немъ выразилась та ступень, на которую имѣла право стать возрожденная Россія въ средѣ государствъ Европейскихъ; въ немъ сказалась своеобычность Русскаго царства, его широкій размѣръ, его стародавняя исторія и величіе Царя Отчича и Дѣдича, Богомъ помазаннаго, съ властью отъ Бога данною. Царь Алексѣй Михайловичъ не однимъ кровнымъ родствомъ былъ связанъ съ Рюриковичами; онъ явился продолжателемъ ихъ дѣла; при немъ сгладились слѣды неурядицы, происшедшей послѣ прекращенія прежней династіи; онъ началъ почти съ того, на чемъ остановился Царь Іоаннъ IV. Принимая титулъ Царя, послѣдній выставилъ слѣдующія основанія: «Великихъ Государей Царей Россійскихъ корень изыде отъ превысочайшаго цесарскаго престола и прекрасноцвѣтущаго и пресвѣтлаго корени Августа Кесаря, обладавшаго вселенною» ⁽³⁾. Алексѣй Михайловичъ не имѣлъ нужды въ

(2) Полн. Собр. Зак. N 104. — Польскій историкъ удивляется, что Хмельницкій заключилъ договоръ съ Русскими, «чтобъ за одно съ ними стоять противъ Поляковъ за вѣру Русскую и какой-то титулъ Царскаго Величества». Ист. о бунт. Хмѣльн. стр. 11 (въ Чтеніяхъ Общ. Ист.)

(3) Собр. Гос. Грамотъ. Ч. I, стр. 599, 602. См. также Временникъ Общ. Ист., кн. 10.

второй ссылке: за него, стояла исторія, ею освящено было царское достоинство. Чтобы показать основаніе царскаго титула, поставленное въ XVII-мъ вѣкѣ, приведемъ одно мѣсто изъ старейшаго списка 1667-го года:

« Великому Государю нашему то царское достояніе Богъ далъ отъ прежнихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Россійскихъ. Прародитель его, Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, Великій Государь Царь и Великій Князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, Кіевскій и всея Россіи, воевалъ греческія великія государства, дажъ до самаго царствующаго Константина града, который нынѣ за грѣхи всѣхъ насъ православныхъ христіанъ и за несогласіемъ всѣхъ великихъ христіанскихъ государей, обладаемъ Мусульманы. И греческій царь Константинъ Мономахъ, прося милости у Великаго Государя, Владиміра Всеволодовича, прислалъ къ нему Великому Государю почестью крестъ животворящаго древа и царскую шапку, и вѣнецъ, и діадиму: которыми царскимъ саномъ поставлялись всѣ Великіе Государи, Цари греческіе, на царство греческое. И отъ того времени посямьствъ всѣ Великіе Государи наши, Цари и Великіе Князи Россійскіе, поставляются на всѣ великія и преславныя государства Россійскаго царствія тѣмъ царскимъ вѣнцомъ и діадимою. А блаженныя памяти Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея великія Россіи Самодержца Дѣдъ, а Великаго Государя нашего Прадѣдъ, блаженныя памяти Великій Государь Иванъ Васильевичъ съ Божіею помощію поималъ подъ свою царскую руку великіе царства, про которыя сами вѣдаете, гдѣ были цари большія Золотыя Орды, Астраханское и Казанское великіе царства и государства, и Сибирское царство. И по тѣмъ великимъ царствамъ и государствамъ Великій Государь нашъ, Его Царское Величество во своихъ царскихъ грамотахъ Царемъ и Самодержцемъ именуется.» (4). — Изъ этихъ словъ видно двоякое основаніе царскаго титула: преемство отъ Владиміра Мономаха и обладаніе царствами.

(4) Посольство Потемк. въ Испанію. Др. Рос. Вѣст. 18, 493.

Слѣд. царскій титулъ имѣлъ уже свою исторію въ самой Россіи—онъ былъ освященъ и правомъ, и долгимъ употребленіемъ.

Не смотря на то, нѣкоторые государства наперекоръ исторіи отказывали государямъ русскимъ въ титулъ Царя; наперекоръ Исторіи,—слѣд. и противно праву, потому что въ сферѣ междугосударственныхъ сношеній исторія есть та среда, въ которой опредѣляются законы этихъ сношеній, которая гарантируетъ извѣстное положеніе государства. Изложимъ акты сношеній Россіи съ западною Европою въ второй половинѣ XVII-го вѣка, имѣющіе предметомъ опредѣленіе царскаго титула.

Сначала о сношеніяхъ съ Римскимъ Дворомъ.

Въ XVII-мъ вѣкѣ еще не исчезла мысль о возможности изгнанія Турокъ изъ Европы; Папы не переставали возбуждать западно-европейскія государства къ войнѣ съ невѣрными, и Россія, по своему географическому положенію, могла оказать самое большое содѣйствіе общевропейскому дѣлу. Съ другой стороны, Римскій Дворъ не покидалъ надежды обратить Россію къ католицизму; неудачи вѣковыхъ стремленій къ этой цѣли не останавливали Папъ. Обѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, заставляли Папъ искать союза съ Россіею и давать Русскимъ Государямъ царскій титулъ. Все это выразилось, какъ нельзя лучше, въ «Разсужденіи о титулѣ царя, давать ли оный Московскому Государю отъ Папы Климента X.» Разсужденіе написано неизвѣстнымъ авторомъ въ 1670 году⁽⁵⁾. Вотъ главныя положенія этого акта: Римскій Дворъ считалъ титулъ царя однозначительнымъ или равнымъ титулу королевскому, а дозволить Московскому Государю называться королемъ нельзя уже и за то, что онъ называетъ Папу не болѣе, какъ господиномъ Римскій Церкви (*Maestro della Chiesa Romana*)⁽⁶⁾. Но

(5) *Histor. Rus. Monumenta*. Томъ II. N 115.—Г. Лакіеръ (*Ж. М. Н. II*. 1847 N II, стр. 137), кажется, считаетъ аббата Скарлати авторомъ этого разсужденія, но не видно основанія этому.

(6) Честивѣйшему господину и учителю Римскія Церкви достойнѣйшему. «Чтевія Общ. Ист.» годъ 1, N 3, стр. 98.

съ другой стороны; принимая въ расчетъ, что Россія можетъ оказать помощь Польшѣ противъ Турціи, и что есть надежда на введеніе латинства въ Россіи,—можно согласиться дать Московскому Государю титулъ Царя. «Вѣрно то, что въ настоящее время онъ имѣетъ полное право называться Царемъ; это право подтверждено общимъ употребленіемъ въ письмахъ, которыя онъ получаетъ отъ всехъ государей въ свѣтъ, и въ особенности отъ Императора и отъ Короля Польскаго, которые всли съ нимъ объ этомъ споръ въ прошломъ столѣтіи, и теперь уступили, такъ что царскій титулъ сдѣлался настоящимъ и законнымъ титуломъ Московскаго Государя. По этому, если Римскій престолъ и дастъ ему этотъ титулъ, онъ ничего не потеряетъ.» Далѣе замѣчательно слѣдующее выраженіе: «споръ о титулахъ похваляетъ только съ государями, охотно носящими легкое ярмо повиновенія Св. Отцу, и только въ такомъ случаѣ умѣстно заппматься подобными спорами и искать въ нихъ побѣды;» въ примѣръ приводятся протестантскіе владѣтели, которымъ Папа никогда не отказывалъ въ титулахъ, имъ принадлежащихъ. Точно тѣ же положенія представляетъ и аббатъ Скарлати въ своемъ «мнѣніи, чтобы титулъ Царя былъ данъ Московскому Государю» (7): онъ говоритъ, что Царь есть народное имя, однозначительное со словомъ король, а этотъ послѣдній титулъ былъ данъ Великимъ Князьямъ Русскимъ еще Папою Григоріемъ VII; наконецъ и Поляки, природные враги Русскихъ (*emuli per natura del Moscovita*), не отказываютъ Государямъ Русскимъ въ титулъ Царя. Эта ссылка на признание со стороны Польши дѣлаетъ возможнымъ предположеніе, что Папы отказывали прежде Русскимъ Государямъ въ царскомъ титулѣ, чтобы не поставить ихъ на ряду съ католическими королями Польши; точно такъ же они отказывали владѣльцу Португаліи въ королевскомъ титулѣ, изъ уваженія къ Королю Испанскому. — И такъ, Папы принуждены признать царскій титулъ, потому что сознаютъ свое безсиліе надъ

(7) Hist. Rus. Monum. T. II. N 116.

греко-русскимъ міромъ. Въ XVII вѣкѣ уже не отъ Папы зависѣло достоинство государей, — оно опредѣлялось взаимнымъ соглашеніемъ, основывалось на большемъ или меньшемъ развитіи государствъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ въ XVII-мъ вѣкѣ Папы окончательно утвердили царскій титулъ за государями Русскими⁽⁸⁾; но только въ 1707 году они рѣшаются дать Царю титулъ *Величества*, «котораго ни одинъ изъ предшественниковъ Климента XI не давалъ ни Царю Русскому, ни ни одному государю, не принадлежащему къ Римской церкви»⁽⁹⁾. Въ томъ же году впрочемъ князь Куракинъ не принялъ отвѣтнаго посланія Папы, за непрочисаніемъ титула «великихъ государствъ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ отчичу, дѣдичу, наслѣднику и обладателю»⁽¹⁰⁾. Это былъ послѣдній протестъ относительно титула.

Чаще всего были сношенія Россіи съ Швеціею и Польшею, а потому признаніе титула царскаго со стороны этихъ государствъ было особенно важно. Отдаленныя государства Европы, имѣвшія съ Россіею довольно рѣдкія сношенія, легко могли признать титулъ Царя, потому что здѣсь вопросъ касался только ранга государства. Другой вопросъ соединился съ признаніемъ титула Царя Русскаго со стороны Швеціи и Польши: здѣсь дѣло шло о существенныхъ интересахъ государства; съ титуломъ неразрывно соединено было право на обладаніе тѣми или другими землями, за которыя совершалась борьба⁽¹¹⁾; титулъ воплощалъ въ себѣ результатъ этой борьбы; предъ лицомъ Европы въ титулѣ сказывалось, кто побѣдилъ и кто могъ быть представителемъ сѣверно-европейскихъ государствъ. Вспомнимъ, какое впечатлѣніе произвела на всю Европу Полтавская битва; причина этого, конечно, въ томъ, что подъ Полтавою рѣшенъ былъ вопросъ

(8) Тамъ же N 124; дозвѣшеніе Испанскаго министра въ Римъ.

(9) Тамъ же N 127. Папскому нунцію въ Польшу.

(10) Тамъ же N 126.

(11) Примѣръ этого можно видѣть во многихъ мѣстахъ Памятниковъ Дипл. Сношеній, Спб. 1851.

о первенствѣ Россіи надъ Швеціею, которую Европа, со времени Вестфальскаго мира, привыкла считать первою державою сѣвера.

Обратимся къ Швеціи.

Вторая половина XVII вѣка представляла самое благоприятное время для возвращенія отъ Швеціи «земель и государствъ, которыя Его Царское Величество послѣ своихъ высокославныхъ предковъ имѣеть»; Швеція, истомленная правленіемъ Христины, занятая спорами съ Польшою, не могла представить сильнаго отпора вновь возродившимся требованіямъ Россіи. Она сознавала, что въ прибавкѣ къ царскому титулу словъ: «восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ Отчичъ и Дѣдичъ» высказывалась мысль о томъ, что Россія никогда прямо не отказывалась отъ тѣхъ земель, которыя когда-либо были заняты Русскими. Вотъ почему только эта прибавка служила спорнымъ пунктомъ, — о титулѣ Царя спора не было. Въ 1658 году два раза былъ поднятъ вопросъ о титулѣ Царя Русскаго. Въ первый разъ послы Русскіе согласились вести переговоры и принять грамоту безъ словъ «восточныхъ и западныхъ, доколе другая грамота отъ Его Королевскаго Величества съ полными титулами будетъ» (12); въ другой разъ послы Шведскіе Эссенъ и Крузенштернъ спорили о словахъ: «и многими иными государствамъ и землямъ, восточнымъ и западнымъ, и сѣвернымъ отчичъ и дѣдичъ, и наследникъ, и Государь, и обладатель;» послѣ долгихъ споровъ порѣшили признать эти слова, съ тѣмъ, «чтобы Его Королевское Величество письмомъ обнадеженъ былъ, чтобы по тѣмъ словамъ Его Королевскому Величеству и его государствамъ и землямъ причитанья никакого не имѣть.» Вотъ какъ Русскіе бояре объясняютъ эти слова: «Его Царское Величество мыслить выразумѣти тѣми словами только Его Царское Величество *самыхъ великихъ* земель и государствъ, которыя Его Царское Величество послѣ своихъ высокославныхъ предковъ имѣеть и владѣть» (13). Слѣд. по-

(12) Запись 1658 Мая 21. Пол. Собр. Зак. N 228.

(13) Запись 1658 г. Пол. Собр. N 229. Зак.]

что въ половинѣ XVII вѣка вопросъ о титулѣ былъ окончательно рѣшенъ Швеціею; всѣ дальнѣйшія сношенія относились къ признанію будущихъ измѣненій въ царскомъ титулѣ, такъ что Богъ одному или другому Великому Государю врядь земель или городовъ отъ ихъ недруговъ поручить, и тѣмъ имъ безъ всякаго умаленія описывать, только тѣмъ обычаемъ, чтобъ тѣ новыя титла одному или другому potentatu, ни къ какому причитанію или убытку не были⁽¹⁴⁾. Наконецъ въ 1772 году, для прекращенія неудовольствій, которыя могли бы возродиться отъ неправильнаго употребленія титула⁽¹⁵⁾, положено, чтобы порубежные люди не писали полныхъ титуловъ, «но токмо именуя Его Королевское Величество и Его Царское Величество.» Точность въ употребленіи титуловъ была доведена до того, что заключенъ особый договоръ о томъ, чтобы писать всегда *Каролусъ* и *Юаннъ* вмѣсто *Карлусъ* и *Юанъ*⁽¹⁶⁾. Такъ охранялось въ это время великое дѣло, государская честь, — пропускъ одной буквы считался уже важнымъ; съ другой стороны эта точность и безпрекословное признание титула со стороны Швеціи служить новымъ подтвержденіемъ той мысли, что преимущественное развитіе права народовъ предоставлено государствамъ севернымъ.

Еще важнѣе были сношенія Россіи съ Польшею, относительно царскаго титула. Признавая титулъ Царя Русскаго, король Польскіе тѣмъ самымъ должны были отказаться отъ своихъ притязаній на престолъ Россіи. Не легко было Владиславу отречься отъ того, чего онъ едва не достигъ⁽¹⁷⁾; обстоятельства принудили его къ этому. Но король значилъ

(14) Валесар. ст. 3; Кардис. ст. 2; Диос. ст. 3.

(15) «Чтобъ для прописокъ въ титлахъ случаи ко недружбѣ не вѣдѣлись.» Пол. Собр. Зак. N. 513.

(16) Пол. Собр. Зак. N 1076, ст. 1. Это было въ 1684; въ 1676 г. возникли неудовольствія Россіи за то, что Швеція называла Царя Великимъ Княземъ; но они кончились мирно. Берхъ, Цар. Фед. Ал. 1, 24.

(17) Въ 1615 г. князь Хованскій, упрекая Австрійскаго посла Гайделуса въ нарушеніи царскаго титула, замѣчаетъ: «я думаю, что то состави и умысли короля Польскаго и пановъ Радм.» Сынъ Отсч. 1822 N 4, стр. 38.

не все въ Польшѣ; тамъ всякая корпорація имѣла аутократію, а потому нужно было заставить всехъ Поляковъ уважать титулъ Царя Русскаго. Въ 1650 году постановлено: «казнить смертію за вины въ пропускъ титула въ Польшѣ при русскихъ нослахъ» ⁽¹⁸⁾. Но этимъ дѣломъ не уладилось: въ 1653 году посланъ былъ къ Яну-Казимиру князь Репнинъ-Оболенскій по поводу нарушенія этого договора, но не получилъ удовлетворенія ⁽¹⁹⁾. Противъ Русскаго Царя въ Польшѣ издавались книги, въ которыхъ ни Царю, ни боярамъ не воздавалось должной чести. Вотъ какъ жалуется нашъ посланникъ Чемодановъ Венеціанскому Дожу въ 1657 году: «Великаго Государя нашего именованье и титулъ въ ихъ королевскихъ грамотахъ писано не сполна; а сенаторей ихъ и урядниковъ въ листѣхъ писано со многими безчестіемъ и укоризною; а послѣ по королевскому и пановъ Рады вѣлѣнію и въ книгахъ напечатано про нихъ великихъ Государей нашихъ и Московскаго государства про бояръ и про всякихъ чиновъ людей, злыя безчестья и укоризны и хулы, чего не токмо великимъ государемъ христіанскимъ, помазанникомъ Божиимъ, и простому челоуѣку слышать и терпѣть не возможно, не только въ христіанскихъ, но и въ басурманскихъ государствахъ и не за вѣчнымъ докончаньемъ такихъ нестерпимыхъ досадительствъ не дѣлается» ⁽²⁰⁾. Умаленіе въ титулъ повело къ войнѣ съ Польшею, кончившейся

(18) Пол. Собр. Зак. N 40. Тамъ же N 104; «по конституціи 1637 года написано: а на таковыхъ, которые бѣ дерзали писать или титула умалять или отбѣяти пенямъ пердуделіюныя закладываютъ, а по русски то слово смертная, неотпущательная казнь и отлученіе нѣтнія.

(19) Пол. Собр. Зак. N 104.

(20) Др. Рос. Вѣст. IV, 249. XVI, 114: «а отказывали въ исправленіи того дѣла смѣясь, и называли то великое дѣло государскую честь бреднями». Пол. Собр. Зак. N 104: «а Паны Рада называли то дѣло малымъ дѣломъ.... а то начальное и главное дѣло государская честь.»—Посолъ Русскій объясняетъ Христіанъ, что причиною войны съ Польшею было нарушеніе титула: *in quibusdam epistolis Czaris patrem Michaelē Filaretovicium, in quibusdam inverso ordine Fedorem Michaelovicium dici. Alicubi loco Samoder-setz poni Dersavetz, quod praefectum notat etc. Puffendorf, Commentar. de reb. Suec. L. XXVI, § 8. Heerman, Gesch. des rus. Staats. Томъ III, прим. 1296.*

Андрусовскимъ перемиріемъ, которымъ постановлена ненарушимость царскаго титула. То же повторяется и во всѣхъ последующихъ договорахъ ⁽²¹⁾. Польша, обезспенная извнѣ отторженіемъ Малороссіи, а внутри дѣсконачаемыми смутами при избраніи королей, не въ силахъ была оспаривать у Россіи ни самыхъ владѣній, пріобрѣтенныхъ силою оружія, ни титула Царей Русскихъ, какъ выраженія этихъ пріобрѣтеній. Царь Алексѣй Михайловичъ, овладѣвши мало чю-малу древними достояніемъ Россіи, тѣмъ, что ему шло отъ Прародителей Его Царскаго Величества, въ 1654 году сталъ называться Великимъ Княземъ Полоцкимъ, а въ 1655 году Литовскимъ, и Бѣлыми Россіи, и Волинскимъ и Подольскимъ ⁽²²⁾. Польша не могла спорить противъ такихъ наименованій, и въ договорахъ своихъ должна была признать то, что казалося ей сначала «исслыханною» новостью. Въ 1686 году она утвердила за Русскимъ Царемъ «многія прибыльныя и у всѣхъ христіанскихъ государей славныя на свѣтъ титла, то есть, какъ говоритъ указъ того времени ⁽²³⁾ — писати насъ Великихъ Государей Пресвѣтѣйшими и Державнѣйшими, и Кіевскими, и Черниговскими, и Смоленскими Великими Государями вѣчно, а королевскому Величеству Кіевскимъ и Черниговскимъ и Смоленскимъ и иныхъ городовъ титлами, которые намъ по тому договору отданы, не писатися вѣчно жъ и на печатьхъ ему тѣхъ титлъ не изображать, и въ канцеляріяхъ тѣ титла оставить вѣчно.» Такимъ образомъ титулъ Царя былъ воплощеною исторіею Россіи, въ немъ выразилось все ея наростаніе. Полнаго своего титула требуетъ Царь, и съ своей стороны уважаетъ титулы другихъ государей; такъ, когда въ 1664 году со стороны Россіи былъ написанъ не полный титулъ короля Польскаго, послы Русскіе тотчасъ же согласились исправить ошибку ⁽²⁴⁾.

(21) Андрус. ст. 2; Моск. 1678, ст. 3; Моск. 1686. ст. 2. Также Пол. Собр. Зак. N 420, 463, 513, въ которыхъ титулъ составляетъ почти единственный предметъ договора.

(22) Полн. Собр. Зак. N 134, 164.

(23) Древн. Рос. Вѣд. XX, 335. Пол. Собр. Зак. N 421.

(24) Полн. Собр. Зак. N 4.

Словеніи Россіи съ Австрійскимъ Дворомъ относительно титула замѣчательны тѣмъ, что въ грамотѣ 1514 года отъ Максимилиана I къ Великому Князю Василю Іоанновичу Русскій Государь названъ Императоромъ ⁽²⁵⁾ и Величествомъ. Эта грамота послужила главнымъ основаніемъ Петру Великому въ принятіи императорскаго титула: онъ велѣлъ перевести ее на разные европейскіе языки, и получилъ первое утвержденіе императорскаго титула отъ Швеціи ⁽²⁶⁾. На эту же грамоту ссылался Русскій Дворъ во всѣхъ спорахъ и недоразумѣніяхъ о титулѣ съ Имперією. Первый примѣръ этого представляется еще въ XVI вѣкѣ: въ 1576 году послы Русскіе князь Захарій Сугорскій и Андрей Арцыбышевъ не хотѣли принять грамоты отъ Максимилиана II къ Царю Іоанну IV, потому что въ ней пропущено было названіе Великаго Князя; послы Русскіе ссылаются на прежній обычай: «въ тѣхъ (прежнихъ) ссылакахъ и въ докончальныхъ грамотахъ отъ Государя нашего писанъ Царемъ Великимъ Княземъ; а нынѣ и слыши того многіе великіе особные царства Государю нашему, Царю и Великому Князю Богъ поручилъ, и Государю нашему какъ своего имени отступаться? И вы того посмотрите въ Государя своего въ прежнюю докончальную грамоту, и вамъ про то будетъ извѣстно» ⁽²⁷⁾. По этимъ убѣжденіямъ Австрійскій Дворъ сдѣлалъ прибавку словъ Великій Князь; написалъ ихъ между строкъ; послы опять протестовали, что «Государя нашего имени въ чернѣ быти не стоже» ⁽²⁸⁾, и приняли грамоту только въ ува-

(25) 1514 г, авг. 4. Русская союзная грамота утратилась, а потому ее нѣтъ въ Пам. Дипл. Свод. *Добротинскаго*: Указ. тракт. стр. 7. Прежде и послѣ въ грамотахъ писалось: Насиость Ваща, Начальникъ и Государь всея Руси, Всепресвѣтлѣйшій, Великосильтѣйшій. Пам. Дипл. Свод. Томъ I, стр. 357, 1438 и пр.

(26) 1723 года. Пол. Собр. Зак. N 4255. О признаніи Императорскаго титула см. *Causés célèbres du droit de gens*, par Ch. de Martens Paris, 1827 II, Томъ стр. 89 и слѣд.

(27) Пам. Дипл. Свод. 1, 693, 694. Союзъ и означаетъ, что Государь Царь и Великій Князь самъ стр. 698.

(28) Пам. Дипл. Свод. 1 стр. 705.

женіе болѣзни Императора, который не могъ приложить печати къ новой грамотѣ. — Что касается до XVII вѣка, то въ 1661 году въ грамотѣ Леопольда Царь Алексѣй Михайловичъ названъ былъ только Вельможностью (*Grossmächtigkeit*); въ отвѣтъ на эту грамоту Россія придала то же названіе Императору; посланникъ его Майернъ не хотѣлъ принять этой грамоты и между тѣмъ отказывался придать Царю титулъ Величества. Русскій Дворъ былъ настойчивъ, и объявилъ Майерну, что, если не будетъ данъ Царю титулъ Величества, онъ можетъ возвратиться въ Вѣну безъ успѣха ⁽²⁹⁾. Майернъ согласился, наконецъ дать титулъ Величества Царю Русскому, «когда увидѣлъ грамоту Максимилиана», какъ сказано въ запискахъ Государственнаго Архива ⁽³⁰⁾. Въ 1675 году эта уступчивость Майерна была подтверждена формальнымъ фактомъ, по которому устанавливается навсегда титулъ Величества Царю Русскому, съ оговоркою, «чтобъ цесарскому Величеству не было то ни къ позитацию ни умаленію» ⁽³¹⁾. Вслѣдствіи мы не знаемъ, случая, когда бы Австрія отказала Царю въ титулъ Величества; въ грамотѣ («рекомендательный аттестатъ»), данной отъ Императора боярину Шереметеву для проѣзда въ 1697 году, сказано: «Царскаго могущественнѣйшаго Величества» ⁽³²⁾. И потомъ, когда Петръ Великій принялъ титулъ Императорскій, всѣ Дворы ждали утвержденія этого титула отъ Австріи, на томъ основаніи, что онъ принадлежитъ Императору Австрійскому ⁽³³⁾.

(29) *Non de futura sibi media ad pacem sine mediatore sanciendam, etsi mediator erit, necessarius nec hunc sibi defuturum.* Путеш. Мейерберга; изд. Адельунгомъ, прим. 27.

(30) Тамъ же, стр. 46, прим. 26. Мейербергъ не подтверждаетъ этого.

(31) Моск. стр. 2, Пол. Собр. Зак. N 610.

(32) Др. Рос. Вѣст. V, 288, 308.

(33) Впрочемъ формальное признаніе Австріи послѣдовало только въ 1744 г. Австрія была по счету восьмью державою въ призваніи титула: за нею слѣдовали Франція, Испанія и Польша. — Приведу любопытную замѣтку о томъ, какое значеніе придавала себѣ Австрія: «La fameuse devise de l'Autriche A, E, I, O, U, fut employée pour la première fois par Frederic III. Ces initiales signifient: Austriae Est Imperare Orbi Universo, ou en allemand, Alles Erdreich Ist Österreich Unterthan. Hallam: L'Europe au moyen age. IV, 37.

«Все остальные государства легко могли⁽³⁴⁾ признать титуль Царя Русскаго; можетъ быть, они не сознавали значенія титула Царскаго»,—а до времени съ нимъ не соединялись еще существенные интересы государственные; только впоследствии, въ⁽³⁵⁾ признаніи титула Императорскаго, начались споры, продолжавшіеся около полувѣка, и Франція въ этомъ отношеніи отсталла отъ остальныхъ державъ Европы (1745 годъ).

Даніи еще въ 1552 году даетъ Царю Іоанну IV титуль Императора: Христіанъ III, пзвѣстный въ исторіи между-государственныхъ сношеній знаменитымъ Спейерскимъ трактатомъ, въ грамотѣ своей касательно заведенія типографіи пишетъ Царю: *potentissime, victoriosissime ac illustrissime imperator* ⁽³⁴⁾; въ XVII вѣкѣ не было ни разу смотра Россіи съ Даніею о титулѣ; начало обычая, фактъ рѣшалъ здѣсь вопросъ.— Точно того же правила держался и курфирстъ Бранденбургскій, зачинавшееся значеніе Его государства, недавнее уничтоженіе вассальнаго отношенія къ Польшѣ и боязнь враждебныхъ дѣйствій со стороны Швеціи заставляли Курфирста искать союза съ Россіею и дѣлать ей уступки. Вотъ почему въ XVII-мъ вѣкѣ въ грамотахъ Курфирста Царь всегда называется Величествомъ и даже царевичу дается титуль принца ⁽³⁵⁾.—Что касается до Франціи, то выше указано на споръ, возникшій во время посольства Потемкина къ Лудовику XIV въ 1667 году; нашъ посланникъ требовалъ, чтобы король «велѣлъ Царскія титула написать сполна противъ Его Царскаго достоинства, какъ онъ Великій Государь нашъ самъ себя описуетъ, и какъ все Великіе Государи Его Царскаго Величества именованье и титуло пишутъ» ⁽³⁶⁾. Вотъ титуль Царя въ отвѣтной грамотѣ Лудовика XIV: «Найвысшему, Нанзлыщѣйшему, Наимочнѣйшему и Вельможнѣйшему Великому Государю, брату любительнѣйшему и великому пріятелю Царю Алексѣю Михайловичу,»—и за тѣмъ слѣдуетъ исчисленіе

(34) Русск. Истор. Сбор. Томъ IV, кн. 1 стр. 119.

(35) Полн. Собр. Зак. N 191.

(36) Древ. Русск. Вѣд. IV, 505.

всѣхъ владѣній. Еще прежде, въ 1654 году Франція даетъ Русскому Царю слѣдующій титулъ: *Très-haut et très-magnifique Prince, le grand seigneur Empereur de Russie* ⁽³⁷⁾. Рѣдкія сношенія съ Франціею, можетъ быть, были причиною того, что не повторялись споры о титулѣ; разъ утвержденный, онъ не измѣнялся болѣе, Франція не хотѣла жертвовать выгодами торговли, да и могла ли она признавать всю важность титула, на которомъ утверждалось будущее значеніе Россіи? Той же политикой державенъ и другіе государства: посолъ Англійскаго короля Карла II графъ Карилль называетъ Царя Алексѣя Михайловича Императоромъ, а царевичей принцами ⁽³⁸⁾; Испанія, Голландія, Венеція, Тоскана легко слѣдовали общему признанію; Мальтійскій Орденъ поступалъ по примѣру Австріи ⁽³⁹⁾.

Вотъ всѣ историческія извѣстія, которыя можно собрать о опорахъ за Царскій титулъ во второй половинѣ XVII вѣка. Вглядываясь въ нихъ, видимъ ясно, что Россія XVII-го вѣка не выставляетъ почти никакихъ основаній для титула своихъ Царей: она считаетъ этотъ вопросъ давно порѣшеннымъ, и требуетъ признанія только въ силу давняго употребленія; Россія входитъ въ систему Европейскихъ государствъ уже съ готовымъ титуломъ царскимъ, вышедшимъ изъ ея прежней исторіи; этотъ титулъ выражаетъ собою особенную власть, божею даваную, выше всѣхъ другихъ властей. Еще въ XV вѣкѣ Іоаннъ III говорилъ Австрійскому послу Николѣю Поппелю: «А что еси намъ говорилъ о королевствѣ, елико намъ любѣ отъ Цесаря хотѣти краемъ поставлену быти на своей

(37) Берхъ, Цар. Ал. Мнх. I, 85. Theatre. Europ. VII, 594.

(38) Relation de trois ambassadeurs. Lmrs. 1672. Serenissime et illustrissime, p. 55, 85. Majesté Impériale, p. 88. Впоследствии это замѣнено Majesté Czarienne. Въ 1709 году королева Анна назвала Царя Петра I Императоромъ. Causes, célèbres I, 70, Баронъ Мартенсъ замѣчаетъ: ce fut en cette occasion que pour la première fois la grande Bretagne donna au Czar le titre d'Empereur. Изъ свидѣтельства Карилля ясно, что это несправедливо.

(39) Др. Рос. Внѣл. IV, 428, 367, 230. V, 382.

земль, помы Божіею милостию Государи на своей землѣ паччала, съ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе нѣмъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтямъ и до вѣка въ томъ быти; какъ если нынѣ Государи на своей землѣ, а поставленія, какъ если напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ.» (40). — Никакія нововведенія относительно титула не имѣютъ мѣста, такъ что даже названіе *illustrissimus* и титулъ Императора, приданный графомъ Карлиемъ Царю: Алексѣю Михайловичу, по настоянію Русскаго Двора, были замѣнены словами: *serenissimus* и Царь, какъ бывало прежде (41).

Самыя государства, признававшія и не признававшія титулъ Царя и Величества, можно раздѣлить на двѣ категоріи: для однихъ признаніе было дѣломъ существеннымъ, — съ нимъ связывалось основаніе владѣнія, рѣшался стародавній вопросъ о первенствѣ; другія государства не вступали въ споры о титулѣ: для нихъ это былъ вопросъ второстепенный; легко и скоро опампшались они, по указаніямъ нашихъ посланниковъ, исправлять случайно-сдѣланныя ошибки въ титулѣ царей Русскихъ, признавали достоинство дальняго Государя Московитъ. Эти государства даже дѣлаютъ больше того, чего требуетъ Россія: они называютъ Царей Императорами.

Отчего же и въ отношеніи этихъ государствъ Россія требуетъ точности, наши посланники твердо стоятъ за великое государское дѣло? Причина этого лежитъ во взглядѣ на достоинство царское. Россія XVIII-го вѣка представляетъ соединеніе новой и старой Россіи; Россія сѣверная—новая по своимъ государственнымъ началамъ, Великая по далеко-раскинувшемуся развитію этихъ началъ—взяла подъ свою руку старую, Малую, безгосударственную Россію, сдѣлала ее живымъ членомъ своего организма, участницею въ своихъ успѣхахъ, дала ей жизнь и силу. Опираясь на это единство,

(40) Пам. Дипл. Синод. 1, 12.

(41) *Relat. de trois ambas.*, p. 124, 244.

Россія является представительницею восточной системы европейских государств и въ особенности православія. Не доверяя исполнѣ словамъ Коташихина, мы не можемъ однако оставить безъ вниманія его свидѣтельства о томъ, что Цари Русскіе въ сношеніяхъ съ западною Европою употребляли въ титулахъ названія такихъ восточныхъ земель, которыя не были въ ихъ дѣйствительномъ владѣніи ⁽⁴²⁾. Въ этомъ могла высказываться мысль о полномъ представительствѣ христіанскаго востока; въ такомъ смыслѣ Царь старается о всеобщемъ признаніи своемъ, публичаетъ о томъ весь государствъ Европы; разъ утвердивши титулъ Царя Русскаго, они не могли уже послѣ отказать въ немъ безъ причины. Съ другой стороны, власть Царская, ясно-сознанная Царемъ Іоанномъ IV и потребовавшая для себя новаго выраженія, должна была расширяться еще болѣе съ присоединеніемъ Малороссіи, потому что явилась новая сфера для ея проявленія; успѣшныя дѣла съ Польшею подавали надежду на осуществленіе мысли о соединеніи всего православнаго и славянскаго населенія подъ однимъ скипетръ Всей Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца.

М. Канустицъ.

(42) Коташихина, о Россіи въ цар. Ал. Мих., стр. 30, 31.

ТАТАРСКІЙ ЛѢТОПИСЕЦЪ,

Современникъ Бориса Феодоровича Годунова.

При недостаткѣ подлинныхъ лѣтописей различныхъ Монголо-Татарскихъ и Турецкихъ самостоятельныхъ владѣній, существовавшихъ на земляхъ нынѣшней Россійской Имперіи, всякое даяніе въ этомъ родѣ благо, всякая находка есть открытіе. Къ числу такихъ открытій мы осмѣливаемся причислить Татарскую лѣтопись, составленную въ царствованіе Бориса Феодоровича Годунова, съ которою не излишнимъ считаемъ познакомить любителей Исторіи вообще, и восточной въ особенности.

Единственный экземпляръ этого Татарскаго сочиненія, до нынѣ остававшійся неизвѣстнымъ ученому свѣту, находится въ библіотекѣ Казанскаго Университета, подъ N° 10,422: рукопись приобрѣтена отъ покойнаго Лектора Хальфина, о которомъ не лѣзя вспомнить безъ особенной благодарности за доставленіе Университетской библіотекѣ по весьма умѣренной цѣнѣ многихъ примѣчательныхъ манускриптовъ, писана красивымъ полу-шикестѣ, впрочемъ, гораздо лучшимъ, нежели обыкновенныя Татарскія книги, и содержитъ въ себѣ 157 листовъ in 8°. Начала рукописи, въ которомъ авторъ, по мусульманскому обычаю, воздаетъ хвалу Богу и Мухаммеду и проситъ благоеклоннаго читателя о списаніи, не достать; въ концѣ также выпали нѣсколько листовъ, при томъ весьма интересныхъ, такъ что открытіе полнаго списка этого

сочиненія было бы довольно важно. Такимъ образомъ; мы не знаемъ, какое названіе дано было этому сочиненію, но судя потому, что главная часть книги составляетъ переводъ изъ исторіи Рашид-эд-дина, мы можемъ оставить за нашей рукописью заглавіе этого знаменитаго творенія «джамі' эт-таварихъ» сборникъ летописей.

О собственной своей особѣ авторъ говоритъ въ концѣ сочиненія (*):

«Причина этой исторіи вотъ какая:

Былъ Джалаурецъ (**) изъ рода гребно-тагговаго (***), служившій еще родителямъ Уразъ Мухаммедъ Хана: онъ эту рукопись по книгѣ Чингизіадъ перевелъ съ Персидскаго на Тюркскій языкъ, а нѣкоторые, случившіяся въ послѣдующее время, событія, при помощи Божіей, описалъ по собственному изслѣдованію. Это написано для того, чтобы представить въ должномъ свѣтѣ правосудіе и истину Государя Бориса Ѳеодоровича, и еще изобразить, какъ Государь съ почестию посадилъ на ханство Уразъ-Мухаммедъ-Хана.»

Исполненію двухъ послѣднихъ цѣлей авторъ — Джалаурецъ посвящаетъ предисловіе и заключеніе своей книги. Въ предисловіи, написанномъ отчасти краснорѣчиво, сочинитель величасть Годунова слѣдующимъ образомъ:

«ОТДВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ,

Содержащее въ себѣ изображеніе царствованія и прославленіе высокаго имени Государя Царя всѣхъ христіанъ, Бориса Ѳеодоровича, Великаго Князя, Благаго Хана, въ чемъ да благо-

(*) Приводимыя здѣсь мѣста взяты изъ русскаго перевода г. Ильминскаго; Татарскій текстъ, уже оканчиваемый печатаніемъ, и русскій переводъ г. Ильминскаго составляютъ 2 второй томъ издаваемой мною «Библіотекѣ Восточныхъ Историковъ».

(**) Джалауръ было племя монгольское, известное еще до Чингизъ-Хана. О немъ упоминается и въ Чсейбаліадъ (стр. XXX, XXXI и XLIV).

(***) Племена у Монголовъ и Тюрковъ имѣютъ каждое свой отличительный гербъ (тамгу), довольно простой; у этого племени гербомъ служилъ «таракъ» гребень.

споспѣшествуетъ мнѣ Господь, который не престанетъ владѣть Ангелами и людьми!

ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Ханъ, со всѣхъ сторонъ окруженный Ханами; Ханъ, овладѣвшій четырьмя бурджами (башнями) свѣта; Ханъ, правосудно пасущій свой народъ. Ханъ, мллюющій спроть и насыщающій бѣдныхъ; Ханъ, зиму и лѣто, мѣсяцы и годы расточающій, на пути Божіемъ, богатства, находящіяся въ его сокровищницахъ; Ханъ, овладѣвшій пространствомъ семи кнматовъ (*); Ханъ, располагающій престоломъ Казани, престоломъ Астрахани, престоломъ Туры, престоломъ Сарайчика; Ханъ, во власти котораго все: туманъ на горѣ, Черкесь въ степи, осѣдлый житель въ дому; Ханъ, съ которыми вошли въ постоянныя сношенія Маджаръ, Башкырты и царство Румъ; Ханъ, прекрасное имя котораго прошло отъ одного конца вселенной до другаго; Ханъ, стѣснившій даже земли Нѣмецкаго Короля; Ханъ, отъ одного представленія котораго Крымъ и Турція трясутся какъ листъ; Ханъ, заставившій, у своихъ дверей служить безчисленныхъ природныхъ Султановъ; Ханъ, у котораго и по ту и по другую сторону Ханы, а въ срединѣ самъ онъ—Государь всѣхъ христіанъ, Борисъ Ѳеодоровичъ Ханъ!

Престоль твой подобенъ горѣ; народъ твой подобенъ тѣни правительства (**); существо твое подобно лунѣ; правосудіе твое подобно облаку; дѣйствія твои подобны млости; благодѣянія твои подобны морю. Да вкушаетъ онъ миръ и да живетъ сто лѣтъ! Прекрасно имя его Борисъ Ханъ.

Рабство значить, что онъ взялъ всѣ царства отъ Востока до Запада, побѣдоноснымъ мечемъ восторжествовалъ надъ врагами, плѣнилъ безчисленныхъ природныхъ Султановъ и сдѣлалъ ихъ своими рабами.—Маджаръ и царство Румъ значить, что онъ съ тѣмъ и другимъ завелъ взаимныя по-

(*) Мусульманскіе географы дѣлятъ всю землю на семь кнматовъ.

(**) Авторъ употребляетъ здѣсь слово «дѣлать» правительство и счастье: онъ хочетъ сказать, что народъ совершенно отражаетъ свое правленіе.

сольства и вель съ ними дружбу, будучи другу ихъ другомъ, и врагу врагомъ. — Нѣмецкій Король значить, что онъ взялъ у того многія тысячѣ вороводъ въ свою власть, такъ что тотъ не могъ даже противостоятъ ему; не стало краски въ лицѣ у того, потому тотъ и объявилъ себя побежденнымъ. — Онъ отнялъ у Турціи и Крыма всю рѣку, лѣтнія кочевья и становища, и построилъ тамъ крѣпости, поставивъ тамъ оплотъ противъ всѣхъ своихъ враговъ; по этому Турція и Крымъ трясутся какъ листъ. — Безчисленныхъ Хановъ и Султановъ заставлялъ онъ быть у себя рабами: это значить, что онъ покорилъ царства четырехъ Хановъ на всѣхъ четырехъ сторонахъ, заставилъ себя покориться безчисленное войско, множество тысячъ. Гора: престолъ твой, сравниваютъ съ горою — то есть: Всевышній и преблагословенный Богъ поставилъ горы, чтобы даровать землѣ неизблемость: и твой царственный престолъ даетъ неизблемость, твоему государству. Народъ твой подобенъ тѣни правительства: — потому что народъ твой есть твое царственное достояніе: какъ царство царя не раздѣльно отъ народа, такъ и счастье народа неразлучно съ царемъ. — Твое правосудіе подобно облаку, именно: всему, что ни существуетъ въ мірѣ, людямъ, джипаизъ, перп, звѣрямъ, птицамъ, растеніямъ, злакамъ, деревьямъ, травѣ, сорнымъ травамъ и розамъ и другимъ цвѣтамъ, словомъ, всему проповѣдующему своимъ бытіемъ, что Богъ единъ и нѣтъ у него товарища, облако даетъ пищу и оплодотвореніе; изъ него, по велѣнію Божию, падаетъ дождь: точно такъ и твое правосудіе, подобно дождю, простирается на всѣхъ. — Существо твое подобно лунѣ: — луна даетъ свѣтъ живымъ существамъ во всемъ мірѣ: твои благодѣянія простираются на весь міръ. — Твои милости и жалованья подобны морю, — не возможно выпить до дна воду морскую: хотя бы ты во вѣки въковъ раздавалъ сокровища казны своей, она не истощится и не убудетъ.

ОПИСАНІЕ ЦАРСТВЕННОГО ВЕЛИЧІЯ ЕГО.

Это есть Ханъ, владѣтель Волги и Яика; Ханъ, покорившій себя Русскихъ въ дому, Татаръ въ степи, и всѣ Улусы;

Ханъ, сдѣлавшійся Великимъ Государемъ въ Русскомъ царствѣ, когда счастье благопріятствовало ему, въ 1004 (*) году, и возшедшій на золотой престолъ Московскій; Ханъ, который, собравъ свой народъ, собравъ стройные ряды войска, противостоялъ врагу своему; вокругъ котораго по правую и по лѣвую сторону собираются Султаны, Бски, Мпрзы, всѣ богатыри, подобныя голоднымъ львамъ; который побѣдилъ враговъ, обнаживъ свой побѣдоносный мечъ; которому Черкесъ и Татаръ и Нѣмецкій король стали подножіемъ ногъ; который въ 1005 (**) году сдѣлалъ такой походъ, что какъ будто рассыпаясь жемчугъ изъ раковины, и одной такой жемчужины не найдти ни въ Румъ, ни въ Китаѣ. Цѣна этого жемчуга да возрастаетъ со дня на день, и счастье да не нарушится! Настало правосудіе, несправедливость исчезаетъ; прошла ночь, день наступаетъ; сквозь облака око дня является; Царя нашего Борисъ Хана величіе открывается; съ минуты на минуту взятіе Китая приближается, и обладаніе семью климатами земли. Да цѣтъ онъ изъ чаши вѣчнаго Кравчія, и въ семь тѣмномъ мѣрѣ да обрѣтаетъ счастье и успѣхъ, и все, если угодно Богу, да будетъ для него успѣшно!

Изображеніе величія его вождей и войска.

Султаны, безчисленные тысячи Бековъ и Мирзъ ежедневно приходятъ къ дверямъ твоего дворца рабствовать; у тебя есть безконечныя тмы народа, чтобы оказывать правосудіе; въ твоёмъ царствѣ, тебя достойномъ, все тебѣ удастся, счастье и благополучіе тебя ласкаетъ; во всемъ улусъ городъ твой Москва. Много у тебя народа для враговъ: имъ наполнены крѣпости и остроги; лишь скажешь: «на коня», сто тысячъ человекъ готовы; у тебя есть по пяти-сотъ караульныхъ въ день на каждахъ воротахъ. Такъ опредѣлилъ тебѣ Превѣчный Богъ и далъ тебѣ престолъ Соломоновъ. Правда пришла, насилие исчезло.

Если кто тебя ненавидитъ, у того нѣтъ въ тѣлѣ ни головы, ни души; кто тебѣ служитъ, того честь возрастаетъ; кто,

(*) 1595—1596 годъ по Р. Х. (**) 1598—1599 годъ по Р. Х.

принимая многія твои мудрыя наставленія, держать въ своемъ сердцѣ, того счастье увеличится, ему будетъ соизвѣствовать благополучіе, всѣ печали уменьшатся.

У тебя ряды величественныхъ сановниковъ, широты Бекетъ. Когда ты выступишь въ походъ, у тебя есть пестрый, какъ цвѣты земные, тронъ — Бѣлая орда; у тебя есть много войска, какъ туча на небѣ; у тебя для народа естественскъ, какъ у солнца и луны. У всѣхъ Русскихъ, Татаръ, Чингизовъ и Ляховъ есть Царь по имени Бѣрисъ — и на врагахъ твоихъ лица не стало!

Приходили послы: отъ Востока до Запада все видѣли они лично, но отъ Юга до Сѣвера не видали такого страшнаго войска. Я прошелъ много странъ въ мірѣ, много книгъ читалъ, много слышалъ омытовъ правосудія и справедливости, но никогда не видалъ такого мудраго Государя. Твои благодѣянія никогда не оскудѣютъ, сокровища твоей казны никогда не истощатся; раздавай на всѣ четыре стороны, они никогда не убавятся. Кого взыщеть милость твоя, во вѣки не опечалится.

Изображеніе Бориса кончилось.

Въ искренности хваленій, которыми авторъ превозноситъ Бориса Феодоровича, сомнѣваться нельзя, потому что участь облагодѣтельствованнаго Годуновымъ Уразъ Мухаммеда была, по видимому, крѣпко связана съ положеніемъ нашего автора, и слѣдовательно, все, что было хорошо Уразъ Мухаммеду, было хорошо и для приближенныхъ его. Притомъ же, судя потому, что авторъ служилъ еще родителямъ Уразъ Мухаммеда, онъ былъ уже не молодъ, когда писалъ свою хроніку, и слѣдовательно чувствовалъ глубже и цѣнилъ лучше благодѣянія Бориса. Восторженные похвалы, которыми осыпаетъ Годунова татарскій летописецъ, носить на себѣ восточный колоритъ, но весьма далекіи, по своей безыскусственности, отъ утомительныхъ величаній, которыми восточные писатели обыкновенно превозносятъ чествуемыхъ государей. Что нашъ авторъ не впалъ въ преувѣличеніе, доказательствомъ можетъ служить

историческое повествованіе о пышности двора Феодорова въ твореніи Карамзина (1).

Нашъ лѣтописецъ вѣстество Гедунова на Россійскій престолъ относитъ къ 1595 году, но вѣстно всѣмъ, что это событіе совершилось въ 1598 году; въ 1595-же году покорился Россіи дядя Уразъ Мухаммеда Тевкель, Киргизскій Ханъ (2). Вѣроятно предполагать здѣсь ошибку въ Татарской лѣтописи, нежелая думать, что сочинитель ея принимаетъ владычество Гедунова при Феодорѣ Іоанновичѣ за дѣйствительное царствованіе. Равнымъ образомъ ошибается авторъ, относя ополченіе Бориса Гедунова, бывшее въ началѣ его царствованія, къ 1596 году: дѣлать другія предположенія нѣтъ надобности.

Изъ русскихъ лѣтописей вѣстно, что Уразъ Мухаммедъ былъ Киргизскій Царевичъ, племянникъ Киргизскаго Хана Тевкеля, другъ Сейдыка, владѣльца Сибирскаго, взятый вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ въ плѣнъ восводой Чулковымъ (3), участвовавшій въ Шведскомъ походѣ Феодора Іоанновича (4), являвшійся въ торжественныхъ случаяхъ подлѣ царскаго трона (5), находившійся въ первомъ походѣ Бориса Гедунова противъ Крымцевъ (6) и наконецъ возведенный на Касимовскій претолъ Гедуновымъ въ началѣ его царствованія (7). Нашъ авторъ сообщаетъ біографію Уразъ Мухаммеда нѣсколько иначе, а именно:

«Уразъ Мухаммедъ Ханъ сначала осьми лѣтъ лишился своего дѣда Шигаи Хана; послѣ этой потери, тринадцати лѣтъ онъ остался отъ отца своего Унданъ Султана, который былъ убитъ невѣрными. Потомъ нѣсколько времени онъ былъ въ плѣну у Сейидъ-текъ Бія, и жилъ въ стѣсненіи. Послѣ того шестнадцати лѣтъ онъ явился на службу къ христіанскому государю Борису Феодоровичу и находился въ службѣ Бориса

(1) Исторія Карамзина, Т. X, стр. 123 (изд. Эйверл.).

(2) Ibidem, стр. 114. (3) Ibid. 10, 144. (4) Ibid. 63. (5) Ibid. 168.

(6) Ibid. Т. XI, 10. (7) Ibid. 15.

Феодоровича съ того дня до сего дня. Государь Царь пожаловалъ своего слугу въ концѣ года свѣдѣнъ 1000 года, когда годъ мыши вступилъ въ знакъ ома (*), въ дѣнадцатый день честнаго мѣсяца Рамазана: по повелѣнію Всероссийскаго Государя Бориса Феодоровича, чиновники его и великіе князья сѣли на правой и на лѣвой сторонѣ, а великолѣпные и страшные стрѣльцы стояли рука объ руку цѣлыми улицами, и по своему грозному повелѣнію, Государь, взявши предъ свое лицо Уразъ Мухаммедъ Хана, возсѣлъ на золотомъ тронѣ. Сидѣлъ сѣ съ рядомъ съ своимъ отцемъ-государемъ. Онъ всемирно-свѣтѣйше поздравилъ Уразъ Мухаммедъ Хана. Видѣ трона такой (*):...

Государь сдѣлалъ много подарковъ и милостей: пожаловалъ городъ Керманъ. Нѣсколько дней онъ жилъ при Государѣ, пока явились туда Керманскіе Бекы, Мирзы и черныи народъ — двѣсти человекъ. Государь отпустилъ Уразъ Мухаммедъ Хана, давъ ему боирина-толмача, и онъ отправился въ городъ Керманъ въ четвергъ мѣсяца Шевваля; вельможи Керманскіе были также вмѣстѣ съ нимъ въ службѣ Господина Хана. Черезъ недѣлю двѣдцать четвертаго дня мѣсяца Шевваля 1000 года въ четвергъ, съ благословенными стопами и благополучнымъ счастіемъ онъ пришелъ въ городъ Керманъ. Нѣсколько дней великолѣпно праздновали и пировали до самаго благословеннаго мѣсяца Зиль-Хеджа. Потомъ Уразъ Мухаммедъ Хана, сына Унданъ Султана, посадили на ханство въ 1000 году, въ годъ мыши, въ десятый день мѣсяца Зиль-Хеджа въ четвергъ. При этомъ изъ любопытства были всѣ большіе и малые, Русскіе и Татары: было большіе стеченіе народа. Въ каменной мечети, построенной Шейхъ Али Ханомъ, собрались Муллы, ученые, Хафизы, Бекы и Мирзы, и весь, сколько ни было, народъ съ общаго согласія принесли золотое кресло въ мечеть: въ то время присутствовалъ и бо-

(*) Мартъ мѣсяцъ.

(**) Въ подлинной рукописи очерченъ квадратъ для изображенія трона, но рисунка не сдѣлано.

яринъ съ грамотою Бориса Θεодоровича. Лишь только Сейндъ Булякъ изъ Искі-юрта началъ хутбу (*), четверо съ четырехъ сторонъ подняли Господина Хана на золотомъ креслѣ. Уразъ Мухаммедъ Ханъ возсѣлъ на ханство двадцати лѣтъ — да упротворить и продлить жизнь его Богъ!

Изображеніе трона (**)

На лѣвой сторонѣ Аргунъ Джа- На правой сторонѣ Джалапръ
нишъ Бекъ, Кыпчакъ Тукэй Кадырь Али Бекъ; Исбай Мау-
Бекъ. гутъ Себай Бекъ.

При этомъ присутствовали всѣ великіе и малые, Князья, муллы, старосты, и весь народъ правовѣрный, возносили молитвы и славословія, Чиновники и Князья сыпали на его голову деньги, всѣ присутствовавшіе приветствовали Господина Хана. Много дней до конца мѣсяца и днемъ и ночью проводили въ веселіи и пирахъ; въ тоже время сдѣлали также большой праздникъ, было безчисленное множество меду и водки, множество зарѣзали лошадей, овецъ, коровъ, устроили большое великолѣпное собраніе. Каждого угощали приличнымъ образомъ; мулламъ, хафизамъ, вдовамъ, сиротамъ, бѣднымъ, заключеннымъ снисходительно благоудѣянія и милостыню, цѣлниковъ освободилъ изъ заключенія, много раздалъ милостыни и благоустыни на пути Божіемъ. Всегда онъ желалъ водѣ Государя Бориса Θεодоровича: если онъ пилъ чашу, то не дилъ, не вспомянулъ его. Кромѣ того онъ всегда былъ готовъ въ служеніи Богу Всевышнему, всегда молился съ благоговѣніемъ и усердіемъ духу главы пророковъ Мухаммеда Мустафы — да дастъ ему Богъ миръ и благословеніе! Отъ Адама, избранныаго Божіа, до лучшаго изъ пророковъ и семейства Пророка, и всѣмъ, какіе въ его времени жили, сподвижникамъ, Пимамамъ, Шейхамъ и святымъ всегда молился съ благоговѣніемъ и просилъ отъ нихъ помощи. Сиротамъ

(*) Проповѣдь съ эктеніей.

(**) Квадратъ для изображенія обведенъ, но рисунка не сдѣлано.

странникамъ и вернымъ оказывать милость и благоутробіе. Правую рукою онъ исполнялъ заповѣди Божіеяго Шариата (*), въ левой рукѣ держалъ страшный бичъ и наказывалъ воровъ, разбойниковъ, негоднѣвъ, по царскому указу Государя Бориса Оеодоровича. По этому-то городъ Керманъ въ правленіе Бориса Оеодоровича былъ миренъ. Такимъ образомъ пусть Государь правотѣрный защитникъ вѣры, отецъ победы, Уразъ Мухаммедъ Ханъ при благополучномъ правленіи вкушаетъ миръ и живетъ сто лѣтъ, и пусть во вѣки вѣковъ счастье будетъ дружно съ нимъ, если это угодно Богу Всевышнему!»

Выдавая Уразъ Мухаммеда за пятиника Сейдтяка, нашъ авторъ можетъ быть и сираведливъ, а можетъ бить и придалъ иное значеніе пребыванію Уразъ Мухаммеда у Сейдтяка для того, чтобы не было запятно противоположности между службой Уразъ Мухаммеда Борису и дружествомъ его съ Сейдтикомъ, врагомъ Россіи. Что же касается до эпохи возведенія на тронъ Уразъ Мухаммеда, то здѣсь нашъ лѣтописецъ рѣшительно ошибается: изъ русской исторіи извѣстно, что это событіе воспослѣдовало въ началѣ царствованія Бориса Годунова, т. е. отшествіе Уразъ Мухаммеда въ Каспійъ должно быть отнесено къ 1598 году, никакъ не ранѣе, нашъ же авторъ назначаетъ для сего 1592 годъ. Вѣроятіе всего, основываясь и на предыдущей хронологической ошибкѣ сочинителя и на недостаткѣ образованности у тогдашнихъ мусульманъ, предполагать ошибку только со стороны автора, а не переписчика, такъ какъ она повторяется не разъ; можно еще, спасая честь нашего лѣтописателя, сдѣлать такое предположеніе, что Уразъ Мухаммедъ дѣйствительно былъ посаженъ на тронъ въ 1592 году, но какъ вассалъ, еще весьма молодой, находился постоянно при Борисѣ, и только въ 1598 году окончательно отпущенъ для управленія своимъ уѣдомъ.

Каспійъ, въ которомъ царствовалъ Уразъ Мухаммедъ, и въ которомъ, по всей вѣроятности, составлено настоящее со-

(*) Мусульманскаго духовнаго закона.

чиваніе, былъ Мещеряжскій городокъ на берегахъ Оки, носившій у Татаръ нарицательное монголо-тюркское названіе «Кермень», крѣпость; въ древности онъ былъ хорошо укрѣпленъ и подуметь историческую извѣстность отъ того, что въ немъ въ 1265 году скончался Александръ Невскій; въ 1376 году истребленъ Татарами, въ послѣдствіи возобновленъ въ 600 саженьхъ выше прежняго по теченію Оки, и до 1471 года назывался Довымъ Ндовымъ городкомъ, а въ этомъ году названъ Касимовымъ, потому, что подаренъ Казанскому Царевичу Касиму, потомки котораго владѣли имъ, вѣроятно, до Уразъ Мухаммеда. Отъ него еще, уцѣлѣла построенная въ 1467 году мечеть изъ дикаго камня (*).

Такъ какъ авторъ не говоритъ ни о смерти Бориса, ни о смерти Уразъ Мухаммеда, и оканчиваетъ свое повѣствованіе возведеніемъ послѣдняго на тронъ Касимовскій, то время сочиненія лѣтописи относится къ 1598—1605 годамъ, вѣроятно же всего къ 1600 году. Не извѣстно, было ли представлено это сочиненіе Борису: судя по молчанію автора о такомъ важномъ для него событіи, надобно заключить, что трудъ Татарскаго лѣтописца остался неизвѣстнымъ русскому Царю. Конечно авторъ умеръ прежде наступленія въ Русской землѣ смутнаго времени, въ которомъ принималъ дѣятельное участіе Уразъ Мухаммедъ: иначе онъ не оставилъ бы дополнить свою лѣтопись послѣдующими событіями (**).

Особенныя обстоятельства, ознаменовавшія правленіе Феодора Іоанновича и Бориса Годунова, представляютъ въ характеръ послѣдняго спорное мѣсто Руской Исторіи: наша лѣ-

(*) Журн. Мѣс. Нар. Просв. 1851, Мартъ, Отд. VI, Обзоръ губерн. вѣдом. 132. Мечеть, сохранившаяся донынѣ, есть, вѣроятно, постройка Шейръ Али Хана, о которой упоминаетъ выше Татарская рукопись.

(**) Мanuscriptъ переписанъ въ $\frac{1051}{1641}$ году, какъ показаво въ концѣ, то есть спустя около сорока лѣтъ послѣ сочиненія самой книги. Судя по испорченнымъ во многихъ мѣстахъ персидскимъ стихамъ, переписчикъ не совсѣмъ разумный свое дѣло: впрочемъ значительная часть осужденія въ этомъ случаѣ до-
стается на доно самаго автора.

топись, хотя и наполненная пламенными и искренними похвалами Годунову, не может служить опорой для защитников Борисова управленія. Обладательствованный Годуновымъ Уразъ Мухаммедъ и его приверженцы должны были славить своего покровителя, но благодѣянiя пали на бесплодную почву: Уразъ Мухаммедъ является въ послѣдствіи приверженцемъ Тушинскаго Самозванца, и слѣдовательно какъ бы обвинителемъ и противникомъ своего благодѣтеля, и вмѣстѣ участникомъ въ раззореніи Россіи. Неблагоразумная политика Бориса, поддержавшаго Касимовскій удѣлъ, принесла горькіе плоды въ правленіе Василя Іоанновича.

И. Березинъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

НАЛЪ И ДАМАЯНТИ (,) Эпизодъ изъ Маггабараты, поэмы мудреца Вьяса. Перевелъ Игнатій Коссовичъ. Москва 1851 г. 47 стр. въ 8 д. л.

Большинству нашихъ читателей безъ сомнѣнія извѣстенъ превосходный переводъ В. А. Жуковского *Налъ и Дамаянти*. Этотъ переводъ не прямо съ Санскритскаго, и потому, по словамъ г. Коссовича, не вездѣ точный. Не входя въ разсужденіе — потерялъ или выигралъ отъ этого переводъ лауреата нашей словесности, скажемъ только, что пастоящій переводъ г. Коссовича сдѣланъ прямо съ подлинника, изъ Индійской поэмы *Маггабараты*, мудреца Вьяса. *Маггабарата* состоитъ изъ двухъ сотъ тысячъ двустихій или *слокъ*. Въ 3-й ея части, *Ванапарванъ* (по объясненію К. Коссовича: *Vana* лѣсъ и *Parvan*. отдѣлъ, глава книги) помѣщена повѣсть о Налѣ. Вотъ какъ пересказываетъ переводчикъ содержаніе этой повѣсти:

«Цари Юттишттиръ и Дуріодганъ играли въ кости. Сакуни бросалъ кости за Дуріодгана, и выигралъ. По условію игры (,) Юттишттиръ съ братьями своими долженъ былъ прожить двѣнадцать лѣтъ въ мрачныхъ лѣсахъ. Мудрецъ Вригадасва, чтобы утѣшить Юттишттира, разсказываетъ ему повѣсть о Налѣ, который также все свое царство проигралъ въ кости, скитался, страдалъ, возвратился-же однако опять на родину, отыскавъ свою вѣрную супругу Дамаянти и сѣлъ снова на престолѣ своихъ отцовъ.»

Съ своей стороны предложимъ читателямъ содержаніе 5-ти пѣсень *Налъ и Дамаянти*, переведенныхъ г. Коссовичемъ.

Пѣснь I-я.

Былъ царь Наласъ, Вирасени
Сынъ могучій, надѣленный
Вожделѣнными дарами.
Славный воинъ, колѣсницей

Ловко правиль, и стояль онъ
 Властелиномъ межъ царями,
 Словно межъ богами Индра.... (*)
 Въ то же время жилъ въ Видарбгъ
 Бгима страшный и могучий,
 Богатырь душой и тѣломъ,
 Но дѣтей ему Богъ не далъ....

Бгима сокрушался о потомствѣ, прибѣгалъ къ молитвѣ, постанъ и
 подаваніямъ, посѣщалъ святыя мѣста. Однажды явился къ нему мудрецъ
 Даманъ и за ласковый пріемъ совершилъ надъ Бгимою и его женою
 чудо: родились у нихъ трое могучихъ сыновей и красавица дочь, Да-
 маянти.

И разнесся слухъ повсюду
 О блестящей Дамаянти,
 О прекрасной Дамаянти,
 О наследницѣ богатой
 Видарбгинскаго владыки

Подружки Дамаянти толковали про Палъ и прославляли его доблести,
 А въ иншадъ передъ Налемъ
 только и рѣчей было, что о Дамаянти. Дамаянти, призадумалась о Палѣ,
 Палъ о Дамаянти. Въ тоскѣ и томленіи страсти, Налъ оставляетъ свой
 царскій домъ и удаляется въ рошу, посреди которой стоялъ одинокій
 теремъ. Къ этому терему прилетаютъ гуси съ золотыми перьями и
 Палъ поймавъ одного изъ нихъ за крыло.

Положенный златоперый
 Обратился съ речью къ Наню:
 Не убей меня царь Налъсь!
 Сослужу тебѣ я службу;
 Предъ блестящей Дамаянти
 Слово доброе скажу я.
 Про тебя скажу я слово;
 Призадумается дѣва,
 И растужится царевна,
 И мечтать лишь только будетъ
 О тебѣ одномъ супругъ.
 Налъсь, слыша рѣчь такую,
 Отпустилъ на волю гуся.

(*) Индра, глава боговъ иншаго разряда.

Гуси полетѣли въ Видарбгу, заманили за собою въ лѣсъ Дамаянти
и ея подружень и отпущенный на волю царемъ Паласомъ гусь молвилъ
Дамаянти человѣчьимъ голосомъ:

Ты — жемчужина драгая
Межъ царевень во вселенной,
А промежъ царей на свѣтъ
Наль — алмазъ, блестящій дивно.
Ты послунай, Дамаянти!
Избери въ супруги Палю;
Не расквѣсься ты въ этомъ,
Счастье съ нимъ найдешь на вѣрно;
Вѣкъ мнѣ будешь благодарна!
Онъ умолитъ, а Дамаянти:
Ты скажи все это Палю!
Хорошо, скажу! отвѣтилъ
Видарбгнн златокрылый,
И, въ Иншадгу прилетѣвши,
Разсказалъ все это Палю.

Пѣснь II-я.

Послѣ бесѣды съ гусемъ, Дамаянти затосковала, закручинилась; отецъ
ея сталъ думать думу о кручинѣ дочери, созвалъ на совѣтъ мужей
разумныхъ и рѣшили они: дозволить Дамаянти — выбрать мужа по
желанью. Услыхавъ о рѣшеніи Бгимы, всѣ царя стали стекаться въ
Видарбгу.

Ихъ войска сопровождалъ,
Разукрашенная дивно
Разноцвѣтными вѣнками;
Колесницы быстро мчались,
Отъ колесъ земля дрожала,
Конн и слоны летѣли;
Раздавался гулъ ужасный,
Стукъ ужасный по дорогамъ.
Съездъ оконченъ. Бгима сильный
Принималъ гостей высокихъ
По достоинству, по царски.

Въ это время полубоги Парадъ и Парватъ шли въ чертоги Индры.
На вопросъ Индры: гдѣ-же царь? Парадъ разсказываетъ — въ чемъ дѣло.
Тогда всѣ боги, т. е. Индра, Агни, Варуна и Яма стали въ драго-

цѣпныя колесницы и отправились въ Видарбгу. На дорогѣ они встрѣтили Наля, также отправлявшагося въ царство Бгимы. Изумленные величавой его красотой, боги сошли съ колесницъ и молвили Налю:

Ты людей всѣхъ украшенье,
Ты царей царь, любишь правду,
Ты свою подай намъ помощь,
Будь намъ вѣстникомъ правдивымъ!

Пѣснь III-я.

Наль обѣщается быть вѣстникомъ боговъ. Боги приказываютъ ему повѣстить Дамаянти, что къ ней идутъ стражи свѣта: Индра, Агни, Варупа и Яма и желаютъ, чтобы она избрала одного изъ нихъ въ супруги. Наль отказывается; боги напоминаютъ ему его обѣщаніе.

Наль на это имъ отвѣтилъ:
Да вѣдь стража охраняетъ
Бгимы царскія палаты.
Какъ войдти мнѣ?

«Ты войдешь!» говорятъ Индра. Наль повинуется, входитъ въ чертоги Бгимы и не можетъ отвести очей отъ Дамаянти. Подружки Дамаянти, очарованные красотой Наля, вскочили съ мѣстъ, и Дамаянти съ приветливой улыбкой спросила:

Ты откуда, госте мой милый?
Гость мой чудный, гость прекрасный?
Красота въ твоихъ всѣхъ членахъ!
Ты любовь въ меня вселяешь
И любовь растетъ въ мгновеніе!
Кто ты, о герой великій?
Какъ безсмертный ты явился,
Отъ грѣховъ свободный, чистый;
Я узнать тебя желаю.
Какъ въ мои вошелъ ты сѣни?
Какъ вошелъ ты не замечая?

Наль говоритъ, что онъ вѣстникъ боговъ, и возвращаетъ ихъ волю.

Пѣснь IV-я.

Совершивши поклоненіе въ честь боговъ, Дамаянти отвѣчаетъ съ улыбкою:

Я тебя ждала, Наль милый!
Не обманывай надежды:

Ты возьми меня въ супруги....
 Если ты меня отвергнешь,
 Огнь, вода, отравы, петля
 Кончатъ горе Дамаянти!

Наль говорить ей о своемъ ничтожествѣ, восхваляетъ боговъ и со-
 вѣтуетъ избрать одного изъ нихъ въ супруги. Дамаянти не слушаетъ:

Въ честь боговъ свершать молитвы,
 Совершать имъ поклоненье
 Я готова, но въ супруги
 Одного я избираю,
 Одного тебя, Найшагта!
 Такъ она прошептала,
 И сложа покорно руки,
 Вся дрожала и глядела
 Въ очи Нало....

Наль возражаетъ, что онъ — посланникъ боговъ и не можетъ гово-
 рить за себя; но Дамаянти уже придумала — какъ помочь горю. Она
 требуетъ, чтобы Наль явился вмѣстѣ съ богами, и она, въ присут-
 ствіи всемогущихъ стражей вселенной, выберетъ его въ супруги.

Наль отправляется съ отвѣтомъ къ богамъ и пересказываетъ рѣчи
 Дамаянти.

Пѣснь V-я.

Наступилъ урочный день; Бгима созываетъ царей, и они вѣзжаютъ
 на поприще, въ ворота, блестящіе сіяніемъ золотыхъ столбовъ.

*Тамъ властители вселенной
 По мѣстамъ садились чинно
 На сѣдалищахъ престолахъ.
 Чела ихъ обвиты были
 Благоуханными вѣнками;
 А въ ушахъ висѣли серьги
 Изъ камней самоцѣпныхъ.
 Богатырскія ихъ руки,
 Слово палицы по виду,
 Богатырскаго размаха;
 Будто ихъ ваятель чудный
 Выточилъ на диво людямъ;
 И казались эти руки
 Пятиглавыми змѣями.*

Лики царскіе сіяли,
 Словно какъ на небѣ звѣзды,
 Изумляя и плѣня
 Выразительностью дивной,
 Красотой очей огнистыхъ.
 Пышностью кудрей шелковыхъ.
 И орлиными носами,
 И высокими бровями.
 А числомъ царей державныхъ
 Столько съѣхалось отсюду,
 Сколько змѣевъ въ Бгавати.... (*)

Дамаянти ищетъ глазами Наля, но вмѣсто одного передъ ней пять Налей: она поняла, что боги, для затрудненія выбора, приняли образъ Найшадга. Дамаянти молить боговъ открыть свои примѣты; боги внимаютъ ея молитвѣ, и она выбираетъ въ супруги Наля. Лучезарные владыки подарили Налю восемь милостей и обѣщали ему двоихъ дѣтей. Затѣмъ боги и цари отправились въ обратный путь, и Налъ, погостивши у тестя, уѣхалъ въ свой городъ. Отъ своей несравненной Дамаянти имѣлъ онъ сына *Индрасена* и дочь *Индрасену*, и жилъ счастливо, и вся его страна была счастлива.

И такъ г. Коссовичъ перевелъ не всю повѣсть о *Налѣ* и *Дамаянти*, а только первыя пять пѣсней. Тѣ-же пѣсни переведены были, также прямо съ Санскритскаго, А. О. Вельтмана, и напечатаны (въ 1839 г.) въ Отечественныхъ Запискахъ. Избѣгая наготы разъ очныхъ ставокъ, скажемъ только, что литературное достоинство перевода г. Вельтмана несомнѣнно. Желающіе убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ могутъ сравнить оба перевода, а мы съ своей стороны не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи — напомнить нашимъ читателямъ о мастерскомъ переводѣ г. Вельтмана нѣсколькими строчками, выбравшими на удачу. Напримѣръ:

Послѣ словъ чудесной птицы, Дамаянти вдругъ сгрустнулось;
 Смокла двичья веселость; въ помышлѣнїи только Налю;
 Она въ думу углубилась, она чахнетъ отъ кручины;
 Не румянятся ланиты; надорвалась грудь отъ вздоховъ;
 Ея очи подкатились подъ чело и взглядъ потерявъ;
 По лицу простерлась блѣдность; ея мысли полны страсти,
 Не идетъ ей въ душу пища; сонъ не клонитъ ея очи;
 День и ночь она тоскуетъ, день и ночь она льетъ слезы
 И съ подружками своими она радостей не дѣлитъ.

(*) Бгавати, по Индійской мифологіи, городъ змѣевъ въ преисподней.

Такой переводъ, какъ нельзя лучше, доказываетъ сродство двухъ языковъ: мертвца и живаго, Санскритскаго и Русскаго.

Переводъ г. Коссовича имѣетъ другое достоинство: онъ не только подстроченъ, онъ *почти подсловенъ*. Но г. Коссовичъ — не поэтъ. Привычка владѣть стихомъ вовлекаетъ его въ разные неловкіе обороты рѣчи. Напримѣръ:

*И мечтать лишь только будетъ
О тебѣ одномъ супругъ....*

Ты свою подай намъ помощь..

Красота въ твоихъ всѣхъ членахъ.

*Иль въ пещеръ горъ тѣнистыхъ
Сколько титровъ.... и. т. п.*

Однако-же подобные промахи вполне выкупаются тщательнымъ изученіемъ подлинника, которое подсказывало иногда переводчику такіе стихи:

Дамаллхи

*Тутъ боговъ узрѣла ясно:
Надъ землею они стояли,
До земли не прикасаясь;
На лицъ не видно было
Поту; взгляды ихъ—быстрый дивно;
Целъ ихъ обвиты были
Н. завлдишими вѣнками,
И на свѣтлое ихъ платье
Никогда пылъ не садилась.
На землю стоялъ царь Наллсъ,
И движенье въ его членахъ
Видно было, и отъ тѣла
Тѣнь широкая ложилась.
Онъ покрытъ былъ пылью, потомъ,
И цветы въ вѣнкахъ завали.*

Эти стихи — чистый снимокъ съ подлинника: отъ нихъ вѣсть первобытную простоту мысли и выраженія. Обращаясь опять къ маленькимъ погрѣшностямъ перевода, скажемъ, въ оправданіе г. Коссовича, что трудно, и очень трудно, укладывать въ размѣръ непривычныя для Русскаго уха собственныя имена, которыя только цестрятъ стихи. — Притомъ же намъ кажется, что переводчикъ вовлеченъ былъ въ эти погрѣшности желаніемъ — держаться подлинника до-нельзя. Иначе, какъ объяснить неправильность удареній, которой такъ легко можно было избѣжать? Напримѣръ:

Налъ увидѣть, научился,
Бросился, и тутъ же гуся
Одного поймалъ за крыло (!).

Допустивъ самое позволительное уклоненіе отъ подлинника, можно было сказать:

..... гуся

Одного поймалъ за крылья.

Теперь слова два о размѣрѣ.

И г. Вельтманъ, и г. Коссовичъ переводили размѣромъ подлинника, одинъ, раздробляя слоки на стихи, другой — не раздробляя ихъ. Но этотъ размѣръ, свойственный напѣву Савскритскаго языка, по-Русски выходитъ утомительно-однообразенъ: все женскіе и женскіе стихи. Благозвучіе требуетъ перемежать ихъ изрѣдка мужескими стихами, которые, въ общей гармоніи стихотворенія, составляютъ необходимыя паузы (*). Кстати о размѣрѣ. Въ письмѣ къ своему брату, Кагану Андреевичу, которому посвященъ переводъ, г. Коссовичъ говоритъ:

«Что касается до метра, прости, если встрѣтишь иногда пиррихій (о о) или анапестъ (о о —) вмѣсто хорей(— о).» Эта оговорка совершенно лишняя. Чистыхъ хореевъ и чистыхъ ямбовъ въ Русскомъ стихотвореніи вѣтъ.

Странно было бы скандовать хореемъ такіе стихи:

И раз|вѣся| слухъ по всюду
О пре|красной| Дама|янти,
О бле|стящей| Дама|янти,
О на|слѣдн|цѣ бо|гаты
Вида|рб|гн|ска|го вл|дыки.

Они читаются очень просто анапестохорейческимъ размѣромъ:

И развѣся слухъ повсюду
О прекрасной Дамаанти,

Или, еще правильнѣе, Русскимъ народнымъ размѣромъ съ двумя удареніями:

О прекрасной Дамаанти,
О наслѣдницѣ богатой,
Вида|рб|гн|ска|го вл|дыки.

Въ заключеніе пожелаемъ г. Коссовичу продолжать начатое и перевести остальные пѣсни о Налъ и Дамаанти.

(*) Такъ этотъ-же размѣръ, перемежаемый мужескими стихами, вышелъ крайне пѣвучъ у В. А. Жуковского, въ его пѣсняхъ о Сидѣ.

Пропалля. Сборникъ статей по классической древности, изд. П. Леонтьевымъ. 1851 г.

(Окончаніе.)

Статья г. Буслаева: «Женскіе типы въ изваяніяхъ греческихъ богинь,» тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманіе, что ученому сочинителю удалось представить интересный предметъ самымъ простымъ, доступнымъ для всѣхъ языкомъ. Въ древнемъ ваяніи рѣзко обозначилось отличіе древняго человѣка отъ христіанина; въ произведеніяхъ искусства полиеизмъ получилъ свое полнѣйшее, совершеннѣйшее содержаніе, потому что ваяніе выбрало изъ него то, что было ближе всего къ тогдашнему идеалу совершеннаго человѣка, и дало изображеніямъ божествъ полнѣйшую красоту. Другая замѣчательная черта греческаго ваянія заключается въ спокойствіи, которымъ *θεός* умѣлъ отстранить все рѣзкое и угловатое въ движеніи и страстяхъ: «Греческій художникъ,» говоритъ г. Буслаевъ, «глубоко чувствовалъ, что прекрасное должно производить на душу успокоительное и стройное впечатлѣніе, должно не волновать, а очищать страсти; потому всегда зналъ мѣру поэтическому восторгу, и не увлекался въ своихъ созданіяхъ минутнымъ, преходящимъ выраженіемъ страсти.» По этому Греческій художникъ не выбиралъ для представленія своей мысли той минуты, когда дѣятельность или страсть могла произвести угловатость движеній, или исказить красоту очертаній. Нужно ли было представить силу Геркулеса, онъ изображалъ его въ ту минуту, когда полубогъ отдыхаетъ отъ совершенныхъ трудовъ, и опираясь на палицу, готовъ стремиться къ новымъ побѣдамъ; изображалъ ли художникъ ихъ окончаніе и успокоеніе Геркулеса на Олимпѣ, онъ представилъ его сидящимъ, уже копчившимъ свои земные труды, и наслаждающимся невозмутимымъ спокойствіемъ. Новый художникъ рѣдко достигаетъ этого спокойнаго воззрѣнія на лица и дѣйствія; онъ ищетъ движенія какъ въ живописи, такъ и въ ваяніи, и по этому далеко отсталъ отъ древняго; онъ хочетъ приблизиться къ христіанскому художеству, къ живописи, и этимъ стремленіемъ онъ даетъ болѣе содержаніе, нежели допускаетъ ваяніе. Христіанинъ хочетъ изобразить все въ такой полнотѣ, чтобъ зрителю не оставалось ничего темнаго въ произведеніи; древній напротивъ того, не высказывался весь, и по этому даетъ душѣ зрителя поводъ къ дальнѣйшему размышленію. Въ этомъ обстоятельствѣ и заключается причина, почему намъ трудно привыкнуть къ пониманію величаво-спокойныхъ по наружности произведеній древняго ваянія: не смотря на спокойствіе, множество мелочей, не замѣтныхъ при первомъ взглядѣ, обнаруживаютъ внутреннюю жизнь; выраженіе губъ, глазъ, ча-

сто чуть замѣтное движеніе мускуловъ замѣляетъ жизнь, или, правильнѣе, то движеніе, котораго мы ищемъ въ произведеніяхъ искусства.

Въ богиняхъ своихъ Грекъ, по мнѣнію почтеннаго сочинителя, больше всего выразилъ человѣчественности, а въ особенности красоты. Мушину не можетъ имѣть тѣлесной красоты, которая отличаетъ женщину; въ немъ проявляется больше силы, по этому мускулатура его не имѣетъ той мягкости, округленности и плавности, которая позже дала Гогарту поводъ искать совершеннѣйшую красоту въ волнистой линіи. Въ мушинѣ преобладаетъ сила, въ женщинѣ чувство, и съ этой послѣдней стороны поналъ Греческій ваятель своихъ богинь; одни изъ нихъ не подвержены еще вліянію чувствъ, какъ Артемида и Паллада; совершеннѣйшее представленіе чувственной жизни, оживленной любви, явилось въ двухъ противоположныхъ первымъ богиняхъ, Гертъ и Афродитѣ.

Статьи г. Леонтьева «*Таврическая Венера*,» и «*Вахическій Памятникъ Графа С. С. Уварова*» интересны для насъ тѣмъ болѣе, что эти памятники находятся въ нашемъ отечествѣ. О послѣднемъ Русскіе и Европейскіе ученые ожидаютъ большаго сочиненія отъ знаменитаго владѣльца.

Статья о Венерѣ Милосской, лирическая, а ненаучная, передаетъ личные впечатлѣнія автора при взглядѣ на эту статую,—г. Ордынский собралъ много любопытныхъ свѣдѣній о жизни молодого Агониллина, и статья его читается съ удовольствіемъ.

О Саллюстіѣ и его сочиненіяхъ, Г. Бабста.

Если читатель, взявшій въ руки трудъ г. Бабста, думаетъ, что онъ получитъ какое-нибудь понятіе о Саллюстіѣ и о его жизни, то онъ сильно ошибается; это скорѣе исторія Югуртинской войны и Катилинина заговора. Обратимъ вниманіе на нѣкоторые данныя, опущенныя авторомъ.

Какъ Саллюстіѣ Криспъ родился въ Амтернѣ Сабинскомъ городѣ, въ 668 г. отъ постр. Рима, во время седьмого консулата Марія. Ни отецъ его, ни предки не пользовались общественнымъ уваженіемъ, и по этому не достигли высшихъ должностей. Молодость свою провелъ онъ въ Римѣ, гдѣ въ это время уже сильно отразился нравственный упадокъ общества, причиненный накопленіемъ вѣснѣтнмъ богатствъ и знакомствомъ съ Греціею и Малою Азіею. Саллюстіѣ говорить о Суллѣ: «*voluptatum cupidus, gloriae cupidior*»; это слово можно примѣнить ко всѣмъ молодымъ и даровитымъ людямъ, желавшимъ выиграть что-нибудь въ это смутное время, и имѣвшимъ право на то или по способностямъ, или по богатству своему, а такъ же и къ Саллю-

стнѣ. Саллюстій готовился сперва къ должности адвоката подъ руководствомъ Аонискаго грамматика Атейя; но онъ скоро оставилъ эти занятія и обратился къ общественной дѣятельности, въ которой началъ дѣйствовать энергически. Когда Клодій былъ убитъ Милономъ, Саллюстій сталъ преслѣдовать Милона; еговорившись съ Мунаціемъ и Руфомъ, онъ умѣлъ взволновать такъ сильно Римлянъ, что весь народъ, схвативши трупъ Клодія, бросился въ Гостиліеву курію, гдѣ собирався сенатъ, и это зданіе вмѣстѣ съ базиликою Порціи послужило костромъ для убитаго. Милону предстоялъ процессъ, но тѣмъ не менѣе онъ домогался консульства; Помпей домогался диктаторства, дѣйствуя противъ Цезаря. Саллюстій сблизился съ Помпеемъ, можетъ быть, чтобъ тѣмъ сильнѣе дѣйствовать противъ Цидерона, взявшаго на себя защиту Милона. Краснорѣчіе Цидерона на этотъ разъ измѣнило ему; онъ смутился, слабо защищалъ своего кліента, который принужденъ былъ удалиться въ Массилию; но глубокая вражда, произшедшая очевидно изъ политическаго несогласія, усилилась между Цидерономъ и Саллюстіемъ; изгнанный Милонъ имѣлъ сильную партію, которая отпустила ему при содѣйствіи ценсоровъ, и исключила Саллюстія изъ сената за развратъ, прикрывая политическую вражду благовиднымъ предлогомъ. Въ это время онъ началъ писать исторію, и писалъ ее совершенно въ новомъ родѣ, потому что до сихъ поръ Римляне не имѣли другой исторіи, кромѣ лѣтописей. Онъ избралъ свое время и происшествіе, совершившееся передъ его глазами, въ которомъ онъ не принималъ никакого участія. Самый выборъ предмета показываетъ его направленіе; онъ былъ противникъ Римской аристократіи, и доказываетъ, какими преступными средствами она была готова пользоваться, чтобъ только удержать власть въ своихъ рукахъ; это время тѣмъ любопытнѣе, что въ немъ сошлись все люди, игравшіе въ послѣдствіи важную роль при окончательномъ рѣшеніи судьбы Рима: Цицеронъ, Цезарь, Помпей, Катонъ. Стараясь найти себѣ занятіе, Саллюстій не терялъ изъ виду разыгрывающейся борьбы, онъ предвидѣлъ, что Цезарь выйдетъ побѣдителемъ, по этому спѣшилъ къ нему въ Галлію, и по возвращеніи въ Римъ, въ 706, при содѣйствіи Цезаря, получилъ мѣсто квестора, и снова занялъ мѣсто въ сенатѣ. Извѣстны два письма, въ которыхъ онъ является другомъ порядка, и умоляетъ Цезаря возстановить власть закона и исправить пороки общества Римскаго. Въ 708 году получилъ онъ преторство, и женился на разведенной супругѣ Цидерона, Теренціи, женщинѣ энергической, честолюбивой, питавшей теперь вражду къ бывшему супругу. Въ это время власть Цезаря все увеличивалась, и Саллюстій,

тѣснѣ и тѣснѣ присоединившійся къ нему, неступилъ въ его войско начальникомъ легіона. Извѣстно, что солдаты не хотѣли оставлять Италіи; вспыхнулъ бунтъ, укрощенный однимъ присутствіемъ Цезаря. Послѣ Саллюстія участвовалъ въ Африканской войнѣ, по окончаніи которой онъ былъ оставленъ въ ней начальникомъ Римскихъ владѣній. Это время было счастливымъ для него, но опятнало его память: занимаясь собираніемъ матеріаловъ для новаго сочиненія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ составилъ огромное состояніе страшными грабительствами. Не хотимъ извинять его, но должно замѣтить, что это былъ общій порокъ Римскихъ правителей. Въ 710 году возвратился онъ въ Римъ; на него жаловались, но Цезарь не выдавалъ его, можетъ быть для того, чтобъ крѣпче привязать къ себѣ друзей своихъ, показывая имъ, что его дружба можетъ служить имъ защитой. Въ Римъ Саллюстія воспользовался своими богатствами: на Квиринальской горѣ выстроилъ онъ великолѣпный домъ, и разбилъ обширные сады, открытые для народа; въ нихъ собралъ онъ множество драгоценныхъ памятниковъ вавилія.

Окруженный вѣгою и роскошью, написалъ онъ свою Югуртинскую войну; та же мысль, которая отражалась въ его заговорѣ Катилины, явилась и въ этомъ произведеніи; для горячаго приверженца народной партіи, этотъ эпизодъ долженъ былъ имѣть тѣмъ большее значеніе, что здѣсь началась дѣятельность Марія, этого страшнаго плебея времени упадка; здѣсь только открылось движеніе, погубившее аристократію Римскую. Заступаясь за свою сторону, онъ однако же ясно видѣть ошибки ея сторонниковъ, и признаетъ хорошія стороны ея враговъ. Но кончилась жизнь Цезаря; Саллюстія не хотѣлъ уже участвовать болѣе въ политическихъ распряхъ, вмѣсто того посвятилъ онъ себя совершенно исторіи, и написалъ пять книгъ, дополнявшихъ описаніе борьбы Марія съ Суллою. Это сочиненіе утрачено; отрывки разсыпаны у разныхъ грамматиковъ и христіанскихъ писателей; первые сохраняли ихъ, чтобы показать употребленіе какого-нибудь рѣдкаго слова, другіе сохраняли нравственныя мысли. — Въ 718 году скончался Саллюстія, пятидесяти одного году отъ роду. — Но обратимся къ разсужденію г. Бабста.

Г. Бабстъ разсматриваетъ два сочиненія Саллюстія, дошедшія до насъ въ цѣлости, въ историческомъ порядкѣ событій. Югуртинская война описана Саллюстіемъ, какъ мы уже замѣтили выше, почти десять лѣтъ позднеѣ, нежели Катилининскій заговоръ. Почему описалъ ее Саллюстія, изложено имъ самимъ: «во-первыхъ потому, что война эта была долговременна и упорна, во-вторыхъ, по тому что тогда только начали противопоставлять преграды гордости аристократіи: эта борьба

возмутила все божественное и человеческое; безуміе дошло до того, что война и опустошеніе Италіи положили преграду гражданскому развитію. Напрасно г. Бабстъ не представлялъ еще читателямъ рѣчи Меммія рядомъ съ рѣчью Маріа; первая нисколько не уступаетъ послѣдней, и внутренніе недостатки Римскаго общества представлены съ неумолимою строгостію.

Въ такія времена патриціи были рады войнѣ, какъ отводу ихъ опасеній; прежде они выигрывали такимъ образомъ небольшую отсрочку; съ паденіемъ Кареагена, Римъ не видѣлъ уже вблизи могущественныхъ враговъ, и миръ, котораго они ожидали въ прежнія опасныя времена, сталъ еще кровавѣе и безпокойнѣе войны. Борьба съ Югуртою служила продолженіемъ римскимъ смутамъ; большая часть патриціевъ была подкуплена Югуртою, и по этому была противъ войны, состоявшейся только по требованію народа. Югурта своими душевными и тѣлесными качествами былъ опасный противникъ; вспомнимъ прекрасную характеристику его у Саллюстіа: сильный, красивый собою, но въ особенности одаренный большими способностями юноша, не далъ нѣгѣ и бездѣйствію избаловать себя; напротивъ того, по обыкновенію своего народа, онъ вздѣлъ верхомъ, бросалъ копья, спорилъ съ товарищами въ быстротѣ бѣга; превосходя своихъ сверстниковъ, онъ тѣмъ не менѣе былъ любимъ ими; большую часть времени своего проводилъ онъ на охотѣ, и старался нанести первый ударъ льву или другимъ дикимъ звѣрямъ; онъ дѣлалъ больше всѣхъ, меньше всѣхъ говорилъ о себѣ». Сами Римляне дали способы и средства къ этой войнѣ: во время Пунической войны Масинисса подружился съ Сципіономъ Африканскимъ; когда Кареагенъ и царство Сифакса пали, римскій народъ уступилъ (*dono dedit*) союзнику своему покоренные города и земли, входившіе въ составъ этихъ государствъ; Кареагенскіе города вдоль моря оставались подъ управленіемъ Римскихъ чиновниковъ, на востокъ граничило это государство съ Киренакою, на западъ съ Мавританією; къ югу горами и безплодными степями. Сѣверная часть этого края была чрезвычайно населена; здѣсь были города, въ которыхъ жило много Италіанскихъ купцовъ для торговли: извѣстно кромѣ того, что караванная торговля была тогда развита больше, нежели теперь. Торговля раждала богатство, по этому Югурта обладалъ большими средствами, когда ему предстояла война съ Римлянами. Главную силу его составляла конница; по г. Бабстъ ошибается, полагая, что онъ слѣдовалъ совершенно системѣ Арабовъ, воюющихъ съ Французами; у него была и пѣхота, были и слоны; но въ войскѣ не было дисциплины, оно не было приучено къ движенію массами, да-

вашиему превосходство римскому летюну. Послѣ пораженія они разошлись, и полководцу приходилось набирать новое войско изъ людей, привыкшихъ болѣе къ земледѣлію и садоводству, нежели къ военному дѣлу. Аристократическій консулъ началъ эту войну; но она тянулась долго, потому что Югурта умѣлъ найти друзей не только въ войскѣ, но и въ Римѣ; кончилъ же ее человекъ, вышедшій изъ низкаго званія, извѣстный своею храбростію, народностію, ненавистію къ родовой аристократіи римской. Не смотря на всѣ преиски противниковъ, народъ выбралъ его консуломъ. Съ особенною любовью останавливается Саллюстій на этой личности, по слѣдамъ которой шелъ послѣ и Цезарь, пока счастливый успѣхъ не внушилъ ему новыхъ, болѣе честолюбивыхъ стремленій; участіемъ къ Марію обнаруживаетъ онъ свой собственный взглядъ; ненависть патриціевъ, онъ не ослѣпляетъ любовію къ народу, но видитъ его слабости. Новое движеніе получило начало свое отъ Гракховъ, которые излишнею и преждевременною ревностію испортили свое дѣло; народъ сталъ гордиться, подобно противникамъ своимъ, когда ему удалось пріобрѣсти нѣкоторыя льготы; Марій пріобрѣлъ сочувствіе народа рожденіемъ своимъ, презрѣніемъ нѣги и роскоши, любовію къ славѣ, рѣзкимъ слогомъ: Римляне охотно шли подъ его знамена. Конецъ этой войны извѣстенъ; вѣроломствомъ взяли Югурту въ плѣнъ, и Марій былъ удостоенъ триумфа. Другое лице, въ это время еще чистое, былъ Сулла, будущій соперникъ и врагъ Марія; и ему посвятилъ Саллюстій нѣсколько мѣста, жалѣя въ тоже время о томъ переворотѣ, который въ послѣдствіи произвелъ въ немъ.

Первымъ сочиненіемъ Саллюстія было описаніе заговора Катилины. Оно написано уже послѣ смерти Цезаря; если сравнить это сочиненіе съ написанными позже, видно сильное различіе между ними, хотя направленіе Саллюстія осталось одно и то же. Слогъ еще не имѣетъ той силы, которой отличается Саллюстій въ Югуртинской войнѣ; онъ обремененъ нравственными сужденіями, мышущими школою риторомъ; видно даже нѣкоторое неумѣніе пользоваться слишкомъ обширными данными. Личность этого демократа дала поводъ къ совершенно противоположнымъ мнѣніямъ; одни превозносятъ его за безпристрастіе, другіе отрицаютъ у него это достоинство; главная его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ былъ не только первый философъ-историкъ Рима, но единственный писатель, дошедшій до насъ представителемъ одной стороны; какъ представитель народа, Саллюстій долженъ былъ приблизиться къ его языку, писать не тѣмъ же изящнымъ и цвѣтущимъ языкомъ, которымъ отличался его аристократическій противникъ, Цицеронъ. Не станемъ слѣдовать за

подробностями Катилиннннн заговора, который хорошо описан у г. Габста: въ нихъ избѣжалъ онъ сравненій въ родѣ слѣдующихъ: «въ широкихъ плащахъ пундійскихъ съ капишономъ узнаемъ мы бурнусы Арабовъ Абдель-Кадера» стр. 227: (У Саллюстія мы тщетно искали этихъ плащей съ капишонами); или: «въ кавалерійскомъ дѣлѣ они были необходимы, но бѣжали всегда передъ регулярной пѣхотой, точно также, какъ толпы Арабовъ отступаютъ передъ ротой Французской пѣхоты». Мы знаемъ, что и Шлоссеръ иногда употребляетъ такіе сближенія; но къ чему сближать вдругъ въ мысляхъ читатели періоды, отдаленные почти двумя тысячелѣтіями, въ которыхъ, при наружномъ сходствѣ, кроется гораздо большее несходство, гдѣ дѣйствуютъ другія побужденія и другіе жизненные вопросы.

«Римскія женщины по Тациту». Содержаніе статьи взято исключительно изъ Тацита. Почтенный сочинитель держался близко Тацита и старался дополнить часто слѣпкомъ краткую и сжатую рѣчь писателя. Исторія женщины и ея положенія въ обществѣ составляетъ самую странную страницу въ исторіи Рима при Цезаряхъ; женщина является тамъ въ совершенно ложномъ положеніи; она оставила свой домашній кругъ, принимала участіе въ общественной дѣятельности, превосходила мужчинъ своимъ развратомъ; если даже и выходили лица, похожіе на старшую Агриппину, изъ круга прочихъ, то тѣмъ не менѣе онъ не напоминали уже древнихъ Римлянокъ, матерей Коріолановъ и Сципіоновъ; въ нихъ является совершенно новое, болѣе мужское, нежели женственное стремленіе, оказавшееся въ благородной супругѣ Германика. Г. Кудрявцевъ представилъ старшую Агриппину и Мессалину; обѣ происходили изъ рода Цезарей, обѣ оставили по себѣ память, одна мужествомъ и добродѣтелью, другая пороками. Мы не станемъ слѣдить за всеми обстоятельствами историка; но позволимъ себѣ выразить свое сомнѣніе объ одномъ обстоятельствѣ изъ исторіи послѣднихъ дней Мессалины. На стр. 294 г. Кудрявцевъ говоритъ: «Главная цѣль Силія состояла въ томъ, чтобы, заключивъ бракъ съ Мессалинною, и усыновивъ себѣ «сына ея Британика, вступить не только въ отцовскія права Клавдія, «но и въ права самой его власти. Хотя историкъ и не договариваетъ, «очевидно впрочемъ, что тутъ былъ цѣлый заговоръ. Какую собственно «участъ готовили Клавдію, не извѣстно за вѣрное, но едва ли можетъ «быть сомнѣніе въ томъ, что она была весьма не завидная. Мессалина «очень не охотно вошла въ виды Силія: власть никогда не составляла «для нее особенной прелести, а между тѣмъ присоединилась еще боязнь, «чтобы онъ, достигнувъ черезъ нее желаемого, потомъ не сталъ смо-

«трѣтъ на нее иными глазами, и наконецъ вовсе не оттолкнулъ бы ея отъ себя, какъ орудіе, болѣе ему не нужное. Въ то время, какъ Силій мечталъ уже о возвышеніи, о власти, Мессалина все еще оставалась вѣрна своей прежней страсти и ея увлеченію. Одно только привлекало ее въ предложеніи Силія: это — возможность назваться его женою». Позволимъ себѣ нѣкоторые противорѣчія: у Тацита мы находимъ слѣдующія показанія (Апп. XI, 12): «сожалѣніе о его (Нерона) матери Агриппинѣ увеличивалось жестокостію Мессалины, которая, питая постоянно враждебные замыслы, и озлобленная противъ нихъ, не подвергла ихъ обвиненію, и не выставила обвинителей потому только, что была занята новою любовью, близкою къ бѣшенству. Она такъ сильно влюбилась тогда въ Кайя Силія, отличавшагося между молодыми Римлянами красотою, что заставила его развестися съ Юніею Силаною, благородною женщиною, и завладѣла любовникомъ, получившимъ свободу; Силій хорошо постигалъ опасность и постыдность этого поступка. Но увѣренный въ гибели своей въ случаѣ отказа, имѣя можетъ быть надежду обмануть ее, ожидая большихъ подарковъ, онъ рѣшился ожидать будущаго, и утѣшался, пользуясь настоящимъ. Не тайно, но съ большою свитою, посѣщала она его домъ, останавливалась у дверей, дарила ему богатства и чины; наконецъ, какъ будто уже перешло къ нему высшее званіе, явились у него рабы, отпущенники, приличная государю роскошь». Дальше говорятъ онъ (XI, 26): «Мессалина, получившая отвращеніе отъ готовности любовниковъ своихъ, вдалась въ неслыханный развратъ, къ тому Силій, или увлеченный судьбою, или полагавшій, что новыя опасности самое лучшее средство противъ угрожающихъ опасностей, убѣждалъ ее оставить лицемеріе; онъ говорилъ, что имъ нельзя дожидаться старости Цезаря; что безвиннымъ людямъ можно разсуждать, но что при явномъ преступленіи должно помогать себѣ дерзостію; что другіе, знающіе об этомъ, боятся того же; что, не имѣя дѣтей, жены, онъ готовъ жениться на ней и призвать Британника сыномъ; что Мессалина, кромѣ безопасности будетъ пользоваться прежнею властію, если предупредить Клавдія, не ожидающаго опасности, но быстро склоннаго къ гнѣву».

Въ этихъ строкахъ мы не находимъ ни слова о заговорѣ, и нельзя основать на нихъ такое предположеніе. Мессалина устранила Силія отъ власти не потому, чтобъ опасалась лишиться ея, но больше потому, что опасалась въ такомъ случаѣ за свою личную безопасность; если Силій имѣлъ честолюбивые замыслы, которыхъ исполненію онъ могъ воспomoществовать, вступая въ бракъ съ Мессалиною, то онъ одинъ былъ

виновать въ нихъ. Это мнѣніе наше подтверждается слѣдующими словами: «теперь готовится молодой человѣкъ изъ дворянства, красивый «собою, одаренный сильнымъ духомъ, къ скорому консульству, и къ «дальнѣйшему возвышенію; потому что легко предвидѣть слѣдствія «такого бракосочетанія» (ibid. с. 28). И наконецъ подтверждаетъ насъ въ нашемъ мнѣніи предложеніе отпущенниковъ Клавдія, совѣтовавшихся, «вельза ли было отклонить Мессалину отъ любви къ Силію, и въ та- «комъ случаѣ скрыть все остальное» (ibid. с. 29). Очевидно они счи- тали одного Силія виновникомъ честолюбивыхъ замысловъ.

Статья читается съ удовольствіемъ, только изрѣдка встрѣчаются выраженія, какъ пассивность, непріятныя русскому уху, и непонятныя для многихъ.

Мы намѣрены дожидаться окончанія *Очерковъ древнѣйшаго періода Греческой философіи*, и тогда уже представить читателямъ наше мнѣніе о трудѣ г. Каткова, а вступленіе написало очень громко: «Исторія философіи «стала въ наше время рѣшительною потребностію, однако же ни задача, «ни способы ея не приведены въ достаточную ясность. Системы, въ кото- «рыхъ высказывалось человѣческое мышленіе, факты исторіи философіи, «рѣдко берутся въ такомъ отношеніи, которое давало бы возможность «понимать ихъ научнымъ образомъ. Историки философіи мало заботятся «о томъ, чтобы для уразумѣнія рѣчи, въ которой выразилось философ- «ское мышленіе, приносить съ своей стороны также философское мыш- «леніе. Они какъ будто не сознаютъ, что мышленіе доступно только «мышленію, и довольствуются при изученіи философскихъ системъ обиходными сужденіями. Первое представленіе, по поводу извѣстнаго вы- «сказанія пробудившееся въ головѣ читающаго, берется безъ дальнѣй- «шихъ размышленій, какъ нѣчто по истинѣ данное, подвергается раз- «нымъ ученымъ операціямъ, и въ результатъ творится нѣчто, лишь «обманчиво похожее на смыслъ...»

Желаемъ, чтобы нашъ ученый соотечественникъ, осуждая такъ отважно всѣхъ Тенемановъ, Риттеровъ, Круговъ, Кузень, Гегелей, открылъ намъ настоящій смыслъ Исторіи философіи, и украсилъ Русскую юную науку такимъ великолѣпнымъ, колоссальнымъ памятникомъ.

Второй отдѣлъ сборника посвященъ свѣдѣніямъ о трудахъ новѣй- шихъ ученыхъ по части классической древности. Въ первомъ выпускѣ онъ гораздо незначительнѣе перваго и объемомъ, а отчасти и содержи- мымъ; издатель обѣщается распространить его въ слѣдующихъ выпускахъ. *Біографію Винкельманна г. Георгіевскаго* можно про- честь развѣ на первый случай, но мы надѣмся впредь увидѣть

лучшій памятникъ безсмертному отцу новѣйшихъ ученій о древнемъ искусствѣ — можетъ быть того же автора, по его дальнѣйшему знакомству съ археологіей. Слѣдующая статья «*о новой теоріи греческой архитектуры*» — по Бёттихеру, архитектору по званію, но ученому въ полномъ смыслѣ этого слова. Этотъ ученый первый показалъ, что въ строеніи храмовъ Греки слѣдовали неизмѣннымъ правиламъ даже въ лучшее время своего искусства. Другая статья: «*обзоръ изслѣдованій о классическихъ древностяхъ сѣвернаго берега Чернаго моря*» близка намъ, потому что знакомитъ съ многими именами, къ сожалѣнію больше извѣстными за границею, нежели въ Россіи; здѣсь собраны свѣдѣнія, разбѣшныя въ разныхъ, иногда и рѣдкихъ изданіяхъ.

Наружность Прописей, печать и бумага, очень хороша. Къ нѣкоторымъ статьямъ приложены политипажи и таблицы: нѣкоторые оттиски не совсѣмъ чисты. Конечно мы не винимъ издателя въ этомъ, зная, съ какими трудностями сопряжено это у насъ. Книга имѣла успѣхъ; радуемся и за издателя и за публику, доказавшую этимъ, что если она до сихъ поръ читала мало ученыхъ книгъ, то это больше происходитъ отъ недостатка въ нихъ, а не отъ совершенной испорченности вкуса. Скоро выйдетъ второй выпускъ; желаемъ ему столько же успѣха, — и еще болѣе. С.

Замѣтимъ нѣкоторые противорѣчія въ разныхъ статьяхъ одна съ другою:

Г. Кудрявцевъ начинаетъ время упадка Римской женщины отъ періода Цесарей; онъ принимаетъ Агриппину старшую какъ Римскую женщину «въ моментъ самаго перехода изъ одной эпохи въ другую»; г. Бабстъ напротивъ того начинаетъ время упадка женской нравственности гораздо ранѣе, ссылаясь на Саллюстія, именно со времени Суллы; «сластолюбіе, развратъ, стали вещью обыкновенною, равно между мужчинами, какъ между женщинами,» являются уже Орестилла, Семпронія, знатная Римлянка Фульвія, отличная отъ Мессалины, можетъ быть, только тѣмъ, что не имѣла сян, и что поступки ихъ не имѣли той гласности.

Г. Катковъ говоритъ о Греческихъ племенахъ: «Эти племена въ сущности не столько племена въ обыкновенномъ значеніи этого слова, то есть, случайнымъ образомъ, посредствомъ одного порожденія, при вліяніи различныхъ мѣстныхъ условій образовавшіяся вѣтви общаго племени, сколько внутренніе моменты развитія Германской народности. Съ нѣкоторой точки зрѣнія они могутъ быть признаны болѣе за общины, за союзы, нежели за племена, хотя въ послѣдствіи они

и припили болѣе или менѣе характеръ племенъ, въ обыкновенномъ значеніи, какъ родовъ, обусловленныхъ вѣтшимъ образомъ.» (Стр. 316.) «Человѣкъ, родившійся на іонической почвѣ, могъ быть самымъ истымъ Дорійцемъ и на оборотъ.» (Тамъ же). Г. Леонтьевъ говоритъ напротивъ того: «мы можемъ съ увѣренностью предполагать, что различіе стилей, древне-аттическаго и древне-эгинскаго, находилось въ связи съ противоположностію іоническаго и дорическаго характера, который проходитъ черезъ всю Греческую исторію» (pag 54).—«Но въ древнѣйшее время жители Аттики были чистые Іонійцы, іоническій извѣщенный родъ жизни.»—«Въ это время ваяніе должно было имѣть въ Атикѣ также болѣе женственный характеръ, нежели потомъ, и отличаться мягкостью и нѣжностью. Напротивъ того, Эгина была заселена со времени дорійскаго переселенія Дорійцами и завистла долгое время отъ дорійскаго Епидавра. На Эгину долженъ былъ преобладать быть болѣе суровый и мужественный, и въ Эгинскомъ ваяніи, вѣроятно, также господствовало выраженіе силы и напряженія.»

Заключимъ нашу рецензію слѣдующими словами изъ статьи г. Леонтьева объ изученіи природы: «Подражаніе природѣ, какъ и всѣ подобныя общія формулы, есть выраженіе отвлеченное, которое при ближайшемъ разсмотрѣніи требуетъ точнѣйшаго опредѣленія. Природа столь многосторонна, что подражающій ей всегда имѣетъ передъ собою одну ея сторону, которая ему болѣе нравится. Въ этомъ смыслѣ и самый рабскій подражатель можетъ быть названъ идеалистомъ, потому что и онъ уже различаетъ. Какъ и вездѣ на свѣтѣ, здѣсь также нѣтъ противоположенія абсолютнаго, а есть только относительное. Самый идеальный художникъ въ нѣкоторыхъ вещахъ рабъ природы; самый рабскій подражатель долженъ выбрать предметъ для подражанія, слѣдовательно хотя одно мгновеніе дѣйствовать самостоятельно, въ качествѣ не раба, а обладателя. По этому при всякомъ подражаніи будетъ ближайшій вопросъ о его направленіи; при нашемъ еще тѣмъ болѣе, что послѣдующая характеристика покажетъ, какъ близки были наши подражатели къ побѣдѣ надъ вѣтшею природою и къ ея идеальному проникновенію.» (Стр. 89.) А развѣ другое говорили Баттѣ, Лагарпъ, Мэрмонтель, Мерзляковъ? За что же они подвергались такимъ насмѣшкамъ молодого поколѣнія! Ни что не ново подъ луною! Измѣняются формы, выраженіе идей, а идеи тѣ же, и опрометчиво поступаютъ наши молодые философы, мечтая о своихъ преобразованіяхъ, между тѣмъ какъ у нихъ фалды можетъ быть только покороче, и талія повыше, а матерія-то старая чуть ли была не крѣпче. IV.

ОПИСАНІЕ ГОРОДА ШУИ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ, съ приложеніемъ старинныхъ актовъ. Составлено соревнователемъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, *Владиміромъ Борисовымъ*, (съ двумя планами, видомъ Шуи и картою уѣзда). Москва. 1851, стр. II и 461.

Содержаніе книги: Глава I. Преданіе и исторія. Глава II. Древнее состояніе города Шуи. 1) Улицы, дома и площади. 2) Сѣзская изба и воеводскій дворъ. 3) Губный дворъ. 4) Земская изба. 5) Тюрьма. 6) Конская изба. 7) Святительскій дворъ. 8) Заводы, фабрики, ремесла, промышленность и земледѣіе. 9) Гостиный дворъ и торговля. 10) О Шуйско-Суздальскомъ иконописаніи. 11) Количество земли и казенные доходы съ посада. 12) Судоходство по р. Тезѣ. 13) Убогій домъ. 14) Шуйская крѣпость-острогъ. 15) Богадѣльня. 16) Таможня и соляной дворъ. 17) Кружечный дворъ, кабаки и винокурня. 18) Мельницы, перевозъ и торговыя бани. 19) Нѣчто о правахъ гражданъ въ царствованіе Имп. Петра Великаго. Глава III. Шуйскія городскія церкви и бывшіе монастыри. а) Воскресенскій соборъ. б) Покровская церковь. в. Крестовоздвиженская церковь. г. Спасская церковь. Троицкая, кладбищевская церковь. Глава IV. Настоящее устройство и состояніе города. Глава V. Окрестности Шуи. Село Иваново. Село Дунилово. Село Васильевское. Село Волокобиво. Село Лежнево. Село Мельничное. Село Кохма. Село Горичи. Погостъ Телешево. Шартомскій мужской монастырь. Николаевская-Пищуговская пустынь. Глава VI. Старинные акты. Обзорѣніе актовъ. а) Акты, относящіеся до города Шуи. б) Акты, къ разнымъ мѣстамъ относящіеся. в) Акты, относящіеся къ исторіи Иверской Богоматери. г) Акты, относящіеся до бывшаго Шуйскаго Троицкаго монастыря. Дополненіе къ актамъ.

Мы возвратимся къ этой любопытной книгѣ въ слѣдующемъ году.

Печатать позволяется. Москва, Декабря 19 дня, 1851 года.

Ценсоръ *Д. Ржевскій*.

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.

**ОХРАНА СПОСОБОВЪ СОДЕРЖАНІЯ ХРИСТИАНСКАГО
ДУХОВЕНСТВА СО ВРЕМЕНЪ АПОСТОЛЬСКИХЪ ДО XVII—XVIII
ВѢКА.** Сочиненіе свящ. Любимова, Спб. 1851 г. 182 стр. (8).

Наша духовная литература постоянно обогащается новыми замѣчательными вкладами; не говорить о сочиненіяхъ чисто-назидательныхъ,—самая исторія церкви разрабатывается болѣе и болѣе при посредствѣ духовныхъ лицъ. Известная Исторія Русской Церкви, преосв. Филарета Епископа Харьковскаго, начала выходить уже 2-мъ издавіемъ; а между тѣмъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ церковнаго права — способы содержанія духовенства — имѣетъ въ книгѣ свящ. Любимова подробную и обстоятельную монографію. Авторъ разсматриваетъ способы содержанія духовенства съ начала до X-го вѣка, т. е. до раздѣленія Церкви на Восточную и Западную, потомъ отдѣльно содержаніе духовенства въ Восточной Церкви и въ Западной, наконецъ посвящаетъ особый отдѣлъ изложенію содержанія Русскаго духовенства — кафедральнаго и приходскаго. Здѣсь на основаніи актовъ, изданныхъ отъ Правительства, а также при помощи Описанія Кіево-Софійскаго Собора Митр. Евгенія и статьи г. Неволіна о Церковномъ судѣ въ Россіи, разобраны слѣдующіе способы содержанія духовенства въ Россіи: 1) доходы отъ прихожанъ за исправленіе требъ; 2) земли и вотчины; 3) руга; 4) роковщина и другіе сборы. «Роковщина (отъ рокъ-годъ) есть ежегодный со всѣхъ дворовъ прихода сборъ денегъ, хлеба и другихъ жизненныхъ потребностей въ пользу приходскаго причта.» Всѣ эти предметы разобраны въ сочиненіи свящ. Любимова основательно.

Общій выводъ, который дѣлаетъ онъ изъ своего изслѣдованія, состоитъ въ томъ, что способы содержанія русскаго духовенства, исключая кафедральное, были скудны, недовольны и непостоянны; не смотря на то, духовенство не обнаруживало духа любостыжанія и еребролюбія, спокойно и безропотно переносило свою участь, (стр. 170). Авторъ окончилъ свое изслѣдованіе собственно XVI-мъ вѣкомъ онъ «сдѣлалъ все, что позволяли ему, въ настоящемъ его состояніи, силы и средства частнаго человека.»

*Иисусъ Христосъ на Голгофѣ, или семь словъ Его на крестѣ.
Издание второе. Москва. 1851, г.*

Книга является во второмъ изданіи, следовательно она получила заслуженную извѣстность, и не нуждается въ читателяхъ, а напротивъ читатели нуждаются въ ней. Книга эта принадлежитъ къ числу лучшихъ въ семь родѣ. Благоговѣнное чувство, невольно проникаетъ въ душу читателя, и въ некоторой подробности въ описаніяхъ голгофскихъ событій возбуждаетъ вниманіе въ высшей степени.

**ПАМЯТНАЯ КНИГА ВОЕННЫХЪ УЗАКОНЕНІЙ ДЛЯ ЦИТАТЪ
И ОНЕРЪ ОФИЦЕРОВЪ.** Спб. 1851 г. 912 стр. (12).

Военные законы у насъ помѣщены въ слѣдующихъ собраніяхъ: въ 1835 году изданъ Сводъ Военныхъ Постановленій и сверхъ того до настоящаго времени напечатано 8 продолженій къ нему; въ 1846 году изданы Уставъ для управленія арміями и Уставъ о полевой службѣ, въ 1850 году Уставъ о службѣ въ гарнизонѣ; наконецъ попеченію правительства мы обязаны вышедшимъ на дпяхъ Сводомъ морскихъ уголовныхъ законовъ, въ составъ котораго вошла также большая часть военноуголовныхъ законовъ: чтобъ убедиться въ этомъ, стѣдуетъ только взглянуть на цитаты къ статьямъ этого новаго нашего законодательнаго кодекса.

Такимъ образомъ военные законы для всякаго изучающаго ихъ представляютъ теперь богатые источники, которыхъ не должно оставлять безъ вниманія вообще всѣмъ, желающимъ изложить русскіе законы. Къ сожалѣнію этотъ отдѣлъ нашихъ законовъ упускается изъ виду всеми составителями извѣщеній изъ Свода Законовъ (о чемъ мы замѣчали въ Москвитинѣ прошедшаго года); всѣ они какъ будто не знаютъ о существованіи Свода воен. пост., и не потрудились сдѣлать сражденія съ нимъ, хотя бы по указанію статей общаго Свода.

Не такъ поступилъ г. Владиславлевъ, о книгѣ котораго мы извѣщаемъ теперь читателей: онъ не ограничился однимъ сводомъ воен. пост., а принялъ въ соображеніе общій сводъ съ его продолженіями, и, сверхъ указанныхъ нами выше источниковъ военнаго права, пользовался приказами по гвардейскимъ войскамъ съ 1820 года, приказами некоторыхъ извѣстныхъ генераловъ и со-

чиненіемъ Бюнделя, капитана французскаго генеральнаго штаба: «Взглядъ на обязанности и духъ военнаго званія», переведеннымъ въ 1836 году на русскій языкъ по Высочайшему повелѣнію. Отъ этого книга г. Владиславлева удовлетворяетъ самымъ взыскательнымъ требованіямъ: нѣтъ предмета въ военномъ быту, котораго бы онъ не коснулся; въ 25 главахъ онъ собралъ все, что опредѣляетъ положеніе военнаго человека, отъ самыхъ важныхъ предметовъ до малѣйшихъ подробностей, — отъ его обязанностей въ отношеніи къ Царю и отечеству, до формы одежды въ различные дни; къ каждому отдѣлу присоединены относящіеся къ нему формы бумагъ.

Все содержаніе г. Владиславлева заимствовалъ буквально изъ законодательныхъ и официальныхъ сборниковъ, а въ нѣкоторыхъ отступленіяхъ объясняетъ общій духъ военныхъ законовъ или правила для молодыхъ людей, извлеченныя изъ опыта; таковы помѣщенныя на стр. 59—65 «Приличія военнаго быта». Умѣнье жить есть одно изъ труднѣйшихъ знаній; невѣжливость всегда непріятна, всегда есть признакъ необразованности, — невѣжливость относительно начальника есть уже проступокъ, а потому полная благодарность всякому, кто предостережетъ неопытныхъ отъ такихъ дѣйствій, которыя оскорбляютъ чувство приличія и должнаго уваженія. «Скромный и пріятный тонъ, ловкій тактъ дается природою, но образуется наглядностью и изученіемъ», говоритъ авторъ, и потомъ даетъ нѣкоторые совѣты и предостереженія. Для примѣра выпишемъ нѣсколько словъ о сплетняхъ: «Гдѣ люди, тамъ страсти; со страстями неразлучны сплетни. Эта нравственная зараза, къ сожалѣнію, такъ сильно оклиматившился въ человѣчествѣ, является всегда подъ заманчивою личною участіемъ, простодушіемъ или злой пасмышкой, а потому оскорбительно дѣйствуетъ на самолюбіе. Человѣкъ съ достоинствомъ никогда не рѣшится быть передатчикомъ сплетенъ, да и самыя сплетни, при передачѣ, часто совершенно измѣняютъ тотъ смыслъ, съ которымъ были сказаны; а между тѣмъ онѣ ссорятъ и раздражаютъ самыхъ достойныхъ людей. Сплетни слѣдуетъ выслушивать хладнокровно и въ то же время попросить лицо, ихъ передавшее, повторить тоже самое при томъ, кого обвиняютъ въ сплетняхъ. Это самое лучшее средство превращать подобное зло.»

Мы не станемъ излагать всего содержанія книги г. Владиславлева; скажемъ вообще, что нѣтъ ни одного случая въ жизни

военнаго человека, на который не было бы указанія въ памятной, книгѣ; желаемъ, чтобы всѣ составители подобныхъ руководствъ взяли себѣ въ образецъ прекрасный трудъ г. Владиславева.

Остановимся нѣсколько на 2-й и 3-й главѣ, въ которыхъ изложены правила поступленія въ военную службу и производство въ военные чины. Кромѣ практическаго своего значенія, эти постановленія важны для опредѣленія службы вообще и сословныхъ правъ. Въ Указателѣ законовъ о дворянствѣ и о купечествѣ, изданныхъ г. Колоколовымъ, и даже въ Руководствѣ г. Рождественскаго, мы не находимъ указаній на военную службу, а между тѣмъ безъ нихъ нельзя вполне опредѣлить права дворянства и другихъ сословій, поступающихъ въ военную службу на правѣ вольноопредѣляющихся. Пересматривая руководство г. Рождественскаго, мы не нашли въ немъ ни разу ни значенія вольноопредѣляющихся, ни вообще правъ лицъ по военной службѣ, отчего вся глава о сословіяхъ въ немъ лишена полноты. Въ памятной книгѣ этотъ предметъ изложенъ вполне: — кромѣ постановленій о вступленіи въ военную службу на различныхъ правахъ и о производствѣ ихъ въ чины, въ приложеніи можно найти программы для испытанія поступающихъ въ различные отдѣлы войска, и формы, необходимыя при вступленіи на службу. За тѣмъ слѣдуютъ положенія о денежномъ содержаніи военныхъ, о провіантѣ и фуражѣ ихъ, которыя въ последнее время пояснены и дополнены «Правилами новаго устройства земскихъ повинностей», помещенными въ 74 N Сенат. Вѣд. за нынѣшній годъ.

Поблагодаримъ г. Владиславева за его полезный трудъ, и пожелаемъ, чтобы на него обратили должное вниманіе всѣ преподающіе русскіе законы и составляющіе указатели законовъ по извѣстнымъ частямъ или для извѣстныхъ сословій.

ОПЫТЪ ПРАКТИЧЕСКАГО РУКОВОДСТВА КЪ ПРОИЗВОДСТВУ УГОЛОВНЫХЪ СЛѢДСТВІЙ и уголовного суда, составленъ для слѣдователей, судей и стряпчихъ Василиемъ Лукинымъ. Спб. 1851. 475 стр. (8).

РУКОВОДСТВО О ВЗАИМНЫХЪ ПРАВАХЪ И ОБЯЗАННОСТЯХЪ ДОМОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ С.-Петербурга и квартирующихъ у нихъ лицъ. Составилъ и издалъ Николай Дудинъ. Спб. 1851. 128 стр. (8).

Оба эти изаключенія составлены преподавателями законовѣдѣнія въ Петербургскихъ гимназіяхъ и лишены всякихъ практичес-

скихъ замѣчаній. Москвитянинъ посвятилъ въ прошедшемъ году особую статью всѣмъ подобнаго рода издеченіямъ, и теперь мы не считаемъ нужнымъ повторять сказанное. Не знаемъ только, почему руководство г. Лукина названо практическимъ, а книга г. Дудина руководствомъ *о правахъ*? Мы имѣемъ уже нѣсколько указаній для следователей, и г. Лукинъ ровно ничего не прибавляетъ къ нимъ; судьи и стряпчіе навѣрно воспользуются скорѣе самимъ Сводомъ Законовъ, чѣмъ его сокращеніемъ. Составитель сначала перепечатываетъ общія правила о производствѣ слѣдствія и суда, и потомъ особыя правила для нихъ, чѣмъ и объясняется довольно значительный объемъ книги; все содержаніе заимствовано изъ XV-го тома Свода и расположено въ порядкѣ Свода. — Книга г. Дудина излагаетъ права на владѣніе и распоряженіе имуществами, потомъ законы о дареніи, о залогахъ домовъ, — слѣд. извлеченіе изъ X тома Свода; за тѣмъ слѣдуютъ постановленія о пожарахъ, о постройкахъ, о прѣзжающихъ въ дома на постой, и пр., извлеченныя изъ приказовъ Оберъ-Полиціймейстера. Все это можетъ быть полезно для домовладѣльцевъ, но мы думаемъ, что они охотно отказались бы отъ ужасной бумаги и множества опечатокъ, которыми щедро даритъ ихъ г. Дудинъ.

**АНТОНІА, СОЧИНЕНІЯ Э. БЕРТЕ, ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАН-
ДУЗСКАГО. МОСКВА. 1851 ГОДА.** О серьезной критикѣ этого романа не можетъ быть и рѣчи; но такъ какъ всякое явленіе имѣетъ право на какую-нибудь оцѣнку, то разумѣется и объ Антоніи есть же что-нибудь сказать.

Этотъ романъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя, по выраженію одного критика въ *Современникѣ*, составляютъ насущный хлѣбъ читателей, т. е. не требуютъ для написанія ихъ ни таланта, ни мысли, но извѣстной ловкости и умѣнья заинтересовать читателей. Взявши предметъ съ этой стороны, мы должны будемъ сознаться, что романъ г. Берте даже очень порядочный романъ, потому что есть много романовъ гораздо хуже.

Антонія не принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя поражаютъ всякаго своею уродливостію, и надъ которыми потому приходится только посмѣяться, какъ надъ явленіемъ забавнымъ, но совершенно безвреднымъ. Напротивъ, не подлежитъ почти сомнѣнію, что этотъ романъ будетъ прочтенъ многими, и многимъ даже понравится. И въ этомъ дурная сторона подобныхъ произведеній, о которыхъ критика напрасно молчитъ или отзы-

зается слишком небрежно. Поводъ проводить здравыя идеи о произведеніяхъ искусства даются намъ не только произведеніи, имѣющія несомнѣнныя и большія достоинства, но и фальшивыя, имѣющія однако нѣкоторый блескъ и наружное благообразіе; и подобнаго повода упускать не слѣдуетъ.— Притомъ не бѣда, если публика прочтетъ какого-нибудь «Милорда Англійскаго Георга», это только потеря времени, но бѣда въ томъ, что насущный-то хлѣбъ ея, т. е. большинство романовъ и повѣстей ей предлагаемыхъ, очень вреденъ и совершенно не удовлетворяетъ своему назначенію вводить въ организмъ здоровые соки. Такъ какъ критика не можетъ искоренить изъ торговли и обращенія между читателями подобныхъ произведеній, то по крайней мѣрѣ она должна пользоваться вслѣдствіемъ представляющимся ей случаемъ, для того, чтобы предупреждать читателей объ истинномъ достоинствѣ того, чѣмъ они питаются ежедневно.— Все эти соображенія побуждаютъ насъ сказать о романѣ г. Берте нѣсколько болѣе, нежели сколько принято обыкновенно говорить въ рецензіяхъ о подобныхъ романахъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что искусство писать романы обратилось въ наше время въ совершенное ремесло. Техническая часть въ этомъ отношеніи доведена до крайней степени. Она развивается не только въ одномъ и томъ-же индивидуумѣ по мѣрѣ его большей опытности въ дѣланіи этого рода, но даже для цѣлой корпораціи романистовъ образуются мало по малу искусственные приемы, которые можетъ быть стоили труда первому изобрѣтателю, а иногда даже принадлежали къ особымъ свойствамъ таланта, но которые потомъ сдѣлались общимъ достояніемъ, и при известной начитанности и особомъ родѣ практическихъ способностей ложатся сами подъ перо писателя. Образовавшаяся вслѣдствіе этого крайняя легкость писать романы имѣетъ главнѣйшимъ образомъ двѣ невыгодныя стороны. Во первыхъ, она даетъ возможность литературнымъ промышленникамъ наводнять литературу безконечными по длиннотѣ романами, не имѣющими въ сущности никакого значенія и художественнаго смысла, но читаемыми не безъ нѣкоторой пріятности, которую очень остроумно называлъ не давно *чувственную* одинъ изъ сотрудниковъ нашего журнала, и которая, при неопытности въ анализѣ своихъ чувствъ, можетъ быть принимаема за эстетическое наслажденіе. Во вторыхъ, эта же легкость даетъ поводъ ко многимъ самообольщеніямъ. Иной, смотрѣвши прежде со страхомъ и уваженіемъ на художественную дѣятельность и на признанныхъ къ ней, вдругъ, въ слѣдствіе какихъ-нибудь неожиданныхъ обстоятельствъ, примется самъ за составленіе романа. Къ крайнему

ошему удивленію онъ вдругъ увидѣть, что дѣло не такъ трудно, какъ казалось сначала, даже совсѣмъ не трудно. И не разобравъ хорошенько, откуда берется эта легкость, и гдѣ источникъ кажущихся достоинствъ того, что выходитъ изъ-подъ пера его, онъ начинаетъ писать романъ за романомъ, совершенствуясь непрерывно въ сочиненіи эффектовъ и въ удачномъ приложеніи общихъ мѣстъ, и самообольщаясь все болѣе и болѣе. Особенно прискорбно то обстоятельство, что между подобными обманувшими самихъ себя людьми есть и такіе, которые не утратили своей литературной добросовѣстности, и не рѣшились бы писать или печатать своихъ произведеній, если бы были убѣждены въ бесплодности своей дѣятельности и въ пустотѣ своихъ произведеній. Но романы ихъ раскупаются, многіе хвалятъ ихъ и читаютъ съ удовольствіемъ. Если же критика и отзовется иногда о нихъ неблагоклонно или небрежно, то какой же это можетъ имѣть вѣсъ въ глазахъ ихъ, въ противоположность со всемъ остальнымъ, поддерживающимъ ихъ въ самообольщеніи.

Мы не можемъ сказать навѣрное, къ какому изъ этихъ двухъ классовъ писателей отнести г. Берте, но почти не подлежитъ сомнѣнію, что переводчикъ его считаетъ «Антонію» за хорошій романъ. За это свидѣлствуетъ видимая тщательность перевода, хотя и не вездѣ удачнаго, опрятное и даже довольно красивое его изданіе, однимъ словомъ, очевидный уходъ переводчика за своимъ дѣломъ.

Но пора сказать нѣсколько словъ о самомъ романѣ. «Антонія» не имѣетъ рѣшительно никакого художественнаго значенія, въ ней нѣтъ даже искусственно вложенной мысли, ни одного сколько-нибудь прозрачнаго характера. Все дѣло въ эффектахъ, изъ которыхъ нѣкоторые, по объясненнымъ выше причинамъ, довольно удачны. Къ такимъ принадлежитъ напр. сцена въ пещерѣ, въ адскомъ колодезѣ, гдѣ погребены обваломъ трое изъ дѣйствующихъ лицъ, смерть главнаго злодѣя въ романѣ и нѣкорыя другія. Нельзя также не обратить вниманія на оригинальность вымысла, положеннаго въ основу романа, хотя уже и не новаго, но не такъ избитаго, какъ другіе. Героиня романа, Антонія, есть дикарка, которая, вслѣдствіе одного страшнаго событія, забѣжала въ горы, и скрываясь тамъ нѣсколько лѣтъ, одичала до того, что не узнавала людей, не понимала человеческой рѣчи. Все это для человека, умѣющаго отличить наслажденіе эстетическое отъ захватывающихъ впечатлѣній, очень смѣшно, но при известной испорченности вкуса можетъ нравиться и даже очень нравиться.

ПОДРОБНЫЙ ПЛАНЪ МОСКВЫ. Составленъ, по распоряженію Г. Московскаго Оберъ-Полиціймейстера, землеустроителемъ А. Хотенскимъ. М. 1851. 13 листовъ,

Простираясь почти на 40 верстъ въ окружности и заключаая въ себя до 800 улицъ и переулковъ и до 12 т. усадебъ, Москва, естественно, представляетъ не малые затрудненія при отыскиваніи ея мѣстности (не говоримъ уже о запутанности въ названіяхъ этой послѣдней). Справочныя книги, указатели, какъ бы подробно и тщательно не были составлены они, не могутъ совершенно устранить этой трудности. Необходимъ подробный планъ столицы, какой мы и получаемъ въ настоящее время, благодаря заботливости Г. Московскаго Оберъ-Полиціймейстера, которому жители Москвы уже обязаны изданіемъ «Указателя ея». У насъ было издано нѣсколько плановъ Москвы, но нѣ лучший изъ нихъ, г. Шуберта (1841), далеко не удовлетворялъ требованіямъ имѣющихъ нужду въ подобномъ руководителѣ. Новый планъ Москвы изданъ въ несравненно большемъ масштабѣ, чѣмъ всѣ прежніе (40 саж. въ дюймѣ); но главное его преимущество состоитъ въ томъ, что на немъ означены естъ зданія столицы, съ показаніемъ, каменные они или деревянные, и отдѣлены границы усадебъ, означены всѣ сады, пруды, фонтаны, мосты, и т. п. Такимъ образомъ вы получаете подробное, вѣрное и точное изображеніе «дистанціи огромнаго размаха.» Положимъ, вамъ нужно отыскать какой-нибудь домъ въ Тверской части, а вы даже и не знаете, на какой улицѣ находится онъ: вы берете объясненіе плана Тверской части, находите въ немъ, по алфавитному порядку, искомый домъ, смотрите, подъ какими номеромъ значится онъ, и въ одну минуту отыскиваете его на планѣ. Если бы случилось, что вы не знаете и части города, въ которой находится какое-либо зданіе, то вотъ вамъ алфавитъ всѣхъ домовъ дворянъ Москвы съ нужными поясненіями, и ваше недоумѣніе рѣшается мигомъ.

Планъ заключаетъ въ себя величины до двухъ квадратныхъ сажень: разумѣется, что употребленіе такого огромнаго листа было бы неудобно; по этому планъ и издается въ видѣ атласа на листахъ большаго формата, при чемъ каждая часть города, смотря по величинѣ ея, помѣщаясь на нѣсколькихъ листахъ, составитъ какъ бы совершенно отдѣльный планъ. Желаящій же составить изъ всѣхъ плановъ одинъ общій, не встрѣтитъ ни малѣйшаго затрудненія, потому что на математическую точность въ разрѣзахъ обращено особенное вниманіе, и, кромѣ того, при каждой части города

приложенъ планъ ея въ уменьшенномъ размѣрѣ, и на немъ обозначено линіями, какъ часть раздѣлена на листы.

Всѣ работы, подъ ближайшимъ наблюденіемъ Г. Оберъ-Полиціймейстера, произведены были землеѣромъ Хотевымъ. Въ настоящее время, съёмка столицы уже окончена, большая часть плановъ вырѣзана на камняхъ, а части Городская и Тверская, съ слѣдующими къ нимъ объясненіями, отпечатаны. Подписная цѣна всему изданію назначена 11 р. с. а съ пересылкою 12 р. По соображеніи издержекъ на изданіе, цѣна эта не должна казаться значительною: весь атласъ составить до 70 большихъ листовъ, слѣд. придется съ небольшимъ по 15 коп. сер. за листъ, а огромная книга объясненій идетъ уже въ придачу.

Мы еще будемъ имѣть случай говорить объ этомъ замѣчательномъ изданіи, а теперь снова повторимъ нашу благодарность за него.

ОЖОТНИКЪ за (до)шут(окъ)ками(ъ)ами и разн(ыхъ)ыми анекдот(овъ)ами. Собраніе всякаго рода любопытнѣйшаго въ этомъ родѣ. Изданіе К. Е. Сомогорова. Спб. въ типографіи Я. Трел. 1851.

Кому изъ насъ не случалось слышать и рассказывать анекдотовъ, острогъ, кто не смѣялся при рассказахъ ихъ? особенно, если анекдоты были занимательны и смѣшны, острогъ умны, ядки и оригинальны. Есть люди, которые рождаются, чтобы быть рассказчиками подобнаго рода. Природа какъ-будто особенно для этого надвѣваетъ ихъ памятью, чтобы хранить въ ней подобные рассказы, даетъ имъ комическій голосъ, оригинальныя манеры, — и какой бы пустой случай, ничтожное событіе, глупый анекдотъ, самую плоскую острогу ни рассказывали они, всѣ рассказы ихъ находятъ смѣшнымъ, замысловатымъ, острымъ, умнымъ, уморительнымъ, и всѣ смѣются до слезъ, до истерики, или, какъ говорится, до упаду. Но есть и такіе люди, которые, что бы ни стали рассказывать, хотя самое занимательное происшествіе, преоригинальный случай или преуморительный анекдотъ, все у нихъ выходитъ вяло, скучно, приторно, даже непріятно. Какъ пріятно встрѣчать людей перваго рода, и какъ ихъ вездѣ любить, какъ къ нимъ внимательны, любезны; потому что ихъ самихъ находятъ любезными. За то же, какъ скучны, несносны люди втораго рода! Всегда переходятъ на другую сторону улицы, когда ихъ встрѣчаютъ, убѣгаютъ въ дальнія комнаты, если они являються въ домъ, и спѣшатъ скорѣе прервать рассказъ, если они собрались что рассказывать.

Но если люди бываютъ занимательные, веселые, любезные-разказчики, то отъ чего же не быть и подобнымъ книгамъ? Съ удовольствіемъ слушаемъ умныхъ, острыхъ разказчиковъ, отъ чего же не читать и ихъ разказовъ, если эти разказы и въ печати такъ же умны, остры и занимательны? И если люди бываютъ скучны, то тѣмъ болѣе книги, ими написанныя, или составленныя. Притомъ скучныхъ людей все-таки принимаютъ и между людьми умными и даровитыми, уважая въ нихъ человечество; скучную же книгу тотчасъ отделяютъ даже отъ прикосновенія съ умными книгами, и бросаютъ ее подъ столъ или употребляютъ на раскурку трубокъ, обертку свѣчей, — если еще можно хотя на это ее употребить, потому что иная скучная книга является еще въ свѣтъ на такой толстой, сѣрой, грубой бумагѣ, и съ такими грубыми опечатками, что ее стоить только выбросить на дворъ, чтобы ее оттуда свезли за городъ вывезти съ соромъ... Составить хорошую, занимательную для всѣхъ, увлекательную для каждаго, книгу шутокъ, острогъ и анекдотовъ — трудъ уважительный, похвальный, даже стоющій Русскаго «спасибо»! Такую книгу сталъ бы читать всякій и дома и въ гостяхъ, въ деревнѣ и городѣ, зимою и лѣтомъ, потому что Русскій человѣкъ, по натурѣ, большой охотникъ до шуточекъ, острогъ и побасенокъ; ихъ охотно слушаютъ и съ удовольствіемъ ими смѣются и наши мужички въ лапоткахъ, и наши дамы франтики, и красавицы, и старички съды и почтенныя, и наши серьезные ученые, — имъ рады подчасъ потѣшиться остроумъ словомъ, посмѣяться надъ нимъ звонкимъ смѣхомъ.

Мы давно не читали ничего особенно занимательнаго, остраго и смѣшнаго, и принялись было за «Охотника» до шутокъ, острогъ и анекдотовъ. Но, увы! и тутъ надежда — эта милая, отрадная, всеобщая подруга счастья и несчастья, бѣды и горя, удачъ и неудачъ, богатства и бѣдности, любви и ненависти, — жестоко насъ обманула. Есть, правда, въ «Охотникѣ», пять-шесть шуточекъ, столько же острогъ и анекдотовъ, при чтеніи которыхъ какъ-будто хочется улыбнуться; но ни одного анекдота, ни одной остроги, шутки, которая бы заставила насъ разсмѣяться. Такъ, наприкладъ, на 32 страницѣ 2-й книжки: «Уступка».

«Два человека встрѣтились на весьма тѣсномъ тротуарѣ, и ни тотъ, ни другой не хотѣли поступоваться. — И никогда не уступаютъ дороги дуракамъ, — сказалъ одинъ. — А я такъ всегда, — отвѣчалъ другой и поступовался».

Выписывать ли еще изъ «Охотника» для образчика каких-нибудь плоских остроумств, глупые анекдоты, грубые шутки и всякаго рода грамматическія ошибки? Но читатели, вѣроятно, уволютъ насъ отъ подобнаго труда, и тѣмъ избавятъ себя отъ страшной скуки читать ихъ. Честные и добросовѣстные люди давно уже задали себѣ вопросъ, который и до сихъ поръ еще не рѣшили: для чего и для кого составляются и печатаются подобныя книги, какъ «Охотникъ»?...

Н. Р.-Р.

ПОЛНАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КНИГА, сост. К. Авдеевою. 4 ч. Спб. 1851 г., стр. 270 и XVIII, 195 и VIII, 204 и X, 223 и XII, въ 8 долю листа.

КАРМАННАЯ ЦОВАРИННАЯ КНИГА, сост. К. Авдеевою. Изд. 4-е. Спб. 1851 г., стр. XVI и 222, въ 16 долю листа.

Новый трудъ и четвертое дополненное изданіе одного изъ прежнихъ трудовъ—вотъ что произвела неутомимо-полезная деятельность г-жи Авдеевой, имя которой служить надежной порукой за вкусъ ея книгъ. Въ «Полной хозяйственной книгѣ» излагаются «разныя водства», начиная отъ домоводства до цвѣтоводства, а pour la bonne bouche, прибавлены Домашній лечебникъ и Домашній секретарь. Последний предлагаетъ формы купчихъ, контрактѣвъ, векселей и т. п. бумагъ, и долженъ быть человекъ стараго покроя, потому что учить, будто къ низшимъ лицамъ сивдуетъ писать: *Государь мой!* Но какую жестокую шутку сыграла Хозяйственная книга съ фактомъ: она присвоила его себѣ, запрятала на кухню и въ погребъ. Бѣдный фактъ! думалъ ли ты дожить до такого униженія! О времена, о нравы! Чего добраго, пожалуй, повара и кухарки скоро станутъ называть гуса страдательнымъ индивидуумъ, а бланманже художественною концепціею.

СТАТЬЯ, помѣщенная въ 146 номеръ Московскихъ Вѣдомостей нынѣшняго года, подъ названіемъ **О РИЦЦЕВЪХЪ МОСКВИТАНИНАХЪ ИЛИ КНИГѢ ИСТОРИИ РОССИИ**, соч. Сергія Солюева. Томъ 1-й.

Когда авторъ какой-либо книги или ея пріятель находятъ нужнымъ отписываться на замѣчанія рецензента, то это значитъ, что они недовольны замѣчаніями. А недовольнымъ можно быть: или потому, что замѣчанія намъ пресо не нравятся, что они роютъ нашу авторитетъ, выводятъ на связную воду ту путаницу, кото-

рую мы или нашъ пріятель напали въ рецензированной книгѣ; или потому, что замѣчанія сами по себѣ невѣрны, пристрастны и противорѣчатъ наукѣ. Теперь рассмотримъ, къ какому роду неудовольствій принадлежитъ то, которое выражено настоящею статьею **Московскихъ Вѣдомостей**.

Если рецензія пристрастна, если она невѣрна и противорѣчитъ наукѣ; то естественно тотъ, кто опровергаетъ ее, выписываетъ слова рецензента и слова рецензированной книги подлинникомъ, не измѣняя. Если же рецензія правильна и безпристрастна; то защитникъ рецензированной книги или избегаетъ выносокъ, или старается измѣнить ихъ сообразно съ своими потребностями. Теперь обращаюсь къ Русскимъ людямъ, къ которымъ обратился составитель разсматриваемой нами статьи, пусть они сами разсудятъ, безпристрастна или пристрастна была наша рецензія на книгу г. Соловьева. Дѣло на лицѣ. Вотъ слова г. Соловьева: «передъ нами обширная равнина; на огромномъ разстояніи отъ Вѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго. путешественникъ не встрѣтитъ никакихъ, сколько-нибудь значительныхъ возвышеній, не замѣтитъ ни въ чемъ рѣзкихъ переходовъ. Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность въ занятіяхъ производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію;—и равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было въ началѣ разноплеменно ее населеніе, рано или поздно станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними». Такъ слово въ слово написалъ г. Соловьевъ, и мы выписали это точно также въ нашей рецензіи, и разсмотрѣли выписанное. Составитель же статьи, боясь выписывать, вотъ что заставляетъ говорить г. Соловьева: «эту главу (о природѣ государственной Русской области) авторъ начинаетъ принятымъ въ наукѣ положеніемъ, что обширныя равнины способствуютъ образованію обширныхъ государствъ, и этимъ объясняетъ громадность Русской государственной области, равнину придаетъ онъ постоянный эпитетъ ея—*однообразная*; говоритъ, что отъ Вѣлаго моря до Чернаго и отъ Каспійскаго до Балтійскаго, путешественникъ не встрѣтитъ значительныхъ возвышеній, не замѣтитъ рѣзкихъ переходовъ; однообразію природныхъ формъ со-

отвѣтствуютъ однообразныя занятія жителей; такъ, на всемъ этомъ пространствѣ, господствующее занятіе—есть земледѣліе». Здѣсь каждый ясно видитъ, что составитель статьи сказалъ не то, что говорилъ г. Соловьевъ. Во-первыхъ, онъ исключилъ слѣдующія мысли: «Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ и вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія». А когда выброшены сія мысли, то смыслъ и значеніе цѣлаго измѣняется совершенно. Во-вторыхъ, составитель статьи измѣняетъ выраженіе г. Соловьева даже въ тѣхъ мысляхъ, которыя приводитъ изъ его книги: такъ г. Соловьевъ говоритъ: «однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ». А въ статьѣ сказано: «однообразію природныхъ формъ соответствуютъ однообразныя занятія жителей; такъ, на всемъ этомъ пространствѣ, господствующее занятіе—есть земледѣліе». Или г. Соловьевъ говоритъ: «равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было въ началѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними». А въ статьѣ сказано: «авторъ начинаетъ главу принятымъ въ наукѣ положеніемъ, что обширныя равнины способствуютъ образованію обширныхъ государствъ, и этимъ объясняетъ громадность Русской государственной области». А сказать только, что обширныя равнины способствуютъ образованію обширныхъ государствъ, совсѣмъ не то значить, что сказать: равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было въ началѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно ставеть областью одного государства. Ибо въ первомъ случаѣ равнина является только пособіемъ къ образованію большаго государства при содѣйствіи другихъ благопріятныхъ къ тому обстоятельствъ, чего конечно нельзя отвергать; во второмъ же случаѣ образованіе обширнаго государства приписывается обширности равнины, равнина обуславливаетъ и однообразіе частей государства и крѣпкую связь между ними; что именно силится сказать г. Соловьевъ, и съ чѣмъ никакъ нельзя согласиться; такъ относя, на примѣръ, это дѣло къ Русской исторіи, мы ясно видимъ, что обширностью своей Русское царство, обязано благословенію Божию и мудрости правителей; обширность же равнины только способствовала распространенію государства, да и то не всегда; ибо отдаленная Уральскимъ хребтомъ отъ Европейской Россіи Сибирь

присоединилась къ Московскимъ владѣніямъ почти за 200 лѣтъ раньше, чѣмъ берега Чернаго и Азовскаго морей, не отдѣленные никакими значительными горами отъ Москвы.

Теперь рассмотримъ, какъ составитель газетной статьи управ-
ляется съ текстомъ рецензента. Въ рецензій сказано: «намъ хо-
телось оправдать выводъ г. Соловьева и географіею и исторіею
Руси; но при всѣхъ усиліяхъ съ нашей стороны, онъ оказался
въ совершенномъ противорѣчій съ тою и другою. Это правда,
что пространство отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго
до Каспійскаго, не имѣетъ никакихъ, сколько-нибудь значитель-
ныхъ возвышеній; но, не смотря на это, кто, хотя разъ въ жизни,
проѣзжалъ отъ Архангельска до Азова или Одессы, изъ Петербур-
га до Астрахани или Кизляра, тотъ, конечно, скажетъ, что геогра-
фически такого вывода сдѣлать нельзя; ибо низовья Днѣстра,
Днѣпра, почти весь Донъ, треть Волги, отъ устья вверхъ ороша-
ютъ страну, которая совершенно не походитъ на остальное про-
странство Русской земли отъ Оки до Бѣлаго и Балтійскаго моря.
На югъ отъ Оки, путешественникъ, куда бы ни посмотрѣлъ,
прямо ли, или на востокъ, или на западъ, видитъ всюду обшир-
ныя степи, изрѣдка орошаемыя рѣками, и чѣмъ южнѣе, тѣмъ
безводнѣе; оборачиваясь же на сѣверъ, тотъ же путешественникъ
во все стороны встрѣчаетъ мелко возхолмленную обширную про-
странства, покрытыя лѣсами, изрѣзанныя множествомъ большихъ
и малыхъ рѣкъ, и частію, особенно къ сѣверо-западу, усаженные
озерами и болотами. Ясно, что одна половина Русской земли
не походитъ на другую, что каждая имѣетъ свой особенный ха-
рактеръ, что здѣсь нѣтъ однообразія». А вотъ извѣстіе о томъ же
предметѣ, записанное составителемъ газетной статьи: «Рецензентъ
Москвитинина вооружается противъ однообразія равнины, у него
равнина разнообразна: на югъ отъ Оки, путешественникъ,—го-
воритъ онъ, — куда бы ни посмотрѣлъ, прямо ли, или на вос-
токъ, или на западъ, видитъ всюду обширныя степи, изрѣдка оро-
шаемыя рѣками, и чѣмъ южнѣе, тѣмъ безводнѣе; оборачиваясь же
на сѣверъ, тотъ же путешественникъ во все стороны, встрѣча-
етъ мелко возхолмленную обширную пространства, покрытыя лѣсами,
изрѣзанныя множествомъ большихъ и малыхъ рѣчекъ, и прощ. Те-
перь, пусть каждый читающій рассудитъ, на сколько текстъ ре-
цензій сходенъ съ извѣстіемъ газеты, и какъ составитель статьи
допускаетъ себѣ изкажать текстъ рецензента. Въ рецензій сказано
и доказано, что «одна половина Русской земли не походитъ на

другую, что каждая имеет свой особенный характер, что здесь (то есть между двумя половинами) нетъ однообразія. А составитель статьи говоритъ: «у него (рецензента) ранина разнообразна». Ясно для каждаго, что рецензентъ не говорилъ того, что ему называеьтъ составитель газетной статьи. Или составитель статьи говорить: «рецензентъ Москвитянина вооружается противъ однообразія равнины». А въ рецензіи ясно и прямо, сказано, что рецензенту хотѣлось оправдать выводъ Соловьева объ однообразіи Русской земли, что онъ употребляетъ все усилія, но не могъ, и тутъ же объяснено, почему не могъ оправдать. Изъ словъ составителя статьи видно, что ему представляется какое-то пристрастіе рецензента и нападки на книгу г. Соловьева; тогда какъ рецензентъ въ продолженіи всей рецензіи постоянно щадилъ г. Соловьева, и не обращалъ вниманія на большую часть его промаховъ, и упоминалъ только о тѣхъ, которыхъ нельзя было не выставить, не оскорбляя современной науки Русской исторіи; чему служить доказательствомъ рецензіи на ту же книгу, помещенныя въ Библіотекѣ для Чтенія, въ Отечественныхъ Запискахъ, и письма, присылаемыя къ редактору Москвитянина со всѣхъ сторонъ, въ которыхъ указываются ошибки и невѣрности въ исторіи г. Соловьева, не выставленныя рецензентомъ; отрывокъ одного изъ таковыхъ писемъ былъ уже напечатанъ въ Москвитинѣ, гдѣ говорится о Хорсѣ, о Торопецкихъ князьяхъ и проч.

Кажется, достаточно примѣровъ, какъ своевольно обращается составитель статьи съ текстомъ книги г. Соловьева и съ текстомъ рецензіи, помещенной въ Москвитинѣ, и какъ искажаетъ ихъ, сдѣлаясь съ своими цѣлями; и это искаженіе текстовъ служитъ лучшею уликою, что онъ защищаетъ не правое дѣло, что онъ пристрастенъ, и въ своей статьѣ останавливаетъ не науку, а ошибочныя мнѣнія. Теперь посмотримъ, какъ онъ опровергаетъ доказательства, представленные рецензентомъ. Здѣсь читатели найдутъ много поучительнаго.

Сдѣлавши вышеприведенную выписку изъ рецензіи, составитель статьи восклицаетъ: «Въ 1851 году въ ученой статьѣ о Россіи напечатано, что къ югу отъ Оки во все стороны видны степи изрѣдка орошаемыя рѣками! Многочисленныя рѣки, впадающія съ юга въ самую Оку, многовѣтвистыя системы средней и нижней Волги, Дона, Днѣпра—все это вдругъ высохло подъ перомъ рецензента Москвитянина, остались степи, изрѣдка орошаемыя рѣками! Но гдѣ же рецензенту угодно поставить путешественника, чтобъ показать ему эту новую Сагару; гдѣ это мѣсто

на югъ отъ Оки?» Жалко, что составитель не близко знакомъ съ Русскою землею и Русскимъ языкомъ, а то онъ бы не надвигалъ неумѣстныхъ восклицаній, и знаковъ вопроса, и не просилъ бы показать ему новую Сагару на югъ отъ Оки. Ибо рецензентъ о Сагарѣ не говорилъ ни слова, а сказалъ только, что путешественникъ на югъ отъ Оки видитъ всюду обширныя степи; отъ чего и теперь не отказывается, потому что это действительно такъ; и въ оффиціальныхъ памятникахъ этотъ край называется степнымъ краемъ, полемъ: такъ въ разрядной росписи 7079 года, составленной бояриномъ Княземъ Михайломъ Ивановичемъ Ворогынскимъ, сказано: «Сторожь изъ украинныхъ городовъ отъ Польскія украинъ по Соснѣ и по Дону и по Мечѣ и по инымъ Польскимъ рѣчкамъ и урочищамъ». А начались сѣ сторожь по росписи отъ Донкова Рязска, верховья Упы. Или по разрядной росписи 7080 года назначалось жечь поле или степь «отъ украинныхъ городовъ изъ Мещеры отъ Шацкого города по рѣкамъ Суловъ, Елани, Тиле-орману и вверхъ по Воронѣ, по Буртасу, по Воронѣ и по Ченгару до Камышлея отъ верховья до низу; изъ Дядилова да изъ Кропивны жечи поле: взяти станицамъ отъ Дядилова по Упѣ на гору по обѣ стороны и до верховья, и до Мечи, и по Мечи на гору и до верховья и межъ Плавъ и Упы на гору по Плавъ и до верховья Зуши. Да межъ Мечи и быстрые Сосны отъ Зеленова броду до усть Воронежа, межъ всѣхъ рѣчекъ жечи не пропущая.» Да и въ настоящее время этотъ край, начиная съ Рязанской губерніи, болѣе или менѣе носитъ степной характеръ; такъ въ Рязкомъ уездѣ уже начинаются чисто степныя рѣчки, извѣстныя по мѣстному названію подъ именемъ Рязь, которыя въ своемъ теченіи болѣею частію не достигаютъ другихъ рѣкъ, а уходятъ въ землю; и вообще всѣ рѣчки, впадающія въ Оку, съ правой стороны извѣстны своимъ мелководьемъ. О юго-восточномъ краѣ Россіи, Арсеньевъ въ своихъ статистическихъ очеркахъ говоритъ: «Юговосточныя страны Россіи отъ Дивпра черезъ Донъ, вдоль береговъ Азовскаго моря, по подошвѣ Кавказа, черезъ Волгу до рѣки Урала и Общаго Сырта, по климату и качеству почвы, имѣютъ характеръ болѣе Азіатскій; вѣтры наносятся сюда изъ Бухаріи, Персіи и Азіатской Турціи; грунтъ земли сухой, твердой, мѣстами песчаной, мѣстами солоневатый, вообще маловодный; степи, продолженіе степей средне-Азіатскихъ, простираются по всѣмъ оконечностямъ южнымъ, и сопряжены плодороднымъ равнинамъ внутренней Россіи». (Слат. Очер. сгр. 162). А на страница

206 онъ же говорить: «широкія равнины Тамбовскія и Воронежскія носятъ на себѣ характеръ степныхъ пространствъ». Принимая въ соображеніе все сіе, рецензентъ имѣлъ полное право сказать, что путешественникъ на югъ отъ Оки видитъ обширныя степи, и сказалъ это съ достаточною опредѣленною, такъ что изъ его словъ нельзя разумѣть новой Сагары; ибо, ежели бы онъ хотѣлъ назвать весь край на югъ отъ Оки степью; то сказалъ бы путешественникъ на югъ отъ Оки видитъ сплошную степь; а сказавши, что путешественникъ видитъ обширныя степи, указавъ даже, что здѣсь не одни степи, а только много степей, пересѣкаемыхъ иногда лѣсами, селеніями и огородами. Следовательно составитель статьи не имѣетъ никакого права навязывать рецензенту новую Сагару на югъ отъ Оки, и тѣмъ болѣе восклицать: «Многочисленныя рѣки, впадающія съ юга въ самую Оку, многотысячныя системы средней и нижней Волги, Дона, Днѣпра — все это вдругъ высохло подъ перомъ рецензента Москвитинина, остались степи, изрѣдка орошаемыя рѣками!» Рецензентъ не называлъ степей, лежащихъ на югъ отъ Оки, безводными, а только сказалъ, что они изрѣдка орошаются рѣками, и чѣмъ южнѣе, тѣмъ безводнѣе, что подтверждаетъ и Книга большого чертежа, въ которой сказано: «А отъ Перекопи до Бакчисарай и до Козлова, по обѣ стороны дороги воды копанныя кладязи, а рѣкъ нѣтъ.» Или: «А рѣкъ и лѣсу отъ мочочныхъ водъ до Перекопи нѣтъ, а копанныя воды кладязи есть». Подобное свидѣтельство о недостаткѣ воды въ нашихъ степныхъ губерніяхъ мы видимъ и у извѣстныхъ статистиковъ; такъ въ обзорѣмъ экономической статистики Россіи (Горлова) замечается: «О характерѣ степныхъ губерній вообще можно сказать, что трудно разлагающійся черноземъ, мѣлкость почвы солончатыми частями, обнаженность земли и отсутствіе лѣсовъ, сухость почвы и недостатокъ воды, поставляютъ частыя преграды сельскому хозяйству». Следовательно большая или меньшая безводность нашихъ южныхъ степей неоспорима, и ее не отрицаютъ ни Донъ, ни Волга, ни Днѣпръ; гдѣ протекають сіи рѣки, такъ нѣтъ недостатка въ водѣ, но въ сторону отъ нихъ край страдаетъ или мало-водіемъ или безводіемъ. А относительно притоковъ сихъ главныхъ рѣкъ края должно сказать, что они совсѣмъ не такъ многочисленны на югъ, какъ на сѣверѣ, и при томъ болѣею частью расположены не по степямъ; следовательно рецензентъ опять сказалъ правильно, что обширныя степи изрѣдка орошаются рѣками. Такимъ образомъ новая Сагара на югъ отъ Оки принадлежитъ

не рецензенту Москвитянина, а составителю разбираемой теперь газетной статьи, и посему возвращается хозяину во всей целости съ подписью: *Ваше изобрѣтеніе*. Следовательно всѣ указанія, написанныя рецензентомъ Москвитянина на неправильность географическаго вывода о Русской землѣ, сдѣланнаго въ книгѣ г. Соловьева, остаются во всей своей силѣ; и составитель газетной статьи доказалъ только своимъ трудомъ, что ихъ нельзя даже и поколебать, а развѣ только можно поглумиться надъ ними, какъ обыкновенно надъ всемъ глумятся люди незнакомые съ дѣломъ и думающіе прикрыть симъ способомъ свои или своихъ друзей промахи и ошибки.

Далѣе, составитель статьи, сдѣлавши, какіе издумалось, выводы изъ книги г. Соловьева, (при томъ избѣгая постоянно выписокъ изъ самой книги, ибо они противорѣчили бы выводамъ), говоритъ: «Европейская Россія не представляетъ двухъ половинъ (какъ хочетъ рецензентъ Москв.), изъ которыхъ одна имѣетъ осѣдлое, а другая кочевое народонаселеніе, но вся имѣетъ народонаселеніе съ одинаковымъ характеромъ, съ одинаковымъ образомъ жизни». Здѣсь должно замѣтить, что рецензентъ Москвитянина никогда и не намѣкалъ, что Россія Европейская въ настоящее время представляетъ двѣ половины, изъ которыхъ одна имѣетъ осѣдлое народонаселеніе, а другая кочевое, а сказалъ только и доказалъ, что одна половина Русской земли не походитъ на другую, что одна носитъ степной характеръ, а другая не имѣетъ сего характера, (что засвидѣтельствуетъ каждый изъ читавшихъ рецензію); следовательно составитель статьи прибѣгаетъ къ самой неопозволительной уловкѣ,—къ клеветѣ на рецензента, и темъ доказываетъ несправедливость защищаемаго имъ дѣла.

Отъ клеветы, которую мы уже обличили, составитель статьи переходитъ къ смѣшной и нелѣпой дерзости. Онъ говоритъ: «Рецензентъ Москвитянина продолжаетъ: «далѣе выводъ г. Соловьева уже не согласенъ ни съ какою исторіею: онъ утверждаетъ, что одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія. А по свидѣтельству исторіи, кочевники, живущіе въ одной степи и занимающіеся однимъ дѣломъ, находятся чуть не въ безпрестанныхъ распряхъ другъ съ другомъ.»—Это возраженіе можно было бы встрѣтить и проводить съ улыбкою безъ отвѣта, еслибъ рецензентъ не употребилъ священнаго имени науки, Исторіи: авторъ говоритъ не о Киргизахъ, которые могутъ безпрестанно ссориться за овецъ и лошадей; онъ

говорить о развитых гражданских обществах, которые, если борются, то борются за высшіе интересы, а если эти интересы одинаковы, если одинаковы религіозныя и гражданскія убѣжденія образованныхъ народовъ, то и борьбы нѣтъ.» Не останавливая вниманія на дерзости составителя, которая такъ смѣшна и нелѣпа, что на ней стыдно и останавливаться, мы посмотримъ, чѣмъ снѣтся онъ уничтожить выше приведенное возраженіе рецензента. По его мнѣнію, г. Соловьевъ говоритъ не о Киргизахъ, а о развитыхъ гражданскихъ обществахъ, которые, если борются, то борются за высшіе интересы, следовательно по этому рецензентъ не могъ приводить въ примѣръ кочевниковъ. Но гдѣ же г. Соловьевъ говоритъ о развитыхъ гражданскихъ обществахъ? Вотъ его слова, взятая изъ приведенной выше выписки, стоящей на первой страницѣ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ: «одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію». Здѣсь нѣтъ и помину о развитыхъ гражданскихъ обществахъ; следовательно дерзко начатая попытка уничтожить возраженіе рецензента вовсе не удалась составителю статьи.

Стараясь уничтожить возраженія рецензента противъ какого-то небывалаго мирнаго засѣданія Финскихъ земель Славянами, проповѣдуемаго въ исторіи г. Соловьева, составитель газетной статьи прибѣгаетъ къ такимъ натяжкамъ и передылкамъ текста, что ихъ обличить всякой, кто только читалъ рецензію Москвитянина на книгу г. Соловьева; а потому мы здѣсь обратимъ вниманіе только на тѣ вопросы, которые составитель статьи задаетъ рецензенту. Во-первыхъ, онъ говоритъ: «но мы попросимъ рецензента указать намъ въ нашей исторіи хотя одинъ примѣръ, гдѣ-бы Русскіе люди отнимали земли у туземцевъ, затирали ихъ»? Вотъ вамъ отвѣтъ: около Ильмена и на Волховѣ сперва жили Финны, потомъ пришли туда Славяне и заняли этотъ край, следовательно отняли его у Финновъ (у туземцевъ) и затерли сихъ послѣднихъ, ослабили ихъ, ибо съ прибытіемъ Славянъ весь этотъ край сталъ называться Славянскимъ, а не Финскимъ. Не угодно-ли и еще примѣровъ,—ихъ очень много: Новгородцы отняли у Финновъ Заволочье, Печору, всю Сѣверную Двину, проникли съ своими завоеваніями до Уральскаго хребта на Сѣверо-востокъ; Князья Муромскіе, а потомъ Суздальскіе вели войны съ Мордовою, Черемисою и другими племенами въ томъ краю, и выдвинули свои владѣнія до Суры и Печны, и все посредствомъ войнъ, а не мирною колони-

зацію. Ежели-бы нужно было и еще приводить примѣры, мы ихъ представили бы не одну сотню, и съ прямыми свидѣтельствами лѣтописей. Послѣ всего этого какъ-же можно (человѣку, знающему Русскую исторію) говорить: покажите намъ хотя одинъ примѣръ, гдѣ бы Русскіе люди отнимали земли у туземцевъ. Но составитель статьи не удовольствовался вопросомъ, и продолжаетъ: «Предположеніе (объ отнятіи земель у туземцевъ) странное въ высшей степени, ибо главное, что тяготило правительство—это громадность пустынныхъ земель, недостатокъ народонаселенія: старались усиленно во все времена населять пустынные пространства, а не вытѣснять прежнее народонаселеніе и безъ того рѣдкое.» Во-первыхъ, отнятіе Славянами земель у туземцевъ не предположеніе, но фактъ, засвидѣтельствованный многочисленными извѣстіями лѣтописей. А во-вторыхъ, странно-то, и въ высшей степени, мысль составителя статьи. Вопросъ идетъ о занятіи Финскихъ земель Славянскимъ племенемъ, Славяне, вытѣсненные съ юга, идутъ на северъ, ищутъ себѣ земли; а составитель статьи разглагольствуетъ о какомъ-то правительствѣ, которое тяготеетъ громадною пустынною земель и недостаткомъ народонаселенія. Мы право не знаемъ, чѣмъ и объяснить такое соединеніе двухъ несоединимыхъ положеній.

Далѣе составитель статьи спрашиваетъ: «на какомъ основаніи рецензентъ рѣшается утверждать, что Ростовская земля до Рюрика была занята Новгородскими Славянами?» Во 1-хъ, на основаніи Несторова свидѣтельства, который на 9 страницъ (по изданію Археографической комиссіи) называетъ все владенія Рюрика (къ которымъ принадлежалъ и Ростовъ) Новгородскими: «отъ Варягъ Рюриковыхъ» прозвая Русская земля, Новгородъци.» И во-2-хъ, на свидѣтельствъ саги Орваръ-Одда, которая прямо говоритъ, что Новгороду были подчинены Ростовъ, Суздаль, Муромъ, и Полтескъ. (Antiquit. Russ. стр. 105).

Третій вопросъ, заданный рецензенту составителемъ статьи, состоитъ въ слѣдующемъ: «Рецензентъ отвергаетъ колонизацію страны къ югу отъ Оки, говорить, что Московскіе Государя ставили здѣсь городки и сторожевые притоны для укрѣпленія границъ только; не сельское-то народонаселеніе откуда взялось?» Этого только не доставало, чтобы показать, какъ поверхностно знаетъ Русскую исторію составитель статьи. Вамъ, милостивый государь, хочется узнать, откуда взялось сельское народонаселеніе при пограничныхъ городкахъ на Польской украинѣ Московскаго государства;

изволю, мы вамъ скажемъ объ этомъ: сельское народонаселеніе при сихъ городкахъ образовалось изъ служилыхъ людей, которымъ была ввѣрена защита границы; его составили пушкарн, воротники, городовые ямники, боярскіе дѣти, даже солдаты, драгуны и другіе воинскіе чины; тамъ давалась отъ правительства земля съ тѣмъ, чтобы одинъ отъ трехъ полгода былъ на службѣ въ городѣ въ различныхъ разѣздахъ, а двое обрабатывали землю. Эти служилые люди обыкновенно селились деревнями, слободами, и воздѣлывали землю, чтобы было чѣмъ содержать себя и свои семейства, и дома и въ очередной службѣ. Чтобы болѣе увѣриться вамъ въ этомъ дѣлѣ, то советуемъ проесть официальные книги, составившіяся въ Разрядѣ, гдѣ подробно описано народонаселеніе при украинскихъ городкахъ Московскаго государства; такихъ книгъ сохранилась не одна сотня; прочтите ихъ, и навѣрное не будете спрашивать, откуда являлось сельское народонаселеніе при украинскихъ городкахъ. А ежели читать вы не любите, то спросите у людей, жившихъ въ томъ краю, они вамъ скажутъ, что и теперь еще тамъ много деревень, населенныхъ однодворцами; а однодворцами называются потомки старинныхъ служилыхъ людей.

Не удовольствовавшись вопросами, составитель статьи обиняетъ рецензента въ пропускахъ. Такъ онъ говоритъ «Рецензентъ пропустилъ извѣстіе о Строгановскихъ колоніяхъ, о колонизаціи Сибири.» Совершенно правда, рецензентъ точно пропустилъ все это; но что же изъ этого?занятіе Сибири самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, что страна сія была занята оружіемъ, а не при посредствѣ мирной колонизаціи: свидѣтельствомъ сему служатъходы Ермака и его преемниковъ, Сибирскихъ воеводъ, присылаемыхъ изъ Москвы; колонизація Строгановыхъ также была ничто иное, какъ насильственное отнятіе земель у туземцевъ, чему мы имѣемъ даже позднѣйшія свидѣтельства; такъ въ одной челобитной Башкирскихъ князей сказано: «А въ 1700 году имани, онаго недорѣвка Григорья Дмитріевича Строганова прикащикъ Пронька Алексеевъ съ товарищи собрався съ крестьяны ихъ наряднымъ двомъ съ ружьемъ, пищали, луки, бердыши, конья и осломъ, напали на Башкирскія деревни по рѣкѣ Мулянкѣ и разорили мельницу, которую наглось видѣти и слыша Башкирцы, упреждая отъ безконечной разорительности, оставя свои въ строеніяхъ юртовыя жилища, а съ одними семействами сами въ уединеніе перешли въ деревню Кошнову; а оставленные Башкирцами юртовыя строенія, свинныя покосы, пашенныя земли и всякія угодыя Строгановы крестьяне

усилью завладѣли; и на тѣхъ самыхъ мѣстахъ заселились. Если насильственное отплатіе земель у Башкирцевъ въ Строгановскихъ колоніяхъ имѣло мѣсто въ 1700 году; то что же должно сказать о мнимо-мирномъ запятіи тамошнихъ земель сини коновіями въ прежнее время. Рецензентъ не приводилъ всѣхъ таковыхъ примѣровъ, единственно потому, что щадилъ г. Соловьева, и считалъ подобные примѣры лишними, ибо несостоятельность положенія о мирномъ заселеніи и безъ того очевидна. Советуемъ составителю статьи внимательнѣе прочесть нашу рецензію и вразумиться.

Продолжать разборъ статьи мы не намѣрены; ибо несостоятельность ея доказана уже ясно, разбирать же всѣ выдумки, натяжки и путаницы мы не имѣемъ ни времени, ни охоты, да и считаемъ неприличнымъ утомлять вниманіе читателей личностями вовсе не относящимися къ наукѣ. Жалѣемъ искренно г-на Соловьева, что на его долю навязался такой защитникъ, который думаетъ поддержать положенія совершенно ошибочныя, отъ которыхъ вѣроятно уже отказался и самъ авторъ; ибо ошибаться можетъ и умный человѣкъ, а упорствовать въ ошибкахъ, являющихся доказанными, не возможно.

Рецензентъ.

СОБРАНИЕ ДѢЛЪ, И КІ, НОЛВРЪ.

На первомъ мѣстѣ стоитъ разсказъ Н. В. Кукольника: «Третій понедѣльникъ». Разсказъ этотъ самъ по себѣ довольно ничтоженъ въ литературномъ отношеніи, но имя, подписанное подъ нимъ, навело насъ на многія весьма грустныя размышленія. Было же время—мнѣическое время нашей литературы и критики,—когда послѣдняя, т. е. критика, Петербургская, становилась на колѣна передъ авторомъ Торквато Тасса и другихъ драматическихъ фантазій, въ которыхъ

Умъ не видитъ ничего,

говоря словами героя одной изъ таковыхъ — Джакомо Санназара. Тщетно вооружалась на эти драматическія фантазіи и псевдо-историческія драмы Московская критика, тщетно обличала она шумиху фразъ и бѣдность содержанія въ различныхъ Джуліо Мости, Доменикино Кампери и т. д.; — тщетно доказывала она, что Ляпуновъ г. Кукольника только и дѣлаетъ у него, что лжетъ и хвастаетъ. Драмы имѣли успѣхъ, хотя почти постоянно змемерный, — имя г. Кукольника не рѣдко красовалось подлѣ именъ Гёте и Шиллера! Чего было больше въ этихъ странныхъ папегирикахъ — умышленной ли вражды къ литературѣ, или павваго дѣтства?...

Вѣроятно того и другаго попаламъ. Какъ бы то ни было, а время драмъ г. Кукольника прошло. Предпримчивый авторъ принялся за историческіе романы, и появилось нѣсколько длинныхъ и скучныхъ компилаций: «Альף и Альдонзъ», — «Эвелина-де-Вальероль».... Дѣлая критика такъ же мало имъ сочувствовала, какъ и драмѣ, и публика была за-одно съ дѣльнымъ критикомъ. Принялся наконецъ г-нъ Кукольникъ за романы и повѣсти изъ временъ Петра Великаго: критика и въ нихъ видѣла только компилацию — довольно сухія и безжизненные, хотя составленные съ тщательностью мозаической работы.... Какъ не сказать послѣ этого: *Habent sua fata libelli!*... Колоссальная слава г. Кукольника, созданная тѣми же самыми критиками, которые издѣвались надъ «Мертвыми Душами», — лопнула съ быстротою мыльного пузыря, какъ лопнуло уже на нашей памяти много другихъ известностей...

Понятно, почему грустно задумались мы надъ именемъ, поставленнымъ подъ рассказомъ «Третій понедѣльникъ». — Не г. Кукольникъ виноватъ въ своей скоро создавшейся и скоро разрушившейся славѣ, — виновата въ этомъ Петербургская критика.

Что касается до самаго разсказа; то онъ принадлежитъ къ числу анекдотовъ, представляетъ, такъ сказать, грубый матеріалъ, изъ котораго какой-нибудь Шекспиръ слѣдуетъ бы гениальную трагедію, а какой-нибудь изъ нашихъ доморощенныхъ драматурговъ — самую дикую нелепость. Разсказанъ этотъ анекдотъ не хорошо, потому что въ разсказѣ сквозитъ повсюду претензія на драматизмъ, что всѣ лица поставлены на ходули, что нѣтъ въ немъ, однимъ словомъ, ни одного живаго мѣста: значить — объ этомъ анекдотѣ говорить нечего въ литературномъ отношеніи.

Другое дѣло — разсказъ даровитаго г. Григоровича, къ которому мы и перейдемъ, минуя «Богатаго жениха» г. Писемскаго, какъ произведеніе еще неконченное, и требующее серьезнаго, цѣльнаго разбора.

Разсказъ г. Григоровича: «Мать и дочь», названный осеннимъ рассказомъ, принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ идилій автора «Свѣтлаго Воскресенья» и «Прохожаго». Содержаніе его — такъ просто, что всякому другому, менѣе даровитому и знакомому съ описываемымъ бытомъ повѣствователю, едва ли бы достало его на двѣ, на три страницы. Вся прелесть тутъ въ подробностяхъ. Г. Григоровичъ — мастеръ подмѣчать въ сельскомъ бытѣ и въ сельской природѣ различныя черты, которыя ускользнутъ отъ другихъ. Онъ съ любовью всматривается въ явленія, и переноситъ ихъ

въ свои картины, уметь сообщать имъ жизненный колоритъ; съ другой стороны, онъ не падаетъ въ идеализированіе, переходящее часто въ канерность, не вноситъ въ наблюдаемую имъ жизнь своей собственной задней мысли, которой присутствие такъ вредитъ иногда прекраснымъ рассказамъ г. Тургенева. Такъ и въ настоящемъ рассказѣ, какъ ни грустно оставленное имъ впечатленіе— лица взяты прямо изъ действительной жизни, и властнаго этого, въ самой грусти нѣтъ ничего непріятнаго. Содержаніе рассказа, какъ мы сказали уже, весьма просто. Странствуя осенью, авторъ встрѣтилъ старуху съ помѣшанной дочерью, и старуха рассказываетъ ему слѣдующее:

«Лѣтъ пятькъ, касатикъ, кажишь — не больно давно, Маня моя была первою дѣвкой во всемъ Комарѣвѣ, и не только въ Комарѣвѣ, во всемъ околѣвѣ знали ее. Бывало праздникъ придетъ, у нихъ ли, у соседей отбою нѣтъ моей дѣвки. Первая была веселуха, первая хороводница, — да и красавица была, касатикъ! И не то, чтобы была она у меня пропавшая-какая, либо озорная — оборона Богъ! Ужъ нѣчто сосѣди — чужіе люди: бывало дивуются на нее глаза! А ужъ на счетъ дѣловъ какихъ — вѣстимо нашихъ крестьянскихъ — на что ни укажи, все ей рука: на житиѣ, кормилецъ, всехъ позади себя оставляла; первая начнетъ жать «полосу, — первая и кончитъ! Товарки-то бывало упарятся, умихаются, а ей нипогохонько: сама жнетъ, да пѣсни поетъ! То же «вотъ и на счетъ ниткало — у насъ народъ «збрычный: ниткало съ «пробавляется — и въ этомъ слыла она мастерицей. Коли тонкую «какую основу, либо платки для набойки выткать, никому не давали «помню вса. И жили мы, касатикъ, смиренхонько; ни въ чемъ «нужды у насъ не было. Встаючи и лежаючи благодарна Го- «спода, что послалъ мнѣ такую дочку — одна только и была у «меня! Вотъ, касатикъ ты мой, смотрю: стали засылать ко мнѣ «сваты: то одинъ понавѣдается, то другой, а пуще всехъ сва- «талъ сосѣдній мужичекъ за сына; другихъ сыновей поженилъ онъ, «одинъ только, молодчикъ оставался холостъ. «Что жъ, думаю, люди «хорошіе, живутъ въ достаткѣ, и дѣвка, думаю, въ порѣ, на вы- «данѣ; надѣлать мнѣ ея нечѣмъ, а коли берутъ безо-всего, стало «больно мнѣ по нраву пришлось, и любить стануть. Вижу, и дѣвка «моя непрочь, ну, думаю, знать на роду написано ей быть за со- «сѣдскимъ сыномъ! И выдала я ее замужъ. Поплакали, разстались... «О — охъ, и теперь-то тяжело вспоминуть, какъ разставалась я съ «нею, словно сердце мое чуло въ ту пору... Жила она въ муж-

«ниной семьѣ ладно, безобидно; худо я отъ нихъ на нервыхъ-то «порахъ не видала. Прошелъ годикъ, родила она мнѣ внучкѣ, «другой годикъ прошель—родила внучку. Виделись мы почитай «кажинный день, на дню-то нну пору, разъ пятьокъ забѣжить про- «вѣдать съ ребятишками. Того, моль, матушка, не надо ли тебѣ, «другаго? Заботливая была такаа! А ужъ нхъ-то, касатикъ, ребятъ- «то своихъ, какъ любила,—такъ даже и раздумье иной разъ возъ- «иметь. Отъ того ли, что жить-то ей поплосше стало, либо такъ, «съ горя какого припало на нея... Ума не приложу! Бывало отцу «родному не дастъ взять ихъ на руки, а коли изъ родни его «какой подойдетъ, оборони Господи: такъ вся и затрясется — не- «тронъ да и полно! Шагу не ступить изъ дому, все съ ними. На «работу пойдетъ, а не смѣй ей перечесть! Поля у насъ дальнія; «время нну пору тугое, и одной-то мочь не въ мочь, а она та- «щить съ собой ребятишекъ; вѣстимо, бабенка молодая, сила не- «австь какая, жалость возметъ: Мама, скажешь—шутка тяготу «какую на себя берешь; оставила бы ты ихъ въ избѣ съ бабкой. «Ничего, говорить, мамушка, мнѣ съ ними люблю, работа не въ ра- «боту! Такъ бывало не оставитъ.... Очо—хо-хо!»

Какъ трогателенъ этотъ расказъ, не имѣя претензи быть трогательнымъ — какъ истинна, вѣрна и полна любви въ немъ каждая черта!.. Грустно впечатлѣніе, оставляемое въ душѣ его окончаніемъ:

«И прожили мы такъ-то до прошлой Святой. И грѣха бы не «прилучилось, родимый, кабы да не нашъ народъ, — народъ фа- «бричный, гулящій: пошли у нихъ пиры да угощенье, къ тому «же времени и праздникъ приходскій подошелъ. Вотъ въ пятницу, «какъ теперъ помню, отгуляли гуляки, да и разошлись всѣ по «избамъ. Въ Машиной семьѣ народу было много: три брата же- «натыхъ, окромѣ ея мужа. Задуги лучину и леглись спать, ка- «сатикъ.... (А меня на грѣхъ, въ ту пору не было въ избѣ; ноче- «вала я у соседки). Время подходило къ полуночи; гораздо ужъ «смерклося, пѣтухи давно пропали. Вотъ, родимый, и случись «такой грѣхъ съ одной изъ задовокъ моей Маши—звали ее Дарьей: «ворочалась, ворочалась съ боку на бокъ, да и засни своего ре- «бенка, а ребенокъ былъ однолѣтокъ съ моимъ внукомъ, Маши- «нымъ сыномъ, и, какъ на грѣхъ, было имъ обонимъ одно про- «звище: какъ тотъ Петрушка, такъ и этотъ Петрушка. Дарья «всесохлаулась да и давай кричать, что было мочи: Батюшки, «кричить, Петрушка померъ!! Машинъ мальчикъ лежалъ особиячкомъ,

съ зыбки. Ей и покажись съ просонья-то осердечной, что па-
меръ ея паренечекъ: какъ полоумная бросилась она съ палатей,
съ перепугу-то зыбки не найдетъ; да и гдѣ найти? Давка, та-
снота! опричь того, темно—хоть глазъ выколи; она и давай ме-
статься какъ угорьвая; ударила со всего маху объ земь, мечется,
кричитъ: вѣстимо, касатикъ, запужалась больно съ просонья-то.
«Они-то этого въ толкъ тогда и не взяли, да зачали ее бить; она
еще пуще: они взяли, родной, связали ее, да и стащили въ
«сѣни... И не то, чтобы изъ злобы какой, касатикъ: народъ съ
«похмѣлья, къ тому же, и грѣхъ такой прилучился.... Ну, какъ
«пришли-то они» опослѣ въ сѣни, смотрятъ, Маша моя сидитъ
«посерединѣ пола, сидитъ да бормочетъ не вѣсть что.... цыкого не
«признаетъ... Съ той самой поры и повредила, родимый! И не
«знать, что съ ней сталося такое, никого къ себѣ не подпускаетъ:
«отъ людей, отъ дому отбивается, ни съ кѣмъ слова не промолвить:
«словно языкъ отнялся у нея.... День за день плоче да плоче,
«стала такая непокоривая; пощедь куда, нейдетъ; скажутъ слово—
«вслушаетъ. Она родимъ-то, касатикъ, и опротивѣла. Вѣстимо,
«кабы лаской да бережью брали, оно, можетъ статься, и такъ бы
«прошло, отлегло бы помаденьку; ну, а какъ противна стала, и
«давай они повдоръ вѣсть ее.... знамо, дурность-то наша крестъ-
«явская! И говорила я имъ тогда, не мало говорила, да рѣчи мои
«забыти пошли....»

Мы выписали этотъ прекрасный разсказъ старухи, не по-
тому, чтобъ онъ былъ лучшимъ мѣстомъ въ повѣсти г. Григоро-
вича, а потому, что онъ подаетъ нѣкоторое понятіе о ея содер-
жаніи. Собственно же говоря, повѣсть «Мать и дочь»—выдержана
отъ начала до конца, и если бы мы хотѣли указывать на все хо-
рошее, то принуждены были бы выписать все.

Есть и стихотворенія въ этомъ Н Современника, — а именно:
*Льсь г. Я. Полонскаго, Плачь Ярославны г. Н Г., «Притча о съ-
ятель и сѣменахъ» г. А. Жемчужникова,* — и «Мы съ тобою каприз-
ные люди» Изъ этихъ стихотвореній, мы не остановимся ни на
первомъ, хотя любимъ задумчивую и искреннюю музу г. Полон-
скаго, ни на «плачь Ярославны», сто двадцатомъ переложеніи изъ
«Слова о полку Игоревѣ»: *Льсь г. Полонскаго* — какъ будто не въ
его манеръ, «Плачь Ярославны» переложень только недурно.

Стихотвореніе г. Жемчужникова можно прочесть съ удоволь-
ствіемъ. Послѣ него мы встрѣтили, безъ подписи имени автора, одно
изъ стихотвореній, уже черезъ чуръ принадлежащихъ къ обыден-

нымъ, т. е. къ такимъ, которыя пишутся и печатаются для личнаго удовольствія ихъ авторовъ, и тѣхъ особъ, которымъ они посвящаются. Кому какое дѣло до того, что авторъ стихотворенія, и та, къ кому обращено стихотвореніе, оба—капризные люди, что у нихъ

Что минута—то всѣмишка готова,

кому какое дѣло до того, что поссорившіеся обмѣниваются послѣ ссоры крѣпче и дольше?

О переводъ первой пьесы Эпенды мы умолчимъ до выхода слѣдующихъ цѣсень, желая впрочемъ отъ души, чтобы Современникъ не оставилъ добраго намѣренія дать полный переводъ поэмы Виргилія, и желая еще больше, чтобы переводъ этотъ нашелъ себѣ читателей.

Пропуская статьи спеціальныя, мы должны сказать нѣсколько словъ о физиологическомъ очеркѣ «Львица», о двухъ музыкальных статьяхъ, совершенно противорѣчащихъ одна другой по духу и тону, и въ заключеніе перейти къ г. Новому Посту.

Очеркъ «Львица» написанъ съ весьма похвальною нравственною цѣлю, и если бы *цѣль* составляла главное въ литературномъ произведеніи, то конечно мы бы поблагодарили автора «Очерка». Къ сожалѣнію—статья литературная, кромѣ назидательности, требуетъ еще таланта, а его-то и не оказывается въ довольно-длинномъ физиологическомъ очеркѣ.

Музыкальныя статьи, изъ которыхъ одна принадлежитъ г-ну Сврову, а другая г. Лангеру, поразили насъ не своимъ содержаніемъ, а явнымъ, вопіющимъ разворочіемъ въ основныхъ началахъ. Обличенія, высказываемыя действительно талантливымъ г. Лангеромъ, такъ прямо устремлены на музыкальныя рецензіи журнала, и такъ горьки, что мы признаемся, не совсемъ понимаемъ самоотреченіе редакціи.

«Положимъ, что въ музыкѣ—говорить весьма дально г. Лангеръ,—какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, позволено каждому имѣть «свое сужденіе, свою точку зрѣнія,—но видѣть посредственность и «ординарность тамъ, гдѣ другіе видятъ необыкновенную гениальность—это уже становится загадка. Если вы хотите разгадать смыслъ «этого страннаго противорѣчія, то возьмите на минуту терпѣнія, вы посмотрите, какъ пишутся у насъ по большой части различныя «толки и статьи о музыкѣ. Вы думаете, вѣроятно, что въ этомъ «случаѣ, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, необходимы: знаніе, «фразистый и образованный вкусъ, и потомъ еще то, что называется «твердымъ и основательнымъ взглядомъ на музыку, что пріобрѣтается

«только долговременный и серьезный изучением этого искусства? Вы ошибаетесь, если так думаете; но крайней мерз явны музыкальные критики и рецензенты совершенно другого мнѣнія: они часто освобождаютъ себя вполне отъ этихъ многосложныхъ условій, и думаютъ, что такой легкій и ясный предметъ, какъ музыка, сочинить не нуждается въ этомъ; они говорятъ и пишутъ смело и бойко, съ диктаторскимъ достоинствомъ, какъ прилично людямъ, раздающимъ лавровые вѣнки, или уничтожающимъ въ спрѣхъ доро заблагоразсудится. Подъ частъ, они приправляютъ и поддѣрживаютъ свои смѣлыя сужденія техническими терминами, ни сами даже для большей части читателей будетъ рѣшительно непонятно, что они хотѣли сказать, толкуя съ важностію объ усовершенствованіи ритмъ-аккордовъ,—это нисколько не мешаетъ, а напротивъ, кажется лучше для самихъ умныхъ критиковъ, потому, что непременно найдутся такіе добрые люди, которые возьмются къ нимъ за это еще болѣе уваженія и непременно примутъ ихъ за учениковъ музыкантовъ, *спеціально* знающихъ даже, о которомъ они говорятъ. Для явшаго же эффекта и игривости слога они «подъ частъ руководствуются и вдохновеніемъ.»

Эта филиппика, весьма справедливая въ своихъ основаніяхъ и притомъ написанная *настойчивымъ* знатокомъ дѣла, устремлена прямо на привилегированнаго музыкальнаго критика Современника, который, руководствуясь вѣроятно *вдохновеніемъ*, отнесъ г. Шульгофа къ обыкновеннымъ и ординарнымъ пианистамъ. Это было замѣчено и въ нашемъ журналѣ, и замѣчено такъ же не дилеттантомъ, а *аматолицизмъ* знатокомъ дѣла. Теперь, г. Лангеръ, одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которыхъ дано не только глубоко понимать, но и тонко чувствовать тайны музыкальнаго искусства, вооружился въ свою очередь на подобные безапелляціонные приговоры.—Но ни образованной редакціи, помѣстившей статью г-на Лангера въ обзорную, ни г. Строну — нѣтъ до этого дѣла. Г. Строну въ своей статейкѣ объ итальянской оперѣ продолжаетъ съ высоты величія толковать о Моцартѣ, объявляетъ, думая впрямую сдѣлать большую честь творцу Роберта и Пророка, что *мы всегда любили дуэтъ Марселя съ Валентиной во 2-мъ актѣ Гугенотовъ* и т. д. Боясь, впрочемъ, чтобы упреки въ мистурномъ педантизмѣ, даваемые г. Лангеромъ критикамъ, не пали на него—онъ прибѣгаетъ къ извѣстной уловкѣ: повторяетъ слова своего противника, какъ будто бы онъ къ нему нисколько не относился.

«У насъ», говоритъ онъ, «вообще еще очень въ духѣ живое убѣжденіе, что статья о музыкѣ не можетъ быть написана

«съ кое-какимъ понятіемъ о дѣлѣ, если она не рѣшитъ въ глазахъ читателя увеличенными квинтами, укосненными септимами (соп-тегаз выраженія г. Лангера), модуляціями, каденціями и т. д.»

Какъ не вспомнить Крылова:

Про взятки Климычу читаетъ —
А онъ украдкою киваетъ на Петра?

Теперь нѣсколько словъ о г. Новомъ Поэтѣ. Въ своихъ современныхъ замѣткахъ за Октябрь онъ борется, и, надобно сказать, очень остроумно и дѣльно съ статьею о Русской литературѣ г. Сень-Жюльена, помѣщенной въ *Revue des deux mondes*, говорить довольно *снисходительно* о г. Щербинѣ... Что же такое сдѣлалось съ г. Новымъ Поэтомъ?... Онъ ли это?... Онъ ли — повторимъ мы?... какъ? г. Новый Поэтъ, подвижникъ *великодушности*, оскорбился тѣмъ, что г. Сень-Жюльенъ назвалъ графа Сологуба представителемъ Русской литературы послѣ Гоголя? Тотъ самый Новый Поэтъ, который не постыдился пародировать лирическія мѣста «Мертвыхъ душъ»?... Какъ? г. Новый Поэтъ чувствуетъ даже музу г. Щербины?... Но позвольте — *le bout de l'ogeuille*, такъ или иначе, а выставится. Стихотвореніемъ г. Щербины Новый Поэтъ противопоставляетъ другія — стихотворенія какого-то поэта, и восхищается ими, потому что онъ взятъ изъ *живой дѣйствительности*, стихотворенія, и тономъ и содержаніемъ напоминающія музу г. Неярсова. Наконецъ онъ рассказываетъ... но это хуже всякой пародіи, и мы остановимся...

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ. № 12. ДЕКАБРЬ. Слѣдѣя окончить въ нынѣшней книжкѣ обзоръ Отечественныхъ Записокъ за весь 1851 годъ, мы не имѣемъ достаточно времени для того, чтобы представить такой же полный разборъ декабрьской книжки, какъ дѣлали это съ предыдущими. Поэтому мы ограничимся только краткимъ указаніемъ на содержаніе послѣдняго номера Отечественныхъ Записокъ, оставляя за собой право обратиться вновь въ будущемъ году къ статьямъ, замужнивающимъ по чему-либо особаго вниманія.

Горы. Разсказъ М. В. Авдѣева. Общее впечатлѣніе, производимое этимъ разсказомъ, самое несприятное, хотя въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, напр. описаніяхъ природы, въ искусствѣ подготавливать эффекты, наконецъ въ нѣсколькихъ остроумныхъ выходяхъ, равно какъ и вообще въ талантѣ известнаго рода нельзя не отдать справедливости автору.

Но что за направление! что за узкая сфера, выбранная авторомъ для своей дѣятельности! Что за фальшивый дендизмъ, имъ проповѣдуемый! Что за странное пониманіе значенія современной художественно-литературной дѣятельности! Какъ печатать такія вещи, которыя, по собственному признанію автора, могутъ только производить впечатлѣніе на какую-нибудь провинціальную барыню, съ испорченною головою и сердцемъ? Что за безцеремонное обращеніе съ публикой? Видите ли, — пріятель его, человекъ хорошаго тона, поддвывается къ провинціальной барынѣ и сочиняется съ этою цѣлью экспромтомъ какія-то неестественныя исторіи, явно направленные на слабонервность этой барыни; и этотъ разсказъ предлагается для услажденія публики. Да что же публикѣ за дѣло до всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя разные господа, положимъ хорошаго тона, но очень дурной нравственности, употребляютъ для обольщенія женщинъ? Что ей за дѣло до того, какъ ломаются эти господа въ провинціи, другъ передъ другомъ, передъ женщинами, даже передъ природой?

Не хорошо, г. Авдѣевъ, писать такія вещи, и тѣмъ болѣе нехорошо, что вамъ уже доказывали прежде фальшивость вашихъ идеаловъ и ложность вообще вашего направленія, и доказывали ясно. И если послѣ всего этого вы продолжаете писать въ томъ же фальшивомъ родѣ, то значитъ вы не любите правды, не любите литературы, мало заботитесь о публикѣ, для которой пишете. Если, положимъ, вамъ лично нравятся господа, грубящіе женщинамъ, и полагающіе весь дендизмъ въ какомъ-то странномъ съ ними обхожденіи; — господа до того встасканные, что не находятъ о чемъ больше говорить другъ съ другомъ, какъ о жилетахъ; если, по несчастію, у васъ нѣтъ другаго мѣрила для друзей, кромѣ ихъ удобства для вашей лѣни и апатіи, — то это еще личное несчастіе, о которомъ вы должны или молчать, или, если признаваться публично, то по крайней мѣрѣ съ скорбью, а не съ самоуслажденіемъ. И на кого рассчитываете вы производить, какъ сами говорите, впечатлѣніе вашими мишурными героями? Истинно порядочные люди давно уже смѣются надъ жалкимъ передразниваніемъ Печорина; если же вы рассчитываете на сердца неопытныхъ и незнакомыхъ съ жизнью, которымъ еще могутъ нравиться безнравственные, но нѣсколько соблазнительные типы, какіе вы выводите, то грѣхъ вамъ, г. Авдѣевъ.

Ограничимся исчисленіемъ остальныхъ, почему-нибудь любопытныхъ статей въ Декабрьской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ.

Очерки Сардиніи, В. Д. Яковлева, такъ же хорошо и живо написаны, какъ и его прежніе очерки, напечатанные въ нынѣшнемъ году въ Библіотекѣ для Чтенія.

Космосъ. Опытъ физическаго міроописанія, Гумбольдта. Часть третья, статья вторая и послѣдняя. Н. И. Кайданова.

Выставка Императорской Академіи Художествъ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. Сергѣя Соловьева, томъ первый, статья К. Д. Кавелина.

Очерки Вѣны, статья вторая и послѣдняя.

Любовь и ревность, комедія Альфреда Мюссе.

Обзоръ наблюденій надъ солнечнымъ затмѣніемъ 16 (28) Іюля 1851 года, доведенныхъ до общаго свѣденія. Н. Н. Фидиппова.

Вообще послѣдняя книжка От. Зап. составлена очень хорошо и представляетъ много интереснаго для чтенія.

Въ заключеніе всего, вѣроятно для удовольствія нѣкоторой части подписчиковъ, есть, по обыкновенію, выходки противъ Москвитянина, но до того жалкія и дѣтскія, что мы даже считаемъ не нужнымъ доводить о нихъ до свѣдѣнія нашихъ читателей. Что-то опять о *фасадѣ* и *ширмѣ*, и наконецъ объ *упражненіи* въ склоненіяхъ. Чрезвычайно зло, какъ видите. Бѣдные, право, зомбы Отечественныхъ Записокъ, — и поживиться-то имъ нечемъ хохотушечко въ Москвитянинъ. Приходится повторять нѣсколько мѣсяцевъ сряду одно и то же съ разными варіаціями.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ. ОКТЯБРЬ И НОЯБРЬ.

Стихотвореніе г. Щербина, «Утро въ горахъ», далеко уступаетъ въ достоинствѣ тѣмъ первымъ его произведеніямъ, которыя познакомили съ нимъ Русскую публику и доставили ему очень выгодную извѣстность въ нашей литературѣ. — По поводу этого стихотворенія, мы готовы были высказать г. Щербинѣ свои опасенія за его будущую дѣятельность, но онъ, какъ нельзя лучше, опровергнувъ наши сомнѣнія, помѣстивъ въ 22 номеръ Москвитянина десять новыхъ своихъ стихотвореній, изъ которыхъ нѣныя превосходятъ все, что имъ до сихъ поръ написано. — Вотъ почему мы не обращаемся къ г. Щербинѣ съ тѣми упреками, которые были уже у насъ на языкѣ.

Мужья и Друзья, повѣсть. Часть 1. Престранная Повѣсть! Дѣвушка, какъ-будто изъ высшаго общества, по имени Евгенія, богатая и знатная, влюбляется въ бѣднаго и незнатнаго

мосье Поля, который, желая увести ее, увозить ее мать. Вотъ содержаніе первой части! Языкъ повѣсти до крайности дуренъ: попадаются какія-то новыя слова, т. е. слова-то старыя, но имъ приданъ новыи смыслъ; напр. глаголъ, *лучинься* употребляется въ значеніи *блестить*. Разговоры есть поразительные; вотъ образчикъ:

— «Но съ чего вы взяли—говорить Егорію Полю, — будто я жила въ заключеніи? Общество въ самомъ дѣлѣ не новость для меня. У маменьки бывають большіе обеды, при которыхъ я должна присутствовать. Признаться, очень скучно; но говорить, что надо.... что это необходимо для образованія разума, для умвня, кажется, судить о дѣлахъ, вѣщахъ, людяхъ.... право не знаю, о чемъ. Учиться уму-разуму у обѣдающихъ!... Эта идея мнѣ всегда казалась очень оригинальной; но мы, дѣти, должны повиноваться.—Что вы сегодня купали?»

— Кто?... а? съ изумленіемъ спросилъ танцоръ.

— Ну, да!.. вы!

— Что я купала? промолвилъ онъ въ странномъ затрудненіи.

— Да! да! что вы купали? какія блюда? какіе супы? какія вина? Не изыщите, у меня умъ обвѣшенный.

— У васъ умъ страшный, опасный.—Ваши гости, видно, пропили и пробили вамъ всѣ свои запасы ума», и т. д.

У автора есть какія-то стремленія указать на стѣснительность свѣтскихъ условій для чувства и для другихъ законныхъ и нравственныхъ душевныхъ отправленій человека; намъ кажется, эти-то стремленія и вызвали его на литературное поприще.—Напрасно онъ однако думаетъ, что одного недовольства чѣмъ бы-то ни было достаточно для того, чтобы сдѣлаться писателемъ...

«Семейная тайна»—драма въ 5 дѣйствіяхъ Гр. Распачиной. Дѣла—вотъ истинное названіе Гр. Распачиной; въ ея звукахъ она прекрасно изображала разнообразныя ощущенія самоостаточно жившаго сердца, и всеобщимъ сочувствіемъ встречались ея произведенія. Въ *Нелюдишкѣ* и *Семейной тайнѣ* она выступаетъ на драматическое поприще. Мы будемъ говорить объ послѣднемъ произведеніи въ обзорѣи словесности 1851 года.

Въ остальныхъ отдѣлахъ нѣтъ ничего особенно любопытнаго, кромѣ рецензій на книгу г. Соловьева, о коей будетъ говорено особо, вмѣстѣ съ рецензіей О. З.

Последніе нумера Современника и Библіотеки для Чтенія получены въ Москвѣ слишкомъ поздно—и мы приложимъ извѣстіе объ ихъ примѣчательныхъ статьяхъ къ общему обзорѣию.

СТАТЬЯ ПРОСПЕРА МЕРИМЕ О ГОГОЛЕ,
въ *Revue des deux mondes*.

Съ недавняго времени во Французскихъ журналахъ начали появляться статьи о Русской литературѣ, особенно съ тѣхъ поръ, когда, благодаря г. Вiардо, Французская публика познакомилась съ произведеніями ея истиннаго представителя въ настоящую эпоху—Гоголя. Въ прошломъ году переведена была Просперомъ Мериме «Пиковая дама» Пушкина, и по этому поводу сказано было переводчикомъ нѣсколько словъ о нашемъ первомъ поэтѣ и его произведеніяхъ.

У насъ Русскихъ до сихъ поръ еще существуетъ весьма странная замашка—радоваться появленію самой незначительной статьи о нашей литературѣ въ которомъ-либо изъ Европейскихъ журналовъ. Слѣдуетъ только вспомнить, какіе дѣтскіе восторги возбудила въ насъ когда-то книга Кёнига, —мертвенный переводъ нѣсколькихъ поэмъ Пушкина, сдѣланный Липпертомъ, и наконецъ переводъ Пиковой дамы Просперомъ Мериме — переводъ, который, какъ было доказано, обличаетъ совершенное незнаніе Русскаго языка. Мы рады обыкновенно тому, что о Русской литературѣ не говорятъ совершенныхъ нелѣпостей — и такое отрицательное достоинство готовы признать за положительное. Какъ будто до сихъ поръ еще мы не увѣрены въ значеніи своего собственного взгляда, въ непогрѣшимости собственного чувства — и до сихъ поръ еще готовы съ дѣтскою наивностью воскликнуть: «Посмотрите, что пишетъ Мериме о Гоголѣ и Пушкинѣ—значитъ Пушкинъ и Гоголь дѣйствительно имѣютъ достоинство!»

Между тѣмъ, мы сами,—признаемся въ этомъ откровенно, съ жадностью бросились на статью Проспера Мериме о Гоголѣ, напечатанную въ Ноябрьской книжкѣ *Revue des deux mondes*. — Почему-то мы надѣялись, что авторъ *Хроники времени Карла IX*, *Жаккеріи* и другихъ произведеній, которыя принадлежать къ числу далеко не дюжинныхъ,—скажетъ нѣсколько дѣльныхъ словъ о нашемъ первомъ современномъ поэтѣ, о томъ, кому молодое поколѣніе обязано отчасти своимъ развитіемъ, своими лучшими впечатлѣніями. Мы надѣялись на это, во первыхъ, потому, что взглядъ издали, взглядъ иностранца, посторонняго наблюдателя, важенъ вообще во всякомъ дѣлѣ,— съ другой стороны, талантъ самаго Мериме ручался бы, казалось, за то, что онъ пойметъ Гоголя. Мериме—литературному Протею, таланту въ высшей степени объективному, самому не достаетъ, для того, чтобы быть Гоголемъ,— убѣжденіи

въ правдѣ воспроизводимой имъ жизни: сухая и вѣтренная иронія одна только полагаетъ границу между ними, — но все-таки мы вправѣ были ожидать отъ Мериме, что онъ возвысится хоть до пониманія Гоголя! И что же мы встрѣтили въ статьѣ? Увы — ничего, кромѣ весьма обыденныхъ сужденій, поверхностныхъ или устарѣлыхъ требованій отъ искусства вообще, отъ нашего поэта въ особенности, встрѣтили, однимъ словомъ, такой судъ, съ которымъ не стоило бы бороться, если-бы онъ появился въ одномъ изъ нашихъ журналовъ — и который однако долженъ быть подвергнутъ строгому анализу, потому, что появился въ Европейскомъ журналѣ. Мериме, какъ самъ онъ говоритъ, знакомъ съ Гоголемъ по его *письмѣмъ*, *Мертвымъ Душамъ* и *Ревизору*. Что-же? этого довольно, чтобы признать въ Гоголѣ поэта оригинальнаго и великаго — и не ставить его въ фалангу англійскихъ юмористовъ — и не замечать снисходительно, что его произведеніямъ недостаетъ только болѣе распространеннаго языка, чтобы стяжать такую же славу.

«Наблюдатель тонкій до мелочности» — говоритъ Мериме о нашемъ поэтѣ, — «искусный мастеръ та то, чтобы подмечать смѣшное, смѣлый въ его обличеніи, но наклонный къ преувеличенію этого смѣшнаго до *шутливости*, — Гоголь — прежде всего энергическій *сатирикъ*. Онъ безжалостенъ къ глупцамъ и злымъ, но владѣетъ «однимъ только оружіемъ, *ироніею*; черезъ-чуръ иногда злобная въ отношеніи смѣшнаго, она устремлена часто противъ преступленія. Комизмъ его близокъ къ фарсу и веселость его не общается читателямъ. Если иногда читатель и смѣется, все таки «внутри души его остается чувство горечи и негодованія»...

Или Мериме слишкомъ поверхностно читалъ Гоголя, или онъ вовсе неспособенъ чувствовать тѣ *незримыя міру слезы*, о которыхъ говоритъ нашъ поэтъ, тѣ слезы, которыя составляютъ высокій пафосъ Ревизора и Мертвыхъ Душъ. Если бы онъ почувствовалъ эти слезы, то не называлъ бы конечно сатирикомъ — того, кто вездѣ и повсюду является истиннымъ, всестороннимъ поэтомъ, равно изображающимъ и горе Акакія Акакіевича и красоту Аннунціаты. Если бы, съ другой стороны, Мериме выжнулъ внимательно въ Гоголя, — онъ повсюду бы почувствовалъ незримое присутствіе идеала посреди *Ноздревыхъ*, *Собакевичей*, *Макиловыхъ* и *прокуроровъ*. Ни у одного поэта въ мірѣ — такъ не слышна эта тоска по идеалу, какъ у Гоголя.

«Какъ живописецъ правовъ, г. Гоголь особенно превосходенъ въ изображеніи обыденныхъ сценъ. Онъ сходенъ съ Теньеромъ и

«Калло: лица его вы какъ будто выдали—вы съ ними какъ будто «бы жили, потому что онъ знакомитъ васъ съ ихъ манерами, привычками, малѣйшими жестами. Одинъ шепеляетъ, другой заикается, у третьяго зубъ со свистомъ. *Къ несчастію*, слишкомъ поглощенный «этими мелочнымъ изученьемъ подробностей, г. Гоголь *черезъ «чуръ пренебрегаетъ тѣмъ, чтобы связывать ихъ съ дѣйствіемъ.* «Собственно говоря, въ произведеніяхъ его *нѣтъ плана* (?), и, странное дѣло въ писателѣ, который гонится въ особенности за естественностью,—онъ нисколько не заботится о *правдоподобіи* дѣлаго. Сцены, веденныя чрезвычайно тонко, связаны весьма плохо «между собою; онѣ кончаются и начинаются ех abrupto; иногда «беззаботность автора, какъ *будто нарочно*, разрушаетъ иллюзію, «произведенную истинною описаніемъ и естественностью разговора».

Тутъ, съ позволенія г. Мериме, что ни слово, то самая грубая и дѣтская ошибка: почему художникъ, создающій личности такъ, что вы съ этими личностями знакомы—сходенъ *только* съ Теньеромъ и Калло?... Что такое значить связывать подробности съ дѣйствіемъ?—Какимъ образомъ нѣтъ *плана* въ Ревизорѣ и въ Мертвыхъ Душахъ,—и какой можетъ быть иной планъ, кроме выходящаго изъ психологическихъ данныхъ натуръ взятыхъ авторомъ героевъ, и какой иной *планъ* встрѣтите вы у величайшаго изъ художниковъ Шекспира? Наконецъ—что разуметь подъ *правдоподобіемъ* г. Мериме? Если — жертвую копировку явленій дѣйствительности, то конечно ни у Гоголя, ни у Шекспира такого правдоподобія вы не отыщете—да и ни тотъ, ни другой о такомъ, весьма дешевомъ, правдоподобіи не заботились. Мериме подозреваетъ, что это правдоподобіе нарушается *какъ будто нарочно*, — и очень жаль, что онъ въ этомъ не убѣдился, т. е. очень жаль, что онъ и не вдумался поглубже въ характеръ Гоголевскаго юмора.

Не менѣе странны и сравненія Гоголя съ Рабле и съ Бальзакомъ, которыя дѣлаетъ Мериме. Вообще, главная ошибка заключается въ томъ, что Гоголь принять Французскимъ критикомъ за сатирика. «Онъ «не видитъ—говоритъ Мериме—хорошей стороны ни въ людяхъ, «ни въ предметахъ: это не значить, что бы онъ былъ невѣрнымъ «наблюдателемъ,—но въ его очеркахъ нравовъ выражается извѣстное предрасположеніе къ дурному и грустному. Безъ сомнѣнія, «давно эти несчастныя стѣхи существуютъ и даже слишкомъ существуютъ въ природѣ—но именно потому-то, что встрѣчаешь ихъ «часто, не следовало бы предаваться изысканію ихъ съ такою ненасытною жадностью.—Гоголь въ своихъ сочиненіяхъ показываетъ

«намъ только глупцовъ, если не представляетъ бездѣльниковъ, достойныхъ виставцы. У всѣхъ сатириковъ—одинъ и тотъ же недостатокъ: они всюду видятъ только ту дичь, за которой охотятся, и имъ не слѣдуетъ вѣрить на слово. Напрасно Аристофанъ употребляетъ все усиліе своего прекраснаго генія для того, чтобы чернить своихъ соотечественниковъ—онъ не заставитъ насъ «разлюбить Аѳинянъ временъ Перикла».

Боже! сколько въ этихъ немногихъ строкахъ и близорукости, и дѣтской наивности, и даже—отсутствія эстетическаго такта. Гоголь—живописецъ дурной стороны людей и предметовъ, Гоголь—сатирикъ! Послѣ этого, не правъ ли былъ нашъ поэтъ, оплакивая скорбно удаля писателя, осужденнаго изображать мелочь жизни—не въ правъ ли былъ онъ назвать незримыми для міра тв жгучія слезы, которыя лилъ онъ сквозь зримый міру смѣхъ; Гоголь—ищетъ (замѣтьте—ищетъ, когда, какъ художникъ истинный, онъ творить непосредственно)—дурной и грустной стороны—тотъ самый Гоголь, который создалъ красоту Аннуціаты, который создалъ Галю, который чувствуетъ все въ природѣ для другихъ недоступное, который самаго Чичикова заставлялъ задуматься при встрѣчѣ съ блондинкою—Гоголь, который весь исполненъ любви къ красоте, который понимаетъ глубже и яснѣе всѣхъ вліяніе красоты.

Повторяемъ опять—на всѣ такія сужденія стыдно было бы возражать, если бы они появились въ статьѣ одного изъ нашихъ критиковъ, глумившихся надъ Мертвыми Душами, и надъ Мало-россійскимъ Жартомъ поэта, но статья напечатана въ *Revue des deux mondes*, статья подписана именемъ одного изъ даровитѣйшихъ современныхъ писателей. Конечно, Мериме не виноватъ въ томъ, что плохо знаетъ по-Русски, но виноватъ въ томъ, что, не зная языка народа, взялся писать о великомъ народномъ поэтѣ... Горько и грустно думать, что у насъ найдутся люди, которые съ смѣшною гордостью укажутъ на статью Мериме, обрадуются его близорукимъ похвамамъ, сочтутъ за честь подобный отзывъ...

Ошибаясь, и ошибаясь ребячески, въ основахъ своего взгляда, Мериме еще забавнѣе ошибается въ отношеніи къ частностямъ. Изъ повѣстей Гоголя—онъ разбираетъ *Тараса Бульбу*, *Вія*, *Записки сумасшедшаго* и *Старосвѣтскихъ помѣщиковъ*. Эти разборы такъ курьезны, что мы рѣшаемся привести ихъ цѣлкомъ,—но, вотъ что, прежде всего, говорить Мериме—вообще о собраніи повѣстей Гоголя.

«Я не знаю хронологического порядка различных произведений Гоголя, но я убежден, что его повести появились прежде других сочинений. Въ нихъ я вижу у автора какую-то неуверенность въ манерѣ—онъ, словно ищетъ ошупью настоящій «родъ своего таланта. И историческій романъ (?), внушенный чтеніемъ Вальтера Скотта, и фантастическая легенда, и психологическій этюдъ и сентиментально-шутовская (grotesque) картина нравовъ—все есть въ этомъ собраніи, которое, благодаря переводу г. Вярдо, встрѣтило такой лестный пріемъ со стороны Французской публики. Если моя догадка справедлива, — авторъ *«нѣкоторое время спрашивалъ самаго себя, кого звать ему образцемъ—Стерна, Вальтера-Скотта, Шамиссо или Гюбмана».*

На сколько справедлива догадка Французскаго критика, предоставляемъ судить всѣмъ и каждому, и перейдемъ къ его частному анализу.

Кто бы могъ подумать, что даровитый, объективный авторъ Жаккеріи съ ея *живыми* лицами, съ ея *оборотнями* (loup-garou), съ ея *отцею* *Іоанномъ*, съ ея феодалными баронами и смѣлыми искателями приключеній, Жаккеріи, которая вся состоитъ изъ сценъ энергическихъ до дикости, — чтобы авторъ хроники времени Карла IX, такъ просто и художественно воспроизводящій эпоху, не понялъ и не оцѣнилъ Тараса Бульбы?... Кому пришло бы въ голову, что борьбу Запорожцевъ за вѣру и независимость смѣшиваетъ онъ съ обыкновенными разбоями, — а между тѣмъ, это такъ. Вотъ что говорить онъ о высокой, кипящей молодою силою поэзіи:

«*Тарасъ Бульба*—первая повѣсть въ этомъ сборникѣ и самая длинная, потому что занимаетъ собою двѣ трети тома: это—живая, «и, сколько мнѣ кажется, вѣрная картина нравовъ Запорожцевъ («Zarogogues), этаго страннаго народа, которому Вольтеръ посвятилъ нѣсколько строчекъ въ своей исторіи Карла XII». — И вслѣдъ за тѣмъ, по этому *достоверному* источнику, Французскій критикъ принимается рисовать картину жизни Запорожцевъ. «Наши «филибуштеры XVII вѣка» — говорить онъ между прочимъ — «имѣютъ много сходныхъ чертъ съ Запорожцами — исторія тѣхъ «и другихъ представляетъ равно чудеса храбрости и звѣрской жестокости.»

И вотъ какъ смотритъ Мериме на Тараса:

«*Тарасъ Бульба* — одинъ изъ этихъ героевъ, съ которыми, «какъ говоритъ студентъ Шиллера, сношенія возможны только «тогда, когда держишь въ рукахъ заряженное ружье. Я принад-

«лежу къ числу тѣхъ, которые весьма не прочь отъ разбойниковъ, т. е. не то, что бы я любилъ встрѣчать ихъ на дорогѣ, — но, противъ моей собственной воли, энергія этихъ людей въ борьбѣ съ цѣлымъ обществомъ внушаетъ мнѣ удивленіе и сочувствіе, которыхъ я самъ стыжусь. Я нѣкогда съ восхищеніемъ читалъ «исторіи о знаменитыхъ разбойникахъ» — и даже теперь готовъ пофрестить ихъ безъ скуки. Но разбойники разбойниками рознь. Я нахожу, что слава этихъ господъ тѣмъ больше выигрываетъ, чѣмъ она съживе. Настоящіе разбойники всегда заслоняютъ собою мелодраматическихъ, и послѣдній повышенный непременно застигиваетъ славу всѣхъ своихъ предшественниковъ. Нынче, ни «Момбаръ», ни Тарасъ Бульба, не могутъ возбудить такого интереса, какъ Муссоні, который недавно выдерживалъ въ волчьей лѣтв регулярную осаду противъ ста пятидесяти человекъ».

Понятно, что если только съ такой точки зрѣнія взглянуть на стараго полковника Тараса, творящаго поминки по Остапѣ, то вся поэзія лица исчезнетъ. Понятно также, почему Мериме, взглянувши на дѣло такъ, видитъ разногласіе между тономъ поэмы и ея предметомъ.

«Г. Гоголь — говоритъ онъ въ заключеніе — нарисовалъ блестящіе портреты Запорожцевъ, и эти портреты нравятся по самой своей «странности (!), — но видно часто весьма ясно, что *рисовалъ* онъ ихъ не съ натуры (?). Кроме того, эти очерки нравовъ заключены въ такую *тривиальную* и романтическую раму, — что становится досадно за самые эти очерки: самая прозаическая легенда была бы болѣе уместна, чѣмъ эти сцены мелодрамы — съ голодомъ, казнями и проч. Наконецъ, чувствуешь какъ то, что авторъ на «ложной стезѣ»: манера его запутана, и тонъ его, постоянно ироническій производитъ крайне непріятное впечатленіе.»

Опять спросишь себя невольно: точно ли авторъ Жаккеріи и хроникъ временъ Карла IX пишетъ эти строки?

Гораздо снисходительнѣе Мериме къ повѣсти *Видъ*, но отъ подробнаго разбора ея онъ уклоняется съ истинно французскою легкостью.

«Эта манера, которая, по моему мнѣнію, составляетъ совершенное противорѣчіе въ нѣкоторыхъ частяхъ Тараса Бульбы, — гораздо уместнѣе въ *Видъ*, — *histoire-de sorcellerie qui amuse et effraie*, «Гротескъ и чудесное соединяются весьма удобно одно съ другимъ. Зная глубоко основныя начала пѣвтики этого рода произведеній, авторъ, описывая дикіе и странные нравы казаковъ стараго вре-

«мнѣ съ своими обыкновенными сжатостью и точностью, *искусно* «подготавливать къ колдовству. Известенъ всѣмъ рецептъ для сочиненія хорошей фантастической сказки — начните съ портретовъ, «самыхъ точныхъ, странныхъ, но возможныхъ лицъ, и сообщите чертамъ ихъ действительность до самыхъ мелочныхъ подробностей. Отъ «страннаго къ чудесному — переходъ нечувствительный, и читатель попадетъ въ область фантастическаго прежде, чѣмъ успѣетъ «замѣтить, что оставилъ далеко позади себя міръ действительный».

Не можемъ не остановиться на этихъ словахъ, поражающихъ само-довольствомъ общихъ мнѣй. Спрашиваемъ читателей, чѣмъ философы Хома Брутъ и казакъ Дорошъ—*стираніе* другихъ лицъ повѣстей Гоголя, и имѣлъ ли какой-либо расчетъ простодушный, какъ истинный поэтъ, авторъ Віа... Странное дѣло! *такъ* говорить о фантастическомъ вообще и о фантастическомъ въ Віа—авторъ *Венеры Ильской*, одинъ изъ немногихъ писателей, которымъ фантастическое въплоть удавалось.

Но особенно забавной кажется намъ уловка, посредствомъ которой Мериме отдѣливается отъ разбора Віа.

«Я не возьмусь никакъ анализировать Віа (Le roi des Gnomes)—говоритъ онъ,—вотъ наступаетъ настоящая минута читать его, въ «деревнѣ, у камелька, въ ненастную осеннюю ночь. По прочтеніи—необходима будетъ въ известной степени твердость для «того, чтобы добраться до своей комнаты черезъ длинныя корри-«доры, когда вѣтеръ и дождь стучать въ окна. Теперь, когда «фантастическое Немецкое немного уже устарѣло, фантастическое «казацкое—можетъ имѣть новаго рода прелесть, и въ особенности «достоинство не быть похожимъ ни на что прежнее. *Это, думаю я — «не совсѣмъ обыкновенная похвала*».

«*Записки сумасшедшаго* (L'histoire d'un Fou) вмѣстѣ — и «сатира на общество (?) и сентиментальный рассказъ—и медицинпо-«юридическая (??) этюда феноменовъ, представляемыхъ прихо-«дящею въ разстройство человѣческою головою. Я нахожу эту «мастерскою и весьма графически изложенною, говоря словами «Мольерова Діафуруса, — но я не люблю *этого* рода: сум-«асшествіе—одно изъ такихъ несчастій, которыя трогаютъ, но «производятъ *отвращеніе*. Разумѣется, впрочемъ, авторъ, вводя въ «свой романъ сумасшедшаго, можетъ ручаться за успѣхъ. Онъ «касается струны, всегда чувствительной, но средство—слишкомъ «обычайно, и талантъ г. Гоголя не изъ числа такихъ, которымъ «нужно прибѣгать къ этимъ *тривиальностямъ*. Сумасшедшихъ «должно предоставить начинающимъ, равно какъ и собакъ, средство—

съ такимъ же дознаннымъ эффектомъ: удивительная заслуга исторгнуть слезы у читателя, переломивши лапу собаки.»

Это было бы справедливо, если бы сѣумасшедшій Гоголь былъ на сценическій эффектъ, но такъ какъ на этотъ жалкій эффектъ поэтъ не рассчитывалъ, то остроуміе рецензента потрачено даромъ; да и не объ остроуміи надобно было заботиться, говоря о такомъ произведеніи, какъ «Записки сѣумасшедшаго».

О старосвѣтскихъ помѣщикахъ однѣ общія мѣста.

Разсмотрѣвши такъ поверхностно повѣсти Гоголя, Мериме приступаетъ къ Мертвымъ Душамъ: «*дивится* (какое странное сочувствіе съ нѣкоторыми изъ нашихъ критиковъ!), почему это произведеніе названо поэмою, рассказываетъ ихъ вѣншее содержаніе, и приводитъ цѣликомъ переводъ сцены съ Коробочкой. До какой степени наскоро прочтены. Французскимъ критикомъ «Мертвыя Души», доказывается тѣмъ, что онъ относитъ ихъ къ роду пикарическихъ романовъ, (прототипъ которыхъ Жиль-Блазъ), и въ Чичиковѣ не видитъ ничего болѣе, кромѣ обыкновеннаго мошенника. По странному-же сочувствію съ нашей критикой, онъ, за завязку поэмы, обвиняетъ нашего поэта въ отсутствіи *правдоподобія*. Вообще, Мериме, къ удивленію нашему, вовсе не понимаетъ ни юмора вообще, ни того гиперболическаго юмора, который составляетъ характеръ Гоголевскаго гениа. Чтожъ бы сказалъ онъ относительно правдоподобія, если-бы познакомился съ Носомъ Майора Ковалева, разгуливающимъ по Невскому проспекту въ чинѣ Статскаго Совѣтника, съ Иваномъ Ивановичемъ и Иваномъ Никифоровичемъ — съ этими чадами могучаго, цѣнстощаго юмора, столько же свободнаго и безграничнаго въ своемъ творчествѣ, какъ юморъ, создавшій *Сонъ въ лѣтнюю нѣчь*, Зимнюю сказку и Бурю...

Наконецъ Мериме излагаетъ содержаніе Ревизора, и довольно вѣрно, хотя крайне односторонно опредѣляетъ общественное значеніе комедіи Гоголя: все въ Ревизорѣ кажется ему слишкомъ мрачнымъ и сатирическимъ. Да и нельзя быть иначе: ошибившись разъ въ основной точкѣ зрѣнія, и отправившись съ этой ложной точки, критикъ смотритъ на частности подъ тѣмъ же угломъ. Что касается до перевода приводимыхъ мѣстъ изъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» — то этотъ переводъ, отъ усилія быть буквально вѣрнымъ, становится часто уморительно смѣшнымъ.

Европейцы — наши учителя во многомъ. Такъ! но если учителя явно *ошибаются* въ чемъ-либо (чтобы не сказать неучтивѣе), неужели ученики обязаны молчать? Слава Богу — мы купили цѣлымъ вѣкомъ подражанія право на самостоятельность взгляда! Г.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНІЧНЫЯ.

Минувшаго 14 Сентября умеръ Фениморъ Куперъ, въ родовомъ помѣстьѣ своемъ Куперстонѣ.

Американскіе журналы сообщаютъ это печальное извѣстіе, вмѣстѣ съ жизнеописаніемъ знаменитаго писателя; только пребываніе его въ Европѣ описано не довольно подробно. Одинъ изъ французскихъ журналовъ, пополняя этотъ пропускъ, рассказываетъ замѣчательный случай съ Куперомъ въ Венеціи. Мы перескажемъ это происшествіе, прослѣдивъ вкратцѣ жизнь Американскаго Вальтеръ-Скотта.

Джемсъ Фениморъ Куперъ происходитъ отъ предковъ чистой Американской крови. Отецъ его, человекъ достаточный, былъ судьей. Еще почти въ малолѣтствѣ Джемсъ Куперъ поступилъ на службу во флотъ, и первый такъ вѣрно описалъ бытъ моряка. Желаніе привести въ систему свои наблюденія заставило его рано покинуть службу: чрезъ шесть лѣтъ по вступленіи, въ 1811 году, онъ вышелъ въ отставку. Вскорѣ потомъ онъ женился, и сначала поселился въ окрестностяхъ Нью-Йорка, а потомъ въ родовомъ имѣніи своемъ Куперстонѣ, гдѣ онъ сочинилъ большую часть своихъ романовъ и гдѣ онъ умеръ 62 лѣтъ отъ роду, оставя неоконченнымъ романъ о Калифорніи.

Въ этомъ сельскомъ, полудикомъ уединеніи развивалъ онъ предъ глазами Европы панораму любопытнаго, незнаемаго ею свѣта. Окруженный дѣйственными лѣсами и необозримыми степями Америки, будучи въ постоянномъ сношеніи съ первобытными владѣльцами этой страны, онъ изучилъ въ этой исключительной жизни суровый и ужасающій колоритъ неподражаемыхъ картинъ, которыми мы любовались въ его романахъ: *Шпіоны*, *Пионеры*, *Американскіе степи*, *Послѣдній изъ племени Могикановъ*, и проч. Потомъ рассказалъ онъ намъ жизнь Американскаго моряка въ рома-

нахъ: *Красный Корсеръ*, *Два адмирала* и пр. Въ этихъ сочиненіяхъ, истина положеній, разнообразіе, вѣрность личностей и слога ставятъ его гораздо выше Смолета, тогдашняго знаменитаго англійскаго романиста въ этомъ родѣ. Американцы имѣли уже въ то время замѣчательныхъ романистовъ: *Карла Брокденъ-Броуна*, *Бэрда*, *В. Ирвинга*, *Фел* и *Г-жъ Франси*, *Седжвикъ*, *Гаррисонъ Смитъ* и пр., но Фениморъ Куперъ, съ третьяго своего романа, далеко превзошелъ ихъ всѣхъ. Когда слава его была въ апогее не только въ Америкѣ и Англіи, но въ цѣлой Европѣ, и сочиненія его переводились на всѣ языки, онъ вздумалъ посѣтить нашъ материкъ. Въ 1826 году онъ отправился въ Англію, медленно проѣхалъ чрезъ Францію въ Венецію, гдѣ изученіе совѣта десяти и собранія государственныхъ инквизиторовъ, внушило ему прекрасный романъ: *Венеціанскій Браво*.

Въ Парижѣ Фениморъ Куперъ жилъ въ гостиницѣ при Антенской улицѣ. Торопясь ознакомиться съ бытомъ, политикою, обычаями, искусствами и литературою Европы, онъ проводилъ дни свои въ библіотекѣ чтенія, на Капуцинскомъ бульварѣ; читалъ тамъ журналы, брошюры, *Revue*s, и очень скоро усовершенствовался въ Французскомъ языкѣ, писалъ на немъ не дурно, хотя не очень бойко говорилъ. Содержательница библіотеки, хорошенькая собой и умная говорунья, передавала ему Парижскіе толки, рассказывала случаи и происшествія, и чрезъ три мѣсяца Куперъ довольно уже ознакомился съ Французами.

Въ это время знаменитый Американскій писатель подружился съ молодымъ поэтомъ, впоследствии сочинителемъ романовъ, а нынѣ замѣчательнымъ археологомъ, г-мъ Фюльжансъ Жираромъ. Они встрѣтились у Карла Нодье. Жираръ былъ сынъ флотскаго офицера, который долго находился военно-пленнымъ у Англичанъ, на ихъ ужасныхъ, отвратительныхъ понтонахъ (*). Это обстоятельство укрѣпило ихъ связь. Они по цѣлымъ часамъ просиживали вмѣстѣ, разговаривая о литературѣ, о морскихъ путешествіяхъ, и возвращаясь въ Америку, Куперъ въ одномъ изъ своихъ предисловій изъясняетъ свою признательность и дружбу юному писателю за его содѣйствіе въ Европейскомъ воспитаніи историка Американской жизни. Отъѣзжая въ Италію, Куперъ, по приглашенію Жирара посѣтилъ вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторые гавани Нормандскаго и Бретонскаго береговъ: Гавръ, Шербургъ, Сентъ-Мало. Отсюда Куперъ возвратился въ Гранвилъ, въ Аврашшъ и въ подробности осмотрѣлъ Монъ-Сенъ-Мишель, эту друидическую гору, монастырь,

(*) Отслужившіе срока и негодные къ плаванію, разнащенные корабли.

эту государственную тюрьму, которой Г. Жираръ былъ въ послѣдствіи историкомъ, сдѣлавшимся известнымъ ученому міру, по его тщательнымъ археологическимъ изысканіямъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ помѣстьяхъ своего спутника, Куперъ отправился въ Итацію. Въ Венеціи съ нимъ случилось странное происшествіе, описанное имъ въ письмѣ къ Г. Жирару.

Рѣшившись написать романъ изъ событій древней Венеціи, Куперъ съ большою наблюдательностію осматривалъ дворецъ Дожа. Однажды онъ спустился въ подземныя темницы Совѣта десяти, которыя называютъ колодцами (i Pozzi). Замѣтилъ множество надписей, покрывающихъ стѣны этихъ темницъ, Куперъ просилъ проводника остановиться тамъ на нѣсколько времени, съ тѣмъ чтобы списать нѣкоторыя изъ надписей. Проводникъ, которому всѣ эти примѣчательности давно уже надоели, увѣрилъ своего гостя, что онъ можетъ вдоволь наслаждаться этимъ удовольствіемъ, и вышелъ, обѣщая явиться за нимъ немного позже. Съ лампою въ рукъ Куперъ принялся разсматривать надписи, разбирая и списывая съ возрастающимъ любопытствомъ живые памятники и знаменитыхъ и безвѣстныхъ узниковъ, проклинавшихъ тамъ, въ безсильномъ ожесточеніи, беспощадную вѣсѣ, присудившую ихъ къ этому подземному, часто пожизненному заключенію. Куперъ первый открылъ славную надпись, которая такъ философически живописуетъ страданія какой-то жертвы измѣны; темный уголокъ тюрьмы и пыль одного или двухъ вѣковъ, скрывали до тѣхъ поръ надпись эту отъ любопытства посетителей, и она не была обнародована:

«Di quello a cui m'affido, mi guarda Iddio

«Di quello a cui non m'affido, mi guardero, io!»

Это значить въ буквальномъ переводѣ: *отъ того, кому я доверяю, сохраняетъ меня Богъ, отъ того, кому не доверяю, я сохраню себя самъ*. Эта надпись включена въ письмо, о которомъ мы говорили и въ которомъ подробно описано цѣлое происшествіе. Возвратимся къ разсказу.

Нѣсколько часовъ прошло въ розыскахъ по разнымъ отдѣленіямъ длиннаго коридора *колодцевъ*, еще болѣе ужасныхъ, нежели звонныя *piombi*, которыми покрытъ цѣлый верхъ дворца. Наконецъ тусклый свѣтъ лампы, въ которой масло почти совсѣмъ выгорѣло, припомнилъ Куперу, что много времени быстро протекло въ розыскахъ, и онъ подумалъ о возвращеніи. Но напрасно искалъ онъ проводника, звалъ его, — нѣтъ отвѣта. Дверь коридора, къ которому примыкали *колодцы*, была заперта, и обигая желѣзомъ, такъ была толста, что удары по ней едва были слышны. Полагая,

что за нимъ непременно прійдутъ, Куперъ забылся еще на пятое время въ своихъ розыскахъ, по взглянувъ на часы при умиравшемъ свѣтѣ лампы, онъ увидѣлъ, что уже шесть часовъ находитъ въ сихъ темницахъ, и мысль, что о немъ забыли, сильно его встревожила. Въ письмѣ своемъ къ Жирару Куперъ такъ живо изображаетъ ужасъ своего положенія, что читатель невольно раздвѣляетъ его.

Вечеръ прошелъ... Никто о немъ не хватился. Вместе съ потухающимъ днемъ погасла и его лампа. Сильно взволнованный, ощупью добрался онъ до одной изъ тюремныхъ коекъ и провелъ на ней безсонную, безпокойную ночь. Наконецъ блѣдный лучъ разсвѣта прокрался сквозь двойныя частыя рѣшетки тюремнаго окна, выходящаго на пустынной, каналъ, чрезъ который перекинуть *мостъ вздохомъ*. Двадцать разъ подходилъ нашъ случайный узникъ къ двери; она казалась ему также непроходимой, какъ самыя стѣны. После продолжительныхъ поисковъ выхода, увидѣлъ онъ въ углу одной темницы, маленькое отверстіе, возлѣ мраморныхъ креселъ, на которыя сбиры сажали арестанта, приговореннаго Совѣтомъ десяти къ тайному удушенію въ тюрьмѣ, и котораго трупъ, съ грузомъ камней, клали потомъ въ гондолу и вывозили въ славный каналъ Орфано, гдѣ было запрещено закидывать неводъ. Засунувъ руку въ это отверстіе, Куперъ убѣдился, что оно глубоко идетъ вверхъ, и догадывался, что оно должно сообщаться съ какою-либо верхнею частію этого таинственнаго зданія. Онъ попалъ на мысль, что это можетъ быть акустическій словопроводъ, родъ огромнаго рупора, и приставя уста къ отверстію, началъ кричать. И это средство оставалось безуспѣшнымъ; никто не откликнулся на зовъ его, никто не пришелъ освободить его изъ плѣна. Однакоже, онъ продолжалъ, время отъ времени, кричать въ это отверстіе, а въ промежутки искалъ выхода и стучалъ въ дверь.

Утомленный безпокойною ночью, лишенный, въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ, пищи, уступая впечатлѣнію производимому этими мрачными стѣнами и ужасающими эпизодами исторіи этаго дворца, невольно тѣснившимися въ его память, нашъ любопытный путешественникъ находился въ безнадежномъ, попятномъ для читателя положеніи.... Какъ вдругъ дверь коридора съ шумомъ отворилась, и пять или шесть человекъ вошли съ факелами въ рукахъ. Они нашли Купера сидящимъ въ мраморныхъ креслахъ, съ которыхъ онъ первый всталъ безъ чужой помощи.

Вотъ что случилось: сторожа, которые служатъ проводниками по подземнымъ и подкрышнымъ тюрьмамъ дворца, сгіняются

каждые четыре часа. Тотъ который проводилъ Американскаго писателя въ колоды, вскорѣ потомъ смѣнился и забылъ сказать смѣнившему его о своемъ узникѣ. Долго пришлось бы ожидать ему освобожденія, еслибы крикъ его въ отверстіе не былъ услышанъ иностранцами, осматривавшими кабинетъ великаго инквизитора, куда проведенъ этотъ мраморный рупоръ, для доклада объ исполненіи казни надъ приговоренными къ тайной смерти въ мраморныхъ креслахъ. Услышавъ крики, выходящіе изъ стѣны, проводники, знающіе внутреннее расположеніе темницъ, поняли все дѣло и пришли освободить заключеннаго. Куперъ признается въ письмѣ своемъ, что онъ едва могъ преодолѣть обморокъ, когда его вывели на *Гигантскую лестницу* дворцоваго фасада.

Жираръ намѣренъ вскорѣ помѣстить въ какомъ-нибудь журналь *Очерки изъ жизни Купера*. Теперь онъ печатаетъ въ *Siècle Хронику Французскаго флота*.

Возвратясь въ Америку, Фениморъ Куперъ издалъ свои путешествія: *Попѣдка въ Швейцарію; Пребываніе во Франціи; Воспоминанія о Европѣ; Англія; Попѣдка въ Италію*, и нѣсколько романовъ: *Венеціанскій браво, Возвращеніе въ отчизну, Мерседесъ Кастильская, Автобіографія носоваго платка и проч.* Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ замѣтно вліяніе, произведенное путешествіями на его талантъ, который потерялъ, можетъ быть, много прежняго своеобразія въ описаніяхъ чужеземныхъ событій. Куперъ сдѣлалъ большую ошибку, вмѣшавъ въ нѣкоторыя изъ послѣднихъ своихъ романовъ политику, отъ чего они скоро состарѣются. Письма его объ *Американскихъ учрежденіяхъ и Исторіи флота Соединенныхъ Штатовъ*, помиривъ его съ соотечественниками, которые съ сожалѣніемъ видѣли, что живописецъ ихъ великой природы принялся за рассказы о Европѣ. Последнее сочиненіе Купера *The ways of the How* написано въ 1850 году. Всѣ сочиненія Купера составляютъ болѣе восьмидесяти томовъ, изъ коихъ двадцать могутъ стать на ряду съ лучшими произведеніями Вальтеръ Скотта. Нельзя не отдать справедливости сочиненіямъ Купера относительно нравственности. Каждое изъ нихъ можетъ улаживать досуги семейнаго круга, безъ опасности для юныхъ умовъ. Это достойно замѣчанія въ развращенную эпоху нашей литературы. Куперъ оставилъ трехъ сыновей; старшій занимаетъ почетное мѣсто въ Американскомъ флотѣ. Литературные труды увеличили родовое имѣніе покойнаго писателя, и онъ оставилъ дѣтямъ богатое состояніе, бывъ въ этомъ отношеніи счастливѣе Вальтеръ-Скотта, которой подъ конецъ разорился, какъ известно.

Поговоримъ теперь о Парижѣ. Лѣтніе бѣглецы начинаютъ мало по малу съѣзжаться; въ ожиданіи, пока соберутся стаи столичныхъ охотниковъ, путешественниковъ и любителей заставной природы, столицу оживляютъ провинціалы. Въ театрахъ, въ ресторацияхъ, на гуляньяхъ, только и видно, что черные фраки этого допотопнаго поколѣнія. Для нихъ-то театры даютъ прошлогоднія пьесы, сберегая къ Декабрю новости, предназначенныя для взыскательнаго Парижанина. Между тѣмъ закрывшіеся театры поочередно открываются. Недавно открылся *Одеонъ*, который теперь, какъ кажется, на хорошей дорогѣ, и на дняхъ даетъ какую-то шумную драмму Леона Гозлана. Вслѣдъ за Одеономъ открыта *Національная опера*, потомъ *Водевиль*. *Амбигю*, который бываетъ тоже что закрыть, когда нѣтъ на афишѣ г-жи Гюбонъ, готовитъ драму, гдѣ будетъ играть эта знаменитая артистка. Италіянскіе спектакли начались 14 числа. Въ Ноябрь откроютъ театръ Сень-Мартенскихъ воротъ, поступившій подъ дирекцію г. Марка Фурнье, человека способнаго и достаточнаго, а въ подобныхъ предпріятіяхъ эти два достоинства необходимы. Впрочемъ для всѣхъ директоровъ Парижскихъ театровъ есть общее правило: талантъ ихъ состоитъ въ умѣнь разорваться какъ можно медленнѣе. Правило это всѣмъ извѣстно, но оно никакъ не мешаетъ многимъ жертвовать своими капиталами. Это любопытная черта современныхъ обычаевъ. Въ мысли быть директоромъ театра есть что-то обаятельнаго. Нѣтъ ни одного стараго торговца колоніальными товарами, по копейкамъ скопившаго капиталъ продажей перцу и лимонновъ, который, остави торговлю, и скражничая въ домашнемъ быту, не отдастъ всего своего состоянія, за право важно расхаживать за кулисами, гдѣ красуются нагія плечи актрисы!

Вотъ почему, три обанкрутившіеся театра: національная опера (б. Историческій), Водевиль и театръ Сень-Мартенскаго вѣзда, снова открываются съ великолѣпьемъ и блескомъ. Зала *Водевиля* раззолочена за-ново; все свѣжо, все прекрасно. Труппа многочисленна. Первый спектакль начался прологомъ, въ которомъ двадцать артистокъ пѣли и танцовали. Потомъ давали *Уистити* (*Ouistiti*). Вотъ содержаніе этой пьесы. У одной Испанской Королевы была любимица—обезьяна; обезьяна околѣла, — Королева неутѣшна... Сынъ Французскаго посланника намазалъ себѣ лице сепіей и подъ видомъ молодаго Индѣйца берется разсвѣтъ грусть Королевы. Ему это удается. Онъ заставляетъ Королеву подписать важныя политическіе акты; — это показалось публикѣ страннымъ, — начали шикать.

Между тѣмъ Карлъ II, по словамъ сочинителей водевилъ, имѣетъ врожденное отвращеніе отъ кошекъ. Кромѣ того, какъ кажется, онъ имѣлъ также отвращеніе отъ своей супруги, Луизы Орлеанской. Въ третьемъ актѣ, Франціи понадобилось, чтобы сынъ Филиппа IV не проникъ въ покои Королевы, отъ чего могло бы возникнуть препятствіе къ наслѣдію королевскаго престола Герцогомъ Анжуйскимъ, внукомъ Людовика XIV. (сколько великихъ именъ на такую мелочность). Что же выдумала г-жа Дежазе, чтобы испугать знаменитаго супруга и удалить его отъ брачнаго ложа? Она притворилась кошкой. *Мю, Мю!* раздалось изъ спальни. Публика, въ свою очередь, притворилась дроздомъ и начала свистать. Занавѣсъ падаетъ, а вмѣстѣ съ нимъ упала и пьеса. На другой день пьеса появилась съ большими измѣненіями, и г-жа Дежазе также измѣнилась: она предстала предъ публикою *au naturel*, то есть безъ намазки на лицѣ, по крайней мѣрѣ безъ темной намазки. Поправки были удачны, пьеса поправилась,—но все еще не хороша!

Г-жа Дежазе всегда хороша, и даже въ этой плохой пьесѣ умѣла снискать одобреніе. Она давно пережила ту эпоху жизни, въ которую не спрашиваютъ женщинъ о лѣтахъ, и все еще въ ея игрѣ такъ много энергіи, увлеченія, живости. Все что она поетъ, она поетъ со вкусомъ, такъ что въ ея устахъ нравятся даже пошлые, избитые водевильные куплеты. Благодаря поправкамъ и игрѣ г-жѣ Дежазе, Уистити можетъ подержаться на сценѣ, впредь до будущей новости.

Дѣвица Дельфина Фиксъ, *jeune première*, прекрасная собою и отличная актриса, будетъ, какъ говорятъ, ангажирована на С. Петербургскую сцену. Парижане очень полюбили этотъ замѣчательный талантъ, и искренно будутъ сожалѣть о ея отъѣздѣ.

Одеонъ ожилъ по милости новаго директора, г-на Альтароша. Лепептръ привлекаетъ туда публику. Тамъ готовятъ важныя новосты: драмму г. Гозлана, высокую комедію Леона Гильера, автора *Кларисы Гарло*, и *Bal du prisonnier*, въ которомъ такъ единодушно аплодируютъ Брессану. Г-жа Угальдъ играла въ оперѣ *Дочь 2-го полка* на сценѣ *Комической оперы*, межъ тѣмъ какъ Рокепланъ намѣревался показать въ этой роли Альбони. Крувелии также готовится выступить въ этой роли на театрѣ Вантодуръ.

Г-жа Рашель, не имѣла успѣха въ Венеціи. Журналъ *Lombardo Veneto* (24 и 26 Сент.) подтверждаетъ эти слухи. Даже въ *Horace* и въ *Phedre*, лучшихъ ея роляхъ, она не произвела большого впечатлѣнія, а въ *Adrienne Lecouvreur* и *Mademoiselle de Belle-Isle*

вовсе не понравилась. Кого же винить, знаменитую артистку? безъ сомнѣнія не ее. Виногато въ томъ самолюбіе италианцевъ, безотчетно восхищающихся своими артистами: Пелланда, Интернари, Ристори, а въ особенности Модена. Въ Lombardo Veneto разбирають игру г-жи Рашель въ этихъ четырехъ пьесахъ. Но нападенія журналиста не повредятъ славѣ Гермионы, призванной образованнымъ вкусомъ, и критики безсмертной Авзоніи не обезсмертятъ себя пристрастными выходками.

Г-жа Рашель напоминаетъ намъ Эмилию Гюйонъ, которую прозвали въ Парижѣ Рашелью *театра бульваровъ*. Похвала эта имѣетъ цѣну только какъ доказательство расположенія публики. Г-жа Гюйонъ, въ избранномъ ею родѣ, можетъ стать на ряду со всеми драматическими знаменитостями. Говорятъ, что г. Маркъ Фурнье предлагаетъ заплатить значительную неустойку по контракту г-жи Гюйонъ съ театромъ Амбигю, чтобы переманить ее на сцену театра Porte Saint—Martin. Говорятъ, что *Валерія*, эта соблазнительная драма, возмущившая столько Иезуитовъ въ круглыхъ платьяхъ, перейдетъ съ *Французскаго театра* на *Сент-Мартенскій*, и что г-жа Гюйонъ замѣнитъ въ этой пьесѣ г-жу Рашель. Утверждаютъ также, что Викторъ Гюго обязался дать г-ну Фурнье драмму, которую онъ до случая держитъ въ портфелѣ, если эта артистка, для которой Казимиръ Делавинъ написалъ *La Fille du Cid*, а Фридерикъ Сулье *La closerie des genets* оставитъ, Амбигю для театра Фурнье. Но отъ предположеній до исполненія еще далеко, а между тѣмъ г-жа Гюйонъ привлекаетъ публику въ свой театръ драмою Гг. Анисе Буржуа и Мишель Массонъ, подъ заглавіемъ: *Marthe et Marie*. Вотъ что пишутъ объ этомъ спектаклѣ:

Драма сочинителей *Марианны* и вступленіе знаменитой артистки, которую можно назвать царицею бульваровъ, вполне оправдываютъ любопытство и симпатію публики. Г-жа Гюйонъ была неподражаемо прекрасна. Громъ рукоплесканій и одобрительныхъ криковъ встрѣтили артистку, которая соединяетъ въ себѣ зрѣлость таланта съ увлекательными прелестями женщины. Рѣдко случалось г-жѣ Гюйонъ играть роль, такъ хорошо прилеженную къ ея драматическимъ способностямъ; никогда красота ея не была такъ ослѣпительно блестящею, какъ въ этой драмѣ, гдѣ она занимаетъ первую роль. Она была трогательна, вдохновлена, неподражаема. Роль Марты—это ея триумфъ.

Отъ закулисныхъ сплетней Парижскихъ театровъ, перейдемъ отъ нихъ къ смерти другой знаменитости, которая играла некогда громкую роль на сценѣ міра: Мы говоримъ о Донъ Мануэлъ, Герцога Алжудіа, Князѣ Мира.

Онъ родился въ Бадаюсъ въ 1767 году отъ благородныхъ родителей. 17 лѣтъ онъ вступилъ въ королевскую гвардію, и скоро сдѣлался любимцемъ Королевы Маріи Луизы и наперсникомъ Короля. Въ 1791 году онъ былъ уже генераломъ и государственнымъ совѣтникомъ, имѣя не болѣе 25 лѣтъ отъ роду. Сдѣлавшись въслѣдствіи первымъ Министромъ, и видя, что Испанія сохраняетъ неутралитетъ въ общемъ волненіи Европы противъ Франціи, Донъ Годой попытался сначала именемъ Короля Карла IV свести Людовика XVI, но Конвентъ рѣшительно отказалъ. Въ войнахъ, послѣдовавшихъ за смертію Короля, Испанія играла роль, указанную ей Дономъ Годоемъ, который безусловно владелъ тогда умомъ Короля и сердцемъ Королевы. Наконецъ и онъ призналъ республику. Въ память Базельскаго трактата, мысль котораго принадлежитъ Годуа, Король пожаловалъ ему титулъ Князя мира, орденъ Золотого Руна и богатое помѣстье. Англія оскорбилась этимъ республиканско-королевскимъ союзомъ, возненавидѣла Князя-Министра и возмущила противъ него фанатизмъ религіозныхъ страстей, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ еще во время первыхъ успѣховъ при дворѣ, возставалъ противъ духовенства. Скоро Донъ Годой вынужденъ былъ бороться съ препятствіями и своего званія и личности.

Будучи любимцемъ Королевы, не чуждой слабостей своего пола, Годой влюбился въ молодую и прекрасную дѣвицу фамиліи Тудо; говорили даже, что онъ былъ съ нею обвѣнчанъ. Королева, встречая ихъ вмѣстѣ, даже подъ окнами дворца, вознегодовала на своего любимца. Годой не сознавался. Марія Луиза, желая уличить его, уговорила Короля, подъ предлогомъ вознагражденія князя за преслѣдованія инквизиціи и несправедливости Англичанъ, предложить ему въ супружество Донну Марію де Валабрига Бурбонъ, дочь отъ моргантическаго брака инфанта Людовика Бурбонъ. Князь не колеблясь принялъ предложеніе, и этотъ бракъ надѣлалъ много шума въ публикѣ. Инквизиція воспользовалась случаемъ, чтобы обвинить князя въ двоеженствѣ, и Король Карлъ IV едва могъ замѣть это дѣло. Нельзя однако же было не пожертвовать министромъ, и онъ вынужденъ былъ удалиться отъ двора. Въ продолженіи временнаго своего изгнанія, онъ велъ жизнь самую роскошную. Когда Наполеонъ, предъ вступленіемъ на императорскій престолъ, началъ безпокоить Испанію, Годой, который, какъ говорятъ, никогда не переставалъ управлять дѣлами, торжественно былъ призванъ ко двору, и былъ назначенъ главноначальствующимъ сухопутными и морскими силами Испаніи. Но человекъ, предки котораго назывались: Тулошъ,

Маренго, Пирамиды, задумывалъ уже послѣгнуть на наслѣдіе Бурбоновъ въ Испаніи, пожелалъ привлечь на свою сторону князя Мира, и вскоре подъ Графальгаромъ заключенъ союзъ съ Пиренейскимъ полуостровомъ. Впослѣдствіи частые разрывы и примиренія довели Испанію до катастрофы 1808 года, когда Король и Королева, лишившись престола, бѣжали изъ Мадрида въ Байонну. Князь Мира, ненавидимый народомъ, едва успѣлъ спастись отъ смерти. Онъ отправился къ Наполеону, а потомъ сопутствовалъ своимъ царственнымъ друзьямъ въ Римъ, гдѣ и жилъ вмѣстѣ съ ними. Они вели странную жизнь въ этомъ городѣ: двѣца Тудо, получивъ титулъ графини де-Кастильо-Фіель, назначена статсъ-дамой Королевы, и жила съ нею подъ одной крышею. Дѣти князя Мира отъ брака съ инфантою Марією-Терезою, оставшеюся въ Толедо, и дѣти его отъ г-жи Тудо, безъ различія, жили вмѣстѣ во дворцѣ герцога Боргезе, въ которомъ обиталъ Карлъ IV. Это оскорбленіе приличій возбудило въ Римѣ много толковъ.

По смерти Короля и Инфанты, законной супруги князя, Годой пріѣхалъ съ г-жей Тудо и всеми своими дѣтьми во Францію. Онъ прібылъ въ Парижъ въ 1839 году подъ именемъ герцога Бассано: этотъ титулъ пожаловалъ ему Папа. По утѣренію Испанскихъ журналовъ, богатства князя заключались въ слѣдующемъ:

Въ Англіи 40 милліоновъ піастровъ, во Франціи 10 мил., въ Генуѣ 20 мил.; въ Коруннѣ и Ферролѣ 10 мил. предназначенные къ переводу въ Англію. Въ рукахъ г-жи Тудо полмилліона у великаго инквизитора одинъ милліонъ; на казнѣ 600,000 франковъ; всего 85 милліоновъ піастровъ. Кромѣ того множество драгоценныхъ камней.

Этотъ богачъ, ненавидимый Фердинандомъ VII, пріѣхалъ во Францію въ чрезвычайно стѣсненномъ положеніи и долженъ былъ издать свои записки, чтобы содержать себя, а правительство нашлось въ необходимости назначить 6,000 франковъ въ годъ, чело-вѣку, который въ теченіи пятнадцати лѣтъ держалъ въ рукахъ своихъ судьбы Испаніи и Индій. Въ Парижѣ смерть его произвела то впечатлѣніе, какое производитъ обыкновенно въ этой столицѣ копчина знаменитостей, коихъ жизнь затихаетъ въ безмолвіи старости и утомленій, то есть, только смерть ихъ возвѣщаетъ многимъ, что они когда-то жили. Князь Мира умеръ 85 лѣтъ отъ роду. Въ цвѣтущее свое время онъ былъ великодушенъ; въ несчастіи добръ, общителенъ и умѣлъ разсказывать о своемъ великомъ прошедшемъ. Двое изъ его дѣтей отъ послѣдняго брака воспитываются въ *Collège Bourbon*; дочь отъ инфанты вышла за мужъ.

Г-жа Тудо теперь въ Испаніи; она хлопотеть о снятіи секвестра съ некоторыхъ имѣній князя, возвращенныхъ ему приговорами судовъ. Годой проводилъ жизнь свою въ креслахъ, куры сигареты и принимая посвященія знатныхъ Испанцевъ. Этотъ вельможа, имѣвшій когда-то свою почетную стражу, къ которому придворные являлись прямо съ королевскаго выхода, умеръ на почеченіи поварихи. Онъ обожалъ своихъ детей и внушалъ правду, сообразуясь болѣе съ будущію человѣческихъ обществъ нежели съ прошедшимъ временемъ. Тѣло его будетъ перевезено въ Испанію, а до того времени будетъ находиться въ склепкахъ церкви Св. Рока.

Возвратимся опять къ жизни, къ веселой шумной жизни Парижа, который, какъ-бы предчувствуя дни скорби и смуть, торопится наслаждаться настоящимъ, не заботясь о будущемъ.

Альманахи всѣхъ формъ, всѣхъ цвѣтовъ, толстые, тонкіе, даже плоскіе, градомъ сыплются на столицу Франціи. Лучшій изъ нихъ *Illustration*, иллюстрированный, то есть разукрашенный, расписанный знаменитымъ *Шамомъ*, утѣхой зрѣнія, оградой ума. Шамъ превзошелъ себя, украшая эту маленькую книжку, въ которой больше ума, чѣмъ листовъ. Страсть къ альманахамъ зародилась въ 1848 году, и годъ отъ года возрастаетъ.

Мюнхенская Литейна.

Если какое изящное произведеніе пластическаго искусства поразитъ наше вниманіе, мы прежде всего платимъ дань удивленія гениальному pomysлу, вовсе не думая о трудностяхъ, которыя художникъ долженъ былъ преодолѣть, развертывая въ мраморъ или бронзу свою прекрасную идею; мы и не думаемъ о противудѣйствовавшей силѣ, съ которою онъ долженъ былъ бороться, чтобы сгладить всѣ неровности, всю шероховатость грубой матеріи и освободить изъ нея въ смѣлыхъ очеркахъ изящныя формы, полныя гармоніи и единства. Процессъ исполненія совершался не въ глазахъ нашихъ; мы видимъ уже довершенное дѣло, не слѣдуя мыслію за постепеннымъ ходомъ труда при созданіи. Если же иногда, наблюдательный умъ, привычный болѣе, нежели тоша, восходить отъ послѣдствій къ причинамъ, и покусится разгадать, какимъ образомъ поразившее его произведеніе приобрѣло это изящество, рѣдко кто знаетъ приемы для выработки въ пескѣ формы, рѣдко кто сумеетъ постигнуть весь трудъ, весь трепетъ томительнаго ожиданія, сопровождавшіе постепенное развитіе величественнаго произведенія.

Ваятель, живописецъ, гравёръ, всегда встрѣчаютъ препятствія, но имъ достаточно или знанія или искусства, чтобы устранить ихъ; имъ никогда не случается быть въ схваткѣ съ силою, матеріально имъ противудѣствующею, которая часто угрожаетъ пораженіемъ. Они никогда не бываютъ вынуждены привести какой-либо элементъ въ ярость, чтобы потомъ укротить его. Литейщикъ металлическихъ предметовъ зависитъ часто отъ случайностей, которыхъ онъ ни устранить, ни даже предвидѣть не можетъ. Онъ бросаетъ въ горнило глыбы бронзы, тяжелыя орудія, какъ дѣтскія игрушки. Потомъ зажигаютъ огонь. Онъ раздуваетъ его, подсыщаетъ, раздражаетъ безпрестанно, и новою пищею возбуждаетъ въ немъ новую ярость; забываетъ пламя, раскинется, растетъ, охватитъ свои жертвы, свирѣпствуетъ, стонетъ, рычитъ какъ лютой зверь. Цѣлые дни и ночи не утощается ярость его; жаръ начинаетъ быть невыносимъ, стѣны трескаются, деревянные брусья воспламеняются. Наконецъ металлъ жидветъ, топится, волнуется, свирѣпуетъ, и какъ разъяренное море тяжелыми валами хлынетъ къ окраинамъ домы, тщетно стараясь разрушить твердый оплотъ стѣнъ ея.

Кому этотъ слабый очеркъ покажется приувеличеннымъ содѣланіемъ пылаго воображенія, пусть заглянетъ тотъ, вмѣстѣ съ нами, въ Мюнхенскую Литейню, и увидитъ, что тамъ дѣлалось въ ночь 11 Октября 1845 года.

Король Лудвигъ I, задумавъ воздвигнуть колоссальную статую Баваринъ, поручилъ исполненіе этого предначертанія знаменитому ваятелю Шванталеру. Понимая великаго художника, достойно отвѣчалъ довѣрію Короля. Три года нужно было, чтобы вымоделировать въ гипсѣ статую въ шестдесятъ три фута: вышина, предположенная для этого бронзоваго колосса.

Настало время отливки. Начато съ головы. Художникъ имѣлъ предчувствіе, оправданное послѣдствіями, что, вопреки его вычисленію, брошенной въ огонь бронзы будетъ недостаточно; онъ прибавилъ къ полурастопившейся массѣ еще тридцать центнеровъ. Полный успѣхъ увѣчалъ дѣло. Шванталеру пришла потомъ дерзкая мысль отлить бюстъ въ одинъ кусокъ. Тотъ, кто не безъ ужаса видѣлъ, какъ тридцать или сорокъ центнеровъ растопленнаго металла врывались въ несчаную форму, только тотъ постигнетъ величіе этой смѣлой мысли. До тѣхъ поръ ни одна домна не вмѣщала болѣе трехъ сотъ центнеровъ металла; для нашей статуи нужно было четыреста!...

Упорная масса начинает плавиться. Тяжелыя артиллерійскія орудія плаваютъ на поверхности какъ легкіе челны, и мало по малу исчезаютъ въ огненныхъ волнахъ металла. Но вотъ, на поверхности образуется плева, угрожая истребленіемъ и домнѣ и самой формѣ. Шесть человекъ, вооруженные желѣзными шестами, неустанно мѣшаютъ это море лавы. По временамъ ихъ смѣняютъ другіе. Платье ихъ смочено водою, но жаръ такъ великъ, что ихъ кожа трескается, какъ сохшаяся кора тропическаго дерева подъ лучемъ палашаго солнца. Такъ проходятъ цѣлые дни, цѣлыя ночи. Въ теченіи пяти дней и четырехъ ночей пламя ежеминутно усиливается, но металлъ еще не весь растопился. Жаръ такъ разредилъ эту огненную атмосферу, что истомленная грудь едва можетъ уловить въ ней струю воздуха. Распаленныя уста сомкнуты молчаніемъ, но не смолкаетъ трепетное біеніе сердець, и всѣхъ сильнѣе, всѣхъ трепетнѣе бьется сердце художника. Пятая сутки не отходитъ онъ отъ горнила, ожидая желанной минуты, какъ Коломбъ ожидалъ предугаданной имъ земли. На пятый день къ вечеру, утомленный до изнеможенія, присвѣтъ онъ, чтобы краткимъ отдыхомъ возстановить силы. Едва сомкнулъ онъ глаза, какъ жена его бросилась къ нему съ крикомъ: «вставай, вставай, литейна горитъ!» и литейна двѣтвительно горѣла. Что могло устоять противъ этого адскаго пламени? Деревянные брусья занялись. Прибѣгнуть къ обыкновеннымъ средствамъ было невозможно. Столкновеніе холодной воды съ расплавленнымъ металломъ навлекло бы бѣдственныя послѣдствія. Съ истребленіемъ домны, погибъ бы и четыреста центнеровъ бронзы. Брусья обвиваютъ мокрой парусиною, чтобы задуть пламя; но и стѣны также загораются. Цѣлая литейна превратилась въ обширную печь.—Брусья горятъ, стѣны воспламеняются, а упорный металлъ все еще вполнѣ не расплавился. Огонь еще не довольно дѣтеленъ—груды топлива валятся въ горнило; оно едва выдерживаетъ силу адскаго жара, а металлу все еще мало пламени, все надобно огня, огня.

Накопецъ настала минута: бронза расплавилась. Литейщикъ Миллеръ созвалъ людей, которые мочили горѣвшіе брусья: «пусть горятъ, сказалъ онъ, металлъ готовъ.» Пробыла полночь. Пламя вырвалось изъ-подъ крыши, и золотымъ вѣнцомъ носилось надъ зданіемъ. Отверстіе пробито, и свѣтлый потокъ металла зыбкой струею полился въ форму. Страхъ миновался, истомленные груди вздохнули свободно, и толпа работниковъ, въ тишинѣ удивленія, чутко внимала звучному воплю этой бронзовой ніагары. Форма наполнилась, и тогда,—но только тогда, художникъ приказалъ тушить пожаръ.

Раздался звонъ колокола Нейгаузенской каплицы. Онъ призывалъ художника и работниковъ воздать благодареніе Богу за удачное окончаніе великаго труда, въ которомъ ни одинъ бдѣтельный случай не смутилъ трудившихся, не омрачилъ успѣха.

Въ антрактахъ комедій или оперы зрители разговариваютъ обыкновенно не только о пьесѣ, но и о важныхъ и веселыхъ дѣлахъ текущаго дня, о дѣлахъ и удовольствіяхъ, о сосѣдѣ и сосѣдкѣ, о короляхъ и республикахъ, однимъ словомъ, о всемъ, что происходитъ подъ луною. Въ ожиданіи переворотовъ отъ Елизет и Національнаго собранія, праздные сыны Лютедіи, кромѣ догадокъ о предстоящемъ новомъ актѣ въ политической драмѣ, занимаются разными предположеніями о будущихъ выборахъ въ Академію. Наслѣдникомъ Дюпати называютъ г. Фаллу. Дюпати совершенно незнакомъ нынѣшнему поколенію. Онъ былъ однимъ изъ *bel-esprit* имперіи, этого періода литературы, который въ нашихъ понятіяхъ сдѣлался равнозначительнымъ со скукою и пустою, но вмѣстѣ былъ золотымъ временемъ французской критики и версификаторовъ третьяго и четвертаго разряда. Написавши безцвѣтную, добродѣтельную и чувствительную мелодраму, приобрѣтали тогда себѣ честь, славу и вѣрный доходъ. Въ тѣ времена Дюпати былъ очень извѣстенъ. Во время Людовика Филиппа, давно забытый публикой онъ былъ избранъ въ академію. Лучшее, что онъ писалъ, были водеvilные стихи; Говорятъ, что Викторъ Гюго намѣренъ забыть политическую вражду, и дать свой голосъ историку строгаго Ііа V и несчастнаго Людовика XVI. И такъ важный историкъ наслѣдуетъ водевилу; эта противоположность не очень велика: теперь здѣсь находятъ очень небольшое различіе между историкомъ и театральнымъ писателемъ. Главные журналы ему благопріятствуютъ, и хвалятъ два послѣдніе его толстые тома. Тонкому, изящному и умному дипломату Сень-При старается казаться наслѣдовать Жюль-Жаненъ. Никогда не превозносили Жюль-Жанена, никогда не удивлялись ему столько, какъ именно съ тѣхъ поръ, когда никакая сила не можетъ уже одолѣть его полнаго фелетона. Парижская критика строго сохраняетъ уваженіе къ дѣтамъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Принужденные, по обилію матеріаловъ и новостей, сообщаемыхъ нашими корреспондентами, прервать въ этомъ отдѣлѣ, на нѣсколько времени, общій обзоръ современныхъ происшествій, и возвращаясь къ нему теперь,—мы не можемъ для начала представить нашимъ читателямъ какое-нибудь извѣстіе особенной, чрезвычайной важности, извѣстіе, какъ говорится, «трепещущее интересомъ минуты,» которое хотя бы немного вознаградило ихъ за невольное, отчасти, промедленіе съ нашей стороны. Нѣтъ, такихъ новостей пока не имется.... А не угодно ли вамъ заглянуть въ Вятку, да не въ самый городъ, а въ одинъ изъ дальнихъ уѣздовъ, именно въ жилища Вотяковъ, у которыхъ, разумеется, не найдете никакого комфорта, но за то встрѣтите много любопытнаго. «Да зачѣмъ же?» спрашиваете вы.—За тѣмъ, что намъ попался хорошій вожатый, и мы, съ его словъ и съ вашего позволенія, познакомимъ васъ съ Вотяками, преимущественно Малмыжскаго уѣзда, тѣмъ болѣе, что населяющіе и другіе уѣзды Вятской губ. (Глазовскій, Сарапульскій и Елабужскій) мало отличаются отъ Малмыжскихъ.

Отрасль Финскаго племени, Вотяки не казисты собой, но довольно крѣпки. Одежда мужчинъ, будничная и праздничная, походить на одежду Русскихъ крестьянъ, исключая того, что въ рабочее время Вотякъ подпоясывается ремнемъ, къ которому пришиты: желѣзная натопорня (скоба, въ которую кладутъ топоръ), ножъ въ кожаныхъ ножнахъ и сумка съ кремнемъ, огнивомъ и трутомъ, да лапти у него сплетены иначе. Нарядъ женщинъ гораздо затѣпливѣе: главное украшеніе его—кика или ойшонъ, основаніемъ которому служитъ берестовая кора, сшитая на подобіе шляпы безъ полей, и обтянутая сукномъ или ситцемъ; спереди на ней навѣшаны мелкія серебряныя деньги или жестыя бляхи, надъ которыми торчатъ два украшенія въ видѣ рожковъ, съ висащими разноцвѣтными кистями, которыми обложенъ и вышитый шерстами платокъ, опускающійся съ кики до половины спины; изъ-подъ этого платка видны въ косѣ двѣ длинныя ленты съ серебряными деньгами. Волосы на вискахъ иногда завиваютъ въ локоны. Черезъ грудь, съ плеча, навѣшивается длинный лоскутъ, унизанный деньгами; кромѣ того, на груди бываютъ также разной величины и разнаго цвѣта пронизки, навѣшанныя съ плечъ полукругомъ, въ два ряда. Рубашка длинная, бѣлая, обложенная по краямъ ки-

тайкой и ситцемъ; на ней, покороче, кастанъ суконый, сипій, либо зеленый, либо полосатый, лапти лычине, поясъ шерстяной, пестрый. Дѣвушки Вотячки носятъ такую же одежду, а на головѣ, какъ отличіе, небольшія шапочки, похожія на Татарскія. Но вообще весь этотъ нарядъ не увеличиваетъ прелесть Вотячекъ, которыя вообще не могутъ похвалиться красотой. Уборы изъ серебряныхъ денегъ составляютъ семейную драгоценность, переходя изъ рода въ родъ, и на многихъ Вотячкахъ можно встрѣтить монеты отъ временъ Іоанна III до Алексѣя Михайловича.

Живетъ Вотякъ не очень опрятно, даже не безъ вреда для своего здоровья; въ пищу не прихотливъ—естъ что ни попадется подъ руку: и бѣлку, и цаплю, и воробья; лакомство же его — *табани*, толстые блины, съ масломъ или битымъ молокомъ, а изъ напитковъ—*хумишка*, родъ жидкой домашней браги, которая и кисла, и мутна, и дымомъ пахнетъ, но Вотяку до того припѣхъ по желудку, что онъ пьетъ ее при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно въ праздники, когда въ деревняхъ пьютъ все—и старые и малые, даже ребятишки, и напиваются до того, что дѣлаются какъ будто полоумными....

Языкъ Вотяковъ крайне бѣденъ—полторы или двѣ тысячи словъ, скудныхъ видозамѣненіями. У нихъ нѣтъ словъ для объясненія понятій отвлеченныхъ, нѣтъ названій вещамъ, которыхъ Вотяки не видали и не имѣютъ въ кругу домашнего быта. Преданій, сказокъ, пословицъ, пѣсенъ—также нѣтъ у Вотяка. Случится ему вхатъ дальнею дорогою, онъ развлекаетъ себя иногда тѣмъ, что напѣваетъ заунывно: «ойдо, ойдо!» (ступай, ступай!), либо импровизируетъ что-нибудь на окружающіе его предметы.

Древняя религія Вотяковъ языческая, хотя нынѣ очень мало считается ихъ въ язычествѣ. Вотяки-язычники вѣруютъ въ небеснаго Бога, благого и правосуднаго, котораго называютъ *иммаръ*, но признаютъ также и злаго духа, *шаймана*, независимаго отъ небеснаго Бога; *албастей*—родъ нашего лѣснаго—считается хозяиномъ лѣсовъ. Небесному Богу они приносятъ въ жертву хлѣбъ, вино, рогатый скотъ и пр., съ разными церемоніями; злому духу—чернаго барана; пчеловоды, для успѣха въ промыслѣ, закаляютъ въ жертву пестраго дятла. Иногда бываютъ большія жертвоприношенія—на поляхъ и въ священныхъ лѣсахъ (*керметлахъ*); въ такомъ случаѣ обрядомъ распоряжаетъ жрецъ, называемый *будзимъ кала утисъ* (хозяинъ большаго шалаша). Праздники ихъ бываютъ обыкновенно передъ началомъ и по окончаніи полевыхъ работъ. Впрочемъ, некрещеные Вотяки вмѣстѣ съ крещеными празднуютъ и

христианскіе праздники, какъ-то: Новый годъ (*вилъ аръ*), Крещеніе, Пасху (*будзимъ нукандъ, великій день*), Троицннъ день, Петровъ день, и др. Праздники продолжаются по нѣскольку дней, иногда не ѣдятъ, смотря по тому, какъ зажиточно селеніе и на сколько времени достанетъ кумышки и пива. Тогда отдѣльно—мужчины съ мужчинами, женщины съ женщинами, дѣвки съ дѣвками, старики съ старыми и малые съ малыми—все ѣздитъ на лошадкахъ, либо рука объ руку ходитъ по селенію толпой, пируютъ съ обѣда до утра, и поютъ свое любимое *коиде, ойде!*—Изъ языческихъ обрядовъ у Вотяковъ самый общій (и вместе съ тѣмъ самый смѣшной) «изгнаніе шайтана», вводимое наканунѣ Нового года. Собраннымъ въ одну избу, Вотяки вооружаются палками и веревками, берутъ пукъ зажженной лучины и съ пронзительнымъ крикомъ бьютъ и стегаютъ по стѣнамъ избы; потомъ идутъ въ спящую избу и т. д., выполняя ту же церемонію; наконецъ бѣгутъ за ворота въ поле, гдѣ ставятъ въ снѣгу двѣ палки или болвана и заграждаютъ тыномъ, въ знакъ того, что шайтанъ выгнанъ въ другое селеніе, откуда его выпроводятъ такимъ же образомъ, слѣдующему и житья не будетъ между осторожными Вотяками. Но чортъ знай проказить свое, и на слѣдующій годъ снова повторятся церемонія изгнанія его...

Женится Вотякъ безъ дальнихъ хлопотъ: пришла ему дѣвка по сердцу, такъ онъ, не задумываясь, воруетъ ее: собравъ нѣсколько знакомыхъ и родныхъ, вооруженныхъ палками и бичами, онъ вместе съ ними дѣлаетъ нападеніе на чужъ, въ которомъ обитаетъ его возлюбленная, беретъ ее, не смотря на крики и сопротивленія, сажаетъ въ телегу—и маршъ. Иногда родственники похищаемой заставляютъ похитителя отступить, но это случается не часто. Похищенную невесту держатъ въ неволѣ нѣсколько дней. Потомъ приважаютъ къ ней отецъ и родственники, заводятъ съ похитителями, для порядка, ссору, которая обыкновенно кончается мироводю сдѣлкою, состоящею въ томъ, что сватовья обзываются заплатить отцу невесты калымъ, отъ 25 до 30 и болѣе руб. сер.; наконецъ, угостивъ похитителей, сватовья отпускаютъ ихъ домой вместе съ похищенной невестой. Впрочемъ сватовство обходится иногда и безъ веревотва, но калымъ все-таки долженъ быть выданъ. Самая свадьба соединена съ мированьемъ до упаду, но происходятъ безъ особенной церемоніи; упомянуть развѣ о томъ, что когда невеста, подвизавъ къ дому жениха, не хочетъ выйти изъ повѣзки, то повѣзжане стегаютъ ее бичами, пока не побѣдитъ упрямства: это не говоритъ въ пользу уваженія Вотяковъ къ пре-

красному полу, но и самъ прекрасный полъ не взыскателенъ въ подобныхъ случаяхъ, и невеста можетъ утѣшиться, напившись ку-мышки....

При похоронахъ наблюдается также немного обрядовъ. После покойника сожигаютъ или бросаютъ все, на чемъ онъ лежалъ, какъ нечистое. Потомъ кладутъ его въ гробъ, на голову надѣваютъ шапку; по кафтану подпоясываютъ ремнемъ, къ которому привязаны: игольникъ съ иглой и нитками, кодочикъ (тѣмъ лапти плетутъ), сумка съ мѣдными деньгами, кремнемъ, огнивомъ и трутомъ; кладутъ подлѣ покойника табакерку или трубку съ табакомъ, а иногда и вино; нерѣдко даютъ ему въ ротъ кусокъ масла коровяго, или сушеной говядины, смотря потому, чѣмъ онъ любилъ лакомиться. Этотъ обычай, общій многимъ дикимъ народамъ, показываетъ, что и Вотяки, хотя безсознательно, вѣрятъ въ будущую жизнь. При погребеніи умершихъ Вотяки почти никогда не плачутъ. После похоронъ моются въ банѣ, и тѣмъ кончаются всѣ обряды.

У Вотяковъ множество примѣтъ и суевѣрій, но, къ сожалѣнію, нашъ путеводитель не говоритъ объ нихъ почти ничего. Для предохраненія младенца отъ глазу, Вотячка вымываетъ ему лобъ сажей. Ведется также суевѣрный обычай, что новорожденному даетъ имя какая-нибудь родственница старуха, и имя это большею частію бываетъ странно, напримѣръ: шакта (соръ) квака (ворона), и проч.

Христіанство между Вотяками начало распространяться со временъ Петра I-го и Екатерины II, и хотя крещенные Вотяки не совсѣмъ оставили свои языческія заблужденія, но между ними есть и усердные сыны церкви....

Что касается до нравовъ Вотяковъ, какъ язычниковъ, такъ и христіанъ, то, по словамъ ихъ наблюдателя, они здружелюбны, смиренны, робки, скрытны, хитры, скупы, трудолюбивы, временемъ беззаботны и ленивы, невоворотливы. Вполнѣ доверяя словамъ очевидца, мы думаемъ однако, что называть Вотяковъ скупыми потому только, что они употребляютъ скудную пищу, еще нельзя: это не скупость, а неприхотливость желудка. Что они прячутъ деньги въ ржаную муку, въ пчелиныя бортѣ или закапываютъ въ землю — и это еще не доказываетъ ихъ скупости. Да и какъ согласить съ этою послѣднею обычай, свидѣтельствующій, что Вотяки не чуждаются гостепріимства? Гость, который остался доволенъ угощеніемъ хозяина, вколачиваетъ, при отъѣздѣ своемъ, въ столъ, или въ стулъ, или въ косякъ окна, мѣдный грошъ, въ знакъ благодарности и на память о себѣ. Эти гроши остаются

иенрикосновенными и показываютъ, на сколько гостепріименъ хозяинъ, и въ какомъ почтеніи находится онъ у соседей.

Главныя занятія Вотяковъ: хлебопашество, пчеловодство и звѣриная охота.

Промыслы последней навѣрно были на Нижегородской ярмаркѣ, куда и мы заглянемъ, не за тѣмъ однако, чтобъ продолжать знакомство съ Вотяками. Какова была нынѣшняя ярмарка? На этотъ счетъ пока нельзя сказать почти ничего опредѣлительно. Общій отзывъ, что торговали «помаленьку:» и это слава Богу. Мы имѣемъ нѣсколько данныхъ о привозѣ и сбытѣ пѣкоторыхъ товаровъ; но лучше подождать подробныхъ свѣдѣній, собираемыхъ комитетомъ для отчета о ярмаркѣ. Не можемъ, впрочемъ, удержаться, чтобы не сказать о предметѣ близкомъ нашему сердцу—о торговлѣ книгами: на нынѣшнюю ярмарку привезено было ихъ почти на 30 т. р. с. (да кромѣ того, старопечатныхъ почти на 6½ т.); а торговали ими тоже «помаленьку».—Всѣ помнятъ, сколько движенія въ торговомъ мірѣ произвелъ новый тарифъ. Отъ Нижегородской ярмарки ожидали окончательнаго рѣшенія вопроса, въ какой степени отразится онъ на нашихъ мануфактурахъ. Что же вышло на дѣлѣ? Приводимъ нѣсколько замѣчаній о ярмаркѣ, принадлежащихъ одному знатоку нашей промышленности.—Товарами мануфактурными начали торговать прежде всѣхъ Ивановскіе фабриканты; рубашечные дешевые ситцы въ первыхъ рукъ почти всѣ проданы,—ихъ было мало; другихъ же товаровъ хотя и полагали, что будетъ менѣе обыкновеннаго, но кажется, въ расчетѣ вышла ошибка. Это правда, что съ начала зимы, когда былъ объявленъ новый тарифъ, на фабрикантовъ напалъ паническій страхъ; многіе уменьшили число рабочихъ на фабрикахъ, были и такіе, которые совсѣмъ остановили работы: но, съ одной стороны, уменьшеніе числа рабочихъ, при уменьшеніи заработной платы, усилило труды работниковъ, чтобъ выработать не менѣе, потому что Русскій человекъ много можетъ, ежели онъ только захочетъ; съ другой, на покупателей разлился тотъ же страхъ,—они боялись покупать обыкновенную пропорцію; следовательно запасъ товаровъ въ первыхъ рукахъ накапливался, а потому и пропорція товара въ ярмаркѣ должна быть обыкновенная. Теперь о тарифѣ никто уже не говоритъ; онъ не произвелъ никакого вліянія на мануфактурные товары, и чего въ особенности опасались—привоза иностраннаго набивнаго товара, то оказалось неосновательнымъ. Германскіе ситцы, ежели бы дозволены были и съ уменьшенною пошлиною къ привозу, то и тогда бы не могли идти. Ситцы Ан-

гійскихъ мануфактуръ, правда, дешевы на мѣстѣ, но на нихъ ляжетъ пошлина до 120% на сто, и товаръ вообще непротныхъ красокъ; проиграетъ тотъ, кто захочетъ вывезать ихъ на продажу въ Россію. Хорошъ, правда, набивной товаръ Французскій, имеетъ прочныя цвѣта, достоинство въ краскахъ, чистоту работы и въ самомъ качествѣ матеріи; но этотъ товаръ обходится дорого, потому что онъ дорогъ и на мѣстѣ: пошлина 1 р. 20 к. сер. съ фунта на обыкновенный ситецъ доводитъ его съ расходами до 45 к. с. за аршинъ и 1 и 2½ ширины, между тѣмъ какъ въ этомъ же родѣ С.-Петербургскій ситецъ фабрики Битенжа, известный всей Россіи своею прочностью, продается, аршинной ширины, 25 к., и, приводя оный во Французскую ширину, онъ выйдетъ въ цѣну только 33 к. Тонкіе набивные товары выходятъ съ пошлиною ровно вдвое дороже противу Русскихъ: оладовательно, хотя нельзя сказать, что иностранные товары не пойдутъ совсѣмъ въ Россію; но можно сказать утвердительно, что они, судя по цѣнѣ, могутъ найти потребителей только въ высшихъ слояхъ публики, которая употребляетъ по большей части шелковый и шерстяной товаръ, а потому и требованіе на Французскіе набивные товары должно ограничиться самымъ малымъ количествомъ. Правда, и неоспоримая правда то, что Нижегородская ярмарка потеряетъ покупателей изъ Закавказья; половинная пошлина для Закавказскихъ портовъ почти на все иностранные товары даетъ возможность получать товары изъ-за границы выгоднѣе, нежели изъ Москвы, или изъ здѣшней ярмарки, какъ Тифлисскаго, такъ и прочимъ Закавказскимъ Армянамъ, — и эта правда подтверждается фактами: Тифлисскіе Армяне нынѣшнюю ярмарку удерживались отъ покупки, и ежели покупали, то тѣ только самыя дешевыя Ивановскіе товары: которымъ въ цѣломъ мірѣ, по ихъ дешевизнѣ, нѣтъ соперничества. Какъ бы то ни было, но по крайней мѣрѣ теперь почти уже ясно, что новый тарифъ не произведетъ такого переворота въ Русской мануфактурной промышленности, какого опасались наши мануфактуристы, а даже подвинетъ, можетъ быть, наши мануфактуры впередъ; ибо фабриканты поймутъ, что не одни дешевые товары могутъ требоваться.

Мануфактуристъ сейчасъ упоминалъ о торговлѣ Закавказья, для этой богатой страны безпрестанно открываются новыя средства. Таково для ея торговли предполагаемое учрежденіе транспортнаго сообщенія отъ Редутъ-Кале до Тифлиса и Баку съ Москвою. Доселѣ перевозка товаровъ и другихъ посылокъ въ Закавказскомъ краѣ не получила еще никакого развитія. Она про-

иваются лицами, не исключительно ею занимающимися и условными, давностью времени, доверіе купечества, не кажимъ, по стеченію благоприятныхъ обстоятельствъ, хотя бы дѣло шло въ подарокъ другому. Въ числѣ этихъ лицъ чаще встрѣчаются афферисты, чѣмъ благонадежные люди, и, сколько извѣстно, промышленники эти пользуются часто задюгами изъ десятыхъ рукъ, далеко необеспечивающими цѣнность принимаемаго ими для пересылки товара. Взявши плату, они поручаютъ транспортъ «черводарамъ», выходящимъ изъ Персіи, и, до ихъ прибытія на мѣсто, не имѣютъ никакого свѣдѣнія о положеніи дѣла; въ такихъ случаяхъ пропажа и порча товара почти невозвратны.... Общество транспортъ въ Тифлисѣ не можетъ опасаться за неуспѣхъ и непрочность своихъ выгодъ, которымъ подверглись, по различнымъ обстоятельствамъ, бывшія за Кавказомъ на акціяхъ общества: винодѣлія и шелководства,—между прочимъ и потому, что они не имѣли основнаго капитала въ такомъ большомъ размѣрѣ, какъ предполагаемое. Общество транспортного сообщенія, судя по собраннымъ приблизительно свѣдѣніямъ, могло бы имѣть въ виду, при первоначальныхъ своихъ дѣйствіяхъ, перевозку не менѣе 300 т. пудовъ въ годъ, и вообще увеличеніе привоза товаровъ по случаю уменьшенія пошлины на бумажныя и другія издѣлія тарифомъ 1850 г. Наконецъ, учрежденіе этого сообщенія можетъ имѣть важность въ двухъ отношеніяхъ: 1) въ усиленіи чрезъ Закавказскій крѣй въ Персію транзита, часть котораго въ настоящее время направляется изъ Трапезонды прямо въ Тавризъ, и подвергается непрерывно грабѣжамъ и нападѣніямъ Курдовъ,—и 2) въ развитіи мѣстной промышленности и доставленіи простому классу средствъ къ заработкамъ. Сколько мѣстныхъ произведеній, какъ напр.: шерсть, вино, шелкъ, и проч., остаются безъ сбыта, по неимѣнію средствъ къ пересылкѣ, и сколько народа изъ туземцевъ, отъ недостатка работы, терпятъ крайнюю бѣдность и предаются лѣни! Цѣлая Имперія, страна плодоносная и населенная, представляетъ этому разительный примѣръ; съ учрежденіемъ же транспортного заведенія, быть можетъ, пробудится дѣятельность рабочаго класса, отъ береговъ Хони и Ингура до Аракса и береговъ Каспійскаго моря, и отъ Москвы до Тифлиса, со временемъ и другихъ пунктовъ Закавказья, и представится возможность къ свободному сбыту различнаго рода промышленности. Остается ожидать скорѣйшаго учрежденія этого полезнаго нововведенія, а за разборомъ акцій, какъ говорятъ въ самомъ Тифлисѣ, дѣло не станеть....

Отъ существующаго пока еще въ предположеніи, перейдемъ

къ предмету, который составляетъ въ Грузіи исконный обычай, дѣлающій честь религіознымъ чувствамъ ея обитателей, и расскажемъ его со словъ газеты «Кавказъ».

«31 Іюля мы были свидѣтелями одного обряда, очень обыкновеннаго въ Грузіи, но мало известнаго въ другихъ странахъ.— Время близилось къ полудню, солнце раскаляло воздухъ и гнало народъ съ улицъ Тифлиса, и улицы пустыи; лишь на одной изъ нихъ кипѣла дѣятельность, гремѣла зурна, вѣялъ на высокомъ древкѣ значекъ, и собравшаяся толпа съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ рьяно трудился цехъ кожевниковъ, который, покинувъ обыкновенныя свои занятія, работалъ надъ фундаментомъ только-что заложеной церкви. Потъ большими каплями катился съ дюжихъ работниковъ, но на загорѣлыхъ ихъ лицахъ не видно было усталости. Весело выглядывали мастеровые и, расталкивая толпу, бодро тащили известь; твердо ступали босыми ногами по горячей землѣ, и крепкими руками смѣло ворочали тяжелые камни. Голымъ грудямъ и ногамъ работниковъ, своими красивыми формами, напоминали полуобнаженныхъ Арабовъ на картинахъ Гораса Верне; почти такой же загаръ покрывалъ ихъ члены, такъ же они были ушруги и жилисты,—только лица работниковъ проникнуты были не гордою отвагою степныхъ рыцарей: ихъ воодушевляла религіозная энергія; замѣтно было, что работаютъ не изъ-подъ палки, а по собственной охотѣ, и большой охотѣ.... Но вспоминая объ этой сценѣ, которая носила какой-то характеръ живости, не всегда свойственной туземцамъ, мы рассказываемъ не послѣдовательно: читатель еще не знаетъ, что заставило кожевниковъ преобразиться въ каменщиковъ, и надъ сооруженіемъ какой церкви они такъ энергически работаютъ.

И въ старыя годы, и въ настоящее время, путешественники по Грузіи изумлялись, встрѣчая въ разныхъ мѣстахъ ея много монастырей, церквей и часовенъ. Зная, что финансовыя средства Грузинскаго царства были не обширны, путешественники, и въ числѣ ихъ Шарденъ, недоумѣвали, на какія деньги могли быть построены всѣ эти храмы. Дѣло въ томъ, что въ сооруженіи ихъ одинаково участвовали, въ прежнее время, и правительство Грузіи, и народъ. Было мало денегъ, но было много усердія. Лишь-только начиналась гдѣ постройка церкви, князья, дворяне, мужики, богатые и бѣдные, съ одинаковой охотой, несли свои приношенія, свои лепты. Если мысль построить церковь приходила князю, помѣщику, онъ сзывалъ своихъ крестьянъ, объявлялъ имъ объ этомъ и спрашивалъ, какую помощь могутъ они оказать ему. Тогда

крестьяне, по средствам своимъ, рассчитывали, что могутъ сдѣлать въ пользу предположенной постройки. Одинъ вызывался доставить известное число камней, другой лѣсу, третій брался работать при сооруженіи храма. Сохранилось въ народѣ преданіе, что многіе изъ набожности давали обѣтъ, доставить известное число камней, въ два, въ три аршина величины каждый, и этимъ отчасти объясняется циклопическій характеръ нѣкоторыхъ церковныхъ зданій Грузіи. Въ Тифлисѣ, кромѣ обыкновенныхъ приношеній въ пользу новостроящейся церкви, въ которыхъ участвовали почти все жители, большую роль играли здѣшніе *амкары*, общины мастеровыхъ. По исконно-заведенному порядку, каждый амкаръ долженъ былъ цѣлый день, подъ присмотромъ своего *хста-боша* (старшины), работать бесплатно, при постройкѣ храма. И когда все амкары поочередно посвящали день своихъ трудовъ церкви, тогда только она продолжала строиться на собранныя для того деньги. Исполненіе этого обычая мы видѣли 31 Іюля: амкаръ кожевниковъ трудился надъ фундаментомъ новостроящейся церкви...

Вообще, какъ мы уже замѣчали не рѣдко, газета «Кавказъ» почти въ каждомъ N своемъ представляетъ болѣе или менѣе любопытныя статьи, и даже одна могла бы свидѣтельствовать съ выгодной стороны о мѣстной литературной дѣятельности. Но дѣятельность эта не ограничивается одною газетою. Многого можно ожидать теперь отъ Кавказскаго отдѣла Географическаго Общества, который, между прочимъ, положилъ издавать въ свѣтъ труды своихъ членовъ.— Я. И. Пономаревъ напечаталъ нѣсколько новыхъ своихъ стихотвореній, которыя не прибавляютъ, впрочемъ, ничего къ извѣстности автора «Гаммъ.» Скоро долженъ выйти романъ г. Токарева: «Сила воли.» Мы встрѣчили имя автора въ «Кавказѣ», подъ нѣсколькими статьями серьезнаго содержанія.

И художественныя новости начинаютъ приходиться изъ Тифлиса. На этотъ разъ мы сообщимъ одну изъ нихъ. Верстахъ въ 15 отъ Тифлиса стоитъ полуразрушенный монастырь Бетанія (Вифанія) построенный царицею Тамарою. Нынѣшнимъ лѣтомъ, одному художнику пришла счастливая мысль, не покрыты ли живописью стѣны церкви внутри, которыя отъ времени и дыма отъ огня, разводимаго охотниками и кочующими пастухами, были совершенно черны, но гладки, и замѣтно было, что онѣ выштукатурены. Сдѣланъ былъ опытъ, и изъ-подъ отмытой копоти показалась живопись. Когда же вымыты были все стѣны, глазамъ представился цѣлый рядъ иконъ Византійской живописи *à fresco*, и въ числѣ ихъ портретъ въ весь ростъ царицы Тамары. Краски свѣжи, рисунки

сохранились вполне, и надъ некоторыми изъ нихъ есть надписи, что придаетъ открытію еще большую важность. Чтобы понять, какую пользу можетъ принести это открытіе для исторіи живописи, подобно вспомнить открытіе драгоценныхъ фресковъ въ Константинопольскомъ храмѣ Св. Софій (о чемъ подробно было говорено въ нашемъ журналѣ). Нужно вспомнить, что Грузія постоянно находилась подъ влияніемъ Византіи, что отсюда въ ея литературу постоянно вносились Греческіе элементы. Фрески Софійскаго и Бетанскаго храмовъ принадлежатъ почти къ одному времени, и теперь наукъ представляется возможность сравнить ихъ Бетанскіе фрески и въ особенности портретъ Тамары, современный ей, дають также средства повторить слова писавшихъ о ея вѣкъ и утвердительно всегда говорившихъ «о наукахъ и художествахъ процвѣтавшихъ въ этотъ вѣкъ.» Мы увидимъ, помогли ли эти художества живописцу передать достойнымъ образомъ черты женщины, столь идеальной красоты и столь высокихъ душевныхъ качествъ, что образъ ея какъ бы сіяетъ надъ тьмою прошедшихъ вѣковъ, и живетъ въ воображеніи почти каждаго Грузина....

Вслѣдъ за Кіевскимъ кладомъ, о которомъ мы сообщали подробныя извѣстія, оказалось нѣсколько же подобныхъ находокъ въ разныхъ мѣстахъ.

Въ Моршанскомъ уѣздѣ (Тамбовской губ.), крестьянинъ деревни Вязели нашелъ, во время пашни, глиняный кувшинъ съ 950-ю штуками серебряныхъ Джучидскихъ или Золото-Ординскихъ монетъ, которыя оказались принадлежащими къ періоду владычества хановъ Узбека и Джанибека, и битыми въ 727—748 гг., по мусульманскому лѣтоисчисленію. Монеты эти представляютъ рѣдкую степень сохранности.

Близъ Ямбурга (Спб. губ.), еще весною прошлаго года, найдены были слишкомъ $2\frac{1}{2}$ т. старинныхъ серебряныхъ монетъ, изъ которыхъ ни одна не старше времени Іоанна IV.

Около Ростова (Ярославской губ.) крестьянинъ выкопалъ въ огородѣ кувшинъ съ серебряными монетами, вслѣдствіемъ 23 фунта. Монеты эти относятся къ царствованію Іоанна IV.

Въ Коломенскомъ уѣздѣ найдено до 500 монетъ, изъ коихъ нѣкоторыя относятся ко времени Іоанна III.

Изъ Риги пишутъ, что тамъ вблизи Шарлоттенталя, работники, копавшіе землю въ заведеніи садовниковъ Вагнеръ, нашли 9 серебряныхъ слитковъ со старинными чеканами, которые, должно полагать, составляютъ любопытную пумизматическую находку.

Небольшая археологическая находка попала еще близъ Овояни (Курской губ.).

Близъ Весьдгонска (Тверской губ.) найдено слиткомъ пушк. старинныхъ сарепляныхъ монетъ, начиная отъ времени Іоанна IV-го.

А въ Угличѣ отыскали нѣдѣю въ землѣ, а въ бумагахъ тамошняго городового магистрата. Сообщаю, одну изъ найденныхъ бумага, потому что она относится къ эпохѣ, о правѣхъ которой мы не богаты извѣстіями, да и любознательная сама по себѣ это просьба на имя Императрицы Анны Іоанновны, поданная (1736 г.) отъ пушкаря Карпова. «Былъ я нѣкаждій города Углича, поддочкой челоуѣкъ, а въ прошлыхъ водѣхъ, пазалъ тому съ тридцать съ два года, въ городѣ Угличѣ женился Угличского уѣзду, вотчины Кириллова монастыря Бѣлезерского, на дворничествѣ: дочери, Матроне Петровой дочери, которая нѣмалоуство имѣла въ ономъ же городѣ Угличѣ на дворничествѣ. И съ онею женою своюю Матронею, изъ Углича сошеда, живя въ Москвѣ, а изъ Москвы, пазалъ тому съ двадцать съ шесть лѣтъ, съ вышесказанною съ женою своюю съехавши въ Санктпетербургъ. И въ Санктпетербургѣ пожить недѣль съ тридцать, овиженную жену отпустилъ я нѣкаждій съ шуриномъ своимъ, а съ Матронею брешомъ родичимъ, тогожъ Кириллова монастыря крестьянникомъ, Федомомъ Петровымъ, въ Угличѣ на время, на одну зиму, къ свойственникамъ ея. А съ собою взяла она, жена моя, пожитковъ нѣмалыхъ имѣла святые образы: образъ Казанския Богородицы шталметаной, на въ окладѣ, цѣна двадцать семь копѣекъ; оклады непарченныя Іоанна Предтечи и прочіихъ Московскихъ чудотворцевъ, въ оладкахъ, все сарепляное, — шесть рублей; пашку мужскую, — веркъ суконной кармазинной зеленой, овиженъ соболей, — цѣна три рубля восемнадцать копѣекъ; кафтанъ суконной сѣрой, цѣна рубль; камзолъ, козлиной, цѣна рубль восемнадцать копѣекъ; бахрмы шелковой зеленой три аршина, цѣна сорокъ пять копѣекъ. Да у нея жѣ имѣлся кафтанъ суконной намечной крошечнаго цвѣту, подбойка станиная такого же цвѣту, пуговицы нѣмалыя, — цѣна 3 р. 70 к., штаны кежовыя, цѣна рубль 20 к. Да на дорожѣ-ей, какъ она изъ Санктпетербурга поехала въ Угличѣ, дано два рубля. Да она жѣ, жена моя, поручалась мнѣ по братѣ своему, вышесказанному Федотѣ, въ четьрехъ рубляхъ двадцати семи копѣекъ, которые и по нынѣ мнѣ не заплачено. И послѣ этой жены своей жилъ я въ Санктпетербургѣ три года, а послѣ того, во время набранія изъ перебежцовъ, записали меня въ пушкарни въ Ревальской гарнизонъ. И живучи я нѣкаждій въ Санктпетербургѣ до записки въ пушкарни, и бывъ въ пушкарнѣ, писалъ въ Угличѣ къ ней, женѣ своей, нѣмалоуство, чтобы

она ко мнѣ нижайшему прїѣхала по прежнему. И оная жена моя, незнамо для чего, ко мнѣ не прїѣхала. А нынѣ я нижайшій, по отставкѣ меня отъ службы, прїѣхавъ въ городъ Угличъ, вышеписанную жену свою опозналъ въ городъ Угличъ на торговой площади, — сидитъ въ лавкѣ за оконницами, и я, взявъ ее, при постороннихъ людяхъ, изъ той лавки и повелъ въ Углицкую провинціальную канцелярію, къ объявленію и къ допросу. И она мнѣ говорила, что она нынѣ замужемъ, за Угличаниномъ за посацкимъ челоукомъ, Захаромъ Васильевымъ сыномъ Билевымъ, — которую для допросу о всемъ вышеписанномъ при семъ прѣшеніи и объявляю. — Всемилостивѣйшая Государыня Императрица! Прошу Вашего Императорскаго Величества, да повелитъ державство Ваше, сіе мое прѣшеніе и означенную жену мою въ Углицкую провинціальную канцелярію принять и о всемъ вышеписанномъ допросить, и объ отдачѣ мнѣ ея по прежнему рѣшеніе учинить, какъ Ваши Императорскаго Величества правы и указы повелѣваютъ. А ежелижъ оная жена моя въ чемъ будетъ запыряться, и я изобличу ее явнымъ свидѣтельствомъ. (Слѣдуютъ подписи) — Съ небольшимъ черезъ двѣ недѣли, обиженный мужъ подалъ другую просьбу, въ которой, прописавъ всѣ обстоятельства, упомянутыя въ первой, билъ челомъ о слѣдующемъ: «И нынѣ я нижайшей съ показаннымъ вторымъ мужемъ жены моей, Угличаниномъ посацкимъ челоукомъ, Захаромъ Васильевымъ сыномъ Билевымъ, безъ суда и безъ допросу оной жены моей, поговоря межъ собой полюбовно, во всемъ вышеписанномъ *помирись*. И впредь мнѣ на него Захара, и на бывшую жену мою, и на дѣтей ихъ, и ни на кого въ вышеписанномъ, также и объ отдачѣ мнѣ помянутой жены мой, и ни въ чемъ не бить челомъ и не искать. И оной бывой жень мой, *Матрени*, быть за нимъ за Захаромъ. И объ оной бывой жень мой, объ отдачѣ мнѣ впредь какъ въ Углицкой провинціальной канцеляріи, такъ и въ Углицкой духовной конторѣ, и нигдѣ не бить челомъ мнѣ и не искать».... Пошпены по этому двѣмъ заплатилъ второй мужъ. — Вотъ какія мировыя заключались въ старину!

Кстати зѣсь сказать о мѣстахъ, гдѣ могутъ найдтиса если не клады, то все-таки прїобрѣтенія для археологій. Вотъ что пишутъ изъ Владимира: «Проезжая по Нижегородскому шоссе, почти въ 50 верстахъ отъ Владимира, Ковровскаго узла, въ лѣвой сторонѣ отъ шоссе, виднѣется небольшая сосновая роща, известная тамошнимъ жителямъ, подъ названіемъ «Дяковскихъ сосенъ». Роща, находясь на крутомъ берегу глубокаго оврага, защищаетъ самое

живописное мѣстоположеніе. Съ одной стороны, не въ дальнемъ отъ нея разстояніи, пролегаетъ шоссе, съ другой—рѣка, называемая, по свойству воды, Черною; по противоположному берегу ея тянется сосновый боръ, который исчезаетъ въ отдаленіи. Между рѣчкой и опушкой бора стоитъ огромный каменный домъ, недостроенный и никѣмъ необитаемый, а ближе отъ рѣчки къ шоссе, на горѣ видѣются Ляховскія сосны. Подойдя къ этой горѣ, видны высокіе бугры, раскиданные на довольно значительномъ пространствѣ. Эти бугры, называемые просто подидами *Ляховскіхъ могиллицы*, насыпаны поверхъ земли не ниже, какъ на четыре аршина въ высоту. Есть преданіе у окрестныхъ жителей, что будто здѣсь засыпаны живые Поляки, тайно посланные Королевичемъ Владиславомъ для убійенія Михаила Θεодоровича, жившаго тогда въ Костромской Ипатьевской обители. Последние Ляхи, не успѣвъ въ своемъ предпріятіи и возвращаясь въ Москву, были схвачены и засыпаны здѣсь живые.... Разсказываютъ, что съ тѣхъ поръ, по-стоянно каждый годъ, всѣ они встаютъ изъ могилъ и страшно, пронзительно воютъ, поютъ, гайкаютъ, спускаясь по одиночкѣ въ глубокой оврагъ, на крутомъ берегу коего находятся могиллицы; потомъ вдругъ выбѣгаютъ оттуда съ нечеловѣческимъ воплемъ и хохотомъ, и снова бросаются въ свои душные жилища. Въ зимнее время, особенно въ мѣтель, всѣ эти невѣрные, какъ ихъ называютъ, встаютъ изъ могилъ и съ ревомъ непогоды несутся къ необитаемому дому; тамъ они, будто бы, шируютъ, пляшутъ, свещутъ и страшно распѣваютъ; потомъ тянутся оттуда въ свое жилище съ ужаснымъ воемъ, хохотомъ и оглушительнымъ ревомъ. Часто видали на могиллицѣхъ синее, выходящее изъ земли пламя, дымъ отъ котораго разносился по окрестности и наполнялъ воздухъ сирадомъ. Прибавляютъ къ этому, что одинъ изъ смѣлыхъ крестьянъ рѣшился однажды идти мимо Ляховскихъ могиллицъ, въ полночь, на день Архангела Михаила, и будто бы его на другой день нашли въ глубинѣ оврага, всего истерзаннаго, изъѣденнаго, и съ тѣхъ поръ никто не рѣшался приближаться къ тому заклатому мѣсту.... Въ 1839 г., тамошній помѣщикъ г. Андреевъ разрывалъ одну изъ «могиллицъ». Тамъ найдено имъ нѣсколько истлевшихъ костей и человѣческій черепъ огромной величины. Одна изъ костей, по видимому ручная, была почти 10 вершковъ въ длину. На одномъ изъ пальцевъ нашли серебряный, изржавленный перстень, на которомъ можно еще было разобрать Латинскую букву W, съ короной на верху. Еще найдена изржавленная, кривая полоса желѣза, похожая на Турецкій ятаганъ. Больше ничего не могли отыскать, а другаго кургана не разрывали. Все это хранилось

у г. Андреева въ собраніи рѣдкостей, до его смерти, послѣдовавшей въ 1842 году, а куда дѣвались его вещи — неизвѣстно. Послѣ того никто уже не разрывалъ курганы; но еуваріе поселятъ къ нимъ много уменьшилось, следовательно произвести кому-нибудь изъ местныхъ археологовъ раскопку западныхъ могилъ, теперь легче, чѣмъ прежде...

Вообще, въ послѣднее время, изученіе различныхъ памятниковъ отечественной старины, пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе данныхъ. Съ благодарностію упомянемъ на этотъ разъ объ описаніи древнихъ монастырей и церквей Твѣтской епархіи, предпринятомъ почетнымъ членомъ мѣстнаго Архіепископа, Протопр. Гавриила, столько уважаемаго своею любовью къ Русской Исторіи, по трудамъ его въ Одессѣ.

Древнія обители сохраняются, описываются, — новыя не перестаютъ возникать въ разныхъ краяхъ земли Русской. Въ селѣ, гдѣ жилъ князецъ «Бова» и «Фалицы», въ Званкѣ (Новгородской губ. в уѣздѣ), устроены будутъ женскій монастырь. Покойная супруга нашего главнаго негца зывцала Званку для этой цѣли, и послѣдняя воля ея, съ согласіемъ наследниковъ, будетъ исполнена...

Двадцатипятилѣтіе Царскаго вѣнчанія ознаменовано многими важными вѣроноданными чувствами всѣхъ сословій. Мы говорили о некоторыхъ изъ нихъ; дополняемъ новыми.

Таганрогское купечество пожертвовало по этому случаю 4 т. р. с. на окончаніе вновь строящагося въ Таганрогѣ храма во имя трехъ Святителей Россійскихъ.

Вятское купечество положило увеличить число призваемыхъ въ городской богадельнѣ 10-ю людьми.

Житель Костромы г. Суворовъ пожертвовалъ въ пользу бѣдныхъ города 30 т. р. с.

Московское дворянство положило составить капиталъ на содержаніе процентами съ него, въ одномъ изъ Московскихъ Кадетскихъ Корпусовъ, воспитанниковъ Московскаго дворянства, по одному изъ каждаго уѣзда, съ отличительнымъ наименованіемъ или «воспитанниками 22-го Августа», и съ тѣмъ, чтобы сборъ этого капитала былъ произведенъ въ 6-лѣтній срокъ.

Московское мѣщанское общество сложило недоимокъ съ бѣдныхъ мѣщанъ на сумму свыше 50 т. р. с.

С. Петербургское купечество положило увеличить число воспитывающихся въ содержимыхъ имъ Николаевской и Александровской школахъ 25-ю мальчиками и 25-ю дѣвочками, къ числу же призваемыхъ въ домъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ прибавить еще 25 человекъ.

Другое отрядное извѣстіе изъ Петербурга, это учрежденіе при Воспитательномъ Домѣ отдѣленія для образованія *Русскихъ нянекъ*. Основанія этого благотворительнаго учрежденія слѣдующія: 1) Комплектъ его ограничивается 15 воспитанницами. 2) Въ это заведеніе принимаются двѣнадцатилѣтнія дѣвушки вѣкаго свободнаго званія, отъ 18 до 25 лѣтъ; онѣ должны быть здороваго сложенія, умѣть читать и писать по-Русски. 3) Курсъ воспитанія продолжается два года: въ теченіе этого времени воспитанницы состоятъ подъ руководствомъ опытной надзирательницы, изучая на практикѣ искусство хожденія за малолѣтними дѣтьми, при чемъ слушаютъ популярный курсъ объ устройствѣ человѣческаго тѣла, о признакахъ разныхъ дѣтскихъ болѣзней и о мѣрахъ леченія, какія могутъ быть употреблены въ домашнемъ быту до прибытія врача къ больному, или на случай невмѣстнаго доктора. 4) По окончаніи полнаго курса, воспитанницы подвергаются испытанію, и распределяются въ частныя дома, получая при этомъ на одежду 200 р. асс. каждая, и такую же сумму съ процентами по прослуженіи 6 лѣтъ въ нянькахъ. 5) Удостоенная приѣма или тѣ лица, отъ которыхъ онѣ поступили въ заведеніе, обязываются не просить объ увольненіи прежде окончанія воспитанія....

Теперь, минуя описаніе прошлаго «сезона» лѣтней Петербургской жизни, съ его многочисленными загородными концертами, русскими, китайскими, арабскими и венеціанскими ночами, съ акробатами и чревовѣщателями, съ цыганами и фейерверками,—минуя и начинающійся сезонъ съ Итальянскою оперою и Карлотою Гризи,—переходимъ къ болѣе любопытнымъ для насъ новостямъ, именно, научнымъ, литературнымъ и художественнымъ.

Недавно вышли «Записки Гомовнина о приключеніяхъ его въ плѣну у Японцевъ» и служащія къ нимъ дополненія «Записки Рикорда.» Обе книги эти не новость въ нашей литературѣ (онѣ были изданы еще въ 1816 г.), но давно уже составляютъ библиографическую рѣдкость, и вѣроятно, многіе изъ нашихъ читателей знакомы съ ними только по слуху. Между тѣмъ, немного найдется путешестій, которыя могли бы сравниться съ этими «Записками» занимательностію содержанія; это достоинство признано за ними асами Европейскими литературами. На Англійскомъ языкѣ ихъ вышло 12-ть изданій!

Замѣтимъ также слѣдующія изданія: «Общая судебно-мѣщанская и полицейская хроника», А. Нелюбова; «Свои морскіе уголовныя постановленія»; «Гражданская архитектура», т. Кривоускаго, съ огромнымъ атласомъ, состоящимъ изъ 100 листовъ.

Академія Наукъ положила издать полное собраніе всѣхъ наблюдений, сдѣланныхъ въ Россіи надъ солнечнымъ затмѣніемъ 16 Іюля.

«Военно историческій обзоръ сѣверной войны,» г. Карцева, назначенный служить руководствомъ для военно-учебныхъ заведеній, увеличиваетъ число источниковъ нашей новѣйшей исторіи.

«Военно-Энциклопедическій Лексиконъ»—огромное предпріятіе, исполненное съ строгою добросовѣстностію, благодаря щедрости правительства и дарованіямъ своего редактора, г. Зедделера,—оконченъ вполне.

Н. В. Кукольникъ приступаетъ къ полному собранію своихъ сочиненій.

Взаимный «Ералаши» покойнаго Неваховича, появился новый каррикатурный альбомъ—«Дебютантъ,» доказывающій, что часть нашей публики пристрастилась къ подобнаго рода изданіямъ.

Къ числу періодическихъ изданій, съ 1852 г. прибавляется еще одно: «Сельскій Строитель,» имѣющій предметомъ изложеніе, по возможности, всего къ строительной части относящагося и необходимаго для сельскаго хозяина-строителя.—За то, другой хозяйственный журналъ—«Лѣсной,» съ слѣдующаго года соединится съ «Трудами Экономическаго Общества.»

Дѣятельность Географическаго Общества распространяется болѣе и болѣе. Оно приобрѣло новую опорную точку для своихъ изслѣдованій въ Азіи: Сибирскій отавъ (въ Иркутскѣ), которому назначено 2 т. р. с. ежегоднаго пособія. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ доставилъ Обществу возможность снарядить прое. Валина для изслѣдованія внутренней Аравіи, исходатайствовавъ на то разрѣшеніе Государя Императора, и назначивъ г. Валину, сверхъ сохраненія профессорскаго содержанія, 1,000, р. с. одновременно изъ суммъ Александровскаго Университета. Г. Валинъ, вѣроятно, предприметъ свое путешествіе въ будущемъ году.—Приготовительныя мѣры къ снаряженію Камчатской экспедиціи продолжаютъ безостановочно, и можно надѣяться, что она начнетъ свои работы въ будущемъ году. До этого же года отложено окончаніе изслѣдованій Девоиской полосы, которая была уже предварительно осмотрена г. Гельмерсеномъ.—Изданія, предпринятые Обществомъ, идутъ болѣе или менѣе успѣшно. Атласъ Тверской губерніи готовится къ хромофотографированію, которое будетъ производиться въ Москвѣ. Статистическій атласъ Россіи литографируется въ Петербургѣ, подъ надзоромъ составителя его, Н. А. Милютина. Этнографическая карта Россіи окончательно

отдѣла и ожидается лишь изготовленіе къ ней пояснительнаго текста П. И. Кеппеномъ. Равно гравированы карты: сѣвернаго, Урала, генеральная карта Азіи (въ Веймарѣ), атласъ сѣверо-западной части Средней Азіи, составляемый гг. Болотовымъ и Ханжиковымъ, и карта Каспійскаго моря.—Приступлено къ печатанію 6-й части Записокъ, готовится 2-я ч. Статистическаго Сборника. Отчетъ Уральской экспедиціи и Этнографическій Сборникъ также печатаются. Приступлено къ переводу Риттеровой географіи. Кроме того, имѣются въ виду многія важныя изданія, какъ напр. Словарь Русскихъ географическихъ терминовъ, Сборникъ физической географіи, указатели географическихъ и статистическихъ статей въ Русскихъ журналахъ, и проч. Не говоримъ уже о множествѣ превосходныхъ матеріаловъ, которыми располагаетъ Общество и которыхъ станетъ на нѣсколько десятковъ томовъ...

Читатели наши уже знаютъ о возобновленныхъ мозаикахъ въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ. Считаемо по этому не лишнимъ сообщить нѣсколько свѣдѣній о заведеніи для мозаическихъ картинъ въ Петербургѣ. Когда, по повелѣнію царствующаго нынѣ Государя Императора, приступлено было къ окончанію постройки Исаіевскаго собора, Его Величество соизволилъ изъявить Высочайшую волю, чтобы часть образовъ, долженствующихъ украсить этотъ великолѣпный храмъ, была произведеніемъ мозаическаго искусства. Съ этою цѣлію избраны были нѣсколько учениковъ Академіи Художествъ, изъ числа находившихся въ Римѣ, для занятій мозаикою, и приглашенъ въ Петербургъ для основанія мозаическаго заведенія, известный Римскій мозаистъ, профессоръ Винченцо Рафаэлли. Имя этого художника, который принималъ главное участіе въ знаменитой колоссальной копіи - мозаикѣ съ «Тайной Вечери» Леонарда-де-Винчи,—имя его достаточно ручалось за успѣхъ предпріятія. Основанное подъ покровительствомъ Е. И. В. Герцога Лейхтенбергскаго, мозаичное заведеніе занимаетъ зданіе, находящееся напротивъ Академіи Художествъ. Лицевая сторона его украшена колоннами; нѣсколько ступеней широкой лѣстницы ведутъ въ залу, въ которой производится полировка оконченныхъ картинъ; отсюда, чрезъ огромныя двери, шириною въ сажень, входятъ въ широкую квадратную залу, служащую мастерскою для художниковъ-мозаистовъ. Для полнаго ея освѣщенія, сдѣлано вверху стѣны, находящейся насупротивъ дверей, большое круглое окно; избранные оригиналы поднимаются здѣсь посредствомъ блоковъ и наклоняются къ свѣту, а внизу, на прочныхъ подставкахъ, лежатъ каменные или металлическія доски, должен-

служащая служить основанием для мозаических работ. Далее, по сторонам узкой галереи, выходящей во дворъ, находятся комнаты, где готовится мастика. Правое крыло здания, обращенное въ садъ, занято химической лабораторіей и образуетъ настоящее депо минераловъ, солей, смесей, стилинокъ, тигелей, жемчуга, смолъ, восковъ, однимъ словомъ — всего веществъ, матеріаловъ и орудій, употребляемыхъ въ химическихъ производствахъ. Изъ лабораторіи вы выходите въ залу, въ которой устроены плазильные и другіе печи; въ срединѣ ея высокая желѣзная печь; сдѣланное широкое отверстие, въ верхней, для свободнаго выхода дыму и паровъ. Въ этой залѣ находятся семь печей и горнила, устроенныхъ по плану Раффалли, и каждая изъ нихъ имѣетъ свое особенное назначеніе. Одна предназначена для плавленія сырыхъ тонкихъ и толстыхъ смесей, какъ напр. дурнуритъ (красной мадной окиси) и состава, известнаго подъ названіемъ зооглеи; въ другой плавитъ фриту (стеклянную смесь); въ двухъ печахъ сушатъ тонково, для уменьшенія дыма; наконецъ, въ послѣдней, самой большой и устроенной посреди залы, находится десять штукъ изъ огне-упорной глины, въ которыхъ приготовляются изъ комра. Но армянская известная, съ точностью опредѣленной фриты. Изъ каждой печи вынимаютъ на большую желѣзную доску мѣдью, мѣдью, которое вскорѣ охлаждается и обрѣзаетъ известнаго цвѣта матеріалъ для мозаическихъ работъ. Потомъ искусная рука маляка даетъ этимъ матеріаломъ требуемыя формы и рисунки. — И такъ искусство, процвѣтавшее въ Россіи еще при Владимірѣ Великомъ, и потомъ, послѣ долготы забвенія, снова развивающееся въ жизни Ломоносовымъ, — это искусство обиваетъ теперь всенародно въ самомъ блестящемъ видѣ...

Что касается до художественной выгавки, то объ ней сказано будетъ въ слѣдующей книгѣ.

Наконецъ, вотъ изкомымо мѣсто о Русскихъ изобрѣтеніяхъ.

Въ 1846 г., въ сѣнаторіумѣ 25-лѣтняго существованія Михайловскаго Артиллерійскаго Училища, воспитывавшіяся въ этомъ заведеніи генералы и офицеры составили капиталъ около 6-ти съ половиною т. р. серебромъ, съ званъ, чтобы проценты съ него раздавались чрезъ каждые 5 лѣтъ тому изъ воспитанниковъ училища, котораго сочиненіе о частяхъ артиллеріи или прикосновенныхъ къ ней наукъ, будетъ признано полезнѣйшимъ, или же изобрѣтеніе побуждетъ къ усовершенствованію артиллерійскаго искусства. Въ текущемъ году состоялось первое присужденіе этой преміи, которая и была назначена полковнику Константинову, представив-

шему изобретенные имъ: выдвигной прицѣлъ для наземной и рикошетной стрѣльбы, и электробаллистическій приборъ, для опредѣленія начальной скорости полета снарядовъ. Выдвигной прицѣлъ признанъ не только вполне соответствующимъ цѣли своего назначенія, но и заслуживающимъ преимущество предъ всеми до нынѣ употреблявшимися способами для наведенія длинныхъ орудій при стрѣльбѣ наземной: вследствие чего этотъ прицѣлъ, по Высочайшему повелѣнію, введенъ въ нашей артиллеріи. Электробаллистическій же приборъ г. Константинова составляетъ изобретеніе особой важности, отъ котораго современемъ можетъ разлиться новый свѣтъ, не только на теорію выстрѣловъ, но и на важный для всѣхъ физическихъ наукъ, вопросъ о сопротивленіи воздуха. Для предуманнаго устройства этого прибора, требовались не только основательныя познанія въ физикѣ и механикѣ, но и высокая степень умственныхъ способностей. Все изобретеніе, какъ въ цѣломъ составѣ своемъ, такъ равно и въ частностяхъ, исполнено съ строгою отчетливостію; разнородныя части прибора связаны между собою самымъ остроумнымъ образомъ, и весь приборъ, по точности опредѣленія времени, достигаетъ результатовъ, до сихъ поръ никакимъ еще инструментомъ недостижимыхъ—показывая тысячныя доли секунды.

Въ настоящее время, когда безпрестано являются попытки измѣнить чѣмъ-нибудь силу пара, которая кажется человеку и недостаточно сильною, и не совсемъ безопасною (не говоря уже о ея цѣнности), когда еще недавно производились опыты надъ электромагнетизмомъ, надъ царями хлороформа, даже надъ всеобщимъ тяготѣніемъ, съ цѣлію сдѣлать ихъ могучими двигателями, — въ настоящее время всякая подобная попытка у насъ не должна пройти незамѣченной. Въ 8 N «Морского Сборника» мы встрѣтили любопытное описаніе *волнохода*, изобретеннаго лейтенантомъ Сиверсомъ. Первые замѣчанія о возможности приложенія силы волнъ къ движенію морскаго судна написаны изобретателемъ еще въ 1837 г. Черезъ семь лѣтъ онъ составилъ подробный планъ волнохода, основаніемъ которому служили слѣд. положенія. «Волны морскія обнаруживаютъ двойное дѣйствіе на плавающія тѣла: первое и главное состоитъ въ томъ, что онѣ поднимаютъ и опускаютъ тѣла по направленію вертикальному; вторымъ дѣйствіемъ онѣ ихъ двигаютъ по направленію вѣтра вѣвствъ совсемъ верхнимъ слоемъ воды; это второе дѣйствіе рождается и поддерживается въ каждое мгновеніе, соразмѣрно силѣ и направленію вѣтра, и исчезаетъ вмѣстѣ съ нимъ, между тѣмъ какъ первое сохраняетъ свою силу долго по утишеніи вѣтра, что и обозначается

зыбью. Первое дѣйствіе гораздо сильнѣе втораго. Въ самомъ дѣлѣ, плавающее на волненіи тѣло гораздо легче удерживать на одной вертикальной линіи, нежели въ одной горизонтальной плоскости. Напримеръ, одинъ человекъ въ состояніи удержать при волненіи катеръ, стоящій на выстрѣлѣ корабля, когда онъ на якорѣ; но несравненно большая сила понадобилась бы, чтобы заставить этотъ катеръ не подыматься на волну и не опускаться, когда она пройдетъ. Всякое препятствіе, противопоставленное сему сильному движенію, обнаружитъ силу, достаточную не только для преодоленія меньшаго горизонтальнаго движенія, но и для образованія новаго поступательнаго.» Способный идти противъ вѣтра и по другимъ направленіямъ, однимъ дѣйствіемъ волненія, волноходъ долженъ состоять изъ двухъ отдѣльныхъ судовъ, передняго и задняго, скрѣпленныхъ между собою, во всю ширину ватерлиній, шарнирами, концы общая ось перпендикулярна діаметральной плоскости. При волненіи, переднее и заднее судно будутъ подыматься и опускаться; при относительномъ ихъ тогда движеніи около шарнировъ, стойка, находящаяся на переднемъ суднѣ, приведетъ въ движеніе механизмъ, устроенный на заднемъ, помощію котораго будетъ обращаться и подводный винтъ. Волноходъ конечно не будетъ столь общепользенъ, какъ парусныя суда и пароходы, но за то можетъ служить въ случаяхъ, когда нитъ, ни другія не могутъ быть употребляемы; передъ парусными судами онъ имѣетъ то преимущество, что можетъ ходить противъ вѣтра и на зыби; противъ пароходовъ: его дешевизна постройки и содержанія, и ежеминутная готовность къ ходу. Волноходъ можетъ служить: 1) спасительнымъ ботомъ при портахъ; 2) для вывоза лодмановъ на открытыя рейдахъ, гдѣ волненіе при противномъ вѣтрѣ дѣлаетъ вытѣздъ на гребныхъ судахъ невозможнымъ; 3) для сообщенія стоящаго на рейдѣ флота съ берегомъ, во время сильнаго волненія; 4) для завозовъ якорей и верповъ.—Весною прошлаго года, на Кронштадтскомъ рейдѣ произведены были первые опыты падъ волноходомъ; но обстоятельства принудили производителя опытовъ, г. Сиверса, оставить ихъ въ самомъ любопытномъ періодѣ, т. е. когда, послѣ многихъ недѣль, наконецъ удалось ему видѣть поступательное противъ вѣтра движеніе, произведенное одною силою волненія. Непрочная работа механизма и недостатокъ хорошихъ средствъ къ совершенствованію, побудили изобрѣтателя предоставить продолженіе опытовъ и усовершенствованіе изобрѣтенія другимъ... Но теперь, благодаря статьѣ «Морскаго Сборника» (къ которой и отсылаемъ желающихъ), можно надѣяться, что мысль г. Сиверса не погибнетъ...

Почетный гражданинъ А. Е. Зубчаниновъ изобрѣлъ новый способъ топки печей сырымъ торфомъ. Важныя преимущества этого способа состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Употребленіе торфа, находимаго въ изобиліи во многихъ мѣстахъ Россіи, не могло доселѣ значительно распространиться, потому что сушка его представляетъ много затрудненій, по новому же способу торфъ можно употреблять прямо изъ болотъ. 2) При топленіи сухимъ торфомъ, необходимо давать сильную тягу воздуху, отъ чего, вмѣстѣ съ дымомъ, теряется много тепла; при способѣ же Зубчанинова, требующемъ лишь незначительной передѣлки печей, для топленія торфомъ безъ притока воздуха, печная дверца, во время топки и послѣ, остаются плотно закрытыми, а труба постоянно открыта, отчего весь жаръ удерживается въ печи и чадъ не можетъ проходить въ комнату. 3) Сырой торфъ, положенный въ печь и растопленный щепками, горитъ около сутокъ, отчего нагреваніе и остываніе печи происходитъ медленно, и можно сохранить въ ней достаточную теплоту, безъ напрасной траты горючаго матеріала. 4) При отопленіи хлебопечаренъ сырымъ торфомъ, можно, въ случаѣ надобности, дѣлать нѣсколько посадокъ хлѣба при одной топкѣ, и, подкладывая торфъ, производить печеніе хлѣбовъ непрерывно, да и хлѣбы должны выходить чище. 5) Топленіе печей торфомъ, по новому способу, представляетъ ту важную выгоду, что не можетъ произвестись пожара отъ возгорѣнія сажі и отъ неисправности дымовыхъ трубъ, потому что дымъ выходитъ изъ печи въ трубу въ весьма маломъ количествѣ и почти холодный. — Вольное Экономическое Общество обратило полное свое вниманіе на это открытіе, дало изобрѣтателю средства расширить свои опыты, и всѣ они оказались очень удачными. (*)

Наконецъ, нельзя не замѣтить появленіа одного изъ тѣхъ самородныхъ умовъ, которыхъ не мало находится по разнымъ краямъ обширной Руси и которые часто остаются въ неизвѣстности. Мы говоримъ о Русскомъ механикѣ Замысловѣ, котораго копры для вбиванія свѣй, устроенныя вынѣшнимъ лѣтомъ въ Петербургѣ, обратили на себя вниманіе всѣхъ знатоковъ этого дѣла (**). Михаилъ Спиридоновичъ Замысловъ, крестьянинъ Новгородской губер-

(*) Скажемъ здѣсь ксатя, что недавно выдана привилегія иностранцу Миллеру на введеніе въ Россію торфянаго пресса, который можетъ изготавить въ часъ 5 т. кирпичей, требуя при этомъ только троихъ работниковъ.

(**) Механизмъ копра состоитъ изъ зубчатыхъ колесъ, посредствомъ которыхъ 50-пудовая баба подымается на высоту 2 саж 4-мя работниками, между тѣмъ какъ пятый работникъ отодвигаетъ рычагомъ муфту и баба падаетъ съ высоты на сваю. Здѣсь, въ Москвѣ, мы слышали также одобрительные отзывы о копрѣ, изобрѣтенной Московскимъ механикомъ Бюнтникомъ. Который изъ нихъ лучше — пусть рѣшаютъ спеціалисты.

ним и узнала, Грузинской вогчины, деревни Перехода, въ которой находится и юсадность его, одаренъ отъ природы особенною способностію къ механикѣ. Эта способность проявляется въ немъ тѣмъ, что онъ строитъ машины не потому только, что видѣлъ и изучилъ подобныя, а строитъ ихъ по собственному соображенію механизма съ дѣломъ. Онъ не простой машинистъ ремесленникъ, который подражаетъ только готовымъ механизмамъ, а разумный механикъ, который—беретъ ли онъ старый механизмъ или придумываетъ новый, ставитъ свой механизмъ по лучшему отношенію къ предмету, а не по слѣпому подражанію. Жаль, что онъ не изучилъ теоретическихъ началъ механики, что, безъ сомнѣнія, облегчило бы ему многія соображенія. Впрочемъ, онъ чело-вѣкъ еще молодой и грамотный: если ему попадется толково и просто написанная механика, въ родѣ изданной для народныхъ училищъ, она много пособитъ ему.—Замысловъ строить водяныя и вѣтряныя мельницы, для размолъ хлѣба, для пилки лѣса и проч., и разныя другія машины. Такъ, въ нынѣшнемъ же году онъ придумалъ очень простой, но остроумный механизмъ, безъ употребленія блоковъ, для вытаски изъ Невы потопувашаго парохода, за что и цѣну вазалъ вдвое дешевле противъ той, которую просили другіе механики.

Въ Одессѣ также сдѣлали изобрѣтеніе — такъ называемыя «дрожки-самокаты,» вещь, впрочемъ, давно извѣстную въ механикѣ. Дрожки эти назначены, повидимому, служить болѣе для забавы, чѣмъ для дѣйствительной пользы; поэтому считаемъ излишнимъ распространяться объ нихъ.

Къ слову пришлось: почему бы *Русскимъ* негоціантамъ Одессы не *изобрѣсти предпримчивости*? Зачѣмъ упускать предпріятія, дающія взрныя барыши, и сожалѣть, что не взяли за нихъ, когда дѣло сдѣлано уже другимъ, почти всегда иностранцемъ? Такъ, еще въ началѣ этого года извѣщали мы о намѣреніи одного Французскаго капиталиста устроить паровую мукомольную мельницу въ окрестностяхъ Одессы. Теперь въ Одесскомъ Вѣстникѣ пишутъ, что съ Апрѣля мѣсяца текущаго года, эта мельница, устроенная Французскимъ механикомъ Гомомъ (Gosme), находится въ полномъ ходу, завалена работою—и, слѣд., не безъ барышей. Хозяинъ мельницы собралъ необходимый для этого предпріятія капиталъ во Франціи, потому что въ Россіи онъ не могъ составить компаніи на акціяхъ для устройства мельницы. Куда перейдутъ барыши—на это пусть отвѣчаютъ Одесскіе капиталисты, а намъ позвольте обратиться къ Одесской литературѣ.

Впрочемъ, въ эти мѣсяцы она не представляла ничего замѣчательнаго; даже и на обыкновенныя литературныя новости неурожай. Новыхъ книгъ только и есть, что «Хронологическій сводъ достопримѣчательныхъ на земномъ шарѣ событій», сост. А. Бѣльченковымъ.

Съ любопытствомъ прочли мы въ Одесскомъ Вѣстникъ статью г. Переселыцына: «Наблюденія надъ солнечнымъ затмѣнiемъ въ Бобринцѣ», въ которой онъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣнiй объ извѣстномъ намъ астронѣмѣ О. А. Семеновѣ, призванномъ въ Бобринецъ, для наблюденiя затмѣнiя, вмѣстѣ съ Проф. Савинымъ, по порученiю Географическаго Общества. »Представьте себѣ, говоритъ авторъ, человека лѣтъ около 60, довольно большаго роста, очень худощаваго и нѣсколько согнутаго, закутаннаго въ длиннополый синяго цвѣта и стараго покроя сюртукъ, въ большихъ по колено сапогахъ. Продолговатое, съ тонкими чертами лица, уже изборожденное морщинами, выражаетъ глубокомыслие; а широкiй лобъ, возвышающiйся у корня носа и выдающiйся подъ глазами, заставляеть васъ подумать о сильно развитомъ мозгѣ. Прекрасно разрезанные большiе голубые глаза, лишеныя впрочемъ сильнаго блеска, указываютъ на самоосозерцанiе; а тонкiй, длинный, къ концу загнутый носъ, небольшою, съ тонкими губами, ротъ и правильнiй подбородокъ, покрытый густою, совершенно сѣдою бородою, дѣють этой замѣчательной физиономiи необъяснимое, но разительное выраженiе. Если вы, когда-нибудь, встрѣтите этого человека; если обратите вниманiе на обращенiе его, очень простое; то, думаю, вы поддадитесь особенному впечатлѣнiю, какъ слѣдствiю исключительной личности, принадлежащей г. Семенову, Курскому астроному-самоучкѣ, самородку Русской земли.... Многiе знаютъ, что Федора Алексѣевича Семенова, — Курскаго уроженца и купеческаго сына, — приучали къ торговлѣ скотомъ; а нынѣшнiй астрономъ, подобно многимъ гениальнымъ людямъ, началъ изучать свою любимую науку, не зная почти грамоты. Первыя астрономическiя вычисленiя, какъ онъ самъ рассказывалъ мнѣ, дѣлалъ онъ на счетахъ, и убѣдившись въ невозможности слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ науки, рѣшился изучить ариметику, — какъ рѣшился потомъ сдѣлаться столяромъ, токаремъ и литейщикомъ, имѣть машины, для прибрѣтенiя которыхъ не хватало у него денегъ. Въсѣ въ нѣсколькихъ словахъ личность того человека, съ которымъ пришлось мнѣ свидѣться. Да несли это? Почти нѣтъ предмета, о которомъ не судилъ бы онъ здраво и светло, не выражался сильно и съ одушевленiемъ, не обнаруживалъ знанiя и наблюдѣнiя. Но если иногда разговоръ переходилъ на вопросы, совершавшiе чуждый Семенову, то онъ, безъ малѣйшаго обща-

ковъ, говорилъ: «это не при насъ писано....» Наступилъ день затмѣнія. На небѣ бродили густыя тучи.... «Семеновъ задумывается еще болѣе; тоскливое выраженіе, какъ тѣнь, охватываетъ черты лица, и голова, всегда наклоненная къ землѣ, какъ бы склоняется ниже. Безпокойство выражается во всемъ: въ жестахъ и движеніяхъ, въ отрывистыхъ фразахъ, которыми старается онъ доказать, что тучи разсѣются. Но тучи не слушаютъ его.... Онъ уже завладеи всѣмъ небомъ, не заботясь, что царственная, для Семенова, минута наступила. Впрочемъ столы и инструменты вынесены и установлены; лампы зажжены; все молчитъ.... а тучи идутъ да идутъ мѣрнымъ, холоднымъ шагомъ. — «Ужели не суждено мнѣ видѣть полнаго затмѣнія!... 1887 годъ далеко!... Такая трава, — указывая на бурьянъ, — вырастетъ на могилѣ моей!...» Облака какъ будто слышали мольбу ученаго старика, какъ будто изъ сожалѣнія къ гениальному самоучкѣ, нѣсколько разревелись, и позволили проглянуть бланному солнцу, по которому, замѣтно стало, начала двигаться тѣнь луны. «Ну!» закричалъ Семеновъ торжественнымъ голосомъ, — и распространившаяся темнота вознаградила астронома за его ожиданія и труды, и тѣ и другія дорога купленные. Онъ перекрестился на востокъ два раза; съ необыкновеннымъ восхищеніемъ говорилъ всѣмъ и каждому о величественной картинѣ и вѣрности исчисленія.... Вы сказали бы: это другой человекъ, — такъ измѣнилось сумрачно-тоскливое лицо его, на которомъ уже блистала радость. Словомъ: Семеновъ былъ совершенно счастливъ.... Затмѣніе прошло.... Семеновъ побрелъ въ свою квартиру, и уже возится съ чемоданами, рассчитывая мимоходомъ, чего будетъ стоить ему проѣздъ до Курска, да ворчить на хозяйна жида, утѣшая, что физиономія его очень годилась бы Люциферу; поправляетъ, собственноручно, съ помощію иголки, кое-какія погрѣшности дорожнаго костюма.... И что жъ дѣлать въ Бобринцѣ Семенову? Въ Курскѣ его ожидаютъ машины, инструменты, въ стеклянныхъ ульяхъ пчелы, надъ которыми онъ усердно наблюдаетъ.... Бобринецъ — это пустыня....»

Послѣ этого извѣстія, относящагося къ солнечному затмѣнію 16 Іюля, мы не видимъ надобности распространяться объ этомъ послѣднемъ и передавать результаты наблюденій надъ нимъ, произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ и учеными, и простыми зрителями. Благодаря множеству статей, напечатанныхъ почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, оно уже перестало быть новостью, и если наука только начинаетъ разрабатывать добытые этими наблюденіями выводы, то большинству нашихъ читателей, вѣроятно, нѣтъ уже никакого дѣла до солнечнаго затмѣнія. Любопытно,

Однако, вспомнить, что многие зрители этого явления остались недовольны. Чѣмъ же? «Солнечное затмѣніе не удалось....» То есть, говоря другими словами, они желали спектакля повеликогѣпнѣе, даже, пожалуй, съ музыкой, бенгальскимъ огнемъ и брилліантовымъ фейерверкомъ. Солнце не умѣло угодить на этихъ господъ....

Точно также пройдемъ молчаніемъ и тѣ многочисленныя грозы, которыми было такъ обильно минувшее лѣто, и которыя не въ одной губерніи и не на одной сотнѣ покрытыхъ жатвою полей разразились опустошительнымъ градомъ.... Но, жалѣя о понесенныхъ потеряхъ, позволимъ припомнить старинную нашу поговорку: «ша Бога надвѣся, а самъ не плошай».... Въ нашихъ Остѣ-Зейскихъ губерніяхъ уже нѣсколько лѣтъ какъ существуетъ общество застрахованія полей отъ градобитій. Нельзя ли и Русскому человѣку подумать о подобномъ учрежденіи? Если оно и не въ состояніи защитить полей отъ града, то по крайней мѣрѣ можетъ уменьшить вещественный вредъ, причиненный имъ, можетъ уравновѣсить потерю одного лица съ прибылью, получаемую нѣсколькими....

Лѣтомъ грозы, вотъ — придетъ зима — послышатся рассказы о выюгахъ и мятеляхъ. Здѣсь пока нѣтъ подобной опоры въ борьбѣ съ нашею зимою. Но если кто помнитъ страшную выюгу, застигнутую, прошлаго года, нѣсколько губерній въ одно время, то вспомнить также, что большая часть несчастныхъ случаевъ произошла тогда оттого, что застигнутые выюгою путники сбивались съ дороги; многие замерзли за нѣсколько сажень отъ своего жилища, не зная, въ какой сторонѣ они, выбившись изъ силъ, чтобы напасть на настоящій путь. Теперь можно надѣяться, что, съ Божіею помощію, число подобныхъ несчастій уменьшится. Попечительное наше правительство сдѣлало распоряженіе, чтобы во время выюги, ночью, изъ всѣхъ сельскихъ колокольныхъ раздавался путеводный звонъ, съ небольшими перемерками, для отлечія его отъ обыкновеннаго благовѣста и избатнаго колокола.

Въ другихъ несчастіяхъ, на помощь къ погибающему почти всегда явится добрый человѣкъ, и съ опасностію собственной жизни постышится спасти своего ближняго. Много и много подобныхъ подвиговъ самоотверженія проходятъ у насъ незнанные почти никѣмъ; но и тѣхъ, о которыхъ дѣлается извѣстнымъ, достаетъ нашимъ «Внутреннимъ Извѣстіямъ» по нѣскольку на каждое обозрѣніе.

Изъ Ревеля. 12 Марта, 15-лѣтній сынъ капитана 2 ранга Павелъ Крузенштеръ отправился съ четырьмя школьными товарищами, однихъ съ нимъ лѣтъ, въ подземелье Ревельской крѣпости, наполненное водою, покрытою въ это время года, при 130-номъ морозѣ, до-

вольно крашкою корою льда. По достижении мальчиками льотницы, одинъ изъ нихъ провалился сквозь ледъ. Крузенштернъ, не смотря на темноту, холодъ и собственную опасность, бросился въ воду, и едва успѣвъ вытянуть товарища, какъ принужденъ былъ немедленно совершить вторично тотъ же смѣлый подвигъ для спасенія другаго своего товарища, подлѣ котораго также провалился ледъ. Замѣтивъ потомъ, что и остальные два его товарища подвергаются участи двухъ первыхъ, Крузенштернъ съ рѣшимостью бросился вверхъ по винтовой лѣстницѣ, и почти насильно заставилъ плетерыхъ извожиковъ опуститься съ нимъ въ казематъ и оказать нужную помощь оставшимся тамъ его товарищамъ. Золотая медаль съ надписью «за спасеніе погибавшихъ», украсила грудь 15-лѣтняго героя.

Шатскаго уѣзда (Тамбовской губ.), въ селѣ Княжеви, крестьянская дѣвушка Авдотья Васильева спасла утопавшую 13-лѣтнюю дѣвочку.

Кадниковскаго уѣзда (Вологодской губ.), деревни Чарковой, крестьянинъ Асикреть Королевъ, во время бывшей въ этомъ уѣздѣ Анзѣвской льсной ярмарки, съ помощію собранныхъ имъ крестьянъ, спасъ отъ истребленія въ р. Кубинѣ, сорванную сильнымъ напоромъ воды, урону съ льсомъ, на сумму до 25 т. руб. сер., и притомъ избавилъ отъ неминуемой гибели оставшихся на оторванныхъ плотахъ людей, изъ которыхъ трое, стремленіемъ воды унесенные почти въ Кубенское озеро, спасены Королевымъ безъ помощи другихъ.

Появнмъ добромъ и спасающіе подвиги, хотя они стоили жизни великодушнымъ людямъ, предпринимавшимъ ихъ, и не могли спасти того, для кого были совершены:

Изъ Полтавы. Казацья дочь, купавшись въ Ворсклѣ, попала въ глубокое мѣсто и стала тонуть. Подполковникъ Богдановичъ, находившійся въ это время на берегу, бросился въ рѣку, на помощь къ утопавшей; но послѣдняя, въ беззамѣтность, судорожно схватила его обѣими руками за шею, такъ что лишила возможности бороться съ водою и увлекла на глубину, гдѣ они оба и утонули...

Изъ Ямполья (Подольской губ.). Дѣти одного крестьянина, Сидоръ 11, и Петръ 9 лѣтъ, погнали воловъ къ рѣкѣ на водопой. Здѣсь Петръ, схвативъ вола за хвостъ, вздумалъ переплыть съ нимъ черезъ рѣку, но сталъ тонуть. Сидоръ, видя погибавшаго брата, не задумавшись кинулся въ воду, даже не раздѣвшись, и разумеется, слабый мальчикъ утонулъ вмѣстѣ съ братомъ....

Наконецъ, скажемъ спасибо Клинискому крестьянину Сергію Трифонову, который, въ Іюль мѣсяцъ, стережа лошадей въ ночную, поймалъ разбойника-волка, замышлявшаго недоброе противъ товарищей Трифонова и уже поранившаго одну дѣвочку: онъ ослѣдилъ его и уговорилъ спастись самогонъ. Свѣрый хищникъ еторгалъ у молодца-крестьянина палець правой руки; но богатырская рука не знаетъ боли, и при случаѣ, навѣрно, не откажется поработать за ближняго....

ПРИВѢТЪ ПЕТЕРБУРГА МОСКВѢ.

(Сообщено).

Москва первопрестольная, гдѣ твоя колыбель?— Подобно полевому прозябанію, самою природою возмелѣянному на пивѣ, возникла древняя столица на Святой Руси. Чья градостроительная рука послала зерно, произрастившее такое могучее дерево, подѣ ветвями котораго, далеко раскинувшимися, живутъ въ завидной тишинѣ разноплеменные народы?...

Москва сердце Руси, съ того времени, какъ предки наши запомнѣть ея мѣдичество. до нашихъ дней, хранить свои патріархальныя права въ первобытной чистотѣ. Обычаи ея славятся гостепріимствомъ, радушіемъ, любовью. Обитателямъ земли Русской и пришельцамъ иноземнымъ—всѣмъ равно открыты объятія матушки Москвы. Въ твердыняхъ ея блококаменныхъ заключается великая святѣя, чертоги и внѣдѣ Царей Русскихъ. Сколько поминѣ, по преданію, Москва прожила семьсотъ вѣковъ; но чѣмъ сопровождались дни ея бытія? Великая Московія рушила поработѣніе Руси подѣ игомъ Монголовъ и собралѣ воедино междоусобныя княжества удѣльныя, распространила предѣлы отечества, присоединивъ къ нему, по праву оружія и договоровъ, цѣлыя царства; перенесла въ скорбномъ испытаніи годину непризнанныхъ правителей самозванцевъ, насмѣливыхъ съ запада; преподала вѣковыя законы Руси; открыла источникъ просвѣщенія; возстановила древнюю династію Мономаховъ, изъ среды которой одинъ Великій Государь возсоздалъ Русь, основалъ на стѣрвѣ ея столицу, ставшую въ раду съ первопрестольными городами Европейскихъ государствъ....

Москва православная не ехидла неслѣдѣщихъ сокровищъ, упоела на благодѣ Провидѣнія. Она была богатою, и Творцу щедро выражала благодарность, она была и бѣдною, и остальную лепту посвящала Ему, предавая себя безусловно подѣ Его святѣй вровѣ. Москва алатоглавая еще въ глубокой древности воздавала безчисленныя храмы Божіи; не жалѣла на украшеніе ихъ ни золота, ни иныхъ драгоценностей. Іерархи первопрестольной, насладовавъ внѣдѣ вѣчной жизни, неслѣдно починѣ въ ея святѣйцахъ, и излѣчаютъ вѣрующимъ врачество. Они служили съ безукоризненною преданностію своимъ Государямъ, запечатлѣвая вѣрность жертвою своей святѣйской жизни. Благословеніе ихъ напутствовало рать на противоборство со врагами, и молитвы ихъ были приняты свыше неслѣдѣ полчища иноплеменихъ, посвятавшихъ подѣ предѣлѣтельствуемъ силныхъ полководцевъ на свободу и святѣйшу

Руси,—пали подъ оружіемъ Русскихъ, и въ твердыхъ Кремляхъ, вмѣсто ожидаемаго триумфа, нашли пылающій костеръ....

Таковы историческія судьбы Москвы!—Петербургъ привѣтствуетъ родную съ заповѣдною стариной, привѣтствуетъ сыновнею любовью. Въ твоихъ стѣнахъ, Москва, возникла у гениальнаго Царя великая мысль создать градъ Св. Петра, и сѣверная столица существуетъ уже болѣе полутора вѣка. Петербургъ, подобно Москвѣ, хранить народность Руси, преданность своимъ Царямъ и непоколебимость православія. Въ столь краткій періодъ, сѣверная столица оказала многіе примѣры героизма: въ своихъ земляхъ и въ краяхъ чужеземныхъ, побѣдоносное ея воинство собирало лавры, ограждая Отечество, подавляя мятежи, возстановляя престолы, и совершило святой подвигъ воссоединеніемъ съ отечественною Церковью отчужденныхъ некогда отъ нея невольныхъ сыновъ Западной Руси. Въ Петрополѣ возникъ безцѣнный трудъ систематическаго собранія Законовъ: устроены небывалая въ свѣтъ образцовая армія и сильный флотъ; процвѣтаютъ въ обширныхъ размѣрахъ науки, художества и торговля; созидаются величественные храмы Божіи и дворцы, гигантскіе мосты, крѣпости и памятники въ честь великихъ людей и достопамятныхъ событій, происходившихъ въ Отецествѣ и внѣ его предѣловъ.

Соревнуя Москвѣ, Петербургъ являетъ чудеса своими дѣлами, которыя заняли уже почетное мѣсто въ бытосказаніяхъ Руси. Отъ первыхъ дней существованія своего, сѣверная столица связана съ первопрестольною узамъ родства и дружбы, только физическое пространство разлучало ихъ, такъ что, желая подать другъ-другу голосъ, они долго выжидали отклика. Великій основатель Петербурга, устроивая пути въ Россіи, учредилъ до Москвы усовершенствованный почтовый трактъ; мудрая Государыня, которую въ Европѣ называли Сѣвѣрною Семирамидою, предполагала сблизить между собою столицы прорытіемъ огромнаго канала. Наконецъ, въ настоящую эпоху, Петербургъ связанъ съ Москвою дневнымъ путемъ вѣды. Отецеская попечительность Императора Николая совершила, при усердіи и любви Его народа, трудъ, который для предковъ нашихъ казался бы баснословнымъ: учреждена въ центрѣ Россіи, на одной линіи, Санктпетербурго-Московская желѣзная дорога, и дѣйствіемъ механизма и паровъ—торжества современной науки—открылось между столицами каждодневное сообщеніе на шестисотверстномъ разстояніи. И такъ, Петербургъ подаль руку Москвѣ! отнынѣ столицы какъ бы всту-

пили въ новый періодъ своей жизни. Что ожидаетъ обоюдная ихъ будущность? — Огвѣчаемъ словами древнихъ: если причина полезна, то слѣдствія ея плодотворны. Истина не оспаривая! Польза отъ быстроты и удобства сообщеній признана во всей просвѣщенной Европѣ и Америкѣ, и осуществилась на самомъ опытѣ. Связь сношеній между отдаленными предѣлами Россіи, имперіи многонаселенной, должна происходить предпочтительно по самому скорому пути: это одна изъ политическихъ и военныхъ потребностей обширнаго государства. Въ неизбежную голину общественныхъ бѣдствій,—эпидеміи, голода или пожаровъ, безотложная и быстрая пересылка по желѣзной дорогѣ пособій облегчить участь страждущихъ. Въ разчетахъ коммерческихъ, для Россіи, страны по преимуществу земледѣльской, немедленный переводъ товаровъ къ портовымъ и пограничнымъ городамъ доставить огромныя выгоды, при обилии и постоянномъ требованіи за границу коренныхъ ея продуктовъ. Сколько еще другихъ болѣе или менѣ важныхъ и существенно полезныхъ усовершенствованій, и какого усиленнаго развитія общественнаго богатства ожидаетъ Россія отъ учрежденія на всей поверхности ея желѣзныхъ дорогъ! И чего не можетъ народъ Русскій, руководимый державною волею своихъ Государей, для которыхъ благо вѣрноподданныхъ есть ихъ собственное благо!—Говоримъ безъ лицепріятія, и ссылаемся на исторію Руси...

Привѣтствуемъ великую Москву съ знаменитою ея повизной.

Петербургскій житель.

С. Петербургъ.
1851.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКАГО ТЕАТРА.

А. Григорьевъ.

IV.

Г-жа Самойлова 1-я.

Съ нѣкотораго времени, Московская сцена особенно счастлива на прѣзжихъ гостей. Еще живы для всѣхъ впечатлѣнія, оставшіяся игрою г-жи Самойловой 2-й, кратковременное пребываніе которой было такою важною эпохою въ исторіи нашего театра, какъ само по себѣ, такъ и потому еще, что возбуждало сочувствіе всей образованной массы, заставляло постоянно ходить въ театръ многихъ, которые бывали въ немъ только два-три раза въ годъ, или даже разъ въ нѣсколько лѣтъ, — еще живы, повторяю я, эти впечатлѣнія, еще многимъ слышатся какъ будто волшебные звуки этой вполнѣ женственной, мягкой, ласкающей рѣчи, рисуется передъ глазами воздушный, дѣвственный образъ и прекрасная, выразительная физіономія артистки, и ея гибкія, граціозныя движенія... — а вотъ Петербургъ прислалъ намъ еще другую гостью, которая также, хотя не въ такой высокой степени, можетъ быть названа украшеніемъ отечественной сцены.

Москва, гдѣ довольно значительно развито чувство изящнаго, точно также по достоинству оцѣнила и г-жу Самойлову 1-ю, какъ оцѣнила она г-жу Самойлову 2-ю, — восхищалася ея умною, живою игрою, приветствовала ее данью рукоплесканий и восторгъ, — но далеко не тѣ были эти восторги, далеко не такъ обильна была эта дань, — какъ восторгъ, который возбуждала очаровательная Микаэла, Провидіалка и княжна Ольга, какъ дань, которая падала къ ногамъ граціознѣйшей изъ артистокъ.

Это былъ и былъ несомнѣнная. Въ ней нѣтъ ничего оскорбительнаго для таланта г-жи Самойловой 1-й. Не самое дарованіе ея, но родъ, но амплуа этого дарованія тому причиной. Дарованіе ея, само по себѣ, и сильно, и блестяще, но оно одностороннее, притомъ односторонность его такого свойства, что не можетъ возбудить сильной и прочной симпатіи, не можетъ дѣйствовать особенно обаятельно на такую массу, которая требуетъ не однихъ мимолетныхъ впечатлѣній. Постараюсь объяснить мою мысль, и вмѣстѣ съ тѣмъ указать причины, по которымъ образованное большинство не увлеклось въ такой степени Самойловой 1-ю, какъ увлеклось ею Самойловой 2-ю.

Поклонники таланта г-жи Самойловой 1-й — а къ нимъ причисляю себя и я — согласятся, конечно, все въ томъ, что, *во-первыхъ*, артистка, во время пребыванія своего въ Москвѣ, подарила намъ только однимъ цѣлымъ и художественнымъ впечатлѣніемъ — въ опереткѣ: «Дочь второго полка», — что, *во-вторыхъ*, въ двухъ серьезно-комическихъ роляхъ, въ роли «Мирандолины» и Славской (въ пьесѣ: «Въ людяхъ антелъ — не жена», она только на половину была удовлетворительна, — что, *въ-третьихъ*, въ драматической роли Марин, въ «Материнскомъ Благословеніи», она была весьма слаба, — и что, *въ-четвертыхъ*, наконецъ, все остальные ея роли въ «Цыганкѣ», въ «Бѣдовой дѣвушкѣ», въ «Воденикѣ съ переодѣваньемъ», и проч., собственно не роли, а *tour de force*, мало относящіяся къ области искусства. Въ нихъ можно выказать дарованіе, какъ потенцію безъ содержанія, но къ дарованію безъ внутреннего содержанія, въ какой бы сферѣ искусства оно ни проявлялось, болѣе или менѣе останется довольно равнодушною публика, которая не дошла еще до того, чтобы вызывать: *rapet et cipepses!* Съ горькимъ и непріятнымъ чувствомъ высказываю я этотъ судъ надъ талантомъ блестящимъ и самобытнымъ, къ сожалѣнію разивившимся на мелочь или вдавшимся въ односторонность противно-художественную, но, думаю, по моему крайнему убѣжденію, что этотъ судъ справедливъ и при томъ въ болѣе или менѣе степени сознательно произнесенъ большинствомъ, толпою, которая весьма рѣдко обманывается въ своихъ симпатіяхъ. Мнѣ могутъ возразить, конечно, что и Самойлова 2-я играла не Богъ знаетъ какія серьезные роли во время своего пребыванія въ Москвѣ, что ходульность какой-нибудь Французской мелодрамы стоитъ въ своемъ родѣ непреходящей пошлости *Воденика съ переодѣваньемъ*. — Такъ! — Но своимъ женственнымъ чувствомъ Самойлова 2-я пополняла пробѣлы ролей, но играя всюду сама себя, какъ талантъ по преимуществу субъективный — развивала передъ нами безконечныя варіаціи на весьма серьезную тему, на тему женственности — женственности въ хитрой ли и ловкой борьбѣ, въ граціозномъ ли кокетствѣ, въ страстныхъ ли порывахъ, въ страдающихъ ли отринутой и безнадежной любви. Повсюду звучала эта тема и влекла къ себѣ неотразимо, и жадно приковывался взглядъ къ прекрасному лицу, въ какія бы странныя рамы онъ ни былъ вставленъ.... Определите же мнѣ основную тему, внутренний смыслъ всего того, что играла намъ г-жа Самойлова 1-я — всѣхъ этихъ цыганенокъ, старушенокъ, и бѣдовыхъ дѣвушекъ, всѣхъ этихъ безобразныхъ штукъ, которыя были выносимы только благодаря присутствію дѣйствительно-яркаго таланта въ артисткѣ ихъ испол-

павшей!... Вы не определите, не отыщете и намека на какое-нибудь содержаніе—значить, не имѣете права винить и публику въ маломъ сочувствіи къ таланту, исключительно посвятившему себя на подобные, странныя роли. Ни добраго смѣха, ни искренняго, чистаго наслажденія, не могли вамъ доставить эти безсмысленныя карикатуры—и не грѣлъ васъ нисколько талантъ, потраченный на нихъ бесполезное воспроизведеніе, хотя и свѣтилъ подъ часъ яркими искрами.

Служеніе музъ не терпитъ суеты.

Истинному, сильному таланту г-жи Самойловой 1-й недостаетъ серьезнаго повиновенія самаго себя, недостаетъ любви къ правдѣ жизни и правдѣ искусства—и вотъ въ чемъ, а не въ недостаткѣ теплоты, какъ думали некоторые, заключается его существенный порокъ. Все есть въ этомъ талантѣ—и самобытная сила, и самобытная особенная грація, и даже страстность—это высшее свойство истинно-художнической организаціи,—и все это свѣтитъ только фео-рическимъ блескомъ при отсутствіи внутренней основы, и потому все это дѣйствуетъ на публику мимолетно, не прочно. О, если бы г-жа Самойлова 1-я вдалась въ настоящую односторонность своей особеннoсти, въ этотъ типъ граціозно и вмѣстѣ резко-шаловливой дѣвочки, полурепбенка—полуженщины, который съ такою, можно сказать, поэзіею, осуществила она въ *Дочери втораго полка* и даже въ *Танцовщицѣ Флёретты*, въ водевилѣ: «Взаимное обученіе»,—и если бы, съ другой стороны, чувство изящнаго отталкивало ее отъ безобразныхъ ролей *переодѣванья*! Тогда никто и не подумалъ бы винить Самойлову 1-ю за ея односторонность. Въ этой односторонности есть прелесть, въ этомъ типѣ есть поэзія, какъ во всякомъ типѣ, дѣйствительно существующемъ. Резкость, даже бойкость интонацій и движеній пахотия бы оправданіе въ самомъ типѣ, не исключили бы особенной граціи, можетъ быть также привлекательной, какъ грація чистой женственности.

Отъ этого общаго заключенія о талантѣ г-жи Самойловой 1, который тѣмъ не менѣе остается все-таки талантомъ истиннымъ, перейду къ частной оцѣнкѣ, къ ролямъ, играемымъ артисткой-гостью на нашей сценѣ. Какъ я сказалъ уже прежде, цельное, полное впечатлѣніе сдѣлала на зрителей только одна большая роль «Марія», въ опереткѣ: «Дочь втораго полка», къ которой можно также присоединить маленькую но чрезвычайно граціозную роль танцовщицы Флёретты, въ водевилѣ: «Взаимное обученіе». Съ этихъ ролей и слѣдуетъ начать сценку игры г-жи Самойловой 1-й.

Оперетка «Дочь второго покла»—вещь весьма педурная, если смотреть на нее, только какъ на драматическое либретто. Характеръ героини пьесы, «Марія», довольно эксцентриченъ, и точкой отправленія взята для него, если хотите, нелѣпость, но допустивши эту нелѣпость разъ, какъ въ сказкѣ, вы можете сочувствовать ея разумнымъ послѣдствіямъ. Эта нелѣпость не болѣе, какъ канва; по этой канвѣ развивается милый, бойкій, дѣтски-рѣзвый характеръ, въ которомъ *la force du naturel*, или, лучше сказать, сила разъ усвоеннаго имъ, совершенно неестественнаго положенія, беретъ верхъ надо всѣмъ, прорывается повсюду. Марія — нѣчто въ родѣ дикарки, но дикарки лагерной, солдатъ по замѣшкамъ и даже по душѣ, ребенокъ по чистотѣ, которой печать ложится у нея на все нѣсколько грубоватое, ей усвоенное, женщина по граціи, которую сообщаетъ она безсознательно каждому перенятому ей мужскому движенію, — странное, фантастическое существо, при первомъ появленіи котораго передъ вами, вы невольно вспоминаете слова поэта:

Какъ мальчикъ кудрявый рѣзвъ,
Нарядна какъ бабочка лѣтомъ.
Значенья пустаго слова
Въ устахъ ея дышать привѣтомъ.

Ибо дѣйствительно привѣтомъ, ласковымъ, милымъ привѣтомъ ребенка дышать ея намѣренно-грубыя рѣчи. Дитя—всѣми мѣрами заботится о томъ, чтобы походить на солдата, а не на женщину, заботится въ простотѣ души—и потому это выходитъ такъ странно и вмѣстѣ такъ мило... Характеристично въ особенности отношеніе ея къ старому Трульйону, тому изъ ея бравыхъ отцевъ, котораго моральное вліяніе надъ нею особенно сильно, и который съ своей стороны, самъ того не зная, подчиненъ то же ея вліянію, вліянію ея чистоты и прелести. Лукавый ребенокъ знаетъ свое вліяніе—и въ правѣ спросить съ дѣтскою удалю, поссорясь съ старымъ Трульйономъ, за свою первую любовь, — что они, ея отцы, будутъ безъ нея дѣлать?... Нельзя передать словами, до какой степени хороша Марія въ этой сценѣ, — какъ граціозны тутъ ея солдатскія ухватки, какъ рѣшительна ея вопросъ и мило-смыслъ жестъ его сопровождающій!... Какъ много тутъ и дѣтской досады и сознанія своего вліянія. Съ другой стороны, какъ много женскаго въ злости, съ которой подчиняется она потомъ военной дисциплинѣ, и по слову: на лѣво кругомъ марш! идетъ прочь отъ своего милаго, не забывши жестомъ и взглядомъ пригрозить старому Трульйону:—ужъ вымещу же, дескать, тебѣ, старой чорт!... И потомъ, какъ искренняго хочетъ она мириться съ нимъ, — какъ нежно,

и вместе какъ по солдатски—грубо подаетъ она ему руку! Но — напрасно! Поникъ головою съдой Трульйоной, не слушаетъ онъ ласковыхъ речей дочки: она уже не его дочка, не дочь славнаго второго полка.... она племянница знатной барыни, она должна оставить ихъ,—она вырвана изъ своего эксцентрическаго положенія. Въ послѣдній разъ собирается храбрый полкъ подъ барабанъ Марин, въ послѣдній разъ, пополамъ съ ея слезами, звучитъ веселая полковая пѣсня:

Это онъ, это онъ,
Это полкъ родной,
Это любимецъ славы!...

и вы сочувствуете невольно горю Марин, горю ея храбрыхъ отцевъ и товарищей....

До сихъ поръ нѣтъ еще нелѣпости, а есть только странный исключительное положеніе, которое и кончается—вы думаете? Тотъ и дѣло, что нѣтъ. Нелѣпость въ томъ, что неестественная, эксцентрическая закладка характера Марин торжествуетъ надъ всеми обыкновенными человеческими отношеніями. Но что за дѣло до этого?... Самое существо, которое бѣсится передъ вами свою чопорную тетюшку солдатскими ухватками, которое такъ много бранится по-солдатски, забывая на каждомъ шагѣ, что дала слово отстать отъ своихъ удамыхъ привычекъ, и спохватываясь только тогда уже, когда совсѣмъ дастъ имъ волю,—существо, которое нетерпѣливо сердится, принужденное пѣть сладенькій романсъ, и, вышедши изъ себя, съ лирическимъ энтузіазмомъ восклицаетъ: «то ли дѣло наша полковая!... и поетъ эту *полковую*—и маршируетъ опять съ своимъ старымъ Трульйономъ, маршируетъ съ какимъ-то торжествомъ и достоинствомъ,—это странное существо прелестно, не смотря на свою эксцентричность... И что дѣлается съ нею, когда слышала она снова звуки пѣсни своего полка, — съ какимъ воплемъ бросилась она къ окну, съ какимъ упоеніемъ поетъ она вмѣстѣ съ нимъ....

Отчизна святая!
Тебѣ привѣтъ....

Впечатленіе ваше цѣльно, полно, вы уносите съ собою причудливо-прелестный образъ полковой дочки, — вы припоминаете мотивы ея пѣсенъ, и ея пѣсни, ея жесты, ея фразы преслѣдуютъ васъ еще долго, долго....

Вотъ первая роль, въ которой истинною артисткою является *г-жа Самойлова 1*, — которой полнѣе правды, силы и даже юмора созданіе доказываетъ несомнѣнно существованіе высокаго таланта въ артисткѣ. Въ этой же роли является съ самой блестящей сго-

роны и специальность этого таланта. Нечего говорить, кажется, что безъ особеннаго предрасположенія къ этому типу полу-мальчика, полу-дѣвочки, однимъ словомъ, женщины въ переходную эпоху ея моральнаго и физическаго развитія, нельзя было бы осуществить такъ хорошо этотъ типъ, поставленный при томъ въ самое неключительное положеніе... Многіе находили, что въ этомъ общемъ типѣ женщины въ переходную эпоху, какъ она является въ игрѣ г-жи Самойловой въ равныхъ роляхъ, между прочимъ и во второй половинѣ водвилы: «Бѣдовая дѣвушка», сличковъ много бойкости, рѣзкости, и мало мягкости, но едва ли это замѣчаніе справедливо, едва ли мягкость и нежность свойственны этому типу... его красота и прелесть—въ рѣзкости, тѣмъ болѣе, что у г-жи Самойловой 1-й, эта рѣзкость не является заранее обдуманною и рассчитанною, а представляется чѣмъ-то совершенно непосредственнымъ, чуждымъ оглядокъ и заднихъ мыслей, — что это особенное свойство ея рѣзкости, ярче всего кидается въ глаза въ ея игрѣ, проявляется вездѣ, даже въ самыхъ неудачныхъ роляхъ ея игранныхъ. Приведу въ примѣръ, въ роли «Маріи» въ «Материнскомъ благословеніи», движеніе и тонъ словъ: *Пьерро, Пьерро, Пьерро,* съ которыми бросается она отворять дверь товарищу своего дѣтства, тотчасъ же послѣ чтенія страстнаго письма Андре: и движеніе и тонъ словъ были въ высшей степени нехарактерны положенію *Маріи*, но на столько же чужды общему любовному типу, и потому неотразимо привлекательны.

Другая роль, въ которой г-жа Самойлова 1-я произвела столько же полное и цѣльное впечатлѣніе — роль *Флёретты* въ водвилѣ: «Взаимное обученіе» (*L'enseignement mutuel*), данномъ въ первый разъ въ бенуэвѣ г. Шумскаго — роль значительно меньшая по объему и значительно же болѣе легкая по содержанію. *Флёретта*—нѣчто въ родѣ Парижскихъ гризетокъ, но не тѣхъ, которыхъ такъ мастерски создаетъ А. де-Мюссе, не Бернеретта, способная къ страстной любви и полному самоотреченію, не одна даже изъ героинь *Шомьеры* или бала Большой оперы, которая въ костюмѣ Дебардѣра пускается на *вся тѣлесная* отъ рюмки абсенту до бѣшеннаго канкана, котораго эксцентрическими движеніями сочувствуетъ такъ мало Парижская полиція,—нѣтъ, *Флёретта* еще менѣе всего на свѣтѣ настоящая женщина; это—гризетка въ зародкѣхъ, прѣстѣнная, шаловливо-рѣзвая, почти мальчишка въ юбкѣ, хотя и можно догадываться по некоторымъ ея движеніямъ, какъ напримѣръ по движенію, сопровождавшему слова ея: «я танцовщица», по смѣлой отвѣгѣ и даже удамѣ, съ которой поетъ она

застольную пьесу, — что она со временем будет отличаться из балъ большой оперы и нести въ бышеномъ галюнь. Но это даютъ предугадывать только немногія движенія, немногія фразы, большею же частію Флёретта—ребенокъ—ребенокъ и по той свободѣ, съ которой располагается она въ комнатѣ молодого студента медицины, и по шаловливому тону ея отвѣта на вопросъ: «*чему же вы учились?*», сопровождаемому трелью ногъ, которыми такъ и хочется по видимому попрыгать.... Милый, очаровательный, простодушный ребенокъ!...

Вотъ, по моему убѣжденію, двѣ роли, въ которыхъ талантъ г-жи Самойловой 1-й производилъ впечатлѣніе изящное и довольно сильное. Въ «*Дочери втораго полка*» и въ «*Флёретта*» водевіа «Взаимное обученіе» было много новизны. Тотъ и другой образъ отрядно было увести съ собою.

За этими двумя ролями слѣдуютъ другія, которыя хотя и представляли собою довольно выгодную канву, но въ которыхъ г-жа Самойлова 1-я была или вполнѣ удовлетворительна, или даже вовсе неудовлетворительна. Къ числу первыхъ принадлежатъ роли: *Славской* въ водевилѣ «Въ людяхъ ангелъ не жена, дома съ мужемъ сатана», и *Мирандолина* въ комедіи этого имени.

Роль «*Славской*», созданная когда-то такъ художественно незабвенной Русской артисткой, такъ рано оставившей сцену къ сожалѣнію всѣхъ истинныхъ друзей искусства, представляетъ собою весьма удобную канву для выраженія очень многихъ оттѣнковъ женственности—лукавства, кошачьей ласковости, капризности маленькаго домашняго демона, порывовъ доброты и чувствительности. Все это вполнѣ, всецѣло передавала нѣкогда *Н. В. Рѣпина*, все это еще живо въ памяти публики Московскаго театра, неизлажено игрою въ этой-же пьесѣ, другихъ актрисъ и на Москву, надобно признаться по совѣсти, трудно угодить какой угодно артисткѣ въ этой роли. Г-жа Самойлова 1 прекрасно передала одну сторону характера *Славской*—и была истинно хороша только въ сценахъ каприза во второмъ дѣйствіи. Въ сценахъ третьяго дѣйствія, въ объясненіи съ мужемъ было очень много дѣтской шаловливости и мало женской хитрости. Она слишкомъ резко высказывала мужу свои задушевные мнѣнія о матушкѣ и старомъ другѣ, или, лучше сказать, играла такъ, что явнымъ образомъ выражала ихъ публикѣ, а не мужу подъ секретомъ. Въ первомъ дѣйствіи игра артистки была безцвѣтна, и въ досадѣ ея на мужа за то, что тотъ увозитъ ее съ балу, опять таки выражалось нѣчто дѣтское, а не женское.

Мирандолина — остатокъ добраго стараго времени, комедія явнымъ образомъ написанная на заданную тему, и по всей види-

ности происхожденія Немецкаго, — такъ тяжела ея шутливость, такъ назидательно заключеніе, и такъ наконецъ приторно кокетство героини. Въ исполненіи этой роли наша прекрасная гостья впадала часто въ жеманство, совершенно несвойственное ея таланту, да и едва ли можно винить за это г-жу Самойлову 1-ю. Роль и сама по себѣ — аффектированная, и въ добавокъ еще совершенно выходитъ изъ предѣловъ ея рода.

Наконецъ совершенно неудовлетворительна была г-жа Самойлова 1 въ драмѣ: «Материнское благословеніе». Въ исполненіи этой роли, кромѣ мѣста, указаннаго мною выше, невѣрнаго въ отношеніи къ положенію героини, но граціознаго въ высшей степени, да еще вопля, вырвавшагося у артистки прямо изъ души въ минуту, когда Марія видитъ въ окно брачный поѣздъ, — вопля, напомниващаго страстные порывы Микаэлы, — не на что указать, какъ на достойное искусства: напротивъ, все было рутинно, рассчитано на внѣшнихъ эффектахъ, иногда очень не тонкихъ, какъ напримѣръ вся сцена втораго акта, когда Марія раздвѣается, и идетъ къ кровати ошупью, ушибаетъ ногу и т. д. Если артистка думала въ этомъ случаѣ быть вѣрною природѣ, то она жестоко ошиблась. Очень легко могло случиться, что Марія ушибла въ это время ногу, но это обстоятельство, кромѣ чувства очень непріятнаго, впечатлѣнія не производитъ. Мало ли что люди дѣлаютъ, и что съ людьми дѣлается въ ежедневной жизни, — и если гоняться за естественностію такого рода, то можно дойти до крайне смѣшныхъ подробностей.... Вставка баллады покойнаго Варламова «Безумная», принадлежащая (замѣтимъ это между прочимъ) далеко не къ лучшимъ произведеніямъ нашего незабвеннаго музыканта, ничѣмъ не объясняется и даже противорѣчитъ положенію Маріи, какъ эффектъ довольно грубоватый. Самое исполненіе этой баллады, жесты артистки во время пѣнія, бѣганье по сценѣ и проч. были слишкомъ натянуты, и скорѣе способны разрушать очарованіе, нежели производить его.... Наконецъ даже пляска съ Савойской пѣснью въ третьемъ дѣйствіи вышла вовсе не такъ проста и безъискусственна, какъ у г-жи Косицкой, которая вообще играетъ эту роль *душею*, и заставляеть забывать нелѣпость и сантиментальность драмы.

Что же показываютъ подобные эффекты, какъ не недостатокъ серьезнаго сознанія достоинства своего таланта въ артисткѣ, столько даровитой, какъ г-жа Самойлова 1-я?... По самому уваженію къ ея таланту нельзя говорить объ этихъ эффектахъ безъ нѣкотораго негодованія, равно какъ нельзя было безъ досады видѣть, сколько ума и искусства тратилось г-жею Самойловой 1 на безобразнѣйшія, противуположныя штуки въ родѣ «Водевиль съ переодѣваньемъ» и

проч. «Водевилъ съ переодѣваньемъ» въ особенности возмутителенъ для эстетическаго чувства. Смотрѣть въ немъ можно на г-жу Самойлову I только развѣ тогда, когда она является цыганенкомъ; — на переодѣванье же въ *старушку* и въ *шутиху* смотрѣть больно, какъ на различныя, слишкомъ мудренныя *trucs de force*.

Блдовал дпеушка немного поноснѣе Водевила съ переодѣваньемъ, хотя отличается крайней пустотою. Артистка копировала здѣсь разныхъ Петербургскихъ артистовъ и артистокъ Итальянской труппы; наиболее удачно копировала она одинъ разъ Гризи — и въ последнее представленіе — Рубини, котораго живо, хотя и въ каррикатурѣ, напомнила она въ известной аріи изъ *Сомнамбулы*:

Il più triste dei mortale...

Наименѣе удачно копировала она М-ме Плесси, хотя эту артистку и довольно легко копировать.

Въ водевилѣ «Цыганка» г-жа Самойлова I спѣла нѣсколько цыганскихъ пѣсень, — нѣкоторыя, какъ мнѣ кажется, прекрасно, какъ напримѣръ *сарафанчикъ*, за исключеніемъ произвольнаго ускоренія такта въ серединѣ пѣсы и припѣва, «*немаглядный ты мой*», въ которой особенно хорошо выходили низкія контральтовые ноты, «*Мы дѣтъ цыганки*», и одну неудовлетворительно («Жилъ былъ у бабушки оверенькой козликъ»). Вообще, г-жа Самойлова I поетъ превосходно, но цыганскіе мотивы передаетъ она не въ чистотѣ ихъ, а съ примѣсью разныхъ произвольныхъ украшеній, какія удалось ей слышать у той или другой изъ цыганокъ, что конечно нравится не всѣмъ, какъ не всѣмъ нравится вообще манера передавать наши родные мотивы съ разными присвистываньями, можетъ быть и буквально перенятыми у какого-нибудь ямщика, но ни мало не относящимися къ чистому народному пафву.

Вотъ какія замѣчанія счелъ я долгомъ высказать объ игрѣ и пѣніи даровитой артистки, которая все таки остается одною изъ лучшихъ Русскихъ артистокъ, и была бы украшеніемъ не одной только Русской, но и всякой другой сцены.

БЕНЕФИСЪ Г. САДОВСКАГО.

Объявляя предварительно о бенефисъ г. Садовскаго, мы выразили свои надежды на его успѣхъ, въ томъ убѣжденіи, что въ талантѣ нашего знаменитаго артиста мы знаемъ такіа серьезныя черты, которыя не позволяютъ намъ ограничивать кругъ его деятельности областью комическаго. — Надежды наши обезпечивались особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что артистъ, руководимый строгимъ знаніемъ своихъ средствъ, остановилъ свой выборъ на «Короля Лирѣ», драмѣ наиболее сообразной съ его средствами. — Бенефисъ однако не имѣлъ успѣха: большинство публики осталось рѣшительно недовольнымъ, рукоплесканія были рѣдки и несмѣлы; вызывали мало. Изъ сужденій, которыя случилось намъ слышать въ обществѣ, нѣкоторыя даже поражаютъ своею строгостью. — Что объ этомъ подумать? Въ самомъ ли дѣлѣ г. Садовскій игралъ такъ неудовлетворительно, или въ приговорѣ большинства такъ много несправедливости? По крайнему нашему убѣжденію, мы становимся на сторону артиста, и позволяемъ себѣ можетъ-быть не совсѣмъ скромную мысль, что игра г. Садовскаго, хотя и не вполне удовлетворительная, все таки удовлетворительнѣе общественной критики, и, главное, заслуживаетъ несравненно большаго участія, нежели осужденія. — Къ этой мысли насъ привело соображеніе всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, при которыхъ игралъ г. Садовскій, а еще болѣе тѣ истинно дорогія, столь рѣдкія на нашей сценѣ черты его игры, которыя большинство, удовлетворенное своимъ недовольствомъ, оставило безъ вниманія. — Мы не навязываемъ нашихъ мнѣній тому, кто явился на бенефисъ г. Садовскаго съ приличнымъ равнодушіемъ къ дѣлу, ничего не принимая въ расчетъ, не разбирая никакихъ обстоятельствъ; мы обращаемся исключительно къ тѣмъ, для которыхъ сцена — дѣло родное, которые интересы искусства включили въ число интересовъ собственной жизни, которые, наконецъ, имѣютъ уваженіе къ своему суду, произносятъ его не съ разу, не иначе, какъ по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла. —

Извѣстіе о бенефисѣ г. Садовскаго встрѣчено было почти всеобщимъ недоумѣемъ. — Большой части публики показалось страннымъ, что комикъ играетъ трагическую роль; не находили въ средствахъ г. Садовскаго того, что привыкли считать необходимой принадлежностью драматическаго актера; нѣкоторые взяли даже на свою совѣсть упрекать честнаго артиста въ излишнихъ притязаніяхъ, въ крайнемъ, ослабляющемъ самолюбіи; были и такіе, которые отрицали у него самостоятельность выбора. — Однимъ

словомъ: было все, что всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда человекъ, забывъ свои собственныя выгоды, беретъ на себя трудный подвигъ на пользу общаго дѣла.—Остановимся на этомъ обстоятельстве; разберемъ, изъ какихъ причинъ произошло такое предубежденіе. Отвѣтить на это легко: съ понятіемъ о драмѣ въ душѣ большей части зрителей связано неразрывно представленіе *известнаго* голоса, *известнаго* тѣлосложенія, *известныхъ* манеръ, походки и т. д. Къ этимъ *необходимымъ* условіямъ драматическаго представленія привыкли мы отъ юности нашей; по силѣ привычки, мы не можемъ отвергаться отъ нихъ и подвергнуть ихъ суду. Явился передъ нами на пр. въ «Гамлетѣ» актеръ съ обыкновеннымъ тѣлосложеніемъ, нѣжнымъ голосомъ, безъ геройской походки: какъ странно бы насъ это поразило, какъ тяжело бы намъ было отрываться отъ своего воображенія приросшіи ложный образъ, и принять въ него новый, созданный, помимо всякихъ постороннихъ нуждъ, по условіямъ, даннымъ въ драмѣ. Или возьмите человека, воспитаннаго въ невѣдѣніи нашихъ привычныхъ и условныхъ взглядовъ на искусство, знакомаго съ драмой изъ чистаго источника, и покажите ему нашу драматическую манеру, къ которой мы привыкли, которую даже любимъ: вѣдь онъ потерится, не будетъ знать, что ему подумать. Мудренаго нѣтъ, что онъ самъ потеряетъ довѣріе къ истинѣ своихъ представленій и уступитъ силѣ общаго мнѣнія.—Мы боимся, чтобъ этого послѣдняго обстоятельства не случилось съ г. Садовскимъ, чтобы онъ, по излишней сочувственности, не счелъ причиною своего неуспѣха недостаточность своихъ средствъ. Какихъ же еще средствъ нужно, для изображенія Лира? Неужели безъ шутокъ нужно быть выше ростомъ?—

Драма молчитъ на этомъ вопросъ; и она позволяетъ актеру быть особенно роста средняго; г. Каратыгину даже вредитъ въ этой роли его высшій ростъ: объ Лирѣ получаешь понятіе, какъ объ уставшемъ атлетѣ. Голосъ г. Садовскаго не принадлежитъ къ разряду басовъ, но онъ достаточно силенъ, пріятенъ и равно удобенъ для драмы, какъ и для комедіи, хотя къ драмѣ онъ еще не успѣлъ его принаровить. Говорили, что ему нужно будетъ бросить свои комическія манеры, чтобы играть Лира. Но кто же видѣлъ когда у г. Садовскаго комическія манеры? У него вообще нѣтъ такихъ условныхъ и связывающихъ манеръ, которыя приковываютъ актера къ известному роду ролей. А манеры, какія есть у г. Садовскаго, какъ и у всякаго человека, онъ бросаетъ всегда, когда онъ на сценѣ, для всякой роли: это одно изъ его особенно рѣзкихъ достоинствъ.

Этихъ немногихъ словъ достаточно для того, чтобы опредѣлить основательность предубижденія противъ средствъ г. Садовскаго. Само по себѣ оно не представляетъ никакой важности и уступаетъ самымъ слабымъ доводамъ; но важно то, что оно даю себя чувствовать артисту, что оно чрезъ это имѣло аліяніе на расположеніе его души, а следовательно и на исполненіе роли. Предубижденные, вѣроятно, и не догадались, что они сами принадлежали къ числу причинъ неуспѣха; имъ было весело оправдать свою мнимую проницательность, и, весьма довольные собой, они понесли изъ театра тотъ судъ, который приготовили заблаговременно.

Наконецъ были и въ игрѣ бенефицианта условія неуспѣха, какъ напр. непривычка къ драматическому роду, сообщенія нѣкоторымъ мѣстамъ несоотвѣтствующаго тона, и нѣкоторыя другія. Но мы считаемъ рѣшительно неумѣстнымъ говорить объ нихъ, потому что не знаемъ ихъ истинной причины; притомъ мы пишемъ скорѣе апологію, нежели рецензію. Недостатки игры и безъ того не только всеми замѣчены, но даже преувеличены. Мы зовемъ вниманіе друзей искусства къ тѣмъ чертамъ его игры, которыя такъ рѣдко встрѣчаютъ. Мы говоримъ про совершенное отсутствіе ложныхъ эффектовъ. Ни одного раза, даже въ самыхъ затруднительныхъ минутахъ, когда сомнительное молчаніе публики обдавало, можетъ быть, холодомъ артиста, онъ не опозорилъ своей роли ни однимъ трагическимъ фарсомъ, и предпочелъ честный неуспѣхъ ложью купленному успѣху. И въ этомъ онъ выразилъ крайнее уваженіе къ искусству, публикѣ и своему званію. Кроме того, мы видѣли (*) стремленіе изобразить данный авторомъ характеръ; нѣкоторыя черты Лира были дѣйствительно опущены или слабо выражены г. Садовскимъ, но намъ лично кажется, что онъ попалъ на настоящую дорогу, что это направленіе есть единственно истинное, что играть Лира нельзя иначе, какъ по этой методѣ. По нашему мнѣнію, при дальнѣйшемъ проникновеніи своей ролью, г. Садовскій выразитъ намъ ее съ полною отчетливостію.

Т. Филиповъ.

Р. а. Выраженная нами надежда, по нашему мнѣнію, оправдалась значительно уже при второмъ представленіи. Нѣкоторыя мѣста драмы, слабо сыгранныя въ 1-е представленіе, вышли поразительно хороши во 2: какъ напр. судъ надъ дочерьми, смерть Лира.

(*) Разумѣется въ драмѣ.

архивологическія извѣщанія. Изъ Ставрополя отъ А. П. Архипова получено объявленіе римскаго двора и суда надъ Царевичемъ Алексеемъ Петровичемъ, изданіе 2, 1718 года. Это изданіе очень рѣдко. У меня былъ экземпляръ во время студенчества, но я, не думавъ еще о собраніи старопечатныхъ книгъ, подарилъ его покойному Библіоману, А. С. Ширлеву, съ надписью, въ ознаменованіе общественной библіотеки. При изданіи Московскаго Вѣстника перепечатавъ въ 1829 году, съ подлиннымъ вѣрно. Нынешнему приобрѣтенію очень радъ. Изъ Переяславля отъ А. А. Барыкова получено нѣсколько бумагъ изъ оставшихся послѣ генерала Ступинина. Наконецъ въ Москвѣ приобрѣтенъ мѣдный кашнитскъ, узорчатый горшокъ.

литературныя новости. Племянница, романъ г-жи Туръ, скоро выйдетъ въ свѣтъ.

Отпечатано историческое описаніе города Шуи, Борисова, съ приложеніемъ любопытныхъ документовъ.

Для бенефисовъ г-жи Самойловой 2-й въ Петербургѣ и г-на Щопкина въ Москвѣ написаны двумя знаменитыми писателями Русской литературы двѣ пьесы для первой—Семейное уложеніе, для втораго—Гаррикъ въ Англіи.

Комедія г. Писемскаго Илюхондрикъ получена въ редакціи Москвитинна.

Пятый томъ изслѣдованій о Русской Исторіи г. Погодина долженъ выйти въ свѣтъ въ Декабрѣ.

О М Ъ С Ъ.

ИСКАТІЕ ЗОЛОТА СРЕДНІХЪ ЗАКОНЪ.

II. НА РА Ц Е Л Ъ С Ъ.

Въ пустынной долинѣ Нѣмецкой Швейцаріи, между Цюрихомъ и Швицомъ, жилъ, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, смиренный отшельникъ, по имени Мейнрадъ.

Въ долинѣ не было ни города, ни деревни. Ни одна торная дорога не пролегла по окрестностямъ, и набожный пустыникъ, бывшій некогда, какъ гласила молва, богатымъ и знатымъ дворяниномъ, жилъ одинъ предъ лицемъ Творца и творенія. Это было въ дивное время чудесъ христіанскаго ученія, когда самыя свѣтлыя умы покорялись могуществу слова Христова; въ эпоху, когда Дѣва Марія царствовала во всемъ блескѣ своего небеснаго величія, въ лучезарномъ вѣнцѣ изъ двенадцати звѣздъ, съ серпою луны подъ стопами.

Мейнрадъ принесъ въ свое уединенное убжище одно только названіе Царицы небесной. Вскорѣ набожность и его добродѣтели снискали ему уваженіе окрестныхъ жителей; лѣтъ Богоматери призналъ чудотворнымъ, и богомольцы изъ дальнихъ сторонъ стекались въ Эйнзидленскую долину; жители околицы искали тамъ утѣшенія скорбей и представительства милосердой Заступницы.

Отшельникъ усердно священнодѣйствовалъ въ небольшой часовнѣ Пресвятой Дѣвы. Онъ украшалъ алтарь скромными вкладами набожныхъ молещниковъ. Однажды, во время молитвы, гласъ съ небеси возвѣстилъ ему, что два злодѣя идутъ къ его пещерѣ, чтобы умертвить его и ограбить алтарь. Едва онъ окончилъ молитву, какъ два странника предъстали предъ нимъ, прося пощады.

Мейнрадъ ввелъ ихъ въ свою келью, предложилъ имъ скудную свою трапезу, и, вручивъ душу свою Господу и Пресвятой Богородицѣ, сказалъ имъ: «Всевѣдущій открылъ мнѣ ваши замыслы, брѣтя мои; а не стану защищать жизни мою, но внемлите последней молбѣ моей, не оскорбляйте Царицу небесную святотатствомъ, не оскверняйте алтаря, воздвигнутаго руками монахи, и освященнаго монахи молитвами. Вы не найдете здѣсь ничего, что могло бы насытить вашу алчность. Потиръ сдѣланъ изъ дерева, крестъ свинцовый. Изъ всей утвари только два серебряныя подсвѣчника, даръ усердныхъ богомольцевъ, имѣютъ цѣну; они отнять лѣгко отъ алтаря; возьмите ихъ. Что касается до меня, я готовъ почить въ лонѣ Господа моего.»

Послѣ сего святой отецъ затѣплъ свѣчу у изголовья одра своего, заткнувъ тамъ вѣдущую вѣтвь и поставилъ доудѣ

съ святою родю. Убийцы не пощадили старца. Потому они торопливо обмыслили алтарь, гдѣ, по народной молвѣ, сокрыты были сокровища, и спѣшили удалиться изъ мѣста, куда съ разсвѣтомъ дня стеклись набожные поселане.

Еще въ юности своей Мейнрадъ нашелъ въ развалинахъ двухъ молодыхъ вороновъ, выпавшихъ изъ своего гнѣзда, и выкормилъ ихъ. Съ тѣхъ поръ признательныя птицы не покидали его и последовали за нимъ въ его пустынное убѣжище. Эти вороны, извѣстные всѣмъ жителямъ околлицы, ожесточились противъ убійцы ихъ благодѣтеля: они преслѣдовали ихъ безъ устали и пощады, летя надъ ихъ головами, и зловещимъ крикомъ указывая ихъ общественной мести. Вскорѣ злодея получили заслуженное возмездіе за свое преступленіе, а мученическая смерть отшельника привлекла множество богомольцевъ въ пустыню, гдѣ основался монастырь, приписанный во имя Скорбящей Божіей Матери; и нынѣ еще набожные странники изъ Швейцаріи, Франціи, Италіи и Германіи прибѣгаютъ къ покровительству Пречистой Дѣвы Эйнзидленской долины.

Вначалѣ шестнадцатаго вѣка чудеса въ Эйнзидленѣ стали чаще. Одинъ изъ пресмыкающихся Мейнрада, при теплой, ревностной вѣрѣ, обладалъ, по слухамъ, универсальными познаніями, и странники скопились туда изъ дальнихъ мѣстъ. Тѣ, которыхъ ученіе Іоанна Гуса и Іеронима Пражскаго отвратило, уже отъ благочестивой вѣры среднихъ вѣковъ, приходили въ Эйнзидленъ не для молитвы и покаянія, а за советомъ и цѣлебнымъ зельемъ къ славному врачу Авреолу Парацельсу.

Всегда погруженный въ религиозное созерцаніе и чтеніе священныхъ книгъ, Парацельсъ, по мнѣнію некоторыхъ считался праведникомъ, по разумнѣю же другихъ, это былъ алхимикъ, искатель золота, составитель чудесныхъ эликсировъ, домогавшійся у духа тмы философскаго камня.

Въ эпоху вѣры почиталась наука по большей части титанискимъ похищеніемъ у Божества, борьбой, въ которой новый Прометей становится противоборцемъ Бога и сообщникомъ дѣвола.

И к чему посвящать цѣлую жизнь на изысканіе причинъ каждаго послѣдствія? Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безплодныхъ усилій, развѣ смерть не прійдетъ разрушить мудреца, наравнѣ съ невѣждою, философа наравнѣ съ бродягой? Увы! человекъ могъ идти въ наукъ одну желанную цѣль: устроить себя отъ смерти и приобрести вѣнстошныя богатства.

Вотъ что говорила всегда себялюбивая толпа, которая не постигаетъ ни великодушныхъ влеченій разума, ни жажды любознания, пожирающей немногихъ избранныхъ. И потому, когда

средніе вѣка изнемогали подъ гнетомъ тяжкаго невѣжества, великіе мужи, искавшіе въ наукѣ погибшую мудрость древности, или заветныя тайны природы, были почитаемы за клеветовъ злаго духа, и ихъ называли чернокнижниками и чародѣями. Никто не вѣрилъ, чтобы ученый, слѣдующій безвѣстными для толпы орудіями движеніе небесныхъ свѣтилъ, не вопрошалъ у нихъ о тайнахъ грядущаго, или не искалъ философскаго камня и эликсира долговѣчія, сплавляя разнородныя тѣла на неугасимомъ огнѣ своей химической печи.

Раймондъ Люлій, Парацельсъ, Николай Фламель, великій Альбертъ, Рожеръ Баконъ и другіе ученѣйшіе мужи современнаго общества, долго почитались шарлатанами и еретиками, и не очень давно, разсмотрѣвъ ихъ сочиненія, убѣдились мы, что Раймондъ Люлій былъ великій философъ, гений Лингвистики и общественнаго просвѣщенія; Парацельсъ первый врачъ своего времени, и великій Альбертъ весьма искусный механикъ.

Филиппъ Теофрастъ Бомбасть Гагенгеймъ, известный болѣе подъ именемъ Авреола Парацельса, родился въ 1493 году въ Эйнзидленѣ, гдѣ онъ впоследствии прославился своею ученостію. Отецъ его былъ врачомъ въ Виллахъ, въ Каринтіи (*). Онъ пользовался большимъ уваженіемъ, какъ ученый и близкій родственникъ Георга Бамбоста, великаго пріора Мальтійскаго ордена.

Изъ этого видно, что Парацельсъ былъ не низкаго рода, какъ утверждали многіе изъ его противниковъ, но юность его протекала печально и въ бѣдности. Нѣкоторые историки увѣряютъ даже, что онъ былъ жертвою жестокаго и незаконнаго увѣчья.

Мечтатель еще въ ребячествѣ, слабаго сложенія и безпокойнаго духа, онъ провелъ юность свою у патера Триттейма, своего перваго наставника, роясь въ пыльных библіотекахъ, и отыскивая въ книгахъ причину бытія своего грустнаго существованія. Тогда наука предстала предъ нимъ съ своими таинственными безднами, привлекающими безпокойные умы. Онъ съ жадностію изучалъ различныя системы, воцарившіяся въ разныхъ странахъ схоластической современной Европы, и вскоре покинулъ патера Триттейма, своего наставника и друга, чтобы обойти чужіе края и обучаться въ славнѣйшихъ Европейскихъ Университетахъ. Онъ посѣтилъ Германію, Францію и Италію и вскоре усвоилъ познанія тогдашнихъ знаменитыхъ ученыхъ. Въ первые года шестнадцатаго столѣтія возвратился онъ въ Эйнзидленъ.

Авреоль былъ тогда красивый юноша, статный и ловкій; русыя

(*) И такъ не Славянскій ли онъ былъ? Ред.

кудри и безбородое лицо придавали чертамъ его какую-то женственность. Черное одяніе ученыхъ возвышало матовую близну его лица и рукъ. Вся его движенія сохранили граціозность дѣтскаго возраста, и если бы на высокомъ челв его, и почти въ презрительномъ выраженіи лица, не явилось созваніе собственного достоинства, его женская, безсмысленная наружность вызвала бы улыбку сожалѣнія. Но взгляды будущаго вѣлителя науки, когда дѣло шло о высокихъ философическихъ вопросахъ, пламенѣла такою смѣлою мыслію, одушевлялася такою мощною волею, что никто не дерзалъ предугадывать его будущности, и сомнѣваться въ его гениальности.

Въ эту эпоху, утомленный безвыходною, вычурной болтливостію науки, пріобрѣтенной имъ въ академіяхъ, онъ далъ волю своему честолюбію, и явился къ Сигизмунду Фуггеру въ Шантицъ, славному тогда алхимику, чтобы изучить при немъ тайны философскаго камня. Сигизмундъ обучилъ его, какъ обходиться съ ретортами и химическимъ горномъ, и вскорѣ Авреоль аналъ болѣе своего наставника. Но на темномъ поприщѣ адепта ему нужны были болѣе свѣтлыя совѣты, болѣе полезныя наставленія, чѣмъ тѣ, которыя онъ могъ пріобрѣсти отъ Сигизмунда, и юный любознатель снова пустился въ путь.

Швеція, гдѣ преданія скандинавскихъ догматовъ оставили драгоценныя источники для герметиковъ; Богемія, гдѣ рудокопы отыскивали знаменитую магнитную гору; Востокъ, гдѣ обломки древнихъ наукъ сочетались съ новыми открытіями адептовъ и повѣрьями мистиковъ, послѣднихъ учениковъ Александрійской школы, поочередно были посвящены юнымъ философамъ. Испанія также, прославленная гениемъ и страдальчествомъ Раймонда Люлля, привлекла Авреола, и онъ пробылъ не малое время на берегахъ Средиземнаго моря и подъ тѣнью померанцевыхъ деревьевъ Валенціи.

Разсказываютъ, что не одна улыбка свѣтлаго неба задержала великаго Царацельса на этихъ благословенныхъ берегахъ. Знатная дама, прославленной красоты, полюбила Авреола, за его красоту и гений. У него не было ни семьи, ни друга, онъ былъ одиночекъ среди людей, и до тѣхъ поръ не зналъ другой любви, кромѣ любви къ наукѣ. Новое чувство согрѣло охлажденное сердце, и мудрецъ провелъ близъ своей возлюбленной, въ древнемъ Мавританскомъ замкѣ Андалузіи, единственные дни тихаго, безмятежнаго счастья, присужденные на его долю въ этой жизни. Но въ душѣ его жила одна братская привязанность, одно теплое чувство дружбы, тогда какъ въ сердцѣ его покровительницы горѣла пламенная острѣсть. Она предложила ему свою руку и свое богатство,

но Парацельс, или потому, что видеть въ этотъ союзъ таинственную силу, или покрѣстая непреодолимоу призванію къ герметической наукѣ, убѣждалъ изъ Испаніи.

Независимо, справедливо ли это преданіе, но достоверно, что въ это время Парацельс удивительно измѣнился. Щекъ его вяли, тело покрывалось морщинами, лицо пятнами. Красота юности исчезла; ее смѣнили истощенныя черты неутомимаго алхимика. Нравственность его также много потеряла. Онъ сдѣлался угрюмъ, болѣе алченъ къ наукѣ. Влеченіе къ неизвѣстному превратилось у него въ свѣрхную страсть. Онъ снова пустился странствовать, обошелъ Персію и Тартарию, откуда онъ сопровождалъ ханскому сыну до Константинополя, чтобы научиться тамъ составлять таинственную тинктуру Триссгиста, Грека, пріобрѣтшаго извѣстность между поклонниками Гермеса. На обратномъ пути прѣшелъ онъ чрезъ Трансильванію, Польшу и Пруссію, войдя въ сношенія съ адептами и философами всѣхъ странъ, чрезъ которыя проходилъ.

Около 1524 или 1525 года, онъ жилъ въ Эйзидленѣ, облачась въ расу отшельника при часовнѣ Скорбѣщей Божіей Матери. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему златонскатели, мистики и одержимые неизлечимыми недугами. Авреоль Парацельс, *Несравненный докторъ, царь науки*, не искалъ болѣе,—онъ нашелъ. Онъ обратился къ изученію медицины и хирургіи, и чудесныя его врачеванія, невиданныя до того времени, удивляли ученый свѣтъ. Эколампадъ, изумленный его великими открытіями, сдѣлался его приверженцемъ, и назначилъ его профессоромъ въ Базельскій университетъ. Эразмъ, даже невѣрующій Эразмъ, Вольтеръ шестнадцатаго вѣка, преклонилъ гордое чело свое предъ алхимикомъ, и просилъ у него пособія отъ своихъ недуговъ.

Переписка ихъ сохранилась. Вотъ одно изъ писемъ ученаго автора *Похвалъ дурачества* къ Эйзидленскому пустыннику:

«Эразмъ Роттердамскій, къ искусному врачу доктору, Теофрасту Парацельсу, Пустыннику.»

«Не безумно желать спасенія души врачу, чрезъ котораго Всевышній изцѣляетъ наши недуги. Я удивляюсь, какъ хорошо вы познали меня, видѣвъ одинъ только разъ. Ваши проблемы (*enigmata*) кажутся мнѣ непреложными, не по медицинѣ, которой я не знаю, но по скудному моему разумѣнію.... Нѣсколько уже дней, я не имѣю времени ни заботиться о себѣ, ни хворать, ни даже умереть, такъ я подавленъ работою. Я прошу однако же васъ, прежде чѣмъ плоть моя разрушится, облегчить ея страданія; если вы слишкомъ заняты, растолкуйте мнѣ только, въ нѣсколькихъ словахъ, ваши

замѣчаша, слишкомъ краткія, и пропишите мнѣ что-нибудь; я буду принимать это на досугѣ. Я не могу вамъ вознаградить ваши старанія, которыя цѣню выше моей возможности, и равняю ихъ только моей признательности. Вы вызвали изъ гроба Фробениуса, половину меня самого; вамъ остается спасти другую половину, чтобы обязать насъ обоихъ. Да удержитъ васъ счастливая судьба долго въ Базелѣ; я тороплюсь писать, и боюсь, что вы не прочтете этихъ строкъ. Будьте здоровы.

Эразмъ Роттердамскій..

(Собственноручно).

Фробениусъ былъ типографикомъ Эразма. Видно, что въ это время типографщики жили согласно съ сочинителями, и оба чувствовали, что они составляютъ двѣ половины одного цѣлаго.

Въ Базельскомъ Университетѣ Парацельсъ былъ однимъ изъ удивительнѣйшихъ лицъ своего времени, въ которое однако же жила: Люзеръ, Ома Минтцеръ и Екатерина Медичи. Высокомерный безъ границъ, чванно выказывающій свое знаніе, читалъ свои лекціи на общеупотребительномъ языкѣ, но влеталъ въ нихъ выраженія техническія, не востановитныя, царь медицины, какъ онъ самъ называлъ себя, искалъ эффектовъ, старался изумить своихъ слушателей и вселить въ нихъ страхъ и удивленіе. При открытіи своихъ чтеній, онъ началъ съ того, что публично сжегъ сочиненія Авиценны и Галіена, называя ихъ невѣждами и обманщиками. Потомъ онъ облекъ презрѣніемъ все, что не принадлежало ему или его последователямъ, и охотно допускалъ распространение слуховъ о его обществѣ съ духами другаго міра, рассказывая самъ, что открылъ тинктуру жизни, и знаетъ тайну облагороженія металловъ.

Нельзя отрицать, что Парацельсъ былъ великимъ медикомъ среднихъ вѣковъ, и тогдашнимъ представителемъ новѣйшей науки, но онъ облекъ свои новыя pomysлы, свои удачныя открытія въ торжественность, весьма похожую на шарлатанство. Впрочемъ всѣ великіе люди того времени цѣнили этотъ недостатокъ, необходимый тогда, чтобы привлечь вниманіе безсмысленной толпы и невѣждъ схоластиковъ. Даже Рожеръ Баконъ, несомнѣнный геній, надѣлся свѣтъ мушкетнымъ порохомъ, увѣрялъ, что щепотъ этого состава достаточно, чтобы взорвать городъ.

Не смотря на напыщенность изложенія, Парацельсъ оказалъ несомнѣнныя услуги бывшей тогда въ дѣтствѣ медицине. Ему обязаны мы введеніемъ препаратовъ антимоніальныхъ, меркуріальныхъ, соленыхъ и желѣзистыхъ, которые такъ могущественно

дѣйствуютъ на наши органы. Онъ часто употреблялъ магнитъ, особенно въ кровотеченіяхъ, маточныхъ болѣзняхъ, эпилепсін и вообще въ спазматическихъ припадкахъ. Въ хирургіи, онъ отвергалъ острые орудія; онъ много содѣйствовалъ успѣхамъ химическаго анализа, неустанно занимаясь разможеніемъ и воссоставленіемъ тѣлъ, и наблюдая въ нихъ борьбу или совлеченіе трехъ герметическихкихъ міровъ, и истинную аналогію, что повело его къ введенію химіи въ терапію, и произвело большой переворотъ въ медицину.

Парацельсъ принялъ въ опору своихъ медицинскихъ и философическихкихъ правилъ библію и священныя книги, исключительно составлявшія его библіотеку. По его мнѣнію, человекъ благочестивый можетъ овладѣть философическимъ камнемъ, универсальной манациєю, квинт-эссенціей Митридата и проч. Онъ признавалъ три источника болѣзней, которые онъ называлъ *entia*, и которые онъ приписывалъ вліянію свѣтъ небесныхъ, и соображался съ ними, давалъ свои медикаменты, примѣняясь къ положенію *Асхел*, герметическаго духа, находящагося по его мнѣнію въ желудкѣ. Здѣсь явдентъ конечно адептъ и алхимикъ; но выходя въ значеніе вещей, не явдентъ ли здѣсь также предшественникъ Андрея Везали и Месмера?

Его философическое ученіе не менѣе любопытно. Онъ слѣдуетъ помысламъ Пифагора о гармоніи чиселъ, изъясняетъ все трехугольникомъ и во всѣхъ созданіяхъ видѣтъ совокупленіе трехъ міровъ: вещественнаго, умственнаго и божественнаго. Душа вытѣсаетъ въ себя по одному солнечному лучу каждаго изъ сихъ міровъ, а тѣло создано въ ненарушимомъ соотношеніи съ душою. Это ученіе появилось въ послѣдствіи, съ обширнымъ развитіемъ, въ грезахъ Сведенборга.

Ученый Парацельсъ былъ также, или позволялъ почитать себя, духовидцемъ и вдохновеннымъ. Онъ училъ вопрошать судьбу, толковать сны и создавалъ на аналогіи трехъ міровъ аданіе мистическихкихъ наукъ. Его пифагорическія идеи о числахъ поселили въ немъ уваженіе къ тайнамъ кабалистики. Онъ върилъ вліянію магическихкихъ начертаній и чиселъ. Парацельсъ оставилъ по себѣ мало сочиненій, но ему приписываютъ много, принадлежащихъ вѣроятно его ученикамъ. Многія изъ этихъ твореній носятъ варварскія названія, какъ напримеръ: *Архедокса*, *Паразартусъ*, *Карбаантесъ* и проч.

По смерти его, найдены у него семь манускриптовъ, хотя съ достовѣрностію можно ему приписать одно только сочиненіе: *Трактатъ о долголѣтіи*. Книга эта, гдѣ алхимикъ касается всѣхъ вопросовъ: религіозныхъ, ученыхъ и философическихкихъ, есть любопытнѣйшее произведеніе ума человѣческаго. Онъ старается доказать

въ ней, что здоровье тѣла имѣетъ неразрывную связь съ здоровьемъ духа, и что плоть должна также имѣть свою вѣру и свои добродѣтели. Должно, говоритъ онъ, замѣнить земное начало въ нашемъ животномъ организмѣ, началомъ небеснымъ, и проникнуть плоть духомъ, чтобы сдѣлать тѣло здравымъ. Въ этой мысли есть, можетъ быть, высокая истина; отраднo подумать, что добродѣтельные свойства души дѣлаютъ тѣло неуязвимымъ.

Парацельсъ утверждаетъ, что *душа плоти* отличается отъ того, что онъ называетъ *душею души*. У плоти душа тѣлесная, но тонкая, неосязаемая, и при ея посредничествѣ тѣло сносится съ духомъ. Схоластики называютъ ее *пластическимъ медиаторомъ*, объясняя одно таинство другимъ.

Въ мечтахъ герметическаго философа часто встрѣчается какая-то странная поэзія. Онъ върилъ, напримѣръ, въ постепенное и неограниченное усовершенствованіе всѣхъ тварей и всего творенія. Для него колибри есть синтезисъ цвѣтовъ, а крайняя сущность (*quintessence*) растительныхъ душъ составляетъ, по его мнѣнію, души животныхъ; совокупленіе же душъ безсловесныхъ тварей образуетъ душу человека, которую животворитъ лучъ божественнаго духа. Эти мифологическія грезы передаютъ намъ новѣйшіе мечтатели за новые помыслы. Но увы! Давно уже царь Соломонъ, сказавъ: «отъ золотой зари до румяныхъ облаковъ заката, нѣтъ ничего новаго подлѣ солнцемъ.»

Авреоль Парацельсъ былъ однимъ изъ удивительныхъ и грозныхъ созданий, которыя появляются время отъ времени, вѣкъ отъ вѣка, среди людей, чтобы поразить ихъ своимъ блескомъ и властвовать надъ ними. Ни одна страсть не могла поработить его. Какъ планета безъ атмосферы, около которой не бушуютъ грозы, онъ могъ не волнуясь смотрѣть на волненія человѣчества. Онъ ничего не любилъ и оставался всегда одинокомъ. Ни друзья, ни враги его не разгадали этого страннаго человека.... Можетъ быть, характеръ его заслуживаетъ глубокаго изученія; можетъ быть, въ его презрѣніи къ вещамъ этого міра, таились неутолимая скорбь, невыносимыя страданія?...

Когда, послѣ блестящихъ успѣховъ онъ оставилъ Базель, изгнанный ненавистію одного изъ начальниковъ города, чтобы снова начать жизнь кочующаго есософа, одинъ изъ его учениковъ, Левъ Суавіусъ, видя его бѣдность и печаль, и страдая много самъ, спросилъ его, зачѣмъ онъ не воспользуется своимъ познаніемъ, чтобы превратить бѣдность свою въ великолѣпіе; а недуги снзвигнть цвѣтущимъ здоровьемъ.

Время было туманное и холодное; Парацельсъ, изнемогая отъ усталости, прилегъ на большой дорогѣ, близъ Нюрнберга. Пять

или нѣсть юношей, въ глубокой задумчивости сидѣли около его. Не вдалекѣ бродилъ по лугу мулъ, навьюченный разною утварью и ящичками. Царь медицины, гордый профессоръ Базельскій, былъ окруженъ свитою, которой не позавидовалъ бы и послѣдній ку- десникъ. На робкій вопросъ своего ученика наставникъ вздохнулъ.

— К чему? отвѣчалъ онъ.

Юноши взглянулись между собою; Парацельсъ замѣтилъ этотъ взглядъ и продолжалъ:

— Дѣлать золото! К чему, говорю я вамъ. Когда огромная сума наша пуста, и намъ нуженъ всеневный хлѣбъ, развѣ я не умѣю доставить вамъ все необходимое? Правда, я могъ бы создать не- смѣтныя сокровища, но не должно обращать всего въ золото. Какое мудрое предостереженіе сокрыто въ вѣнсканіи о Мидастѣ.... Ктому же развѣ Предвѣчный даровалъ намъ большія противу дру- гихъ права? Развѣ мы смѣемъ надѣлать себя сокровищами, которыми Онъ располагаетъ по своему произволу?

— Но жизнь, всемогущую жизнь, воскликнулъ Суавіусъ, съ пы- лающимъ взоромъ.

Презрительная улыбка появилась на блѣдныхъ устахъ доктора....

— Жизнь, вскрикнулъ онъ съ живостію, жизнь!... Такъ вы не знаете, что сдѣлала со мною наука. Бѣдныя дѣти! Жизнь, жизнь для меня, который жаждетъ безвѣстной могилы на сельскомъ кладбищѣ? Для меня, когда я, проходя мимо усопшихъ, говорю какъ Мартынъ Лютеръ: «они счастливы, потому что они отдыхаютъ!».. Вѣрите мнѣ, продолжалъ онъ нѣсколько успокоившись: повѣсть о Язонѣ есть прекрасная герметическая аллегорія, заключающая въ себѣ исторію философскаго камня. Требовать отъ науки того, что Богъ запретилъ ей удѣлять намъ, было бы возобновить обольщеніе Меден, которая, нѣмнѣвъ разъ отцу, не пощадила и дѣтей своихъ.... Дѣти святотатской науки погибнуть отъ кинжала.... Ужели вы не видите назидательнаго примѣра въ падающей одеждѣ, посланной Медеею своей соперницѣ? Когда наука становится нашей сообщницей, такъ отмищаетъ она, пожирая всѣ наши мечты о счастьи... Vanitas vanitatum!....

— Но этотъ эликсиръ безсмертія, который вы отвергаете для себя, былъ бы можетъ стать благодѣяніемъ для человечества?....

— Почему это? развѣ вы полагаете, что природа другихъ людей отлична отъ моей? Я, можетъ быть, тишѣ;—но не исключеніе, и все, что я перечувствовалъ до сихъ поръ, каждый человекъ будетъ чувствовать въ свою очередь и въ свое время, болѣе или менѣе, судя по тому, болѣе или менѣе призывался онъ къ неизвѣстному.

Покоримся законамъ Божиимъ и не станемъ пересоздавать Его твореніе. Увѣковѣчить жизнь, было бы перевести адъ на другое мѣсто; устранить смерть, было бы погасить любовь, которая есть источникъ жизни. Если плоды будутъ оставаться на деревь, какимъ образомъ воспроизведутся они.

Протекло еще нѣсколько лѣтъ, въ которые Парацельсъ видѣлъ много свѣтлыхъ дней славы и могущества. Предъ лицомъ академій, которыя толпились, чтобы его слышать, онъ всегда оставался несравненнымъ докторомъ, приводившимъ въ изступленіе слушателей; дерзко презиралъ онъ своихъ соперниковъ и творилъ чудеса въ медицинѣ и хирургіи. Въ 1531 онъ находился въ Сентъ-Галлѣ, въ 1535 въ Пессерсѣ, въ 1536 въ Аугсбургѣ и Моравіи, въ 1538 въ Вѣнѣ и Венгріи. Во время пребыванія своего въ Виллахъ, роднѣ отца его, онъ посвятилъ свою *Хронику* штатамъ Коринтіи, чтобы отблагодарить ихъ за покровительство. Наконецъ, въ Сентъ-Галлѣ 1541 года Парацельсъ лежалъ на одрѣ смерти, въ больницѣ св. Стевана въ Зальцбургѣ. Ему было тогда сорокъ восемь лѣтъ.

Вокругъ него толпилась цѣлая свита учениковъ, адептовъ, ученыхъ и любопытныхъ. Они слѣдили за развитіемъ безнадежной болѣзни на челѣ, которому извѣстна была тайна вѣчной жизни. Напрасно взоры предстоявшихъ умоляли добровольно умирающаго воспользоваться своею наукою, или по крайней мѣрѣ открыть одному изъ учениковъ тайну сдѣланнаго имъ *великаго открытія*: Парацельсъ оставался непоколебимъ и слушалъ отходную.

Суавіусъ стоялъ въ изголовьѣ умирающаго. Его трепещущія уста испускали прерывистое дыханіе, — въ очахъ блистало пламя. Предъ нимъ угасалъ постепенно свѣтлыишій, озарявшій умственныи міръ; онъ видѣлъ, какъ наука, съ своими обѣтами, всегда такъ привлекательными для двадцатилѣтняго юноши, убѣгала отъ него какъ фантастическое видѣніе.

— Учитель, сказалъ онъ трепеща, съ выраженіемъ мольбы, способнымъ поколебать камень, учитель.... живи!..

— Поставь мнѣ въ головахъ свѣчу, зеленую вѣтку и святую воду отца Мелнрада, прошепталъ въ отвѣтъ пресмнникъ Эйнзидлинскихъ отшельниковъ.

— Вашу тайну, по крайней мѣрѣ, простоналъ Суавіусъ раздражающимъ голосомъ.

— Человѣкъ не можетъ жить безъ сна; затѣмъ же хотите вы, чтобы я завѣщалъ вамъ ужасную бессонницу?

Предсмертное томленіе продолжалось.... Мало по малу хрипѣніе становилось рѣже. — Авреоль Парацельсъ окинулъ еще разъ взоромъ толпу, жаждущую безсмертія.

Кончается видѣніе, сказалъ онъ, начинается видѣніе (*).

(*) Такъ перевели мы французскую фразу, болѣе краткую и болѣе значительную: j'ai fini de savoir, je vais voir.

УНИЧТОЖЕНІЯ ПЫТКИ ВО ФРАНЦІИ.

(Рассказъ Лема Галана).

Зимомъ 1833 года, всякую пятницу отправлялся я въ улицу (Магаи) и съ большимъ удовольствіемъ проводить вечера у г-жи Гакевилъ. Дама эта, принадлежа къ старинной судейской аристократіи, собирала у себя всенедельно пріятныхъ друзей своихъ. Молодыхъ людей у ней не бывало, они замѣнялись почтенными стариками и старушками, людьми одного съ нею происхожденія, одного взгляда на вещи. Высокія свѣтлыя окна, старинная красная мебель, картины необыкновенной величины и безчисленные портреты судей и президентовъ составляли все убранство помѣщенія.

Дозволивъ мнѣ посѣщать свои собранія, и желая ознакомить меня съ своими почитателями, г-жа Гакевилъ просила меня пріѣхать къ ней поранѣе. Все общество ея состояло изъ живыхъ памятниковъ стараго королевства, людей, не соблазнавшихся почестями во времена имперіи и удержавшихъ въ нынѣшнее время свои прежнія привычки.

Пріѣхавъ по назначенію, усялся я около хозяйки дома, противъ широкаго каміна, затопленнаго по случаю сыроватой погоды на улицѣ. Каждый почитатель являлся не только въ извѣстную часть, но даже въ извѣстную минуту.

— Въ три минуты десятаго увидите вы г. Гемарска, сказала мнѣ г-жа Гакевилъ, потомка знаменитаго судьи этого имени, который, не имѣя никакой наклонности къ этой должности, но принужденный занять ее по настоятельному требованію родителей, далъ слово судить всѣхъ противъ своего убѣжденія. Вѣрный данному себѣ обещанію, три раза оправдывалъ онъ трехъ людей, которые за доказанную вину ихъ должны были подвергнуться уголовному наказанію. Черезъ шесть лѣтъ люди эти были найдены въ самомъ дѣлѣ невинными. Стало быть г. Гемарскъ былъ справедливъ даже противъ своего желанія.

Три минуты десятаго!.. И г. Гемарскъ вошелъ въ гостинную.

— Въ двадцать минутъ десятаго пріѣдетъ баронъ де Гриньоль, продолжала хозяйка.

«Это вѣроятно, сказалъ я, старичокъ очень свѣжій съ необыкновенно проникательнымъ взглядомъ.

— Вы его знаете?

«Да, но я не думаю, чтобы онъ могъ такъ хорошо сохраниваться если бы въ жизни его встрѣчались какіе-нибудь важные перевороты..

— Вотъ вы и ошибаетесь. Преследуемый за какое-то политическое преступленіе, террористами, баронъ де Гриньоль былъ

заключенъ въ башню на берегу Лоары. Цѣлый годъ содержался онъ тамъ забытый всеми, наконецъ о немъ вспомнили, и участь его не подлежала сомнѣнію. Въ Нантѣ долженъ былъ открыться комитетъ народного блага, и барона ожидали осужденіе и смерть. Тюремщикъ его былъ человекъ грубый. Кроме сторожевыхъ собакъ, у него была жена и маленькая дочка рѣдкой красоты. Молодость де Гриньоля,—ему было тогда двадцать лѣтъ, — трогала жену тюремщика, а его блондурые волосы были любимую игрушкою ребенка.

— Заключенный нашъ похожъ скорѣе на дѣвушку, чѣмъ на мужчину, говорилъ однажды тюремщикъ.

— Бѣдняжка осталось только два дни пожить на этомъ свѣтѣ, сказала жена его; что бы тебѣ позвать его къ намъ на это время. Хотя повѣлъ бы онъ послѣдній разъ за столomъ, и посмотрѣлъ бы на небо изъ нашего окошка. (Окошко тюремщика было очень маленькое, но безъ желѣзной рѣшетки, и возвышалось на 30 футовъ надъ рѣкою; чрезвычайно быстрою и глубокою въ этомъ мѣстѣ.

— Пусть придетъ, отвѣчалъ тюремщикъ.—И г. де Гриньоль былъ приведенъ изъ башни. Первымъ доказательствомъ участія женщины въ судьбѣ его было то, что она отворила окошко, чтобъ дать ему полюбоваться небомъ и рѣкою, потомъ подала ему на руки дочь свою. Г. де Гриньоль искренно поблагодарилъ ее, подошелъ къ окошку, посмотрѣлъ на небо, на рѣку, поднулъ ребенка и бросилъ его въ Лоару.

Тюремщикъ кинулся за ножомъ, жена бросилась къ лѣстницѣ, а де Гриньоль къ окошку. Но, о ужасъ, онъ почти не можетъ продѣлать въ него. Въ головѣ тюремщика мелькнула мысль, что первый попавшій въ рѣку скорѣе спасетъ дочь его; онъ помогаетъ де Гриньолю и силою выпихиваетъ его въ окошко. Черезъ минуту ребенокъ уже былъ на берегу, не успѣвъ даже захлѣбнуться. Не спрашивайте, что случилось съ де-Гриньолемъ, потому что онъ сейчасъ войдетъ сюда. Этотъ геройской и вѣ�къ безчеловѣчный поступокъ вѣроятно послужилъ къ его спасенію.

Двадцать минутъ десятаго. Г. де Гриньоль подошелъ къ г-жѣ Ганевиль, и, поцѣловавъ ея руку, дружески со мною раскланялся. Съ пріѣздомъ гостей, рассказы хозяйки дома становились для нея затруднительнѣе, и она продолжала ихъ, наклонившись къ моему уху.

— Теперь очередь дамъ, сказала она; черезъ десять минутъ, вы подвинете это кресло г-жѣ д'Эгерусъ.

«Это не тая ваша пріятельница, которая держитъ всегда подъ платкомъ правую руку и все дѣлаетъ лѣвой?»

— Вы описываете г-жу де Кара-Біанка. Она точно моя приятельница. Мужъ ея былъ знаменитый генералъ въ Сициліи во время республики. Я не думаю, чтобы сама она была дворянскаго происхожденія, но дружба наша такъ велика, что я не обращаю на это вниманія. По милости ея и ея мужа мои помѣстья за Альпами были возвращены мнѣ во время имперіи во всей цѣлости. Эта женщина имѣетъ прекрасную душу и сердце, я советую вамъ съ нею познакомиться.

«Но за чѣмъ она прячетъ всегда правую руку? Вы не знаете?»

— Не знаю и никогда у ней не спрашиваю. Если ужъ она сама мнѣ объ этомъ не рассказываетъ, то вѣроятно съ этимъ соединено какое-нибудь непріятное для нея воспоминаніе.

«Простите моему любопытству, сказалъ я. Смѣлость сдѣлать вамъ этотъ вопросъ была слѣдствіемъ вашего снисходительнаго ко мнѣ вниманія.

Г-жа де Гакенль ласково облокотилась на плечо мое и протянула руку вошедшей г-жѣ де Кара-Біанка. Во время ихъ взаимныхъ привѣтствій, подошли почти все обычные посѣтители вечеровъ г-жи де Гакенль. Въ гостиной было по прежнему тихо. Разложили карточные столы, подали карты, и гости молча занялись игрою.

Все играли, кромѣ хозяйки и г-жи де Кара-Біанка. Правая рука последней по обыкновенію была подъ платкомъ; левая, подъ бѣлою перчаткой, своими правильными формами говорила о ручкѣ когда-то очень граціозной.

На лицо казалось ей лѣтъ пятьдесятъ, на дѣлѣ она была старше. Военная жизнь съ мужемъ оставила на ней слѣды свои, замѣтные въ прямизнѣ ея стана, правильной походкѣ и постоянно одинаковомъ бѣломъ костюмѣ.

Вечеръ близился къ ночи. Семейные портреты, слабо освѣщенные догорающими свѣчами, казалось, хотѣли сойти со стѣнъ и смѣшаться съ молчаливыми игроками. Казалось даже, что если этихъ живыхъ стариковъ вставить въ рамы, то обменъ будетъ не слишкомъ замѣтенъ.

— Пора кончить игру, сказалъ одинъ старый маркизъ, вставая изъ-за картъ. Наши дамы скучаютъ, а мы такъ невѣжливы, что не спѣшимъ разогнать нашей болтовней этой скуки.

Дамы уже четверть часа назадъ кончили игру свою и уселись около хозяйки вокругъ камина.

— Расскажите намъ что-нибудь про бывшее, господинъ президентъ де Пажъ.

«Что нибудь изъ моей молодости, хотѣли сказать вы, госпожа де Гаксвилль?»

— Президентъ, я никогда не прощу въ формѣ эпитаграммы.

«Но у меня было три молодости: молодость президента въ парламентѣ, молодость изгнанника, молодость солдата подъ знаменемъ его высочества принца Конде. Про которую же разсказать вамъ?»

— Про ту, которую вы считаете лучшимъ.

— «Значить, про первую.

Президентъ вздохнулъ. Вздохнули всѣ, бывшіе когда-то молодыми, мнѣ показалось даже, что и семейные портреты вторично этимъ вздохнуть.

«Моя первая молодость протекла въ парламентѣ: это было въ 1788 году; мнѣ было двадцать лѣтъ отъ роду. Вы знаете родство мое; оно давало мнѣ право занимать эту важную должность. Въ глазахъ народа и философовъ, терпимость моихъ мнѣній, моя религіозность, мое уваженіе къ энциклопедистамъ считались ручательствомъ нелицепріятія моихъ приговоровъ. Мои собственныя философскія убѣжденія и самая тѣсная дружба съ реформаторами налагали на меня обязанность имъ содѣйствовать сообразно моему великому сану и вліянію на толпу. Всѣ мои старанія устремлены были на то, чтобы смягчить наши уголовные законы — эту безпорядочную смѣсь противорѣчащихъ положеній и обычаевъ, гдѣ конечнымъ выводомъ, вездѣ одна и таже смерть!»

Г-жа де Гаксвилль тихою позвонилъ и приказала готовить чай.

«Я считалъ долгомъ быть снисходительнымъ тамъ, гдѣ законъ требовалъ строгости; старался забывать кровавый текстъ его, хотя онъ и былъ передъ моими глазами. Мнѣ кажется, что я безъ хвастовства могу сказать, что изъ всѣхъ требованій возвышей философіи, на мою долю выпала самая дѣйствительная, самая лучшая обязанность. Всѣ теории стремились къ уничтоженію предразсудковъ. Уничтожить важнѣйшій предразсудокъ въ законодательствѣ — смертную казнь — было моимъ назначеніемъ.

«Къ несчастію моя воля была для этого недостаточна. Изъ тринадцати судей, я одинъ подавалъ голосъ въ пользу моего убѣжденія. Онъ былъ безсиленъ, и я часто принужденъ былъ объявлять приговоры противъ совѣсти. При дворѣ меня возненавидѣли, мои товарищи стали подозрѣвать мою снисходительность; и некоторые изъ нихъ даже нарочно стали строже прежняго къ обвиняемымъ. Все это принудило меня къ ужасному поступку.

«Каждый из нас в этом обществе помнить то время, когда пытка не была уничтожена во Франціи. На этой пытке ломали пальцы за половину сознанія, руку за три четверти сознанія, и бедро за сознаніе полное. Въ 88 году пытка была еще въ законахъ нашего отечества. Мнѣ было двадцать лѣтъ. Не только это время, но и предшествовавшее, бывшее пять лѣтъ ранѣе, живо сохранилось въ моей памяти. Какъ теперь помню я молочную сестру мою Франциску. Мать ея, моя добрая кормилица, умерла въ Монтеро, и бедная сирота пришла пышкой въ Парижъ. Зима и двадцать миль разстоянія не испугали ее. Она пришла прямо къ университету, гдѣ тогда оканчивалъ я курсъ моего ученія; дождалась меня на лѣстницѣ и при всѣхъ товарищахъ кинулась мнѣ на шею, называя меня своимъ братомъ.

«Я взялъ ее къ себѣ, занялся ея воспитаніемъ, и старался устроить какъ можно покойнѣе жизнь ея. Обращаюсь къ моему разсказу.

«Парламентскіе враги мои, чтобы вывести меня изъ терпѣнія и сдѣлать ненавистнымъ народу, придумали возобновить пытку во всей ея силѣ. Я былъ связанъ закономъ, ни словомъ, ни дѣломъ не могъ я противиться этому варварству. Мало этого,—я самъ принужденъ былъ приказывать пытать и мучить обвиняемыхъ. Народъ считавшій меня до тѣхъ поръ благоразумнымъ и добродѣтельнымъ судьей, смѣшалъ меня съ моими ненавистными собратьями. Последніе торжествовали. Не столько больно было мнѣ видѣть общественное ко мнѣ презрѣніе, какъ переносить мысль, что я былъ причиною возобновленія этой ужасной мѣры правосудія.

«Я писалъ безименными, но горячія, убѣдительныя возстанія противъ пытки, подавалъ записки Лудовику XVI безъ подписи, но писанныя моею рукою, но все это было напрасно. Въ народѣ читали охотно мои рѣчи, при дворѣ ихъ сожигали: а пытка продолжалась.

«Въ это время меня обокрали.

Госпожа де Гакевилъ снова позвонила и велѣла давать чай.

Любопытная экономка, подавши чай, прислонилась къ камню и стала тоже слушать.

«Украли у меня табакерку, осыпанную брилліантами. Она стоила двадцать тысячъ ливровъ и была мнѣ подарена покойнымъ отцомъ моимъ. Я подалъ жалобу моему товарищу, генеральному прокурору.

«Прокуроръ началъ слѣдствіе; сдѣлали обыскъ въ моемъ домѣ, и табакерка была найдена. Одинъ изъ ловкихъ слѣдователей ощупалъ ее въ пуховикѣ молочной сестры моей Франциски.

Въ гостинной змѣтно было сильное участіе къ разсказу. По голосу президента можно было судить, какъ тяжелы ему эти воспоминанія.

«Франциска, моя молочная сестра, эта овѣженская дѣвочка, прибѣжавшая въ Парижъ, чтобы броситься мнѣ на шею, какъ къ брату, Франциска....

Маркизь открылъ табакерку, чтобы понюхать табаку, но я видѣлъ, какъ этотъ табакъ разсыпался по полу.

«Франциска была призвана къ суду. Я хотѣлъ взять назадъ жалобу, мнѣ этого не дозволили, и я долженъ былъ судить ее.

«Враги мои были въ восторгѣ, иронически полагались на мое беспристрастіе, и никакъ не соглашались, чтобы на этотъ процессъ я передалъ другому права президента. Народъ грозилъ побить меня камнями, когда узналъ, что я приказалъ....

Г. де Пажъ замолчалъ на минуту, чтобы перевести духъ. «Что я приказалъ пытать ее, продолжалъ онъ, потому, что Франциска запиралась во всемъ, припоминала мнѣ только наше родство, свою мать, университетъ, и нашу встрѣчу.

«Я приказалъ пытать ее.

«Франциску раздѣли.

«О! какъ страшенъ крикъ дѣвушки, которую обнажаютъ передъ судьями! Да избавитъ Богъ вашихъ правнуковъ слышать эти крики!

«На нее стали лить воду. Крики были тише.

«Франциска на меня поглядѣла. Въ жизни моей, господа, я былъ раненъ шпагою въ животъ,—я тогда страдалъ мѣсяцъ.

«Свинцовыми тисками сжали ей колѣнку.

«Франциска стонала тише.

При этихъ словахъ президента, стоявшая у каминна экономка г-жи Гакевилъ упала въ обморокъ. Г. де Пажъ бросился къ ней, поднявъ ея голову, и пристально посмотрѣвши на нее, сказалъ: «Франциска была былокурая; да ея уже нѣтъ на свѣтѣ.

«Раскаленнымъ желѣзомъ стали ей жечь животъ.

«Франциска замолкла.

«Господа, Франциска была невинна. Я зналъ это, потому что самъ спряталъ въ ея пуховикъ табакерку. Я хотѣлъ, чтобы ее судили, пытали и казнили.

Дамы съ ужасомъ отвернулись. Если бы у меня былъ близко ножъ, я бы зарзалъ имъ этого стараго президента.

Г. де Пажъ послѣ минутнаго молчанія продолжалъ:

«Ей раздробили правую руку, пальцы, суставы, жилы. Мнѣ показалось, что глаза мои были обрызганы ея кровью.

«Франциска упала въ обморокъ, признавшись въ воровствѣ. Да, она призналась, прибавя, что она молочная сестра моя, что она по снѣгу пришла изъ Монтеро въ Парижъ, чтобы обнять меня на лѣстницѣ университета.

Президентъ еще не договорилъ послѣднихъ словъ своихъ, какъ я увидѣлъ, что дама, сидѣвшая подлѣ г-жи Гакениль, встала подобно тѣни. Съ замѣтнымъ страданіемъ вынула она изъ-подъ платка руку съ раздробленной, висящей кистью, и, подошедъ къ г. де Пажъ, положила ему ее на голову. Уничтоженный старецъ подвѣсалъ глаза на эту женщину.

Всѣ гости были блѣдны какъ смерти; я посмотрѣлся въ зеркало: я былъ блѣднѣе ихъ.

Слезы и рыданія двухъ дѣйствующихъ лицъ мѣшались межъ собою. Г. де Пажъ взялъ эту руку и съ набожнымъ чувствомъ поцѣловалъ ее.

Г-жа де Кара-Бianка дружески обняла старика лѣвою рукою. Онъ былъ прощень,

.....
«Вечеромъ, продолжалъ пришедшій въ себя президентъ, былъ придворный балъ. Я отправился туда въ красной мантии, въ полномъ судейскомъ облаченіи, и прочелъ смертный приговоръ Франциски. Преклонивши колѣно передъ Лудовикомъ XVI, я сказалъ ему:

— Ваше Величество! Сего-дня послѣ обѣда переломали кости у моей молочной сестры, обвиненной въ воровствѣ. Обвинилъ ее я. Ваше Величество! она во всемъ созналась во время пытки!...

— Такъ чтоже?... спросилъ король.

— Ваше Величество! она невинна; я обвинилъ ее напрасно.

Король съ ужасомъ отступилъ отъ меня.

— За чѣмъ же вы это сдѣлали?

— За тѣмъ, чтобы доказать Франціи, что пытка есть величайшая изъ несправедливостей; что она заставляетъ судью вѣрить ужаснѣйшей лжи, и скрываетъ самую явную истину. Ваше Величество, чтобы доказать это на опытѣ, я пожертвовалъ единственной женщиной, которую любилъ въ этомъ мірѣ. Надѣюсь, теперь поверите истинѣ моего убѣжденія.

— Господа!.... пусть балъ продолжается, сказалъ Лудовикъ XVI.

Потомъ обратился къ канцлеру:

— Съ этой минуты пытка во Франціи уничтожена; объявите объ этомъ всенародно.—

ИСТОРИЧЕСКИЯ ЗАМѢТКИ. У насъ возникла-было школа, поставившая себя цѣлью доказывать, что Русская Исторія начинается съ Петра I-го, что до него не существовало ничего, кромѣ родового быта. Одинъ утверждалъ, что не было торговли, другой отрицалъ всякое образованіе, третій не допускалъ никакой личности. Москвитиниъ старался указывать постоянно на всѣ эти заблужденія, но онъ не могъ спорить иногда, потому что не было въ печати тѣхъ свидѣтельствъ, кои должно было привести въ улику. Такъ одинъ изъ адептовъ школы сдѣлалъ доказательство, что благотворительность если и была у насъ, то совершенно частная. Указываетъ ему теперь на отрывки изъ дозорной писцовой книги города Галича, послѣ Литовскаго разоренія въ 1609 и 1610 г., напечатанной въ послѣднемъ номерѣ Владимирскихъ Губ. Вид. Тамъ онъ увидитъ, до какихъ размѣровъ доходила эта частная благотворительность, даже въ такомъ незначущемъ, (сравнительно съ другими) городѣ, какъ Галичъ:

... «За острогомъ межъ Шатины и Галибины улицъ храмъ приходскій во имя Царя Константиниъ.... Да у того-жъ храму, на тяглоу на черной землѣ, семь избышекъ, а въ нихъ живутъ пономарь, да шесть человекъ нищихъ; питаются отъ церкви по приходнымъ людямъ.... Да въ Галичѣ на посадѣ межъ Нечистыя и Жовановы улицъ былъ храмъ во имя Рождество Христово.... Да у того храму на тяглоу на черной землѣ шесть избышекъ; а въ нихъ живутъ пономарь, да проскурница, да четыре человека нищихъ, а кормятся по приходнымъ людямъ.... Въ Галичѣ же на посадѣ у рыбнаго ряду приходскій храмъ во имя Богоявленіе Христово.... да у того жъ храму пять избышекъ на посадкѣ на черной землѣ, а живутъ въ нихъ нищіе, а питаются отъ церкви приходными людьми! Въ рыбной же слободѣ храмъ во имя святые нарицаемые Пятницы.... да у того же храму пять избышекъ на тяглоу на черной землѣ, а въ нихъ живутъ нищіе, а питаются отъ церкви приходными людьми.... Нищихъ въ кельяхъ около церквей на посадѣ, всего 68 келей. А Государева тягла и оброку отъ нищихъ съ тѣхъ келей, и съ посадскими людьми, не платятъ же.

Въ N 41 Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей сказано, что Великій Князь Георгій Владиміровичъ, лишивъ Кіевскаго престола въ 1154 году, и находясь съ войскомъ при рѣкѣ Яхромѣ, образованъ былъ рожденіемъ сына Всеволода, нареченнаго во Святѣмъ

Крещеніи Дмитріемъ, и что «Дмитрій владѣлъ своею отчиною до 1177 года, то есть до призванія своего на великокняжескій Владимірскій престолъ по смерти брата своего Андрея Георгіевича.»

Не только Дмитрій-Воевода не владѣлъ Дмитровымъ до 1177 года, но чрезъ семь лѣтъ послѣ своего рожденія онъ былъ изгнанъ изъ вѣствъ съ старшими братьями и матерью изъ предѣловъ Суздальскаго княжества, и жилъ въ Греціи. Долго спустя (по Н. 1173 г.) является онъ на Руси, и уже только по смерти Боголюбскаго, призванный съ братомъ Михалкомъ, воротился въ Суздальское княжество, гдѣ водворился еще позднѣе. Слѣдовательно городъ Дмитровъ значится за нимъ только при его рожденіи. Вся подобныя ошибки происходятъ отъ того, что у насъ до сихъ поръ не было ни одного списка князей съ краткими ихъ біографіями по летописямъ. (Нынешнее лѣто все посвящено было у меня этой утомительной, но необходимой работѣ, которая задержала изданіе 5 и 6 тома Исследованій. Мнѣ осталось теперь пройти уже менѣе 20 лѣтъ до Татаръ.)

Въ 239 N Петербургскихъ Вѣдомостей рассказываютъ намъ, что въ 1018 году Святый Владиміръ, а въ 1038 году Ярославъ мудрый, — «распространяя предѣлы своихъ владѣній, завладѣли и землями Древлянскими.» О Владиміровыхъ и Ярославовыхъ походахъ на Древлянъ нѣтъ ни слова у Нестора! Да и умеръ Владиміръ за три года до мнимаго своего похода, въ 1015 г.

А потомъ является въ статьѣ на сцену Потоцкій, какъ будто неизвѣстный въ Русскомъ ученѣмъ мірѣ писатель, которому «противорѣчить мнѣніе Стрыковского о Волинѣ!» Наконецъ утверждается о разореніи Волини Половцами въ 1169 году, когда Половцы сидѣли дома, а Кіевъ взятъ былъ Андреевою ратью. Не больше правды и въ описаніи разореній Венгерскихъ и Ляхскихъ. Удивительно, какъ смѣло обходятся наши фельетонисты съ Исторіей! Но фельетонистамъ еще простительно...

Лѣтъ пять тому назадъ находились безпрестанно въ Москвѣ не виданныя и неслыханныя монеты — Суздальскія, Ярославскія, Смоленскія; всѣ они попались даже въ ученые реестры. Вскорѣ нашлись доказательства, что онѣ были поддѣльныя, но мастерство было удивительное, такъ что никакая поддѣлка Итальянская не взяла бы преимущества надъ нашею. Охотники перестали покупать монеты. *Образъ* вымѣнивать еще мудренѣе, потому что охотниковъ несравненно больше, и сбытъ вернѣе. Въ иконописи были и есть мастера, которые обмануть всякаго знатока. Перестали пріобрѣтать и образа развѣ по случаямъ. Теперь оказывается новая отрасль промышленности: *выливать* подъ древнія формы, зачѣмъ мы должны

благодарить знаменитых аэней или ходоушниковъ, которые изстаръ привозятъ въ Москву всякую старь. Нынѣ съ ярмарки привезли мнѣ мѣдное изображеніе со змѣями, подобное Черниговской гривнѣ; я показалъ недавно его одному новому охотнику. Чтоже—и онъ купилъ подобную, съ одной и той же трещинкой на краю.

Когда я начала собирать древности этого рода, лѣтъ 15 тому назадъ, я платилъ по 10, 20 к. сер. за вещь. Потомъ цѣна возвысилась до полтины. Нынѣ и по рублю смотреть не хотѣть. За нѣмалыя требуютъ по 5 и 10 р. Требованіе, охота, мода, возбуждаютъ дѣятельность и вмѣстѣ ачностъ продавецъ, и они, не находя иногда своего товару, начинаютъ поддѣлывать, употребляютъ всякія средства. Поддѣлку моей послѣдней гривны можно показывать на выставкѣ: такъ она искусно сдѣлана. На рукописи только рука не поднимется у промышленниковъ: писать слишкомъ трудно и мѣшкотно. Приписки фальшивыя попадаются часто, но ихъ различить не трудно. Считаю долгомъ предостеречь свою братью собирателей. М. П.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА.—Въ 18, 19 и 20 N Москвитянина, разобраны подробно неизвѣстнымъ рецензентомъ всѣ *главы* положенія г. Соловьева, и показана ихъ несостоятельность до очевидности. Въ 10 номерѣ Библіотеки для Чтенія выставлены *отношенія* его «Исторіи Россіи» къ современному состоянію науки, доказана ея западальность, равно какъ и незнакомство съ новыми вопросами и требованіями Исторіи, кромѣ ссылокъ на журнальныя Русскія статьи, плохія, пустыя, дѣтскія. Но еслибъ у насъ былъ спеціальныи журналъ для разбора подобныхъ книгъ, то нужно было бы написать третью статью объ этой компиляціи съ разборомъ *частностей*, и представить ошибки и странности *всякой страницы*, подобныя слѣдующимъ.

Есть одно древнее свидѣтельство, въ коемъ сказано о Славянахъ: «по святемъ крещеніи, Перуна отринувше, а по Христа Бога яшася». А г. Соловьевъ вмѣсто Христа Бога вздумалъ прочесть Хорса бога, да и давай строить систему о поклоненіи солнцу вмѣсто поклоненія молніи, съ разными глубокомысленными разсужденіями...

Не говоримъ о томъ, что, еслибъ авторъ прочиталъ хоть одну старую рукопись, или посмотрѣлъ внимательно на одинъ старый образъ, то увидѣлъ бы, что слово Христосъ вездѣ пишется двумя буквами съ титломъ; но самый синтаксическій составъ речи могъ бы показать ему, что здѣсь о Хорсѣ не можетъ быть слова: «Славяне

по святомъ крещеніи Перуна отринули, а ко Христу Богу обратились, но и *нынѣ* по украинамъ молятся ему провѣстому богу Перуну, и Хорсу, и Мокоши, и Вилу, и то творятъ тайна.» Смыслъ простой и ясный! Какой же смыслъ будетъ въ слѣдующей рѣчи Перуна Славяне отринули, а къ Хорсу обратились, но и *нынѣ* молятся Перуну и Хорсу и Мокошу!! Къ чему было бы *но*? А что сказать о системѣ, основанной на такомъ чтеніи! *Risum teneatis amici.*

Прилагаю образчикъ другаго рода: есть древній городъ Торопецъ, принадлежавшій къ Смоленскому княжеству. Одинъ князь Мстиславъ, пробывъ тамъ краткое время, *перебрался* въ Новгородъ, и съ Новгородцами вооружился противъ ихъ врага, которому помогъ его братъ, Суздальскій Великій Князь, но былъ разбитъ Новгородцами. Новгородскій князь, послѣ, переехалъ изъ Новгорода въ Галичъ, призванный Ляхами, и началъ тамъ новую войну, совершенно мѣстную.

Изъ такихъ обстоятельствъ, совершенно между собою *несвязанныхъ*, г. Соловьевъ составилъ слѣдующую систему: «изъ этого положенія Торопецкаго княжества, лежащаго въ срединѣ между озерною (Новгородскою), Двинскою (Полоцкою), Днѣпровскою (Южно-Русскою) и Волжскою (Ростовскою или Суздальскою), областями, *уясняется* намъ положеніе князей *Торопецкихъ*, (?) знаменитыхъ Мстиславовъ, ихъ значеніе, какъ посредниковъ между Новгородомъ, южной Русью и князьями Суздальскими; посредствомъ Торопца Новгородъ поддерживалъ связь свою съ южною Русью (!), изъ *Торопца* (!) получалъ защиту отъ притѣсненія князей Суздальскихъ.» (!) Что вы скажете, услышавъ, что о Торопцѣ нѣтъ въ лѣтописяхъ никакихъ подобныхъ извѣстій, что этотъ городъ *принадлежалъ* къ Смоленску, и находился *въ распоряженіи* Смоленскаго князя, былъ однажды сожженъ сыномъ одного Мстислава, княземъ Новгородскимъ, нѣсколько разъ освобождался отъ Литовскаго нашествія Новгородскими князьями, и что наконецъ одинъ только Мстиславъ пробылъ въ немъ нѣсколько мѣсяцевъ! Откуда же взяты *Мстиславы Торопецкіе*, посредники между *Владимиромъ, Кіевымъ и Новгородомъ*? Откуда взято вліяніе Торопца, когда Торопецъ принадлежалъ къ Смоленску? Что вы скажете объ этой системѣ, которая, по моему мнѣнію, еще смѣлѣе системы о Хорсѣ богѣ? Теперь присоединимъ для куріоза по одному подобному обрачку изъ «Исторіи Россіи» о времени каждаго князя, то есть, Рюрика, Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Владимира и Ярослава (*). Z.

(*) Избавляемъ пока читателей за недостаткомъ здѣсь мѣста. Ред.

звладѣти. Московская публика восхищалась въ прошедшемъ году Смотромъ невесты, картиною г. Оедотова. Въ этихъ же родѣ, житейскомъ, геше, пишетъ г. Чернышевъ. Объ немъ, по поводу послѣднихъ его картинъ на Петербургской выставкѣ, говорятъ тамошнія ведомости: «Изъ прошлогодней картины г-на *Чернышева* «Отъѣздъ помѣщика» и нынѣшняго «обрученія» видно, что у художника идиллическій, но при всемъ томъ зоркій взглядъ на вещи. И точнѣ: съ картинъ его взлетъ чувствомъ простымъ, не мелодраматическимъ, но потому именно близкимъ и знакомымъ женскому сердцу. У него все «понятно, потому что просто и естественно. Почтенный отецъ семейства со слезами цѣлуетъ дочь свою, мать также плачетъ; да «какъ же, Боже мой, и не плакать имъ съ радости, когда они «даютъ дочь свою за добраго и дѣльнаго молодого человека?— Изъ «другой комнаты несутъ цѣлый подносъ съ бокалами Шампанскаго: «это всегда бываетъ у насъ при важныхъ событіяхъ въ семействѣ. «Мальчикъ, стоящій на одной ножкѣ, ведетъ себя не прилично, — «да дѣти во всякомъ случаѣ таковы.— На лѣвой сторонѣ картины «плачутъ, на правой смѣются — ни дать, ни взять, какъ каждый «день въ обыкновенной жизни.— Многаго мы не замѣтили бы въ «дѣйствительной жизни при подобномъ случаѣ; но здѣсь, на картинѣ, все это подмѣчено и соединено въ нѣчто цѣлое.— Навиность, съ которою представлено это извѣстное событіе въ неизвѣстномъ «семействѣ, даетъ полную свободу воображенію каждаго. Елибъ «спросить посетительницъ: отчего плачетъ невеста? зачѣмъ «студитъ такъ странно поднимать голову, и т. д? — то получ. ли бы «множество разнороднѣйшихъ ответовъ. Но мы увѣрены, что никто и не подумаетъ смѣяться надъ дѣйствующими лицами картинны. Чтобъ заставить зрителя смѣяться, художникъ долженъ «изобразить предметы въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются «намъ, если мы смотримъ на нихъ съ точки зрѣнія г. *Оедотова*.— «Положимъ, что онъ написалъ бы картину подобнаго содержанія: — «онъ и шампанское явилось бы неумѣстнымъ въ какой-нибудь грязной, нищенской комнатѣ, или оно было бы сопровождено неумѣстно-сытною и обильною закускою; или женихъ неумѣстно «важничалъ бы; или невеста капризничала бы несообразно съ обстоятельствами, и т. п. Художникъ нашелъ бы множество несообразностей и неумѣстностей; картина его, полная ироніи, сама «сказалась бы надъ своимъ содержаніемъ и заставляла бы смѣяться и «зрителей. Этою-то ироніею «завлѣдетъ г. *Оедотовъ*, и ею онъ «отличается отъ г. *Чернышева*, который, съ своимъ навнымъ чувствомъ, является посредникомъ между этюдами съ натуры г. *Риц-*

«юми и сатирами на несообразности людскія г-на Оедотова, — и «который даже по писемъ занимаетъ средину между миниатюрною «отдыкою пераго и бойкою кистью послѣдняго.»

Въ литературѣ происходятъ точно тоже явленія. Г. Михайловъ (авторъ повѣсти Адамъ Адамычъ, и сценъ: Нянюшка, помещенныхъ въ Москвитянина) противъ котораго послышалось много голосовъ, соответствуетъ г. Оедотову. Въ этихъ голосахъ есть нѣсколько правды, но вообще нельзя осуждать автора за его точку наблюденія: онъ видитъ недостатки, пороки, и вооружается противъ нихъ своимъ талантомъ, выводя ихъ можетъ быть слишкомъ резко наружу. У г. Писемскаго болѣе простоты, безыскусственности, простодушія, при томъ же направленія. Самъ нашъ высшій художникъ, Гоголь, представлялъ до сихъ поръ преимущественно отрицательную сторону жизни. Комедія Островскаго принадлежитъ къ этой же категоріи. Г. Чернышева нельзя заставить писать, какъ пишетъ г. Оедотовъ, а г-на Оедотова — какъ пишетъ г. Чернышевъ. Такова натура ихъ талантовъ. Они не могутъ иначе. Такъ точно и литераторы. Умное и доброе лице въ Банкрутѣ будетъ диссонансомъ, и испортитъ картину, не принеся ей пользы, точно какъ вреденъ Стародумъ Фон-Визинѣ Недорослю. Сатира не можетъ и не должна быть идилліей, а идиллія — сатирой.

«Внутреннія Извѣстія» были уже составлены и набраны, когда мы получили списокъ наградъ Русскимъ экспонентамъ на Лондонской выставкѣ. Не хотимъ откладывать такой пріятной новости и сообщаемъ его здѣсь. Медали перваго разряда (council medal) получили: 1) Гг. Демидовы, за малахитовыя издѣлія; 2) Ювелиры Кеммереръ и Зеетигенъ, за драгоценныя украшенія; 3) Сазиковъ, за серебряный срединникъ. — Медали втораго разряда (prize medal) выданы слѣдующимъ лицамъ: 1) Гг. Демидовымъ, за желѣзо и мѣди; 2) Пономаревой, за издѣлія изъ желѣза; 3) Казеннымъ заводомъ, за издѣлія изъ желѣза и мѣди; 4) Сащину, за сахаръ-сатурнъ, мѣдянку и пр.; 5) Шлиппе, за синильное кзлн, квасцы и пр.; 6) Бауеру, за пшеницу-арнаутку; 7) Жителямъ Петровской и Новоспасской станицъ Азовскаго казачьяго войска, за пшеницу-болгарку; 8) Ершову, за пшеницу-кубанку; 9) Графу Купчелеву, за хлѣбныя растенія и хмѣль; 10) Русанову, за крупчатую муку; 11) Селиванову, за овесъ изъ Ангеліевскихъ сѣмянъ; 12) Шабельскому за пшеницу-арнаутку; 13) Спитлазову, за папиросы; 14) Братьямъ Ардамаккимъ, за ленъ; 15) Помѣщикамъ Эстляндской губерніи, за ленъ; 16) Филимонову, за пеньку; 17) Кар-

новичу, за лентъ; 18) Крашенинникову, за пенку; 19) Кауфману, за разные сорта дерева изъ Гродненской, Минской и Волынской губерній; 20) Лисинскому учебному лесничеству, за сосновый скипидаръ, и пр.; 21) Ріеру, за шелкъ; 22) Фалевымъ, за щетину; 23) Князю Волконскому, за пенку; 24) Стаффелю, за счетную машину и машину для опредѣленія стоимости металловъ, и проч.; 25) Аксенову, за шерстяныя матеріи; 26) Гучковымъ, за шерстяныя и шелковыя матеріи и кашемировыя платки; 27) Исаеву, за сукна; 28) Четверикову, за шерстяныя матеріи; 29) Фидлеру, за шерстяныя матеріи; 30) Вольнеру, за тибетъ; 31) Колокольникову, за парчу; 32) Полякову и Заматинну, за парчи и глазеть; 33) Наслѣдникамъ Сапожникова, за парчу и глазеть; 34) Кондрашеву, за различныя шелковыя матеріи и портреты (т. е. тканые); 35) Александровской мануфактурѣ, за парусину; 36) Мерлиннымъ, за большую бѣлую шаль; 37) Эггерсу, за меховой коверъ; 38) Кабинету Его Императорскаго Величества, за мехъ лисій черныи завойчатый; 39) Скворцову, за опойки; 40) Варгуннымъ, за писчую бумагу; 41) Наслѣдникамъ Феттера и Рона, за бумажные обои; 42) Шихонину, за обувь съ разными украшеніями; 43) Яковлевой, за ножи и пр.; 44) Казенному Артиллерійскому заводу, за косы; 45) Шопену, за бронзовый канделябръ; 46) Крумбюгелю, за бронзовый канделябръ; 47) Штанге и Вервелью, за бронзовый канделябръ; 48) Яну и Бонипу, за брилліантовыя вещи; 49) Гамбсу, за шкафъ розоваго дерева для брилліантовъ; 50) Императорскому Фарфоровому заводу, за фарфоровыя издѣлія; 51) Екатеринбургской гранильной фабрикѣ, за вазу съ порѣзкою изъ яшмы; 52) Колыванской шлифовальной фабрикѣ, за чаши изъ яшмы; 53) Императорской Петергофской гранильной фабрикѣ, за столъ изъ разныхъ камней; 54) Бардовскому, за издѣлія изъ войлока; 55) Миллеру, за паркеты изъ русскихъ деревьевъ; 56) Матиссену и К°, за стеариновыя свѣчи; 57) Нильсену, за стеариновыя свѣчи; 58) Стіеру, за мыло; 59) Корнилову, за живопись на фарфорѣ. — Всего 62 награды. Да здравствуетъ и да процвѣтаетъ Русская промышленность!

ОТЗЫВЫ

ЛОНДОНСКИХЪ ГАЗЕТЪ

о Рафаэлевскихъ картонахъ,
принадлежащихъ А. Д. Лухманову.

Рафаэлевскіе картоны Ватиканскихъ ковровъ, принадлежащіе А. Д. Лухманову, были выставлены въ Лондонѣ, въ Music Hall, Store-street, Bedford-square, въ теченіи трехъ недѣль. Не смотря на то, что Лондонъ имѣетъ подле себя Гамптонкуртскіе картоны, не имѣвшіе до сихъ поръ соперниковъ, стеченіе зрителей бывало также многочисленно какъ и въ Москвѣ. Должно замѣтить притомъ, что входъ условливался платою, правда умѣренной, но все таки платою, согласно обычаю Англійскаго народа, который безъ платы не выпускаетъ даже и въ Соборный храмъ св. Павла. Повторялись тѣже сцены что и у насъ. Почтенные лорды, ученые, художники, писатели, люди всѣхъ сословій, сходились въ Music Hall. Охотники до искусства просиживали цѣлые часы передъ произведеніями, не сводя съ нихъ глазъ. Двѣ статьи Профессора Шевырева, переведенныя на Англіійскій языкъ и напечатанныя въ Лондонѣ, служили объяснительнымъ текстомъ для зрителей. Выставкою пользовались и художники. Живописецъ, копировавшій въ Гамптонкуртѣ смерть Ананія и не могшій сладить съ головою его по причинѣ ея черноты, срисовалъ голову Ананія съ холстиннаго картона. Любопытство и любознательность Англичанъ выказывались особенными чертами: они щупали холстину, смотрѣли ее насквозь, пробовали краски языкомъ.

Открытое, публичное дѣйствіе владельца картоновъ приносить ему честь. Конечно, не одна выгода, не желаніе оставить картоны за границею, побуждали Г. Лухманова къ такому предпріятію. Онъ хотѣлъ сдѣлать любопытный художественный вопросъ вопросомъ Европейскимъ. Извѣстна осторожность публичнаго мнѣнія въ Англіи. Не скоро въ Лондонскихъ газетахъ добивается отзыва то, что и достойно вниманія. Съ необыкновенною быстротою отзывались газеты Лондона на приглашеніе Г. Лухманова видѣть картоны. Немедленно за открытіемъ выставки появились статьи. Сообщаемъ

мнѣнія трехъ газетъ, полученныя здѣсь. Ихъ разнообразіе послужить ручательствомъ въ безпристрастіи этихъ сужденій.

Sunday Times, отъ Августа 17, подъ статью Louchmanoff's Cartoons of Raphael, выразился такъ: «Художественныя чудеса царя живописцевъ, извѣстныя подъ именемъ его картоновъ, на которыя мы привыкли такъ часто смотрѣть съ удивленіемъ и наслажденіемъ во дворцѣ Гамптонкуртскомъ, встрѣтили не неблагогоднаго соперника (a not ignoble rival) въ коллекціи, привезенной изъ Россіи Г. Лухмановымъ. Истинныя ли это произведенія славнаго ученика Перуджино или нѣтъ, мы не беремъ на себя такого рѣшенія, — ибо

Who can decide when doctors disagree?

«Кто можетъ рѣшить, когда ученые не соглашаются?» — Но мы можемъ не обинуясь утвердить, что это неоспоримо произведенія гениальнаго мастера, будь они оригиналы или копіи; и мы искренно сознаемся, что ихъ жаркія краски и жироподобное выраженіе представляютъ наружность гораздо болѣе пріятную, нежели сѣрыя тѣни и темныя очертанія ихъ соименниковъ въ Гамптонкуртѣ.» (*)

Morning-Herald, въ статьѣ своей отъ Августа 15-го, подъ рубрикою: Fine arts, отстаиваетъ сильно превосходство и оригинальность Гамптонкуртскихъ картоновъ противъ ихъ Московскихъ соперниковъ. Изложивъ мнѣніе, сообщенное ему, о томъ, что это, по всей вѣроятности, двойники картоновъ Гамптонкуртскихъ, писанные рукою самого мастера, чтобы служить образцами для ткачей-художниковъ, тогда какъ Гамптонкуртскіе писаны учениками Рафаэля для тканья ковровъ по частямъ, — Morning-Herald прибавляетъ, что эти разсужденія чуть было не убедили его въ возможности такого предположенія; что живопись безпрекословно принадлежитъ самому отдаленному времени; что едва ли можетъ и возникнуть сомнѣніе, чтобъ она не относилась ко временамъ Рафаэля (**); но картины много пострадали отъ времени; выраженіе и очертанія фигуръ во многихъ мѣстахъ совершенно утрачены. «Всѣ эти недостатки ставятъ насъ въ невозможность, говорить

(*) But this we can unhesitatingly affirm, that be they originals or be they copies, they are indisputably the productions of a master genius; and we candidly confess that their glowing tints and lifelike expression present a much more agreeable appearance than the greyish shades and sombre outlines of their synonyms in Hampton-court.

(**) The pictures are unquestionably of great age; indeed there can hardly be a doubt of their having been painted in Raphael's time.

Morning-Herald, дать определенное мнѣніе; но, кажется, что они рисованы менѣе смѣлою и вѣрною рукою чѣмъ Гамптон-куртскіе; не имѣютъ широты, величія и свободы кисти этихъ знаменитыхъ произведеній, ни той же силы выраженія.

Morning-Herald, относя Лухмановскіе картоны ко временамъ самого Рафаэля, тѣмъ самымъ признаетъ уже ихъ за произведенія, если не его самого, то по крайней мѣрѣ учениковъ его, потому что никто кромѣ ихъ не взялся бы тогда за копіи съ произведеній Рафаэля. Его мнѣіе, отстаивающее картоны Гамптонкуртскіе противъ всякаго другаго соперничества, приносить особенную честь его Англійскому патриотизму.

Morning Advertiser, въ довольно большой статьѣ своей отъ 15-го Августа, подъ заглавіемъ: Cartoons of Raphael, вдается въ подробности и предлагаетъ извлеченія изъ первыхъ двухъ статей Профессора Шевырева. Вотъ переводъ его статьи.

«Вчера приглашены мы были въ Music Hall Store-street, видѣть, какъ сказано было въ приглашеніи, «Картоны Рафаэля.» Часто посѣщая Гамптонъ-куртъ, привыкнувъ выѣзжать съ другими посѣтителями, удивляться славы его картонамъ и зная ихъ исторію, мы были изумлены приглашеніемъ видѣть картины, объявлявшія право на настоящую оригинальность. Не смотря на то, вошедши въ пространную залу, мы съ перваго раза увидѣли какъ бы fac-simili знаменитыхъ произведеній. При ближайшемъ разсмотрѣніи, можно было разглядѣть, что это семь картоновъ, написанныхъ красками на холстѣ, но такою мастерскою манерою, что право на оригинальность, объявленное ими, заслуживаетъ полнаго вниманія.»

Предложивъ краткое свѣдѣніе о томъ, какъ они перешли къ Г. Лухманову отъ фамиліи Гр. Ягушинскихъ, Morning Advertiser продолжаетъ: «Семь картоновъ, или точнѣе, какъ сказали мы, живописныя чертанія, произведенныя на холстинахъ, писаны растительными соковыми красками; нѣсколько клейкаго вещества подбавлено было въ нихъ для того, чтобы эти краски не растекались. Они имѣютъ настоящую наружность моделей, которыя служили для руководства фабрикантамъ ковровъ. По мнѣнію владѣльца въ пользу ихъ оригинальности, Рафаэль изготовилъ двойныя модели: эти для того, чтобы онѣ висѣли передъ глазами художниковъ, завѣдывавшихъ работою, а Гамптонкуртскіе двойниками для самихъ работниковъ, почему и были они разрѣзаны на полосы, и носятъ до сихъ поръ сѣдыя нитки.

«Такъ какъ эти произведенія, если они оригинальныя, цѣны себѣ не имѣютъ, а Гамптонкуртскія принадлежатъ къ рѣдчайшимъ произведеніямъ искусства во всемъ мірѣ, то мы считаемъ себя въ обязанности сдѣлать извлеченіе изъ описательнаго извѣстія, заимствуя его изъ лекцій Г. Шевырева, Профессора Императорскаго Московскаго Университета.»

Слѣдуетъ выписка изъ первой статьи Г. Шевырева, въ которой излагается исторія ковровъ Ватиканскихъ. Затѣмъ, чтобы освѣжить въ умѣ своихъ читателей исторію картоновъ Гамптонкурта, *Morning Advertiser* предлагаетъ объ нихъ выписку изъ той же статьи. Вотъ его заключеніе.

«Мы однако, не можемъ взойти глубоко въ такое изслѣдованіе, еще менѣе разрѣшить столь сложную задачу. Безъ всякаго сомнѣнія, картоны привлекутъ вниманіе тѣхъ, которые подробно знакомы съ предметомъ. Во всякомъ случаѣ, они достойны быть извѣстны каждому, кто занимается искусствомъ, и суть самі по себѣ произведенія великаго достоинства, и весьма рѣдкаго и удивительнаго стиля. Мы увѣрены, что они вызовутъ безпристрастное изслѣдованіе, котораго заслуживаютъ, и надѣмся, что ни національная, ни художническая гордость, не нарушатъ справедливости, которую должно будетъ имъ отдать, если бы, послѣ надлежащаго и критическаго изслѣдованія, они найдены были тѣмъ, что въ нихъ предполагается. (*)»

Публика допущена ежедневно, и всякая публичность пріемлется съ уваженіемъ; повторяемъ снова: произведенія требуютъ добросовѣстнаго и безпристрастнаго вниманія.»

Вотъ какъ представители Англійской образованности, первенствующей въ Европѣ, приняли тоже картоны Рафаэлевскіе, на которые въ теченіи трехъ недѣль смотрѣла Москва.

(*) They are, at all events, worthy of the notice of every one interested in art, and are in themselves works of great merit, and of a very rare and curious style. We trust they will receive that impartial examination they deserve, and hope that neither national nor artistic vanity will prevent justice being done to their claims, should they, on a competent and critical scrutiny, be found to be what they are asserted.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРЯНІЧНЫЯ.

Съ закрытіемъ всемірной выставки въ европейскихъ журналахъ упразднится одно любопытное отдѣленіе, для котораго, почти цѣлыя полгода, была она неистощимымъ источникомъ матеріаловъ; въ нѣкоторыхъ повременныхъ листкахъ появятся еще нѣсколько разъ запоздалые *взгляды* и неизбежныя *ничто о выставкѣ*; и потому, эта устарѣлая новость навсегда покинетъ неутомимый станокъ типографа, замолкнетъ и самая молва о чудесахъ хрустальнаго дворца; но не скоро истощится благотворное вліяніе этого событія, которое придастъ свое имя современному вѣку, разграничитъ два періода въ лѣтописяхъ всемірной промышленности и оставитъ по себѣ неизгладимые слѣды для націй чуждыхъ предразсудковъ и предубѣжденій, которыя искали въ этой сокровищницѣ труда полезныхъ истинъ и вѣрныхъ указаній къ источникамъ народнаго благосостоянія.

Кто посѣтилъ Англію въ истекшее лѣто, тотъ имѣлъ предъ глазами и урокъ и примѣръ. Выходя изъ громадной Гайдъ-Паркской школы мыслящаго трудолюбія, онъ на каждомъ шагѣ встрѣчалъ золотые плоды торговли и промышленности, въ которыхъ заключаются главнѣйшіе элементы могущества Англіи. Нигдѣ не можетъ быть замѣтна польза успѣшной разработки этихъ неистощимыхъ рудниковъ народнаго богатства. Широкая Темза, еще за нѣсколько миль до столицы, покрыта купеческими судами, которые несутъ драгоценный грузъ свой къ средоточію торговой дѣятельности. Безчисленное множество пароходовъ бороздятъ рѣку во всѣхъ направленіяхъ и придаютъ картинѣ свѣтлую, радостную жизнь. По обѣимъ берегамъ рѣки тянутся рабочіе дворы частныхъ лицъ, арсеналы Королевскаго флота, бухты для починки и осмотра судовъ, мастерскія для сборки машинъ на пароходы, обширныя заведенія, въ которыхъ неумолкаемый стукъ доказываетъ неуто-

мную дѣятельность, а вдали лѣтъ мачтъ въ Лондонскіхъ докахъ, куда всѣ страны свѣта свозятъ свои сокровища. Эта картина невольно вырветъ крикъ удивленія у прибывшаго чужеземца.

Впечатлѣніе это не такъ скоро изглаживается; оно возобновляется на каждомъ шагѣ. Загляните въ эти доки, надъ которыми вьется радуга тысячи флаговъ; рассмотрите ихъ на всемъ ихъ протяженіи, во всѣхъ подробностяхъ, перчитите эти безчисленные пакгаузы, которые почти загроздили собою гавань, и вы поминутно будете удивляться, и ваше изумленіе возрастетъ наконецъ до того болѣзненнаго унынія, которое порождаетъ въ насъ сознаніе посторонняго могущества.

Лондонъ еще не первая гавань въ Англіи! Взгляните на Ливерпуль, средоточіе торговыхъ сношеній. Какими чудесами ознаменованы тамъ постепенные успѣхи торговли и промышленности. За два вѣка предъ симъ Ливерпуль былъ ничтожнымъ мѣстечкомъ, населеннымъ бѣдными рыбаками. Въ 1700 году считалось тамъ не болѣе 6 т. жителей. Въ 1760 народонаселеніе возрасло до 25 т. чел., и въ гавань приходило до 1,000 купеческихъ судовъ, а теперь въ городѣ 300 т. жителей и въ гавани стоитъ ежегодно 15 т. кораблей. Въ 1699 году построенъ тамъ первый докъ; въ 1748 открытъ второй. Въ 1800-мъ году Ливерпульскіе водоемы покрывали 45 акровъ, а съ того по сіе время занимаемое ими пространство утроилось. Нынѣ городская черта, со стороны Мерсея, составляетъ на всемъ своемъ протяженіи одинъ бассейнь, раздѣленный на множество отдѣловъ; десять новыхъ водоемовъ и сухихъ бухтъ строятся или предполагаются къ постройкѣ. Ничто не можетъ дать вѣрнаго понятія о движеніи торговли въ этой первенствующей въ мірѣ гавани, которая неизмѣнно стоитъ въ челѣ всякаго прогресса. Первый каналъ прорытъ въ Англіи въ концѣ прошлаго столѣтія, для сообщенія Манчестера съ Ливерпульемъ; между этими же городами устроена въ 1830 году первая и въ Англіи и въ Европѣ желѣзная дорога.

Мы упомянули о Манчестерѣ: какъ Лондонъ и Ливерпуль выражаютъ торговое величіе Англіи, такъ Манчестеръ, Лидсъ и Бирмингемъ суть представители ея значенія въ промышленности.

Въ началѣ XVIII столѣтія Манчестеръ былъ небольшою городокъ, населенный купцами и небольшимъ числомъ фабрикантовъ, которые скупали въ Бостонѣ и въ окрестностяхъ суровыя ткани, красили ихъ и развозили по ярмаркамъ. Въ 1760 году производство бумажныхъ издѣлій, сосредоточенное въ Ланкашейрѣ, коего

Манчестеръ есть главный городъ, занимало 40 т. работниковъ, вынуждено оно обеспечиваетъ содержаніе слишкомъ милліона душъ. Въ 1780 году въ Манчестеръ было менѣе 50 т. жителей; — теперь тамъ считается 320 т. Въ 1800 году въ этомъ городѣ было только 32 паровыя машины, итого въ 432 силы, теперь тамъ до 150 первоклассныхъ прядильныхъ. Черныя облака дыма носятся надъ городомъ, и придаютъ ему странный, своеобразный видъ. Войдите въ одно изъ этихъ семи-этажныхъ зданій, гдѣ 15 т. работниковъ одушевляютъ огромныя машины, и вы перестанете удивляться изумительнымъ подвигамъ людей, которые владѣютъ такими могущественными средствами.

Манчестеръ окруженъ мануфактурными городами, изъ коихъ Лидсъ замѣчательнѣе производствомъ шерстяныхъ издѣлій. Въ этомъ городѣ 400 паровыхъ машинъ, въ 8 т. силъ въ совокупности!

Бирмингемъ имѣлъ въ 1780 году около 50 т. жителей; въ 1800 число ихъ возросло до 72 т., а теперь составляетъ болѣе 200 т. Этотъ городъ не занимается какою-либо исключительною отраслю промышленности, какъ Манчестеръ; въ немъ производятся издѣлія всѣхъ родовъ, однакоже господствующее занятіе его есть выдѣлка желѣза и постройки машинъ. Въ 1773 году славный Ваттъ, не будучи въ состояніи внести въ Лондонскую думу установленной платы за право ремесленного производства, оставилъ столицу и основалъ въ Бирмингемѣ первую фабрику паровыхъ машинъ. Это заведеніе еще существуетъ и снабжаетъ машинами всѣ мануфактурныя округа Англіи. Въ окрестностяхъ Бирмингема добываніе каменнаго угля, желѣзной руды и выдѣлка желѣза, занимаютъ тысячи рукъ; эта многочисленная страна считается теперь наиболѣе промышленною въ цѣлой Англіи.

Всѣ эти чудеса связаны въ одно цѣлое желѣзною дорогою, соединяющею Лондонъ съ Ливерпулемъ. Въ нѣсколько часовъ можно съ конца до конца пробѣжать эту лѣстницу прогресса, очевиднаго и неодолимаго, который овладѣваетъ умомъ наблюдателя, и вынуждаетъ у него дань хвалы и уваженія народу, способному къ такимъ великимъ подвигамъ труда и постоянного прилежанія.

Безспорно, что топографическое положеніе и обиліе минеральныхъ матеріаловъ благоприятствуютъ успѣхамъ Англіи, но однихъ этихъ элементовъ успѣха недостаточно для всѣхъ чудесъ, сотворенныхъ этою націею. Нуженъ былъ геній, чтобы безустанно пользоваться этими преимуществами, нужна была сила, чтобы осуществлять помыслы генія.

Геній и сила проявляются въ Англіи повсюду, и ярко блестятъ подъ хрустальнымъ наметомъ Гайдъ-Паркскаго ковчега.

Великіе помыслы зарождаются въ сознаніи собственныхъ силъ, — сила образуется совокупностію усилій. Эти истины постигла Англія въ полномъ ихъ значеніи, и нѣтъ народа, который охотнѣе Англичанъ соединяетъ свои силы для общихъ выгодъ.

Окажется ли, напримѣръ, потребность придать торговлѣ и мореплаванію то энергическое стремленіе, которое рѣшаетъ судьбу торговой націи? — мгновенно учреждается Остъ-Индская компанія, которой могуществу нѣтъ равнаго ни въ одномъ учрежденіи. Безчисленные суда подъ Англійскимъ флагомъ покрыли отдаленныя моря и свозятъ въ свою отчизну богатства обширныхъ колоній, которыя, сами собою, составляютъ уже отдѣльный міръ. Взгляните, какія драгоценныя произведенія доставили на всемірную выставку эти колоніи, основанныя и образованныя Англіею, и вы убьидитесь въ могуществѣ и неограниченномъ вліяніи Остъ-Индской компаніи на торговлю и промышленность.

Сила паровъ, примененная къ мореплаванію, открыла новую эру для торговли. Сношенія ускорились. Вмѣстѣ съ возможностью появилась и потребность умножить эти сношенія и придать имъ періодическое, очередное движеніе. Свойственный Англичанамъ духъ сообщества не затруднился удовлетворить и этой потребности. Тамъ, гдѣ дѣйствуютъ сообща, огромнѣйшія суммы ничего не значатъ. Учредились компаніи, построены исполинскіе пароходы, и вскорѣ не останется ни одной значительной гавани, съ которой бы Англія не имѣла постоянного, срочновременнаго сообщенія.

Нужны ли огромныя суммы на поддержаніе торговли и промышленности? — во всѣхъ трехъ королевствахъ Великобританіи учреждаются банки, и общими силами доставляютъ нужные капиталы. Каждый дѣльный помыслъ найдетъ въ Англіи сочувствіе, каждое предпріятіе — содѣйствіе. Какъ послѣ этого сомнѣваться въ успѣхахъ страны, гдѣ не погибаетъ ни одна свѣтлая мысль, ни одно полезное начинаніе.

Возвратимся къ всемірной выставкѣ. Вліяніе этого полезнаго предпріятія на промышленность будетъ постепенно проявляться въ ея дѣятельной жизни. Многія ея отрасли, руководимыя чужимъ опытомъ и усовершенствованіями введенными въ другіхъ странахъ, быстро подвинутся впередъ, и внимательный наблюдатель, слѣдя за этими успѣхами, легко распознаетъ ихъ источникъ. Но не скоро, не вдругъ проявится плодъ отъ сѣмянъ Гайдъ-Паркской теплицы;

нѣхъ надобно посадить, воздѣлать, усвоить мѣстному климату, какъ г. Пекстонъ поступилъ съ прекраснымъ чужеземнымъ цвѣткомъ *Victoria Regia*. Будемъ ожидать этихъ плодовъ, и что узнаемъ, — сообщимъ нашимъ читателямъ.

Покуда скажемъ, вопреки увѣреніямъ французскихъ журналовъ, будто бы число пріѣзжихъ на всемірную выставку было весьма незначительно, что по свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ *Times*, сборъ на восьми желѣзныхъ дорогахъ, примыкающихъ къ Лондону, съ 31 Мая по 4 Октября сего года, превышаетъ сборъ въ продолженіи того же времени въ 1850 г. 771,463 ф. ст. (около 5 м. р. с.).

Отъ прозы Англійской существенности перейдемъ къ поэзій Парижской жизни. Англичане между дѣломъ иногда веселятся; — Парижане среди всегдашняго веселья занимаются иногда дѣломъ. Англичанинъ не тратитъ времени безполезно, говоря: время — есть жизнь; Французъ также не тратитъ времени и говоритъ: лови минуту, — вотъ теорія наслажденій. Дѣятельность та же, только направленіе различно.

Важное современное событіе въ Парижѣ есть открытіе Италіанской оперы.

Италіанскій лирическій сезонъ открытъ 14 Октября оперою Доницети: *Лукреція Борджіа*. Въ этотъ вечеръ, въ залъ Вантадуръ, можно было видѣть всѣ замѣчательныя лица, находящіеся теперь въ Парижѣ. Это былъ дебютъ одной изъ четырехъ знаменитыхъ дивъ Италіи, г-жи Барбьери-Нини. Скажемъ нѣсколько словъ о ея прошедшемъ.

Барбьери родомъ Флорентинка. В. Герцогъ, слыша похвалы ея удивительному голосу, назначилъ ей временное пособіе на обученіе. Импрезаріо театровъ *Ла-Скала* и *Вьнскаго*, знаменитый *Мерелли*, по рекомендаціи флорентинскаго *Maestro di bel canto Романи*, ангажировалъ Барбьери на три года, и въ 1840 году она дебютировала въ труппѣ Мерелли на сценѣ *Ла-Скала*, въ оперѣ Доницети *Велизарій*. Барбьери не хороша собою; ея музыкальное образованіе было весьма посредственно, но у нея былъ голосъ удивительно сильный. Огромная зала театра *Ла-Скала*, въ которой столько истощенныхъ голосовъ испустили свои послѣдніе вздохи, звучала какъ колоколь, когда въ ней раздавался этотъ металлическій, несравненный сопрано, который съ полною силою произносилъ высокое *цѣ*, свободно доходилъ до пронзительнаго *ті*, и безъ усилія спускался до низкаго, *Бертрамовскаго ті*.

Однако, когда миновалось удивленіе, возбужденное первым впечатлѣніемъ, публика замѣтила чрезвычайную неопытность дебютантки, и нашла, что на сценѣ театра *La-Scala* должны появляться только совершенныя пѣвицы, и что недоучившіяся могутъ упражняться на другихъ театрахъ. Мерелли, изумленный огромностію голоса Барбьери, заключилъ съ нею контрактъ весьма для него убыточный, и, видя, что публика недовольна, хотѣлъ его уничтожить, но Барбьери не согласилась. Начался процессъ, и Мерелли проигралъ. Тогда, чтобы отмстить артистку, онъ заставилъ ее пѣть во время антрактовъ въ одномъ изъ театровъ, гдѣ игрались арлекинады. Барбьери, рѣшившись переносить всякое униженіе, лишь бы удержаться при контрактѣ, безъ ропота покорилась своей участи и пѣла на этихъ балаганныхъ представленіяхъ. Сильный и звучный ея голосъ понравился публикѣ, не такъ взыскательной въ искусствѣ исполненія, и пѣвица имѣла огромный успѣхъ на театрѣ *Alla Canobiana*. Мерелли, раздраженный неудачею мести, уступалъ ее всѣмъ странствующимъ труппамъ и заставлялъ ее таскаться по всѣмъ ярмаркамъ. Ремесло кочующей пѣвицы, частое упражненіе и врожденная способность г-жи Барбьери, выработали ея голосъ. По истеченіи трехъ лѣтъ контрактнаго срока, съ порядочной суммой въ запасъ, г-жа Барбьери принялась серьезно за образованіе своего таланта и училась у знаменитыхъ маэстро Романи и Ламперти. Успѣхи ея вскоре поставили ее на ряду съ пѣвицами, которыхъ Италійцы называютъ артистами *di cartello*, то есть достойными украшать сцены большихъ театровъ во время лучшихъ сезоновъ, какъ карнавалъ, начинающійся 26 Декабря, въ день Св. Стефана, и продолжающійся три мѣсяца. Въ этотъ день открываютъ въ Италіи до пятидесяти театровъ.

Съ этого времени началось блестящее поприще Барбьери, и она, какъ выражаются Англичане, стала звездою музыкальнаго неба (a star). Она пѣла на первенствующихъ сценахъ Италіи, въ Вѣнѣ, повсюду, исключая, кажется, театра *La-Scala*, куда злопамятный Мерелли никакъ не хотѣлъ допустить ее. Въ періодъ своихъ блестящихъ успѣховъ, г-жа Барбьери вышла за мужъ за графа Нини, челоузка не богатаго, который охотно посвятилъ себя званію супруга пѣвицы. Она создала нѣсколько ролей въ главнѣйшихъ операхъ Верди. Г. Лумлей, искусный искатель талантовъ, разслышавъ по бѣлому свѣту, привезъ г-жу Барбьери-Нини въ Лондонъ, гдѣ она имѣла большой успѣхъ, а оттуда она пріѣхала въ Парижъ. Теперь эта артистка въ полной силѣ

возраста и таланта. Голосъ ея не такъ, можетъ быть, громокъ, какъ былъ въ ея первые дебюты; образованіе смягчило его, а упражненіе уравнило, но все онъ заученъ и пріятенъ, особенно въ *головныхъ* нотахъ; онъ приобрѣлъ и *серебристость* и *бархатность*, два отличительныя качества искусства. Метода Барбьері смѣла и исполнена оригинальности. Въ Ноябрь подвизится Софья Крувелли, и Парижъ услышитъ дивное состязаніе двухъ первоклассныхъ пѣвицъ.

Дѣвица *Ида Бертранъ* и въ этомъ году исполняетъ роль Орсини, въ которой ея прекрасный контральто имѣлъ такой блестящій и такой заслуженный успѣхъ въ прошломъ году. При открытіи театра, публика встрѣтила ее единодушными аплодисментами.

Г. Гиллеръ ввелъ нѣкоторыя измѣненія въ группировку инструментовъ оркестра. Главное измѣненіе состоитъ въ раздѣленіи медныхъ инструментовъ, которые помѣщались вмѣств. Теперь тромбоны, офиклейды и все, что производитъ музыкальный громъ, осталось по правую сторону дирижера; валторны, рожки и другіе медные инструменты, принадлежащіе къ числу такъ называемыхъ *духовыхъ*, переведены на лѣвую сторону оркестра. Первыя и вторыя скрипки окружаютъ по прежнему *маэстро*; въ послѣднемъ отъ него ряду размѣщены альты и виолончели, а по флангамъ съ правой и съ лѣвой стороны поставлено по три контрбаса. Сзади литавровъ оставлено пустое мѣсто, вѣроятно для несноснаго большаго барабана, который пора бы бросить, или оставить только для тѣхъ оперъ, гдѣ являются уличные шарлатаны, какъ Дулькамара въ *Любовномъ напитокѣ*. Въ наше время, когда такъ много своеволія въ музыкѣ, когда передѣлываютъ оркестровку оперъ древнихъ композиторовъ Гретри, Дайлерака и другихъ, можно было бы позволить себѣ исключить партію большаго барабана изъ новѣйшихъ оперъ, и вѣроятно и самъ Россини не возражался бы за эту вольность. Органъ нашего слуха имѣетъ опредѣленныя границы, голосъ человѣческій также не выходитъ за черту извѣстныхъ предѣловъ, а между тѣмъ, Богъ знаетъ для чего, стараются усилить звуки инструментовъ. Еслибы дѣло шло только о военныхъ оркестрахъ, которые играютъ подъ открытымъ небомъ, то это стремленіе было бы еще понятно, но зачѣмъ нужна звучность медныхъ инструментовъ въ акомпаниментъ голосу, который едва изъ-за нихъ слышенъ? Сравните силу самаго громкаго сопрана или тенора съ звукомъ тромбона, литавръ или нѣсколькихъ контрбасовъ, и вы легко убѣдитесь, какъ безполезны эти инструменты

въ оперной музыкѣ. Во второмъ актѣ Лукреціи Борджіа, когда Дженапо, не зная своей матери, оскорбилъ ее и приведенъ къ герцогу, который обѣщалъ своей супругѣ смерть виновнаго, есть терпетъ, одно изъ лучшихъ произведеній въ цѣлой оперѣ. Это тріо исполнено было прекрасно, не смотря на то, что г-жа Барбьери далеко превзошла въ искусствѣ исполненія своихъ партнеровъ Граціани и Фортини. Весь эффектъ состоялъ въ томъ, что въ этомъ тріо нѣтъ бесполезныхъ криковъ, и что каждая фраза діалога выражаетъ мысли и чувства дѣйствующихъ лицъ. Герцогъ выходитъ, и Лукреція спѣшитъ предупредить Дженапо, что мужъ ея напоилъ его ядомъ; она отдаетъ ему стеклянку съ противудіемъ и умоляетъ его выпить. Между тѣмъ Дженапо, не понимая, что происходитъ, говоритъ: о *dubieza fatale!* о гибельное недоуміе!

Можно ли повѣрить, что при этой сценѣ, гдѣ дѣйствующія лица должны бы, кажется, говорить тихо и съ осторожностію. въ оркестрѣ поднимается настоящая буря, гремятъ тромбоны и контрбасы, и вынуждаютъ актеровъ кричать что-есть мочи въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Наконецъ занавѣсъ опускается и оставляетъ зрителей оглушенныхъ невыносимымъ трескомъ оркестра. Вотъ куда привела такого искуснаго композитора, какъ Довицети, ложная идея усиливать ощущенія слушателей контрастами и постепеннымъ усиленіемъ звуковъ.

Въ третьемъ актѣ дѣвица Ида Бертранъ, въ костюмѣ юнаго Орсини, съ удивительнымъ искусствомъ и энергіею пропѣла прекрасную балладу. Публика очень любитъ эту пѣвицу; ея присутствіе на сценѣ театра Вантадуръ подаетъ надежду, что оперы, въ которыхъ партія контральто необходима, съ блестящимъ успѣхомъ будутъ тамъ представлены.

Въ первыхъ два представленія Лукреціи г-жа Барбьери-Нини и дѣвица Бертранъ раздѣляли славу успѣха. Первая изъ нихъ, въ продолженіи цѣлой пьесы, исполняла роль свою съ искусствомъ совершенной артистки, но высокій талантъ ея вполне торжествуетъ въ последней сценѣ, когда Лукреція объявляетъ Дженапо, что онъ ея сынъ, и умоляетъ его со всей нѣжностію матери спастись отъ смерти, употребивъ противудіе, которое она ему дала. Въ пассажѣ, который начинается словами: *Ah! di più non dimandar; m'odi и проч.*, г-жа Барбьери становится высокою, первостепенною артисткой. Сочетаясь съ драматическимъ положеніемъ и съ простымъ стилемъ музыки въ этомъ мѣстѣ, она произноситъ почти всѣ моливы свои *sotto voce*, что подаетъ ей возможность ввести

самые тонкіе оттенки въ свое пѣніе, начиналъ съ глубокихъ нѣжныхъ музыкальныхъ вздоховъ до порывовъ безпредѣльной, нестерпимой горести, и она исполняетъ это съ искусствомъ, которое выше всякой похвалы. Въ первый два представленія публика заставила повторить это мѣсто, и кто только слышалъ тогда г-жу Барбьери-Нини, не можетъ не сознаться, что она принадлежитъ къ числу искусѣйшихъ пѣвицъ, которыя когда-либо пѣли въ Парижѣ.

Послѣ Лукреціи Борджіа давали *Лучію Ламермурскую*—это мастерское произведеніе Доницети. Роль Эдгара исполнилъ *Кальцолари*, котораго блестящій талантъ три года восхищаетъ Парижскихъ меломановъ. Дѣвица *Корбари*, которую Парижане слышали во второстепенныхъ роляхъ Адалгизы и Леди Сеймуръ, много усовершенствовала талантъ свой на С.-Петербургскомъ театрѣ, и явилась теперь на ту сцену, съ которой она начала свое поприще, въ трудной роли Лучіи, и исполнила ее съ замѣчательнымъ успѣхомъ.

Говоря о Лучіи, три привидѣнія невольно представляются нашему воображенію и никогда не изгладятся изъ нашей памяти. Это г-жа Персіани, Рубини и Тамбурини. Эти артисты были такъ превосходны въ Лучіи и оставили такіе глубокіе слѣды своего искусства въ сердцахъ слушателей, что было бы неблагодарностію не вспомнить о нихъ, говоря объ оперѣ, которая обязана имъ своею славою. Это не мѣшаетъ однако же отдать справедливость теперешнимъ артистамъ.

Дѣвица Корбари, вступая на сцену, была чрезвычайно взволнована, но это случается со всеми артистами, дебютирующими предъ парижскою публикою. Не будемъ говорить о первой каватинѣ ея; ея смущеніе отзывалось и въ ея пѣніи, хотя и въ этой каватинѣ замѣтна была гибкость ея голоса и искусство вокализаціи. Въ дуэтѣ, который она поетъ, вслѣдъ за тѣмъ, съ Кальцолари, она уже оправилась. Интонаціи стали тверже, смѣлѣе, и во многихъ мѣстахъ искусство ея заслужило одобреніе публики. Въ дуэтѣ втораго акта, въ этой жестокой сценѣ между братомъ и сестрою, музыкальный діалогъ произнесенъ былъ съ такою энергіею, съ такимъ изступленіемъ, что у пѣвицы и у баритона Фортини недоставало иногда силъ передать весь ужасъ этой сцены.

Въ большой каватинѣ третьяго акта, въ которой для примачонны предстоятъ самыя большія трудности, г-жа Корбари показала весь свой талантъ и всю прелесть своего голоса. Грація есть отличительное свойство этой актрисы. Публика много ей аплодировала, въ особенности въ каватинѣ, которую Лучіа поетъ въ су-

масшествія, и гдѣ она увлекается фантазіею разстроеннаго воображенія, въ безпорядкѣ припоминая себѣ счастливыя минуты. Г-жу Корбари можно упрекнуть только въ томъ, что она не довольно резко отдѣчаетъ мотивы, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ, но одинъ на другой не похожи, и еще, что въ голосѣ ея слишкомъ часто слышно это дрожаніе, *tremolando*, къ которому въ послѣдніе десять лѣтъ начали прибѣгать пѣвицы, съ тѣмъ, чтобы придать звуку болѣе выраженія, чтобы въ голосѣ дрожала слеза, какъ онѣ выражаются. Эту удочку можно оставить пѣвицѣ романескѣ, которая всегда ею пользуются въ концѣ третьяго кукцета, возводя томные взоры къ потолку гостиной, въ которой онѣ поютъ.

Во всякомъ случаѣ г-жа Корбари прекрасное приобретеніе для Парижской Италіанской оперы.

Даровитый Леонъ Гозланъ подарилъ Парижской публикѣ двѣ преміальныя пьесы: *Le coucher d'une étoile*, комедія въ одномъ дѣйствіи, и *Dieu merci le couvert est mis*, въ одномъ же дѣйствіи. Первую давали на театрѣ Водевилья, вторую на театрѣ Монтансье.

Въ послѣдней изъ этихъ пьесъ, фраза *Dieu merci le couvert est mis*, избѣсила сначала горничную, потомъ разсердила дочь хозяина дома, генерала Сень-Полен, а наконецъ прогнѣвала и самую генеральшу. Ни одна изъ нихъ не хотѣла повторить этой ужасной фразы. Поднялась суматоха, споръ, крики.—Наконецъ всѣ уюмились, и давай въ запуски кричать: *Dieu merci le couvert est mis*. На этомъ и конецъ.

И только-то? Да, только. Если бы г. Леонъ Гозланъ задумалъ сдѣлать больше, онъ вѣрно сдумалъ бы сдѣлать и больше, но это только онъ сдѣлалъ такъ мило, такъ забавно, такъ остроумно, какъ нельзя больше, и зрители остаются довольны, и театръ всегда полонъ, и эту пьесу играютъ въ одинъ вечеръ на трехъ театрахъ (*Vaudeville, Palais Royal* и *Theatre Français*).

Le coucher d'une étoile имѣла не меньшій успѣхъ. Тутъ дѣло не въ закатѣ небесной звѣзды. Звѣзда, une étoile, а star, означаетъ на языкѣ Англійскихъ афишей и журналовъ актрису, которая выше всякаго сравненія съ окружающими ее актрисами; словомъ, звѣзда есть знаменитость, особенность, а *le coucher* выражаетъ здѣсь не закатъ, а просто время, когда она ложится спать. Спорить, что эти звѣзды бываютъ часто и туманныя, и вовсе не блестящія; но дѣло не въ блескѣ, а если случай или прихоть назовутъ звѣздою хотя бы канатную прыгунью, такъ и быть ей звѣздою впредь до появленія другаго, болѣе лучезарнаго савтила. Въ

звезды производить какъ въ ламы, — не всегда по достоинству. Пройдетъ недѣля, мѣсяцъ, и съ свѣтскаго небосклона скатится наилучшая звезда въ родовое болото, — и девъ убѣжитъ въ пустыню откуда его вызвали крики толпы. Но къ дву, къ дву.

Два юные лда Англійскаго моднаго свѣта, лорды Клиффордъ и Монгомери, вступили въ состязаніе, кто изъ нихъ сдѣлаетъ больше блестящихъ, болѣе щедрыхъ предложеній одной звезде — актрисѣ. — Одинъ предлагаетъ букетъ въ тысячу экую, — другой вазу, въ ту же цѣну. Лордъ Клиффордъ отдаетъ свой экипажъ, — Монгомери покупаетъ домъ, въ которомъ живетъ его звезда — и т. д. Но не завязка, не митрига, не случайности замѣчательны въ этой пьесѣ, а діалогъ, острота, манера, отыбка, приправа, эти милыя шутки, эти верлы ума, которыми г. Гозланъ унижалъ спутанные нити разговоровъ, и если бы пьеса была сыграна настоящими вѣломожками, какъ она написана истиннымъ вѣломожкою, — если бы была выбрана лучшая звезда изъ всѣхъ созвездій доступныхъ смертному: ничто на модѣ бы сравниться съ этой дивной ситисью остротъ, намековъ, выраженій. Между прочимъ въ пьесѣ есть премилая забывчивость Лорда Клиффорда. Въ пылу состязанія, въ увлеченіи самозабвенія онъ восклицаетъ: «постойте, — я женись на ней». — Вы женитесь? возражаетъ Монгомери, прекрасно. — да вы женаты! «Чортъ возьми, — я и забылъ, — отдаетъ бѣдный Клиффордъ.

Объ пьесѣ нѣтъ незапамятный успѣхъ.

Театръ *Варьете* не отстаетъ отъ другихъ. На дняхъ давалъ онъ новосты *Les Filles de l'air*. Хотите ли знать, кто эти заоблачныя дѣвы? Слушайте. Въ воскресный день, когда въ Парижѣ праздникъ повсюду: и въ городѣ, и за городомъ, и на землѣ, и на водѣ, и въ воздухѣ, случалось ли вамъ видѣть, какъ аэростатъ г-на Годара уноситъ за облака, при своей гондолѣ, въ видѣ каріатидъ, двухъ юныхъ прекрасныхъ дѣвушекъ, изъ труппы Ипподрома, одѣтыхъ въ живописныя газовыя туники. Издали они похожи на, сильфонды уносящихъ гондолу на своихъ эфирныхъ крыльяхъ, и каждому нѣволью хочется узнать, чтѣ станется съ этими сильфонами въ заоблачныхъ пустыняхъ. Если и вы хотите узнать это, ступайте въ *Варьете*, и вамъ откроютъ эту тайну братья *Комьдра* и *Теодоръ Ногель*. Сильфонды на землѣ, онѣ воплощаются на воздухѣ, и тамъ, далеко, за облаками, становятся обыкновенными женщинами. Пьеса занимательна, она свѣдѣетъ, и служитъ тысячнымъ доказательствомъ, что для того,

чтобы развеселить публику, не нужно ни больших усилий, ни большого труда, ни гениальных способностей.

Кстати о воздушном шарѣ г-на Годара: онъ заноситъ не только сильфидъ въ ихъ родную область, но поднимается въ поднебесье и атлетовъ. Нѣкто Тевеленъ, атлетъ по ремеслу, и по призванію, изумляетъ теперь Парижъ силою, ловкостію, и кроме того, неслыханною, неподражаемою смѣлостію. Онъ показываетъ гимнастическія упражненія на высотѣ нѣсколькихъ сотъ сажень отъ земли. Вотъ какъ это дѣлается: къ гондолѣ аэростата г-на Годара привѣшивается четырехугольная рамка, въ видѣ трапеціи или треугольника съ усѣченнымъ верхомъ. Шаръ подымается, и г. Тевеленъ начинаетъ свое представленіе. На этой рамкѣ дѣлаетъ онъ самыя трудныя гимнастическія подвиги: то виситъ на рукахъ, то подымается, выворачивается лицомъ къ землѣ, держа въ руками и ногами за рамку, то снова повиснетъ головою внизъ, уцепившись нога за нижній бокъ рамки, и такъ продолжаетъ свои упражненія, покуда аэростатъ не скроется изъ виду. Нельзя безъ содроганія смотрѣть на этого дерзкаго безумца.

Но возвратимся къ театрамъ и къ чародію Леону Гозлану. Въ наше время *театръ* и *Гозланъ* почти синонимы. Его пьесы — на всѣхъ сценахъ; его имя — во всѣхъ журналахъ, гдѣ только помѣщаются критическіе разборы драматическихъ сочиненій, — на нѣсколькихъ афишкахъ въ одинъ вечеръ. Когда въ *Монтансье* давали въ первый разъ: *Dieu merci le couvert est mis*, въ Одеонѣ бушевала *буря въ стаканѣ воды*, въ театрѣ Французской комедіи рассказывали *конецъ романа*, а въ водевилѣ укладывали спать *земную звезду (le coucher d'une étoile)*. Все это Гозлана, и теперь на нѣсколькихъ театрахъ репетируютъ его новыя произведенія, въ томъ числѣ драмму: *Cinq minutes d'un commandeur*.

Мы недавно говорили о новой страсти Французовъ воздвигать статуи отечественнымъ знаменитостямъ во всѣхъ родахъ. Мудрено-ль, что въ порывъ этой статуоманіи и г-ну Леону Гозлану воздвигнуть памятникъ. Если бронза передаетъ грядущему славу прошедшаго, то почему не обезсмертить талантливаго писателя, когда вовсе не гениальные храбрецы и заводчики картофельнаго сахару пробиваютъ теперь *мѣднымъ* лбомъ дорогу къ потомству. По крайней мѣрѣ, покуда появятся въ мраморъ или бронзу г. *Біетри*, фабрикантъ шерстяныхъ шалей, или безтрепетный *Тевеленъ*, Марсель, родина Гозлана, предлагаетъ ему

назвать его именемъ одну изъ своихъ улицъ, какъ Парижъ звалъ себя улицу *Бамзакъ* и усвоилъ славное имя *Ламартинъ* улицѣ урожденной *Кокенаръ*. Гозланъ колеблется, и умно дѣлается. Другъ его Жюль-Жаненъ отказался уже отъ подобной почести, которую предлагалъ ему городъ Сентъ-Этьенъ. Дѣло въ томъ, что новыя прозванія даются обыкновенно новымъ улицамъ, въ необстроенныхъ еще частяхъ города, гдѣ случаются разныя разности. Пріятно ли, напримѣръ, прочесть въ какой-нибудь Полицейской газетѣ, что на улицѣ *Жаненъ* кого-нибудь зарѣзали, а на улицѣ *Гозланъ* обокрали. Сочетаться своимъ именемъ съ вдовствующею улицею, еще опаснѣе. Давнее имя безпрестанно пробивается сквозь новое. Старожилы этой улицы всегда досаждаютъ на незваного гостя, который приходитъ мутить ихъ родовыя привычки. Притомъ инородцы могутъ такъ перемѣшать эти имена, что послѣ и толку не найдешь. Каково будетъ сладкорѣчивому любимцу *Эльвиры*, если кто будетъ говорить о поэмѣ *Жоселенъ* или исторіи *Ревстораціи*, сочиненія Альфонса *Кокенара!!!* Право, дѣльно поступить г. Гозланъ, если не позволить усвоить своего имени какой-нибудь грязной Марсельской улицѣ.

Въ большой оперѣ раздается лебединая пѣснь Альбони. Толпа стекается на это прощанье и аплодируетъ. Гг. Роже и Масоль будутъ сопутствовать вступленію г-жи Тедеско въ *Reine de Chypre* Галеви, поставленной съ неимовернымъ *Селоконъпиемъ*. За тѣмъ послѣдуетъ балетъ *Vert-vert*, въ которомъ появится дѣвица *Приора*, а вскорѣ и *Вѣчный жидъ*, въ которомъ г. Скрибъ поведетъ зрителей съ полюса на полюсъ, изъ Византіи къ Бафинову заливу, а г. Галеви обѣщаетъ вознести въ рай гармоніи. Говорятъ, что постановка и декораций хороши до того, что перешли за предѣлы вѣроятнаго. Г. Рокепланъ *горитъ* желаніемъ угодить публикѣ. Не мудрено, что при такомъ двательномъ и *дорогомъ* рвеніи, онъ скоро *догоритъ*, какъ многіе изъ его собратіи. Что касается до музыкальнаго сына *Израѣли*, г-на Галеви, онъ надеется за *Вѣчнаго жидъ* и себя купить безсмертіе, и притомъ увѣковѣчить славу *Исаака Масоля*.

Г. Скрибъ, вѣчный, неизбежный г. Скрибъ, оканчиваетъ теперь комедію для Французскаго театра (*Théâtre Français*). Г. Скрибъ обѣщался остановиться на 365 своемъ произведеніи, считая, что достаточно будетъ по одной пьесѣ на каждый день года. Последняя выходитъ 366-я—это будетъ высокосная комедія.

Говорятъ, что какая-то *Синій чулокъ* написала комедію: *Леди Тартюфъ*. Неужели есть и женщины лицензержи?...

Говоря о большой оперѣ, мы дали непростительный промахъ: забыли о дебютѣ Русской танцовщицы. Въ балетѣ *La Fivandiere* (Маркизантипа) дебютировала, дитя сивговъ, русая, Русская красавица, по имени *Надежда Богданова*. Она была ученицей Сепъ-Леона, и *любимницей успѣха*, какъ выражаются Парижскіе журналы. Движенія ея жибы, правильны, граціозны; она легка, гибка, ловка. Парижане въ восхищеніи отъ нашей соотечественницы. Вотъ что говорить о ней Жюль-Жаненъ въ ѣмлетонѣ журнала Превій:

«Между тѣмъ какъ наша милая, живая Карлота Гризи восхищаетъ житей С.-Петербурга въ балетѣ *Ондина*, въ которомъ она дѣйствительно носится съ легкостію тѣни, насъ утѣшаетъ въ ея отсутствіи Петербургская гостья, юная, воздушная *весенняя* (printaniere) танцовщица *Надежда Богданова*. Она танцуетъ, какъ танцуютъ въ шестнадцать лѣтъ, съ граціей, съ роемъ улыбающихся надеждъ, которыя окружаютъ этотъ, такъ быстро проходящій, возрастъ. Дѣвица Богданова дебютировала въ балетѣ *La Fivandiere* и имѣла полный успѣхъ. Мы стараемся заплатить ей, какъ умѣемъ, за благосклонный пріемъ Карлотъ Гризи лучшаго Петербургскаго общества»

24 Октября Національная Опера давала свою вторую новостъ: *Murdock le bandit*,—опера въ одномъ дѣйствіи, музыка дебютанта на музыкальномъ поприщѣ г-на Готье. У одного вице-короля былъ сынъ, котораго приняли за разбойника; — одинъ разбойникъ былъ принятъ за сына вице-короля. Артуръ и Арабелла любил другъ друга изъ всѣхъ силъ. Вотъ содержаніе и интрига. Г. Готье первый воспользовался этимъ полезнымъ заведеніемъ, которое называютъ *третьимъ лирическимъ театромъ*, этимъ разсадникомъ, гдѣ воспитываются молодыя отрасли, и откуда пересаживаются потомъ въ бывшіе королевскіе цвѣтники, гдѣ уже нуженъ полный разцвѣтъ, нужна дозрѣлость, чтобы привлекать толпу. Въ пьесѣ г. Готье много мелодіи, а это въ наше время—рѣдкость. Публика вызывала композитора.

Этотъ Италіанскій обычай вызывать композиторовъ, дошелъ до злоупотребленія. Если публика вызываетъ г-на Готье, при самомъ его дебютѣ, за оперетку въ одинъ актъ,—что же она сдѣлаетъ для Мейербейера, когда онъ, уставши развѣзжать по минеральнымъ водамъ, выпустить, наконецъ, за Рубиконъ свою *Африканку*?...

Говоря о театрахъ, вѣчномъ средоточіи Парижской дѣятель-

ности, нельзя не упомянуть, что они, то есть театры, приобрели теперь новаго представителя. На дняхъ началъ издаваться въ Парижѣ театральный журналъ: *Presse dramatique*. Редакція представила правительству восемнадцать тысячъ франковъ за позволеніе обсуживать министерскія распоряженія, относящіяся къ искусствамъ, а это въ наше время значить тоже, что писать политическія статьи, и, следовательно, подвергаться пени и тюрьмѣ. Не давно еще одинъ изъ журналистовъ, г. Викторъ Гербенъ, жестоко поплакалъ за то, что вздумалъ разсуждать въ своемъ листкѣ *Le Theatre* о пріостановкѣ представленій *Mercadet* по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Сочинители потребовали въ судъ несправительной полиціи; тамъ его осудили;—онъ перенесъ дѣло на апелляцію,—опять осудили. Редакція заплатила штрафъ, а редакторъ сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Фреколини, музыкальная звѣзда на *zakatt*, бываетъ въ Итальянской оперѣ каждый спектакль. Говорятъ, что она блѣднѣетъ отъ зависти, видя успѣхи Барбьери, но къ чести заслуженной артистки—это неправда,—она, просто, блѣднѣетъ.

Слышно, что въ Парижскомъ музеѣ нѣкоторыя образцовыя картины были недавно возобновлены и даже поправлены. *Бракъ съ Кань* Павла Веронеза, картина, оцененная въ миллионъ франковъ, *Сраженіе Сальватора Розы*, *Быки на пастбищѣ* Павла Поттера, подверглись этой неимоверной профанаци, вопреки министерскому распоряженію, на основаніи котораго музей обязанъ представлять подобные случаи на разсмотрѣніе особой комисіи, которая обсуживаетъ какъ самую потребность, такъ и способъ исполненія поправокъ. Извѣстіе это помѣщено въ *Avenement*.

Романъ Жюль-Жанена *Gaités champêtres*, при самомъ жаркомъ сочувствіи публики, встрѣтилъ много враговъ. Въ числѣ приверженцевъ много людей строгаго ума, которые довольствуются этимъ сочиненіемъ такъ, какъ оно есть, не смотря на тѣ или другіе недостатки. Напримѣръ, Сентъ-Бевъ отозвался объ этой книгѣ, въ статьѣ старательно написанной, съ расположеніемъ, которое рѣдко срывается съ пера этого критика; недавно также г. Эдмондъ Тексъ принесть ей дань похвалы; наконецъ г. Дюкюэнъ (Ducuing) въ Ламартиновскомъ журналѣ *Revue*, охотно призналъ г. Жюль-Жанена великимъ Французскимъ писателемъ; всѣ литераторы отдають ему справедливость.

Появилось много и противниковъ, кто-то даже обвиняетъ бѣднаго Жанена въ оскорбленіи священной коллегіи. По мановенію этого

монта ополчилась и вся литературная семинарія. Даже одинъ изъ порядочныхъ парижскихъ журналовъ, помѣщая въ своихъ столбцахъ статью въ похвалу книгѣ *Les gaités champêtres*, долгомъ считалъ оговориться въ выноскѣ, что онъ отнюдь не смѣшиваетъ нравственности этой книги съ литературнымъ ея достоинствомъ. Никто не удивится, послѣ этого, что нѣкоторые, робкіе друзья Жюль-Жанена, перестали съ нимъ кланяться, а въ нѣкоторыхъ обществахъ съ этимъ нравственно-чуждымъ человѣкомъ принимаются свѣтско-карантинныя мѣры. Преслѣдованія эти надѣляли шуму, но тѣмъ болѣе славы для сочиненія, и г. Жюль-Жаненъ встрѣчаетъ каждое новое нападеніе съ новой улыбки самодовольствія.

Но къ чему эта несчастная глава *Le roi s'ennuie*, когда она не имѣетъ даже тѣсной связи съ содержаніемъ книги? Развѣ только для оттъѣнка къ розовому колориту цѣлаго сочиненія, какъ *Θεοκρίτης* и *Виргилій* помѣстили въ своихъ идилліяхъ Циклопа и Мевія. Только эта глава и навлекла проклятія на главу сочинителя.

Недавно Жюль-Жаненъ, выходя изъ гостиной одного изъ министровъ прежняго кабинета, искалъ своей шляпы. Чего вы ищите? спросила хозяйка, у которой пышно переплетенный экземпляръ *Gaités champêtres* лежалъ на рабочемъ столѣ. — Моей красной шапки, отвѣчалъ Жаненъ.

Вотъ еще замѣчательная въ своемъ родѣ книга, изданная въ числѣ 150 экземпляровъ, которая не продается, а раздается только друзьямъ покойнаго сочинителя. Это *ANNUAIRE, Oeuvres posthumes du docteur Charles Lefevre, précédé d'un notice sur sa vie, par Jules Lefevre Deumier. Paris, 1851.*

Докторъ этотъ былъ странный человѣкъ. Онъ умеръ сумасшедшимъ, но до своего сумасшествія былъ одаренъ удивительными способностями ума. Сначала онъ былъ больной по воображенію, но потомъ мнимая болѣзнь его превратилась въ дѣйствительную. По его словамъ онъ страдалъ истмою мозга (*asthme cérébral*), неустанною жаждою мыслей, умственнымъ удушьемъ. Онъ жилъ въ жалкой борьбѣ, въ безнадежности достигнуть чего-либо совершеннаго. Его страсть къ крайней опредѣленности во всемъ, изысканность подробностей, постоянное, напряженное усиліе въ обработкѣ мелочныхъ подробностей, безконечные анализы, избытокъ творческой силы при исполненіи, вихорь примѣненій, истома домысловъ и предположеній, столпленіе нездорѣвшихъ идей, словомъ, эта размадница избытка, это стремленіе безъ направленія по-

вергли его душу въ колесо Иксиона, и привели его къ тому, что у него осталось ровно на столько разсудка, чтобы постичь, что онъ его лишился.

Онъ былъ молодъ, богатъ, но изнемогалъ тѣломъ, отъ неправильныхъ отправленій умственныхъ способностей. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти онъ напечаталъ слѣдующее странное объявленіе:

«100 т. **ФРАНКОВЪ НАГРАДЫ.** Г. Шарль-Лефевръ, страдающій неизлечимою и невыносимою болѣзнію, которая отнимаетъ у него даже силу лишить себя жизни, обязывается завѣщать 100 т. «франковъ и вполне обезпечить полученіе этой суммы, тому, у кого достанетъ отваги и состраданія, чтобы изъавить его отъ существованія, но не позже, какъ чрезъ недѣлю отъ обнародованія этого объявленія. Способъ исполненія этой неопытной услуги предоставляется тому, кто возмется оказать ее; онъ можетъ также получить до двухъ тысячъ лундоровъ въ задатокъ, если предѣлаетъ надлежащее обезпеченіе.»—Объявленіе это было дѣйствительно напечатано.

Шарль-Лефевръ самъ лишилъ себя жизни 29 Сентября 1847 года, 44-хъ лѣтъ отъ роду. Въ завѣщаніи своемъ онъ завѣщалъ 15 т. фр. Медицинской школѣ, съ тѣмъ, чтобы установить премію, выдаваемую каждыя три года за лучшее сочиненіе о излеченіи *меланхолии*. Въ этомъ же завѣщаніи обязывается онъ своего брата собрать и издать всѣ написанныя имъ мысли, мнѣнія о людяхъ и о вещахъ, его очерки, словомъ, весь его бредъ. Въ слѣдствіе этого завѣщанія появилась теперь эта книга подъ прописаннымъ выше заглавіемъ *Reliquie*.

Въ этомъ хаосѣ философическихъ, ученыхъ, литературныхъ и изступленныхъ мыслей есть замѣчательныя страницы. Докторъ Лефевръ имѣлъ глубокій, всеобъемлющій, наблюдательный умъ, могущество котораго замѣтно въ самомъ его разстройствѣ.

Мало ли заблужденій въ мысляхъ людей, которыхъ свѣтъ призналъ великими умами. Не есть ли заблужденіе уже сумасшествіе, и гдѣ проведемъ мы черту, чтобы разграничить здравый смыслъ отъ безумія!...

Г. Викторъ Пласъ, назначенный Французскимъ консуломъ въ Моссулъ, недавно оставилъ Парижъ. Ему порученъ главный надзоръ надъ новыми поисками на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла древняя Ниневія. Національное собраніе назначило особенную сумму для этихъ поисковъ. Г. Пласъ взялъ съ собою нужные геодезическіе инстру-

менты. Вслѣдъ за нимъ отправятся члены ученой комиссіи, которая должна дѣлать поиски въ Ассиріи, Месопотаміи, Вавилоніи, Халдее и Мидіи. Комиссія состоитъ изъ гг. Ф. Френеля, бывшаго французскаго консула въ Сиріи, Апперта, молодого филолога, изучавшаго персепольскія и мидійскія надписи, и архитектора Феликса Тома, воспитанника Французской Академіи въ Римѣ. Комиссія отправится изъ Марсели въ Байрутъ, а оттуда въ Моссулъ и Багдадъ, гдѣ начнутся ея изысканія. Она займется нѣсколько изслѣдованными уже частями Малой-Азіи, лежащими по Тигру и Евфрату. Изслѣдованія ея будутъ продолжаться два года.

Въ Соммерсетъ-гаузъ недавно дѣлали опытъ надъ новобрѣтенымъ снарядомъ *Secfacting fire alarm* (самозвоновый пожарный набатъ), который присланъ на Лондонскую выставку часовщикомъ Алойдъ-Прейсомъ. Онъ такъ чувствителенъ, что легчайшія движенія воздуха отпечатываются на немъ. Его помѣстили въ комнату, которая заключала въ себѣ 2,000 кубическихъ футовъ воздуха; достаточно было зажечь листъ бумаги, чтобы привести его въ движеніе. Г. Прейсъ придумалъ также паровозный свистокъ.

Вотъ новое доказательство быстроты, съ которой Остъ-Индская почта перевозится изъ Марсели въ Лондонъ, и превосходства этого сообщенія предъ сообщеніемъ чрезъ Триестъ, не смотря на то, что въ Триестѣ есть электрическій телеграфъ, не смотря на то, что Вагорнъ столько силълся утверждать противное. Остъ-Индская почта пришла въ Марсель 15 Сентября въ половинѣ седьмого часа по полудни, и по случаю наступившей ночи не могла быть передана обыкновеннымъ телеграфическимъ путемъ до пяти съ половиною часовъ слѣдующаго утра. 16 Сентября въ полдень переданныя извѣстія поступили уже въ печать и появились въ *Morning-Herald*, тогда какъ по триестскому тракту Индійская почта пришла въ Лондонъ 17 Сентября въ девять часовъ утра, хотя въ Триестѣ и не было остановки. Слѣдовательно по тракту чрезъ Марсель почта приходитъ 32-мя часами скорѣе, нежели чрезъ Триестъ.

Изъ Вены пишутъ, что состязаніе локомотивъ по Зѣмерингской желѣзной дорогѣ уже кончилось. Призъ состоялъ изъ 20 т. австрійскихъ червонцевъ (около 200 т. руб. ассигн.) и выигранъ паровозомъ *Bavaril*, сооруженнымъ на заводѣ знаменитаго Мюнхенскаго инженера Маффеи. Съ этимъ призомъ соединено право требовать заказа 20 подобныхъ паровозовъ для Зѣмерингской желѣзной дороги. Австрійское правительство уже заказало ихъ г-ну Маффеи.

Извѣстно, какъ много способствовало учрежденіе *penny-postage* (кореечная почта) усиленію переписки по почтѣ. Тоже надо сказать о послѣдствіяхъ преобразованія таксы за пересылку денегъ. Со времени этой реформы *post-office* сдѣлался двѣтательнымъ банкомъ, пересылающимъ съ одного конца Соединеннаго королевства на другой самыя незначительныя суммы за ничтожную плату, къ большой выгодѣ бѣднаго класса. До 20 Ноября 1840 года за письмо съ деньгами взимали около 15 к. с., если посланная сумма не превышала 12 руб. 50 к. сереб., и около 45 к. с. за пересылку 27 руб. 25 к. сер. Но съ 20 Ноября 1840 года сборы эти были понижены до 7 к. и 15 к. сереб., сверхъ того способъ и формальности пересылки были значительно упрощены. Эти преобразованія привели къ слѣдующимъ результатамъ.

Въ послѣдній годъ существованія прежняго почтового сбора, число писемъ съ деньгами не превышало 108,921; всего отправлено было 1,957,000 руб. сереб. Въ 1841 году число писемъ съ деньгами возрасло до 587,797; въ 1842—до 1 м. 500 т.; и наконецъ въ 1850 году до 4,439,713 писемъ, въ которыхъ отправлено 53,090,612 руб. с. Эта сумма въ 27 разъ больше суммы, пересланной по почтѣ въ 1840 году.

Это всего болѣе полезно для бѣднаго класса. Богатые переводятъ и перемѣщаютъ свои капиталы съ помощію банковъ и банковыхъ конторъ, уплачиваютъ не деньгами, а кредитивами. Необыкновенное усиленіе пересылаемыхъ въ Англію по почтѣ суммъ, свидѣтельствуетъ о значительномъ улучшеніи матеріальнаго благосостоянія рабочаго класса.

Само собою разумется, что это должно было увеличить издержки на почтовое ведомство. Въ 1850 году издержки на почтовое ведомство увеличились суммою въ 441,250 руб. сер., но, не смотря на уменьшеніе платы, письма въ 7 и 15 к. с. усилили сборъ 463,500-ми руб. сер., такъ что казна еще выиграла 22,250 руб. сер.—Эти цифры служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ той истины, что пониженіе общественныхъ сборовъ имѣетъ большое вліяніе на промышленную двѣтельность крад, а слѣдовательно на матеріальное благосостояніе трудящагося класса.

Въ Англіи теперь много толковъ о золотыхъ принсахъ въ Австраліи, объ открытіи которыхъ не давно получено оттуда извѣстіе. Новые принсы открыты въ Бахтурскомъ округѣ (въ Южномъ Новомъ Валлисѣ). Слухи о нихъ достигли Англіи уже мѣ-

сяца полтора тому назадъ, но многіе не вѣрили имъ, и даже сомнѣвались, чтобы можно было найти золото въ Австраліи. Извѣстія эти теперь подтверждены оффиціальными донесеніями. Бактурскій округъ сдѣлается вскорѣ для Англіи новою Калифорніею. Мѣстный губернаторъ обнародовалъ прокламацію, въ которой грозитъ судебнымъ преслѣдованіемъ всякому, кто будетъ добывать здѣсь золото, потому что новооткрытые золотые рудники составляютъ собственность казны. Эта прокламація не мешаетъ однако промышленникамъ добывать золото съ необыкновеннымъ рвеніемъ. Кларкъ напечаталъ въ газетѣ *Times* свои замѣчанія о качествахъ новооткрытыхъ золотыхъ рудъ. По его мнѣнію, ось и бока Австралійскихъ Кордильеръ принадлежатъ къ одной геологической эпохѣ съ Ураломъ. Замѣчательно, что, вмѣстѣ съ золотомъ, здѣсь находятъ кости допотопныхъ животныхъ. Въ Россіи его находятъ вмѣстѣ съ мамонтовыми костями; въ Калифорніи также съ костями гигантскихъ размеровъ.

Извѣстія съ южныхъ и сѣверныхъ рудниковъ Калифорніи отъ 2 Августа очень благопріятны. Въ 1851 году Калифорнія дала 60 мил. долларовъ золота (около 60 мил. руб. сер.). Здѣсь ожидаютъ многого отъ обработки кварцовыхъ рудъ, гдѣ надѣются найти неисчерпаемое множество золота. Чтобы достигнуть этого, необходимо соединеніе труда и капитала подъ руководствомъ систематическихъ научныхъ началъ.

Извѣстія о послѣдней жатвѣ въ Ирландіи чрезвычайно благопріятны. Картофеля погибло не много.

Знаменитый виртуозъ Оле-Буль проситъ позволенія построить въ Христіаніи національный Норвежскій театръ, съ тѣмъ, чтобы правительство поддерживало его. При театрѣ должна находиться драматическая школа. Извѣстно, что Оле-Буль основалъ на свой счетъ въ Берлинѣ, мѣстѣ своего рожденія, особый театръ.

Извѣстный Французскій синологъ Станиславъ Жюльенъ, который перевелъ важнѣйшія Китайскія сочиненія о воспитаніи шелковичныхъ червей и о разведеніи тутовыхъ деревьевъ, не давно кончилъ новый переводъ Китайскаго сочиненія: о производствѣ фарфора въ Китаѣ и исторію этой промышленности съ 583 по 1821 г. Руководимый изысканіями ученыхъ химиковъ о составныхъ частяхъ Китайскаго фарфора, г. Жюльенъ могъ придать этимъ свѣдѣніямъ ту полноту, безъ которой Европейскіе фабриканты не могли бы ими воспользоваться.

Фенелоновъ *Телемакъ*, переведенный, и не одинъ разъ, на всѣ

Европейскіе языки, переведенъ недавно на Еврейскій г-мъ Бенуа Кохеномъ, Минскимъ великимъ раввиномъ, и печатается въ Бреславлѣ.

Во Франціи недавно вышло любопытное сочиненіе: *Le barreau Romain, recherches et études sur le barreau de Rome depuis son l'origine jusqu'à Justinien, et particulièrement du temps de Cicéron*, par M. Th. Grellet-Dumazeau, conseiller à la cour d'appel de Rouen. Paris. 1851 г.

На дняхъ во Франціи появилась первая книжка *полнаго собранія сочиненій Жоржа Зандэ*, иллюстрированныхъ г. Тонн-Жоанно; это изданіе будетъ выходить тетрадями, цѣною по 5 к. с. Не смотря на такую дешевизну, изданіе превосходно; оно украшено 600 виньетами г. Тонн-Жоанно. Въ первыхъ двухъ книжкахъ печатаются: *La marée au diable* и *André*. — Также вышли второй и третій томъ записокъ Барбье, бывшаго адвоката при Парижскомъ Парламентѣ, подъ заглавіемъ: *Journal historique et anecdotique du regne de Louis XV*, par. E. G. F. Barbier.

Въ Австріи существуютъ теперь слѣдующія литературно-ученыя общества: *Матица Сербская* въ Пестѣ, *Матица Чешская* въ Прагѣ, *Матица Иллирійская* въ Загребѣ, *Матица Руссинская* въ Львовѣ, *Моравское народное единство* въ Брну, *Общество Св. Іоанна* въ Прагѣ, *Общество для изданія Польскихъ учебно-священныхъ книгъ* въ Краковѣ, *Общество Св. Кирилла и Меодія* въ Брну, *Славянское общество* въ Люблинѣ, *Общество для изданія Словацкихъ священныхъ книгъ* въ Пестѣ, *Словацкое общество* въ Пцгавницѣ, *Заведеніе графа Осолинскаго* въ Львовѣ, и *Славянское общество* въ Триестѣ.

Въ Вѣнѣ печатается второе изданіе Сербскаго словаря, въ который войдетъ около 20 т. словъ, не помѣщенныхъ въ первомъ изданіи 1818 года. Къ нѣкоторымъ словамъ будутъ присоединены описанія нравовъ и обычаевъ Сербскаго народа, его пословицы и грамматическія замѣчанія. Всѣ слова переведены на Нѣмецкій и Латинскій языки. Словарь этотъ, издаваемый г. Вукомъ Стахи Караджичемъ будетъ состоять, какъ сказано въ объявленіи, слишкомъ изъ 55 листовъ хорошей бумаги; 40 листовъ уже напечатаны и къ концу года словарь будетъ изданъ. Цѣна для подписчиковъ въ Россіи 4 рубль сереб. съ пересылкою; подписка продолжится до послѣднихъ чиселъ Декабря. Издатель проситъ гг. подписчиковъ писать свои имена разборчиво, потому что они напечатываются; онъ обѣщаетъ гг. подписчикамъ, приславшимъ деньги за десять экземпляровъ, выслать одиннадцать, слѣдовательно одинъ

дарбвой. Адресъ издателя: г-ну Вуку Стеф. Караджичу, Auf der Land-strasse, am Heimarck, N 517, in Wien. (Желающіе могутъ относиться въ контору Москвитянина, гдѣ получается и словарь древняго Славянскаго церковнаго языка Миклошича съ филологическимъ разсужденіемъ).

Въ *Journal de Rome* говорятъ о конвенціи 1-го Мая, между Римомъ, Австріею, Моденою, Пармою и Тосканою, о построеніи желѣзной дороги, которой одна отрасль пойдетъ изъ Піаченцы чрезъ Парму, а другая изъ Мантуи въ Реджію, а оттуда чрезъ Модену и Болонью въ Пистойю или въ Прато.

Стокгольмская Городская Дума, по примѣру Берлинской, заказала нѣсколько электрическихъ башенныхъ часовъ, стрѣлки которыхъ приведены будутъ въ движеніе большими башенными часами Королевской обсерваторіи. Чтобы проводники электричества не подвергались непостоянству воздуха, свойственному тамошнему климату, они будутъ покрыты оболочкою изъ гутта-перчи.

Первые электрическіе башенные часы будутъ поставлены въ *Hôtel-de-Ville* и на башняхъ церквей *Sainte-Claire* и *Frédéric-Adolphe*.

Изъ Праги (въ Богеміи) пишутъ: «Братъ Лехлеръ, negociантъ нашей столицы, владѣютъ теперь новымъ изобрѣтеніемъ, очень важнымъ для тѣхъ отраслей промышленности, которыя употребляютъ пары, какъ двигательную силу. Это изобрѣтеніе состоитъ изъ снаряда, посредствомъ котораго отбѣгающійся дымъ, при горѣніи каменнаго угля, не улетаетъ, но еще усиливаетъ огонь, что будетъ способствовать сбереженію топлива. Домъ Лехлеръ, который проситъ привилегіи на это изобрѣтеніе, представилъ его на разсмотрѣніе королевскому комитету привилегій. Въ присутствіи членовъ комитета, снарядъ приставленъ былъ къ печи большой паровой машины. Въ эту печь положили множество каменнаго угля самаго послѣдняго сорта, и зажгли его. Дымъ не выходилъ изъ трубы, и менѣе чѣмъ въ полчаса вода въ котлѣ нагрѣлась и давленіе паровъ было въ двѣ атмосферы. Тогда члены комитета просили инженера, который представилъ имъ снарядъ, остановить его дѣйствіе. Инженеръ исполнилъ это, и изъ трубы пошелъ густой дымъ, между тѣмъ какъ огонь уменьшался. Потомъ, по приказанію комитета, снарядъ опять началъ дѣйствовать, и, по прошествіи нѣсколькихъ секундъ, пламя значительно усилилось, а дымъ пересталъ выходить изъ трубы. Это изобрѣтеніе принято съ большимъ участіемъ нашими промышленниками.»

Журналы рассказывают смертный случай въ слѣдствіе кровоупусканія ланцетомъ, которымъ прежде пускали кровь человѣку, одержимому заразительною болѣзнію. Другое происшествіе въ этомъ родѣ случилось недавно въ Парижѣ: Г-жѣ Л... страдавшей раковидными нарывами, были поставлены пиявки. Когда ихъ отняли, сидѣлка положила ихъ въ горшокъ съ водою и поставила въ кухню. Вечеромъ, слышъ г-жи Л..., молодой человѣкъ восемнадцати лѣтъ, возвратился домой. Мучимый жаждою, онъ вошелъ въ кухню, и, увидя горшокъ съ водою, выпилъ глотокъ той воды, въ которую пиявки уже выпустили кровь. Замѣтя необыкновенный вкусъ, онъ пересталъ пить. Вскорѣ онъ почувствовалъ рвзу въ желудкѣ, началась рвота и всѣ признаки отравленія. Не смотря на врачебныя пособія, г-нъ Л... въ опасности, и врядъ ли останется живъ.

Извѣстный Берлинскій Профессоръ *Шульте* сдѣлалъ открытіе, что разные виды болѣзней относятся между собою электрически, и что степень электричества составляетъ мѣру увеличенія или уменьшенія болѣзни.

Эйхгорнъ, авторъ Государственной Законодательной Исторіи Германіи, праздновалъ въ Швабскомъ помѣстьствѣ свое *пятидесяти-лѣтіе* докторства, снисканнаго въ Университетѣ Геттингенскомъ. Государи Нѣмецкіе пожаловали ему ордена. Университеты прислали свои почетныя поздравленія. Многие ученые выразили такъ же свое участіе.

СТАТИСТИКА ЖЕЛЕЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

Times сообщаетъ любопытное извлеченіе изъ одной книги, рассматривающей желѣзныя дороги въ Великобританіи и прочихъ государствахъ. Въ этомъ извлеченіи содержится статистическій очеркъ желѣзныхъ дорогъ, которому предшествуетъ слѣдующій обзоръ степени населенности различныхъ государствъ:

	Число жителей.	Пространство.	Населеніе 1 кв. англ. м.
Великобританія	28 м.	121 т.	231
Нѣмецкія государства съ Голландією и Данією. . .	45¼ м.	269 т.	170
Соединенные-Штаты. . .	24 м.	3,314 т.	7,20
Франція.	35¾ м.	205 т.	173
Бельгія.	4¼ м.	11 т.	382
Россія.	54 м.	1,892 т.	28,60
Италія.	—	—	152

Авторъ вышеупомянутой книги по ошибкѣ полагаетъ число жителей Италіи въ 47½ мил., а пространство ея въ 312,774 квадр. мили, и ошибка эта проведена черезъ все изчисленіе. Но протяженіе окончанныхъ желѣзныхъ дорогъ и расходы на цѣлыя дороги и на каждую милю означены вѣрно:

	Протяженіе дорогъ:	Расходы на цѣлую дор.	Расходы на каж- дого мил.
Великобританія	7,000 ан. к. м.	250 м. ф. ст.	35,700 фун.
Нѣмецкія государства . .	5,342	66,775 т.	12,500 — —
Соединенные-Штаты . . .	10,289	66,654 т.	6,500 — —
Франція	1,818	48,781 т.	26,800 — —
Бельгія	532	9,576 т.	18,000 — —
Россія	200		не показано.
Италія	170	3 м.	»

И того 25,351 447,786 м.

И такъ всего дешевле обходятся желѣзныя дороги въ Соеди-
ненныхъ-Штатахъ; въ Германіи обходятся вдвое дороже, не-
жели въ Соединенныхъ-Штатахъ, но за то вдвое дешевле, нежели
во Франціи, и втрое дешевле, нежели въ Англіи. Эти издержки
распредѣляются на 100 душъ слѣдующимъ образомъ:

	Протяженіе дорогъ на миллионъ жителей.
Великобританія . . .	893 ф. ст. 250 мил.
Соединенные-Штаты .	277 — 428 —
Бельгія	221 — 123 —
Нѣмецкія государства	166 — 116 —
Франція	138 — 51 —
Италія	6 не вѣрно 3,6 —

И такъ Германія относительно представляетъ такую же про-
странную сеть, какъ и Бельгія, но она имѣетъ дороги вдвое меньше,
нежели Англія, и вдвое болѣе, нежели Франція, хотя отношеніе
расходовъ на душу въ Германіи и Франціи равняется 5: 4.

Нижеслѣдующая таблица представляетъ обзоръ получаемыхъ
съ желѣзныхъ дорогъ доходовъ.

	Величина желѣзн. дорогъ, находящихся въ дѣйстви.	Общій доходъ.	Доходъ съ каж- дой мил.
Великобританія . . .	6,400 милъ	12,755 т. ф. ст.	1,990 ф.
Нѣмецкія владѣнія . .	5,342 —	5,893 т. —	1,100 —
Франція	1,764 —	3,770 т. —	2,130 —
Бельгія	532 —	891 т. —	1,670 —
Сумма	14,038	23,309 т.	6,890 —

Эти данныя уясняются слѣдующею таблицею, въ которой изъ
процентовъ съ потраченного капитала мы узнаемъ, какъ велики
издержки на содержаніе дорогъ, и получаемая съ нихъ чистая прибыль.

	Сборъ.	Издержки на содержаніе.	Чистая при- быль.
Великобританія . . .	5,57 пр.	2,51	3,06
Соединенные-Штаты	—	—	4,30
Бельгія	9,30	5,86	3,44
Франція	7,95	4,77	3,18
Нѣмец. влад.	8,80	3,52	5,28

Содержаніе желѣзныхъ дорогъ въ Германіи обходилось бы не дороже содержанія ихъ въ Англіи, если бы она обладала драгоценнымъ каменнымъ углемъ. Но за то въ Германіи капиталъ приноситъ больше чистой прибыли, нежели въ другихъ государствахъ; чистая прибыль ея 1,84 процент. превышаетъ чистую прибыль Бельгіи, хотя грубый доходъ послѣдней на $\frac{1}{2}$ процента превышаетъ грубый доходъ первой. Среднимъ числомъ путешественникъ платитъ за милю слѣдующее:

Великобританія	0,54 дук.
Бельгія	0,80 "
Германія	0,93 "
Франція	1,03 "
Соединенные-Штаты	1,47 "

Прибавимъ къ этому, что въ Англіи пассажиры третьяго класса представляютъ 47 процентовъ, въ Бельгіи 65. во Франціи 68, въ Германіи 74; а пассажиры 1-го класса въ Англіи 4, въ Бельгіи 11, во Франціи 7, въ Германіи 3 $\frac{1}{2}$. Но при этомъ замѣтимъ, что въ Германіи второй классъ столько же удобенъ, сколько первый въ Англіи, Бельгіи и Франціи; а третій классъ, сколько второй въ Бельгіи. Отношеніе доходовъ съ лицъ и транспортовъ имуществъ относится какъ 60: 40 проц. Въ 1850 году локомотивы проѣхали въ Великобританіи 40,162 т. миль, въ Германіи 23,572 т., во Франціи 10,041 т., въ Бельгіи 4,540 т.; всего на все 18,315 т. миль. Если по вышеозначенному процентному отношенію распределить это число миль на пассажировъ, то получимъ, 47 м. миль для лицъ, и 31 м. миль для транспортовъ и вещей. Если каждый личный поездъ состоитъ изъ 70 пассажировъ, то въ 1850 году по желѣзнымъ дорогамъ проѣхало до 3,300 м. пассажировъ.

ЖАЛОВЪ НЫМЦЕВЪ НА ИСТОРИЧЕСКУЮ СКУДНОСТЬ:

Многіе читатели этихъ листовъ говорятъ Allg. Zeit.; терпятъ въ-роятно общую участь съ нами, что вездѣ намъ предлагаютъ сочиненія Соми Бабингтона Маколея. Его исторія Англіи безспорно есть прекрасное сочиненіе, поучительное само по себѣ, потому-что мастерскою рукою она описываетъ важный періодъ исторіи, разложенный съ необыкновенною ясностію, и снова приведенный въ одно стройное цѣлое. Она поучительна преимущественно для насъ Нѣмцевъ, если только можно и должно научиться чему-нибудь изъ историческихъ изслѣдованій. Но если мы въ самомъ обширномъ смыслѣ отдаемъ заслуженное удивленіе этой книгѣ, то изъ

этого не слѣдуетъ, чтобы всякой лоскутокъ бумаги, упавшій во время работы со стола этого сочинителя, былъ принимаемъ за драгоценность. Заслуживаетъ ли всякая журнальная статья, чтобы ее переводили на Нѣмецкій языкъ? Такъ напр. не хвалить онъ подробное сочиненіе о незначительномъ Бурлейгъ (Burgleigh). Это написано только для Англичанъ: самое сочиненіе совершенно неизвѣстно на этой сторонѣ канала. Мы бы желали, чтобы исторія Маколей поощрила насъ въ другомъ родѣ дѣятельности, чтобы она вызвала другія подражанія; мы ожидаемъ подобныхъ изслѣдованій на просторномъ полѣ исторіи Германіи, столько же точныхъ и основательныхъ, съ такою же свѣтлостію и округленностію въ изложеніи. Германія загромождена историческими обществами, занимающихся тѣмъ, что изслѣдуютъ генеалогію давно усопшихъ Графовъ Казенелленбоген, или дополняющихъ рядъ аббатовъ какого-нибудь монастыря въ одиннадцатомъ вѣкѣ: это-то и называется «отечественною исторіею,» этимъ хотятъ заинтересовать публику и образовать народъ. А между тѣмъ сколько задачъ остается рѣшить намъ, когда мы будемъ имѣть своего Маколей? Не смотря на длинныя ряды Нѣмецкихъ сочиненій въ листъ, четверку и осьмушку объ исторіи и правѣ Германіи, наполняющихъ наши библіотеки, очевъ не много найдется въ нынѣшнее время людей, имѣющихъ ясное представленіе объ отношеніяхъ и взаимныхъ обязанностяхъ Императора и Имперскихъ Князей, во время Карла VI, или даже Франца II, или, если выбрать менѣе обширное поле, объ отношеніи Императорскихъ городовъ или рыцарства къ Императору. Конечно пугаютъ огромныя притомительныя занятія, необходимыя для такихъ занятій при раздробленіи нынѣшней Германіи; кромѣ того большая часть нашихъ историковъ, тайные совѣтники, архиваріи, библіотекари, профессоры, получающіе жалованіе, едва ли пользуются тою вышшею независимостію, необходимою для совершеннаго безпристрастія и полного пренебреженія чужими мнѣніями въ той мѣрѣ, въ какой эти свойства могутъ существовать въ бывшемъ министрѣ Маколей, въ богатомъ банкирѣ Гротѣ, и другихъ англійскихъ писателяхъ. Но тѣмъ не менѣе прекрасная цѣль, большая награда за побѣжденные трудности предстоятъ тому, кто съ любовью станетъ углубляться въ свою отечественную исторію; нѣмецкій читатель, руководимый опытною рукою, ставетъ больше и больше вникать въ исторію своего отечества и въ прошедшемъ искать урокъ и утѣшеніе для будущности.

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ МОСКОВСКИХЪ ВѢСТЕЙ.

ВѢСТИ ИЗЪ КИЕВА.

22-е Августа; 8 Сентября; подробный перечень оконченныхъ работъ въ Софійскомъ соборѣ; погребеніе Преосвященнѣйшаго Іосифа; диспуты университетскіе; литературныя новости; Губернскія Вѣдомости за Іюль, Августъ и Сентябрь; Воскресное чтеніе въ этомъ году.

День, вѣчно памятный сердцу каждаго Русскаго, 22 Августа, былъ отпразднованъ въ Кіевѣ съ особенною торжественностію, состоявшею въ великолѣпной иллюминаціи, бывшей во всемъ городѣ, а преимущественно въ Царскомъ саду. Въ самомъ дѣлѣ, Царскій садъ былъ такъ чудно иллюминированъ тогда, что надолго послужилъ предметомъ для разговоровъ. Главныя аллеи сада были богато освѣщены плашками, разставленными въ разныхъ видахъ, и разноцвѣтными фонарями, развѣшенными на деревьяхъ. Огни сверкали вездѣ на проходимыхъ аллеяхъ, и, оглабая ихъ, извиваясь сообразно съ ними, то поднимаясь на холмы, то опускаясь въ долину, представляли чарующее, невыразимое зрѣлище. Прекрасная иллюминація всегда и вездѣ привлекаетъ къ себѣ взоры каждаго своимъ эффектнымъ освѣщеніемъ; а для Кіевлянъ эта иллюминація имѣла еще болѣе очарованія и привлекательности, во первыхъ, по счастливому мѣстоположенію широко-раскинувшагося сада, во вторыхъ, по чрезвычайной рѣдкости подобнаго явленія. Вездѣ сновали радостныя толпы, разнообразныя, пестрыя, шумныя, въ необыкновенномъ количествѣ наполнявшія садъ; преимущественное гулянье было по большой, главной аллѣ, проходящей почти по срединѣ сада; на ней выставленъ былъ великолѣпный, разукрашенный щитъ съ вензельными буквами Ихъ Императорскихъ Величествъ; подобные же щиты были еще на двухъ большихъ аллеяхъ. Толпа на главной аллѣ была такъ велика, что самому нельзя было сдѣлать прямо двухъ шаговъ, а должно было безпрерывно лавировать среди постоянно волнующейся массы. Кіевляне обязаны этимъ рѣдкимъ, чрезвычайнымъ удовольствіемъ Его Сіятельству, исправляющему должность генералъ-губернатора, князю Иларіону Иларіоновичу Васильчикову, устроившему своимъ усердіемъ этотъ великолѣпный праздникъ. Не скоро рѣдѣли въ саду толпы гуляю-

щихъ, и далеко за полночь оставалось въ немъ еще много любовавшихся очаровательной панорамой сада, залитого огнями. — При этомъ Кіевляне вспоминали иллюминаціи, бывшія въ 1830 году, во время пребыванія Государыни Императрицы въ Кіевъ, и до сихъ поръ памятные сложнымъ своимъ составомъ и разнообразными увеселеніями не только въ саду, но во всемъ городѣ и на Днѣпрѣ. Когда-то теперь придется намъ увидѣть что-либо подобное?..

8-го Сентября, какъ ожидали, какъ надвигались, было освященіе Софійскаго собора. Литургію совершалъ Высокопреосвященный Филаретъ съ Викаріемъ митрополіи Аполлинаріемъ, соборомъ архимандритовъ и старѣйшаго духовенства. — Казалось, что самое богослуженіе заключало въ себѣ болѣе торжественности и величія, въ этомъ дивно-обновленномъ храмѣ. Восторженный зритель, среди благоговѣйныхъ молитвъ, умиленно шепталъ славу Богу, благодарность Монарху, почтеніе Архипастырю за совершенное обновленіе собора. Взоръ неутомимо осматривалъ всѣ красоты собора и надолго останавливался на многихъ священныхъ изображеніяхъ. Воображеніе переносило душу во времена первобытныхъ сего храма, вызывало тѣнь великаго строителя, Ярослава, къ настоящему светлому торжеству, дѣлало понятнымъ священный восторгъ пословъ Владиміровыхъ отъ богослуженія Византійскаго, и создавало другія подобныя картины.... Послѣ обѣдни, долго оставались въ храмѣ любознательныя толпы и съ восхищеніемъ любовались его исключительными чудными красотами. Слова радости, удивленія и восторга непрерывно раздавались среди благочестивыхъ зрителей. «Слава Богу, Слава Богу! наконецъ-то мы дожили до желаннаго времени!» — говорили одни. «Храмъ достоинъ своего строителя и мудраго возобновителя» — утверждали другіе. — «Это — святая святыхъ!» — восклицали третьи, взирая на золотое поле купола, въ которомъ изображенъ Саваоѣ, во славу Ангеловъ своихъ. — «Спасибо Царю» — радостно говорили многіе — «что Онъ посѣтилъ нашъ Кіевъ своими щедротами: сколько воздвигъ Онъ въ немъ новаго, вѣковѣчнаго! сколько возобновилъ стараго, заветнаго сердцу!» — «Сколько символика заключено въ этомъ храмѣ!» — замѣчали внимательные наблюдатели: — «посмотрите, вотъ, надъ самымъ мѣстомъ владыки, изображенъ Божественный Владыка, благословляющій и его и насъ. Вотъ Духъ Св., парящій въ высотѣ, надъ мѣстомъ, гдѣ обыкновенно читаются апостольскія посланія! Вотъ Царица неба и земли сама прядетъ своими богоносными руками волну, научая этимъ насъ смиренію и ревностному труду! А вотъ, поверхъ всего, горѣ,

дивно возвышается въ ризахъ позлащенныхъ таже Премилосердан Царица, съ поднятыми руками, молящаяся о всемъ мірѣ, научая насъ постоянной, сердечной молитвѣ, безъ которой нѣтъ благословенія и щедротъ отъ Бога. Куда ни взгляните, вездѣ увидите вы образы и символы для всей почти жизни человека! — Вотъ что раздавалось въ толпѣ усердныхъ богомольцевъ въ тотъ радостный для Кіева день! И не скоро рѣдѣли толпы въ храмѣ, не скоро оставили его разсыпавшіеся по многочисленнымъ его придѣламъ восхищенные поклонники!...

Надо, однакожъ, при этомъ сказать, что соборъ, возобновляемый почти во всей первобытной красѣ своей, еще не во всѣхъ своихъ частяхъ окончень совершенно. Въ нѣкоторыхъ придѣлахъ его довершаются начатыя работы; неутомимый от. Иринархъ и теперь еще подвизается въ храмѣ, жертвуя всемъ своимъ временемъ и самымъ здоровьемъ на трудъ, долженствующій увѣковѣчить имя его въ лѣтописи собора. Такъ-какъ богослуженіе переведено въ теплый соборный храмъ, то, по распоряженію от. Иринарха, соборъ затворень, и этою мѣрою, сдѣланною въ время, удержавъ теплый воздухъ въ соборѣ, такъ-что теперь еще удобнѣе совершать работы, нежели лѣтомъ, когда зной доводилъ до совершеннаго изнуренія. Пока продлится теплота въ храмѣ, пока не наступятъ морозы, хотя бы до праздника Рождества Христова, до тѣхъ поръ от. Иринархъ и его ревностные сотрудники не оставятъ своего подвига. Безъ всякаго сомнѣнія, кое-что въ темныхъ придѣлахъ собора останется еще и на будущій годъ для довершенія, для полнаго всесторонняго окончанія работъ; но продли Богъ только жизнь и укрѣпи здоровье от. Иринарха, и мы ни о чемъ болѣе не заботимся. — Пора сказать о томъ, что именно сдѣлано от. Иринархомъ для Софійскаго собора. Это лучше всякихъ похвалъ покажетъ, какъ велики труды и подвиги его, и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ полное понятіе о настоящемъ внутреннемъ видѣ собора. Такъ-какъ соборъ этотъ, по своему изобилію мозаики и фресковъ, по ихъ древности и рѣдкости, не имѣетъ ничего себѣ подобнаго, то обратимъ усердное вниманіе на внутренность его, во всѣхъ главнѣйшихъ частяхъ. Прежде всего замѣтимъ, что всѣ рисунки для собора были составлены академикомъ Солнцевымъ и Высочайше разсмотрѣны и утверждены. Вотъ перечень работъ, по порядку совершенія во времени:

1) Въ большомъ, среднемъ куполѣ, по золотому полю, изображены: Богъ-Отецъ съ четырьмя Серафимами вокругъ, ниже —

12-ть ангеловъ съ Нерукотвореннымъ образомъ, держимымъ двумя ангелами; въ ротондѣ, на которую опирается куполъ, изображены, между окнами, 12 Апостоловъ, а подъ окнами, во впадинахъ, 12 Херувимовъ.

2) Въ большомъ, среднемъ олтарѣ, въ верхнемъ сводѣ, надъ престоломъ, написанъ Спаситель и Пророки, ниже Апостолы, подъ ними Святители, сообразно древнимъ мозаическимъ, находящимся въ передней части олтаря, и сообразно продолженію ихъ до иконостаса.

3) На четырехъ углахъ, концахъ ротонды, на парусныхъ сводахъ, изображены Евангелисты; изъ нихъ мозаическій ликъ Св. Марка совершенно уцѣлѣлъ, а ликъ Св. Іоанна—вполовину, возлѣ него остался мозаическій столикъ и продолженіе древней стѣнной мозаики съ образомъ Спасителя; мозаика оканчивается столикомъ у Св. Ев. Маттея (*). Остальные два Евангелиста написаны вновь, сообразно мозаикѣ. Между Евангелистами, на восточной и северной сторонѣ, находятся два поясныхъ изображенія Спасителя въ кругѣ, а на западной и южной—такія же два изображенія Богоматери. Подъ Евангелистами, на самомъ концѣ ротонды, на краяхъ арокъ, начертана четкою вязью слѣдующая надпись:

На северной сторонѣ: «Изволеніемъ Божиимъ нача здатися сей Премудрости Божіа храмъ въ лѣто 1011, благочестивымъ княземъ и самодержцемъ всея Россіи, Ярославомъ Георгіемъ Владиміровичемъ, совершися же въ лѣто 1038.

На восточной: «и освященъ Θεομεντομъ митрополитомъ Кіевскимъ тойжде святымъ храмъ, и даже до лѣта 1596 правотверными митрополитами отъ востока содержимъ бысть. Въ лѣто же то отступникомъ Михаиломъ Роговою въ запустѣніе и разореніе прійде, даже до лѣта 1640 въ томъ пребысть.»

На южной: «Въ лѣто же благодатію Божією, егда царствовать нача Владиславъ 4-й, великій король Польскій благочестивыя Церкви восточныя сыновъ возврати и отдаде ей. Въ лѣто же 1634 тцаніемъ

На западной: «издѣиеніемъ преосвященнѣйшаго архіепископа,

(*) Я не говорю здѣсь, сколько именно осталось мозаики въ соборѣ, и какія собственно изображенія, потому, что это было уже говорено во многихъ описаніяхъ, и что могло бы быть помѣщено въ новомъ, отдѣльномъ систематическомъ описаніи собора, которое было бы не лишнимъ теперь, по возобновленіи его.

митрополита Кіевскаго и Галицкаго и всея Россіи, экзарха храму Константинопольскаго, архимандрита Печерскаго Петра Могилы обновлятися нача во славу Бога, въ Троицѣ славимаго.

4) Расписаны верхніе своды и стѣны настоящаго храма: на правой сторонѣ (стоя лицомъ къ востоку) — распятіе Спасителя посредѣ двою разбойникъ; подѣ нимъ — невѣріе Ѳомы, посланіе Апостоловъ на проповѣдь; съ боку — сошествіе Св. Духа. На лѣвой сторонѣ: Спаситель предѣ Каиафою, отверженіе Петра; ниже — изведеніе праотцевъ изъ ада, явленіе Маріи въ вертоградѣ; съ боку — возстаніе отъ гроба.

5) Написаны 6 большихъ арокъ, разделяющихъ своды храма, изъ коней въ двухъ, у алтарей, написаны вновь, на лѣвой сторонѣ: Мироносицы, пришедшія ко гробу, и Св. Апостолъ Петръ при- никъ ко гробу; на правой сторонѣ — путешествіе въ Еммаусъ и преломленіе хлѣба. На 4-хъ аркахъ, окружающихъ средину храма, очищены 15 мозаическихъ ликовъ мученическихъ, остальные 25 написаны вновь, сообразно мозаикѣ. На срединѣ большаго храма, на правой стѣнѣ, возобновлены: Св. Софія, Вѣра, Надежда и Любовь, во весь ростъ, въ богатыхъ одеждахъ; противъ нихъ исполнены вновь 4 Святителя. Надъ ними, въ сводахъ, находя- щихся посреди храма, возобновлены слѣдующія изображенія про- шлаго столѣтія, — въ первомъ сводѣ отъ востока: Св. Духъ, среди 12 Апостоловъ, подѣ ними — Соборъ 70 Апостоловъ; во второмъ — Спаситель въ архіерейскомъ облаченіи, ниже — Соборы Святи- телей, праотцевъ, преподобныхъ и праведныхъ отцевъ Церкви. На аркѣ, отдѣляющей первый сводъ отъ втораго, начертана тонкой, густой вязью слѣдующая надпись: «Во славу ипостасныя Божіи Премудрости, повелѣніемъ Благочестивѣйшаго и Самодержавнѣйшаго, Великаго Государя, Императора Николая Павловича, благосло- веніемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода и Преосвящен- нѣйшаго Филарета, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, при военномъ Губернаторѣ, Генералъ-Адъютантѣ Бибииковѣ, обновися сей храмъ, по открытымъ древнимъ фрескамъ, новою живописью, внутреннею и внѣшнею позолотою, подѣ руководствомъ академика Солнцева и трудами Соборнаго старца Кіево-Печерскія Лавры, іеромонаха Иринарха, лѣта отъ Рождества Христова 1851 года». — Въ 3-мъ сводѣ, у западной стѣны, опирающемся на хоры, изо- бражена Богоматерь, окруженная чинами Ангеловъ, и ниже — 12 Пророковъ. Всѣ верхнія части этихъ сводовъ расписаны по 30-

лѣтому полю. Подъ двумя послѣдними сводами изображены 7 Вселенскихъ Соборовъ (*).

6) Положены на извести, сдѣланныя по древнимъ рисункамъ, чугуныя ступени на лѣстницахъ, ведущихъ на хоры и ризницу. Положенъ и выкрашенъ черною краской во всемъ храмѣ чугуныи полъ, составленный по древнимъ рисункамъ.

7) Сдѣланъ одинъ новый иконостасъ для придѣльнаго храма:

8) Поставленъ вновь вызолоченный, большой средній иконостасъ. Онъ теперь уменьшенъ однимъ ярусомъ противъ прежняго, такъ-что съ середины церкви ясно видно величественное мозаическое изображеніе Божіей Матери въ олтарь, а съ хоръ видна и Тайная Вечеря. Иконостасъ не закрываетъ теперь другаго мозаическаго образа Богоматери, единственнаго по своему содержанію: Богоматерь изображена съ веретеномъ въ рукѣ, *предъущю волну*, въ минуту Благовѣщенія; мозаическое изображеніе Архангела Гавріила, благовѣствующаго—замѣчательно рукою, благословляющею *по православному обряду*. Изображенія эти находятся на алтарныхъ столбахъ, объемлющихъ главный иконостасъ.

9) Поставлены въ разныхъ придѣлахъ 11 исправленныхъ вызолоченныхъ иконостасовъ.

10) Сдѣланы вновь 2 клироса съ красивыми орнаментами и позолотою по Высочайше утвержденному рисунку.

11) Исправлена Святительская каеэдра, временъ Ярослава, изъ краснаго шифера, украшенная циникою. Каеэдра найдена случайно въ этомъ же году, около гроба Ярославова, гдѣ она лежала въ небреженіи. Оказалось, что она именно съ горняго мѣста, по сообразности устройства ея со впадинами въ стѣнѣ олтарной. По сторонамъ каеэдры исправлены мозаическія кафли, уцѣлѣвшія въ 5 мѣстахъ, и циника, заправлены трещины и выпавшія мѣста на древнихъ мусійныхъ изображеніяхъ, и вся мусія вычищена.

12) Исправлено множество прямоличныхъ древнихъ фресковыхъ изображеній разныхъ святыхъ. Это исправленіе продолжается и теперь. Число всѣхъ изображеній будетъ показано по совершенномъ окончаніи собора. . . . Чѣмъ сказать объ ихъ видѣ? Всѣ они очень однообразны, по складкамъ одежды и разныхъ принадлежностямъ; большая часть ихъ держитъ въ правой рукѣ

(*) Между изображеніями собора, въ очень многихъ мѣстахъ, сдѣланы орнаменты разнаго вида, углы, кресты, звѣзды, расписаны восьмигранныя колонны по древнимъ образцамъ. Эти мелкія украшенія можно считать сотнями.

крестъ, лѣвая рука приподнята молитвенно; у Святителей на лѣвой рукѣ поклоня Евангеліе, иные изображены только съ молитвенно-приподнятыми на груди руками; всѣ вообще во весь ростъ, въ молитвенномъ положеніи. На нѣкоторыхъ сохранены въ одеждѣ характеръ вѣка и обстоятельствъ, среди которыхъ жили тѣ святые, такъ напр. три отрока Аваній, Азарій и Мисаилъ представлены въ богатыхъ одеждахъ, разукрашенныхъ драгоценными камнями. Надписи на нихъ всѣ — Греческія, буквы идутъ одна за одною, сверху внизъ (*).

Такъ-какъ работы въ храмѣ еще не всѣ окончены, то естественно, что этотъ перечень не полонъ. Замѣтимъ наконецъ, что всѣ эти многосложныя и разнообразныя работы окончены менѣе чѣмъ въ 4 мѣсяца, отъ 27 Мая по 8 Сентября. Эти факты говорятъ краснорѣчивѣе всякихъ фразъ о неутомимыхъ трудахъ и дѣятельной распорядительности от. Иринарха. Этимъ я оканчиваю свои длинныя и частыя разсказы о Софійскомъ соборѣ.

Перейдемъ теперь къ другимъ проявленіямъ внѣшней и внутренней жизни Кіева. Начну краткимъ извѣстіемъ, что колокольня Софійскаго собора окончена, покрыта мѣдью, и весной будетъ позолочена. Колокольня и малый храмъ Михайловскаго монастыря давно вызолочены.

28 Сентября происходила въ Печерской Лаврѣ торжественная, печальная церемонія—погребеніе Преосвященнѣйшаго Іосифа, Архієпископа Смоленскаго, прожившаго въ Лаврѣ, на покой, 17 лѣтъ. Пастырскіе подвиги скоро изнурили его здоровье, еще на первой половинѣ его—Архангельской,—въ болѣзненномъ состояніи прибылъ онъ въ Лавру, гдѣ, слабый и страждущій, онъ служилъ съ Преосвященнѣйшимъ Митрополитомъ раза два-три въ годъ. Онъ скончался въ глубокой старости; самая смерть его была естественнымъ слѣдствіемъ истощенія жизненныхъ силъ. Отпѣваніе тела его и литургію предъ тѣмъ совершилъ Высокопреосвященнѣйшій Филаретъ съ Викаріемъ митрополіи Аполлиаріемъ, съ соборомъ всѣхъ архимандритовъ и старѣйшихъ протоіереевъ Кіевскихъ. Чинъ отпѣванія, всегда трогательный, былъ на этотъ разъ еще трогательнѣе: обрядъ былъ продолжительнѣе, разнообраз-

(*) Подробное описаніе этихъ ересковъ, какъ предмета рѣдкаго и въ высшей степени замѣчательнаго, могло бы быть очень интересно. Можеть-быть, мнѣ удастся со временемъ составить такое описаніе въ отдѣльной статьѣ. Тамъ я рассмотрю расположеніе ересковъ въ храмѣ, время празднованія каждаго святаго, ихъ уборъ, и проч. и проч.

разнѣ и величественнѣ, не былъ нарушаемъ ничѣмъ вздохами и рыданіями; только заунывные стихиры Церкви ясно раздавались въ обширномъ храмѣ, и возбуждали невольное благоговѣніе въ предстоящихъ и молитву объ усопшемъ пастырѣ. Самая внѣшняя обстановка этой грустной церемоніи гармонировала съ печальнымъ явленіемъ: погода была сумрачна, тускло горѣли заупокойныя зеленныя свѣчи въ рукахъ священнослужителей, въ храмѣ былъ полумракъ и могильная тишина, такъ-что явственно слышалось тихое мелодическое пѣніе прекрасно-организованнаго митрополитскаго хора пѣвчихъ. Въ минуту послѣдняго цѣлованія, весь народъ двинулся проститься съ усопшимъ пастыремъ: многими была извѣстна его строгая, отшельническая жизнь, многіе смотрѣли на него, какъ на угодившаго Богу. Соборъ Архимандритовъ вынесъ на своихъ раменахъ тѣло усопшаго изъ храма за св. врата Лавры, тамъ съѣхалъ его соборъ старѣйшихъ протоіереевъ, и такимъ образомъ бранные останки донесены были къ церкви, что надъ дальними пещерами, въ которой и погребены по правую сторону, при входѣ. Печальное шествіе отъ храма до самой могилы сопровождалъ Викарій митрополіи, Аполлинарій, Епископъ Чигиринскій.

27 Сентября, въ залѣ торжественныхъ собраній Университета, происходили два докторскіе диспуты: первый адъюнкта К. Теофилактова, написавшаго диссертацию по Естественной Исторіи, второй, адъюнкта Ам. А. Дяченко, написавшаго диссертацию *О кривизнѣ поверхностей*, для полученія степени доктора математики и астрономіи. Диспуты начались въ 12 часовъ, а окончились въ 3 часа. По своему спеціальному содержанію, они прошли скромно, между диспутантами и оффиціально-назначенными оппонентами. Оба диспутанта признаны достойными искомой степени.

Литературныхъ новостей немного: 1) Пастырское Богословіе, часть 1-я, соч. Архимандрита Антопія, ректора Кіевской духовной Академіи; 2) Автопись Самуила Величкы, 2-й томъ, изданіе Комисіи для разбора древнихъ актовъ; 3) *Oubliez le bout de votre nez, farse fantastique en trois tableaux*, съ 4-мя каррикатурными виньетками, 4) Благоговѣйныя чувства души, стремящейся къ Богу, или духовныя псалмы, соч. Іеромонаха Владиміра (Мусатова) съ 21-й картинкой; 5) *Oucies Сѣгсомъ* въ 2-хъ томахъ, соч. Спиридона Осташевскаго; 6) *Milosnik Koni* въ 4-хъ томахъ, соч. его же; и 6) Руководство къ Анатоміи, соч. Вальтера, профессора анатоміи Университета. Провинціальная литература не имѣетъ у себя

періодовъ процвѣтанія или упадка въ теченіе одного года. Книжки печатаются и являютъ въ свѣтъ по мѣрѣ возможности автора, по мѣрѣ досуга типографій, печатающихъ болѣею частию бланки для Присутственныхъ мѣстъ, формулярные списки, ведомости и пр. Скажу кстати, что въ Кіевѣ находится 4 типографіи: Университетская, подъ вѣдѣніемъ книгопродавца Завадскаго, Губернская, Вальнера и Глюксберга. Изъ нихъ типографія Вальнера имѣетъ наиболѣе извѣстности и дѣятельности: въ ней печатается все, необходимое для Присутственныхъ мѣстъ не только Кіевской, но и окрестныхъ губерній, все необходимое для помѣщиковъ, купцовъ, аптекарей, виды, портреты, планы, объявленія, и пр. и пр. въ возможно-красивой формѣ. Книжки печатаются въ ней съ болѣеимъ изяществомъ и скоростію, чѣмъ въ другихъ типографіяхъ, неимѣющихъ такого полного устройства, какъ эта типографія; при ней есть и литографія. Въ Губернской типографіи печатаются Ведомости и бланки для Губернскаго Правленія. Въ типографіи Университетской печатаются всѣ учебныя и ученыя книги. Въ типографіи Глюксберга печатается—Воскресное чтеніе и многія Польскія книги.

Продолжаю обзоръ содержанія Кіевскихъ Губернскихъ Ведомостей за послѣдніе три мѣсяца. Вотъ перечень статей, помѣщенныхъ въ нихъ за Іюль, Августъ и Сентябрь (см. начало обзора въ 17 N Москвитянина).

Отдѣлъ историческій: Путешественникъ. Кіевъ съ окрестностями, NN 27, 28, 29, 31, 32 и 33, статьи Н. Семеновскаго; о полномъ солнечномъ затмѣніи въ Кіевѣ 16 Іюля, съ таблицею метеорологическихъ наблюденій, N 30, професора Кіевск. Дух. Акад. Венедикта Чеховича; Козаки, NN 31, 35, 36, 37 и 38; протоіерея Дашкевича.

Отдѣлъ этнографическій: Мѣстечко *Бѣлиловка* NN 29, 31 и 35, соч. Свящ. А. Мацкевича, и мѣстечко *Житомиръ*, N 39, его же.

Смѣсь: Современная хроника Кіева и театральная летопись; Загорскаго, N 28; армарки Кіевской губерніи въ Іюль, Августъ и Сентябрь, N 29; Буря въ Липовецкомъ уѣздѣ, N 31; Хроника Кіева, NN 33 и 34, Я. Загорскаго.

Теперь позвольте обратить наше вниманіе на другое періодическое изданіе, выходящее у насъ, о которомъ я не говорилъ еще въ своихъ «Встѣяхъ изъ Кіева». Это—Воскресное чтеніе, издаваемое при здѣшней Духовной Академіи, по всей справедливости заслуживающее обширной извѣстности и часто съ почетомъ упоми-

наемое въ Журналѣ Минист. Нар. Просв. Прежде чѣмъ приступлю къ изложенію содержанія его въ этомъ году, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о началѣ изданія его, о программѣ и о выполненіи ея вообще.

Журналъ этотъ издается съ 1837 года, выходитъ ежедневно по листу и полтора листа, въ большую четверть. Годъ его начинается съ Свѣтлаго праздника Воскресенія Христова, а оканчивается страстной седмицей. Программа его имѣетъ три отдѣла. Первый отдѣлъ составляютъ статьи, служащія къ уразумѣнію слова Божія; второй—статьи, относящіяся къ уразумѣнію богослуженія и обрядовъ Православной восточной Церкви; третій отдѣлъ наполняютъ статьи, имѣющія цѣлю утвержденіе въ сердцахъ вѣры, любви и упованія христіанскаго. Всѣ отдѣлы подраздѣляются на нѣсколько частнѣйшихъ видовъ, для большаго разнообразія и для вѣрнѣйшаго дѣйствія на сердце и душу читателя. Разумѣется, что всѣ эти отдѣлы не могутъ быть выполняемы въ каждомъ номерѣ журнала, по краткости объема его, но съ полнотою выполняются въ нѣсколькихъ номерахъ вмѣстѣ взятыхъ; поэтому, нѣтъ вѣшняго разграниченія отдѣловъ въ номерахъ журнала. Непосредственное и дѣятельное участіе главнаго редактора его, ректора здѣшней Духовной Академіи, всего болѣе обуславливаетъ его успѣхъ. И потому, ректорство Преосвященнѣйшаго Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, было самою свѣтлою эпохою въ изданіи этого журнала. Но строгая справедливость требуетъ сказать, что журналъ этотъ никогда не былъ лишенъ высокаго духовнаго интереса, и принесъ неоспоримую пользу многимъ добрымъ душамъ. Это доказывается его успѣхомъ въ теченіе непрерывнаго 15-ти-лѣтняго изданія его. По своей дешевизнѣ (5 р. 71 коп. с. съ пересылкою) онъ доступенъ огромному большинству читателей; а за интересъ содержанія его ручается блестящій рядъ знаменитыхъ его сотрудниковъ: Филаретъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицій, Іосифъ, Архіепископъ Литовскій и Виленскій, Иннокентій, Архіеп. Херсонскій и Таврическій, Парфеній, Архіеп. Воронежскій и Задонскій, Нилъ, Архіеп. Иркутскій, Анатолій, Еп. Могилевскій и Мстиславскій, Евсеій, Еп. Подольскій и Брацлавскій, и мн. др. Обязанными и дѣятельными сотрудниками его состоятъ профессоры академіи и вообще лица, принадлежащія духовному вѣдомству: имъ-то принадлежатъ большая часть статей не подписанныхъ, но начертываемыхъ на сердца всякаго благоговѣйнаго читателя. Въ журналѣ этомъ помѣщаются и мѣста изъ

твореній св. отцівъ, извѣстнѣйшихъ учителей церкви, — мѣста, служащія къ уразумѣнію слова Божія и церковныхъ обрядовъ. — Я передамъ теперь содержаніе вышедшихъ номеровъ его за этотъ годъ, распредѣляя статьи по программамъ его.

Отдѣлъ 1-й: объясненіе слова Божія. Трудно привести всѣ статьи, относящіяся къ сему отдѣлу, потому-что онѣ встрѣчаются во всякомъ N, и даже по нѣскольку, притомъ онѣ кратки и следовательно многочисленны. — Укажу главнѣйшія: Тайнственное изъясненіе видѣнія Іезекіилева, — св. Григорія Двоеслова, N 6; Паремія на праздникъ Вознесенія Господня, N 7; поучительные уроки изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, N 9; свидѣтельство св. Іоанна Предтечи о Іисусѣ Христѣ, какъ обѣтованномъ Мессіи, предъ посольствомъ Синедріона Іудейскаго, N 12; о пастырскихъ посланіяхъ св. Апостола Павла, N 18; ученіе Св. Писанія о Царской власти, N 20; пророчества о судьбѣ Вавилона, оправданныя событиями, N 22; и многія мѣста изъ твореній Св. отцевъ, преимущественно въ изъясненіе дневныхъ чтеній изъ Евангелія и Апостола, размышленія на примѣчательнѣйшіе тексты Св. Писанія, и пр. и пр.

Связью между первымъ отдѣломъ и вторымъ — служатъ слова проповѣдниковъ нашихъ, то объясняющія слово Божіе, то раскрывающія значеніе религіозныхъ обрядовъ. Словами и бесѣдами чрезвычайно богатъ этотъ журналъ; для читателей они составляютъ любимѣйшую часть чтенія. Начнемъ съ твореній отцевъ Церкви. Св. Іоанна Златоустаго: о томъ, что не нужно совершать великопныхъ погребеній, но лучше подавать милостыню за умершихъ, N 3; о силѣ и дѣйствіи Св. Мощей, N 9; о томъ, за что Евангелистъ Іоаннъ былъ любимъ Іисусомъ Христомъ, N 5; о томъ, что небесное и вѣчное должно предпочитать земному и временному, N 11; о тщеславіи, N 12; о святости и величій мощей первопрестольныхъ Апостоловъ Петра и Павла, N 13; о томъ, что должно почитать священниковъ, N 16; о слушаніи слова Божія и удаленіи отъ пустыхъ разговоровъ, N 22; о томъ, что христіанинъ долженъ быть совершенъ во всѣхъ добродѣтеляхъ и о сребролюбіи. — По одной бесѣдѣ встрѣчаемъ мы слѣдующихъ отцевъ Церкви: Св. Льва, Папы Римскаго, поученіе на Св. Пасху, N 1, при вступленіи въ постъ по пятидесятницѣ, N 10; нѣсколько уроковъ Антонія великаго, N 14; Св. Амвросія Медіоланскаго о подражаніи Пресвятой Богородицы, N 19; блаженнаго Августина на Усыновленіе Св. Іоанна Предтечи, N 21; Св. Андрея Критскаго на

Воздвиженіе честнаго Креста, N 23; Св. Григорія Двоеслова, о томъ, какую пользу доставляютъ кресты и другіе священные предметы, если носить ихъ на персяхъ, N 24, и о томъ, сколь неприлично въ Воскресные дни заниматься житейскими дѣлами, N 27; Св. о. Кесарія, о томъ, что до окончанія Божественной службы изъ церкви выходить не должно.—По одному Слову встречаемъ мы вышепоименованныхъ архипастырей нашихъ; нѣсколько словъ принадлежитъ Анатолію Еп. Могилевскому и Мстиславскому и Евсеію Еп. Подольскому и Брацлавскому. Кромѣ этихъ словъ, есть очень много словъ, принадлежащихъ проповѣдникамъ, скрывшимъ свои имена; слова эти произнесены въ Кіево-Печерской Лаврѣ, при торжественныхъ служеніяхъ Митрополита.

Собственно ко 2-му отдѣлу относятся слѣдующія статьи: происхожденіе и значеніе свящ. антидора въ Православной Церкви, N 10; чинъ освященія храма, творимый отъ архіерея, N 16; Сила и слава Креста Христова, N 24; напоминаніе христіанину о Покровѣ Пресв. Богородицы, N 26; и нѣкоторыя другія.

Къ 3-му отдѣлу принадлежатъ слѣдующія статьи: Воскресеніе Христово—основаніе нашей надежды, N 1; Слѣпота тѣлесная и слѣпота душевная, N 6; блаженство послушной вѣры и пагубный духъ маловѣрія, ищущаго доказательствъ въ тайнахъ вѣры, N 2; урокъ для творящихъ милостыню, N 7; 5 катихизическихъ поученій о блаженствахъ Евангельскихъ, NN 8, 11, 12, 13 и 15; что такое Христіанская свобода? N 16; 7 катихизическихъ поученій о десяти заповѣдяхъ Божіихъ, NN 17, 19, 21, 23, 25, 27, 28; отношеніе пастыря церкви къ обществу гражданскому вообще, и ко властямъ предрежающимъ, N 21; о проповѣдническомъ служеніи пастырей Церкви, NN 23, 24, 25; о христіанскомъ употребленіи имуществъ, N 28.—Кромѣ этого, есть еще нѣсколько историческихъ статей, изъ жизни Св. отцевъ, благочестивыхъ мужей и женъ, и пр. и пр. (*).

Изъ этого перечня видно, какъ обильно содержаніе Воскреснаго чтенія, какъ обнимаетъ оно всѣ стороны жизни, и какіе назидательные, трогательные уроки преподаетъ оно. Подробнымъ указаніемъ содержанія его я хотѣлъ какъ можно болѣе познакомить читателя съ удивительнымъ богатствомъ внутреннимъ этого

(*) Къ сожалѣнію мы находимъ мало статей въ Воскресномъ чтеніи, относящихся къ Исторіи Русской церкви, а гдѣ же болѣе Кіева предметъ для него. М. Н.

журнала, и отъ души радъ буду, если слабый трудъ мой и скромное слово побудятъ нѣсколькихъ пріобрѣсти себѣ его: онъ такъ дешевъ въ смыслъ матеріальнаго пріобрѣтенія, и такъ дорогъ и неисчислимо богатъ по своему духовному пріобрѣтенію, требуетъ за себя мало, а даетъ несравненно больше. (*Окончаніе письма въ слѣд. номеръ*).

изъ новагорода. ...Въ Устрику нарочно ѣздить, по совершенно напрасно: тамъ никто не знаетъ и не помнитъ *Посоткова*; стариковъ старѣе семидесяти лѣтъ нѣтъ; впрочемъ незадолго до моего пріѣзда умеръ тамъ старикъ почти столѣтній, отъ котораго и можно бы было что-нибудь узнать. Устрика есть деревня поселанъ, лежитъ на берегу Ильмени при устьѣ р. Псижи; единственный промыселъ жителей состоитъ въ ловлѣ снетковъ, для сушки которыхъ устроены у нихъ особая сушила. О *Сильвестрѣ* можно бы попытаться не безъ пользы въ Архивъ здѣшней консисторіи или въ библіотекѣ Софійской, но труденъ туда доступъ.... К.

изъ костромы. Въ прошедшіе каникулы я имѣлъ удовольствіе посѣтить, съ археологическою цѣлю, нѣкоторые монастыри и города здѣшней (Костромской) губ. Зная глубокое уваженіе ваше ко всему древне-Русскому, я почитаю не излишнимъ сообщить вамъ о древностяхъ, (*) видѣнныхъ и частию пріобрѣтенныхъ мною во время этой повѣдки. Если найдете вы, милостивый государь, замѣтки мои достойными занять мѣсто въ вашемъ журналѣ то я съ полною готовностію постараюсь сообщать вамъ подобныя и на будущее время.

На первый разъ коснусь г. Буя, монастырей Желѣзоборовскаго и Городецкаго и Чухломы.

Въ Буйскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ сохранилось три древнія иконы, длиною 7-ми, а шириною около 6-ти вершковъ: первая Смоленскія Божіей Матери, вторая Владимірскія, третія—явленіе Пресвятой Богородицы Преподобному Сергію,—всѣ въ серебряныхъ позолоченныхъ ризахъ съ такими же вынцами. На двухъ первыхъ назади, внизу, подписано чернилами: «Князь Великій Иванъ Васильевичъ всея Русіи»; а на третьей тамъ же и чернилами же: «Государь Князь Великій Иванъ Васильевичъ всея Русіи.» Впрочемъ изъ трехъ подписей вполнѣ сохранилась только одна, прочія

(*) Глубочайшую благодарность приношу почтенному корреспонденту. Только мнѣстными наблюденія могутъ теперь наиболѣе пролить свѣта на нашу исторію.

значительно повредились. Подписи сѣи, кажется, принадлежать Іоанну Грозному; покрайней мѣрѣ на подписи, вполне сохранившейся, рука точно такая, какую выдалъ я на грамотахъ этого Государя (*). Городъ Буй расположенъ при слияніи рѣки Вексы, вытекающей изъ Галичскаго озера, съ Костромою, основанъ, какъ видно изъ Исторіи Карамзина (томъ VIII примѣч. 66) (**), по прошенію жителей Костромскихъ волостей, въ малолѣтство Іоанна Грознаго (въ 1535 г.), Еленою Глинскою, конечно съ тою цѣлю, чтобы положить оплотъ набѣгамъ Татаръ, какъ на волости лежащія по означеннымъ рѣкамъ, такъ и на города Галичъ и Соль-Галичъ. Самая крѣпость находилась на мысѣ, образуемомъ этими рѣками; глубокий ровъ ея и доселѣ соединяетъ ихъ и въ весеннее время наполняется водою. Нынѣ тутъ Соборъ и присутственныя мѣста. Не сохранилось извѣстій, когда и какъ поступили означенныя иконы въ Соборъ, но, вѣроятно, Царь Грозный прислалъ ихъ вскорѣ послѣ того, когда въ крѣпости была построена церковь. Граждане издавна питаютъ къ нимъ особенное уваженіе. Изъ двухъ столбцовъ, хранящихся въ соборномъ архивѣ, видно, что въ 1609 году приходили въ Буй «Польскіе и Литовскіе люди и Русскіе воры», и сожгли бывшую тамъ церковь Св. Мученицы Параскевы. Нынѣ на мѣстѣ ея находится деревянная часовня.

Въ Желѣзнодорожномъ монастырѣ, отстоящемъ отъ города Буя верстахъ въ 17-ти по дорогѣ къ Костромѣ, въ холодной церкви, въ предѣлѣ Преподобнаго Іакова-Желѣзнодорожнаго, противъ раки его, имѣется древній образъ сего святаго, длиною 6-ти четвертей съ половиною, шириною въ 1-нѣ аршинъ съ вершкомъ; прежде онъ былъ обложенъ, какъ видно, басеннымъ серебромъ, а нынѣ украшенъ аппликовою отбѣленною ризою. На серебряной небольшой бланкѣ, прибитой къ лѣвому полю этого образа, выбита слѣдующая надпись: «лѣта 7140-го (1632) украшенъ сѣи чудотворный образъ многогрѣшнымъ княземъ Ондრѣемъ, а прежѣ мое имя Алексѣй Голицынъ. На мѣсячной минѣ за Августъ, писанной полууставомъ въ 1541 году «рукою многогрѣшноу дѣака Софронія на Желѣзномъ жъ борку», на оборотѣ перваго бываго листа написано древнею рукою: «лѣта 7090 (1582), Января 14 день, прѣѣжалъ государской посланикъ съ милостиною Федоръ».

(*) Наши Цари не подписывались ни на грамотахъ, ни гдѣ, а ихъ имена составлялись дѣяками. М. П.

(**) Въ подобныхъ случаяхъ мы съѣмъ совѣтовать выставить документы, на коихъ основываются тотъ или другой историкъ. М. П.

Петровичъ Окипѣевъ, по Царевичъ по Иванъ Ивановичъ всея Руси, 10 рублей денегъ, при Мисаилъ строителъ, да при келарѣ Переръ и при казначей Осмѣ и при Онтоніѣ старцѣ. — Верстахъ въ трехъ отъ монастыря, въ часовнѣ, находящейся при Костромской дорогѣ, сохранился древній подсвѣчникъ; — это круглый, деревянный, выкрашенный разными красками столбикъ, вышиною въ полтора аршина, а въ окружности 1 аршинъ, съ углубленіемъ съ верхней стороны. Крутомъ его вверху, по черному фону, написано бѣлымъ, очень крупными и чрезвычайно искусными, полууставными, заглавными литерами слѣдующее: «Лѣта 7121 (1613) Апрѣля въ 1, поставилъ сей подсвѣчникъ въ домъ Рождества Іоанна Предтечи старецъ Іасаѣ». — Изъ исторіи Карамзина (томъ XI 1824 года, стр. 124 и примѣч. 196) видно, что въ Желѣзоборовскомъ монастырѣ жилъ нѣсколько времени Григорій Отрепѣевъ (*). Въ монастырскомъ синодикѣ, описанномъ въ 1765 г. «съ ветхаго синодика», записаны родственники дяди его — Смирнаго-Отрепѣева: схимонахи Евѣмій и Никита и схимонахиня Софія. Но самозванецъ, сдѣлавшись Царемъ, не благоволилъ къ этому монастырю, какъ видно изъ слѣдующаго обстоятельства, замѣтовавшаго мною изъ самыхъ вѣрныхъ документовъ. Въ 1600 году, по завѣщанію Петра Васильевича Годунова, женою его Анною Михайловною были отданы въ этотъ монастырь четыре деревни съ крестьянами и со всеми угодьями. Отрепѣевъ, отнимая у Годуновыхъ вотчины (фактъ, кажется, незамѣченный Карамзинымъ), взялъ и эти деревни, не смотря, что онъ были пожертвованы монастырю, и роздалъ разнымъ лицамъ (**).

(*) Тоже самое подтверждается и принадлежащею мнѣ лѣтописью (XVII ст.). Объ Отрепѣевѣ пишется въ ней между прочимъ слѣдующее: «Изъ Чюдова прейде къ Николѣ на Угрешу и нача въ безуміи своемъ возноситься и впаде въ премногую ересь, яко же Аріѣ... И по малѣ времени изиде отъ Николы Чюдотворца съ Угреши и вселися въ предѣлахъ града (звѣротно пропущено: *Галича*), въ общее мѣсто Іоанна Предтечи, въ монастырь на желѣзномъ Борку, и оттуду пакы прїиде къ Москвѣ и оттуда остави Православную Христіанскую вѣру, отбѣжавъ Литву.» *Дет.*

Авторъ извѣтъ, кажется, списокъ съ извѣстнаго сказанія, *М. II.*

(**) По изложениію Отрепѣева онъ переданъ былъ родному брату Петра Васильевича, окольничему Никитѣ Васильевичу Годунову; а въ 1618 г. грамотою Царя Михаила Феодоровича, писанною на имя Буйскаго осажденнаго головы Олешья Полозова, по челобитной Желѣзоборовскаго Игумена Юсифа, были снова возвращены монастырю. Петръ Васильевичъ и жена его Анна (неизвѣстно когда) поступили въ монашество: первый названъ Порфиріемъ, а послѣдняя Аношиною. *Дет.*

Особенно радъ я открытію, сдѣланному мною въ Чухломскомъ Городецкомъ Авраміевомъ монастырѣ. Въ лѣвой стѣнѣ Покровской церкви этого монастыря, начатой строеніемъ въ 1608, а оконченной въ 1632 году, найденъ мною камень съ надписью, которая была уже затерта штукатуркою. Промывъ штукатурку, я увидѣлъ, что на этомъ мѣстѣ погребена сестра первой жены Царя Михаила Оеодоровича—Маріи Владиміровны, княжна Елена Владиміровна Долгорукая. Первые слова сей надписи попортились, потому прочесть ихъ было очень трудно; въ этомъ помогла мнѣ замѣтка въ синодикѣ противъ роду Долгоруковыхъ. Вотъ надпись слово въ слово: «лѣта 7141 (1633) году, мѣсеца Септемвриа въ 6-й день, на память воспоминаніе Чюдеси Архистратига Михаила, иже въ Колосаехъ, въ нощи противъ 7-го числа, преставися Боярина Князя Володимера Тимоѣевича Долгорукова дочь, раба Божія, Княжна Елена Володимеровна; положена въ Галицкомъ уѣздѣ, Городецкомъ монастырѣ, въ Соборной церкви у Покрова Пресвятыя Богородицы и Чюдотворца Аврамія на Городцѣ (далее, вѣроятно, пропущено слово *сестра*) Маріи Владиміровны, что была за Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Оеодоровичемъ всея Русіи.» Въ ризницѣ монастырской хранится напрестольный крестъ въ серебряномъ окладѣ, пожертвованный въ монастырь княземъ Иваномъ Шуйскимъ въ 1629 г., съ таковою вычеканенною надписью: «лѣта 7137 году, въ мѣсяцѣ Іюлѣ сдѣланъ сій крестъ и данъ въ пречестную и великую обитель Пречистые Богородицы Покрова и Преподобного Аврамія Городецкого въ Галицкомъ уѣздѣ на Чухлому; а далъ князь Иванъ Шуйской; и имъ за князя Ивана и за его Княгиню Марью Бога молить, покаместъ онѣ живы; а какъ Богъ по души ихъ сочмлетъ, и имъ поминать ихъ въ повседневномъ поминаніи и въ седмицѣхъ написати». Въ одномъ изъ синодиковъ этой обители, писанномъ въ XVII ст., записано потомство Оеодора Бяконта — отца Святителя Алексія Митрополита Московскаго, съ означеніемъ въ послѣдовательномъ порядкѣ того, кто отъ кого происходилъ, а иногда—гдѣ служилъ и гдѣ умеръ. Документъ этотъ у меня выписанъ цѣликомъ, и, кажется, имѣетъ полную достоверность, потому что написанъ, какъ можно думать, потомкомъ Бяконта, строителемъ Авраміева, монастыря Діонисіемъ Бѣлымъ (*). Изъ этого родословія видно, что бли-

(*) Родъ Бѣлыхъ помѣщенъ въ синодикѣ рядомъ съ родомъ Бяконта, отъ коего произошли Бѣлые; въ частности есть въ томъ же синодикѣ и родъ Діонисія Бѣлаго.

жайшие потомки Феодора Биконта служили большею частью боярами у митрополитовъ, а болѣе поздніе на Государевой службѣ.

А вотъ новое доказательство того, какъ еще много можно найти дорогаго для археолога въ частныхъ рукахъ, и какъ эти руки иногда варварски обходятся съ сокровищами. Одинъ образованный священникъ города Чухомы пришелъ однажды по обязанностямъ своимъ въ домъ какой-то старушки; женщина занималась въ это время оклеиваніемъ стѣнъ, на столѣ лежало у нея въ безпорядкѣ значительное количество разныхъ, запыленныхъ и полуразорванныхъ бумагъ; двѣа уже довольно было сдѣлано. Священникъ полюбопытствовалъ взглянуть на эти бумаги. И что же? — Между ними нашелъ онъ десятка два столбцевъ XVII столѣтія. Столбцы теперь у меня, и нѣкоторые изъ нихъ, право, не стыдно отпечатать въ изданіяхъ Археологическаго Общества. За удовольствіе почитаю передать вамъ одинъ изъ сихъ документовъ, — не первой важности между прочими, но все-таки довольно любопытный. Это духовная Борновоюкова 1683-го года, изъ которой между прочимъ можно видѣть, какаѣ одежды употреблялись боярами того времени. Вотъ она:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Язъ Климъ Гавриловъ сынъ Борноволюковъ, отходя сего свѣту цѣлымъ умомъ и разумомъ, а приказываю я душу свою поминать капитану Московскихъ стрѣльцовъ, Микитѣ Гаврилову сыну Субочеву. А на Москвѣ образъ Пресвятыя Богородицы Казанскіе, и то отдать женѣ моей Ульянѣ; да образъ Пресвятыя Богородицы Владимирской ей же отдать; образъ Николая Чудотворца ей же, — а тѣ образы въ окладъ; — образъ Троицы Живоначальной да складни на краскахъ ей же; образъ Іоанна Войственника, въ окладъ, свѣчицы моей Авдотѣ отдать. Да денегъ дать на поминки полтретья рубли; лошадь продать и то отдать на поминки, на сорокоусть по мнѣ; отцу моему духовному полтора рубли. А погresti меня въ Соборной церкви у Троицы въ Трубческу; въ Соборную церковь на весь Соборъ полтора рубли; Спасу Всемилостивому двадцать алтынъ; къ Покрову Пресвятыя Богородицы двадцать алтынъ; а что денегъ останется, и тѣми деньгами поминать, — нищимъ раздать. А коетанъ темпоязеленой, — нашивка серебряная, да десять пугвицъ серебряныхъ на немъ же, — коетанъ лазоревой — четыре пуговицы серебряныя, шуба овчинная подъ сукномъ подъ голубымъ, коетанъ китаешной, ермукъ (?) нѣмецкаго сукна — двѣ пуговицы серебряныхъ, кожанъ оленей ношеной, полушубокъ подъ киндякомъ, да меринъ карей, двѣ рубахи съ портки,

рукавицы лисьи подъ краснымъ сукномъ, шуба баранья одетая, двѣ подушки, шапка соболья подъ темнозеленымъ сукномъ, поношенная, кушакъ шелковой кизилбаской поношеной, ножъ булатной—черенъ рыбей, полсть старая, сапоги сабьянные желтые, двои сабьянные черные поношены, да двои телателные поношены, сѣдло и съ потниками совѣсти, сабля простая, сковородка *кандыйка*—мѣдные, четыре платка шапочныхъ, три полотенца. Всею вышепомянутую рухлядь отдать женѣ моеѣ Ульянѣ. А у сей духовной сидѣли: отецъ мой духовной Еремѣй, да капитаны Московскихъ Стрелцовъ Микита Гавриловъ сынъ Субочевъ, Яковъ Архиповъ сынъ Богдановъ, да столника и полковника Алексѣева пелку Васильевича Бюста пятидесятникъ Микита Ручкинъ; а духовную писалъ тогожъ полку сотелной Андрюшка Гавриловъ, лѣта семь тысячъ сто девяносто перваго году, Іюля въ седмый день. Духовная писана на двухъ скленныхъ столбцахъ. На оборотъ перваго столбца написано: «жъ сей духовной отецъ его духовной поятъ Еремѣ Трофимовъ руку приложилъ (слогъ *ложился* написанъ по склейкѣ); капитанъ Яковъ Архиповъ сынъ Богдановъ, и вмѣсто капитана Микиты Субочева, по сво велѣнью, руку приложилъ»; посреди другаго столбца: «Микита Ручкинъ руку приложилъ».

Кострома.

12 Октября 1831 года.

Д. Прилучій.

ВѢСТИ ИЗЪ ОДЕССЫ.

Выставка картинъ Козровъ-Дузи. Живыя картины. Благотворительный концертъ. Публичныя лекціи. Состояніе погоды.

Съ нѣкотораго времени выставлена у насъ въ Одессѣ картина извѣстнаго художника, почетнаго члена Венеціанской Академіи, Козровъ-Дузи (Сомгоѣ-Дузі). Прекрасное произведеніе это вызываетъ и здѣсь такое же удивленіе и сочувствіе, какое производило въ Москвѣ, судя по отзывамъ академика Рабуса въ статьяхъ его въ *Москвитинѣ* и *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Въ последнее время нашъ Русскій театръ значительно оживился. Причину внезапно-возникшаго интереса Русской сцены составляетъ отчасти появленіе новыхъ лицъ на этой сценѣ, но болѣе и очевиднѣе появленіе *живыхъ картинъ* Келлера, которыя самымъ удачнымъ образомъ занимаютъ вниманіе зрителей въ продолженіе междудѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ картины Келлера за-

глядящих! Года три тому назад здѣсь показывались такіе же картины Рапо, но Келлеръ далеко опередилъ Рапо, какъ самыми сюжетами картинъ, такъ мастерскою ихъ постановкою и группировкою. Картины свои онъ составляетъ по образцу картинъ болѣе известныхъ художниковъ, для подражанія которымъ владѣть превосходными средствами въ своей труппѣ: всѣ лица этой труппы отличаются истинно-картинными наружностями и формами, предъ которыми художникъ не можетъ остаться равнодушнымъ, что отчасти мы и замѣтили. Постановка картинъ придумана чрезвычайно хорошо: онѣ группируются на горизонтальномъ кругѣ, который съ открытіемъ завѣсы начинаетъ двигаться и описываетъ медленное, но полное крутоверженіе, для того, чтобы положеніе фигуръ было видно со всѣхъ сторонъ. Ловкость и устойчивость въ позахъ бываетъ изумительна: иногда онѣ находятся совершенно на воздухѣ, касаясь только одной рукой какой-нибудь гирлянды, или вѣнца, безъ всякихъ видимыхъ поддержекъ. Одинъ только недостатокъ, впрочемъ, важный, имѣютъ эти картины: это выраженіе лицъ, которое всегда однообразно и какъ-то неподвижно-мертвенно, такъ-что (странно!) въ живыхъ картинахъ не достаетъ души! Если г. Келлеръ позаботится о томъ, чтобы выраженіе лицъ въ его картинахъ болѣе согласовалось съ содержаніемъ картинъ, то, безъ сомнѣнія, онъ доведетъ ихъ до самой счастливой степени совершенства, чего мы ему и желаемъ.

Благотворительный концертъ данъ былъ въ здѣшней биржевой залѣ 7 Октября. Въ немъ, кромѣ трехъ артистовъ здѣшней Италіанской оперы, участвовали нѣкоторые изъ любителей-артистовъ. Программа концерта составлена была довольно привлекательно и исполнена превосходно. Мы еще до сихъ поръ чувствуемъ себя подъ влияніемъ того пріятнаго впечатлѣнія, какое произвела на насъ игра на фортепіано г. Родзянко. Не смотря на современное участіе музыки въ общемъ образованіи, вошедшее, можно сказать, въ сферу самыхъ обыкновенныхъ житейскихъ наслажденій, истинные музыкальные таланты все-таки составляютъ предметъ всеобщаго удивленія и имѣютъ собственный абсолютный міръ, куда съ одною любовью къ искусству попасть трудно, но для котораго нужно родиться Тальбергомъ, Листомъ, Шопенемъ.... или Родзянко. Кто теперь не играетъ на фортепіано? Молодому человѣку также неловко теперь сказать: «я не играю (на фортепіано)», какъ «я не танцую». Предупреждая это положеніе, многіе учатся фортепіанной игрѣ, жертвуя и

средствами, и временемъ, и составляютъ до того значительное число въ общей массѣ населенія, что фортепіанные звуки никогда не умолкаютъ не только въ губернскомъ городѣ, но даже въ уездномъ, а темъ болѣе въ Одессѣ, гдѣ въ любомъ домѣ вась встрѣчаетъ самая трогательная мелодія, а провожаетъ самый оглушительный маршъ. Итакъ, игра на фортепіано сдѣлалась достояніемъ общества, однимъ изъ условій при самомъ ограниченномъ воспитаніи, а самъ инструментъ—украшеніемъ комнаты вмѣстѣ съ самою обыкновенною мебелью. Но не смотря на видимую популярность этого инструмента, онъ нисколько не теряетъ своей важности, потому-что овладѣть механизмомъ его, дать этому механизму силу увлечь, восторгать и трогать, могутъ только немногіе, избранные; всѣ же прочіе играютъ на немъ только съ тактомъ, съ пріятностью, съ ловкостью, или безъ того, другаго и третьяго, а такъ только, что называется, бречать ради собственнаго удовольствія или какихъ-нибудь житейскихъ требованій... Да, фортепіано однимъ изъ прекрасныхъ инструментовъ, если на немъ играетъ истинный артистъ: только онъ въ состояніи гармонически слить въ отрывочные звуки, съ которыми не въ силахъ управиться посредственный игрокъ, искусно модулировать ихъ и составить изъ нихъ непрерывную гармонию, въ которой повышенія и пониженія, *crescendo* и *diminuendo*, *forte* и *piano*, сопровождаются не однимъ отчетомъ такта, но внутреннимъ движеніемъ душевнымъ, гармонією возбужденныхъ игрою мыслей. Все это мы сказали для того, чтобы опредѣленно назвать г. Родзянко истиннымъ артистомъ, а исполненіе сыграныхъ имъ въ концертѣ пьесъ исполненіемъ очень необыкновеннымъ, напомнившимъ намъ Листа и Софию Бореръ, которыхъ мы года четыре тому назадъ слышали въ Одессѣ. Г. Родзянко исполнилъ въ благотворительномъ концертѣ два пьесы: *allegro de concert* Шопена, и *фантазію на мотивы оперъ Лучіи и Лукреціи*—Вильмерса. Артистически также было сыграно трио Мендельсона г-жею графиней Бальменъ (фортепіано), Г-ми Ютти (скрипка) и Лангвайлемъ (виолончель). Изъ артистовъ Италіанской оперы участвовали въ концертѣ Гг. Ноденъ, Берлендизъ и Оттовани; съ достоинствами голосовъ этихъ артистовъ мы познакомили читателей Москвитанина. Вообще весь концертъ шелъ прекрасно: его по справедливости можно назвать однимъ изъ замѣчательныхъ эпизодовъ въ летописи здѣшнихъ музыкальных событій. Всякое благотвореніе достойно уваженія и благодарности; но оно темъ выше, чѣмъ

совершенство и законное средство благотворительности; средства благотворителей-артистовъ состоятъ въ предполагаемой возможности доставить удовольствіе слушателямъ: въ настоящемъ концертѣ осуществленіе ихъ было самое истинное. *Felix, qui potuit miscere utili dulcel*

Въ Одессѣ, гдѣ при разноплеменности городского населенія легко выучиться практически нѣсколькимъ иностраннымъ языкамъ, отъ времени до времени представляются средства и къ теоретическому ихъ изученію. Такъ, въ настоящее время читаютъ публичные лекціи языковъ: Англійскаго, по методу Робертсона, лекторъ Ришельевского Лицея Гревсъ въ залѣ Лицея, Италіанскаго—по той же методу, учитель Одесской-второй гимназіи Лоровичъ. Практическія и теоретическія знанія въ Французскомъ языкѣ до того сдѣлались удѣломъ большинства, что читать публично лекціи этого языка показалось бы дѣломъ вовсе лишнимъ; но теорія и тутъ нашла свои претензіи: г. Фельмъ, учитель здѣшняго института благородныхъ дѣвицъ, читаетъ въ биржевой залѣ публичныя лекціи: «*Sur les difficultés de la prononciation de la langue française*».

Вотъ мы почти уже въ половинѣ Октября, мѣсяца котораго напоминаетъ дождь, грязь, холодъ и другія неблагопріятности осенней погоды. Большею частію въ это время осень является въ Одессу во всей своей красѣ, со всеми своими атрибутами: густой туманъ окружаетъ чело ея и непроходимая грязь простирается у ногъ владычицы. Нынешній годъ она явилась совершенно въ другомъ видѣ: до сихъ поръ мы наслаждаемся ясными, если не лѣтними, то весенними днями, и если бы для благосостоянія человека достаточно было одной хорошей погоды, то мы справедливо могли бы сказать, что въ настоящее время благоденствуемъ, но увы!.... и хорошая погода, если она не вовремя—не радуетъ человека! Такъ въ настоящее время для питанія растений и для озимыхъ покрововъ земля требуетъ дождей, но дождей у насъ вовсе нѣтъ, такъ-что почва рѣшительно суха, что очень беспокоитъ хозяевъ и садоводовъ, и мы не можемъ имъ не сочувствовать, но—

Надежда, надежда—нашъ сладкій удыш!...

Н. Бѣлый.

Одесса.

11 Октября 1851 г.

ИЗЪ ГАЛИЦА. Въ 9-мъ номерѣ Москвитинѣ за нынѣшній годъ, издаваемаго подъ редакціею вашей, помѣщена была рецензія на книгу: Письма съ Востока въ 1849—1850 годахъ, А. Н. Муравьева. Между прочимъ, выписывая слова автора о пребываніи его въ Муръ-Ликійской, въ которыхъ онъ съ истинно-христіанскою ревностію говоритъ о возобновленіи соборной церкви Св. Сіона, вы прибавляете въ выноскѣ, что г. Муравьеву разрѣшенъ двух-годовой сборъ добродѣтельныхъ пожертвованій на возстановленіе Муръ-Ликійскаго храма.

Зная, милостивый государь, что вы такъ горячо сочувствуете всему близкому и дорогому для Русскаго сердца, полного глубочайшаго благоговѣнія къ Святѣнѣ, я просилъ бы васъ покорнѣйше напечатать въ журналѣ вашемъ, куда и къ кому именно можно доставлять приношенія на устройство Муръ-Ликійскаго храма?

Велики дѣянія Св. угодника Николая! Нензобразима скорая готовность Его на помощь всѣмъ обращающимся къ нему съ вѣрою. Я на себѣ испыталъ дивныя чудеса Святителя. Пусть бѣдные умы скептиковъ, пусть эти дѣти, нарядившіеся въ платье взрослыхъ, объясняютъ все естественностію и случайностію—они не постигнутъ высокихъ тайнъ религіи, скрытыхъ отъ нихъ жалкой и святотатственной любознательностію! Напрасныя усилія этихъ господъ доказать умомъ то, что имъ не доказывается, приведутъ ихъ же самихъ къ заключенію объ его ничтожности... (*). А. Н.

Костромской губ. г. Галичъ.

Октябръ 28, 1851 года.

(*) Доводить до свѣденія почтеннаго автора желаніе Галицкаго жителя, желаніе, которое, можетъ быть, разделяютъ и другіе соотечественники.

«РЕВИЗОРЪ» НА СЦЕНѢ ПЕРМСКАГО ТЕАТРА,

(9-го Сентября 1851 года).

Съ тѣхъ поръ, какъ добросовѣстная труппа г. Соколова заняла подмостки Пермскаго театра (построеннаго въ 1849 году), знаменитая комедія Гоголя была разыграна только два раза. Мы не знаемъ, почему именно г. содержатель труппы, богатый опытными артистами, и, потому, не могшій встрѣтить недостатка въ исполнителяхъ этой комедіи, — пренебрегъ ею. Мало-ли надѣялся онъ на силы своей труппы, думалъ-ли, что не оцѣнить Ревизора Пермская публика, или, наконецъ, бояся, «раздразнивъ гусей», — уменьшить сборъ своей кассы, — мы не беремся объ этомъ догадываться; но, во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что г. антрепренеръ ошибался: представленіе Ревизора на Пермской сценѣ (9-го Сентября) фактически доказало наше мнѣніе. Мы видѣли, что всѣ мѣста въ креслахъ и на балконѣ были заняты представителями всѣхъ слоевъ Пермскаго общества; мы видѣли между зрителями и столичныхъ гостей, и съ удовольствіемъ замѣчали признаки всеобщаго глубокаго вниманія публики къ пьесѣ, и апплодисменты, выражавшіе живость пріятнаго впечатлѣнія, вездѣ и неминуюемо производимаго высокою комедіей Гоголя, даже и при самомъ посредственномъ представленіи ея посредственными артистами.

Но игра артистовъ Пермской сцены была (9 Сентября) далеко выше посредственности, и, слѣдовательно, всеобщее, и, скажемъ болѣе, разумное вниманіе публики, — было возбуждено столько же исполненіемъ комедіи, сколько и юморическимъ содержаніемъ ея.... Честь была воздана и автору и исполнителямъ....

Итакъ, едва-ли могъ г. Соколовъ основательно предполагать, чтобы артисты его труппы не могли удовлетворительно разыграть Ревизора.... Если же онъ слишкомъ долго оставлялъ въ забвеніи эту комедію, не надѣясь на добрый пріемъ ея публикою, то противъ этого, кромѣ самыхъ фактовъ, только-что высказанныхъ нами, можно и еще прибавить кое-что въ пользу мнѣстной публики и въ тоже время въ пользу общедоступности Ревизора.

Возможно ли намъ, провинціаламъ, не понять Ревизора, эту высокую сатиру повседневной и попреимуществу провинціальной пошлости, это зеркало будничной, черной стороны нашей жизни?... Или, взявши вопросъ съ другой стороны, — возможно-ли обижаться обличеніемъ «изнанки» нашего быта, и сердиться за то, что намъ ее показываютъ? ..

Мы рѣшительно не допускаемъ ни того, ни другаго, — и для подкрѣпленія нашихъ убѣжденій, постараемся развить ихъ.

Бэсія (*la fable*), или, какъ это принято называть, «записка» Ревизора чрезвычайно проста; и гдѣ же, какъ не у насъ, въ далекой провинціи, встречается комическое явленіе, послужившее предметомъ «Ревизору»?... Гдѣ же, какъ не въ нашихъ маленькихъ городкахъ, можно видѣть въ действительности этотъ испугъ, — эту переполоху мѣстныхъ чиновниковъ при появленіи неожиданной грозы въ лицѣ министерскаго агента, нагрянувшего еще въ загадочномъ *incognito*? Наконецъ, гдѣ-же, какъ не у насъ — являются Хлестаковы?... Э, Боже мой! Да мы видимъ ихъ каждый день!... Мы ежедневно привѣтствуемъ появленіе этихъ петербургскихъ или московскихъ свѣтилъ, горящихъ блескомъ сомнительной, но чрезвычайно надутой самозначительности. Мы доверчиво признаемъ за ними достоинства учености или талантности, на которыя, въ сущности, ни одинъ изъ этихъ господъ не имѣетъ права. Мы любуемся на покрой ихъ платья, сшитаго, можетъ быть, вдолгъ у столичнаго портнаго, съ цѣлю отуманить наши провинціальныя взоры новизной и изяществомъ.... Мы слушаемъ ихъ рассказы о столичныхъ подвигахъ, о связяхъ съ князьями и графами, которыхъ намъ рассказчики именуютъ безъ церемоній Гришами, Сашами и Sergeями. Мы слушаемъ, качая головами, и вѣримъ до тѣхъ поръ, пока время, всеобличительное время, не сниметъ маски съ нашихъ Хлестаковыхъ и не покажетъ ихъ намъ въ настоящемъ ихъ свѣтъ.... А это случается очень скоро; много, если одинъ годъ пробудетъ мы, доверчивые провинціалы, въ простодушномъ заблужденіи. Черезъ годъ — непременно, по износу столичнаго платья, привзвѣе свѣтило перемелется, и запутается въ противорѣчіяхъ языкъ его, — и выйдетъ изъ вѣры поблѣднѣвшее свѣтило, и будетъ счастливо оно, если у него найдется лакей, который бы посоветовалъ ему, какъ Хлестакову смѣтливый его Осипъ, — поскорѣе убираться отъ насъ на новые подвиги въ другомъ городѣ!...

Всего этого нѣтъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, — и все это не столько доступно столичной публикѣ, сколько понятно и близко намъ. А ходъ пьесы, а подробности, отдельные эпизоды, а второстепенные персонажи? Все это наше, отъ насъ и у насъ взятое.... Следовательно, какъ же не понять намъ всего этого? Правда, можно, съ Веневитиновымъ, спросить:

....Мы всѣ равно читаемъ въ ней,
Но всѣ-ль, читая, понимають?...

Но на это, не запинаясь, отвечаемъ: «всѣ, рѣшительно всѣ», хотя, разумеется, каждый по своему....

Другая сторона вопроса: не обидитъ ли нашего самолюбія, не раздражитъ ли насъ эта резкая выставка нашей «изнанки»?...

Э! повѣрьте намъ—нисколько!.. Кто же изъ насъ приметъ что-нибудь на свой счетъ изъ остроумной сатиры? Посмотрите, какъ всѣ мы добродушно смеемся; неужели же этотъ смѣхъ не объясняетъ, что мы и не думаемъ видѣть въ комедіи самихъ себя?.. Смѣясь, мы киваемъ на соседа, — и всѣ довольны!.. А притомъ, развѣ нѣтъ у насъ въ запасъ такого аргумента: «Комедія написана давно: въ то время, можетъ быть, существовали въ обществѣ всѣ эти лица, а теперь—какъ это можно!.. не то время! мы вовсе не похожи на всѣхъ этихъ чудачковъ!..» И всѣ правы! И, между тѣмъ, всѣ посмѣялись,—а такъ какъ, по старому изреченію,

«Ridendo castigat mores»,—

то будьте увѣрены, что и мы не сочтемъ бесполезно смотрѣли «Ревизора»,—и мы унесли изъ театра нѣсколько поучительныхъ впечатлѣній.

Итакъ позволимъ высказать нашу благодарность г. Соколову за Ревизора; попросимъ его почаще давать намъ, русскимъ, такіе, прямо-русскіе зрѣлища,—и не замѣнять ихъ передѣлками съ французскихъ правовъ, которыя чужды намъ, и если занимаютъ насъ своимъ легкимъ содержаніемъ, то занимаютъ безъ всякой прочной пользы, и скоро нами забываются!.. А Ревизора мы не забудемъ!.. Попробуйте же показать намъ и прочія сценическія пьесы Гоголя: «Женитьбу», «Игроковъ», «Гѣжбу», сцены изъ «Мертвыхъ Душъ»,—не бойтесь испытать силы вашихъ артистовъ въ безсмертномъ твореніи Грибоедова.

Въ заключеніе почитаемъ себя обязанными сказать кое-что объ игрѣ артистовъ. Замѣчанія наши, основанныя на отголоскѣ «разсуждающей» части нашего общества,—на мнѣніяхъ, подслушанныхъ нами посреди его, и, наконецъ, на сравненіи «Пермскаго» Ревизора, съ игрою этой комедіи на Петербургской и Московской сценахъ,—будутъ столько же кратки, сколько и искренны.... Роль Городничаго, разыгранную здѣсь г. Соколовымъ (содержателемъ труппы) исполняютъ—въ Москвѣ Щепкинъ, въ Петербургѣ—Сосницкій. Поставить на одну доску этихъ артистовъ значило бы быть несправедливымъ и пристрастнымъ въ пользу «нашего» и въ вредъ всѣми признаннаго превосходства «не нашихъ» артистовъ....

Въ г. Соколовъ пѣтъ того спокойствія игры, той самоувѣренности, которыя происходятъ лишь отъ глубокаго изученія и разумнѣя роли,—и которыми вполне обладаютъ Щепкинъ, а за нимъ и Сосницкій. Г. Соколовъ увлекается эффектными мѣстами своей роли, но не выдерживаетъ себя тамъ, гдѣ, по его мнѣнью, роль его не исключительно къ нему приковываетъ вниманіе зрителей. Въ этихъ послѣднихъ мѣстахъ мы даже замѣтили въ г. Соколовѣ не твердое знаніе роли, и потребность въ помощи суетера.... Отъ этого дѣйствіе какъ бы тянется, а не идетъ съ должною быстротою и движеніемъ. Такова въ особенности была сцена 3-го акта, когда Городничій задариваетъ Осипа, слугу Хлестакова, и хочетъ выведать у него свѣдѣнія о привычкахъ его барина, а между-тѣмъ Городничиха съ своей дочкой поручаютъ Осипу передать столько живыхъ любезностей на счетъ интересной особы знатнаго гостя... Подобныхъ сценъ мы замѣтили нѣсколько.... Но замѣтивъ ихъ, мы также не пропустили безъ вниманія и лучшихъ минутъ г. Соколова: въ первомъ актѣ — монологъ, начинающійся словами: «Грѣшенъ, грѣшенъ».... былъ переданъ прекрасно. Сцена съ купцами, гдѣ Городничій, почти породнившійся съ Хлестаковымъ, караетъ бѣдныхъ бородачей всѣми стрѣлами гнѣвнаго Юпитера, выполнена еще удовлетворительнѣе. Тонъ покровительства, съ которымъ Городничій принимаетъ своихъ гостей по отъѣздѣ Хлестакова, понять и выдержать г. Соколовымъ съ особенной талантливостью и пониманіемъ роли; но что во всей пьесѣ особенно отличаетъ игру г. Соколова отъ игры столичныхъ корифеевъ комедіи, и, можетъ быть, даетъ ему предъ ними нѣкоторое преимущество,—такъ это совершенство въ усвоеніи себѣ внешней стороны роли Городничаго: фигура, приемы, походка и дикція — схвачены г. Соколовымъ съ натуры,—и немудрено,—потому-что г. Соколовъ, постоянно живя въ провинціи, могъ ближе познакомиться съ типомъ, который онъ представляетъ на сценѣ.... Въ роли Городничаго—и Щепкинъ и Сосницкій — ничто иное, какъ опростоволосившіеся пройдохи,—но такіе пройдохи, какими могутъ быть и не городничіе.... А г. Соколовъ, выполняя роль одураченнаго грѣшника—надувалу, въ тоже время—и Городничій, пастоящій, чистокровный Городничій.... Въ Петербургѣ и Москвѣ роль Сквозника-Дмухановскаго облагорожена нѣсколько болѣе, чѣмъ бы слѣдовало; на нашей сценѣ она такова, какова должна быть, подражая натурѣ: ни лучше, ни хуже....

Тожѣ самое замѣчаніе, въ похвалу «нашихъ» артистовъ, можно сказать и объ исполненіи другихъ ролей. Всѣ второстепенныя роли—у насъ выходятъ «провинціальнѣе», и слѣдовательно върнѣе.

Конечно, это происходитъ отъ близкаго сношенія артистовъ съ типами, представляемыми ими, съ типами, разсѣянными преимущественно въ провинціальныхъ обществахъ,—но, какъ бы то ни было, нельзя не поблагодарить за это или артистовъ или случай, приготовившій ихъ къ пониманію отъысковъ исключительно-провинціальной жизни. Анна Андреевна (г-жа Романовская) и Марья Антоновна (г-жа Надежина) были ни болѣе, ни менѣе,—ни хуже, ни изыщше—какъ слѣдовало быть женамъ и дочери Городничаго....

Г. Деклеру въ роли Хлестакова, кромѣ несомнѣтельныхъ признаковъ таланта, и кромѣ добросовѣстнаго изученія роли, кажется, весьма помогло тоже близкое знакомство его съ провинціальною жизнью, въ которой онъ вращается.... Г. Максимовъ (на Петербургской сценѣ)—болѣе Петербургскій чиновникъ, а г. Деклеръ именно такой Петербургскій чиновникъ, который чувствуетъ, что онъ въ провинціи, и что ему привольно и хорошо, давъ полную свободу своей пошлой натурѣ, надувать этихъ простосердечныхъ людей. Относительно игры г. Деклера, впрочемъ, весьма удовлетворительной, нельзя однако же не замѣтить, что въ объясненіи чувствъ любви Хлестакова къ Аннѣ Андреевнѣ и ея дочери, въ той сценѣ, гдѣ онъ стоитъ передъ ними на коленяхъ,—г. Деклеръ очень слабъ.... Вся эта сцена какъ-то растянута, неуклюжа, и изъ смѣшной вышла скучною, несмотря даже на громогласную помощь суфлёра.

Гг. Садовскій и Левашевъ въ роляхъ Добчинскаго и Бобчинскаго не поняли ни одной фразы: все—отъ игры ихъ до костюмовъ—было уродливо-карикатурно, и смѣшило только «верхнюю» часть публики.

Осипъ былъ слишкомъ молодъ для своей роли пожилаго лакея-резонѣра.

Е. Верской.

Г. Пермь.

10 Сентября 1851 г.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Освященіе храма во имя Св. Александра Невского въ Московской Практической Коммерческой Академіи.

Московская Практическая Коммерческая Академія, на глазахъ нашихъ разцвѣтала вновь прескрасными силами, въ воскресенье, 4-го Ноября, праздновала въ стѣнахъ своихъ духовное торжество по случаю освященія вновь воздвигнутаго храма. Когда, по слову Архипастыря, совершившаго это священное торжество, возлѣ учебнаго храма съ его уроками воздвигается храмъ Божій съ его молитвами, такое видимое водвореніе Церкви въ учебномъ заведеніи можетъ быть для него залогомъ совершеннаго духовнаго обновленія во внутреннихъ силахъ его жизни. Храмъ Божій въ учебномъ заведеніи долженъ быть предметомъ благочестивыхъ стремленій каждаго питомца, приобщеніемъ молитвъ и самыхъ чистыхъ думъ его, мѣстомъ благоговѣнія и тишины, самой драгоценной для него святыней въ мѣстѣ его воспитанія, благословеніемъ Бога, нисшедшимъ къ нему близко, чтобы освятить всѣ минуты его бытія, свѣтлымъ вѣщаніемъ, украшающимъ заведеніе. И такъ, освященіе храма въ стѣнахъ училища есть высшее духовное торжество, какое только оно совершить можетъ.

Мысль о сооруженіи храма въ домѣ Московской Практической Коммерческой Академіи принадлежитъ ея Попечителю, Графу А. А. Закревскому. Архипастырь Москвы благословилъ эту мысль. Исполнили ее дѣятельно и усердно Члены Совѣта Академіи совокупными силами. Степень усердія каждаго изъ нихъ въ благочестивомъ дѣлѣ извѣстна Тому, для Кого они трудились.

Въ обширной двухъ-ярусной залѣ, освѣщаемой въ два свѣта, воздвигнуть благолѣпный храмъ. Щедрость храмоздателей обила золотомъ стѣны иконостаса. Изъ золота выступаютъ благолѣпныя мѣстныя иконы. Внутренняя стѣна алтаря занята картиною Преображенія Господня. По стѣнамъ храма

крутомъ написаны лики двѣнадцати Апостоловъ и четырехъ Евангелистовъ.

Въ воскресенье, 4-го Ноября, Высокопреосвященный Митрополитъ Московскій Филаретъ освятилъ соборнѣ храмъ во имя Благочестиваго Князя Св. Александра Невскаго и совершилъ въ немъ первую литургію. При торжествѣ присутствовали Г. Попечитель Академіи Графъ А. А. Закревскій, Князь С. М. Голицынъ, Г. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа В. И. Назимовъ, Г. Гражданскій Губернаторъ И. В. Капнистъ, многіе сановники Москвы, Профессоры Московскаго Университета, Члены Совета и Наставники Академіи. Питомцы Училища, въ подражаніе прекрасному обычаю духовныхъ Семинарій, во время литургіи пропѣли хоромъ: Исповѣданіе Вѣры и Молитву Господню.

Архипастырь, благословивъ Училище, напѣлъ духовною пищею слова всѣхъ участниковъ священнаго торжества. Мысль его, сильная полетомъ духа, перенесла насъ въ горницу молящагося Пророка Давида, указала на *двери ея отверстыя противу Іерусалима*, и на этомъ ясномъ примѣрѣ разоблачила передъ нами высокую истину, какъ необходимо соединять молитву домашнюю съ молитвою церковною, какъ первая занимаетъ силу свою отъ второй.

Духовное торжество заключилось роскошнымъ гостепріимнымъ пиромъ. Воспитанники передъ обѣдомъ и въ заключеніе согласнымъ хоромъ пропѣли молитвы, а послѣ перваго тоста за здоровье Государя Императора и Его Августѣйшаго семейства:

Боже Циря храни!

Питы здоровья. Архипастыря, благословившаго заведеніе, Г. Попечителя, неусыпно ему покровительствующаго, Г. Министра Финансовъ, Князя С. М. Голицына, Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа. Его Сіятельство Графъ Арсеній Андреевичъ въ заключеніе предложилъ тостъ Храмоздателей.

Пожелаемъ усердно, чтобы Московская Коммерческая Академія, подъ сѣнью воздвигнутаго храма, процвѣтала и преуспѣвала болѣе и болѣе нравственными и умственными силами. Наша промышленность не ударила лицомъ въ грязь на всемірномъ Лондонскомъ состязаніи. Наша торговля золотою цѣпью

связываетъ города Россіи, Европы и Азіи. Успѣхи промышленности и торговли зависятъ, конечно, всего болѣе отъ образованія нашего купеческаго сословія. Пускай льются богатство и обиліе по государству Русскому, но безъ ихъ несчастныхъ спутниковъ, одолеваяющихъ Англію, нищихъ и пролетаріевъ. Пускай золотомъ Русской торговли вспомошествоется бѣдный; прирѣзывается сирый, одѣвается нагой, кормится голодный. Ученіе, сопровождаемое молитвами вновь воздвигнутаго храма Божія, укрѣпитъ въ процвѣтающемъ разсадникѣ тѣ нравственныя силы, которыми торговля и промышленность укрѣпляютъ государство и бываютъ благодѣтельны народу.

УПРЕКЪ. Самая важная новость въ Москвѣ, самый любопытный предметъ разговоръ—открытіе желѣзной дороги, и ни въ одной газетѣ, ни Петербургской, ни Московской, нѣтъ ни слова о числѣ путешественниковъ. Всѣ онѣ уведомили только о первыхъ потѣхахъ, (а именно: изъ Петербурга выѣхало: на первыхъ мѣстахъ 17, на вторыхъ 63, на третьихъ 112, всего 192; изъ Москвы 134),—да тѣмъ и покончили свои извѣстія. Не должно ли удивиться нашей газетной безпечности, въ то время, когда мы прокладываемъ дороги чрезъ пустыни Сагары во внутренность Африки, и описываемъ подробно пути сообщенія по океану между древнимъ и новымъ свѣтомъ?

С М Ъ С Ъ.

ПОДМОСКОВНАЯ ОХОТА.

Охотничья пора.

Намѣреваясь помѣстить въ этомъ журналѣ нѣсколько охотничьихъ разсказовъ, изъ подмосковной ружейной охоты, я бы желалъ, чтобы они были вполне понятны не для однихъ только охотниковъ, а для каждаго читателя. Съ этою цѣлю я намѣренъ сначала, въ общихъ чертахъ, изложить то, въ чемъ состоитъ подмосковная охота, и дать нѣкоторые понятія о необходимыхъ принадлежностяхъ охоты и охотника вообще.

«Стоитъ ли говорить объ охотѣ подъ Москвою? скажутъ, можетъ быть, нѣкоторые охотники. Много ли вокругъ Москвы дичи? Что можетъ тутъ быть занимательнаго?»

Скажу на это, что предметовъ занимательныхъ одинаково для всѣхъ очень немного; а вѣроятно найдутся люди, для которыхъ и эти статьи не будутъ чужды интереса.

Дичи вокругъ Москвы довольно, но если въ ятакшъ нашъ попадаетъ небольшое ея количество, то это потому, что очень много охотниковъ. Притомъ же та охота, гдѣ дичь поднимается не десятками, гдѣ, чтобы отыскать ее, собака должна отличаться чутьемъ и проворнымъ розыскомъ, гдѣ стрѣлокъ долженъ дорожить своимъ выстрѣломъ,—такая охота имѣетъ свою занимательность. Не знаю даже, что пріятнѣе истинному охотнику,—убить ли десять паръ бекасовъ изъ сотни, которыхъ онъ поднималъ, или нести съ поля только три пары, но знать, что убито все, что найдено.—Впрочемъ, какъ ни много охотниковъ въ Москвѣ, — на всѣхъ ихъ достало бы дичи въ мѣстахъ, лежащихъ близъ города, еслибъ не было бичей нашей забавы—охотниковъ-мужиковъ. Почти въ каждой подмосковной деревнѣ есгь двѣ или три такихъ стрѣльца; прибыльная продажа дичи и легкость труда увеличиваетъ число ихъ ежегодно. Протаскаться цѣлый день съ ружьемъ ему, конечно, гораздо легче, нежели вспахать десятину земли или обмолотить двѣ, три копны хлѣба. За нѣсколько паръ дичи, проданной въ охотномъ ряду, онъ имѣетъ деньги на свои необходимыя и на вино. Замѣчательно, что всѣ безъ исключенія мужики-охотники—горькіе пьяницы.—Народъ этотъ, имѣя въ охотѣ ремесло, бьетъ въ десятеро болѣе противъ нашего брата, который видитъ въ охотѣ пріятное развлеченіе отъ трудовъ, несомыхъ по службѣ или

хозяйству. Посмотримъ же, въ чемъ состоитъ это развлеченіе, что дѣлаютъ охотники въ полѣ, послѣдній сезонъ охоты съ начала и до конца.

Въ концѣ Марта тысяща, съ первыми появленіемъ весны, съ первую встѣю о появившихся въ полѣ грачахъ, начинается дѣятельность охотника. Ружье, цѣлую зиму бывшее безъ употребленія, тщательно осматривается; собака, бывшая до этого времени лишнею мебелью, ласкается и прикармливается съ какою-то любовью; приводятся въ порядокъ охотничій уборъ и снаряды, и въ одну прекрасное утро охотникъ является въ лѣсу. Часто случается, что нетерпливый стрѣлокъ вышелъ очень рано, сивгъ еще слишкомъ глубокъ, проталины (*) очень малы, и измученный, порочается онъ въ Москву. Если же проталины уже образовались, то на нихъ ищутъ вальшнеповъ. Эти злые гости жмутся подъ кустами и деревьями, на мѣстахъ, свободныхъ отъ сивга, и тутъ-то отыскиваются собакою.

Первый выстрѣлъ, первая дичинка въ якташъ — большой праздникъ охотнику. Поднятый на проталинѣ вальшнепъ подтверждаетъ уже несомненно прилетъ ихъ, и охотникъ остается на тѣгу. Тѣга, одинъ изъ самыхъ занимательныхъ видовъ охоты, состоитъ въ томъ, что съ захожденіемъ солнца охотникъ долженъ уже быть въ лѣсу, и, уложивъ въ незаметномъ мѣстѣ собаку, ждать палета вальшнепа. Большою частію вальшнены тапуть (летать) по опушкѣ лѣса, надъ болотомъ, или съ большого лѣса на мѣнѣ росній. — Соображаясь съ этимъ, выбираютъ стоянку и мирно ожидаютъ голоса вальшнепа, возвышающаго его приближеніе. Голосъ этотъ состоитъ изъ карканья, соединеннаго со свистомъ; чѣмъ птица ближе, тѣмъ онъ явственнѣе. Охотникъ наготовѣ, глядитъ во все стороны; вальшнепъ показывается надъ деревьями, и ему салютуютъ болѣе или мѣнѣ удачнымъ выстрѣломъ. Часто на эту охоту ѣздитъ большимъ обществомъ, становится въ линію, и въ хорошій, теплый вечеръ стрельба эта уподобляется батальному огню. Когда совершенно стемнѣетъ, — стрельба прекращается. На утренней зарѣ тѣга эта повторяется, но гораздо въ меньшемъ количествѣ и гораздо рѣже посѣщается охотниками.

Охота эта бываетъ почти въ каждомъ небольшомъ лѣсу, и, продолжаясь съ небольшимъ часъ, даетъ возможность Московскому охотнику побѣхать послѣ обѣда изъ города и ночью вер-

(*) Подъ деревьями и кустами сивгъ оттаиваетъ ранѣе и образуетъ непокровъ нѣмъ мѣсто (проталину).

нутаея домой. Правда, что большіе лѣсомъ вокругъ Москвы мало, и многіе вѣдять версты за пятьдесятъ и болѣе; но тутъ потеря времени вознаграждается количествомъ дичи. Тяга особенно хороша въ Дмитровскомъ и Можайскомъ уѣздахъ

Вмѣстѣ съ вѣшніепами прилетаютъ чибицы, и вслѣдъ за ними кулики и бекасы. Первые двѣ породы не почитаются красною дичью, какъ потому, что мясо ихъ не имѣетъ большаго вкуса, такъ и потому, что стрѣляютъ ихъ не изъ-подъ собаки, а съ подхода. Надо къ нимъ подкрадываться, дѣйствовать не открыто; этого не любить истинный охотникъ. Чѣмъ болѣе шанса для дичи улетѣть отъ него, тѣмъ пріятнѣе ему ловкимъ выстрѣломъ остановить полетъ ея. По этой же причинѣ рѣдкій охотникъ ходитъ за утками. Никто не откажется выстрѣлить по утку, если онъ поднимется въ мѣру выстрѣла, но подкрадываться къ ней или стрѣлять на крикушу, предоставляется охотнику-ремесленнику.

Весенняя стрѣльба по бекасамъ есть самая трудная и доступна только опытному и ловкому охотнику. Бекасъ слѣзается очень далеко, рѣдко дозволяетъ собакамъ надъ собою остановиться, хотя въ дальнемъ разстояніи; болѣею частію бѣжитъ отъ нея и поднимается шагахъ въ пятидесяти и болѣе. Полетъ его вслѣдствіе легкости—быстръ необыкновенно. Тутъ необходимъ самый короткій выстрѣлъ: выдерживать нѣкогда. Съ ранней зари начинается токъ бекаса; самецъ, летая въ вышинѣ, такъ быстро рѣжетъ воздухъ своими крыльями, что производитъ звукъ, подобный бѣганію барана. Отъ этого часто мужики называютъ ихъ барашками. Долго иногда стоишь въ болотѣ, слушая эту музыку; слышишь, куда бекасъ опустится, и идешь къ нему. Какъ во всякомъ дѣлѣ, чѣмъ съ болѣею трудностію достигаются результаты, тѣмъ достиженіе ихъ пріятнѣе: такъ и убитый весной бекасъ стоитъ трехъ, убитыхъ осенью.

Недѣли двѣ поздне бекасовъ прилетаютъ гаршнепы, а спустя еще недѣлю дупельшнепы, обыкновенно называемые дупелями.—Гаршнепъ есть мельчайшій видъ породы болотныхъ куликовъ. Какъ теперь помню, когда я былъ еще профаномъ въ охотѣ, какъ одинъ охотникъ, желавшій показать лишь свою ученость, говорилъ, что гаршнепъ есть слово нѣмецкое и означаетъ маленькаго бекаса. «Тутъ, говоритъ онъ мнѣ, пропущено слово klein, а собственно надо говорить гаркейншнепъ, т. е., такой маленюкой, что почти ничего вѣтъ....» Гаршнепы вообще являютъ въ небольшомъ количествѣ вокругъ Москвы, на мѣстахъ самыхъ топкихъ. Эта дичь исключи-

тельно достается порядочному охотнику: мужикъ не стрѣляетъ ее, находя, что она не стоитъ выстрѣла..

Дупельшнелы показываються съ половины Мая и до конца мѣсяца такують (понимаються) въ чистыхъ болотахъ. Стрѣльба ихъ весною нѣсколько труднѣе стрѣльбы осенней; отсутствие травы лишаетъ его возможности крѣпко залечь (затаяться) и близко подпустить къ себѣ собаку; но все-таки онъ много смиреннѣе весенняго бекаса. Эта лучшая дичь болота по вкусу и наружности достается довольно легко охотнику; полетъ его большею частію прямой, и спуделеванный (не убитый) дупель перемѣщается недалеко (*).

Съ перваго Іюня всѣ птицы садятся на гнѣзда, выбирая для нихъ по возможности недоступныя мѣста въ крѣпи, т. е., въ самыхъ густыхъ мѣстахъ болота или лѣса.

Говоря о весенней охотѣ, я не упомянулъ о стрѣльбѣ тетеревовъ на присады. Этой стрѣльбы нѣтъ въ окрестностяхъ Москвы по недостатку большихъ лѣсовъ.

Двадцать девятое число Іюня мѣсяца—день Св. Петра и Павла, есть праздникъ охотниковъ. У насъ нѣтъ, подобно Франціи, покровителя охоты (Св. Уберта), но съ этого дня разрѣшена стрѣльба правительствомъ, и каждый охотникъ считаетъ непремѣнною обязанностію быть этотъ день въ полѣ. Добыча, впрочемъ, тутъ еще очень небольшая; молодыя утки, карастели и водяныя курочки почти единственная дичь въ болотѣ. Рѣдко попадется выводокъ бекасовъ, да и въ этомъ выводкѣ пріятно развѣ убить матку и самца, а молодые еще подлѣтки летать плохо и несовершенно оперились. Немалою помѣхою охотѣ въ это время служить и то, что болота не скошены; высокая трава не даетъ собакамъ возможности далеко причувывать дичь, и самой дичи не позволяетъ свободно разгуляться; отчего она и держится большею частію въ крѣпяхъ. Эта незавидная охота въ болотѣ продолжается до половины Іюля мѣсяца, или лучше, до Ільина дня.

Горячіе любители полезнаго, соскучивъ бездѣйствіемъ, отправляются по лѣсной дичи—по тетеревамъ и куропаткамъ. Этой дичи вблизи города нѣтъ, и самая близкая охота за нею бываетъ верстъ за сорокъ.

(*) Надо впрочемъ замѣтить, что Майской охоты за дупелями на практикѣ не бываетъ, потому-что съ первато Мая всякая стрѣльба по дичи запрещена; но иногда для молодой собаки охотникъ идетъ въ болото безъ ружья, и, чтобы познакомить ее съ дичью, нѣсколько разъ перемѣщаетъ дупеля; отсюда-то и взяты помѣщенныя здѣсь наблюденія.

Стрѣльба тетеревовъ имѣетъ свою занимательность, особенно въ это время. Очень рѣдко поднимается одна птица; большею частію нападаешь на цѣлый выводокъ, въ которомъ бываетъ до десяти штукъ. Поднимаются они вѣсть, есть случаи для ловкаго двойнаго выстрѣла, а пара, убитая на подъемѣ, — рѣдкій и лестный подарокъ охотнику. Къ несчастію, очень немногіе стрѣляютъ тетеревовъ изъ-подъ собаки каждаго; а обыкновенно, нашедши выводокъ, стрѣляютъ въ него на удачу, чтобы онъ разсѣлся порознь. Потомъ дѣлаютъ себѣ маленькіе шалаши, садятся въ нихъ, и, подражая свисту тетеревенка, подманиваютъ къ себѣ всю семью на десять и менѣе шаговъ. Прежде всѣхъ прибѣгаетъ матка, а за нею и остальные. Куропатокъ же чаще стрѣляютъ изъ-подъ собакъ. Поднявши выводокъ, остаются на одномъ мѣстѣ около часа, и тогда куропатки начинаютъ между собою перекликаться; на голосъ ихъ пускаютъ собаку, и, при удачѣ, подбираютъ весь выводокъ, въ которомъ бываетъ иногда штукъ до двадцати и болѣе.

Съ половины Іюля начинается настоящая дѣльная охота; болотная дичь выбирается изъ крѣпей и разгуливаетъ по чистымъ болотамъ, гдѣ вновь подросшая послѣ сѣнокоса трава (отава) даетъ ей возможность укрываться отъ собаки. Время это можно назвать вылетомъ дичи; въ отличіе отъ пролета, который начинается съ половины Августа и продолжается до морозовъ. Подъ вылетомъ надо разумѣть то время, когда дичь мѣстовая, то-есть, выведшаяся вблизи, выбирается въ мѣста для стрѣльбы удобныя; а подъ пролетомъ то, когда она пробирается на югъ изъ странъ хоюдныхъ. Хотя въ послѣднемъ случаѣ она только гоститъ въ нашихъ болотахъ, но встрѣчается гораздо въ большемъ количествѣ. Время это есть лучшее время для охотника; выходи хоть каждый день въ поле, — все найдешь, чѣмъ позабавиться: пойдешь въ болото, гдѣ помокрѣе, — поднимаешь бекасовъ, пойдешь, гдѣ посуше, — бьешь дупелей.

Съ половины Сентября, иногда нѣсколько дней ранѣе, начинается охота по вальшнепамъ въ лѣсу. Охотникъ тутъ бываетъ въ затрудненіи, хочется идти въ лѣсъ за вальшнепами, а въ болотѣ есть еще дупель и бекасы; не знаешь, чему дать предпочтеніе. Правда, что дупеля тутъ уже рѣдки, но за то бекасовъ еще довольно, и всѣ такіе жирные и такъ смирно поднимаются, что охота въ болотѣ еще поява соблазна. Чаще однакожъ идешь въ лѣсъ. Бить вальшнепа по быстротѣ его полета было бы не трудно; летитъ онъ не очень бойко, да и птица большая; за то стрѣляешь

его въ лесу. часто въ такомъ густомъ мѣстѣ, что увидишь его на одно мгновеніе, а иногда только слышишь полетъ его. Вальничковъ вокругъ Москвы бываеъ болѣе, чѣмъ всякой другой дичи, стрѣляютъ ихъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ города. Проходите чѣтыре, пять верстъ за заставу, и почти въ каждаыхъ издоухахъ (молодой лѣсъ) будете поднимать ихъ, особенно, если удришь сильный морозъ—эта повѣстка послѣдняго ихъ отбытія. Морозовъ этихъ, которые въ концѣ Сентября бываюгъ у насъ уже довольно часты, не боятся только гаршнепы. Одигъ снѣгъ заставляеъ ихъ окончательно убратъся во свои. Если же нѣтъ еще снѣга, то ихъ можно найти даже въ такомъ болотѣ, которое замерзю. Тутъ они поднимаются очень неохотно; лежать такъ крѣпко, что часто собака, послѣ долгой стойки, возьмешъ и принесешъ его живаго

Съ началомъ Октября кончается охота по дичи пернатой, которая къ этому времени вся уже перебралась въ теплыя страны. Остаются оди зайцы. До перваго снѣга стрѣляютъ ихъ на узеркѣ. Къ зимѣ обыкновенно заяцъ бѣлѣеъ, такъ-что его можно увидать издалека, и чѣмъ онъ бѣлѣе, тѣмъ крѣпче лежить и ближе подпускаеъ къ себѣ охотника.—Нападешъ снѣгъ, и уже только немногіе идуъ искать зайца по порошкѣ и холодно, и выследить его трудно. Разбирать всѣ хитрыя свороты и скидки бѣлка въ особенности,—удаетсѣ только опытному охотнику. Порошею заклочается охотничья пора: стрѣлять нечего. По воскресеньямъ собираются только стрѣлки въ Охотный рядъ, на тѣмъ называемую собачью площадку, и тутъ услышите вы были и небывалы о прошедшемъ сезонѣ, съ которыми постараюсъ познакомиться читателей, но прежде скажу нѣсколько словъ о ружьяхъ и собакахъ, употребляемыхъ нашими охотниками. В. В.

Малочка.

— Въ Курскихъ Губер. Вѣдомостяхъ (N 36), помѣщено нѣсколько народныхъ загадокъ, «какъ матеріаломъ для описанія Курской губерніи.» Какія изъ нихъ исключительно принадлежать одной Курской губерніи—опредѣлить невозможно; но многія изъ числа помѣщенныхъ загадокъ точъ въ точъ какъ Малороссійскія въ собраніи г. Сементовскаго (о комъ мы говорили въ свое время); иныя же намъ случалось слышать въ нѣсколькихъ Великороссійскихъ губерніяхъ. Сколько замысловатости въ нѣкоторыхъ загадкахъ, и какъ далеко народный умъ опередилъ здѣсь современныя

ребусы, какъ ни хитро придумываются эти послѣднія Французскою Иллюстраціею! Извольте разгадать, напримѣръ, вотъ это: «ты во мнѣ, а я въ тебѣ». (Душа). «Изъ чловѣка вышла душа и тѣло: что съ этимъ дѣлать?» (Крестить). «Мать меня рождаетъ, а я ее» (Ледъ). «Спородила меня гора каменная, крестила рѣка огненная, возили на торгъ продавать, покупала меня барыня добрая, ударила золотымъ перстнемъ: рассыпались мои кости бѣдныя, во гробъ не положены, на нихъ люди не глядятъ и собаки не гадятъ.» (Горшокъ). Любопытно, что загадки, относящіяся къ чловѣку, къ частямъ его тѣла, не отличаются разборчивостью выражений, отсылаясь болѣе или менѣе насмѣшкою. Напр. «На двухъ колахъ бочка, на бочкѣ кочка, на кочкѣ лѣсъ, а въ кочкѣ бѣсъ.» Это и есть самъ чловѣкъ. — Нѣкоторыя изъ загадокъ, по складу, по оборотамъ рѣчи, очевидно принадлежать старинѣ; другія же навѣрно появились въ последнее время, и въ нихъ замысловатость уже не просто народная. Такова слѣд. загадка: «Въ небѣ одна, въ землѣ ни одной, а у бабы двѣ.» Это говорится про букву б, и, безъ сомнѣнія, придумано какимъ-нибудь хитрымъ грамотеемъ. — Ожидаемъ отъ редакціи Курскихъ Вѣд. продолженія этого любопытнаго собранія.

— Здѣсь, въ Москвѣ, г. Садовскій рѣшилъ испробовать свои силы на драматическомъ поприщѣ, и явился передъ публикою въ «Королѣ Ларъ». Почти въ это же самое время (въ Августѣ мѣсяцѣ), одинъ изъ лучшихъ провинціальныхъ комиковъ, г. Соленникъ, также явился въ драматической роли на Харьковской сценѣ, именно въ роли Джемса Тиреля (въ драмѣ Делавина «Сыновъ Эдуарда»). Вотъ что говорятъ по этому случаю Харьковскія Губернскія Вѣдомости: «Соленникъ въ трагической роли! да еще какой: отчаяннаго убійцы!» воскликнуть, вѣроятно, иные, привыкшіе съ именемъ Соленника соединять понятіе только о веселости и смѣхѣ. Но думать такъ значить—имѣть односторонній взглядъ на г. Соленника, если не на искусство вообще. Мы видѣли когда-то г. Соленника въ роли «Матросы», и замѣтили въ немъ одинъ только недостатокъ—слишкомъ сильное увлеченіе ролью (!). Только чловѣкъ, который не въ состояніи понятія о г. Соленникѣ отделиться отъ понятія объ артистѣ, могъ смѣяться, слыша голосъ Соленника въ роли Матросы.—Такъ было и тогда, когда играли «Сыновъ Эдуарда.» Будь этотъ Джемсъ Тирель чловѣкъ безчувственный, или герой на ходуляхъ—мы не ожидали бы успѣха отъ игры г. Соленника, и пожелали бы видѣть, вместо его, какого-нибудь артиста, котораго главное достоинство состоитъ въ саженомъ ростѣ и

голосъ «аки труба гремящая», тогда была бы по Сешкѣ шапка; но въ роли Тиреля замѣшалась значительная доля истины и чувства, и Джемсъ-Тирель-Соленикъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть дурень. И действительно, когда онъ явился въ черномъ платьѣ трагическаго убійцы, его голосъ, при звукѣ котораго всѣ мы привыкли смѣяться, возбудить во многихъ изъ зрителей смѣхъ: но чѣмъ далѣе развивалась его роль—смѣхъ уменьшался, и когда въ Тирель пробудилась жалость при мысли объ убійствѣ царственныхъ малютокъ, особенно, когда онъ сталъ умолять Глостера о пощаде этимъ невиннымъ созданіямъ—речь его зазвучала такимъ глубокимъ чувствомъ, что смѣхъ замѣнился рукоплесканіями, даже тѣхъ, которые смѣялись при первомъ появленіи его на сцену»... Не прибавляя никакихъ поясненій къ этому извѣстію, мы думаемъ, что хотя, подобное, случайное сближеніе ничего не доказываетъ, но все-таки любопытно (*).

Прогрессъ, «важныя и счастливыя преобразованія» являются вездѣ; нельзя сдѣлать шагу чтобы не встрѣтиться съ ними. Скорость такая, что человекъ, который держится стариннаго правила: десять разъ отмерять, а одинъ отрезать—непрѣменно потеряетъ голову, если вздумаетъ слѣдить за ними. Важная новость по части этого прогресса, это *дѣтскія приданья*. Чтѣ это за приданья, для кого и для чего они назначаются—мы не знаемъ; но содержатели нѣкоторыхъ модныхъ магазиновъ объявляютъ о нихъ: стало быть, на товаръ есть требованіе. Выходитъ, что дѣло пошло дальше дѣтскихъ баловъ. Дѣтское приданое? Да вѣдь дитя много вырастетъ, когда ему потребуется эта житейская принадлежность; развѣ изъ платьевъ стануть выкраивать кофты? или дѣтское приданое матери перейдетъ къ дитяти-дочери? Или не хотятъ ли этой благоразумной мѣрой заранее приучить дѣвочку къ будущему ея назначенію, шутя приучить ее быть невѣстою, женою, матерью, какъ шутя выучиваютъ азбуку, географію, исторію, рукодѣліямъ, правиламъ нравственности и умнью держать себя? Или, наконецъ, не назначаются ли эти приданья для тѣхъ «адолеcцентовъ», по поводу которыхъ одинъ господинъ, года четыре тому назадъ, умилился и расчувствовался до такой степени, что вѣрно бы заплакалъ, еслибъ только въ печати допускались подобныя изліянія отъ полноты сердца? Какъ бы то ни было, но дѣтскія приданья—это очень

(*) На дняхъ здѣсь получено извѣстіе о кончинѣ Соленика. Это большая потеря для Жарьковской сцены.

хорошо; именно их-то и не доставало намъ. Дѣтскія корсеты шьются уже давно: это также благодѣяніе. Гораздо полезнѣе заблаговременно приучить свою грудь дышать подъ тисками, чѣмъ вдругъ подвергнуться этой необходимости....

Другая прогрессивная, важнѣе «дѣтскаго приданого» новость — это новый костюмъ à la Blummer. Если вы еще не знаете, какой это костюмъ (что, впрочемъ, едва ли вѣроятно), то довольно будетъ сказать, что въ немъ сдѣланъ самый рѣшительный шагъ къ эманципации прекраснаго пола, которая до сихъ поръ, какъ извѣстно, довольствовалась наиздничествомъ, стрѣляньемъ изъ пистолетовъ, куреньемъ сигаретъ, папирововъ, пахитосовъ, табахитосовъ, да кое-какими невинными социальными идеями касательно брака. Блумеризмъ пошелъ дальше въ стремленіи достигнуть полнаго равенства между прекраснымъ и не-прекраснымъ поломъ, равенства совершенно во всемъ, и присвоилъ себѣ даже ту часть мужскаго наряда, названіе которой очень рѣдко появляется въ печати. Представьте себѣ любой современный водевилъ съ переодеваньемъ, гдѣ молоденькая актриса является какимъ-нибудь bon-vivant, повѣсой и кутилой,—вотъ и костюмъ à la Blummer, съ незначительными измѣненіями; но главное его отличіе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію преобразовательницъ, главное достоинство — это все-таки «невыразимыя», такъ долго составлявшія завидное отличіе мужчинъ. Изобрѣтательница эманципированнаго костюма, Амалия Блуммеръ, родомъ Американка; но гениальная мысль ея мигомъ встрѣтила сочувствіе въ отважныхъ сердцахъ прекраснаго пола Англій и Франціи. На берегахъ Темзы и Сены тотчасъ появились дамы-реформатки. Онѣ не ограничились этимъ, и составили комитеты для распространенія новой реформы. Въ засѣданіяхъ комитета члены произносятъ рѣчи, убедительно доказывающія пользу, важность, необходимость и грацію реформы; слушатели рукоплещутъ, подносятъ ораторшамъ, въ награду за ихъ краснорѣчіе, пачки сигаръ, и число блумеристокъ растетъ съ каждымъ днемъ, смѣло идя на встрѣчу насмѣшкамъ, преслѣдованіямъ уличныхъ мальчишекъ, зваекъ и каррикатуръ. Но что до этого: истина должна восторжествовать, и ревнители эманципации навѣрно поставятъ г-жѣ Блуммеръ памятникъ, шитый изъ «невыразимыхъ». Какъ слышно, теперь готовится изданіе журнала, подъ названіемъ: «Блумеристъ», который будетъ посвященъ вообще интересамъ эманципируемаго прекраснаго пола. Появятся ли у насъ блумеристки, у насъ, столь горячо сочувствующихъ прогрессу по части

модь, —это еще неизвестно. Мы, съ своей стороны, желая принести посылную дань—не блумеризму, а тѣмъ изъ любезныхъ соотечественниковъ, которые страдаютъ предприимчивостію,—рѣшаемся обнародовать проэктъ, тѣсно связанный съ новою реформою. Мы могли бы одинъ воспользоваться предлагаемымъ проэктомъ; но общее благо дороже всего. И такъ, слушайте. О чемъ хлопотуть послѣдовательницы блумеризма?—О «невыразимыхъ»!—Какого покроя должны быть эти «невыразимыя»?—Восточнаго. Намъ только это и нужно. Грузія, Закавказье—у насъ подъ рукою; съ Персіей и Турціей мы въ непрерывныхъ сношеніяхъ; Китай тоже отъ насъ не за двѣнадцать земель: а во всѣхъ этихъ странахъ, «невыразимыя», или, по-просту, шаровары, давнымъ-давно украшаютъ прекрасный полъ, который и не подозреваетъ, какъ далеко опередилъ онъ въ дѣлѣ эманципации Европу. Чего же лучше? Заведемъ торговлю «невыразимыми», устроимъ склады ихъ во всѣхъ значительныхъ городахъ, и будемъ наживать барыши, не боясь ничьего соперничества, никакой конкуренціи, потому что нигдѣ не сошьютъ такихъ граціозныхъ «невыразимыхъ», и нигдѣ нельзя купить ихъ такъ дешево, какъ на Востокъ, и на Нижегородской ярмаркѣ. Если понадобится, мы въ состояніи снабдить этимъ товаромъ весь прекрасный полъ Европы. Главное въ этомъ блистательномъ предпріятіи—не надобно медлить, ковать железо, пока горячо. Русскій человекъ не даромъ считаетъ Нѣмца хитрымъ: Нѣмецъ, придѣ ему въ голову подобная афера, тотчасъ составитъ компанію на акціяхъ для осуществленія ея, и тогда — плакали наши любезныя денежки: ему же будемъ платить втри-дорога за то, отъ чего могли бы нажить сами рубль на рубль.

—Если прекрасный полъ облечется въ «невыразимыя», что же остается дѣлать не-прекрасному? Носить юбки—болѣе ничего. Въ Японіи носятъ же эту часть женскаго наряда—и не краснѣютъ. Или, съ горя, приняться за составленіе національных костюмовъ? По крайней мѣрѣ конгрессъ Нѣмецкихъ портныхъ, собиравшійся недавно въ Дрезденѣ, имѣлъ нѣсколько засѣданій для обсужденія этого вопроса. Много было произнесено очень умныхъ рѣчей, еще болѣе—выразительныхъ ја, ја, во, во, — много выкурено табаку и выпито биру, — но вопросъ все-таки не рѣшенъ окончательно, и судьба мужчинъ все еще виситъ на волоскѣ.... (*) Нѣкоторые изъ иностранныхъ знаменитостей портнаго искусства, удостоившія Московію своимъ переселеніемъ, также занимались

(*) Многого можно ожидать отъ новаго Французскаго журнала: «Progrès (каково!), Journal des véritables intérêts de l'art du tailleur.»

вопросомъ о реформахъ въ мужскомъ костюмѣ. Съ этою цѣлю они изволили съѣздить въ Парижъ, и по дорогѣ (такая видно у нихъ географія, доставшаяся по наслѣдству отъ г-жи Простаковой) посѣщали Лондонскую выставку. По возвращеніи, они не замедлили объявить своимъ кліентамъ о совершенномъ ими вояжѣ, и о томъ, что они привезли огромные ассортименты «новостей всякаго рода». Новости эти заключаются въ сукнѣ, трико, пуговицахъ, и тому подобномъ. Всѣ онѣ очень казисты, но и цѣна имъ болѣе, чѣмъ казистая. Оно, впрочемъ, такъ и должно быть: господа артисты иглы для нашего же блага предпринимали путешествія; следовательно, мы должны заплатить за ихъ путевые расходы, и въ придачу накинуть нѣсколько процентовъ за вкусъ, которымъ до сихъ поръ не обзавелись. Чтѣ дѣлать: у насъ еще очень мало людей, которые «привыкли угадывать вкусъ образованной публики».

— Волею судьбы, къ самому концу приходится сообщить самое грустное извѣстіе, такое грустное, что едва достаетъ духу написать эти строки. Плачьте, плачьте всѣ, у кого есть слезы и жалостливое сердце! *Мехика* приказала долго жить.... «Какъ, чтѣ такое, какая Мехика?» — Мехика, Мехика—неужели не знаете? — «Это, кажется, въ Америкѣ?» — Вы говорите про *Мексикку*: нѣтъ, Мексика живетъ себѣ по маленьку (хотя не совсѣмъ благополучно), а скончалась Мехика во цвѣтъ лѣтъ, сраженная косою неумолимой филологіи.... Помните ли вы то время, когда, Богъ вѣсть, откуда, появилась въ нашей литературѣ мекхикоманія: исторія Мехики, древности Мехики, новыя открытія въ Мехикѣ, гражданскій бытъ древней Мехики, Мехиканскія божества, Мехиканскія стихотворенія—только и рѣчи было почти во всѣхъ нашихъ журналахъ и газетахъ. Право давности уже начало утверждаться за Мехикой, какъ вдругъ, въ прошломъ мѣсяцѣ этого года, одинъ филологъ рѣшился доказать неосновательность Мехиканскаго чтенія и возстановить права прежней Мексики (см. Ж. М. Нар. Просв., N 10). Онъ исполнилъ это самымъ ученымъ образомъ, и Мехикоманы потерпѣли полное пораженіе. Огорченная до глубины буквы х, Мехика хотѣла—было окончить печальные дни свои въ уединеніи отъ свѣта, но рука мщенія неумолимой Мексики сразила ее.... Всего житія благополучной Мехики было четыре года, два мѣсяца и шесть дней.

— Еще два замѣчанія: въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ Петербургской газеты *Фортуль*, нововыпеченный Министръ Морской, объявленъ бывшимъ деканомъ въ *Эксп!* Здѣсь надо разумѣть вородъ Э, Аіх, на Югв, родину Тьера. А въ Московской газетѣ.

Владыка Черногорскій, Петръ Петровичъ, названъ гвѣгусомъ вмѣсто Нѣгопа!!

—Въ дополненіе къ извѣстіямъ о наградахъ Русскимъ экспонентамъ (см. 21 N) на Лондонской выставкѣ, сообщаемъ слѣдующее. Кромѣ исчисленныхъ лицъ, медали 2-го разряда получили: г-жа Попикова (изъ Тифлиса), за подушки, шитыя золотомъ по бархату, и фабрикантъ Питансіе, за стеариновыя свѣчи; г. Ершовъ получилъ медаль за пшено, а не за пшеницу-кубанку, за которую онъ удостоился «публичной похвалы». Этой послѣдней, изъ числа нашихъ экспонентовъ, признаны достойными 67 лицъ. Между ними встречаемъ имена: Доктева, Залогина (за шелковыя издѣлія), Сытова (за парчи), Ревиліона (за типографскіе шриоты), Лихтенталя (за фортепіано), Дрегера (за хромофотографію), Графа Толстаго (за медали), и др. Вообще, число всѣхъ наградъ въ отношеніи къ числу нашихъ экспонентовъ, (коихъ было 365), болѣе, нежели удовлетворительно ...

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАМѢЧАНІЕ.

Въ 34 N Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей помѣщена дѣльная статья г. Красова о числѣ концевъ въ древнемъ Новѣгородѣ. Подобными изслѣдованіями всего успѣшнѣе, разумеется, могутъ заниматься мѣстные ученые и любители. Сличая разныя показанія о концахъ, авторъ говоритъ: «При сличеніи описи съ лѣтописями легко можно заключить, что тѣ улицы, которыя опись показывають въ Гончарскомъ концѣ, помѣщаются лѣтописцемъ въ Людинѣ. Следовательно должно заключать, что первоначально эти мѣста назывались или Людинымъ, или Гончарскимъ концомъ, и что во всякомъ случаѣ мѣстность носила разное названіе. Въ Нѣрядной описи Гончарскій конецъ называется древнимъ, тогда какъ Людинѣ новымъ; принявъ это за истину, мы необходимо должны подорвать достовѣрность лѣтописи, именно, — должны будемъ думать, что лѣтописцы говорили несправедливо, помѣщая какую-нибудь улицу въ такомъ концѣ, котораго названіе произошло въ послѣдствіи времени.»

Вотъ то-то и есть, что мы, не уразумѣвая что-либо въ древнихъ свидѣтельствахъ, не должны, не должны, не должны тотчасъ усомниться въ ихъ достовѣрности, а искать средствъ понять оныя, потому что, появивши какъ слѣдуетъ, мы всегда почти убѣждаемся въ достовѣрности, а не наоборотъ. У насъ была цѣль

школы, приходившая къ заблужденіямъ именно этой ошибкой въ процессъ разсужденія.

Хорошо, что авторъ не подвергся этому грѣху, но лучше, еслибъ онъ не употреблялъ и выраженія «подорвать достовѣрность лѣтописей».

«Такъ какъ въ лѣтописяхъ», продолжаетъ онъ, «не однажды, а нѣсколько разъ къ Людину концу относятся такія улицы, которыя въ описи показаны въ Гончарскомъ, то мы необходимо должны признать, что это не есть ошибка переписчиковъ. По видимому надобно признать достовѣрность или описей или лѣтописей. «Согласить это кажущееся противорѣчіе можно не иначе, какъ допустивъ, что первоначально тѣ мѣста, которыя въ описи числятся въ Гончарскомъ концѣ, носили названіе Людина, и слѣдственно названіе конецъ Гончарскій есть позднѣйшее. Впрочемъ перемѣна названія не измѣнила самой мѣстности; въ описи не ошибочно сказано, что Гончарскій конецъ принадлежитъ къ числу древнихъ; только мы должны это понимать такимъ образомъ: мѣстность, занимаемая въ началѣ XVII столѣтія Гончарскимъ концомъ, принадлежитъ къ древнимъ населеннымъ частямъ города, хотя она прежде носила названіе не Гончарскаго, а Людина конца».

Вотъ это такъ! И такъ достовѣрность лѣтописи не подорвалась, а подтвердилась, лишь только извѣстіе уразумѣлось.

Далѣе слѣдуютъ прекрасныя доказательства, безъ *противнаго умничанья*, о тождествѣ сихъ концовъ.

Въ примѣчаніяхъ авторъ отвергаетъ принадлежность устава о мостовыхъ Ярославу I, вслѣдствіе упоминовенія въ немъ церкви Бориса и Глѣба, построенной въ 1167 году, и замѣченной Карамзинымъ.

Я не разъ уже подавалъ мнѣніе, что Ярославовъ уставъ о мостовыхъ заслуживаетъ особой монографіи, которую всего лучше можно предпринять въ Новгородѣ.

Къ теперешнему возраженію автора можно приложить также вышеприведенное правило: постараться прежде понять дѣло, чѣмъ отвергать при первомъ недоумѣніи.

Подъ 6675=1167 годомъ, въ Новгородской древнѣйшей лѣтописи сказано: «на ту же весну заложи Сѣдко Сытиничъ церковь камяну святую мученику Бориса и Глѣба.» А не могла ли прежде быть деревянная? Я думаю—именно такъ. Такова была и церковь Св. Софіи, сперва деревянная, а потомъ каменная; о послѣдней именно сказано даже тѣми словами, какъ и о Борисоглѣбской: «6553=1045

сгорѣ Святая Софія въ субботу по заутренѣ, въ часѣ 3, м. Марта въ 15. Въ то же лѣто заложена бысть святая Софія, Новогороде, Володимеромъ Княземъ.»

Итакъ вѣрно на мѣстѣ заложенной въ 1167 г. каменной была деревянная церковь Бориса и Глѣба, но все таки она не могла быть Ярославова времени, ибо при Ярославі церквей во имя Св. мучениковъ еще не было.

Карамзинъ говоритъ, не знаю на какомъ основаніи, что Сотко въ 1167 г. выстроилъ церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла деревянная (дубовая) Софійская церковь, въ концѣ Епископской улицы, на берегу Волхова, сгорѣвшая, по лѣтописи попа Іоанна, 1049 г. (см. т. II, пр. 45) въ субботу, марта 4.

Какъ же согласить это извѣстіе съ первыми? Если церковь св. Софіи въ 1049 г. сгорѣла, а прежде заложена еще была на другомъ мѣстѣ, (не вышшемъ), то на мѣстѣ сгорѣвшей выстроена была вѣроятно въ другое имя: Св. Бориса и Глѣба. Положимъ это такъ, но вопросъ остается прежній: какъ Борисъ и Глѣбъ, хотѣ деревянный, попалъ въ Ярославовъ уставъ. Пока должно предположить, что переписчикъ не могъ или не хотѣлъ поставить въ переписываемомъ уставѣ: до Святой Софіи,—ибо Святая Софія въ его время, (какое бы то ни было), была уже на другомъ мѣстѣ; онъ поставилъ ту церковь, которая ее замѣнила, т. е. Бориса и Глѣба. Слѣд. мнимый анахронизмъ объяснить можно безъ ущерба памятнику.

Не могу приписать уставъ вмѣстѣ съ г. Красовымъ другому Ярославу, еще потому, что всякой другой Ярославъ былъ бы отличенъ отчествомъ (Изяславичъ, Всеволодовичъ), а въ древнѣйшемъ спискѣ устава сказано: «а се уставъ Ярославъ о мостѣхъ», и притомъ сказано *вслѣдъ за Правдою*, на что указываетъ и сходство древняго языка. Вотъ мой отвѣтъ на прекрасное замѣчаніе г. Красова. М. П.

НИЩЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАМѢЧАНІЕ. Въ послѣднемъ № Москвитанина помѣщено было заимствованное изъ Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостей извѣстіе *дозорной* книги города Галича о томъ, что въ г. Галичѣ въ XVI вѣкѣ состояли при церквахъ убогіе дома, *избы*, въ которыхъ помѣщались нищіе, питавшіеся отъ церковной милостыни.

Въ дополненіе къ этому извѣстію *дозорной* Галичской книги приводимъ слѣдующее не менѣе любопытное извѣстіе, заимствуе-

мое изъ рукописнаго Сборника, о которомъ извѣщено было въ предыдущихъ 18 и 19 N Москвитянина,—извѣстіе о томъ, что вообще при церквахъ состояли также вмѣстѣ съ богадельнями училища или школы, въ которыхъ учителя получали плату, а бѣднѣйшіе изъ учениковъ пособие—также изъ доходовъ церкви: «Добро же» сказано въ одной статьѣ Сборника—«и церквамъ давати имѣнія для трехъ ради винъ: первая причина: дабы служители имѣли выхovanje; другая причина: дабы училища или школы были могли; ибо наставникомъ платити потреба, а ученикомъ убогимъ докладыти церковь имать; третья вина: дабы нищимъ было выхovanje».... Сборникъ, изъ котораго взяты приведенныя слова, относится, по всей вѣроятности, къ концу XVI вѣка, какъ было сказано о немъ, но тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что заведеніе училищъ при церквахъ, въ какой-бы то ни было формѣ, современно началу книжнаго ученія, насажденнаго, по свидѣтельству лѣтописи, еще святымъ просвѣтителемъ Россіи, Княземъ Владимиромъ. Положительныхъ свѣденій о томъ, какіе предметы входили у насъ въ кругъ книжнаго ученія, мы не имѣемъ; поэтому считаемъ неизлишнимъ привести слѣдующія слова изъ того же Сборника, проясняющія нѣсколько это дѣло, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время въ южной Россіи, «...Нехай учатся христіане (рѣчь идетъ о воспитаніи) наукъ потребныхъ, яко: писанію, богословію, потомъ иныіе судьбамъ (не исторіи ли?), лекарству и инымъ почтивымъ наукамъ, тѣ же и воинства, дабы церкви напотомъ услужити могли и умѣли».... О порядкѣ, которому слѣдовали въ ученіи Св. Писанію, вообще *Божественнымъ наукамъ*, какъ значится въ Сборникѣ, можно судить изъ слѣдующихъ словъ его: «...Ино отци повинни ся о дѣти старати, абы разумѣли о Богѣ, о Законѣ Божиѣмъ, о благовѣствованьи або о благодати Божіей, которую намъ о Сынѣ Своемъ далъ, таже о страшномъ судѣ и о вѣчномъ животѣ.» Такимъ образомъ, по мѣрѣ знакомства съ памятниками древней письменности нашей, мнѣніе о какой-то дикости и грубости древняго отечества нашего должно постепенно уступать мѣсто болѣе современному взгляду.

Въ другомъ мѣстѣ этого примѣчательнаго отрывка говорится о милостынѣ вотъ что: «милостына паки имать быти давана преже, гдѣ суть діакони, до діаконовъ, (рѣчь несовсѣмъ понятная), а они милостыню собирають, а убогихъ берегутъ, дабы якоє вужи не терпѣли.» Мы возвратимся, можетъ быть, еще къ этому любопытному Сборнику.

В. Мстиславскій.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАМѢЧАНІЕ. Г. Аеанасьевъ въ 6 N Отечественныхъ Записокъ за нынѣшній годъ помѣстилъ статью «Религіозно-языческое значеніе избы Славянска», въ которой между прочимъ предлагаетъ, какъ одно изъ основаній для своихъ выводовъ, этимологическое производство слова *изба*. «Изба» говоритъ онъ, «въ древнемъ языкѣ Нестора — *истонка* (ист(ь)ба), происходятъ отъ глагола *тонить* (изъ-тонить)» Это не такъ:

Ошибка г. Аеанасьева заключается въ томъ, что онъ форму *истонка* беретъ за первоначальную, и изъ нея выводитъ (неизвѣстно, по какимъ законамъ,) форму *истьба* (у него *истба*); въ то время, какъ *истонка* есть ничто иное, какъ уменьшительное отъ *истьба* или *истьба*,¹ точно также, какъ современная форма *изобка* есть уменьшительное отъ *изба*.—*Изобка* и *истонка* отъ *изба* и *истьба* образованы также, какъ *изолка* отъ *изли*, *изорка* отъ *игра*, *шорка* отъ *шкра* и т. д. Кромѣ общихъ законовъ словопроизводства, въ вѣрности нашего мнѣнія убѣждаетъ насъ лѣтописное правописаніе этого слова. Изъ четырехъ извѣстныхъ намъ мѣстъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ, въ одномъ только пишется *истонка*, въ остальныхъ трехъ *истобка* (даже *истобька*).—Вотъ эти мѣста:

1) 945 г. Они же пережгоша *истонку*, и т. д. Лав. сн. Изд. Тимк. ст. 29.

2)—И запроша о нихъ *истобьку*² (черезъ нѣсколько словъ послѣ 1-го мѣста).

3) 1097. И выльзе противу его Снятополкъ, и вѣдоша въ *истобку*. Пол. Соб. Лѣт. Т. I, ст. 110.³

4)—И вѣдоша и въ *истобку* малу. *Ibid.* ст. 111.

Изъ этихъ четырехъ мѣстъ,⁴ только первое могло бы быть

¹ Въ XII ст. ѣ и ѣ часто замѣняютъ другъ друга; напр. «азъ вѣлялъ бѣхъ съ лихвою». Иоан. Экз. Бол. ст. 31, изд. Кал.

² Такъ у Тимковского, а у Березникова поставлено и въ другомъ мѣстѣ *истоньку*: которое же чтеніе правильнѣе? М. П.

³ Обращу вниманіе г-на Ф. на варіантъ Хлѣбниковаго списка, которой можетъ онъ употребить въ пользу: *истьбу*. М. П.

⁴ Есть еще пять мѣстъ, которыя говорятъ также въ пользу г-на Ф., а именно: 1093. Святополкъ.... Изъймавъ сѣмъ всажа ѣ въ *истьбу* (*выстебу* хлѣб. въ *избу*, *увызбу*, Радз. и Тр.). подъ 1095 г. «Пристрои Ратиборъ отроки въ оружіи, *истобку* (такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ, а въ прочихъ, то есть, Ипатьевскомъ, Хлѣбниковакомъ, Радзивиловскомъ, Троицкомъ *истьбу*) истопити имъ. По вышеупомянутымъ мѣстамъ г-на Ф. можно бы еще сомнѣваться, почему производное *истобка* встрѣчается, (хотя это и могло быть случайно), прежде своего кореннаго,—но въ этомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ первую коренную форму *истьба*, которая не оставляетъ, кажется, никакого сомнѣнія.

Во второмъ мѣстѣ при описаніи того же происшествія мы встрѣчаемъ даже *избу*: «зоветь вы Князь Володимеръ... обушеся въ теплѣ *избъ* заутрокавши у Ратибора, прѣздите ко нмъ.»

Третье и четвертое мѣста имѣютъ также ѣ, а не п: «яко вѣзгоша въ *истобку*, тако запрена быша. Вѣзгаше на *истьбу*, проковаша и верхъ... удари Иллари въ сердце. М. П.

полезно г. Аеанасьеву; но стоитъ только взять въ расчетъ, что б передъ к, какъ мягкая передъ твердой, перешла въ соответствующую ей твердую л, тогда и это единственное мѣсто не будетъ въ состояніи оправдать словопроизводства г. Аеанасьева.

Рецензентъ г. Аеанасьева, г. Пласинъ, (*) производятъ *изба* отъ *избавить*. Признавая за г. Пласиннымъ полное превосходство надъ г. Аеанасьевымъ въ знаніи Русскаго быта и живости взгляда на предметъ, мы должны сказать, что его производство еще дальше отъ истины. Впрочемъ г. Пласинъ не дѣлаетъ изъ своего словопроизводства никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ, что значительно облегчаетъ его отвѣтственность. А г. Аеанасьевъ, положивъ, что *истопка* происходитъ отъ *топить* (изъ-топить), заключаетъ: «Славянинъ далъ своему жилищу названіе отъ того свидѣннаго, въ глазахъ азычника, дѣйствіа, которое совершается на очагѣ.»

Это очень неосторожно. — Жаль, что г. Аеанасьеву, при его замѣчательномъ трудолюбіи, не достаетъ живаго знакомства съ Русскимъ народомъ; безъ этого нельзя сдѣлать нигу по той дорогѣ, которую онъ выбралъ. *Филиповъ.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ПРИОБРѢТЕНІЯ СЪ ЭКЗИБИЦИОННЫМЪ ЗАМѢЧАНІЕМЪ. Нынѣшній мѣсяцъ начался очень счастливо. Явился новый охотникъ и собиратель старопечатныхъ книгъ, Кіевскій книгопродавецъ Ст. Ив. Литовъ. Изъ большаго собранія его книгъ я приобрѣлъ нѣсколько недостававшихъ у меня изданій Львовскихъ, Кіевскихъ, Почаевскихъ, но самая величайшая рѣдкость—это Евангеліе, напечатанное на югѣ, къ сожалѣнію безъ выходнаго листа. Думаю, что оно напечатано въ Руинскомъ монастырѣ 1537 года, и не значится ни въ одной Европейской библіотекѣ. Для удостовѣренія посылаю къ Шафарику одинъ листокъ. Г. Литовъ, имѣющій хорошія свѣденія въ библіографіи, обѣщалъ мнѣ дополнить мое собраніе немногими недостающими у меня изданіями, и я очень радъ, что нашелъ себѣ знающаго корреспондента въ Кіевѣ.

Сдѣлалъ я и промахъ при покупкѣ старопечатныхъ книгъ, который принесъ впрочемъ пользу обнаруженіемъ одной ошибки въ драгоценномъ Каталогѣ Сахарова. (До сихъ поръ Москвитанинъ не извѣщалъ о немъ, ожидая продолженія, равно какъ и продолженія другихъ его полезнѣйшихъ изданій). Вотъ

(*) См. Москв. № 19 и 20, ст. 574.

какъ это случилось: я просилъ вѣрнаго своего комиссіонера Т. О. Большакова разсмотрѣть продававшіяся книги, и сдѣлать мнѣ записку о тѣхъ, которыхъ у меня не доставало. Онъ написалъ мнѣ между прочимъ Евангеліе, Москва, 1634. Я обратился тотчасъ къ Сахаровскому списку, и увидѣлъ, что этого Евангелія нѣтъ нигдѣ ни у одного любителя, а только въ библіотекѣ Синодальскаго монастыря и Софійскаго собора. Такая рѣдкость подстрекнула меня, и я погнался за всѣмъ собраніемъ. Получилъ Евангеліе и разсмотрѣлъ: оно начато печатаніемъ въ 1633 г. и кончено въ 1634, слѣд. то, что описано у Сахарова подъ 302 нумеромъ, и пропущено Сопиковымъ. Или лучше — Сопиковъ, съ которымъ я не могу теперь справиться, поставилъ вѣрно его подъ годомъ окончанія, N 280. Слѣдовательно Сахаровскіе два нумера 302 и 312 должны быть соединены въ одно, а я приобрѣлъ Евангеліе рѣдкое, но не слишкомъ. *М. П.*

ОТВѢТЪ МОСКВИТАНИНА ОТИЧЕСТВЕННЫМЪ ЗАПИСКАМЪ.

Одинъ изъ старшихъ, знаменитѣйшихъ Русскихъ писателей, чье имя съ особеннымъ уваженіемъ привыкла давно произносить вся просвѣщенная Европа, чье образцовое сочиненіе о догматахъ греческой Церкви за 30 лѣтъ принято съ восторгомъ всеми сынами ея, и съ почтеніемъ, удивленіемъ, всеми европейскими учеными, не только богословами, сказалъ въ Москвитянинъ о Лондонской выставкѣ нѣсколько глубокихъ, красноречивыхъ, поражающихъ истиною словъ, какихъ не сказалъ еще никто,—повторимъ ихъ опять:

«При ослѣпительномъ блескѣ всемірной въ Лондонѣ выставки, на которой практической умъ человека, тѣсно сроднившійся съ веществомъ, воплощается въ безчисленныхъ видовъмѣненіяхъ зачѣйливаго искусства — едва ли будетъ кстаті заговорить о чемъ-нибудь иномъ, постороннемъ. Едва ли не покажется страннымъ указывать на звѣзды духовнаго міра, въ ту самую минуту, когда солнце промышленности стало на своемъ зенитѣ, и отвѣсными лучами своими простираетъ повсюду жаркій, томительный полдень! Лондонская выставка сосредоточила нынѣ всеобщее вниманіе до такой невѣроятной степени, что у современнаго человечества теперь одинъ только взглядъ, устремленный на одну и ту же точку въ пространство—туда, гдѣ Владычица морей сановито угощаетъ пріѣзжихъ со всего блага свѣта, выставивъ передъ ними груды вещества и несметныя издѣлія хитраго творчества—словно ширму испанскаго развѣтра—за которою на роскошной постели, пританчившись, лежитъ трудно-больной, самодовольный вѣкъ нашъ! Да—горделивый страдалецъ богатъ всеми земными благами, кромѣ здоровья! Къ нему стеклись поклонники со всехъ концовъ земли съ привѣтствіями и возгласами, съ давню удивленія и восторженныхъ похвалъ; но отъ нихъ больному, увы, ни чуть не легче! Впрочемъ,

какъ ни стали бы судить о больномъ и его богатствѣ, позво-
тельно наблюдателю сомнѣваться въ прямой пользѣ Лондонской
выставки, но отрицать знаменательность этого безпримѣрнаго все-
ленскаго зрѣлища, не возможно. Въ немъ высказался XIX вѣкъ
какъ въ эпопее, ему свойственной. Всемирная выставка на берегахъ
Темзы, совпадающая съ преполовненіемъ шестнадцатаго столѣтія, воз-
вѣщаетъ весьма многое чуткому слуху, ложно обобщая земно-
роднымъ возможность какого-то бездушнаго братства, осно-
ваннаго на соревнованіи и взаимныхъ выгодахъ, безъ соучастія
взаимной христіанской любви. Но въ то же время, Лондонская
выставка говоритъ намъ и правду; она обнаруживаетъ силу ра-
зумнаго и дружнаго трудолюбія: какой спасительный урокъ!
Ибо работа и трудъ для грѣшнаго человечества то же, что гро-
мовой отводъ для высокаго, но шаткаго зданія, подъ ударами грозы.»

А Отечественныя Записки, выпувъ изъ этой превосходной
рачи, исполненной мыслей, слово *ширма*, вздумали надъ нею поглу-
миться: «Москвитяину», говорятъ они, «шестнадцатымъ годомъ посча-
стливилось на изобретенія.... Всѣ говорили о Лондонской выставкѣ,
но никто не могъ сказать въ точности, что она такое въ собст-
венномъ смыслѣ. Шестнадцатый номеръ Москвитянина поималъ и
сказалъ: Лондонская выставка есть не что иное, какъ ширма ис-
полинскаго размѣра. Если не вѣрите, читайте сами».... — «И между
тѣмъ какъ владѣлица морей выставилъ ширму, планетныя си-
стемы продолжаютъ свой путь, онъ въ томъ же номерѣ М. изъ ст.
378, неуклюже вращаются около своихъ средоточій: это неуклю-
ное вращеніе, конечно, интересно и само по себѣ, но въ соединеніи
съ исполинской ширмой и не менѣе исполинскимъ фасадомъ Еги-
петскихъ пирамидъ представляетъ, по выраженію Плюшкина, та-
кой анекдотъ, какого еще не бывало отъ начала Москвитянина.
Это крайніе выводы журнала, послѣдніе его результаты, которые
онъ долженъ же былъ когда-нибудь выговорить».

Мы советовали бы Отечественнымъ Запискамъ оставить въ
покой хоть такихъ людей, какъ Стурдза, тѣмъ болѣе, что понимать
и цѣнить ихъ для нихъ можетъ быть нѣсколько затруднительно,
хотя Петербургскія вѣдомости и объявляютъ, что редакторъ Оте-
чественныхъ Записокъ давно привыкъ угадывать желанія Русской
публики.

Отечественныя Записки объявляютъ, что «Москвитяинъ»
желаетъ во что бы то ни стало, идти по слѣдамъ Петербургскихъ
толстыхъ журналовъ, а такъ какъ эти толстые (?) переводили и
переводить сочиненія Жоржа-Занда, то и Москвитяинъ началъ ихъ
переводить, хотя прежде и не переводилъ.» — Москвитяинъ идетъ
собственной своей дорогою, и къ собственной своей цѣли, идетъ
неуклюже, не измѣняя себѣ ни на минуту, и если сравнить 11-ть
лѣтъ его существованія между собою, (1811—1821), и съ Мо-

сковскимъ Вѣстникомъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ, (1827—1830), то противорѣчій не окажется. Идти по следамъ Петербургскихъ журналовъ, (разумѣя Отечественныя Записки и Современникъ), онъ никогда не подумаетъ, потому что осуждалъ эти слѣды и старался имъ противудѣйствовать, твердо и откровенно, когда они были въ полномъ своемъ блескѣ, (слабѣющимъ нынѣ книга отъ книги). Противъ толстоты онъ не говорилъ никогда ничего, а вопіялъ противъ балласта, противъ всякой всячины, противъ семи смертныхъ грѣховъ, которыми наполнялись они. Хорошаго же чѣмъ больше, тѣмъ лучше, всегда и вездѣ. Жоржъ-Занда Москвитинѣ не переводилъ, потому что не считалъ сочиненій его полезными для своихъ читателей, а въ послѣднее время перевелъ его драму и повѣсть, потому что видѣлъ въ нихъ содержаніе чисто литературное, — рѣшеніе вопросовъ принадлежащихъ къ области изящныхъ искусствъ, и только.

Объемъ Москвитинина увеличился потому, что увеличилось его средства. Объемъ его, увѣдомляемъ Отечественныя Записки, увеличится еще болѣе, если еще болѣе увеличатся средства, т. е., если онъ будетъ имѣть большее количество читателей; теперь уже форматъ у него готовится самый большой, который можетъ послужить ширнами Отечественнымъ запискамъ. Редакторъ ихъ, кажется, это предчувствуетъ, и вступаетъ сотрудникомъ въ редакцію Петербургскихъ Вѣдомостей, въ товарищи къ знаменитому господину Н. М.

Отечественныя записки осуждаютъ г. Благоправова, за чѣмъ онъ доводитъ до свѣденія публики разныя подробности о своей частной жизни. Г. Благоправовъ рассказываетъ не о своей жизни (про взятки Климычу читаютъ, а онъ украдкою киваетъ на Петра), а пародируетъ пародію, въ доказательство, что такое стихоплетеніе слишкомъ легко, и что такихъ писателей, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, должны журнальные мародеры оставлять въ покое.

Наконецъ въ этомъ номерѣ Отечественныя Записки указываютъ на нѣкоторыя выраженія, дурно переведенныя въ Москвитинѣ, изъ драмы Мольеръ. Москвитинѣ, принимая на себя обязанность судить о другихъ журналахъ, и предлагать имъ свои замѣчанія, готовъ всегда со вниманіемъ слушать и ихъ голосъ. Такъ точно и въ этомъ случаѣ онъ совершенно соглашается съ справедливостію нѣкоторыхъ замѣчаній, и усердно благодаритъ за нихъ, потому что онъ могутъ служить въ полезное предостереженіе для его переводчиковъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРЯНИЧНЫЯ.

Во Франціи есть маленькій городокъ *Гриньянъ*. Ни одно замѣчательное историческое событіе не совершилось въ этомъ городѣ; торговля и промышленность обошли его на пути своемъ, и имя его оставалось безвѣстнымъ въ лѣтописяхъ народныхъ. Живописно лежитъ этотъ укромный городокъ по крутому скату холма, господствуя надъ пространной долиной, по которой выются небольшія рѣчки: Берса и Леза. На вершинѣ холма, надъ самымъ городомъ и готическою колокольнею его старинной церкви, возвышался некогда прекрасный замокъ, принадлежавшій древней фамилии графовъ де-Гриньянъ. Многіе изъ нихъ занимали почетныя мѣста въ правленіи, при дворѣ, въ войскахъ, въ духовенствѣ; но эти перы, герцоги, правители, военачальники, архіепископы не оставили по себѣ слѣда, на который исторія могла-бы указать потомству; имена ихъ обречены были забвенію. Ихъ спасли отъ этого забвенія нѣсколько строкъ, нѣсколько писемъ нѣжной матери къ своей дочери, написанныхъ въ этомъ замкѣ, отъ котораго остались одиѣ только развалины. Теперь нѣтъ грамотнаго француза, нѣтъ образованнаго европейца, который не зналъ-бы мѣстечка Гриньянъ; но они знаютъ его потому только, что одинъ изъ его владѣльцевъ Франсуа-Адемаръ де Гриньянъ, графъ де Гриньянъ, генералъ-лейтенантъ Королевской службы, былъ женатъ на дочери г-жи де Севинье.

Вотъ какъ отблескъ славы безсмертитъ все, на что упадетъ лучъ ея. Фамильные портреты, дорогія изваянія графовъ де Гриньянъ не рассказали-бы потомству о ихъ существованіи, а нѣсколько словъ, скатившихся съ легучаго пера г-жи де Севинье, дали имъ извѣстность. Въ наше время нетлѣнные памятники воздвигаются не изъ бронзы, не изъ мрамора;—ихъ сооружаетъ великій зодчій—мысль, а матеріалы для нихъ заготовилъ Гуттенбергъ. Гораций сказалъ: *«Они были безвѣстны, потому что имъ недоставало поэта»*.

Г-жа де Севинье не нуждается въ памятникѣ, чтобы жить въ памяти сыновъ нашихъ, но городъ Гриньянъ задумалъ почтить ее этой данью уваженія, которою Франція почтила многихъ, не-
извѣ ея достойныхъ. Мысль эта принадлежитъ меру города Гриньянъ, который, открывая подписку, говоритъ: «Друзья г-жи де Севинье не откажутъ въ помощи городу Гриньянъ, чтобы воздвигнуть ей памятникъ. Поставимъ ея изваяніе тамъ, гдѣ она умерла, гдѣ лежитъ прахъ ея, гдѣ она расточила такъ много чувствъ, такъ много жизни материнскаго сердца».

Французы не должны колебаться. Это ихъ *отечественная слава, une gloire la plus française*, какъ выражается Жюль-Жансонъ въ журнале преній. Она дала обществу не только языкъ, но и оборотъ и тонъ разговора. Elle a debritalisé la société française, какъ говаривала про себя г-жа Рамбулье. Г-жа де Севинье первая заговорила во Франціи языкомъ внятнымъ, правильнымъ, безъ примеси чужеземныхъ выраженій. Съ этимъ искусствомъ, котораго даже она не замѣчала въ себѣ, обладала она умѣньемъ жить въ свѣтъ, этимъ шестымъ чувствомъ свѣтской личности, которое называютъ французы тактомъ. Она была одарена, кромѣ того, рѣдкими душевными качествами и сохранила честь свою безъ пятна, среди двора тщеславнаго и развратнаго. Въ письмахъ къ дочери своей она высказала чувства нѣжной, страстной матери съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, самымъ простымъ, естественнымъ, почти небрежнымъ слогомъ.

Французы обязаны поставить ей памятникъ, и поставить его тамъ, гдѣ сосредоточивалась жизнь этой женщины, въ Гриньянѣ, гдѣ она жила душою, гдѣ почла отъ заботъ и трудовъ жизни. На этомъ памятникѣ пусть начертываютъ они слова Менажа, написанныя для г-жи де Севинье еще при ея жизни.

... Questa; questa e la mia leggiadra e bella,
Oh! ogni cor prende, e, come vuol, l'aggira!

Дай Богъ, чтобы воззваніе Гриньянскаго мера возбудило сочувствіе въ Французахъ. Но до того ли имъ! До того ли имъ, когда съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе обнаруживается пагубное вліяніе настоящаго положенія дѣлъ во Франціи. Въ наше время скептическаго благоразумія, систему правленій оцѣняютъ не по началамъ, на которыхъ она основана, но по вліянію на добрый бытъ народа, на развитіе общественнаго благосостоянія. Конечно, какой-нибудь мудрецъ, восходя отъ послѣдствій къ причинамъ, и можетъ сказать, что, когда начала непогрѣшны, тогда благопріятны

и бедноты, и на оборотъ, не черня, но граждане, которыхъ политическую веру поколебало паденіе столяныхъ правленій, не доискиваются такъ глубоко. Они не заботятся о теоріи, но не могутъ не заботиться о примѣненіи, о выгодахъ, о недостаткѣ предосудительности правленій. Они равнодушно слушаютъ витійство революціонистовъ, и съ сожалѣніемъ вспоминаютъ удобства, которыми пользовались подъ сѣнью прежняго правленія. Вотъ какъ рѣшается вопросъ этотъ большинство Франціи. Въ удостовѣреніе сообщимъ числа, заимствованныя нами изъ статьи В. Бюшета, помѣщенной въ *Assemblée nationale*:

Не будемъ говорить ни о бюджетномъ положеніи финансовъ республики, ни объ ощутительномъ пониженіи цѣнъ на большую часть жизненныхъ припасовъ: зерновой хлѣбъ, дрова, вино, мясо; скажемъ только, что по однимъ этимъ статьямъ годовой балансъ республики представляетъ въ недочетъ огромную цифру 1,200 милліоновъ франковъ.

Взглянемъ сперва на общее движеніе дѣлъ, на возрастающее замедленіе ихъ хода, по мѣрѣ приближенія къ роковому 1852 г. Этотъ взглядъ поможетъ намъ также оцѣнить патриотизмъ и преданность людей, которые протѣиваются почти общему желанію Франціи подъ защитою такъ называемой *законной баррикады III параграфа* (*La barricade legale de l'article III*).

Потомъ обратимъ вниманіе на лучшаго указателя развитія или стѣсненія народнаго благосостоянія, на цифру неокладныхъ доходовъ (*revenu indirect*), и сравнимъ эту цифру за нѣсколько лѣтъ.

Въ послѣдній годъ монархическаго правленія, годъ бюджетный для торговли, по поводу неурожаа и дороговизны хлѣба, сборъ таможенныхъ пошлинъ съ привозныхъ статей простирался до 136 мил. франковъ. Это былъ скудный сборъ, и если принять 1846 годъ, какъ крайнее выраженіе дѣятельности вившей торговли, то мы увидимъ, что доходъ этотъ, постепенно возрастая съ каждымъ годомъ, возвысился было до 154 милліоновъ. Не ставимъ въ сравненіе 1818 годъ, въ который, подъ вліяніемъ перваго паническаго страха, сборъ таможенъ понизился до 89 мил., но развѣ въ 1849 и 1850 годахъ доходъ этотъ воспринялъ свое восходящее движеніе, завѣщанное ему монархіею? — Напротивъ того, въ 1849 онъ едва достигъ 128 мил. уступая 9-ю милліонами самому бюджетному году монархіи и 26-ю милліонами послѣднему обычному году прежняго правленія. Со времени политическаго переворота во Франціи доходъ съ таможенъ по ввозной тор-

говѣ скудеть съ каждымъ мѣсяцемъ; въ 1850. году составлялъ онъ 125 мил., а въ настоящемъ 1851 по отчетамъ за первые семь мѣсяцевъ, простирался только до 65 мил., т. е. 4-мя мил. меньше, чѣмъ въ соответствующемъ періодѣ прошлаго года, и 7-ю мил. меньше, чѣмъ въ первые семь мѣсяцевъ 1849 г.; чему же приписать такую значительную разницу? Потребности не измѣнились, требованія другихъ государствъ на французскія произведешя все тѣ же, средства сообщенія улучшились, сдѣланы даже нѣкоторыя уступки въ стѣснительныхъ мѣрахъ по торговлѣ, а именно со стороны Англіи; движеніе торговли должно бы усилиться, а оно замедлилось; должна же быть причина этого замедленія, и эта причина—исключительно политическая.

Теперь обратимся къ неокладнымъ или косвеннымъ доходамъ, самой значительной статьѣ бюджета финансовъ во времена монархіи. Цифра этого дохода объясняетъ и оправдываетъ огромныя издержки прежняго правительства на публичныя работы, потому что, благодаря полезности этихъ работъ и предоставляемымъ ими средствамъ рабочему классу, неокладные доходы увеличились *тремястами* миллионовъ, въ продолженіи осьмнадцати лѣтъ. Въ неурожайный 1847 годъ составляли еще они 825 мил. франковъ, въ 1848 упали до 675 мил., въ 1849 возросли снова до 702, а въ 1850 не превышали 738 мил. франковъ.

Неизвѣстно еще, что составятъ косвенные доходы въ 1851 г., но судя по отчетамъ за первое полугодіе, они далеко не достигнутъ сметной суммы по бюджету настоящаго года. Въ первые шесть мѣсяцевъ они составили 363 мил., а съ приближеніемъ къ роковой эпохѣ 1852 года, сборы эти уменьшаются въ той же мѣрѣ, какъ таможенные, и несомнѣнно по той же причинѣ.

Все это доказываетъ, что гдѣ нѣтъ довѣрія, тамъ не можетъ существовать успѣшнаго развитія торговли, самыя потребности уменьшаются и дѣятельность промышленности пріостанавливается.

Въ обнаругуемыхъ еженедѣльно отчетахъ французскаго банка о результатѣ его оборотовъ, мы видимъ еще болѣе явственный признакъ бездѣйствія торговли. 2-го Января 1851 г. наличность, поступившая въ банкъ въ монетахъ, составляла 471 мил. противъ 517 мил. кредитныхъ билетовъ на предъявителя; по отчетамъ отъ 4 Сентября, наличность эта состояла въ 617 мил. противъ 527 мил. въ кредитныхъ билетахъ, слѣдовательно суммы изъятія изъ обращенія увеличились. Скопленіе наличныхъ капиталовъ въ кассѣ банка доказываетъ, что торговля оставила ихъ внѣ обращенія, изъ опасенія предпринимать обороты наканунѣ 1852 года.

Тоже предположеніе можно примѣнить и къ эсконту банка по кредитнымъ цѣнностямъ. Сумма долговыхъ обязательствъ, по которымъ банкъ выплатилъ деньги, простиралась 2 Января сего года до 150 мил., теперь она составляетъ едва 100 мил. франковъ.

Но что значитъ эсcontъ на 100 мил. кредитныхъ цѣнностей для движенія торговли въ цѣлой Франціи. Это почти невѣроятно, и можно подумать, что банкъ Франціи—учрежденіе излишнее для торговли, предназначенное единственно на удовлетвореніе потребностей казны. Если сравнимъ обороты банка прежде и послѣ политическаго переворота во Франціи, увидимъ поразительную разницу. Въ 1847 году всѣ банки Франціи сдѣлали денежныхъ оборотовъ, въ теченіи цѣлаго года, на 2,705 милліоновъ, а въ 1849 г. только на 1,328 мил., то есть вполонину меньше нежели въ послѣдній годъ монархическаго правленія.

Послѣ такихъ опредѣлительныхъ результатовъ очевидно, что республиканское правленіе не благопріятствуетъ пока матеріальнымъ интересамъ государства.

Оно истощило, одинъ за другимъ, всѣ источники народнаго благосостоянія уменьшило таможенный сборъ, косвенные доходы, уронило курсъ всѣхъ цѣнностей, убихо кредитъ, и ведетъ теперь къ сильному политическому сотрясенію, которое возбуждаетъ во всѣхъ опасенія лишиться самыхъ драгоценныхъ выгодъ и наконецъ можетъ вооружить цѣлую Европу.

Что же сказать послѣ этого людямъ, которые стончески скрестили руки позади *законной баррикады III параграфа*, отвергая почти единодушное желаніе націй?

Положеніе двѣть часъ отъ часу становится хуже, по мѣрѣ приближенія Франціи къ предѣламъ той непроходимой тѣснины, въ которую она зашла такъ опрометчиво. Нація жаждетъ выйти оттуда, генеральные совѣты (*conseils généraux*) почти единодушно этого требуютъ, но ничто не можетъ вытѣснить революціонеровъ съ занятой ими позиціи. Не всемя ни совѣтамъ, ни просьбамъ, они остаются за своею законною баррикадою. Пусть же остаются они тамъ, не смотря на опасности, могущія отъ того возникнуть, но пусть перестанутъ твердить намъ о патріотизмѣ;—это фантазмагорія, которою они теперь никого не проведутъ.

Въ ожиданіи развязки политической драммы, Парижане толпами сходятся въ Театры смотрѣть прекрасныя драммы и комедіи, которыя какъ на подрядъ сыпляются на тамошнія сцены изъ кабинетовъ лучшихъ современныхъ писателей. Альфредъ де Мюссе

Леонъ Гозманъ, Фрэнси Вей, Амеде Ашаръ, Мальвилъ, Жюль Сандо,—все пишутъ комедіи,—и пишутъ однѣ только комедіи. Въмѣсто статей, составляютъ сценны; вмѣсто разсказовъ—разговоры; вмѣсто повѣстей—пословицы. *Я писалъ только стихи*, сказала Овкдй; *теперь пишутъ только комедіи, драмы и водевилли*, можно сказать про Французскихъ литераторовъ. Бѣдный сочинитель, который не умѣетъ писать комедіи и сочиняетъ только книги, долженъ покориться судьбѣ,—время его миновалось, онъ устарѣлъ,—онъ умеръ. Его не читаютъ, о немъ забыли. Книга испустила послѣдній вздохъ свой. Бѣдная книга! Вѣрный спутникъ прекрасныхъ дней нашихъ, милый гость въ долгій зимній вечеръ, добрый, не безотвязный другъ въ лѣтнюю прогулку, мечта двадцати-лѣтняго юноши, веселый краснобай брюзгливаго старика, льстивое зеркало нашихъ чувствъ и мыслей, нескромный наставникъ неопытности, наущникъ доверчиваго сердца, тайный разскащикъ, подъ рѣчь котораго не разъ трепетало жаркое сердце, наша радость, наше сладкое горе, книга, бѣдная книга, до чего довели тебя? Въ какую бездну униженія ввергли тебя неблагоприятные твои родители. У тебя оставалась еще одна опора, на пути вѣчной гибели, одинъ оплотъ противъ отступниковъ,—у тебя оставался Жоржъ Зандъ,—но вотъ и Жоржъ Зандъ измѣняетъ тебя для театра. Былъ у тебя еще вѣрный защитникъ, глубокомысленный, остроумный краснорѣчивый Гоноре де Бальзакъ; на него ты могла надѣяться,—но онъ умеръ. И что же! Изъ глубины своей могилы, еще не покрытой надгробнымъ камнемъ, этотъ защитникъ, пробудясь отъ вѣчнаго сна, возстаетъ противъ книги, которая была его славою, его жизнію. О неслыханное бѣдствіе! изъ этой могилы, гдѣ погребено было столько прекрасныхъ томовъ, грозно встаетъ драма — привидѣніе! Жоржъ Зандъ, Гоноре де Бальзакъ, Альфредъ де Мюссе, Жюль Сандо, до чего довели вы книгу? Отвѣчайте! *Ad nihilum reductus sum, et nescivi*, отвѣчаетъ книга словами вдохновеннаго псевдонима!

Полово правда ли это? можетъ ли быть, чтобы одна исключительная форма, форма драматическая, облекла собою цѣлое литературное искусство? Къ несчастію,—это несомнѣнная истина. Театръ вполне покорилъ всю литературную область. Драматическое искусство являлось представителемъ всего, что было высокаго, вѣдннго, идеальнаго-прекраснаго въ свѣтѣ; остальное все теперь мракъ, ничтожество, прахъ. Нѣтъ болѣе исторіи, нѣтъ поэмы, даже нѣтъ повѣсти, нѣтъ романа. Писателю, чтобы жить,

чтобы быть известнымъ, нужны теперь: актеры, оркестръ, руманы, лампы, костюмъ. Безъ того нѣтъ ему спасенія, нѣтъ славы, нѣтъ денегъ, нѣтъ почестей, и онъ смыло можетъ воскликнуть *Ad nihilum reductus sum!*

Драмма торжествуетъ,—книга въ опалѣ! Но случай и направление вкуса еще мало сдѣлала для драммы. Кромѣ этого ей назначены: премія въ пять тысячъ франковъ, награда въ три тысячи и пособіе въ полторы, соразмѣрно объему заключающейся въ пьесѣ нравственности и по числу дѣйствій. Неужели нужно было еще поощреніе, чтобы убавить писателей искать этой славы, этихъ почестей, этаго богатства, этихъ обширныхъ правъ автора, которыя предоставляетъ драматическое искусство, тогда какъ его производительность и такъ превышаетъ уже потребность, какъ производительность свекловично-сахарныхъ заводовъ. *Любовь, одной любви жажду* я, сказала одна изъ страдалицъ древности; *добродѣтели, добродѣтели и большой преміи* хочу я, восклицаетъ теперь не одинъ изъ плодovitыхъ драматурговъ. Пять тысячъ преміи, за то, чтобы искусство Теренція и Мольера нарядить въ ризу смиренія и нравственности! Премія за то, чтобы г. Скрибъ, вмѣстѣ съ добродѣтельнымъ мудрецомъ, возставшимъ противъ плоти своей, воскликнуть: *я наказую, я умерщвляю, я сокрушаю, я порабождаю мою комедію!* Пять тысячъ, три тысячи, полторы тысячи франковъ—дѣло хорошее, но все за эти деньги и въ дешевое время не купишь добродѣтели, смиренія, воздержанія; все это мало за то, чтобы изгнать изъ вертограда драммы всю эту заманчивую саранчу, которая забралась туда въ видѣ преступной страсти, любовныхъ плутовъ, развратныхъ шлюстей, остроумныхъ намековъ, двусмысленностей, увлекательныхъ улыбокъ. Конечно, мало этихъ денегъ за столько пожертвованій, но теперь во Франціи худыя времена; все дешево, — все ни почѣмъ. Теперь, за освобожденіе настоящаго, туземнаго вертограда Франціи—плодородныхъ лозъ Шампаніи, Бургундіи и Медока, отъ существенной безнравственности, такъ же приличной, какъ умышленной, отъ немощи, называемой *Odium Tuckeri*, предлагаютъ только медаль въ десять эку! Какъ же, послѣ того, за пять тысячъ франковъ не очистить инту драммы отъ плевалъ безнравственности? Какъ ни хороша хороша комедія, но и стаканъ Бургонскаго являетъ свою цѣну; онъ скорѣе разогонитъ тоску, болѣе ободритъ героевъ, лучше оживитъ надежды, нежели всѣ на свѣтѣ комедіи. Принимъ это въ соображеніе, надобно сознаться, что премія за комедію вовсе не мала.

Какъ же не бросить книгодѣле, когда драматическое искусство представляеть столько выгодъ и удобствъ. Чтобы заработать пять тысячъ франковъ, надобно написать два тома, а это не такъ легко, какъ написать комедію или водевилъ. Вставьте въ хорошенькую рамку пару прекрасныхъ глазъ, маленькую ножку, коротенькую юбочку, отдѣланную замысловатыми куплетами, да побольше смѣшного, вотъ вамъ и пять тысячъ, не считая даже преміи! Право, ничего нѣтъ прибыльнѣе *смысла* въ этой юдои плача, и врядъ ли будетъ выгодно, погнавшись за преміей, прикрыть на сценѣ плащомъ лицемерія всю эту милую маготу жизни, которая придаетъ вымыслу столько естественности. Пьеса, писанная по конкурсу, врядъ ли будетъ имѣть успѣхъ. Въ каждомъ благородномъ движеніи души, въ каждомъ великодушномъ поступкѣ дѣйствующаго лица, зритель будетъ видѣть заказную добродѣтель. Онъ не повѣритъ преданности, не тронется порывомъ высокаго чувства, и въ лицѣ безкорыстнаго самоотверженія подсматривать роковую цифру 5,000 фр. Развѣ безъ премій не было нравственныхъ комедій? Развѣ нѣтъ этихъ превосходныхъ созданий, въ достоинствахъ которыхъ проявляется и самая награда сочинителя: проблескъ чистой мысли, нравственнаго направленія, *умственного напѣренія, паронѣма*, какъ выражаются Греки. Зачѣмъ отнимать у автора эту утѣшительную награду? И-кто знаетъ, что выгоднѣе, даже въ матеріальномъ отношеніи, получить премію, или одобреніе публики? Обѣ эти награды трудно получить вмѣстѣ при установленныхъ для премій условіяхъ.

Покуда появится эта совершенная драма, комедія, водевилъ, расскажемъ, что теперь дѣется на Парижскихъ театрахъ.

La Reine de Chypre и *Mademoiselle de la Seiglière*, вотъ двѣ замѣчательнѣйшія театральныя новости Парижа. Оперу давали для дебюта г-жи Тедеско, въ комедіи дебютировала на поприщѣ драматической литературы г. Жюль Сандо.

Кто не знаетъ романа *M-lle de la Seiglière*, одного изъ болѣе замѣчательныхъ произведеній г. Жюль Сандо. Читатели Москвитанина знакомы съ этимъ романомъ по переводу, помѣщенному у насъ давно. Г. Сандо написалъ кромѣ того: *Marianna, le docteur Herbeau, Catherine, Vaillance et Richard, Madeleine, un Heritage, la Chasse au roman* и *Sacs et parchemins*.

Вступленіе этого писателя на новое поприще возбудило живое участіе въ литературномъ свѣтѣ. У г. Сандо столько же друзей, сколько почитателей его необыкновеннаго таланта. И публика

и критики—все желали ему успеха. Скромно-недоверчивый къ своимъ драматическимъ познаніямъ, онъ принялъ въ сотрудники г. Ренье, одного изъ знаменитыхъ общниковъ (*sociétaires*) театра Французской комедіи, и тотъ помогъ ему передожить въ рассказъ цѣлую первую часть его романа, которую невозможно было передать въ дѣйствіи. Они вмѣстѣ придумали два послѣдніе акта, приискали развязку, сюжетомъ, придумали все, чего нѣтъ въ романѣ. Вотъ содержаніе комедіи: Маркизъ де ла Сельеръ выселился вмѣстѣ съ приверженцами короля. Его помѣстья объявлены собственностію націи и куплены старымъ фермеромъ Стампли. Баронесса Воберъ умѣла овладѣть простодушнымъ фермеромъ, и уступая убѣжденіямъ этой интригантки, онъ отдалъ Маркизу де ла Сельеръ его родовое имѣніе, когда сей послѣдній возвратился въ 1814 году во Францію. Отдавая это имѣніе, старикъ Стампли полагалъ, что сынъ его, солдатъ въ арміи Наполеона, погибъ во время ретираты Французскихъ войскъ изъ Россіи. Прошло нѣсколько лѣтъ, и Стампли умеръ. Но между тѣмъ какъ старый эмигрантъ наслаждается своимъ богатствомъ, Бернаръ, сынъ покойнаго фермера, возвращается. Онъ не погибъ въ Россіи, и пришелъ отыскивать права свои. Невѣдѣніе отца, что онъ находится въ живыхъ, уничтожаетъ обязательную силу даровой записи, сдѣланной Стамплемъ въ пользу Маркиза. Такъ сказано въ узаконеніяхъ Кодекса Наполеона. Маркизъ приходитъ въ гнѣвъ, въ негодованіе противъ Кодекса Наполеона, сыгравшаго съ нимъ такую непростительную шутку. Онъ не знаетъ, да и знать не хочетъ ни Кодекса, ни Хартіи. Насиліе отняло у меня мою собственность, говоритъ онъ, теперь я снова вступилъ въ права свои. Чтѣ мнѣ за дѣло, кто владѣлъ моимъ имѣніемъ въ мое отсутствіе; я не продавалъ, не дарилъ его, слѣдственно оно мое.

Бернаръ, юный, великодушный, безпечный, можетъ быть и дешево уступилъ бы права свои, если бы его не сбивалъ г. Детурнель, адвокатъ, жаждущій отомстить владѣльцамъ замка, за презрительное съ нимъ обхожденіе Баронессы. Эта Баронесса, уговаривая Стампли уступить Маркизу имѣніе въ миліонъ франковъ, имѣла въ виду выдать дѣвицу де ла Сельеръ, дочь Маркиза, за своего сына Рауля, но Бернаръ, только что начавшій свой искъ, увидѣлъ прекрасную свою отвѣтчицу и полюбилъ ее. Любознь много проказитъ и въ свѣтѣ и въ комедіяхъ,—Богъ знаетъ гдѣ больше,—эта древняя истина несомнѣнно доказана въ настоящемъ случаѣ. Дѣвица де ла Сельеръ, забывъ, что Бернаръ ни-

что больше, какъ выслужившійся охотеръ, забывъ свое знатное происхожденіе, забывъ даже, что она невеста Рауля, который впрочемъ гораздо больше занятъ раковинами и моллюсками, нежели своею обреченною, полюбила юнаго вонна, и эта взаимная любовь разстроила все планы Баронессы и утупила жажду мести въ сердцахъ знаменитаго адвоката, такъ что послѣ множества самыхъ нелепыхъ, самыхъ неожиданныхъ случайностей, которыя въ продолженіе цѣлой пьесы поддерживаютъ ея занимательность, этотъ адвокатъ, этотъ г. Детурнель, самъ упрашиваетъ Маркиза отдать Бернару свою дочь. Уступая убжденіямъ Детурнеля и молодыхъ любовниковъ, а можетъ быть тронутый перспективою безвыходной нищеты въ будущемъ, Маркизь наконецъ соглашается, — и пьеса кончена.

Разумѣется, что рассказывая содержаніе, мы еще не рассказали пьесы, а только ея основу, которая вовсе не составляетъ главнаго достоинства комедіи. Положимъ, что Маркизь-эмигрантъ, презирающій все, что было славнымъ въ періодъ имперіи, — типъ не новый, но г. Жюль Сандо омолодилъ, переосоздалъ, уразвообразилъ, перекалалъ этотъ устарѣлый типъ, и притомъ одушевлялъ свою комедію такимъ оригинальнымъ дѣйствіемъ, такъ ловко спуталъ этимъ дѣйствіемъ все личности, такъ резко обозначилъ отличительныя черты каждой изъ нихъ, что успѣхъ этой пьесы на сценѣ есть вполне заслуженная дань его таланту.

Опера Готье *Murdoch le bandit*, имѣла замѣчательный успѣхъ для дебютанта-композитора. Г. Готье, режисеръ пѣнія въ Итальянскомъ театрѣ, долго былъ однимъ изъ лучшихъ скрипачей въ оркестрѣ Оперы и концертнаго общества консерваторіи. Партіція его новой оперы имѣетъ много достоинства. Стиль его музыки чистъ и отличается прекраснымъ вкусомъ, свѣжею, оригинальною мелодіею, учеными сочетаніями въ гармоніи и этимъ рѣдкимъ смысломъ въ инструменталіи, который можно назвать музыкальнымъ здравымъ смысломъ. Композитеръ вмыкалъ въ свою оперу нѣсколько Ирландскихъ мотивовъ (дѣйствіе происходитъ въ Ирландіи) и искусно ими воспользовался. Г. Берлюозъ съ большою похвалою отзывался о музыкѣ этой оперы.

Въ *Одеонѣ* играли забавную комедію г-на Премаре: *Les droits de l'homme*, — собраніе эпиграмъ на человека и на произволъ его воли. Комедія эта очень понравилась публики.

На театрѣ *Ведомил* давали драмму Леона Гозлана пеструю оригинальную. Онъ далъ полную волю своей фантазіи, и нахотелъ вычеркнуть слово *невозможно* изъ своего словаря. Вошло же въ

голову этого чудоты вывести на сцену славную операцию, изобретенную знаменитым доктором Бретоно и его учеником Труссо, въ болѣзни крупъ. Странная мысль! Впрочемъ все это такъ мистически слажено, что зрители плачутъ, глядя, какъ прорываются горло ребенка, чтобы освободить стѣсненное болѣзнію дыханіе.

На театрѣ *Gymnase* давали комедію Альфреда де Мюссе: *Bettine*. Эта Беттина есть идеалъ преданности и самоотверженія. Она богата, и уступила цѣлое состояніе своему любовнику; онъ обожалъ ее, и она всемогуща что бы за нимъ слѣдовать. Словомъ, она отдала своему любовному все—и ничего; то есть все,— кромѣ себя. Между тѣмъ они живутъ подъ одною кровлею, въ одной гостиной, забытые свѣтомъ и забывая свѣтъ, поютъ днемъ, поютъ ночью, и только ожидаютъ нотариуса, чтобы сочетаться законнымъ бракомъ.

Является и нотариусъ.—Но Боже, какая неожиданность! этотъ любовникъ съ голубыми глазами, тотъ, съ кѣмъ Беттина убажала, кому она отдала все свое состояніе, кому пожертвовала все кромѣ себя, становится вдругъ неблагодарнѣйшимъ изъ всехъ неблагодарныхъ людей;—онъ измѣняетъ Беттину. Чѣмъ же послѣ этого можно обезпечить вѣрность любовниковъ!

Вотъ какъ это случилось: возмъ гнѣзда этихъ гордицъ жиды Итальянская принцесса, какая-то *formica-leos*, прелестница, очаровательница.... Она-то завладѣла и сердцемъ и деньгами вѣрнаго и несчастнаго Штейнберга, и въ самый день свадьбы онъ бѣжитъ съ нею и увозитъ съ собою и счастье и сто тысячъ сафей девствы. Беттина плачетъ, Беттина въ отчаяніи.

Къ развязкѣ призываетъ Тосканскій вельможа Стефани, знавшій Беттину, когда она была актрисой, и влюбленный въ нее до безумія. Штейнбергъ молодецъ, хорошъ собою, но за то вѣтренъ, даже безчестенъ. Стефани права что не молодецъ, но честенъ, постояненъ и великодушенъ. Эти прекрасныя качества души всегда успѣшно дѣйствуютъ на оставленныхъ красавицъ, Беттина, тронутая постоянною страстію и великодушіемъ покинутаго обожателя, принимаетъ письма и брилліанты, присланные ей Тосканцемъ Стефани, и отдаетъ ему руку, которой не умѣла отказать Штейнбергъ.

Пьеса написана прекрасно. Но публика пріяла ее холодно, не смотря на искусную игру г-жи Розъ-Шери.

Созла Круамаи наконецъ отыскалась. Но вы, можетъ быть, и не знаете, что она пронадала, любезный читатель.—Да, она пронадала,—и бѣдный г. Лумей не зналъ что дѣлать; онъ уже начиналъ думать, что ее похитилъ американецъ Барнумъ. Впрочемъ

беспокойство его было не безъ основанія. Дѣвица Крувелли, по извѣстію, помѣщенному въ одной изъ Лондонскихъ газетъ, выѣхала изъ этой столицы 12 Октября, а 9 Ноября ея еще не было въ Парижѣ. Телеграфическія депеши день и ночь искрились по проволокамъ между Парижемъ и Кельномъ, прилетая въ Кельнъ не много прежде своего отправленія изъ Парижа. Да, за пѣсколько шипуть до своего отправленія; если не вѣрите, взгляните на карту и справьтесь, какъ далеко отстоятъ другъ отъ друга меридіаны, подъ которыми лежатъ эти города, и какъ велика происхождетъ отъ того разница во времени. А между тѣмъ Софья Крувелли нѣтъ какъ нѣтъ, — потому что изъ Лондона она отправилась въ Вест-сэлли, въ г. Билефельдъ, отчизну кочующей дивы и — политеи. Наконецъ 10-го числа получено извѣстіе, что она возвращается, что она уже въ Кельнѣ и на другой день вероятно будетъ въ Парижѣ. Бѣдные гг. Лумей и Гиллеръ едва успокоились, увидя собственными глазами несравненную артистку, и съ радости чрезъ два дни повели ее на костеръ преступной жрицы Нормы.

Какъ похорошѣла (въ артистическомъ отношеніи) красавица Крувелли, со времени ея отъѣзда въ Лондонъ! Къ ней нельзя приписать остраго словца одного изъ журналистовъ, который недавно увѣрялъ, что всѣ Парижскія артистки возвратились изъ Лондона *en Ladies (enlaidies)*. Талантъ ея возмужалъ и много усовершенствовался во время Лондонскаго сезона. Публика приняла ее съ восторгомъ; и этотъ спектакль былъ истиннымъ праздникомъ для Парижскихъ меломановъ. Ее прозвали *Донна Сол Крувелли*, за эту мягкую звучную ноту ея изумительнаго сопрано. Своей методой, полной, простой, истинно драматической и неподражаемой декламаціей въ голосъ, Крувелли обязана Миланскому *Maestro di bel canto* Ламперти; но она и сама много образовала свой артистическій талантъ мышленіемъ и упражненіемъ. Игра ея не уступаетъ ея музыкальному искусству. Неподражаемая въ Нормѣ, она будетъ пѣть этой зимою въ *Italianna in Algeri*. Это двѣ совершенно противоположныя роли, но зная Крувелли, никто не усомнится, что она превосходно исполнитъ и эту партію. Е-жа Барбьері появится вскорѣ въ Семирамидѣ.

Г. Гиршъ-Барушъ Фассе, верховный раввинъ въ Гросс-Канишѣ (въ Венгріи), авторъ сочиненія: *Добро и справедливость по началамъ Талмуда*, недавно представилъ въ Вѣнскую Академію Наукъ свое новое произведеніе: *Раввинское гражданское*

право. Поручивъ разсмотрѣніе этого труда особой Коммисіи, Академія присудила автору большую золотую медаль и рѣшила издать его на свой счетъ. *Раввинское гражданское право* составить 4 тома въ 8-ю долю листа.

— 25 Октября происходило годовое засѣданіе Французскаго Института, или, что тоже, пяти Французскихъ Академій. На очереди была премія г. Вольнея. По этому поводу были представлены десять печатныхъ и рукописныхъ сочиненій, изъ коихъ примѣчательны:

1. Сравнительный лексиконъ готтскаго языка, доктора Лоренца Диембаха. 2 ч.

2. О фламандскомъ языкѣ сравнительно съ другими языками европейскаго сѣвера.

3. Еврейскіе грамматики X и XI вѣка, Мунка.

4. Сравненіе семейства нарѣчій, на которыхъ говорятъ *Негры*, въ фонетическомъ и психологическомъ отношеніяхъ).

5. *Affinités gréco-germaniques ou Tableau comparatif des idiomes teuto-gothiques et du grec ancien* (сродство греческаго языка съ германскими или сравнительная картина нарѣчій тевтоно-готтскаго и древне-греческаго) съ эпиграфомъ: *Ne nous délivrez pas des Grecs et des Romains* (не освобождайте насъ отъ Грековъ и Римлянъ).

6. Основныя начала сравнительной филологіи или Введеніе въ теорію философіи языковъ, соч. М. Массъ.

Не излишне будетъ напомнить читателю происхожденіе преміи Вольнея. Въ то самое время, когда аббатъ Грегуаръ предлагалъ Конвенту поощрять добродѣтель съ помощью журнала «Добродѣтели» и «Автописей добродѣтели», Вольней задумалъ создать одинъ всемірный языкъ для всѣхъ племенъ нашей планеты, языкъ алгебраическій, совершенно точный, словомъ, абсолютный, какъ разумъ человека, по мнѣнію Вольнея, и для того учредилъ премію. Въ настоящее время эта химерическая цѣль упущена изъ виду, какъ это видно изъ выписанныхъ нами заглавій совершенно специальныхъ филологическихъ трудовъ, представленныхъ въ годовое засѣданіе Института.

— Гамбургское гражданство огромнымъ большинствомъ одобрило законъ, предложенный мѣстнымъ Сенатомъ, и позволяющій браки между христіанами и Евреями.

— Г. Робертъ Алланъ, инженеръ англійской компаніи, которая недавно получила отъ египетскаго вице-короля позволеніе добывать изумрудъ изъ Цабаррахской руды (на одномъ изъ остро-

возъ Чермнаго моря), сдѣлалъ замѣчательное открытіе: раскопавъ руду, онъ напалъ на галерею, въ которой нашелъ египетскіе инструменты, снаряды и камень съ іероглифическою надписью, изъ которой видно, что эту руду начали обрабатывать въ царствованіе Сезостриса-Рамзеса, жившаго за 1600 лѣтъ до Р. Х. Г. Аппенъ увѣряетъ, что опытъ и составъ этихъ снарядовъ обнаружатъ большую опытность въ горномъ дѣлѣ.

— Недавно сломали въ Нью-Кестлѣ (въ Англіи) домъ, въ которомъ жилъ великій мореплаватель Кукъ. Но кабинетъ его, конечно, сохраненъ. Стѣны этой комнаты, очень бѣдно убранной, покрыты геометрическими и астрономическими фигурами; которыя Кукъ нарисовалъ еще въ дѣтствѣ.

— Аббатъ Кома нашелъ четвертое Меролингское кладбище въ Оувей (de l'Eauine) долины, между Лондиньеромъ и Неашателемъ. Онъ нашелъ адвѣ восемь вѣкъ изъ белой, черной и сѣрой глины, двѣ сабли, желѣзные ножи и ножницы, превосходный бронзовый кинжалъ и т. п. Все эти вещи сохранились въ отлѣчномъ состояніи.

— Покойный докторъ Вингардъ, архіепископъ упсальскій и прелатъ Шведскаго королевства, отказалъ Упсальскому университету всю свою библіотеку, состоящую изъ 34,000 томовъ, и всѣ свои скандинавскія древности. — Это уже четвертая библіотека, отказанная Упсальскому университету въ минувшемъ году. Библіотека университета приобрѣла такимъ-образомъ 115,000 томовъ, и заключаетъ въ себѣ теперь 288 т. томовъ.

— Бывшій Французскій Министръ Внутрен. Дѣлъ г. Леонъ Фодде передалъ въ Совѣтъ Министровъ просьбу директора подводнаго электрическаго телеграфа о позволеніи продолжить его до Парижа, соединивъ въ Булонѣ съ существующими электрическими телеграфами.

— Почти во всѣхъ европейскихъ столицахъ есть труппы французскихъ актеровъ. Въ Мадридѣ еще не было французской труппы, но недавно отправилась туда изъ Парижа полная труппа комическихъ и водеvilныхъ актеровъ. Для нея устроенъ особый театръ.

— Знаменитая Рашель находится теперь въ Туринѣ, гдѣ принята съ большимъ восторгомъ,

— Шведская Палата приняла законъ, предложенный правительствомъ, о ежегодномъ выборѣ десяти лучшихъ работниковъ и отправленіи ихъ за границу на казенный счетъ на три года. Цѣль ихъ путешествій — изученіе тѣхъ ремеселъ, которыми они

себя посвящаютъ. Выборъ работниковъ предоставленъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Они должны прожить годъ во Франціи, годъ въ Англіи и годъ въ Германіи. Министръ избралъ 10 работниковъ для текущаго 1851 года, и въ томъ числѣ—три механика, три столара, каменщикъ, экипажный мастеръ, кузнецъ и плотникъ.

— 28 Октября собрался въ Амстердамъ конгрессъ изъ депутатовъ отъ всехъ еврейскихъ общинъ Голландіи съ цѣлью сдѣлать въ еврейскомъ богослуженіи тѣ перемѣны, которыхъ требуетъ духъ вѣка. Король пожертвовала на издержки конгресса 3 т. флор. (1500 р. с.), а сами еврейскія общины 6 т. флориновъ (3 т. р. с.).

— Изъ вещей, выставленныхъ въ последнее время выставки, особенно замѣчательнъ французскій приборъ для шитья, устроенный такъ, что имъ могутъ пользоваться слѣпые.

Полагаютъ, что во все время выставки, около 6 миллионныхъ лицъ посѣтили Хрустальный дворецъ.

— Фредерикъ Пиль, прежде нежиди принявъ мѣсто помощника секретаря въ Русселевомъ министерствѣ колоній, вѣдѣлъ для ссѣта къ г. Грагаму, другу его покойнаго отца. Грагамъ не только одобрилъ намѣреніе молодаго Пила, но, какъ думаютъ, онъ самъ скоро склонился на сторону Витскаго министерства.

Матіасъ Аттаудъ, Лондонскій банкиръ, консервативный членъ Нижней палаты съ 1819 года до 1847, одинъ изъ образованнѣйшихъ знатоковъ денежнаго и финансоваго дѣла, и известный своимъ оппозиціонъ противъ банковыхъ законовъ г. Роберта Пила въ 1819 году— умеръ 72-хъ лѣтъ. Онъ былъ основателемъ многихъ выгодныхъ компаній на акціяхъ.

Знаменитый Англіійскій романистъ сэръ Эдуардъ Бельеръ Литтонъ, который живетъ, какъ набобъ, въ своемъ замѣчательномъ помѣстьѣ Кнебуертъ-Паркъ, находящемся въ Гертфордширѣ, снова вступилъ на политическое поприще въ качествѣ *deputy lieutenant* графства Гертфордъ. При наступающихъ всеобщихъ выборахъ онъ намѣренъ добиваться депутатскаго мѣста, не смотря на то, что никогда не имѣлъ счастья въ Парламентѣ, и два раза падалъ на выборахъ. Посчастливится ли ему въ третій разъ? Это тѣмъ болѣе сомнительно, что Англичане въ политической сферѣ не высоко цѣнятъ литературныя достоинства. «Въ Англіи», замѣтилъ разъ «The Examiner», «Соеокъ не получилъ бы полководческаго жезла за хорошую трагедію, а Викторъ Гюго не былъ бы пожало-

ванъ въ перы за Notre Dame de Paris. Впрочемъ въ послѣдніе годы многія воззрѣнія Бальера заметно измѣнились; теперь онъ нѣсколько протекціонистъ, и въ то же время поборникъ государственной религіи.

Недавно умерла въ Лондонѣ вдова поэта Шеллея, дочь остроумнаго писателя Годуина (Godwin) и восторженной, нѣсколько зараженной духомъ эманципаціи Мери Вольстонъ Крофтъ. Она была второю женою Шеллея, и, какъ говоритъ Томасъ Медженъ въ своей біографіи этого поэта, казалось, была собственно для него рождена и воспитана. Она сама приобрѣла себѣ довольно громкое имя своими повѣстями: «Вальпурга», «Франкенштейнъ» и «Послѣдній человѣкъ», въ которыхъ отразилось вліяніе Нѣмецкаго романтизма. Вышедши за мужъ за Шеллея, она отправилась съ нимъ въ 1815 году въ Швейцарію, гдѣ они жили вмѣстѣ съ Байрономъ на берегу Женевскаго озера. Въ 1817 году отправились они въ живописную деревню Марловъ, лежащую при верховьѣ Темзы, гдѣ Шеллей написалъ лучшее свое сочиненіе: «Возмущеніе Ислама (The revolt of the Islam)», которое онъ въ прекрасныхъ, исполненныхъ чувства стихахъ, посвятилъ своей Мери. Въ 1819 году переселились они въ Италію. Мистриссъ Шеллей оставалась тамъ до самой трагической кончины своего мужа, произшедшей въ 1822 году. Она скончалась 53 лѣтъ отъ роду.

Въ Англіи открыта подписка для основанія «Ниневійскаго капитала», долженствующаго доставить доктору Лейярду средства продолжать открытія въ Ассиріи и Вавилоніи. Суммы, предоставленныя въ его распоряженіе Британскимъ правительствомъ, истощились, и вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ прекратить работы въ Ниневійскихъ кояхъ, обѣщавшія повести къ такимъ важнымъ историческимъ открытіямъ. «Атеней» извѣщаетъ, что Лейярдъ отправился въ Вавилонію отыскивать мѣста, удобныя для взрытія этой обильной древностями почвы. Надѣются, что подписка доставитъ ему огромную достаточную сумму.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Петербургское **Археологическое общество** съ каждымъ годомъ обращаетъ болѣе и болѣе вниманія на Отечественныя древности. Съ нынѣшняго года оно раздѣлено на три Отдѣленія, изъ коихъ первое посвящено Русской и Славянской археологіи (а въ другія: Восточной археологіи и Древней и Западной). Секретаремъ Русскаго Отдѣленія избранъ И. П. Сахаровъ.

Извлекаемъ изъ протоколовъ Общества за первую половину текущаго года наиболѣе любопытное.

Въ Февральскомъ засѣданіи, Секретарь Общества П. С. Савельевъ прочелъ слѣдующую записку о двухъ примѣчательныхъ древностяхъ, вывезенныхъ изъ Россіи и находящихся теперь въ заграничныхъ кабинетахъ, въ Парижѣ и Іенѣ:

«Всѣмъ извѣстно, что нѣсколько примѣчательныхъ русскихъ «древностей хранится въ заграничныхъ музеяхъ; впрочемъ число «нихъ весьма ограничено, потому-что гораздо больше вывозимо «было изъ Россіи древностей классическихъ и восточныхъ, кото- «рыя находили болѣе любителей и знатоковъ въ Европѣ. При на- «стоящемъ развитіи у насъ вкуса къ археологическимъ изслѣдова- «ніямъ, желательно было бы, при посредствѣ нашего Общества, «привести въ извѣстность и описать примѣчательныя изъ древно- «стей, принадлежащихъ русской землѣ, но по какому-либо случаю «попавшихъ въ заграничныя кабинеты. Съ этою цѣлію имѣю «честь обратить вниманіе Общества на два любопытные предмета, «хранящіеся теперь въ Парижѣ и въ Іенѣ,

«Во-первыхъ, большой овальный серебряный щитъ, оброн- «ной работы, взятый въ Московскомъ Кремлѣ, вестфальскимъ сол- «датомъ, во время пожара 1812 года. Эта достопримѣчатель- «ность—(впрочемъ едва ли похищенная въ самомъ Кремлѣ, потому- «что извѣстно, что всѣ вещи изъ Оружейной Палаты вывезены «были изъ Москвы до вступленія въ нее Французовъ)—принадле- «жить теперь маршалу Франціи, бывшему королю вестфальскому, «Иерониму Бонапарте. Она досталась ему слѣдующимъ образомъ, «по утвѣренію автора, описавшаго его кабинетъ рѣдкостей. Король «Иеронимъ, какъ извѣстно, командовалъ въ 1812 году всѣмъ пра- «вымъ крыломъ бывшей «великой арміи», состоявшимъ изъ 5-го, «7 и 8 корпуса и 4-го резервнаго кавалерійскаго. Осьмой кор- «пусъ вступилъ въ Москву, но истребленъ былъ почти весь;

«только до двухъ сотъ человекъ остались въ живыхъ и добрались до Вильны; въ томъ числѣ былъ и вестфальскій солдатъ, похищенный въ Кремлѣ серебряный щитъ. Какъ онъ сохранилъ его, неизвѣстно; но, по прибытіи въ Кассель, онъ поднесъ свой трофей королю Иерониму, который хранитъ его и доселѣ.

«Другая примѣчательность, вывезенная изъ Россіи, о которой «желательно бы было получить точныя свѣдѣнія, находится въ «велико-герцогскомъ музеѣ въ Іенѣ. Это — золотая корона Джанибека, хана золотой орды. Татарскихъ королей мы не знаемъ; «хранящаяся теперь въ Іенѣ единственная, и тѣмъ болѣе примѣчательна, если дѣйствительно принадлежала знаменитому Джанибеку.

«Не найдетъ ли Общество возможнымъ получить гальванопластическіе снимки или по крайней мѣрѣ верные рисунки Кремлевскаго щита и татарской короны?...»

Его Императорское Высочество Предсѣдатель Общества, одобряя предложеніе, благосклонно припалъ на себя трудъ обратиться къ владѣльцу высесеннаго изъ Москвы щита; а о снимкѣ съ короны Джанибека, хранящейся въ іенскомъ музеѣ, поручилъ секретарю отнестись къ директору этого музея, члену-корреспонденту Общества профессору Штикелю.

Изъ протокола майскаго засѣданія узнаемъ, что этотъ «Кремлевскій щитъ» не имѣетъ ничего общаго съ Кремлемъ. Рисунокъ присланъ былъ изъ Парижа къ Его Высочеству Предсѣдателю Общества при слѣдующей запискѣ:

«Принадлежащій бывшему королю вестфальскому Иерониму «щитъ, рисунокъ котораго здѣсь прилагается, серебряный, выпуклый и имѣетъ около полуметра въ діаметрѣ; это, въ «самомъ дѣлѣ, щитъ, а не блюдо, какъ полагали. Увѣреніе, что «этотъ щитъ взятъ въ Кремлѣ, ничего не значитъ. Такъ какъ въ «походахъ солдатамъ запрещалось грабить частныхъ людей, а «смотрѣли сквозь пальцы на расхищеніе общественныхъ зданій, «то вѣроятно, что подъ ложнымъ названіемъ трофея цѣрнскаго дворца «хотѣли скрыть похищеніе, сдѣланное у какого-нибудь частнаго «лица, въ Польшѣ конечно (потому-что сюжетъ рисунка польскій). «Похищенный солдатомъ, мнимый трофей перепроданъ былъ потомъ королю Иерониму.»

Рисунокъ (замѣчено въ протоколѣ Общества) представляетъ, по-видимому, сдачу турецкой арміи или отряда какому-то польскому магнату. Съ лѣвой стороны стоитъ бородатый Ляхъ въ кунтушѣ и польскомъ беретѣ; съ правой всадникъ, вѣроятно Ту-

рокъ, за которымъ виднѣтъ лѣсъ копій; другой Турокъ, пѣшкомъ, сложивъ руки на груди, преклоняетъ колено предъ Ляхомъ. Рисовальщикъ, очевидно, былъ иностранецъ: ни въ костюмахъ, ни въ характерѣ лицъ, не соблюдено никакой вѣрности. Польскій магнатъ изображенъ съ длинною бородою и спускающимися до плечъ волосами, а Турокъ съ закрученными усами и испанской бородкой. Судя по рисовкѣ и орнаменту изъ цвѣтовъ на краю шита, можно предположить, что это—издѣліе нѣмецкаго художника (начала или даже половины прошедшаго столѣтія), который, въ честь какого-нибудь польскаго аристократа, желалъ изобразить на шитѣ подвигъ его предка.

— О хранящихся въ «галлерей драгоцѣнныхъ вещей» Императорскаго Эрмитажа старинныхъ вещахъ, принадлежавшихъ Членамъ Августѣйшаго Дома, сообщены Обществу слѣдующія извѣстія:

Особеннаго вниманія заслуживаютъ: чарка Царя Михаила Ѳеодоровича, золотая съ финифтью, и съ изображеніемъ двуглаваго орла и надписью;—братина серебряная съ чернью, царевны Софіи Алексѣевны;—золотая братина съ финифтью, царицы Евдокіи Лукіановны;—позолоченный серебряный кубокъ, рижской работы, сдѣланный вѣроятно по случаю учрежденія ордена Св. Екатерины, въ 1714 году, такъ какъ на немъ изображенъ двуглавый орелъ, держащій изображеніе этого ордена.

Особый музей вмѣщаетъ въ себѣ до тысячъ предметовъ, принадлежавшихъ Петру Великому.

Многія вещи принадлежали Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательна агатовая табакерка съ груднымъ изображеніемъ Императрицы, осыпаннымъ алмазами, и изображеніемъ ордена Св. Андрея Первозваннаго, изъ золота съ эмалью. Далѣе: бокалъ съ великолѣпною золотою крышкою, украшенною вензелемъ Императрицы и осыпанныю алмазами; хрустальная кружка и двѣ чашки изъ китайскаго нефрита, также имѣютъ золотыя крышки съ вензелемъ Императрицы. Такія же крышки находятся на двухъ золотыхъ бокалахъ съ изображеніемъ двуглаваго орла, и на большомъ стеклянномъ бокалѣ.

Изъ вещей Императрицы Елисаветы Петровны обращаютъ на себя вниманіе: великолѣпный портфель изъ чистаго золота, осыпанный алмазами; небольшое зеркало, въ золотой рамкѣ, украшенной рубинами и алмазами: это подарокъ султана Османа III;—двѣ большія чашы серебряныя вызолоченныя, украшенныя вставленными въ нихъ полтинниками; нѣсколько бокаловъ изъ слоновой

кости: два изъ нихъ съ груднымъ изображеніемъ Императрицы и наследника ея Петра Ѳеодоровича.

Кромѣ этихъ вещей, въ галлерей хранится множество старинныхъ кубковъ, чарокъ, ковшей, золотыхъ и серебряныхъ, и т. д.

Въ отвѣтъ на первую задачу, предложенную Обществомъ на соисканіе преміи, именно: О металлическомъ производствѣ въ Россіи до конца XVII вѣка, прислано къ сроку одно сочиненіе (на 234 страницахъ въ-листѣ), съ девизомъ: «Господа, отцы и «братія, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите, исправляя Бога дѣла, а не кляните.» Коммиссія приступила уже къ разсмотрѣнію этой рукописи, и не замедлитъ представить о ней отчетъ Обществу.

— И. И. Срезневскій сообщилъ свои замѣчанія о древнихъ русскихъ печатахъ, и по этому поводу обратилъ вниманіе Общества на рядную грамату, изданную недавно въ снимкѣ съ переводомъ на нѣмецкій языкъ въ *Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg* (vol. VIII, No 11). Этотъ актъ важенъ и какъ памятникъ языка и письменности конца XIII вѣка, и какъ грамата, утверждающая частную сдѣлку, въ своемъ родѣ древнѣйшая, и наконецъ, какъ памятникъ, къ которому привѣшена печать. Соглашаясь вполне съ замѣчаніями г. Наперскаго касательно того, что грамата писана во время псковскаго князя Довмонта-Тимофея, христіанское имя котораго означено на печати, И. И. Срезневскій не нашелъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ рижскаго археолога относительно смысла граматы. Онъ полагаетъ, что это не кучая, какъ думаетъ г. Наперскій, а рядная, въ которой одно изъ договаривающихся лицъ есть женихъ, а другое отецъ или родственникъ невесты. И выраженіе надѣвцъ, оставленное г. Наперскимъ безъ перевода, должно читать: на дѣвцѣ, т. е. «на дѣвкѣ»,—на невестѣ, т. е. у невесты, или за невесту. «А на дѣвцѣ Якимъ серебро взялъ» значитъ: «я за невесту Якимъ деньги взялъ.» Оканчивая свои замѣчанія объ этомъ любопытномъ памятникѣ, г. Срезневскій выразилъ желаніе, чтобы печать привѣшенная къ нему была издава вновь, удовлетворительнѣе въ отношеніи палеографическомъ и археологическомъ (*).

Общество, признавая полезнымъ вновь издать упомянутый актъ XIII вѣка съ вѣрнымъ снимкомъ привѣшенной къ нему печати, положило обратиться къ г. Рижскому военному, Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому генералъ-губернатору, съ просьбою о

(*) Въ 6-й кн. Москвитинина было уже замѣчено, что *надѣвцъ* не можетъ быть иное что, какъ *на дѣвцѣ*, т. е. на дѣвкѣ, на дѣвцѣ.

сдѣланіи распоряженія къ доставленію въ Общество подлиннаго акта изъ Рижской ратуши.

— А. И. Артемьевъ доставилъ статью о «медальныхъ комитетахъ», учрежденныхъ Императрицею Екатериною II, составленную по подлиннымъ бумагамъ этого комитета, хранящимся въ библиотекѣ Казанскаго университета. Комитеты эти, числомъ два, учреждены были въ 1772 году для «составленія медалической со временъ Императора Петра Великаго исторіи,» какъ сказано въ указѣ; главными членами и дѣйствителями были князь М. М. Щербатовъ, М. М. Херасковъ и А. А. Нартовъ. Г. Артемьевъ, въ статьѣ своей, излагаетъ кратко исторію медалическихъ комитетовъ и ихъ дѣйствія; и приводитъ списокъ медалей, которыхъ «сдѣлана была инвентаріа» членами комитета; многія изъ этихъ медалей остались въ проектѣ и никогда исполнены не были.

— К. Н. Тихонравовъ, сообщилъ извѣстіе о нумизматической находкѣ въ городѣ Владимірѣ на Клязьмѣ: «Недалеко отъ оврага, пролетающаго къ Воронцовскому пруду», пишетъ онъ, «крестьянинъ, копая въ огородѣ, открылъ (10 Мая) глиняный горшокъ, и при ударѣ въ него замѣтилъ посыпавшіяся серебряныя монеты. О величинѣ клада нельзя еще сдѣлать положительнаго опредѣленія, потому-что нѣкоторая часть остается еще въ рукахъ крестьянина; но владѣлецъ огорода получилъ болѣе 400 монетъ (называемыхъ здѣсь «мордочками») временъ Ивана Васильевича III, Федора Ивановича, Бориса Федоровича Годунова, Михаила Федоровича и Петра Алексѣевича. Съ этими монетами найдены еще два перстня, какъ видно, серебряные позолоченные; одинъ съ вырезанною на сердоликѣ печатью съ надписью: печать Нестера Турова; а изъ другого печать выпала уже при открытіи въ огородѣ, и еще не найдена.

Г. Тихонравовъ присоединилъ къ этому извѣстію о кладѣ и оттискъ съ печати Нестера Турова. Судя по характеру буквъ, печать эта можетъ принадлежать XIII—XIV вѣку, и не позже, какъ къ началу XV. Изображенный въ серединѣ ея звѣрокъ похожъ на звѣрковъ, встречаемыхъ на Тверскихъ деньгахъ.

— Описывая два металлическихъ зеркала съ арабскими надписями, найденныя близъ развалинъ древняго Булгара, П. С. Савельевъ сообщилъ, между прочими, слѣдующія замѣчанія, любопытныя для Русскихъ археологовъ:

«Наибольшая часть извѣстныхъ доселѣ старинныхъ металлическихъ зеркалъ съ арабскими надписями найдены въ курганахъ и

почвъ нашего отечества, въ Сибири и по волжской сторонѣ, этихъ рудникахъ всякихъ восточныхъ древностей и монеть Судя по характеру куническихъ писъменъ, какими начертаны подписи, ихъ относить къ IX—XI вѣку нашей эры,—эпохъ торговыхъ сношеній народовъ Россіи съ халифатомъ, когда эти издѣлія багдадскихъ модъ привозились Арабами къ намъ на Волгу, вместе съ другими статьями торговли. Такъ какъ въ первой четверти X вѣка вызваны были болгарскимъ царемъ изъ Багдада и прибыли въ Булгарь разные мастера и художники, то очень вѣроятно, что потомъ дѣлались ими зеркала на манеръ багдадскій и въ самомъ Булгарѣ. И по паденіи болгарскаго государства, отливались въ приволжскомъ краѣ подобныя же зеркала; но эти позднѣйшія подражанія тотчасъ можно распознать по приѣму надписей, который изъ куническаго переходитъ въ новѣйшій, *месхи*. Татары Золотой Орды отливали свои зеркала по стариннымъ болгарскимъ образцамъ.... «Любопытно бы знать, не были ли такія зеркала извѣстны и Руссамъ, и не получались ли на Руси вместе съ другими восточными издѣліями и диргемами? Находчики могли выбрасывать ихъ изъ отрываемыхъ кладовъ, какъ ржавыя мѣдныя доски, не имѣющія цѣнности, или придавать имъ другое значеніе. Такъ на примѣръ въ курганѣ «Перепетовка», верстахъ въ 90 отъ Кіева, найдены два металлическіе кружка (одинъ 2½, другой 2 вершка въ поперечникѣ), которые приняты за «принадлежность деревяннаго щита» и «металлическія обоймицы» (см. Древности, изд. кіевского временною комиссіею, табл. vii, 1; стр. 9, 10, 17). Судя по формѣ, эти кружки не иное что, какъ металлическія зеркала; у одного сохранилась и ручка. Но курганъ «Перепетовка» относится къ болѣе отдаленной древности, чѣмъ мусульманскія зеркала, о которыхъ мы говорили, и найденныя въ немъ два зеркала, подобно сибирскимъ, принадлежать другой эпохѣ, которую можно назвать «эпохой каменныхъ бабъ». Уже Палласъ свидѣтельствуетъ, что такія зеркала находили на груди умершихъ, въ курганахъ южной Россіи.

— Общество назначило новую премію (уже шестую) за сочиненіе о русскомъ гравированіи на металлѣ и деревѣ, съ 1564 до 1725 года.—Отъ сочиненія требуется: 1. Историческое обозрѣніе русскаго гравированія на металлѣ и на деревѣ, отъ перваго появленія въ Москвѣ изображенія Св. Ап. Луки, въ 1564 г. до повсемѣстнаго распространенія этого искусства въ Россіи, до 1725 г.—2. Описаніе всѣхъ изображеній, выданныхъ при книгахъ и

отдельными листами, въ Москвѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Новгородѣ-Свѣ-верскѣ, Могилевѣ, С.-Петербургѣ и монастыряхъ Сійскомъ, Ивер-скомъ, Валдайскомъ и Соловецкомъ.—3. Исслѣдованіе о русскихъ и чужестранныхъ рѣзчикахъ и граверахъ, бывшихъ въ Россіи съ 1564 до 1725 г.—За лучшее сочиненіе назначено четыреста руб. серебромъ. Если же ни одно изъ присланныхъ сочиненій не бу-детъ заслуживать полной преміи, то за сочиненіе, наиболѣ при-ближающееся къ требованіямъ объявленія, назначаются двѣ поло-винныя преміи, каждая въ 200 рублей сереб.—Срокъ для предъ-явленія сочиненій къ соисканію преміи назначается полтора-годо-вой, считая его съ 1-го Сентября 1851 по 1-е Марта 1853 г.

Замѣтимъ, что бѣльшая часть премій, предложенныхъ Общест-вомъ, учреждены почетными Русскими купцами, любителями и хранилищами отечественныхъ древностей, гг. Яковлевымъ, Кузь-минымъ и Шашкинымъ.

ИЗЪ ОДЕССЫ.

ПИСЬМО III.

Благотворительная художественная выставка. Одесскіе художники. Кон-церты Аполлинарія Контскаго. Сюжетъ его музыкальной поэмы. Лит-ратурныя новости.

По мысли здѣшняго начальства съ 1 числа наступающаго мѣ-сяца въ Одесской биржевой залѣ открыта выставка художествен-ныхъ произведеній съ цѣлью благотворенія бѣднымъ. Выставка эта состоитъ изъ картинъ, доставленныхъ какъ здѣшними худо-жниками, приглашенными чрезъ Одесскій Вѣстникъ къ споспѣше-ствованію благому дѣлу, такъ и нѣкоторыми изъ частныхъ лицъ, владѣвшихъ достойными вниманія художественными произведеніями. Какъ прекрасна подобная мысль по своей цѣли и по удобству достиженія ея, объ этомъ говорить самое дѣло. Разумется, что одного желанія благотворить достаточно было для того, чтобы заставить художника отдать на выставку свои произведенія, но вмѣстѣ съ этимъ же предполагалось и соревнованіе въ художни-кахъ: каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть въ виду и то, что произведенія его предстанутъ на судъ публики вмѣстѣ съ про-изведеніями другихъ здѣшнихъ же художниковъ, что достоинства ихъ оцѣнятся относительно и талантъ останется на примѣтъ. Удив-ляемся же послѣ этого, что многіе изъ мѣстныхъ художниковъ не пожелали напомнить о себѣ на настоящей выставкѣ; неужели по-тому, что они боялись поставить свои картины рядомъ съ про-

изведеніями Айвазовскаго, Бруни, Тыранова, украшающими настоящую выставку. Странно подобное малодушіе, (если въ самомъ дѣлѣ оно было причиною, которой мы добиваемся). Изъ того, что произведенія коринтеевъ въ искусствѣ приводятъ каждого въ восторгъ, еще не слѣдуетъ, что произведенія нѣсколькими степенями ниже ихъ по выполненію уже не могутъ имѣть своихъ достоинствъ и степени интереса. Отъ истинно прекраснаго до дурнаго разстояніе неизмѣримое; хотя, разумется, наслажденія больше тамъ, гдѣ ближе къ первому, но все таки каждый моментъ на этомъ разстояніи можетъ произвести выгодное вліяніе на чувства, по крайней мѣрѣ уже тѣмъ, что не дѣйствуетъ на нихъ отрицательно, что, впрочемъ, случается только въ крайнемъ предѣлѣ; да притомъ достоинства произведенія обуславливаются обстоятельствами мѣста, времени, средствъ и т. п. Впрочемъ, какъ бы ни рассуждали мы и Одесскіе художники, многіе изъ нихъ все таки не приняли участія въ настоящей выставкѣ. Между 170 картинами, составляющими выставку, находится пять картинъ Айвазовскаго, которыми владѣетъ нашъ городъ. Вотъ ихъ содержаніе: Видъ моря у Испанскихъ береговъ, видъ Крыма въ окрестностяхъ Айи, буря на морѣ, видъ Феодосіи ночью, видъ Неаполя въ прекрасное утро. Картины эти возобновили въ насъ то наслажденіе, какое мы испытывали позанрошедшаго лѣта, глядя на восемь картинъ Айвазовскаго, писанныхъ для С.-Петербургскаго Эрмитажа и выставленныхъ здѣсь въ продолженіи нѣсколькихъ дней.

Вакханка дающая пить кушидону, картина Профессора Бруни, и рядомъ съ нею Неаполитанка у фонтана, Психея и наконецъ портретъ Айвазовскаго кисти академика Тыранова болѣе другихъ картинъ въ этомъ родѣ обращаютъ на себя вниманіе и долѣе другихъ удерживаютъ его. Предоставивъ все прочія картины работы разныхъ иностранныхъ художниковъ и произведенія художниковъ-любителей вниманію и суду здѣшней публики, мы упомянемъ здѣсь о произведеніяхъ, представленныхъ на выставку собственно здѣшними художниками, дабы тѣмъ, по возможности, дать читателямъ нашимъ понятіе и о художественной сторонѣ Одессы. Изъ такихъ произведеній прежде всего остановимъ вниманіе на картинахъ Варшавскаго художника Хойнацкаго, живущаго въ Одессѣ; изъюмъ ихъ восемь на выставкѣ: два портрета отличаются удивительнымъ, характеристически вѣрнымъ сходствомъ съ натурою, и легкою, оживленною кистью. Еще прекраснѣе его этюды, писанные масляными красками, и особенно картина Моисей,

легаемый матерью въ корзину. Въ этой картинѣ есть много таланта: его можно замѣтить и на лицѣ матери, боязливо осматривающейся, итъ ли свидѣтелей ея печальной разлуки съ сыномъ, и въ положеніи ея фигуры, и въ превосходной отдѣлкѣ мѣстности на берегу, покрытомъ зеленью, при заходѣ солнца, котораго послѣдніе лучи позлащаютъ развалины видящейся на горѣ колонзды. Три картины художника *Мальмана*, здѣшняго уроженца, весьма выгодно рекомендуютъ кисть его. Одна изъ этихъ картинъ представляетъ математика, углубленнаго въ вычисленія: старость покрываетъ лобъ и лице его морщинами, которыя сжала еще болѣе глубина соображеній и мысли, такъ естественно выражающихся въ глазахъ и сжатыхъ бровяхъ старика; въ одной рукѣ онъ держитъ лоскутокъ бумаги, въ другой перо, которое, кажется, уже готово записать вождельщину формулу. Другая картина этого же художника изображаетъ сироту-мальчика: онъ сидитъ на могилѣ, (вѣроятно отца своего) и, склонивши голову на руку, съ глазами полными печали, задумался о своемъ горькомъ одиночествѣ; разумно-печальная мысль облекла все черты лица его, на которое не лѣзя смотреть безъ внутренняго сочувствія, до того кисть художника осмыслила слѣды свои и передала его идею. Глядя на эту картину, мы невольно вспомнили известное стихотвореніе:

Куда мнѣ голову склонить?
Покинуть я и сирѣ, и т. д.

Третье произведеніе Мальмана, портретъ отца художника, имѣетъ поразительное сходство съ натурою и отличается самою тщательною отдѣлкою. Французскій художникъ *Дессенъ* выставилъ нѣсколько портретовъ, писанныхъ пастилемъ, изъ которыхъ нѣкоторые съ известныхъ намъ лицъ имѣютъ безукоризненное сходство съ натурою. Портреты кисти Итальянскаго художника *Амьони* по своей изящной, оживленной отдѣлкѣ можно назвать картинками, особенно портреты цѣлыхъ семействъ, писанныхъ группами; впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ не отличаются большимъ сходствомъ, какъ напримѣръ портреты примадоннъ здѣшней Итальянской оперы, которыхъ болѣе напоминаютъ костюмы, чѣмъ самыя лица. Крымскій художникъ *Гроссъ* выставилъ восемь пейзажей изъ Крымской природы, писанныхъ довольно опытною кистью; нельзя, впрочемъ, не замѣтить, какъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вѣрность природы уступаетъ эффектности красокъ. Художникъ *Серебряковъ* выставилъ нѣсколько иконъ, написанныхъ имъ для церковнаго иконостаса, и нѣсколько копій съ картинъ: Бруни, Тыранова, Айвазовскаго и другихъ. Въ карти-

нах Серебрякова гораздо больше таланта въ исполненіи, чѣмъ въ сочиненіи: копіи его заслуживаютъ полнаго вниманія. Работы Болонскаго живописца *Больдрини*, судя по двумъ картинамъ и двумъ портретамъ, не отличаются ничѣмъ особеннымъ; въ кисти его замѣтно сильное разногласіе мысли и красокъ, которыя ложатся какъ-то жидко и водянисто. Впрочемъ, одинъ изъ портретовъ имѣетъ довольно сходства, за то другой рѣшительно никакого. Миланскій художникъ *Ронкони* выставилъ три миниатюрныхъ, весьма изящныхъ портретовъ, писанныхъ съ оригиналовъ Флорентинской галлерей. Здѣшній художникъ *Лангъ* выставилъ двѣ картины, изъ которыхъ портретъ написанъ очень удачно. Назвавъ еще г. *Бочарова*, который въ заключеніе подчуетъ публику удивительно-натурально сдѣлавшимъ стаканомъ чаю, мы исчислимъ всѣхъ здѣшнихъ художниковъ, участвующихъ въ выставкѣ, между тѣмъ какъ число ихъ въ Одессѣ гораздо больше. Одинъ изъ лучшихъ здѣшнихъ скульпторовъ *Форни* отдалъ на выставку нѣсколько скульптурныхъ произведеній собственной его работы, отличающихся удивительною тонкостію и нѣжностію рѣзца, особенно бюстъ женщины, покрытый вуалью. Скульпторъ какъ бы нарочно взялъ подобный сюжетъ, чтобы показать торжество искусства надъ прихотью дѣйствительности, и исполнилъ его поразительно искусно.

Извѣстный скрипачъ Аполлинарій Контскій далъ четыре концерта въ здѣшнемъ театрѣ. Слава Контскаго сдѣлалась Европейскою и талантъ этого удивительнаго виртуоза извѣстенъ уже нашимъ столицамъ и нѣкоторымъ губернскимъ городамъ. Въ послѣднее время онъ далъ концерты въ Нижнемъ-Новгородѣ и Харьковѣ, откуда и пріѣхалъ въ Одессу, съ намѣреніемъ отправиться отсюда за границу. Намъ имя Контскаго сдѣлалось извѣстнымъ съ прошлаго лѣта, когда фельетоны Петербургскихъ газетъ заговорили о немъ по поводу концертовъ его въ Петербургѣ, особенно изъ брошюры, приложенной къ Сѣверной Пчелѣ, въ которой представлено развитіе славы Контскаго, и собраны факты о восторгахъ, какіе онъ производилъ за границей. Эта брошюра, перепечатанная въ Харьковѣ, распущена была по городу еще до прибытія сюда Контскаго, и предварительно заинтересовала всѣхъ и расположила въ пользу артиста, о которомъ многіе до того и не слыхали. Притомъ въ магазинахъ выставлены были портреты артиста съ надписью: «Аполлинарій Контскій, знаменитый Европейскій скрипачъ, ученикъ Паганини». Всякъ, кто прежде слыхалъ объ успѣхахъ Контскаго и кто успѣлъ прочесть распущенную

по городу брошюру, равно желалъ слышать этого *второго Паганини*, и спѣшилъ запасти билетомъ, такъ, что всѣ мѣста были разобраны еще до прїѣзда артиста, хотя программа концерта еще не была извѣстна. Пьесы, составлявшія программу перваго концерта, были такого рода, что артистъ выказалъ въ нихъ всю силу своего механизма и искусства въ музыкальныхъ эффектахъ; такой характеръ пьесъ, исполненныхъ въ первомъ концертѣ, былъ причиною того, что большинство публики, признавая въ артистѣ невиданный доселѣ механизмъ игры, отказывало ему въ чувствѣ: разумѣется, что чувство уступаетъ всегда тамъ, гдѣ преобладаетъ эффектность, гдѣ цѣль артиста разомъ выказать всѣ тѣ завоеванія, какія онъ сдѣлалъ въ искусствѣ. Эту цѣль и имѣлъ Контскій въ первомъ концертѣ, исполнивъ въ немъ такія пьесы, какъ напр. *pizzì-arco*, музыкальный эффектъ, въ которомъ вовсе нѣтъ никакого музыкальнаго сюжета; но дѣло въ искусствѣ, съ какимъ артистъ преодолеваетъ самыя непостижимыя трудности: для профана въ искусствѣ это кажется не важнымъ, потому что тутъ ничто не касается его сердца, но для человека знакомаго съ искусствомъ скрипичной игры *pizzì arco* кажется просто чародѣйствомъ. Въ первомъ же концертѣ исполнена была на монохордѣ (однострунномъ инструментѣ) арія изъ Роберта «Pieta», которая тоже имѣла цѣлью эффектность, торжество артиста надъ трудностями, и подъ конецъ Венеціанскій карнавалъ, сочиненіе Паганини, отличающееся въ высшей степени музыкальнымъ комизмомъ, какого мы, признаемся, и не подозревали въ музыкѣ, пока не услышали Контскаго. Невѣроятнымъ казалось, что музыкальные звуки могутъ возбудить невольный смѣхъ, особливо при посредствѣ одного инструмента; неувѣроятность эта исчезла, когда мы услышали Венеціанскій карнавалъ, исполненный Контскимъ. Пьеса эта была повторена во второмъ и четвертомъ концертѣ еще съ бѣльшимъ, кажется, чѣмъ прежде, одушевленіемъ, и произвела въ публикѣ единодушный смѣхъ своимъ комизмомъ. Намъ особенно очаровала музыкальная поэма «Сонъ юной дѣвы», которой сюжетъ и музыка принадлежать самому Контскому: тутъ искусство въ полномъ смыслѣ слова обнаруживаетъ свои чары, влиянію которыхъ покорилась бы, кажется, самая стойкая натура, до такой степени внутреннее содержаніе этой пьесы поэтически возвышено и исполненіе артистически дивно. Считаемо не лишнимъ подѣлиться съ читателями тѣми мыслями, которыя вдохновили композитора къ сочиненію этой пьесы. Вотъ сюжетъ ея (*).

(*) Сюжетъ этотъ мы переводимъ изъ листка на Французскомъ языкѣ, приложеннаго къ программѣ концерта.

Берта, молодая и прекрасная обитательница старого Германскаго замка, стоит на террасѣ этого замка, и погруженная въ задумчивость, слушаетъ звонъ колокола, который бьетъ полночь въ котораго медленные отголоски теряются въ тишинѣ долины, спящей у подножія феодальнаго жилища. Луна далеко разливаетъ свои блѣдные лучи, которые исчезаютъ на холмѣ, въ чащѣ лѣса. Еще дальше Рейвъ, подобно усыпленному змѣю, лѣниво раздвѣртываетъ свои серебристыя кольца. Ночь свѣтла, и какъ блестящія, сверкающія на бархатной мантии, горятъ въ небѣ звѣзды. Все тихо. Прохладный вѣтерокъ слегка касается блѣднаго чела красавицы своимъ легкимъ крыломъ. Внизу, среди зелени, увлажненной вечернею росой, соловей поетъ свою сладкую пѣснь любви....

За чѣмъ же въ этотъ разъ, когда все такъ спокойно въ природѣ, Берта, задумчивая и дрожащая, какъ чарующее привидѣніе, ходитъ на террасѣ? Увы!.... Она считаетъ часы, дни, мѣсяцы, ожидая своего кавалера, храбраго Роберта, котораго долгъ и честь отозвали подъ крестоносное знамя для освобожденія Святой земли.

Прошелъ ужъ цѣлый годъ со дня горестной разлуки, и никакъ вѣстники, никакая вѣсть не уменьшили мучительнаго безпокойства невѣсты рыцаря. Каждую ночь она выходитъ на террасу, и, опершись на балюстраду, мысленно вопрошаетъ далекій горизонтъ.

Сладостная и нѣжная задумчивость распространяется на ея чертахъ, и усталость мало по малу смѣжаетъ ея вѣжды.... И вотъ въ памяти ея, какъ струи благовоній, проходятъ одно за другимъ воспоминанія о ея чистой и непорочной любви.

«Оттуда я видѣла его послѣдній разъ, когда онъ исчезъ на поворотѣ большой дороги. Еще нѣсколько минутъ было его еще какъ-то видимо изъ-за молодаго лѣса, подобно парящей птицѣ; потомъ мало по малу исчезло, какъ исчезаетъ призракъ при дыханіи дѣйствительности. Вотъ та долина, въ которой, полный молодости, пылкости и отваги, онъ въ первый разъ явился предо мною. Раздавались трубные звуки, и радостныя восклицанія воиновъ приветствовали его шествіе; онъ преклонилъ колѣна у ногъ монаховъ, и я перевязала руку его шарфомъ, котораго онъ не оставилъ съ тѣхъ поръ»....

Тутъ упоминательное видѣніе омрачается ея чувствами: ей кажется, что ея возлюбленный возвратился, покрытый славными боевыми ранами. Благословеніе неба утверждаетъ клятву любви. По случаю счастливаго брака данъ великолѣпный праздникъ. Напи-

пляются танцы подъ звуки шумныхъ оркестровъ. Употѣлныя вихри вальса овладѣваютъ чувствами прекрасной невесты: сключившись на руку своего супруга, она носится въ толпѣ, которая останавливается, чтобы посмотреть, какъ, подобно легкимъ тѣнямъ, мелькаетъ прекрасная чета.

Воображеніе простодушной дѣвы уноситъ ее далеко вслѣдъ за крестовосцами, въ безпредѣльные пустыни, въ океанъ песковъ, которыми самумъ засыпалъ христіанскія кости. Она достигаетъ самаго поля битвы, проникаетъ въ средину сражающихся полчищъ, слышитъ крики умирающихъ, стѣпанія раненныхъ, воинскія воззванія полководцевъ и возгласы воиновъ; она узнала звучный голосъ своего возлюбленнаго, увидѣла въ толпѣ непріятелей смятыя перья его каски... Она бѣжитъ къ нему и видитъ его престоертаго на землѣ и окровавленнаго. Она въ отчаяніи, она стоить и не хочетъ покинуть своего возлюбленнаго и хочетъ умереть вмѣстѣ съ нимъ.

Но вдругъ снова бьетъ колоколъ.... Берта пробуждается въ испугѣ, въ безпамятствѣ, и, преисполненная любви и радости, падаетъ въ объятія счастливаго Роберта!!!

Въ последнее время напечатаны здѣсь два сочиненія: Хронологическій Сводъ достопримѣчательныхъ событій на земномъ шарѣ отъ Рождества Христова до нашихъ временъ, соч. А. Бальченкова (*), и Краткое первоначальное руководство музыки для дѣвицъ, соч. Ф. Бертольди. Последнее написано на трехъ языкахъ (Русскомъ, Французскомъ и Немецкомъ), и заключаетъ въ себѣ краткую теорію фортепіанной игры для начинающихъ (**). *Н. Бѣлый.*
Одесса.

Ноября 15 дня 1861 г.

ИЗЪ ЖИЗНИ. Въ селѣ Вилотородкѣ найдено 187 монетъ крестьянскимъ мальчикомъ Иваномъ Носачемъ, Польскихъ и Русск. 17 вѣка.

Въ Кіевѣ прибыли два парохода: Опытъ и Трудъ, Бельгійской постройки, превосходныя по быстротѣ хода и изящности отделки. Они изъ числа тѣхъ 12-ти пароходовъ, кои съ будущаго года будутъ курсировать по системѣ Днѣпровскихъ водъ и принадлежать какой-то Польской акціонерской компаніи. Замѣчательно то обстоятельство, что они изъ Варшавы прибыли въ Кіевъ водою. Донынѣ подобнаго сообщенія не бывало. — Для этого всѣ пароходы

(*) Рецензія этой книги, полученная отсюда же, помѣщена ниже. Ред.

(**) Продается въ книжномъ магазинѣ Л. Рудольфа. Цена 1 руб. 50 коп. съ пересылкою 2 руб.

имѣють паровыя трубы изъ цѣпяхъ, опускающія, дабы можно было проходить подъ мостами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нужно было затапливать пароходы до половины водою.

Изъ литературныхъ новостей, вышедшихъ въ последнее время въ Кіевѣ, можно поименовать слѣдующія:

- 1) Gedichte von J. H. Bachman. K. 851, (16) 96.
- 2) Благоговѣйныя чувства души стремящейся къ Богу, или Духовныя псалмы, въ стихахъ, собранныя пречестнымъ старцемъ, Кіево-печерской Лавры духовникомъ, Іеромонахомъ Владиміромъ, съ 21 картин., великолѣпное изд. in 8.
- 3) Поэмы и мѣлкяя стихотворенія дѣвицы Сентимерь.
- 4) Oubliez le bout de votre nez, farce fantastique en trois tableaux. K. 1851 (8), съ нотами и картинами.

СМЕРТНОСТЬ ОТЪ НЕОСТОРОЖНОСТИ ВЪ 1850 Г. ВЪ РОССИИ.

Обыкновенно, въ этомъ отдѣлѣ мы очень рѣдко упоминаемъ о такъ называемыхъ «криминальныхъ» происшествіяхъ, потому что не видимъ надобности наполнять ими страницы, назначенныя для передачи только примѣчательныхъ событій или явленій внутри нашего отечества. Но взятыя въ массѣ, за извѣстный періодъ времени, происшествія эти любопытны для статистики. Таковы, на примѣръ, годичныя обозрѣнія «смертности отъ неосторожности», съ 1842 г. постоянно помѣщаемыя въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Изъ такого обзора за прошлый годъ заимствуемъ главныя данныя. Общій итогъ жертвъ отъ неосторожности, собственной или другихъ, представляетъ ежегодно около 10 т. чело-вѣкъ, но въ прошедшемъ году это число возрасло почти до 13½ т.; такое увеличеніе должно приписать выгоѣ, свирѣпствовавшей въ нѣсколькихъ губерніяхъ и похитившей болѣе 1,200 ч. Наибольшее число жертвъ было въ губ. Кіевской (слишкомъ 650), наименьшее въ Асграханской (съ небольшимъ 50). — Изъ общаго итога всѣхъ умирающихъ отъ неосторожности, вода ежегодно поглощаетъ болѣешую половину жертвъ; такъ и въ 1850 г. было почти 6½ т. жертвъ воды. Изъ этого числа, женщинъ утонуло почти впятеро меньше мужчинъ, а дѣтей вдвое меньше противъ взрослыхъ. Изъ различныхъ родовъ гибели въ водѣ, утонувшіе при купаньѣ представляютъ болѣешую цифру (болѣе 2,400 чело-в.). Мысль, высказанная года два тому, объ обводѣ веками мѣстъ безопасныхъ для купанья, сколь удобопримѣнима къ исполненію, столько же, вѣроятно, была бы и спасительна въ этомъ случаѣ. Точно такъ же могъ бы уменьшиться итогъ утонувшихъ въ колодцахъ и копаняхъ, если срубы и плетневые огорожи надъ этими послѣдними будутъ выводимы хотя на аршинъ высоты. Грустно читать исчисленіе, сколько дѣтей погибло отъ недостатка при-смотра за ними: одинъ утонулъ въ ушатѣ, другой въ квашнѣ съ

тестомъ, третій въ корытѣ, четвертый въ квасу... и такихъ случаевъ цѣлые десятки... Упомянемъ здѣсь же о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ подвиговъ великодушнаго самоотверженія, на которые такъ любить кидаться Русскій человѣкъ не задумавшись, часто едва успѣвъ перекреститься. Въ Бессарабіи было два такихъ случая, оба съ мальчиками, товарищами-пастухами: и спасавшіе, и тонувшіе, въ обоихъ случаяхъ, погибли. По губерніямъ Волынской и Подольской было тоже по два случая, гдѣ спасавшіе дѣтей утонули вмѣстѣ съ ними. Въ Екатеринославской погибла мать, спасая дочь свою; въ Тульской — мужъ, спасая жену; въ Енисейской — арестантъ, кинувшійся для спасенія другаго арестанта. Въ Курляндской — одинъ солдатъ, оступившись, упалъ съ крутогорья въ воду; другой бросился спасать упавшаго, и погибъ съ нимъ вмѣстѣ. Въ Киргизской Степи, изъ двухъ Киргизовъ, бросившихся въ воду за двумя дѣтьми, одинъ утонулъ, другой спасъ утопавшихъ. Въ Таганрогѣ, для спасенія сына кинулись въ воду отецъ его и мать: оба они потонули, мальчика вытащилъ рядовой (*).

Ко второй категоріи жертвъ отъ неосторожности относятся погибшіе отъ ушибовъ: въ 1850 г. ихъ было 1350. Изъ случаевъ этого рода смерти грустную улыбку невольно вызываетъ слѣдующій. Отецъ съ сыномъ, въ губерніи Новгородской, отправились вмѣстѣ на охоту. Преслѣдуя бѣлку, укрывшуюся межъ вѣтвей высокаго дерева, они рѣшились лучше срубить его, нежели откзаться отъ вѣрной, хоть и бѣдной добычи, но срубленное отцомъ дерево убило сына на мѣстѣ. Нельзя еще не замѣтить объ убитыхъ непреднамеренно въ дракахъ: ихъ насчитывается до 300. Русскій человѣкъ хотя и ссорится часто въ шутку, но дерется ужъ не шутя; не одинъ штофъ вина, раскупоренный при самыхъ нѣжныхъ обниманьяхъ, бывалъ, конечно, свидѣтелемъ, какъ друзья ссѣплялись скоро затѣмъ въ смертельную потасовку. Но печальнѣе всего, что каждый годъ можно насчитать нѣсколько жертвъ такихъ дракъ, нѣсколько непричастныхъ ни дружбѣ, ни враждѣ бойцевъ. Такъ, въ Гродненской губ. двое мужиковъ, подравшись межъ собой, задавили до смерти полугодоваго ребенка. Подобные же случаи имѣли мѣсто въ губ. Новгородской и Курской; въ Гродненской же одинъ мѣщанинъ, подравшись съ крестьянкой, убилъ на рукахъ у нея годоваго мальчика. Въ Ковенской, какой-то господинъ, вразумляя жену свою, убилъ на коленяхъ у ней 2-лѣтняго сына. Тоже самое случилось и въ губ. Полтавской, гдѣ мужикъ убилъ 5-лѣтнее дитя свое. Слѣд. случаи стоятъ также упомяновенія. Въ Тамбовской губ. одинъ убитъ на кулачкахъ. Въ Нижегородской одинъ убитъ въ дракъ съ товарищами за найденную ими подкову. Въ Курской, крестьянинъ, дравшись съ братомъ,

(*) Желательно, чтобы какъ этимъ, такъ и вообще всѣмъ подвигамъ самоотверженія и человеколюбія составлялась подробная лѣтопись.

пустилъ въ него котелкомъ, но попалъ въ 17-лѣтнюю сестру, которую и положилъ на мѣстѣ. Наконецъ, въ Казанской, какой-то дѣдушка приласкалъ своего 7-недѣльнаго внука такъ, что вслѣдъ за тѣмъ и похоронилъ его.

Раздавленныхъ (машинами, экипажами, обвалами земли, снѣга, погибшихъ подъ обрушившимися зданіями) насчитывается 1250 жертвъ. Замѣчательно, что въ Саратовской губ. раздавилъ 6-лѣтняго мальчика жвѣстный сельскій экипажъ, запряженный — волами! И, какъ нарочно, въ повозкѣ сидѣли двое, ползвившихся, конечно, разглядѣть, чѣмъ топтали тихо бредущіе воны.

Замерзшихъ насчитывается до 1900 чел. Большая часть, какъ упомянуто выше, погибли во время вьюги, свирѣпствовавшей въ Ноябрь прошлаго года. Изъ случаевъ замерзанія не въ зимніе мѣсяцы стѣдуетъ замѣтить слѣдующіе: Въ губерніи Московской, двое дѣтей отпрагались 24 Іюня за ягодами въ лѣсъ, и тамъ окоченѣли отъ холода. Въ Тульской, забывъ до смерти мальчикъ-настухъ 25 Іюня. Въ Подольской, Октября 26, женщина съ годовымъ ребенкомъ, сбившись съ пути, долго бродила въ потемкахъ наугадъ, и, совершенно выбившись изъ силъ, присла отдохнуть на камень, дожидаясь разсвѣта; но съ разсвѣтомъ увидѣла, что на рукахъ у ней лежалъ уже мертвый младенецъ. Въ Курской, двое путниковъ были захвачены водою, выступившею изъ береговъ; одинъ изъ нихъ, съ больною ногою, озябъ до того, что не могъ выбраться изъ водополя, и пока товарищъ его успѣлъ сходить за помощью, онъ окоченѣлъ отъ холода. Въ Орловской, четверо мальчиковъ, отъ 10 до 13 лѣтъ, отправились въ лѣсъ для ловли птицъ, и замерзли всѣ вмѣстѣ. Въ Курской, одна баба окоченѣла на улицѣ противъ своихъ воротъ. Въ Полтавской, мужикъ, захваченный вьюгой, успѣлъ добраться до своей хаты, но при этомъ до такой степени выбылъ изъ силъ, что не могъ уже отпереть дверей, и заснулъ мертвымъ своимъ на своемъ порогѣ. Въ Чермской; 2-мѣсячное дитя замерзло на груди матеря.

Задохнувшихся въ 1850 г. насчитано вѣсѣхъ олинкомъ 600, изъ этого числа, до 400 угорѣвшихъ въ избѣхъ и овинахъ, и запарившихся 140 человекъ.

Отъ различнаго рода ранъ, нанесенныхъ вслѣдствіе собственной или чужой неосторожности, огнестрѣльнымъ или холоднымъ орудіемъ, погибло до 200. Одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ примѣровъ — не неосторожности уже, а скорѣе дерзости, имѣлъ мѣсто въ губерніи Костромской, гдѣ одинъ дворовый, долго вознившій съ куркомъ своего ружья, который почему-то не спускался, прицѣлился потомъ въ шалость, въ проходившую дѣвушку, хотя, конечно, зналъ, что ружье было заряжено: на этотъ разъ курокъ, на бѣду ихъ обоихъ, спустился, и дѣвушка была убита. Замѣчательнъ также случай, происшедшій въ губерніи

Пермской, гдѣ одинъ мастеровой, хотѣвши укрѣпить лезвіе въ черенкѣ, поюжилъ на остріе ножа досчечку и сталъ нажимать ее грудью такъ сильно, что ножъ пробился сквозь тонкую пластинку и вошелъ ему въ грудь. Въ Вятской губерніи, одна женщина вѣла верхомъ съ полуштофомъ водки за пазухой; упавши печально съ лошади, осколками этого полуштофа изрвала себѣ животъ и умерла на мѣстѣ. Сюда же причислимъ и два случая операций, слишкомъ смѣлыхъ для неопытной руки доморожденныхъ хирурговъ: въ Таврической губ. подрѣзали одному ребенку язвическѣ (неизвѣстно ужъ для какой цѣли), а въ Архангельскѣ, отрѣзали другому шестой палецъ на рукѣ, въ обоихъ случаяхъ такъ неудачно, что бѣдные дѣти скончались вслѣдъ за операцией. Въ Вятской, одинъ крестьянинъ упросилъ отставнаго солдата отрѣзать ему гнившую ногу, и послѣ благополучной операціи скончался.

Количество отравившихся неумышленно составляетъ, въ 1850 г., итогъ въ 64 чел. Главными причинами этого рода смертности были, какъ и прежде, грибы и испорченная соленая рыба. Кромѣ того: въ Закавказьи и Петербургѣ двое опились опиумомъ; въ Тамбовской губ. одинъ умеръ отъ табаку, принятаго имъ внутрь, какъ лекарства отъ лихорадки; въ Ярославской, одна женщина, принявъ какой-то порошокъ отъ кашля, данный ей другою дѣвкою.

Число погибшихъ отъ употребленія спиртныхъ напитковъ простиралось до 676. Между прочимъ, въ Тобольской губ., одинъ крестьянинъ просверлилъ шиломъ дно въ бочкѣ водки и черезъ соломинку втянулся до смерти: случай этотъ повторяется нерѣдко.

Погибшихъ отъ различнаго рода ожоговъ насчитывается 840 ч.

Отъ домашнихъ животныхъ погибло слишкомъ 50 ч. Въ томъ числѣ, свиньи загрызли 9 малолѣтковъ, и случаи этой гибели, слѣдствія безпечности родителей, повторяются каждый годъ. Между прочимъ двѣ дѣвочки загрызены поросятами: одна—двухъ лѣтъ, а другая десяти!... Отъ дикихъ звѣрей погибло слишкомъ 40 чел.

Съ ужасомъ встрѣчаемъ случаи гибели... отъ неумѣреннаго употребленія пищи, и детей, записанныхъ матерями. Есть нѣсколько случаевъ смерти отъ изнеможенія. Такъ въ Московской губ., священнической сынъ, 8 лѣтъ, изнемогъ отъ усталости, отправившись домой въ деревню пешкомъ изъ Коломны.... Вообще, при болѣе-шей части случаевъ смерти отъ неосторожности, приходитъ на память наша мудрая поговорка: *береженого Богъ бережетъ!* И грустно, что многіе изъ этихъ случаевъ выпадаютъ на долю тѣхъ, кого должны бы беречь другіе....

С М Ъ С Ъ.

ПОДМОСКОВНАЯ ОХОТА.

Ружье и собака.

Ружье и собака — вотъ два неразлучные спутника каждаго егеря; для него это самое необходимое, самое дорогое имущество. Охотникъ заболѣлъ, охотникъ проигрался, все это дѣла исправимыя; но сломалось его ружье, пропала у него собака, и онъ груститъ непритворно; вы увидите иногда даже слезы на глазахъ этого человѣка, не смотря на то, что многіе по занятію называютъ его безжалостнымъ. Конечно, каждый охотникъ старается имѣть ружье хорошее; но одному мешаетъ въ этомъ случаѣ недостатокъ средствъ, другому недостатокъ свѣдѣній о томъ, что составляетъ необходимыя условія хорошаго охотничьяго ружья. Последнее бываетъ даже чаще въ томъ кругу охотниковъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ нашей статьѣ. — Имѣя смутное понятіе о превосходствѣ иностранныхъ ружей передъ Русскими, нѣкоторые гонятся только за тѣмъ, чтобы на стволахъ ружья ихъ было имя Французскаго или англійскаго мастера. Очень часто встрѣишь имя Лепажа или Бушперона на плохомъ Тульскомъ ружьѣ, и хозяинъ его въ полной увѣренности, что онъ обладаетъ прекрасною вещію. Убѣжденію его не мешаютъ даже ореографическія ошибки въ имени мастера. Недавно случилось мнѣ встрѣтиться съ однимъ стрѣлькомъ, выхвалявшимъ до-нельзя ружье свое. «Бой у него удивительный, говорилъ онъ, да и не мудрено: это настоящіе Французскіе карабины, посмотрите сами». Онъ подалъ мнѣ ружье свое, и я прочелъ на стволахъ: сапоп Ja gance, (буква Ф вырѣзана русская). Вотъ до чего новы нѣкоторые охотники въ понятіяхъ о ружьяхъ. Пособить этому горю трудно. Искусство отличать истинно хорошее ружье отъ плохаго нельзя подвести подъ неизмѣнныя правила; въ человѣкѣ долженъ образоваться какой-то тактъ этого различенія вслѣдствіе опыта и занятія этимъ предметомъ съ любовью. А казалось бы, какъ не заняться съ любовью тѣмъ, что самъ выставляешь своимъ любимымъ занятіемъ. Превосходство ружей иностранныхъ передъ ружьями Русскими не безусловно. Главнымъ образомъ оно состоитъ въ цѣнности. Я буду говорить

сначала о ружьях фабричных и о ружьях мастеров иностранных средней руки; съ ними только могут сравняться ружья лучших наших оружейниковъ.

Доброе Лиежское, Прагское или Сульское ружье можно имѣть цѣлковыхъ за шестьдесятъ или семьдесятъ; если сравнить съ нимъ одноцѣнное ружье нашего произведенія, то конечно послѣднее уступитъ первому и въ боѣ и въ отдышѣ. Но дайте нашему ружейнику полтора-ста, двѣсти цѣлковыхъ, и онъ сдѣлаетъ вамъ ружье на славу. Готового такого ружья вы у него никогда не найдете, потому что рѣдки на нихъ покупатели; стало быть и поощренія къ усовершенствованію труда. Кто имѣетъ средства заплатить большіе деньги за оружіе, тотъ заплатитъ эти деньги не нашему мастеру, а Ленажу, Девину, Ментону, Мортимеру, Бушерону и др., имя которыхъ ручается за превосходство ихъ работы. Точно такъ, какъ всякой купитъ Орловскаго или Мосоловскаго коня скорѣе, нежели завода неизвѣстнаго, если они будутъ одинаково хороши собою и одинаковой цѣнности.

Теперь скажу нѣсколько словъ о необходимыхъ качествахъ хорошаго охотничьяго ружья, какой бы цѣны оно ни было. Прежде всего требуется отъ ружья хорошій бой. Покупая ружье, надо испробовать его въ цѣль. Дальнѣйшее разстояніе пробѣ должно быть пятьдесятъ шаговъ; далѣе этого разстоянія никогда стрѣлять не приходится въ болотѣ, а въ лѣсу и по-давно. Если и рассказываютъ охотники о дичи, убитой ими на семьдесятъ или сто шаговъ, то это или чистый пухъ, или одинъ выстрѣлъ на тысячу. При пробѣ надо обращать вниманіе на глубину вошедшихъ въ цѣль дробинъ, и на ихъ взаимное разстояніе. Если дробь вся вошла въ дерево и между дробинами не можетъ пролетѣть мелкая птица, то бой этого ружья вполне удовлетворителенъ. За боемъ слѣдуетъ наружность. Большая или меньшая ширина калибра, равно и длина стволовъ при хорошемъ боѣ не имѣетъ вліянія на достоинство ружья, нужно только смотрѣть, чтобы стѣнки стволовъ были равны, внутри гладки и у казенника прочны. Гладкость внутри есть необходимое условіе, потому что шероховатость, дѣлаемая часто нарочно крупнымъ сверломъ, усиливаетъ бой ружья сначала; но въ послѣдствіи отъ частыхъ выстрѣловъ внутренность стволовъ лудится дробью, и ружье теряетъ бой окончательно. Замки въ ружья должны быть легки на взводахъ и на спускахъ, внутренняя же боевая пружина должна быть достаточно упруга, чтобы постоянно разбивать пистонъ. Что касается до ложа (прикладъ), то оно выбирается по плечу.—Считаю почти

лишнимъ прибавить, что все сказанное здѣсь относится къ ружью двухствольному, да и какой же порядочный охотникъ не знаетъ его превосходства предъ ружьями одноствольными, которыя почти совершенно выходятъ изъ употребленія.

Въ заключеніе бесѣды нашей о ружьяхъ назову лучшихъ современныхъ иностранныхъ ружейныхъ мастеровъ, ружья которыхъ встрѣчаются у Московскихъ охотниковъ. Это: Лепажъ, Бушиеронъ, Девинъ, Мортимеръ, Моръ, Лебеда. Ружья первыхъ двухъ отличаются чрезвычайною легкостію, въ остальныхъ же достоинствахъ они всѣ равныя соперники. Ружья эти очень дороги: нѣтъ полотороста цѣлковыхъ ихъ нельзя купить на мѣстѣ; у насъ они, стало, еще дороже. Чаше встрѣчаются ружья иностранныя фабричныя, вывѣренныя хорошими мастерами, которые и ставятъ по этому иногда на стволахъ свое имя. Ружья Испанскія, Итальянскія и Шведскія, издавна отличающіяся превосходными босомъ, вышли изъ употребленія, потому что всѣ они одноствольныя. Лазарини, Старбустъ и др. двухствольныхъ ружей не дѣлали. Изъ нашихъ мастеровъ довольно удовлетворительныя ружья дѣлаютъ: Голытаковъ, Ижевскій, Артари, Медвѣдевъ и Шипковъ.—Еще отъ нашихъ непріятелей осталось въ Москвѣ много разнаго рода иностранныхъ стволовъ,—ихъ-то большею частію обдѣлываютъ наши ружейники, и иногда эти ружья имъ удаются.

Хорошая собака есть также необходимая принадлежность порядочнаго охотника. Въ подмосковныхъ мѣстахъ она даже необходима, чѣмъ гдѣ-нибудь. Есть страны для стрѣльбы благословенныя, какъ напримеръ Малороссія, Тамбовская, Тверская и Новгородская губерніи; тамъ дичи такъ много, что она безпрестанно поднимается изъ-подъ ногъ охотника. Собака тутъ почти роскошь. Да и охотниковъ въ тѣхъ сторонахъ мало; мужикъ не пойдетъ тамъ за дичью, куда ему дѣвать ее.... Но у насъ, гдѣ на каждую пару дичи почти придется по стрѣлку, надо имѣть локую и проворную собаку. Какъ часто въ одно и тоже время въ одномъ болотѣ являются нѣсколько охотниковъ. У кого собака лучше, тотъ одинъ и стрѣляетъ, а другіе только съ завистью на него смотрятъ. Если онъ даже и плохой стрѣлокъ, то другимъ отъ этого не легче, потому что, по охотничьему правилу, никто не можетъ стрѣлить изъ-подъ чужой собаки. Птица не убита охотникомъ, переживетъ въ виду вашемъ, а вы не можете идти къ ней и стрѣлить ее. Какъ же послѣ этого больно тому охотнику, у котораго собака копотлива или не имѣетъ вѣрнаго чутка.

Подружейныя собаки раздѣляются на много породъ. Скажемъ нѣсколько словъ о достоинствахъ и недостаткахъ породъ болѣе употребительныхъ.

Съ давнихъ поръ первое мѣсто между лагавыми собаками занимаютъ такъ называемыя собаки Французскія. Теперь эта порода въ чистотѣ совершенная рѣдкость. Изъ ста охотниковъ рывъ у одного встрѣтитъ эту красавицу на высокихъ прямыхъ ногахъ и съ сухою, короткою головою, длинными и чрезвычайно тонкими ушами и совершенно прямой грудью. Удовлетворяя вполнѣ требованіямъ охоты легкостью, чуткостью и стойкою, они имѣютъ недостатокъ довольно важный въ нашемъ климатѣ. Холода они совершенно не терпятъ, корчатся, дрожатъ и даже вовсе перестаютъ искать. Тоже бываетъ съ ними, если долго пробудутъ въ болотѣ при сыроватой погодѣ. Стали стараться помочь этому горю, явилась новая порода собакъ подъ названіемъ Пушкинскихъ (*). Многие думаютъ, что эта порода произошла отъ скрещенія породы Французской съ породою Меделянской. Данныхъ, доказывающихъ истину этого, нѣтъ; но паружный видъ Пушкинской собаки даетъ вѣроііе этому предположенію. Толщина морды, необыкновенная отвислость щекъ и губъ и массивность стана вообще напоминаетъ собаку Меделянскую. Порода эта тоже очень красива для глазъ, не боится холоду, но за то по своей тушности чрезвычайно истощима и съ трудомъ переноситъ жаръ. Опять недостатокъ довольно важный. Въ Августѣ бываютъ иногда очень жаркіе дни, въ этомъ же мѣсяцѣ, такъ сказать, самый развалъ охоты за дупелями, и вдругъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы, вы уже опережаете собаку, посылаете ее искать, а она съ разинутиымъ ртомъ идетъ назадъ.

Еще замѣчательная и очень употребительная порода подружейныхъ собакъ называется у насъ собаками Маркловскими. Имя свое заняли они отъ перваго своего хозяина г. Маркловскаго, знаменитаго во время оно охотника, жившаго въ Сибири. Общая молва о происхожденіи этой породы та, что Маркловскій, желая усилить чутье Французской собаки и придать ей бѣльшую быстроту, помѣшалъ эту породу съ гончими собаками. Изъ этой смеси вышли очень красивыя собаки, сходныя почти во всемъ съ собаками Французскими, кромѣ морды, которая у первыхъ нѣсколько толще, и ушей, которыя у нихъ короче. Главнымъ отличительнымъ признакомъ Маркловской собаки сѣзжать подъ

(*) Надо замѣтить, что породы эти не являлись въ совершенномъ хронологическомъ порядкѣ и чтобы одна совершенно замѣняла другую. У одного охотника была собака Французская, у другаго Пушкинская, и др.

палины (желтые пятна вокруг морды, на лавках и на сгибах ног). Эти подпалины, так часто встречаемые у собак-гошчих, равно и необыкновенная жадность къ дичи въ собаках Марадонской оправдываютъ мнѣніе о ея происхожденіи. Жадность эта такъ велика, что все эти собаки дичь мнутъ, т. е. прокусаютъ, а некоторые и совсемъ подаютъ. Это качество очень не-пріятно для охотника: не говоря уже о томъ, что не большое удовольствіе взять въ руки разорваннаго дупеля или бекаса, надо сказать, что не цѣлая дичь чрезвычайно скоро портится. Въ жаркій день достаточно поносить ее до вечера въ латаньи, чтобы она получила непріятный запахъ. — Въ прочихъ же отношеніяхъ эти собаки превосходны. Розыскъ необыкновенно быстрый, чутье верное, стойка мертвая. Они нѣсколько горячее другихъ породъ и послѣ пуделя, особенно не разъ повтореннаго, гонятъ; но у плохаго охотника погонитъ и всякая другая собака. Поступокъ этотъ съ ея стороны очень естественъ. Все удовольствіе собаки на охотѣ состоитъ въ томъ, чтобы поддержать во рту нѣсколько мгновений убитую вами дичь, этою наградою она довольствуется за все свои хлопоты. Не получая этого наслажденія послѣ лишняго промаха, она сама хочетъ поймать птицу и за нею гошится. Многіе предлагаютъ разные средства отучать собаку отъ гонки, совѣтуютъ надѣвать парфорсный ошейникъ (*), даже стрѣлять въ нее на далекомъ разстояніи. По моему же лучший способъ отучить собаку отъ этой привычки состоитъ въ томъ, чтобы убивать каждую птицу, которую она принюхаетъ. Собака переставетъ гонять тогда по очень простой причинѣ — гнать ей будетъ уже нечего.

Обратимся теперь къ собакамъ Англійскимъ. Эта, порода недавно явилась въ нашихъ краяхъ и рѣшительно была перевѣсъ надъ всеми прочими породами. Каждый охотникъ старается всеми силами добыть Англійскаго щенка и платитъ за нихъ большіе деньги; а охотники баричи выписываютъ ихъ прямо изъ Англіи. Это общее стремленіе обзавестись такими собаками не можетъ быть объяснено, какъ некоторые полагаютъ, модою. Надо поискать болѣе основательной этому причины. Въ породахъ, до сихъ поръ нами описанныхъ, а описали мы породы самыя лучшія, въ каждой встрѣчали мы какой-нибудь важный недостатокъ. Англійская же порода собакъ удовлетворяетъ всемъ требованіямъ охотника. Необходимыя качества хорошей собаки суть слѣдующія: верное и далекое чутье,

(*) Внутренняя сторона ошейника уколочена гвоздиками.

твердая стойка, здоровье и сила ногъ. Все это соединено въ Английской собацѣ. Она причувствуетъ дичь иногда на такомъ большомъ разстояніи, что охотникъ не довернеть ей, но на двѣ оказывается, что она не ошиблась. Имѣя необыкновенно быстрый розыскъ, эта собака часто отдѣляется отъ охотника на очень большое пространство, шаговъ на триста и болѣе, становится надъ дичью и никакъ не спугнетъ ее до приближенія стрѣлка. Жаръ и холодъ переносятъ она свободно, въ ней не замѣчается никакой особенной болѣзни подобно собакамъ Маркловскимъ, у которыхъ, къ четвертой или пятой осени, болѣею частію дѣлается болѣзнь въ ногахъ. Сила ногъ у собакъ Английскихъ необыкновенная; пробѣжавъ сто верстъ за почтовою тройкою, они идутъ въ болото совершенно свѣжими. Понятливость къ охотѣ развивается у нихъ гораздо ранѣе, чѣмъ у собакъ прочихъ породъ. Не разъ были примѣры, что семимѣсячный щенокъ отыскивалъ вальшнеповъ и становился надъ ними, какъ старая собака. Порода Английскихъ собакъ раздѣляется на два вида: пуэнтеровъ и сеттеровъ (*). Первые имѣютъ небольшой ростъ, гладкую короткую шерсть, короткую морду и небольшія уши. Цвѣтъ шерсти ихъ болѣею частію бѣлый, съ самыми блѣдными желтыми пятнами, рѣдко встрѣтишь пуэнтера всего чернаго или кофейнаго. Сеттеръ поменьше ростомъ имѣетъ болѣе острую морду, длинную шелковистую шерсть, мохнатый хвостъ и довольно длинныя уши. По замѣчанію охотниковъ, послѣдняя порода не такъ прочна въ охотѣ; вѣроятно, это дѣйствіе нашего климата. Лучшіе выписные сеттера ходили у насъ не болѣе двухъ полей и потомъ портились. Отъ пуэнтеровъ отличаются они еще чрезвычайною горячностію, такъ что совершенно неудобны для охоты въ лѣсу. Пуэнтеры же до сихъ поръ постоянно оправдываютъ высокое о нихъ мнѣніе охотника, и остается желать, чтобы эта порода размножалась въ Россіи, сохраняя всю чистоту крови. Къ породамъ, уже вышедшимъ изъ употребленія, можно отнести собакъ Испанскихъ, Польскихъ, Курляндскихъ и Брустбартовъ. Изъ послѣдней породы выходили иногда очень хорошія собаки, и нельзя не пожалѣть, что они перевелись почти совершенно. У мужиковъ охотниковъ встрѣчаемъ мы даже простую дворную собаку, натасканную имъ для охоты. Чутье этихъ собакъ бываетъ иногда удивительно далекое и вѣрно—конечно это охотничья рѣдкость.

В. В.

(*) Pointer и setter имеютъ нарицательныя, и оба обозначаютъ подружейную собаку (*chien d'arret, chien couchant*).

НЕНАВИСТНИКЪ ЖЕНЩИНЪ.

ШУТКА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Густавъ, молодой лѣсничій.

Елена, жена его.

Фредлингъ.

Простая комната; по обѣимъ сторонамъ и въ срединѣ двери. Два стола; на одномъ, что на право (отъ зрителей) бѣлая скатерть, опущенная до полу, утюгъ и нѣсколько щучь бѣлья.

СЦЕНА I.

ЕЛЕНА. ГУСТАВЪ.

ЕЛЕНА (*приготавливаетъ завтракъ у стола, что на лѣво. Она въ простой утренней одеждѣ и въ чепчикѣ, рѣжа и намазывая масломъ хлѣбъ, поетъ про себя пѣсню.*)

ГУСТАВЪ (*выходитъ съ правой стороны и нѣсколько времени наблюдаетъ за Еленой, потомъ подкрадывается къ ней, обнимаетъ ее и цѣлуетъ*). Здравствуй, Леночка!

ЕЛЕНА (*ударивъ его по рту*). Какъ ты меня напугалъ.

ГУСТАВЪ (*нѣжно*). Развѣ я пугало?

ЕЛЕНА. Я держала чашку; ну что, если бы я уронила и разбила ее?

ГУСТАВЪ (*пустивъ ее, обидчиво*). Да, очень было бы жаль этой прекрасной чашки, напоминающей про этого молодого офицера...

ЕЛЕНА (*серьезно*). Густавъ!

ГУСТАВЪ (*еще обидчивѣе*). Очень, очень было бы жаль! Эта чашка тебѣ такъ дорога, что ты изъ нея пьешь каждое утро. Я бы сдѣлалъ непростительное преступленіе, если бы ты ее разбила изъ-за меня!

ЕЛЕНА. Густавъ!

ГУСТАВЪ. А какой красавецъ этотъ офицеръ, какой мужественный видъ, какъ онъ храбръ, настоящій Марсъ. Всѣ сердца безпрекословно покорялись этому юному Юпитеру съ усами!

ЕЛЕНА (*смотрит на него секунду*). Да, эта чашка мнѣ дорогѣ, и я не забуду никогда того, кто подарилъ мнѣ ее. Когда нашъ домъ горѣлъ и пламя обхватило его со всѣхъ сторонъ; когда я, задыхаясь отъ дыма, въ отчаяніи напрасно кричала и звала на помощь;—тогда онъ бросился ко мнѣ, и, рискуя своею жизнью, вынесъ меня изъ огня на своихъ рукахъ и спасъ отъ неизбежной смерти.

ГУСТАВЪ (*ужоля*). Леночка!

ЕЛЕНА. Безъ него я бы погибла, следовательно не могла бы никогда выйти за тебя. Какъ же не дорожить мнѣ этимъ памятникомъ?

ГУСТАВЪ. Виновать!

ЕЛЕНА. Не должна ли же я дорожить подаркомъ такого благороднаго человека?

ГУСТАВЪ. Леночка, душенька!

ЕЛЕНА. Но... однакожъ эта чашка не будетъ мѣшать тебѣ больше! (*идетъ въ задній планъ и запираетъ чашку въ шкафъ*).

ГУСТАВЪ (*слѣдуетъ за ней и не хочетъ допустить*). Полно-же, я виноватъ, кругомъ виноватъ; прости меня и возьми назадъ чашку.

ЕЛЕНА. Помнишь-ли, что ты мнѣ обещалъ?

ГУСТАВЪ. Исправиться!

ЕЛЕНА. И не мучить меня своею ревностію?

ГУСТАВЪ. Да, да, я сознаюсь, что виноватъ.

ЕЛЕНА. Только двѣ недѣли прошли отъ нашей свадьбы, а ни одного дня не проходило безъ несносныхъ припадковъ твоей ревности.

ГУСТАВЪ. Елена! безъ ревности нѣтъ любви!

ЕЛЕНА. Развѣ я не люблю тебя?

ГУСТАВЪ (*обнимаетъ ее*). Ангелочикъ мой!

ЕЛЕНА. Я, однакожъ, не ревную.

ГУСТАВЪ. Да, ты...

ЕЛЕНА. Что я?

ГУСТАВЪ. Ты не имѣешь причинъ.

ЕЛЕНА (*освобождаясь и смотря на него пристально*). Такъ, стало-быть, ты не безъ причинъ ревнивъ?

ГУСТАВЪ. Нѣтъ, нѣтъ! я чувствую, что я брежу. Я боленъ, Елена, будь снисходительна ко мнѣ.

ЕЛЕНА. Ты долженъ доверять мнѣ.

ГУСТАВЪ. Съ удовольствіемъ.

ЕЛЕНА. Безъ доверенности нѣтъ любви.

ГУСТАВЪ. Да, да, ты права—прости меня.

ЕЛЕНА (*дастъ ему руку*).

ГУСТАВЪ. Возьми опять чашку, пожалуйста.

ЕЛЕНА. Нѣтъ.

ГУСТАВЪ. Въ знакъ примиренія.

ЕЛЕНА. Нѣтъ. Пока ты не исправился, пока ты не будешь вести себя хорошо—иначе ни за что.

ГУСТАВЪ. Но, Леночка—

ЕЛЕНА. Нѣтъ, не проси напрасно! И я хочу жить свою жизнь. Теперь пойдемъ завтракать.

ГУСТАВЪ. Ты не сердисься?

ЕЛЕНА. Къ чему же?

ГУСТАВЪ. Ни чуть?

ЕЛЕНА. Ахъ, какъ снисходительны мы должны быть къ нашимъ слабостямъ!

ГУСТАВЪ. Ты просто ангелъ! (*Садится за столъ*).

ЕЛЕНА (*наливая*). Куда ты сплывишь такъ рано: ты уже совсемъ одѣтъ?

ГУСТАВЪ. Я въ лѣсъ опишу, тамъ разныя дѣла.

ЕЛЕНА (*подаетъ ему чашку*). Кушай.

ГУСТАВЪ. А наше парн?

ЕЛЕНА. Фи, какой ты гадкій!

ГУСТАВЪ. (*смѣясь*). Нѣтъ, на этотъ разъ не поймать тебя меня.

ЕЛЕНА (*съ сердцемъ*). Изъ всего видно, что ты мой мужъ, а не женщина.

ГУСТАВЪ. Развѣ всѣ мужья неважны?

ЕЛЕНА. Прежде, бывало, ты нарочно проигрывалъ, изъ одной вѣжливости, а теперь—

ГУСТАВЪ. Но ты знаешь—

ЕЛЕНА. Что ты мой мужъ, а я твоя жена!

ГУСТАВЪ. Вѣдь мнѣ никакъ не хочется проиграть этого парн.

ЕЛЕНА. Пустяки! Три дня я уже стараюсь, и все напрасно.

ГУСТАВЪ. Но къ чему же сердиться? Вы женщины хитры, тебѣ не трудно будетъ перехитрить меня.

ЕЛЕНА. Да, издѣвайся еще въ добавокъ. Но перемывишь лучше разговоръ, это парн ужъ смерть какъ надоело.

ГУСТАВЪ (*смѣясь*). Какъ тебѣ угодно, хорошо.... Мой другъ Фрейлингъ возвратился вчера вечеромъ и хотѣлъ сегодня утромъ придти ко мнѣ.

ЕЛЕНА. Этотъ незнакомый женщина?

ГУСТАВЪ. Тотъ самый.

ЕЛЕНА. Мне весьма любопытно видеть его.

ГУСТАВЪ (обидчиво). Неужели?

ЕЛЕНА. Когда ты верно рисовалъ мнѣ его портретъ, онъ мужчины довольно интересный.

ГУСТАВЪ. Гмъ, гмъ!

ЕЛЕНА. Я въ самомъ дѣлѣ отъ души рада, что онъ придетъ къ намъ.

ГУСТАВЪ (еще обидчивѣе). Конечно, такой интересный мужчина.

ЕЛЕНА. Что съ тобой?

ГУСТАВЪ. Я долженъ отлучиться, никто не поминать этому сладкому свиданію.

ЕЛЕНА. Густавъ!

ГУСТАВЪ. Вашъ разговоръ будетъ очень занимателенъ.

ЕЛЕНА. Нечего сказать, ты мастеръ держать свое слово!

ГУСТАВЪ. Но....

ЕЛЕНА (подражая). Я признаюсь, я виновата.

ГУСТАВЪ. Но, Леночка....

ЕЛЕНА. Я хочу исправиться....

ГУСТАВЪ. Да, я хочу этого, и даже уже исправился — смотри, я опять веселъ.

ЕЛЕНА (насмѣшливо). Въ самомъ дѣлѣ?

ГУСТАВЪ. Моя ревность исчезла, я убежденъ....

ЕЛЕНА. Какой ты герой!

ГУСТАВЪ. Я болѣе не ревнивъ.

ЕЛЕНА. Ты уже ревнуешь меня къ человеку, котораго я еще не видѣла.

ГУСТАВЪ (вспыльчиво). Но котораго ты очень желаешь видѣть.

ЕЛЕНА. На долго ли останешься ты, бѣдная моя чашка, въ шкафу?

ГУСТАВЪ (ударяетъ себя по лбу).

ЕЛЕНА. Прощай, чашечка моя дорогая, мнѣ уже болѣе тебя не видать!

ГУСТАВЪ. Черезъ недѣлю увидишь се.

ЕЛЕНА. Ни черезъ сто лѣтъ!

ГУСТАВЪ. Если я въ теченіи недѣли буду ревновать, тогда ты выиграла пари.

ЕЛЕНА (съ презрѣніемъ). Въ такомъ случаѣ я уже выиграла!

ГУСТАВЪ. Ты полагаешь?

ЕЛЕНА. Да, я такъ полагаю. Но ты мнѣ еще не сказалъ, почему твой другъ ненавидитъ насъ бѣдныхъ женщинъ?

ГУСТАВЪ. Потому, что онъ дуракъ.

ЕЛЕНА. Это очевидно. Но его дурачество должно иметь причину.

ГУСТАВЪ. Его мать Англичанка, онъ самъ большую часть жизни своей провелъ въ Англіи, и любитъ безъ предъла все, что носитъ на себѣ Англіійскій отпечатокъ. Присталъ ли къ нему Англіійскій сплинъ, этого не знаю; а знаю только то, что онъ присвоилъ себѣ много странностей, которыми Англичане страдаютъ и которыя мы называемъ просто дурачествомъ.

ЕЛЕНА (*внимательно*) Гмъ!

ГУСТАВЪ. Два года тому назадъ, невеста извѣстила ему, и онъ съ тѣхъ поръ сдѣлался ненавистникомъ всѣхъ женщинъ.

ЕЛЕНА. И такъ, только измѣня любовницы во всемъ виновата, больше ничего?

ГУСТАВЪ. Больше ничего. (*Всплмчиво*). Больше ничего! Вотъ прекрасно! Я думаю, что этого достаточно, чтобы съ ума сойти, а ты говоришь такъ хладнокровно: больше ничего! Еслибъ ты измѣнила мнѣ, я....

ЕЛЕНА. Тогда ты въ полномъ правѣ сойти съ ума сколько хочешь; но покаместъ это еще слишкомъ рано для тебя.

ГУСТАВЪ. Вы, женщины, не умевте ценить любви своихъ мужей.

ЕЛЕНА. Да, мы недостойны этой драгоценной любви!

ГУСТАВЪ. Я не говорю про всѣхъ, (*нѣжно*) вѣдь есть же исключенія....

ЕЛЕНА. Всѣ, всѣ, безъ исключенія.

ГУСТАВЪ. Нѣтъ, ты уже одно исключеніе.

ЕЛЕНА. Извините, сударь, я ничѣмъ не лучше другихъ женщинъ.

ГУСТАВЪ. Не уже-ли?

ЕЛЕНА. Я такая же женщина, какъ и всѣ. Природа насъ создала съ хорошими качествами, и когда мы сдѣлаемся негодными, то въ этомъ случаѣ виноваты вы мужчины.

ГУСТАВЪ. Можетъ быть. (*Смотритъ черезъ окно*). Кстати, вотъ онъ идетъ.

ЕЛЕНА. Тогда я уйду.

ГУСТАВЪ. Но ты опять придешь?

ЕЛЕНА. Конечно.

ГУСТАВЪ. Поговори-ка съ нимъ.

ЕЛЕНА. Съ моимъ удовольствіемъ.

ГУСТАВЪ. Цѣлуйся съ нимъ.

ЕЛЕНА. Хорошо. Всѣ приказы почтеннаго моего супруга будутъ въ точности исполнены. Приходи только поскорѣй. (*Уходитъ на лѣво*).

СЦЕНА II.

ГУСТАВЪ, скоро потомъ ФРЕЙЛИНГЪ.

ГУСТАВЪ (*смотря ей въ слѣдъ*). Какъ она мила, какъ хороша, какъ добра! Ахъ, моя неумѣстная ревность убиваетъ меня. Но я еще молодъ, а разумъ приобрести можно только годами.

ФРЕЙЛИНГЪ (*выходитъ; по его одеждѣ видно, что онъ не-гмжируется съ нампреніемъ; онъ запустилъ огромную бороду и волосы, и держитъ книгу въ рукахъ*). Мое почтеніе!

ГУСТАВЪ. Здравъ ли ты? (*Обнимаются*).

ФРЕЙЛИНГЪ. Слава Богу!

ГУСТАВЪ. А дѣла твои?

ФРЕЙЛИНГЪ. Кончены.

ГУСТАВЪ. Счастливъ ли ты?

ФРЕЙЛИНГЪ. Благодаря Бога, я счастливъ, когда городъ за мною, а я опять въ деревнѣ, далеко отъ общества,—а ты?

ГУСТАВЪ. Я самый счастливый человекъ подъ луной, я уже ведыл дѣв какъ женатъ на прелестной женщинѣ.

ФРЕЙЛИНГЪ (*качаетъ головой*). Гмъ, гмъ!

ГУСТАВЪ. Ты не въ состояніи цѣнить по настоящему мое счастье, вѣдь для тебя потеряли женщины всю привлекательную прелесть.

ФРЕЙЛИНГЪ (*схватилъ его за руку, трагически*). О, да! И я надеялся, и мнѣ улыбалось счастье, и я чувствовалъ это блаженство—но меня обманули!

ГУСТАВЪ. Только одна обманула тебя!

ФРЕЙЛИНГЪ. А сколько прикажешь?

ГУСТАВЪ. Одна неудача ничего не значитъ—зачѣмъ ты не испыталъ своего счастья у другой?

ФРЕЙЛИНГЪ. Одинъ разъ—и болѣе никогда!

ГУСТАВЪ. Притомъ и ты не безъ вины.

ФРЕЙЛИНГЪ. Я только въ томъ виноватъ, что любилъ ее слишкомъ.

ГУСТАВЪ. Да, и мучилъ ее своею ревностію до техъ поръ, пока ты ей не надѣлъ порядкомъ.

ФРЕЙЛИНГЪ. Безъ ревности нѣтъ любви!

ГУСТАВЪ. Нѣтъ! безъ доверенности нѣтъ любви.

ФРЕЙЛИНГЪ. А ты не ревнивъ?

ГУСТАВЪ. Я?—Нѣтъ.... да.... какъ сказать: не много, очень не много. Но не въ такой степени, какъ ты въ этомъ отношеніи,—хуже Турка. По твоему, она ни съ кѣмъ не смѣла танцовать.

ФРЕЙЛИНГЪ. Она могла танцовать со мной.

ГУСТАВЪ. И говорить ты ей запретилъ.

ФРЕЙЛИНГЪ. Она могла говорить со мной.

ГУСТАВЪ. И глядѣть не смѣла она.

ФРЕЙЛИНГЪ. Она могла глядѣть на меня.

ГУСТАВЪ. Я вижу, мы никогда не согласимся.

ФРЕЙЛИНГЪ. Когда моя невеста мнѣ гнусно измѣнила, и позабыла свои клятвы; когда я возненавидѣлъ цѣлый женскій полъ и сталъ презирать этихъ бездушныхъ созданій; когда я прибѣгалъ сюда въ уединеніе, чтобы никого не видѣть, кромѣ деревьевъ въ лѣсахъ и звѣздъ на небесахъ;—тогда я нашелъ тебя, и мы поняли другъ друга, я скоро полюбилъ тебя, и видѣть тебя ежедневно обратилось мнѣ въ привычку.

ГУСТАВЪ (*жметъ ему руку*).

ФРЕЙЛИНГЪ. Я буду стараться пріучаться при видѣ твоей (*съ страхомъ*) жены опять къ женщинамъ.

ГУСТАВЪ. Моя Леночка предобрая!

ФРЕЙЛИНГЪ. Онъ всѣ дрянъ. Та, которая была такъ любима мною, измѣнила мнѣ!

ГУСТАВЪ. Оставь это. — Мнѣ надо въ лѣсъ—жена моя побѣждаетъ покаместъ съ тобой.

ФРЕЙЛИНГЪ. У меня собесѣдникъ—стихи Байрона.

ГУСТАВЪ. Въ 25 лѣтъ ничего не любить, кромѣ стиховъ Байрона, это довольно скучно.

ФРЕЙЛИНГЪ. А ты!—съ тобою и моимъ Байрономъ....

ГУСТАВЪ. Это все прекрасно, но безъ любви жизнь наша ничтожна, вала.

ФРЕЙЛИНГЪ. Я пересталъ любить! Я желалъ бы видѣть столь увлекательную женщину, чтобы могъ снова влюбиться въ нее

ГУСТАВЪ. Ты въ теченіе двухъ лѣтъ никого почти не видалъ, кромѣ своей старой беззубой ключницы и нѣсколькихъ дюжинъ деревенскихъ красавицъ, которыя, увидавъ тебя издали, съ крикомъ бросаются вонъ.

ФРЕЙЛИНГЪ. Точно, онъ будто увидѣли лютаго звѣря. Это мнѣ и нравится. Онъ должны избѣгать меня, какъ я ихъ избѣгаю. Будь увѣренъ, что это будетъ большая жертва съ моей стороны—пріучаться опять къ женщинамъ, находясь въ обществѣ твоей жены.

ГУСТАВЪ. Благодарю тебя, но надѣюсь —

ФРЕЙЛИНГЪ. Что?

ГУСТАВЪ. Что ты сдѣлаешься со временемъ умнѣе.

ФРЕЙЛИНГЪ. Развѣ я глупъ?

ГУСТАВЪ. Да, въ этомъ отношеніи.

ФРЕЙЛИНГЪ. Мое житіе непоколебимо.

ГУСТАВЪ. Какъ хочешь. Но лошадь моя ждетъ меня. До свиданія. *(Уходитъ въ середину)*.

С Ц Е Н А Ш.

ФРЕЙЛИНГЪ, скоро потомъ Елена.

ФРЕЙЛИНГЪ. Бѣдный другъ! И ты скоро разочаруешься! Какъ справедливъ греческій мудрецъ, благодаря боговъ за то, что онъ родился мужчиной, а не женщиной. Самъ лукавый ихъ создалъ. *(Садится на право и читаетъ)*.

ЕЛЕНА *(одѣтая просто, платье съ короткими рукавами, еще въ утреннемъ чепчикѣ, входитъ тихо, останавливаясь у дверей и наблюдая)*. Такъ вотъ тотъ ужасный человекъ, который осмѣливается презирать насъ бѣдныхъ женщинъ. Урокъ ему и моему ревниву не послужитъ во вредъ. Нельзя ли его вылечить? Я попробую—хитрость и кокетство наши сильнѣйшія оружія, быть можетъ онъ не устоитъ противъ нихъ. *(Въ слухъ)* Честь имѣю рекомендоваться.

ФРЕЙЛИНГЪ *(встаетъ и кланяется, не глядя на нее, не учтиво)*. Здравствуйте!

ЕЛЕНА *(идетъ къ нему и прикасается рукой до его плеча)*. Вы ли тотъ жестокой ненавистникъ женщинъ?

ФРЕЙЛИНГЪ *(оглядывается быстро и съ замѣшательствомъ)*. Я не люблю вашего пола.

ЕЛЕНА. Это мнѣ весьма пріятно.

ФРЕЙЛИНГЪ. Неужели?

ЕЛЕНА. Моя маленькая говаривала, что надо намъ остерегаться мужчинъ, которые слишкомъ любятъ нашъ полъ. Но вы насъ презираете, следовательно вы намъ не опасны.

ФРЕЙЛИНГЪ. Да!

ЕЛЕНА. И мой мужъ не будетъ имѣть причинъ ревновать.

ФРЕЙЛИНГЪ. По крайней мѣрѣ ко мнѣ!

ЕЛЕНА *(ударяя въ ладоши)*. Ахъ, это чудесно!

ФРЕЙЛИНГЪ *(въ продолженіе разговора не глядя на нее)*. Развѣ онъ ревнивъ?

ЕЛЕНА. Ужасно! По этому-то я и рада, что вы не опасны. Мнѣ нечего теперь церемониться съ вами, я могу смѣяться и пить сколько угодно, и Густавъ на все это будетъ смотреть безъ подозрѣнія.

ФРЕЙЛИНГЪ. Что до меня касается — вы можете быть совершенно спокойны. *(Сидитъ къ ней спиной)*.

ЕЛЕНА *(идетъ къ столу, что на лѣво, садится и занимается своими туалетомъ)*. Вы бонтесь меня?

ФРЕЙЛИНГЪ. Съ чего вы это взяли?

ЕЛЕНА. Потому что вы сидите спиной ко мнѣ.

ФРЕЙЛИНГЪ. Это не со страху, но — *(обращается по маленку болше къ ней)*.

ЕЛЕНА. Мой мужъ мнѣ приказалъ, чтобъ я была вежлива къ вамъ, и вы не имаете никакого права обращаться со мной такъ неучтиво.

ФРЕЙЛИНГЪ. Извините, я ненарочно...

ЕЛЕНА. Когда я говорю съ вами, вы должны глядѣть на меня.

ФРЕЙЛИНГЪ *(смотритъ на нее быстро, но сейчасъ опускаетъ свору на книгу)*.

ЕЛЕНА. Могу ли поправить свои локоны? Я не успѣла этого сдѣлать, когда доложилъ о вашемъ приѣздѣ, не желая заставить васъ ожидать меня, потому что мой мужъ разсердился бы на меня.

ФРЕЙЛИНГЪ. Безъ церемоній; только съ этимъ условіемъ я буду нестицать васъ и впередъ.

ЕЛЕНА. Хорошо, я вижу, мы чудесно уживемся. *(Снимаетъ чепчикъ и занимается локонами, которые въ беспорядкѣ)*. Вадъ нельзя же разговаривать, не глядя другъ на друга, потому что глаза много помогаютъ, ихъ польза существенна и часто они краснорѣчивѣе всѣхъ ораторовъ на свѣтѣ.

ФРЕЙЛИНГЪ *(глядитъ почаще на нее, внимательно, но осторожно, чтобы ихъ взоры не встрѣтились)*.

ЕЛЕНА. Говорятъ, будто существуетъ особенный нѣмой языкъ, котораго тайну должны бы были стеречь ангелы. *(Молчаніе)* Для разговора необходимы двѣ osoby, но когда вы ничего не станете отвѣчать, то мнѣ трудно будетъ исполнить желаніе моего мужа. Я спрошу васъ что-нибудь; хотите ли?

ФРЕЙЛИНГЪ. Какъ вамъ угодно.

ЕЛЕНА *(беретъ гитару и настраиваетъ ее, между тѣмъ въ полголоса пробуетъ разныя пѣсни)*.

ФРЕЙЛИНГЪ *(обращаетъ свое вниманіе на нее; онъ немножко разспланъ)*.

ЕЛЕНА. Ай, ай, ай, ай! *(держитъ свою руку, какъ будто она болитъ)*.

ФРЕЙЛИНГЪ. Что съ вами?

ЕЛЕНА. Колокъ не вертится. Смотрите, мои бедные пальчики какъ красны. *(Держитъ руку передъ его лицомъ и дуется себѣ въ пальцы)*.

ФРЕЙЛИНГЪ. Мнѣ васъ жалъ!

ЕЛЕНА *(будто съ сердцемъ)*. Этому я не вѣрю.

ФРЕЙЛИНГЪ. Почему не вѣрите?

ЕЛЕНА *(подражал)*. Мнѣ васъ жалы! Развѣ такимъ образомъ принимаютъ участіе? Вы варваръ. Помогите мнѣ, я не могу сладить съ этимъ колокомъ. *(Подаетъ ему гитару)*.

ФРЕЙЛИНГЪ *(настраиваетъ)*.

ЕЛЕНА *(становится передъ нимъ на колѣна, и пробуетъ каждую струну)*. Еще не много, — такъ. Теперь настройте *la* — не этотъ колокъ, берите второй, — такъ, теперь хорошо. *(Встаетъ, беретъ гитару и играетъ нѣсколько аккордовъ)*. Хорошо, теперь вы можете заниматься своею книгою. *(Даетъ ему книгу въ руки, садится на лѣво, обращается къ нему и поетъ серенаду Шу-берта)*.

ФРЕЙЛИНГЪ *(слушаетъ съ величайшимъ вниманіемъ, книга упала изъ рукъ; онъ все больше и больше смотритъ на Елену)*.

ЕЛЕНА *(избѣгаетъ встрѣчи взоровъ, но наблюдаетъ за нимъ ухрадкой. Молчаніе)*. Какъ вамъ нравится эта пѣсня?

ФРЕЙЛИНГЪ *(съ чувствомъ, какъ будто проснувшись)*. Эта пѣсня чудесна! *(Беретъ книгу и опять садится по старому)*.

ЕЛЕНА *(уноситъ гитару въ задній планъ и перебиваетъ шкафа; между тѣмъ поетъ въ толголоса послѣднія строки пѣсни. Вынимаетъ изъ шкафа запутанную пряжу и мотовило)*. Ахъ, Боже мой!

ФРЕЙЛИНГЪ. Что съ вами?

ЕЛЕНА. Мое мотовило разломано; я хотѣла наматывать пряжу. Какъ досадно! Ахъ, любезнѣйшій невиннѣйшій женщинъ, вы можете помочь моему горю.

ФРЕЙЛИНГЪ. А? Чѣмъ жѣ?

ЕЛЕНА. Тѣмъ, что вы пряжу поддержите въ своихъ рукахъ, — сдѣлайте одолженіе, я васъ умоляю....

ФРЕЙЛИНГЪ. Но....

ЕЛЕНА. Я васъ прошу, будьте такъ добры. Хотя вы неавидите женщинъ, но все-таки можете сдѣлать исключеніе и быть любезнымъ.

ФРЕЙЛИНГЪ. Но я рѣшительно не знаю, какъ держать. *(Начинаетъ смягчаться, грубость его мало по малу терлется)*.

ЕЛЕНА. Это вовсе не мудрено, я васъ сейчасъ же научу.

ФРЕЙЛИНГЪ. Ну-съ, хорошѣ.

ЕЛЕНА. Прочь съ вашей книгой—такъ,—теперь обратитесь ко мнѣ, вотъ какъ,—теперь протягивайте ко мнѣ свои руки,—не такъ,— (*поправляетъ его руки, надъѣваетъ пряжку и начинаетъ мотать*). Вотъ видите, какъ это легко. Давно ли вы въ деревнѣ?

ФРЕЙЛИНГЪ. Почти два гола.

ЕЛЕНА. И во все это время вы вели такую отшельническую жизнь?

ФРЕЙЛИНГЪ. Уединеніе самый лучший другъ человека.

ЕЛЕНА. Будьте внимательнѣе, вы должны рукой помогать— вотъ какъ. Идите вы съ своимъ уединеніемъ; оно хорошо для стариковъ, а не для васъ. Сколько вамъ лѣтъ?

ФРЕЙЛИНГЪ. Мнѣ? 25 лѣтъ.

ЕЛЕНА (*останавливается и смотритъ на него*). Я думала, что вамъ за 30; но въ этомъ виновата ваша огромная борода.

ФРЕЙЛИНГЪ. Она вамъ не нравится?

ЕЛЕНА. Напротивъ, я люблю эти бородачи,—что за мужчина безъ бороды, даже каждая коза ходитъ преважно съ бородой. Вы были влюблены когда-нибудь?

ФРЕЙЛИНГЪ. Я васъ прошу, сударыня, не говорите мнѣ объ этомъ.

ЕЛЕНА. А я васъ прошу не называть меня сударыней,—что за нелѣпое слово.

ФРЕЙЛИНГЪ. Но какъ же мнѣ васъ называть?

ЕЛЕНА. Зовите меня просто Еленой: вѣдь вы другъ моего мужа?

ФРЕЙЛИНГЪ. Но, сударыня...

ЕЛЕНА (*останавливается*). Что я вамъ сказала?

ФРЕЙЛИНГЪ. Но...

ЕЛЕНА. Ну-съ? (*складывая*). Е-л-е-н-а—Елена; ну, повторите.

ФРЕЙЛИНГЪ. Я не смѣю.

ЕЛЕНА. Пожалуйста, попробуйте хоть разъ. Еще ни одинъ ненавистникъ женщинъ не звалъ меня такимъ именемъ; я желала бы это слышать отъ васъ.

ФРЕЙЛИНГЪ. Елена!

ЕЛЕНА. Бррр!

ФРЕЙЛИНГЪ. Что это значитъ?

ЕЛЕНА. Какъ непріятно звучитъ это. Мой мужъ говоритъ: милая Елена, и такъ нѣжно, съ такимъ чувствомъ. Я думаю, вы вовсе не умете любить?

ФРЕЙЛИНГЪ. Сударыня, я васъ просилъ...

ЕЛЕНА. Елена, я не сударыня.

ФРЕЙЛИНГЪ. Елена, я васъ просилъ.

ЕЛЕНА. Ахъ, признайтесь, любили ли вы когда-нибудь; я ужасно любопытна.

ФРЕЙЛИНГЪ. Вы напоминаете мнѣ слишкомъ непріятныя времена.

ЕЛЕНА. И такъ, стало быть, вы были влюблены. Пожалуйста, расскажите мнѣ это; ведь я думаю, что вы отъ роду имаете отвращеніе къ женщинамъ.

ФРЕЙЛИНГЪ. Къ сожалѣнію, нѣтъ.

ЕЛЕНА (*ударяетъ его по рукѣ*). Повнимательнѣе, — сударь: пряха свалится съ вашихъ рукъ. — Ну-съ?

ФРЕЙЛИНГЪ. Что-съ?

ЕЛЕНА. Вы хотѣли рассказать.

ФРЕЙЛИНГЪ. Полноте.

ЕЛЕНА. Ахъ, какъ вы жестоки, не хотите удовлетворить моего любопытства. Она была вѣроятно красива?

ФРЕЙЛИНГЪ (*скоро*). Очень красива!

ЕЛЕНА. И молодая?

ФРЕЙЛИНГЪ. Какъ вы.

ЕЛЕНА. Какіе глаза?

ФРЕЙЛИНГЪ. Темные.

ЕЛЕНА. Какъ ее звали?

ФРЕЙЛИНГЪ. Софью.

ЕЛЕНА. Прекрасное имя. Вы ее очень любили?

ФРЕЙЛИНГЪ. Я ее обожалъ!

ЕЛЕНА. И она умерла?

ФРЕЙЛИНГЪ. Нѣтъ.

ЕЛЕНА (*переставая мотать*). Какъ нѣтъ?

ФРЕЙЛИНГЪ. Она и теперь жива и здорова.

ЕЛЕНА. Что это значитъ? Вы изменили ей?

ФРЕЙЛИНГЪ. Нѣтъ, она мнѣ изменила

ЕЛЕНА. Фи, какъ это гадко!

ФРЕЙЛИНГЪ. Не правда ли?

ЕЛЕНА. Какъ же это случилось? Это мнѣ непостижимо.

ФРЕЙЛИНГЪ. И я этого не постигаю.

ЕЛЕНА. Бѣдный Фрейлингъ! — Да, теперь...

ФРЕЙЛИНГЪ. Что теперь?

ЕЛЕНА. Теперь мнѣ понятно, почему вы насъ ненавидите.

ФРЕЙЛИНГЪ. То-то и есть.

ЕЛЕНА. Измѣна любовницы — это ужасно! Бѣдный мой другъ, какъ вы страдали!

ФРЕЙЛИНГЪ. О, Елена, я чуть-чуть не сошелъ съ ума.

ЕЛЕНА. Кажется. Но забудьте эту измѣнницу.

ФРЕЙЛИНГЪ. Ахъ, я не могу ее забыть!

ЕЛЕНА. Повѣрьте мнѣ, это не была женщина, это исключеше; она согрѣшила противъ природы; мы женщинами не помнимъ никогда никому.

ФРЕЙЛИНГЪ. Ахъ, еслибъ она такъ чувствовала, какъ вы! Вы такъ добры, Елена, ваше состраданіе, какъ цѣлительный бальзамъ.

ЕЛЕНА. Уже ли?

ФРЕЙЛИНГЪ. Мнѣ такъ пріятно...

ЕЛЕНА. Я очень рада, что успѣла васъ утѣшить! *(Оба смотрятъ пристально другъ на друга, онъ потупляетъ глаза)*. Мнѣ жаль, когда я вижу несчастнаго, и должна плакать, когда плачутъ другіе.

ФРЕЙЛИНГЪ. Вы такъ добры, такъ чувствительны, милая Елена.

ЕЛЕНА *(весело)*. Но не будемъ говорить болѣе объ этой измѣнницѣ;—она не стѣдитъ этого, она не была достойна васъ.

ФРЕЙЛИНГЪ. Не говорите этого.

ЕЛЕНА. Какъ?

ФРЕЙЛИНГЪ. А можетъ быть и я не безъ вины.

ЕЛЕНА. Лучше перестанемъ говорить объ этой печальной исторіи; въ другой разъ, когда меня некороче узнаете, докончите ее.

ФРЕЙЛИНГЪ. Я готовъ хоть сей-часъ вамъ доверить все, что у меня на душѣ.

ЕЛЕНА. Развѣ вы мнѣ доверяете?

ФРЕЙЛИНГЪ. Вполнѣ.

ЕЛЕНА *(потупляетъ глаза)*.

ФРЕЙЛИНГЪ *(беретъ ее за руку)*. Вы не глядите на меня?

ЕЛЕНА. Смотрите, вража свазите!

ФРЕЙЛИНГЪ. Винодѣтъ, я забылъ!

ЕЛЕНА. Вы, кажется, очень богаты?

ФРЕЙЛИНГЪ. Да, довольно.

ЕЛЕНА. Это чудесно. Ахъ, какъ я желала бы богатства!

ФРЕЙЛИНГЪ. Въ богатствѣхъ нѣтъ счастья. Вы богаче меня.

ЕЛЕНА *(смѣется)*. Я?

ФРЕЙЛИНГЪ. Ваша веселость, ваша счастливый характеръ....

ЕЛЕНА. Это все прекрасно, но когда у насъ много денегъ, мы въ состояніи помогать другимъ и дѣлать много добра. Вы, вѣроятно, очень благодѣтельны?

ФРЕЙЛИНГЪ. Я? Да.... нѣтъ.... откровенно сказать.

ЕЛЕНА. Ничего! Ваша экономка обещает много добродушия. Я не надеюсь, чтобы вы, возненавидя насъ, женщины, забыли свои обязанности къ бѣднымъ.

ФРЕЙЛИНГЪ. Въ самомъ дѣлѣ, я по ея пору мало заботился объ этомъ.

ЕЛЕНА. Фр, сударь, этого я не ожидала никакъ; это безобразие съ вашей стороны.

ФРЕЙЛИНГЪ. Но, Елена....

ЕЛЕНА. Не надо быть малодушнымъ эгоистомъ, не надо только заниматься собою!

ФРЕЙЛИНГЪ. Но, милая Елена....

ЕЛЕНА. Вздоръ, выслушайте всю правду.

ФРЕЙЛИНГЪ. Я исправлюсь, помогите мнѣ.

ЕЛЕНА. Въ чемъ же?

ФРЕЙЛИНГЪ. Раздавайте мои благодаренія, ведите меня въ жилище бѣдствія.

ЕЛЕНА. Охотно. Не беспокойтесь, я буду вамъ хорошимъ управляющимъ; я буду тратить ваши деньги безъ пощады.

ФРЕЙЛИНГЪ. Сколько вамъ угодно и когда вамъ угодно.

ЕЛЕНА. Вы опять забыли о пряжѣ. Развѣ вамъ непріятно ее держать на рукахъ?

ФРЕЙЛИНГЪ. Напротивъ.

ЕЛЕНА. Когда это вамъ въ тягость, я перестану носить.

ФРЕЙЛИНГЪ. Я готовъ держать ее на своихъ рукахъ хоть сто лѣтъ.

ЕЛЕНА. Ай!

ФРЕЙЛИНГЪ (*вскочилъ со стула*). Что съ вами?

ЕЛЕНА. Комаръ, что-ли, попалъ мнѣ въ глазъ, — ууу, какъ болитъ!

ФРЕЙЛИНГЪ (*положилъ правую на столъ, отнимаетъ у нея клубокъ, заботливо*). Не трите глаза!

ЕЛЕНА. Пожалуйста глазъ, пожалуйста!

ФРЕЙЛИНГЪ. Откройте его.

ЕЛЕНА. Я не могу! Гдѣ же онъ? (*Она вытаращила оба глаза и ищетъ его рукой*).

ФРЕЙЛИНГЪ. Вотъ я. (*Подаетъ ей руку*).

ЕЛЕНА (*прислоняется къ нему*).

ФРЕЙЛИНГЪ (*обнимаетъ ее крѣпко, такъ что голова ея лежитъ на его груди*). Попробуйте-ка открыть больной глазъ!

ЕЛЕНА (*открываетъ медленно глаза*).

ФРЕЙЛИНГЪ (*наклонившись надъ ней*). Который глазъ болитъ?

ЕЛЕНА Правый.

ФРЕЙЛИНГЪ (*дуетъ ей тихо въ глазъ*).

ЕЛЕНА. Это нисколько не помогаетъ.

ФРЕЙЛИНГЪ. Стойте смирно. (*Повторяетъ тоже самое*).

ЕЛЕНА. Хорошо, теперь прошло уже. (*Хочетъ освободиться*).

ФРЕЙЛИНГЪ (*держитъ ее*). Милая Елена!

ЕЛЕНА. Благодарю васъ покорно.

ФРЕЙЛИНГЪ (*съ жаромъ*). Вы ангелъ!

ЕЛЕНА (*смѣясь*). И мой мужъ говорить это часто — но долго-ли я буду ангеломъ?

ФРЕЙЛИНГЪ. Вѣчно!

ЕЛЕНА. Еще нѣсколько лѣтъ, и все лице мое будетъ въ морщинахъ!

ФРЕЙЛИНГЪ. Ихъ можно изгладить поцѣлуями. (*Хочетъ ее цѣловать*).

ЕЛЕНА (*ускользнувши изъ его рукъ*). Эй, эй, что это значитъ, господинъ ненавистникъ женщинъ?

ФРЕЙЛИНГЪ. Полноте, я дурачился, но съ этой минуты я перестану, когда вы хотите.

ЕЛЕНА. Въ самомъ дѣлѣ?

ФРЕЙЛИНГЪ. Когда вы удостоите меня своею дружбою и своими совѣтами.

ЕЛЕНА. Съ удовольствіемъ.

ФРЕЙЛИНГЪ. Я все исполню, что вы прикажете.

ЕЛЕНА. Будете ли вы веселѣе?

ФРЕЙЛИНГЪ. Да.

ЕЛЕНА. Вѣжливѣе?

ФРЕЙЛИНГЪ. Да, да.

ЕЛЕНА. И не будете больше ненавидѣть и презирать женщинъ?

ФРЕЙЛИНГЪ. Нѣтъ, нѣтъ!

ЕЛЕНА. Когда такъ, я принимаю ваше предложеніе.

ФРЕЙЛИНГЪ. И такъ мы союзники.

ЕЛЕНА (*подавая руку*). На всегда!

ФРЕЙЛИНГЪ. Надо скрѣпить нашъ союзъ.

ЕЛЕНА. Чѣмъ-же?

ФРЕЙЛИНГЪ. Поцѣлуемъ.

ЕЛЕНА (*стыдливо*). Полноте.

ФРЕЙЛИНГЪ. Въ знакъ дружбы.

ЕЛЕНА. Негодится.

ФРЕЙЛИНГЪ. Только одинъ поцѣлуй.

ЕЛЕНА. Если мой мужъ....

ФРЕЙЛИНГЪ. Онъ мнѣ другъ, следовательно и его жена должна быть моею подругой. (*Беретъ ее за руку*).

ЕЛЕНА. Вы знаете, что онъ....

ФРЕЙЛИНГЪ (*съ жаромъ*). Вашъ мужъ любить васъ такъ нежно, позвольте и мнѣ...

ЕЛЕНА. Но...

ФРЕЙЛИНГЪ. Милая Елена, только одинъ поцѣлуй. (*Онъ обнимаетъ ее, она противится ему, но онъ успѣваетъ ее поцѣловать*).

ЕЛЕНА (*кричитъ громко*).

ФРЕЙЛИНГЪ (*выпускаетъ ее*). Чтѣ съ вами?

ЕЛЕНА. Мой мужъ!

ФРЕЙЛИНГЪ. Гдѣ?

ЕЛЕНА. Вотъ онъ идетъ черезъ садъ.

ФРЕЙЛИНГЪ (*смотритъ въ окно*). Онъ идетъ очень шибко.

ЕЛЕНА (*рыдая*). Онъ все видѣлъ!

ФРЕЙЛИНГЪ. Быть не можетъ....

ЕЛЕНА. У него глазъ зорокъ какъ у орла!

ФРЕЙЛИНГЪ. Ну, чтѣ за бѣда?

ЕЛЕНА. Его ревность....

ФРЕЙЛИНГЪ. Боже мой, чтѣ мы сдѣлали такое худое?

ЕЛЕНА. Вы меня поцѣловали!

ФРЕЙЛИНГЪ. Больше ничего?

ЕЛЕНА. Вы его не знаете, онъ бѣшеный.

ФРЕЙЛИНГЪ. Боже мой! (*Не много трусливо*).

ЕЛЕНА. Какъ я боюсь!

ФРЕЙЛИНГЪ. Успокойтесь!

ЕЛЕНА. Онъ все отгадаетъ по моимъ глазамъ.

ФРЕЙЛИНГЪ. Я лучше уйду.

ЕЛЕНА. Вы попадетесь ему прямо на встрѣчу.

ФРЕЙЛИНГЪ. Но что-же мнѣ дѣлать?

ЕЛЕНА. Спрячьтесь.

ФРЕЙЛИНГЪ. Какъ?

ЕЛЕНА. Ради Бога, будьте такъ добры.

ФРЕЙЛИНГЪ. Это будетъ очень похоже на....

ЕЛЕНА. По крайней мѣрѣ, пока его гнѣвъ пройдетъ.

ФРЕЙЛИНГЪ. Ну, гдѣ же мнѣ спрятаться? (*Хочетъ идти на лѣво*).

ЕЛЕНА. Куда же вы, въ мою спальню?

ФРЕЙЛИНГЪ. Ну такъ я туда пойду. *(Хочетъ къ двери)*

ЕЛЕНА. Куда же? это его кабинетъ.

ФРЕЙЛИНГЪ. Куда же мнѣ идти?

ЕЛЕНА. Ступайте подь столъ!

ФРЕЙЛИНГЪ. Подь столъ? На собачье мѣсто,—это ужъ ии на что не похоже....

ЕЛЕНА. Дражайшій мой, ступайте-ка.

ФРЕЙЛИНГЪ. Вы со мной дѣлаете, что вамъ угодно. *(Прячется подь столъ на право)*.

ЕЛЕНА. Хорошо, не шевелитесь! *(Она опускаетъ скатерть, чтобы его было не видно. Въ сторону)*. Вотъ вамъ урокъ, сударь; я васъ наказала еще слишкомъ мало. *(Слышитъ къ двери, что на право; беретъ ключъ къ себѣ, садится у стола, что на лѣво, и закрываетъ лице платкомъ)*.

СЦЕНА IV.

Презнѣ и Густавъ.

ГУСТАВЪ. Вотъ и я! Ты одна? Я думаю, что Фрейлингъ еще здѣсь; онъ ушелъ, что-ли? Ты съ нимъ говорила? Что съ тобою? Ты не отвѣчаешь?

ЕЛЕНА *(смотритъ на него, качаетъ головой и закрываетъ опять глаза платкомъ)*.

ГУСТАВЪ. Радъ Бога, ты меня пугаешь, Леночка! Ты плакала?

ЕЛЕНА *(бросается ему на шею и прячетъ свое лицо на его груди)*.

ГУСТАВЪ. Леночка, милая моя, что случилось съ тобою, говори?

ЕЛЕНА *(всхлиывая)*. Я не могу.

ГУСТАВЪ. Это ужасно! Что здѣсь произошло?

ЕЛЕНА. Я не смѣю говорить, но я не смѣю скрыть ничего передъ тобою: вѣдь я твоя жена!

ГУСТАВЪ. Ну-съ?

ЕЛЕНА. Твой другъ, который притворился такъ искусно ненавистникомъ женщинъ....

ГУСТАВЪ. Ну-съ.

ЕЛЕНА. Онъ обманщикъ!

ФРЕЙЛИНГЪ *(высунувъ голову изъ-подъ стола)*. Ахъ ты змѣя!

ГУСТАВЪ. Но я не понимаю....

ЕЛЕНА. Я обратилась съ нимъ въжизно, по твоему приказу, — *(запинаясь)* сначала онъ притворился суровымъ и лживымъ.

Густавъ *(внимательно)* А потомъ?

Елена. А потомъ онъ хотѣлъ меня поцѣловать,
Фрейлингъ *(какъ выше)*, Ахъ ты дивчарка!

Густавъ. Целовать Тебя!

Елена. Разумѣется, еще позволила ему...

Густавъ. А онъ?

Елена. Онъ обнялъ меня, прижалъ меня къ себѣ...

Густавъ. Сто тысячъ чертей!

Елена. Въ это-то время ты шелъ черезъ садъ...

Густавъ. Куда онъ двался?

Елена *(бросается ему на шею)*. Не убивай его!

Густавъ. Такъ, стало быть, онъ еще здѣсь? Гдѣ онъ?

Елена. Онъ велѣлъ мнѣ молчать, и ускользнулъ въ твой кабинетъ.

Фрейдингъ *(хочетъ выйти изъ-подъ стола, но опять прячется)*.

Елена. Я такъ была сконфужена, что сама не знала, что я делаю и заперла его. А ключъ взяла къ себѣ.

Густавъ. Она не увидѣтъ нашихъ рукъ. Экой мошенникъ!

Елена. Но Густавъ....

Густавъ. Меня онъ хотѣлъ обмануть, меня своего друга!

Елена. Воздержися!

Густавъ. Дай ключъ!

Елена. Ты вишь себя!

Густавъ. О, я буду ужасно мщеникомъ! — Гдѣ ключъ?

Елена. Но, не надевай бѣды.

Густавъ. Ключи!

Елена *(подаетъ ключъ)*.

Густавъ *(спешитъ къ двери)*.

Елена *(очень громко)*. А наше пари?

Густавъ *(оборачивается къ ней съ недоумѣннм)*.

Елена *(весело)*. Я выиграла, я выиграла!

Густавъ *(смотритъ на нее сомнѣваясь, отпираетъ дверь, заглядываетъ въ кабинетъ и оборачивается къ ней)*.

Елена *(беретъ его за руку и тащитъ его вперед)*. Кто не хотѣлъ быть болѣе ревнивымъ?

Густавъ. Да, такимъ образомъ....

Елена. Кто не хотѣлъ проиграть своего пари?

Густавъ. Ахъ ты лиса!

Фрейлингъ *(какъ выше)*. Ахъ ты лукаваа!

ЕЛЕНА (*бодро*). Развѣ не ты вызвалъ меня на хитрость?
 ГУСТАВЪ. А Фрейлингъ?

ЕЛЕНА. Вся его ненависть къ женщинамъ просто полное дурачество.

ФРЕЙЛИНГЪ. Да, это совершенно правда.

ГУСТАВЪ. И я остался въ дуракахъ съ своею ревностію.

ЕЛЕНА. Да, это совершенно такъ.

ГУСТАВЪ. И проигралъ въ добавокъ еще пари! Ты убила двухъ мухъ однимъ ударомъ!

ЕЛЕНА (*ударяетъ по столу, подъ которымъ сидитъ Фрейлингъ*). Нѣтъ, трехъ мухъ.

ГУСТАВЪ. Какъ такъ?

ЕЛЕНА. Тамъ еще одна муха, я ударила по ней.

ГУСТАВЪ. И напрасну еще я разсердился!

ЕЛЕНА. Но какъ мнѣ не постараться: выиграть такой заманчивый; какъ хороша я буду въ этой шали. Вѣдь она мнѣ не безъ хлопотъ досталась.

ГУСТАВЪ. Не хорошо, Леночка: ты плутовала!

ЕЛЕНА (*не много отходя отъ него*). Накажи меня.

ГУСТАВЪ. Сей-часъ.

ЕЛЕНА. Лови меня.

ГУСТАВЪ. Ты не уйдешь отъ меня!

ЕЛЕНА. Увидимъ, кто скорѣе бѣгаетъ! (*Поетъ, и бѣжитъ черезъ дверь въ заднемъ планѣ*).

ГУСТАВЪ. Я тебя догоню! (*Бѣжитъ за ней*).

ФРЕЙЛИНГЪ (*выходитъ изъ-подъ стола*). О, какой я глупецъ! (*Уходитъ скоро*).

Занавѣсъ скоро опускается.

**ВЪ ДОПОЛНЕНИИ КЪ ОТЗЫВАМЪ ЛОНДОНСКИХЪ ГАЗЕТЪ ОБЪ
РАФАЭЛЕВСКИХЪ КАРТОНАХЪ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХЪ А. Д.
ЛУХМАНОВУ.**

Въ 21 № Москвитинина напечатаны были отзывы трехъ Лондонскихъ газетъ о Рафаэлевскихъ картонкахъ, принадлежащихъ А. Д. Лухманову. Носились по Москвѣ слухи (*) объ какой-то статейкѣ въ Атеней, для нихъ враждебной. Тщетно мы искали ея въ Москвѣ, чтобы дополнить извѣстія, но не могли найти. Эту услугу оказали намъ Отечественныя Записки въ Полбурской книжкѣ и Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ въ 255 № Северной Пчелы, назвавшій номеръ Атеней 1243-мъ!! Видно, что журналъ существуетъ недавно. Газеты, изъ которыхъ сдѣланы извѣстія въ Москвитининѣ, означены номерами 18, 764; 21, 612; 1,506. Мы не удивляемся, что О. Записки попали въ просѣкъ съ статьею Атеней, какъ и съ Англійскимъ языкомъ: это часто съ ними случается (**). Но какъ же могло это случиться съ премудрымъ и опытнымъ журналистомъ, каковъ Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ? Вотъ что значить увлечься или свѣжимъ чувствомъ новой дружбы, или старымъ чувствомъ вражды.

Подписчика газеты у насъ нѣтъ. Оба перевода не совершенно близки другъ къ другу. Ѳаддей Венедиктовичъ называетъ свой почти буквальный, а между тѣмъ у него выпущены многія подробности, которыя есть въ О. Запискахъ, и прибавлены другія, которыхъ нѣтъ въ О. Запискахъ. Подумаешь, что переводили съ разныхъ вариантовъ журнала. Но и О. Записки и Ѳаддей Венедиктовичъ, славные враждою другъ къ другу, въ этомъ дѣлѣ дружно благоговѣютъ передъ рѣшеніемъ Атеней, какъ будто бы уже нѣтъ въ мірѣ выше знатока искусства, какъ издатель Атеней. — О. Записки съ ироническою усмѣшкою вызываютъ даже «какъ дважды два четыре доказать издателямъ Атеней, что они ровно ничего не понимаютъ въ искусствѣ».... и

(*) А слухи отзывались рутенизмами. Ред.

(**) Смутившись словомъ: Store-street, О. З. нашли въ Лондонѣ Сторъстритскую музыкальную залу, и объявили, что картонки были выставлены въ Сторъстритѣ. Г. Булгаринъ поправилъ О. Записки и перевелъ нѣтъ Сторъстритъ (Store-street) Сторскою улицей, но ужъ надобно же было перевести ее до конца: запасною улицей, или улицей магазиновъ. Ѳаддей Венедиктовичъ тутъ же самъ сдѣлалъ еще ошибку, выразившись такъ: въ Бедфордскомъ Скверѣ; Square значить площадь, а по Русски говорится: на площади, слѣд. надобно бы было перевести: на Бедфордскомъ Скверѣ.

грозно заключаютъ: «Положенье» А. Оаддей Венедиктовича Булгарина, известный Латинистъ и Горацианецъ, торжественно прибавляетъ Латинскую шуточку: Sic transit gloria mundi!

Положительно вѣрно, что писавшій статью (самъ ли издатель Атеней или нѣтъ) не видалъ Гамптонкуртскихъ картоновъ, ничего не читалъ объ нихъ и даже едва ли видалъ Лухмановскіе. Вѣтъ доказательствъ:

«Гамптонкуртскіе картоны» (слово Атеней) говорятъ эти лекціи — куски старательно ообранные и сложенные вместе, послѣ того, намъ съ нихъ вытканы соответственныя части. — Атеней надѣряетъ это сомнительно. Что Гамптонкуртскіе картоны были разрываемы на узкія полосы для тканья и потомъ составлены и наклеены на холсты: это говорятъ не лекціи Профессора Шевьерена, а говоритъ Пассаванъ, по собственнымъ наблюденіямъ и повторенію слова Амиченца, писавшихъ объ этомъ предметѣ. Писавшій статью, какъ видно, не бывалъ въ Гамптонкуртѣ, а издателемъ Атеней, этимъ великимъ знатокомъ искусства, ее невмнно напечатаннымъ, неизвестно даже Англійское сочиненіе Гана объ картонахъ, вышедшее въ Лондонѣ: такъ они не далеки въ исторіи предмета.

«Внимательное (по г. Булгарину, терпѣливое) разсмотрѣніе холстовъ удостовѣряетъ несомненно, что это *механическія копіи* съ упомянутыхъ высокыхъ произведеній человеческого духа, (по г. Булгарину: что *плохая рука* (ignoble) *копировала механически сюжеты* ^(*) и *конттуры* высочайшаго произведенія человеческой мысли), исполненныя рукою слабою, съ претензіею на *совершенство*.»

Эти слова также ясно обнаруживаютъ человека, не видавшаго картоновъ Гамптонкуртскихъ, а потому едва ли писавы въ Лондонѣ. Какимъ же чудомъ этотъ механизмъ кописта, слѣдовавшаго *сюжетамъ и контурамъ* Гамптонкуртскихъ картоновъ, могъ пренебрести отъ себя въ Ослѣвленіи: волхва цѣлый бокъ, превосходною рельежною живописью, изображающій статую, вѣдущую и внизу цоколь съ двумя головами, исполненными *выраженіи*, чего нѣтъ на Гамптонкуртскомъ картонѣ, въ Смерти Анація, измѣнить положеніе нѣкоторыхъ фигуръ и одушевить другихъ, и превратить *ограду* тою и тѣмъ, *оградами* Гамптонкуртскихъ карто-

(*) Обозначеніе, Оаддей Венедиктовича, что значить копировать *сюжеты и конттуры*. Но сомнѣваясь въ вѣрности моего перевода, не согласитесь, что авторъ *сюжеты* толкуетъ въ этомъ значеніи.

новъ въ живыхъ краски и отътѣнн колорита, поразившаго и Москвитина и Англичанина своею живостію? Какимъ образомъ рука *слабая* или *плохая* или *подлая*, *ignoble*, но неблагородному выраженію автора статьи, видно одержимаго предвѣсудками, обличила ему *претензію на совершенство*?

Какъ предыдущія слова показали, что авторъ нѣтъ никогда не видалъ Гамптонкуртскихъ картоновъ, такъ слѣдующіе: «Выставленные теперь въ Сторстритъ (!), на особеннымъ образомъ приготовленные, покрытые краскою, холстины», — свидѣлствуютъ явно, что писавшій не видалъ порядочно и Лухмановскихъ. Какія же нашли онъ здѣсь «особеннымъ образомъ приготовленныя и покрытыя краскою холстины»?

Г. Булгаринъ употребляетъ выраженіе, котораго нѣтъ въ О. Запискахъ: «выставленное теперь на Сторской (!) улицѣ *мазанье*». Не знаешь, кому вѣрить: есть ли оно действительно въ подлинникѣ, или нѣтъ его? Судя по тону всей статьи: *старая штука* (*trick*), *подлая* (*ignoble*) *рука*, ниже всякой критики, должно предположить, что переводъ г. Булгарина достовернѣе. Но въ этихъ выраженіяхъ показываютъ совершенное отсутствіе изящнаго вкуса въ писавшемъ статью, ибо люди одаренные имъ и образованные эстетически, обнаруживаютъ вкусъ свой прежде всего въ приличныхъ и благородныхъ выраженіяхъ, и умѣютъ съ уваженіемъ говорить о мнѣніяхъ другихъ, если бы даже и не раздѣляли ихъ. Слово *ignoble* здѣсь всего болѣе падаетъ на автора самой же статьи. Слово: *мазанье*, не означенное Англійскимъ терминомъ у г. Булгарина, обличаетъ налицество самомнѣнія: не ужь ли многія тысячи зрителей въ Москвѣ и Лондонѣ стали бы собираться передъ *мазаньемъ*? Въ Апрѣлѣ нынѣшняго года были выставлены копии съ Рафаэля и Гиндо Рени въ Строгановской рисовальной школѣ, но передъ ними никто и не подумалъ остановиться. Слово *trick* (*штука*), кромѣ грубости, заключаетъ въ себѣ и неправду. Кто же добросовѣстно можетъ извѣсть *старую штуку* или *дело*, публично отдаваемое на судъ въ двухъ столицахъ! Эта *штука* есть выраженіе собственнаго самосознанія въ авторѣ статьи.

О. Записки и Оудей Венедиктовичъ не обратили никакого вниманія на мнѣнія другихъ трехъ Англійскихъ журналовъ: Sunday Times, Morning Herald и Morning Advertiser, которые уже известны; не стали же бы они говорить такъ о какомъ-нибудь *мазаньи*. Замѣчательно, что авторамъ трехъ статей, действительно писанныхъ въ Лондонѣ близъ Гамптонкурта, не пришло

и въ голову назвать Лухмановскіе картопы копіями съ Гамптон-куртскихъ, даже и редактору Morning Herald, котораго отзывъ не столько благопріятенъ. Но—видно, что и О. З. и Ф. В. сочувствуютъ болѣе вкусу и мнѣніямъ автора статьи въ Атенѣ, невидѣшаго Гамптонкуртскихъ картоновъ.

Фаддей Венедиктовичъ взялъ на себя трудъ быть историкомъ известнаго спора объ этомъ предметѣ и тутъ же кстати перепечаталъ вновь известную пословицу: *Préserve moi de mes amis*. Но что бы ему, для вѣрности, оживить сухой перечень статей занимательнымъ эпизодомъ о Смоленскихъ картинахъ, изъ Савоньерскихъ превратившихся въ маленькія? Поздравляемъ его съ новыми известными знатоками и любителями искусства, передъ глубокими позваніями которыхъ онъ преклоняется. Видно и по его мнѣнію, колоритъ, композиція, выраженіе въ живописи, есть *техника* и *шарлатанство*, а Брюловъ рабскій подражатель Венеціанской школы! Видно и по его мнѣнію, какъ по мнѣнію г. Фонъ Крузе, Болонская школа, образовавшая Доменикино и Гвидо Рени, есть *школа упадка!*

«Господинъ Иванъ Фонъ Крузе, по мнѣнію г. Булгарина, возвысивъ голосъ, доказалъ свое глубокое познаніе въ искусствахъ и ихъ исторіи. Правъ на сужденіе въ этомъ дѣлѣ, объявленные г. Фонъ Крузе, заключались въ его пятнадцати-лѣтнихъ занятіяхъ живописью, до сихъ поръ известныхъ только ему одному; но Москва на послѣдней выставкѣ тщетно ожидала отъ г. Фонъ Крузе плода его пятнадцати-лѣтнихъ занятій, или хотя опыта порядочной копій и сквозной холстинѣ: г. Фонъ Крузе не оправдалъ ничѣмъ этихъ занятій, и его имени мы тщетно искали на выставкѣ.

А, благодаря этимъ глубокимъ познаніямъ въ живописи известныхъ знатоковъ и любителей и любя въ самомъ дѣлѣ искусство, мы уже носимъ трауръ въ Москвѣ, скудной и безъ того изящными произведеніями, и по Долгоруковской коллекціи оригинальныхъ рисунковъ, увезенныхъ въ Итацію, и по Рафаэлевскимъ картонамъ,—подлинники ли то Рафаэля, чего однако никто, ни даже профессоръ Шевыревъ, положительно не утверждалъ, какъ знаютъ всѣ безпристрастно слѣдившіе преніе, или современныя Рафаэлю копій. Но Фаддей Венедиктовичъ остается равнодушнымъ къ нашей художественной скорби.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАМѢЧАНІЕ. Итальянскій статистикъ Джіойя по грамотности официальныхъ бумагъ въ государствѣ судить отчасти объ его степени образованія вообще: худо было-бы намъ, если бы по степени журнальныхъ познаній нашихъ объ отечественной Исторіи стали судить о нашемъ образованіи!

Можно имѣть разныя системы, хотя-бы и нелѣпыя, можно имѣть разныя взгляды, положимъ, самыя странныя, — это встрѣчается въ литературѣ всѣхъ исторій, но азбуки исторической нельзя не знать, нельзя предлагать торжественно вопросовъ, принадлежащихъ къ первымъ началамъ исторіи....

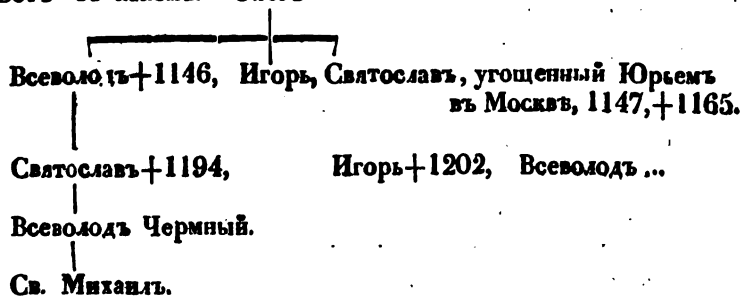
Можно спорить на примѣръ: откуда пришелъ Рюрикъ, но нельзя не знать, что по лѣтописи ему наследовалъ Олегъ. Нельзя спрашивать публично, въ газетѣ литературной, «въ какомъ родствѣ находился Игорь Святославичъ, (герой известнаго Слова) къ святому Игорю Ольговичу.»

Игорь Святославичъ былъ родной племянникъ Игорю Ольговичу.

Г-нъ Хавскій продолжаетъ спрашивать, въ Сѣверной Пчелѣ (N 56), «въ какомъ родствѣ Игорь Святославичъ былъ брату Игорю Ольговича, Святославу Ольговичу?» Онъ былъ ему родной сынъ.

Еще спрашиваетъ г-нъ Хавскій: «въ какомъ родствѣ находился Игорь Святославичъ внуку Святослава Ольговича, святому Михаилу Всеволоду Черниговскому.»

Вотъ въ какомъ: Олегъ

След. Игорь Святославичъ былъ двоюродный братъ родному дяду Михаилу — Святославу Всеволодовичу.

Дѣло въ томъ, что г. Хавскій смѣшиваетъ двухъ Святославовъ и двухъ Всеволодовъ, но еслибъ онъ зналъ жизнь каждаго изъ нихъ по лѣтописямъ, то, разумется, удержался бы отъ своихъ странныхъ вопросовъ.

Наконецъ онъ спрашиваетъ: «въ какой степени рожденъ Игорь Святославичъ отъ Рюрика?»

Извольте считать: 1 Рюрикъ, 2 Игорь, 3 Святославъ, 4 Володимиръ, 5 Ярославъ, 6 Святославъ, 7 Олегъ, 8 Святославъ, 9 Игорь, — (а Св. Михаилъ принадлежалъ къ 11 степени: 7 Олегъ, 8 Всеволодъ, братъ Святослава, 9 Святославъ, 10 Всеволодъ Чермный, 11 Св. Михаилъ 1).

Это о Сѣверной Пчелѣ, а въ Петербургскихъ Ведомостяхъ (N 255), печатается, что «название города Рогачева встрѣчается на старинной картѣ 800 года», — предъ чѣмъ ученый редакторъ глубокомысленно и учено ставитъ два знака вопроса! Карта 800 года, до изобрѣтенія Славянской грамоты! Карта 800 года съ именемъ Рогачева! Не говоримъ уже о королевѣ Бопѣ, съ ея роговой музыкой (которая сообщала имя городу 800-го года), ни о храмѣ богу Святорогу, о которомъ свидѣлствуетъ Исторія Нарбута! М. П.

Этимологическое замечаніе. Обельный холопъ. До сихъ поръ слово *обельный* производили по преимуществу отъ Литовскаго *obelnas* — полный (*plenus*, *πλεῖος*); но нельзя не замѣтить, что начальное *о* въ словѣ *obelnas* сильно мѣшаетъ этому объясненію. — Не говорю уже о томъ, что считать *полный* при словѣ *холопъ* не имѣлъ бы эпитетскаго характера, которымъ отличаются вообще термины Русской Правды. Не прибѣгая къ помощи иностранныхъ языковъ, родственныхъ нашему, мы постараемся объяснить это выраженіе изъ собственныхъ Славянскихъ средствъ. — Въ Шестодневѣ Іоанна Экзарха Болгарскаго¹ встрѣчаются слова: *обло* — кругъ, *облый*² — круглый, и, главное, *обельство* — круглота. Въ послѣдней формѣ стоитъ только переименить существительное окончаніе *-ство* на прилагательное *-ный*, и получимъ искомую форму *обель-ный* — круглый. Такимъ образомъ *обельный холопъ* значитъ *круглый холопъ*; сравните *круглый сирота*. — Сходно съ тѣмъ, какъ у насъ дитя, у котораго нѣтъ ни отца, ни матери, называется *круглымъ* сиротой; въ языкѣ Греческомъ противоположное понятіе выражается словомъ *ορφανός* — *кругомъ* *потупный*; т. е., *имѣющій* отца съ матерью. — Премогъ же *ορφανός*, и еяже по себѣ, а еще болѣе чрезъ посред-

¹ См. Іоан. Экз. Болг. изд. Калайд.

² Форма *облый* живѣе донынѣ въ Курскомъ говорѣ

ство Лат. *ambi*, по звуку почти тождественъ нашему предлогу *объ*, особенно въ его древней формѣ *объ*, даже *оби* *. Изъ сказаннаго легко заключить, что *обло*, *обмий*, *обельный* и т. д. происходятъ отъ предлога *объ*.

милочн. Наши ученые начинаютъ наконецъ обращать вниманіе на журнальныя рецензіи, кои часто взводятъ совершенныя небывлицы на авторовъ, и подаютъ поводъ къ самымъ ложнымъ заключеніямъ въ публикѣ. Пр. Рославскій, достойный Харьковскій ученый, доставилъ намъ протестъ противъ рецензіи *Современника*, который читатели прочли выше. Пр. Лясковскій, достойный Московскій ученый, помѣстилъ большой отвѣтъ *Отечественнымъ Запискамъ* въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Такія возраженія должны внушить осторожность редакторамъ въ выборѣ рецензентовъ, а рецензентамъ въ обращеніи съ предметами своихъ критикъ.

Въ литературной Москвѣ два главные предмета разговоровъ: Инокондрикъ, новая большая комедія Писемскаго, которая напечатается въ 1-й книгѣ Москвитянина, и большой романъ Евгени Туръ: Племянница, который былъ печатанъ въ одномъ Петербургскомъ журналѣ съ большими пропусками.

Художественная новость весьма важная—памятвники древней Русской Литгературы, превосходное изданіе О. О. Рихтера.

Не хуже Рогачева (см. выше) описана въ Сѣв. пчелѣ и Костромѣ, гдѣ послѣ Сусанинской площади и Ипатьевского монастыря, не оставленъ безъ вниманія и какой-то зеленый табакъ, безъ котораго, говорятъ (?), никакъ не могъ обойтись одинъ покойный литераторъ, едвали безусловно знаменитый.

Редакція Москвитянина замѣтила въ своемъ объявленіи о разныхъ умолчаніяхъ, коимъ она подвергается въ журналахъ и газетахъ: приведемъ въ примѣръ извѣстіе о Крашенинниковѣ, которое помѣщено было въ нашемъ журналѣ, еще въ Январѣ мѣсяцъ. Одна газета предпочла лучше уменьшить количество пожертвованій, чѣмъ сослаться на статью Москвитянина.

* Кир. Тур. изд. Кал. ст. 41. *обиходя* (об-ходя). — Нашъ *обиходъ*.

Въ нѣкоторыхъ Петербургскихъ объявленіяхъ вы не найдете имени Москвитянина, а въ другихъ ояъ ставится безъ Парижскихъ картишокъ (*).

Обширный и кажется основательный отвѣтъ г. Матвѣевского г. Бурашеву на замѣчаніе сего послѣдняго о книгѣ (о выставкѣ сельскихъ произведній), не можетъ быть помѣщенъ за недостаткомъ мѣста.

На вопросъ о родѣ дворянъ Тихановыхъ никакихъ документовъ въ Погодинскомъ древлехраняищѣ до сихъ поръ не отыскано.

(*) За то въ нѣкоторыхъ Московскихъ поставлено ошибкой 24, вмѣсто 13.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ЗАГРЯЖЕННЫЯ.

Лоттерея золотыхъ слитковъ въ Парижѣ (*lingots d'or*) подала поводъ къ разсказамъ многихъ лоттерейныхъ случаевъ, въ которыхъ неожиданное благополучіе или обманутыя надежды составляютъ главную занимательность, и которыхъ развязку читатель предугадываетъ по первымъ строчкамъ разсказа, не смотря на подготовленную печальность. Мы не повторимъ этихъ анекдотовъ, слишкомъ однообразныхъ по своему содержанию, но нельзя не сознаться, что во многихъ изъ нихъ резко выставлена характеристическая черта Французовъ: жить воспоминаніемъ и надеждами. У Француза, какъ у влюбленнаго въ разлукъ съ предметомъ своего обожанія, вся жизнь сосредоточивается въ прошедшемъ и въ будущемъ; — для него настоящее еще не настало. Вотъ отъ чего онъ всегда недоволенъ тѣмъ, что имѣетъ; вотъ отъ чего онъ такъ ненасытно алчетъ лучшаго; вотъ отъ чего лоттерейный билетъ держитъ на привязи все его постороннія стремленія, и не будь лоттерея золотыхъ слитковъ разыграна 16 Ноября, продолжись она до конца года, многіе изъ Французовъ не ставили бы, можетъ быть, своей головы въ новую политическую лоттерейю, въ которой для многихъ партій выиграть не взрѣтъ, а многія могутъ выиграть взрѣтъ проигрышъ!

Но счастье не мечта, счастье сущность, — и вотъ доказательство: на дняхъ вышла въ Парижѣ книга: *L'ombre du bonheur*, тѣнь счастья, а всѣмъ извѣстно, что мечта, какъ помятое стлеченное, какъ существо безплотное, котораго формы созданы воображеніемъ и неуловимы для бѣдныхъ пяти чувствъ человека, не можетъ имѣть тѣни, следовательно счастье не тѣнь, если имѣетъ тѣнь.

Мы часто мѣняемъ счастье на одну тѣнь его, говорятъ мудрецы, посвященные опытностію въ тайны жизни. Мало кто въ-

рять нить, но прочтя три тома романа: *L'ombre du bonheur*, нельзя не согласиться, что эта *Тень счастья* стоит многих пошлых наслаждений жизни, которым неразборчивая юность придает название счастья.

Сочинительница этой книги, этой драммы, этого романа,—графиня Дорсе (*Comtesse d'Ossa*). Въ счастливые времена Парижа, въ царствованіе Людовика Филиппа она часто пріѣзжала изъ Лондона въ эту столицу, и Парижане не забыли еще ни ея красоты, ни рѣдкихъ ея достоинствъ. Вся красота, все достоинства, вся личность графини Дорсе отразилась въ ея сочиненіи, въ этихъ страницахъ, исполненныхъ правды, ума, чувства, и написанныхъ слогомъ, которому завидуютъ Жюль-Жаненъ, старый мастеръ округлять звучную фразу, какъ онъ самъ сознается въ разборъ сочиненія графини Дорсе. Въ этой книгѣ есть и счастье, есть и тѣнь его; въ ней развиты все страсти, олицетворены все мечты страстной, мечтательной юности: честолюбіе, слава, любовь, драгоценные дары бытія, — жалкая тщета жизни! Но не тонкій умъ, не теплое чувство, не прекрасный слогъ увлекательны въ этомъ романѣ; въ немъ несравненно то, что сочинительница, въ первой попыткѣ придать жизнь своей мысли, осталась въ своемъ сочиненіи тою женщиною, какою ее создала природа, какою образовало общество, женщиною высшаго сословія, умвренною въ своихъ радостяхъ и въ своемъ горѣ, женщиною, которой увлекательный умъ унываетъ отъ пустяковъ, которой преданное сердце оживаетъ отъ бездѣлицы—послушною и радостямъ и горю, воспримчивою какъ *Mimosa pudica*, какою она была въ весну жизни, въ своемъ свѣтломъ дѣтствѣ, доброю, кротою, съ оттенкомъ едва замѣтной, милой надмѣнности. Эта надмѣнность такъ шла къ ребенку, который сживалъ на коленяхъ у Лорда Байрона, для котораго великій поэтъ слагалъ свои вдохновенныя оды, и котораго любилъ онъ называть своею родною дочерью. Въ романѣ графини Дорсе столько изящества, столько чистаго неиспорченнаго вкуса, столько глубокой, неподдѣльной, но безропотной горести, чуждой жолчныхъ упрековъ, расточаемыхъ въ наше время писательницами-патрицианками, упрековъ, вызываемыхъ сознаніемъ собственныхъ ошибокъ, измѣною обольстительныхъ надеждъ. Сочинительница *Тени счастья* не заимствуетъ чужихъ воззрѣній, не передаетъ чужихъ впечатлѣній, не живописуетъ незнакомыхъ ей неистовыхъ страстей; она довольствуется сокровищемъ собственной души, запасомъ собственного ума, не смѣяго въ помыслахъ, робкаго въ сомнѣніяхъ,

страшащагося непреклонной воли, но при всѣхъ этихъ счастливыхъ слабостяхъ одареннаго зоркимъ и вернымъ взглядомъ, разборчивымъ вкусомъ, изящной простотою мысли, которые часто не даются высокимъ умамъ и почти всегда бываютъ удѣломъ смиренія и чистоты сердечной. Читайте романъ графини Дорсе, и проверьте истину этого панегирика, написаннаго ему французскою газетою.

Замѣчательно также другое литературное произведение, изданное въ прошломъ мѣсяцѣ, подъ заглавіемъ: *Choix de Memoires relatifs à l'Histoire de France*, въ которомъ очень занимателенъ рассказъ происшествій, случившихся въ Тамплѣ съ 13 Апрѣля 1792 года по смерть дофина Лудовика XVII, описанныхъ герцогинею Ангюлемскою. Въ этой книгѣ помѣщены кромѣ того: записки Клері, или дневникъ, веденный во время заключенія Лудовика XVI въ Тамплѣ; описаніе послѣднихъ минутъ жизни злополучнаго Короля, составленное аббатомъ Эджевортъ; записки герцога Монпансье и записки Риуа (Riouffe) съ историческими объясненіями и проч.

Г. Александръ Дюма также пишетъ свои записки (*Memoires*). Онъ будутъ издаваться въ фельетонѣ журнала *Presse*. Говорятъ, что г. Дюма рассказываетъ приключенія своей жизни съ жаромъ и наблюдательностью, какихъ еще не далъ онъ замѣтить ни въ одномъ изъ прежнихъ своихъ сочиненій.

Въ Германіи издано недавно литературно-историческое сочиненіе: *Нѣмецкіе романы осьмнадцатаго столѣтія и отношеніе ихъ къ христіанству*. (*Der deutsche Roman des achtzehnten Jahrhunderts in seinem Verhältniss zum Christenthum*). Сочинитель возстаётъ на противухристіанское направленіе новѣйшихъ литераторовъ.

Въ Мангеймѣ издано сочиненіе Бертольда Ауербаха: *Новая жизнь* (*Neues Lebens. Eine Lehrgeschichte*). Это занимательный рассказъ любопытнаго періода съ эпохи 1848 года. Изданный въ 1843 году *сельскія повѣсти* Ауербаха, разошлись въ числѣ 25000 экземпляровъ.

Америкаецъ С. Вельсъ Вильямсъ издалъ любопытное свое сочиненіе о Китаѣ, подъ заглавіемъ: *Срединное государство, — Обзоръ географіи, правленія, воспитанія, общественной жизни, искусства, религіи и проч., Китайскаго государства и его обитателей*. Сочинитель провелъ двѣнадцать лѣтъ въ Кантонѣ и Макао, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ этимъ народомъ, изучалъ его обычаи, языкъ и литературу. Книга эта вполне заслуживаетъ вниманіе ученыхъ и публики.

Музыкальныхъ новостей много. Вотъ замѣчательнѣйшія: извѣстный въ Германіи композиторъ Рихардъ Вагнеръ получилъ чрезъ Г. Ф. Листа приглашеніе написать для Веймарскаго придворнаго театра оперу: *Юность Сигфрида*. Опера этаго же композитора: *Смерть Сигфрида*, включена уже въ репертуаръ тамошняго театра и вскорѣ появится на сценѣ. Въ Парижѣ давали на театрѣ *Opera national* оперу Фелиціана Давида *Perle du Bresil*, въ Брюсселѣ оперу Дюпре *l'Abime de la Maladetta*. Это дебюты Давида и Дюпре.

Въ оперѣ Давида первое дѣйствіе происходитъ въ Лиссабонѣ, въ королевскомъ дворцѣ, гдѣ празднуютъ обращенія молодой Бразиліанки, принимающей христіанскую вѣру. Адмиралъ Солвадоръ нашелъ ее безъ чувствъ на полѣ сраженія, въ которомъ былъ убитъ Бразилскій военачальникъ. Адмиралъ привезъ Зору въ Европу и призналъ ее своею дочерью.

Зора прекрасна, Зора любима. Пламенцы вслѣхъ любятъ Зору три соперника: молодой офицеръ Лоренцъ, Шведскій дипломатъ, и наконецъ самъ адмиралъ. Зора любитъ офицера. Дипломатъ задумалъ похитить Зору, и воспользовался для этаго праздникомъ во дворцѣ, но Лоренцъ спасъ ее отъ похищенія. Адмиралъ, ревнуя и къ похитителю и къ избавителю, рѣшается возвратиться въ Бразилію и увезти съ собою Зору. Лоренцъ, узнавъ это, переставается матросомъ и отправляется вмѣстѣ съ адмираломъ и Зорою.

Второе дѣйствіе происходитъ на адмиральскомъ кораблѣ. Зора и Лоренцъ поютъ другъ другу любовь на палубѣ, переписываются и прячутъ свои письма въ кольца жерноваго каната. Адмиралъ перехватываетъ одно письмо, и приходитъ въ ярость. Желая узнать, кто его соперникъ, онъ собираетъ экипажъ корабля, и объявляетъ, что вступаетъ въ бракъ съ Зорою. Это была одна уловка адмирала, и она имѣла успѣхъ. При извѣстіи о бракѣ Зоры, Лоренцъ измѣнилъ себя. Генералъ приходитъ въ бѣшенство, и объявляетъ, что онъ убилъ бы Лоренца, если бы онъ былъ дворянинъ. — Я дворянинъ, восклицаетъ Лоренцъ! — Онъ сказываетъ свое имя; — адмиралъ изумленъ. — Это имя человека, котораго онъ убилъ некогда по ошибкѣ: Лоренцъ сынъ погибшей жертвы; какъ мстить ему?

За тѣмъ слѣдуетъ буря. Корабль въ опасности. Громовой ударъ упалъ на большую мачту; море страшно бушуетъ, снасти трещать, Зора вскрикиваетъ и падаетъ къ ногамъ адмирала. Конецъ втораго дѣйствія.

Третье дѣйствіе начинается въ дѣйствиномъ лѣсу какого-то острова близъ Бразиліи. Являются туземцы. Они не вѣрятъ случайному появленію бѣлыхъ въ ихъ странѣ, не вѣрятъ, что ихъ занесла туда буря. Дѣло дошло до схватки. — Лоренцъ спасаетъ адмирала, которому одинъ изъ дикихъ готовъ былъ нанести смертельный ударъ. Вдругъ раздается пѣснь Зоры, и битва прекращается. Островитяне узнаютъ дочь убитаго своего военачальника. Адмиралъ видитъ, что ему болѣе ничего не остается, какъ уступить Зору, и соединяетъ любовниковъ. Тѣмъ и кончается пѣса. Нужно ли сказать послѣ этого, что либретто не очень вдохновительно. Но перейдемъ къ музыкѣ.

Дебютъ Давида на музыкальномъ поприщѣ былъ самый блестящій. Возвратясь изъ путешествія по Востоку, онъ привезъ съ собою тайну выражать въ звукахъ вздохи пустынного вѣтерка, лучи заходящаго солнца, мѣрный шагъ терпѣливаго верблюда. Эта новизна; эта оригинальность понравились, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не безъ основанія. Его ода-симфонія *Пустыня* надвѣвала много шума. За нею слѣдовалъ *Христофоръ Колумбъ*, потомъ *Моисей на горѣ Синаѣ*, потомъ, кажется, *Эдемъ*. Въ послѣднихъ изъ сихъ произведеній, болѣе серьезныхъ, болѣе классическихъ, нежели *Пустыня*, г. Давидъ успѣлъ только въ мѣстахъ, къ которымъ онъ могъ примѣнить свою *восточную* фантазію. Верблюдъ—его конекъ; но какъ только онъ покидаетъ караванъ, степь, и входитъ въ сферу нашей жизни, исполненный тяжкихъ думъ, глубокаго горя, кипучихъ страстей, увлекательныхъ радостей, мысли его мутятся, фраза запутывается, становится невнятною, страшною, музыкальный эффектъ исчезаетъ. Г. Давидъ слишкомъ гонится за простотою выраженія, и очень часто въ ущербъ гармоніи. Въ его аккордахъ много *унисоновъ* поразительныхъ для слуха непривычнаго къ этой необычной музыкальной стратегіи. Всѣ достоинства и недостатки, о которыхъ мы говорили, встрѣчаются и въ оперѣ «Перлъ Бразиліи.»

L'abime de la Maladetta, опера Дюпре, не такъ мрачна, какъ ея заглавіе. Пропасть *Проклятой горы* играетъ вовсе не значительную роль, и къ утѣшенію нервыныхъ читателей, мы заранее можемъ объявить, что нѣтъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ нее не бросится. Къ чему же эта пропасть?—а вотъ увидите.

Дѣйствіе происходитъ въ Пиринейскихъ горахъ, при подошвѣ горы Маладетта. На сценѣ представлена хижина проводника

Стефано. Между тѣмъ какъ Стефано водить туристовъ по крутымъ тропинкамъ горъ, дочь его, Иоанна, слушаетъ сладкія рчи молодого господина Леонса-де-Бонгара. Разговоръ любовниковъ прерванъ прибытіемъ кавалера Ромуальда, нѣсколькихъ дворянъ и благородныхъ дамъ, охотившихся въ этой сторонѣ. Гостепріимная Иоанна угощаетъ охотниковъ *соловиной пльню*. Слышенъ выстрѣлъ; это условный знакъ возвращающагося Стефано. Ромуальдъ приглашаетъ Стефано отобѣдать вмѣстѣ съ нимъ и его товарищами, но Стефано отказывается. У него семейное торжество; онъ празднуетъ день рожденія Иоанны, которой минуло восемнадцать лѣтъ.

Оставшись наединѣ съ Иоанною, Стефано рѣшается открыть ей важную тайну. Она не дочь ему. За двадцать предъ тѣмъ лѣтъ, онъ отправился въ армію отслужить свой срокъ. У него была невеста, молодая и прекрасная, какъ Иоанна, которая, при разлукѣ, клялась, какъ водится, любить его вѣчно. Возвратясь на родину, бѣдный Стефано узналъ, что невеста, какъ водится, ему измѣнила. Она отдалась знатному господину, который обольстил ее обещаніемъ жениться, и также, какъ водится, покинулъ ее. У оставленной красавицы родилась дочь. Не будучи въ состояніи перенести своего безчестія, мать Иоанны бросилась въ пропасть Маллетты.—Вотъ видите, что и пропасть пригодилась.—Иоанна становится на краю этой пропасти и молится за мать свою. Разумѣется, что Стефано поклялся отмстить. Но какъ отмстить и кому? Обольститель умеръ и не оставилъ потомковъ; по крайней мѣрѣ такъ полагалъ Стефано.

Леонъ-де-Бонгаръ, любовникъ Иоанны, возвращается съ прогулки въ горахъ. Онъ изнемогаетъ отъ усталости и жажды, и радъ бы отдохнуть въ хижинѣ Стефано, но Стефано остановилъ его на порогѣ, и предлагаетъ распить съ нимъ бутылку вина. Молодой человекъ принимаетъ приглашеніе, и съ нѣсколькихъ стакановъ пьянѣетъ. Тутъ онъ дѣлается откровеннымъ, сознается, что онъ не слишкомъ строгихъ правилъ, хвалится своимъ непостоянствомъ, и уверяетъ, что въ любовныхъ дѣлахъ онъ пошелъ по следамъ своего отца, который былъ настоящимъ Донъ-Жуаномъ, и котораго любовныя продѣлки когда-то гремѣли по околodu. Въ доказательство, Леонъ рассказываетъ одинъ случай, и этотъ случай—исторія несчастной любви невесты Стефано. Проводникъ называетъ отца Леонса низкимъ человекомъ. — Кто смѣетъ такъ называть маркиза де Бонгаръ?—восклицаетъ Леонъ, Услыша это

ния, Стефано убедился, что Леонсъ сынъ соблазнителя, которому онъ клялся отомстить; онъ схватываетъ ружье и цѣлится въ Леонса, но Іоанна вбѣгаетъ, ставовится между ними и спасаетъ своего любовника.

Второе дѣйствіе начинается въ гостинной кавалера Ромуальда, въ Парижѣ. Мебель и убранство комнаты показываютъ, что это происходитъ въ восемнадцатомъ столѣтіи. Прислуга занята приготовленіями къ пиршеству. Входитъ Ромуальдъ, отдастъ приказанія и рассказываетъ зрителямъ о всемъ случившемся послѣ перваго дѣйствія. Леонсъ, который вовсе не такой довелась, какъ его покойный батюшка, и гораздо менѣе развратенъ, чѣмъ самъ о себѣ думалъ, пришелъ въ отчаяніе, узнать, что Іоанна дочь маркиза Бонгара, то есть, его сестра. Влюбленный до безумія, онъ сокрушался тѣмъ, что долженъ истребить въ сердцѣ любовь, которая была уже теперь преступна. Ромуальдъ возвратилъ его къ жизни, объявляя ему, что онъ не сынъ маркиза Бонгаръ, но сирота, усыновленный маркизомъ, который хотѣлъ оставить по себѣ наследника огромнаго имѣнія и знатнаго имени. Леонсъ уговорилъ Іоанну за нимъ слѣдовать, и увезъ ее къ кавалеру Ромуальду, который обѣщалъ устроить ихъ свадьбу. Сѣзжаются гости. По увѣреніямъ Ромуальда, это были знатные гости; но Ромуальдъ обманывалъ и Леонса и Іоанну — эти господа были мишурная знать театра оперы, — актеры и танцорки.

Сначала Іоанна, какъ обитательница горъ, смущена въ обществѣ этого аристократическаго круга, но вскорѣ она оправляется. Ее просятъ пѣть — она поетъ и восхищаетъ посѣтителей. Гости садятся за столъ, и тутъ начинается оргія, которая пугаетъ Іоанну. Входитъ Стефано, и объявляетъ Іоаннѣ, что ее обманываютъ, что ложный священникъ долженъ вынчать ее. Іоанна негодуетъ на своего любовника, осыпаетъ его упреками и не слушаетъ его увѣреній, что онъ не зналъ о замыслѣ Ромуальда. Стефано уводитъ Іоанну; Леонсъ слѣдуетъ за ними, продолжая увѣрять въ своей невинности.

Въ третьемъ дѣйствіи герой драмы опять въ Пиринейскихъ горахъ, возлѣ пропасти Маладетта, около которой расхаживаютъ люди, — другіе сторожатъ на возвышеніяхъ; ими повелеваетъ женщина, — Валерія, сестра Ромуальда. Приходитъ Леонсъ; онъ зоветъ Іоанну, онъ хочетъ еще разъ ее видѣть. Валерія удаляетъ его, чтобы присутствіе его не лишило Іоанны остатковъ разсудка, потрясеннаго происшествіями втораго дѣйствія. Въ это время при-

ближается Иоанна Одежда ея въ безпорядкѣ. Она молится тѣмъ своей матери; и хочетъ броситься въ пропасть, но Стефано ее удерживаетъ. — Любить ли меня Леонса?—спрашиваетъ она Стефано. — Любить, — отвѣчаетъ онъ. — Я буду жить, — говоритъ Иоанна...

Утомленная усталостью и грустью, Иоанна засыпаетъ. Она видитъ сонъ, и, не просыпаясь, рассказываетъ его зрителямъ: Леонсъ на какомъ-то праздникѣ надвигаетъ кольцо на палецъ какой-то красавицы. Его обрученная есть Валерія, сестра Ромуальда. Иоанна просыпается, отталкиваетъ настоящего Леонса, который бросился къ ея ногамъ, и сама опять хочетъ броситься въ пропасть, — но Стефано не дремлетъ, онъ смекнулъ дѣломъ, и ехидно туть-какъ-туть, опять спасаетъ Иоанну, ругается ей за истину словъ Леонса, и уговариваетъ отдать ему руку.

Въ этомъ либретто ничего неокатъ ни драмы, ни литературнаго достоинства; авторъ хлопоталъ только о выгодныхъ для музыки положеніяхъ. Многія сцены лишны, впрочемъ, драматическій интересъ; вѣтъ все, что нужно для либретто оперы. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о музыкѣ.

Когда г. Дюпре окончилъ со сцены, гдѣ онъ, въ теченіи пятнадцати лѣтъ, возбуждалъ восторгъ и рукоплесканія публики, все думали, что онъ совсѣмъ окончилъ свое поприще, и совершенно разстался съ публикою. Не такъ думалъ г. Дюпре. Оставляя сцену, какъ представитель чужихъ идей, онъ задумывалъ снова войти на нее путемъ творчества. Г. Дюпре получилъ совершенное, полное музыкальное образованіе, какое получаютъ артисты въ консерваторіяхъ Италіи. Еще въ дѣтствѣ поступилъ онъ въ школу Шорона, и его врожденныя способности образовались подъ руководствомъ этого ревностнаго почитателя высокой классической музыки. Съ правилами стилиа познакомилъ его директоръ Парижской консерваторіи, и когда онъ вышелъ изъ этого заведенія, наделившаго Францію столькими артистами, онъ могъ избирать изъ двухъ предстоящихъ ему поприщъ: быть пѣвцомъ, или быть маэстро. Онъ вступилъ на первое изъ сихъ поприщъ, не безъ надежды, можетъ быть, попытаться послѣ и на другомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что опытность пѣвца много помогла композитору, когда теноръ Дюпре взялъ перо маэстро. Композитору, чтобы успѣть, нужны три вещи: во-первыхъ идеи, потомъ искусство выражать ихъ, и, наконецъ, знаніе эффектовъ лирической сцены: драма, какъ въ литературѣ, такъ и въ музыкѣ, не то, что на бумагѣ, что на сценѣ. Очень часто, хорошее по теоріи, не

нравится въ дѣйствіи. Дюпре долго былъ актеромъ; онъ узналъ собственнымъ опытомъ, въ чемъ именно таится электрическая искра эффекта, возбуждающая врывы восторговъ публики; онъ высмотрѣлъ чувствительную струну этой публики, и зналъ, какъ ее затронуть; зналъ также, чѣмъ можно не расположить къ себѣ взыскательную, прихотливую толпу. Эта опытность не вызоветъ вдохновенія, не замѣнитъ музыкальныхъ мыслей, но она учитъ умно, искусно пользоваться вдохновеніемъ и мыслями. Посмотримъ, какъ совершилъ г. Дюпре тяжкій музыкальный подвигъ—написать оперу.

Увертюра блестящая; инструменталія обнаруживаетъ глубокое знаніе дѣла. Маэстро исцѣлъ въ увертюру новый эффектъ: во время финала, на сценѣ, за опущеннымъ занавѣсомъ, поетъ хоръ, и хотя мотивы хора и финала различны, но такъ сложены, что аккомпаниментъ сходится, и отъ этого рождаются прекрасные, полные, эффектныя аккорды. Слѣдующая за тѣмъ интродукція развивае смыслъ, широко, написана въ прекрасномъ стилѣ; въ которомъ господствуетъ колоритъ мѣстности. *Соловьиная пѣсня*, которая знавала поется въ одинъ голосъ, потомъ разливается въ дуэтъ, исполнена музыкальныхъ цвѣтовъ, этихъ фюритуръ, которые приносятъ болѣе славы пѣвцамъ, нежели композитору. Въ этомъ случаѣ обнаружилась отеческая любовь маэстро: (роль Іоанны исполнила дѣвица Дюпре, дочь композитора). Дуэтъ двухъ теноровъ, который можно назвать дуэтомъ попойки, вакхическимъ, потому что въ его аккомпаниментѣ хлопаютъ пробки и звянутъ стаканы,—прекрасная игривая музыка, исполненная сценическаго достоинства. Характеръ ея вдругъ измѣняется, какъ только Леонсъ произнесъ ненавистное для Стефано имя. Въ порывахъ пробудившейся страсти Стефано много жаркихъ, патетическихъ фразъ. Является Іоанна. Тревога, любовь, опасенія звучно вылились въ вдохновенной мелодіи, и дѣйствіе кончилось превосходнымъ терцетомъ, въ которомъ энергія музыки вполне соответствуетъ драматическому положенію дѣствующихъ лицъ. Композиторъ могъ бы созвать еще нѣсколько голосовъ, чтобы кончить дѣйствіе, по обычаю, многогласнымъ финаломъ;—но онъ сдѣлалъ смѣлую попытку написать финалъ въ три голоса, и успѣхъ его тѣмъ лестнѣе, чѣмъ скуднѣе были средства исполненія. Дуэтъ тенора съ басомъ, во второмъ дѣйствіи, прекрасенъ; хоръ минимыхъ знатныхъ гостей Ромуальда очень понравился публикѣ, но мотивъ его не принадлежитъ г. Дюпре; онъ заимъ его изъ оперы Рамо: *Ипполитъ и Ариэль*, которую давали въ Парижѣ въ 1733 году, 118 лѣтъ тому назадъ. Маэстро

нашелъ весьма приличнымъ описывать восемнадцатый вѣкъ его собственными красками. Впрочемъ музыкальная уборка діалога (*Agencement*) въ трехъ пріемахъ хора, принадлежитъ г. Дюпре.

Въ Берлинѣ на театрѣ *Большой оперы* давали *Олимпию* Спонтини. Представленіе это дано по королевскому распоряженію, чтобы почтить память недавно умершаго маэстро. Это гениальное произведеніе восхитило публику. Послѣ представленія, король милостиво привѣтствовалъ г-жу Спонтини, которая была на представленіи.

Въ теченіе первыхъ девяти мѣсяцевъ 1851 года, чрезъ Нью-Йоркскую гавань, вывезено изъ Америки золота слишкомъ на 33 милліона фунтовъ стерлинговъ!

Журнальныя утки, которыя давно уже странствуютъ по сухому пути, забрались теперь въ область Флоры. Пишутъ, что нѣкто Геберъ нашелъ тайну вынуждать мгновенный разцвѣтъ маргаритокъ и другихъ цвѣтовъ. Съ помощью открытой имъ жидкости, онъ заставляеть (какъ увѣряють журналы) распускаться цвѣточную почку въ пять минутъ. Ученые цвѣтоводы, ботаники и академикъ не вѣрятъ этимъ чудесамъ, но какъ не повѣрять имъ толпа, когда г. Геберъ производилъ свои опыты въ присутствіи Парижской публики, и производилъ ихъ вполнѣ успѣшно. Онъ поливалъ едва возникшее изъ земли растеніе красною жидкостью, ставилъ его подъ стеклянный колпакъ, и въ пять минутъ на растеніи распускался цвѣтокъ. На этотъ разъ и журналисты не узнали *своей* утки, и ихъ провелъ г. Геберъ.

Мы такъ сильно алчемъ новостей, такъ жадно ищемъ необычайнаго, что готовы сами себя обманывать, чтобы утолить этотъ болѣзненный голодъ. Что тутъ удивительнаго, скажетъ толпа, что цвѣтокъ распускается до времени, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь возбуждательныхъ силъ, когда мы умѣемъ воздѣлывать въ нашемъ климатѣ чужеземныя растенія и замѣнить искусственнымъ свѣтомъ и поддѣльною теплою родной для нихъ лучъ тропическаго солнца? Въ этомъ не только много удивительнаго, но есть и невозможное, отвѣтитъ толпѣ ученый и опытный ботаникъ. Человѣкъ, сдвинувшій паромъ разстоянія, обогнавшій время электрическою искрою, измѣрившій зрѣніемъ мысли необъятныя отдаленія недосигаемыхъ свѣтилъ небесныхъ, не овладѣвъ еще тайною силою жизни и не можетъ ни ускорить, ни замедлить урочныхъ проявленій этой силы, ускользнувшей изъ теней его пытливаго ума, изъ-подъ шупа его неутолимой любознательности. Современ-

ный титанъ еще не похитилъ небеснаго огня; онъ не придастъ разцвѣтъ юности младенцу или дряхлому старику, а жизнь цвѣтка и жизнь человѣческой плоти, не одна ли и та же.

Бельгійскіе цвѣтководы пытались гнать растенія на два разцвѣта въ годъ, но получали только чахлые, болѣзненные цвѣты, и то не всегда. Есть растенія, которыя не уступали ни свѣту, ни теплотѣ, ни другимъ дѣятелямъ, возбуждающимъ растительную силу, и цвѣли только разъ въ годъ. Ранніе цвѣты и плоды, воспитываемые въ теплицахъ, никогда болѣе, какъ тремя мѣсяцами, не опережаютъ срокъ, указанный имъ природою, и развиваются постепенно, переходя въ нѣсколько ускоренномъ порядкѣ всѣ фазы своего растительнаго года. Если бы г. Геберъ открылъ тайну ускорять до такой неимоверной быстроты естественный, такъ сказать физиологическій порядокъ жизненныхъ явленій въ растеніи, онъ не искалъ бы философскаго камня въ разцвѣтѣ пяти-копѣечныхъ маргаритокъ или въ скудномъ сборѣ за входъ съ сотни зрителей; онъ нашелъ бы и славу и золото, и признательность современниковъ и потомства, примѣняя открытіе свое къ полезнымъ растеніямъ, какъ напримѣръ, хлѣбнымъ: къ овощамъ, къ плодовитымъ деревьямъ, и проч.; тамъ заструился бы для него неиссякаемый источникъ несмѣтныхъ богатствъ. Вотъ почему академіи равнодушно читаютъ объявленія о его магическихъ представленіяхъ. Гдѣ толпа видитъ успѣхъ науки, ученый подсматриваетъ только фокусъ,—*escamotage*.

А между тѣмъ какъ мы ищемъ въ невозможномъ пищи для нашей вѣчности къ чудесному; между тѣмъ какъ мы, обманывая самихъ себя, лечимъ эту застарѣлую болѣзнь человечества, болѣе существенныя болѣзни опустошаютъ владѣнія Флоры, Цереры и Помоны, и обратили на себя вниманіе ботаниковъ болѣе, нежели фокусы г. Гебера. Виноградныя лозы погибаютъ отъ эпидемическаго недуга.

Болѣзнь виноградной лозы, существующая въ Англіи уже около семи лѣтъ, завезена во Францію въ 1847 году, съ ростками изъ виноградниковъ горы Арарата, надоблачной пристани Ноева ковчега, распространилась въ этомъ государствѣ, и потомъ затихла, но въ 1851 году появилась съ новымъ ожесточеніемъ и направилась къ Сабавдуні (Savoie), Швейцаріи, герцогству Пармскому и къ Италіи, отиуда сообщаютъ о ея успѣхахъ весьма неутѣшительныя извѣстія. Съ другой стороны, она перешла изъ Германіи въ Венгрію, и повсюду, на пути своемъ, поражая пре-

нигицественно тепличные виноградники, являютъ въ своемъ признакахъ ту же несправильность, какъ и подлѣ открытыхъ небомъ. Одна лоза поражена болѣзнію, другая, рядомъ съ нею, совершенно здорова; одна отрасль лозы чахнетъ, другая развивается съ полнымъ сіяніемъ, одни грозди вянутъ и умираютъ; другой, на той же ветки, растутъ, плодятся, наливаются и безпрепятственно дозреваютъ. Замѣчено, что нижніе, ближе къ землѣ, кѣши и грозди очень рѣдко бывають поражены болѣзнію; верхніе же рѣдко ея избегаютъ. Не во всякъ признакахъ болѣзни господствуетъ въ воздухѣ. Окапываніе лозъ и обрѣзаніе ветокъ часто помогаетъ. — Больныя лозы, поможенныя и накрытыя слоемъ земли, даютъ здоровыя отростки, которые, впрочемъ, достигнувъ известной высоты, подвергаются болѣзни. Прилипчивость болѣзни также замѣчательна. Пеститель теплицы, гдѣ господствуетъ болѣзнь, заноситъ ея зародыши на своемъ пластвѣ въ другую теплицу, гдѣ болѣзнь эта еще не появилась.

Въ 1845 году болѣзнь виноградной лозы появилась въ теплицахъ садовника Торкера, въ Маргатѣ, при устьѣ Темзы. Г. Беркелей изслѣдовалъ ее, и нашелъ, что на лозахъ разрастается грибокъ, неизвѣстный еще въ миксологическихъ таблицахъ. Онъ назвалъ этотъ грибокъ *oidium Turkeri*. Болѣзнь распространилась въ другихъ теплицахъ Англіи, и повсюду замѣченъ этотъ самый грибокъ.

Въ 1847 году болѣзнь лозы появилась въ Сюреннѣ, помѣстьѣ г. Ротшильда, возлѣ Парижа, и тамъ оказался *oidium*, тотъ самый грибокъ, который открытъ былъ въ Маргатѣ. Въ 1849 году, это чужезданное растение переселилось въ Версальскія теплицы, разплодилось, и въ томъ же году опустошило виноградники въ Сюреннѣ и Пото. Въ 1849 *oidium* появился въ Шаронѣ, возобновился тамъ въ Мавъ 1850 года, и въ Іюль распространился уже въ Монтрель, и Конфланъ. Въ это же время появился онъ на югѣ, въ Монружѣ, и достигъ до богатыхъ виноградниковъ Люксемберга. Съ этихъ поръ *oidium* воцарился во Франціи, не покидаетъ ея, и появляясь съ каждымъ годомъ, быстро распространяетъ свои завоеванія.

Въ Бельгію этотъ незваный гость пошелъ въ 1850 году, и вскорѣ Брюссель, Монсъ, Намуръ, Бруте, Остенда и Антверпенъ покорились его владычеству. Разъ оладѣлъ какою-нибудь странною, онъ упорно въ ней держится, и нѣтъ примѣра, чтобы какая-нибудь мѣстность совершенно отъ него освободилась. Въ Маргатѣ болѣзнь виноградныхъ лозъ ослабла, но еще до сихъ поръ

не прекратилась. Все наблюдатели этой эпидемии соглашались, что чужезднее растение *oidium* есть единственная ее причина, и что вероятно боллезнь картофеля происходила из того же источника.

Oidium есть растение чрезвычайно разнородное, и каждый вид его нападает на особую область растительного царства, не выселяясь в другую. Г. Геренъ-Меневиль (*Guérin-Meneville*), наблюдал искусственные дуга белой ослины (*Saint-fair*), опустошаемые однимъ видомъ чужездного гриба, весьма близкимъ къ виду размножающемуся на виноградныхъ лозахъ. Дуга были окружены виноградниками, но ни одна лоза не заражалась боллезнью луговъ. Мылазский профессоръ Бальзаме-Кригеман и докторъ Робертъ нашли *oidium* на крапивникахъ, мадерахъ унжа, на полевыхъ рапункахъ, а соседние виноградники не херили, не пахли. Все эти луговые *oidium* не принадлежали къ виду тѣхъ, которые появляются въ виноградникахъ.

Боллезнь эта уступаетъ одному средству: серному цвѣту, которымъ посыпаются лозы. Для облегченія при обсыпкѣ стричь порошокъ большихъ пространствъ, въ Бегеміи изобрѣтены *sulphureux* (*sulfurateurs*).

Исторія чужездныхъ грибовъ съ каждымъ днемъ становится занимательнѣе. Г. Робертъ (*Robin*) издалъ весьма любопытное описаніе тѣхъ видовъ чужездного гриба, которые заражаются и расплождаются на человеческой кожѣ. Произведенія нашей промышленности не менѣе нашей кожи подвергаются нашествіямъ этой грибной рати, и даже сахаръ въ головкахъ снова подпалъ подъ нго этихъ завоевателей. Сахаръ вдругъ начинаетъ краснѣть или темнѣть, и г. Монталь открылъ, что эти цвѣта происходятъ отъ нашествия легионовъ микроскопическихъ грибовъ. Онъ называетъ ихъ: *глицифилы* (любящіе сладость), *эритроспоры* (красно-зернистые), *олеоспоры* (оливко-зернистые). Въ Голландіи на сахаръ напалъ особый видъ грибовъ, чернаго цвѣта, называемый *utpoolesia mucoroides*.

Свекловица также поражена этою боллезнію. Французское правительство отправило въ северные департаменты, для изслѣдованія этой эпидеміи, гг. Дюма и Рауена (*Raouen*). Корень свекловицы становится легкимъ, въ немъ образуются порошки, которыми наводняются воздухъ или земля; растение чахнетъ, и по всему замѣтно, что боллезнь зарождается въ самой свекловинѣ.

Коробельные паруса, снасти, вино, пиво, сирь, хлѣбъ, сахаръ, картофель, свекловица, хмель, лѣсъ, фруктовая деревья, ману-

окрипты, книги, обои, затуриная и человѣчья кожи, вотъ известная до сихъ поръ пища этихъ ненасытныхъ грибовъ, которые не щадятъ даже прекрасныхъ далей, розъ, камелій и другихъ цвѣтовъ.

Зимній садъ въ Парижѣ купленъ за 515 т. франковъ спекулянтномъ, который хочетъ увеличить и украсить его, не измѣняя первоначальнаго назначенія.

Когда начались работы, новый хозяинъ отпустилъ сторожей, находившихся при садѣ. Пользуясь его оплошностью, злонамѣренные люди закрались туда ночью, изрѣзали картины, украшавшія фойе, а въ самомъ саду переломали или выдернули съ корнями кусты рядныхъ растеній. Полиція старается отыскать виновныхъ.

Въ Англіи, съ нѣкотораго времени, очень часто случаются взрывы въ лонжахъ каменнаго угля. Недавно, въ Питиурской лонжѣ, въ двухъ миляхъ отъ Нью-Кестля, возлѣ самой желѣзной дороги изъ Йорка чрезъ Нью-Кестль въ Бермингъ, 32 человека погибли отъ подобнаго случая. Питиурская лонжа каменнаго угля замѣчательна, во первыхъ, какъ самая древняя изъ разработанныхъ въ Англіи, во вторыхъ потому, что знаменитый инженеръ Стеенсонъ былъ тамъ въ юности своей простымъ работникомъ и соорудилъ первыя двѣ локомотивы, которыя и до сихъ поръ ходятъ по устроенной въ этой лонжѣ маленькой желѣзной дорогѣ.

Въ Австріи строятъ теперь девяносто пароходныхъ буксировъ (*gasmotoren*) для облегченія судоходства по Дунаю, а также машины для нѣкоторыхъ изъ этихъ пароходовъ. Правительство заботится объ устроеніи двухъ новыхъ пристаней на этой рѣкѣ.

Въ гальвано-пластической мастерской братьевъ Винтерманнъ, въ Берлинѣ, покрыли бронзою одну изъ самыхъ большихъ статуй, которыя когда-либо были подвергнуты этому процессу. Это гипсовый слѣпокъ съ колоссальнаго мраморнаго изваянія Иисуса Христа, работы Торвальдсена, которое находится въ Копенгагенскомъ соборѣ. Гальвано-пластическое изваяніе Спасителя (высотъ въ тридцать центнеровъ) будетъ поставлено въ трапезв церкви Мира, въ Потсдамѣ.

Въ Англіи намѣреваются учредить орденъ: *за гражданскія заслуги*, для награды ученыхъ, художниковъ и промышленниковъ. Это будетъ новостью въ странѣ, по преимуществу феодальной, которая никогда не знала знаковъ отличія, подобныхъ Прусскому Ордену *за достоинство*, или Кресту *Св. Михаила* древней монархической Франціи. Принцъ Албертъ будетъ гротенштейномъ этого ордена.

Генеральный советъ Сенскаго департамента, по ходатайству г. Фирменъ-Дидо, назначилъ по сту франковъ ежемѣсячнаго пособія молодому Деоржу, обратившему на себя всеобщее вниманіе удивительною врожденною способностію къ математическимъ вычисленіямъ. Деоржъ, уроженецъ Шерскаго департамента, былъ на своей родинѣ пастухомъ, и на досугъ занимался вычисленіями на память: онъ не зналъ цифръ. Потомъ онъ посвятилъ себя ремеслу каменщиковъ и продолжалъ упражняться въ вычисленіяхъ. Впоследствии находясь при каменныхъ работахъ Нового моста (Pont Neuf) и береговъ дѣяго рукава Сены, онъ исчислилъ отношеніе силы паровой машины къ объему воды, которую следовало выкачать. Удивленные этою выкладкою инженеры подвергли его испытанію членовъ академіи, которые въ свою очередь были удивлены быстротою и вѣрностію соображенія молодого каменщика. Деоржъ дѣлалъ въ умѣ умноженія и дѣленія шести цифръ на три, четыре, пять и шесть цифръ, въ нѣсколько минутъ извлекалъ квадратный корень изъ числа, состоящаго изъ шести цифръ, рѣшалъ безошибочно задачи тройнаго правила и правила товарищества, и въ три минуты извлекъ кубическій корень изъ 166,375.

Въ дополненіе къ большому числу переписокъ Гёте и къ изданному Фарнгагеномъ и Мундтомъ собранію является теперь, вышла Переписка Гёте съ Кнебелемъ (1774—1832), 2 части, 1851.

Письма Гёте къ Кнебелю продолжаются съ 1774 по 1832; ответы Кнебеля доходятъ только до 1797; прежніе вѣрно истреблены въ томъ большомъ ауто-да-фе писемъ, которое Гёте совершилъ въ 1797. Само собою разумѣется, что есть прекрасныя мѣста въ этой перепискѣ: приведемъ нѣсколько отрывковъ 2-го Марта 1797 Гёте пишетъ изъ Іены: «Здѣсь во всѣхъ отрасляхъ такое быстрое литературное движеніе, что голова кружится, «Но любопытно видѣть, что въ наше время ничего не можетъ оставаться на своемъ мѣстѣ, и все, если и не исправляется, то постоянно измѣняется. Литературный міръ имѣетъ эту особенность, что въ ней ничего не разрушается безъ того, «чтобъ не создалось что-нибудь новое, и новое именно того же «рода. По этому въ немъ остается вѣчная жизнь, онъ въ одно и «тоже время старецъ, мужъ, юноша, дитя, и такъ какъ большая «часть, хотя и не все, участвуетъ въ разрушеніи, то никакое другое состояніе не равняется ему. Отъ этого и происходитъ, что

«все обитатели его пользуются блаженствомъ и самодовольствіемъ, которыхъ нельзя понять въ этого круга. Это мое мимоходное замѣчаніе стоитъ того, чтобъ его лучше высказали и обсудили.»

«Изъ Веймара, 12 Іюня 1798. Съ тѣхъ поръ, какъ я воротился, я ничего не произвелъ, за то много читалъ и многое приготовилъ. Въ это последнее время началъ я снова заниматься теоріею цвѣтовъ, и хочу по крайней мѣрѣ употребить мои многія наблюденія такимъ образомъ, чтобъ онѣ принесли пользу для другихъ. Все было бы сдѣлано, еслибъ меня заставили читать два полугодія публично объ этомъ предметѣ; а ученость на бумагахъ и для бумаги слишкомъ мало прельщаетъ меня. Нельзя повѣрить, сколько есть мертвого и убійственнаго въ наукахъ, пока не погрузишься въ нихъ совершенно мнѣ кажется, что собственно научнаго человека оживляетъ болѣе софистической, нежели любящій истину духъ. Но пускай каждый занимается своимъ ремесломъ.»

Наконецъ изъ письма изъ Веймара отъ 24 Декабря 1824: «Собранная почти переписка моя съ Шиллеромъ, доставила мнѣ и удовольствіе и пользу: она заключилась 1805, и если представить себѣ, что въ 1806 было вторженіе Французовъ, то видно съ перваго взгляду, что ею ограничивается эпоха, отъ которой намъ едва осталось воспоминаніе. То развитіе образованія, которое родилось вслѣдствіе долгаго мира, и постоянно усиливалось, было насильно прервано; все отъ юности и дѣтства было принуждено образовывать себя другимъ образомъ.... Тѣмъ чище это свидѣтельство о прошедшемъ времени, которое не возвращается, и между тѣмъ дѣйствуетъ до нашихъ дней, и оказываетъ свое вліяніе не на одной Германіи. Порадуемся же, что и мы участвуемъ въ немъ, что мы остались теми же, какими были, и что наша дружба сохранилась также. Въ этомъ же, духъ пишетъ мнѣ Клинггеръ превосходное письмо. Онъ все такъ же строгъ и благороденъ, какъ за пятьдесятъ лѣтъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

О Н С К І Я С Е Л Е Н І Я .

Опскими селеніями, въ Енисейской губ., называются двѣнадцать деревень Канскаго округа, лежащихъ по рѣкѣ Онѣ, отдѣляющей нѣкоторую часть Енисейской губ. отъ Иркутской. Въ Сибири иногда одна и та же рѣка носить два, три и болѣе названія. Она также не единственное названіе рѣки, о которой упомянуто выше: въ верховьяхъ своихъ, въ Иркутской губерніи, она называется Нархою, отъ маленькой рѣчки Нархи, которая въ нее впадаетъ, потомъ, не много далѣе,—Бирюсою, отъ рѣчки Бирюсы, также въ нее впадающей; протекая по границѣ Канскаго округа, Бирюса называется уже Оною; близъ границы Енисейскаго округа, соединяясь съ Чуною или Удою, Она принимаетъ названіе Тасевой, и подъ этимъ послѣднимъ именемъ впадаетъ въ Анггару или Верхнюю Тунгузку въ Енисейскомъ округѣ, въ двѣнадцати верстахъ отъ деревни Кандаковой. Говоря здѣсь объ Онскихъ селеніяхъ, я буду называть эту рѣку такъ, какъ называютъ ее жители этихъ селеній—Оною. При чемъ нужнымъ считаю замѣтить, что Тунгусы называютъ Ону Іеною, — слово, означающее большую воду или большую рѣку.

На всемъ своемъ теченіи по границѣ Канскаго округа, Она одна изъ самыхъ прекрасныхъ рѣкъ Енисейской губ. Обыкновенная ширина ея болѣе не простирается, какъ до двухъ-сотъ сажень; но въ нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма немногихъ, мѣстахъ, она разливается вдвое болѣе, образуетъ острова, покрытые тальникомъ, березою и хвойнымъ лѣсомъ, и тихо-тихо течетъ, болѣею частію, между громадными горами, поросшими густымъ, дремучимъ лѣсомъ, или, какъ говорятъ въ Онскихъ селеніяхъ, чернолѣсьемъ. Страна, прилегающая къ Онѣ, — совершенная пустыня, — пріютъ бродячихъ Тунгусовъ и Карагасовъ Нижнеудинскаго округа. По этому и селенія, раскинутыя по берегамъ ея, входятъ въ число тѣхъ отдаленныхъ и малонаселенныхъ мѣстъ Сибири, куда

какъ-то холодно и страшно перенестись даже воображеніемъ, но которыя интересны въ томъ отношеніи, что, при всеобщемъ стремленіи въ настоящее время Сибиряковъ, сравниться по образу жизни съ жителями Великороссійскихъ губ., — жители этихъ мѣстъ и теперь еще могутъ вполне показать, каковы были ихъ предки, первые Русскіе населенцы Сибири и покорители ея. Въ этомъ отношеніи, Онскія селенія могутъ доставить весьма много матеріаловъ для наблюдателя.

Лѣтомъ на Ону пробраться довольно трудно. Если вы не успѣли, или не имѣли возможности, заготовить себѣ въ селѣ Ковторскомъ (послѣднемъ Канскаго округа, которое находится на самой Оне, по большой дорогѣ изъ Красноярска въ Иркутскъ) плота, на которомъ можно бы было расположиться съ нѣкоторымъ комфортомъ, — то должны плыть внизъ по Оне, на разстояніи трехъ-сотъ верстъ, въ маленькой лодочкѣ, выдолбленной изъ тополеваго дерева, которая едва-едва въ состояніи поднять трехъ или четырехъ человѣкъ. Подобнаго рода лодки называются здѣсь весьма справедливо *душегубками*, потому что они чрезвычайно вертлявы, и, при малѣйшемъ упущеніи со стороны гребцовъ, обращаются вверхъ дномъ. Но если вы, не смотря на предостерегательное названіе подобныхъ лодокъ, рѣшились все-таки плыть на одной изъ нихъ въ Онскія селенія, то вамъ на пути грозятъ еще и другаго рода невѣроятности. По дальнему разстоянію другъ отъ друга деревень, расположенныхъ по Оне, — въ особенности, если темныя ночи, — вы должны непременно ночевать на берегу рѣки, принося себя въ жертву голоду, холоду, мошкамъ и комарамъ. Лѣто въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ мѣстахъ Канскаго округа бываетъ, большею частію, жарко до того, что, если бы вы, отправляясь по Оне отъ одной деревни до другой, вздумали запастись съѣдимъ мясомъ или свѣжею рыбою, то, пока вы доплывете до вѣстнаго пункта, всѣ ваши припасы испортятся, и вы въ вечеру, ложась спать полу-голодный, должны будете возложить все свое упованіе на завтрашній завтракъ. А между тѣмъ, какъ жарки здѣсь дни, такъ, или соразмерно почти тому, холодны ночи. Говоря вообще, въ Сибири, особенно Восточной, въ какое бы теплое время года вы не отправлялись куда, надо брать съ собою непременно про запасъ меховую шубу. А если собираетесь плыть по рѣкѣ, эта предосторожность тѣмъ необходима, что, при обильномъ ночномъ холоде, — сейчасъ послѣ заката солн-

ца, отъ воды поднимается густой туманъ, который пропитаетъ васъ своею влажностію, какъ говорится, до самыхъ костей. Но медвѣжья шуба на душегубкѣ, поднимающей только три-четыре челоуѣка, — лишняя тяжесть, и ее едва ли кто рѣшится взять съ собою, если хочетъ спасти свою душу. Кроме того, отъ всплескиванія веслами, она непременно вся намокнетъ, и вамъ все-таки придется ночевать гдѣ-нибудь въ непроходимомъ лѣсу, на берегу рѣки, холодному и голодному. Правда, въ иныхъ мѣстахъ для этого случая можно взять двѣ и три душегубки; но это въ иныхъ мѣстахъ, а не вездѣ. О мошкѣ и комарахъ и говорить нечего: если вы сами не бывали никогда въ глухихъ таѣжныхъ мѣстахъ Восточной Сибири, и не испытывали нападеній этихъ кровожадныхъ наѣзниковъ, то все слова мои объ нихъ сочтете сказкою. Мошка, какъ показывается и самое ея названіе, есть ни что иное, какъ обыкновенная простая муха, съ тѣмъ только различіемъ, что она несравненно меньше ея: мошка меньше булавочной головки. Не знаю, почему въ Сибири вездѣ называютъ ее слѣпою, между тѣмъ какъ глаза ея видны даже безъ помощи микроскопа. Въ особенности, любя влажность и находясь преимущественно по близости рѣкъ, по тундрамъ и болотамъ, она цѣлыми міріадами осипаетъ васъ, лѣзетъ въ глаза, въ носъ, въ уши, и ранитъ жестокимъ образомъ. Какъ бы вы хорошо ни закрылись волосною сѣткою, которая въ видѣ савана надѣвается на голову; если бы вы, по примѣру здѣшнихъ крестьянъ, вымазали даже эту сѣтку дегтемъ, — мошка все-таки съумѣетъ пролѣзть сквозь ткань, и ужалитъ васъ. Комары здѣсь такіе же, какъ и вездѣ — какого-то неопредѣленнаго цвѣта, горбатые, длиннохоботные и кровожадные; только ихъ здѣсь несравненно болѣе, нежели гдѣ-нибудь. Едва вы успѣли обнажить малѣйшую часть тѣла, какъ они покрываютъ ее въ одну секунду, и не кусаютъ, а просто жгутъ. При этомъ надо замѣтить, что мошка и комары какъ-будто чередуются въ таѣжныхъ мѣстахъ Сибири, чтобы терзать несчастнаго путешественника. Съ послѣднихъ чиселъ Іюня до послѣднихъ Сентября, почти вездѣ въ северныхъ и южныхъ мѣстахъ Канскаго округа, каждый день, съ пяти до восьми часовъ утра, васъ ѣстъ мошка; потомъ, съ восьми до двѣнадцати — комары; далѣе, съ половины перваго до трехъ, снова мошка; наконецъ, съ трехъ до девяти, или, лучше сказать, до сумерекъ, опять комары, которые иногда не оставляютъ васъ своимъ преслѣдованіемъ цѣлую ночь... Разумѣется, что все это пустяки для того, кто бы вздумалъ посѣтить Онскія селенія не-

преимущественно лѣтомъ,—однакожъ, такіе пустыки, которые не очень пріятны. Я ничего не говорю объ осени и веснѣ: непостоянная погода этихъ временъ года есть уже самое главнѣйшее неудобство для плаванія. Впрочемъ, на плоту, устроивъ на немъ палатку отъ дождя, можно смѣло плыть и весною, и лѣтомъ, и осенью.

Зимній путь въ Онскія селенія имѣетъ также свои невыгоды. Въ это время, вы также должны сперва пріѣхать въ селеніе Конторское, и на маленькихъ савкахъ отправиться внизъ по Олѣ до самой послѣдней деревни Почетской. По рѣкѣ дорога, обыкновенно, такъ узка, что двѣ лошади въ рядъ идти никакъ не могутъ, а потому ихъ запрягаютъ одна за другой, по пяти и по шести. Зимой этотъ путь чрезвычайно скученъ и утомителенъ. Передъ вами одна и таже грустная картина въ продолженіе нѣсколькихъ дней: горы, выставлющія свои голые, каменные утесы, лишены растительности; дремучій лѣсъ, осыпанный густымъ снѣгомъ и ивею и разительно выказывающій черноту своихъ гигантскихъ стволовъ при ярко-блестящемъ днѣ (фонѣ) Сибирскаго снѣга; наконецъ,—длинная лента дороги, засыпанной по сторонамъ сугробами снѣга, и пересѣкаемой въ иныхъ мѣстахъ полянками, надъ которыми въ самые трескучіе сорока-градусные морозы клубится густой паръ.... Иногда вы ѣдете и удивляетесь страшному безмолвію, господствующему всюду: даже ямщики ваши, жители этихъ мѣстъ, какъ будто пріупили, подавленные суровою и грозною картиною ихъ родины; даже колокольчикъ подъ дугою звенитъ какъ-то рѣдко, грустно, нехотя, какъ будто боясь нарушить сонъ природы. Иногда, напротивъ, вы неожиданно бываете поражены трескомъ, подобнымъ ружейному выстрѣлу: это отъ жестокихъ морозовъ трескается ледъ или деревья. Вы ѣдете, погружаясь въ какое-то безотчетное, невольное упніе.... Но вотъ съ горъ подулъ вѣтеръ, зашумѣли деревья, поднялись облака снѣгу.—Это пурга: она съ быстротою мысли мчится по рѣкѣ между горъ, валитъ съ ногъ лошадей, засыпаетъ снѣгомъ дорогу, засыпаетъ снѣгомъ васъ. Вы думаете, что это просто порывъ вѣтра, что все это скоро кончится.... Но нѣтъ: проходитъ часъ, другой,—пурга не утихаетъ. Вотъ уже совершенно стемнѣло; вы околѣбли отъ холода; лошади едва передвигаютъ ноги по сугробамъ снѣга; колокольчикъ чуть слышенъ въ завываніи вѣтра.... Вы въ отчаяніи; но судьба сжалась надъ вами: вѣтеръ сталъ мало-по-малу стихать, и, пройдя версты три, четыре, вы замѣ-

тили въ сторонѣ огонекъ и слышали лай собаки. Это навѣрное какая-нибудь Онская деревенька. Не правда ли, что, послѣ подобнаго путешествія, ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ добраться до деревни, не смотря на то, что она, можетъ быть, очень и очень некрасива?

Всѣ селенія, лежащія по Онѣ, относительно постройки, совершенно сходны между собою.

Прѣзжая по большому Сибирскому тракту отъ Красноярска до Иркутска, и даже отъ Красноярска до Енисейска, вы иногда невольно загляните на иное селеніе, расположенное, большею частію, по берегу рѣки, совершенно правильно, съ чистыми широкими улицами, обстроенными часто прекрасными, большими двух-этажными домами. Васъ невольно поразитъ также то довольство, которое повсюду царствуетъ въ этихъ селеніяхъ. Г. Мартосъ въ своихъ письмахъ о Восточной Сибири (*) весьма справедливо говоритъ, что ему здѣсь случилось видѣть дома крестьянъ, которые не только по наружному виду, но даже и по внутреннему своему устройству, чистотѣ, красивымъ разостланнымъ коврамъ, могутъ быть предпочтены многимъ помѣщичьимъ усадьбамъ. Но ничего подобнаго не встрѣтите вы на Онѣ. Находясь среди дремучей тайги, всѣ деревни Онскіе съ перваго взгляда представляются массою домовъ, разбросанныхъ по всѣмъ направленіямъ, какъ и гдѣ попало, раздѣленныхъ кривыми, неправильными улицами, съ различными переулками и закоулками, изъ которыхъ одни завалены соломой, навозомъ, хворостомъ, а другіе въ осеннее и весеннее время затоплены водою и грязью до того, что по нимъ, безъ преувеличія, нельзя ни пройти, ни проѣхать. Эти жалкія улицы обстроены домами, которые еще жалче ихъ: это не дома, а просто лачужки, изъ которыхъ на многихъ нѣтъ даже и крыши, на нѣкоторыхъ же хотя и есть, но свѣтятся насквозь. А между тѣмъ, лѣтъ въ пяти шагахъ, и не только строевой, но даже корабельный. Самая внутренность домовъ Онскихъ селеній весьма много отличается отъ внутренности домовъ въ другихъ мѣстахъ Сибири. Обыкновенный планъ крестьянскаго дома въ Сибири—слѣдующій: весь срубъ зданія раздѣленъ на двѣ части стѣнами; изъ стѣнъ одна дверь ведетъ въ избу, гдѣ обыкновенно живетъ крестьянинъ съ своимъ семействомъ, а другая въ

(*) Москва, 1827 года, стран. 29.

свѣтлую и чистую горницу, куда собираются въ праздники или въ случаѣ прѣзда гостей. Въ избѣ нѣтъ никакихъ украшеній и даже излишнихъ удобствъ жизни; по стѣнамъ стоятъ широкія лавки, въ большомъ углу предъ образами столъ; стекла здѣсь замѣняютъ слюда или даже пузырь; рѣдко-рѣдко гдѣ найдете палаты, на которыхъ такъ охотно вздремнетъ иногда нашъ Русскій мужичекъ. За то горницу Сибирскій крестьянинъ старается украсить всевозможнымъ образомъ. Перегородкою она раздѣляется на двѣ части: въ первой почти вездѣ два или три створчатыхъ окна, кровать, накрытая одеяломъ или кошкою сохатаго, два-три стула и столъ, разныя картины Суздальской гравировки и образа (иногда довольно замѣчательные своею старинною живописью), между которыми непременно находится положеніе во гробъ Христа Спасителя; во второй комнатѣ, или такъ называемой казенкѣ, стоитъ сундукъ съ пожитками хозяевъ, висятъ ружья или винтовки, узды, хомуты и т. п. Всѣ стѣны выбѣлены извѣстью или чисто-на-чисто вымыты водою и выскоблены ножомъ, на полу ни соринки. — Совсѣмъ не то на Онѣ. По развалившемуся крыльцу безъ перилъ, или чаще по сосновой плахѣ, въ которой вырублены ступени, вы входите въ сѣни, примыкающіяся одною стороною къ наружной стѣнѣ, а другою къ избѣ. Сѣни не чисты, завалены соромъ, навозомъ и всевозможнымъ хламомъ. Изъ сѣней двѣ двери: одна на задній дворъ, гдѣ содержится скотъ (дворъ вездѣ въ Сибири грязный и неопрятный), а другая въ избу. Здѣсь вы прежде всего увидите большую печь, которая занимаетъ значительное пространство всего зданія; потомъ два-три окна четверти полторы длины и съ четверть ширины, обтянутыя пузырями. Нѣтъ ни порядочнаго стула, ни стола, ни лавки; все бѣдно, грязно: общее впечатлѣніе такого жилища—весьма непріятное. Рѣдко-рѣдко гдѣ въ Онскихъ селеніяхъ найдете въ домѣ, въ которомъ была бы особая горница.

Выше я замѣтилъ, что дворы, гдѣ содержится скотъ въ Сибири, вообще грязны и неопрятны. Ветеринарнымъ врачамъ слѣдовало бы обратить особенное вниманіе, не отъ этого ли происходятъ тѣ скотскіе падежи, которые почти ежегодно посѣщаютъ разныя мѣста Сибири и въ особенности уничтожаютъ рогатый скотъ. Изъ дѣлъ бывшей Енисейской Провинціальной канцеляріи, между прочимъ, видно, что Сибирскіе генералъ-губернаторы Чичеринъ и Кашкинъ издавали не разъ строжайшіе указы, чтобы всѣ

крестьяне, по избытку лѣса, строили для содержанія скота теплые хлѣвы и содержали ихъ всегда въ должной чистотѣ и опрятности, вычищая каждодневно грязь и навозъ и устилая полъ сухою соломою или сѣномъ. Впрочемъ, эти указы, какъ видно, мало имѣли успѣха, по совершенному невѣжеству и нерадѣнію крестьянъ о сохраненіи своей собственности (такъ сказано въ указѣ генералъ-поручика Кашкина въ Енисейскій Нижній Земскій Судъ, 11 Августа 1786 года) и преобладанію заматерѣвшихъ обычаевъ, или, лучше сказать, вкоренившихся издавна въ народѣ предубѣжденій, относившихъ все сіи несчастные случаи (скотскіе падежи) на власть Божію и отговариваясь во всѣхъ дѣлахъ упустительнаго своего небреженія, яко бы на то была неминуемая воля Божія, между тѣмъ, какъ слѣдовало бы знать, что хотя власть Божія есть и будетъ надъ всемъ, что ни есть на свѣтѣ, но человекъ одаренъ отъ Бога понятіемъ и разумѣніемъ къ отличенію, что ему вредно и что ему полезно, и свободенъ предпринимать то или другое; слѣдовательно, каждый, разумѣвающий, что наилучшее, и то не исполняющій, творитъ грѣхъ предъ Богомъ, не употребляя полученныя дарованія ни себѣ, ни другому на пользу,—въ чемъ состоитъ первѣйшій и главнѣйшій долгъ истиннаго христіанина.»

Я не разъ спрашивалъ крестьянъ, какая причина тому, что они такъ худо строятся? Одинъ и тотъ же отвѣтъ, который я отъ нихъ слышалъ, и именно, что у нихъ нѣтъ плотниковъ, что никто изъ нихъ не умѣетъ построить порядочной избы,—едва-ли можно принять въ уваженіе. Для того, чтобы покрыть надлежащимъ образомъ избы, надо не много знанія, а у нихъ, какъ сказано выше, частенько попадаютъ избы безъ крышъ.

Сибиряковъ укоряли и укоряютъ во многомъ дурномъ. Человекъ, изучившій ихъ очень хорошо и любившій ихъ, можно сказать, до пристрастія (я говорю о бывшемъ Енисейскомъ губернаторѣ Степановѣ), не могъ удержаться, чтобы не сравнить ихъ съ озеромъ, лежащимъ въ глуши кедровыхъ лѣсовъ, освѣщаемыхъ иногда лучезарнымъ солнцемъ, иногда пріятнымъ свѣтомъ луны,—съ озеромъ тихимъ, пустыннымъ, но покрытымъ колющими сучьями ели, гнилымъ, испускающимъ удушительный запахъ на большое отъ себя разстояніе, прибѣжищемъ всѣхъ пресмыкающихся гадинъ (*).... Сравненіе поэтическое и вѣрное! Но, спрашивается, ви-

(*) Енисейск. Губер. Спръ. 1832 г., часть II, стран. 105.

новны ли Сибиряки во всѣхъ приписываемыхъ имъ порокахъ и недостаткахъ; можно ли требовать, чтобы они были выше того, нежели они въ самомъ дѣлѣ?... Стоить только привести себя на память нѣсколько историческихъ воспоминаній о томъ, изъ какихъ элементовъ сложилось настоящее старожильское населеніе Сибири, и какимъ путемъ, при какихъ условіяхъ, шло развитіе этихъ элементовъ, чтобы дать отвѣтъ, совершенно отрицательный сдланному вопросу. Первые русскіе населенцы Сибири, уроженцы Новгорода, Архангельска, Холмогоръ, Каргополя, Вологды, Устюга и Нижняго, вскорѣ породнились, смѣшались и наконецъ совсѣмъ исчезли въ толпѣ буйныхъ стрѣльцовъ, сосланныхъ сюда за возмущенія. Образовалось новое поколѣніе, но оно было уже далеко не то, что предшествовавшее: по разнымъ причинамъ, которыя объяснять здѣсь было-бы долго, оно удержало за собою только пороки отцовъ, а не хорошія ихъ качества. Это второе поколѣніе въ свою очередь породнилось, смѣшалось и наконецъ также исчезло въ толпѣ, но уже не буйныхъ только стрѣльцевъ, а бродягъ, разбойниковъ, воровъ, дѣлателей фальшивой монеты, зажигателей и т. п., потому что Сибирь всегда была мѣстомъ, куда стекали всѣ безчинства и преступленія. Образовалось еще поколѣніе, которое было несравненно хуже двухъ первыхъ. Отцы были хуже дѣдовъ, а внуки стали еще хуже отцовъ. Но это только одна сторона дѣла. Еще не большая бѣда, что большая часть первыхъ населенцевъ Сибири состояла изъ разнородной массы людей, не отличавшихся и на прежнемъ мѣстѣ жительства особенными добродѣтелями: свяжите это разнородное населеніе одною животворною идеей; дайте ему направленіе такое, какое всегда имѣло въ виду наше Правительство при поселеніи въ Сибирь преступниковъ; укажите ему, какъ оно всегда предполагало, что цѣль переселенія сюда—доставить средство новую добropорядочную жизнь и загладить прошлое; говорю, вдохните новую жизнь въ это опороченное тѣло, укрѣпите эту жизнь словомъ правды,—и тогда первое населеніе Сибири было бы совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ оно было въ самомъ дѣлѣ, и послѣдствія чего мы видимъ даже на Сибирякахъ нынѣшняго поколѣнія. Стоить только вспомнить о временахъ воеводскихъ, чтобы понять, какимъ окольнымъ и глухимъ путемъ шло развитіе перваго населенія Сибири. Пріѣзжая въ сторону отдаленную, населенную большею частію преступниками, смотря на cadaго изъ ея жителей, какъ на лицо, опороченное прикосновеніемъ руки палача,—воеводы никогда не любили Сибири, не выжили въ ея нужды, и, дѣйствуя внѣ всякаго

закона, старались только поскорѣе нажитья, чтобы потомъ оставить страну ссылки. «Воеводы, какъ сказано въ упомянутомъ указѣ Царей и великихъ Князей Іоанна и Петра Алексѣевичей 24 Апрѣля 1695 г.,—воеводы, забывъ ихъ Великихъ Государей крестное цѣлованіе и презрѣя жестокіе указы, каковы въ наказѣхъ написаны, многое вино и всякіе товары чрезъ указъ въ Сибири провозятъ, и сверхъ того въ Сибири вина курятъ, и тѣмъ виномъ многую корысть себѣ чинятъ, и на кружечныхъ дворахъ вина на продажу записываютъ малое число, въ годъ индѣ по 20 и по 10, а индѣ написано въ продажѣ всего одно ведро, а въ иной годъ ни единого ведра продать не дали, и отъ того то ихъ Государево вино оставалось и истекало и пропадало безденежно; да они жъ, воеводы, вмѣсто четырехъ или шести лѣтъ или больше въ тѣ частыя перемѣны провозятъ въ два года всякъ указное число вина и всякіе товары безпошлинно, и ихъ Государеву казнѣ въ строеніи строувъ и прогонныхъ денегъ великіе расходы, а ямщиковъ и по городамъ въ подводахъ и въ Сибири до Москвы и въ Сибирскіе города всякого чина людямъ чинятъ многія обиды, налоги и разоренія; да они же для сбора ясачной казны отпускаютъ служилыхъ людей и смѣютъ съ нихъ себѣ великія взятки и посулы, и лучшія соболи себѣ выбирать, а худые въ ихъ Государеву казну отдають, и тѣмъ ихъ Государевы доходы въ ясакахъ и въ торговыхъ людей десятинного соболя и мягкой рухляди и таможенные и кабацкіе доходы остановили, а себѣ въ такіе малые годы великіе пожитки и богатство наживаютъ, а служилымъ и ясачнымъ людямъ въ тѣхъ городахъ впредь не проча, великія обиды, налоги и грабежи чинятъ и для челобитья къ Москвѣ ихъ не пропускаютъ, и отъ того многіе служилые люди по зимовьямъ побиты, а иные отъ нихъ воеводскихъ налоговъ измѣнили и въ Китайское государство отъѣхали.» (*) Въ Полномъ Собраніи Законовъ есть до десяти постановленій по этому предмету. А сколько подобныхъ фактовъ не дошло до свѣденія Правительства, сколько уничтожено все сокрушающимъ временемъ. Разсматривая старыя дѣла Красноярскаго Губернскаго Архива (къ сожалѣнію, онѣ не восходятъ ранѣе 1719 года: дѣла прежнихъ лѣтъ истреблены пожарами), я нашелъ слѣдующія, довольно интересныя, подробности о правосудіи и безкорыстіи Сибирскихъ воеводъ.— 20 Февраля 1719 г. отставной сынъ боярской Василій Черкашенинъ подалъ въ Красно-

(*) Полное собраніе Зак. Т. III, No 1511.

ярскую Воеводскую канцелярію прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что 18 число мѣсяца у него въ домѣ, въ деревнѣ Езагажской, была асморка, по случаю крестинъ внука, было много гостей, въ числѣ которыхъ находился проживавшій въ той деревнѣ отставной служилый конный козакъ Ермилъ Парсеновъ. Напившись пьянъ, этотъ козакъ сталъ приступать къ невесткѣ просителя, родильницѣ, (а родила она только за три сутокъ предъ этимъ происшествіемъ), чтобы она вышла съ нимъ на свиникъ... Мужъ, сынъ просителя, услыша это, сталъ отталкивать Парсенова отъ жены, но тотъ, схвативъ попавшійся ему подъ руку ножъ, ударилъ имъ Черкашенина сперва въ лицо, потомъ въ грудь, потомъ въ бокъ; словомъ, нанесъ пять ранъ. Тотъ, разумеется, упалъ за мертво. Поднялась суматоха; гости, чтобы не быть свидѣтелями и не попасть подъ слѣдствіе, разбѣжались. Видя, что въ горницѣ остался только одинъ старикъ, отецъ Черкашенина, Парсеновъ схватилъ родильницу за косы, назвалъ ее своей *прежней полюбовищей*, которую «и прежь того не разъ бивалъ и увѣчилъ», вытащилъ на улицу въ одной рубашкѣ, бросилъ на снѣгу и убивалъ. Объяснивъ все это, Черкашенинъ просилъ, чтобы съ Парсеновымъ было по-ступлено по законамъ, такъ какъ сынъ его «отъ означенныхъ причиненныхъ ему ранъ крѣпко на смерть разболѣлся, а невестка его лежитъ въ огнечицѣ.» Прошеніе это помѣчено днемъ самаго полученія, т. е. 20 Февраля, и, какъ видно, рукою секретаря написана на полѣ резолюціи: «помянутого въ прошеніи сына боярскаго такого-то отставнаго козака такого-то взять, ни одной минуты не медля, и, забивъ въ колодки, доставить въ Воеводскую канцелярію.» Подъ этой резолюціей подписался воевода, но изъ этой подписи только и можно было разобрать слово «Полковникъ», а какъ его фамилія, я не прочелъ. 21 Февраля, въ слѣдствіе приведенной резолюціи, приставу Воеводской канцеляріи Цветкову данъ приказъ и открытый листъ, «чтобъ онъ имѣлъ того разбойника и душегубца Парсенова, а, имѣвши, набилъ колодки,» и доставилъ въ Красноярскъ. 23 Февраля Парсеновъ представленъ и посаженъ въ *широкую*. По всему слѣдовало ожидать, что вотъ сей-часъ «разбойнику и душегубцу» станутъ дѣлать допросъ, станутъ «сыскивать до прѣма,» т. е. пытать... но не тутъ-то было! До 25 числа онъ содержался безъ всякаго спроса, а 26 числа тотъ же старикъ Черкашенинъ подалъ вновь прошеніе, что, хотя сынъ его «отъ тѣхъ смертныхъ ранъ 20 Февраля по вечеру померъ», но *не* радъ смертию говорилъ, что «самъ подъ часъ избивалъ Парсенова», и что онъ

«смертное убийство свое ему прощаетъ». «И того дня, говорить дальше проситель, мы съ Парфеновымъ, поговоря наединъ миролюбно, помирились.»—Чтожь, вы думаете, какое рѣшеніе послѣдовало по этому делу? «Понеже вышерѣченные Черкашенинъ и Парфеновъ, поговоря промежь себя миролюбно, помирились; — то Парфенова немедля изъ колодокъ выпустить, взыскать съ нихъ обоихъ за мировое прощеніе поминиъ столько-то».

Другой разъ, и именно 29 Декабря 1722 года, въ Канцелярію подано объявленіе, что служитель Красноярскаго Окружнаго двора Семень Сипкинъ укралъ полъ-кварти пива. —Какъ слѣдуетъ, его привели, посадили въ чижовку, допросили въ тотъ же день; втрошно и пытали. На другой день, т. е. 30 Декабря, въ Воеводской канцеляріи состоялось постановленіе, чтобъ «означеннаго вора и мошенника Сипкина за упомянутую вину его бити кнутомъ нещадно.» На оборотѣ листа рукою секретаря написаны «и во исполненіе сего, 3 Января былъ битъ двадцатью пятью ударами, а за тѣмъ посланъ на мѣсто жительства.»

Впрочемъ, я, навѣрное, утомилъ бы васъ, еслибы сталъ исчислять всѣ подобнаго рода случаи, — дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой. Достаточно сказать, что, не выходя въ положеніе Сибири и не любя ее, воеводы покушались иногда на уничтоженіе такихъ народныхъ ея обычаевъ, которые, не заключаая въ себѣ ничего дурнаго, напротивъ сближали разнородное населеніе Сибири и обобщали его. Приведу примѣръ. Всемъ извѣстно, что въ Сибири и теперь еще существуетъ прекрасный обычай *справлять помочи*. Бѣдный или одинокій крестьянинъ, будучи не въ состояніи убрать одинъ свое поле, проситъ крестьянъ своей деревни, или даже и соседнихъ деревень, помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Въ назначенный день къ нему является человекъ двадцать-тридцать мужчинъ и женщинъ, идутъ въ поле, убираютъ въ одинъ день все, что одному не убрать бы и въ продолженіе мѣсяца, и потомъ шируютъ у хозяина на обѣдъ, пьютъ вино или пиво, поютъ пѣсни. Кажется, что тутъ дурнаго? Однако жъ, 13 Апрѣля 1726 года, за отсутствіемъ Енисейскаго воеводы Вердеревскаго, исполнявшій его должность камергеръ Иванъ Скуинной разослалъ по своему ведомству циркулярное предписаніе, въ которомъ объяснилъ, что «Боготольскій подьящій Иванъ Максимовъ, бывъ на помочи у крестьянина Ивана Росихина, пилъ вино, и былъ пьянъ, и женою своею учинилъ смертное убійство; а

какъ прежними указами (жаль, что неизвѣстно, какими и по какому поводу послѣдовавшими) помочи чинить на-крѣпко запрещено, о чемъ многожды во всѣ присуды подтверждено, только исполненія не чинится,—и того дня еще подтверждается строжайше ни подъ какимъ видомъ помочей не дѣлать, и пивъ по помочамъ не варить; иначе не токмо сами хозяева, но и будущіе на тѣхъ помочахъ, всѣ безъ изъятія наказаны будутъ жестоко кнутѣмъ и сосланы въ Нерчинскъ въ работу.»

Въ циркулярномъ указѣ Енисейской Воеводской канцеляріи. 14 Марта 1771 г., между прочимъ, вотъ что говорится о *братчинѣ*, другомъ не менѣе замѣчательномъ обычаѣ въ Сибири: «неоднократно посылаемыми изъ здѣшней Канцеляріи во всѣ приходы, указами было подтверждаемо и запрещаемо, чтобъ канонѣвъ и братчинѣ отнюдь не было; но и за тѣмъ оказалось—въ Анцыферовскомъ присудѣ была варима братчина и послѣдовало отъ оной посадскому Докасову отъ ясачнаго Вышнякова смертное убивство, за что тотъ ясачной Вышняковъ, въ страхъ другимъ, и наказанъ кнутѣмъ, а зачинщикъ того варенья братчины плетми; а чтобъ и паки таковыхъ братчинъ варимо не было, и во всемъ оныя пресѣклись, определено: послать паки указы и вѣлѣть оныя братчины, страшаясь вышеписаннаго, а паче и жесточайшаго наказанія, нигдѣ не варить.»

Принимая все это въ соображеніе, трудно не увлечься мыслию, что большая часть худаго, замѣчаемаго въ нынѣшнихъ Сибирякахъ, что все, въ чемъ ихъ укоряли и укоряютъ,—дѣвность, скрытность, мстительность, развратъ, корыстолюбіе, хитрость,—все это результаты жизни ихъ предковъ подъ управленіемъ воеводъ, результаты образа дѣйствія прежнихъ мѣстныхъ властей. И, хотя теперь, въ нашъ счастливый вѣкъ, мѣстное начальство на дѣлѣ старается разувѣрить жителей Сибири, что времена воеводскія прошли, такъ давно, что какъ будто-бы никогда не существовали, хотя жители и сами видятъ это, находя вездѣ защиту и покровительство канонѣвъ во всякомъ правомъ дѣлѣ, но (говоря словами Тацита) такъ слабая человеческая природа! лекарство медленнее болѣзней!... Сибиряки еще долго будутъ Сибиряками.

Все это я считалъ необходимымъ сказать въ защиту Сибиряковъ потому, что жители Онскихъ селеній, о которыхъ я веду теперь рѣчь, также Сибиряки, и притомъ самые закоренные: они лѣнны, скрытны, мстительны, развратны, корыстолюбивы и хитры. Знаменитая грамота Святѣйшаго патріарха Филарета къ Тоболь-

скому архіепископу о развращеніи нравовъ тогдашнихъ козаковъ, какъ будто писана про крестьянъ Онскихъ селеній.... Но при этомъ не должно забывать, въ слѣдствіе чего все это произошло, не должно забывать также и хорошихъ ихъ качествъ: они гостепріимны, покорны начальству, смѣлы въ опасностяхъ и весьма кротки.

Упомянувъ о лѣности Сибиряковъ вообще и жителей Онскихъ селеній въ особенности, я не могу удержаться, чтобы не подтвердить своихъ словъ официальными документами, извлеченными, какъ и многое другое, упомянутое выше, изъ дѣлъ Кашино-Шиверскаго монастыря. Въ указѣ Енисейской Провинціальной канцеляріи отъ 28 Апрѣля 1777 г. говорится, что многіе жители, *по лѣности своей*, не крестятъ родившихся дѣтей по нѣскольку мѣсяцевъ, и даже по году: а потому и поставлено въ обязанность всѣмъ и каждому, «у кого будутъ родившіяся дѣти, то, не отлагая ни изъ за чего, отвозили бы ихъ къ священникамъ, и требовали, чтобы крестили». Въ другомъ указѣ, *подписанномъ 29 Сентября 1769 года*, Провинціальная канцелярія, извѣщая жителей, что для освидѣтельствованія, не будетъ ли гдѣ, *по лѣности жителей*, не убрано съ поля хлѣбовъ, посланы будутъ *въ началѣ Сентября* отъ Сибирскаго генералъ-губернатора Чичерина особые нарочные, «наискрѣпчайше» подтвердила: «кто на поляхъ застанетъ будетъ въ половинѣ Сентября мѣсяца только еще при жатвѣ, то оные наказаны будутъ кнутомъ.»

Кромѣ чертъ характера, свойственныхъ всѣмъ Сибирякамъ, жителей Онскихъ селеній упрекаютъ еще въ какомъ-то абдеритизмѣ, если можно такъ выразиться, и рассказываютъ объ нихъ множество пресмѣшныхъ анекдотовъ.

Одинъ разъ крестьянинъ какой-то Онской деревни позвалъ къ себѣ въ гости своего пріятеля. Дѣло было праздничное. Выпивъ порядочную чару зеленого вина, хозяинъ расхвастался передъ гостемъ: «Посмотри-ка, братанъ, какое я угодье купилъ себѣ у сузда-ла», сказалъ онъ, показывая своему гостю вилку Тульской работы. Гость взялъ вилку, повертѣлъ ее нѣсколько разъ въ рукахъ, и прехладнокровно спросилъ: «а на чтѣ же пригодно это угодье?»— «А вотъ видишь ли», сказалъ хозяинъ.... тутъ онъ подвинулъ къ себѣ блюдо, на которомъ лежалъ кусокъ вареной сохатины, отрѣзалъ отъ него часть, придерживая рукою, надѣлъ на вилку и сказалъ: «покорно прошаетъ». Гость пришелъ въ удивленіе отъ этого ху-

дожества, но скрывъ свое замѣшательство, отвѣчалъ: «ну, и я купилъ тоже уголье». Тутъ онъ вынулъ изъ-за пазухи щипцы, обернутые платкомъ. Хозяинъ въ свою очередь сталъ въ тупикъ передъ этою невиданною вещью. «Да чего жъ ты станешь съ этимъ дѣлать?» спросилъ онъ гостя. «Да чего», отвѣчалъ тотъ; «посмотри-ка». Тутъ онъ раскрылъ щипцы, снялъ двумя пальцами нагорѣвшій на свѣчѣ фитиль, положилъ его въ щипцы и придавилъ. И хозяинъ и гость остались совершенно довольны своими покупками, заплативъ за нихъ, навѣрное, въ-три-дорога, и изъявили свое удовольствіе односложнымъ звукомъ *ну*, которое у Сибиряковъ прилагается всегда и всюду, и значитъ, смотря по обстоятельствамъ, и да и нѣтъ, и хорошо и худо.

Расскажу другой анекдотъ. Лѣтъ десять тому назадъ, одинъ засѣдатель отправился въ Онскія селенія по какому-то дѣлу. Приплывъ по рѣкѣ, куда охотваало, онъ сталъ производить слѣдствіе, по которому прибылъ. Слѣдствіе это наконецъ было окончено, и засѣдатель собирался отправиться далѣе. Плотъ стоялъ уже у самаго берега, нежитки засѣдателя тоже были уже на плоту,—словомъ сказать, все было готово—и самъ засѣдатель и цѣлая толпа народа, высыпавшая на улицу проводить его, но дѣло между тѣмъ остановилось. Съ засѣдателемъ была какая-то собаченка, которая, пріютивъ въ комнатѣ къ остаткамъ завтрака его, никакъ не хотѣла съ ними разстаться и идти на плотъ, можетъ быть, предчувствуя самую неблагоприятную погоду какъ для своей шерсти, такъ и для желудка. Много разъ и староста, и голова, и писарь засѣдательской, и даже самъ засѣдатель пробовали выгнать ее изъ комнаты,—не тутъ-то было! Смѣтливая собака ушла подъ печку и жалобно визжала оттуда, какъ бы прося своихъ притѣснителей оставить ее въ покоѣ. Чтѣ тутъ дѣлать? Собака засѣдательская не то, что писарь съ тѣмъ еще можно какъ-нибудь сладить—тотъ человѣкъ мягкій; а съ нею—поди, разговаривай; она себя только визжитъ да визжитъ, а засѣдатель все больше сердится да сердится. А между тѣмъ, его выпроводить необходимо, потому что онъ далъ міру ведро вина, и міръ уже давно собирается распить его какъ слѣдуетъ. Дѣло вышло затруднительное! И вотъ толпа сошлась поближе, поговорила между собой нѣсколько времени, и разошлась. Изъ среды ея вышелъ человѣкъ, навѣрное уже человѣкъ *натуральный*, бывалый, — съ волосами, какъ вездѣ носятъ въ Онскихъ селеніяхъ, почти по самыя плеча, въ лунтахъ и съ ножомъ за поясомъ. Ему

как-то удалось выгнать собаку. Обращаясь потомъ къ застѣдателью, этотъ натуральный человекъ, снявъ шапку, и почесавъ въ затылкѣ, сказалъ, указывая на собаку: «ваше благородіе! ея-то почтеніе сидеть съ вами, а не сама побѣжить?» Разумѣется, застѣдатель не мало удивился, какимъ образомъ его собака попала въ *ее почтеніе*.

Впрочемъ все это нѣсколько не имѣаетъ жителей Онскихъ селеній считаться самыми отъявленными колдунами Каспскаго округа. Въ этомъ отношеніи объ нихъ услышешь иногда просто чудеса. Самому мнѣ не удавалось быть свидѣтелемъ этихъ чудесъ; однакожъ, изъ дѣлъ известно, что крестьяне Онскихъ селеній частенько попадаютъ подъ свѣдствія по дѣламъ такого рода (*).

Скажу теперь нѣсколько словъ о хозяйствѣ крестьянъ Онскихъ селеній.

Земледѣніе въ Онскихъ селеніяхъ находится въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи. Причина этому заключается какъ въ почвѣ земли, большею частію глинистой и каменистой, такъ и въ лѣни крестьянъ разчищать лѣса подъ пашни. Впрочемъ, въ последнемъ случаѣ, они едва ли не поступаютъ ушно, потому что съ уничтоженіемъ лѣсовъ уничтожился бы главнѣйшій ихъ промыселъ — звѣроловство. Почти все мужское народонаселеніе Онскихъ селеній цѣлую зиму живетъ въ глуши тайги, охотясь за бѣлками, соболями, медвѣдями, сохатыми и т. п. Въ этомъ дѣлѣ они весьма справедливо называются знающими и въ иныхъ случаяхъ не уступаютъ своимъ соседямъ инородцамъ. Чтобы понять, какія лишения претерпѣваютъ они въ это время, достаточно вспомнить о пустынности мѣстъ, гдѣ они охотятся, о жестокихъ морозахъ и о страшныхъ шتормѣхъ, продолжающихся иногда по нѣскольку сутокъ. Соболѣи Онскіе не хороши, или, лучше сказать, хорошіе попадаютъ очень рѣдко; но бѣлки нѣсколько не уступаютъ Богучанскимъ, которыя считаются самыми лучшими въ Енисейской губерніи. Другая главнѣйшая отрасль занятій Онскихъ крестьянъ — рыбная ловля. Въ Оне ловится множество всякой рыбы, какъ-то: осетровъ, стерлядей, шиньовъ, налимовъ, хайрюзовъ, тайменей и пр. Впрочемъ, она весьма мало идетъ въ продажу, а потребляется, большею частію, на мѣстѣ. Равнымъ образомъ не идутъ въ продажу кедровые орѣхи, которыхъ добываютъ здѣсь большое коли-

(*) Мы спросили бы у нашего почтеннаго корреспондента извѣстій этого рода Ред.

чество. Упомянувъ о кедровыхъ орѣхахъ, я не могу умолчать, ка-
кимъ варварскимъ образомъ производится собираніе ихъ. Не ожи-
дая, пока шишки съ орѣхами созрѣютъ и спадутъ сами, крестья-
нинъ беретъ топоръ и подрубааетъ могущественный, вѣковой кедръ.
Отъ того эта порода лѣса ежегодно исчезаетъ болѣе и болѣе.
Для предохраненія ея хоть сколько-нибудь отъ совершеннаго уничто-
женія, отданы были по этому предмету приказы Енисейскими воеводами
Евдокимомъ Шапошниковымъ и Францомъ Дюрригою. Въ 1768 г.
Шапошниковъ поставилъ въ непремѣнную обязанность мѣстныхъ
властей, «чтобъ имѣющихъ въ вѣденіи cadaго мѣста по угоды-
ямъ кедровъ отнюдь никто безъ крайней надобности и нужды,
напрасно и для сбора только однихъ шишекъ, съ корени не под-
рубалъ и ничѣмъ не портилъ и не ломалъ, потому что онѣ
отъ того вовсе сохнутъ, а впредь новыхъ чрезъ многіе годы
ожидать надобно будетъ; ежели жъ кто въ противность сего учи-
нить,—таковыхъ, лови, присылать въ губернію для отсылки на
поселеніе на Сибирскую линію» Но Дюррига еще несравненно
болѣе оказалъ усердія въ защиту прекрасныхъ кедровъ. Въ 1772
г. онъ объявилъ, что уличенные въ порубку кедровъ будутъ не-
премѣнно наказаны кнутомъ, и присовокупилъ, что одинъ крестья-
нинъ за это былъ уже наказанъ плетью...

Сибирякъ старожилъ называетъ себя преимущественно чело-
вѣкомъ натуральнымъ, въ отличіе отъ поселенца, челоѣка не на-
туральнаго, варнака, т. е. ничего незнающаго и мошенника. Бѣль-
шую часть года онъ живетъ на своей землѣ, избушкѣ, устрой-
ной гдѣ-либо въ удобномъ мѣстѣ подлѣ пашни, или въ тайгѣ,
если онъ оружейникъ, т. е. звѣропромышленникъ. Его рѣдко
найдете дома; но если найдете, то онъ васъ встрѣтитъ, одѣтый
въ китайчатый халатъ или верблюжій азамъ, въ плисовые шаро-
вары и кунгурскіе сапоги. Онъ не пойдетъ въ карманъ за сло-
вами и будетъ говорить съ вами о чемъ угодно, покуривая изъ
коротенькой трубки Черкасскій табакъ, смѣшанный изъ экономіи
съ корою тополя или пихты. Если онъ крестьянинъ зажиточный
и желающій выиграть въ вашихъ глазахъ, то, какое бы ни было
время вашего пріѣзда къ нему,—онъ велитъ дочери поставить
самоваръ, а между тѣмъ, пока вы сидите и разговариваете съ
нимъ въ горницѣ о разныхъ разностяхъ, входитъ хозяйка въ ко-
роткой мѣховой или ситцевой кофѣ и дабовой юбкѣ, съ сит-
цевымъ или шелковымъ платкомъ на головѣ, съ виномъ въ ру-

какъ.... На Онѣ вы не найдете такой роскоши, увидите даже недостатокъ; но радушный пріемъ встрѣтите непременно, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Сибири. Васъ встрѣтятъ, усадятъ, станутъ подчивать виномъ и чаемъ, и при томъ такъ убедительно, что совѣстно отказаться отъ того и другаго. Разговоръ между вами и хозяиномъ сперва будетъ вертѣться около самыхъ обыкновенныхъ предметовъ: онъ будетъ говорить, какъ все вздорожало, какъ нынче вездѣ стало мало звѣря,— между тѣмъ, какъ прежде (и онъ еще помнитъ) дикія козы сами забѣгали въ деревню, а быки во время лѣсныхъ пожаровъ, какъ кошки, бѣгали по крышамъ. Онъ самъ хорошо знаетъ, что вы вѣрите ему только вполонину, что теперь онъ гораздо больше имѣетъ способовъ пріобрѣтать деньги, чѣмъ прежде.... но, что за надобность? Онъ все-таки будетъ говорить подобнымъ образомъ, пока не выпьетъ десятой чашки чаю и пятой рюмки вина: тогда стѣнитъ только похвалить старое житье-бытье, старый порядокъ вещей, и вы услышите то, чего прежде и не воображали. Множество народныхъ отбѣлковъ можно подмѣтить въ это время у крестьянина Онскихъ селеній, множество преданій глубокой старины.

Въ одну темную, морозную зимнюю ночь, когда вѣтеръ съ трескомъ ломалъ деревья въ соседнемъ лѣсу, поднималъ тучи снѣгу по Онѣ и жалобно вылъ между каменными ущельями ея береговъ,—я бесѣдовалъ подобнымъ образомъ въ одной изъ отдаленныхъ Онскихъ деревенекъ съ своимъ хозяиномъ, семидесятилѣтнимъ старикомъ, известнымъ оружейникомъ въ свое время. Много мы толковали о разныхъ разностяхъ, но когда старикъ немножко подгулялъ, то я спросилъ его, не знаетъ ли онъ какой-нибудь старинной пѣсни, потому что нынче поютъ все какую-то дрянъ.

— Какъ не знать, сударь, ваше почтеніе; знавали. Да, вишь ты, старъ сталъ; память плоха. Надо быть, годовъ съ двадцать уже не пѣлъ.

— Ну, а какія же ты зналъ пѣсни?

— Да много; теперь не припомнишь.

— Припомни хоть одну; я тебя буду очень благодаренъ.

Старикъ задумался и началъ что-то припоминать.

— Вотъ, вишь ты, ваше почтеніе: надо быть, мнѣ было тогда годовъ двадцать; я былъ съ покойнымъ родителемъ въ тайгѣ, да повстрѣчались тамъ съ другими оружейниками, надо

быть, Иркутской губернии (тогда это-то была всё Иркутская губерния по самым Кань); вотъ я у нихъ и перенялъ одну пѣсню старинная пѣсня; можетъ и спѣлъ бы, да боюсь,—грѣшно.

— Ну хоть такъ Расскажи; да смотри же, ни одного слова не прибавляй, не убавляй; говори такъ, какъ будто бы ты пѣлъ.

— Почто прибавлять или убавлять.

И старикъ сталъ протяжно читать пѣсню о Ставрѣ-Бояринѣ. Пѣсня эта напечатана въ собраніи «древнихъ Русскихъ стихотвореній», изд. 1810 г., но та, которую читалъ старикъ, отличалась многими отъ печатной. Я заставлялъ его повторять ее нѣсколько разъ, и наконецъ записалъ съ дипломатическою точностію. Вотъ она:

ПѢСНЯ ПРО СТАВРА БОЯРИНА.

Благослови-ка, Господи, старину сказать, старину сказать стару
прежнюю, стару прежнюю да стару давнюю! (*)

Какъ во славномъ было въ городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра,
Ужъ какъ было пированье, почётный пиръ,
Ужъ какъ было столованье, почётной столъ,
Про многихъ про князей, про бояриновъ,
Про могучихъ богатырей свѣту-русскихъ,
Да про всю поленину удалую.
А и былъ ужъ пиръ во полу-пиру,
Сѣхались все князья и боярины,
Только нѣту одного добра молодца,
Боярина Ставра Гудимовича.
Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владиміръ князь:
«Ужъ вы гой еси, слуги мои вѣрные!
«Повзжайте-ко вы за добрымъ молодецъ,
«За Ставромъ бояриномъ Гудимовичемъ;
«Вы подайте-ко Ставру мою грамотку,
«Позовите Ставра на веселый пиръ.»
Какъ не дивно тому время миновалося,
Прѣзжаетъ ко князю бояринъ Ставръ;
Онъ вступаетъ во палаты бѣлы-каменные,
Онъ крестъ-то кладетъ да по писанному,

(*) Эти слова, какъ объяснилъ старикъ, не поются, а читаются.

Онъ поклонны-то ведетъ по ученому;
 Онъ кланяется, да покланяется
 На всѣ на четыре сторонушки,
 А Владиміру князю на особицу.
 И *послалъ* всѣ за дубовы столы,
 За скатерти бранныя шелковыя,
 За питья, за ѣствы за сахарныя—
 Какъ до сыта бояре наѣдались,
 Какъ до пьяна бояре напивались,—
 Промежъ собою они расхвастались,—
 Хвастались бояре градомъ Кіевомъ,
 Хвастались бояре златомъ серебромъ,
 Еще хвастались бояре скатымъ жемчугомъ.—
 Тутъ возговорилъ, промолвилъ бояринъ Ставръ
 На единъ своему товарищу:

«Ой глупыя бояре, неразумныя!
 «Они хвалятся градомъ Кіевомъ,
 «Они хвалятся златомъ, серебромъ,
 «Еще хвалятся скатымъ жемчугомъ:
 «А что это за ограда во Кіевъ
 «У ласковаго князя Владиміра?
 «У меня-ли, у Ставра, широкій дворъ
 «Не хуже будетъ города Кіева:
 «Онъ строенъ у меня на семи верстахъ,
 «Свѣтлы свѣтлицы дуба благаго,
 «Покрыты свѣтлицы сѣдымъ бобромъ,
 «Потолокъ въ свѣтлицахъ черныхъ соборей,
 «Полъ, середѣ чиста серебра,
 «Крючья, пробои по булату злечены;
 «У меня ли, у Ставра у боярина,
 «Злата, серебра стоятъ кованы дарцы,
 «Крупну жемчугу бурмицкому нѣсть числа;
 «У меня ли, у Ставра Гудимовича,
 «Молода жена Василиса Васильевна:
 «Она ростомъ, дородствомъ дородише всѣхъ,
 «Красотою, лѣпотою она краше всѣхъ,
 «Ея бѣлое лицо—словно бѣлый снѣгъ,
 «Ея черныя брови—какъ у соболя,
 «Ея ясныя очи—какъ у сокола;
 «Умѣетъ она и прастъ и ткать,

«Умѣть она изъ лука стрѣлять
 «Въ семисотную версту въ золотъ перстень».

А и были тутъ у князя слуги вѣрные,
 Доносили они таковы слова. —

Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владиміръ князь:
 «Ужъ вы гой еси, князи и боярины,
 «Вы могучи богатыри свѣту-русскіе!»
 «Не напрасно ли Ставръ похваляется?
 «Ужъ не больно ли онъ забирается?
 «Вы возьмите-ко его за бѣлы руки,
 «Посадите-ко въ подвалы глубокіе,
 «Заприте-ко дверями желѣзными,
 «Замкните-ко замками булатными,
 «Зашечтите-ко песками рудо-желтыми,
 «Снарядите-ко посла грознаго
 «Ко двору его хвашному, широкому —
 «Опечатать его широкій дворъ,
 «Съ златомъ, серебромъ, крупнымъ жемчугомъ,
 «И привести во Кіевъ молодую жену,
 «Молодую Василису Васильевну,
 «Ко мнѣ ко князю Владиміру!»

Какъ недивно тому время миновалось,
 Перепала къ Ставровой молодой женѣ,
 Къ молодой Василисѣ Васильевнѣ,
 Перепала вѣсточка нерадостная,
 Что Ставръ де бояринъ во Кіевѣ,
 Посажень въ подвалы глубокіе,
 Замкнутъ на замки на булатные,
 Засыпанъ песками сыпучими. —

Тутъ велитъ она искать коня добраго
 На ту на удицу на тесмѣнную;
 Сѣдлаетъ коня во черкаское сѣдло,
 Подтягиваетъ двѣнадцать подпругъ шолоховыхъ,
 Надѣваетъ на себя кудри черныя,
 А на ноги сапоги зеленъ сѣбянъ;
 Подпоясываетъ палицу тяжелую,
 Да подстегиваетъ свой тугой лукъ,
 Что тугой свой лукъ вѣдь разрывчатый;
 Называется она грознымъ посломъ
 Изъ дальнихъ земли Золотой орды.

Что не темная туча подымалася,
 Что не вихри по полю погнали,
 Подымалася Ставрова молода жена,
 Со своею свитою великою,
 Ко славному городу ко Киеву. —
 Половину дороженьки проѣхали,
 Тутъ на встрѣчу изъ Кіева грозенъ посолъ
 Отъ славнаго князя Владиміра. —
 Они слѣзли, сошли съ добрыхъ коней,
 Разбивали въ чистомъ полѣ полотнянъ шатеръ,
 Какъ послы они попословались,
 По три раза они поцѣловались,
 А послѣй того сѣли за дубовый оголъ,
 За скатерти бранныя шелковыя,
 За пѣты за ѣсты за сахарныя.
 Тутъ спрашивалъ изъ Кіева грозенъ посолъ:
 «Ой гой еси, удалые добры молодцы!
 «Вы откуда идете, куда Богъ несѣтъ?»
 Отвѣчаетъ посолу таковы слова
 Молодая Василиса Васильевна:
 «А мы идемъ изъ орды, золотой земли,
 «Отъ грознаго царя, хана Крымскаго,
 «Ко славному городу ко Киеву,
 «Къ великому князю Владиміру,
 «Брать съ нею дани, невыходы,
 «Еще тебѣ ли пошлины великія
 «Ни много, ни мало за двѣнадцать лѣтъ,
 «За каждый годъ по двѣ тысячи.»
 Изъ Кіева посолъ призадумался,
 Призадумался онъ, прикручинился,
 Поговариваетъ онъ таковы слова:
 «А я, де, изъ Кіева грозенъ посолъ,
 «Вѣду ко Ставру-боярину
 «Опечатать его широкій дворъ
 «И привести его молодую жену
 «Ко великому князю Владиміру.»
 Отвѣчаетъ Василиса Васильевна:
 «Какъ зѣкали мы прежѣ изъ Золотой орды,
 «Во дворъ Ставра боярина
 «Останавливались на перепутіи;

«А нонѣ затѣжали—двери заперты,
 «Знать бояринъ Ставрѣ съ молодой женой
 «Сварядилися по гостямъ гостить.»

Изъ Кіева посолъ воротился назадъ;
 Повхалъ онъ дорогой прямоѣзжею
 Ко славному городу ко Кіеву.
 А и былъ онъ въ городѣ во Кіевѣ,
 У ласковаго князя у Владиміра,
 Доносилъ онъ князю про грозна посла.
 Ужъ и больно тутъ князь запечалился
 Со княгиней своей Апраксевной.
 Въ тужъ пору пріѣзжалъ и грозной посолъ
 Къ княженицкимъ палатамъ бѣлымъ-каменнымъ.
 Скоро слезалъ со добра коня,
 Входилъ во свѣтицу во свѣтлую,
 Садился на скамью богатырскую. —
 А и тутъ княгиня Апраксевна
 Выводила князя на тесовъ крылецъ,
 Говорила словечко по-тихохоньку:
 «Ни очемъ ты, князь, не печалуйся;
 «То не грозный посолъ изъ золотой орды,
 «А то Ставрова молода жена,
 «Знаю я примѣты всѣ по женскому:
 «Она по двору идетъ словно уточка,
 «А по горенкѣ частенько переступываетъ,
 «А на лавку садится, колена жметъ.»

Тутъ собиралъ князь Владиміръ почётный столъ.
 Про многихъ князей, про бояриновъ,
 Про великихъ богатырей свѣту-русскихъ. —
 А и былъ ужъ день въ половинѣ дня,
 А и былъ ужъ столъ во полу-столъ;
 Напивались гости, наѣдались.
 Тутъ возговорилъ промолвилъ Владиміръ князь
 По-тихохоньку княгинѣ Апраксевнѣ:
 «Ой ты гой еси, княгиня Апраксевна!
 «Я ли грознаго посла провожаю:
 «Заставляю его боротися
 «Съ моими богатырями могучими.»

Въ ту пору прилучилися въ Кіевъ
 Удалие бойцы, добры молодцы:
 Алёша Поповичъ, Илья Муромецъ,
 Кунгуръ богатырь Самородовичъ,
 Суханъ богатырь, сынъ Дементьевичъ,
 Самсонъ богатырь Колыбановичъ,
 Да еще ребята Хашимовы.
 Выходили все на широкій дворъ,
 Становились въ рядъ двенадцать человекъ;
 А того ли посоль не попятиса.
 Перваго онъ хлестнулъ въ голову,
 А другаго хлестнулъ промежъ ребрами,
 А третьяго хлестнулъ поперекъ хребта;
 У одного мозги разлетѣлися,
 У другаго ребра повыскакали,
 А третій по двору окарачь поползъ;
 Остальные же все разбѣжались.

Плюнулъ тутъ Владиміръ, да и прочь пошелъ.
 Говорилъ онъ княгиня Апраксевна:
 «Глупая ты, княгиня, не разумная!
 «У те волосы долги, да умъ коротокъ»;
 «Называешь ты богатыря бабою;
 «Такова посла у насъ еще не бывало».
 А княгиня съ княземъ заспорила:
 «Эй ты ласковый, сударь, Владиміръ князь!
 «Да не быть этому послу грозному,
 «А быть Ставровой молодой женѣ.
 «У ней бѣлое лицо—словно бѣлый снѣгъ,
 «У ней ягодицы—словно мажовъ цвѣтъ,
 «А пальцы на ручкахъ тонѣшеньки».
 Тутъ возговорилъ промолвилъ Владиміръ князь:
 «Ой ты гой еси, княгиня Апраксевна!
 «Я ли посла грознаго проведу:
 «Заставлю его изъ лука стрѣлять
 «Съ богатырями моими могучими!»

Выводилъ тутъ ласковый Владиміръ князь
 Двенадцать богатырей въ поле чистое;
 Стали они стрѣлять по сыру дубу.

Попадаютъ они по сыру дубу,
 Да отъ стрѣлочекъ ихъ, отъ кленовыхъ,
 Сырой дубъ только шатается,
 Будто отъ погоды сильныя:
 Тутъ взяла Василиса Васильевна
 Во бѣлы руки волокитный лукъ,
 Да тонкую стрѣлочку кленовую;
 Тянула тетивочку за ухо,
 Спускала тетивочку до слова,
 Сила тетивка у туга лука,
 Взяла да пошла кленова стрѣла,
 Угодила она въ крыковастый дубъ;
 Раздвоила дубъ на двѣ на полы,
 Изломала въ черенъя ножевые.

Плюнулъ князь Владиміръ, да и прочь пошелъ;
 Говорить онъ княгинѣ громкимъ голосомъ:
 «Глупая ты, княгиня, не разумная;
 «Называешь ты богатыря бабою;
 «Такого посла у насъ еще не было!
 «Посмотри-ко ты на крыковастый дубъ:
 «Мнѣ не жаль сыра дуба крыковастаго,
 «Только жаль мнѣ стрѣлочки кленовыя.
 «Не найдти ее теперь во чистомъ полѣ!
 «Развѣ самъ я посла, провѣдаю».

Тутъ сѣлся ласковый Владиміръ князь
 Во своихъ во палатахъ бѣлыхъ каменныхъ
 Со грознымъ посломъ за широкій столъ:
 Стали они играть въ шахматы
 Тавлеями кленовыми, вальщетыми.
 Первую заступъ заступовали—
 Выигралъ у князя молодой посолъ,
 Другую заступъ заступовали—
 И другую заступъ посолъ проигралъ;
 Третью заступъ заступовали—
 Шахъ, да и мать, да и подъ доску.

И сказалъ тутъ посолъ таковы слова:
 «Ой ты гой еси, ласковый Владиміръ князь!

«Я прїѣхалъ къ тебѣ въ гости не тѣшиться
 «Ты отдай-ко мнѣ дани, невыходы,
 «Еще тѣ ли пошлины великія,
 «Ни много, ни мало, за двѣнадцать лѣтъ,
 «За всякой годъ по двѣ тысячи».

Тутъ возговорилъ промолвилъ Владиміръ князь:
 «А и нонѣ пришло время невзгодливое;
 «Не торгуютъ купцы, нѣту пошлины,
 «А и звѣря пушнаго давно не видать.
 «Не чѣмъ мнѣ платить дани, пошлины,
 «Еще тѣ ли невыходы великіе
 «Развѣ изволишь самого меня
 «Головою взять со княгинею!»

— «Ладно», — проговорилъ грозенъ посолъ:—
 «Ну, а чѣмъ же ты, князь, потѣшаешься?
 «А и нѣтъ ли у тебя кому въ гусли поиграть?»

Тутъ припомнилъ ласковый Владиміръ князь
 Про Ставра боярина Гудимовича:
 А кромѣ его въ городъ Кіевъ
 Не было горазднѣй на гусляхъ играть.
 Посылалъ онъ по Ставра боярина.
 Приводили Ставра на почетный пиръ;
 Сажали Ставра супротивъ посла;
 И зачалъ тутъ Ставръ поигрывать:
 Съигрыщъ съигралъ Царя-града,
 Танцы навелъ Ерусалимскіе,
 Величалъ князя со княгинею,
 А кромѣ того съигралъ Еврейскій стихъ.

Посолъ задремалъ и спать захотѣлъ;
 Говорилъ онъ князю Владиміру:
 «Ой ты гой еси, ласковый Владиміръ князь!
 «Хоть хотѣлъ я тебя головою взять
 «Со княгиней твоей Апраксьевой,—
 «Да не надо мнѣ дани, пошлины,
 «Еще тѣхъ ли невыходовъ, невыплатовъ
 «За двѣнадцать лѣтъ по двѣ тысячи:
 «Ты отдай мнѣ про все добра молодца,
 «Боярина Ставра Гудимовича.

Въ ту пору князь Владиміръ сталъ радощенъ,
 Отдавалъ онъ Ставра молоду послу,
 Затѣвалъ пированье веселое.
 Про многихъ про князей, про бояриновъ.
 Про могучихъ богатырей, савтурусскихъ,
 Да про всю поленицу удалую;
 А Ставръ бояринъ съ молодымъ посломъ.
 Сѣдали коней черкасскихъ
 И повзжали въ землю дальнюю. (*)

Кн. Костровъ.

Красноярскъ.

18 Октября 1851 года.

изъ КАЗАНИ. Съ 15-го Октября начались въ Университетѣ публичныя лекціи механики, химіи и технологіи, Профес. Котельникова, Клауса и Киттары. Цель этихъ лекцій — ознакомленіе фабрикантовъ, ремесленниковъ и другихъ производителей, какъ съ общими началами механики, химіи и технологіи, такъ и съ новѣйшими изслѣдованіями ученыхъ по разнымъ отраслямъ заводской и фабричной промышленности. Число посѣтителей въ особенности значительно на лекціяхъ химіи и технологіи. Присовокуплю къ этому, что г. Киттары въ непродолжительномъ времени намеренъ приступить къ печатанію своихъ чтеній (**).

- (*) Спрашивается, какъ сохранилась эта пѣсня въ Восточной Россіи? Спрашивается, почему такіа пѣсни не сохранились въ Малороссіи? М. П.
- (**) Публичныя лекціи въ Казани бывали еще и въ прошедшемъ столѣтіи. Я теперь нѣсколько времени, въ свободныя часы, роюсь въ архивѣ Университета, гдѣ хранятся и дѣла Казанскихъ гимназій, основанныхъ въ одно время съ Московскимъ Университетомъ и подчиненныхъ ему. Въ числѣ прочихъ бумагъ, я нашелъ (черновую) просьбу главнаго командира гимназій надворнаго советника Юлія-Фонъ-Канина на имя куратора В. Е. Адодурова о повышеніи его въ слѣдующій чинъ. Просьба эта была отправлена въ Москву въ Февраль 1777 года. Изчисляя свои труды, дающіе право на награду, Канинъ между прочимъ пишетъ: «послѣ онаго печальнаго приключенія (разоренія Казани Пугачевымъ), здѣшній г. губернаторъ за весьма полезное почель, для образованія и проsvщенія нравовъ здѣшняго мѣста, чтобъ при Казанскихъ гимназіяхъ моралическія, историческія и прочія сочиненія публично читаны были: то я сіи трудныя, но полезныя сочиненія, не взирая на крайнюю слабость моего здоровья и на приближавшуюся старость лѣтъ, на себя принявъ, поимѣя оныя продолжая, какъ въ университетъ отъ каждаго публичнаго собранія, посланныя мои сочиненія, доказываютъ». Кажется, это публичныя лекціи. О состояніи гимназій въ то время собрано довольно много.

25 Октября происходило засѣданіе Казанскаго Общества Любителей Отечественннй Словесности. Я, нижеподписавшійся, прочиталъ статью: «*О началѣ библиотекъ въ древней Руси*», составляющую собственно частицу начатой мною исторіи библиотекъ въ Россіи. Послѣ этого К. К. Фойгтъ прочиталъ статью: «*О дидактической и эпической поэзіи Римлянъ въ первый періодъ ихъ литературы отъ основанія Рима до смерти Августа*». За тѣмъ В. Н. Григоровичъ объяснилъ словесно содержаніе одной Сербской рукописи XIV вѣка, содержащей въ себѣ первую попытку сочиненія Славянскаго грамматикн. Рукопись эту г. Григоровичъ предполагаетъ издать въ дополненіе къ статьѣ, читанной имъ на торжественномъ собраніи Общества, 19 Сентября, «о значеніи церковно-славянскаго языка въ нашемъ образованіи».

27 Ноября, происходило новое засѣданіе Общества. Д. Ч. В. П. Васильевъ прочиталъ нѣсколько «*Отрывковъ изъ дневника десятилѣтняго пребыванія своего въ Пекинѣ*», заключающихъ въ себѣ извлеченія изъ официальной Пекинсконъ газеты и собственныя наблюденія г. Васильева надъ замѣчательнымъ финансовымъ кризисомъ Китая—упадкомъ цѣнности монеты. Д. Ч. И. К. Бабстъ прочиталъ «*Очерки Англійской жизни въ XVII столѣтіи*», представляющіе: 1) картину физическаго состоянія Англіи въ избранную эпоху, 2) состояніе мелкаго дворянства, и 3) состояніе сельскаго духовенства въ Англіи въ то же самое время. Послѣ этого Д. Ч. К. И. Ленстрёмъ прочиталъ «*Опытъ объясненія слова: «Варягъ»*», заключающій въ себѣ филологическое производство этого имени отъ слова Ring, рязь.... Въ заключеніе Д. Ч. В. И. Григоровичъ представилъ Обществу два весьма интересные пергаментные фрагмента рукописей X и XI вѣка, изъ которыхъ въ одномъ содержится переводъ сочиненій Св. Кирилла Іерусалимскаго, а въ другомъ Похвала Болгарскому Царю Петру, о которомъ такъ мало находится извѣстій въ лѣтописяхъ. При этомъ случаѣ г. Григоровичъ читалъ замѣчаніе объ историко-филологическомъ значеніи этихъ фрагментовъ, также о способѣ и цѣли изданія ихъ,—что намѣренъ онъ предпринять.

28 Октября былъ диспутъ Адъюнкта А. Г. Станиславскаго на званіе доктора юридическихъ наукъ. Представленная имъ диссертация носитъ заглавіе: «*О мнрахъ огражденія имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ по началамъ древнѣйшаго Русскаго права*». Изъ числа 11 тезисовъ въ особенности замѣчательны слѣдующіе, какъ прямо относящіеся къ Русской Правдѣ:

1) Русская Правда есть преимущественно сборникъ права частнаго. 2) Постановленія Правды объ отысканіи и возвращеніи въ настоящему ихъ хозяину вещей, опознанныхъ въ чужомъ владѣніи, въ противоположность мнѣніямъ Эверса, Калачева и другихъ, не допускаютъ никакого самоуправства со стороны истца. 3) Система огражденія имущественныхъ отношеній, въ древнѣйшемъ памятникѣ Русскаго законодательства, представляетъ несомнѣнные признаки изродности. Въ особенности продолжителенъ былъ споръ г. Станиславскаго съ г. Фогелемъ, который самъ довольно занимался изученіемъ Русской Правды и еще въ недавнее время издалъ статью «О поклепной вирѣ». Сочиненіе г. Станиславскаго, по отзыву юристовъ, заключающее въ себѣ много важныхъ и вѣрныхъ выводовъ, какъ слышно, не замедлитъ явиться въ печати.

8 Ноября Казанская Духовная Академія праздновала торжественно годовищину своего открытія, совершившагося назадъ тому девять лѣтъ (въ 1842 году).

Ординарный Профессоръ языковъ *А. И. Беневоленскій* произнесъ рѣчь, предметомъ которой было изображеніе состоянія *Еврейскаго государства по начертанію богодухновеннаго законодателя Евреевъ Моисея*.

Одно изъ важнѣйшихъ событій въ исторіи Академіи минувшаго года—есть отправленіе бакалавра *Н. И. Ильминскаго* въ путешествіе по Востоку. Случай этотъ есть первый въ жизни духовно-учебныхъ заведеній, и потому неизлишнимъ считаю войти въ нѣкоторыя подробности о немъ. Уже нѣсколько лѣтъ, съ Высочайшаго соизволенія, при здѣшней Академіи составленъ комитетъ для перевода богослужебныхъ книгъ Православной Церкви на Татарскій языкъ. Въ числѣ членовъ этого комитета состоятъ и *Н. И. Ильминскій*, окончившій курсъ въ здѣшней Академіи въ 1848 году и оставленный при ней въ званіи бакалавра. Занимаясь прежде переводомъ *Литургіи Св. Іоанна Златоустаго*, онъ въ прошедшемъ году перевелъ на Татарскій языкъ почти весь *Часословъ*, за исключеніемъ *утрени, перваго часа* и нѣкоторыхъ *тропарей*, переведенныхъ другимъ членомъ этого комитета, бакалавромъ *Г. С. Саблуковымъ* (*). Первенствующій членъ конференціи Академіи и

(*) «Часословъ» вложено нѣтъ печатать. Прибавляю, между прочимъ, что членомъ этого комитета состоитъ также и извѣстный профессоръ Петербургскаго Университета (бывшій прежде профессоромъ здѣшняго Университета) *Мирза А. К. Каземъ-Бекъ*.

Президентъ помянутаго комитета, Высокопреосвященный Архiepистырь нашъ, Архiepископъ Григорій, ревнуя объ успѣхъ этого великаго предпріятія—перевода церковныхъ книгъ—для точнѣйшаго ознакомленія съ духомъ восточныхъ языковъ, предположилъ одного изъ академическихъ чиновниковъ отправить въ путешествіе въ Мухаммеданскому Востоку. Выборъ палъ на г. Ильминскаго. По всеподданнѣйшему докладу г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, Государь Императоръ, въ 23 день Іюля 1851 года, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: отправить бакалавра Ильминскаго на Востокъ на два съ половиною года съ назначеніемъ изъ духовно-учебныхъ капиталовъ содержанія по 2 т. руб. сереб. въ годъ; на подъемъ 600 руб. сер; прогоновъ отъ С.-Петербурга до Одессы по разчисленію, а отъ Одессы до Каира 200 руб. сер. Въ минувшемъ Августѣ г. Ильминскій выѣхалъ изъ Казани, а въ послѣднихъ числахъ Сентября отправился изъ Одессы на пароходѣ въ Стамбулъ. По плану путешествія онъ долженъ прибыть въ Каиръ и провести тамъ и въ другихъ мѣстахъ Египта одинъ годъ; полгода въ Сиріи, именно въ Дамаскѣ; восемь мѣсяцевъ въ Константинополѣ и четыре мѣсяца употребить на посѣщеніе важнѣйшихъ мѣстъ Малой Азіи. Не смотря на специальность цѣли путешествія—изученіе во всѣхъ отношеніяхъ мухаммеданства въ самой колыбели его и въ связи съ нимъ Талмуда,—инструкція, данная г. Ильминскому, поставляетъ ему въ обязанность наблюденіе и надъ другими предметами: вникнуть въ состояніе христіанъ (Православныхъ и Католиковъ) на Востокѣ; изучать древнѣйшіе памятники письменности и искусства, хранящіеся въ церквахъ Сирійскихъ и др., вести постоянный дневникъ своихъ наблюденій и открытій по части восточной литературы и древности, и по возвращеніи въ Россію представить его, черезъ годъ, обработаннымъ, и проч. Такимъ образомъ задачи, данныя г. Ильминскому, разнообразны, обширны и многосложны: надлежащее ихъ разрѣшеніе не иначе возможно, какъ подъ условіемъ содѣйствія ума свѣтлаго и широкаго, эрудиціи самой богатой, тонкой практической ловкости и трудолюбія неутомимаго. Но выборъ Академіи даетъ полную надежду, что г. Ильминскій выполнитъ съ честію возложенное на него порученіе.

Изъ ученыхъ трудовъ членовъ Академіи «Отчетъ» указалъ на *церковно-историческое и статистическое описаніе Казанской епархіи*, составляемое Э.-Орд. Пр. по кафедрѣ церковной и гражданской Русской Исторіи *Г. З. Елисеевымъ*, по вызову высшаго духовно-училищнаго начальства, согласно съ программой, утверж-

денной Святѣйшимъ Синодомъ. Для собранія матеріаловъ г. Елисеевъ совершилъ ученую поѣздку по епархіи и обозрѣлъ многіе монастыри и церкви. Трудъ г. Елисеева будетъ имѣть то важное значеніе, что онъ, вмѣстѣ съ прочими подобными описаніями, послужитъ матеріаломъ къ составленію подробной Исторіи Русской Церкви, необходимость которой (и послѣ трудовъ Филарета и Макарія) чувствуется вѣднѣе, и которая не можетъ быть написана вполне удовлетворительно до тѣхъ, пока не будутъ изслѣдованы и описаны каждая епархія отдѣльно. (*) Г. З. Елисеевъ въ литературѣ Исторіи Русской Церкви извѣстенъ уже; онъ написалъ «Жизнеописанія Казанскихъ Святителей: Гурія, Варсонофія и Германа».

Баккалавръ Г. С. Саблуковъ, кромѣ перевода на татарскій языкъ *утренн, перваго часа и нѣкоторыхъ воскресныхъ тропарей поемыхъ на Непорочная*, — о чемъ было сказано прежде, — занимался переводомъ *Длинній Апостольскихъ и Соборныхъ Посланій*.

Изъ Цивильска мѣнъ сообщили, что тамъ 24 Октября произошло открытіе *руководяльнаго класса для двѣицъ при Уездномъ училищѣ*, въ которомъ уже съ 1849 года введено обученіе двѣицъ тому, чтѣ преподается въ приготовительномъ классѣ. — Первая мысль объ этомъ полезномъ учрежденіи возродилась въ умѣ цивильскаго градскаго главы П. П. Курбатова, бывшаго некогда воспитанникомъ цивильскаго училища. Свое предположеніе Г. Курбатовъ изложилъ въ письмѣ къ штатному смотрителю училища Н. Л. Ларіонову, и просилъ его ходатайствовать предъ учебнымъ начальствомъ о дозволеніи открыть этотъ классъ, вызываясь при томъ принять на себя всѣ расходы, какіе потребуются при первоначальномъ учрежденіи. Обязанность наставницы въ женскихъ руководящихъ изъавила желаніе принять супруга штатнаго смотрителя Ек. Ив. Ларіонова. — Г-нъ Попечитель Казанскаго Учебнаго округа, одобрявъ такое предпріятіе, разрѣшилъ открыть руководяный классъ, чтѣ, какъ сказано, и совершилось 24 Октября. — При этомъ случаѣ учитель русскаго языка Г. Козаковъ сказалъ небольшую рѣчь о трудѣ, отличающуюся теплотою чувства и въ особенности простотою и ясностію изложенія, доступнаго пониманію каждому; можно съ увѣренностію сказать, что эта рѣчь достигла своей цѣли: убѣдила слушателей въ пользѣ труда, въ важности учрежденія руководяльнаго класса. Торжество открытія было

(*) Мы давно уже твердимъ это, — и разъ десять уже указывали на пропадающее въ рукописи описаніе Вологодской епархіи г-на Саввантова.

скромно, да и не за чѣмъ быть ему громкимъ. Намъ остается только пожелать всевозможнаго успѣха этому прекрасному предпріятію, и чтобы оно нашло себѣ подражаніе въ другихъ мѣстахъ ...

Послѣ такихъ серьёзныхъ матерій слѣдуетъ ли говорить о чемъ-нибудь другомъ? Не знаю, что будетъ дальше, а теперь въ Казани тихо и скромно: нѣтъ театра (труппа г-на Стрѣлкова перекочевала въ Самару), нѣтъ концертовъ, нѣтъ и баловъ— и публичныя лекціи пока (для нѣкоторыхъ) составляютъ предметъ развлеченія... Но виноваты: въ концѣ Октября прилетѣлъ въ Казань «Шведскій жаворонокъ»— Г-жа Ниссенъ-Саломонъ, разсказала свою біографію, пропѣла три концерта и уехала въ Пензу. Нельзя при этомъ не замѣтить, что г-жа Ниссенъ-Саломонъ хотя принята была очень привѣтливо, но далеко не такъ, какъ Амалія Корбари ... Неужели мы истощили все свои восторги, такъ что на долю г-жи Ниссенъ-Саломонъ, одной изъ первоклассныхъ пѣвицъ, не достало почти ничего?...
А. А. Артемьевъ.

Казань, 1854. Ноября 28.

Въ Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ помѣщенъ слѣдующій, кажется, нигдѣ еще не напечатанный анекдотъ о Князѣ Александрѣ Андреевичѣ Безбородкѣ. «Императрица Екатерина II, во время Шведской войны, получила отъ Турецкаго Султана письмо, наполненное угрозами и похвалами, въ которомъ повелитель правотѣрныхъ, полагая, что Императрица въ одну и то же время не можетъ вести двухъ войнъ, требовалъ уступки себѣ части завоеванныхъ Россіею отъ Турціи земель, угрожая, въ противномъ случаѣ, войною. Государыня послала за Княземъ Безбородко, бывшимъ тогда государственнымъ канцлеромъ, прочитала ему письмо и приказала изготовить на него отвѣтъ.—«Отвѣтъ уже готовъ, Ваше Величество!»—отвѣчалъ Безбородко.—«Какъ же это такъ, Князь?»—воскликнула изумленная Императрица:—«письма этого, кромѣ меня, никто не читалъ».—«Позвольте приказать, Ваше Величество, подать сюда псалтырь, — продолжалъ Безбородко. — Принесли псалтырь; князь отыскалъ въ немъ 51-й псаломъ Царя-Пророка, и прочиталъ изъ него слѣдующее: что хвалиши въ злобѣ сильне? беззаконіе весь день. Не правду умысли языкъ твой, яко бритву изощрену сотвориши еси лести. Возлюбилъ еси злобу паче благостыни, не правду, неже глаголати правду. Возлюбилъ еси вся глаголы потопни, языкъ лъстивъ. Сего ради Богъ разрушитъ тя

до конца: восторгнеть ты и преселить ты отъ селенія твоего, и корень твой отъ земли живыхъ. Узрять праведни и убоятся, и о немъ возмзвуются, и рекутъ: се человекъ, иже не положи Бога помощника себѣ, но упова на множество богатства своего, и возможе суетою своею. Азъ же яко маслина плодovitа въ дому Божіи, уповахъ на милость Божію во вѣкъ, и въ вѣкъ вѣка». — Прекрасно, Князь, — сказала Великая Екатерина. — Лучшаго отвѣта на это письмо я не желаю: прикажите переписать». (Замѣтимъ только, что при сообщеніи такихъ анекдотовъ всего важнѣе свидѣтельство, ибо безъ свидѣтельства всякій анекдотъ лишается достоверности.) Что касается до другаго анекдота о Безбородко же, какъ онъ импровизировалъ докладъ Государынѣ, показывая видъ, что читаетъ, по листу бывшей бумаги, — то этотъ анекдотъ уже извѣстенъ, только относится къ другому времени жизни Безбородко, именно къ началу его службы, а не къ тому, когда онъ былъ уже канцлеромъ, какъ говоритъ сообщившій оба анекдота.

Любопытный случай разсказанъ въ Оренбургскихъ Губернскихъ Ведомостяхъ. Въ одной изъ станицъ Оренбургскаго казачьяго войска нынѣшнею весною сдѣлался падежъ рогатаго скота. Расторопный домохозяинъ-казакъ, видя приближающуюся гибель для своего скота, рѣшился отстранить ее немедленною продажей всей своей скотины, почему поспѣшно и отправилъ ее въ Оренбургъ. Выручивъ за скотину деньги (475 рублей), онъ въ довольствѣ возвращался къ себѣ въ станицу, гдѣ у однопоселенцевъ его гибъ отъ повальной болѣзни скотъ, и востигался, что успѣлъ отстранить отъ себя эту невзгоду. Но во время обратнаго пути его, день былъ знойный, палящіе лучи солнца побуждали его къ прохлаждѣ. Онъ рѣшился охладиться въ прилежающемъ къ дорогѣ озерѣ, называемомъ Баннымъ. Скинувъ съ себя платье, казакъ положилъ на него кожаный, краснаго цвѣта бумажникъ, висѣвшій у него на шнуркѣ на шеѣ, и въ которомъ находились вырученныя за скотину деньги. Едва онъ взошелъ въ воду и успѣлъ одинъ разъ окунуться, какъ появился огромной величины коршунъ, схватилъ лежащій сверхъ одежды казачій бумажникъ и унесъ въ даль, недоступную зрѣнію казака, оробѣвшаго до такой степени, что онъ около часа стоялъ нагой на берегу озера, устремивъ взоръ свой по полету хищной птицы. Потомъ, одѣвшись и вздохнувъ тѣжко, онъ сѣлъ на коня. Грустныя думы волновали его во время пути. Подѣзжая же къ станицѣ, онъ вспомнилъ, что онъ казакъ, а казаку неприлично кручиниться, — и, дернувъ платьемъ своего гнѣзда, полувесело въѣхалъ въ домъ, безъ денегъ и скотины....

— Г. Игнатьевъ, известный издатель романтической «Рукописи старины Марин (*)», поместилъ недавно въ Новгородскихъ Губер. Вѣдомостяхъ, между разными историческими матеріалами, *древнюю Новгородскую пѣсню*. Вотъ она:

У моего родимаго батюшки,
 У моей родимой матушки,
 Было девять сыновъ, я десятая;
 Всѣ братья мои, всѣ въ разбой пошли,
 А меня ли младу замужъ отдали,
 Меня за море, за морьянина (**).
 Ужъ я годъ жила и другой жила,
 А на третій годъ я дитю родила.
 Ужъ я стала просить друга милаго, морьянина:
 Ты свези меня въ мою сторону,
 Къ моему батюшкѣ, къ моей матушкѣ.
 Вотъ повхали въ свою сторону;
 Какъ навхали разбойники,
 Моего друга, морьянина, зарѣзали,
 Милу дитятку въ воду бросили,
 А меня младу во полонъ взяли;
 Во полонъ взяли, стали спрашивать:
 «Ты скажи, скажи, ты съ какой страны?»
 — «Чьего роду ты? чьего племени?» —
 У моего родимаго батюшки,
 У моей родимой матушки,
 Было девять сыновъ, я десятая;
 Всѣ братья мои, всѣ въ разбой пошли,
 А меня ль младу замужъ отдали,
 Меня за море, за морьянина....

 — «Ты сестрицушка, ты голубушка!
 Ты сколь хошь бери злата, серебра!» —
 Мнѣ не надо злата, серебра;

(*) Смотр. Москвитянинъ 1880 г.

(**) Купецъ, торгующій за моремъ, или, по нашему, за границую, вѣроятно, Ганзеецъ, можетъ быть даже и проживающій по торговымъ дѣламъ въ земляхъ факторіи. Изъ 1-й Новгородской лѣтописи видно, что производящихъ заграничный торгъ называли заморскими купцами: напр. «Въ лѣто 6664 поставиша купцы заморстѣи Святыя Пятницы на торговлищи».

Примѣч. г. Игнатьева.

А отдайте мнѣ друга милаго,
Да отдайте мнѣ милу дитятку!...

«Напѣвъ этой пѣсни, говоритъ г. Игнатьевъ, унылый, протяжный, однообразный, и я собственно потому издаю ее, что не нашелъ ея ни въ одномъ изъ сборниковъ нашихъ народныхъ пѣсень. Говорятъ, что она донинѣ употребляется въ Бежецкѣ (Тверской губ.), некогда бывшемъ Новгородскомъ городѣ». Мы, съ своей стороны, можемъ сказать, что не разъ слышали эту пѣсню въ подмосковныхъ деревняхъ, и даже въ самой Москвѣ, только съ разными вариантами. Сколько говоритъ это обстоятельство въ пользу ея древности—это не подлежитъ сомнѣнію. Есть еще другая пѣсня, въ которой упоминается девять братьевъ и десятая сестра, но содержаніе ея шутовское. Говоримъ все это къ тому, чтобы кстати спросить: кому, дѣтямъ или внукамъ нашимъ, суждено видѣть собраніе народныхъ Русскихъ пѣсень?...

С М Ъ С Ъ

СВАДЕННОЕ ЖАРКОЕ.

(Охотничій рассказъ Эли-Берте).

Восходящее солнце золотило стѣны небольшого замка Ларамьера, стоявшаго въ лѣсистой провинціи Пуату. Этотъ замокъ, въ развалинахъ, уже во времена Лудовика XIII, къ которымъ относится рассказъ нашъ, представлялъ очень бѣдное жилище, до половины разрушенное во время религіозныхъ войнъ. Вокругъ толстой, четырехугольной башни, группировались покатывшіеся домишки и образовывали почетный дворъ. Утромъ въ день нашего рассказа на этомъ дворѣ раздавался ужасный шумъ: ржаніе лошадей, лай собакъ, мѣшались съ оглушительными звуками охотничьяго рога.

Трубившій такъ не милосердо былъ рослый, молодой и красивый охотникъ. Благородная осанка, веселая миша и современный охотничій щегольской костюмъ, обличали въ немъ настоящаго губителя звѣрей и дичи. Верхомъ на лихомъ конѣ передъ главнымъ входомъ башни, онъ трубилъ самую шумную тревогу. Наконецъ, выбившись изъ силъ, обратился къ служителю, смыкавшему на дворѣ собакъ и весело сказалъ:

— Клянусь святымъ Убертомъ, это ни на что не похоже. Что значить, Жеромъ, что мой почтенный дядюшка Шевалье де Ларамьеръ спитъ такъ долго въ день охоты за кабаномъ? Вчера прислалъ онъ сказать мнѣ, что въ Гландейскомъ лѣсу видѣли клыкастаго старика и приглашалъ меня сегодня къ себѣ съ собаками, чтобы вмѣстѣ встрѣтить дорогаго гостя.... Я чуть свѣтъ выѣхалъ изъ Вейрака, сію минуту Панталеонъ и ла Жонисъ призвуть съ моими собаками, а здѣсь еще спать мертвымъ сномъ.... Право, я начинаю трусить.... Ужъ не даромъ ли я прокатался три мили.... Ужъ не ушелъ ли старый кабанъ?

— Кто его знаетъ! господинъ Сенжульенъ; дядя Жоржъ ранехонько отправился съ ищейкой прослѣдить его.... вотъ мы и подаждаемъ отъ него вѣсточки.

— Ну, это дѣло. Но чтожъ мой дядюшка?.... или его схватила подагра, или онъ ужъ не хочетъ болѣе слыть самымъ неутомимымъ охотникомъ въ провинціи, что валяется въ постелѣ, когда ужъ давно бы долженъ сидѣть въ седлѣ!

— Гм.... сударь, баринъ нашъ вчера позднеенько легъ.... не одну бутылочку осушили они съ этимъ господиномъ, что къ намъ пріѣхалъ....

— Что ты тамъ врешь?... Кто могъ сюда прѣхать!.... это вѣрно сосѣдній охотникъ, приглашенный дядюшкой....

— Охотникъ... онъ, охотникъ! отвѣчалъ презрительно псарь, надѣвая смычекъ на двухъ здоровенныхъ псовъ, гдѣ ему быть охотникомъ! а вотъ, сударь, двѣ новыя собачки Мюро и Рюсто, посмотрите, какъ они у меня уже будутъ работать.

Сен-Жульенъ разсвѣянно взглянулъ на собакъ, какъ вдругъ тоненькой голосъ назвалъ его по имени. Быстро оборотилъ онъ лошадей; у двери башни стояла молоденькая и хорошенькая дѣвушка въ платочкѣ и коротенькой юпочкѣ, накинувъ наскоро что-то въ родѣ плаща. Примиленькой ручкой манила она его къ себѣ. Сен-Жульенъ соскочилъ съ лошади и подбѣжалъ къ ней.

— Здравствуйте, кузина Манета, сказалъ онъ, цѣлуя ее по тогдашнему обычаю. Право я не думалъ, что ваше милое личико увижу первымъ въ Ларамьерѣ. Ужъ не поручилъ ли вамъ дядюшка за себя охоту? Клянусь честію, наша богиня Діана была менѣе васъ милостива!....

— Вамъ весело, кузенъ, отвѣчала Манета плаксивымъ голосомъ! а если-бъ вы знали....

— Что такое? Ничто не удивитъ меня такъ, какъ то, что Шевалье де Ларамьеръ спитъ, когда подъ его окнами трубятъ тревогу, когда старый кабанъ обойденъ отсюда въ одной милі!

— Вы только объ охотѣ! ахъ! Сен-Жюльенъ, какую тяжелую ночь провела я сегодня!.... я давно сторожила прѣздъ вашъ, чтобы сказать вамъ, что между нами все кончено.... рука моя не можетъ принадлежать вамъ, батюшка отдалъ ее другому.... Ну чтожь! вы не плачете, каменный человѣкъ? и сама залилась слезами.

— Я тоже заплачу, кузина, отвѣчалъ трагикомическимъ тономъ охотникъ, но какъ же это?

— Вы не понимаете? Вчера прѣхалъ г. де Шавиньи, сынъ стариннаго друга моего батюшки.... онъ прѣхалъ, чтобы на мнѣ жениться.... Всю ночь протоковали они объ этомъ.... все сладили. Ну, довольны ли вы? Мы никогда неувидимся.... никогда.... меня увезутъ отсюда.... я буду несчастна.... я умру....

Новый потокъ слезъ прервалъ слова ея. Сен-Жульенъ, къ ней приблизился и взялъ ее за руку.

— За чѣмъ отчаяваться, кузина? Отъ сватовства до свадьбы далеко; сегодня послѣ охоты я поговорю съ дядюшкой, я ему скажу....

— Да я вамъ говорю, что все кончено, онъ далъ слово Шавиньи богать, обѣщаетъ возобновить нашъ замокъ, а вы знаете,

что батюшка весь прожился на охоту.... онъ далъ слово, и, не спросясь меня, поклялся, что убитый вами сегодня кабанъ будетъ зажаренъ въ день моей свадьбы....

— Ни за что па свѣтъ! вскричалъ Сен-Жульенъ съ негодованіемъ.... но, кузина, продолжалъ онъ, уже другимъ тономъ, скажите мнѣ, что за человекъ этотъ Шавиньи?

Ужасный человекъ, отвѣчала она, хоть и одѣтъ по придворной модѣ, но дурачекъ, гордъ, глупъ, золь....

— Все это непременно такъ, если онъ вамъ не нравится.... но охотникъ ли онъ?

— Нѣтъ, онъ почти все время жилъ въ Парижѣ, и даже говорить съ презрѣніемъ о деревенскихъ забавахъ.

— Ну, такъ дѣло можетъ поправиться.... Повѣрьте мнѣ, что Шевалье де Ларамьеръ, старый охотникъ Генриха IV, не отдастъ такому человеку своей дочери.

— Ахъ! еслибъ это была правда!.... и чтобъ вамъ быть по богаче! батюшка говоритъ, что двоимъ бѣднымъ жениться не приходится, и что онъ не отдастъ меня за васъ ни за что.... Не уже-ли я должна быть женою этого отвратительнаго Шавиньи!

—Постойте, кузина, я вызову его на дуэль сегодня же и убью непременно.

— Нѣтъ, нѣтъ, я вамъ этого не позволю.... Боже мой! ну если онъ убьетъ васъ! вѣдь я тоже умру. Да и батюшка на васъ такъ разсердится, что не приметъ на глаза.

— Какъ же быть?.... Но вѣрно этотъ господинъ поведетъ съ нами сегодня на охоту?

— Повесть.

Ну такъ онъ сдѣлаетъ какую нибудь не ловкость и разбѣситъ дядюшку.

— Но онъ будетъ просто зрителемъ.

— Тамъ мы поведемъ его по оврагамъ, лошадь его понесетъ, и онъ сломаетъ себѣ шею.

— Какъ будто эта лошадь можетъ понести? сказала лукаво дѣвушка, показывая на ужаснаго буцефала, скорѣе пригоднаго для возки тяжестей, нежели для охоты.

Сен-Жульенъ пожалъ презрительно плечами.

— Ну.... случайно.... они могутъ встрѣтиться съ кабаномъ и хорошій ударъ клыка...

— Да, это было бы прекрасно, особенно, еслибы кабанъ зналъ, для чего его батюшка готовить, проговорила двушка и улыбулась сквозь слезы.

— Какъ же намъ отъ него отдѣлаться?

Въ эту минуту послышался внутри башни [громкой, веселой] голосъ, и шпоры зазвенѣли на каменной лѣстницѣ.

— Вотъ и батюшка, сказала торопливо Манета.... помните же, что время не терпитъ, и что, если вы не успѣете сегодня же разстроить эту свадьбу, то между нами все кончено.

— Побудьте еще минуту, кузина, я право ничего не придумаю... да что вы бѣжите, развѣ бонтесь дядюшки?

— Нѣтъ, но....

— Что же?

— Но съ нимъ Шавиньнъ, придворный дворянинъ.... если онъ увидитъ меня въ этомъ костюмѣ, я покажусь ему уродомъ.

И она убѣждала, чтобы не показаться уродомъ челоуьку, котораго сама называла злымъ, глупымъ и отвратительнымъ.

Сен-Жульенъ не успѣлъ обратить вниманія на эту женскую выходку, отецъ и женихъ Манеты стояли уже передъ нимъ.

Шевалье де Ларамьеръ, бѣдный дворянинъ, но лихой и опытный охотникъ былъ уже лѣтъ шестидесяти; образъ его жизни придавалъ ему видъ силы и свѣжести. На немъ былъ старинный охотничій костюмъ съ подпалымъ шпьемъ, рогъ черезъ плечо и кинжалъ за поясомъ. Шавиньнъ маленькаго роста, сухопарый, поднявши носъ къверху, напомнилъ бы намъ нѣкоторыя Англійскія фizioноміи; одѣтъ онъ былъ смѣшно изысканно для этого случая, широкой старинный плащъ, тафтяный кафтанъ, сапоги съ лентами и шляпа съ преогромнымъ перомъ вовсе не шли челоуьку, который собирался скакать за кабаномъ.

— Ты я думаю очень удивился, любезный племянничекъ, началъ Шевалье веселымъ тономъ, что твой старикъ дядя опоздалъ въ такой день выходомъ!.... Но что дѣлать, дружокъ, вчера была распита лишняя бутылка стараго медаку.... Къ счастью вина моя не такъ велика, Жоржъ еще не возвращался, и лишь бы онъ попалъ на слѣдъ звѣря, мы вознаградимъ потерю времени!.... а! вотъ было забыть.... рекомендую тебѣ г. Шавиньнъ, сына стараго моего пріятеля. Обоихъ много люблю и уважаю я.... Г. Шавиньнъ, это мой племянникъ Рихаръ де Сен-Жульенъ, скажу вамъ про него только то, что онъ веселый малый, и послѣ меня самый лихой охотникъ въ провинціи.

Молодые люди раскланялись очень учтиво; но въ привѣтствіяхъ Шавинны замѣтна была какая-то сухость, а у Сен-Жульена легкая иронія.

— Я въ восторгѣ, милостивый государь, говорилъ Шавинны, что въ этомъ уединенномъ уголкѣ нашелъ человека равныхъ со мною лѣтъ и того же званія. Издавна Шавинны знаютъ и дружатся только съ людьми себя равными.

— Вполнѣ цѣню честь, которую вы мнѣ дѣлаете, отвѣчалъ Ришаръ.... Буду счастливъ, если найду случай доказать и вамъ мою дружбу; надѣюсь, что такой случай не замѣдитъ представиться.

— Къ черту учтивости! сказалъ Шевалье, принимавшій слова ихъ за чистую монету.... Вы ужь знакомы; теперь надо думать о кабанѣ.... А вотъ и Жоржъ, а за нимъ, этотъ несправимый мошенникъ Панталеонъ со стаей моего племянника.

На дворъ входилъ старый слуга въ мокромъ и подранномъ охотничьемъ нарядѣ, ведя на сворѣ запыхавшуюся собаку; а за нимъ верхомъ въѣзжалъ мальчикъ въ родѣ пажа, очень уродливый и съ страшно плутовскою физиономіей. Последний велъ дюжины двѣ рослыхъ собакъ въ смычкахъ и на сворахъ.

— Ну что! Жоржъ, кричалъ Шевалье, не ушелъ кабанъ?

— Не думаю, г. Шевалье, отвѣчалъ онъ, поднося руку къ шляпѣ; ночевалъ онъ въ Маретскомъ лѣсу, гдѣ я его и объѣхалъ; надо будетъ тутъ начать облаву, и, какъ мнѣ кажется, звѣрь этотъ насъ поводить.

— Побѣда! закричалъ восторженно Шевалье.... звѣрь нашъ.... Начнемъ съ Маретскаго лѣсу.... Я напередъ знаю, куда онъ побѣжитъ.... Сначала кинется въ долину, оттуда ореховымъ лѣсомъ будетъ пробираться въ Верской лѣсъ, откуда онъ вѣрно и покалывалъ.... Въ ореховомъ лѣсу надо поставить небольшую стаю.... Эй! Панталеонъ, плути перваго нумера, ты станешь тамъ съ двѣнадцатью собаками.... Филиппъ и Лафлеръ повдуютъ съ тобой же.... втроемъ вы составите самую мошенническую смѣну, какая только бывала когда-либо на охотѣ....

— Весело очень быть на смѣнѣ, отвѣчалъ недовольный Панталеонъ.... хорошо еще, тише продолжалъ онъ, что я укралъ вчера бутылку вина, и кости со мною.... будемъ играть съ Лафлеромъ.

— Что ты тамъ ворчишь еще?... Но пора трубить «садись» и отправляться. Г. де Шавинны, говорилъ Шевалье, обращаясь къ своему гостю, извините меня, если я сегодня буду часто покидать васъ: у меня привычка тѣдить подъ собаками, вамъ я думаю

это будетъ не понутру.... Но я поручаю племяннику дѣлать вамъ всѣ нужныя объясненія въ нашемъ благородномъ занятіи....

— Но, дядюшка, возразилъ съ досадою Сен-Жульенъ, вы знаете, что я тоже не люблю быть только зрителемъ на охотѣ.

— Я никого необеспокою, сказалъ сухо Шавиньи, я буду слѣдить за охотой издали.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ разсвѣнно Шевалье.... мы люди деревенскіе и не церемонные.... Бѣдимъ, господа! Онъ протрубилъ тушъ, лошади запрыгали, собаки вторили рогу.

Среди этого шума на крыльцѣ показалась дѣвица Ларамьеръ. Незнаемъ какъ, но она успѣла очень мило приварядиться. Въ одной рукѣ держала она старинный серебряный флаконъ, а въ другой такой же стаканъ; обычай требовалъ, чтобы она сама налила охотникамъ путевыя чаши.

Сен-Жульенъ стоялъ въ сторонѣ, задумавшись. Пока Манета подносила вино отцу и гостю, молодой охотникъ поманилъ своего пажу Панталеона и сказалъ ему что-то на ухо.

— Понимаешь? Прибавилъ онъ, незаметно указывая на Шавиньи.... Если выполнишь мое приказаніе, двѣ пистолы тебѣ и столько же твоимъ товарищамъ.

— Дѣло-то больно соблазнительное, отвѣчалъ пажъ, съ улыбкой почесывая ухо, но если г. Шевалье разоердится?...

Я беру все на себя и постараюсь самъ пригнать вамъ барана.... А дядюшка любитъ старинные обычай охоты.... Самъ будетъ смѣяться и простить насъ....

— Ну такъ, идетъ, сударь.... общаю вамъ, что деньги вы заплатите не даромъ.

Съ этими словами онъ отъѣхалъ къ своимъ товарищамъ и сталъ съ ними шептаться.

Сен-Жульенъ въ свою очередь подошелъ къ Манетѣ, которая налила уже стаканъ ему назначенный:—я пью за наше счастье, кузина, и за отъѣздъ вашего жениха, проговорилъ онъ ей шопотомъ.... Я нашелъ средство его выпроводить... .

— Возможно ли?

— Но увѣрены ли вы?

— Пора! пора! кричалъ Шевалье.... Что ты тамъ заслушался этой болтушки, Ришаръ? Если она насъ все будетъ удерживать, то пускай неразчитываетъ на кабанье жаркое въ день ея сватъбы...

Сморщивъ брови, Сен-Жульенъ проглотилъ вино, поклонился кузинѣ и поскакалъ вслѣдъ за дядей, а за нимъ и вся охота.

Бѣжали уже около четверти часа, какъ Шевалье, обернувшись назадъ, увидалъ Пантелеона съ собаками.

— Это что значитъ, каналья? ты бы ужъ давно долженъ быть въ ореховомъ лѣсу....

— Еще успѣемъ, г. Шевалье, отвѣчалъ онъ, мы вотъ своротимъ мимо ручья. Вы нескоро подымете зѣвря, и мы наскучаемся въ воду на нашемъ посту.... У насъ на трехъ-то одна бутылка вина, да пара костей....

— Ну чтожъ! плуты, сказалъ уже ласково Шевалье, а развѣ вы не знаете правъ смѣны надъ докучными посѣтителями?

Сен-Жульенъ и пажъ переглянулись.

— Конечно, если вы позволите.

— Какъ, позволите? Это старинное право охоты.... Ступайте себѣ, посмѣйтесь, если удастся, только не громко, и будьте наготовѣ, чтобъ не пришлось намъ трубить неудачи.

Пантелеонъ съ двумя товарищами взяли въ сторону и повѣхали къ назначенному имъ мѣсту.

Нѣсколько минутъ спустя размыкали собакъ и почти въ то же время лай ихъ повѣстилъ, что кабана подняли.

Съ этой минуты Шавиньи былъ почти забытъ хозяиномъ, охота поглотила все вниманіе Шевалье. Сен-Жульенъ же напротивъ дѣлался все болѣе и болѣе любезенъ съ этимъ гостемъ. Сначала Шавиньи неохотно поддавался, но по немногу сталъ сговорчивѣе. Случайно или съ намѣреніемъ Сен-Жульенъ скоро очутился одинъ, съ своимъ гостемъ. Кабанъ хотъ и былъ поднятъ, но не бѣжалъ еще и отгрызался отъ собакъ въ непроходимой чащѣ. Шевалье съ охотниками возбуждали собакъ крикомъ и рогомъ. Этотъ шумъ среди непроходимаго лѣса былъ очень новъ для Шавиньи, непривыкшаго къ охотѣ; онъ даже начиналъ трусить. Сен-Жульенъ изкоса на него поглядывалъ и вдругъ глаза его остановились на лошади Шавиньи. Последний это замѣтилъ.

— Что вы это такъ заглядывались на мою лошадь, спросилъ онъ?

— Ничего съ, ничего съ, отвѣчалъ Ришаръ очень учтиво... я только теперь замѣтилъ.

— Что такое?

— Да то, что шерсть вашей лошади подходитъ очень къ красному цвѣту.

— Что жъ изъ этого?

— О! Ровно ничего, только если на насъ побѣжитъ кабанъ, то ужъ конечно на васъ бросится скорѣе, чѣмъ на меня.

— Вы смветесь?...

— Нѣтъ, право такъ, вѣрѣте опыту охотника. Кабанъ точно какъ и быкъ или Индейской пѣтухъ ненавидятъ краснаго цвѣта.... Ну и если онъ побѣжитъ въ эту сторону, то вашей лошади не миновать его клыковъ.

Шавиньи съ трудомъ скрывалъ испугъ свой.

— Такъ по вашему, спросилъ онъ, опасно быть даже простымъ зрителемъ на этой охотѣ?... Однакожъ г. Ларамьеръ увѣрялъ меня....

— Ему и мнѣ это другое дѣло, мы свыклись съ дѣломъ и съ его обитателями. Но человеку новому, непривыкшему къ такимъ потвхамъ, немѣшаетъ быть по осторожнѣе, какъ бы храбръ онъ ни былъ.

— Стало эти кабаны очень опасны?

— Это самое свирѣпое животное, особенно старики, какъ нынѣшній кабанъ.... онъ бросается на всѣхъ и на все, и ударъ клыка его часто смертеленъ.... слышите?

Шавиньи прислушался....

— Это визгъ собакъ, вѣрно охотники бьютъ ихъ....

— Нѣтъ, это кабанъ которую-нибудь изъ нихъ пропоролъ клыкомъ, видно близко подвернулся.... а теперь слышите?...

— Точно рубать деревья.

— Нѣтъ, это удары клыковъ кабана, онъ прочищаетъ себѣ въ чащѣ дорогу.

Шавиньи невольно оглянулся, какъ будто искалъ мѣста, гдѣ спрятаться; охота, казалось, приближалась.

— Однакожъ пора повхатъ посмотреть, куда побѣжитъ этотъ звѣрокъ, сказалъ очень хладнокровно Сен-Жульенъ.Чтожъ это я не вижу у васъ охотничьяго ножа?... Вѣрно вы взяли пистолеты?

— Нѣтъ.... у меня ничего нѣтъ.... Шевалье мнѣ не сказалъ....

— Клянусь честію! вскричалъ Сен-Жульенъ, съ искусно-притворнымъ удивленіемъ, вы смѣлчакъ, вы молодецъ. Вызвать на кабанью охоту на красной почти лошади и безъ оружія стать на самомъ виду.... признаюсь, я бы на это не рѣшился.

— Это.... это не совершенно по доброй волѣ, бормоталъ Шавиньи, прислушиваясь къ лаю собакъ.... я не зналъ.... меня не предупредили.... Чортъ возьми!... Ларамьеръ могъ бы сказать мнѣ....

— Я бы совѣтовалъ вамъ, сказалъ Сен-Жульенъ съ участіемъ, вернуться домой, если нельзя перемѣнить лошади и достать какого-нибудь оружія.... Дядюшка, впрочемъ пожалуй разсердится, если вы

увидите.... какъ бы помочь этому!... Какая досада, что я не оглядываю васъ хорошенько давеча, я бы могъ предложить вамъ бѣлаго жеребца, на которомъ мой пажъ Панталеонъ.... бѣлаго цвѣта кабанъ самъ побивается.... Но къ несчастію мои люди неблизко; вотъ, если вѣхать по этому ручью, видите вдали густой орѣшникъ, они тамъ....

— Такъ чтожъ! сказалъ поспѣшно Шавиньи, если вы позволите, я могу.... спросить....

— Я бы предложилъ вамъ свою лошадь,—продолжалъ, какъ бы не слушая его Сень-Жульенъ,—но она только ко мнѣ привыкла. Отдать вамъ свой ножъ, самому можетъ сейчасъ понадобится.

— Вѣрно у вашего пажа есть пистолеты.... я....

Въ эту минуту звукъ рога и лай собакъ раздались почти подлѣ нихъ; кабанъ страшной величины, оцѣтнясь и щелкая клыками, показался между деревьевъ. Собаки и охотники гнались за нимъ въ беспорядкѣ. Шавиньи поблѣднѣлъ и затрясся, хотя кабанъ и не бѣжалъ прямо на нихъ.

— Я зналъ, что онъ побѣдитъ на насъ,—радостно говорилъ Сень-Жульенъ.—Фу!... какое огромное животное!... Но ради Бога, господинъ Шавиньи, не очень показывайтесь, чтобы онъ не видалъ вашей лошади.... а то беда....

— Да это просто ужасно!—вскричалъ бѣднякъ, оборотивъ лошадь.—Къ чорту охота и охотники.... я здѣсь ни за что не останусь....

— Погодите, не ѣзьте туда,—закричалъ Сень-Жульенъ, видя, что онъ хочетъ вѣхать къ Панталеону,—не просите ничего у этихъ мошенниковъ.

— Почему же?

— Да есть старый обычай.... по праву свѣны васъ....

Кабанъ повернулъ къ нимъ голову, Шавиньи вѣвъ себя отъ испуга понесся къ свѣнѣ, не слушая Сень-Жульена, который улыбался, глядя на удаляющагося соперника.

— Я предупредилъ его,—сказалъ онъ про себя,—винить меня онъ не можетъ.... все къ лучшему.... Любовники и охотники хранятся провиднѣемъ.... самъ кабанъ какъ будто со мной за одно.... Ну а Парижскаго женишка Панталеонъ угоститъ какъ слѣдуетъ.... Кажется двѣ въ шляпѣ; пора подумать объ охотѣ.

Схвативши рогъ, онъ затрубилъ «по зрячему» и присоединился къ дядѣ, скакавшему за кабаномъ.

Шавиньи только тогда опомнился, когда шумъ охоты сталъ стихать вокругъ него.

— Не учи! деревеньщина!... — говорилъ, онъ отирая на лицѣ потъ. — Они называютъ это удовольствіемъ.... Если бы меня предупредили, я бѣ ни за что не повѣхалъ.... лучше вернуться домой. Но этотъ старикашка, пожалуй, осмѣетъ меня. Лучше взять у этого пажа бѣлую лошадь и пистолеты... Этотъ Сень-Жульенъ что-то кричалъ мнѣ, чтобы я этого не дѣлалъ.... но онъ меня ревнуетъ.... и что за старый обычай, которыми онъ грозилъ мнѣ?... Самый древній обычай требуетъ служить дворянину всегда и во всемъ.... посмотрѣлъ бы я, какъ эти кавальеры мнѣ въ чемъ-нибудь откажутъ....

И онъ смѣло повѣхалъ къ орѣховому лѣсу.

Совершенно стемнѣло, когда охота вернулась въ Ларамьеръ. Старый кабанъ, долго не поддавался, и только по захоженіи солнца протрубили побѣду. На звукъ роговъ Манета вышла на встрѣчу прихвѣвшихъ, слуги несли за нею зажженные факелы. Какая-то радость блистала въ глазахъ дѣвушки, и улыбка не оставляла ея свѣженькаго личика.

— Здравствуйте, батюшка, — сказала она отцу, сходящему съ лошади, и обняла его. — Какъ вы долго не вѣхали, я уже начинала за васъ бояться.

— И не даромъ, дѣтя мое, говорилъ старикъ, цѣлуя Манету, — я рисковалъ болѣе не видать тебя.

— Чтѣ говорите вы, батюшка?

— Вотъ, безъ этого молодца, — продолжалъ онъ, указывая на подошедшаго къ нимъ Сень-Жульена, — можетъ быть, я и не цѣловалъ бы моей Манеты.

— Какъ вы пугаете меня, батюшка, что такое случилось?

— Право, дѣдюшка, — со скромностію началъ Сень-Жульенъ — вы даєте слишкомъ большую цѣну пустякамъ... Эти услуги на охотѣ очень обыкновенны...

— Я жѣ тебѣ говорю, что безъ тебя мнѣ не было спасенія.... Ну, разсуди сама, Манета: семь часовъ травли мы этого кабана, измучили всѣ наши смѣны; тогда только, пробѣжавъ почти десять миль, кабанъ, ослабѣвъ, и, прижавшись къ одному утесу, отгрызался отъ собакъ.... я подсказалъ въ ту самую минуту, какъ онъ пропоролъ животъ бросившемуся на него Мירו.... Сложу съ лошади, и своимъ охотничьимъ ножомъ бью его подъ лопатку.... сто разъ я это дѣлалъ, и сто разъ за этимъ ударомъ животное мгновенно умирало. Но на этотъ разъ, рука или глаза мѣнѣ измѣ-

нили, ударъ не попалъ въ сердце. Раненый кабанъ, обернулся, опрокинулъ меня и разодралъ бы навѣрно; но въ эту минуту другой ножъ поразилъ его на смерть.... Это былъ ножъ Ршара.

— Дядюшка, вы забыли важное обстоятельство; въ ту минуту, какъ вы наносили ударъ кабану, вы поскользнулись на крови бѣднаго Мира.... а безъ этого вы бы не дали промаха... Никто и никогда такъ ловко не откалывалъ кабана, какъ Шевалье-Ларамьръ!

— Ты щадишь мое самолюбіе, любезный племянничекъ, но я знаю, что знаю.... старію я.... чтожъ дѣлать, буду охотиться за жаворонками....

— Какъ я благодарна вамъ, кузень,—сказала Манета, протягивая ему руку,—и мнѣ такъ пріятно быть, вамъ благодарной....

Пользуясь темнотою, охотникъ поцѣловалъ эту милую ручку. Четверо здоровыхъ слугъ внесли на носилкахъ кабана, героя праздника.

— Посмори-ка, Манета,—сказалъ Шевалье, освѣтивъ факеломъ звѣря, покрытаго грязью и кровью,—посмотри-ка на этого разбойника, который хотѣлъ тебя сдѣлать сиротою.... Каковъ ростъ, каковы клыки!... Не сладко мнѣ было лежать подъ нимъ.... Но за то этотъ злодѣй будетъ славнымъ жаркинымъ для твоей свадьбы....

Последнее слово напомнило старику жениха.

— Но гдѣ же г. Шавиньн?—продолжалъ онъ — Я не видалъ его на охотѣ... проклятая страсть! по ея милости я забываю долгъ пріимчія и учтивости.... хочу быть повѣшенъ, если я хоть разъ вспомнилъ о немъ въ цѣлый день.... Эй! кто-нибудь!... — закричалъ онъ охотникамъ,—кто изъ васъ видалъ г. Шавиньн?

Никто не отвѣчалъ.

— Но я поручилъ его тебѣ, Сень-Жульенъ, ты долженъ отвѣчать за него.

— Извините меня, дядюшка,—хладнокровно отвѣчалъ молодой человекъ, — но если страсть къ охотѣ заставила васъ забыть вашего будущаго зятя, мнѣ было очень позволительно забыть этого, вовсе незнакомаго мнѣ господина. Увидѣвъ кабана, я ужъ болѣе не видалъ г. Шавиньн.

— Онъ вѣрно заблудился въ лѣсу,—сказалъ Шевалье съ безпокойствомъ, пускай, кто меньше усталъ, ищетъ его отыскивать.

Вы напрасно безпоитесь, батюшка, сказала Манета, г. Шавиньн давно уѣхалъ, и, я думаю, его не догонять.

— Уѣхалъ!

Да, увхаль.... Онъ очень рано вернулся въ замокъ,... Лице его было что-то разстроено... не говоря никому ни слова, онъ велѣлъ своему лакею сѣдять лошадей и сейчасъ же увхаль. Мнѣ кажется они повернули на дорогу въ Пуатье.

— Надо было удержать его.... спросить....

— Удержать?... нужно очень!...

— Странно, не понятно, — говорилъ смущенный Шевалье, — что значить это разстройство?...

Панталеонъ подошелъ съ улыбкою, вертя въ рукахъ свою шляпу.

— Можетъ быть, г. Шевалье, — проговорилъ онъ, — этому господину не понравилась наша шуточка въ орвишники!..

— Шуточка! какая шуточка!... Неужели вы осмѣлились?...

— Да какъ же, сударь, этотъ господинъ подѣхалъ къ намъ и сталъ нести какую-то чушь.... толковалъ что-то о красной и бѣлой лошади, о пистолетахъ.... чортъ знаетъ, что.... просто надъ нами смѣялся... Ну и мы надъ нимъ посмѣялись по своему.... старый обычай смѣны съ неумѣстными посѣтителемъ былъ соблюденъ во всей точности...

— Какъ, каналья! — закричалъ Ларамьеръ, поднявши арапника, — ты осмѣлился....

— Дядюшка, — поторопился сказать Сень-Жульенъ, эти люди только исполнили ваше приказаніе.... Вспомните-ка, давеча, что вы говорили имъ о докучныхъ посѣтителехъ.... г. Шавиньи не былъ въ числѣ охотниковъ.... будьтежъ такъ добры, простите Панталеона и его товарищей.

Шевалье задумался, пажъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы ускользнуть съ глазъ его.

— Я не могу отказать тебѣ ни въ чемъ, племянникъ, въ тотъ день, въ который ты спасъ мою жизнь; но я теряю выгоднаго жениха моей дочери.... Шавиньи хотѣлъ возобновить этотъ замокъ, онъ.... о! я понимаю теперь, почему этотъ гордый молодой человекъ не хотѣлъ ни минуты здѣсь оставаться... Такое оскорбленіе!... немудрено, что онъ будетъ требовать у насъ удовлетворенія....

— Я этого не думаю, дядюшка, во всякомъ случаѣ отвѣчать ему, мое дѣло, потому что главный виновникъ Панталеонъ, мой пажъ. Притомъ же....

— Притомъ же, можетъ и ты самъ тутъ виноватъ столько же, — сказалъ старикъ полудасковымъ тономъ.

— Ну, если и такъ, дядюшка, то это ловкая охотничья проделка.

Дарамьеръ посмотрѣлъ пристально на племянника и на дочь, стоявшихъ передъ нимъ съ потупленными глазами; подумалъ съ минуту и весело сказалъ:

— Къ чорту амбиція!... эта башня можетъ совсѣмъ развалиться.... за то у меня зятемъ будетъ настоящій охотникъ. Я давно замѣтилъ, что ты любишь дочь мою и она, шутовка, кажется, не очень тебя ненавидитъ.... сегодня ты вдвойнѣ заслужилъ ее.... Целуй же скорѣй жену свою, мошенникъ.... развѣ только Манета не будетъ согласна....

— Я покорна вашей волѣ, батюшка,—сказала дѣвушка самымъ притворнымъ голосомъ.

— Коли такъ, то во славу патрона охоты.... И чортъ возьми, не укорять же мѣня во жи!... Изъ этого кабана все-таки будетъ свадебное жаркое.

Остается объяснить несведущимъ обычаямъ охоты того времени, что стоявшие на сѣнѣхъ охотники имѣли право безпощадно колотить арапниками тѣхъ, изъ прохожихъ и проезжающихъ, которые приставали къ нимъ съ пустяками. Жертвою этого обычая былъ и Шавинъ.

КРАСНЫЙ ДИВАНЧИКЪ.

I.

За пріятельскою бесѣдой живой и веселою не замѣтилъ я какъ пролетѣла коротенькая весенняя ночь; но я былъ въ гостяхъ, пора была дать покой хозяину. Я вышелъ на улицу, свѣжій, но теплый воздухъ заманилъ меня пройти до дома пѣшкомъ—наслажденіе природою такъ рѣдко и дорого для городского жителя. Солнце только начинало показываться на горизонтѣ и живописно золотило главы церквей и соборовъ; улицы были еще совершенно пусты, только дворники мели мостовыя и водовозы ѣхали къ фонтанамъ. Сонъ былъ далекъ отъ меня и мнѣ становилось досадно, что принужденъ идти домой и лечь спать по неволѣ. Дѣлать однакоже нечего, повернулъ къ себѣ въ переулокъ, глядя, окно мезонина, гдѣ жилъ знакомый мнѣ молодой человекъ, открыто и онъ самъ видитъ у окна. Хотя я и не очень коротокъ былъ съ этимъ

господиномъ, но на этотъ разъ обрадовался, что могу провести съ кѣмъ нибудь нѣсколько минутъ совершенно свободнаго у меня времени.—Позвонилъ, сонная кухарка, ворча себѣ подъ носъ не очень лестныя мнѣ привѣтствія, впустила меня въ калитку и вотъ я вхожу въ комнату.

— Здравствуйте Римьевъ.

«Здравствуйте, откуда такъ рано?»

— Скажите лучше поздно, потому, что я со вчерашняго дня не былъ дома и прямо изъ гостей.

«Вѣрно играли въ карты?»

— Нѣтъ, болталъ и засидѣлся. Спать что-то не хочется, вижу, мы встали, я и зашелъ навѣстить васъ.

«Очень вамъ благодаренъ, мы разбудимъ Ивана Ивановича и станемъ пить чай.

— Ходить, сказалъ я и усмыся на диванъ.

Ив. Ив., котораго собирался разбудить Римьевъ, былъ общій нашъ пріятель. Молодые люди жили вмѣстѣ, платили за двѣ комнаты со столомъ сто рублей въ мѣсяцъ, или, лучше сказать, они уговорились въ этой платѣ съ полноувѣсною купчихой, хозяйкой дома, но жили уже близъ года въ долгъ.

Ив. Ив. разбудили, на столѣ закипѣлъ самоваръ, а у насъ задымились трубки и папиросы:

— Что это у васъ за рисунокъ? спросилъ я Римьева, указывая на столъ. Ужъ не модель ли какая? кажется красный диванъ рисуете....

«Да, я началъ было рисовать диванчикъ.

— Что за мысль?

«Такъ, сказалъ онъ, нѣсколько смутившись, и спряталъ рисунокъ.

— Тутъ что нибудь да есть, подумалъ я, что за охота рисовать диванчикъ, надо взять за бока Ив. Ив. вѣрно онъ знаетъ что нибудь про это, а ужъ коли знаетъ, то все мнѣ расскажетъ.

Не много посидѣвши, я отправился домой и взялъ съ Ив. Ив. слово навѣстить меня въ тоже утро.

Пока я не дождался прихода Ив. Ив. скажу нѣсколько словъ о героѣ моего рассказа. Римьевъ молодой, не глупый человекъ, маленькаго роста съ длинными а la mouge волосами, съ фizioноміей, не выражающей ничего особеннаго, родился и воспитывался въ Петербургѣ. Окончивъ курсъ наукъ своихъ, онъ былъ посланъ на службу въ Москву. Первое общество, въ которое онъ попалъ по пріѣздѣ своемъ въ Москву было общество нѣкотораго рода полулитераторовъ. Эти люди болѣе другихъ считаютъ себя представителями жизни общественной.

Напечатать гдѣ-нибудь нѣсколько строкъ, присвоиваютъ себѣ имя литератора, всегда громко высказываютъ свои мнѣнія и очень рады, когда попадется имъ человекъ новый. Передъ нимъ выставятъ они себя людьми важными, покровителями наукъ и искусства, и счастливы, что хоть кто-нибудь въ нихъ вѣруеть.

Одинъ изъ такихъ-то господъ обласкалъ молодаго прѣзкаго какъ роднаго, пригласилъ его жить въ свой домъ и взялся познакомить съ Москвой и Московскими. Римьевъ охотно принялъ его предложеніе. Хозяинъ рекомендовалъ его вѣстмъ своимъ знакомымъ, какъ затѣжаго гостя, человека съ умомъ и дарованіями. Это льстило его самолюбію. Онъ часто слышалъ, какъ хозяйка дома спрашивала у каждаго изъ гостей своихъ: «а какъ вамъ правится нашъ Петербургской?... Напрасно Римьевъ искалъ въ себѣ качествъ, достойныхъ такого сильнаго интереса, — кромѣ искусства набросить какой-нибудь пейзажъ или нарисовать карикатуру, онъ ничего не могъ найти болѣе.

— Но что-нибудь да есть особенное, говорилъ онъ самъ себѣ, не мудрено, что я и самъ этого не замѣчаю, надо жъ однако показать, что я не считаю себя обыкновеннымъ мальчишкой. Решено; отпускаю волосы, покупаю очки, одеваюсь по самой послѣдней, отчаянной модѣ и становлюсь вполне интереснымъ молодымъ человекомъ.

Сказано, сдѣлано. На Римьевъ фракъ отъ перваго портнаго, жилетъ рытаго бархата, перчатки, разумеется, французскія. Лихая пара, нужна ли, не нужна ли, стоитъ цѣлый день у крыльца. — По своей неопытности онъ не замѣтилъ, что общество, въ которое онъ попалъ, было гораздо выше средствъ его. Привезши отъ отца лишнюю тысячу, онъ считалъ возможнымъ таяться за вѣстми, но жестоко ошибся въ расчетахъ. Проходить мѣсяць другой, — портной приносить счетъ, извозчикъ просить денегъ, а денегъ нѣтъ, какія были всѣ истрачены на помаду, перчатки, и преніе другихъ необходимостей. —

Услуживый хозяинъ и тутъ помогъ неопытному юношѣ. По совету его портной и извозчикъ получили росписки, а на новыя расходы заняты на вексель деньги за огромные проценты. Между тѣмъ Римьевъ ознакомился съ Московской молодежью, игралъ въ карты и въ довольно большую игру; часто не доплативалъ проигранныхъ денегъ, и, мало по малу, привыкъ къ займамъ безъ отдачи. Занимать деньги, пока вѣрять, дѣло очень заманчивое. Приходитъ время расплаты, денегъ нѣтъ, а сознаться въ этомъ совѣстно, надо

какъ-нибудь обмануть доверчиваго кредитора. Человѣкъ незаметно привыкаетъ ко лжи, отъ малаго идетъ къ большому — ложь является во всѣхъ видахъ, во всѣхъ случаяхъ, какъ заразительная болѣзнь прививается къ характеру человѣка, и ни время, ни мѣсто отъ нея его не излечать. А отъ такой лжи ко всѣмъ порокамъ дорога широкая. Такъ было и съ Римьевымъ. Желая сколько-нибудь скрыть плохое положеніе дѣлъ своихъ, а особенно финансовъ, онъ удалился изъ дома литератора. Корыстолюбивая купчиха, теперешняя его хозяйка, слухала развѣсы уши, рассказы его о прошедшей щегольской жизни и предположенія о будущемъ. Съ какимъ великолѣпиемъ хотѣлъ убрать онъ эти маленькія двѣ комнаты, полы всѣ устлать коврами, поставить лучшую мебель, повѣсить китайской «шарикъ», и пр. и пр. Пріятнаго жильца этихъ комнатъ Ив. Ив. согласился онъ оставить для развлеченія, но скоро очень близко сошелся съ нимъ и открылъ ему настоящее положеніе дѣлъ своихъ. Недостатокъ наличности скоро сталъ причиною того, что, сначала лишнее, а потомъ и не лишнее бѣлье и платье очутились въ рукахъ процентщиковъ; часто приходилось уже отказать себѣ въ трубкѣ табаку или далеко бѣжать къ знакомому, чтобы, какъ говорится, отвести душу. Ив. Ив., самъ человѣкъ очень не богатый, жалѣлъ отъ души Римьева и дѣлился съ нимъ сначала чѣмъ могъ, но скоро небольшія средства его совершенно истощились. Такова была жизнь двухъ молодыхъ людей въ началѣ моего разсказа.—

II.

Ив. Ив. не замедлилъ явиться ко мнѣ на квартиру; я встрѣтилъ его вопросомъ:

— Скажи пожалуйста, какой это диванчикъ рисуетъ Римьевъ?

«Чѣмъ, братъ, цѣлая исторія, но такъ и быть, я расскажу тебѣ все подробно.

«Надо тебѣ сказать, началъ онъ, что Римьевъ влюбленъ въ влюбленъ до безумія.

— Быть не можетъ, сказалъ я.

«Видно, что можетъ, потому, что онъ точно влюбленъ. Ты, можешь быть, знаешь семейство Лельскихъ. Я не понимаю, какъ онъ вторгся въ домъ этотъ, но теперь бываетъ тамъ безвыходно.

— Вѣрно тамъ еще неизвѣстны всѣ его продѣлки.

«Вѣроятно. Онъ недавно очень откровенно говорилъ со мною, и, признаюсь, я удивился, до какой степени страсть овладѣла имъ.— Ты знаешь его стѣсненное положеніе, и я привыкъ видѣть

его постоянно мрачную физиономию, но стоить только заговорить о Лельскихъ, и онъ какъ будто оживаетъ, улыбается. Часто подшучиваю я надъ нимъ, спрашиваю, скороли его свадьба, и тогда онъ на меня сердится, но будто нехотя. Ввернѣ всего, что это одна мечта, но почему-же ему и не помечтать, не счесть себя по-жалуй достойнымъ руки Маргариты Петровны, — я и позабылъ сказать тебѣ имя его красавицы.

— Семейства этого я не знаю, но сомнѣваюсь, чтобы порядочная дѣвушка согласилась пойти за мужъ за челоуѣка, здѣсь вовсе неизвѣстнаго, сказалъ я, но какуюже роль играть тутъ диванчикъ.

«А вотъ какую. Вчера Римьевъ довольно поздно воротился домой. Никогда не видалъ я его такимъ довольнымъ и веселымъ. Не смотря на то, что было уже за полночь, онъ разбудить меня и проболталъ болѣе часу. Признаюсь, мнѣ наконецъ надобно было томя его, и я уснулъ, а онъ вѣроятно вовсе не ложился, по этому-то ты и нашелъ его бодрствующимъ. Я, пожалуй, что упомяну изъ его разсказа, передамъ тебѣ его собственными словами.

«Ну, Ив. Ив., говорилъ онъ, поздравь меня... я счастливъ, счастливъ почти совершенно. Ты знаешь, что я давно уже люблю Маргариту Петровну, знаешь, что я люблю ее больше жизни, больше счастья. До нынѣшняго дня она только догадывалась о любви моей, но сегодня... О день счастливый!... дай курнуть, и я все разскажу тебѣ». Затянувшись раза три, онъ продолжалъ: «сегодня по обыкновенію стоялъ я у фортепьяно, но не слышалъ ничего; я видѣлъ только опущенныя на клавиши глазки, а на самыхъ клавишахъ двѣ миленькія, блѣнкія ручки.... Да что тебѣ разсказывать, ты и во снѣ не видалъ такихъ ручекъ....

— Можетъ статься и не видалъ, сказалъ я, лучше-бы было еслибъ и ты не видалъ ихъ на яву. Право, братъ, не въ свои сани садись.

«Полно, пожалуста, перебивать меня, говорилъ съ укоромъ Римьевъ, ужъ коли слушать, такъ слушай. Ну потомъ мы пили чай, я сидѣлъ противъ нея, случайно или нарочно, не разъ встречались наши взоры, я разумѣется краснѣлъ, но она умѣетъ владѣть собою, она въ лицѣ не измѣнялась.

— Ты, братъ, изъ мухи дѣлаешь слона: она вовсе и не глядѣла на тебя, а ты....

«Опять....

— Не буду, не буду.

«Послѣ чая она пригласила гостей на верхъ въ свою комнату, посмотреть подаренныя ей цвѣты. Не помню, былъ ли я въ числѣ

приглашаемыхъ, но вслѣдъ за другими вошелъ въ ея комнату. Какъ теперь вижу все малѣйшія подробности этого милаго обиталища — красивенькіе пестрые обоя, столикъ, на немъ пшатулочка, книжки, часы съ лампадой, кровать съ завазсомъ, шкафъ, вѣроятно, съ платьемъ, маленькой красной диванчикъ, стулья и между оконъ туалетъ, по сторонамъ котораго красовались двѣ штѣмповыя розы, привлечшія сюда любопытныхъ. Полюбовавшись на цвѣты, все усѣлись и судьба помогла мнѣ сѣсть на красный диванчикъ, рядомъ съ Маргаритой Петровной. Я сталъ ей хвалить ея комнату, и хотѣлъ расцѣловать диванчикъ, доставившій мнѣ счастье такого сосѣдства.

— «Развѣ вы называете это счастьемъ?» — спросила она. — Быть возлѣ васъ всегда и вездѣ? о, да, Маргарита Петровна, это истинно счастье, — сказалъ я съ жаромъ. — Она обернула ко мнѣ свою миленькую головку, и протяжно проговорила: — «Вы думаете... и посмотрѣла на меня такъ вѣжно, такъ любезно, что я упалъ было передъ ней на колѣна, но опоминлся, увидѣвши свидѣтелей. Эти слова, этотъ взглядъ глубоко запали въ мою душу, я хотѣлъ бы нарисовать ее тебѣ въ минуту нашего разговора, но чувствую, что не могу этого сдѣлать. Нарисую диванчикъ, и, глядя на него, буду вѣчно вспоминать лучшую минуту моей жизни». — Мнѣ не хотѣлось его разочаровывать, а хотѣлось сильно спать, я и уснулъ, а онъ вѣрно принялся рисовать диванчикъ.

III.

Прошло мѣсяца два, я и Иванъ Ивановичъ навѣщали другъ друга, и частенько разговаривали о Римьевѣ. Финансовыя его обстоятельства становились все хуже и хуже, кредиторы ежедневно осаждали его двери, но онъ еще не терялся. Одному скажетъ, что отдастъ черезъ недѣлю, другому черезъ два-три дня, третьяго навѣно попросить подождать себя въ какой-нибудь гостиницѣ, куда покаянется привезти деньги, а одному такъ предложилъ взять въ уплату барку съ сыномъ, будто бы присланную ему его отцемъ для продажи. По счастью кредиторъ торговалъ галантерейными товарами и отъ сына рѣшительно отказался. Извозчики и перчатки болѣе всего раззоряли Римьева. Не рѣдко приходилось мнѣ быть свидѣтелемъ чрезвычайно сѣвсныхъ сценъ. Такъ, однажды, засталъ я у него одного его товарища по службѣ, который требовалъ свой мундиръ, взятый только на одинъ вечеръ.

«Вы вѣрно заложили его, — говорилъ чиновникъ.

— И недумалъ.

«Такъ гдѣ же онъ?»

— Вѣдь я вамъ сказать, что пришлю мундиръ сегодня, чедожъ вамъ еще?... ну и пришлю.

«То-то, примите, а то я буду жаловаться.

— Жалуйся тамъ себѣ,—проговорилъ Римьевъ вслѣдъ уходящему чиновнику,— сегодня или завтра придетъ мол отставка.

Иванъ Ивановичъ улучшилъ минуту, чтобы шепнуть мнѣ на ухо:

— Вѣдь мундиръ-то заложенъ за десять рублей, а деньги пошли на билетъ въ собраніе, гдѣ были Лельскіе.

Въ подобныхъ случаяхъ проводить заблудшія юноша дни свои, но и судьба сильно на него возставала. Уже давно шуба его была зложена, а погода стояла ненастная. Иванъ Ивановичъ по добротѣ своей дѣлился съ ними своею шинелью, и вотъ въ одинъ вечеръ возвращается Римьевъ домой съ обгорѣвшей шинелью. Бѣднjacka висѣла въ передней на гвоздикѣ; кто заронилъ въ нее губительную искру, неизвѣстно, а помы у ней какъ не бывало. Бѣдный Иванъ Ивановичъ чуть не заплакалъ. Вотъ уже третій годъ шинель служила ему верой и правдой, а теперь узрѣла безвременно конецъ свой.

Не разъ задумывался я надъ положеніемъ Римьева. Какъ иногда падаетъ человѣкъ въ мнѣніи другихъ и, вѣроятно, въ своемъ собственномъ. А почему и за что? Римьевъ, служа, получалъ очень хорошее жалованье, слишкомъ достаточное для безбѣдной жизни одному человѣку. Теперь, безпрестанныя жалобы кредиторовъ заставили его оставить службу. Разныя неблагородныя поступки удалили отъ него всѣхъ порядочныхъ людей. Только въ семействѣ Лельскихъ умѣлъ онъ какъ-то скрывать еще свое настоящее положеніе.

Но пора обратиться къ красному диванчику,—я было совсѣмъ потерялъ его изъ вида.

Какъ-то послѣ обѣда зашелъ я къ Ивану Ивановичу и засталъ его одного, съ чрезвычайно озабоченнымъ видомъ.

— Чтѣ съ тобою, Иванъ Ивановичъ?—спросилъ я.

— Все кончилось,—отвѣчалъ онъ мнѣ грустнымъ голосомъ.

— Чтѣ кончилось? Я не понимаю тебя.

— Извѣстно чтѣ—Римьевская исторія.

— Да, кстати, гдѣ онъ?

— Ты не встрѣтилъ его?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ садись, я расскажу тебѣ развязку его романа. Напрасно я уговаривалъ его окончить свои посѣщенія къ Лельскимъ, напрасно доказывалъ, что между нимъ и Маргаритой Петровной неизмѣримое разстояніе, что она, какъ свѣтская дѣвушка, терпитъ возлѣ себя вздыхателя, но смѣется надъ его вздохами; ничто не помогало, онъ не хотѣлъ меня и слушать. Продолжалъ по прежнему таскаться къ нимъ, возвращался оттуда то грустный, то веселый, несъ иногда мнѣ такую чепуху, что я звалъ надъ рассказомъ его, но сегодня мнѣ стало его крѣпко жаль. Вообрази себѣ, придти растрепанный, изтерзанный, чуть-чуть не плачешь.

— И я, говорить, вѣрилъ женщинамъ!... И я любилъ ее! Знаешь, Иванъ Ивановичъ, что она — и она одна могла обратить меня на путь истины — и что жер...

— Ну, вѣрно, разогналъ сватьбу, — сказалъ я, смѣясь и желая придать шуточный тонъ разговору, — жаль, а то бы жена заплатила долги твои

— Тебѣ смѣшно... а мнѣ Иванъ, Ивановичъ, очень горько — сказалъ, обнявшись, Римевъ. — ты знаешь все мое прошедшее, не скрою отъ тебя и того, что случилось со мною сегодня, и посмотрю, станешь ли ты еще смѣяться. Можетъ быть, я не говорю тебѣ, — пачалъ онъ, — что Маргарита Петровна собирается ѣхать изъ Москвы, многія вещи уже перевезены, при мнѣ кое-что выносили. Ты помнишь сцену на красномъ диванчикѣ; съ тѣхъ поръ надежды мои утверждались все болѣе и болѣе, — со мной были постоянно ласковы, я даже нѣсколько разъ замѣчать явно даваемое мнѣ предпочтеніе предъ другими. Сегодня былъ я какъ-то въ духѣ и рѣшился формальнымъ образомъ открыться въ моихъ чувствахъ. Это было въ залѣ, Маргарита Петровна сидѣла у окна, а я противъ нея; хотя въ комнатахъ мы были и не одни, но за фортепьяно пѣли, и всѣ стояли въ другомъ концѣ залы. Долго придумывалъ я, какъ начать объясненіе, и началъ совершенно въ новомъ духѣ. Я сказалъ, что собираюсь писать повѣсть, и прошу Маргариту Петровну сказать свое мнѣніе о сюжетѣ. Тутъ я очень ловко и понятно рассказалъ ей исторію любви моей, прибавилъ, что я держалъ пари, что красавица тронется моею страстію, что будетъ отвѣчать мнѣ, но боюсь, что проигралъ, и прошу ее разрѣшить недоумѣніе для заключенія моей повѣсти. Ты знаешь жизнь мою, знаешь, какъ хладнокровно встрѣчалъ я всѣ непріятности и удары судьбы, но отвѣта Маргариты Петровны ждалъ я со страхомъ и трепетомъ. Представь же себѣ мое положеніе, когда она, гордо откинувъ назадъ свою головку, сказала мнѣ:

— Вы мнѣ смѣшны, Римьевъ, а вашъ вопросъ смѣшнѣе васъ самихъ.

«Я чувствовалъ, что кровь остановилась въ моихъ жилахъ. Нужно было въ эту минуту подвернуться къ намъ одному ненавистному мнѣ молодому человѣку, который считается ея родственникомъ и имѣетъ способность думать о себѣ болѣе, чѣмъ какой-нибудь Индѣйскій набобъ.

— Что у васъ за секреты, chère amie? — спросилъ онъ, подходя къ намъ.

— Да вотъ Римьевъ хочетъ писать повѣсть, и рассказывалъ мнѣ сюжетъ, — отвѣчала Маргарита Петровна.

— Да, это прелюбопытно, что за сюжетъ? — расскажите, пожалуйста.

«Я хотѣлъ было что-то сказать, но она прервала меня.

— Сюжетъ состоитъ въ томъ, что одинъ молодой человѣкъ держалъ пари, что заставитъ двушку въ себя влюбиться....

— И проигралъ, — поспѣшилъ сказать я.

— Нѣтъ, думалъ выиграть, — продолжала жестокая.

— И герой повѣсти не тайна? — спросилъ молодой человѣкъ, задски улыбаясь.

— Герой онъ, а героиня я.

— Ха! ха! ха! да это презабавно, — сказалъ онъ, и затащилъ какой-то мотивъ, который я ненавижу столько же, сколько и самаго пѣвца.

«Я еще не пришелъ въ себя, еще не успѣлъ ничего сказать въ мое оправданіе, какъ два дюжихъ лакея внесли въ залу красивый диванчикъ, чтобы отправлять его изъ дома.

— Знаете что, Римьевъ, — сказала шутливо Маргарита Петровна, — напишите лучше что-нибудь про мой диванчикъ, если уже непременно хотите пуститься въ литераторы.

Видъ диванчика возбудилъ во мнѣ тяжелое воспоминаніе.

— Покорно благодарю васъ за предложеніе, — сказалъ я, — но не берусь его выполнить.

— Я попрошу кого-нибудь другаго, — сказала она, и ушла изъ залы.

Я остался одинъ у окна, мнѣ стало что-то недовко, казалось, всѣ смотрятъ на меня, смѣются надо мною... Я схватилъ папку и убѣжалъ. Вотъ женщины!... Люби ихъ послѣ этого.... Вѣдь любить же она кого-нибудь.... Почему же не меня, а другаго!... а какъ я любилъ ее!...

Решительно мне стало жаль смотреть на бедного Римьева: видно было, что ему тяжело разочаровываться. Долго оставался онъ въ какомъ-то оцепенѣннѣи, грустный, мрачный; потомъ вдругъ вскочилъ, открылъ столъ, выхватилъ оттуда рисунокъ диванчика, и съ какимъ-то остервененіемъ сталъ рвать его на мелкіе кусочки.

Въ эту самую минуту отворилась дверь, и къ намъ вошелъ полицейскій чиновникъ.

— Кто, господа, изъ васъ Римьевъ?...—спросилъ онъ.

— Я!—отвѣчалъ Римьевъ.—Что вамъ угодно?

— Хозяина здѣшняго дома подать на васъ ко взысканію вексель въ полторы тысячи рублей, имѣете ли вы чѣмъ удовлетворить ее?

— У меня денегъ нѣтъ,—сказалъ Римьевъ.

— Такъ пожалуйста за мною, мы уже получили деньги за ваше содержаніе.

Бѣдняжка взглянулъ на меня очень жалобно, машинально опустилъ въ карманъ ключи своего рисунка и пошелъ за чиновникомъ.

Я не знаю, какъ ты не встрѣтилъ его, они почти сейчасъ вышли.

ДОРОЖНОЕ ВОСПОМИНАНІЕ ОДНОГО ГОСПОДИНА.

... Совсѣмъ ужъ смерклось, когда засвѣтился на встречу одинъ огонекъ, потомъ другой, третій и больше; вотъ черной полосой встала по темному своду колокольня, послышались одинъ за другимъ лаъ, скрипъ колесъ и воротъ и остальные звуки уѣзднаго города, еще не совсѣмъ уснуваго, и вотъ, наконецъ, точно изъ земли выросъ передъ самой дугой коренной лошади шлагбаумъ, съ будкой и гауптвахтой по одной и домикомъ-лачужкой, освѣщеннымъ елкой—по другой сторонѣ.

Въ домикъ, освѣщенномъ елкой, было шумно и весело. И вообще городъ еще спалъ не весь: попадались дрожки изъ известной породы «дребезжалюкы»; а на лавочкахъ передъ домами сидѣло гдѣ два, гдѣ три человека, существа живыя, конечно, но не вдругъ опредѣлившія во мракъ.

Всегда пріятно дорогой очутиться на станціи, въ особенности послѣ довольно большаго переезда по пескамъ и гатамъ, но я, помимо этого, люблю подѣзжать къ станціи вечеромъ, и всего больше, когда станція—городъ. И нѣтъ мнѣ дѣла до того, какой это городъ: большой ли онъ точкой означенъ на картѣ или ма-

ленькой, есть ли въ немъ какая-нибудь замѣчательность, напередъ извѣстная блудному, въ родѣ Торжковскихъ сапоговъ, Калужскаго теста, Виземскихъ пряниковъ, Коломенской постыны, и такъ далѣе; бывае ли я въ немъ прежде, или слыжать ли о гостепрѣимствѣ его жителей, молодечествъ исправника, вкусъ дамъ и хорошей гостиницы: это мнѣ все равно. И даже замѣчать, что чѣмъ менѣе слыжалъ я или знаю о городѣ, лежащемъ у меня на пути, тѣмъ какъ-то полнѣе бывало во мнѣ это не совсемъ объяснимое чувство при выѣздѣ. Богъ знаетъ, это не то, что любопытство, не то, что обыкновенная жажда туриста увидѣть новую мѣстность, подмѣтить незнакомый обычай, или, выражаясь по книжному, уловить какую-нибудь рѣзкую черту—особенность мѣстнаго быта; нѣтъ, это все не то: во первыхъ потому, что я не туристъ, т. е. нищу никогда дорогой ни впечатлѣній, ни видовъ, и ѣзжу только по надобностямъ; а во вторыхъ потому, что Богъ не далъ мнѣ той наблюдательности и глубины, безъ которыхъ, по моему, не возможно улавливать и рѣзкія особенности мѣстнаго быта. И никогда не забочусь и о томъ, въ какомъ отношеніи находятся другъ къ другу городскія власти, не тревожитъ меня и мысль, кто на комъ женатъ, у кого изъ женатыхъ есть дочери, и въ какой пропорціи женское населеніе города къ мужскому; кто въ городѣ читаетъ Северную Пчелу, кто — Библіотеку для чтенія: мнѣ это рѣшительно все равно; пусть даже не читаютъ вовсе.... И все-таки невыразимо-пріятное чувство объемлетъ меня, когда я въѣзжаю въ городъ вечеромъ. Какое-же это чувство? Не есть ли оно слѣдствіе того общаго обаянія, которое и на самаго простаго человека, самаго спокойнаго и безстрастнаго, производить тайна, неизвѣстность?....

... Подлинной, почти прямой и немощной улицей подвзхали мы къ рѣкѣ, которую нужно было перезвзжать на паромѣ. У спуска, кромѣ взвода и двухъ улановъ съ лошалями, было столько народа, пѣшаго и коннаго, что не мудрено было разсчесть, что не скоро доидетъ очередь до моего тарантаса: паромъ былъ очень невеликъ. Недолго подумавъ, я выѣзъ изъ тарантаса, потянулся съ тѣмъ неспритворнымъ удовольствіемъ, которое такъ естественцо послѣ сорокаверстной качки въ тарантасѣ, сказалъ слугѣ, что онъ найдетъ меня на почтовомъ дворѣ, и, когда къ нашему берегу причалилъ паромъ, отправился. Рѣка была такъ быстра, что, не смотря на жаркое лѣто и безвѣтріе, ее не лзя было перезвзжать прямо: паромъ ходилъ на шестахъ и перерезывалъ рѣку подъ угломъ,

прокладывая первую сторону—половину пути—против теченія, а вторую—по теченію. На перевздъ, по этому, нужно было около четверти часа.

Вътра не было никакого; ночь совсѣмъ спустилась и была совершенно темная. Я смотрѣлъ на небо: вотъ выглянула одна звезда, за ней проснулась другая, и высыпали всѣ. На полюшивъ рѣки, когда уже нужно было поворачивать, паромъ на секунду остановился, какъ будто перевощикамъ вздумалось взглянуть на все ихъ окружавшее, или схватить одинъ изъ тѣхъ миговъ, въ которые, никто не скажетъ, почему—природа вдругъ обдастъ всего человека какой-то нѣгой, не то чтобъ поражая его своимъ величіемъ, не то чтобы волнуя и подвигая кровь красотою, а скорее сливая его съ собою, или отнимая всякую способность сознать себя внѣ ея, парализируя всѣ чувства, кромѣ какого-то нѣмого и неопредѣленного созерцанія.... Я знаю про себя, что въ ту минуту, о которой я говорю, я не только не умѣлъ бы сказать ни слова, или произвести другой какой звукъ, но не могъ пошевелить и на линію ни однимъ членомъ. Паромъ опять тронулся впередъ и поплылъ довольно скоро, казалось мнѣ, но совсѣмъ нечувствительно было его движеніе: я былъ весь въ какомъ-то забытьи, и даже ничего не слышалъ, какъ будто бы все вокругъ перестало жить, дышать. Вдругъ разбудилъ меня дребезжащій звукъ колокольчика, отъ оставленнаго нами берега, разбился о гладкую воду, какъ выстрѣлъ, рассыпался въ тихомъ-тихомъ воздухѣ, и замеръ. Потомъ, ну точно передъ этимъ у меня были на-крѣпко завязаны уши, а тутъ кто-нибудь развязалъ ихъ, стали мнѣ слышаться въ одно время разные звуки: съ одной стороны, той, откуда мы плыли, звукъ сабель и шпоръ, слабое ржаніе, скрипъ поворачиваемыхъ телѣгъ, высканье огня, сухой кашель, цѣлыя слова; съ другаго берега, уже очень близкаго — лай собакъ, и два раза явственно пробило десять.

Мы пристали къ берегу. Я вышелъ, все еще въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи: я не думалъ рѣшительно ни о чемъ, мнѣ рѣшительно ничего не хотѣлось, но въ то же время мнѣ было и хорошо какъ-то, и легко на душѣ. И всѣ мои чувства стали лучше обыкновеннаго: ночь, хотя безъ мѣсяца, казалась не темна; въ цѣломъ природы и воздуха было какое-то благовоніе, въ ушахъ раздавались смѣшанные звуки, изъ которыхъ не многіе были мнѣ знакомы.... Во всякомъ случаѣ я былъ такъ доволенъ этимъ состояніемъ, что, еслибъ мнѣ предложили въ это время по-

реминить его на что бы то ни было, я отказался бы отъ всего... Это случалось со мной не одинъ разъ въ жизни, но чѣмъ дальше, тѣмъ случается рѣже и рѣже.

... Отъ рѣки пужно было подняться въ гору. Потомъ слѣдовала длинная и опять таки прямая улица, на концѣ которой мнѣ сказано было, что я найду почтовый дворъ.

Улица эта, на сколько было видно мнѣ и на сколько замѣтилъ я въ то время, менѣе чѣмъ когда-нибудь расположенный замѣчать и наблюдать, была какъ всѣ прямыя улицы уѣздныхъ городовъ, не слишкомъ большихъ и не слишкомъ малыхъ: дома известной архитектуры, т. е. безъ всякой архитектуры; рядомъ съ большимъ каменнымъ домомъ деревянная лачужка; передъ однимъ домомъ большой садъ, другой домъ самъ выбѣгалъ впередъ; вдругъ ни съ того ни съ сего, заборъ, черезъ который не мудрено перескочить даже собакъ; тутъ одинъ только фундаментъ: словомъ, простота безъ всякой хитрости и самыхъ невинныхъ затѣй. Жители этой блаженной юдоли, вѣроятно, большею частію спали. Яркіе огни въ окнахъ замѣтилъ я только въ одномъ домѣ, но за то въ этомъ домѣ, безъ сомнѣнія, по случаю какого-нибудь особеннаго событія, на каждомъ окнѣ, изнутри, стояло гдѣ двѣ плошки, гдѣ двѣ свѣчи, окна были затворены. Въ другихъ домахъ видѣлся только свѣтъ въ угольныхъ окнахъ, и яснѣе въ верхнихъ рамахъ, разумеется, свѣтъ отъ лампадъ.

Я уже прошелъ, полагаю, до половины улицы, когда къ одному изъ тѣхъ заборовъ, которые, повторяю, воздвигаются неизвестно для чего, потому что съ ними не всегда даже можно употребить слово «перелѣзть», подошелъ мужчина въ шинели, остановился, осмотрѣлся, прислушался съ минуту, и вѣроятно не услышавъ ничего особеннаго и не замѣтивъ меня, перешагнулъ, — да, почти перешагнулъ — черезъ заборъ. Я тоже остановился невольно, но не знаю, почему мнѣ не пришло въ голову, что это, можетъ быть, воръ, хотя ни платья его, ни наружности я не могъ рассмотреть на столько, чтобъ опредѣлить себя даже приблизительно, какого онъ рода человекъ и какія могли быть его намеренія. Я все стоялъ на своемъ мѣстѣ. Вдругъ со стороны дома, примыкавшаго къ забору, и впереди отъ меня, залзала собака. Собака лаяла, но все остальное было тихо. Я, кажется, ужъ начиналъ упрекать себя въ томъ, что какъ-нибудь не попытался остановить неизвестнаго, какъ вдругъ, по направленію къ лам, тихо-тихо отворилось окно, и, замѣтно было, съ особенной осторожностью; потомъ по-

слышался шорохъ, какъ будто отъ прикосновенія легкой ткани о дерево, вотомъ, съ минуту, только дай собаки, потомъ что-то спустилось на траву, при чемъ хрустнула ветка. Собака лаяла, потомъ перестала лаять и завизжала, какъ-бы убѣдившись, что она ошиблась, что лаять не за чѣмъ, или ласкаясь къ знакомому человѣку. Визгъ пересталъ; загремѣла цѣпь, ударилась о что-то деревянное, и все опять стало совершенно тихо.

Мнѣ сдѣлалось еще неловче прежняго, но я все-таки не трогался съ мѣста, совершенно безсознательно. Я только притаилъ дыханіе. Въ это время провхало мимо двѣ тройки, а вскорѣ прощло и нѣсколько человѣкъ пѣшкомъ, тѣ, конечно, которыхъ перевезъ паромъ послѣ меня. Пѣшіе шли по серединѣ улицы: по этому пикто, казалося, не видалъ меня. Покуда проѣзжали и проходили, не было слышно ничего изъ-за забора, но когда миновали провзжіе и прохожіе, замолкъ и звукъ колокольчика, и тишина на улицѣ опять сдѣлалась мертвая, слышались два голоса, говорившіе шопотомъ.

Еще разъ хотѣлъ я идти, но остался. Видѣть черезъ заборъ я ничего не могъ, отъ того что по ту сторону стояли деревья, высокія и густыя. Голоса какъ будто приближались ко мнѣ, по крайней мѣрѣ становились внятнѣе. Наконецъ, я ли прислушался къ голосамъ, громче ли стали говорить они, только разговоръ раздался у меня почти надъ самымъ ухомъ.

— Ахъ, что изъ этого выйдетъ? — сказалъ одинъ голосъ, который показался мнѣ женскимъ, и, по видимому, дрожалъ.

— Такъ ты мнѣ не вѣришь? — отвѣчалъ другой голосъ, болѣе твердый. — Я былъ уврещъ, что это былъ голосъ того человѣка, который перешагнулъ черезъ заборъ.

Молчаніе.

— Нѣтъ, ты меня не любишь, Маша, — началъ второй голосъ.

— Не люблю! — отвѣчала она, — отъ того я здѣсь.

Опять молчаніе.

— О чемъ же думать? — началъ мужской голосъ.

— Ахъ, какъ можно! Ты представь, что будетъ; нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ!

— Прощайте, Марья Александровна! — сказалъ мужской голосъ.

Выждавъ съ пол-минуты, женскій голосъ отвѣчалъ, очень тихо и какъ будто сквозь слезы:

— Прощайте.

Послышался шелестъ листьевъ, и кто-то, вѣроятно, мужчина, шелъ къ забору. Я притаился.

— Послушай! — сказалъ громко женскій голосъ.

Мужчина вернулся, но молчалъ.

— Ты хочешь свести меня съ ума — продолжалъ женскій голосъ. — Боже мой, что мнѣ дѣлать! — Стали слышны слезы.

— Ты говорила имъ? — спросилъ мужчина. — Они вѣдь знаютъ, что я....

— Не знаю, — отвѣчала она. — А какъ я имъ скажу? маменька (намедни кто-то сказалъ, что пора меня за мужъ) говорить, что я еще ребенокъ, а папенька сказалъ, что и лучше подождать, что урожаи еще Богъ знаетъ какіе будутъ.... Ну, какъ я имъ скажу?

— Что за дѣло до урожая? Кто спрашивалъ объ урожаяхъ?

— Ахъ, Боже мой, развѣ ты не понимаешь: мнѣ, право, все равно, хоть бы ничего не родилось, хоть бы никогда ничего не родилось, хоть бы никто не родился, кромѣ...

— Послушай, глупое дитя, — перебилъ онъ ее, — пу чегожъ ты боишься? Мы обвѣчаемся сегодня же ночью, сей-часъ, въ моей деревнѣ: все готово. Всего шесть верстъ.

Мнѣ все еще было совѣстно, что я стоялъ тутъ, но я сталъ какъ-то спокойнѣе.

Сдѣлалось опять молчаніе.

— Нѣтъ! — сказала она — боюсь.

— Ты мнѣ не вѣришь! — отвѣчалъ онъ насмѣшливымъ тономъ.

— Тебѣ? — спросила она — ты, стало, не знаешь, какъ я тебя люблю.

— Это видно.

— Ты представь, что будетъ! Что будутъ говорить обо мнѣ?

— Объ тебѣ?

— Весь городъ узнаетъ, весь уездъ, вся губернія.

Опять эсмолчали.

— Нѣтъ, боюсь — сказала она, подумавъ: — самъ ты суди, какъ это сдѣлать.

— Еслибъ ты была не такой ребенокъ, Маша, я бъ на тебя разсердился; право бы разсердился; но ты знаешь, упрамая дѣвчонка, что я не могу на тебя сердиться.... Ну прошу тебя, умоляю, заклиная, Маша, другъ мой, повѣдь! Не ужели ты не вѣришь, что будешь счастлива? Клянусь тебѣ всѣмъ на свѣтѣ, моей матерью, клянусь, что ты будешь счастлива, клянусь, что твоя мать тебя проститъ....

Голосъ становился все горячее и убѣдительнѣе. Не знаю, что отвѣчала она ему, потому что ея голосъ былъ покрытъ лошадинымъ топотомъ, сабельнымъ бряцаньемъ и довольно громкимъ говоромъ проходившихъ уланъ. Они ужъ прошли мимо, какъ вдругъ одинъ изъ заднихъ повернулъ свою лошадь и поѣхалъ прямо на меня.

— Эй, не отставать тамъ! — крикнулъ впереди громкій голосъ.

Уланъ поворотилъ назадъ, и рысцой догналъ хвостъ колонны.

— Что взялъ? — сказалъ ему громко товарищъ. — Ишь вѣдь не терпится. Точно приказано ему.

Это замѣчаніе, относившееся, безъ сомнѣнія, къ неумѣстному любопытству солдата, я принялъ на себя, и рѣшился идти, но только что сдѣлалъ шагъ впередъ, почувствовалъ, что у меня до того отекала одна нога, что нужно было хорошенько порастереть *ее* и расправить ее на мѣстѣ. Покуда я ее теръ и расправлялъ, а уланы на столько отошли, что ихъ ужъ и не стало слышно, за заборомъ мужской голосъ сказалъ:

— Завтра ты скажи отцу; я буду у васъ вечеромъ; если не удастся — послѣ завтра, я опять буду, и сдѣлаю предложеніе.

— Пора, милый; мнѣ что-то холодно.

— Ну, а если откажутъ?

Она молчала.

— И тогда ты не убѣдишь? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ! — сказала она тихо, но прибавила, какъ будто испугавшись этой мысли: — не знаю.

— Маша, Маша! — сказалъ онъ.

— Поди, поди: ну долго ли до завтра?

Листья зашевелились: я прилипъ къ забору какъ только могъ. Въ ту самую минуту, какъ показалась надъ заборомъ голова, окно, то, что отворилось такъ осторожно, затворилось такъ громко, что даже слышно было, какъ внутри щелкнула задвижка. Вслѣдъ за этимъ раздвинулись вѣтки, — господинъ въ шинели еще былъ по ту сторону забора, — и извѣстный женскій голосъ, прерываясь и дрожа, заговорилъ отчаяннымъ тономъ:

— Боже мой, что теперь дѣлать! Окно заперли.

— Какъ заперли? Кто заперъ?

— Заперли, заперли. Вѣрно Даша.... Она не знаетъ. Ей, вѣрно, стало холодно, она спитъ въ моей комнатѣ: вскочила, не посмотрѣла за занавѣской.... Я иногда ночью встану, отворю, а она, какъ проснется, затворитъ.... Что дѣлать!

Я ужь не могъ тронуться съ мѣста: и испугать-то я боялся, и самое происшествіе занимало меня, столько же по чувству любопытства, сколько по сильно возбужденному участию.

Онъ подумалъ съ минуту, и сказалъ:

— Разбить окно: подумаютъ, что воры, а ты въ суматохѣ выйдешь. Я убѣгу.

— А если бросятся къ постели?... Если увидать, что я въ окнѣ.... Господи! Вотъ какъ Богъ-то наказываетъ....

— Перестань, Маша. Ну хочешь, я просто войду въ домъ, разбужу отца, расскажу все, и скажу, что я на тебя женюсь.... Да, да, это всего лучше.

И онъ хотѣлъ идти. Но она удержала его.

— Чтѣ ты, они съ ума сойдутъ: они не повѣрятъ; Богъ знаетъ что будетъ!

Она заплакала.

— 'Такъ что же дѣлать? — спросилъ онъ растеряннымъ голосомъ.

— 'Вдемъ! — отвѣчала она, подумавъ и очень рѣшительно. — Судьба, видно!

— Маша! — только выговорилъ онъ

И въ первый разъ сталъ онъ цѣловать у ней руки, по крайней мѣрѣ, я слышалъ это въ первый разъ.

Послышался опять шумъ подъѣзжавшихъ экипажей и голоса идущихъ.

Становилось какъ будто свѣтлѣе, и я узналъ и свой тарантасъ. Но, рѣшившись выждать развязки происшествія, я пропустилъ его. Покуда вѣхали по улицѣ и шли, они, стоя у самаго забора, разумвется, молчали. Потомъ онъ сказалъ:

— Ты подожди меня: у меня лошади на почтовомъ дворѣ. Я побѣгу и черезъ пять минутъ буду здѣсь. Коляску поставлю за угломъ....

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, я безъ тебя здѣсь ни за что не останусь!

— Куда жъ ты пойдешь? Увидать.

— Все равно.

— Такъ постой же.

Послѣ этихъ словъ черезъ заборъ спустилась женская форма въ бѣломъ, сверху и только до половины покрытая тѣмъ-то темнымъ. Онъ, безъ сомнѣнія, приподнял ее, и перенесъ, почти переставилъ, потому что она хотъ и не ступила на землю, а упала или прыгнула, но только едва слышно произнесла:

— Ахъ!

Вслѣдъ за тѣмъ и самъ онъ очутился на улицѣ, поспѣшно снявъ съ себя шинель, и хотѣлъ накинуть ей на плечи.

— Запутаешься—сказалъ онъ.—Я тебя лучше возму на руки.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо: я такъ пойду.

— Такъ все равно, накинь. Тебѣ холодно.

Я замѣтилъ, что она въ это время говорила очень спокойно, а его голосъ дрожалъ. На первый мигъ это показалось мигъ странно, но на другой я объяснилъ себѣ это такъ: она, какъ женщина, немножко суевѣрная, немножко фаталистка, не видя другаго исхода случившемуся, пожалуй, дѣйствительно принимала этотъ оборотъ происшествія за таинственное указаніе судьбы, и какъ вообще очень часто у женщинъ, рѣшимость являлась у ней въ минуту самой крайности, нерасчетливо, почти невольно, только какъ слѣдствіе этой крайности, порожденной другимъ, бѣльшимъ страхомъ передъ бѣдой болѣе близкой, которою грозило ей почное его появленіе передъ отцомъ: рѣшимости же бѣжать обдуманно, покуда еще не знала она, точно ли иначе не достигнуть ей своей цѣли, точно ли ея не выдадутъ за того, кого она любила, не достало у ней. Мужчину напротивъ: онъ хладнокровно обсуждалъ всѣ средства къ тому, чтобъ добиться, чего ему хотѣлось, что было нужно, но когда дѣло пришло къ желаемой точкѣ не вслѣдствіе его соображеній, и въ такое уже мгновеніе, когда онъ рѣшился измѣнить свой планъ, словомъ, неожиданно на это мгновеніе, онъ, хоть и не отступилъ, но въ немъ вдругъ родилось и прекрасное сомнѣніе въ самомъ себѣ, и какой-то святой ужасъ передъ великолѣпною жертвой, коготорой въ душѣ онъ, пожалуй, считалъ себя не совсѣмъ достойнымъ. Если онъ былъ молодъ сердцемъ и опытность сдѣлала изъ него человека, а не слѣпокъ съ тѣхъ героевъ романовъ и свѣта, въ которыхъ человѣчина только наружность, инаго впечатлѣнія не могла произвести на него рѣшимость дѣвушки, которая боялась когда-то трубочиста, какъ говорилъ онъ, и вдругъ доверялась ему вся. И если онъ былъ точно такой человекъ, не было никакого сомнѣнія, что онъ ея не обманетъ, и женится. Но то и мучило меня, что я не зналъ, что это за человекъ; какія были его намеренія? Голосъ его показался мнѣ искренъ, естественъ, но эти признаки не удовлетворяли меня. Вышаться въ эту исторію? Но по какому праву? Кто сталъ бы меня слушать? И съ чего долженъ былъ я начать? Съ прищипанія, что часъ подслушивалъ у забора. За чѣмъ же я простоялъ тутъ

все время? Неужели только изъ того участія, хоюдного и безплоднаго, съ которыми мы привыкли смотрѣть на сцену, когда передъ нами хорошій актеръ!.. Соображая все это, я издали шелъ вслѣдъ за ними по направленію къ почтовому двору, а между тѣмъ отъ души проклиналъ себя за то, что въ необдуманномъ порывѣ остановился въ незнакомомъ мѣстѣ, ночью, и затѣялъ подслушивать разговоры, при которыхъ во всякомъ случаѣ свидѣтели — лишніе. «Ну кто бы сдѣлалъ такую глупость! твердилъ я себѣ. Бау, бау, сей-часъ же безъ оглядки, и дамъ слово впередъ ни-когда не останавливаться въ этомъ городѣ». Эти слова внушали мнѣ та способность, та сила, которую называютъ благоразуміемъ и которую обыкновенно ставятъ въ достоинство человеку; другой голосъ шепталъ: «останься; можетъ быть твоя помощь будетъ не бесполезна». Странно сказать: я былъ еще довольно молодъ въ то время, но рѣшимость не измѣниться въ это дѣло взяла верхъ; видно силенъ былъ страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, которое, конечно, не пощадило бы меня, еслибъ мое амьшательство вышло неудачно. А вѣроятія на успѣхъ не было точно никакого. Что бы я сказалъ? Сталъ ли бы меня безнаказанно слушать незнакомецъ?.. Рѣшившись вѣхать, я, однакожъ, горячо просилъ у судьбы, чтобъ она, въ видѣ утѣшенія, дала мнѣ какое-нибудь доказательство, что тутъ нѣтъ обмана, что двушка не даромъ доверилась этому человеку. Я былъ бы доволенъ однимъ намекомъ..

Подойдя къ почтовому двору (куда, вѣроятно, вошли и они, во я этого не видѣлъ), который я узналъ по стоявшимъ передъ нимъ телегамъ и смѣшаннымъ звукамъ бубенчиковъ и голосовъ, вылетающимъ изъ воротъ, я разсудилъ, не входя даже въ домъ, отыскать своего слугу, велѣть запрягать, и сей-часъ же вѣхать. Но сдѣлать это было не такъ легко, какъ захотѣть. Дворъ былъ совершенно темный, и какъ ни звалъ я: «Михей, Михей! Михей Кондратьевъ!», — никто не откликался. Между ямщиками, задававшими кормъ лошадямъ или ужъ Богъ знаетъ для чего тутъ бродившими, потому что на дворѣ не было видно ни зги, одинъ подхватилъ:

— Михей, а Михей! Кто тутъ Михей! Слышь, Михей Кондратьевъ! Слышь, Михея зовутъ! Михея Кондратьева?

Но никто не отвѣчалъ. Я зналъ за Михеємъ особенную способность пропадать въ самыя нужныя минуты, или гдѣ-нибудь въ отдаленномъ углу завалиться спать мертвымъ своимъ, и сталъ просить фонаря.

— Какого тебѣ фонаря? — отвѣчалъ мнѣ голосъ. — Тутъ и фонаря-то нѣтъ; есть у смотрителя, да онъ больно опасенъ, не дастъ.

— А достать нельзя? — спросилъ я.

— Гдѣ жъ его возьмешь? Дѣло ночное.

— Достаньте, братцы: на водку дамъ.

— Серега! — раздалось изъ совершенно противоположной стороны двора — сходить нешто къ Дерюгиной-то къ Матрентъ? А ли ты сходи.

— Да гдѣ у ней фонарь-атъ? Еще никакъ лѣтось филяръ стаянулъ: эти, что стояли-то у ней; на лошадахъ-то скакали? Ну, знаешь, Нѣмцы?

— А ну украли, стало-ти нѣтъ.

— Гожей былъ фонарь-аты нешто.

Потерявъ надежду получить фонарь, я по неволѣ долженъ былъ войти въ домъ. Но и въ домъ я не зналъ, куда сунуться.

— Гдѣ жъ тутъ пройти? — спросилъ я.

— А войдешь на крылечко, на право ступай: на лѣво-то тутъ не ходи; на лѣво-то будетъ смотритель какъ есть съ женой, а на право-то оно и есть.

Кое-какъ отыскавъ я крылечко, нашелъ ступеньки, и, войдя въ сѣни, спрашивалъ себя: «Куда жъ они дѣвались; ухватъ они не успѣли: отъ чего жъ они не вѣдутъ?»

Отвѣтъ на первую половину этой фразы представился самъ собою и сей-часъ же, лишь только я отворилъ дверь изъ сѣней, которой наконецъ таки дощупался.

Прямо противъ двери, въ небольшой комнаткѣ, освѣщенной однимъ салынымъ огаркомъ, сидѣла дѣвушка въ бѣломъ, покрытая темнымъ платкомъ, а въ сторонѣ высокій мужчина, спиною къ двери, что-то горячо объяснялъ кучеру, который, еле-еле шевеля языкомъ, отвѣчалъ только:

— Помилуйте, сударь; помилуйте, сударь...

— Совсѣмъ пьяны! — сказалъ незнакомецъ, не замѣчая меня. — Что дѣлать? — Потомъ онъ вдругъ обернулся, и, ужасно смущившись, не могъ сказать ни слова. Кучеръ что-то ворчалъ себѣ подъ носъ, дѣвушка взглянула во все стороны, но убѣдившись, что ей спрятаться некуда, опустила глаза, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ прихода посторонняго лица. Я былъ отъ души обязанъ ей за эту находчивость; но все-таки мнѣ было страшно совѣстно передъ ними,

и если не болѣе совѣстно, чѣмъ когда я у нихъ подслушивалъ, во всякомъ случаѣ болѣе неловко.

— Извините! — пробормоталъ я — я, можетъ быть, васъ обезпокоилъ. . . .

— Чтѣ дѣлать! — отвѣчалъ незнакомецъ, помолчавъ, — эта комната обшая. — За тѣмъ онъ подошелъ къ дѣвушкѣ, и сталъ что-то говорить ей такъ тихо, что я ничего слышать не могъ. Замѣтно только было, что оба они были взволнованы. Показалось мнѣ даже, что она старалась заглушить слезы.

Я успѣлъ поразглядѣть ихъ: она была преграціозный ребенокъ лѣтъ шестнадцати—семнадцати, онъ — человекъ лѣтъ около тридцати. Черты его лица были недурны, и выраженіе внушало довѣріе. Я готовъ былъ побиться объ закладъ, что онъ былъ неспособенъ ни на какое дурное дѣло. И чѣмъ больше я въ него всматривался, тѣмъ яснѣе становилось для меня, что все это ночное событіе было для него дѣло непривычное: онъ былъ весь смущенъ, какъ человекъ сильно тронутый чѣмъ-нибудь. Нѣтъ, это былъ не безчестный человекъ, — и я отъ души пожелалъ ему поскорѣе исполнить свое обвѣщаніе, потому что уже не сомнѣвался въ томъ, что онъ его сдержитъ. Не будь этотъ несчастный страхъ, что онъ потяготится моими услугами, я охотно предложилъ бы ему все, чтѣ было въ моихъ силахъ.

— Ступай! — сказалъ онъ кучеру.

— Батюшка, Василій Сергичъ! Ты нашъ отецъ, мы твои дѣти: не извольте гнѣваться, батюшка. . . .

— Ну ступай, ступай. . . .

— Тятинькѣ вашему служили. . . .

Онъ отвелъ кучера отъ стѣны и показалъ ему дверь, захлопнулъ ее за нимъ и подошелъ ко мнѣ.

— Извините, — сказалъ онъ — я пойду искать лошадей: надо вхатъ сей-часъ... она больна.... Есть всякіе протѣзжіе: если бѣ вошелъ кто-нибудь, присмотрите за ней.... Я не имѣю чести васъ знать, но...

— Я весь къ вашимъ услугамъ — могъ только сказать я, и пожалъ ему руку, которую онъ мнѣ протянулъ. Но какъ я ему былъ благодаренъ за то, что онъ, говоря о своей невѣстѣ, не употребилъ слова «сестра» или «жена», чтѣ однако было бы такъ естественно для сохраненія приличія передъ незнакомымъ человекомъ: это еще болѣе убѣдило меня въ его искренности, и въ томъ, что онъ думалъ только объ исполненіи своего намѣренія.

Онъ вышелъ. Мы остались одни. Черезъ четверть часа онъ въбжалъ опрометью и сказали:

— Запрагаютъ!

Лицо его было веселѣе; онъ опять пожалъ мнѣ руку.

— Этотъ народъ всегда напьется, когда нуженъ! — сказалъ онъ, обращаясь и ко мнѣ и къ ней. — Еще просьба къ вамъ — продолжалъ онъ, подойдя ближе ко мнѣ: — вы, простите мою нескромность, ночуете здѣсь?

— Ночую — отвѣчалъ я на удачу.

— Такъ завтра до двѣнадцати часовъ не говорите никому о томъ, что вы здѣсь были; а еслибъ васъ спросили обо мнѣ, на примѣръ, скажите, что не было никого; вамъ повѣрять.

— Даю вамъ слово! — отвѣчалъ я.

— Благодарю васъ за себя и за нее.

Она закрылась платкомъ.

Вошелъ ямщикъ.

— Готово, ваше оіятельство!

— Вдѣтъ! — сказалъ онъ: — свѣтаетъ!

Она встала — на глаза ея были слезы — и перекрестилась. Я, забывшись, чуть чуть не сказалъ: «что жъ это вы такъ, въ одномъ платьѣ?» — до того послѣднее впечатлѣніе, произведенное на меня ими обоими, и сочувствіе къ ихъ положенію, возбужденное болѣе всего его простыми и открытыми пріемами, изгладило во мнѣ все видѣнное мною передъ тѣмъ.

— Прощайте! — сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку; — желаю вамъ счастливаго пути!

— И вамъ! — отвѣчалъ я.

Когда они свли, бубенчики загремѣли и коляска выѣхала изъ воротъ, во мнѣ не было мѣста никакой дурной мысли на счетъ Василя Сергѣича. Но я все-таки рѣшился переночевать.

Ужъ разсвѣтало; отыскавъ свой тарантасъ, который стоялъ на дворѣ, хранимый однимъ «авось Богъ милостивъ», я улегся и скоро заснулъ. Помню, что страшный вздоръ видѣлся мнѣ во снѣ, но что именно — этого теперь связать и хорошенько сказать не могу. Въбжалъ я, кажется, а меня догоняли, и долго это длилось. Вообще сонъ былъ безпокоенъ. Однакожъ, когда я проснулся и взглянулъ на часы, оказалось, что уже двѣнадцать минутъ девятаго.

Я выглянулъ изъ тарантаса. У корыта, гдѣ была привязана лхая барская четверка, а въ наборной сбруѣ, стоялъ кучеръ Василя Сергѣича, мой Михай и ямщикъ.

— Проспалъ, братъ, проспалъ барина! — говоритъ ямщикъ.

— Молчи, мужичье! мы, братъ, видали; гдѣ тебѣ глупому то знать.... Мы, я чай....

— Ладно, ладно; а мы какъ разъ окрутин....

— Медъ-пиво пили: по усамъ текло, а въ ротъ не попалю — перебилъ Михей, который, кромѣ способности пропадать въ нужныхъ случаяхъ, имѣлъ другую, не менѣе сильно въ немъ развитую: способность на все отвѣчать поговорками, за что и считался всегда у своей братьи бонмотистомъ, и былъ особенно любимъ прекраснымъ поломъ.

— Анъ попалю! То-то и оно-то, что попалю — отвѣчалъ ямщикъ, показывая золотой: — «На, де, тебѣ, рыжая борода, покуражись!» Вотъ оно что!

— Поставь хоть парочку-то! — сказалъ кучеръ — а то во-какъ голова трещить.

— Ну, ну ужъ: парень-то ты больно хорошъ! Идемъ, что ли....

Они хотѣли идти, пригласивъ и Михея, «за каппанію».

— Михей! — крикнулъ я.

— Чего изволите?

— Позови мнѣ этого ямщика.

— Ямщикъ, а ямщикъ!

Ямщикъ подошелъ; издали шелъ кучеръ, боясь какъ-нибудь потерять обѣщанную пару.

— Ты, любезный, возилъ ночью барина съ барыней?

— Мы, сударь, мы возили.

— Что жъ, была сватъба?

— Какъ есть, все сладили. Мы допреждѣ, какъ прѣехали — ужъ и вѣли жъ, нече сказать!... «Ступай, говоритъ, прямо къ пону». Стучаться. Спать. «Подя, говоритъ, постучись». Слѣзъ я; стучалъ, стучалъ; спать вотъ-те какъ ровно какіе.... Господь съ нами. Я еще. А тутъ въ окно кто-то: «чево надо? Кто тутъ?» А баринъ говоритъ: «свой, говоритъ, помѣщикъ.» Ну отперли, знашь; «инюваты, молъ, не знали». Вышли они эта съ барыней изъ коляски. Я молъ: «вы, меня-то, баринъ, отпустите»; наше дѣло тожъ, знашь вѣдь какое: спросится. «Довокъ ты больно» — онъ-то говоритъ: — «прѣдешь, раззвонишь, а мы тутъ дѣла не сдѣлаемъ; что-де тогда будетъ!» Я туда, сюда; куда-те.... А тутъ люди нхніе пришли, прознали, что ли, либо-што. «Не пущать-де его; пусть его, говоритъ, съ нами пируетъ: напоимъ, накормимъ, тогда и Богъ съ нимъ — ступай куда хошь. А лошадямъ, говоритъ, дать овса,

колько съѣдятъ». Что жъ станешь дѣлать? Известно — свое мѣсто. Ну и баринъ знатный, сказать... А она, барышня-то, какъ ровно изъ простыхъ, какъ по нашему по глупому сказать: ни вотъ тебѣ хоть словечко. Онъ ей то, се. Молчать, да и шабашъ.

Мнѣ очень понравилось это заключеніе.

— Ну а потомъ что жъ было?—спросилъ я.

— Потомъ что?... Ну господа, вишь ты, еще пришли: ужъ кто они? а должно что изъ компаніи изъ ихней: тоже дворянство такое, что на-поди! Молодцы. Одинъ какъ тутъ крикнетъ на дворъ-то у пона, такъ я те скажу! Ну баринъ, что говоритъ! Ну вотъ это снарядились они, да и въ церковь. Я жъ и повезъ. Ну и въ церкви смотрѣли: сперва заутреня, а тутъ и вычашье. Тутъ ужъ карета прѣехала, и въ домъ; а мы съ тѣми-те господами, въ коляска. Тутъ эта камардичъ: «войди, говорить, ямщикъ; ничего.» Вошелъ эта въ прихожую-ту. И дворянъ вся. Ну любятъ, слышь: баринъ-то больно хорошъ. А они тамъ это въ покояхъ-те: «ура! ура!» Веселье тако, что поди! А тутъ старуха стоитъ, така-те въ платочкѣ, плачетъ себѣ, да и все: «что, молъ, вы, сударыня?» — «Какъ же, говорить, на рукахъ выпяничала; ну и дѣтокъ, Богъ дастъ, Господь приведетъ!» Нянька ишь! Позвали ее къ господамъ. Вышла, — воетъ, обливается. Господа пожаловали сто рублей. Знамо, дѣло бабье. Вышелъ баринъ-отъ самъ. «Спасибо, говорить, добрые люди; ужъ, де, ко мнѣ хлѣба-соли откушать, а теперь, съ Богомъ, спать пора!» — А ямщикъ, говорить, гдѣ? Отпустить его! — «Здѣсь, молъ, сударь.» — «На, вишь, вотъ тебѣ; покуражься, борода!» — «Много, молъ, довольны вашей милостію»; ну и отпустилъ. «Карету, говорить, мнѣ шестерикомъ, чтобы въ первомъ часу: въ городъ, вишь, поѣду къ тятенькѣ....» Да всего-то оно будетъ, а и часу нѣтъ ввалился. Ну ужъ баринъ!

Я былъ удивительно доволенъ, болѣе, я думаю, даже, чѣмъ ямщикъ. И воображалъ я себѣ суматоху въ домъ родителей жены Василья Сергѣича, бѣготню, крикъ, электрическую быстроту, съ какой слухъ о скандальной исторіи разнесется по городу, и какъ изъ всего этого выростутъ толки, комментаріи и наконецъ сплетни, и какъ онъ допнуть въ тотъ же день, какъ мыльные пузыри!...

Я вышелъ изъ тарантаса, и велѣлъ себѣ приготовить чай въ той самой комнатѣ, гдѣ мы ночью встретились съ Васильемъ Сергѣичемъ и его невестой. Покуда Михай распоряжался, въ комнату отважно влетѣлъ господинъ въ сертукъ военного покроя, но

безъ энолетъ. Онъ подошелъ ко мнѣ чрезвычайно храбро, и, протягивая мнѣ руку, громко возгласилъ:

— Честь имѣю рекомендоваться! Здѣшній городничій, штабсъ-капитанъ Пичурай Петровъ Завалыкинъ.

— Очень радъ!—отвѣчалъ я.—Чаю не угодно ли?

— Нѣтъ-оъ, покорнѣйше благодарю: я самъ только что отъ чаю; а вотъ трубочки позвольте.

Я долженъ былъ передать ему свою, ту, изъ которой курилъ, потому что другой въ наличности не оказалось.

— Славная трубка! богатая трубка!—замѣтилъ онъ;—въ полку изроилили служить?

Я отвѣчалъ, что служу и до сихъ поръ, но въ полку, къ сожалѣнію, не имѣлъ чести служить.

Пичурай Петровичъ повертѣлся, помаялся, посмотрѣлъ во все углы, и наконецъ объявилъ мнѣ, что, такъ какъ нынѣшнюю ночью у такого-то обывателя города (онъ назвалъ чинъ, имя, отчество и фамилію) бѣжала дочь, и дошли до него слухи, что она уѣхала съ почтоваго двора, а я ночевалъ тутъ, то онъ пріѣхалъ спросить меня, какъ это случилось. Я отвѣчалъ ему, что ничего не видалъ и не знаю, потому что ночевалъ въ тарантасѣ. Серьезный тонъ мой, кажется, убѣдилъ его, и онъ, поговоривъ со мною о дѣлахъ постороннихъ, и замѣтивъ въ заключеніе о томъ, какія «нынѣше тяжелыя времена, и какъ много дѣла по его должности», расшаркался, и удалился.

Я напился чаю. Лошади были готовы. Надо было вѣхать. Не ждалъ же мнѣ было, покуда, пріѣхавъ въ городъ, Василій Сергѣичъ завернетъ и ко мнѣ съ визитомъ.

Только что мы тронулись со двора, сталъ накрапывать прямой и рѣдкій дождикъ — благодать для путника въ жаръ и пыль. Въ воздухѣ была невозмутимая тишь, и капли дождя, падая на землю и листья, производили тотъ же самый звукъ, какъ крупныя зерна, когда крѣстьянинъ, идя за сохою, сѣетъ. Сажень двадцать отъѣхали мы, не больше, что-то разстроилось въ упряжи, и ямщикъ долженъ былъ соскочить. Это было противъ самой харчевни, однояруснаго деревяннаго дома. Въ дверяхъ, полуоткрытыхъ, стоялъ ямщикъ и кучеръ Василія Сергѣича; первый, заваливъ голову нѣсколько на сторону, неопредѣленно смотрѣвъ въ даль; кучеръ, уже нѣсколько подрумянивши молодецкое лицо, наигрывалъ на балайку какую-то нескончаемую элегію, съ нѣжностію поглядывая на красивую молодую женщину въ парадъ зажиточ-

ной крестьянки, которая, не замечая дождя, стояла на улице, бокомъ прислонившись къ дому, и качала грудного ребенка... Дождь шелъ да шелъ. Рябины, ива и липа тихо-тихо перешептывались, можетъ быть рассказывая другъ другу какія-нибудь ночныя тайны. А изъ-за небольшого чернаго облака, солнце, слегка высушившись, ударило прямо на харчевню, обливая и ее и лица красноватымъ светомъ.

Когда ямщикъ опять сѣлъ на козлы, я собирался послать съ кучеромъ поклонъ Василью Сергѣичу, но позабылъ объ этомъ.

Мы поехали, а дождь все шелъ.

Хотѣлось мнѣ, по привычкѣ, спросить у Митя, куда это онъ пропалъ вчера, но и этого я почему-то не бдталъ.

Тройка летѣла тихо; дорога была гладкая и мягкая, тарантасъ качался, какъ люлька, а въ моей душѣ одинъ за другимъ вставали образы прошлой ночи, смѣнялись мечтами, другими воспоминаніями, мыслились, мыслились, и я наконецъ задремалъ...

Прошло около пятнадцати лѣтъ послѣ этого событія. Я случайно встрѣтился съ Васильемъ Сергѣичемъ: съ третьяго слова мы вспомнили о нашемъ ночномъ знакомствѣ. Вскорѣ мы сблизились, и тогда я раз-кзалъ ему, какъ и что я зналъ о его исторіи до почтоваго двора. Онъ тутъ же позволилъ мнѣ рассказать все, кому я вздумалъ. Жена его не сей-часъ меня узнала; и немудрено: и глаза у ней были заплаканныя въ то время, и не поднимала же она нѣхъ на меня. Но и съ ней мы скоро стали друзьями. Я узналъ отъ нихъ, что они въ день свадьбы въ двѣнадцать часовъ были уже въ городѣ, въ домѣ отца и матери Марьи Александровны, и что дѣло не только обошлось безъ сильнаго негодованія, но началось только слезами, а черезъ полчаса кончилось шампанскимъ. Я узналъ отъ нихъ... многое, очень многое узналъ я, но ничего болѣе не скажу вамъ. И знаете ли отъ чего? Сказать вамъ, что они черезъ пятнадцать лѣтъ все были счастливы, что у нихъ куча дѣтей, одно другаго лучше—вы, пожалуй, разсердитесь, что я сочинилъ для васъ мелодраму. Сказать, что взаимное чувство ихъ, непоощаженное всесокрушающимъ временемъ, мало по малу остыло, иступилось, такъ же какъ посѣдвали ихъ волосы и повывалились зубы, что онъ только вздѣтъ на охоту, да обращается съ женой не много лучше, чѣмъ съ ключницей, а она, между тѣмъ, подыскиваетъ къ дѣтямъ гувернеровъ посмазливѣе да половчѣе—вы, пожалуй, поверите, но прибавите: «обыкновенная исторія»...

Не легко угодить на васъ, читатель....

И. И.

Мелочи. У всякаго изъ насъ есть дѣла. Безъ дѣла, въ чемъ бы оно ни заключалось, хотя въ переливаньи изъ пустаго въ порожнее, въ глупыхъ направо и налѣво, въ заботахъ о новой полькѣ-редовѣ,—безъ дѣла невозможно жить, со скуки пропадешь. Конечно, дѣловыхъ людей не такъ-то много на свѣтѣ, но и бездѣльнымъ никого нельзя назвать: обидно, да и несправедливо. Тѣ дѣлецъ, самъ по себѣ, одна индивидуальность; а это говорить о дѣлѣ, самъ по себѣ, совершенно другая личность. У одного дѣло кипитъ, всегда въ шляпѣ, всегда мастера боится; у другого дѣло не кипитъ, не спорится: но все-таки дѣло не медведь, не уйдетъ, и все мы дѣловые. Но дѣло-то не въ томъ: известно, что во всякомъ дѣлѣ умъ хорошо, а два лучше, что никогда не мешаетъ спросить совета у добрыхъ людей. Безспорно, на недостатокъ такихъ добрыхъ людей грѣхъ пожаловаться: въ чемъ другомъ—а въ советахъ никогда не откажутъ, и лишь бы дѣло не касалось денегъ, готовы оказать самое сердечное участіе.... Но, давно сказано, что нѣтъ правила безъ исключеній: такое же исключеніе, въ настоящемъ случаѣ, изъ этого умильнаго участія ближняго къ ближнему, этого круговаго сочувствія къ его горю и радости,—такое исключеніе составляютъ.... литераторы, разумеется въ отношеніи другъ къ другу. Партіи, приходы, кружки, камаратство (извините!), кумовство, амитріонство, меценатство, самостоятельность, убѣжденіе, чаще всего—самолюбіе, играютъ у нихъ такую многозначительную, первенствующую роль, до того вмешиваются во все дѣйствія, что взаимному участію не остается мѣста даже на вершокъ. (Не надобно, кажется, пояснять, что это относится только до «литературныхъ дѣлъ»; во всѣхъ другихъ случаяхъ литераторы оказываются, большею частію, очень хорошими, очень добрыми, гуманными и весьма почтенными людьми.) Попробуйте, напримеръ, смѣшать Катутла съ Тибуллою, алмаандскую литературу съ фламскимъ полотномъ, попробуйте выстроить какую-нибудь избушку на курьихъ ножкахъ, или карточный домикъ: что же? Вы думаете, что все литераторы прольютъ слезы участія къ такой бѣдѣ, постигнувшей ихъ собрата, посыплютъ голу пепломъ; въ знакъ искренняго своего соболезнованія, что рецензіи на вашу книгу выйдутъ съ траурной коймой? Нѣтъ, нѣтъ. Никто и знать не захочетъ, что это сдѣлалось безъ умысла, въ простотѣ сердца, ни одно перо не прольетъ слезинки участія къ вашему заблужденію, ни одинъ литературный голосъ не отвѣтится сочувствующимъ воплемъ на промахъ своего собрата.... Съ радостію,

съ наслажденіемъ поспѣшать доказать вамъ, что Катюль самъ по себѣ, а Тибуллъ самъ по себѣ, да еще прибавить и Проперція, что фламское полотно выдвывается въ Костромской губерніи, а фламидская литература живетъ неподалеку отъ Голландіи; избушку вашу разберутъ по жердочкамъ, а домикъ и пальцемъ трогать не станутъ—а такъ просто дунуть—и разсыплются карточки.... Больно и грустно видѣть такое отсутствіе единодушія въ дѣлѣ общемъ, такую нечеловѣческую радость при бѣдѣ ближняго. И пускай бы ~~одни~~ такъ называемые «враги» (а врагомъ, на литературномъ языкѣ, имѣете право назвать всякаго, кто не считаетъ васъ гениемъ, и ~~самъ~~ ^{самы} ~~норовитъ~~ ^{норовятъ} записаться кандидатомъ на это званіе)—пускай бы одни враги выражали такую непримичную радость: и друзья, принадлежащіе къ одному приходу съ попавшимъ въ просакъ, дѣлаютъ то же самое, то есть утѣшаютъ въ глаза и раопускаютъ, печатно и письменно, самые неблагонамѣренные слухи касательно ума и учености своего друга.... Да чтó такое друзья? Кстати бы вспомнить объ нихъ известную французскую поговорку; но она еще недавно была съ такимъ блестящимъ успѣхомъ употреблена въ одномъ полемическомъ спорѣ, что послѣ этого, до поры до времени, ее уже не зачѣмъ призывать въ свидѣтели.... Однимъ словомъ, въ «дѣлахъ литературныхъ» необходимы совѣтники безпристрастные, благонамѣренные, дѣловые, проникнутые гуманностію. Гдѣ же взять такихъ совѣтниковъ, къ кому обратиться въ случаѣ надобности и съ полною увѣренностію, что подлежащее разсмотрѣнію совѣтника «литературное дѣло» будетъ обдѣлано на славу, къ обоюдному удовольствію и къ пользѣ отечественной литературы?—Совѣтники такіе есть. Читайте:... «*NN.... даетъ совѣты по дѣламъ юридическимъ и литературнымъ* (объявленіе въ Вѣдомостяхъ Московской Полиціи, N 210). Чтó за добрая душа эта цивилизація, какими благодѣяніями даритъ насъ она! Въдѣ это просто кладъ для литераторовъ. До юридическихъ дѣлъ намъ дѣла нѣтъ, совѣтниковъ на нихъ много; о томъ, чтó за связь существуетъ между ними и литературою, мы не заботимся (хотя смѣемъ полагать, что объявитель хотѣлъ этимъ намекнуть на присвоеніе чужихъ мыслей, чужихъ трудовъ, короче, на право литературной собственности); главное для насъ—дѣла литературныя. Благо, положено начало такому отличному предпріятію; нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно не замедлитъ развиться. Огкроются конторы для литературныхъ дѣлъ, какъ давно уже существуютъ конторы маклеровъ и нотаріусовъ, агентства и коммисіонерства;

конторы разовьютъ свою дѣятельность — и процвѣтетъ наша литература, и встанетъ для нея золотой вѣкъ, и сдѣлаются наши литераторы однимъ другаго гениальнѣе, и перестанутъ смѣшивать Катилла съ Тибуллоу, а вмѣсто избушекъ выстроятъ великолѣпныя палаты... Но будь, что будетъ, а пока мы осмѣливаемся попросить у господина NN кое-какихъ совѣтовъ по «литературнымъ дѣламъ.» Дѣлъ этихъ у насъ многое множество: выбираемъ первыя, какія попали на умъ. Напримѣръ: «Москвитянинъ» почти въ каждой книжкѣ своей печаталъ и печатаетъ любопытнѣйшіе историческіе матеріалы. Что же говорить про это литераторы, какъ думаете вы, г. совѣтникъ? Навѣрно, благодарятъ, одобряютъ журналъ, обнаруживающій важныя историческіе акты—такъ полагаете вы? То-то и есть, что не благодарятъ и не одобряютъ, а отзываются въ слѣд. выраженіяхъ: «Какая сущь, какая коржавая старина, что за отсталость, кому любопытно знать это!» Извольте видѣть: хорошо. Нѣсколько времени (около года), распространяя прочіе отдѣлы журнала, Москвитянинъ началъ удѣлять менѣе мѣста историческимъ матеріаламъ. Что же сказали литераторы? Похвалили? То-то и есть, что нѣтъ, а съ сожалѣніемъ замѣтили, что Москвитянинъ напрасно увлекся охотою большинства публики до легкаго чтенія (Мы и не думали увлечься: легкое чтеніе идетъ въ нашъ журналъ само по себѣ, а единственное въ Россіи древлехранилище издателя по прежнему обогащаетъ науку драгоценными историческими матеріалами.) Посоветуйте же, г. совѣтникъ, что намъ дѣлать въ такомъ литературномъ дѣлѣ? — Далѣе. Въ первые два года своего преобразования (т. е. со времени изданія въ 24-хъ NN), Москвитянинъ выходилъ книгами средней величины (12—15 л. въ каждой). Литераторы-издатели замѣчали, что этого мало, что публика требуетъ отъ одной книги на мѣсяцъ чтенія. Съ увеличеніемъ матеріальныхъ средствъ журнала, Москвитянинъ сталъ выходить книжками объемомъ гораздо болѣе прежнихъ (до 40 листовъ въ мѣс цѣ). Что же сказали о такомъ увеличеніи гг. литераторы? Остались довольны? Нѣтъ: «это слишкомъ много, публику не надо приучать къ толстымъ книжкамъ», сказали они. Да еще вздумали и уличать: вы, де, сами вооружались противъ толстоты книжекъ, (хотя Москвитянинъ никогда не вооружался противъ толстоты книжекъ, а противъ ихъ балласта, противъ наполненія ихъ всякою всячиною, лишь бы были толсты; хорошаго же чѣмъ больше, тѣмъ лучше). Что вы на это скажете, г. литератур-

ный совѣтникъ?—Еще-съ: г. Галаховъ, въ своей Хрестоматіи, заблагоразсудилъ изложить клеѣма на стихи Ломоносова, Державина и еще кого-то изъ свѣтилъ нашей словесности, какъ тѣмъ, которые не могутъ служить образцами поэзіи для его учениковъ. Это плохо-литературное дѣло съ рукъ сошло г. составителю Хрестоматіи. Въ настоящее время, Москвитянинъ изшелъ справедливымъ отнѣтитъ подобными же зазвочками некоторые современные романы, фабрикующие некоторыми литераторами, адептѣ и строемъ, по методу Сю, Дюма и Фенала. Что же сказали литераторы объ этомъ мѣшѣ? Назвали его неумѣньемъ цѣнить современные «беметрическіе таланты». Справедливо ли это, г. совѣтникъ?—Потомъ, Г. Новый Поэтъ нависалъ нѣсколько отчаянныхъ пародій на Пушкина, Лермонтова и Языкова. Г. Эрастъ Благодравовъ, прекрасный молодой человекъ, подающій большія надежды, по признанію самихъ враговъ его, принялъ на себя смѣлость (не скажемъ трудъ ему пародіи ни почемъ) смѣлость пародировать самого Нового Поэта. Москвитянинъ напечаталъ пародіи Эраста Благодравова, публика смѣялась, читала ихъ; а что сказали литераторы? Они пришли въ негодованіе и назвали это.... чуть-чуть не конунствомъ. Гдѣ же тутъ истина, г. совѣтникъ по литературной части?—Наконецъ. Съ настоящаго года, Москвитянинъ сталъ помѣщать подробные разборы почти всѣхъ Русскихъ журналовъ, литературныхъ и специальныхъ, отдавая справедливость хорошему, и выставляя недостатки того, что кажется ему неудовлетворительнымъ. Другіе журналы также заводятъ иногда рѣчь о Москвитянинѣ—то подъ рубрикою «Писемъ многогороднаго подписчика», то подъ видомъ «осеннихъ походовъ»; но что же они говорятъ? Исчисляють замѣчательныя статьи, разбирають ихъ, излагають свои мнѣнія? Нѣтъ, сто разъ нѣтъ. О большей части статей *умалчивается*, о немногихъ говорится по два, по три слова; а обыкновенно берется нѣсколько отрывочныхъ фразъ, откуда попало, иногда безъ всякой связи, и надъ ними-то тыкать свое остроуміе, изощрять свою ученость многогородный подписчикъ, на нихъ-то ополчаются осенніе походы. Если же случится когда говорить о какомъ-нибудь замѣчательномъ произведеніи, помѣщенномъ въ Москвитянинѣ, то и помину нѣтъ, что оно было напечатано въ Москвитянинѣ. Литературно ли это уже вовсе не литературное дѣло, добросовѣстно ли подобное умолчаніе?... Не вѣтъ, кажется, стало грустно выслушивать абѣ-какіе не совсѣмъ благовидные факты по части литературныхъ дѣлъ.—Довольно на первый разъ. Извините—и до свиданія.

— Смирдинъ оказалъ важную услугу Русской литературѣ изданіемъ «Полнаго Собранія сочиненій Русскихъ авторовъ»,—важную особенно потому, что это изданіе познакомило нѣкоторыхъ нашихъ критиковъ съ писателями, которыхъ они знали прежде по слухамъ или по хрестоматическимъ отрывкамъ, и вызвало нѣсколько дѣльных критическихъ монографій въ тѣхъ самыхъ журналахъ, гдѣ, бывало, такъ разсуждали о нашихъ старыхъ писателяхъ, что хоть уши заткни. Г-ну И. М. представляется теперь прекрасный случай познакомиться съ книгою, которая вышла давно: Исторія Карамзина печатается Смирдинымъ, въ его новомъ изданіи. Она умѣстится въ 10 томахъ и будетъ продаваться по 10 р. с. Это новое изданіе по счету *шестое*.

— Сюрпризъ дѣдушкѣ Крылову. Басни его положены на музыку, для пѣнія одного голоса, съ аккомпаниментомъ фортепіано, молодымъ композиторомъ А. Рубинштейномъ. Выбора этого удостоились: Орелъ и Кукушка, Оселъ и Соловей, Стрекоза и Муравей, Квартетъ, Парнасъ, Ворона и Курица. Тотъ же композиторъ, написалъ оперу: «Димитрій Донской.»

— Національность дѣлаетъ быстрые успѣхи. Такъ, въ музыкѣ, кромѣ Мужика-польки, Акулины и Аэросиньи-польки, мы приобрѣли въ недавнее время Ваньку-Таньку-польку, Степку-растрепку-польку и Антипку-польку; сюда же относится и Крамбабуля-галопъ. Всѣ они милы, граціозны и проникнуты народностью; но первенство, и по времени, и по достоинству поэтическому, принадлежитъ Ванькѣ-Танькѣ, вызванной пѣснію этого же имени. Нынѣшнимъ лѣтомъ, Петербургскіе цыганоманы приходили въ неописанный восторгъ отъ Ваньки-Таньки, распѣваемой цыганскимъ хоромъ; смуглая примадонна, отличавшаяся въ ней, производила «фуроръ», собирала обильныя рукоплесканія, цвѣты и деньги въ кассу антрепренера; за цыганоманами и большинство публики заинтересовалось воспитательною Ванькою-Танькою,—и вотъ дитя кочевой фантазіи положено на музыку, на мотивъ его написана полька, его играютъ и въ салонахъ, и на уличныхъ шарманкахъ.... Что же это за счастливецъ, Ванька-Танька? Не угодно ли послушать:

Въ селѣ маломъ Ванька жилъ,
Ванька Таньку полюбилъ.
Тиррр.... тиррр.... го, го, го,
Ванька Таньку полюбилъ.

Ванька съ Танькою сидитъ,
 Ванькѣ Танька говоритъ
 Тпррр... тпррр... го, го, го,
 Ванькѣ Танька говоритъ:

Ванька соколъ удаюй,
 Танькѣ пѣсеньку пропой.
 Тпррр... тпррр... го, го, го,
 Танькѣ пѣсеньку пропой.

Ванька дудочку беретъ,
 Танькѣ пѣсеньку поетъ.
 Тпррр... тпррр... го, го, го,
 Танькѣ пѣсеньку поетъ.

Каково? — Удивительно, поэтично, а главное, народно до нельзя. Рекомендуемъ Петербургскимъ дилетантамъ подобное же произведение неизвѣстнаго поэта: «Жили были мужики, росли грибы рыжики». Въ немъ они найдутъ еще болѣе ума, чувства и смысла (*)...

— Это новость по части поэзіи и музыки; а по части модъ очень пріятно извѣстить нашихъ читателей, что между Петербургскими дамами нашлись почитательницы *блументизма*. Приводимъ подлинныя слова фельетониста одной Петербургской газеты: «На прошедшей недѣлѣ, мы видѣли въ Александринскомъ театрѣ нѣскольکو дамъ въ фракахъ и жилетахъ. Этотъ костюмъ входитъ, какъ кажется, въ моду, и хотя не смѣетъ еще появляться въ Итальянской оперѣ и Михайловскомъ театрѣ, но въ Александринскомъ и на небольшихъ раутахъ, извѣстныхъ, въ среднемъ кругу нашего общества, подъ именемъ *журъ-фиксовъ* (*jours fixes*), или пріемныхъ дней, шелковые фраки и жилеты появляются довольно часто. Надѣваютъ ихъ также и для утреннихъ визитовъ. Мнѣ, признаюсь, не нравится это нововведеніе. Я видѣлъ недавно шелковый фракъ изъ розоваго *roul-de-soie* (пу-де-суа) съ такой же юбкой, бѣлымъ жилетомъ изъ пике, шитымъ въ гладь бумагой, застегнутымъ до верху бронзовыми пуговками, и съ галстукомъ изъ чернаго бархата. Великолѣпно, а право не хорошо. Гораздо больше идетъ этотъ костюмъ для верховой езды, и то изъ сукна темныхъ цвѣтовъ, а не изъ шелковыхъ матерій. Впрочемъ у всякаго свой вкусъ, о вкусъ же, какъ говорить, спорить нельзя, да и не стоить спорить о такомъ невинномъ вкусѣ; только, если перенимать у мужчинъ, то мы посоветовали бы прекрасному полу перенять что-нибудь другое, а не уродливые наши костюмы.» — А что вы скажете о «невъразимыхъ», составляющихъ основу блументическаго наряда? Стоитъ ли перенимать ихъ? Въ одномъ изъ Петербургскихъ

(*) По новѣйшимъ извѣстіямъ, Ванька-Танька удостоилась чести быть переведенною на Французскій языкъ: Wanka-Tanka.

ходныхъ магазиновъ выставлена кукла, одѣтая вполне à la Blummet, и многія изъ прекраснаго пола находятъ, что это очень мило.

— Тотъ же фельетонистъ сообщаетъ новость, которая для насъ, Москвичей, особенно для непрекраснаго пола, гораздо любопытнѣе извѣстiя объ успѣхахъ блумеризма. Можетъ быть, вы не забыли одного важнаго происшествiя, которымъ ознаменовался прошедшiй годъ для Москвы: здѣсь былъ Петербургскiй путешественникъ, собиравшiй «impressions du voyage.» На Московскихъ улицахъ онъ не встрѣтилъ ни души, въ театрѣ видѣлъ одни пустыя ложи и кресла, въ Собранiи одни стѣны, въ клубахъ однихъ швейцаровъ, въ обществахъ одинъ самоваръ, а литература, бѣдная Московская литература не догадалась произвести, въ честь его прiѣзда, ничего замѣчательнаго... «Какая пустота въ этой старой Москвѣ,» зная произнесъ Петербургскiй путешественникъ, и, зная, отправился домой.... Но, виноваты: мы рассказываемъ старое и отчасти извѣстное читающей публикѣ, потому что г. путешественникъ напечаталъ свои дорожныя впечатлѣнiя. — Истекающiй годъ также ознаменовался подобнымъ событiемъ. Былъ здѣсь у насъ.... Впрочемъ лучше разсказать словами самого фельетониста.... «Встрѣтилъ я (т. е. самъ фельетонистъ) недавно одного Петербуржца, который не былъ въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ сряду, и только что изъ Москвы ворогился, проживъ тамъ *цѣлый* (!!) сутки. Двадцать четыре часа не много времени, но Петербуржецъ, человекъ запятой (*помилуйте, кто же смѣетъ сомнѣваться въ этомъ!*), привыкшiй дорожить каждой минутой (*это также очень извѣстно*), умѣлъ употребить и это время съ пользою (*мы увѣрены вполне*). Онъ успѣлъ замѣтить, что Москва очень украсилась (*покорнѣйше благодаримъ!*), что въ ней выстроено, въ послѣднiя пять лѣтъ, много великолѣпныхъ домовъ (*кланяемся низко!*), заведены плиточные тротуары, вместо прежнихъ кирпичныхъ, и спиртовые фонари на Тверской, (*благодаримъ, благодаримъ!*), что невѣроятно увеличилось число вывѣсокъ, между которыми попадаются прекурьюзныя (*о горе, горе намъ, о страшная неужода!*). Онъ замѣтилъ, напримѣръ, по Моховой въ домѣ, кажется, Хавскаго, вывѣску слѣдующаго содержанiя: «Изъ С. Петербурга. Одобренныя журналами издѣлiя Ивана Трухачева.» — Что жъ это за издѣлiя? спросить я его. — «Дѣтскiя игрушки!» — Онъ успѣлъ побывать и въ театрѣ, гдѣ ему наговорили множество лестныхъ вещей о нашихъ Самойловыхъ, въ особенности же о младшей, Ирѣ Васильевнѣ, произведшей въ Москвѣ *figo*. Одинъ изъ самыхъ жаркихъ поклонниковъ ея дарованiя выразился о ней слѣдующимъ образомъ: «Бывалъ я и на западѣ, видѣлъ знаменитую Рахиль (замѣтите, не Рашель), и нахожу, что прославленная Рахиль не стоитъ и ноготка нашей Русской лицедейки.» — Какой же страшный критиканъ долженъ быть этотъ Петербургскiй путе-

пешеходникъ, и какъ милостива къ намъ судьба, что она пробьла въ Москвѣ только одинъ сутки,—подумали мы, и вспомнили стихи:

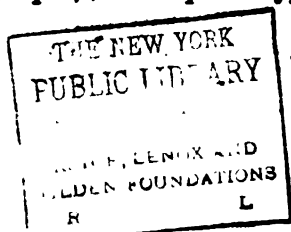
«Съ кого они портреты эти пишутъ?

«Гдѣ разговоры эти слышатъ?»

Петербургскій путешественникъ успѣлъ замѣтить еще, что «железную дорогу зовутъ въ Москвѣ чугушкой», и что «какой-то лихачъ берется обогнать паровозъ на тройкѣ» (?!). На послѣднее замѣчаніе позвольте замѣтить, что хотя Петербургскій путешественникъ и дѣловой человекъ, но здѣсь говоритъ, кажется, не дело...

— С. Петербургскія Вѣдомости обычающія подвергнуться «важнымъ и счастливымъ преобразованіямъ», при сотрудничествѣ такихъ знаменитыхъ писателей, каковы г. И. М., г. Ф., г. В. П., они приобрѣли себѣ новаго, не менѣе знаменитаго сотрудника, скрывшаго свое имя подъ фирмою трехъ заглавокъ. Въ 269 N этой господни помѣстилъ статью: «Мишино-Рафаэлевскіе картоны», принадлежащіе г. Лухманову, въ которой съ удивительнымъ юморомъ рассказываетъ это дѣло, уже рѣшенное безпристрастными знатоками искусства, мимоходомъ задѣваетъ за «шпиль» (см. 22 N Москвитина), а въ заключеніе, предполагалъ, что Рафаэлевскіе картоны находятся уже не въ Англіи, «поздравляеть Москву съ ея приобретениемъ.» Но пока довольно объ этомъ, потому что гг. Петербургскіе путешественники вѣроятно еще не рѣзъ удостоить насъ своимъ посѣщеніемъ...

— Для тѣхъ, кто принимаетъ участіе въ успѣхахъ Русскаго коннозаводства, вѣроятно любопытно будетъ слѣд. объявленіе известнаго нашего заводчика Д. П. Воейкова, напечатанное въ Спб. Вѣд. (N 268): «Жеребцы «Необыкновенный» и «Высокій», моего завода, сыновья известнаго «Полкана», были проданы мною нынѣшнимъ лѣтомъ, въ С. Петербургѣ. Между тѣмъ, злобно разнесенный слухъ, будто они еще прежде отданы были мною другому, успѣлъ поколебать въ покупателей довѣріе ко мнѣ и звать ихъ въ заблужденіе. Продажа эта не состоялась, лошади были мнѣ возвращены, и теперь вновь находятся у меня. Дорожа добрымъ именемъ и репутаціею своего завода, я, въ опроверженіе этого ложнаго слуха, вынужденъ прибѣгнуть къ настоящей публикаціи, и предложить двадцать пять тысячъ рублей серебромъ тому, кто въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, со дня этого объявленія, представитъ мнѣ жеребцовъ «Необыкновеннаго» и «Высокаго» въ заводъ мой, находящійся Тамбовской губерніи Козловскаго уѣзда, въ селѣ Александровѣ, при Дальней рѣкѣ Сурень.»

APR 12 1963

1

